

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИМЕНИ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ»

КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Б.Н. ЕЛЬЦИНА

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

**Сборник статей
Международной научно-практической конференции,
проведенной в рамках
I Международного лингвокультурологического форума
«Лингвокультурология и коммуникативная реальность XXI века:
новые вызовы – новое осмысление»**

Москва, РУДН, 19–20 октября 2023 г.

Москва
Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы
2024

*Издание подготовлено в рамках проекта № 202802-2-000
«Лингвокультурологическое исследование коммуникативной реальности
современной России» Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН*

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка
и лингвокультурологии института русского языка
Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы *В.В. Воробьев*;
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка
и лингвокультурологии института русского языка
Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы *М.Л. Новикова*;
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка
и лингвокультурологии института русского языка
Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы *Д.С. Скнарев*

Под редакцией

В.В. Воробьева, М.Л. Новиковой, Д.С. Скнарева

Составители:

Ю.А. Воропаева, М.В. Китаева, Е.Ю. Куликова

Л59 **Лингвокультурологические чтения** : сборник статей Международной научно-практической конференции, проведенной в рамках I Международного лингвокультурологического форума «Лингвокультурология и коммуникативная реальность XXI века: новые вызовы – новое осмысление». Москва, РУДН, 19–20 октября 2023 г. / под редакцией В. В. Воробьева, М. Л. Новиковой, Д. С. Скнарева. – Москва : РУДН, 2024. – 510 с. : ил.

В сборнике представлены статьи участников I Международного лингвокультурологического форума «Лингвокультурология и коммуникативная реальность XXI века: новые вызовы – новое осмысление».

Издание предназначено для филологов, лингвистов, преподавателей РКИ, культурологов, психологов и широкого круга читателей, интересующихся вопросами языка и культуры.

Статьи публикуются в авторской редакции. Автор несет полную ответственность за точность сведений и цитат, приводимых в статье.

Мнение составителей сборника может не совпадать с мнением авторов статей.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ ФОРУМА	9
<i>Скнарев Д.С.</i> Два насыщенных дня. О проведении I Международного лингвокультурологического форума.....	13
ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ	
<i>Воробьев В.В.</i> Коммуникативная лингвокультурология – авангардное направление в XXI веке.....	17
<i>Карасик В.И.</i> Символизация как лингвокультурный вектор осмысления реальности.....	22
<i>Маркелова Т.В., Петрушина М.В.</i> Семиосфера концептов «сила vs слабость» в русской фразеологии: аксиологический аспект.....	27
<i>Маслова В.А.</i> Лингвокультурология сегодня: важнейшие проблемы и пути их решения..	30
<i>Садыкова С.З., Абдыкеримова А.Э.</i> Развитие лингвокультурологической науки в Кыргызстане.....	36
<i>Хайруллина Р.Х.</i> Лингвокультура народа как отражение его жизни.....	43
ДОКЛАДЫ УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ	
<i>Абдуазизова Д.А.</i> Социолингвистические, лингвокультурологические и когнитивные аспекты невербальной коммуникации в разных лингвокультурах.....	49
<i>Алексюк Ю.В.</i> Тюркизмы религиозной сферы в текстах современных музыкальных композиций на русском языке: прагматический аспект.....	55
<i>Алистратова Ф.И.</i> Межкультурная коммуникация иностранных студентов в процессе обучения в аграрном вузе как условие развития социокультурной компетенции.....	57
<i>Аяри Эмна</i> Особенности работы преподавателя русского языка как иностранного в иностранной аудитории.....	58
<i>Бахман Б.Н.</i> Роль религиозных пословиц в мотивации иранских студентов к изучению русского языка.....	60
<i>Беданоква З.К.</i> Феномен эвокативности или лингвокультурологическая ценность демотиваторов в интернет-пространстве.....	65
<i>Безрукова К.С.</i> О взаимосвязи лингвокультурологии и лингвоаксиологии.....	70
<i>Бекасова Е.Н.</i> Лингвокультурологический потенциал преподавания русского языка в школе.....	72
<i>Бекезина Т.А.</i> Лингвокультурологические аспекты межкультурной коммуникации в полиэтнической группе: проблемы и пути решения.....	74
<i>Берзегова Л.Ю., Нетесина М.С., Макарова И.И.</i> К вопросу о семантике некоторых наименований еды в персидском и русском языках.....	77
<i>Бирюкова Е.А.</i> Разница смысловых значений термина «общение» в русской и китайской этнокультурах.....	80
<i>Богачанова Т.Д.</i> Текстовое воплощение лингвокультурологического направления в межкультурной коммуникации.....	82
<i>Боженкова Н.А., Сёмке Т.И.</i> Лингвоаксиология как ядро транскультурного подхода в практике преподавания РКИ.....	85
<i>Борченко В.С.</i> Лингвокультурологический потенциал мультфильмов на занятиях по РКИ на довузовском этапе: традиционная и онлайн-формы.....	89
<i>Бражник Л.М.</i> Специфика обучения русскому языку как иностранному арабоязычных обучающихся на примере межъязыковых омонимов.....	91
<i>Будман Ю.Д., Мальшева В.С.</i> Речевой портрет русскоязычного израильтянина в современной израильской киноиндустрии. Лингвокультурологический аспект.....	94
<i>Бурдина А.С.</i> Выявление концептосферы слова “Любовь” в сборнике А. Ахматовой «Вечер» на основе функционального анализа лирических текстов.....	97

<i>Бурцева И.Ю.</i> К вопросу о формировании межкультурной компетенции в рамках обучения иностранному языку.....	102
<i>Вайрах Ю.В.</i> Соматические признаки макроконцепта РОД.....	104
<i>Ван Жань</i> Специфика невербальной составляющей инаугурационного дискурса в РФ и КНР.....	107
<i>Ван Пэнфэй</i> Образ Урала в сказе П.П. Бажова «Хозяйка Медной горы»	110
<i>Ван Ши</i> Лингвокультурологический vs аксиологический подходы в образовании как сфера практического применения лингвокультурологии.....	112
<i>Вепрева И.Т., Шалина И.В.</i> Лингвокультурный типаж женщины-донора ооцитов.....	114
<i>Веретенникова А.Е.</i> Лингвокультурологический компонент в содержании обучения (ESP)	117
<i>Виноградова Е.В.</i> Межъязыковая асимметрия судостроительной терминологии в русском и английском языках (лингвокультурологический аспект)	120
<i>Владимирова Т.Е.</i> Лингвокультурологическая концепция «Книги о русском языке и культуре»	123
<i>Воркачев С.Г.</i> Лингвокультурология и лингвокультурная семиотика национальной геральдики.....	126
<i>Выходцева И.С., Любезнова Н.В.</i> Ключевые слова советской словесной концептосферы.....	131
<i>Габдреева Н.В.</i> Лакунарность как лингвокультурологическая проблема.....	134
<i>Галеев Т.И.</i> Адаптация сословных терминов иноязычного происхождения в русском языке (на примере анализа лексического фона и идиоматики лексемы «Граф»).....	136
<i>Гатина А.Э.</i> Нормы языка и нормы современной коммуникации.....	139
<i>Гладкова Н.Н.</i> Аксиологические основы формирования вторичной языковой личности иностранного военнослужащего.....	145
<i>Гончарова Н.Н.</i> Флирт или ирония: графическая и вербальная репрезентация эмоции....	148
<i>Гурылева А.В., Коренева А.В.</i> Особенности проведения лингвокультурологических уроков.....	151
<i>Гусакова Т.И., Иванчук М.С., Онянова А.Н.</i> Использование языка-посредника в процессе обучения русскому языку как иностранному.....	155
<i>Данич О.В.</i> Лингвокультурные символы в контексте формирования лингвокультурной грамотности белорусских младших школьников.....	158
<i>Денисултанова В.Д.</i> Тематические занятия по РКИ с лингвокультурологическим компонентом (на примере темы «Масленица»)	161
<i>Дивисенко О.В., Май Л.И.</i> Религиозный дискурс на уроке РКИ: лингвокультурологические аспекты формирования коммуникативной компетенции.....	163
<i>Димитриева О.А.</i> Вакхический ход культуры: интерпретация ситуации винопития в мире художественного произведения.....	166
<i>Дин Лина</i> Фитонимы <i>хлеб, трава</i> в русских и китайских фразеологизмах с религиозным компонентом (лингвокультурный анализ)	168
<i>Дмитриева Н.М., Авдеева А.Е.</i> Лингвокультурологический анализ «Сказки о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина.....	171
<i>Дуань Сяоли</i> Иноязычные вкрапления как языковые средства создания юмористического эффекта в оригинале и переводе.....	174
<i>Душенко А.А., Михеева Т.Б.</i> Межкультурная компетенция студента-лингвиста: содержательные и методические аспекты.....	177
<i>Дьяченко Ю.А.</i> Концепт «дорога» в фольклорном тексте (на примере русских частушек)	180
<i>Ельцова Е.Н.</i> Геокультурный образ страны в лингвокультурологическом аспекте преподавания русского языка как иностранного.....	183

<i>Емельянова Н.А.</i> Когнитивно-прагматические характеристики маркетингового дискурса.....	186
<i>Ергазы Н.</i> Особенности перевода вежливых выражений с культурной мотивацией с казахского языка на русский язык.....	189
<i>Еремина Е.В.</i> Проблемы функционирования русского языка на постсоветском пространстве (на примере Кыргызстана)	192
<i>Еремина С.А., Дзюба Е.В.</i> Учебник русского языка как лингвокультурный феномен.....	197
<i>Жандарова А.С., Корзин А.С.</i> Изменение тональности в переводе с английского на русский язык на материале научно-популярных текстов.....	201
<i>Жун Кунь</i> К вопросу об употреблении русских речевых этикетных формул в китайской культуре.....	205
<i>Жэнь Чуньянь</i> К описанию отношений антонимов-концептов в аспекте РКИ (на материале «Словаря русской ментальности»)	207
<i>Захарова Н.Н.</i> Образ Тулы как провинциального города в русской национальной картине мира.....	210
<i>Захидова Л.С.</i> Работа с переводом текстов таджикских авторов как один из способов изучения русского языка.....	213
<i>Зиновьева Е.И.</i> Параметры лингвокультурологического рассмотрения исторической фразеологии русского языка.....	215
<i>Зотова А.С.</i> Лингвокультурологические аспекты семиотики в маркетинговых коммуникациях: от знака к социальной практике.....	219
<i>Зюкина З.С.</i> Лингвокультурология – правовая культура – язык.....	221
<i>Исакова М.Т.</i> Обозначение эмоций в художественном тексте как источник лингвокультурологической информации.....	223
<i>Исхакова Э.В., Смирнова В.А.</i> Лингвокультуремы в оригинале и переводе художественного текста Дж. Барнса «Попугай Флобера»	229
<i>Ицкович Т.В.</i> Лексема «надежда» в восприятии современного студенчества.....	232
<i>Кабулов С.Т.</i> Лингвистические основы обучения русскому языку учащихся иноязычных групп.....	235
<i>Казорина А.В.</i> Мотивирующие признаки концепта Воланд в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»	237
<i>Каримходжаев Н.Ш.</i> Некоторые вопросы взаимовлияния русского и каракалпакского языков.....	240
<i>Кашапова Г.С.</i> Особенности переводческих соответствий в художественном тексте (на материале романа Дж. Ф. Купера)	244
<i>Киров Е.Ф.</i> Лингвокультурология в составе филологокультуроведения.....	249
<i>Кирокосьяну Г.А.</i> Преподавание и взаимопонимание в поликультурном языковом пространстве.....	251
<i>Колесникова Л.Н.</i> Взаимосвязь лингвокультурологии с межкультурной коммуникацией и риторикой.....	254
<i>Кольцова Л.М., Чигирева Е.М.</i> Воронежская педагогическая эвристическая школа: уроки прошлого для благополучия будущего.....	257
<i>Кольщикова О.Н., Колмагорова К., Жалмурзина З.</i> Универсальные средства межкультурной коммуникации на территории многонационального университета.....	260
<i>Конищева Л.С.</i> Лингвокультурный код региона в содержании обучения РКИ (на материале Тюменской области)	263
<i>Кончаревич К.</i> Русские фразеологизмы сквозь призму теолингвистики.....	266
<i>Королева О.А.</i> О лингвокультурологическом потенциале древнерусских топонимов.....	271
<i>Крайнова А.С.</i> К вопросу об этнических гетеростереотипах как компоненте русского национального характера.....	273

<i>Красоцкая М.Д.</i> Отражение социального статуса в употреблении идиом (на материале мультфильма «As Told By Ginger»)	275
<i>Кривенькая М.А.</i> Художественные образы и культурный код нации: лингвокогнитивные аспекты диалогического дискурса.....	278
<i>Лепкова А.С.</i> Лингвокультурологический аспект в преподавании русского языка иностранным студентам-журналистам.....	281
<i>Ли Аньци</i> Российская лингвокультурология и культурная лингвистика на Западе и в Китае.....	283
<i>Ли Сюэ</i> Эффективность культурной коннотации как дополнение к материалам для изучения китайского языка русскоязычными студентами с точки зрения лингвокультурологии (на примере сопоставления русского глагола «Есть» и китайского слова «吃 Чи»)	286
<i>Ли Фанхуа</i> Приемы лингвокультурологического комментирования лексических единиц с национально-культурным компонентом на занятиях по РКИ в китайской аудитории (уровень В1)	288
<i>Лопатина С.С.</i> Развитие межкультурных компетенций студентов (на примере изучения дисциплины «Русский язык и культура речи»)	291
<i>Лэн Цзяжуй</i> Российские конфеты в китайской рекламе.....	293
<i>Лю Ин</i> Интерпретация пространственной перспективы времени в русском языке.....	296
<i>Лю Сянюй</i> Лингвокультурологические тексты и совершенствование русской речевой компетенции у студентов из Китая.....	299
<i>Ляшенко Т.М.</i> Архетипический литературный образ в межкультурном диалоге.....	301
<i>Макашова В.В.</i> Концептуальная метафора как способ репрезентации традиционных ценностей русского лингвокультурологического сообщества (на материале педагогических трудов Е.А. Ямбурга)	303
<i>Маккавеева Ю.А.</i> Эволюция образа ортодоксальных евреев в современном израильском кинематографе: смена парадигмы.....	306
<i>Максимчук Н.А.</i> Имя собственное и его лингвокультурологический потенциал в структуре общеобязательного знания.....	308
<i>Мамаева Т.В.</i> Лингвокультурологический подход в обучении русскому языку как иностранному.....	311
<i>Мамонтов А.С., Богуславская В.В., Ратникова А.Г., Голубь А.Р., Будник Е.А.</i> Концепция национально ориентированного лингвострановедческого учебного словаря для вьетнамских граждан: лингвокультурологический аспект.....	313
<i>Мандрикова Г.М., Дубровская Е.М.</i> Лексикографическая интерпретация лингвокультурного типажа как проблема современной лингвокультурологии.....	315
<i>Милованова М.С.</i> Смысл коммуникативная граница как семантическая доминанта.....	317
<i>Мифтахова Р.Г.</i> Русский язык в междисциплинарных исследованиях.....	320
<i>Михеева С.Л.</i> Имя прилагательное как средство передачи семантики эталонности.....	323
<i>Морозкина Е.А., Габдуллина А.Р.</i> Редупликация и перевод лингвокультурных компонентов в рассказах А.П. Чехова.....	325
<i>Москвина Ж.О.</i> Межкультурная коммуникация как средство трансформации языковой картины мира. Имагологический аспект.....	329
<i>Мощева С.В.</i> Массмедийная коммуникация в меняющемся мире: способы аттракции (на материале русскоязычной рекламы)	331
<i>Немыка А.А., Куликова Е.Ю., Китаева М.В.</i> Лингвокультурный типаж «наставник/учитель»: аксиологические и прагмалингвистические аспекты представления в различных типах дискурса.....	333
<i>Низамутдинова Г.С.</i> Система упражнений по формированию невербальной коммуникативной компетенции.....	338

<i>Овсеян С.А.</i> Семантический анализ фразеологизмов со значением счастье/հրշիվընրոյնի в русском и армянском языках.....	341
<i>Озерова Е.Г.</i> Лингвокультурные энграммы текстов периодических изданий НИУ «БелГУ»	344
<i>Омарова Ж.Б.</i> Лингвокультурологический аспект на уроках русского языка в классах с казахским языком обучения (Анализ лингвокультурологических единиц на примере вывесок)	347
<i>Павильч А.А.</i> Интеграция методологического потенциала компаративистики в лингвокультурологии.....	349
<i>Пименова М.В., Родичева А.А.</i> Первопризнаки макроконцепта мир в русской лингвокультуре.....	352
<i>Покручина М.Ю.</i> Художественный текст и лингвокультурное кодирование.....	357
<i>Попкова Е.А.</i> Фразеологизмы с компонентом дорога в аспекте лингвокультурологии.....	360
<i>Попов Р.В.</i> Лингвокультурная интерференция при формировании архангельского региолекта.....	362
<i>Радбиль Т.Б.</i> Квантитативный анализ корпусных данных в лингвокультурологических исследованиях.....	364
<i>Рафикова Р.И.</i> Семантические особенности английских, башкирских и китайских фразеологических единиц с наименованиями природных явлений.....	368
<i>Рахимова Э.Ф.</i> Концептосфера количества в русском и башкирском языках.....	372
<i>Редькина О.Ю., Селютин А.А., Околелов Н.А.</i> Самый узнаваемый и цитируемый...: ценности русской культуры в языковом сознании молодежи (по материалам опросов)...	374
<i>Ростовцева С.А.</i> Профессиональная самоидентификация как элемент моделирования лингвокультурного типажа.....	377
<i>Руссу К.Р.</i> Розыскной дискурс vs розыскная дискурсивная картина мира.....	380
<i>Самигулина Ф.Г.</i> Динамика гендерных стереотипов и современные языковые средства выражения гендерной идентичности в русской лингвокультуре.....	382
<i>Самситова Л.Х.</i> Безэквивалентная лексика башкирского языка как объект лингвокультурологии.....	385
<i>Сергиенко Н.А.</i> Особенности языковой манифестации семейных ценностей в восточнославянских и англосаксонских лингвокультурах.....	390
<i>Середина Е.В., Дехнич О.В., Бех Е.Ф.</i> #Мы_ушли_из_зоопарка: хештег как новый вид фразеологизма в социальных медиа и медиадискурсе.....	393
<i>Синь Лумин</i> Динамика стереотипных представлений об одиночестве в русском языковом сознании.....	396
<i>Сирота Е.В., Парахонько Л.В.</i> Объективация концепта-гештальта «футляр» в дискурсе А.П. Чехова.....	398
<i>Сироткина Т.А.</i> Лингвокультурологические акценты в преподавании русского языка как неродного.....	402
<i>Смакова А.Л.</i> Перевод культурологического компонента в семантике глаголов, входящих в состав конструкции For-to-Infinitive.....	404
<i>Соколова А.П.</i> «Уникальный человек» в русской языковой картине мира.....	407
<i>Соколова Л.А.</i> Языковая реализация лексемы <i>дождь</i> в поэтической картине мира поэта-символиста К.Д. Бальмонта.....	410
<i>Стародубец С.Н.</i> Идеологема <i>русская национальная идея</i> в концептуальной и языковой картинах мира социума (корпусное исследование)	413
<i>Сунь Суйна</i> Лингвокультурология русского языка с китайской спецификой.....	418
<i>Суровцева Е.В.</i> Современные русские жития как объект лингвокультурологии (на материале «Житий новомучеников и исповедников российских XX века Московской епархии»)	420
<i>Сухова А.В.</i> «Сперва аз да буки...»: лингводидактический потенциал азбуки.....	422

<i>Таривердиева Н.Р.</i> Межкультурная коммуникация в преподавании на уроках РКИ со студентами, получившими начальное школьное образование на азербайджанском языке.....	424
<i>Таскаева А.В., Питина С.А.</i> Лингвокультурные особенности регионализмов Чебаркульского района Челябинской области.....	429
<i>Теплых Р.Р.</i> Синтаксические трансформации как один из приемов перевода текстового материала экономической тематики.....	432
<i>Токарев Г.В.</i> О словаре региональной идентичности.....	435
<i>Тумов В.В.</i> Концепт «право» как предмет лингвокультурологии.....	437
<i>Устюжанина Д.И.</i> «Лихие 90-е»: текстовая категория времени в рассказе Анны Матвеевой «Жемьмо»	440
<i>Фам Т.Т.Н.</i> Концепт «женщина» во вьетнамских поговорках.....	442
<i>Фань Юаньюань</i> Формирование межкультурной компетенции у китайских студентов при обучении грамматической омонимии.....	445
<i>Филатов М.А., Редькина О.Ю.</i> Факты массовой российской культуры в системе национальных ценностей (по материалам опросов)	447
<i>Флянтикова Е.В.</i> Метафора в лингвокультуре (на примере лексемы «булка»).....	450
<i>Хамидова Г.Ю.</i> Лингвокультурологический подход в обучении русскому языку.....	454
<i>Харитонов А.В.</i> Екатеринбург 300 лет: аксиология имени.....	457
<i>Хематзадех Ф.</i> Культурное и языковое взаимодействие персидского и русского языков.....	459
<i>Худякова (Макарова) Е.В.</i> Лингвокультурологические особенности выражения мотива предчувствия утраты в произведениях о доме и семье русских писателей первой половины XX века.....	462
<i>Хурамышина А.Р.</i> Compliments в башкирской лингвокультурологии.....	465
<i>Цзян Юаньюань</i> Построение модели преподавания русскому языку как иностранному в контексте межкультурной коммуникации между Россией и Китаем.....	468
<i>Чжан Сюехань</i> Сравнение русских и китайских порядков по принципу иконичности....	470
<i>Чжу Ш.</i> Перевод культурно-маркированной лексики в романе Ба Цзиня «Семья».....	472
<i>Шабалина В.Я.</i> Заимствования в сфере образования: оправданные и избыточные.....	475
<i>Швецова О.А.</i> Лексема «семья» и русская ментальность.....	478
<i>Шерстобитова И.А.</i> Семиотические характеристики лингвистической прагматики.....	481
<i>Шляхов В.И., Агафонова К.Е.</i> Лингвокогнитивная интерпретация эвфемизации и дисфемизации текстов.....	483
<i>Эрнисова А.Э.</i> Прецедентные феномены как ключевая составляющая языковой картины мира этноса.....	487
<i>Ян Сюе</i> Репрезентация пола и гендерных различий в языке и речи.....	490
<i>Ян Чжибин</i> Пандемия коронавируса в сопоставительном изучении культур (на материале социальной рекламы)	493
НАШИ АВТОРЫ	497

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ ФОРУМА

Уважаемые участники и организаторы

I Международного лингвокультурологического форума «Лингвокультурология и коммуникативная реальность XXI века: новые вызовы – новое осмысление»!

Сердечно приветствую и поздравляю вас, участников и организаторов такого престижного и значимого мероприятия! Ваш Форум проходит в эпоху глобальной коммуникации и посвящен чрезвычайно актуальным проблемам интенсивных культурно-языковых контактов носителей русской лингвокультуры с представителями иных лингвокультур. Геополитические изменения, итогом которых становится рост межнациональной миграции, развитие Интернета и технологий связи, упрочение социальных, деловых, культурных и научных контактов обеспечивают беспрецедентный по объему информационный обмен, требующий анализа.

В связи с этим именно от ученых-лингвистов, литературоведов, культурологов, специалистов в области лингвокультурологии и методики обучения иностранным языкам напрямую зависит, насколько гуманитарно-ориентированной будет внешняя и внутренняя языковая политика Российской Федерации.

Существенные социально-экономические и технологические изменения в современной России отразились в коммуникативной реальности нашей страны. Появились новые дискурсивные образования, такие, как сетевое общение, изменилось речевое поведение наших сограждан в публичном и личном общении. Эти изменения требуют осмысления и описания. Сказанное свидетельствует о несомненной актуальности проведения I Международного Лингвокультурологического Форума.

Надеюсь, что такой Форум станет важным этапом в поиске междисциплинарных подходов к изучению различных аспектов взаимодействия языка и культуры, попыткой комплексного анализа лингвокультурологии – от частных филологических изысканий до культурологической и социологической систематизации накопленного опыта. В конечном итоге научная цель форума – получение знаний, которые будут способствовать укреплению позиций русского языка внутри России и по всему миру, более глубокому пониманию культурных кодов, выраженных в языках других народов.

Я выражаю уверенность, что Форум, объединивший ученых-исследователей из разных стран мира, позволит более четко и глубоко осознать вызовы и тренды современной лингвистики, а на разнообразных дискуссионных площадках удастся не только ознакомиться с лучшими мировыми научными достижениями в данной области, но и создать условия для формирования новых совместных проектов.

Уверен, что в ходе работы Форума участники смогут обменяться мнениями и разработать практические рекомендации, которые предусмотрят все важные аспекты развития и инновационного подхода в области лингвокультурологии.

Хотелось бы пожелать вашему Форуму по традиции творческих идей, интересного общения и, главное, практических результатов в продвижении в обществе того благородного дела, которым здесь все занимаются – дела образования и просвещения наших народов.

Желаю всем плодотворной работы, новых научных открытий, крепкого здоровья, счастья и благополучия!

Ректор Российского университета дружбы народов имени П. Лумумбы, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор

Ястребов Олег Александрович

**Участникам и организаторам
I Международного лингвокультурологического форума
«Лингвокультурология и коммуникативная реальность XXI века:
новые вызовы - новое осмысление»**

Уважаемые коллеги!

Всегда радостно быть свидетелем зарождения новых традиций - уверен, что I Международный Лингвокультурологический форум станет важным событием для всего сообщества ученых-исследователей, занимающихся вопросами современной лингвистики и смежных дисциплин.

Сегодня как никогда востребован междисциплинарный дискурс, способный отразить и осмыслить многообразие явлений культуры и языка как её основополагающего элемента.

Именно поэтому появление новой дискуссионной площадки позволит не только ознакомиться с лучшими научными достижениями в данной области, но и создать условия для разработки и реализации совместных проектов.

Дорогие коллеги, желаю вам интересной и плодотворной работы, новых научных открытий, крепкого здоровья, счастья и благополучия!

Советник Президента Российской Федерации по вопросам культуры, председатель Совета при Президенте Российской Федерации по русскому языку, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ), заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Толстой Владимир Ильич

Уважаемые участники

I Международного лингвокультурологического форума «Лингвокультурология и коммуникативная реальность XXI века: новые вызовы – новое осмысление»!

Всех нас объединяет любовь к русскому языку и культуре, и связь этих двух понятий является для нас одной из важнейших ценностей сегодня.

Как звучит сегодня русское слово в мировом масштабе? Это вопрос и политический, и культурный, он важен для всех тех, кто знает, что языки неразрывно связаны с деятельностью каждого человека, с жизнью социума, с развитием государства.

Но не только положение русского языка в мире подвергается серьезным испытаниям, но нашей науки, которая до сих пор в нашем обществе воспринимается как наука об орфографических и пунктуационных правилах, а не как фундаментальная дисциплина, развитие которой определяет все прочие аспекты нашей жизни. И форум мне представляется одним из мероприятий, которые могут раскрыть истинную сущность лингвистического знания.

Сегодня перед языковедами стоят новые масштабные задачи, среди которых не только формирование духовного и нравственного облика современного человека с учетом тех культурных начал, которые заложены в языке, но и воспитание гражданственности, формирование принципов языковой политики, расширение возможностей информационных технологий. И именно лингвокультурология как передовое направление языкознания обеспечивает возможность решения всех этих задач.

В своих выступлениях Президент Российской Федерации В.В. Путин неоднократно подчеркивал, что «сбережение русского языка, литературы и нашей культуры – это вопросы национальной безопасности, сохранения своей идентичности в глобальном мире». Связь языка и культуры неразрывна и многоаспектна, и поэтому перед языкознанием в этом отношении открываются широкие перспективы.

Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность вдохновителю Форума профессору Владимиру Васильевичу Воробьеву, чьи доклады на ежегодных Съездах русистов Республики Крым производят неизменно сильное впечатление на слушателей и отличаются глубиной и лингвистической эрудированностью.

Наш институт с 2014 года тесно сотрудничает с РУДН в различных сферах, и я хочу поблагодарить руководство университета за поддержку крымской науки на протяжении этих лет, совместную работу по развитию локального центра тестирования в Крыму, участие ведущих ученых университета в наших конгрессах и Съездах русистов, за возможность нашим крымским ученым защитить диссертации в одном из ведущих университетов России.

Успешной вам работы, интересных и плодотворных дискуссий!

Доктор филологических наук, профессор, член Совета при Президенте Российской Федерации по русскому языку, член Правительственной комиссии по русскому языку, заместитель Председателя Общественной палаты Республики Крым, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, ректор Крымского республиканского института постдипломного педагогического образования, заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания Института филологии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского

Рудяков Александр Николаевич

Уважаемые участники форума!

От имени Уфимского университета науки и технологий и от себя лично приветствую участников и гостей I Международного лингвокультурологического форума «Лингвокультурология и коммуникативная реальность XXI века: новые вызовы – новое осмысление».

Этот вызов брошен самой жизнью в условиях современной коммуникативной реальности, и он определил один из основных трендов на ближайшие годы – развитие лингвокультурологии и межкультурной коммуникации.

Убежден, что заинтересованные дискуссии и конструктивный обмен мнениями в рамках Форума позволят всем более четко и глубоко осознать вызовы и основные направления современной лингвокультурологии. Уверен, что на разнообразных дискуссионных площадках вам удастся не только ознакомиться с лучшими мировыми научными достижениями в данной области, но и создать условия для формирования новых совместных проектов.

Отрадно, что в работе Форума принимают активное участие и ведущие ученые Уфимского университета науки и технологий, в стенах которого плодотворно функционирует лингвокультурологическая школа Башкортостана, которую основала профессор Саяхова Л.Г., и идеи которой развиваются и активно внедряются в рамках научной школы доктора филологических наук, профессора Фаткуллиной Ф. Г., члена программного комитета Форума.

Выражаю надежду, что проведение Международного лингвокультурологического форума будет способствовать развитию сотрудничества Уфимского университета науки и технологий и Российского университета дружбы народов в научно-исследовательской и инновационной сферах.

Желаю всем участникам плодотворной работы, творческого вдохновения и новых научных открытий!

Ректор Уфимского университета науки и технологий, доктор химических наук, профессор, профессор Академии наук Республики Башкортостан, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан

Захаров Вадим Петрович

ДВА НАСЫЩЕННЫХ ДНЯ. О ПРОВЕДЕНИИ I МЕЖДУНАРОДНОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ФОРУМА

19-20 октября 2023 года в Институте русского языка Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы проводился I Международный лингвокультурологический форум «Лингвокультурология и коммуникативная реальность XXI века: новые вызовы – новое осмысление». Данное мероприятие было организовано кафедрой русского языка и лингвокультурологии и научной школой «Лингвокультурология и профессиональное общение» (руководитель – доктор филологических наук, профессор В.В. Воробьев), которая в 2023 г. стала победителем конкурса грантовой поддержки ведущих научных школ РУДН для социогуманитарных направлений.

Форум объединил почти 900 человек из 29 государств, представляющих более 60 ведущих научных организаций и высших учебных заведений России и мира: лингвокультурологов, культурологов, лингвистов, философов, социологов, специалистов в области семиотики, лингводидактики, теории и практики межкультурной коммуникации, теории и практики перевода, журналистики, связей с общественностью и рекламы для обсуждения актуальных вопросов, связанных с активным изменением качественного своеобразия лингвокультур в XXI веке.

Партнерами научного мероприятия стали Российское общество преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ) и Кыргызско-Российский Славянский университет имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина (Кыргызская Республика).

На церемонии открытия лингвокультурологического форума выступила директор Института русского языка РУДН А.В. Должикова, которая отметила значимость такого масштабного мероприятия для развития современной филологической науки. Были зачитаны приветствия от ректора РУДН О.А. Ястребова и В.И. Толстого – председателя наблюдательного совета фонда «Русский мир», президента МАПРЯЛ и РОПРЯЛ.

Также с приветственным словом выступили почетные гости, представлявшие ведущие университеты и научные организации России, СНГ и дальнего зарубежья: М.Д. Тагаев – директор Института русского языка им. А.О. Орусбаева Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б.Н. Ельцина, М.В. Русакова – проректор по науке и инновациям Российско-Таджикского (Славянского) университета, А.В. Казанский – проректор по воспитательной работе Белорусско-Российского университета, А.Г. Саркисян – заслуженный доцент кафедры русского языка и профессиональной коммуникации Российско-Армянского университета. Были озвучены приветствия от А.Н. Рудякова – ректора Крымского республиканского института постдипломного педагогического образования, заведующего кафедрой русского, славянского и общего языкознания Института филологии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского – и В.П. Захарова – ректора Уфимского университета науки и технологий. З.К. Сабитова – профессор отделения русского языка и литературы Департамента классических и восточных исследований Хантер колледжа Городского университета Нью-Йорка – записала видеоприветствие.

В первый день форума прошло расширенное пленарное заседание, в котором приняли участие выдающиеся российские и зарубежные учёные, в число которых вошли В.В. Воробьев – заведующий кафедрой русского языка и лингвокультурологии Института русского языка РУДН, В.И. Карасик – профессор кафедры общего и русского языкознания

Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, В.М. Шаклеин – заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания филологического факультета РУДН, М.Д. Тагаев – директор Института русского языка им. А.О. Орусбаева Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина (Кыргызская Республика), В.М. Мокиенко – профессор кафедры славянской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, В.А. Маслова – профессор кафедры дошкольного и начального образования Витебского государственного университета им. П.М. Машерова (Республика Беларусь), Т.П. Млечко – доктор (хабилитат) филологических наук, доктор педагогики, председатель МОПРЯЛ, член Президиума МАПРЯЛ (Кишинев, Республика Молдова), И.В. Зыкова – ведущий научный сотрудник Отдела теоретической лингвистики Института языкознания РАН, Г.Г. Слышкин – директор Центра лингвистики и профессиональной коммуникации Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, М.Л. Ковшова – главный научный сотрудник отдела теории и практики коммуникации им. Ю.С. Степанова Института языкознания РАН, С.З. Садыкова – начальник научно-организационной деятельности и подготовки научных кадров при Президиуме Национальной академии наук Кыргызской Республики (НАН КР), профессор кафедры немецкого языка Института иностранных языков и компьютерной лингвистики Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева, руководитель Австрийской библиотеки в Кыргызстане (Бишкек, Кыргызская республика), Т.В. Маркелова – первый проректор по учебной работе Института современного искусства (Москва), З.К. Сабитова – профессор отделения русского языка и литературы Департамента классических и восточных исследований Хантер колледжа Городского университета Нью-Йорка (Нью-Йорк, США), О.А. Долгополов – руководитель проектов Фонда развития культуры «Во Благо», Е.И. Голованова – профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания историко-филологического факультета Челябинского государственного университета, действительный член Академии гуманитарных наук, член-корреспондент Российской академии естествознания (РАЕ), председатель Челябинского регионального отделения Российской ассоциации лингвистов-когнитологов, Р.Х. Хайруллина – профессор кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, почетный работник высшего профессионального образования РФ

Учёные обсудили ряд важных вопросов: коммуникативная лингвокультурология как авангардное направление новейшего времени, лингвокультурологический потенциал новой русской фразеологии, важнейшие проблемы лингвокультурологии и пути их решения, лингвокультурные контаминации в русскоязычном медиадискурсе зарубежья, современный эпистемиологический статус и принципы развития метаязыка, лингвокоммуникативная политика государства и проблемы национальной безопасности и др.

Во второй день форума работала Международная научно-практическая конференция «Лингвокультурологические чтения», в рамках которой действовали 8 секций, объединенных следующими темами: теоретические проблемы лингвокультурологии в XXI веке; прикладные аспекты лингвокультурологии: сфера применения; лингвокультурология как междисциплинарное знание. Взаимосвязь лингвокультурологии и других гуманитарных наук; лингвокультурология и семиотика: новые задачи и точки роста; активные процессы в

современных языках в условиях лингвокультурной интерференции. Лингвокультурные вызовы современности; межкультурная коммуникация в преподавании гуманитарных дисциплин. Лингводидактика как сфера практического применения лингвокультурологии; лингвокультурология и современные массовые коммуникации. Теория коммуникаций, маркетинговая лингвистика и лингвомаркетинг.

Модераторами секций выступили М.Л. Ковшова – главный научный сотрудник отдела теории и практики коммуникации им. Ю.С. Степанова Института языкознания РАН, Е.Г. Озерова – профессор кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета, А.А. Немыка – профессор кафедры русского языка как иностранного Кубанского государственного университета, Н.В. Габдреева – профессор кафедры русского языка как иностранного Казанского федерального (Приволжского) университета, Н.А. Боженкова – профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина, М.Л. Новикова – профессор кафедры русского языка и лингвокультурологии Института русского языка РУДН, И. И. Чумак-Жунь – заведующий кафедрой русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета, И.Т. Вепрева – профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, В.Н. Левина – профессор кафедры русского языка №1 Института русского языка РУДН, А.Ю. Овчаренко – профессор кафедры русского языка и лингвокультурологии Института русского языка РУДН, а также А.А. Миронова – профессор кафедры русского языка и методики обучения русскому языку филологического факультета Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета.

На конференции было заслушано более 100 докладов, каждый из которых сопровождался вопросами и комментариями слушателей.

В рамках I Международного лингвокультурологического форума также прошло четыре мастер-класса от членов научной школы «Лингвокультурология и профессиональное общение». Так, Ю.М. Калинина – заведующий кафедрой русского языка № 4 - рассказала об использовании приема «Ромашка Блума» для обучения лингвокультурологическому анализу художественного текста студентов филологических и нефилологических специальностей. Ю.А. Воропаева – ведущий научный сотрудник, доцент кафедры русского языка и лингвокультурологии – поделилась лингвокультурологическими и методическими принципами преподавания русского языка как иностранного студентам социально-экономических направлений первого года обучения в аспекте лингвокультурологии. Про синхронию и диахронию в лингвокультурологическом подходе к обучению языку поведал А.А. Самоделкин – старший педагог дополнительного образования кафедры русского языка и лингвокультурологии. Мастер-класс на тему языкового аспекта маркетинга в лингвокультурологическом освещении провёл Д.С. Скарнев – профессор кафедры русского языка и лингвокультурологии.

Во второй день форума был проведен постоянно действующий научный семинар «Социокультурная адаптация и межкультурная коммуникация: русский язык в междисциплинарном поле научных исследований». Тема заседания «Лингвокультурологические основания массовых коммуникаций». Ключевыми спикерами выступили Ф.Г. Фаткуллина – заведующий кафедрой русской и сопоставительной филологии факультета башкирской филологии, востоковедения и журналистики Уфимского

университета науки и технологий, Е.Г. Борисова – заведующий кафедрой теоретической лингвистики Государственного академического университета гуманитарных наук, Г.Н. Трофимова – профессор кафедры массовых коммуникаций филологического факультета РУДН, В.И. Аннушкин – заслуженный профессор Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина, председатель Российской ассоциации исследователей, преподавателей и учителей риторики.

Спикеры обсудили ряд актуальных вопросов: лингвокультурологическая характеристика современного интернет–дискурса; адаптация и локализация рекламы как свидетельство особенностей культур и языков; проблемы распознавания лингвокультурных коннотаций в агрессивной интернет–коммуникации.

Экспертами научного семинара стали В.М. Мокиенко – профессор кафедры славянской филологии филологического факультета Санкт–Петербургского государственного университета – и А.А. Миронова – профессор кафедры русского языка и методики обучения русскому языку филологического факультета Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета.

На торжественном закрытии форума были подведены итоги двух насыщенных научными мероприятиями дней. Участники особенно отметили значимость междисциплинарного подхода – интеграции лингвистики, культурологии, антропологии и других дисциплин для полного понимания и анализа коммуникативной реальности в современном мире, важность языка и культуры в процессе коммуникации, а также их взаимосвязь. Было замечено, что язык является не только инструментом передачи информации, но и отражает культурные особенности и ценности сообщества. Участники форума также подчеркнули важность развития межкультурной компетенции для эффективного общения и взаимодействия между представителями разных культур. Были обсуждены вопросы, связанные с использованием новых технологий и социальных сетей в коммуникации: влияние интернета, социальных медиа и цифровых платформ на язык и культуру, а также на общение в целом.

Кульминацией церемонии закрытия мероприятия стало принятие резолюции, согласно которой участники решили, что Второму Международному лингвокультурологическому форуму быть.

**Д.С. Скарнев,
профессор кафедры русского языка и лингвокультурологии
института русского языка РУДН им. П. Лумумбы**

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

ВОРОБЬЕВ В.В.

Российский университет дружбы народов имени П.Лумумбы

КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ – АВАНГАРДНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В XXI ВЕКЕ

В статье остановимся на научном осмыслении и систематизации языковых лингвокультурных черт, появление которых обусловлено масштабным изменением в организации политического, социального, культурного и других аспектов общественного бытия России последнего времени. Следствием этого изменения стало появление новых сфер профессиональной деятельности, ранее отсутствовавших в отечественной реальности, что повлекло и рождение принципиально новых для нашей страны областей **общественной коммуникации**.

Этот новый вызов нашего времени вынуждает нас, гуманитариев России, ставить перед собою специфические задачи, связанные с сохранением национальной самобытности и национального языка, и искать пути их решения. Один из путей – разработка лингвокультурологической парадигмы осмысления социокультурной реальности современной России.

Ключевые слова: лингвокультурология, коммуникативная лингвокультурология, общественная коммуникация, язык, культура, общение.

За прошедшие 40 лет *лингвокультурология* пережила настолько бурный период становления и утверждения присущих только ей категорий и принципов, что уже к началу

XXI века превратилась в самостоятельную дисциплину, которая прочно вошла в образовательное пространство второго (магистерского) уровня подготовки специалистов-гуманитариев в ведущих университетах России, Белоруссии, Казахстана, Китая и некоторых европейских стран.

Когда мы формулировали название Форума, мы исходили из того, что *лингвокультурология: теоретическая и функциональная, сопоставительная и прикладная* – по праву называется новой междисциплинарной отраслью науки, самостоятельной по своим целям, задачам, методам и объекту исследования.

Сегодня настало время **коммуникативной лингвокультурологии – авангардного научного направления, объединяющего изучение взаимодействия языка, культуры и общения.**

Мир коммуникативен по своей природе. И обыденность такова, что существенные социально-экономические и технологические изменения в современной России отразились в коммуникативной реальности нашей страны. Появились новые дискурсивные образования, такие, как сетевое общение, изменилось речевое поведение наших сограждан в публичном и приватном общении. И именно нынешнее время стало для России временем живой коммуникации в различных проявлениях: появились новые её виды (реклама, PR) и новые каналы (прежде всего сеть Интернет, в рамках которой стало осуществляться бытовое и профессиональное общение). Появление сети Интернет привело и к серьёзным изменениям в сфере журналистики. В маркетинговой коммуникации ведущую роль стали играть социальные сети, получившие наименование социальных медиа. Эти изменения требуют нашего глубокого осмысления и описания. Сказанное свидетельствует о несомненной актуальности *коммуникативной лингвокультурологии*. Всё это существенным образом повлияло на качественное своеобразие современной русской лингвокультуры, а также на решение организационно-содержательных проблем.

Не случайно в июне 2022 года была официально учреждена научная школа РУДН «Лингвокультурология и профессиональное общение», миссией которой является «консолидация усилий ученых, педагогов, деятелей культуры, широкой общественности для сохранения ведущей роли литературы и русского языка в воспитании подрастающего поколения, укрепления единого культурно-образовательного пространства, развития лучших традиций отечественного гуманитарного образования, культурно-просветительской деятельности».

Интеллектуальный коллектив научной школы решает масштабные задачи – описание и объяснение существенных изменений в функционировании русского языка в современных социально-политических условиях.

Особое место в системе новых типов коммуникации принадлежит интернет-опосредованному общению, медийному и рекламному дискурсу. Моделирование, систематизация и описание этих типов коммуникации в этих и других сферах остаются недостаточно освещенными в науке о языке.

К числу таких сфер относятся, в частности, маркетинг и реклама, до сих пор находящиеся в активной фазе своего развития на российской почве.

Следует подчеркнуть, что реклама вышла за пределы собственно маркетинговой коммуникации и заняла место в общем российском культурно-коммуникативном пространстве, о чём свидетельствуют тексты рекламы, ставшие прецедентными: фрагменты рекламных текстов, подобно фрагментам обязательных для изучения в школе произведений художественной литературы, в ряде случаев цитируются нашими соотечественниками в условиях непринуждённого бытового и в ряде случаев даже профессионального общения. Цитироваться фрагменты рекламных текстов могут и в публицистических произведениях.

Более того, маркетинг и реклама в начале XXI века стали даже оказывать весьма существенное влияние на формирование мировоззрения людей. Есть все основания утверждать, что язык рекламы нуждается не только в сугубо лингвистическом, но и в серьёзном, основательном лингвокультурологическом осмыслении и описании.

Организация других сфер общественного бытия, основанная на иных принципах, отличных от существовавших ранее, привела к существенному изменению языкового выражения мысли в этих областях. Это касается политики, общественной жизни, культуры, спорта. В этих сферах в значительной степени также изменился характер коммуникации, появились новые лингвокультурные особенности.

Следует отметить, что новые лингвокультурные черты в первые десятилетия XXI века появились и в бытовой коммуникации граждан нашей страны. Определяющим для России стал фактор интенсивных культурно-языковых контактов носителей русской лингвокультуры с представителями иных лингвокультур, в том числе и западных.

Особую актуальность и распространённость приобрела переводческая деятельность, сфера которой стала значительно шире и масштабнее. Интенсивное межъязыковое и межкультурное взаимодействие затронуло сферу профессиональной и бытовой коммуникации. Всё это привело к существенному изменению качественного своеобразия русской лингвокультуры в указанный период времени.

Весьма важной чертой современной российской лингвокультуры стало своеобразное возрождение риторики, связанное с существенным расширением сферы публичной политики и с организацией экономики на началах свободной конкуренции участников сферы производства и торговли, а также прямой коммуникации продавцов товара и его покупателей. Риторика остаётся актуальной и для традиционных сфер её бытования, в частности для преподавания. Но и в этой области она претерпела ряд изменений. С одной стороны, русская риторика XXI века опирается на развитие русского красноречия в предыдущие периоды отечественной истории. С другой стороны, у современной риторики появились и новые лингвокультурные черты.

Следовательно, авангардность *коммуникативной лингвокультурологии* обусловлена рядом факторов:

1) необходимостью научного описания и систематизации особенностей русской лингвокультуры, вызванных интенсивным изменением её качественного своеобразия в конце XX - начале XXI века;

2) появлением в России новых сфер общественной коммуникацией со своими лингвокультурными чертами, требующими научного описания;

3) необходимостью существенного дополнения теоретической лингвокультурологии сведениями, связанными с новыми чертами современной русской лингвокультуры;

4) необходимостью практического применения знания о принципиально новых чертах русской лингвокультуры в сфере межъязыковой и межкультурной коммуникации и в области лингводидактики, связанной с преподаванием русского языка как иностранного и иностранных языков носителям русского языка.

В связи с этим перед *коммуникативной лингвокультурологией* ставятся следующие задачи:

1) систематическое описание качественного своеобразия языковых знаков как новаций в русской лингвокультуре, появившихся в конце XX - начале XXI века;

2) описание новых лингвокультурных сфер в рамках современной русской лингвокультуры;

3) существенное дополнение теоретической лингвокультурологии сведениями о лингвокультурных новациях нашего времени;

4) расширение области применения лингвокультурологического знания в практике межкультурной и межкультурной коммуникации и в лингводидактической практике;

5) В рамках направления «*Лингвокультурология и компьютерная лингвистика*» исследовать грамматические особенности языка как средства планирования, а также осуществление формализации данных средствами искусственных языков.

Все это связано с исследованием качественного своеобразия русской лингвокультуры на современном этапе её развития.

Таким образом, проведенный авторским коллективом лингвокультурологической школы РУДН анализ практики современной российской общественной коммуникации позволил поставить вопрос о возможности и необходимости выделения нового аспекта *лингвокультурологии*, который мы называем *коммуникативным*.

Думается, что это весьма своевременно и актуально, поскольку коммуникативная реальность меняется с калейдоскопической быстротой, а в основе изменений лежат именно лингвокультурные факторы, прежде всего – интенсивное взаимодействие западных и восточных лингвокультур в российском лингвокультурном пространстве. Остановлюсь только на одном важном наблюдении.

Для современной русской лингвокультуры характерен такой признак, как вестернизированность в её преимущественно английском лингвокультурном аспекте. Всё западное в своей основе стало восприниматься в нашей стране в конце XX столетия как самое передовое, прогрессивное, перспективное, образцовое, модное и престижное, а всё отечественное – как архаичное, отсталое, косное, неперспективное и требующее замены на всё западное, понимаемое как новейшее и совершенное. Такой ценностный ориентир привёл к массированному внедрению в русскую лингвокультуру элементов западных лингвокультур, в авангарде которых шла английская лингвокультура в её преимущественно американском варианте. Этим было обусловлено внедрением колоссального количества иноязычных лексических единиц в практику отечественной общественной коммуникации. Ряд иноязычных слов, несмотря на наличие обусловленных закономерностями системы современного русского языка синтаксических связей с русскими словами в составе предложений и несмотря на обретение морфологических черт, свойственных, в частности, русским именам существительным, сохранил в русской лингвокультуре своё аутентичное графико-орфографическое оформление.

Российскую реальность сегодняшнего дня можно определить как **время лингвокультурного синтеза**, поскольку на русскую лингвокультурную основу нанизываются элементы иных лингвокультур, преимущественно западных, хотя среди привнесённых лингвокультурных элементов есть и восточные.

Коммуникативная лингвокультурология связана не только с научным осмыслением феномена активного использования в сообщениях на русском языке иноязычных единиц в их аутентичном либо русском (русифицированном) фонетическом и графико-орфографическом оформлении, но и с осмыслением целых направлений общественной коммуникации, являющихся по меркам истории новыми для нашей страны: рекламы и связей с общественностью (PR-коммуникации).

Более того, *коммуникативная лингвокультурология* охватит научное осмысление таких феноменов, как графико-орфографическое оформление слов современного русского языка в соответствии с нормами письма, существовавшими до реформы нашей орфографии в 1918 году.

К этому же аспекту *коммуникативной лингвокультурологии* будет относиться и исследование фактов образования новых слов по моделям, активно действовавшим в русском языке советской эпохи. *Коммуникативная лингвокультурология* связана и с

описанием фактов объединения элементов западных лингвокультур, русской лингвокультуры советского периода и русской лингвокультуры дореволюционного времени. В случае активизации использования существовавших в советский период нашей истории словообразовательных моделей для создания новых русских слов в настоящее время мы можем говорить о внутрикультурном диалоге, о диалоге разных эпох в рамках одной лингвокультуры в культурно-коммуникативном пространстве современной России.

В случае активного использования иноязычных единиц в их русифицированном фонетическом и графико-орфографическом оформлении можно говорить о межкультурном диалоге в современном российском культурно-коммуникативном пространстве.

Сочетание в одном словесном знаке элементов, свойственных русской лингвокультуре советского периода, русской лингвокультуре дореволюционного времени и английской лингвокультуре, позволяет говорить о синтезе внутри- и межкультурного диалога в рамках лингвокультуры России начала XXI века.

Думаю, что в качестве первого шага к введению понятия *«коммуникативная лингвокультурология»* можно рассматривать ряд положений, высказанных нами на Международной научно-теоретической конференции "Перспективные направления современной лингвистики", проходившей в РУДН в октябре 2020 года. Эти положения таковы.

Размышляя о сущности культуры, считаем особо выделить то, что «культура – наиболее устойчивая система, которая даёт возможность человеку в определённой степени чувствовать себя защищённым, но при том – открытая система, в которой динамический элемент не является инородным».

Наличие в современной русской лингвокультуре динамического элемента – одна из основных и наиболее ярких её черт в настоящее время. И динамический элемент связан, прежде всего, (но не только) с интенсивным проникновением в русскую лингвокультуру элементов иных лингвокультур и в ряде случаев с их активным укоренением. Считаем, что критически важно для российских исследований *языка, культуры и личности* преодолеть своеобразный “филологизм”. Это я не в укор нам, филологам, говорю, речь лишь о том, чтобы переориентировать исследования языка, культуры и личности на актуальную социокультурную реальность, а не ограничиваться пространством письменного стола, практикуя своего рода культурный эскапизм.

У нас до сих пор колоссальный провал в знаниях о современном состоянии русского языка и современной российской культуре - да и не меньший, кстати, и о её недавнем прошлом. В итоге в рамках исследований триады *«язык-культура-личность»* образовался явный дефицит полевой, лингвокультурологической работы. Сегодняшние журналисты часто лучше умеют описывать происходящее в стране, чем учёные, которые, казалось бы, должны быть здесь на передовой линии».

Важным для обоснования выделения *коммуникативной лингвокультурологии* как самостоятельного аспекта представляется и следующее наше утверждение, что «современное языковое пространство, насыщенное проблемами, а нередко и явными кризисными зонами, делает чрезвычайно актуальным развитие лингвокультурологического знания в его прикладном звучании, в стремлении теоретически “выстроить” лингвокультурное измерение той или иной проблемы и обозначить стратегию её разрешения с учётом этого культурного контекста».

Научное осмысление феномена активного проникновения элементов иных лингвокультур в современную русскую лингвокультуру, активного их укоренения и использования – это и есть та самая «передовая линия» лингвокультурологических исследований, поскольку, как представляется, именно в этой сфере нашей коммуникативной

реальности и сконцентрированы проблемы, доходящие в ряде случаев до кризисных зон, в силу того что они связаны с ценностным аспектом как ведущим конститутивным элементом нашей родной лингвокультуры.

Аксиологическое осмысление современных лингвокультурных феноменов – одна из задач коммуникативной лингвокультурологии.

Современное утверждение лингвокультурологии как новой филологической парадигмы научного знания связано с непрекращающимся сложным и противоречивым процессом становления её структуры и типологии, формирования терминосистемы и, следовательно, различием теоретического и прикладного аспектов, что, в свою очередь, ценностно нагружено и задаёт новую коммуникативную реальность.

Один из аспектов общественной коммуникации современной России – общение людей с помощью информационных технологий. Это существенным образом повлияло на изменение качественного своеобразия русской лингвокультуры, придав ей черты, ранее отсутствовавшие, в силу чего является существенным для обоснования выделения **коммуникативной лингвокультурологии** и следующее наше положение, что: «лингвокультурология в аспекте информационных технологий – это, прежде всего, отражение в последних современного языкового существования социума, но это не только “языковой вкус эпохи”, а также языковой культуры и социокультурной ментальности».

Думается, что всё изложенное можно будет рассматривать как обоснование выделения **коммуникативной лингвокультурологии** в качестве самостоятельного аспекта лингвокультурологического знания и как отдельной приоритетной (авангардной) области исследования.

Это направление позволяет поддерживать статус языка как мирового, укрепить авторитет России как одной из политических, экономических, образовательных, научных и культурных полюсов современного мира, содействовать использованию русского языка.

Важную роль в этой сложной работе могут и должны сыграть мы с ВАМИ – лингвисты, культурологи, литературоведы, методисты – все, чья деятельность непосредственно связана с русским словом, русской мыслью, русской картиной мира и ее сохранением.

КАРАСИК В.И.

*Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
Москва*

СИМВОЛИЗАЦИЯ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ВЕКТОР ОСМЫСЛЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ

Рассматривается символизация реальности как метафорическое осмысление ценностно значимой идеи. В языковой картине мира выделяются символизируемые локации – природные и очеловеченные места, значимые для носителей культуры. К числу таких мест относится локация торговли – рынок, ярмарка или базар. Ценностные признаки этих мест, наиболее ярко выраженные как символизация базара, выражают утилитарный совет вести себя внимательно и осторожно на базаре и критически оценивать бессмысленные разговоры. В поэтическом тексте базар показан как символ тщеты и грязи.

Ключевые слова: *символ, концепт, лингвокультурология, локация, базар.*

Лингвокультурное осмысление реальности представляет собой выделение, знаковое закрепление и эмоционально-оценочную квалификацию осваиваемого мира [Воркачев, 2014; Воробьев, 1997; Карасик, 2004; Ковшова, 2016; Красавский, 2008; Куссе, 2022; Маслова, 2016; Пименова, 2007; Слышкин, 2004; Степанов, 1997; Стернин, 2008; Шаклеин, 2012; Шмелев, 2002]. В когнитивном аспекте оно состоит в концептуализации значимых явлений, событий или качеств, т.е. в определении понятийных, образных и оценочных характеристик соответствующих объектов, в лингвокультурном аспекте на первый план выступают признаки национальной и социально-групповой специфики отражения реальности в тех или иных концептах, воплощенных в содержании языковых единиц. Лингвокультурная специфика предполагает наличие общих признаков в содержании концептов сравниваемых картин мира и на фоне этой общности – отличительных характеристик, свидетельствующих о своеобразии той или иной культуры. В более точном смысле можно говорить об универсальных, этнокультурных, социально-групповых и индивидуально-личностных признаках в содержании осмысливаемых объектов. Когнитивный и лингвокультурный подходы к осмыслению мира взаимодополнительны.

Лингвокультурный подход к моделированию и описанию реальности дает возможность охарактеризовать символизацию осмысливаемой реальности, т.е. понимание тех или иных объектов как образов, имеющих высокую ценностную значимость и допускающих вариативность восприятия в сознании носителей того или иного языка [Аверинцев, 1983; Лосев, 1995; Лотман, 2000; Якушевич, 2018]. Ценностное осмысление реальности является основой лингвокультуры [Дементьев, 2013; Леонтович, 2022; Микешина, 2009; Романова, 2019]. Семиотической техникой создания символов является метафора – установление аналогии и перенос признаков одного объекта на другой. Разные объекты имеют различный потенциал метафорической и, соответственно, символической мощи, например, небо, хлеб или кровь активно метафоризируются и символизируются, а изморось, квас или родинка могут приобрести метафорический смысл, по-видимому, только в индивидуально-авторской речи.

В ряду символически значимых объектов выделяются локации – определенные местности, имеющие значимость для людей, как природные, так и очеловеченные объекты (горы, леса, моря – улицы, площади, парки). К числу важных объектов, относящихся к этому классу, относится рынок – место, в котором проводится торговля и в котором принято вести себя определенным образом. Для понимания символических характеристик этой локации нужно вначале установить общие понятийные, образные и ценностные характеристики данного концепта и затем рассмотреть его переносные смыслы.

Обратившись к толковым словарям, мы определяем содержательный минимум этого концепта. Вербальным выражением этого концепта в русском языке являются три слова – «рынок», «ярмарка», «базар».

Рынок – 1. Место розничной торговли съестными продуктами и товарами под открытым небом или в торговых рядах. 2. Сфера товарного обращения, совокупность актов купли и продажи товаров (ССРЛЯ). Площадь в городах и селах, для торговли съестными и другими припасами на воле (на воздухе), место съезда и сходки продавцов и покупателей по назначенным дням; торг, торжище, базар (Даль). 1. Рынком является место, как правило под открытым небом, где можно купить различные товары, в том числе сельскохозяйственные. 2. Блошиным рынком называют место, где продают вещи, бывшие в употреблении. 3. Чёрным рынком называют систему покупки и продажи товаров или обмена денег, которая не соответствует законам данной страны. 4. Рынком называют ассортимент товаров и услуг, который предлагается населению. 5. Рынком рабочей силы называется предложение тех специальностей и профессий, которые нужны в обществе. Переселенцы оказывают серьёзное давление на рынок рабочей силы. 6. Фондовым рынком называют место, где продают и покупают акции и другие ценные бумаги. 7. Рынком называют ту часть страны, земного шара и т. п., где продаётся конкретный товар. 8. Рынком называют количество людей, которые хотят купить те или иные товары. 9. Если какая-либо фирма выходит на рынок с какой-либо продукцией, значит, она предлагает её для продажи. 10. Под рынком понимают экономическую систему, при которой цена на товар определяется тем, какое количество людей хотят купить его (Дмитриев).

Ярмарка – торг, устраиваемый регулярно, в определенное время года и в определенном месте для продажи и закупки товаров. Перен. Разг. шутол. О месте, где имеется большой выбор кого-, чего-либо. Ярмарка невест. *Перен.* О каком-либо месте скопления людей, где много шума, оживления и т. п. (ССРЛЯ). Большой торговый съезд и привоз товаров в срочное в году время, годовой торг, длящийся неделями (Даль).

Базар – торг съестными припасами и товарами широкого потребления, привозимыми преимущественно в определенные дни, большей частью самими производителями (происходит на площадях или в крытых помещениях); рынок. 2. Место торга с постройками; рынок. *Распространительно.* Люди, находящиеся на базаре. Базарная работа – о предметах грубой выделки, дешевке, рассчитанной на невзыскательного покупателя (устар.). Базарные слухи, разговоры – вздорные, сплетнические (ССРЛЯ). Базар – *татарск.* торговля на открытом месте; торжище, торг, рынок, южн. бавун; сход и съезд в базарные дни недели, для купли и продажи, особенно жизненных припасов; самое место или площадь торга, на юге ярмарок; | *крик, гам, шум, содом (Даль). Базаром называют рынок, как правило, в южных регионах. Восточный базар. | Покупать фрукты на базаре. 2. Базаром называют предпраздничную, сезонную продажу товаров, а также место такой торговли. Школьный базар. 3. Базаром в разговорной речи называют крик, шум. Не устраивайте базар! 4. На жаргоне базар означает разговор, беседу. Кончай базар! | Это всё гнилой базар! (Дмитриев).

Приведенные дефиниции дают возможность выделить следующие понятийные признаки в содержании рассматриваемого концепта: 1) место, 2) в котором проводится торговля, 3) обычно съестными продуктами и вещами, 4) часто под открытым небом или в торговых рядах, 5) обычно в определенные дни или в определенное время года; 6) люди, пришедшие в это место, 7) ассортимент предлагаемых товаров, 8) сфера товарного

обращения, 9) шумное поведение людей. Понятийное содержание концепта уточняется в нескольких направлениях: функциональная предназначенность места, конкретизация товаров, конкретизация обстоятельств, конкретизация поведения людей, приходящих в это место.

Образные характеристики этого концепта устанавливаются на основе текстовых примеров, конкретизирующих употребление его номинантов.

Осмысление рынка в основном сводится к сфере товарооборота, т.е. развивается научно-описательная конкретизация этого понятия:

Возможно, спустя некоторое время рынок покажет, какие направления деятельности совершенно бесперспективны, а какие, наоборот, нужно активно развивать (П. Куприянов).

Вместе с тем можно увидеть и локальное описание расположения рынка:

Рядом с пансионатом рынок, почта, магазин, ресторан, шашлычные, пивбар (Е. Зенина).

Характеристики рынка, как можно видеть, уточняются преимущественно в публицистическом и туристическом типах дискурса.

Встречаются описания, конкретизирующие словарные определения:

Торговал только рынок на маленькой площади – рыбой и зеленью, и были на нем одни простые люди (И. Бунин).

Уточняются характеристики места и времени торговли:

Митя случайно наткнулся на заброшенный город, под стенами которого раскинулась пестрая ярмарка с балаганами и каруселями (О. Славникова).

Описание ярмарки включает различные развлечения, которые устраиваются для посетителей этого торгового события.

Это одновременно место для прогулок, то есть бульвар с клумбами, фонтанами, и ярмарка – огромный торгово-увеселительный центр (В. Овчинников).

Обратим внимание на идеологическое осмысление ярмарки:

Религией данного общества является «свобода», понятая как вечная ярмарка, как безнаказанное кривлянье (М. Кантор).

Базар обычно осмысливается как наиболее обиходное обозначение для бытовых покупок:

Мы сбегали на базар, который уже закрывался, купили у солдата буханку черного хлеба, выпили у молочницы по глечичку жирного молока, вернулись в свою гостиницу (В. Катаев).

На базаре можно увидеть и купить нечто необыкновенное:

К чему мне после Айя-Софии гудящий базар с его шелковыми и бисерными искушениями, кокетливые перы, даже несравненные кипарисы кладбища Сулемания (Н. Гумилев).

Базар становится местом, где люди показывают свою суть:

В Иране ключевое место, центр всех социальных процессов – базар (Г. Мирзаян).

Отсюда вытекает идея базара как хаоса и беспорядка:

К тому же я хозяин этого дома и не позволю устраивать здесь базар (О. Хафизов).

Базар – это место, где собирается много народа:

...перед воротами расстилалась широкая площадь; за нею базар кипел народом, потому что было воскресенье (М. Лермонтов).

В переносном смысле базар понимается как глупый или неуместный разговор:

У него было хорошее настроение. – Фильтруйте базар. – Что? – не поняла Ирина (В. Токарева).

Текстовые иллюстрации раскрывают ситуативно-образное содержание рассматриваемого концепта, уточняя основные векторы его осмысления: 1) место, где осуществляется торговля, 2) социальную сферу этой деятельности, 3) типичные товары,

которые продаются и покупаются, 4) развлечения, устраиваемые в этих локациях, 5) типичное поведение людей в этих местах.

Ценностные характеристики данного концепта в его тройственном вербальном выражении можно увидеть в пословицах, поговорках, афоризмах и притчах.

В паремиологии подчеркивается, что на базаре могут обмануть:

На базаре правды нет. На базаре чести не сыскать. Базар глупых учит. Когда дурак выходит на рынок, радуются торговцы. Человек на базаре, как лодка в океане.

На базаре нужно уметь торговаться:

Мало иметь хороший товар, слово важнее. Со своей ценой на базар не ходят.

В афоризмах эти идеи получают развернутое выражение:

Рынок – это место, нарочно назначенное, чтобы обманывать и обкрадывать друг друга (Анахарсис). Слишком большие достоинства подчас делают человека непригодным для общества: на рынок не ходят с золотыми слитками – там нужна разменная монета, в особенности мелочь (Н.-С. Шамфор). Хорошие слова дадут тебе уважение на рынке, но завоевать друзей ты сможешь только добрым делом (Лао Цзы). На любом рынке есть место двум дуракам – один просит о слишком малом, другой о слишком большом (А. Шугар). Распахнувшие душу на базаре либо всё потеряли, либо кого-то приманивают (Д. Квиллар).

Важные вещи не следует обсуждать на рынке:

Мудрец становится отшельником на самой оживленной улице рынка (Г. Торо). Рынки не могут думать о чем-то более трех месяцев. И это для них слишком много, поэтому важные вещи нужно обсуждать не на рынке (С. Джордж).

Следует знать, что манеры базарных торговцев вызывают осуждение у порядочных людей:

Неприглядны: льстивый чиновник на приеме у начальника; человек с манерами базарного торговца (Хуан Юйцзяо). Так и живем: цены – рыночные, а отношения – базарные (Т. Клейман). Сколько ни повторяй – рынок, рынок, базар от этого не исчезнет (А. Локтев).

В поэтических текстах символизируется идея базара как равнодушной толпы:

Собрав с мечты душистый мед, / Беспечный, как мечтатель-иннок, / Придешь сконфуженно на рынок. / Орут ослы, шумит народ, / В ларях пестрят возы новинок, / Вступить ли в жалкий поединок / Иль унести домой свой сот?.. (Саша Черный).

Базар понимается как человеческое сообщество:

Опускается завеса, / Поднимается завеса: / Вместо пестрого базара – / Глушь разбойничьего леса (Г. Кружков).

Базар осмысливается как сообщество злобных и завистливых людей:

Ты ощутишь в своем полете / Неодолимый вес земли, / Бессмысленную тяжесть плоти, / Себя, простертого в пыли, / И гогот злобного базара, / И горожанок робкий страх... / И божья, и людская кара / О, человек! О, пыль! О, прах! (Д. Самойлов).

Базар показан как символ человеческой тщеты:

На базаре времени / Вечно одно и то же: / Споры, ссоры, / Швыряние шапок о землю... / Старики пытаются / Прошлого продать подороже, / Молодым не терпится / Будущее купить подешевле (Ф. Кривин).

Базар – это символ того, что противоположно детской искренности и доверчивости:

Мы выросли, и всё ж про запас / наше детство осталось при нас / в этом холоде, словно в бальзаме. / Мы остались большими детьми – / потому и остались людьми / на гигантском базаре (Н. Басовский).

Базар ассоциируется с грязью мира:

Душа моя на нитке колотилась, / И видел я себя со стороны: / Я без довесков был уравновешен / Базарной жирной гирей (А. Тарковский).

Ценностные характеристики рассматриваемого концепта лежат в основе его символического осмысления. Они сводятся к напоминанию о том, что на базаре обманывают легковверных людей, и базарное поведение торговцев вызывает отторжение у многих. В поэтическом осмыслении выражено откровенное неприятие базара как скопления равнодушных, злобных и завистливых людей. Базар является символом тщеты и грязи.

Резюмирую.

Символизация представляет собой метафорическое осмысление ценностно значимой идеи. В языковой картине мира выделяются символизируемые локации – природные и очеловеченные места, значимые для носителей культуры. К числу таких мест относится локация торговли – рынок, ярмарка или базар. Понятийные и образные признаки таких локаций объясняют их функциональную предназначенность, уточняя характеристики товаров и поведение людей в этих местах. Ценностные признаки этих мест, наиболее ярко выраженные как символизация базара, выражают утилитарный совет вести себя внимательно и осторожно на базаре и критически оценивать бессмысленные разговоры. В поэтическом тексте базар показан как символ тщеты и грязи.

Литература

- Аверинцев С.С.* Символ // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. - С.607-608.
- Воркачев С.Г.* Воплощение смысла: *conceptualia selecta*: монография. Волгоград: Парадигма, 2014. - 331 с.
- Воробьев В.В.* Лингвокультурология (теория и методы): Монография. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. - 331 с.
- Дементьев В.В.* Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М.: Глобал ком, 2013. - 336 с.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. - 390 с.
- Ковшиова М.Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. Изд.3. М.: URSS, 2016. - 456 с.
- Красавский Н.А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. М.: Гнозис, 2008. - 374 с.
- Куссе Х.* Культуроведческая лингвистика / Пер. с нем. М.: Гнозис, 2022. - 536 с.
- Леонтович О.А.* Слово и образ в поисках друг друга: монография Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2022. - 252 с.
- Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М. Искусство, 1995. - 320 с.
- Лотман Ю.М.* Символ в системе культуры // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000. - 704 с.

МАРКЕЛОВА Т.В., ПЕТРУШИНА М.В.

Автономная некоммерческая организация «Институт современного искусства»

СЕМИОСФЕРА КОНЦЕПТОВ «СИЛА VS СЛАБОСТЬ» В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена описанию аксиологической природы фразеологизмов с компонентами *сила* и *слабость* в лингвокультурном контексте. Рассматривается образная, понятийная и значимостная природа важных для русского национального сознания концептов в их языковой реализации.

Ключевые слова: фразеологизм, концепт, оценка, оценочная шкала, слово, семантическая оппозиция

Аксиологический аспект исследования языка в его дискурсивно-когнитивном функционировании выявляет объединяющее начало семиотической (знаковой) *триады «концепт – фразеологизм – слово»*. Анализ этих знаков как важнейших прагматических интенций говорящего: *одобрения - неодобрения, похвалы - порицания, восхищения - возмущения*, позволяющих ему «выразить свой духовный мир по-русски, определив объекты

окружающей действительности (предметы. лица, процессы. события. факты) по нормативной шкале ценностей» [Маркелова 1993; 4], опирается на особенную диаду в русской национальной, в том числе "концептуальной" или "языкомыслительной" "картине мира" [Павиленис 1983; 37]. В фокусе исследования находится семантическая оппозиция "силаvsслабость", которая сама по себе несет прагматический характер, подкрепляемый культурными представлениями и ассоциациями. Синтез лингвокогнитивного, лингвокультурного и функционально-семантического подходов к обозначенной выше знаковой триаде в контексте данной семантической оппозиции при исследовании аксиологического подхода опирается на феноменальную образно-понятийную природу фразеологизмов с компонентами (или интерпретантами) *силы* и *слабости*, формирующими уникальный потенциал оценочного воздействия на человека, в частности, связанного с его психофизической деятельностью, «определяющей все противоречия бытия человека в культуре» [Алефиренко 2006; 8] : *медвежья сила – комариная сила; второе дыхание открылось – свалиться с ног; изо всех сил (стараться) – еле-еле душа в теле; потом и кровью (добиваться) – прийти на все готовое; закручивать гайки – отпустить вожжи; горой за кого-н. постоять – опустить рук и др. .* Этими фразеологизмами говорящий активизирует в сознании свои лингвокультурные представления о физической, физиологической, нравственной, духовной, поведенческой природе этого явления.

Очевидная аксиологическая "сила" фразеологизмов, репрезентирующих данную концептуальную оппозицию, определяется, во-первых, опорой на значимость их базовых компонентов в жизни русского человека, его личном и общественном пространстве. Лингвистические наблюдения показывают, что в градации «сильный-слабый» как функционально-семантическом варианте оценочной шкалы [Morris 1956; 70-77] *сила* – это уменьшение *слабости*, а в определенных смыслах уменьшение "плохого" и возрастание "хорошего": *сил нет – слабый духом – не в силах – (сил) в самый раз – по силе (возможности) – что есть духу – сверх сил.*

Во-вторых, фразеологический знак является одним из центров полицентрического функционально-семантического поля оценки и результатом концептуальной организации знания [Маркелова, Петрушина, Савельева 2017], ибо он апеллирует к стереотипной оценочной ситуации - выступая чаще всего в роли предиката, приписывающего оценку объекту говорящим субъектом: "хорошо" - *работать не жалея сил*; "довольно хорошо" - *трудиться в поте лица*; "очень хорошо" - *лезть из кожи вон*; "нормально" - *не зная усталости*; "плохо" - *сидеть сложа руки*; "довольно плохо" - *валить дурака*; "очень плохо" - *бить баклуши*. В ценностной картине мира культурная маркированность этих оборотов детерминирована тем, что *трудолюбие, старание, усердие* в представлении русского человека несут положительную оценку, а *лень, безделье* - отрицательную, что и отражают фразеологизмы, размещаясь на шкале оценки в определенном порядке.

В концептуальной сфере аксиологических понятий особое место занимают концепты "сила" – "слабость" как амбивалентное отражение жизни современника. Особое место в их изучении занимает междисциплинарный подход лингвокультурологического знания ([Вежбицкая 1997], [Степанов 2004], [Карасик 2019] и мн. др.), исследующий «целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты, отражающие новую *систему ценностей*» [Воробьев 1996; 4].

Исходя из сказанного, набор ключевых признаков концептов "сила" и "слабость" мотивируется не только компонентным анализом соответствующих лексем и фразеологизмов в их составе, но и положением *силы* и *слабости* в системе национальных ценностей. Обращаясь к русскому фольклору, опираясь на содержание пословиц и поговорок в словаре В.И. Даля [Даль 2009] и тезаурусе В.И. Зимина [Зимин 2010], возможно

восстановить связь концептов "сила" и "слабость" на шкале ценностей как между собой, так и с другими добродетелями и злодеяниями, поместив их в контекст культуры, на важность которого указывает Н.Д. Арутюнова: «Человек живёт в контексте культуры. Она является для него «второй реальностью». Он создал её, и она стала для него объектом познания. Природа познаётся извне, культура – изнутри. Её познание рефлексивно» [Арутюнова 1991; 3].

В русской культуре *сила* всегда **выше и благополучнее слабости**: *Сила молчит – слабость кричит; Сила по силе – осилишь, а сила не под силу – осядешь; Сильный крепок, слабый цепок; Сильному работа впрок, а слабому дай срок*. В отдельных исключительных случаях *сила* и *слабость*, отождествляясь, занимают **равноправные позиции**: *Сила господня в немощи совершается; Сила женщины – в её слабости; Слабый пол силён своей слабостью*. Сила может оказаться **выше беды**: *Под силу беда со смехами, а не в мочь со слезами*. Слабость же отождествляется **со старостью**: *Придёт старость – придёт и слабость*.

В русском "языкомышлении" *сила* значима также, как **здоровье**: *Здоров (силён), как медведь; Здоров, как бык, как боров; закон: Где сила, там и закон; воля: Кто силён, тот и волен; Чья сила, того и воля; единство: В единении – сила*.

Лингвистические наблюдения над фольклорным массивом демонстрируют преобладание *ума* над *силой*, т.е. духовное (интеллектуальное) превалирует над физическим: *Сила – уму могила; Сила есть – ума не надо; Сила уму уступает; физическое умение оказывается важнее силы: Не силой борются (берут), уменьем. Правда и любовь* сложно соотносятся с силой на шкале ценностей: *Сила не в силе, а в правде; Кто сильнее, тот и прав; Чья сила, того и правда.; Насилу люб (мил) не будешь; Сила – нелюбовь*. Сила слабее богатства: *Сила и слава богатству послушны. И барину деньга господин*. А превыше всего находится Бог: *Сильна Божья рука. Божья рука – владыка; На сильного бог да государь. Сильная рука богу судить*.

Три составляющие лингвокультурного концепта – понятийная, образная и значимостная [Воркачёв 2004], отражают семантическую модель базового компонента «сила» - «слабость», формируют когнитивные метафоры, реализующие интерпретацию концептов в сознании, определяют место имени концепта в лексике, грамматике, этимологии. В результате можно утверждать, что *сила* обладает большей значимостью, поскольку в сознании русского человека культурно маркирована как **ценность**. Сила соответствует «норме» и несет положительную оценку физического состояния: *сильный человек* – здоровый человек. Сила необходима человеку как когнитивный показатель жизнеспособности: *найти в себе силы, собраться с силами, находиться в расцвете сил, жизненные силы; быть в силах делать что-либо*. Сила как причина событий реализуется оборотом *в силу* (возникнуть). Сила имеет божественное начало: *Сильна Божья рука; Что Богу не угодно, то и не сильно*. Сила приветствуется в социальном плане как предмет стремления: *стремление к силе* – стремление к власти. Сила государства определяется *вооруженными силами*.

Слабость же детерминируется через семантику лексемы *сила*: «слабость – недостаток физических сил, энергии» [СОШ 2009; 726], «слабый – отличающийся малой силой, мощностью» [там же, 727] и служит **вспомогательным концептом**. «Оттеняя» положительный аспект концепта "сила", концепт "слабость" подчеркивает ее аксиологическую, прагматическую природу – как зло для добра, тьма для света, безобразие для красоты и др.

Основанное на принципе отрицания ценности, содержание концепта «слабость» выражает негативную оценку, за исключением тех смыслов, что связаны с интенсивностью и

количеством и зависимы от синтактики и коммуникативных аспектов: *Сила женщины – в её слабости.*

Регулярно воспроизводимый образ с культурной окраской становится прецедентной моделью для формирования новых единиц, в том числе неологических, актуализирующих силу как «могущество, влияние, власть» [СОШ 2009; 716] *медвежий аппетит, медвежий угол зрения, медвежий угол общего пространства, перевод с птичьего на медвежий..*

Таким образом, определяя концепты «сила» и «слабость» как полюсы языковой картины мира одного аксиологического поля, а фразеологизм – как единицу лексики и грамматики, его организующую, обнаруживаем единую систему координат – **концепт, фразеологизм, слово**, представляющие собой значимые для русского человека и общества лингвокультурные феномены.

Литература

- Арутюнова Н.Д.* От редактора / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991. С. 3-4.
- Алефиренко Н.Ф.* Фразеологическое значение в свете когнитивной семиологии / Н.Ф. Алефиренко // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры / под ред. В.М. Мокиенко. Москва: Эллис, 2006.
- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. – М.: , 1996. – 416 с.
- Воркачёв С.Г.* Счастье как лингвокультурный концепт. - М.: Гнозис, 2004. - 192 с.
- Воробьёв В.В.* Лингвокультурологическая парадигма личности. - М.: РУДН, 1996. - 170 с.
- Карасик В.И.* Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. – Москва: Гнозис, 2019. – 422 с.
- Маркелова Т.В.* Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке. - М.: МПУ, 1993. - 126 с.
- Маркелова Т.В., Петрушина М.В., Савельева А.А.* Оценочный фразеологизм как результат концептуальной организации знания // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации. Сб. научн. тр. по итогам международной научной конференции, посвященной памяти д.ф.н., профессора Войловой К.А. Отв. ред. Шаталова О.В. - М.: МГОУ, - 2017. – С. 198 – 204.
- Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская акад. наук; Ин-т рус.яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. - М.: ИНФОРТЕХ, 2009. - 938 с.
- Павлёнис Р.И.* Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. - М.: Мысль, 1983. - 286 с.
- Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
- Morris C.D.W.* Varieties of human value. – Chicago, London, 1956. S. 70-77.

МАСЛОВА В.А.

Витебский государственный университет им. П.М. Машерова

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ СЕГОДНЯ: ВАЖНЕЙШИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Статья посвящена анализу двух важнейших проблем современной лингвокультурологии: 1. Взаимодействие языка и культуры с позиции новых данных в быстро меняющемся мире. 2. Глубинные аспекты миропостижения и усвоения культуры через язык. Для обеих проблем предлагаются пути решения.

Ключевые слова: лингвокультурология, глубинная семантика, голографичность культуры, роль интуиции

Нужно с гордостью заявить, что лингвокультурология – достижение отечественной науки, толчком к ее зарождению стало лингвострановедение, которое начало изучать артефакты национальной культуры, представленные в языке. Современная лингвокультурология основана на идеях В.фон Гумбольдта, а также отечественных ученых В.Н. Телия, В.В. Воробьева, В.М. Шаклеина и др. Чуть ли не за полвека до них русский ученый М.М. Покровский показал, то содержание языка в значительной мере определяется культурными реалиями, т.е культура помогает понять процессы, происходящие в языке, а анализ языковых данных, в свою очередь, помогает проникнуть в сферу культуры [Покровский 1959, с.77-78]. Справедливости ради, нужно отметить что в американской лингвистике есть культурная антропология, но задачи и подходы в ней другие.

Активно развивающаяся сейчас лингвокультурология позволила прийти к выводу, что невозможно исследовать фундаментальные вопросы взаимодействия феноменов языка и культуры без обращения к человеку и его языковому сознанию, потому что человек стоит в центре языка и культуры (антропоцентрический подход). Такой подход открывает новые горизонты в проблеме взаимосвязи языка и культуры.

Цель доклада – установить, в пределах какого горизонта мы смотрим на проблемы взаимодействия языка, культуры, человека, его сознания, ибо, как говорил Сервантес, «Всякая высота открывает новые горизонты».

Известно, что мир в целом подчиняется второму закону термодинамики, который гласит: беспорядок в мире увеличивается, а порядок уменьшается. Этому закону подчиняются замкнутые системы, к которым относится и культура, и язык. Так, в языке мы наблюдаем в последние десятилетия значительные изменения. Лингвистика и лингвокультурология должны установить, чего больше в языке как сложной системе на данном историческом этапе – устойчивости или неустойчивости. Мы видим сейчас самые разные изменения в языке – как сравнительно безобидные для него, так и приносящие ему вред, расшатывающие саму систему языка и код лингвокультуры. К первым можно отнести, например, расширение или сужение значения отдельных единиц, например, слово *проект*

расширило свои значения – от технического термина до любого социального начинания, т.е. стало стереотипом. Хуже, если в силу незнания носителями языка значений не часто используемых слов, им придаются значения по собственному разумению говорящего, а потом это приживается в языке: *одиозный* - это неприятный, противный, а не «эпатажный», как оно используется сейчас; *довлеть* - быть достаточным, а не «давить, подавлять» и др. И совсем плохи и для языка, и для носителей русской лингвокультуры две проблемы: засилье иностранных слов, о которых много писали М. Кронгауз [Кронгауз 2009], И. Левонтина [Левонтина 2016] и другие исследователи, и 2) исчезновение нужных для русского человека и его духовного кода слов. Так, из современного языка, прежде всего языка СМИ, исчезли такие слова, как *добросердечность, благодать, честь, смирение; не прилично, пошло, бестактно* и др., зато частотными стали слова, которые разрушают духовный код русских – *недоверие, вражда, обида, фейк*. Разрушает духовный код и обеднение целого ряда русских слов в связи с утратой их духовной сущности (*любовь* низводится до секса, исчезает сакральная сущность: Бог – это любовь). Взлом культурного кода происходит в результате того, что переформируются наши ценности, например, выражение *черная пятница* – в рекламе – это хороший день скидок и удачных покупок, но *черный* в русской лингвокультуре – цвет скорби, горя и т.д.; *успешный человек* – *успех* у русских и белорусов никогда не был основополагающей ценностью (происходит от праславянского вполне нейтрального «спеть»); *карьера* – всегда считалось постыдным признаваться в стремлении «сделать карьеру»; *полюби самого себя* - становится лозунгом русской лингвокультуры, так культивируется гордыня, вместо гордости. Обилие подобных слов ведет к попытке переформатировать наше сознание, изменить наши ценности, потому что наше миропонимание находится в плену у нашей языковой картины мира: мы видим только то, что есть в нашем языке. Нам следует помнить слова И. С.Тургенева: «Русский язык так богат и *гибок*, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас». Это нужно помнить, видя засилье иностранных слов в русском языке. Разрушают лингвокультурный код и жаргонизмы – *наехать, отмазать* и др. Эти уголовные словечки внедряют в наше сознание миропонимание антиобщественной группы людей. И этим жаргон опасен.

Негативным процессам в языке, не ведая, что творят, активно способствуют СМИ. Все это, с одной стороны, отражает особенности национально-культурного мышления в определенный исторический период, а с другой – становятся средством преобразования языкового сознания, национальной ментальности и картины мира носителя языка. Такова наша реальность. И эти явления должны быть постоянно в поле зрения не только лингвистов, но и лингвокультурологов.

В этой связи рассмотрим две важнейшие, с нашей точки зрения, проблемы. 1. Взаимодействие языка и культуры с позиции новых данных в быстро меняющемся мире. 2. Глубинные аспекты миропостижения и усвоения культуры через язык.

1. Взаимодействие языка и культуры с позиции новых данных в быстро меняющемся мире. Здесь есть несколько актуальных проблем, решить которые может лингвокультурология. Одна из них - понять то, как именно человек воспринимает и закрепляет в языковых концептах мир, как из них формирует образ мира русского человека. Ответы на данные вопросы даст новая теория категоризации, активно разрабатываемая сейчас лингвокультурологией. Каждый язык, сквозь призму которого его носитель вбирает в себя культуру и миропонимание, по-своему членит мир, т.е. имеет свой способ его концептуализации. Отсюда заключаем, что каждый язык имеет в некоторой степени особую картину мира, и языковая личность строит высказывание в соответствии с этой картиной. Например, высказывание *Ему больше не больно*, в котором наречие *больше*, имеющее качественное значение, вдруг начинает обозначать время – «после того, что произошло, он не чувствует боли». Даже в близкой к русской белорусской лингвокультуре используется наречие с временным значением – *цяпер*. Таких примеров гораздо больше, чем кажется на

первый взгляд: *уйти в себя, выйти из себя, прийти в себя* – казалось бы, одно и то же возвратное местоимение *себя* и глагол движения *идти* обозначает разные состояния языковой личности. Как объяснить, что фраза НИЧЕГО СЕБЕ означает удивление? Возможно все дело в загадочном русском местоимении *себя*, которое легко курсирует в языке то как местоимение, то как частица, изменяясь подобно существительному по падежам: *себя, себе* и т.д. Такое возможно только в русской языковой картине мира. Потому что русское слово как раз так функционирует, обогащаясь, – через семантическое включение и транспозиции. В европейских языках, например, французском, часто теряется автономия слова в пользу синтагмы. Поэтому А. Вежбицкая называла многие русские высказывания «неправильными». Видимо, поэтому концепты русской лингвокультуры как фиксаторы смыслов все время поддаются дальнейшему уточнению и модификациям. Они представляют собой четкие сущности только в начале своего появления, но затем, оказываясь частью системы, попадают под влияние других концептов и сами видоизменяются. Специфична и русская цветовая картина мира, при едином для всего человечества цветовом спектре: *зависть черная и белая, тоска – зеленая, очки розовые, мечты голубые* и т.д.

Культура голографична. Она поворачивается к исследователям разными смысловыми слоями, поэтому каждый из них видит свое. Эти смысловые слои диффузны, не имеют чётких границ, постоянно проникают один в другой, но в каждой лингвокультуре это происходит по-своему. Тогда получается, что сама культура – это пространство культурных смыслов, ценностей, вырабатываемых человеком и процессе миропонимания, и кодов, закрепляющих эти культурные смыслы. Тексты культуры хранят и транслируют нам запечатленные в них установки и ценности народа. Но мир сейчас быстро меняется, что делает нас все более не готовыми принять его прозрачность, скорость изменения, новые ценности и условия жизни, например, феномен «пожизненного обучения». Поэтому общество должно формировать готовность личности к переменам, что требует формирования новой этики, без которой общество просто погубит само себя.

Как формировать новую этику? С помощью Слова. Во-первых, подчеркивать духовный смысл русского языка вообще и русского слова, в частности. Это важно и при обучении русскому языку россиян, и при обучении русскому языку как иностранному. Язык – живое порождение духа, его главнейшая деятельность, лежащая в основе ряда других видов деятельности (искусство, философия, наука). По образному выражению В. Гумбольдта, языки это и орудия, необходимые для духовной деятельности, и колеи, по которым она совершает свое течение. Он писал: «В языке действуют творческие первосилы человека, его глубинные возможности, существование и природу которых невозможно постичь, но нельзя и отрицать... Язык – нечто большее, нежели инстинкт интеллекта, ибо в нем сосредоточивается не свершение духовной жизни, но сама эта жизнь» [Гумбольдт 1984, с143].

В культуре не только слова, но и природные сущности и материальные предметы могут нести духовный смысл: *березка* для русских, *василек* для белорусов. При этом нужно понимать, что между духовной и материальной культурой нет резкой непреходимой границы. В культуре редко встречаются только духовные или только материальные сущности, почти каждое явление культуры имеет две эти стороны.

2. Вторая проблема, встающая сейчас перед лингвистикой и особенно лингвокультурологией, – внимание к **глубинным процессам интерпретации языка и текста, установление границы между поверхностным и глубинным смыслами, их зависимость от культуры.**

Современный период развития всех гуманитарных наук характеризуется интересом к глубинному знанию, которое формальный (традиционный) подход не всегда может

объяснить. Отсюда интегративный подход - синтез разных подходов (философского, научного, художественного, религиозного и др.) с целью обретения целостного видения человека и способов его мирозерцания.

Теперь уже доказано, что все в мире едино. В.И. Вернадский открыл биохимическую энергию, приносимую в организмы из Космоса. [Вернадский 1988]. Структура молекулы, структура языка отражают структуру Вселенной. В соответствии со структурой своего тела мы рассматриваем мир вокруг нас: *подошва горы, нос корабля, язычок ключа, ребро батареи* и др. Французский мыслитель А. Сузнель считает, что человеческое тело аналогично Древу жизни [Сузнель 2003]. П.П. Горяев утверждает, что сознание и мышление коррелируют через белковые конструкции, которые сопоставимы с языком. Речь, с точки зрения биологии – совокупность волновых хромосом. Генетический аппарат работает на образах, как и язык [Горяев 1993]. П.П. Горяев пишет о принципе лингвистичности генома. В языке тоже работает генетический аппарат.

Много сходного в языке и квантовой физике. Так, в своих предвидениях человек каким-то образом преодолевает границы времени и пространства. Как это ему удастся? Квантовой механике удалось выяснить, что не только обыденное, но и научное ньютоновское понимание физической реальности ошибочно. Реальность – сложнее и гибче, чем она описана Ньютоном: «таинственные, мистические возможности нашего сознания объясняются при правильном понимании объективной реальности» [Менский 2011, с.288]. Психология бессознательного тоже пытается сформировать новое понимание мира и языка. Следующий шаг – разрушение дисциплинарных барьеров, что предсказывал В.Вернадский более полувека назад: он писал, что настала пора исследовать мир по проблемам, а не по наукам.

Интерес к глубинным знаниям проявился в нескольких науках – философии (И. Кант: *сфере смутных представлений*; Л. Витгенштейн: *Высшее, Невысказываемое*); психологии (З. Фрейд: *Оно*; К. Юнг: *архетипы коллективного бессознательного*). В русской науке эта область определяется как *Несказанное* – Н. Бердяев, Г. Берестнев и др. Т.В. Черниговская называет это явление *невычисляемыми пластами человеческой психики*.

Весьма условно и приблизительно это можно назвать интуицией. Наличие интуиции как некоего глубинного механизма мозга, сознания, получило закрепление в языке – *нутром чуют*. Наблюдения над языком показывают, что почти вся современная семантика глубинна по отношению к поверхностным концептуальным структурам языка. Глубинность обеспечивается связью с бессознательным, поэтому часто она ориентирована на иную (возможную) реальность, т.е. глубинные знания как бы ирреальны с точки зрения обыденного языкового сознания.

С помощью глубинных смыслов можно объяснить многие противоречия в функционировании современного языка. Именно на глубинных культурных знаниях основана связь следующих пар слов: *живот – жизнь, худой – худо, тощий – тоска* и т.д. Например, *работать не щадя живота своего; худая (плохая) семейная жизнь; от тоски человек делается тощим* и т.д. Эти пары слов тесно связаны, если не на уровне этимологии, то на уровне ассоциаций.

В мире наблюдается столько того, что мы не можем пока объяснить, что можно предположить: логически непротиворечивое описание мира языком становится препятствием для получения новых знаний – отсюда метафоры, в том числе и научные (*семантическое поле, пространство языка*) которые высвечивают тонкие недоговоренности, «текущие смыслы», по Р. Барту (*Как поживаете? – Бывают дни, что я голубь, а бывают – памятник*), игру намеков (*Жареный петух – русская птица счастья*), неожиданных сходжений (*тараканы в голове*). В.В. Налимов утверждал, что природа – семантична [Налимов]. Это метафора или истина, пока не получившая распространения? Пока

достоверно известно, что можно, например, уговорить конкретный цветок зацвести, сам ученый уговорил кактус сбросить иголки.

Многое в таком видении мира основано на ассоциациях. Как объяснить, что *бесчеловечно* и *безлюдно* – не синонимы, а *геморрой* и *головная боль* – это одно и то же.

Что делать лингвокультурологам? Нужно исследовать единый символический и метафоро-метонимический язык, способный «ухватить» эти смыслы. А он теснейшим образом связан с культурой. Например, только для русских петух – *золотой гребешок*, *масляна головушка*, *шелкова бородушка*.

К метафорически-метонимическому языку примыкают омонимы, которые являются многосмысловыми единицами, а потому допускают игру смыслами: *дела или хорошо, но не моей дорогой*.

В.В. Колесов справедливо утверждал, что для русской ментальности, русского языкового сознания очень важен образ: «образ, т.е. пре-ображенный в идею реальный человек... Образ в слове так же реален, как и сама жизнь» (Колесов – Пименова, с.7).

Русский язык имеет еще одну яркую черту – он способен передавать тончайшие эмоции. Об его особой эмоциональности писал В.Г. Костомаров. Казалось бы, эмоция как важная составляющая личности человека вообще, должна быть сходна у многих народов. Но язык свидетельствует о другом. Русский язык имеет разветвленную систему ласкательно-уменьшительных средств, т.к. все маленькое позитивно воспринимается русским человеком. Белорусский язык более рационален и менее эмоционален, вероятно, в силу того, что это новый литературный язык. Именно эмоциональная составляющая делает непревзойденной русскую поэзию, она усиливает поэтический образ: *Смычок все понял, он затих/ А в скрипке эхо все держалось.../ И было мукою для них, / Что людям музыкой казалось* (И.Анненский). Образ мира в хорошей поэзии – это реконструкция реальности. Вероятно, весь язык, а не только поэзия в его реальном функционировании работает на образах.

Таким образом, сегодня существует много направлений в лингвокультурологии – теоретическая лингвокультурология (В.В. Воробьев, В.Н. Телия, В.И. Карасик, В.В. Красных, В.А. Маслова и др.), философская лингвокультурология (Ю.С. Степанов, А.В. Кравченко, и др.), сравнительно-сопоставительная лингвокультурология (Ж. Капенова, З. Темиргазина и др.), прикладная лингвокультурология – лексикографическая и методическая (В.М. Шаклеин, В. Воробьев, В. Синячкин), лингвокультурология поликультурного пространства (Г.Ю. Богданович), лингвокультурологическая лексикография, аксиологическая лингвокультурология; экспериментальная лингвокультурология, синергетическая лингвокультурология. В нашем докладе были рассмотрены лишь две – 1) лингвокультурная теория концептуализации и категоризации мира, согласно которой каждый язык, сквозь призму которого его носитель вбирает в себя культуру и вырабатывает особое миропонимание, имеет свой способ концептуализации мира; и 2) синергетическая лингвокультурология, основанная на глубинных знаниях, полученных из разных наук – не только гуманитарных, но квантовой физики, молекулярной биологии и др.

Общей чертой почти всех названных направлений в рамках современной лингвокультурологии является крен в когнитивистику, потому что мы живем в мире собственных ментальных схем: все лингвокультурные реалии являются в то же время лингвоментальными, т.к. существуют в единстве их языковых и культурных содержаний и рассматриваются сквозь призму когнитивного анализа их формирования и функционирования, т.е. учитываются особенности национального сознания человека. При таком подходе разные когнитивные области гуманитарного знания объединяются, т.е. современная лингвокультурология реализует интегральный подход к языку.

Литература

- Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. М., 1988, - 311 с.
Гаряев П.П. Волновой геном. Изд.: «Общественная польза», 1993. – 365 с.
Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
Колесов В.В., Пименова М. В. Языковые основы русской ментальности: учебн. Пособие. – Издание 4, СПбГУ, 2012, - 136 с.
Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. 2-е изд. М.: Знак, 2009, - 232 с.
Левонтина И.Б. Русский со словарем. М.: АСТ, 2016, - 464 с.
Менский М.Б. Сознание и квантовая механика. Жизнь в параллельных мирах (Чудеса сознания – из квантовой реальности). Фрязино, 2011. - .288 с.
Налимов В.В. В поисках иных смыслов. – М.: Прогресс, 1993. – 264 с.
Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. М.: АН СССР, 1959, -382 с.
Сузнель А. Символика человеческого тела. М., 2003. – 418 с.

САДЫКОВА С.З.

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына

АБДЫКЕРИМОВА А.Э.

Кыргызский государственный университет им .К. Тыныстанова

РАЗВИТИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В КЫРГЫЗСТАНЕ

Статья посвящена исследованию развития лингвокультурологической науки в Кыргызской Республике, активно развивающейся в лингвистике XXI века. В ней авторы освещают основные идеи исследований кыргызских ученых-лингвокультурологов, посвященных особенностям русского и кыргызского народа, взаимосвязи языков и культур, рассматриваются история и теоретические основы изучения языка и культуры, анализируются сопоставительные исследования, посвященные общей взаимосвязи и различию русского и кыргызского языков и культуры, соотношение языковых категорий и культурных концептов, функции языка как средства сохранения культуры и ее передачи от поколения к поколению.

Ключевые слова: лингвокультурология, язык, культура, история, национальный дух, народ, концепт, когнитивная лингвистика

“Каждый язык – творение человеческого гения, каждый язык – ценность общечеловеческого порядка...”. Так писал Чингиз Айтматов в своей статье «Киргизия: равная среди равных», опубликованной в октябрьском номере журнала «Курьер ЮНЕСКО» за 1972 год. Каждый человек и каждый народ принадлежит к определенной национальной культуре, включающей обычаи, традиции, язык, историю и литературу. Экономические, культурные и научные контакты между странами делают реальными темы межкультурной коммуникации, взаимосвязи языка и культуры, изучения языковых личностей и языковой картины мира. Все эти темы изучает лингвокультурология – активно развивающееся направление в лингвистике XXI века. Лингвокультурология является наукой о взаимодействии языка и культуры и ставит своей целью раскрытие духовности и культуры людей через язык. “Тайна языка – главнейшая из тайн человечества: если ее раскрыть, то раскроются многие сокрытые в веках или утраченные знания” [15, с. 4]. Язык как основной носитель этнокультурной информации является носителем и средством выражения определенных черт этнического менталитета. Возникновение и интенсивное развитие нового взгляда на язык является ключевой особенностью современной лингвистики, в которой язык изучается с точки зрения когнитивной деятельности человека и в рамках антропоцентрической парадигмы. По утверждению В.А.Масловой “Идею антропоцентричности языка в настоящее время можно считать общепризнанной: для многих

языковых построений представление о человеке выступает в качестве естественной точки отсчета” [15]. Как новое знание, как новая научная парадигма, лингвокультурология как наука, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке, стала самостоятельным научным направлением и в настоящее время занимает важное место в развитии науки о языке. В современном мире, в эпоху глобализации, интерес многих ученых направлен на изучение языка через национальные особенности той или иной культуры.

Как отмечает известный кыргызский ученый, академик С.Ж.Мусаев “Язык является многогранным явлением, порождающим и формирующим национальное сознание, национальный разум, национальное мышление. Язык – это не только средство (инструмент) выражения мысли, но и сила, генерирующая национальное мировоззрение и сохраняющая национальную историческую память. Язык – основа национального духа. Именно через язык мы воспринимаем мир и создаем его национальный образ, картину” [17, с. 34]

О языке как средстве выражения мысли М.В.Пименова и О.Н. Кондратьева в своей книге “Концептуальные исследования” отмечают следующее: “....Язык отражает процесс познания, выступая в качестве основного средства выражения мысли. Язык начинает восприниматься как путь, по которому можно проникнуть в представления людей о мире. В центре внимания современных исследователей оказывается проблема взаимодействия человека, языка и культуры. Каждому языку присущ свой способ концептуализации действительности, который имеет специфические национальные и универсальные черты” [19].

Если речь идет о языке, то нельзя не упомянуть и о культуре. «Язык – многоаспектное явление. В соответствии со своей социальной и материальной природой он непосредственно или опосредованно отражает, выражает содержание и другие стороны всех отраслей, всех составляющих элементов материальной и духовной культуры. Язык – одно из важнейших средств создания, творения культуры» [14, с. 81]. Язык каждого народа выражает его особый характер и по мнению Маслова Ю.С. является «лучшей характеристикой народа» [14, с. 81]. Язык и культура взаимодействуют: с одной стороны язык отражает культурные процессы, а с другой стороны культурные процессы, происходящие в стране, в мире, безусловно, влияющие на развитие языка. Как пишет Маслова В.А.: «Язык – это то, что лежит на поверхности бытия человека в культуре, поэтому начиная с XIX в. и по сей день проблема взаимосвязи, взаимодействия языка и культуры является одной из центральных в языкознании» [15, с. 59].

Самые первые представления о взаимоотношениях между языками и людьми, говорящими на них, а также вопрос о взаимодействии языка и культуры рассматриваются в трудах В. фон Гумбольдта. Тезисы В. фон Гумбольдта взяты за основу в лингвокультурологических работах: «...Язык есть выражение духа народа». В своей работе «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода» В. фон Гумбольдт впервые сформулировал положение о взаимосвязи характера языка и характера народа. Широкую известность получили утверждения о том, что «... разные языки по своей сути, по своему влиянию на познания и чувства являются в действительности различными мировидениями...», и что «... своеобразие языка влияет на сущность нации, поэтому тщательное изучение языка должно включать все, что история и философия связывают с внутренним миром человека...» [3, с. 370, 377]. Согласно гумбольдтовской идее о языке как национальном мировоззрении, язык хранит культуру народа, менталитет, традиции и обычаи его носителей. Именно язык нации отражает менталитет и мыслительные качества народа, на которые влияют социально-политический климат и культурно-этические ценности.

История кыргызской культуры насчитывает 3000 лет. За время своего развития кыргызский народ пережил различные периоды, характеризующиеся чередованием этапов подъема и спада в социальном и культурном развитии. Несмотря на трудный путь развития,

кыргызский народ сформировал уникальную национальную культуру, истоки которой лежат в глубокой древности [16, с. 56, 58].

Культура древнего Кыргызстана в целом определялась кочевым образом жизни. Кочевой образ жизни сложился в силу природно-географических условий региона и древнего уклада жизни народа. Переживая в разные периоды как расцвет, так и упадок, киргизская культура развивалась как результат кочевой цивилизации, с либеральным отношением к времени и пространству, что нашло отражение в психологии, философии и мировоззрении кыргызского народа. Кыргызы – один из древнейших народов Центральной Азии. Этноним “кыргыз” впервые упоминается в китайских хрониках 201 года до н.э. [10, с. 242; 2, с. 475-477].

О древних кыргызах, об этнониме “кыргыз”, об их географическом проживании, исторических, культурных и языковых сведениях, основываясь на материалы четырех китайских источников, таких как **Thāng sū**: «Официальная история большого Императорского дома Thāng» (618-907 гг.); **Huān-jǔ kǐ**: «Описание земли», в годы правления династии Sung II (960-1279); **Uēn-hján thung kháo**: «Всестороннее исследование древней литературы», изданная в конце 13-го века; **Juān szé**, вышедшая в свет в 16 веке “Официальная история монгольского Императорского дома в Китае” (1260-1367), писал также и немецкий ученый, синолог, исследователь финно-угорского и алтайского языков В. К. Шотт в своем труде “Über die ächten Kirgisen” (“О настоящих кыргызах”), изданном в 1865 году в типографии Королевской Академии наук в Берлине [21, с. 429- 474].

Кыргызскими лингвистами проведен ряд лингвокультурологических исследований, посвященных этническим особенностям кыргызского народа и взаимосвязи языка и культуры. Одним из первых исследований в киргизском языкознании, посвященных лингвокультурологии, является монография Суюнбека Ибрагимова «Лингвокультурология – тилдик маданият таануу. Тарыхы жана теориялык негиздери» (Лингвокультурология – изучение языковой культуры. История и теоретические основы), опубликованная в 2004 году, в которой рассматриваются история и теоретические основы изучения языка и культуры, анализируется общая взаимосвязь языка и культуры, соотношение языковых категорий и культурных концептов, функция языка как средства сохранения культуры и ее передачи от поколения к поколению на примере паремиологических средств кыргызского языка [9, с.118].

В исследовании профессора З.К. Дербишевой «Ключевые концепты кыргызской лингвокультуры», «Язык и этнос», написанном в русле лингвокультурологического направления, смежного с когнитивной лингвистикой, анализируются «центральные» концепты, являющиеся специфическим индикатором кыргызского социокультурного опыта, рассматриваются концепты в аспекте кыргызской культуры и этнической концептосферы на основе ключевых концептов этноса. Ассоциативно-когнитивный анализ ключевых концептов кыргызской лингвокультуры позволяет исследовать этнокультурную специфику языкового сознания, а результаты ассоциативных экспериментов выявляют основную модель когнитивной структуры организации полученных ассоциаций [6; 6].

Книга профессора П.К.Кадырбековой «Введение в теорию межкультурной коммуникации» посвящена изучению таких вопросов, как язык и культура, язык и национальное мировоззрение, межкультурные аспекты обучения иностранным языкам, толерантность, вежливость, табу и эвфемизмы. Межкультурная коммуникация рассматривается с позиций лингвокультурологии, лингвокогнитивистики и этнолингвистики. В ее монографии «Лингвокультурные и лингвокогнитивные вербальные аспекты межкультурной коммуникации» рассматриваются лингвопрагматические аспекты немецких и кыргызских речевых актов. Выявляется национально-культурная специфика экспрессивных речевых актов [11].

В 2014 г. в научном исследовании «Темпоральная классификация в концептуальной картине мира (на материале русского и киргизского языков)» профессор У.Д. Камбаралиева

проанализировала темпоральную лексику в концептуальной картине мира. Ученый сопоставительно охарактеризовал содержание концептосферы «время»/«убакыт» как совокупность когнитивных признаков. В своей работе автор устанавливает, что концептуальное сходство временных сфер разных народов является универсальным свойством сознания людей, а восприятие темпоральности, временных отношений, процессы их концептуализации и классификации во многом определяются этнокультурной спецификой народа. Кочевой образ жизни влияет на то, что для киргизов очень важно прошлое (например, знание семи предков, почитание фольклора и народных песен), а для оседлых русских важнее настоящее [13].

Известный кыргызский лингвист М.Ж.Тагаев одним из первых среди лингвистов республики подчеркивает необходимость когнитивного подхода в преподавании неродных языков. М.Ж.Тагаев считает, что развитие общества невозможно без зависимости от национального характера и национального духа. Он заявляет, что важнейшим инструментом изучения национального характера народа является язык. В процессе общественного развития и формирования культуры язык стремится обозначить и зафиксировать в языковой форме события и факты, значимые для национальной группы. Язык порождается жизнью, но в своей функции он фактически становится обособленным и независимым от жизни, пронизывая наше сознание и определяя нашу индивидуальность и национальную идентичность [20, с. 111].

Не менее интересным является исследование Б. Б. Нарынбаевой «Фразеологическая картина мира французского и кыргызского языков», которая открыла новые страницы в изучении фразеологизмов. Работа выполнена в русле новых направлений языкознания: когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Автором выявлена специфика и национально-культурная ценность ФЕ в картине мира двух народов на основе лингвокогнитивной и лингвокультурной парадигмы. В указанной работе фрагментарно рассматриваются фразеологизмы с концептом «Temps – Время» во французской и кыргызской лингвокультурах. Как отмечает Б.Б.Нарынбаева, лингвокультурная специфика фразеологизмов со значением времени в русском и кыргызском языках еще не достаточно глубоко рассмотрена и следует проводить дальнейшее исследование [18].

М.К. Алишова провела научное исследование по теме «Сопоставительное изучение языкового образа мира в английском и кыргызском языках (художественными, стилистическими и лингвистическими средствами)». Вопрос о языковом образе мира в кыргызском и английском языках впервые стал предметом специального исследования. Применение лингвопоэтического, стилистического, литературоведческого и семиотического методов анализа, выявление расхождений между оригиналом и переводом героического эпоса «Манас», изучение влияния экстралингвистических факторов в процессе перевода между неродственными языками и многие не менее важные результаты служат дополнительными аргументами [1].

В докторской диссертации Бүркүтбая Ерматовича Дарбанова «Проблемы теории речевосприятия» проводится комплексное исследование процедур, способов и механизмов речевосприятия в условиях лингвоэтнокультурного пространства Кыргызской Республики. [4].

В последние годы в Кыргызстане проведены исследования по лингвокультурологии, когнитивной лингвистике, посвященные анализу различных концептов как непосредственно в кыргызском языке, так и в сопоставительном плане: «Языковая картина мира в русско-кыргызском культурно-смысловом пространстве (на материале концептов «глаз» – «коз» и «лицо» – «бет»)» Темиркуловой Ы. А. (2010), «О ментальном содержании антонимичных концептов, представленных в паремиях» Эргешовой С. (2012), «Концепт «бала/ребенок» в кыргызском языке» Төлөковой Э. Т. (2012), «Концепт “Вода/Суу” в русском и киргизском языках» Абыкановой Г. А. (2012), «Концепт «жизнь» в русской и кыргызской языковой картине мира» Бутешевой А. Р. (2012), «Кинологические концепты в ментальной семантике

языка” С.М.Амиралиева (2014), “Концепт «традиция» в кыргызском и русском языках” Мадаминовой Д. Б. (2020), “Теологические концепты в proverbially-языковой картине мира” Калмурзаевой А. А. (2013), “Национально-культурная специфика табу в немецкой и кыргызской лингвокультурах” А.М.Баялиевой (2020), «Концепт «человек» в когнитивно-лингвистической картине мира» М. Е. Дарбанова (2021), “Концепт “радость” в тексте художественного произведения” Н. Э. Арсланбековой (2022), “Концепт “юмор” в ментальной семантике языка” Сабиралиевой З.М. (2022), “Этнолингвистическая интерпретация чисел и понятий меры в эпосе «Манас» Н.Касымбековой (2023), “Ключевые концепты в кыргызской языковой картине мира: «Вода», «Гора», «Земля», «Юрта», «Еда», «Одежда»” Г.Ш.Абдразаковой (2023), “Лингвокультурная специфика фразеологизмов со значением времени в кыргызском и русском языках” Эркинбек к.Наргиза (2023) и многие другие.

Приведенный выше обзор научных исследований кыргызских ученых показывает, что лингвокультурология как наука является динамично развивающейся лингвистической дисциплиной в Кыргызской Республике и представляет значительно весомый интерес для кыргызского языкознания, которое изучает взаимосвязь языка и культуры на основе уникальных национально-специфических особенностей и менталитета кыргызского народа и его самобытной системы и ставит своей целью формирование языковой картины мира кыргызского этноса.

Следует отметить, что с 28 июня по 5 июля 2014г. впервые была организована летняя школа и международная конференция, посвященная вопросам лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и концептуальных исследований, что еще больше повысило интерес к лингвокультурологии в Кыргызстане. Организатором и председателем оргкомитета была член-корреспондент САН ВШ, доктор филологических наук, профессор Марина Владимировна Пименова, КГУ им. И.Арабаева, я была главным координатором этой Школы. В данном мероприятии приняли участие аспиранты, докторанты, преподаватели из шести стран – России, Кыргызстана, Казахстана, Белоруссии, Украины и Азербайджана. Лекторами Школы выступали доктора филологических наук, профессора: Валентина Авраамовна Маслова (Белоруссия), Марина Владимировна Пименова (Россия), Замира Касымбековна Дербишева (Киргизия) и Мамед Джакыпович Тагаев (Киргизия).

Вот что пишет о роли Школы в развитии лингвистической науки в Кыргызстане З. К. Дербишева (лектор Школы, Бишкек): «Летняя школа по когнитивным и концептуальным исследованиям, которая проходила в этом году в Кыргызстане, на берегу высокогорного озера Иссык-Куль, стала значимым событием в научной жизни нашей республики. Лингвистическая наука в нашей стране в силу удаленности от ведущих научных центров, развивалась последнее время несколько консервативно, и естественно, новые направления с трудом пролагали себе дорогу, поскольку доминировали традиционные учения, в плену которых находятся многие наши языковеды. И, тем не менее, благодаря тому, что мы сегодня живем в условиях глобальной сети, нам иногда удается в поисках новой мысли приобщиться к современным учениям в области лингвистической науки. И как же было взбудоражено наше лингвистическое сообщество, когда стало известно, что ведущие ученые в области когнитивной лингвистики из России, Беларуси и Казахстана намереваются провести Летнюю школу и конференцию по когнитивным и концептуальным проблемам у нас в Киргизии.

Хочется отметить высокий научный уровень Летней Школы, который, прежде всего, был обеспечен благодаря лекторам, известным ученым д.ф.н. проф. М.В. Пименовой (из России), и д.ф.н. проф. В.А. Масловой (из Беларуси). Имена этих ученых уже известны в наших кругах, и именно этот факт вызвал творческий интерес к этому проекту. Блестящие лекции М.В. Пименовой сформировали у слушателей полное представление о русской языковой картине мира, о системе языковых кодов русской культуры и т.д. Иллюстративный материал, подобранный Мариной Владимировной к лекциям, был чрезвычайно богатым и

увлекательным. Огромным успехом пользовались лекции проф. В.А. Масловой, которую в нашей стране знают как одного из основателей когнитивной лингвистики на постсоветском пространстве. Валентине Авраамовне были адресованы особые чувства гордости и восхищения, поскольку многие годы она жила и училась в Киргизии. Хочу выразить огромную благодарность организаторам этого проекта из России, Казахстана и Беларуси, который уже давно и успешно объединяет ученых многих стран....».

Вот как отзываются об особенностях национального менталитета кыргызского народа, кыргызской культуры и о кыргызском языке участники Школы:

Наталья Васильевна Семёнова так описывает свои впечатления о Школе на Иссык-Куле: «Так и хочется начать со слов в сочинении “Как я провела лето на Иссык-Куле”»).

Мое лето заключалось в чудесном 7-дневном постижении культурных кодов в разных языках, в детальном анализе ментальности и сказочного дискурса, в развенчании стереотипного представления о женщинах и мужчинах (лично мне надо было 43 года прожить, чтобы понять это)))), в погружении в русско-киргизский или киргизско-русский билингвизм, в когнитивной интерпретации ключевых концептов киргизской лингвокультуры, в новом прочтении (во всяком случае, для меня!) реликтов древнего сознания и серьезном (а иногда и веселом!) подходе к характеристике национального характера русских, киргизов, казахов (они же, как выясняется, и казаки), англичан, американцев.

Доброжелательная атмосфера на занятиях, интерактивные лекции наших великолепных Мастеров слова Марины Владимировны Пименовой и Валентины Авраамовны Масловой, немного стеснительного (как мне показалось) и ироничного профессора Мамеда Джакыповича Тагаева и демократичного профессора Замиры Касымбековны Дербисевой задавали ритм активной и плодотворной работе всех участников и слушателей Школы. Я считаю, что такие научные Школы способствуют объединению людей разных религиозных, политических, культурных взглядов и дают возможность решать сложные человеческие проблемы путем сказкотерапии и расширения горизонтов познания языковой картины мира”.

Ольга Сергеевна Худякова (Красноярск, Сибирский федеральный университет): «Летом 2014 года мне снова посчастливилось побывать на XIV международной Летней научной Школе когнитивной лингвистики. Самое удивительное, что эта школа проходила в прекрасном и новом для многих из нас месте - на берегу озера Иссык-Куль, в Киргизии - там, где я уже очень давно мечтала побывать. Вероятно, что если бы не Школа, мне бы так и не удалось посетить эти красивейшие, чудесные края, поэтому я вдвойне благодарна организаторам данного события: нам, участникам и слушателям, удалось не только наладить успешную коммуникацию с представителями других научных школ и национальных университетов, обогатить и расширить собственную научную картину мира, но и прикоснуться к красоте местной природы, почувствовать энергию и гармонию заснеженных горных вершин, зеленых лугов, бурлящих рек и чистейших прозрачных озер Кыргызстана.

Я очень рада, что у меня и моих коллег из разных городов и стран есть замечательная возможность участвовать в подобных мероприятиях. Каждый раз приезжаешь со школы, зарядившись положительными эмоциями и напитавшись новыми научными идеями, знаниями. Неудивительно, что сразу по возвращении домой принимаешься за собственную научную работу, что-то переосмысливаешь или начинаешь видеть с совершенно другой стороны. Я думаю, это бесценный опыт!».

Елена Николаевна Горбачёва (Астрахань): «... Школа на Иссык-Куле... Уже одно это словосочетание звучит лирично и вызывает в памяти необычные воспоминания, я бы даже сказала – воспоминания с оттенком романтики. Это и была наша «научная романтика», небольшое «научное приключение»: лекции и конференция практически на лоне природы, и какой природы! Невероятной красоты озеро, горы, лошади, водопады, цветы... Как здорово было постигать когнитивную лингвистику и одновременно новую страну, новую

лингвокультуру, носители которой просто потрясли нас своим гостеприимством, добродушием и открытостью! Я считаю, что это очень хорошая находка организаторов – проводить Школу там, где есть возможность изучать когнитивистику на новом языковом материале. Вообще организаторы и лекторы Школы на Иссык-Куле проделали огромную работу, за что мы им очень благодарны и признательны».

Лилия Борисовна Тарасова: «...Школа на Иссык-Куле – это словно полет на другую планету. Это ощущение возникает не только из-за того, что это, конечно же, другая страна, культура, обычаи, люди, добрые, открытые, гостеприимные; но и из-за чувства необыкновенного спокойствия и уюта, которое навевают прозрачные воды озера; далекие, голубые и манящие снежные вершины, и ущелья; зеленые высокогорные пастбища; мирно спящие жеребятки у ног своих мам-красавиц-кобылиц; шум водопадов; разноцветные, круглые, приятные на ощупь, камни Иссык-Куля; красно-желтые полосатые пейзажи каньона – долины Сказок...

Большую радость испытываешь в тот момент, когда не просто увидел что-то новое, а заметил в очертаниях одной горы черепаху морскую или чертоги замка, в другой – ногу великана; услышал не просто лекцию об языковой картине мира русского, киргизского, казахского народов, а непосредственно услышал незнакомую речь; захотел сам сделать открытие – узнать историю Слова, а конечном счете, и историю своего народа!..

Именно такой толчок и желание жить, искать, творить дарят нам Школы! Дают новые силы и новых друзей!»

Как нам кажется, именно такие впечатления являются движущей силой, импульсом и мотивацией для творчества, изучения, исследования культуры того или народа через язык. Вот это и есть лингвокультурология...

Литература

1. Алишова М.К. «Сопоставительное исследование языковой картины мира в английском и киргизском языках (на материале художественных, стилистических и языковых средств). – Б., 2021.
2. Бартольд В.В. Киргизы: Исторический очерк// Соч.: в 9 т. – Т.2, ч.1 – С.475-477
3. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984.
4. Дарбанов Б. Е. Проблемы теории речевосприятия (на материале лингвоэтнокультурного пространства Кыргызстана). – Б., 2013.
5. Дарбанов М.Е. «Адам» концептинин когнитивдик-тилдик мазмуну. – Бишкек: «Кыргызстан», 2020. – 216 с.
6. Дербишева З. К. Ключевые концепты киргизской лингвокультуры. – М.: Флинта: Наука, 2020. – 116 с.
7. Дербишева З. К. Язык и этнос: моногр. – М.: Флинта: Наука, 2017. – 256 с.
8. Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика. – М., 1977. – С.81. 4, 81
9. Ибрагимов С. Лингвокультурология – тилдик маданият таануу. Тарыхы жана теориялык негиздери. Бишкек, 2004. – 118 стр.
10. История Киргизской ССР: в 5 т. – т.1. – с. 242;
11. Кадырбекова П. К. Лингвокультурологические и лингвокогнитивные аспекты межкультурной коммуникации. – Бишкек, 2012. – 419 с.
12. Камбаралиева У. Д. Когнитивдик тил илими. – Бишкек, 2019. – 324 с.
13. Камбаралиева У. Д. Темпоральная категоризация в концептуальной картине мира (на материале русского и киргизского языков). – Бишкек, 2013. – 490 с.
14. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. – М., 1987. – 272 с.
15. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М., Изд.центр “Академия”. 2004. – 208 с.
16. Мукасов Ы. М. Мировоззренческая сущность киргизских мифов / НАН КР, Ин-т философии и политики правовых исследований. – Б., Илим, 2018. – 170 с. С.56, 58
17. Мусаев С. Ж., Мусаева Т. С. Кыргыз адабий тили: улуттук доорго чейин жана улуттук доор мезгилинде. – Б., 2020. – 508 с.
18. Нарынбаева Б.Б. «Фразеологическая картина мира французского и киргизского языков». – Б., 2017.
19. Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Концептуальные исследования. – Москва: изд-во “Флинта”; “Наука”. – 2011. 176 с.
20. Тагаев М. Дж. Диалог языков и культур (на материале функционирования и взаимодействия культурно-языковых пространств киргизского и русского языков). – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2015. – 240 с.

21. Schott W. „Die ächten Kirgisen“ (“Чыныгы кыргыздар жөнүндө”). Aus den Abhandlungen der Königl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin. – 1865. S. 429-474.

ХАЙРУЛЛИНА Р.Х.

*Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
Уфа, Россия*

ЛИНГВОКУЛЬТУРА НАРОДА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЕГО ФИЛОСОФИИ ЖИЗНИ

Язык как система национального миропонимания подвержен историческим изменениям, получающим выражение как в процессе создания новых языковых единиц, так и в трансформации структуры и культурного смысла уже имеющихся в языке. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения живых языковых процессов в призме смещения этических приоритетов под влиянием социокультурных процессов, уровня жизни людей, экономической политики. Поскольку фразеологическая картина мира передает понимание объективной действительности в образах, то наиболее ярко общественную динамику (как положительную, так и отрицательную) передают устойчивые обороты языка – фразеологизмы, пословицы, клише, присловья и другие типы устойчивых оборотов. Целью данной работы является лингвокультурологический анализ современных устойчивых оборотов разных типов, которые отражают изменения в жизни общества (его отдельных социальных слоев) путем формирования новых культурных смыслов в семантике оборотов, изменения их структуры (дополнение или замена компонентов). В качестве эмпирического материала использованы материалы лингвокультурологических словарей русского языка, Интернет-ресурсов, выражения из живой разговорной речи. В ходе анализа установлено, что при трансформации традиционных фразеологизмов и пословиц используется продолжение, меняющее общий смысл оборота, замена или дополнение компонентов, придающих обороту современный культурный смысл. Например, С милым рай и в шалаше, если милый на Порше. Выявлено, что причинами таких трансформаций выступают экономическая ситуация, изменения в межличностных отношениях, определенное безразличие или привыкание к тяготам жизни. Часто такие выражения характеризуются иронической или саркастической окраской.

Ключевые слова: лингвокультура, философия, мировоззрение, миропонимание, устойчивый оборот, трансформация, культурные смыслы.

Введение

На протяжении всей истории человечества люди задумывались над принципами мироустройства, чтобы понять свое место в мире и свое предназначение в жизни. В процессе такого осмысления складывалось особое мировоззрение, представляющее собой общий критический подход к познанию всего сущего на Земле. Такое философское осмысление мира всегда было обусловлено развитием социальной жизни людей в поиске мировоззренческих идей, благодаря которым могло осуществляться регулирование человеческой деятельности.

Термин «философия», как известно, был впервые применен в 500-х годах до новой эры в античных учениях Пифагора. Основным вопросом философских доктрин античных мыслителей была проблема соотношения бытия и мышления, а соответственно и языка человека. Целью философии было создание в процессе осмысления реальной действительности целостной картины мира и бытия человека в нем. В типологии картин мира исходное место занимает мифологическая картина мира, которая и стала базой для формирования философии. Благодаря сложившейся системе взглядов на мир, выступающей для человека ориентиром в жизни, формируется сама личность человека.

Антропоцентрическая лингвистика в корне изменила направление лингвистических исследований, переместив акценты с языка как структурно-системного образования на изучение *homo lingualis* (термин В.А. Масловой) в широком контексте его общественного и социокультурного развития. Сформировался новый глоссарий – лингвокультурологический, в котором получили выражение ментальные, психологические, социальные, культурные и языковые особенности познавательной деятельности человека, по образному выражению древнегреческого мыслителя Протагора, как «меры всех вещей».

Язык как составная часть триады «объективная действительность – человек – слово» становится объектом комплексного исследования в рамках целого ряда гуманитарных дисциплин (когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, лингвофилософии, прагмалингвистики и т.д.).

Несмотря на большое количество трудов, посвященных изучению взаимодействия внеязыкового и лингвистического в структуре и семантическом пространстве языка (Арутюнова, 1999, Воробьев, 1997, Красных, 2001, Кубрякова, 1988, Лосев, 1993, Маслова, 2007, Стернин, 2007, Телия, 1996 и др.), сегодня есть настоятельная потребность учитывать в лингвистических исследованиях современные условия жизни людей, динамику общественных и экономических процессов, так как язык постоянно демонстрирует изменения в результатах оценочно-познавательной деятельности и менталитете. То, что оценивалось положительно вчера, сегодня подвергается критике и осмеянию, по-другому расставляются жизненные приоритеты, и это касается даже таких непреходящих духовных ценностей, как свобода, любовь, красота духа. В то же время отметим, что данные процессы являются типичными не для всех слоев общества, однако их нельзя игнорировать, поскольку они уже получили закрепление в русской языковой картине мира и нуждаются в исследовании. В данной статье поставлена цель – выполнить лингвокультурологический анализ языковых единиц, в частности устойчивых оборотов разных типов, отражающих изменения ключевых жизненных установок и концептуальных принципов «успешной, состоявшейся жизни», то есть философии жизни народа как концепции.

Методы и материалы

В работе использовались как общенаучные методы, такие, как описательный и дистрибутивный методы, так и частнонаучные – лингвокультурологический, концептуальный методы.

Материалом исследования послужили более 200 устойчивых оборотов разных типов, отобранных методом сплошной выборки из «Словаря-тезауруса русских пословиц, поговорок и присловий» В.И. Зиминой (Москва: АСТ-ПРЕСС, 2016. – 729 с.), из интернет-ресурсов (rogovorki-poslovicey.ru), форумов и соцсетей, живой разговорной речи.

Результаты

Несмотря на мировоззренческий характер, философия как система миропонимания реальности и самого человека неотделима от культуры как совокупности материальных и духовных ценностей народа, которые вырабатываются отдельными народами в ходе их исторического развития. А.Ф. Лосев определял культуру как «предельную общность всех основных слоев исторического процесса» (Лосев, 1991: 167). Содержание национальных культур – это этнически маркированная интерпретация основных (общечеловеческих) духовных постулатов, для каждого отдельно взятого народа понятия жизни и смерти, добра и зла, красоты, патриотизма, свободы, красоты и др. формируются в контексте его общественного развития и социокультурной среды, традиций и обычаев. Так, для восточных народов высшим проявлением патриотизма считалось изощренное убийство врага. Пословицы всех народов закрепляют в языке понимание жизненных установок. Например, о

том, что нужно хорошо обдумать, прежде чем начать какое-то дело: русск. *Поспешишь – людей насмешишь*, Лат. *Testina lente* (Поспешай медленно). Японск. *Не трясى зеленую яблоню, яблоко поспеет, само упадет*. Башк., тат. *Ашыккан – сазга баткан* (букв. Поспешивший увяз в болоте) и др.

В современной науке исследованию философии как одного из компонента культуры и философии языка посвящен целый ряд работ (Лосев, 1991, 1993, Апресян, 1995, Арутюнова, 1998, Кубрякова, 1997, 2004, Степанов, 1998, 2001, Юрченко, 1995, 1997, 2005, Стернин, 2011, Хайруллина, 2012 и др.).

В нашем исследовании мы акцентируем внимание на понятии «философия жизни», то есть рассматриваем систему национального миропонимания как концепцию жизни народа с этическими установками – что есть жизнь, бинарность жизни и смерти, как надо и не надо жить, чтобы выполнить свою миссию на Земле. Всем известны выражения *философствовать на какую-либо тему, относиться ко всему философски, Ну, ты и философ!* В них терминологическое понятие используется в метафорическом значении как народная мудрость, общие размышления о жизни, мире, самом человеке, о взаимоотношениях человека и объективного мира, человека и сообщества, в котором он живет. Понимание языка как системы национального мировидения и миропонимания восходит к теории В. фон Гумбольдта, по мнению которого, «изучение языка не включает в себе конечной цели, а вместе со всеми прочими областями служит высшей и общей цели совместных устремлений человеческого духа – цели познания *себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя*» (выделено нами – Р.Х.) (Гумбольдт, 1985: 34).

Ю.Д. Апресян в работе «Образ человека в языке: попытка системного анализа» также писал о формировании коллективной философии народа: «Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (=концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в единую систему взглядов, своего рода коллективную философию» (Апресян, 1995: 349).

А.Д. Шмелев в работе «Русская языковая картина мира: системные сдвиги» обращает внимание на системные сдвиги в языке современного носителя русского языка: «Неявные компоненты смысла, формирующие языковую концептуализацию мира, представляют собою своего рода «презумпции», поскольку их истинность носители языка обычновоспринимают как нечто само собою разумеющееся, пока кто-то не поставит ее под сомнение, т. е. обратит внимание на «скрытые» компоненты значения, извлечет их на поверхность и поместит в фокус внимания» (Шмелев, 2009: с.15).

Жизнь человека проходит по стереотипному сценарию с некоторыми вариациями: родился, жил, работал, женился, состарился, умер. Но стратегия жизни у каждого народа своя, причем, наряду с общечеловеческими принципами, обусловленными самой природой человеческой жизни, у каждого народа есть свои традиционные установки. Такие принципы могут быть обусловлены и возрастными, и гендерными факторами, и социальными статусом людей, индивидуальными предпочтениями. Как нужно прожить жизнь, чтобы потом «не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы» (Н. Островский) – ответ на этот вопрос зашифрован в лингвокультуре народа. Наиболее ярко философия жизни народа отражена в «энциклопедии народной жизни» – паремиологическом фонде, в художественной литературе. Ключевые принципы успешной жизнедеятельности передаются человеку в семье с детских лет. «*Кроха-сын к отцу пришел, и спросила кроха: Что такое хорошо и что такое плохо?*» – стихотворение В. Маяковского яркий тому пример.

Сегодня одни пословицы не отражают современных принципов жизни, другие остаются актуальными, так как закрепили культурный смысл непреходящих человеческих ценностей – дружба, совесть, любовь, родина. Так, устарел культурный смысл в связи с гендерным равноправием и эмансипацией женщин в пословицах о женской доле, женских обязанностях, об оценке интеллектуальных способностей женщин (*Баба с возу, кобыле легче; Волос долог, да ум короток; Курица не птица, баба не человек*), о том, какой должна быть

семья (*С детьми дом базар, а без детей могила; Один ребенок – пол ребенка, два ребенка как один ребенок, трое детей – семья*), об отношении к материальным благам, деньгам (*Не имей сто рублей, а имей сто друзей*).

Язык меняется в разные исторические эпохи, и лингвокультура всегда отражает такие социокультурные изменения. И миропонимание как система также меняется под влиянием внешних обстоятельств: «Язык есть система понимания, то есть, в конечном счете, миропонимание, язык и есть само миропонимание» (Лосев, 1993: 882).

По определению В.В. Красных, «лингвокультура есть воплощенная и закрепленная в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых процессах культура, культура, явленная нам в языке и через язык» (Красных, 2013: 10). Одним из таких языковых процессов является трансформация традиционных устойчивых оборотов и создание новых под влиянием изменений в миропонимании носителей языка. Меняются общественные, экономические и социокультурные условия жизни, и соответственно меняются ключевые установки и правила жизни. Они могут получать закрепление в новых языковых единицах и в единицах, трансформированных под влиянием оценочно-познавательной деятельности людей в новых исторических условиях. В таких устойчивых оборотах отражается отношение современного человека к таким сферам жизни и социальным институтам, как семья и дети, работа, дом, материальные блага, дружба, социум и др. Многие новые устойчивые обороты ассоциируются с традиционными народными пословицами, изменяя их культурный смысл в соответствии с новыми условиями жизни и призмой их восприятия.

Дадим анализ некоторых из них.

Ученье свет, а неученых тьма

Ученье свет, а неученье чуть свет и на работу

Если такой умный, то почему такой бедный?

В пословицах дана оценка важности хорошего образования, дающего возможность сделать карьеру, зарабатывать большие деньги. Яркий колорит придает новым пословицам элемент языковой игры: *свет – чуть свет (очень рано), ученье – неученые*. Отсутствие образования зачастую ведет к низкооплачиваемой работе, к трудовой занятости по 12 часов в сутки.

С милым рай и в шалаше, если милый на Порше (Ср. Не по хорошу мил, а по милу хорош; Сердцу не прикажешь)

Любовь сегодня порой основывается на экономической выгоде. Название марки дорогого автомобиля демонстрирует, насколько высоки запросы девушки.

Дадут? Да, догонят и еще дадут; Раньше сядешь – раньше выйдешь; Небо в клеточку

В первом обороте происходит языковая игра на основе метафоризации глагола *дать* – в значении *побить* (Ср. выражение угрозы в предложениях: *Я тебе дам! Как дам сейчас!*). Второй оборот обычно используется как ответная реплика на предложение *сесть*, поскольку глагол ассоциируется с заключением за решетку (переносное значение глагола – *сесть* в тюрьму). В традиционной пословице *От сумы и от тюрьмы не зарекайся* закреплена установка – в жизни всякое может случиться (русский человек по сути своей фаталист), человек может разориться или попасть в тюрьму. Исторически закреплённый опыт о фактах тюремного заключения людей в 20-е годы страшного голода за кражу колосков с колхозного поля, выдающихся деятелей культуры, литературы, политиков как инакомыслящих граждан в страшные годы репрессий, солдат, попавших в немецкий плен в годы Великой Отечественной войны, а потом вернувшихся домой и другие факты истории сформировали у русского человека понимание того, что за решетку попадают не только преступники. Отсюда черный юмор на эту тему.

Дети – цветы на чужом подоконнике

Исконно на Руси и дореволюционной России было принято воспитывать детей целыми поколениями, семьи были многодетными. Роль женщины сводилась к домашним

обязанностям, воспитанию детей. С изменением социального статуса женщин появилась возможность получения высшего образования, наравне с мужчинами занятия карьерой, занимая высокие должности. Детей в семье стало мало, во многих семьях воспитывается единственный ребенок, что не обеспечивает воспроизводство населения. Современная демографическая обстановка в стране вызвала такие государственные формы поддержки рождаемости, как выплата материнского капитала, социальные выплаты многодетным семьям и др. В настоящий период родить и вырастить ребенка, и тем более не одного, требует от родителей самоотверженности и материальной обеспеченности. Влиянием западной идеологии можно считать течение *child free* – осознанный отказ от рождения детей в семье.

Раньше лезли вон из платья, чтобы кожу показать, нынче лезут вон из кожи, чтобы платье показать (Ср. По одежке встречают, по уму провожают).

Внешний вид человека, несомненно, играет роль при его восприятии. Но исконно на Руси считалось, что важны в первую очередь не внешние качества предметов, человека (*Не красна изба углами, а красна пирогами; С лица воду не пить; Не родись красивой, а родись счастливой*), важен духовный мир человека, его душа, прагматические качества предметов. Сегодня же внешность зачастую оценивается по параметрам, навязанным чуждой идеологией (внешность Барби – 90-60-90), одежда становится показателем социального статуса и материального достатка людей. Только для очень обеспеченных доступны вещи мировых брендов, дорогие украшения, которые становятся мерилем ценности человека. Формируется мнение о плохо и бедно одетом человеке, что это *нищоброд*, что отражает презрительную его оценку с позиций очень состоятельных людей.

Без бутылки не разберешься (ср. Башк. Сэй эскэнем бар ул / букв. Да чай-то мы пивали – намек на угощение напитком покрепче). Чай не водка, много не выпьешь

Во многих работах по этнопсихолингвистике и лингвокультурологии отмечается такая черта характера русского человека, как склонность к пьянству. Исконно тяжелый сезонный труд, безысходность, холодный климат с долгими зимами обусловили потребность в празднике души, в снятии психической напряженности посредством горячительных напитков. В советский период и в переходные 90-е годы водка была «жидкой валютой», которой расплачивались за выполненную работу в быту. Русские пословицы также отразили это свойство русских: *Сыт, пьян и нос в табаке* – характеристика довольного человека.

Вот тебе рубль, и ни в чем себе не отказывай!

Не в деньгах счастье, а в их количестве.

Денег много не бывает

Цена вопроса

Кому нары, а кому Канары

В современной речи много новых выражений о социальном расслоении общества, в них содержится и ирония по поводу нехватки средств на жизнь, Ср. прецедентную фразу из кинофильма: «Советские люди на такси в булочную не ездят!»

«Традиционно в русской культуре удовольствие и жизненный успех не рассматривались как основополагающие жизненные ценности» (Шмелев, 2009: 19). Материальные блага, богатство сегодня – результат высокого социального статуса. Экономическая пропасть между разными слоями социума вызывает у простого обывателя одновременно злость (*Все никак не нажрутся!*) и зависть (*Чтоб я так жил!*)

Крыша есть – ума не надо (Ср. Сила есть – ума не надо)

Тот прав, у кого больше прав

Выражение из 90-х, отражающее такие явления, как рэкет, подкупность отдельных представителей силовых структур.

Как видим, новые и трансформированные устойчивые обороты в живой разговорной речи отражают изменения менталитета русского народа, описывают изменения в обществе.

Сравнение таких оборотов с традиционными выражениями дает возможность оценить современные приоритеты в жизни людей.

Заключение

Лингвокультурологический анализ приведенных выше современных выражений, отражающих социальные изменения в обществе, свидетельствует о том, что жизненные установки и правила изменяются в разные исторические периоды, что приоритеты в понимании людьми залога успешной жизни могут расставляться по-другому, в сравнении с традиционными этническими канонами, и зависят от социального статуса, уровня образования, пола, материального положения людей в современном обществе. Если паремиологический фонд выступает «энциклопедией народной жизни», то в живой разговорной речи формируется новая философия жизни современного человека. В перспективе составление словаря таких новых и трансформированных традиционных устойчивых оборотов может дать богатый материал для изучения динамики ментальных, культурных и лингвистических процессов в речи современных носителей русского языка.

Список литературы

- Апресян Ю.Д. Образ человека в языке: попытка системного анализа //Избр. труды/ Ю.Д. Апресян. М.: Школа «Языки русской культуры. Том 2.- 1995.с.348-385.
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: «Языки русской культуры», 2-е изд. , 1999. 896 с.
- Воробьев В.В. Лингвокультурология: теория и методы. М.: изд-во РУДН, 1997. 331 .
- Гумбольдт В. Избранные работы по языкознанию. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1984. 397 с.
- Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и присловий. Москва: АСТ-ПРЕСС, 2016. 729 с.
- Красных В.В. Лингвокультура как объект когнитивного исследования // Вестник Моск. ун-та. Серия 9: Филология. М., изд-во МГУ, 2013. № 2. с.7-18.- 10.
- Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: «Наука», 1988. с.141-172.
- Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. 958 с.
- Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. Москва: Политиздат, 1991. 524 с.
- Маслова В.А. Homo lingualis в культуре. М.: Гнозис, 2007. 320 с.
- Маяковский В.В. Что такое хорошо, и что такое плохо // В.Маяковский. /Текст / Стихотворения. М., 1912.87 с.
- Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
- Телия В.Н. Русская фразеология, Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
- Хайруллина Р.Х. Лингвофилософия: особенности национального языкового сознания. Уфа, 2012. 138 с.
- Шмелев А.Д. Русская языковая картина мира: системные сдвиги // Мир русского слова. № 4, 2009. с.14-21.
- Юрченко В.С. Философия языка и философия языкознания. Лингвофилоофские очерки. Москва: URSS, 2005. 368 с.

ДОКЛАДЫ УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

АБДУАЗИЗОВА Д.А.

Таможенный институт Таможенного комитета Республики Узбекистан

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В РАЗНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В статье проводится комплексный междисциплинарный подход к изучению антропоцентризма сквозь призму проблем взаимодействия человеческого фактора и окружающей действительности в процессах понимания и интерпретации невербальных средств коммуникации. В частности, в рамках антропоцентрического подхода, проводится соотношение социокультурных, коммуникативно-прагматических, этноспецифических, когнитивных аспектов с паралингвистическими средствами.

Ключевые слова: антропоцентризм, паралингвистические средства, социалингвистика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика,

На сегодняшний день в контексте развития мировой лингвистики в области антропоцентризма проводятся активные исследования по следующим приоритетным направлениям: лингвокультурологии, паралингвистике, социалингвистике, когнитивной лингвистике, гендерной лингвистике, психолингвистике, межкультурной коммуникации. Общей связующей нитью всех этих направлений является комплексный междисциплинарный подход к изучению антропоцентризма сквозь призму проблем взаимодействия человеческого фактора и окружающей действительности в процессах понимания и интерпретации невербальных средств коммуникации. В частности, в рамках антропоцентрического подхода, вопросам соотношения социокультурных, коммуникативно-прагматических, этноспецифических, когнитивных аспектов с паралингвистическими средствами, уделяется особое внимание.

Система паралингвистических средств представляет собой сложное, многоаспектное, полифункциональное явление, описание которого требует комплексного подхода с учётом коммуникативно-прагматических, когнитивных и социокультурных факторов.

Социалингвистика — раздел языкознания, изучающий связь между языком и социальными условиями его бытования. Социалингвистика по своей сути является описательной наукой. Д.Кристал, определяя данную науку как отрасль лингвистики, которая изучает все аспекты отношений между языком и обществом, утверждает: «Социалингвистика изучает такие вопросы, как языковая идентичность социальных групп, социальное отношение к языку, стандартные и нестандартные формы языка, модели и потребности использования национального языка и т.д». [12, p 389]

Для того, чтобы коммуникация состоялась, «говорящий должен не только грамотно владеть лексикой языка, но и ситуативной грамматикой», которая помогает правильно использовать язык в зависимости от коммуникативной ситуации. Коммуникативная ситуация включает в себя следующие составляющие: 1) говорящий (адресант); 2) слушающий (адресат); 3) отношения между говорящим и слушающим; 4) тональность общения (официальная – нейтральная – дружеская); 5) цель; 6) средства общения (вербальные и невербальные); 7) способ общения; 8) место и время общения. Изменение каждой из этих составляющих ведёт к изменению коммуникативной ситуации и, следовательно, к варьированию средств, используемых участниками ситуации, и их коммуникативного поведения в целом». [2, с.15]

Все вышеуказанные составляющие могут воздействовать по-разному на речь коммуникантов. В.П.Коровушкин рассматривает понятие социально-коммуникативной системы «как свод всех языковых средств коммуникации определённого социума в соответствии с социолингвистическими факторами и нормами, принятыми в данном обществе. Социально-коммуникативная система, имеющая конкретную структуру и организацию, во многом определяет речевое поведение коммуникантов в соответствии с социальными параметрами коммуникации». [6, с.245] Социолингвистика изучает язык во взаимосвязи с социальными факторами, которые в различных условиях и обстоятельствах определяют функционирование и развитие языка. На речь говорящего могут повлиять следующие социолингвистические категории: социальный статус, пол, возраст, образование, профессия. Всё вышесказанное в равной степени относится и к невербальному общению с помощью паралингвистических средств.

Одним из факторов, оказывающих большое воздействие на паралингвистическое поведение коммуникантов, является возраст. Разные учёные приводят различные классификации возрастных рамок. Основные возрастные категории — это детство, юность, взрослая жизнь, пожилой период и старость. В пределах каждой возрастной группы выделяются подгруппы в зависимости от физического, психологического и других показателей состояния личности.

Каждая возрастная группа имеет свои специфические особенности, по которым можно определить поведение человека. «Проблемы отнесения личности к определенной возрастной группе осложняет тот факт, что существует четыре вида возраста – хронологический (календарный, или паспортный), биологический, социальный и психологический. Хронологический, календарный или паспортный возраст – количество фактических лет человека в соответствии с его годом рождения. Под социальным возрастом понимается уровень социальных достижений индивида, включающий образование, профессиональный и социальный статус. Биологический возраст подразумевает физическое или биологическое состояние организма человека и зависит в первую очередь от его образа жизни. Психологический возраст, также называемый внутренним возрастом индивида, является внутренней субъективной оценкой своего состояния самим человеком. Таким образом, различные виды возраста, а также разные возрастные классификации затрудняют определение чёткого возрастного состояния отдельно взятой личности. Возраст рассматривается как социальная категория, непосредственно связанная с культурными традициями данного общества». [10, р. 311]. Х.Сакс излагает похожие идеи, высказывая мнение о том, что «каждой социальной группе свойственны определенные права и обязанности, культурно связанные с ней». [18, р.7] Это в полной мере относится и к возрастным категориям. К примеру, возраст бракосочетания в разных культурах варьируется.

Рассматривая возрастные особенности человека, можно определить к какой социальной группе он относится. Следовательно, в зависимости от социальной группы можно ждать соответствующее невербальное поведение. К примеру, в узбекской коммуникации младшим по возрасту не следует повышать голос на старшего, младшему по возрасту следует первому здороваться и уступать место и т.д. Изучение паралингвистических средств с опорой на возрастные характеристики, несущие в себе социолингвистический фактор можно изучать в двух направлениях. Во-первых, с точки зрения временных и пространственных параметров; во-вторых, в точки зрения изменений, происходящих в речевой и неречевой коммуникации в определённые возрастные периоды.

Следует подчеркнуть, что социологические факторы, такие как семейное положение, уровень образования, вид деятельности, религиозное воззрение могут также повлиять на определённые изменения в вербальном и невербальном поведении речи человека в определённые возрастные периоды жизни. С возрастом у человека меняется его физиологическое состояние – состояние ума, памяти, воображения и др. Кроме того, с

течением времени социальный статус человека также изменяется и соответственно, изменяется его социальная роль. Всё это отражается на его речевом и неречевом поведении. Большое количество исследований посвящено проблеме взаимосвязи речевого поведения и возрастной характеристики человека. А.Р.Бауер высказывает мнение о том, что «насколько человек становится старше, в его речи появляются элементы консерватизма. ...Пожилые и старые люди склонны выражать свои мысли короткими высказываниями, содержащими простой синтаксис». [9, р.77] Аналогичным образом «возрастные категории отражаются и в невербальном общении людей». [5, с.68] По нашим наблюдениям консерватизм пожилых людей также проявляется в использовании паралингвистических средств. Другими словами, пожилые люди более сдержанны в плане паралингвистических средств (жестикуляция, мимика) по сравнению с молодыми людьми. В зависимости от возраста меняются темы разговора, очерёдность высказываний, а также жанр разговора. А.Линдстом анализирует речь людей разного возраста при просьбах и предложениях и считает, что «пожилые люди в основном поддаются отрицательным стереотипам, так, например, при общении с молодым поколением. Влияние физического состояния и голоса делает их речь более синтаксически простой, менее эмоциональной», что безусловно отражается в их невербальном поведении. [17, р. 309]

Исследования невербальных средств, как уже отмечалось, опираясь на гендерные различия коммуникантов, также обусловлены социалингвистическими факторами.

Деление на женское и мужское – универсально. Оно свойственно всем языкам мира, т.к. оно базируется на физиологическом, психологическом и умственном характеристиках человека, хотя в разных культурах отношение к полу может вырваться.

Исследованиями гендерных особенностей речи учёные занимались с древности. Был изучен язык женщин, который отличался от языка мужчин. В работе О.Джесперсон, посвященной изучению и сопоставлению языка мужчин и женщин, приводятся причины различного вербального поведения обоих полов. Согласно данному исследованию, «девочки начинают говорить раньше мальчиков и, как правило, выражают себя более вежливо... Женщины используют в своей речи больше имен прилагательных, а мужчины – глаголов». [15, р.237]. Вне всякого сомнения, гендерные различия оказывают влияние на невербальное поведение мужчин и женщин.

В разные исторические периоды изменяется роль мужчин и женщин в обществе. Женщины многих стран вели активную работу в образовательной, научно-исследовательской, политической, экономической, социальной и творческой деятельности во второй половине XX века. В связи с этим, становится одной из актуальных проблем лингвистики, а также, как показали наши наблюдения в области паралингвистики исследование гендерного аспекта. Р.Т.Лакофф отмечает, что «гендерные различия есть в каждом языке, но проявляются по-разному в зависимости от самого языка и общества, в котором язык функционирует. Одним из основных факторов, влияющих на различие речевого и неречевого поведения мужчин и женщин, служит тот факт, что мужчины всегда чаще находились у власти, чем женщины. Учёный делает вывод о том, что женщины в силу своих политических и общегражданских прав выражают своё мнение более имплицитно, не желая показаться слишком категоричными», [16, р.23] и это также характеризует их паралингвистическое поведение. П.Эскерт разделяет точку зрения учёного, считая, что «речь мужчин и женщин отличается в связи с их разным положением в обществе, которое сложилось исторически». [13, р.3]

Использование ПЛС может быть обусловлено социокультурными факторами, особенно в плане специфики некоторых явлений, характерных только данной нации и её языка. Следует отметить, что, начиная с античного времени и в последующие столетия отмечалась связь языка с культурой, философией, психологией и этнографией. Вспомним, например, идеи Вильгельма фон Гумбольдта, который отмечал связь языка с мышлением, национальным самосознанием и духовной культурой. [4, с.298]

Следует подчеркнуть, что паралингвистические средства, являясь естественными, результатом определённых биологических и физиологических процессов, в целом представляются универсальным явлением в процессе коммуникации. Вместе с тем, паралингвистические средства характеризуются специфическими, зависящими от культуры, быта, этики, традиций, обычаев наций особенностями.

В конце XX века развивается «лингвокультурология, и язык начинает рассматриваться как продукт культуры, фактор формирования культурных кодов, т.е. предметом лингвокультурологии становятся язык и культура, находящиеся в диалоге и взаимодействии». [7, с.6] Национально-культурная специфика паралингвистических средств обусловлена, как уже отмечалось, прежде всего межъязыковыми и межкультурными различиями. Если в двух культурах наблюдается схожесть в ритуалах, обрядах или традициях, то вербализация их носит общий характер. Как указывает А. Вежицкая, «языковые и культурные системы в огромной степени отличаются друг от друга, но существуют семантические и лексические универсалии, указывающие на общий понятийный базис, на котором основываются человеческий язык, мышление и культура». [3, с.322] Национально-культурная специфика в межъязыковой коммуникации устанавливается четырьмя способами: «через культурные семы, культурный фонд, концепты и коннотации» [7, с.54] и, добавим, невербальное поведение коммуникантов. Существует справедливое мнение о том, что в основе культурных различий лежат различия в речевой и неречевой коммуникации. Основоположник теории межкультурной коммуникации Э.Холл высказывает идею об «однородности и взаимодетерминированности коммуникации и культуры». По его мнению, «культура есть коммуникация, а коммуникация есть культура». [14, с.137] Культура оказывает влияние на языковую картину мира, сложившуюся в сознании носителя данной культуры. «Языковая картина мира предшествует и формирует другие картины мира. Особенности языка определяют то, как человек видит самого себя и мир вокруг». [8, с.64] Сказанное свидетельствует о полной взаимосвязи и взаимозависимости языка, параязыка и культуры. С одной стороны, язык и используемые с ним паралингвистические средства являются результатом воздействия культуры, с другой – фактором, влияющим на концептуальную и языковую картину мира носителя определённой культуры.

Рассматривая проблемы взаимосвязи языка, параязыка и культуры, нельзя не затронуть вопросы использования паралингвистических средств в связи с когнитивной деятельностью человека. Другими словами, необходимо показать связь между паралингвистикой, когнитивной лингвистикой, которая проявляется в том, что параязык наряду с языковыми средствами передаёт определённую информацию, непосредственно связан с мыслительной деятельностью человека, его менталитетом и интеллектом. Когнитивная значимость паралингвистических средств обусловлена прежде всего тем, что в каждой конкретной ситуации общения они передают определённый смысл и выполняют разнообразные функции смыслообразования и смыслоразграничения, что будет в дальнейшем подтверждено анализом многочисленных примеров. Здесь же хотелось бы отметить процесс материализации мысли в тексте. Процесс формирования мысли происходит в мозгу человека и переносится в слове через его предметный образ (денотат), знаковый образ (сигнификат) и через их отношение – структурный образ». [11, р.19] Эта триада всегда соблюдается при вербализации мысли и выявляет когнитивную сущность паралингвистических средств, вербализованных в тексте с помощью языковых единиц, выступающих в качестве маркеров невербального поведения. В тексте, особенно в художественном, встречается много паралингвизмов, которые прошли процесс вербализации. Приведём пример из пьесы Бернарда Шоу «Пигмалион».

«Higgins: Following him. Good night. Over his shoulder, at the door. Put out the lights, Eliza; and tell Mrs. Pearce not to make coffee for me in the morning: I'll take tea. He goes out.

Eliza tries to control herself.... By the time she gets there, she is on the point of screaming. She sits down in Higgins's chair and holds on hard to the arms. Finally, she gives way and flings herself furiously on the floor raging.

Higgins: (In despairing wrath outside.) What the devil have I done with my slippers? He appears at the door.

Liza: Snatching up the slippers, and hurling them at him one after the other with all her force. There are your slippers. And there. Take your slippers; and may you never have a day's luck with them!

Higgins: Astounded. What on earth—! He comes to her. What's the matter? Get up. He pulls her up. Anything wrong?

Liza: Breathless. Nothing wrong—with you. I've won your bet for you, haven't I? That's enough for you. I don't matter, I suppose.

Higgins: YOU won my bet! You! Presumptuous insect! I won it. What did you throw those slippers at me for?

Liza: Because I wanted to smash your face. I'd like to kill you, you selfish brute. Why didn't you leave me where you picked me out of—in the gutter? You thank God it's all over, and that now you can throw me back again there, do you? She crimps her fingers, frantically.

Higgins: Looking at her in cool wonder. The creature is nervous, after all.

Liza: Gives a suffocated scream of fury, and instinctively darts her nails at his face.

Higgins: Catching her wrists. Ah! would you? Claws in, you cat. How dare you show your temper to me? Sit down and be quiet. He throws her roughly into the easy-chair.

Liza: Crushed by superior strength and weight. What's to become of me? What's to become of me?

Higgins: How the devil do I know what's to become of you? What does it matter what becomes of you?.....

Higgins: Thundering. Those slippers.

Liza: With bitter submission. Those slippers. I didn't think it made any difference now.

A pause... Eliza hopeless and crushed. Higgins a little uneasy.

Higgins: In his loftiest manner. Why have you begun going on like this? May I ask whether you complain of your treatment here? » [19]

В данном отрывке раскрываются чувства и состояние главных героев пьесы – Элизы и Хиггинса. Персонажи пьесы характеризуются с помощью совершаемых ими поступков, а также форм поведения и общения. Паракинесические и парафонетические средства в данном фрагменте текста передают дополнительную информацию о характере и поведении персонажей, их внутреннем психологическом состоянии, о характере личностных взаимоотношений. Эта информация имеет имплицитный характер и декодируется, главным образом, на основе анализа паралингвистических средств. Паракинесические (*he pulls her up, catching her wrists, throws her roughly...*) и парафонетические (*in despairing wrath outside, astounded, in his loftiest manner, chundering*) средства, используемые автором при создании образа Хиггинса, свидетельствуют о его несдержанном характере, высокомерии, грубом поведении и плохих манерах.

В создании образа Элизы паралингвистические средства направлены, прежде всего, на выражение внутреннего эмоционального состояния девушки, её чувств и переживаний, эмоциональный взрыв в ответ на грубое поведение Хиггинса. Автор использует большое разнообразие паракинесических (*holds on hard to the arms, snatching up the slippers, smash your face, crimps her fingers frantically, darts her nails at his face*) и парафонетических средств, характеризующих интонационный тон и громкость (*on the point of screaming, breathless, scream of fury, with bitter submission*), выражающих накал чувств и эмоций Элизы:

гнев, возмущения, отчаяние, обида, подавленность. Другими словами, использование паралингвистических средств в художественном тексте способствует формированию новых концептуальных смыслов, генерированию новых знаний об авторе и персонажах, конструированию образа автора и персонажа, что на наш взгляд и определяет когнитивную сущность паралингвистических средств во взаимодействии с лингвистическими. Как отмечает Е.Борисова, «Речь персонажа отражает его культурный уровень, профессию, душевное состояние и поэтому, должна быть понята не только как явление языка как такового, но именно как та или иная сторона его образа в более широком плане». [20, с.356] Продолжая эту мысль, необходимо подчеркнуть, что паралингвистические средства, наряду с лингвистическими средствами, выполняют аналогичные социокультурные и когнитивные функции.

Итак, все паралингвистические средства функционируют в речи коммуникантов под влиянием факторов социального, культурного, этнического и когнитивного характера, в связи с чем, учёт этих факторов является необходимым условием успешности коммуникации.

Литература

1. Ахьямова И.А. Формирование навыков невербального общения у старших дошкольников в процессе музыкального воспитания. Дис. на соискание уч. степени кандидата пед. наук. – Екатеринбург, 2002. – С.16.
2. Беликов, В.И., Крысин, Л.П. Социоллингвистика. – М.: РГГУ, 2001. – С.15.
3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языка. – М.,1971. – С.322.
4. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влияние на духовное развитие человечества. Избранные труды по языкознанию. – М. Прогресс, 1984. – С.298.
5. Киселёва А.В. Языковая репрезентация отрицательных эмоций в невербальном поведении лиц различного социального статуса (на материале англоязычных художественных текстов XX–XI вв.). Дис. на соискание уч. степени кандидата фил. наук. – Нижний Новгород, 2019. – С.68.
6. Коровушкин, В.П. Основы контрастивной социолектологии. Монография: в 2 ч. – Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2005. Ч.1 – С.245.
7. Маслова, В.А. Лингвокультурология. –М.: Академия, 2001. – С.6-8.
8. Маслова, Л.Н. Выражение согласия/несогласия в устной научной коммуникации: гендерный аспект: автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Москва: МГУ, 2007. – С. 64-65.
9. Bower, A.R. Evaluation in the bereavement narratives of the elderly Irish American widows. A.R. Bower. Old age and language: multidisciplinary Perspectives. – New York: Garland, 1999. – P.77-90.
10. Brown, P., Levinson, S.C. Politeness: Some Universals in Language Usage. – New York: Cambridge University Press, 1987. – P.311.
11. Croft W. and Cruse A. Cognitive linguistics. – U.K.: Cambridge University Press, 2004. – P.19-21.
12. Crystal David. A dictionary of Linguistics and phonetics. – Eugene. Oregon, 1993. – P. 389.
13. Eskert, P. Age as a sociolinguistics variable. Handbook of Pragmatics. – Helsinki: University of Helsinki, 1998. - P.3.
14. Hall, E. T. The silent language. – New York, 1959. – P. 137.
15. Jespersen, O. The woman in language: its nature, development and origin. Cambridge Journal of communication. – Cambridge, 1922. – P.237-254.
16. Lakoff, R. Pragmatic markers. Handbook of Pragmatics. – Helsinki: University of Helsinki, 2006. – P.23
17. Lindstom, A. Good enough: Low-grade assessments in care giving situations /A. Lindstom. Research on language and social interaction. – Philadelphia, 2009. Vol. № 42. – P. 309-328.
18. Sacks H. Hotrodter: A revolutionary category. Everyday language. Studies in Ethnomethodology. Ed. by G. Psathas. – New York: John Wiley and sons, 1979. – P. 7-14.
19. [URL:// http://www.literaturepage.com/read/pygmalion-63.html/](http://www.literaturepage.com/read/pygmalion-63.html/). (Дата обращения 21.02.2021.)
20. Борисова, Е.Б. Художественный образ в английской литературе XX века: типология - лингвопоэтика - перевод: дис. докт. филол. наук. Е.Б. Борисова. – Самара, 2010. – С. 356.

ТЮРКИЗМЫ РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЫ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ КОМПОЗИЦИЙ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена тюркизмам религиозной сферы, представленным в текстах современных музыкальных композиций на русском языке. Автор анализирует прагматику, описывает национально-культурный фон новых языковых единиц и даёт их лексико-семантические характеристики.

Ключевые слова: заимствования; тюркизмы; религионимы; лингвокультурология; лингвокультурная интерференция.

В настоящее время с развитием интернет-технологий дистанция между языками сокращается, ускоряется процесс заимствования. «Общая ситуация глобализации современного пространства создает условия особой проницаемости существующих языковых систем» [Привалова 2005; 340].

Если до недавнего времени существовали «сферы общественной жизни, где англицизмы полностью завладели лексическим пространством, например в эстрадной музыкальной культуре» [Валгина 2001; 116], то сегодня невозможно игнорировать тот факт, что всё больше, в том числе в текстах музыкальных композиций, встречаются заимствования из тюркских языков – тюркизмы. Под заимствованием мы понимаем «все иноязычные слова даже при первом их употреблении» [Китанина 2019; 500]. Термин «тюркизмы» мы используем в широком понимании, как «проникшие в русский язык из тюркских языков слова первоначально нетюркского происхождения, усвоенные тюркскими языками из какого-либо другого языка (иранских, арабского, монгольских и др.)» [Фаткуллина, Сулейманова; 2015].

В этой связи особый интерес представляют тюркизмы религиозной сферы. Отметим, что религиозную культуру мы понимаем как составную часть общей культуры, следовательно заимствование религионимов является активным процессом лингвокультурной интерференции, результатом взаимодействия языков, культур и религий народов Российской Федерации и стран СНГ.

Рассмотрим употребление некоторых тюркизмов религиозной сферы в текстах современных музыкальных композиций на русском языке.

В приведённом ниже примере, мы наблюдаем трансформацию русской разговорной этикетной формулы: «*Вот тебе **пламенный салам-салам алейкум***» (AYRYS, «*Пламенный*»). Использование религиозного приветствия вместо русского слова «привет» нацелено на опознание членов своей социальной группы, идентификацию «своих» и «чужих», причём как в языковом, так и в культурно-религиозном планах. Это приводит к утрате смысловой одномерности восприятия «своего» и «чужого», а так как «чужое» существует лишь при наличии «своего» [Куликова 2004; 183-184], такая этикетная формула воспринимается «своей» носителями как русского языка (представителями любой конфессии), так и тюркских языков (представителями религии ислама). Так реализуется стратегия повышения охвата аудитории (географического, языкового, культурно-религиозного).

В текстах современных музыкальных композиций на русском языке встречается и религиозный антропоним «*Лейла*» (*Jah Khalib*, «*Лейла*»; *Elsandobry*, «*Лейла*»). Примечательно, что он выступает в двух ипостасях: с одной стороны это женское имя, считающееся в том числе мусульманским, так как этот антропоним многократно упоминается в Коране (например, «*Arapça leyli (gece mektebi talebesi) kelimesinin yani sıra, Kur'anda Leyl Sûresi'nin ilk ayeti "yemin olsun, örttüğü zaman geceye" diye başlamaktadır (92/1)*» [Etimolojik açıdan ak sözlük]), а с другой – имя «*Лейла*» является фольклорным антропонимом

в тюркоязычной среде [Биктагирова, Хазиева-Демирбаш 2012; 272]. Имя «*Лейла*» не имеет эквивалента в русском языке и в данных контекстах не просто восполняет языковую лауну, оно выступает носителем нового лексического фона, таким образом обогащая русскую лингвокультуру.

Примером эквивалентной лексики может служить не до конца освоенное русским языком заимствование «*дунья*»: «*Ну где же ты была моя, Duniya / Ну где же ты теперь моя, Duniya*» (Tural everest, «Duniya»). В русском языке лексема «*дунья*» связана с учением ислама, однако, появление заимствования в поп-искусстве свидетельствует об ускорившемся процессе интеграции тюркизма и расширении его лексического значения (*дунья* – не только мирская жизнь в религиозном понимании, но и мир, вселенная – первое значение именно тюркской лексемы в соответствии со словарём TDK [Türk dil kurumu sözlükleri]). Ограниченность сочетаемости лексем *мир*, *вселенная* в русском языке не позволяет использовать их в данном контексте (ср. *Ну где же ты была моя, вселенная / Ну где же ты теперь моя, вселенная*) без уподобления выражений отрицательному языковому материалу и потери важного смыслового элемента, реализующего метафору. Введение иноязычного элемента позволяет решить проблему сочетаемости, более того, конечный *-a(-я)* ассоциируется с грамматическим женским родом в русском языке, что способствует метафоризации.

Наиболее прозрачная прагматика употребления тюркизма наблюдается в примере ниже: «*Я Рабби – она красивая / Я Рабби – очень милая / Я Рабби – дай нам сил*» (Элвин Грей, *Бабек Мамедраев, «Я Рабби»*). В данном случае заимствованное междометие также имеет русскоязычный эквивалент, который используется в тексте наряду с тюркизмом: «*Верю я, Боже поможет*». Такое употребление, однако, не представляется верным с точки зрения русского языка: *Боже* – звательная форма от *Бог*, или междометие – не выполняет в данном случае ни функцию обращения, ни экспрессивную функцию. Более привычная для адресанта форма «*Я Рабби*» замещает русский эквивалент и дополняет восточную стилизацию музыкальной композиции. Использование эквивалентных лексем, также, вероятно, направлено на расширение целевой аудитории.

Тюркизмы религиозной сферы в текстах современных музыкальных композиций используются как связующие элементы межкультурной коммуникации: они позволяют сохранять языковое многообразие и при этом расширяют русскую языковую картину мира.

Литература

1. Биктагирова З.А., Хазиева-Демирбаш Г.С. Личные имена в татарских и турецких пословицах и поговорках // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2012. №2. С. 271-274.
2. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по филол. направлениям и специальностям / Н. С. Валгина. Москва : Логос, 2001. 302 с.
3. Китанина Э. А. Ассимиляция лексических и грамматических заимствований в устной речи горожан. Русская грамматика: активные процессы в языке и речи : сборник научных трудов Международного научного симпозиума. Ярославль. 2019. С. 499-505.
4. Куликова Л. В. Концепт "чужой" в теории межкультурной коммуникации (русско-немецкий контекст) / Л. В. Куликова // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – № 1. – С. 179-187.
5. Привалова И. В. Интеркультура и вербальный знак : лингвокогнитивные основы межкультур. коммуникации : монография / Привалова И. В. - Москва : Гнозис, 2005 (Смоленск : Смоленская обл. тип. им. В.И. Смирнова). 469 с.
6. Фаткуллина Ф. Г., Сулейманова А. К. Тюркизмы в русской лингвокультуре. 2015. № 2-1. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20435> (15.09.2023).
7. Etimolojik açıdan ak sözlük. URL : <http://aksozluk.org/leyla> (дата обращения: 23.09.2023).
8. Türk dil kurumu sözlükleri. URL : <https://sozluk.gov.tr/> (дата обращения 06.10.2023).

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ В АГРАРНОМ ВУЗЕ КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Необходимость формирования межкультурной компетенции в ходе обучения русскому как иностранному языку на довузовской ступени обучения, обусловлена значительными изменениями в системе аграрного образования современной России.

Ключевые слова: межкультурная компетенция, иностранные студенты, социокультурная адаптация, тьюторство.

Важной задачей, которая стоит перед сельскохозяйственными вузами является разработка путей адаптации иностранных обучающихся к условиям современного российского образования, с учетом их индивидуальных особенностей и специфики будущей профессии - в сфере агрономии, зоотехнии, ветеринарии.

Нами был проведен анализ сущности формирования межкультурной компетенции у студентов, с учетом реальности учебного процесса, на базе Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. Для достижения поставленных целей была внедрена культурная компонента в образовательный процесс, рассматривая такое понятие как язык и культура в рамках двуединства. При изучении данного вопроса применялся контекстный подход с упором на формирование профессиональной мотивации развития личности.

Применение коммуникативного подхода предполагает общение людей формирование словесно-логического мышления на чужом языке. Применение активных форм обучения дает возможность сформировать межкультурную компетенцию.

В ходе исследования существующих на сегодняшний день, современных подходов в обучении русскому как иностранному, у студентов неязыкового вуза, были показаны особенности обучения иноязычному общению в условиях неязыкового вуза, с внедрением практики тьюторства. Отмечены основные признаки межкультурной компетенции изучение особенностей формирования межкультурной компетенции в процессе предвузовского обучения иностранному языку в аграрном вузе, что обеспечит возможность поднять образовательный процесс на новый уровень и сформировать у студента современное ценностное отношение к иноязычной культуре и ее носителям.

Литература

1. Соколова М.М. Проблемы межкультурной коммуникации в академическом пространстве современного вуза // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2017. - №4-2 (70).
2. Воропаева В.А. Развитие социокультурной компетенции студентов аграрного вуза в процессе обучения их иностранному языку. - Филологические науки. Вопросы теории и практики- 2016.- no. 5-2 (59)- С. 181-183.

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

Интерес к изучению русского языка всегда был довольно высоким, а в последнее время наблюдается повышение интереса к русскому языку. В связи с этим совершенно естественным становится вопрос о развитии методов обучения русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: преподаватель, иностранная аудитория, преподавание.

Вопросы совершенствования методов преподавания русского языка как иностранного всегда интересовали лингвистов и психологов. Этим вопросам посвящены работы Б.В. Беляева, Л.С. Выготского, П.Я. Гальперина, А.Н. Леонтьева, Б.Т. Лихачева, Т.И. Капитоновой, М.В. Кларина, Н.В. Кулибиной, Л.В. Московкина, Е.И. Пассова, Е.С. Полат, В.А. Слостенина, С.Ф. Шатилова, А.Н. Щукина, Д.Б. Эльконина и других. Среди методов обучения выделяют пассивные, в которых ведущая роль в ходе занятия принадлежит преподавателю, и активные – «способы активизации учебно-познавательной деятельности обучающихся, которые побуждают их к активно мыслительной и практической деятельности в процессе овладения материалом, когда активны не только преподаватель, но и студенты» [1, с. 15].

В процессе активного обучения студент проходит разные уровни активности – от активности воспроизведения через активность интерпретации до самого высокого уровня – уровня творческой активности. Особенность активного метода обучения заключается в том, что меняется модель взаимодействия преподавателя и студентов. Теперь преподаватель выступает в роли организатора процесса, уступает лидирующую роль студентам и создает условия для проявления их инициативы.

Одним из актуальных направлений активного обучения является интерактивное обучение. Вопросы применения интерактивных технологий активно обсуждаются исследователями в последнее время. Эти вопросы рассматриваются в работах М.В. Васенковой, Н.В. Гончаренко, А.В. Ковалёвой, Н.М. Харловой. Часто интерактивные методы упоминаются в связи с развитием компьютерных технологий. Однако следует обратиться к понятию «интеракция» с точки зрения педагогики, которая определяет данное понятие как способ познания, осуществляемый в формах совместной деятельности обучающихся, когда все участники образовательного процесса взаимодействуют друг с другом, обмениваются информацией, решают проблемы совместно, моделируют ситуации, оценивают действия одноклассников и свое собственное поведение, погружаются в реальную атмосферу делового сотрудничества по разрешению проблем.

Современная педагогическая наука уточняет интерактивное обучение как «обучение, которое основано на психологии человеческих взаимоотношений и взаимодействий» [3, с. 16-17]. Сегодня одним из популярных направлений в обучении иностранным языкам и русскому языку как иностранному стало коммуникативное направление, ведь цель изучения любого иностранного языка – коммуникация, и задача преподавателя – научить студента общаться на изучаемом языке. Интерактивные образовательные технологии полностью соответствуют современным требованиям и подходам. Если говорить о коммуникативном подходе к обучению языкам, то преимущество интерактивных технологий очевидно, т.к. всеинтерактивные технологии направлены на обеспечение взаимодействия и коммуникации студентов друг с другом и с преподавателем. Другим современным подходом как в педагогике в целом, так и в обучении иностранным языкам и русскому как иностранному, является антропоориентированный подход, который способствует формированию личности

обучающегося и раскрытию его творческих способностей. Совершенно очевидно, что интерактивные технологии также соответствуют требованиям антропоориентированного подхода, т.к. различные интерактивные задания направлены на развитие творческих способностей студентов.

Цель интерактивных методов в рамках обучения русскому языку как иностранному – формирование речевых умений и навыков. В сочетании с традиционными методами обучения интерактивные методы дают хороший результат при формировании коммуникативной иноязычной компетенции студентов. Для наибольшей эффективности интерактивных технологий необходимо придерживаться принципов их реализации:

- 1) систематичность (использование игровых заданий на протяжении всего обучения с целью повторения лексического и грамматического материала);
- 2) тематическая целесообразность (содержание игры должно быть соотнесено с изучаемым материалом);
- 3) сознательность и активность (обучение должно представлять собой двусторонний процесс, при котором используется индивидуальная, групповая и коллективная форма работы);
- 4) нацеленность на креативность (необходима реализация творческого подхода к игровой деятельности со стороны каждого участника учебной коммуникации) [2, с.49].

Наиболее распространенными интерактивными методами являются игры. По определению А.Н. Щукина, «игра – это форма деятельности в условных ситуациях, направленная на воссоздание и усвоение общественного опыта»[5]. Помимо того, что игра всегда увлекательна для студентов, она еще и помогает применить теоретические знания, речевые и языковые умения на практике. Само по себе использование различных игр на занятиях РКИ не является новым. Однако на современном этапе развития цифровых технологий, в условиях, когда уровень мотивации студентов к изучению языка становится все более актуальной проблемой, регулярное применение игровых технологий помогает решить как коммуникативные задачи, так и задачи мотивации речевой деятельности, а также способствуют созданию равных условий речевого общения.

Среди игр наиболее успешным видом считается ролевая игра, которая представляет собой проигрывание реальной ситуации на занятии, в результате чего занятие воспринимается как социальное явление, а его участники стремятся контактировать друг с другом. Ролевые игры способствуют формированию диалгической речи студентов. Помимо ролевых игр существуют другие разновидности игр таких, как лингвистические, лексические, грамматические игры. Лингвистические игры («Звуковые пары», «Лото из слов» и др.) направлены на формирование дифференциации звуков и закрепление в памяти правильного произнесения звуков. Лексические игры способствуют активизации лексики по изученной теме, развитию монологической и диалогической речи. Среди лексических игр популярностью пользуются «Снежный ком», «Перемешанные буквы», «Отгадай термин».

На более продвинутых этапах изучения русского языка целесообразным является использование креативных игр, ориентированных на развитие лингвистической креативности. Данный формат предусматривает выполнение как индивидуальных, так и групповых проектов. Помимо коммуникативной компетенции креативные игры формируют также нестандартное мышление, умение грамотно высказывать и отстаивать свою точку зрения, слушать собеседника. Подготовка проектов происходит во внеурочное время. Студенты самостоятельно формулируют высказывания по теме, выбранной самостоятельно, либо предложенной преподавателем, подбирают материалы для презентации. Повышению эффективности интерактивных форм занятий способствует использование таких форм в соответствии с целями конкретного занятия. На занятиях по страноведению можно предложить студентам подготовить презентацию о какой-либо достопримечательности страны. После рассказа докладчик должен будет ответить на вопросы слушателей.

Литература

1. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Шукин. – Москва : Издательство ИКАР, 2009. – 228 с. – ISBN 978-5-7974-0207-7
2. Акимова, И. Н. Факторы, влияющие на успешность обучения студентов неязыковых вузов пониманию устной речи на иностранном языке / И. Н. Акимова, Е. А. Акимова, Н. М. Логачева // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 5. – № 4. – С. 520-526. – DOI 10.30853/ped200116.
3. Амелина, И. О. Система обучения аудированию и говорению в курсе русского языка как иностранного (предвузовский этап) / И. О. Амелина // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2022. – № 4(48). – С. 155-170. – DOI 10.25688/2076-913X.2022.48.4.
4. Дудушкина, С. В. Лингвистические трудности автономного аудирования иноязычной речи / С. В. Дудушкина // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2014. – № 2(14). – С. 101-105.

БАХМАН БОЛУК НАХДЖИРИ

Тегеранский университет

РОЛЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ПОСЛОВИЦ В МОТИВАЦИИ ИРАНСКИХ СТУДЕНТОВ К ИЗУЧЕНИЮ РУССКОГО ЯЗЫКА

Религия как социальное явление может оказывать значительное влияние на менталитет нации и отражаться в речи в различных формах, включая пословицы. Религия как в России, так и в Иране была неотъемлемой частью истории, но, учитывая, что менталитет этих народов постоянно менялся из-за политических и культурных бурь, склонности людей к религии, а впоследствии и ко всему, что ее содержит, меняются. Религиозные пословицы обычно уходят корнями в Библию или Коран, но в основном были распространены среди людей через литературу. Эти пословицы иногда могут иметь точный эквивалент, и в некоторых случаях их эквивалент не обязательно содержит религиозные элементы. В этой статье обсуждается вопрос, как негативные тенденции, такие как ненависть и унижение по отношению к религии, были закреплены в пословицах в разные эпохи. Также в работе описываются результаты опроса среди иранских студентов, изучающих русский язык в двух университетах, в котором участникам было предложено ответить на вопросы, позволяющие выявить их отношение к изучению русского языка с помощью религиозных пословиц.

Ключевые слова: религия, русский язык, персидский язык, пословица, менталитет, ислам, христианство, коран, библия.

Постановка проблемы

Задача преподавания иностранного языка состоит в том, чтобы дать учащимся возможность общаться на языке, который не является их родным. Это означает предоставление им наиболее полезного лексического и грамматического материала и необходимых коммуникативных стратегий для адекватного применения их знаний. Поэтому отправной точкой должны стать характерные особенности использования языка на целевом языке. Исследования показали, что фразеология имеет основополагающее значение для того, как используется язык. [Biber & Conrad 1999; 181-189] Фразеология включает в себя набор фиксированных полилексемных лингвистических единиц, которые характеризуются семантической и синтаксической стабильностью и в значительной степени идиоматичностью [Fiedler 2007; 28], таких как пословицы. Пословицы рассматриваются здесь как часть фразеологизма и подтип фразеологии. Знание их необходимо носителям и не носителям языка для эффективного общения.

Несмотря на широкое распространение пословиц в устном и письменном общении, нет общепринятого консенсуса относительно их роли в обучении иностранному языку. С одной стороны, поскольку время, которым располагают учителя на уроках языка, ограничено, преподавать пословицы в контексте, в котором произношение слов и грамматических структур все еще вызывает проблемы, кажется непозволительной роскошью. Если важность фразеологических единиц вообще признается, возможно, было бы разумно отдать предпочтение таким подтипам, как приставочные глаголы и сочетаемость слов, а не пословицам, поскольку они могут представлять серьезную проблему для языкового производства и должны быть освоены в качестве активного языкового навыка. С другой стороны, текстолингвистические исследования и анализ дискурса показали, что пословицы выполняют большое количество референциальных, коммуникативных и текстуальных функций и что они также используются в академическом дискурсе. [Gläser 1990; 79] Именно благодаря прогрессу во фразеодидактике и ее взаимосвязи с другими дисциплинами большинство исследователей сегодня согласны с включением пословиц в преподавание иностранного языка. [Lennon 1998; 11-30]

Б. Вотяк упоминает о большом интересе учащихся к пословицам. Главным образом это можно объяснить их яркой аутентичностью и тем пониманием, которое они дают культуре и истории языкового сообщества. Кроме того, пословицы популярны из-за их стилистических особенностей (например, аллитерации, рифмы, ритма, параллелизма). Таким образом, пословицы могут представлять большой мотивационный потенциал, поскольку учащимся приходится анализировать их лингвистическое содержание и понимать их часто переносное значение в данном ситуационном контексте. Пословицы часто модифицируются или на них ссылаются. Такое творческое использование, как и языковая игра в целом, вызывает чувство юмора и интеллектуальную радость, что стимулирует учащихся и помогает оживить уроки. [Wotjak 1996; 4-9]

Менталитет и религия

Основной формой выражения и отражения национальной культуры является язык. Будучи социальным явлением, она неразрывно связана со своими носителями. В свою очередь, культура, как творение народа, соотносится с языком представителей определенной национальной общности. Являясь своего рода семиотическим кодом, культура представляет собой определенный объем информации, проявляющийся в артефактах, необходимых для адекватной интерпретации поведения национальных личностей.

В последние годы тема национального менталитета стала рассматриваться более существенно. В этом процессе разные нации применялись в различных значениях. Что касается автора «Современного философского словаря», то термин менталитет (от латинского: *mentalis* – ментальный) определяется как уникальный способ познания мира огромной группой людей. [Кемеров & Керимов 2015] Это определяет отношение человека к явлениям окружающей среды. Менталитет определяет фундаментальную основу личного и социального отношения к различным особенностям жизни, поведения и поступков. Можно утверждать, что менталитет является «критериальной основой личностного и социального познания». [Леонтьев 1969; 57-58] В связи с этим возникает проблема разграничения индивидуального менталитета на уровне определенного человека, социального менталитета на уровне групп, обществ и наций и менталитета, основанного на обществе, включающего все группы, социальные и национальные народы. [Гершунский 1996; 142] В связи с этим А.П. Седых определяет понятие менталитета как «способ понимания реальности, идентифицируемый через единицу когнитивных стереотипов сознания, релевантных определенному лингвокультурному обществу». [Седых 2004; 269] А.Ф. Валеева утверждает, что «национальный менталитет - это национальный способ познания реальности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов нации». [Валеева 2003; 308] Исследователи все больше внимания уделяют взаимосвязи между менталитетом и

культурой, парадигме национального менталитета и особому образу жизни этнического общества.

Религия считается частью культуры, и она действует как одна из многих форм открытого выражения и переживания духовности, которая является внутренней, личной, субъективной, трансцендентальной и бессистемной. Другими словами, культурные ценности рассматриваются как основа религиозности. Религиозные мысли нашли отражение в различных социальных явлениях, включая язык, и пословицы стали полезным инструментом для их выражения. У разных народов существуют разные виды пословиц, которые уходят корнями в религию. Эти пословицы обычно имеют долгую историю, такую же долгую, как и появление конкретной религии. Напротив, есть новорожденные пословицы, которые являются результатом появления и распространения новых религий, таких как Бахаи. Также следует отметить, что антирелигиозные пословицы долгое время параллельно жили среди народов. В этой статье анализируется несколько из этих пословиц.

Религиозные и антирелигиозные пословицы в русском и персидском языках

Религия на протяжении многих веков играла большую роль в жизни русского и иранского народов, влияние которой можно увидеть даже сегодня в пословицах. Учитывая, что первоначальным языком ислама был арабский, многие аяты Корана или хадисы были переведены на персидский язык и в основном адаптированы к персидской литературе. Некоторые из этих пословиц являются частью бесценного наследия персидской литературы.

В этой статье были выбраны 4 персидские пословицы, 3 из которых заимствованы из религиозных текстов (в данном случае все из Корана). Некоторые из этих пословиц были введены в литературу и, таким образом, широко распространены среди грамотных, а затем и неграмотных людей. Другими словами, они стали удобоваримыми для религиозного сознания людей, которым арабский язык был не настолько знаком. Самым заметным было то, что русские эквиваленты этих пословиц имели также религиозную подоплеку. Другим критерием отбора пословиц была их негативная склонность к религии как в персидском, так и в русском языках.

1. Приведенная в Табл. 1 пословица является частью рассказа, написанного в форме стихотворения великим иранским поэтом Саади.

Таблица 1

Пословица на персидском языке, ее транслитерация и перевод	Пословица на русском языке
هرآنکس که دندان دهد نان دهد. (Har an kas ke dandan dahad nan dahad) Дасть Он зуб, дасть Он хлеб.	Даст Бог день, даст Бог и пищу

Родился ребенок, и его бедный отец думал о том, как его накормить. С другой стороны, оставлять его неэтично. Когда жена этого бедняги услышала эти неутешительные слова, твердо ответила: не обманывайся Злом, которое постоянно пугает и разочаровывает тебя. Пусть он поплачет от горя. Тот, кто создал этого ребенка, сам обеспечивает его пищей. Русский эквивалент этой пословицы взят из Библии, в нем отличаются только элементы предложений.

2. Есть еще одна библейская пословица, персидский эквивалент которой уходит корнями в национальные верования и не может считаться религиозным (см. Табл. 2):

Таблица 2

Пословица на персидском языке, ее транслитерация и перевод	Пословица на русском языке
هر که بامش بیش، بارفش بیشتر. Har ke bamash bish, barfash bishtar. У кого шире крыша, у того больше снега.	Кого Бог любит, того и наказует.

Но это понятие упоминается в хадисе пророка Мухаммеда в книге хадисов «Мустадрак», написанной Мохаддитом Нури. Мухаммед говорит: «Когда Бог любит слугу, Он заставляет его переносить трудности, если он проявляет терпение, Он выбирает его».

3. Другой пример на обоих языках уходит корнями в религиозные тексты.

Таблица 3

Пословица на персидском языке, ее транслитерация и перевод	Пословица на русском языке
مهمان حبيب خداست. Mehman habib-e khodast. Гость любим Богом.	Пошли Бог гостей – и хозяин будет сытей.

Персидская версия - это точный перевод хадиса Мухаммеда, который гласит: «Гость любим Богом». Обе пословицы отражают гостеприимство двух народов посредством религиозных верований.

Антирелигиозные тенденции усилились из-за увеличения числа жестокостей, совершаемых религиозными властями, особенно в России, которые привели к революции 1917 года и вспышке ненависти к религии. В результате этой ненависти и родились пословицы, унижающие религиозные ценности и не одобряющие религиозные верования. Усиление лицемерия среди мулл и их жестокого обращения с простыми людьми привели к антиклерикальным тенденциям в Иране и последующему появлению антиклерикальных пословиц. В первом десятилетии XX-го века иранские интеллектуалы начали открыто критиковать ислам, но их идеи не приветствовались народом. После революции 1979 года все нерелигиозные мысли не только не одобрялись, но и рассматривались как преступление. Все эти притеснения и ограничения общества под именем религии привели к большой ненависти не только к муллам, но и к самому исламу.

4. Джалаладдин Руми в XIII веке приводит в своем рассказе, в котором ученики «Мактаба» пытались обмануть муллу, который каждый день наказывал их плетью. Они постарались заставить его поверить, что он болен. Когда мулла услышал одни и те же предложения от всех своих учеников, он был убежден и оставил мактаб отдыхать дома.

Таблица 4

Пословица на персидском языке, ее транслитерация и перевод	Пословица на русском языке
آخوند نباشد درد و غم. Akhund nabashad dard o gham. Пусть Ахунд не будет горем и болезнью.	Были бы кости, а мясо нарастет.

Русский эквивалент этой пословицы ни религиозен, ни нерелигиозен.

Приведенные ниже примеры - это некоторые из антирелигиозных пословиц СССР, которые были распространены по всей стране и даже в разных коммунистических странах. Последний из них критически описывает положение женщин в исламском мире.

Таблица 5

Русская пословица	Персидский аналог
Через религиозный дурман поп набивал себе карман.	شیخ از قبل نادان نان خورد. Sheikh az ghebale nadan nan khorad.
Поп говорит: «Слушай мои слова, а не гляди на мои дела».	منگر به کردارم، بنگر به گفتارم. Mangar be kerdaram, bengar be goftaram.
Дом имама – тюрьма для женьщин.	بیت شیخ، محبس زن. Beite sheikh, mahbase zan.

Опрос о влиянии религиозных пословиц на изучение русского языка

Я провел опрос среди 50 студентов последнего курса бакалавриата, изучающих русский язык в Тегеранском университете и Университете Алламе Табатабаи, о влиянии религиозных пословиц на их изучение русского языка.

50% студентов полагали, что поиск исламских аналогов русским религиозным пословицам вряд ли повлияет на процесс их изучения, а 7% были совершенно уверены, что это будет определено неэффективно.

53% опрошенных признались, что их возможный интерес к религиозным пословицам обусловлен только их тематикой и вообще не связан с их верой в религию.

24% студентов не проявили интереса к изучению религиозных пословиц.

Студентов было предложено также написать несколько примеров религиозных пословиц на персидском и русском языках, но, к удивлению, большинство из них не смогли ответить на этот вопрос. Причиной может быть недостаток знаний или интереса, или и то, и другое вместе.

Заключение

Примеры, приведенные в этой статье, показывают, что религиозные пословицы могут возникать в нерелигиозном культурном контексте и наоборот. Диахроническое изучение пословиц показывает, что их появление в значительной степени связано с существующей в обществе тенденцией к религии. В отличие от постсоветской России, где религия снова приветствовалась в огромной степени, значительное число иранцев больше не склонны к религии и даже относятся к ней с ненавистью. Следовательно, роль религиозных пословиц в изучении русского языка можно оценить в соответствии с вышеупомянутыми фактами.

Результаты опроса показывают нам, что, хотя преподавание религиозных пословиц может быть полезным, они не могут быть эффективным стимулом для иранских студентов, изучающих русский язык, которые менее заинтересованы в этих предметах.

Тем не менее, следует отметить, что дальнейшие исследования в этой области могут помочь получить лучшее представление о роли религиозных пословиц в изучении второго языка среди иранских студентов.

Литература

1. *Валеева А.Ф.* Языковое поведение в политическом обществе (социологическая диверсификация). – Саратов: Из-во Саратовск. ун-та, 2003. с. 308.
2. *Гершунский Б. С.* Интеллектуальность и образование: учебное пособие для студ. М.: Ин-т. Прак. Психолог, 1996. с. 142.
3. *Кемеров В.Е. Керимов, Т.Х.* Современный философский словарь. Академический проект. Деловая книга, 2015.
4. *Леонтьев А.А.* Психолингвистические единицы порождения речевого высказывания. - М.: Наука, 1969. с. 57-58.
5. *Седых А.П.* Языковая личность и этнос (национально-культурные особенности коммуникативного поведения русских и французов). – М.: Компания Спутник, 2004. с. 269.
6. *Biber D. & Conrad S.* Lexical Bundles in Conversation and Academic Prose. In H. Hasselgard & S. Oksefjell (Eds.). Out of Corpora. Studies in Honour of Stig Johansson, 1999. pp. 181-189.
7. *Fiedler S.* (2007). English Phraseology. A Coursebook. Tübingen: Gunter Narr, p. 28.
8. *Gläser R.* (1990). Types of English Technical Texts. Tübingen: Gunter Narr, p. 79.

ФЕНОМЕН ЭВОКАТИВНОСТИ ИЛИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ ДЕМОТИВАТОРОВ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Статья посвящена изучению способов и фактов реализации когнитивно-семиотических и лингвокультурных смыслов с яркой интенциональной направленностью на материале устойчивых выражений. Анализируется механизм эвокативности как один из когнитивно-семиотических инструментов исследования языковой картины современного носителя языка, стремящегося выразить свои представления и взгляды языковыми средствами через трансформацию и интерпретацию единиц, что в целом имеет смысловые показатели сниженности, пейоративности. Эвокативный анализ показал, что значимые лингвокультурологические единицы, функционирующие в тексте демотиватора, идиомы, паремии, афоризмы и их трансформы, отражают ценностные предпочтения современного человека.

Ключевые слова: малые формы, демотиватор, текст, эвокативность, контаминация, интерпретация.

Статья посвящена изучению способов и фактов реализации когнитивно-семиотических и лингвокультурных смыслов с яркой интенциональной направленностью как проявление механизма эвокативности на примере вербальной составляющей демотиваторов. Интернет-пространство характеризуется интенсивным развитием этого вида гибридной коммуникации и рассматривается в современной науке как один из жанров молодежной виртуальной субкультуры под общим названием демотиватор. Этот жанр интернет-коммуникации в результате своего развития получил некоторое видовое расширение: если демотиватором ранее считалось совмещение визуального и вербального компонентов в строго оформленном креализованном тексте, то современное Интернет-пространство предлагает большое разнообразие малоформатных текстов, лишенных значимого, сюжетного визуального компонента, кроме оформленного в рамку текста для лучшего восприятия в ленте сайта и на стене подписчика, что вызвано функционально-прагматической необходимостью, а именно для выражения своей позиции по тому или иному вопросу и создания в дальнейшем дискуссионного поля, что вызывает немало откликов и комментариев. Демотиватор, ограниченный вербальной частью - это концептуально значимая в интерпретационном фокусе для семиотической и семантической реализации в современном дискурсе речезыковая форма, которая, как правило, характеризуется когнитивным блендингом [Fauconnier, Turner 1996; 113-129], т.е. сопряжением в одном речемыслеиспытательном акте нескольких концептуальных пространств (контекстов), коррелирующих с механизмами эвокативности. Интерес вызывает вербальный компонент демотиватора, содержащий трансформированные афоризмы, фразы и одностишия, отличающиеся пропозициональностью, имплицитностью, аттрактивностью, креативностью и другими речезыковыми категориями, способствующими порождению эвокативного смысла. Моделирование эвокативного механизма предусматривает выявление и анализ когнитивно-семиотических и лингвокультурологических показателей. Источниками фактического материала послужили русскоязычные сайты: demotivation.me, demotivation.fishki.net, rusdemotivator.ru и др.

Для реализации когнитивно-семиотического и лингвокультурного подходов необходимыми и важными являются несколько теоретических положений, обоснованных в современных исследованиях о демотиваторах:

1) обосновано понимание того, что «одной из главных является когнитивная функция, реализуя которую демотиватор выступает как средство формирования мышления современного человека, его ценностно-нормативной системы. Выполнению демотиватором

данной функции способствует тот факт, что демотиватор, представляя синтез визуального и вербального компонентов, предполагает их определенное несоответствие, противоречие...» [Бабина 2013; 196]. В рамках нашего исследования полагаем, что объектом следует рассматривать не креализованный текст, в котором «несоответствие и противоречие» касается двух семиотических систем, а демотиватор-высказывание, текст которого построен на нескольких противоречиях: 1) сама природа демотиватора, созданного как подражание мотивационным текстам; 2) структура демотиватора состоит из двух противопоставленных тестовых частей, основанных на различного рода противопоставлениях и антонимии.

2) необходимость интерпретации обусловлена тем, что «в демотиваторах могут быть такие смысловые компоненты, которые не находят прямого выражения, а читатель восстанавливает эти смыслы, основываясь на собственном опыте, знании типичных ситуаций, владея историко-культурологическими фоновыми знаниями» [Бугаева 2011; 149];

3) утверждение о том, что у молодежи формируется новый «демотиваторный стиль мышления» как способ разрушения традиционных ценностей, высмеивания всего и всех; разрушения авторитетов, шутовского отношения к серьезным вещам [Бугаева 2011; 153], что, в целом, отражает общее представление о назначении демотиватора и важнейшего для него комического компонента;

4) эвокативность понимается как способность соединять, контаминировать смыслы в результате асимметричного удвоения либо формы, либо содержания, затем извлекать наиболее релевантный смысл как результат этой контаминации. Демотиваторы являются разновидностью блендинговых семантико-семиотические форм, отличительной чертой которых считаем создание **новой внутренней формы**, нового движения мысли между формой и содержанием. Ощущение этой (новой) внутренней формы мы и называем **эвокативностью**.

5) основными функциями демотиваторов как «эвокативных языковых форм являются – *смехотворчество, языковое самовыражение, креативность* (языковая игра) и *суггестивность* (непрямое воздействие)» [Беданокова 2018; 16]

Научная новизна исследования заключается в моделировании механизма эвокативности на примере демотиваторов и осуществляется в рамках речезыковой категории эвокативности. Методологически исходим из того, что «категории речи, такие как *имплицитность, интертекстуальность*, как известно, реализуются на когнитивно-прагматическом уровне языковой семантики, а наряду с ними категория эвокативности обнаруживается на уровне высказывания, дискурса или текста» [Беданокова 2018; 18].

Категория эвокативности в нашей концептуальной модели имеет структуру функционального прагма-семантического поля, с двуйдерным центром (категория имплицитности и категория косвенности) и широко развитой периферией, которая включает в себя такие традиционно изучаемые в лингвистике явления, как *пресуппозиция, импликация, интертекстуальность* (прецедентность), *парадоксальные трансформации* формы и содержания, выражающиеся в слотах *ревокации, провокации, эквивокации и инвокации*. Слоты реализуют тот или иной тип эвокативной категориальной ситуации.

Феномен эвокативности (двусмысленности и «остранения» формы), будучи в центре антропоцентрической модели языка как способ креативного мышления и знакотворчества, выходит за рамки системной языковой нормы, основанной на симметрической однозначности связи плана выражения и плана содержания. Эвокативность проявляет антиномию языка как системы и речи как индивидуального речемыследеятельностного акта. Речевая деятельность не ограничивается воспроизведением, повторением, подражанием, человек пытается сотворить нечто от себя, из себя. Творческое начало заставляет ломать стереотипы восприятия мира, распространяясь на концептуальный уровень и проявляясь не только в том, что делает человек с миром или что о нем думает, но также и в том, *как* он видит мир. «Творчество отныне — не совокупность приемов, а манера видения мира, манера

обращения с окружающей действительностью и внутренней, ментальной реальностью» [Фещенко 2006; 91].

В предложенной классификации определены практически все случаи семантических преобразований, сопровождающие эвокативную языковую форму во всех слотах и с триггером, зависящим от характера ассиметрии плана выражения и плана содержания. Первая группа демотиваторов отличается тем, что противоречие реализуется на **лексическом уровне** в показателях **аллофронии** (противоречие между личным и нормой), которые выделены Б.Т. Ганеевым [Ганеев 2004; 29-30] и во многом совпадают с порождающими эвокативность механизмами:

1. «– Многозначность лексемы. Это касается не только узуальной полисемии, но и появления контекстуальных смыслов. Ср. 1) Весна! Скоро *потекут* – по улицам ручьи... У детей сопли... У мужчин слюни...

– Наличие эксплицитного противоречия в лексеме. Прежде всего это энантиосемия и противоречие между узуальным иokkaзиональным значениями. Ср. 2) В доме, где живёт кот, *шерсть* – это *приправа*...

– Наличие имплицитного, латентного противоречия в лексеме. Этимология слова указывает на значение, противоречащее данному значению («черное белье»). Ср. 3) Что там *зелёный чай или зелёный кофе!!!* Вы съешьте *зелёную колбасу* – за день минус килограмм.

– Наличие грамматического противоречия. Наиболее типичны здесь случаи транспозиции (например, «историческое прошлое»), несоответствие содержания формы денотату и т.д. Ср. 4) У каждой женщины, помимо *ребёнка, которого она родила, есть ещё один ребёнок, которого родила её свекровь*.

– Несоответствие ожидаемому референту (аллофронное смещение). (Там же). Языковой знак отражает денотат косвенно, при помощи переносного значения; имеют место метафоры, метонимии, ложь, парадокс, ирония и т.д.» Ср. 5) *Из депрессии есть два выхода: вокзал и аэропорт* (подчеркнуто нами – З.Б.).

В нашей концепции именно эти параметры ассиметрии плана выражения и плана содержания выступают триггерами – указателями на эвокативный механизм создания высказывания или фразеотекста. Кроме указанных демотиваторов, отличающихся лексическими показателями, малоформатные тексты представлены ещё двумя типами триггеров, а именно: 1) интертекстуальностью (прецедентностью), 2) словообразовательной контаминацией и лексической омонимией.

2. Тексты с триггером **прецедентный текст** характеризуются ассиметрией плана выражения и плана содержания, где текстом-донором часто бывают пословицы 6) *Когда я ем – я глух и нем. Когда я пью – я гораздо коммуникабельней; 7) Шрамы украшают мужчину!* И это, пожалуй, единственное украшение, которое можно не потерять, а получить в тёмном переулке...), фразеологизмы

8) Только любящий мужчина умудряется *носить на руках женщину, сидящую у него на шее. 9) Врачи делятся на три категории: врач от Бога, врач – ну, с Богом, и врач – не дай Бог!*), афоризмы или цитаты из художественных или поэтических текстов 10) *Жизнь прекрасна и удивительна*, если правильно подобраны антидепрессанты; 11) *Жизнь прекрасна и удивительна*, что уже нет сил удивляться. 12) *В вине – истина...* в коньяке – благородство... в водке – приключения... в воде – микробы... Что будем пить?).

Вербальная часть большинства демотиваторов состоит из двух компонентов, имеет бинарную структуру: часть с прецедентным высказыванием и часть резюмирующая, отличающаяся, как правило, неоднозначной интерпретацией, парадоксальным эффектом, а формальное воплощение соотносится с категорией косвенности, что в свою очередь, открывает имплицитное содержание как ключ к двусмысленности текста.

Способы введения прецедентных текстов в текст демотиватора могут быть разными, но чаще всего встречается деформированное или трансформированное цитирование:

– деформация текста за счет перестановки или замены одного слова (или слов) другим: 13) *Пятница – друг человека* (демотиватор, построенный на варьировании афоризма, ср.: Собака – друг человека. В данном случае деформация текста необходима для реализации смехотворческой, комической идеи;

– деформация текста за счет расширения границ прецедентного высказывания: 14) *Говорят, друзья на дороге не валяются...* С моими бывает всякое.... Буквальное прочтение первой части провоцирует приём - эффект обманутого ожидания во второй.

– интерпретация прецедентного высказывания: 15) *Лучше бур в руках, чем голодные мечты об идеальном теле*, построенная на интерпретации известной поговорки «Лучше синица в руке, чем журавль в небе».

Для примера рассмотрим текст демотиватора, в котором наблюдается как интерпретация прецедентного высказывания, так и деформация текста за счет расширения границ и замены слова: 16) *Критику в свой адрес принимаю, но прошу бревном своим мне в соринку не тыкать*.

При рассмотрении эвокативного механизма этой речевой формы, наблюдаем реализацию поэтической функции языка, где первоначально – это апеллирование к «внутренней форме» слова, восстановление мотивированности знака, второе – это создание новой мотивации, новой трактовки или новой «внутренней формы». То есть клишированное выражение «*принять критику в свой адрес*», означает ‘согласиться с замечанием’ и является стилистически маркированным, принадлежа к официально-деловому стилю речи. «Внутренняя форма» этого выражения вступает в противоречие с формой, стилистикой и трансформацией второй части высказывания, изначально соотносительностью с текстом поговорки ‘В чужом глазу соринку видит, в своём глазу бревна не замечает’, которая восходит к библейскому выражению из Нагорной проповеди Христа: Что ты смотришь на сучок в глазу брата твоего, а бревна в твоём глазу не чувствуешь? (Мф.7:3). Вторая часть текста «*но прошу бревном своим мне в соринку не тыкать*» - наглядный пример реализации противоречивости плана выражения по двум позициям: 1) разговорный стиль речи с элементами просторечия (*не тыкать*); 2) трансформация прецедентного текста, а именно поговорки. Однако, на первый взгляд, в плане содержания трансформация также реализуется призыв к сострадательности как в и в первоисточнике, но в остроумной, комичной форме. В итоге, вербальная часть демотиватора транслирует новую «внутреннюю форму» противоречивость только в плане выражения в слотах ревокации (использование прецедентных текстов) и провокации (стремление к синтезу на основе импликаций): стилистически разнонаправленных *прошу – не тыкать*, контекстуальных антонимов *бревно – соринка*, продуцирующих новый смысл, например, ‘А не оставили бы вы меня в покое’, отличающийся гелотогенностью (смехотворчеством) в подтексте трансформации и имеющий в плане содержания импликацию противоположную по значению фрейму «призыв к состраданию, а не осуждению», характерный для текста поговорки-источника. В итоге, наблюдается контаминация смыслов в слотах ревокации (прецедентность) и провокации (новое знание), а также инвокации (библейский источник паремии) и профанации (гелотогенность, ирония), что явилось результатом когнитивного блендинга.

Таким же креативным измерением отличаются высказывания, демотиваторы, мотивированные фразеологизмами. В тексте 17) *Если вы моете мои кости, то соблюдайте технику безопасности. Ну, чтоб в горле не застряла...* изначально это апеллирование к «внутренней форме» слова, в данном случае, фразеологизмы *мыть кости* и *как кость в горле* имеют соответственные значения ‘осуждать’ и ‘препятствие’, и очевидна мотивированность выражения *чтоб в горле не застряла* начальным *вы моете мои кости*, поскольку объединены ключевым словом «кость». Эвокативность этой единицы или создание новой мотивации, новой трактовки или новой «внутренней формы» выражается в слотах провокации: возникает акцент на значении слова «кость» как материально выраженном предмете со значением орудия, происходит разрушение идиоматичности,

буквальное понимание, что реализуется в новых смыслах: 'осуждать опасно' и завуалированная 'угроза наказанием за оговор'. Противоречие и совмещение этих процессов, парадоксальность актуализируют асимметрию плана выражения (ср. прецедентность) и плана содержания (ср. гелотагенность, смехотворчество), которые в форме каламбура реализуются в слотах ревокации, провокации, инвокации и профанации, в результате наблюдаем интерпретацию манифестирующих смыслов или вторичный семиогенез.

Подобные употребления, построенные, в первую очередь, на механизме ревокации, создают контаминацию двух фреймов – семантики текста-донора и семантики текста реципиента, получая дополнительную аргументативную суггестивность.

3. Эвокативность как все феномены, выходящие за рамки системного, воплощает в себе способность языка к динамике, к изменениям, приводящим в конечном итоге к трансформациям в самой системе языка. Особенно ярко это проявляется в словотворчестве (словообразовании). Особое место в создании эвокативности демотиваторов занимают окказионализмы и другие новообразования. Эвокация – это прежде всего неоднозначность и контаминация (смыслов). Поэтому естественно, что главными, прототипическими средствами (триггерами) становятся лексическая омонимия и словообразовательная контаминация, поскольку в них особенно ярко проявляется проникновение плана выражения в план содержания. **Словообразование** является регулярным триггерным средством создания эвокативных форм, которое реализовано несколькими способами:

- создание новообразований - окказиональных слов на основе словосочетаний. К примеру, сращением с суффиксацией, точнее суффикс –ин-, характерный для названий лекарственных средств, например, аспирин, анальгин и т.п.:

18) Какие витамины нужны женщине?

– *Новотуфлин, новоплатьин, маникюрин-педикюрин, всю-ночь-полюбин, с-подружками-погулин*; Эвокативная речезыковая форма демотиватора с триггером словообразование реализуется в аномальности плана выражения, а накладывающийся план содержания этих единиц отличается пропозициональностью, имплицитностью, ставших основой для шутки и гелотогенности. Таким образом, наблюдается реализация смыслов в слотах ревокации (прецедентные ситуации *всю-ночь-полюбин, с-подружками-погулин*), провокации (парадоксальность соотношения *витамины - новотуфлин, новоплатьин и т.д.*), релевантных эвокативному столкновению в данном контексте высоких (здоровье) и низких (развлечение) полей, для выдвижения на первый план функции смехотворчества. Подобным образом эвоцируют демотиваторы: 19) Муж-жене – «Ты моя птичка...» Жена: «А какая?» Муж: «*Мозгоклюйка!*»; 20) Хочу в подарок всю бороду Хоттабыча! Ох и *натрахтибедохла* бы я себе!

– концентрация на небольшом пространстве текста одноструктурных слов (суффикс –шек-; суффикс –ин-), но с различной мотивированностью: отглагольной и отыменной: 21) Хочу *обнимашек, целовашек, в постели валяшек, киношек и мультяшек...* Не хочу *дождяшек, на работу собирашек* и людей *го..яшек.....*

В данном демотиваторе 22) Сидишь на работе и хочется только одного – в *подошкино царство, одеялкино государство...* актуализируется и прецедентный текст – зачин русских сказок: В тридевятином царстве, тридесятом государстве..., отметим возникшую метафоричность, продуцирующую новый смысл для банальной ситуации (верх - низ), что также является контаминацией, столкновением не только содержательного, но и формального характера.

– особую экспрессию языковой игре придает насыщение демотиватора псевдооднокорневыми производными, если быть точнее лексическими омонимами. Например, 23) Отмечаем с мужем *день примирения и согласия* идём в магазин. *Я примеряю, он соглашается!*; 24) Иногда мужа от меня *трясёт*. Всё-таки я – *потрясающая* женщина!!!; 25) Приходила подруга в гости, сказала: «Не грусти, сейчас *спою*»...И ведь *споила*.... В этих текстах лексическая омонимия в выражениях *примирения - примеряю*;

согласия - соглашается трясёт – потрясающая; спюю – спюила запускает эвокативный механизм с доминирующей гелотогенностью, комичностью, контаминирующей со смыслами об образе современной женщины.

Необходимо отметить, что рассмотренные тексты в своем большинстве являются результатом языковой игры. Придерживаемся положения о том, что эвокативность и языковая игра имеют общее понятийное пространство, но отличаются по функциональности и интенциональности произведенных форм. В частности, новообразования и окказионализмы репрезентируют два неотъемлемых свойства эвокативности: неоднозначность и контаминацию форм и смыслов, которая происходит на разных уровнях языка – морфологическом (словообразовательном), лексико-семантическом и семантико-синтагматическом (словосочетание). В функциональном плане эти единицы имеют развлекательный, шутливый характер, в которых, естественно, противоречивость в плане выражения и противоречие в плане содержания, когда когнитивные пространства смешивались в слотах провокации, профанации и инвокации, поскольку отличительностью текстов такого рода являются креативность, пропозициональные отношения, имплицитность, парадокс, нонсенс и т.п. категории.

В лингвокультурологическом аспекте наблюдается изменение аксиологической парадигмы, четкого понимания того, что соотносится с «ангелом», что с «бесом». В рассмотренных текстах использование инвокации (прецедентности, прошлого опыта, традиционности) является точкой отсчета в отрицании или противопоставлении через развенчание способами профанации (ирония) для порождения нового способа восприятия или отношения в слотах провокации. Таким образом, в текстах демотиваторов нашла отражение выдвинутая ранее гипотеза о том, что эвокативность проявляется как биполярное концептуальное пространство с эвокацией «высоких» и «низких» концептуальных полей. Лингвокультурологическая ценность текстов демотиваторов, отражающих социальную, культурную сферы человеческой деятельности, обнаруживается в процессе актуализации возникших противоположностей в парадоксальности формы плана содержания и в «аномальности» формы плана выражения, двусмысленности как соединении и открытости к интерпретации.

БЕЗРУКОВА К.С.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

О ВЗАИМОСВЯЗИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ И ЛИНГВОАКСИОЛОГИИ

Статья посвящена определению соотношения лингвокультурологии и лингвоаксиологии. Для этого автор проводит сравнительный анализ центральных категорий данных дисциплин: концепта и ценности.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, лингвокультурология, лингвоаксиология, концепт, ценность

В последнее десятилетие в методике преподавания русского языка как иностранного активное развитие имеет лингвоаксиология, образовавшаяся на стыке аксиологии и лингвистики. Под аксиологией понимают философскую дисциплину, в рамках которой изначально проводились исследования природы ценностей, их разновидностей и систематизации. В настоящее время аксиология является междисциплинарной наукой – изучением ценностей также занимаются ученые в области социологии, психологии, педагогики, культурологии, филологии, лингвистики и др.

Так, лингвоаксиология возникла вследствие применения в языкознании аксиологического подхода, предполагающего изучение языка как отражения системы ценностей лингвокультуры и как важнейшего источника информации о внутреннем мире представителей той или иной нации.

Ценности занимают центральное место в человеческом мышлении, эмоциях и поведении, следовательно имеют прямое воздействие на мировоззрение людей. Поскольку основными предшественниками формирования ценностей являются культура, общество и личность, ценности могут быть общечеловеческими, культурными, групповыми, семейными, индивидуально-личностными и т.п.

Культурные ценности предполагают «культурно значимые отношения человека к миру, служащие его ценностными ориентирами» [Маслова 2011; 383]. Хранителем таких ценностей является язык, поскольку данные ценности отражаются «в значениях слов и синтаксических единиц, во фразеологизмах, в паремиологическом фонде и прецедентных текстах» [там же].

Каждый язык по-разному интерпретирует одно и то же явление, исходя из фрагментов языковой картины мира. Так, знакомство с ценностями и особенностями мировоззрения той или иной культуры можно реализовать посредством изучения концептов, которые «формируют языковую картину мира» [Азимов, Шукин, 2009; 113].

В лингвокультурологии при анализе концепта большое внимание уделяется его ценностной составляющей. Согласно структурной композиции, разработанной В.И. Карасиком, среди трех компонентов (понятийного, образного, ценностного) именно ценностная составляющая является определяющей для выделения концепта [Карасик 2002; 91]. Кроме того, рассмотрение концептов с ценностной стороны позволяет выявить главные признаки, отражающие особенности той или иной культуры. Так, анализ концептов дает наиболее полное представление о ценностных идеалах народа.

Поскольку ценностью является все, что имеет для человека значимость и смысл, определенные концепты можно рассматривать в качестве ценностей (семья, дружба, свобода, здоровье и др.). Концепты, содержащие в своем ядре ценности, являются культурными.

В то же время, так как не в каждом концепте ценностный компонент является первичным, рассматривать все концепты как ценности не представляется целесообразным. Аксиологическая составляющая обязательна для концепта, однако при этом она может не входить в его ядро, а представлять собой один из периферийных аспектов.

Кроме того, круг концептов шире количества ценностей. Это объясняется тем, что «для ценностей обязательна положительная маркированность, в то время как концепты могут быть маркированы отрицательно» [Старостина 2021; 66]. Из этого следует, что многие ценности могут являться концептами, но не все концепты могут представлять собой ценности.

Таким образом, определяя соотношение лингвоаксиологии и лингвокультурологии, можно утверждать, что данные дисциплины имеют тесную связь, поскольку концепт представляет собой структуру сознания, содержащую ценности, которые, закрепляясь и отражаясь в языке, являются приоритетами человеческой деятельности и характеризуют особенности мировоззрения носителей той или иной лингвокультуры.

Литература

1. *Азимов Э.Г., Шукин А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.
2. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
3. *Маслова В.А.* Концепты и ценности: содержание понятий, языковая репрезентация // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. – 2011. – Т. 24 (63), № 2–3. – С. 383–387.
4. *Старостина Ю.С.* К вопросу о категориальном аппарате лингвоаксиологического исследования дискурса // Русский лингвистический бюллетень. – 2021. – № 2(26). – С. 64–70.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ

Современные вызовы требуют пересмотра ряда позиций преподавания русского языка в школе и в профессиональной подготовке учителей. В этой связи лингвокультурология обладает существенными возможностями воспитания полнофункциональной языковой личности, способной интерпретировать языковые явления в соответствии с национально-культурными достижениями.

Ключевые слова: лингвокультурология, современное образование, преподавание русского языка, феминитив, диалектная лексика, языковая личность.

Проблемы и риски современного общества со всей определённой показали кризис российской образовательной системы, причём особенно рельефно упущения проявляются в преподавании русского языка, который является концептуальной основой образования. Отчётливо утрачена просвещенческая и воспитательная характеристика курса русского языка проявилась в условиях юбилейного обращения к наследию К. Д. Ушинского. Для отечественных филологов и методистов была изначально очевидна значимость преподавания словесности в образовании и воспитании подрастающего поколения, поскольку на учителя родного языка «лежит обязанность обзора всех приобретаемых детьми знаний и приведение их в стройную логическую систему, потому что родное слово есть именно та духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание, чтобы сделаться истинной собственностью человеческого сознания» [Ушинский 1989; 39].

Устремлённость в глобализацию, цифровизацию и формализацию идёт в отстранении от глубинных характеристик языка и языковой личности, которая прежде всего нацелена на успех в ГИА и ЕГЭ. Вследствие этого «духовная одежда» связи языка – народа – личности оказалась настолько тонкой, что требуются дополнительные усилия, чтобы их не столько восстановить, сколько полностью не утратить. При этом потеря наработанных традиций российского просвещения в области преподавания русского языка разрушает значимость не только литературы, но и всего гуманитарного блока.

Попытки внедрения воспитательной составляющей в современный образовательный процесс во многом непродуктивны, превращаясь в стандартные, бессистемные и во многом поверхностные акции, потому что не задействован главный ресурс – содержание школьных предметов, в первую очередь русского языка, который является выразителем и хранителем человеческих ценностей, слагающихся «из “прописей”, из принятых каждой социальной и культурной формацией аксиом, трактующих о добре и зле, о жизни и смерти, о прекрасном и безобразном» [Панченко 2005; 83]. Это требует прежде всего лингвокультурологического подхода, который может быть востребован на разных этапах изучения русского языка как в школе, так и в вузе при подготовке учителя русского языка.

Следует отметить, что лингвокультурологический аспект актуален на протяжении всех лет обучения русскому языку и должен учитываться на всех уровнях языковой системы. В частности, при изучении грамматики, на первый взгляд наименее подверженной социальному воздействию, важными представляются культурно-национальные особенности реализации категории рода, включая феномен так называемых феминитивов. При этом следует принять во внимание, что в современных условиях «феминистской критики языка» русский язык на полном серьёзе обвиняется в недемократичности, нетолерантности, дискриминации женщин и прочих ему неведомых грехах. Однако только взвешенный подход позволяет объяснить специфику развёртывания корреляции наименований профессий лиц мужского и женского пола, когда их разнообразие ограничивается многовековой

андрогенностью русского языка, при которой суффиксы «женскости» нередко определяли новые значения и дополнительные стилистические обертоны.

Сложившуюся асимметрию системы наименований лиц по профессии, специальности, общественному положению, отвлечённых от значения пола и нередко не имеющих женской родовой пары, можно оценить только с лингвокультурологических позиций. Отсюда достаточно дискуссионны в обществе интерпретации возможных феминитивов типа *врачиха*, *учительша*, *училка*, *профессорша*, *режиссёрка* и под., которые нередко несут негативную информацию о профессиональных качествах женщины. Показательно в этом плане отторжение Анной Ахматовой и Мариной Цветаевой применительно к ним наименований *поэтессы*.

С другой стороны, полная корреляция реестра наименований профессий лиц мужского и женского пола, которая, например, установилась в словацком языке, не всегда соответствует реальной ситуации, поскольку не выдерживает проверку в случаях наименований типа *hrobár – hrobárka* [Sokolova 2007]. Аналогичная картина в русском языке: при вариантах *гробовщик*, *могильщик*, *(гробо)копатель* возможные, но не зафиксированные в Национальном корпусе русского языка феминитивы типа **гробовщица*, **могильщица* не являются востребованными даже в условиях наступающего феминизма не только по сложившимся традициям, но и по сохраняющемуся в обществе пониманию различий мужского и женского труда. Однако в современном виде – более нивелированном и распространённом – такая корреляция возможна в наименованиях типа *сотрудник / сотрудница похоронного бюро* или *работник / работница ритуальных услуг*.

Однако безусловной лингвокультурологической ценностью обладает лексика. В связи с этим начиная с 2018 г. на базе научной лаборатории «Междисциплинарные лингвистические исследования» были проведены исследования тематической группы «погода и осадки», которая в силу своей практической значимости особенно разнообразно представлена в русских народных говорах, где отразился многовековой опыт русского крестьянства.

Выявленные в «Словаре русских народных говоров» многочисленные языковые единицы, представляющую сложную и многообразную дифференциацию наименований осадков в русской языковой картине мира, показали свою эффективность в повышении престижности родного языка и развитии языковой личности с целью широкой реализации средств русского языка.

Данный материал широко использовался в различного вида экспериментах, нацеленных на выявление специфики восприятия наименований снега и дождя школьниками Оренбургской области и студентами филологического факультета Оренбургского пединститута; в ряде научно-просветительских мероприятиях для школьников и студентов (День родного языка, День славянской письменности и культуры, Лингвистическое ристалище, Моисеевские чтения); в выступлениях студентов, в том числе и на международных конференциях; в курсовых работах и выпускных квалификационных работах. При этом следует отметить постоянный и живой интерес аудитории к номинациям такого рода, который в том числе постоянно проявлялся в попытках создания новых слов или в поисках раскрытия этимологии диалектной лексики.

Современное осмысление наименований осадков студентами и школьниками показывает, что в различных стратах русского языка наблюдается не только сходство механизмов образования слов, но и общность языковой картины мира. В частности, номинации типа *замока*, *обложник*, *ситничек*, *весняк*, *халепа* и др. «достаточно легко “встраиваются” в современную языковую картину мира, закрывая некоторые имеющиеся или возникшие лакуны» [Тарасенко 2022; 242].

В связи с этим современные реалии могут трансформировать традиционно сложившееся в крестьянском быту значение. Например, распространённое в русских говорах слово *сеногной* («мелкий продолжительный дождь во время сенокоса, портящий собранное

сено' [Словарь 2003; 163]) современными городскими жителями определяется как летнее длительное затяжное ненастье, не связанное с сенокосом, но угнетающе влияющее на газоны и клумбы.

В ряде случаев происходит углубление семантического пространства народных названий осадков в соответствии с новым образом жизни. Так, *лежачка* ('мелкий дождь, похожий на туман'), как правило, оценивается студентами как «дождь, из-за которого человек лежит дома, не выходит на улицу», как «пасмурная погода, когда уютно лежать с книжкой», «дождик в выходной».

Таким образом, прослеживается не только определённая связь мировосприятия поколений, но и возможность использования исторически и территориально выработанных номинаций с учётом соответствующих механизмов их организации.

Утраченное в городской культуре понимание значимости качества, количества и времени выпадения осадков при сохранение их восприятия как части бытия позволяет оценить разнообразие картины мира и её отражение в богатстве языка, а также проникнуть в культурные «прописи» народа, что полностью подтверждает утверждение В.В. Воробьева о том, что «понятие “культура” – историческое: оно одновременно и подвижно, и устойчиво» [Воробьев 2008; 21].

Таким образом, лингвокультурологический подход в обучении студентов позволяет заложить основы профессионализма будущего учителя русского языка, которому предстоит развивать языковую личность ученика, включённого в общий контекст национально-исторического и духовного развития общества.

Литература

1. Воробьев В.В. Лингвокультурология. – М.: Изд-во РУДН, 2008. – 340 с.
2. Панченко А.М. Я эмигрировал в Древнюю Русь [Текст] : Россия: история и культура. – Санкт-Петербург: Изд-во журн. "Звезда", 2005. – 543 с.
3. Словарь русских народных говоров. – Вып. 37. — Санкт-Петербург: Наука, 2003.– 416 с.
4. Тарасенко П.О., Миллер Э, Самойлова О.А. Лексико-семантический потенциал диалектных наименований снега в современном русском языке. – № 24. – Уральский государственный педагогический университет: *Linguistica Juvenis*, 2022. – С. 234–242. – EDN AXJGWW.
5. Ушинский К.Д. Педагогические сочинения. – М.: Педагогика, 1989. – 528 с.
6. Sokolova M. Novy deklinačný system slovenskych substantiv. – Prešov: Filozoficka fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2007. – 349 s.

БЕКЕЗИНА Т.А.

ООО Центр «Златоуст»

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Статья посвящена описанию проблем межкультурной коммуникации между учащимися в полиэтнической группе, а также между учащимися и преподавателем. Автор анализирует возникающие проблемы, некоторые причины их появления и даёт рекомендации по предупреждению и решению данных проблем и выстраиванию эффективной коммуникации.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, лингвокультурология, полиэтническая группа, этнос, язык

За последние годы увечилось количество российских и зарубежных исследований и статей, посвящённых проблематике этноориентированного подхода в обучении русскому языку как вне языковой среды, так и в условиях языковой среды. Лингводидактические основы этноориентированного обучения представителей отдельных этносов отражены в работах Т.М.Балыхиной, Т.А.Кротовой, Е.И.Елагиной, Е.В.Невмержицкой, Н.В.Поморцевой,

В.Н.Вагнер, И.А.Пугачёва, О.А.Беженарь, Абдкльфатаха Джомая Н. Массуда, Аббаса Ясина, Али Анвара, Дао Нгуен Тгуй и др. Актуальность исследований по этому направлению растёт, так как практика уже доказывает эффективность применения этноориентированного подхода в обучении иностранному языку, однако, при этом, исследований применения данного подхода вне языковой среды недостаточно.

Обучение в рамках этноориентированного подхода осуществляется с учётом и опорой на этнопсихологические, лингвистические, этнокультурные особенности определённого контингента учащихся и лингвокультурологические особенности родного и изучаемого языков. Однако реализация данного подхода не кажется простой при работе с полиэтническими группами, в которых, в отличие от моноэтнических, присутствуют учащиеся двух и более этносов. В современном мире преподаватели школ, вузов и языковых курсов часто сталкиваются с тем, что им приходится работать именно с полиэтническими группами. И нередко в этих группах учатся представители этносов с «полярными» особенностями, а иногда и агрессивно настроенные по отношению к представителям другого этноса, что мешает выстраиванию эффективной межкультурной коммуникации учащихся. И вот в этих условиях преподаватель, в частности вуза или специализированных курсов, должен в сжатые сроки у аудитории, которая необязательно обладает склонностями к освоению иностранных языков, не только сформировать определённые коммуникативные навыки (включающие лингвистическую, социокультурную, дискурсивную социолингвистическую, стратегическую и социальную составляющие), но и обучить студентов языку специальности. Проблемы возникают также и при обучении студентов в полиэтнических группах на краткосрочных курсах разных направлений.

Так, например, если в группу были объединены студенты из США и Мексики, можно предположить нарушение коммуникации в силу того, что у американцев может быть негативное отношение к мексиканцам из-за проблем в стране, связанных с миграционным кризисом и «опиоидной лихорадкой», а у мексиканцев к американцам – из-за историко-политических событий и из-за того, что, как и представители других стран Северной и Южной Америки, они нередко категорически не согласны с тем, что граждан США называют американцами (и преподавателю обязательно нужно обратить на этот факт внимание, чтобы не произошло нарушения коммуникации между ним и учащимся). Кроме историко-политического фона общению и совместной учёбе могут мешать существующие у этих студентов гетеро- и автостереотипы и различия у этих этносов в наборе признаков, характеризующих один и тот же концепт (например, время, солнце, смерть и др.).

Различающиеся в этнокультурах социокультурные и дискурсивные явления порождают помехи, сбои в межкультурной коммуникации. И их можно преодолеть только при целенаправленном изучении коммуникативного поведения и фоновых знаний представителей иного культурного общества. «Являясь следствием диалога культур, лингвокультурологическая интерференция возникает тогда, когда каждый участник коммуникации ведёт её на базе собственной культуры с использованием общего языка общения» [Ергазина 2016: 136]. В условиях межкультурной коммуникации отчётливо проявляется противопоставление своего чужому, когда участники диалога являются представителями разных культур. В этом случае они понимают друг друга с позиций собственных культур, которые существенно отличаются друг от друга. Основные причины неудач лежат в культурных различиях, в различных мироощущениях, то есть в ином отношении к миру и другим людям. И это касается не только общения учащихся между собой, но и общения учащегося и преподавателя.

Выше дан пример со студентами из разных стран, которые родились и выросли, будучи частью своих социальных общностей с характерными для них лингвокультурными и психосоциальными особенностями. Однако, бывает так, что студенты приезжают из одной страны или из разных стран, но с одинаковым государственным языком, и, как может показаться, эти студенты объединены и языком, и общей совокупностью культурных

ценностей, и общей религией. И преподаватель думает, что он работает с моноэтнической группой и не ожидает проблем как в коммуникации, так и в обучении. Однако проблемы появляются. Почему? Давайте опять обратимся к примерам.

Первый касается эффективности коммуникации и обучения русскому языку студентов – носителей арабского языка. Эффективность зависит от многих факторов (и есть не мало исследований на эту тему), однако, говоря об особенностях обучения арабов, мало кто из исследователей уделяет внимание проблеме обучения представителей разных арабских стран, имеющих свои психолого-культурные и языковые различия, а ведь в учебных заведениях Российской Федерации проходят подготовку и обучение ливанцы, сирийцы, суданцы, алжирцы, египтяне и другие представители арабских стран Ближнего Востока и Северной Африки. И арабы из этих стран очень сильно различаются, прежде всего – как это не удивительно – языком: арабы Магриба практически не понимают арабов Шакрии, арабы Египта с трудом понимают арабов из Судана. Говоря на диалектах, нередко представители некоторых арабских стран почти не понимают фусху (литературный арабский язык). В процессе практического освоения и использования средств языка для создания собственной картины мира и общения с другими носителями данного языка формируется языковая личность, язык отражает мир и культуру носителей языка. И арабы очень различаются по культурно-бытовым традициям.

Второй пример – когда учащиеся приезжают из одной страны, но являются представителями разных этнических групп. Так, при работе с алжирскими группами преподавателю необходимо учитывать разные факторы, влияющие на эффективность обучения, и помнить о том, что у студентов в группе уже могут существовать лингвокультурологические помехи в межкультурной коммуникации: группы из Алжира сами по себе нередко являются полиэтническими, так как там могут обучаться представители, как минимум, двух этнических групп – арабы и берберы. И преподавателю необходимо помнить, что у берберов совсем другая культура, свой язык, свои особенности исповедования ислама. Ещё до недавнего времени в Алжире остро стоял «берберский вопрос», в связи с чем у многих берберов проявляется отторжение арабского языка, наблюдается низкий уровень владения им и высокий уровень владения французским (в отличие от современных арабов), проявляется неприятие арабской культуры, в учебных группах нередко можно наблюдать противостояние между арабами и берберами, что негативно влияет на атмосферу в группе и на эффективность обучения.

Таким образом, нам удалось обозначить некоторые проблемы межкультурной коммуникации в полиэтнических группах и причины их возникновения. Какие ж могут быть пути решения этих проблем? Как уже сказано выше, помехи, сбои в межкультурной коммуникации (как между учащимися, так и между учащимся и преподавателем) можно предупредить и преодолеть при целенаправленном изучении коммуникативного поведения и фоновых знаний представителей иного культурного общества. Главное, не пренебрегать этноориентированным подходом и учитывать лингвокультурологический аспект и этноориентированные компоненты во время планирования занятий.

Рекомендации:

- узнать представители каких этнических групп будут и какие у них взаимоотношения: в целом/ в своей стране (если из одной страны);
- найти информацию и познакомиться со страной, из которой приезжают студенты;
- изучить этническую и языковую ситуации страны;
- изучить этнопсихологические и культурные особенности учащихся;
- изучить лингвокультурологические особенности родного языка учащихся;
- узнать какой стиль академического общения в стране студента, определиться со стилем преподавания и выбором одежды для занятий;
- отметить для себя «деликатные» темы;

- обратить внимание на межкультурную омонимию - как слова, так и характеристики речи, жесты – и стараться не использовать на начальном уровне слова, которые в русском языке относятся к нормативной лексике, а в языке студентов эти слова или слова похожие по звучанию относятся к обценной (например, в некоторых диалектах арабского языка к таким словам относятся «никак», «финик», «шутник», «понятно»);

- спрогнозировать лингвокультурологическую интерференцию для создания условий для такого взаимодействия, при котором возникает гармоничный диалог культур;

- подобрать дополнительный материал, который позволит студентам познакомиться не только с русской культурой и культурой народов России, но и с этнокультурой одноклассников; давать больше наглядного материала;

- опираясь на данные выше рекомендации продумать и запланировать мероприятия для формирования командного духа в группе.

Подготовительной работы много, но необходимо помнить, что это способствует выстраиванию эффективной межкультурной коммуникации, а, соответственно, и эффективному обучению.

Литература

1. Андриенко Н.И. Учет национально-культурной специфики арабских учащихся на начальном этапе обучения РКИ// Экология языка и коммуникативная практика. 2017. №2. С.144-149

2. Бекезина Т.А. Лингвокультурологический аспект обучения алжирских военнослужащих военной лексике при изучении русского языка на элементарном уровне: ВКР (направление 44.04.01) – Санкт-Петербург, 2019 – 108 с.

3. Воробьев В.В. Лингвокультурология: учебное пособие - М.: Издательство РУДН, 2006 – 340 с.

4. Елагина Р.И. Лингводидактические основы этноориентированного обучения русскому языку как иностранному арабских студентов // Вестник РУДН, серия Вопросы образования: языки и специальность. - 2008, № 4 - С.76-79

5. Ергазина А.А., Успанова Д.Ж. Лингвокультурологическая интерференция как коммуникативная помеха в процессе межкультурной коммуникации // Актуальные проблемы филологии: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2016 г.). – Краснодар: Новация, 2016 – С.136-138

6. Захраи Сейед Хасан О многоаспектности лингвокультурного компонента в преподавании РКИ// Мир русского слова - 2008, № 2 - с. 91-96

7. Кротова Т.А. Способы реализации этноориентированной методики обучения русскому языку как иностранному с позиций лингвокультурной адаптации (на примере арабского контингента) // Вестник РУДН, серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2014, №2 – С.22-28

8. Пугачёв И.А. Этнокультурный контекст изучения русской лексики во франкоговорящей аудитории. // Вестник РУДН, серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания - 2011, № 2 - С.17-24

9. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова - М.: Изд-во МГУ, 2008. - 352 с.

БЕРЗЕГОВА Л.Ю., НЕТЁСИНА М.С., МАКАРОВА И.И.

*Московский государственный медико-стоматологический университет им.
А.И. Евдокимова*

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ НЕКОТОРЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ЕДЫ В ПЕРСИДСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена проблеме сходства/ различия объёма и состава лексических единиц лексико-семантического поля «еда», в частности терминов кулинарии *плов* и *кебаб*, в персидском и русском языках.

Ключевые слова: наименования еды, заимствования, лингвокультурологический словарь, ресторанный бизнес.

В русском и персидском языках есть наименования еды, являющиеся одинаковыми словами в обоих языках, порой совпадающие по значению, порой совпадающие частично.

Эти наименования вошли в тот или другой язык путём заимствования и становились предметом изучения с точки зрения их состава (например, [5]), происхождения (например, [1]), значения [4, 6, 7].

Группа наименований еды достаточно многочисленна [1, 3, 4 и др.] среди тематических групп заимствований (иноязычный элемент, перенесённый из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов из одного языка в другой [1]) из русского языка в фарси, появившихся как результат политико-экономических и материально-культурных контактов между русскими и иранцами.

Семантика этих русизмов (*бориц, пирожки, икра, хлеб, сухари, водка, пряник, сырники, ватрушка* и др.) в фарси могла оставаться неизменной (например, *бориц, сухари*) или же трансформироваться в процессе освоения (например, словом *пирожки* в персидском языке обозначаются хлебобулочные изделия двух видов, в том числе круглые, похожие формой на пончики, сладкие, а также с мясом, что, собственно, соответствует русским пирожкам).

К тому есть же ряд наименований еды, имеющих и в русском, и в персидском языках, но заимствованных из другого (*колбаса, котлета* и пр.). Их значение в обоих языках порой разнится (к примеру, в состав *колбасы* в Иране включается мясо, жир, различные виды бобов).

Предметом нашего интереса и исследования стали термины кулинарии, одинаковые в обоих языках. Рассмотрим термины *плов* и *кебаб*.

В языке фарси эти термины всегда являются многокомпонентным (как большая часть кулинарных терминов [5]). Существует огромное количество разновидностей плова и кебаба в Иране, каждый из которых имеет своё название-фразеологизм. При этом в названии первого используется не только слово *плов*, но и слово *рис*, а в названии второго – наименование мяса/птицы. В таком названии уже содержится важная информация о блюде. Эта информация даётся в базовом и уточняющем элементах названия плова [5, 9].

Базовыми элементами могут быть:

- тип блюда
- а) с главным или определяющим вкус ингредиентом *сладкий плов*;
- б) с уточнением места происхождения *ширазский плов с сахаром*;
- способ приготовления блюда *жареное на мангале*;
- основной продукт для приготовления блюда и способ приготовления *отварной рассыпчатый рис, подаваемый как гарнир; рис, который долго томится, пока не выпарится вся вода*.

Уточняющими элементами служат

- характеристика по цвету *кебаб двух цветов*;
- место происхождения блюда, определяющее его вкус *кавказский кебаб*;
- имя создателя блюда, часто легендарное *Хусейнов кебаб*;
- основной компонент *плов из мяса птицы; кебаб из мяса цыплёнка; плов из свежей зелени*.

С помощью комбинации элементов в названии уточняют:

- вкус *кебаб из мяса цыпленка с медом; кисло-сладкий рис с изюмом, миндалем и апельсинами*;
- ключевую приправу *кебаб из мяса цыпленка с шафраном*;
- способ приготовления *кебаб из мяса на сковороде; жареная курица в панировке*;
- чествуемое событие *праздничный кебаб*.

Как видно, заказывая такое блюдо в ресторане в своей стране, иранцы имеют достаточно полное представление о нём уже по названию. Мы рассмотрели меню 147 московских ресторанов (выборка по доступности сайта, например, www.GDEBAR.ru, <https://tc-nabegovoy.ru/obekty/neobychnye-restorany-moskvy.html>), а именно включённые в них

блюда, содержащие в своём названии слова *плов*, *рис*, *кебаб*, с целью сопоставить информативность названий этих блюд в Иране и в Москве для посетителя из Ирана.

Опираясь на классификацию блюд, предложенную в [5], выделим группы наименований плова и кебаба в меню московских ресторанов. Наименование может содержать, помимо типа блюда: главный или определяющий вкус ингредиент *рис с фермерским маслом*; *плов с бараниной*; *плов с белыми грибами*; *садж-кебаб с курицей*; *люля-кебаб из...* (*барашика*; *телятины со свиной*; *курицы*; *картофеля*; *осетрины*); *кебаб фисташковый*; *кебаб говяжий*; *куриный кебаб*; уточнение места происхождения блюда, вероятно, определяющее его вкус *плов ташкентский*; *бакинский плов*; *узбекский плов*; *иранский рис*; *пакистанский рис*; *люля-кебаб по-Гиждувански*; основной продукт для приготовления блюда и способ приготовления *казан-кебаб из курицы*; количество/ состав компонентов *плов комбинированный*; основной и добавочный продукты и запах *плов ароматный с бараниной и барбарисом*; чествуемое событие *плов праздничный*; для кого предназначено блюдо *плов ханский*; *плов мужской*; *плов на компанию*; основной ингредиент и способ подачи *люля-кебаб из рубленой баранины в лаваше*; вкус *плов нежный*.

Встречаются названия, которые не всегда удаётся квалифицировать (первые два, видимо, по ресторану, в которых готовят): *плов Чайханский*; *плов «Урюк»*; *плов икс*.

Часты названия блюд, где присутствуют различные комбинации элементов: *плов праздничный в казане*; *бакинский кебаб с сыром*; *кебаб из цыпленка с сырным соусом*; *люля-кебаб по-иерусалимски с курицей*; *люля-кебаб по-турецки с курицей*; *сочный кебаб из рубленого мяса цыпленка с сырным соусом, подается на лаваше с миксом лука и зелени*; *люля-кебаб куриный по-самаркандски*; *кебаб из баранины по-самаркандски*.

Разумеется, если есть дополнительное отдельное описание блюда, всё становится понятным.

Тема сходства/различия в персидском и русском языках объёма и состава лексических единиц лексико-семантического поля «еда», в частности терминов кулинарии *плов* и *кебаб*, требует исследования.

Наименования блюд позволяют получить представление не только о вкусах того или иного народа, но и об универсальном и специфическом в их картине мира.

Такие наименования блюд иранской и русской кухни могут быть включены в раздел «Еда» лингвокультурологического (лингвострановедческого) словаря, ориентированного на иранских студентов, изучающих русский язык, на российских студентов, изучающих фарси, на будущих преподавателей русского языка как иностранного.

Интересно будет соотнести эти кулинарные термины с глаголами *жевать*, *разжевать*, *пережевать*, *прожевать* и пр., изучающимися в курсе «Русский язык и культура речи» для иностранных обучающихся (см., например, [2]).

Эти знания становятся актуальными для обучающихся ресторанному и гостиничному бизнесу и могут в дальнейшем быть применены в ситуации общения с персоязычными посетителями ресторана в случае присутствия в меню слов-кулинарных заимствований из русского языка в персидский, а также блюд, содержащих в названии слова *плов*, *рис*, *кебаб*. Достижение успеха общения «официант/ менеджер – клиент» зависит, среди прочего, от способности первого на основе знаний об указанных особенностях объёма и состава кулинарных терминов воспринимать данные, отражать информацию с целью получить подтверждение («Значит, Вы говорите, что...», «Вы имеете в виду...»), перефразировать [8], задавать требуемые по ситуации типы вопросов (уточняющий детали, повторный, наводящий, переспрос, вопрос-резюме и др.).

Литература

1. Акбари Р. Русско-персидские языковые контакты (на материале заимствований): автореферат дисс. ... к.филол.наук. – Казань. – 2014. – 22 с.

2. Берзегова Л.Ю., Матвеева Т.Ф. Русский язык для иностранных студентов-стоматологов. Учебное пособие для иностранных учащихся стоматологических факультетов медицинских вузов (основного этапа обучения) – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2021. – 112 с.
3. Восканян Г.А. Русско-персидский словарь. – «Biblio». – 2008. – 872 с.
4. Гилазетдинова Г.Х., Акбари Р. Семантическая адаптация русских заимствований в персидском языке XIX XX вв // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2013. – №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskaya-adaptatsiya-russkih-zaimstvovaniy-v-persidskom-yazyke-hih-hh-vv> (дата обращения: 13.04.2023).
5. Громова А.В. Кулинарная терминология в диалектах Фарса (на примере давани) // Востоковедные чтения 2021. Сочетаемость языковых единиц и языковые модели. Памяти З.М. Шалапиной (1946-2020). Тезисы докладов межинститутской конференции. Москва, Институт востоковедения РАН, 14-15 апреля 2021 г. / Отв. ред. А.С. Зверев, сост. С.Д. Малышева. – М.: Институт востоковедения РАН. – 2021. – с. 16-17. https://www.ivran.ru/sites/28/files/tezisy_VoCht2021-6.pdf
6. Косвои М.М. Лексико-семантический анализ заимствований тематической группы «Еда» в русском языке и их персидские соответствия // Вестник ННГУ. – 2013. – №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksiko-semanticheskii-analiz-zaimstvovaniy-tematicheskoy-gruppy-eda-v-russkom-yazyke-i-ih-persidskie-sootvetstviya> (дата обращения: 14.04.2023).
7. Косвои М.М. Лексико-семантическое поле «Еда» в персидском и русском языках. Автореф. ... дисс. канд. филолог. наук. – Душанбе, 2014. – 25 с.
8. Мешкова М.А. Программа формирования навыков профессионального общения менеджеров ресторанного бизнеса // Вестник РМАТ. – 2012. – №2-3 (5-6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/programma-formirovaniya-navykov-professionalnogo-obscheniya-menedzherov-restorannogo-biznesa> (дата обращения: 13.04.2023).
9. Никитина А. Азбука фарси: из чего состоит волшебная кухня Ирана // Аргументы и факты. 12.11.2020. – URL: <https://aif.ru/food/world/21728>

БИРЮКОВА Е.А.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

РАЗНИЦА СМЫСЛОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ ТЕРМИНА «ОБЩЕНИЕ» В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЭТНОКУЛЬТУРАХ

В статье проводится сравнительный анализ смысловых значений термина «общение» в русском и китайском языках. Автор рассматривает разницу контекстных значений терминов на китайском языке и выявляет наиболее идентичные из них русскому термину «общение».

Ключевые слова: общение, взаимодействие, взаимоотношения, связь, русский язык, китайский язык.

В настоящее время уже существует значительное количество работ, посвященных взаимосвязи языка и культуры: гипотеза Сепира-Уорфа, труды Н. И. Толстого, В. Н. Телия, А. Д. Арутюновой, В. В. Воробьева, В. М. Шаклеина. Язык не только активно участвует во всех сферах культурной жизни общества, но и отражает особенности менталитета этноса. Изменения, происходящие в общественно-культурном сознании общества находят отражение в языке. Таким образом, используя определенный языковой знак, человек или группа людей воспроизводят парадигму культурных ценностей, традиций, норм, сложившихся в их обществе: «В любой момент развития культуры обслуживающий ее язык отражает ее полностью и адекватно» [Верещагин, Костомаров 1990; 14].

Однако не все изменения в языке подвергаются кодификации, что в нашей работе связано с наличием пяти слов в китайском языке, означающих термин «общение». Два из них отсутствуют в русско-китайских словарях, при этом активно используются носителями языка в речи. Три слова отражены в русско-китайских словарях, однако одно из них носителями языка используется реже. Стоит заметить, что все китайские термины синонимичны.

Кодификация языковых единиц не всегда отражает общественное языковое сознание, что объясняется быстрым темпом современной жизни, который отражает язык, при отсутствии возможностей ее фиксации в разного рода справочных изданиях.

В русском общественном языковом сознании термин «общение» тесно связан со следующими понятиями: коммуникация, разговор, диалог, связь, контакт. Однако в словарях русского языка рассматриваемый термин дается через понятия «сношения» и «связь». Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова предлагает следующее определение термина «общение»: «Взаимные сношения, деловая или дружеская связь» [Ожегов 2008; 361]. Аналогичное определение дает большой Толковый словарь русского языка С. А. Кузнецова и Толковый словарь Д. Н. Ушакова.

Из этого следует, что смысловое значение термина «общение» в русском общественном языковом сознании и в справочных изданиях различается. Для общественного языкового сознания смысловый вектор данного термина направлен на непосредственный обмен репликами, на передачу собеседнику высказываний языковыми средствами. Толковые словари русского языка дают более широкое определение термина – взаимоотношения людей, любые взаимные связи между людьми. Смысловое значение, данное в словарях, можно отнести к статичному состоянию между собеседниками, когда для общественного языкового сознания восприятие термина происходит через динамичный процесс обмена репликами в определенную пространственно-временную координату.

Новый русско-китайский словарь под китайским издательством «Иностранные языки» дает аналогичное русским словарям определение термина «общение», что связано с опорой составителей на Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова: «Взаимные сношения, деловая или дружеская связь 来往, 交际, 联系» [Новый русско-китайский словарь 2000; 572]. Большой русско-китайский словарь под китайским издательством «Шаньу иньшугуань» так же предлагает 来往 (láiwang), 交际 (jiāoji), 联系 (liánxi) для обозначения русского термина «общение».

Слово 来往 (láiwang) в Большом китайско-русском словаре определяется как «водить знакомство, общаться; сношения, связь» [Большой китайско-русский словарь, URL]. 来往 (láiwang) для носителей языка имеет значение взаимных отношений между людьми и коррелирует со смысловым значением, данным в словарях русского языка. 来往 (láiwang) в китайском языке используется в тех случаях, когда речь идет о постоянном, активном взаимодействии людей: 亲戚之间的来往很重要 (общение между родственниками очень важно).

交际 (jiāoji) там же дается как «общаться; принимать (друзей); устраивать приёмы, вести светскую жизнь» [Большой китайско-русский словарь, URL]. Однако данное значение слова не актуально в разговорном китайском языке. 交际 (jiāoji) носителями языка используется как «коммуникация»: «Лингв. общение, коммуникация» [Большой китайско-русский словарь, URL]. Например: 交际手段 (средство коммуникации). 交际 (jiāoji) в китайском языке считается не разговорным, а литературным словом, что связано с его редким использованием в обыденной речи.

Слово 联系 (liánxi) там же определяется как связь и отношения между людьми: «Связываться, устанавливать связь» [Большой китайско-русский словарь, URL]. Носителями языка 联系 (liánxi) воспринимается как любые взаимоотношения людей: 我们应该多进行相互的业务联系 (Мы должны поддерживать взаимную служебную связь). В русском языке термин «общение» может использоваться в данном значении.

沟通 (gōutōng) и 交流 (jiāoliú) отсутствуют в русско-китайских словарях, однако активно используются в речи носителями языка. 沟通 (gōutōng) в Большом китайско-русском словаре дается как «взаимодействие (в частности речевое), связь, контакт, общаться, связываться, соединяться» [Большой китайско-русский словарь, URL]. В разговорной речи

沟通 (gōutōng) имеет более узкое значение и используется в тех случаях, когда необходимо решить какой-то вопрос, что-то обсудить, сообщить или серьезно поговорить: 我需要和学生沟通 (мне нужно поговорить со студентами). Стоит отметить приоритет монологической формы речи, в которой один из собеседников создает движущую силу диалогического единства. В русском языке термин «общение» имеет аналогичное значение. Однако в русском языке отсутствует отдельный термин для значения «серьезный разговор», который мог бы быть полностью идентичен китайскому 沟通 (gōutōng).

交流 (jiāoliú) там же определяется как «связь, контакт; общение, общаться; коммуникация; взаимодействие» [Большой китайско-русский словарь, URL]. 交流 (jiāoliú) по значению ближе к 联系 (liánxi) и используется когда подразумевается любая форма взаимоотношений людей. Например, 我们保持友好交流 (мы поддерживаем дружеское общение).

В русском языке смысловое значение термина «общение» в широком смысле коррелируется с терминами 来往 (láiwang), 联系 (liánxi), 沟通 (gōutōng), 交流 (jiāoliú) в китайском языке. Однако в китайском языке рассматриваемые слова синонимичны, но не идентичны: их разница прослеживается в контексте. 来往 (láiwang) используется в тех случаях, когда речь идет о постоянном и активном взаимодействии людей, например, близких друзей или родственников. Для слов 联系 (liánxi) и 交流 (jiāoliú) не имеет важности степень частотности общения людей, они могут использоваться и в предложениях, где речь идет о редком или исключительно служебном общении. 沟通 (gōutōng) используется в значении «важный, серьезный разговор». Это общение, в котором необходимо решить какой-то вопрос или проблему или сообщить о чем-либо.

Рассматривая контекстное значение терминов «общение» в китайском языке, можно сказать, что 联系 (liánxi) и 交流 (jiāoliú) ближе всего к русскому термину «общение».

交际 (jiāoji) по смысловому значению ближе к русскому термину «коммуникация», что связано с пометой «лингв.» и более узким смыслом; именно поэтому 交际 (jiāoji) в разговорной речи китайского этнического представителя используется реже.

Литература

1. Большой китайско-русский словарь. URL: <https://dabkrs.com>
2. Большой русско-китайский словарь. Пекин: Шаньфу иньшугуань., 2001. – 2857 с.
3. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., М.: Рус. яз., 1990. – 246 с.
4. Новый русско-китайский словарь. 8-е изд., Пекин: Иностранные языки, 2000. – 1304 с.
5. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка: Около 65 000 слов и фразеологических выражений. Москва: ОНИКС, Мир и Образование, 2008. 736 с.

БОГАЧАНОВА Т.Д.

Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет

ТЕКСТОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Данная статья отражает основные направления исследования в области изучения лингвоперсонологии, теории текста, а также вторичного текста и метатекста. Исследуется проблема взаимодействия текстового материала и участников коммуникации в образовательном процессе.

Ключевые слова: языковая личность, текст, вторичный текст, коммуникация, лингвокультурология.

На настоящий момент существует множество работ, посвященных изучению текста. Это совершенно особый объект научного исследования по той причине, что данный феномен является уникальным в научной сфере. Текст, как и язык, обладает большим количеством функций, к ним можем отнести информативную, которая стоит на страже передачи определенного объема знаний последующим поколениям, экспрессивную, т. е. транслирующую определенную оценку, отношение, эмоции по отношению к тому, о чем говорится, коммуникативную, которая отвечает за взаимный настрой на общение между несколькими сторонами. Ю. М. Лотман [Лотман, 1993] выделяет три функции текста, такие как передача информации, выработка новых смыслов и сохранение памяти. На наш взгляд, выработка новых смыслов текста может представлять наибольший интерес с лингвоперсологической точки зрения, соприкасаясь с коммуникативной функцией. Сами по себе передача и получение информации в современном мире, максимально приближенном к цифровому пространству, становятся более значимыми. С одной стороны, получить информацию легко благодаря сети Интернет в любом месте и в любое время, что ценность получения образования, кажется, несколько снижается, однако, с другой стороны, эти процессы становятся комплексными, многоканальными ввиду различных способов, а также большого информационного потока, множества коммуникативных связей, источников и т. д., поэтому выбор становится затруднителен даже для профессионалов.

Важным является вопрос самого отбора информации, ведь на эту процедуру оказывает влияние множество факторов, например, собственно лингвистические, зависящие от персоны, и внешние лингвистические [Богачанова, 2016; 72 – 75].

Так, в центр нашего исследования мы ставим непосредственно сам текст, а также личность человека, принимающего участие в передаче и получении информации, т. е. коммуникации. Это процедура общения между сторонами, двусторонний и обоюдный процесс, включающий в себя множество элементов. По мнению Н. С. Болотновой, коммуникативная направленность текста реализуется при создании и восприятии текста автором и читателем. Ученый говорит о появлении вторичного текста в результате этой коммуникации. Таким образом, текст представляется двусторонним или двойственным, по мысли Н. С. Болотновой, потому что это «продукт первичной коммуникативной деятельности автора и вторичной коммуникативной деятельности адресата» [Болотнова, 2007; 113]. Текст вбирает в себя огромное количество транслируемых и интерпретируемых смыслов. Тот текст, который создает автор, можно квалифицировать как первичный текст, исходный, который руководствуется личностью автора-создателя, его интенциями, сознанием. Этот же текст в интерпретации читателя становится другим текстом, обусловленной сознанием, мнением воспринимающей стороны [Богачанова, 2018]. Так, исходный текст один, а значений у него будет столько, сколько существует прочтений и собственно читателей. Это положение было подтверждено множеством лингвистических экспериментов в работах Н. В. Мельник [Мельник, 2011], Л. Г. Ким [Ким, 2010], Н. Н. Шпильной [Шпильная, 2010], Т. Д. Богачановой [Богачанова, 2016] и т. д.

Далее мы переходим к понятию интерпретационной деятельности адресата, т. е. восприятию, анализу исходного текста, что непосредственно связано с текстовой деятельностью как автора, так и читателя [Богачанова, 2018]. Только в первом случае автор создает свой текст, а во втором случае читатель, воспринимая исходный первичный текст, дает собственную реакцию. Результатом этой интерпретационной деятельности читателя становится вторичный текст. Т. е. текст, который был сформирован на базе другого, первичного текста. Если рассматривать процесс обучения, то здесь мы имеем дело с такими видами вторичных текстов, как диктант, изложение, сочинение, ответ на вопрос, комментарий, перевод и т. д. [Мельник, 2009; 108].

В рамках данного исследования также необходимо охарактеризовать понятие языковой личности, поскольку она становится ключевым субъектом как текстовой и интерпретационной деятельности, так и непосредственно самого учебного процесса и межкультурной коммуникации. Термин языковая личность берет свое начало в исследованиях В. В. Виноградова [Виноградов, 1980], Ю. Н. Караулова [Караулов, 2014], Г. И. Богина [Богин, 1982]. Вслед за Ю. Н. Карауловым мы воспринимаем термин языковая личность как «...набор языковых способностей, умений, готовностей производить и воспринимать речевые произведения» [Караулов, 2014; 71], т.е. тексты, имеющие коммуникативную направленность. Таким образом, текстовая деятельность актуализирована способностями языковой личности создавать, интерпретировать тексты, продуцируя новые на основе уже имеющихся. Этот текстовый материал мы можем трактовать как метатекст, а именно, вторичный текст, созданный языковой личностью при помощи метаязыкового сознания [Богачанова, 2016]. По мнению Н. Д. Голева, специфика действия метаязыкового сознания связана с речемыслительной деятельностью рядового носителя языка без ориентации использования языка как системы [Голев, 2009; 7 – 9].

Если подходить к считыванию, передаче, интерпретации информации в современном мире с позиции трансляции, восприятия и т. д. текста, то с уверенностью можно говорить проявлении метаязыкового сознания рядового носителя языка в условиях рабочей обстановки, бизнес-коммуникации, бытовых ситуаций, научной, учебной сфер деятельности и т.д.

В ситуации образовательной мы имеем дело с языковыми личностями в лице преподавателя и студента, текстовым материалом в виде учебной и научно-учебной информации, которая также передается, воспринимается, интерпретируется обучающимися в процессе учебной деятельности.

Собственный опыт преподавания гуманитарных дисциплин позволяет высказать мысль о том, что на современном этапе обучения будущих специалистов разных направлений текстовая и коммуникативная деятельности являются преобладающими. Обучение иностранному языку включает анализ текстового материала с предтекстовыми и послетекстовыми заданиями. При изучении латинского языка студентам также предлагается познакомиться как с аутентичными, так и обработанными текстами. Автор статьи считает, что возможно пользоваться тем принципом, который применим к преподаванию иностранных языков, включающий предтекстовые и послетекстовые [Богачанова, 2020; 19] задания. Безусловно, в основе изучения языка лежит грамматический принцип, позволяющий изучить морфолого-синтаксическую базу. Особым разделом данной дисциплины можно считать словообразование, охватывающим важнейшие деривационные модели [Богачанова, 2022], которые полезно знать не только будущим филологам и медикам. Такая новая форма обучения, как дистанционная [Богачанова, 2021], позволила расширить возможности преподавателя-древника.

Обучение РКИ направлено на погружение иностранного обучающегося в культуру и менталитет страны изучаемого языка. Ни для кого не секрет, что социокультурная адаптация проходит у всех по-разному, поэтому преподаватели стоят на страже не только правильной подачи материала, но и являются своеобразным проводником в русскую культуру, знакомя с этикетом, нормами поведения, традициями и т.д. Этот процесс также опирается на работу с текстами, которые иллюстрируют изучаемый грамматический материал культурными особенностями и т.д. немаловажным аспектом этого раздела по праву считается работа с лексическим материалом [Богачанова, 2023]: способ, подача, отработка, воспроизведение.

Таким образом, можем сделать вывод о том, что текст в современном мире играет важную роль при обучении гуманитарными дисциплинам. Чтение текста позволяет отработать ключевые правила, повторить нормы произношения, предтекстовые и послетекстовые задания позволяют не только подготовить студента к правильному пониманию материала, но и отработать грамматические нормы. Правильно и качественно

отобранные или составленные послетекстовые задания помогут организовать и активизировать коммуникативную деятельность всех участников аудитории. Также они позволят каждому проявить свои лингвистические способности при передаче, получении и интерпретации информации. Текстовая деятельность отражает работу языкового сознания, мышления человека как индивидуально, так и в групповом отношении. Текст иллюстрирует множество социокультурных элементов, функционирующих в языковой среде. Таким образом, текст – это способ и метод познания не только мира, культуры, концептов, но и самой языковой личности говорящего и слушающего.

Литература

1. Богачанова Т. Д. Деривационный подход на занятиях по латинскому языку в рамках программы ФГОС ВО // Непрерывное профессиональное образование: теория и практика : Материалы XI Международной науч.-практ. конф. – Новосибирск: Сиб. гос. ун-т путей сообщения, 2022. – С. 88 – 95.
2. Богачанова Т. Д. Из опыта освоения лексического материала на занятиях по русскому языку как иностранному // Восток – Запад: теоретические и прикладные аспекты преподавания европейских и восточных языков : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф.; Сиб. гос. ун-т путей сообщения. – Новосибирск : Изд-во СГУПС, 2023. С.167 – 174.
3. Богачанова Т. Д. Персонализация и деперсонализация в сфере языкового сознания (на материале вторичных текстов). дисс. ... к. филол. н. Кемерово, 2016, 295 с.
4. Богачанова Т. Д. Текстовое проявление особенностей языковой личности: типологический аспект // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2018. – № 2(74). – С. 162 – 169.
5. Богачанова Т. Д. Текстовый подход в преподавании латинского языка студентам-медикам // Языки и литература в поликультурном пространстве. – 2020. – № 6. – С. 17 – 20.
6. Богачанова Т. Д. Условия повышения эффективности обучения латинскому языку студентам-медикам в условиях очной и дистанционной форм // Иностранные языки в современном мире: Сборник материалов XIV Межд. науч.-практ. конф., Казань. – Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2021. – С. 162 – 167.
7. Богин Г. И. Концепция языковой личности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1982. – 36 с.
8. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста: Учеб. пособие. – М.: Флинта, Наука, 2007. – 520 с.
9. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. — М.: Наука, 1980. — 657 с.
10. Голев Н. Д. Обыденное метаязыковое сознание – онтологический и гносеологический феномен // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч.1: Коллективная монография. – Кемерово; Барнаул, 2009. –С.7 – 41.
11. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность: 8-е изд. – М.: Книжный дом Либроком, 2014. – 264 с.
12. Ким Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: теоретико-экспериментальное исследование. Дис... д-ра филол. наук. – Кемерово: КемГУ, 2010. – 405 с.
13. Лотман Ю. М. Три функции текста // Избранные статьи: В 3 т. Т. I. – Таллин, 1993. 479 с.
14. Мельник Н. В. Деривационное функционирование русского текста: лингвоцентрический и персонцентрический аспекты: Дис. ... д-ра. филол. наук (рукопись).– Кемерово, 2011. – 403 с.
15. Мельник Н. В. Деривация текста в лингвоперсоналогическом освещении // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 7 (188). Филология. Искусствоведение. Вып. 41. – Челябинск, 2009. – С. 106 – 112.
16. Шпильная Н. Н. Языковая картина мира в структуре речемыслительной деятельности русской языковой личности (на материале сочинений В. А. Серова «Девочка с персиками»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2010. – 23 с.

БОЖЕНКОВА Н.А., СЁМКЕ Т.И.

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЯ КАК ЯДРО ТРАНСКУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

Статья посвящена актуализации вопроса о пересмотре целей, задач и содержания обучения русскому языку как иностранному (РКИ) в условиях новейшего социального контекста, детерминирующего необходимость приобщения инофонов к российской

парадигме ценностных констант. В этой связи описываются принципы концепции *транскультурного* подхода к реализации учебно-воспитательных целей и основные параметры авторского метода создания учебных средств по РКИ – метода казуального иллюстрированного нарратива (КИН).

Ключевые слова: лингвоаксиология, воспитательная функция обучения РКИ, транскультурная личность, метод казуального иллюстрированного нарратива.

Известно, что науки вообще, а тем более гуманитарные не могут существовать и развиваться вне зависимости от глобальных социально-исторических процессов. Так, мы наблюдаем современную лингводидактику в состоянии интенсивного и многопланового развития всех ее составляющих (системы целей, принципов, технологий, средств обучения и др.), происходящего под влиянием сразу целого ряда факторов: от глобальных геополитических изменений, стремительного развития интернет-технологий, значительной трансформации системы гуманистических ценностей и общественных норм до необратимых изменений психокогнитивной структуры субъектов коммуникации, обусловленных, в свою очередь, многоплановыми преобразованиями в социетальном пространстве [Боженкова, Боженкова, Шульгина 2019]. Всё вышеобозначенное в полной мере оказывает влияние и на теорию и методику преподавания русского языка как иностранного (РКИ). Следует, однако, особо подчеркнуть, что в случае с РКИ к перечисленным факторам добавляется еще и особый социальный запрос на *сохранение и трансляцию* гуманистических (в нашем случае – традиционных) ценностей. Как следствие, русский язык выступает уже не только и не столько целью обучения и дальнейшим средством общения, но принимает, скорее, статус *проводника* общечеловеческой морали и нравственности¹.

Столь сложный и столь динамичный социетальный контекст и, как следствие, принципиально *новый* социальный запрос подводит теорию и методику преподавания РКИ к необходимости переосмысления целей и задач, определяющих содержание процесса обучения РКИ (вне зависимости от профиля обучения). Необходимость удовлетворения данного диктума вполне коррелирует с сугубо методической концепцией необходимости повышения социокультурной компетенции при обучении РКИ [Лазарева, Юрков; 2006] и – шире – стремлением к практическому осуществлению теоретического постулата “культура через язык, язык через культуру” [Пассов 2000; 46]. Другими словами, процесс обучения РКИ не может более сводиться к реализации сугубо прагматических (коммуникативной, общеобразовательной) целей. Напротив, в свете вышесказанного на первый план выходит воспитательная функция языка как феномена культуры, позволяющего инофонам приблизиться к пониманию русской национальной системы ценностей², повысить социокультурную компетенцию и адаптировать свои коммуникативные стратегии к взаимодействию с носителями не столько русского языка, сколько русской *культуры*³ (при условном их разделении).

¹ Следует упомянуть принятие в 2022 г. федерального закона «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» и создание в 2023 г. федерального государственного реестра объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации.

² Напомним, что ценность определяется как «совокупность объектов и явлений, значимых в жизнедеятельности общества, социальных групп и отд. индивидов, а также для обозначения самой этой значимости и ... по структуре своей представляет собой субъект-объектное отношение» [Леонтьев], а также как «сложившаяся совокупность правил и оценок организации элементов хаоса картины бытия, детерминированная особенностями деятельности представителей данного лингвокультурного сообщества, закреплённая в их национальной картине мира и транслируемая средствами языка в их общении» [Прохоров 2009; 159].

³ Напомним утверждение Е.И. Пассова о том, что «культура как система ценностей, используемая в качестве содержания образования, становится тем пространством существования, благодаря которому человек может стать человеком духовным» [Пассов 2000; 31].

Говоря о воспитательной функции языка, мы должны вспомнить о том, что под «воспитанием» в процессе обучения ИЯ понимается прежде всего сознательная передача накопленного социально-культурного опыта, этических норм и нравственных ценностей страны изучаемого языка представителям принципиально *иной* культуры. Целью же осуществления воспитания является последовательное *приближение* инофонов к пониманию социально-культурной матрицы носителей изучаемых языка и культуры¹. И здесь, на наш взгляд, следует говорить о *транскультурном подходе к воспитанию* в процессе обучения РКИ и, соответственно, о цели формирования *транскультурной личности*, приближающейся к относительно глубокому пониманию культуры изучаемого языка², приобретающей такой опыт личностного познания и приятия социально-культурных ценностей носителей изучаемого языка, который позволит ей взаимодействовать с носителями иноязычной (в нашем случае – русской) культуры на основании интериоризированной ценностно-языковой картины мира жителей страны изучаемого языка (России), сохраняя и развивая при этом собственную национально обусловленную идентичность.

С точки зрения авторов, «ядром» транскультурного подхода к воспитанию в процессе обучения РКИ должна стать организация *«пространства существования»*, напрямую эксплицирующего *ценностные установки русской культуры* и позволяющего инофонам пройти путь *эмоционального и сознательного* приобщения к лингвоаксиологической парадигме современного российского общества. Естественно полагать, что осуществление подобной задачи невозможно без принципиально новых технологий создания учебных средств, ориентированных, в первую очередь, на формирование логически выстроенной *системы* ценностных координат, на которую инофоны смогут опираться для корректного общения и действия в русскоязычном социокультурном поле. При этом в свете вышеобозначенного курса методики на гармонизацию всех целей обучения (коммуникативная, общеобразовательная, воспитательная) нам представляется наиважнейшим соблюдение принципа синкретического единства языка и культуры, или иначе – лингвистической и лингвокультурологической граней образовательного процесса.

Представляется, что такой стратегией создания учебных средств может выступать метод казуального иллюстрированного нарратива или КИН (Casual illustrated narrative, CIN)³. Целевая установка в методе КИН реализуется посредством создания по строго определённым дидактическим и воспитательным принципам *оригинальной истории* и экспликации её в виде системы иллюстраций с речевыми образцами (по типу комиксов)⁴. При этом конвергенция лингвистического и аксиологически маркированного учебного

¹ Известно, что, «осваивая иностранный язык, человек постигает особенности другой культуры через призму культуры собственного общества: идеи детерминизма и взаимопроникновения духовно-нравственных и эстетических ценностей и традиций этносов приобрели универсальный характер для науки в целом. В многочисленных трудах по философии, психологии, социологии, педагогике доказано, что *личность* развивается и формируется только через приобщение к иной культуре, через погружение в различные, *иные* вербальные и невербальные семиотические системы» [Боженкова, Сёмке 2023; 59].

² В 1972 г. Л. Селингер выдвинул гипотезу о фоссилизации иностранного языка в процессе овладения им. По мнению учёного, «изучающий никогда не достигает уровня носителя иностранного языка, даже если находится в языковой среде, поскольку по достижении определённого уровня его промежуточный язык (идиолект) «каменеет», развитие его прекращается» [Selinker 1972; 224]

³ Метод казуального иллюстрированного нарратива, КИН – это новый метод создания учебных пособий по грамматике РКИ, разработанный автором (Т. Сёмке) в 2022 г., экстраполируемый в том числе на создание учебников РКИ общего владения.

⁴ Названные ключевые элементы метода КИН сопровождаются системой дополнительных оригинальных текстов, уточняющих и развивающих основную историю с точки зрения языковой и культурной составляющих, а также комплексом языковых и коммуникативных заданий и упражнений разнообразной методической направленности.

материала осуществляется на основе прагматического моделирования художественной истории по всем законам казуального нарратива (сюжетная линия, хронотоп, система персонажей и проч.)

Особо отметим, что сюжетная линия выступает в данном методе как в качестве инструмента композиции учебного материала, так и способа аранжировки [Карасик 2012] взаимосвязываемых аксиологических компонентов. Иными словами, сюжет в методе КИН позволяет осуществлять экспликацию ценностных элементов (аксиогенные ситуации, ценностные концепты, ценностно маркированные компоненты и наконец ценностные парадигмы) в особой комбинаторной логике [Карасик 2012, 2014, 2022]. Немаловажно и то, что возможным становится *творчески* комбинировать и эксплицировать ценности различных типов: общеэтнические, личностные, консервативные и либеральные и др., в области пересечения которых – современные россияне, находящиеся “в ценностно окрашенном и ценностно обусловленном взаимодействии с окружающей действительностью в динамике её развития” [Боженкова, Сёмке 2023; 62].

Вспоминая слова В. Франкла о том, что “ценностям мы не можем научиться – ценности мы должны пережить” [Франкл 1990], мы предполагаем, что применение метода КИН для создания учебников и учебных пособий РКИ позволит осуществить многомерную репрезентацию реалистичной и актуальной ценностной картины мира русского общества в динамике его развития¹, которая позволит инофонам не только *сознательно-эмоционально* приобщиться к российской лингвоаксиологической парадигме, но и – что важнее – принять ее постулаты и тем самым активно «включиться» в новый лингвокультурный универсум.

Литература

1. Боженкова Н.А., Сёмке Т.И. Современная лингвоаксиология VS методика преподавания РКИ: точки сопряжения и практика реализации // Русский язык за рубежом. 2023. №2. С.58–66.
2. Боженкова Н.А., Боженкова Р.К., Шульгина Н.П. Психолого-педагогическая траектория обучения русскому языку как иностранному: этап речевой адаптации // Русистика. 2019. Т. 17. № 3. С. 326–365.
3. Карасик В.И. Аксиогенная ситуация как категория лингвокультурологии // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2014. Вып. 1. С.65-75.
4. Карасик В.И. Лингвосомиотическое моделирование ценностей // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2012. Вып. 1 (39). С. 43-50.
5. Карасик В.И. Щедрость как ценность русской лингвокультуры // Общая и русская лингвоаксиология: Коллективная монография / М. С. Милованова (отв. ред.), К. Я. Сигал, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, Б. И. Фоминых, Н. А. Боженкова, Л. М. Гончарова, А. Н. Матрусова, Р. Р. Шамсутдинова; ИЯз РАН, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина. М. – Ярославль: Издательство «Канцлер», 2022. С.14-39.
6. Лазарева О.А., Юрков Е.Е. Коммуникативно-речевая компетенция и проблемы ее измерения // Язык, литература, ментальность: разнообразие культурных практик: материалы Первой междунар. науч. конф. Курск, 2006. С. 104–115.
7. Леонтьев Д.А. Ценность [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия 2004–2017: [сайт]. URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/4674699> (дата обращения: 14.10.2023).
8. Пассов Е.И. Программа-концепция коммуникативного иноязычного образования. «Развитие индивидуальности в диалоге культур». М.: Просвещение, 2000. 165 с.
9. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009.
10. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 217 с.
11. Selinker L. Interlanguage // International Review of Applied Linguistics. 1972. № 10. P. 219–231.

¹ Данные наблюдений в процессе практической апробации (Университет Колгейт, США) первого изданного учебного пособия “JUST LOOK! Russian cases in comics and exercises”, созданного по методу КИН, позволяют утверждать об успешности применения данного метода для реализации задачи по созданию учебно-воспитательного пространства, в котором способна сформироваться транскультурная личность.

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МУЛЬТФИЛЬМОВ
НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ НА ДОВУЗОВСКОМ ЭТАПЕ:
ТРАДИЦИОННАЯ И ОНЛАЙН-ФОРМЫ**

Аннотация. В данной статье рассматривается лингвокультурологический потенциал применяемых на занятиях отечественных мультфильмов в группах иностранных граждан начального этапа обучения, а также специфика работы с видеоматериалами как в онлайн-, так и в офлайн-взаимодействии.

Ключевые слова: лингвокультурология, мультфильм, начальный этап, онлайн, офлайн.

Обучение русскому языку иностранных граждан невозможно не только без передачи знаний о самом языке, но и без погружения в культуру нашей страны, объяснения системы ценностей, традиций русского народа. Овладение учащимися лингвокультурологической компетенцией является важной и неотъемлемой частью образовательного процесса. Под лингвокультурологической компетенцией понимается «способность воспринимать в единстве языковую форму и ее культурное содержание» [Шаклеин, Микова 2019; 151].

Формирование лингвокультурологической компетенции представлено доминирующим подходом в обучении языку. Данный факт связан со становлением антропоцентрической научной парадигмы в прошлом столетии. Применение в методике обучения русскому языку как иностранному данных этой науки позволило заложить основы такого подхода в обучении, который включает в себя не только трансляцию фактов русского языка, но и менталитета русского социума, культурного наследия, в результате чего, лингвокультурологический подход является «одним из наиболее эффективных подходов» [Дигина 2009; 101]. Ученые называют лингвокультурологию «новой филологической дисциплиной, изучающей определенным образом отобранную и организованную совокупность духовных ценностей и опыта языковой личности данной национально-культурной общности» [Воробьев 1999; 182].

В процессе изучения русского языка инофон должен освоить культурные и лингвокультурологические факты и применять их в своем речевом и неречевом поведении. В отношении к коммуникативной деятельности уместно упомянуть о лингвокультурной компетенции как об умении корректного использования знаний о культуре. В данном контексте важна точка зрения В.М. Шаклеина и С.С. Миковой: «Лингвокультурология помогает ... представить процесс коммуникации в свете русского национального менталитета, понять систему русской языковой картины мира и принципов социализации языковой личности русского человека» [Шаклеин, Микова 2019; 151].

Язык и культура взаимосвязаны. В.А. Маслова обозначает лингвокультурологические единицы, в которых отражаются разнообразные сведения о культуре страны: речевой этикет; речевое поведение; метафоры, образы; мифологизированные языковые единицы, мифологические образы, сюжеты; фразеологические выражения; паремиологические единицы (пословицы); символы, эталоны, стереотипы; стилистический аспект языка [Маслова 2001]. За все время изучения русского языка иностранцы должны понять данные единицы, ситуации их употребления в русском языке, а также самостоятельно использовать их.

Для того, чтобы формировать лингвокультурологическую компетенцию студентов нужно подбирать учебные материалы, содержащие информацию и лексику, уместную для построения устного и письменного общения. Тематика такого контента должна соответствовать эстетическим, познавательным и коммуникативным потребностям

студентов, «... особое внимание следует обратить на те материалы, которые позволят инофонам быстрее адаптироваться в русской языковой и культурной среде ...» [Свидинская 2015; 82], а также делать акцент на «... высокие художественные достоинства произведения, его актуальность и доступность для понимания зрителей, изучающих русский язык» [Стрельчук 2011; 95].

В качестве материалов, отвечающих указанным выше требованиям, мы предлагаем использовать отечественные мультфильмы. Аутентичные видеоматериалы учат иностранных студентов понимать разговорную речь, расширяя лексический запас, помогают понять мышление россиян, историю страны. Методистами в области преподавания языков доказаны положительное влияние видеоматериалов на развитие аудиальных, аудитивных, произносительных навыков учащихся, на повышение мотивации в изучении языка, индивидуализацию обучения [Кряхтунова 2011]. Таким образом, применение аудиовизуального метода позволяет развивать лингвокультурологическую, коммуникативную (устную и письменную) компетенции учащихся.

Включать видеоматериалы на занятиях по русскому языку на начальном этапе необходимо как в традиционном (аудиторном) взаимодействии, так и в онлайн-режиме обучения. В ходе изучения языка на расстоянии студенты сталкиваются с большим количеством трудностей, кроме того, они плохо знакомы (или вовсе не знакомы) с культурой России. Преподавателю важно пробудить интерес студентов к культуре нашей страны, замотивировать к учебной деятельности, подготовить к приезду в Россию. В традиционном взаимодействии мы используем мультимедийные средства обучения: компьютер, мультимедийную доску, колонки, проектор, программу Microsoft PowerPoint, видеоматериалы в сети Интернет. На онлайн-занятии мы работаем на платформе Zoom, Microsoft Teams, также транслируем учебный контент в программе Microsoft PowerPoint, видеоматериалы в сети Интернет. Если возникает проблема с Интернет-соединением во время просмотра видеофильма, то преподаватель направляет студентам ссылку для самостоятельного просмотра, после чего продолжается совместная онлайн-работа.

На довузовском этапе обучения мы анализируем как отечественные фильмы, так и мультфильмы. Например, о новогодних традициях студенты узнают из мультфильма «Маша и Медведь – Раз, два, три! Ёлочка гори!»¹.

Работа с видеоматериалами проходит в 3 этапа: допросмотровый, просмотрный и послепросмотровый. Кратко охарактеризуем каждый этап.

1) Допросмотровая деятельность включает в себя:

а) лексико-грамматическую работу: введение и отработку новой новогодней лексики;

б) знакомство с персонажами сказок. Преподаватель дает лингвокультурологический комментарий о существовании образов Деда Мороза, Снегурочки в славянском сказочном фольклоре;

в) знакомство с символами Нового года;

г) знакомство с традициями празднования Нового года;

д) составление письма Деду Морозу по образцу.

2) Просмотр мультфильма (длительность 7 минут 42 секунды).

3) Послепросмотровая работа состоит из:

а) ответов на вопросы преподавателя;

б) описания персонажей;

в) пересказа сюжета мультфильма;

г) выполнения грамматического задания в игровой форме. Учащиеся смотрят видеоигру и отвечают на вопросы, выбирая один вариант ответа, два правильных варианта ответа, либо печатают слово полностью, завершив задание, они получают баллы и могут посмотреть ошибки.

¹ «Маша и Медведь - Раз, два, три! Ёлочка гори!» <https://www.youtube.com/watch?v=CU5o1wGnHsY>

В качестве домашнего задания студентам предлагается написать краткий письменный пересказ видеомультфильма от лица одного из героев.

Выводы

На начальном этапе обучения использование видеоматериалов является необходимым с точки зрения формирования лингвокультурологической, коммуникативной (устной и письменной), лингвокультурной компетенций, а также развития аудитивных, аудиальных и произносительных навыков учащихся. Деятельность с видеоматериалами повышает мотивацию в изучении языка, позволяет разнообразить учебный контент, индивидуализирует процесс обучения. Включать видеоматериалы следует как в аудиторном, так и в онлайн-режимах обучения.

Литература

1. Воробьев В.В. О статусе лингвокультурологии // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ (Братислава, 1999): Докл. и сообщ. русских ученых. — М., 1999.
2. Дигина О.Л. Влияние лингвокультурологического подхода на формирование межкультурной коммуникации в обучении иностранному языку // *Linguamobilis*. — № 4 (18). — 2009. — С. 99—105.
3. Кряхтунова О.В. Методика работы с видеоматериалами в иностранной аудитории. Методическое пособие для преподавателей русского языка подготовительного факультета. — Астрахань, 2011. — 55 с.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2001. — 208 с.
5. Сви́днская Н.Т. Культурные барьеры и их преодоление // Русский язык как иностранный и методика его преподавания. Выпуск 26. Материалы секций XLIII Международной филологической конференции 11–16 марта 2014 г., СПб / редкол. Е. И. Зиновьева, Н. А. Любимова (отв. ред.), Л. В. Московкин и др. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2015. — С. 82
6. Стрельчук Е.Н. Ради чего стоит жить. Современный художественный фильм о великой отечественной войне и его презентация в иностранной аудитории // Русский язык за рубежом. — 2011. — № 1 (224). — С. 95-101.
7. Шаклеин В.М., Микова С.С. Теоретическая и практическая аспектология преподавания русского языка как иностранного / Изучение и преподавание русского языка в разных лингвокультурных средах : Сборник статей Международной научно-практической конференции молодых ученых Москва, РУДН, 23–24 сентября 2019 г.

БРАЖНИК Л.М.

Набережночелнинский государственный педагогический университет

СПЕЦИФИКА ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ АРАБОЯЗЫЧНЫХ ОБУЧАЮЩИХСЯ НА ПРИМЕРЕ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ОМОНИМОВ

В статье представлен опыт межкультурного взаимодействия с арабоязычными обучающимися, на основе которого может быть выстроена стратегия их обучения русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: межъязыковые омонимы, межкультурная коммуникация, коммуникативные неудачи, языковая ситуация.

Опыт межкультурной коммуникации в процессе обучения русскому языку как иностранному арабских обучающихся позволил коллективу преподавателей подготовительного отделения Набережночелнинского государственного педагогического университета выявить трудности, с которыми сталкиваются арабофоны. Речь идёт о межъязыковых омонимах, которые стали причиной так называемых «коммуникативных неудач».

Работа с межъязыковыми омонимами в методике преподавания русского языка как иностранного, по мнению Аббаса Ясина Хамзы, актуальна не только с лингвистической

точки зрения, но и с культурологической, поскольку межъязыковые омонимы «отражают исторические контакты народов и их культур» [Аббас Ясин Хамза 2009; 75].

Позволим себе предположить, что звуковое совпадение разноязычных лексем может быть обусловлено целым рядом лингвистических факторов. Первый фактор – это языковая ситуация, которая сложилась в Арабских странах. Современная языковая ситуация в Лиге арабских государств подробно охарактеризована в работах С. А. Тулеубаевой. Автор указывает на то, что в двадцать первом веке большое распространение в арабском мире получил египетский диалект в силу прогрессивной роли этой страны в арабской науке, культуре, просвещении и образовании. Кроме того, в последние десятилетия все более острой проблемой становится несоблюдение носителями арабского языка норм литературной речи и грамматических правил [Тулеубаева 2019; 7–8].

Российский ученый О. Г. Акинина также отмечает в этой связи: «Влияние диалектов на литературный арабский язык становится все сильнее..... оно проявляется на разных лингвистических уровнях: фонетическом, морфологическом, синтаксическом и лексическом», и указывает на попытки создания на основе местных диалектов «нового арабского языка» более понятного широким слоям населения» [Акинина 2014; 295].

На отсутствие хороших знаний классического литературного арабского языка указывают также арабговорящие обучающиеся. В личной беседе с инофонами было установлено, что язык, на котором они общаются в различных сферах коммуникативной деятельности, представляет собой диалект, в котором присутствуют языковые элементы не только арабского языка, но и элементы иностранных европейских языков: чаще элементы английского языка.

Второй фактор – это синонимия как лексико-семантическое явление арабского языка, которая также может способствовать возникновению межъязыковых омонимов в русском и арабском языках. Во многих лексикографических работах, например, упоминается, что у слова **أَسَدٌ** «лев» существует от 350 до 500 синонимов [Белкин 1975; 144–146]. Также студенты приводили примеры общеупотребительных слов-синонимов, которые они используют в разговорной речи для называния телефона. Это, например, (приведём синонимический ряд в кириллической графике) телефон, мобайл, махмуль и т.д. Приводимое количество слов в синонимическом ряду может зависеть от когнитивных способностей инофонов (т.е. оно может быть больше) и от уровня владения литературным арабским языком.

Работа в моноэтничных группах, состоящих преимущественно из студентов-арабов, требует учета учебного культурно-языкового опыта иностранных обучающихся. В связи с этим приведем примеры межъязыковых омофонов, самостоятельное и продуктивное использование которых нередко приводило к коммуникативным неудачам. Формирование умений и навыков использования введенного лексического материала с помощью межъязыковых омонимов может обеспечить его (лексического материала) окончательное усвоение и запоминание.

Следует обратить внимание на то, что характеристика рецептивного восприятия лишь условно (субъективно) передает произношение арабских слов.

В русском языке	В арабском языке
АРБАТ	عَرَبِيَّة В результате слухозрительного восприятия студенты-арабы понимают русское слово в значении «машина». Возможно, звучит как [арабэд],

ДУБ	دُب В результате слухозрительного восприятия русское слово понимается арабоязычными обучающимися в значении медведь. Возможно, звучит как [дб].
ЖИЛЕТЫ	جِلَاتِي Студенты арабы не умеют четко дифференцировать русские звуки [и] и [ы], поэтому могут воспринимать русское слово, как созвучное с арабским словом [жилатий] в значении «мороженое».
ЗОНТ	زُنْت При произнесении вслух этого слова арабские студенты могут произносить арабские конечные согласные имплозивно, в отличие от русских. Возможно, произносят слово, как [зон], и понимают его как «капюшон». При этом арабские студенты знают французское слово «капюшон» и его значение.
ЗУБ	زب. Арабоязычные обучающиеся могут понимать русское слово как созвучное с арабским словом [зэб] в значении «стержень», которое относится к табуированной (ненормативной) лексике и которое в арабоязычной среде воспринимается как отталкивающее и непристойное слово.
КАРТА	كارت. В арабском языке [ка] по звучанию напоминает кя/ки, поэтому услышанное слово инофоны могут понимать как «виза».
КОФТА	كُفْتِي. В результате слухозрительного восприятия русское слово созвучно с арабским словом, которое имеет значение «мясной фарш», «изделие из фарша, как-то: котлета, тефтеля, люля-кебаб».
Нос	نصف В результате слухозрительного восприятия арабоязычные обучающиеся понимают русское слово в значении «половина».
САМОЛЁТ	سمالوط Русское слово созвучно с арабским словом, которое студенты-египтяне соотносят с названием микрорайона в г. Гиза и которое в переводе на русский язык означает «заречье». Возможно, звучит как [самалотт].
СУК	السوق В результате слухозрительного восприятия инофоны могут понимать русское слово в значении «рынок или базар». Возможно, воспринимается как [алсокъ].

ТОРМОЗ	ترموس. Для арабоязычного обучающегося русское слово может звучать как [турьмуз], что значит «термос».
ТИНА	طين Сочетание [ти] звучит примерно как русское [ты]. Студенты-египтяне понимают русское слова в значении «грязь». Может звучать как тынь.
ФРЕСКА	فرسكا Услышанное слово арабоязычащие студенты понимают в значении «вафли».
ХАЛАТ	خلاط. Для арабоязычного обучающегося услышанное слово значит «блендер». Возможно, воспринимается как [халлаат].

Демонстрация межъязыковых омонимов, задания на установление межъязыковой омонимии, на наш взгляд, развивают лингвистические умения обучающегося и повышают его мотивацию к изучению русского языка.

Литература

Аббас Ясин Хамза Лингвоориентированная методика преподавания русского языка как иностранного в арабской аудитории // Мир русского слова: научно-методический иллюстрированный журнал. – 2009. – № 4. – С. 86–90.

Акинина О. Г. Арабский язык как отражение сознания, культуры и духовной жизни его носителей в современном обществе // Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания. – М., 2014. – С. 290–298.

Белкин В. М. Арабская лексикология. – Москва: Издательство Московского университета, 1975. – 201 с.

Туллубаева С. А. О современной языковой ситуации в арабских странах // Арабистика Евразии. – 2019. – № 8. – С. 45–56.

БУДМАН Ю.Д., МАЛЫШЕВА В.С.

Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ РУССКОЯЗЫЧНОГО ИЗРАИЛЬЯНИНА В СОВРЕМЕННОЙ ИЗРАИЛЬСКОЙ КИНОПРОДУКЦИИ. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена анализу речевого портрета русскоязычного израильтянина (в лингвокультурологическом аспекте) в современном израильском кинематографе на примере сериала “Sovietska” (2023 г.).

Ключевые слова: речевой портрет, лингвокультурология, кинематограф, русский язык, Израиль

Израильская комедийная драма “Sovietska”, снятая по заказу телеканала “Kan 11” и вышедшая на экраны 13 августа 2023 г. [Izikovitz 2023; Электронный ресурс], заслужила внимание прессы как сериал, в котором впервые появляются герои-носители смешанной постсоветско-израильской идентичности и рассматриваются проблемы полукоренного поколения (в израильских реалиях это дети репатриантов 90-х гг., привезенные в страну в

детском или подростковом возрасте или родившиеся в первые годы после репатриации родителей) [Izikovitz 2023; Электронный ресурс].

На самом деле, “Sovietska” не первый кинопродукт, в котором показаны русскоязычные персонажи: в 2006 г. Эйтаном Аннером был снят полнометражный фильм «Полурусская история», также затрагивающий проблемы репатриантов, их детей и смешанных браков [«Полурусская история» 2006; Электронный ресурс]. Так называемые «русские» семьи (семьи евреев из России) представлены в драмах «Друзья Яны» (1999 г.) [Rotem 2015; 4], «Дотянуться рукой» (2007 г.) [«Дотянуться рукой» 2007; Электронный ресурс]. Помимо этого героини-репатрианты из стран бывшего Советского Союза присутствуют и в других фильмах, сюжет которых непосредственно не связан с жизнью «русской улицы» в Израиле, например, в ситкоме «Главная касса» (2018 г.) [«Главная касса» 2018; Электронный ресурс] или в драме «Урок» (2022 г.) [Markovitz 2022; Электронный ресурс].

Однако “Sovietska”, действительно, отличается от вышеперечисленных фильмов: во-первых, этот сериал показывает полуторное поколение уже повзрослевшим (если персонажи «Полурусской истории» – школьники, то персонажи “Sovietska” – студенты и молодые специалисты, строящие карьеру, их родители – те самые репатрианты 90-х гг. – становятся героями второго плана, уступая сцену своим детям.

Во-вторых, “Sovietska” – первый кинопродукт о «русских» в Израиле, в котором ведется поиск идентичности, в том числе – постколониальной идентичности. Герои сериала задаются вопросом «Кто мы?» Мы израильтяне, говорящие по-русски? Мы репатрианты из стран бывшего СССР? Мы русские? Мы советские?

И, наконец, сериал обращается к проблеме дискриминации репатриантов в Израиле. «Русский» израильтянин не маргинал и не преступник, как Шели или Песах в фильме «С кем бы побегать» (2006 г.) по одноименному роману Давида Гроссмана [«С кем бы побегать» 2006; Электронный ресурс] и не комичный персонаж, как Анатолий Кириленко в «Главной кассе» [«Главная касса» 2018; Электронный ресурс]. Он интеллигент, скорее даже эмигрант, чем репатриант, потому что репатриант возвращается на родину, но ни старшее, ни младшее поколение персонажей “Sovietska”, кажется, не чувствует себя по-настоящему дома в Израиле. Родители так и не нашли свое место в социуме, дети – ищут себя, продолжают сталкиваться с предвзятым отношением к «русским» и в итоге – начинают бороться со стереотипами и менять свое окружение.

Если говорить об осуждении дискриминации, то в этом отношении “Sovietska” находится в рамках общей тенденции подчеркивать культурное и социальное разнообразие израильского общества, ставшей особенно заметной на телевидении с конца 2000-х гг. (см., например, сериалы «Вязаные кипы», «Штисель» и «Шабабники» о религиозных евреях, «Невсу» – о репатриантах из Эфиопии, ток-шоу «Извините за вопрос» – о различных дискриминируемых группах населения). Но стоит отметить, что если в «Невсу» тема культурной идентичности и поиска себя, хоть и присутствует, все же не является ведущей, то в “Sovietska” – это один из основных мотивов. Гили, главный герой «Невсу», не раздумывая, называется себя эфиопом¹, тогда как у героев “Sovietska”, Анат (родители которой репатрировались из Азербайджана), Димы (репатрианта из Украины) и Вероники (репатриантки из Молдовы) эпитет «русские» вызывает некий скепсис, если не отторжение, и они заменяют его на «советские люди» (вторая серия, 27:25–59, 29:01–19) [“Sovietska” 2023; Электронный ресурс].

Составление речевого портрета русскоязычного израильтянина в современной израильской кинопродукции представляется актуальным, поскольку язык – неотъемлемая

¹ Этноним «эфиопы», например, выбирает также эфиопская еврейка Ротем Ахиун в интервью для подкаста «Извините за еще один вопрос» (2019), и она считает, что репатриантов из России не обижает этноним «русские», а репатриантов из Марокко – «марокканцы» (второй сезон, третий эпизод «Репатрианты из Эфиопии», 01:31–35) [“Yotzey Ethiopia” 2019; Электронный ресурс].

часть идентичности человека, влияющая на его самовосприятие (в том числе в иноязычной и инокультурной среде) и на восприятие его окружающими. Представление о том, какой образ русскоязычных людей сложился в Израиле (как в среде уроженцев страны, так и у самих репатриантов из стран бывшего СССР) может помочь борьбе со стереотипами и дискриминацией и способствовать успешной межкультурной коммуникации.

Новизна предлагаемого исследования заключается в выборе материала: научных работ, изучающих языковую репрезентацию полуторного поколения в израильском кино сегодня не существует. Нам известна только выпускная работа Даниэля Ротема, защищенная в 2015 г., однако она посвящена образу репатрианта из Советского Союза в фильмах 1989–2000 гг. и не затрагивает языковой аспект этого образа [Rotem 2015].

В первой серии “Sovietska” (26:42–27:30), во время ссоры с сотрудником страховой компании, Анат буквально обрушивает на него набор стереотипов о «русском» репатрианте: намеренно нарушает порядок слов в предложении (*ivrit – kasha safá*), пародируя неграмотную речь (по-русски эта фраза может быть передана как «еврейская языка – сложная»), угрожает повеситься на «трениках с лампасами», умереть на месте от отравления водкой, приготовить борщ и устроить русский Новый год¹ [“Sovietska” 2023; Электронный ресурс]. Но подобный портрет русскоязычного израильтянина был бы слишком упрощенным и недостоверным, во-первых, потому что это не более, чем штампы, а, во-вторых, потому что в “Sovietska” не существует однородного образа репатрианта из бывшего СССР. Персонажи различаются – по возрасту, социальному положению, по манере речи. Поэтому невозможно составить единый речевой портрет «русских» героев. Однако можно выделить некоторые характерные черты. Приведем классификацию образов, появляющихся в сериале.

Поколение бабушек и дедушек: Мария Яковлевна (бабушка Анат), женщина на автобусной остановке, ветераны. Это поколение, по задумке создателей сериала, застало Великую Отечественную войну взрослыми, воевало. Они не владеют ивритом на достаточном уровне, чтобы поддержать беседу (первая серия, 01:06–33) [“Sovietska” 2023; Электронный ресурс], общаются с окружающими по-русски, однако иногда используют отдельные фразы на иврите, вероятно, услышанные от внуков. В третьей серии (13:40) Мария Яковлевна произносит: «Они сегодня [в школе] до *shalosh ve-hetzi*» вместо «до половины четвертого» [“Sovietska” 2023; Электронный ресурс]. Бабушки и дедушки в сериале поют русские песни, помнят наизусть классические стихотворения и охотно рассказывают внукам семейную историю.

Поколение родителей: Алла Олеговна и Семен Ефимович (родители Анат), люди с высшим образованием, заставшие распад Советского Союза и кризис 90-х гг. уже зрелыми. Не уверены в своем владении ивритом, из-за этого не смогли найти высокооплачиваемую работу. К началу развития сюжета оба – безработные: мать не смогла преподавать в школе из-за насмешек учеников над ее акцентом, отец попал под сокращение на заводе и был уволен без выходного пособия. Между собой общаются по-русски, с детьми – на смеси русского с ивритом, на иврите говорят грамотно, но с заметным русским акцентом. Поколение родителей – типичные эмигранты, для которых переезд в Израиль стал своего рода травмой.

Поколение детей неоднородно: в нем можно выделить, во-первых, старших и младших. Старшие – Стас и Настя – были привезены в Израиль детьми. Это поколение уже не испытывает трудностей в общении на иврите, по-русски говорит практически без акцента и достаточно свободно, чтобы поддержать беседу на бытовые темы с родителями и бабушками-дедушками. Они легко смешивают в речи русский и иврит. Между собой общаются на иврите, переходя на русский, только шутя (как Стас с Анат), или в минуту волнения (как Настя). В речи Насти можно услышать южнорусский или украинский акцент: «Стас, что [шо] случилось?» Это поколение впервые задумывается о своей идентичности, определяет себя, как «израильтянин, знающих русский» [“Sovietska” 2023; Электронный

¹ 1 января в Израиле не является государственным праздником.

ресурс] и стремится ассимилироваться в обществе – до определенной степени, потому что Стас оказывается не готов сделать обрезание своему сыну, хотя сам страдал от насмешек в армии из-за того, что не был обрезан в младенчестве. Также у них с Настей не получается называть ребенка израильскими ласковыми словами: hamud, mamі.

Младшие дети: Анат, Алекс и, возможно, также Дима и Вероника. Студенты. Это поколение родилось в Израиле в первые годы после репатриации родителей. По-русски они говорят с заметным акцентом, однако Анат может вести беседу на бытовые темы, не переходя на иврит (только в пятой серии она заменяет неизвестное ей или забытое слово «гипогликемия» на nefilat sukar [“Sovietska” 2023; Электронный ресурс]. С родителями она разговаривает на смеси иврита и русского, часто отвечая на их реплики на русском репликами на иврите.

Поколение младших детей находится в поиске идентичности: они родились в Израиле, однако общество все равно вешает на них ярлык «русских», независимо от того, из какой республики бывшего СССР репатрировались их родители. И, по-видимому, они испытывают от этого даже больший дискомфорт, чем поколение старших детей. Вначале Анат пытается скрывать свое происхождение, однако по мере развития сюжета отвергает навязанный обществом ярлык «русской» и идентифицирует себя как «советскую женщину» [“Sovietska” 2023; Электронный ресурс].

Литература

1. «Главная касса» (“Kupa Rashit”, реж. О. Шкеди, Я. Хавия, 2018) [Электронный ресурс] // Кан. URL: <https://www.kan.org.il/content/kan/kan-11/p-12832/> (дата обращения: 30.09.2023).
 2. «Полурусская история» (“Sipur Hatzı-Russi”, реж. Э. Аннер, 2006) [Электронный ресурс] // IMDb. URL: <https://www.imdb.com/title/tt0814197/reference/> (дата обращения: 30.09.2023).
 3. «С кем бы побегать» (реж. О. Давидовф, 2006) [Электронный ресурс] // IMDb. URL: <https://www.imdb.com/title/tt0834955/> (дата обращения: 30.09.2023).
 4. *Izıkovıtz G. Anat Stalinsky, bamait “Sovietska”, mesaperet eh ha-rusiut shela herima rosh ahare shanim* [Hebrew]. [Электронный ресурс] // Haaretz. – 2023. August 10. URL: <https://www.haaretz.co.il/gallery/television/2023-08-10/ty-article-magazine/premium/00000189-d9e6-d81f-a7fb-ffe99f40000> (дата обращения: 30.09.2023).
 5. *Markovıtz L. Efes be-shiur ezrahut: Leib Lev Levin be-reayon behora al ha-dmut “Asi”* [Иврит]. [Электронный ресурс] // Frogi. – 2022. February 20. URL: <https://www.frogi.co.il/entertainment/tv/46256> (дата обращения: 30.09.2023).
 6. *Rotem D. Dmut ha-ole mi-brit ha-moatzot ba-kolnoa ha-israeli shel ha-shanim 1989–2000: ha-mikre shel haseret “Ha-haverim shel Yana”*: Diploma work [Hebrew]. – Tel-Aviv: Bar-Ilan University, 2015. – 17 p.
 7. “Sovietska” (directed by A. Stalinsky, 2023) [Электронный ресурс] // Кан. URL: <https://www.kan.org.il/content/kan/kan-11/p-485095/> (дата обращения: 30.09.2023).
- «Дотянуться рукой» (“Merhak Negia”, реж. Р. Нинио, 2007) [Электронный ресурс] // Reshet 13.

БУРДИНА А.С.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

ВЫЯВЛЕНИЕ КОНЦЕПТОСФЕРЫ СЛОВА «ЛЮБОВЬ» В СБОРНИКЕ А. АХМАТОВОЙ «ВЕЧЕР» НА ОСНОВЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА ЛИРИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Статья посвящена моделированию художественного концепта «любовь» в лирике А. Ахматовой. Автор выделяет категориальные признаки концепта, проявленные в семантических единицах и выраженные опосредованно. Для выявления смысловых слоев применена методика функционального анализа текста, определено ядро и периферийные слои лексико-семантического поля концепта.

Ключевые слова: концептология, функциональный анализ текста, категориальные признаки, «стержневой элемент», ядро и периферия лексико-семантического поля.

Лингвокогнитивная концептология, выделившаяся в последние десятилетия в самостоятельную науку, ставит задачи по выявлению языковых средств, наиболее полно выражающих исследуемый концепт, по описанию семантики единиц, по моделированию содержания концепта. По определению Е.С. Кубряковой, концепт - это «оперативная содержательная единица памяти ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова 1996; 90]. В данном случае понятие концепта выделяет смыслы, которые отражают опыт и знание человека о мире, содержит результаты всей человеческой деятельности в процессе познания. Также концепт определяется в качестве «глобальной ментальной (мыслительной) единицы в ее национальном (возможно, и в социальном, возрастном, гендерном, территориальном) своеобразии» [Попова, Стернин 2005; 10]. Данное определение связывает концепт с миром культуры. Кроме того, концепт обязательно реализуется в различных языковых формах, чаще всего словом. Таким образом, в концепте проявляется триединая сущность: ментальная, культурная и языковая.

Существовать концепт может и в индивидуальном сознании языковой личности, и в коллективном сознании языковой группы. Большинство исследований в области концептологии связаны с национально-культурными единицами ментального лексикона, однако в каждом художественном тексте концентрируются представления, эмоции, опыт конкретной личности, создающей текст. Л.Ю. Буянова считает, что «познавательные концепты противопоставлены концептам художественным» [Буянова 2002; 1]. Картина мира, представленная в художественном концепте, обладает особым словесным воплощением, что дает возможность исследователю структурировать концептуальную сферу автора художественного текста.

Цель статьи состоит в выявлении и исследовании семантических единиц, объективирующих концепт «любовь» в первом раннем сборнике А.А. Ахматовой «Вечер». В традиционное моделирование концепта входит изучение словообразовательного гнезда выбранного слова, наблюдение над использованием слова в текстах, исследование этимологии, анализ словарных дефиниций, выделение категориальных и символических признаков. В ходе анализа ахматовских стихотворений, входящих в сборник, выявлено, что не во всех текстах употребляется слово «любовь» и его однокоренные слова, следовательно, в структуру концепта входят не только лексемы словообразовательного гнезда с корнем -люб-, но и семантические единицы, опосредованно указывающие на описание этого чувства.

Теоретическую и методологическую основу исследования составили труды ученых в области лингвоконцептологии: Н.Д. Арутюновой, С.Г. Воркачева, В.В. Колесова, Е.С. Кубряковой и функциональной лингвистики: Н.А. Рудякова, А.Н. Рудякова, Ю.В. Дорофеева.

Для определения основных концептуальных признаков в работе использован метод функционального анализа лирического текста, который дает возможность выявить смысл текста в произведениях, вербализующих семантический ряд с корнем -люб-, и в тех, которые его не содержат, но относятся к любовной лирике.

Фундаментальными идеями крымской школы функциональной лингвистики являются следующие: функциональное видение естественного языка, т.е. среди функций языка регулятивная признается главенствующей как средство внедрения в когнитивную сферу собеседника и изменения его картины мира; определение текста как функциональной системы, имеющей социально значимую функцию. Текст создается с целью воздействовать на собеседника \читателя и языковые средства отбираются с учетом цели.

Методика функционального анализа текста учитывает природу художественного произведения: оно есть связное целое, для возникновения которого используется противоречие, организующее движение авторской мысли от замысла к финалу. Противоречие композиционно делит текст на две части: исходная, где факт действительности представляется в обыденном, традиционном восприятии; основная, в

которой представлено «отношение автора к предмету изображения, проявляющееся в форме осознанного противоречия между обыденным представлением о предмете и авторским идеалом» [Рудяков 1993; 75]. Авторская позиция проявляется в словесной форме, при анализе языковых единиц учитывается их неравноправие (выделяются значимые и второстепенные) и семантические изменения слова в контексте, то, что называют «приращением смысла» (термин Б.А. Ларина), «семантическим сдвигом». Определение для языковой единицы, получившей в тексте новый образный смысл, предложено А.Н. Рудяковым – это «стержневой элемент» текста. Во всех лирических текстах А. Ахматовой из сборника «Вечер» был определен «стержневой элемент» и выявлен его смысл, что позволяет структурировать концептуальные признаки, сопоставить, сблизить отдельные из них, описать их частотность и актуальность.

В сборник «Вечер» входит 48 стихотворений, из них семь исключены из анализа, так как не соотносятся с исследуемым концептом. Лексемы словообразовательного гнезда с корнем –люб- встречаются в 16 стихотворениях. Из них: 1) 8 лексем представлены именем существительным и в одном стихотворении субстантивированным – нелюбимый («Я и плакала, и каялась...»); 2) 6 лексем глагольными словоформами – люблю, полюбив, любил, не любил, любишь; 3) наречием «любовно» в сложном слове «любовно-кротко» («И мальчик, что играет на волынке...»).

Для полноты структуры концепта также проанализированы стихотворения: 1) одно из сборника, содержащее слово «страсть» как синонимическую замену слова «любовь» («И когда друг друга проклинали...»), 2) два произведения с включением слов «жена, подруга», указывающие на соотнесенность смысла текста с концептом. Еще 17 стихотворений из сборника, не имеющих вербализованных языковых средств, соотнесенных с концептом, проанализированы, так как именно функциональная методика интерпретации текста позволила выделить в них категориальные признаки исследуемого концепта.

Ко всем произведениям из сборника «Вечер» была применена функциональная методика интерпретации лирического текста: 1) в композиции текста определена исходная часть, содержащая представление о факте действительности в обыденном восприятии, и основная часть, передающая отношение автора к факту, в нашем исследовании отношение А. Ахматовой к чувству любви; 2) распределение языковых средств стихотворения на вспомогательные в исходной части и ключевые в основной части; 3) нахождение «стержневого элемента», выяснение его значения с помощью толкового словаря и выявление нового образного смысла, приращенного смысла, который становится категориальным признаком концепта, входит в его структуру.

Смысловое поле концепта «любовь» в сборнике «Вечер» А. Ахматовой содержит восемь условно выделенных нами смысловых семантических слоев, передающих авторское представление о любви: 1) любовь утешающая «Молюсь оконному лучу...», «Две встречи», «Песенка»; 2) начало любовных отношений - радость и одновременно предчувствие беды «Читая Гамлета», «Любовь», «Любовь покоряет обманно...», «Обман», «Ты поверь, не змеиное острое жало...», «Вечерняя комната», «Рыбак»; 3) страдание героини при внешнем благополучии любовных отношений «Как соломинкой пьешь мою душу...», «Он любил три вещи на свете...», «Три раза пытаться приходила...»; 4) видимость или отсутствие чувства «Мне с тобою пьяным весело...», «Под навесом темной риги жарко...», «Я и плакала, и каялась...»;

5) любовный треугольник «Муж хлестал меня узорчатым...», «Алиса», «Маскарад в парке»; 6) жизненный выбор – любовь или творчество «Музе»; 7) тоска и боль после разлуки с любимым «В Царском Селе», «Сжала руки под темной вуалью...», «И мальчик, что играет на волынке...», «Память о солнце в сердце слабеет...», «Дверь полуоткрыта...», «Хочешь знать, как все это было...», «Песня последней встречи...», «Мне больше ног моих не надо...», «Белой ночью», «Сероглазый король», «Сегодня мне письма не принесли...», «Надпись на неоконченном портрете», «Сладок запах синих виноградин...», «Сад», «Над

водой», «Меня покинул в новолунье...»; 8) любовь как вечное чувство «И когда друг друга проклинали...», «Сердце к сердцу не приковано...», «Высоко в небе облачко серело...», «Я сошла с ума, о мальчик странный...», «Подражание Анненскому».

По структуре концепт «любовь» представляет собой лексико-семантическое поле, ядром которого будем считать категориальный признак - «тоска и боль после разлуки с любимым», так как в 16 стихотворениях предъясняется авторская мысль о страдании героини после расставания с любимым. Причины разлуки различны, но неугасшее чувство любви доставляет боль, смятение, лишает покоя. В этом случае утрата любви предстает постоянной мукой, трагедией, лишаящей жизни. Представим несколько примеров приращения смысла лексических единиц, обозначенных как «стержневые элементы» стихотворений.

«Стержневой элемент» стихотворения «Сжала руки под темной вуалью» - финальная строка текста, являющаяся ответом героя на мольбу героини о возвращении и возобновлении отношений: "Не стой на ветру". Традиционно это слова заботы, участия и любви, но в данном контексте они звучат равнодушно, отстраненно. Становится очевидным, что примирение между героями невозможно, отношения разорваны бесповоротно. Понимание, что ошибка в отношениях не проходит бесследно, становится роковой и исправить ничего нельзя, причиняет безграничное страдание.

О безвозвратно ушедшей любви и пустоте свидетельствует предложение «Мне холодно» в стихотворении «И мальчик, что играет на волынке...» Данный «стержневой элемент» получает новый образный смысл: речь идет не о физических ощущениях героини, а об утрате теплоты и света в жизни, которые давала любовь.

Образ ушедшей любви в стихотворении «Память о солнце в сердце слабеет...» передан через описание приближения зимы. «Стержневой элемент» в строке «Что это? Тьма?» - это слово «тьма», которое передает авторское представление о любви и приобретает новое значение: утрата любви – это и есть тьма, смерть, отсутствие жизни.

В стихотворении «Надпись на неоконченном портрете» в двух последних строчках, относящихся к основной части («Но ничего не снится мне В моей предсмертной летаргии») языковая единица «предсмертная летаргия» приобретает другой смысл: после расставания с возлюбленным героиня переживает неимоверную боль и страдание, и это состояние равнозначно смерти. Жизнь не имеет смысла после утраты любви.

Близким к центру концепта является категориальный признак: представление о любви как о вечном чувстве. Ахматовское изображение чувства любви: неизменное, долгосрочное, не исчезающее, не искоренимое переменчивыми обстоятельствами жизни, возвращающее вновь и вновь к пережитой боли, - представлено в ряде стихотворений. Так в произведениях «И когда друг друга проклинали...» и «Сердце к сердцу не приковано...» показан момент жизни героев после того, как их пути разошлись.

В стихотворении «И когда друг друга проклинали...» в основной части: «А когда, сквозь волны фимиама, Хор гремит, ликуя и грозя, Смотрят в душу строго и упрямо Те же неизбежные глаза» - выделяем языковую единицу «те же неизбежные глаза». По сюжету стихотворения героиня находится в храме во время церковной службы, но ее мысли и чувства устремлены не к покаянию, к которому призывает церковный хор, а к возлюбленному, и видит она не глаза Бога. Боль, страдание, муки любви только усиливаются со временем, а не ослабевают вопреки общепринятому мнению.

В стихотворении «Сердце к сердцу не приковано...» основная часть - две последние строчки: «Отчего, отчего же ты Лучше, чем избранник мой?», в которых воплощается новый образный смысл. Обращает внимание использование вопросительной формы, которая в контексте стихотворения по сути является утверждением: возлюбленный, покинувший, причинивший горе, лучше избранника, верного и надежного. Причина такого отношения: героиня по-прежнему любит, и это чувство не угасло.

И еще один семантический слой концепта, представленный большим количеством стихотворений, связан с категориальным признаком, описывающим начало любви или предчувствие любви. Для Ахматовой это эмоциональное состояние сопряжено с двумя противоположными ощущениями – счастья и трагедии. В стихотворении «Любовь» противоречие обозначено автором в седьмой-восьмой строках стихотворения: «Но верно и тайно ведет От радости и от покоя.» Таким образом, в этом предложении, которое является стержневым элементом, автор утверждает, что долгожданное всеми чувство любви трагично по своей сути. Следующие строки содержат языковые единицы, которые иллюстрируют авторскую идею трагичности ожидания любви. Выстраивается семантический ряд: оксюморон «сладко рыдать», скрипка названа «тоскующей», «страшно угадать» в улыбке. Читатель приходит к совершенно неожиданному выводу: ожидание любви трагично, хотя само чувство может еще не родилось, не осознано.

В стихотворении «Рыбак» описание влюбленности девочки-героини показано как чувство тоски, обессиливающее и лишаящее радости жизни. В основной части строчки «Все сильней биенье крови В теле, раненном тоской» содержат «стержневой элемент» - тоска. В слове происходит семантический сдвиг, так как оно обозначает не только то значение, которое фиксируется в словаре (сильное душевное томление, душевная тревога в соединении с грустью и скукой, тягостное уныние), но и новый смысл – это начало любви. В обыденном понимании: только что влюбившийся окрылен и счастлив, для Ахматовой такой человек находится в тяжелом душевном состоянии.

Понимание любви, сопряженной со страданием и горем, находим также в стихотворениях, в которых представлены ситуации: а) любовного треугольника, б) при внешнем благополучии отношений один из любящих испытывает мучение, в) отношения, где только создается видимость любви, г) мучительный выбор между успехом как поэта, реализацией творческого дара и обыкновенным женским счастьем. Указанные выше смысловые слои в структуре концепта относим к периферийным, так как они реализованы в небольшом количестве стихотворений, входящих в сборник. По степени яркости в сознании автора такие ситуации, характеризующие чувство любви, уступают описанию разлуки, так как, по мнению А. Ахматовой, именно момент ухода, расставания, брошенности показывает любовь как невероятную силу, поглощающую человека целиком.

Методика функционального анализа лирических текстов позволила выявить семантические слои индивидуально-авторского осмысления концепта «любовь» в раннем сборнике А. Ахматовой «Вечер». Спецификой концепта является представление автором любви как высшего эмоционального напряжения, главенствующим и всеобъемлющим чувством, которому невозможно не подчиниться, смыслом человеческой жизни. Вместе с тем любовь сопряжена со страданием, обидой, мукой, горем, бедой, а также ее утрата или отсутствие равносильно смерти.

Литература

1. Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 1. Волгоград: Парадигма, 2005. – 352 с.
2. Арутюнова Н. Д. Логический анализ языка: культурные концепты. — М. : Наука, 1991. - 224 с.
3. Л.Ю. Буянова Концепт "душа" как основа русской ментальности: особенности речевой реализации// Культура № 2 /80/ 30 января 2002 г. // <http://www.relga.rsu.ru/n80/cult801.htm>
4. Воркачев С. Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. 2011. Т. 70, № 5. С. 64—74.
5. Колесов, В. В. Концептология : учебное пособие / В. В. Колесов, М. В. Пименова. – Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2012. – 248 с.
6. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. — М. : МГУ, 1996. – 245 с.
7. Рудяков А. Н. Nomotextus: человек в паутине текстов, или Учебник чтения для умеющих читать/А.Н. Рудяков, Ю.В.Дорофеев. – Симферополь: Ната, 2008. – 176 с.
8. Рудяков А.Н. Язык, или Почему люди говорят (опыт функционального определения естественного языка)/ К.: Грамота, 2004. - 224 с.

БУРЦЕВА И.Ю.

МИРЭА – Российский технологический университет

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В РАМКАХ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

В статье рассматривается вопрос формирования межкультурной компетенции в процессе обучения иностранным языкам студентов технических вузов.

Ключевые слова: Межкультурная компетенция, лингвокультурологические навыки, межкультурная коммуникация, коммуникативные барьеры, интерактивная форма.

В настоящее время при интенсификации процесса глобализации и одновременного стремления к сохранению уникальных культурных ценностей и норм все большее значение приобретает решение проблем коммуникации участников общения и как носителей разных языков, и как представителей различных культур, национальностей, религий. Для установления эффективных международных контактов с партнерами необходимы высококвалифицированные специалисты, имеющие не только высокий уровень владения иностранным языком, но и обладающие межкультурными компетенциями. В свете этого особую важность получает такой аспект профессионального образования студентов технических вузов, как развитие лингвокультурологических навыков и межкультурной компетенции.

Межкультурная компетенция подразумевает формирование умений оперировать в процессе коммуникации фоновыми знаниями культуры инофона, понимать явления другой культуры с позиции ее представителей, принимать иную ценностную систему, использовать средства иностранного языка в зависимости от ситуации, норм, обычаев иноязычного речевого поведения, культурных традиций участников коммуникации.

Под процессом межкультурной коммуникации понимается «специфическая форма деятельности, которая не ограничивается знаниями иностранных языков, а требует знаний как материальной, так и духовной культуры другого народа, ценностей, религии, мировоззренческих представлений и нравственных установок, которые и определяют поведенческую модель партнеров по коммуникации» [Садохин 2005; 95].

В результате, как отмечает А.А. Шогенов, у обучаемых должен сформироваться «целый комплекс способностей:

- воспринимать инокультурные явления с чувством эмпатии, принимать иную культуру как объективную ценность, понимать исходные основания культурной жизни ее представителей;
- учитывать различия в культурных нормах, ценностях, условностях;
- интерпретировать инокультурные явления в полиперспективном контексте;
- понимать процессы, протекающие в ходе взаимодействия представителей различных культур;
- в процессе общения строить свое вербальное и невербальное поведение, исходя из понимания культурных различий» [Шогенов 2007, 312].

В Центре языковой подготовки РТУ МИРЭА студенты технических специальностей обучаются по программе профессиональной переподготовки «Переводчик в сфере

профессиональной коммуникации», включающей в себя изучение дисциплины «Теория и практика межкультурной коммуникации». Данный курс состоит из интерактивных лекций, разработанных на основе принципа междисциплинарности, и самостоятельной работы студентов. Однако любой процесс обучения невозможен без реальной практики. При изучении иностранного языка, конечно, предпочтительна практика общения с носителем изучаемого языка, позволяющая реализовать коммуникативные аспекты во всем их многообразии. С целью решения данной проблемы совместно с кафедрой русского языка как иностранного было подготовлено и проведено интерактивное занятие по межкультурной коммуникации в форме круглого стола. Участниками встречи стали, с одной стороны, студенты РТУ МИРЭА, изучающие английский язык в рамках программы «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» и владеющие им на достаточно высоком уровне, с другой – иностранные студенты РТУ МИРЭА, изучающие русский язык и являющиеся носителями английского языка или говорящие нем. Тема круглого стола: Знакомство. Обучающимся было дано задание подготовить небольшое выступление о себе и своей стране, выбрав один пример из культуры, обычаев или традиций, который, на их взгляд, не свойственен для других стран и удивит собеседников.

Мероприятие проходило в непринужденной обстановке, первоначальная скованность ушла после установления коммуникативного контакта и психологической атмосферы доверия.

Речевая деятельность коммуникантов осуществлялась на родном языке и на изучаемом иностранном. Отметим, что английский язык не для всех иностранных участников был родным, так как среди приглашенных были граждане Анголы, ЮАР, Судана, Йемена, Эквадора, Боливии, Венесуэлы и др., где английский является вторым языком или часто изучаемым. Тем интереснее получился эксперимент, так как российские студенты получили возможность применить на практике полученные в области переводческой деятельности знания в процессе общения с мультилингвами, а также расширили свои познания в области культурологии и страноведения.

Иностранные студенты отработывали навыки речевой деятельности на русском языке, в том числе в сфере профессиональной коммуникации, так как обучение в РТУ МИРЭА предполагает овладение в основном инженерно-техническими специальностями, и этому было уделено много внимания во время круглого стола.

Помимо вербальных форм общения также следует учитывать невербальные формы, которые играют немаловажную роль в коммуникации. Например, когда идет диалог с китайскими студентами и они на вопрос согласно кивают головой, это не означает «да», это всего лишь показывает, что они слушают, и необходимо проверить полноту понимания данной им информации другими вопросами. Или в случае беседы с латиноамериканцами сильную жестикуляцию нужно воспринимать как национальную особенность, выражение эмоциональности, но ни в коем случае не как агрессивность

Занятие послужило толчком к снятию у всех участников беседы коммуникативных барьеров, то есть внутренних и внешних причин, мешающих коммуникации.

«К коммуникативным барьерам относятся: культурный, физический, эмоциональный, мотивационный, языковой, восприятия, а также барьер нехватки опыта» [4].

И если языковой барьер очевиден сразу, то культурный начинает проявляться в рамках диалога, сопоставления, а иногда и столкновения культур, и может доходить до культурного шока, что затрудняет и так сложный процесс адаптации иностранных граждан в инородной среде. В связи с этим необходимо, с одной стороны, ознакомление с традициями и обычаями проведения досуга российской молодежью, с другой стороны, приобщение

принимающего сообщества к культуре тех стран, из которых приезжают иностранные студенты.

Барьер восприятия снимается изменением понимания информации коммуникантом через призму личностного представления на объективное принятие иной культуры в процессе ее открытия и исследования.

В рамках межкультурной коммуникации происходит процесс аккультурации и интеграции индивидуума, что позволяет облегчить процесс социокультурной адаптации в чуждой среде, снять барьеры межкультурного взаимодействия, скорректировать культурные стереотипы.

Целью включения подобной практики в процесс обучения было получить наибольшие результаты при максимально рациональном использовании времени.

Считаем опыт успешным и рассматриваем вопрос о создании отдельной дополнительной программы, состоящей из ряда интерактивных занятий различного формата (беседа, круглый стол, проект, экскурсия, пикник и др.), обеспечивающих достижение успешной межкультурной коммуникации и, как следствие, формирование межкультурной компетенции.

Литература

1. Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. - М.: Высшая школа, 2005. – 310 с.
2. Фалькова Е.Г. Межкультурная коммуникация в основных понятиях и определениях: метод. пос. – СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ. – 2007. – 77 с.
3. Шогенов А.А. Русский язык в межкультурном контексте // Русский язык в образовательном пространстве Центрально-Азиатского региона СНГ: междунар. науч.-практ. конференция. – Бишкек, 2007. – С. 311–313.
4. <https://www.grandars.ru/college/psihologiya/barery-kommunikacii.html>

ВАЙРАХ Ю.В.

Иркутский национальный исследовательский технический университет

СОМАТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ МАКРОКОНЦЕПТА РОД

Статья посвящена характеристике соматических признаков макроконцепта РОД. Автор анализирует соматические признаки макроконцепта на основе НКРЯ. Автор указывает на репрезентативность основных соматических признаков в структуре макроконцепта РОД.

Ключевые слова: соматические признаки, макроконцепт, род, родство, кровь

В языке соматизмы отражают культурные смыслы, телесный код лингвокультуры. В языковой картине мира представлена модель «тело человека». Тело становится «элементом внешней природы человека (тело как часть Макрокосмоса) и элементом внутреннего мира» [Пименова 2007: 130]. Соматический код лингвокультуры выступает как вторичная знаковая система, в которой отражены черты русской лингвокультуры.

В структуре макроконцепта соматические признаки отражают и внутреннее состояние тела, и любые внешние проявления. Термин «макроконцепт» в исследовании понимается как «сложное ментальное образование, связанное с концептами, входящими в его структуру, родо-видовыми отношениями» [Пименова 2021; 38]. Соматические признаки представлены в структуре макроконцепта РОД в прямом значении и в переносном. В языковом материале НКРЯ встретилось описание тела и метафора 'тело рода' (*Часто*

главным телом, в которое встраиваются другие, становится массовое тело, регулируемое властью, или **тело рода**, большой семьи, регулируемое обычаем В.В. Библихин Язык философии, 1993).

Когнитивные признаки 'голова' вербализуются при помощи слова 'родничок' (*И как раз ведь в темя, в самый материнский родничок хватило! – обнаружил событие Пухов. Владислав Отрошенко. Эссе из книги «Тайная история творений» // «Октябрь», 2001; Ребенок уже пригнул головку, так что малый родничок оказался впереди, чуть повернул ее... Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого. Путешествие в седьмую сторону света // «Новый Мир», 2000).* Соматический признак 'макушка' сохраняет устойчивую языковую отсылку к богине Макошь. Род и Рожаницы, включая Макошь, заботились о своих потомках и поклонялись культу предков. Человек, у которого было две макушки считался счастливым человеком, потому что его оберегали силы природы, ангелы-хранители: *И однажды Колюня, отчего-то поссорившись из-за ерунды с другим своим, старшим, любимым кузеном Кокой, про которого твердили, будто у него две макушки – знак удачи и счастья, вдруг сам запальчиво и хамски выкрикнул...* (Алексей Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000). Соматический признак 'подбородок' реализуется в контекстах: *Большие серые глаза – наследство матери, – рисунок бровей, губ, прямого носа, мягкого подбородка, каштановые, в крупное кольцо, волосы...* Борис Екимов. Пиночет, 1999

Косвенно описание внешности передается с помощью соматических признаков 'кожа': 'родинка' (*По тем косвенным раздраженным взглядам, какие бросал при этом занятии суровый человек из-под желтых крупных костлявых надбровий, Костя понял еще, что ему больше всего мешают писать соседи слева: какая-то женщина с черными бровями и родинкой на носу и ребенок ее лет четырех, которого звала она Ариком. Завидно ему, пожалуй, не было, однако казалось ему, что было бы все-таки гораздо лучше, если бы тут в купе вместо этой чернобрововой, чуждой женщины с родинкой на носу сидела мать, а вместо плутоватого Арика простодушный Митя. С.Н. Сергеев-Ценский. Конец света, 1931; И у тебя даже точно такая же родинка под лопаткой, как у моего отца. Может, у него тоже была родинка под лопаткой? Вопрос: Может, у половины человечества родинка под лопаткой. Михаил Шишкин. Венерин волос (2004) // «Знамя», 2005).* Соматический признак 'борода' представляет макроконцепт в значении «глава рода – дед, старец» (*Один из трибунов, огромный человек с косматой бородой... кричал...А.П. Ладинский. В дни Каракаллы, 1959).* Соматический признак 'бородавка' реализуется в контекстах: *У нее вот тут такая была родинка, то есть даже бородавка, в общем-то. Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010. Соматический признак 'родимое пятно' косвенно связан с родом (*Я смотрел на Горн, но видел не гордый поворот головы, а родимое с синими бородавками пятно, просвечивающее сквозь редкую шевелюру на тощем темени. Михаил Елизаров. Библиотекарь, 2007)**

В структуре макроконцепта РОД сохранился соматический признак, характеризующий внешнее уродство (урод) и внутреннее отличие от других людей (юродивый). В русском паремийном фонде сохранилось много пословиц и поговорок, которые используют слово «урод», которое имеет иронический оттенок. Многие забывают об исконном значении этого слова: «у рода», первенец в роду. (*Тут, полагаю, имеет смысл припомнить старую русскую поговорку: «В хлебе не без ухвостья, в семье не без урода» Фёдор Ошевнев. Записки букиниста (2016) // «Ковчег», 2015)*

(*В семье не без урода, как известно. А.И. Осипов, П. Пивкин. Разделяй и Властвуй – древний принцип, 2005).* Соматический признак 'юродивый' может обозначать человека, который имеет внешний вид, отличный от обычных людей. (*Ты ту юродивую, что по базару ходила в отрепьях, помнишь? Владимир Ланг. Калейдоскоп детства // «Ковчег», 2013; Таких людей умники называют беспечными и даже – бог им судья! – ни к чему годными, а ханжи величают юродивыми и большей частью чуждаются их как отверженных богом. С.П. Жихарев. Записки современника, 1806-1809; Юродивый он не юродивый, а Бог весть что:*

одни говорят Божий человек, другие бесов сын. Н.А. Полевой. Клятва при гробе Господнем, 1832).

Уродство у новорождённых выражалось при помощи соматического признака **‘родимчик’** («Младенческая» (родимчик, судороги, воспаление мозга) – крестьяне убеждены, что у каждого человека в детстве должна быть «младенческая»). О.П. Семенова-Тян-Шанская. Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний, 1885-1906). Подвижность рода выражается соматическими признаками ‘ноги’, ‘пятки’ (Зулейха вставала перед ним, то отражалась вся, от макушки до **пяток** Гузель Яхина. Зулейха открывает глаза, 2015), ‘колени’ (Молодые вставали на **колени** на овечью шубу, кланялись родителям. Свадьба тюменских старожилов // «Народное творчество», 2004).

В русской лингвокультуре соматический код используется для исчисления времени (Разные славян поколения неспоримо различились обычаями, хотя во многом имели сходство. Все сие доказывает движение **славенских поколений** от востока на запад пространственными нашими землями, по северу около Понтийского моря (М. В. Ломоносов. Древняя российская история. Фрагменты, 1754-1758). Поколение, колено – однокоренные слова (С них нить жизни, которой Господь не давал прерваться, но, как бы колеблясь, и не множил ее, двоится, троится и, наконец, переплетаясь все гуще и гуще, образует из семей, **родов, колен** – народ. Владимир Шаров. Воскрешение Лазаря, 1997-2002).

Соматический признак ‘сердце’ может быть центром души или органом человеческого тела. Издревле сердце наделяли различными качествами, вследствие чего оно приобрело сакральный смысл. (В лесу, где горел костер, раздавались крики испуга и смятения, костер гас, и щупальца страха ползли к **сердцу Рода**. А.С. Грин. Племя Сиург, 1913; Опять было все забыто! Опять **родное сердце** ему принадлежит! На прощанье Настя дала ему поцелуй. С.А. Андреевский. Речь в защиту Иванова, 1891)

Внутреннее пространство тела человека заполняет кровь. (Уверен – напугают рваные жестяные лабиринты гаражей в районе Комсомолки, с вечной жирной грязью на дороге, пропитанной венозной кровью трех поколений тушинских хулиганов. Форум: Горный двухподвесочный, 2010). Соматический признак ‘кровь’ в структуре макроконцепта **род** занимает особое место, потому что обнаруживает связь с синонимом «руда», которое долгое время функционировало в языке в значении «кровь». Значение «кровь» в слове «руда» объясняется как средство табуирования слова «кровь». Ф.С. Шимкевич в работе «Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и с двадцатью четырьмя иностранными языками составленный Федором Шимкевичем» дает определение слова «кровь»: «1. жидкость красного цвета, обращающаяся в жилах тела животного; 2. род; поколение; происхождение; 3. убийство» [Шимкевич 1842; 187]. Родного ребёнка родители называют **кровинушка**. (Ее дочь! Ее кровинушка верх берет! Танец кончился быстро – короткий век у радости Федор Абрамов. Пелагея, 1967) Родство можно классифицировать на: кровное родство, братья по крови, кровные узы, молочное родство, молочные братья (И даже более чем друзья. Кровные родственники. Насчёт **кровного родства** зверя не обманешь, он за версту чует, где оно настоящее, а где нет. (М.В. Ломоносов. Древняя российская история. Фрагменты, 1754-1758), Любовь вошла в нашу кровь, и завязалось у нас всех **кровное родство** с царем. (Н. В. Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями, 1843-1847), И вот теперь разрываются эти **кровные узы** (Е.С. Гинзбург. Крутой маршрут: Часть 1, 1967), **Молочное родство** и вытекающая из него отношения нерядко возникали и помимо отдачи ребенка на вскармливание. (В.Ф. Миллер. В горских обществах Кабарды // «Вестник Европы», No 4, 1884).

В результате анализа языкового материала НКРЯ выявлено 20 соматических признаков в структуре исследуемого макроконцепта РОД. Среди них большинство относится к внешности человека (составляет 70 % от всех проанализированных соматических признаков в языковом материале). Представлены в языковом материале когнитивные

признаки: 'кровь', 'борода', 'макушка', 'сердце', 'родинка', 'бородавка', 'кожа', 'руки', 'ноги', 'родимчик', 'голова' и др. Соматические признаки характеризуют макроконцепт род со стороны «внешнего» и «внутреннего» и наделяют его чертами живого существа.

Литература

1. Пименова М.В. Особенности структуры символического макроконцепта РОД. Вестник Кокшетауского университета им. Ш. Уалиханова. Серия Филологическая. 2021. № 2. С. 37–44.
2. Шимкевич Ф.С. Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и с двадцатью четырьмя иностранными языками составленный Федором Шимкевичем : Ч. 1-2. – Санкт-Петербург : тип. Акад. наук, 1842. – 2 т.; 23; 23. Ч. 2. – [2], 167 с.

ВАН ЖАНЬ

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

СПЕЦИФИКА НЕВЕРБАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ИНАУГУРАЦИОННОГО ДИСКУРСА В РФ И КНР

Настоящая статья посвящена анализу организации пространства инаугурационного дискурса на семиотическом невербальном уровне. В статье рассматриваются пространственные, проксемические и артефактные знаки, символизирующие государственную власть, а также отражающие этнокультурные и политические особенности, в инаугурационных дискурсивных практиках российских и китайских лидеров.

Ключевые слова: инаугурационный дискурс, инаугурация, семиотика, невербальные знаки.

Инаугурационный дискурс, характеризующий ритуальность и идеологичность, организуется и реализуется в процедуре вступления в должность главы государства в знаково-символическом социокультурном пространстве, где невербальные знаки создают особый политический ритуал инаугурации [Боженкова 2023; 62]. В связи с тем, что социальный институт власти всегда опирается на «манипуляцию символами и распределение символических наград» [Шейгал 2000; 16], инаугурационный дискурс, ориентированный на наделение индивида властной ролью, содержит значительную по объему и разнообразию информацию, эксплицируемую невербальными системами. Церемония инаугурации, опираясь на конкретный сценарий, обладает типичными семиотическими пространственными, проксемическими и артефактными знаками, которые концептуализируют процедуру инаугурации и детерминируют идеологическую ориентацию общества. С данных позиций особый интерес представляют устойчивый и символически насыщенный инаугурационный дискурс РФ и КНР, невербальные знаки которых получают специфическое национально-культурное преломление в русскоязычной и китайскоязычной социальной реальности.

Пространственные знаки. Социально значимое место общения, являясь неотъемлемым и значимым компонентом коммуникативного события, задает тональность и стиль коммуникации. С точки зрения семиотики архитектурное строение «рассматривается как “говорящее” здание, раскрывающее значение социокультурных идей», которое исследуется в плане смысловыражения и смыслообразования [Кочетков 2015; 110]. Церемонии инаугурации лидеров РФ и КНР проходят в общеизвестных фиксированных местах – правительственных зданиях, символизирующих высшую государственную власть. В нашем случае Кремль символизирует власть и государственность, в связи с чем его невербальный коррелят оформляет фоновое пространство инаугурации главы государства РФ, в Китае ему соответствует Большой зал народных собраний (Жэнминь Дахуэйтан).

Московский Кремль в качестве символа российской государственности, является богатейшей сокровищницей исторической реликвией, памятником культуры и искусства России. В 1991 и 1996 гг. инаугурации Б. Н. Ельцина проходили в Кремлевском дворце съездов, с 2000 года Андреевский зал Большого Кремлевского дворца служит определенным местом для проведения инаугурации российских президентов. Андреевский зал обладает глубокой историей, название которого также имеет оттенок верховной чести страны, поэтому неслучайно он используется для проведения церемония вручения высшей власти страны. Очевидно, что проксемические знаки, содержащие отпечаток эпохи, отражают изменение политической строя государства и политические особенности разных периодов.

Инаугурация председателя КНР проходит в Большом зале народных собраний, который можно рассматривать как маяк истории и развития Китая. Внешний образ здания характеризуется явной авторитетностью, который строится по центральной оси площади в строгой симметричной форме. Зрительный зал на десять тысяч человек (Ваньжэн Далитан), символизирующий национальное единство и этническое равенство нации, служит местом проведения инаугурации председателя КНР. Поражающий масштаб данного зала рождает чувство возвышенного, кроме этого, уникальные элементы убранства зала и ассоциируются с китайскими культурными и политическими особенностями: потолок зала украшен галактикой огней, золотыми лучами, лепестками подсолнуха и большой красной звездой.

Бесспорно, пространство проведения инаугурации не только отражает национальную культуру, но и обладает политической окраской, например, Московский Кремль является политическим центром РФ, а также религиозной символикой [Белинцева 1999; 63]; Большой зал народных собраний как административный центр КНР символизирует народную демократию и коллективизм. Таким образом, пространство придает церемонии торжественность и идеологичность, в то же время создает психологическое состояние сопричастности истории и национальной принадлежности.

Проксемические знаки. В ракурсе физического свойства пространства типология проксемики инаугурации относится к публичной дистанции на основе теории дистанции, предложенной Э. Холлом [Hall 1969]. Как правило, публичная дистанция устанавливается вокруг государственных деятелей, при этом публичная дистанционная знака чаще всего «связана с политической коммуникацией, с отношениями власти и народа» [Олянич 2002; 228]. Дистанцированность, как известно, является доминирующим составляющим поведением власти.

Проксемические знаки статуса представляют собой пространственные отграничения персоны верховной власти от облеченного властью лица, поскольку место адресанта — лидер страны, четко выделено и противопоставлено адресатами — подвластными членами социума. Новоизбранные руководители РФ и КНР выступают с первым обращением за трибуной в центре широкой подиумы. Особенно значимо, что трибуна и подиума, находящиеся на самом высоком месте в зале церемонии, можно рассматриваться как знаки презентации статуса адресантов, то есть верховной власти страны. Расстояние между положением подиумы и аудитории также визуально отражает дистанцию власти, определяющуюся как степень принятия людьми неравного распределения власти между членами общества [Hofstede 2001], в аспекте которой демонстрируется высокая степень в КНР и РФ.

Артефактные знаки. Инаугурация главы государства — это происходящее с определенной периодичностью политическое событие, которое стало традицией и имеет определенные артефактные знаки. Так, во время инаугурации РФ используются различные артефактные (графические) знаки: государственные символы (флаг РФ, герб РФ, образец карты РФ, изображение флага РФ), символы президентской власти (штандарт президента РФ, знак президента РФ), законодательные символы (специальный экземпляр Конституции

РФ). Проведенный анализ церемоний инаугураций с 1991 по 2018 гг. показывает, что на протяжении этого периода артефактные знаки, обрамляющие акт вступления в должность российского президента, менялись на протяжении этого периода, однако в 2004 году были фиксированы.

В церемонии инаугурации КНР употребляются неизменные артефактные знаки: государственные символы (флаг КНР, герб КНР), законодательные символы (специальный экземпляр Конституции КНР), символы политической системы (полотнище с названием Всекитайского собрания народных представителей). С 2018 года во время произнесения присяги китайского председателя на трибуне положена специальный экземпляр Конституция КНР, на обложке Конституции изображен государственный герб и фон за подиумом также украшен гербом. Инаугурационный дискурс как в РФ, так и в КНР немислим без использования визуальных знаков-артефактов, относящиеся к числу объединяющих знаков, выполняют важнейшую функцию – прямое замещение государства как глобального социального института политической персоной.

Рис. 1. Инаугурация Президента РФ В.В. Путина (2018 г.)

Рис. 2. Инаугурация Председателя КНР Си Цзиньпина (2018 г.)

Таким образом, в семиотическом пространстве инаугурационного дискурса целый ряд политических реалий имеют множественное означивание. Замечательные значение приобретают невербальные знаки в оформлении структурных и содержательных элементов инаугурационного дискурса. Здания проведения инаугурации как пространственные знаки, воплощающие историю и культуру страны, такие как Кремль, Большой зал народных собраний, отождествляются с крепостью, государственностью и авторитетностью в национальном сознании. Проксемические знаки также представляют высокую степень дистанции власти в РФ и КНР. Артефактные знаки, символизирующие государственную высшую власть, тесно взаимосвязаны и призваны вызвать у массового адресата чувство национального единения и признание легитимности власти главы государства. При этом невербальные факторы, репрезентирующиеся в особенностях этнокультурных и государственных кодов, формируют когнитивное пространство общения между новоизбранным лидером и аудиторией.

Литература

1. *Белинцева И.В.* Русский кремль и прусский замок: опыт сравнения // Кремли России. – М., 1999. – С. 63.
2. *Боженкова Н.А., Ван Жань.* Инаугурационный дискурс РФ и КНР в аспекте современной прагмалингвистики // НИР. Современная коммуникативистика. – 2023. – № 4. – С. 61-71.
3. *Кочетков В.В.* Международно-политический символизм архитектуры правительственных зданий // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2015. – №1. – С. 109-126.
4. *Крейдлин Г. Е.* Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.
5. *Олянич А.В.* Презентационная теория дискурса: монография. – Волгоград: Парадигма, 2004. – 507 с.
6. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. – М.: Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.
7. *Hall E.T.* The Hidden Dimension: Man's Use of Space in Public and Private. L., 1969. – 201 p.
8. *Hofstede, Geert H.* Culture's consequences. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2001. – 616 p.

ОБРАЗ УРАЛА В СКАЗЕ П.П. БАЖОВА «ХОЗЯЙКА МЕДНОЙ ГОРЫ»

В данной статье на материале сказа П.П. Бажова «Хозяйка Медной горы» с применением категориально-текстового метода анализируется экспликация в тексте категории пространства. Выделяется объективное и мифологическое пространство, представляются речевые способы реализации пространства в тексте сказа.

Ключевые слова: Павел Петрович Бажов, сказ, Хозяйка Медной горы, Урал, текстовые категории, категория пространства.

Сказы П.П. Бажова являются неисчерпаемым материалом современных гуманитарных исследований [Зырянов 2022; Ильясова 2018; Лейдерман 2003; Липовецкий 2003; Литовская 2014; Ян 2021 и др.]. Писатель создает в своих текстах особый мир, в котором, наравне с реальными персонажами (рабочими, приказчиками) действуют мифологические персонажи (например, Хозяйка Медной горы, Синюшка и др.). Перед читателем встает образ Урала, который создается, в частности, через текстовую категорию пространства.

Материалом исследования является сказ «Хозяйка медной горы», открывающий цикл «Малахитовая шкатулка», впервые изданный в 1939 г. Используется категориально-текстовый метод, разработанный в уральской научной школе лингвокультурологии стилистики проф. Т.В. Матвеевой [Матвеева 1990].

Целью исследования является описание способов экспликации категории пространства в сказе П.П. Бажова.

Под пространством в данном исследовании понимается «категория текста, с помощью которой содержание текста соотносится с осью пространства: местом текстовых событий или действия персонажей» [Матвеева 2003; 356]. Категория пространства реализуется в тексте сказа различными способами, в результате создается образ Урала. Остановимся на сказанном подробнее.

Урал предстает в тексте сказа через объективное пространство, под которым понимается «отраженное подобие реального мира, пропущенное через восприятие субъекта» [Матвеева 1990; 32]. Объективное пространство эксплицируется в тексте разными способами. Так, широко используются топонимы, благодаря которым в сознании читателя создается реальная карта Урала: *Гумёшки, Северушка, Красногорский рудник*.

Изображая реальное пространство, автор использует также слова с пространственным значением, рисующие уральские просторы: *в лесу; дальние покосы; на травку; под рябиной; у большого камня*.

Указанные пространственные единицы часто употребляются вместе с предлогами, неопределенно-личными местоимениями, наречиями со значением места: *под землей; под ноги; за Северушкой где-то; на грудке руды*.

Частотным использованием глаголов с пространственным значением в предложно-падежных сочетаниях с топонимами, наречиями: *подошел поближе; ступить некуда; с Красногорского рудника убирался*.

Объективное пространство создается также косвенными пространственными указателями: словами, которые изначально не имеют пространственного значения [Лотман 1970; 266]. К таким косвенным указателям относятся названия полудрагоценных минералов, которыми известен Урал: *малахит-руда, шёлковый малахит, лазоревка, королёк с витком;*

полезных ископаемых: *железна руда; руда медная*; сопутствующих минералов: *слюдка тут же, и обманка, и блески всякие, кои на малахит походят*.

Обратим внимание на использование П.П. Бажовым диалектных особенностей, урализмов как на лексическом уровне: *изробленный, робить, протча*, так и на грамматическом: *тайна сила, они у меня маленьки* (стяжение окончаний прилагательных).

Наряду с объективным, в сказе присутствует мифологическое пространство, связанное с изображением фантастических существ, в частности, Хозяйки Медной горы. Мифологическое пространство находится в подземном мире, *под горой* или *в горе*. Мифологическое пространство эксплицируется в тексте сказа теми же способами, что и объективное. Автор изображает Хозяйку Медной горы, которая, превратившись в ящерицу, меняет облик: *«Сама тоже на ноги вскочила, прихватила рукой за камень, подскочила и тоже, как ящерка, побежала по камню-то. Вместо рук-ног – лапы у нее зеленые стали, хвост всунулся, по хребтине до половины черная полоска, а голова человечья. Забежала на вершину...»*.

Прием использования глагола со значением перемещения в связке с существительным в предложно-падежном сочетании работает не только при изображении пространства географического, но и при изображении портрета, тела героя. Причем речь идет о герое как реальном, так и мифологическом. При описании Хозяйки Медной горы в образе человека автор также пользуется теми же приемами: *«Глядит, а перед ним на грудке руды у большого камня женщина какая-то сидит. Спиной к парню, а по косе видать – девка. Коса ссиза-черная и не как у наших девок болтается, а ровно прилипла к спине. На конце ленты не то красные, не то зеленые. Сквозь светеют и тонко этак позванивают, будто листовая медь. Дивится парень на косу, а сам дальше примечает. Девка небольшого росту, из себя ладная и уж такое крутое колесо – на месте не посидит. Вперед наклонится, ровно у себя под ногами ищет, то опять назад откинется, на тот бок изогнется, на другой. На ноги вскочит, руками замашет, потом опять наклонится»*.

Мифологическое и объективное пространство в тексте сказа отражают разные объекты действительности: реальный и фантастический мир, но эксплицируется при помощи одинаковых речевых средств, что позволяет предположить единство и гармоническое сосуществование этих миров в сознании автора, с одной стороны, и является жанрообразующим признаком сказа, характеризующим его непреложную связь с реальной действительностью, с другой.

Литература

1. *Бажов П. П.* Малахитовая шкатулка : Уральские сказы. Уральские были. Повести / – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. – 768 с.
2. *Зырянов О. В.* Концепция фантастического в сказах П. П. Бажова: в полемике с классической традицией // П. П. Бажов в меняющемся мире. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, – 2022. – С. 100–116.
3. *Ильцова Р. С.* Диалектная лексика сказов П. П. Бажова "Малахитовая шкатулка" // Известия Чеченского государственного университета. – 2018. – № 3(11). – С. 103–107.
4. *Лейдерман Н. Л. Липовецкий М. Н.* Современная русская литература, 1950-1990 годы : Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 032900 - Рус. яз. и лит.: В 2 томах. – Москва : Academia, 2003, – 686 с.
5. *Литовская М. А.* "Фабульные крючочки и петельки" : поэтика компромисса в творчестве П. П. Бажова // Известия Уральского федерального университета. Серия 2 : Гуманитарные науки. – 2014. – № 2(127). – С. 8–17.
6. *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. – Москва : Искусство, 1970. – 384 с.

7. Матвеева Т. В. Учебный словарь : русский язык, культура речи, стилистика, риторика / – М. : Флинта : Наука, 2003. – 432 с.

8. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхрон.-сопостав. очерк. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 172 с.

9. Ян Ю. «Власть камня» в сказах П. П. Бажова // Гуманитарный вектор. – 2021. – Т. 16, № 1. – С. 83–91.

ВАН ШИ

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ VS АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ В ОБРАЗОВАНИИ КАК СФЕРА ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Анализируются смежные педагогические понятия «лингвокультурологический подход» и «аксиологический подход» в образовании. Устанавливаются синонимичные отношения между ними. Доказывается, что использование данных лингвокультурологических исследований является своеобразным «велемием времени», «социальным заказом» в преподавании любого предмета на каждом этапе образования.

Ключевые слова: лингвокультурологический подход в образовании, аксиологический подход в образовании, ценности, ценностные ориентиры, лингвокультурология.

В настоящее время вектор качества высшего образования целесообразно сосредоточить на культуросцентричном обучении студентов вне зависимости от направления их подготовки (и физиков, и лириков). Речь идет о возрастающей потребности современного образования в ценностно-воспитательной ориентированности процесса обучения в вузе, и отсутствием соответствующих единых методологических оснований.

В рамках статьи представлено авторское осмысление смежных понятий: *лингвокультурологический подход* и *аксиологический подход* в образовании, поднимается вопрос единения и разграничения указанных терминов.

Теоретическую основу работы составляют труды российских специалистов [Н.А. Подчалимова 2016; Сенаторова 2020; И.В. Щеглова 2023]. Так, О.А. Сенаторова поднимает проблему взаимосвязанного обучения русскому языку и культуре в рамках лингвокультурологического аспекта методики преподавания русского языка как иностранного (РКИ) [Сенаторова 2020]. И.В. Щеглова, анализируя ключевые компетенции будущего специалиста: креативность, критическое мышление, кооперацию и коммуникацию, обращается к формированию ценностных доминант межкультурного взаимодействия студентов на уроках РКИ [Щеглова 2023].

В качестве одного из тезисов данной работы следует признать позицию Н.А. Подчалимовой, которая подчеркивает, что «целенаправленное использование данных лингвокультурологических исследований является своеобразным «велемием времени», «социальным заказом» в преподавании не только иностранных языков, но и родного» [Подчалимова 2016; 61]. Вместе с тем считаем разумным скорректировать приведенное утверждение следующим образом: «использование данных лингвокультурологических исследований является своеобразным «велемием времени», «социальным заказом» в преподавании любого предмета на каждом этапе образования (школа-вуз)». Ведь впереди всяких проектов должны лежать человеческие отношения, отношения, построенные на ценностях. Ценности, в свою очередь, отражены в культуре и закреплены в языке. Ценностно-ориентированная направленность образовательного процесса и выстраивание

системы педагогического воздействия, подчиненного лингвокультурному статусу обучающихся, с целью формирования у них ценностного сознания, ценностного отношения, ценностного поведения (диалектическая триада Ю.В. Драгнева (2019)) составляют сущность аксиологического подхода [Ван Ши 2023; 702].

Исследовательский интерес вызывает соотношение смежных понятий *лингвокультурологический подход* и *аксиологический подход* в образовании. Существует ли разница между ними?

Прежде, отметим, что аксиология и лингвокультурология рассматриваются в качестве научных дисциплин синтезирующего типа. Например, аксиология базируется на фактологическом материале таких областей знаний, как философия, этика, социология, культурология. Лингвокультурология же изучает взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражает этот процесс как целостную структуру единиц в единстве языкового и внеязыкового содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установки [Воробьев 2008; 37].

Кроме того, предметом изучения каждой из обозначенных дисциплин являются ценности. Ценности носят универсальный характер, в связи с этим говорим о необходимости ценностно-воспитательной ориентированности процесса обучения в высшей школе вне зависимости от направления подготовки студентов. Ведь и у будущих лингвистов, и будущих физиков-ядерщиков (как пример) важно сформировать здоровьесберегающие (стремление к активному образу жизни, правильному питанию, рациональному распорядку дня); духовные (добро, честность, любовь к ближнему, патриотизм), интеллектуальные (желание узнавать новое), обусловленные родом деятельности (преданность делу, профессиональное совершенствование, ответственность) ценности.

Так все-таки почему в терминологическом аппарате педагогики фигурируют два термина «лингвокультурологический подход» и «аксиологический подход»?

На наш взгляд, аксиологический и лингвокультурологический подходы в образовании являются синонимичными понятиями. И тот, и другой ориентированы на ценности, которые отражены в культуре и закреплены в языке. Разница между обозначенными подходами прослеживается в контекстах их функционирования: в рамках языкового образования, например, логично употреблять номинацию лингвокультурологический подход, за пределами лингвистики – аксиологический подход. Вместе с тем номинация *аксиологический подход* в образовании отличается признаком универсальности, поскольку апеллирование к ней возможно и в гуманитарной, и технической сферах, а также в ситуации избежания повтора однокоренных слов. Например, в формулировке следующей темы логично актуализировать номинацию *аксиологический подход*, дабы избежать нагромождения однокоренных слов: «Методика формирования межкультурной компетенции студентов в процессе обучения русскому языку как иностранному в контексте аксиологического подхода».

Перспективы работы видим в составлении программы внеаудиторных мероприятий по формированию межкультурной компетенции студентов на основе аксиологического подхода в рамках обучения русскому языку как иностранному.

Литература

1. Ван Ши., Щеглова И.В. Сущностно-содержательные характеристики аксиологического подхода к формированию межкультурной компетенции иностранных студентов (теоретические основы) // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2023. – №7 (8). – С. 699-704.
2. Воробьев В.В. Лингвокультурология. – М.: РУДН, 2008. – 336 с.

3. Драгнев Ю.В. Православные ценности в православной W педагогике физической культуры в информационном обществе: аксиологический подход // Международный научный вестник (Вестник объединения православных ученых). – 2019. – №1(21). – С.9-13.

4. Подчалшмова Н.А. Лингвокультурология как одно из направлений обучения иностранным языкам // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – №1 (4). – С. 60-63.

5. Сенаторова О.А. Учебно-практическое пособие по лингвокультурологии для иностранцев, изучающих русский язык: концепция и содержание // Русистика. – 2020. – №3 (18). – С. 315-327.

6. Щеглова И.В. «4К», или философия занятия по русскому языку как иностранному // Язык. Культура. Перевод: лаборатория актуальных смыслов: сборник научных трудов. – М.: Русайнс, 2023. – С. 131-135.

ВЕПРЕВА И.Т., ШАЛИНА И.В.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ ЖЕНЩИНЫ-ДОНОРА ООЦИТОВ

Статья посвящена анализу социотипа женщины-донора ооцитов, на основе которого в коллективном сознании современного общества формируется лингвокультурный типаж. Дается характеристика языковой личности по различным параметрам лингвокультурного типажа.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, женщина-донор ооцитов, ментально-ценностные установки.

В рамках антропоцентрической парадигмы на стыке языка и культуры сформировалось научное направление, связанное с изучением характеристик языковой личности [См.: Караулов 1987; Нерознак 1996 и др.], послуживших базой для построения типажей языковой личности, которые формируют персонологию культуры. Лингвокультурный типаж (ЛКТ) как новая единица научных изысканий опирается на признак «типизируемости определенной личности, значимости этой личности для культуры» [Карасик 2009; 191]. Культурно-диагностическую значимость имеют новые социальные объединения, возникающие в условиях новейшего времени. К такому новому социотипу мы относим женщин-доноров ооцитов.

Развитие донорства в российском здравоохранении связано, в частности, с разработкой этических принципов добровольности и безвозмездности. И если донация крови и ее компонентов освящена ореолом полезности, социальной солидарности, жертвенности и не может рассматриваться как предмет торговли или прибыли, то донация ооцитов – *добровольная сдача здоровой женщиной собственных созревших и пригодных к оплодотворению половых клеток, которые впоследствии будут использованы для проведения ЭКО* – может иметь некоторые этические и психологически отдаленные для донора яйцеклеток и родителей родившегося ребенка проблемы и требует серьезного многостороннего изучения, не только юридического, но и социально-культурного, лингвоаксиологического характера.

Цель доклада – очертить складывающийся социотип женщины-донора ооцитов, на основе которого в коллективном сознании современного общества формируется лингвокультурный типаж.

Лингвокультурологический вклад в разработку проблемы донации ооцитов и поведения женщины-донора связан с осмыслением комплекса проблем, направленных на описание ее речевых поступков, реконструкции фрагментов ее ценностной картины мира, ментально-ценностных установок, презумпций и представлений, эксплицированных в ситуации беседы со специалистом-психологом. Процедура интервьюирования позволяет проанализировать социальный паспорт информанта-донора, его культурно-психологические и языковые особенности, выявить типизированные и индивидуализированные

характеристики.

Материалом исследования послужили транскрипты 29 интервью с донорами ооцитов, пациентами одного из репродуктивных центров Екатеринбурга. Средний возраст донора составил 26,6 лет (диапазон от 19 до 34 лет). У десяти опрошенных высшее образование, у пяти – незаконченное высшее, у двенадцати женщин – среднее-специальное, у двоих – среднее. Среди них – представители медицинской сферы (*фармацевт, медицинский регистратор, медсестра, санитарка операционного блока*), преподавательской сферы (*учитель, воспитатель в детском саду*), сферы торговли (*консультант в магазине одежды, специалист салона сотовой связи, официант*), руководители нижнего и среднего звена (*директор службы доставки, администратор в студии красоты, менеджер пункта выдачи товара*).

В ходе анализа была проведена классификация лингвокультурного типажа по отношению личности к языку. Среди информантов-доноров выделяются носители литературной культуры, образованные женщины с высоким уровнем речевой компетенции, и носители просторечно-разговорной культуры, женщины, допускающие употребление жаргонных и разговорных слов и выражений в ситуации официального общения (*муж пришел с армии; я ошалела; я после работы, пожрать приготовить; Он меня подкальывает, что... «понимаешь, это твои дети будут!» То есть всё как-то шутки-шутки и под.*).

Для лингвиста интересным представляется описание поведенческих реакций языковой личности, рациональной / эмотивно-интуитивной программы их мотивационной деятельности. Все женщины-доноры характеризуют себя здоровыми, готовыми жертвовать своей фертильностью: *Я считаю себя здоровой и физически, и психологически, ментально. Поэтому просто решилась* (донор 4). Однако вербализуют они свои мотивационные цели по-разному. Например, женщина-донор относится к донации ооцитов и суррогатному материнству (она была трижды донором ооцитов и дважды суррогатной мамой) как к очередному проекту, обеспечивающему финансовую стабильность наряду с профессиональными проектами, которые она осуществляет в сфере продаж. Роль «проектировщика» переносится в сферу семейной и физиологической жизни, определяет собственное поведение по отношению к восьмилетней дочери, детям, рожденным в результате ЭКО:

– **И теперь <...> ваш проект – это ваш ребенок, его успеваемость?**

– Видимо, случилось так, да.

– **А правильно я понимаю, что донорство ооцитов — это такой новый проект?**

– На самом деле я уже не первый раз участвую, я сдавала уже три раза.

– **А вы зачем пошли? За деньгами?**

– Основная мотивация, конечно, финансовая, да.

– **То есть для вас это рутинная работа за деньги, то есть эмоциональные краски вы в это не вкладываете?**

– Ну, да. По сути, мне все равно. (донор 14)

Указанному психотипу противостоит психотип женщины-донора, уверенной в благородной миссии своего поступка и в то же время скромной:

– **А плюсы [донорства]?**

– А плюсы... о плюсах можно говорить бесконечно. Я говорю, что самое главное, что будет ребенок, новый член нашего общества, любимый, надеюсь, ребенок. Потом плюс, конечно же, в том, что помогаю я клинике... А можно прямо это самое, высокомерные плюсы говорить?

– **Конечно.**

– Я надеюсь, что мои гены передадутся этому ребенку, и продолжится часть меня... Они еще будут красивые, как я. Это тоже плюс... все же любят светленьких, голубоглазеньких, вот именно такие детки и будут... я это делаю для себя, имеется в виду, отдаю частичку себя во благо. А когда мы это делаем, то мы не должны об этом кричать.

(донор 17).

По признакам яркости, на наш взгляд, ЛКТ «женщина-донор ооцитов» относится к неяркому типу: она не стремится публично рассказать о донации знакомым, коллегам с целью вызвать одобрение, восхищение, даже если руководствуется благими намерениями; не всегда ставит в известность членов «своего круга» – родителей, родственников и даже своего мужа или мужчину-сожителя. В национально-культурной общности, основанной на патерналистской модели, не сформированы положительно окрашенные стереотипные представления о донации ооцитов в силу ригидности мышления носителя традиционного, патриархального сознания, отсутствия продвижения сферы услуг в области инновационных репродуктивных технологий и коммерциализации этой сферы, религиозных убеждений и др.:

– **Вы боитесь, что [люди] вас осудят?**

– Конечно, некоторые могут осудить, поэтому я обществу ни о чем не рассказываю.

Просто я говорю, что не готова в общество нести, потому что будет много вопросов, будут и хорошие, и плохие мнения, кто-то поддержит, кто-то не поддержит, а защищаться, оправдываться я не хочу... (донор 5)

По критерию ассоциации с определенным кругом лиц и жесткости данной ассоциации ЛКТ «женщина-донор ооцитов» относится, скорее, к дисперсному типу, поскольку типаж не ассоциируется с конкретной личностью или узким кругом личностей. Однако анализ интервью показывает, что часть женщин, ретроспективно описывая свое детство и отрочество или настоящее время, рассказывает о своей психологической травме, как то: семейное насилие, суицид близкого члена семьи, тяжелая болезнь и смерть матери, ранний аборт, вынужденное существование в одной комнате с больной деменцией бабушкой и др.

Анализ ценностного аспекта ЛКТ показывает смену ценностных приоритетов современной женщины, сознание которой меняется в сторону большего индивидуализма. Веру в Бога вытесняет вера в первостепенную значимость человека, отмечается установка на самодостаточность, ответственность за самого себя, умение самостоятельно добиваться своих целей и справляться с трудностями. Это ценностное представление отчетливо прослеживается в сознании большинства женщин-доноров:

– **А ваш Бог одобряет эту деятельность?**

– Я это не спрашивала у него, я же решу, не он. Я это никогда даже не думала спрашивать.

– **А почему?**

– Потому что у меня есть свое мнение. Мой Бог... это я (смеется). (донор 17).

– **Скажите, пожалуйста, как бы вы действовали, если бы ваш супруг был против?**

– Я бы все равно на это пошла. (донор 20).

Подытожим сказанное. Исследование языковой личности женщины-донора ооцитов открывает возможность описания складывающейся социальной группы по пути от социотипа (объективной характеристики социальной группы) к лингвокультурному типу с углубленным анализом его ментально-ценностных установок, значимых для понимания современной русской культуры.

Литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность.– М., 1987. – 263 с.
2. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Сб. науч. тр. Моск. гос. лингв. ун-та. Вып. 426. Язык. Поэтика. Перевод. – М., 1996. – С.112–116.
3. Карасик В.И. Языковые ключи. – М., 2009. – 406 с.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В СОДЕРЖАНИИ ОБУЧЕНИЯ (ESP)

Статья рассматривает значимость изучения материала лингвокультурологической направленности в непрофильном вузе. Автор подчеркивает влияние данного аспекта на формирование у обучающихся универсальной компетенции УК– 4, а также на развитие научных интересов и исследовательских умений.

Ключевые слова: ESP, лингвокультурология, образовательная организация МВД России, (УК-4), обучение.

Неоднократное обращение к теме необходимости лингвокультурологического компонента в процессе обучения иностранному языку для специальных целей, позволило рассмотреть данный аспект как мотивацию к изучению иностранного языка [Веретенникова 2019; 332-335], как обязательный элемент подготовки сотрудников ОВД особенно тех, кто по долгу службы, как сотрудники туристической полиции, является участником социальной коммуникации, а также подчеркнуть важность баланса лингвострановедческого и профессионально-ориентированного содержания учебных материалов [Веретенникова 2019; Crede].

Данная тема остается в сфере нашего научного внимания, поскольку приобретает новые грани актуальности. Современный рынок труда отдает приоритет сотрудникам в различных сферах, которые не только компетентны в своей области, но и хорошо осведомлены и ориентируются в особенностях культуры страны, представляющую сферу его профессиональных интересов. Такой специалист должен понимать многие аспекты общественной жизни в стране, а также принимать во внимание и знать культурологические особенности, сформировавшиеся в ходе исторического развития. Для этого необходимо не только знать язык, но и другие основополагающие элементы культуры и истории, государственного устройства ведущих стран мира.

Настоящая общественно-политическая ситуация определяет сдвиг интересов и сопутствующей им межкультурной коммуникации в сторону стран Азии и Африки. В связи с этим, представляется, что аспекты лингвострановедения или линвокультурологии приобретают новое значение в отечественной образовательной системе, поскольку, предполагаем, что рабочим языком общения во многих случаях, наряду с государственными языками, останется английский.

Целью обучения иностранному языку по дисциплине «Иностранный язык» (английский) по специальности 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности» в образовательной организации МВД России выступает формирование у обучающихся универсальной компетенции (УК-4), определяющей способность применять современные коммуникативные технологии, в том числе на иностранном) языке, для академического и профессионального взаимодействия, позволяющей практическое использование иностранного языка как для решения социально-коммуникативных задач в профессиональных сферах деятельности, так и в целях самообразования; формирующей уважительное отношение к духовным и материальным ценностям других стран и народов, развивающей познавательную активность, критическое мышление, творческий кругозор, языковую догадку, когнитивные и исследовательские умения на основе междисциплинарной интеграции; совершенствующей навыки самостоятельной работы, в том числе со справочными материалами в контексте непрерывного образования.

Названная цель определяет задачи дисциплины, среди которых, наряду с узкопрофессиональными, обозначены и общекультурные: формировать профессиональную

языковую личность в процессе обучения иностранному языку для специальных целей; овладеть социокультурным контекстом, юридическим дискурсом и нормами профессиональной иноязычной коммуникации; развивать информационную культуру; расширять кругозор и повышать общую культуру обучающихся; комплексно развивать коммуникативную, когнитивную, информационную, социокультурную, профессионально ориентированную и общекультурную компетенции обучающихся [Иностранный язык 2023; 10].

Обучение ESP курсантов первых курсов по указанной специальности осуществляется по учебному пособию [Веретенникова 2019; English], которое отвечает перечисленным целям. Его содержание включает лингвокультурологический блок с учетом профессиональной составляющей. В соответствии с этим ведется последовательная учебная работа по двум разделам: лингвокультурологическому и общеправовому. Первый из названных охватывает темы, связанные с высшим образованием в России, Великобритании и США, в которых представлен к изучению актуальный материал о системах образования в этих странах и подготовке сотрудников полиции. Второй рассматривает государственное устройство и судебные системы трех стран. Пособие содержит 16 тем, выстроенных по единой структуре и отвечающих принципам поэтапного развития навыков аудирования, чтения, монологической и диалогической профессионально ориентированной речи, а также письменной речи. Последний аспект представлен аутентичными образцами деловой документации, применяемой в международной практике полицейских, что повышает мотивацию обучающихся к освоению аспектами профессиональной коммуникации.

Параллельно с изучением учебных тем, курсантам предлагается исследовать некоторые лингвострановедческие вопросы. Например, на творческом этапе работы по такой теме как: «Государственное устройство Великобритании», предлагается выполнить следующие задания:

I. Make a presentation on one of the following topics:

1. The United Kingdom Government. 2. Queen Elizabeth II. 3. The Royal Family. 4. House of Windsor. 5. Kings and Queens of Britain.

II. Ministers are chosen by the Prime Minister from the members of the House of Commons and House of Lords. They are responsible for the actions, successes and failures of their departments. Go to:

<<https://www.gov.uk/government/ministers>>; <<https://www.gov.uk/government/how-government-works>>;

<<https://www.gov.uk/government/policies>> and find out:

- a) How many ministers are there in the UK government?
- b) What kinds of departments is the government represented by?
- c) What are policies of the UK government?

III. The Cabinet is made up of the senior members of government. Every Tuesday during Parliament, members of the Cabinet (Secretaries of State from all departments and some other ministers) meet to discuss the most important issues for the government. Name not less than five Cabinet members and say what they are responsible for.

Model: Secretary of State for Defense XX is responsible for the UK defense.

При рассмотрении темы «Судебная система Великобритании» предлагается следующая исследовательская работа:

Compose your own short text about the UK Supreme Court.

a) Study the UK Supreme Court on Twitter <<https://twitter.com/UKSupremeCourt>> and find out cases they deal with (have dealt with this month)

b) Watch the video —UK Supreme Court Judgments| at <www.youtube.com> and explain how the Supreme Court works.

c) Watch the video —What is the Supreme Court?! at <www.youtube.com> and answer the following questions:

- Where is the Supreme Court situated?
- Why was it separated from the Parliament?
- When was it opened?
- Who opened the Supreme Court?
- Is it accessible to the public?
- Is it a tourist attraction?

Изучая исполнительную ветвь власти США, возможно выполнение следующих заданий:

I. Find the information about the latest events of the US Department of State at <www.state.gov> and reproduce it in Russian.

II. Compare the information about:

- USA and RF presidents;
- the presidents and the UK Sovereign.

III. Make a presentation demonstrating your comparative analysis.

IV. Study the website of the US Supreme Court < http://www.supremecourt.gov> and speak on:

- The procedure of verbal arguments.
- The participants in the courtroom.
- Arrangement of public courtroom seating.
- The cases heard last month.

V. Speak about each of the common legislative stages (go to <https://www.congress.gov/legislative-process/committee-consideration> or look for the information in the attachment).

VI. Watch the Student Orientation Video “Welcome US Capitol Visitor Center” (www.visitthecapitol.gov) and:

- report about the rules of visiting the US Capitol;
- answer what a visitor can see on the US Capitol tour.

VII. Study the site of the Law Library of Congress (www.loc.gov/law) and find some information on the topic of your yearly or research – paper.

Анализ результатов участия курсантов в исследовательской деятельности показал, что выполнение вышеперечисленных заданий в виде подготовки сообщений, презентаций способствуют формированию научных интересов. Было замечено, что курсанты, выполняющие предлагаемые задания в рамках учебных занятий, также часто исследуют лингвострановедческие темы и представляют свои работы на научных конференциях различного уровня. Нередко заинтересованные обучающиеся проводят исследования на протяжении всего курса обучения в вузе, изучая разные стороны вопроса и выявляя в лингвокультурологическом контексте профессиональную составляющую. Так, интересна, к примеру, динамика научных работ, одного из курсантов. На первом курсе обучения он заинтересовался биографическими данными королевы Виктории, на втором курсе исследовал «скелеты в шкафу Виндзоров», в следующем году он связал правление Виктории с образованием Лондонской полиции. В настоящее время автор этих исследований в адъюнктуре изучает гендерные правонарушения в нашей и других странах.

Существуют примеры, когда лингвокультурологические исследования мотивируют курсантов принимать участие в международных форумах и других лингвистических конкурсах, где их работы занимают призовые места. В последние годы это симпозиум “The Development of Information Technology and Issues in the Fight against Cybercrime” в Университете Внутренних Дел Монголии и “The Pink of Perfection”, инициированным рядом отечественных вузов. Таким образом, включение лингвокультурологического компонента в содержание обучения может способствовать формированию и развитию научных интересов и исследовательских умений.

Литература

1. *Веретенникова А. Е.* Освоение страноведческих и социокультурных знаний курсантами образовательных организаций МВД России как мотивация к изучению иностранного языка // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24, № 3(78). С. 332–335.
2. *Веретенникова А. Е.* Лингвострановедческие знания курсантов образовательных организаций МВД России // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык, 2019 № 4. /<http://ce.if-mstuca.ru/index.php/2019-4>.
3. Иностранный язык (английский): рабочая программа учебной дисциплины по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности. – Омск: Омская академия МВД России, 2023 – 45 с.
4. *Веретенникова А. Е.* English for Cadets: учебное пособие. – Саратов: Ай Пи Ар Медиа, 2019 - 316 с.

ВИНОГРАДОВА Е.В.

Тюменский государственный университет

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ АСИММЕТРИЯ СУДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ (ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Данный доклад представляет промежуточные результаты исследования, проводимого в рамках работы над диссертацией Виноградской Е.В. по выявлению терминологической асимметрии в английском и русском языках методом тезаурусного моделирования (на материале судостроительной терминологии). Целью данного доклада является обозначить и описать примеры терминологической асимметрии в русскоязычном и англоязычном судостроении на высшем иерархическом уровне терминосистемы, обусловленные лингвокультурологическими особенностями. В работе используется метод контрастивного анализа, метод дефиниционного анализа, метод этимологического анализа и статистического анализа.

Ключевые слова: терминология, межъязыковая асимметрия, судостроение, культурный аспект.

Сравнительно-сопоставительные исследования в лингвистике широко распространены ввиду их высокой практической применимости как для дидактических целей, так и в области межъязыковой коммуникации. В.Г. Гак указывает, что при сравнении языков может проявляться «гомологическая асимметрия сопоставляемых объектов» в большей или в меньшей степени [Гак 1998; 109]. И.А. Лекомцева отмечает, что «изучение языковой асимметрии приобретает особую актуальность в свете теории и практики перевода, так как именно асимметрия языковых знаков часто является причиной переводческих ошибок» [Лекомцева 2015; 101]. Вслед за В.А. Разумовской, отметим, что переводческие ошибки зачастую обусловлены «культурными различиями языков перевода» [Разумовская 2015; 10].

С одной стороны, асимметрия языковых систем воспринимается как проблема при межъязыковой коммуникации, а с другой стороны такая асимметрия обуславливает саму принципиальную возможность перевода и переводимость, так как в случае симметрии языковых систем вопросов переводимости и передачи лингвокультурологических особенностей на другом языке в принципе не стояло бы [Кашкин 2009; 36]. Поэтому в данной работе межъязыковая асимметрия рассматривается как естественно существующая проблема несоответствия двух сравниваемых языковых систем. В частности, рассматривается проблема терминологической асимметрии в профессиональном узусе русскоязычных и англоязычных судостроителей.

В рамках нашего исследования на высшем иерархическом уровне судостроительной терминосистемы русского и английского языков находятся термины «судно» и «ship» соответственно [Виноградова 2023; 157]. Рассмотрим лингвокультурологические

особенности семантики этих терминов, которые зафиксированы в тематических словарях как эквиваленты.

Нами были рассмотрены различные способы вербализации заглавного концепта исследуемых терминосистем, так как возникал вопрос разграничения синонимичных терминологических единиц. Проблема их разграничения отмечается как в русскоязычных научных исследованиях [Скрынник 2012], так и в англоязычных [Gausi 2016]. Речь, прежде всего, идет о парах синонимов «судно-корабль» и «ship-vessel».

Для начала рассмотрим русскоязычную пару синонимов и особенности их употребления. Анализ этимологии указанных терминов показал, что термин «судно» имеет восточнославянские корни, относится к исконно русским терминам и соотносится со смежным понятием «сосуд». В то время как термин «корабль» является заимствованным в русский и многие другие языки славянской группы из греческого языка. Важно отметить, что в этимологическом словаре имеется пометка о том, что термин «корабль» относится к военным судам [Черных 2007; 428]. Данный факт также отмечается профессиональным сообществом, о чем мы узнали в ходе практического переводческого опыта на судостроительном предприятии.

Контекстный анализ русскоязычной синонимичной пары показал, что суда и корабли в русскоязычном профессиональном узусе воспринимаются как термины одного порядка – высшего категориального уровня:

«Суда гражданского флота или военные корабли, независимо от их назначения, размеров и типа, все они имеют много по сути одинаковых элементов конструкций, форм и внутренних помещений.»

Так, корпус любого судна или корабля ограничивается днищем, бортами и палубами. В носу он замыкается прочной фигурной балкой - форштевнем, а в корме – ахтерштевнем.». [Емельянов 2002; 9]

Если в начале повествования присутствуют уточнения в виде атрибутивной группы (в первом случае определяющей термин «судно» гражданским флотом, а во втором – определяющей термин «корабль» как «военный»), то в дальнейшем данное уточнение не используется и термин «судно» де-факто относится к гражданскому флоту, в то время как термин «корабль» – к военному. Примечательно, что словосочетание корабли и суда (или суда и корабли), которое можно толковать в качестве противопоставления двух лексических единиц, встречается в наших источниках 22 раза.

При этом дефиниционный анализ показывает, что термин «корабль» определяется через термин «судно»:

«Корабль – судно, входящее в состав ВМФ и предназначенное для решения боевых или специальных задач.». [Исанин, Т.1, 340]

«Корабль – судно в составе ВМФ (ВМС), несущее военно-морской флаг и предназначенное для выполнения боев и обеспечения задач.». [Дмитриев 1991; 114]

Логико-понятийный анализ русскоязычных источников показывает, что при классифицировании типов судов обособленно оговаривается категория «корабль» как военное плавсредство и приводятся его классификации (например, на подводные лодки и надводные корабли), а все остальные гражданские суда подразделяются на категории и подкатегории обособленно от кораблей.

Таким образом, это подтверждает, что военное кораблестроение рассматривается в русскоязычной терминосистеме судостроения отдельно. Можно также сделать вывод, что использование терминов «судно» и «корабль» (и их дериватов) в качестве синонимов допустимо, однако не превалирует в узусе профессионального сообщества.

В случае с англоязычным термином *ship*, находящимся на верхней иерархической позиции терминосистемы «Shipbuilding», обособления военного плавсредства от гражданского нет. Термин «warship» (пер. «военный корабль») в англоязычной терминосистеме рассматривается как один из подвидов концепта *ship*.

Кроме того, контекстный анализ англоязычных источников показал, что термин *ship* и термин *vessel* взаимозаменяемы. Оба термина не имеют обособленной коннотации, подразумевающей отнесенность к какому-то конкретному виду судна. G.M. Gauci рассматривает в своей статье синонимичный ряд *ship – vessel – craft* с точки зрения юридического определения данных терминов и делает вывод о многообразии дефиниций и толкований указанных терминов в международных юридических документах и необходимости вести работу над юридической фиксацией и разграничением значений указанных терминов [Gauci 2016, 499].

Исходя из проведенного статистического анализа на материале справочно-дидактических источников судостроительной тематики, количество словоупотреблений термина *vessel* составляет 408 раз против 5164 словоупотреблений термина *ship*, что подтверждает правильность выбора именно термина *ship* в качестве иерархической вершины англоязычной терминосистемы «Shipbuilding».

Дефиниционный анализ терминов *ship* и *vessel* позволяет сделать вывод об их синонимичности, но при этом также о выделении термина *ship* в качестве основополагающего в рассматриваемой терминосистеме. Например, энциклопедия по ред. J. Babicz определяет термин *ship* через родовый признак *vessel* и в качестве видового отличия определяемого термина приводится довольно пространное ограничение значения, исключающее из понятия *ship* плавательные средства на веслах и плавательные средства, которые ходят во внутренних водах и, соответственно, имеют небольшие габариты:

Ship – A sea-going or coastal vessel which is not propelled by oars. [Babicz 2015; 559]

Понятие *vessel* не определяется в данной англоязычной энциклопедии отдельно, но при этом употребляется крайне часто в качестве компонента составных терминов, а также в качестве родового понятия в дефинициях разных видов судов.

Итак, с одной стороны термин *судно* и термин *ship* выступают в качестве иерархических вершин терминосистемы «Судостроение» и терминосистемы «Shipbuilding», а также признаются переводными соответствиями во всех словарях. При этом на семантическом уровне и с точки зрения этимологии и узуального употребления этих терминов проявляется межъязыковая асимметрия, вызванная лингвокультурологическими особенностями разноязычных профессиональных сообществ, поэтому можно сделать вывод о том, что термин *судно* и *ship* можно признать частичными переводными эквивалентами.

Литература

- Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школы «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
- Лекомцева И.А., Куралева Т.В. Межъязыковая асимметрия в переводе // БГЖ. – 2018. – №1 (22). – С. 101-104.
- Разумовская В.А. Переводческие ошибки как результат асимметрии языков перевода // Перевод и сопоставительная лингвистика. – 2015. – №11. – С. 10-12.
- Кашкин В.Б. Асимметричность знака и межъязыковые различия // Теоретические проблемы современного языкознания. Сборник в честь юбилея д.ф.н., проф.З.Д. Поповой. – Воронеж, 2009. – С. 32-37.
- Виноградова Е.В. Категориальный анализ судостроительной терминологии в рамках моделирования двуязычного отраслевого тезауруса // Язык. Культура. Перевод: лаборатория актуальных смыслов. Сборник научных трудов. Часть 1. – Москва, 2023. – С. 155-160.
- Скрынник А.М. Правовой и содержательный анализ понятий «Судно» и «Военный корабль» применительно к обеспечению транспортной (морской) безопасности // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2012. – №1. – С. 38-48.
- Gauci, Gotthard. Is it a vessel, a ship or a boat, is it just a craft, or is it merely a contrivance? // Journal of Maritime Law & Commerce. – 2016. – Vol. 47, No. 4. – P. 479-499.
- Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М.: Рус.яз. - Медия, 2007. – 621 с.
- Емельянов Н.Ф. Устройство, конструкция и элементы теории судна. Учебное пособие. – Владивосток: Типография ДГТРУ, 2002. – 144 с.
- Исанин Н.Н. Морской энциклопедический словарь. В 2-х томах. – Л.: Судостроение, 1987. – 1032 с.
- Дмитриев В.В. Морской энциклопедический словарь. В трех томах. – Л.: Судостроение, 1991 – 1580 с.
- Babicz J. Encyclopedia of Ship Technology. 2d ed. – Gdansk: Wartsila, 2015. – 659 p.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ «КНИГИ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ»

Статья посвящена раскрытию лингводидактического потенциала лингвокультурологии как базовой составляющей обучения иностранных студентов-гуманитариев русскому языку и разработке на этой основе «Книги о русском языке и культуре».

Ключевые слова: лингвокультурология, лингводидактика, РКИ, личность, межкультурная коммуникация.

Постнеклассический этап в развитии науки, начавшийся в последней четверти прошлого века [Степин 2000; 634], предполагает существенное обновление подготовки иностранных студентов к учебе на основных факультетах. Если классический этап исходил из представления об абсолютной истине и жестком детерминизме, неклассический – из относительности истины и вероятностном детерминизме, то пришедший им на смену постнеклассический – базируется на социокультурной обусловленности и синергетике как «новой парадигме образования 21 столетия» [Аршинов 1999].

В этом контексте примечательна статья Е. И. Пассова «Коммуникативность: прошлое, настоящее, будущее», опубликованная в журнале «Русский язык за рубежом». В частности, известный методист, автор концепции коммуникативного иноязычного образования, утверждал, что «дальнейшее движение в направлении коммуникативности нецелесообразно» и что «коммуникативность как философия, как методология в принципе исчерпала себя» [Пассов 2010; 26]. При этом будущее методики преподавания русского языка как иностранного (далее – РКИ) автор видел в «культуросообразной» направленности обучения и в его переходе к диалогу культур, когда «ценности усваиваются не мышлением, а переживанием».

Особая роль в поиске новых технологий обучения РКИ принадлежит лингвокультурологии как целостному теоретико-описательному исследованию «функционирующей системы культурных ценностей, отраженных в языке» [Воробьев 1997; 4]. Но зададимся вопросом: в полной ли мере мы используем на занятиях лингводидактический потенциал лингвокультурологии? Ответ представляется очевидным. Доминирующая направленность на развитие речевой деятельности и языковой компетенции тормозит введение в учебный процесс материалов, которые отвечают потребности студентов в знакомстве с великой русской культурой, а следовательно, и в их саморазвитии.

Разделяя сформулированный Е. И. Пассовым принцип «Культура через язык и язык через культуру», представляется целесообразным исходить в обучении РКИ из целостной триады < культура – язык – межкультурная коммуникация >, которая наполняет занятия по русскому языку культурно значимым содержанием, вовлекая студентов в межличностное взаимодействие. Параллельно заметим, что интерес к культурным ценностям и смысложизненным представлениям русской языковой личности существенно снижает напряженность, связанную с преодолением тех трудностей, которые неизбежно возникают в ходе «присвоения» неродного языка.

В целом перенос акцента с изучения лексико-грамматической системы на активную, личностно значимую коммуникацию в пространстве русской культуры делает учебный процесс более привлекательным, интересным и отвечающим направленности студентов на вхождение в русский мир. Поэтому текстовые материалы и задания, которые не удовлетворяют требованию культурной репрезентативности и личностного саморазвития, являются нежелательными в учебниках и пособиях по РКИ.

В качестве возможного варианта обучения студентов-гуманитариев языку специальности рассмотрим «Книгу о русском языке и культуре» [Владиминова 2023], в которой не только развитие всех видов речевой деятельности, но также выполнение фонетических и лексико-грамматических заданий имеют лингвокультурологическую направленность.

Следуя целевой установке на вовлечение студентов в русское лингвокультурное пространство и принимая во внимание базовый уровень их подготовки, а также возможность в индивидуальном режиме познакомиться с аудио- и видеоматериалами, доступными благодаря QR коду, в «Книге» представлены Андрей Рублёв, М. В. Ломоносов, А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов, В. И. Даль, В. Г. Белинский, М. Ю. Лермонтов, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов, Л. Н. Толстой, П. И. Чайковский, П. М. Третьяков, А. А. Ахматова, Б. Л. Пастернак, В. С. Высоцкий и др. Параллельно учащиеся смогут также побывать в Москве, Петербурге, городах Золотого кольца России, в Клину, Михайловском, Ясной Поляне, Мелихове и Переделкине, в Русском музее, Эрмитаже, Третьяковской галерее и в лицее, где учился А. С. Пушкин.

«Книга» предлагает студентам посмотреть интересные фильмы и обсудить их, послушать лекции об историческом пути русского языка, о фольклоре, литературе, искусстве и образовании, поговорить о судьбах выдающихся деятелей культуры, о русской ментальности и народном понимании счастья и смысла жизни. В этой связи заметим, что, расширяя образовательное пространство, мы исходили из того, что «любое знание имеет смысл только тогда, когда оно хоть что-то говорит нам о ценности и смысле жизни, о назначении человеческого существования» [Лисин 1999; 23].

Все уроки «Книги о русском языке и культуре» имеют одинаковую структуру и включают 9 разделов. Раздел «Введение» начинается с эпиграфа, раскрывающего тему и смысловую направленность урока, и иллюстративного материала к данному уроку. Далее следуют вопросы для беседы, которые готовят к восприятию его основного содержания. Раздел «Чтение» включает основной текст с вопросами на проверку понимания и рубрику «Это интересно». Раздел «Аудирование» представляет собой тест к аудио-лекции. Раздел «Говорение» предлагает разнообразные задания на развитие устной речи на русском языке. Раздел «Письмо» направлен на совершенствование умений и навыков письменной речи: заполнение анкеты, написание автобиографии, составление плана, конспектирование, сочинение и т. п. Раздел «Анализ текста» включает материал для чтения и задания, обучающие элементам анализа художественных и фольклорных текстов. Объем перечисленных разделов ограничен одной страницей (исключение составляют уроки 9–11), а в их нижней части вводятся термины, необходимые для формирования языковой и общекультурной компетенции (всего 70 терминов).

Далее следует раздел «Фонетические и лексико-грамматические задания» (две страницы), который позволяет отработать трудоемкие звуки и их комбинации в составе слова, словосочетания и предложения, а также базовые лексико-грамматические конструкции, актуальные для научного стиля речи. Раздел «Терминологический кроссворд» проверяет знание терминов и введённого фактического материала. Раздел «Видеоматериалы» ориентирован на «зону ближайшего развития» (Л. С. Выготский) и включает кадры из видеофильмов с фрагментами текста, которые готовят к их просмотру. Таким образом, каждый урок — это чёткая обучающая программа с дозированным объемом материала, которая развивает речевую деятельность на русском языке и погружает в культурное пространство его носителей.

Заключительный 12-й урок представляет собой Итоговый тест, который позволяет студентам самостоятельно проверить достигнутый уровень владения русским языком и терминологическим материалом, а также анализом художественного текста. С этой целью в «Книге» представлен адаптированный текст повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» с предтекстовой семантизацией неизвестной лексики, послетекстовыми тестовыми заданиями

и пушкинскими рисунками, которые способствуют раскрытию авторского замысла произведения.

Разработанная модель направлена на актуализацию лингводидактического потенциала лингвокультурологии, но ее эффективная реализация в образовательном процессе предполагает синергетическое, энергийно-совместное, субъект-субъектное взаимодействие всех его участников. Поэтому «Книга», с одной стороны, предоставляет студентам право на самовыражение, личностное мнение и собственную оценку ситуации. А с другой – ориентирована на удовлетворение их стремления получить высшее гуманитарное образование в России.

Сделанный иностранными учащимися выбор будущей профессии имеет важное значение для всего учебно-педагогического процесса, который должен соответствовать их мотивационным потребностям и ожиданиям. Ведь, как писал С.Л. Рубинштейн, «внутренние условия выступают как причины (проблема саморазвития, самодвижения, движущие силы развития, источники развития находятся в самом процессе развития как его внутренние причины), а внешние причины выступают как условия, как обстоятельства» [Рубинштейн 1998; 29].

Лингвокультурология, занимающаяся изучением целостного взаимодействия языка и культуры, обладает огромным лингводидактическим потенциалом. В этой связи заметим, что смысл всякой ситуации, включая ситуацию учебную, «заключается в ее особом отношении к ценности». Более того, желательно, чтобы в образовательном процессе «ценность получила развитие, обогатилась чем-то новым, или, по меньшей мере, сохранилась» [Лэнгле 2001; 17]. Поэтому учебники и пособия по РКИ, которые не отвечают потребностям студентов в личностном самодвижении, как правило не вызывают у них интереса и ассоциируются с долженствованием или даже принуждением. Возникающее при этом чувство неудовлетворенности постепенно приводит к тому, что их усилия и потенциальные возможности нередко направляются на сохранение своей субъектности и права быть самим собой.

Подведем итоги. Рассмотрение лингводидактического потенциала лингвокультурологии как базовой составляющей обучения студентов-гуманитариев РКИ делает актуальной разработку учебной литературы с учетом *синергетического понимания образовательной деятельности и стоящих за ней личностей с их ценностными установками, идеалами и стратегиями взаимодействия*. Внимание к личностной мотивации студентов и уважение их права на выбор оптимальных путей самодвижения являются залогом прогрессирующего развития речи, познавательной и предметной компетенций на русском языке. А свойственный студентам интерес к миру русского языка и культуры способствует созданию оптимальной культурно-образовательной среды, которая необходима для подготовки к учебе на основных факультетах.

Литература

- Степин В.С. Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 743 с.
- Аршинов В.И. Философия образования и синергетика: как синергетика может содействовать становлению новой модели образования? (URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/Arsh.htm>).
- Пассов Е.И. Коммуникативность: прошлое, настоящее, будущее // Русский язык за рубежом. – 2010, – №5. – С. 26–34.
- Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы): Монография. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.
- Владимирова Т.Е. Книга о русском языке и культуре. – М.: ЛИБРОКОМ, 2023. – 224 с.
- Лисин А.И. Идеальность. – М.: «Информациология», «РеСК», 1999. – 832 с.
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер Ком, 1998. – 688 с.
- Лэнгле А. Экзистенциальный анализ – найти согласие с жизнью // Психотерапевтический журнал. – 2001. – №1. – С 5–23.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СЕМИОТИКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ГЕРАЛЬДИКИ

Статья посвящена исследованию становления российской лингвокультурологии и выяснению её сходств с антропологической лингвистикой и отличий от последней, а также исследованию лингвокультурной специфики символа в блазонировании национальной геральдики. Устанавливается, что особенность российской лингвокультурологии заключается в обладании собственной терминосистемой и специфическими дисциплинарными вариантами, а также что в полисемии национальной символики присутствуют внутренний и внешний аспекты.

Ключевые слова: лингвокультурология, антропологическая лингвистика, национальная геральдика, герб, блазонирование, полисемия.

Российская лингвокультурология как дисциплинарное направление «отпочковалась» от антропологической лингвистики в последнее десятилетие прошлого века и представляет собой, как и первая, результат общего антропоцентрического разворота парадигмы гуманитарного знания. Антропологическая лингвистика по большому счету вышла из «слабого» варианта гипотезы лингвистической относительности, постулирующего определенную связь языка и культуры, но отнюдь не полную зависимость мышления от языка [Воркачев 2014; 11], и из единства предсказанной Эмилем Бенвенистом триады концептов «язык, культура, человеческая личность» [Бенвенист 1974; 45].

Будучи самым непосредственным образом «родственно» связанной с западной антропологической лингвистикой, российская лингвокультурология, тем не менее, выглядит, скорее, как незаконнорожденное дитя последней, которую западная наука о языке упорно признавать не желает, объявляя её устами российской научной эмиграции «мифом», отрицая её аксиоматику и обвиняя её в «пособничестве лингвонарциссизму» [От лингвистики к мифу 2013; Воркачев 2016; 25]. Свое распространение лингвокультурология получила помимо России в части постсоветских республик (Армении, Белоруси, Казахстане, Киргизстане, Украине), сочувственно к ней относятся в Китае, однако в сегодняшней западноевропейской лингвистике работы по лингвокультурной тематике, подобные работам А. Вежбицкой, как, например, книга Х. Куссе [Куссе 2021], достаточно редки.

За последние четверть века российская лингвокультурология сформировалась как вполне зрелое научное направление, включившее в себя в «снятом виде» достижения многочисленных сопряженных с нею дисциплин: появились фундаментальные работы по теории лингвокультуры [Воробьев 1997; Карасик 2013; Колесов 1999; Красных 2002; Степанов 1997 и пр.], многочисленные учебники и учебные пособия по курсу «Лингвокультурология» [Евсюкова-Бутенко 2022; Зиновьева 2016; Маслова 2001; Сабитова 2013; Хроленко 2004 и пр.] и лингвокультурология обрела свою собственную терминосистему.

При всем своем «родстве» с антропологической лингвистикой российская лингвокультурология получила свои собственные отличительные черты. В первую очередь, пожалуй, это её базовый термин – лингвокультурный концепт как вербализованная ментальная единица, отмеченная этнокультурной спецификой [Воркачев 2001; 71], который дал ей по существу второе имя – лингвоконцептология. Можно, однако, заметить, что, наверное, вместо заимствованного «лингвокультурного концепта» лучше бы было, если бы «прижился» в качестве базового термина отечественный «культурно-языковой смысл». Из того факта, что любое лингвокультурологическое исследование имманентно носит так или иначе сопоставительный характер [Воркачев 2005; 81], выросла еще одна специфическая

черта российской лингвокультурологии – породненность с межкультурной коммуникацией – своего рода прикладной ипостасью первой, способствующей преодолению выделенных лингвокультурологией межъязыковых и межкультурных отличий.

Предметная область российской лингвокультурологии постоянно расширяется: помимо изучения национально-языковой специфики вербализованных семантических сущностей практически любого уровня абстракции в круг её исследовательских интересов входят прецедентные феномены [Красных 2002; 42–115], лингвокультурные типажи [Карасик 2009; 176–261], модусы общения [Карасик 2010; 8–85] и лингвокультурные сюжеты [Карасик 2023; 128–234], к которым можно еще добавить и лингвокультурное исследование национальной геральдики. Как и лингвокультурология в целом российская лингвоконцептология получила свой выход в дидактику: возникла «антропологическая лингвометодика», направленная на обучение родному языку через интеграцию языка и литературы [Мишатина-Цыбулько 2016; Мишатина 2022].

В лингвокультурологии органически слились семиотика культуры, разработанная Р. Бартом, Ю. М. Лотманом, К. Леви-Строссом, У. Эко и др., центральным объектом которой выступает символ, и языкознание. Символ, получивший свое вербальное воплощение, по большому счету продолжает оставаться основным объектом внимания лингвокультурологии [Алефиренко 2016; 235], более того, символ рассматривается как базовая единица культурного кода [Маслова-Пименова 2016; 16], представляющего собой систему образов, отправляющих к вербализованным концептам культуры.

Человек, по мысли Эрнста Кассирера, – «символическое животное», среда обитания которого насыщена значимыми образами, наиболее важные из которых в социальном отношении отражены в триаде государственной/национальной символики – гимн, герб и флаг, члены которой обладают на фоне прочих символов наибольшей мобилизующей и объединяющей силой. Если в национальной гимнодии воплощается идея патриотизма в единстве своих составляющих – предметной, эмоционально-оценочной и императивно-праксеологической [Воркачев 2020; 38], то в национальной геральдике воплощена, скорее, идея государства, воплощенная в единстве семантических блоков власти, территории и населения, а также определенного числа символов, приложимых к стране герба в целом [Воркачев 2022; 135]. Как представляется, из лексического фонда естественного языка, в котором фиксируется обыденное (оно же языковое) сознание его носителей, можно извлечь семантическую структуру национальной идеи [Воркачев 2023; 5–6].

Любая геральдика, в том числе, конечно, и национальная, имеет свой язык – образную семиотическую систему, служащую для передачи социально и культурно значимой информации [Вилинбахов 2001; 14], которая может быть воспроизведена вербально с помощью естественного языка, «интерпретанта всех семиотических систем» [Бенвенист 1974; 65]. Однако в государственной геральдике (национальной и региональной) дело обстоит иначе: первичным и юридически зафиксированным выступает словесное описание герба – его блазон как вербальное представление в соответствии с определенными правилами [Похлебкин 2001; 45–50], на основании которого уже осуществляется «межсемиотический перевод» [Якобсон 1978; 17] с естественного языка на язык образов – создание различных графических вариантов герба.

Как представляется, исследование национальной геральдики по умолчанию предполагает в той или иной степени учет языка её блазонирования, и поэтому сопоставительное лингвокультурологическое описание государственной символики, воплощающей идею нации, имеет смысл проводить на материале государственных гербов стран, имевших общее совместное прошлое и общий язык межнационального общения: республик бывшего СССР, государств бывших колоний Великобритании, Франции, Испании и Португалии [Воркачев 2023].

Символы национальной геральдики по большей части принадлежат к числу мотивированных семиотических образований, у которых означаемое связано с означаемым

отношениями подобия, смежности или как-то иначе [Лотман 2000; 2400]. Специфической чертой подобных символов выступает многозначность и внеконтекстная неопределенность значения [Воркачев 2021; 7], иногда перерастающие в противоречивость [Тресиддер 1999; 5].

Толкование образной государственной символики, отражающей самосознание нации и представляющей способ её социально-политической организации, в первую очередь обусловлено культурой и языком страны герба. В то же самое время, нужно заметить, точное понимание смысла геральдических символов невозможно без знакомства с изначальным замыслом и намерениями создателя герба.

В национальной геральдике множественностью интерпретаций обладают, главным образом, единицы зоо-, фито-, реи- и хромолингвокультурных кодов, а также абстрактная, геометрическая символика. Полисемия образа здесь может быть «внутренней», синкретичной – в пределах герба одной страны, когда один и тот же символ одновременно отправляет к различным составляющим национальной идеи: территории и населению, власти и защите суверенитета или стране в целом. Она может быть также «внешней», когда одни и те же символы получают различное толкование в разных геральдических ареалах и в различных странах. Государственный герб в высшей степени идеологизированное и, соответственно, аксиологически амбивалентное образование: двуглавый орел на российском гербе для одних символ величия страны, а для других – символ уродства [Воркачев 2023: 131].

Так, «внутренняя», синкретичная полисемия геральдических образов в пределах герба одной страны просматривается в зоосимволике, когда изображения животных, отправляя к типичным представителям местной фауны, одновременно воплощают мощь страны и всяческие достоинства её жителей: лев символизирует защиту (*two lions, a symbol of protection* – Кения) и мужество народа (*Les deux jeunes lions représentent le courage du peuple togolais* – Того), а бык воплощает трудолюбие населения страны (*hard work and steadfastness* – Индия). Кондор – эндемический обитатель многих стран Латинской Америки воплощает одновременно мощь и величие страны (*simbolizando el poderío, la grandeza* – Эквадор), её свободу (*libertad* – Колумбия). Из числа фитосимволов «внутренне» многозначным выступает образ пшеничного колоса, который, означая основной продукт питания населения страны – хлеб, в пучке символизирует также единство нации.

«Внешняя», межнациональная полисемия геральдического символа встречается намного чаще полисемии «внутренней». Так, если образ «царя зверей» – льва на гербах Великобритании, Канады, Ганы, Гренады и Фиджи относится к числу символов власти, то на гербе Республики Конго он символизирует, защиту страны, а на гербе, Того, как уже говорилось, – мужество народа. Лев на гербе Чада символизирует южную часть страны (*le lion représente le sud*), на гербе Сенегала – население севера страны (*le groupe ethnique nord-soudanais*); лев на гербах Ганы и Фиджи символизирует особые отношения этих стран с Великобританией, а на гербе Свазиленда лев обозначает короля; лев на оборотной стороне герба Парагвая символизирует свободу либо отвагу: *En el centro un león en la base del símbolo de la libertad; El león representa la valentía del pueblo*. Слон выступает символом страны на гербах Кот-д'Ивуара и Республики Конго, на гербе Свазиленда он символизирует королеву-мать (*queen-mother*), на гербе Индии – восток.

Корона выступает символом королевской власти на гербах «старых» европейских стран (Бельгии, Люксембурга, Монако) и Канады, на гербе же Республики Конго она символизирует богатство тропической флоры республики, а на гербе Чили – военно-морской флот страны. Если меч на гербах Монако и Ганы символизирует власть, то на гербе Нигера – мужество населения страны (*la valeur des gens*). Если парусник на гербах Бенина и Маврикия символизирует прибытие в страну европейцев, то парусник на гербе Габона обозначает движение страны к светлomu будущему.

Пятиконечная звезда на гербе Кубы символизирует свободу, она же на гербе Чили отправляет к индейскому населению страны, а на гербе Боливии означает судьбу и

завоевание (*Es considerado como símbolo de suerte, hado, destino, conquista*), а на гербе Гренады символизирует надежду, устремления и идеалы (*hopes, aspirations and ideals*). Восходящее солнце на гербе ЮАР символизирует возрождение, знание, здравый смысл и силу воли (*It symbolises the promise of rebirth, the active faculties of reflection, knowledge, good judgement and willpower*), а на гербе Кирибати указывает на экваториальное положение страны.

Изображение круга на гербе Казахстана обозначает «жизнь и вечность», а на гербе Киргизстана – «менталитет, особенности природы, культуры и хозяйствования киргизского народа».

В национальной геральдике разных стран особенно многозначна хромосимволика. Так, красный цвет на гербе Азербайджана символизирует «развитие и демократию», а на гербе Латвии – «напоминает о жертвенной борьбе за независимость страны», на гербе Ганы – кровь, пролитую в борьбе за независимость, на гербе Кении – борьбу за свободу, а на гербе Танзании – богатую плодородную почву Африки. Зеленый цвет на гербе Азербайджана «символизирует влияние Европы на данную исламскую страну», на гербе Пакистана – ислам, на гербе Нигера означает равнины на юге и западе страны, а на гербе Кот-д’Ивуар – надежду и уверенность в лучшем будущем. Синий цвет на гербе Казахстана символизирует «мир, согласие, дружбу и единство со всеми народами», на гербе Киргизии – «храбрость и щедрость», на гербе Никарагуа – славу, героизм и самопожертвование (*la gloria, el heroísmo y el sacrificio por la libertad*), на гербе Боливии – утраченную Антофогасту, на гербе Аргентины он символизирует справедливость, истину, верность и братство (*la justicia, la verdad, la lealtad y la fraternidad*), а на гербе Венесуэлы – океан, отделяющий её от Испании. Белый цвет на гербе Азербайджана означает «спокойствие, мир», на гербе Латвии – «свободу, народное достоинство и справедливое государственное устройство», на гербе Доминиканы – мир и согласие на земле страны (*El blanco expresa paz y unión entre los dominicanos*), на гербе Нигера – надежду, на гербовом щите Ботсваны – пески пустыни Калахари, а на гербе Пакистана – чистоту. Оранжевый цвет на гербе Нигера означает пустыню Сахару на севере страны, а на гербе Кот-д’Ивуар он символизирует богатство земли и смысл борьбы за независимость. Черный цвет щита на гербе Нигерии означает плодородную почву (*the black shield represents Nigeria’s fertile soil*), а на гербе Кении он символизирует население страны.

Итак.

Российская лингвокультурология представляет собой, как и антропологическая лингвистика, от которой она «отпочковалась», результат общего антропоцентрического разворота парадигмы гуманитарного знания. Свое распространение лингвокультурология получила помимо России в части постсоветских республик, сочувственно к ней относятся в Китае, однако в сегодняшней западноевропейской лингвистике лингвокультурная тематика практически табуируется. При всем своем «родстве» с антропологической лингвистикой российская лингвокультурология получила свои собственные отличительные черты: свою терминосистему с базовым термином «(лингво)культурный концепт», свою ипостась – лингвокультурную концептологию и свой «прикладной вариант» – межкультурную коммуникацию. Её предметная область постоянно расширяется: помимо изучения национально-языковой специфики лингвокультурных концептов в круг её исследовательских интересов входят прецедентные феномены, лингвокультурные типажи, модусы общения, лингвокультурные сюжеты и пр. В лингвокультурологии органически слились семиотика культуры, центральным объектом которой выступает символ, и языкознание.

Наиболее значимые в социальном отношении символы отражены в триаде гимн, герб и флаг, члены которой обладают на фоне прочих символов наибольшей мобилизующей и объединяющей силой. В национальной геральдике в единстве семантических блоков власти, территории и населения и определенного числа символов, приложимых к стране герба в

целом воплощается идея государства, семантическую структуру которой можно извлечь из лексического фонда естественного языка.

В государственной геральдике первичным и юридически зафиксированным выступает словесное описание герба – его блазон как вербальное представление, на основании которого уже осуществляется «межсемиотический перевод» с естественного языка на язык образов – создание различных графических вариантов герба. Исследование национальной геральдики предполагает в той или иной степени учет языка её блазонирования, и поэтому сопоставительное лингвокультурологическое описание государственной символики необходимо проводить на материале государственных гербов стран, имевших общее совместное прошлое и общий язык межнационального общения.

Символы национальной геральдики по большей части принадлежат к числу мотивированных семиотических образований, у которых означающее связано с означаемым отношениями подобия, смежности или как-то иначе, и специфической чертой подобных символов выступает многозначность и внеконтекстная неопределенность значения. Полисемия образа в национальной геральдике может быть «внутренней», синкретичной – в пределах герба одной страны, она может быть также «внешней», когда одни и те же символы получают различное толкование в разных геральдических ареалах и в различных странах. «Внутренняя», синкретичная полисемия геральдических образов в пределах герба одной страны просматривается в зоосимволике, когда изображения животных и растений, отправляя к типичным представителям местной фауны, одновременно воплощают особенности страны и достоинства её жителей. «Внешняя», полисемия геральдического символа, когда последний на гербах разных стран получает различное толкование, встречается намного чаще полисемии «внутренней».

Литература

Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка [Электронный ресурс]. – М.: Флинта, 2016. – 288 с.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 497 с.

Вилинбахов Г. В. Понятие геральдики // Серия «Мыслители», *Miscellanea humanitaria philosophiae*: Очерки по философии и культуре. Выпуск 5 / К 60-летию профессора Юрия Никифоровича Солонина. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 14–24.

Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // *Филологические науки*. – 2001. – № 1. – С. 64–72.

Воркачев С. Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели // *Филологические науки*. – 2005. – № 4. – С. 76–83.

Воркачев С. Г. Лингвокультурная концептология и ее терминосистема (продолжение дискуссии) // *Политическая лингвистика*. – 2014. – № 3(49). – С. 10–18.

Воркачев С. Г. *Ex pluribus unum*: лингвокультурный концепт как синтезное образование // *Вестник РУДН. Серия лингвистика*. – 2016. – Т. 20. – С. 17–30.

Воркачев С. Г. Национальный гимн как жанр патриотического дискурса // *Жанры речи*. – 2020. – № 1 (25). – С. 36–43. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-125-36-43>

Воркачев С. Г. Семиотика символа по данным российского научного дискурса // *Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*. – 2021. – Т. 7, № 3. – С. 3-14. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-1>

Воркачев С. Г. Вербализация символа: блазонирование в государственной геральдике постсоветских республик // *Жанры речи*. – 2022. – Т. 17, № 2 (34). – С. 133–139. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-133-139>

Воркачев С. Г. В чаще символов: образ в языке и культуре. – М.: Флинта, 2023. – 264 с.

Воробьев В. В. Лингвокультурология: (теория и методы). – М.: РУДН, 1997. – 331 с.

Евсюкова, Т., Бутенко Е. Ю. Лингвокультурология: учебник. – М.: Флинта, 2022. – 480 с.

Зиновьева Е. И. Лингвокультурология: от теории к практике: учебник. – СПб.: СПбГУ; Нестор-История, 2016. – 182 с.

Карасик В. И. Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.

Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. – М.: Гнозис, 2010. – 351 с.

Карасик В. И. Языковая матрица культуры. – М.: Гнозис, 2013. – 320 с.

- Карасик В. И.* Языковое преобразование реальности. – М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2023. – 500 с.
- Колесов В. В.* «Жизнь происходит от слова...». – СПб.: Златоуст, 1999. – 368 с.
- Красных, В. В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002. – 282 с.
- Куссе Х.* Культуроведческая лингвистика / пер. с нем. М. Новоселовой. – М.: Гнозис, 2021. – 378 с.
- Лотман Ю. М.* Семносфера. – СПб.: Искусство–СПб, 2000. – 704 с.
- Маслова В. А.* Лингвокультурология: учебное пособие. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
- Маслова В. А., Пименова М. В.* Коды лингвокультуры. – М.: Флинта-Наука, 2016. – 180 с.
- Мишатица Н. Л., Цыбулько И. П.* Антропологическая лингвометодика: в поисках смысла, содержания и оценивания. – М.: Национальное образование, 2016. – 232 с.
- Мишатица Н. Л.* Методическая лингвоконцептология: новые идеи и антропопрактики. – СПб.: Книжный дом, 2022. – 304 с.
- От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности»: сборник статей. – СПб.: Антология, 2013. – 352 с.
- Похлебкин В. В.* Словарь международной символики и эмблематики. – М.: Международные отношения, 2001. – 560 с.
- Сабитова З. К.* Лингвокультурология: учебник. – М.: Флинта, 2013. – 524 с.
- Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
- Тресиддер Дж.* Словарь символов. – М.: Гранд : ФАИР-Пресс, 1999. – 443 с.
- Хроленко А. Т.* Основы лингвокультурологии: учебное пособие. – М.: Флинта-Наука, 2004. – 184 с.
- Якобсон Р.* О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 16–24.

ВЫХОДЦЕВА И.С., ЛЮБЕЗНОВА Н.В.
ФГБОУ ВО Вавиловский университет

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА СОВЕТСКОЙ СЛОВЕСНОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ

Статья посвящена анализу концептосферы советской словесной культуры (далее ССК), которая несмотря на имеющиеся исследования, изучена недостаточно. Ее семантическая основа – концептосфера – исследована фрагментарно и бессистемно. В то же время филологическое описание советской концептосферы имеет не только историко-лингвистическое значение, оно необходимо для адекватного изучения современной речевой практики.

Ключевые слова: концептосфера, концепт, ключевые слова, советская словесная культура

ССК - это «общие принципы и закономерности «языковой жизни» советского общества». Различные аспекты ССК изучаются со времени ее возникновения, особенно много сделано в постсоветские годы, но, несмотря на множество посвященных ей работ, в том числе и фундаментальных, ССК изучена недостаточно и несколько односторонне [Романенко 2001].

Разделение мира на «свое» и «чужое» - одно из главных противопоставлений, пронизывающих все культурные модели общества, поэтому концепт «свой-чужой» является центральным для советской словесной концептосферы.

В ССК семантика концепта «свой - чужой» трансформируется: разделение на «своих» и «чужих» пропитывается и наполняется идеологическим содержанием. Среди «своих» маскируются «чужие»: и в родной семье, и среди близких друзей и однопартийцев. Среди «чужих», опаснее и сильнее внутренние враги, бывшие «свои». Это новое идеологическое содержание делает анализируемый концепт центральным, базовым в советской концептосфере.

Концепт «свой - чужой» был проанализирован по следующим жанрам ССК: газета «Правда», документ, художественная литература (поэзия и проза) и др.

Методом сплошной выборки из данного материала было отобрано 4100 словоупотреблений, из которых 2991 (72%) словосочетаний с оценкой «свой», 1109 (28%) – «чужой».

В ССК ключевые слова данного концепта можно представить следующим образом:

Таблица 1

Свой 2991 (72%)	Чужой 1109 (28%)
Товарищ 805 – 27%	Враг 822 –74% Враг 1 354-43% Враг 2 328 -40% Враг 3 140-16%
Рабочий/пролетариат 726 – 24%	Чужой 163 - 15%
Крестьянство 265 - 9%	Прочие 124 –11%
Свой 225 – 7%	
Родной 75 – 2%	
Красные, красноармеец 34 – 1%	
Мы 22 – 1%	
Командир 14 – 1%	
Герой 12 – 1%	
Прочие 813 – 27%	

Охарактеризуем самые употребительные в группе «свой» лексемы. *Товарищ* – символ «своего» человека в Советской России. Оно употребляется в текстах со следующими определениями: *боевой, достойный, партийный, родной, свой, дорогой, наш, лучший и т.д.* Например: «Многие комсомольские комитеты отказываются от вовлечения комсомольцев в партию, уклоняются от выдачи рекомендаций, тем самым лишают возможности **достойных товарищей** вступить в партию» [Правда 1927 № 179]. Сочетаемость с этими определениями подчеркивает положительный характер восприятия данного слова в сознании советских людей. Ключевое слово *товарищ* представляет собой символ дружбы и взаимопомощи, объединяет, вдохновляет идти на смертный бой с любым врагом Советской власти.

Следующее по частотности ключевое слово *рабочий/ пролетариат*. *Рабочий* – представитель господствующего класса в советском обществе: «**Рабочий**, как основной представитель **рабочего класса**, держит в своих руках власть» [Правда 1924 № 2]. Труд во благо родины, почетное занятие каждого советского гражданина. Солидарность, исполнительность, трудолюбие, честность, преданность своему делу, готовность пожертвовать собой – вот основные качества рабочего.

Для полной победы социализма необходимо укреплять союз *рабочего класса и крестьянства*: «...только опираясь на рычаги пролетарского руководства **крестьянством, рабочий класс** сможет систематически укреплять доверие **крестьянства** к диктатуре **пролетариата**, тем самым будет расти и крепнуть союз **рабочего класса с крестьянством** для победы социализма» [ВКП (б) 1932; 114].

Если герои Красной Армии уничтожают врага на войне, то в мирной жизни их поддерживают рабочие, так как *врагов* много и они могут быть везде: «Красная Армия – Красный еж – Железная сила **содружья Рабочий** на фабрике, куй, как куешь, Деникина день сосчитан!» [Маяковский 1970; 168].

«Железная сила содружья» *рабочего и героя-бойца* Красной армии делает советский народ непобедимым и готовым противостоять любой вражьей силе.

Рабочий является символом социалистического строя, основным представителем господствующего класса, борющегося с бюрократизмом в советском обществе. Эта лексема широко употребляется в данном материале и вносит исключительно положительную оценку в образ «своего» в ССК.

В ССК *пролетариат/рабочий* и *крестьянство* обозначают единую силу, основу нового социалистического общества.

В группе «чужой» самой употребительной лексемой является слово *враг*.

В различных жанрах советской словесности *враг* выступает как грозный, сильный противник: *враг подлый, злейший, заклятый, страшный, опаснейший, смертельный*: «Народ наш беспощаден к своим врагам. Мы очищаем советскую землю от злейших врагов народа – **троцкистско-бухаринских фашистских шпионов, диверсантов и вредителей**» [Правда 1928 № 8]. Но каким бы страшным ни был враг, он все равно будет *повержен, разбит, уничтожен, сломлен* сокрушительной силой всего советского народа: «Советский Союз не только будет бить, но и **вдребезги разбивать своих врагов**. Будет бить и уничтожат своих врагов сокрушительной силой своей Красной Армии, силой своей экономики, своей культуры» [Правда 1926 № 34].

Товарищ и враг - основные противники в Советской России: «Пусть радуются **товарищи наши**, те, которые стонут под ярмом капитализма. Пусть знают **враги**, что АМО – не последний, а первый, в очереди гигантов, которые **мы** будем строить» [Правда 1929 № 272].

При характеристике состава врагов воспользуемся классификацией, предложенной А.М. Селищевым: «**Три врага у русских коммунистов: активные представители других социалистических и демократических партий** – «соглашатели», **русская эмиграция и дипломатия других государств**. [Селищев 1928; 83]. Представим наименования врагов по указанным группам.

Враг 1 («соглашатели»): *провокаторы; меньшевики; эсеры; противники рабочего класса; хулиганы; товарищи, ослепленные фракционностью; товарищи, теряющие связь с партийной линией; господа прогрессисты и др.* Например: «Разбитые в Питере и в Москве, **эсеры** кинулись в черноземные губернии, поближе к «своим людям» - крестьянам-казакам и добровольцам» [Правда 1922 № 144].

Враг 2 (русская эмиграция): *белогвардейская сволочь; белогвардейские варвары; бывшие хозяева; русские капиталисты и помещики; буржуазия; генералы и др.* Например: «Рабочему классу необходимо зорко следить за всякими выступлениями **буржуазии и всякой белогвардейской сволочи**, оценивать их с точки зрения степени вреда для своего движения и соответственно тому принимать свои меры» [ВКП (б) 1932; 224].

Враг 3 (дипломатия других государств): *империалистическая псы; французская бюрократия; империалистическая цепь; польские империалисты; французский капитал; капиталисты и др.*: «Звено за звеном распадается вокруг нас **империалистическая цепь**. Товарищи! Не дайте ей сомкнуться вновь! Молотом и винтовкой, в борьбе против разрухи и **баронской армии направленной против буржуазных капиталистов**» [ВКП (б) 1932; 474].

Если сравнить количественные данные употреблений ключевых слов, то мы видим, что употребление лексемы «*враг*» в пять раз превышает следующую за ней лексему «*чужой*». Для обозначения *врага* в текстах могут использоваться его синонимы: *противник, неприятель, недруг* (эти слова также обладают обобщенной семантикой). Например: «В двадцатых числа апреля, в пасхальные дни, произошли первые встречи с **противником**» [Бабель 1996; 189].

Проанализировав данный материал, можно выстроить внутри концепта «*свой-чужой*» в ССК следующие антонимические пары ключевых слов:

товарищ - враг

свой – чужой

красный - белый

командир – офицер

рабочий - буржуй

Эти антонимические пары подчеркивают полярность мира «*своих*» и «*чужих*» на всех уровнях: на самом обобщенном уровне находится пара «*товарищ-враг*», на уровне основной

массы двух военных армий «красные-белые»; на уровне предводителей этих армий «командир - офицер», а в мирной жизни «рабочий – буржуй». Это противостояние ключевых слов четко выражено в следующей фразе: «**Казачьи офицеры белогвардейцев, командиры красных солдат, надрываясь бегали с револьверами, на громадном расстоянии ворочался невиданный человеческий клубок своих и чужих**» [Серафимович 1970; 435].

Литература

1. Бабель И.Э. Избранное. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1996. – 358с.
2. ВКП (б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК(1898-1932). – М.: Правда, 1933. – 832с.
3. Лирика-20-х г. – М.: Советский писатель, 1975. – 685с.
4. Маяковский В.В. Избранные произведения в 3-х томах. – М.: «Художественная литература», 1970.
5. Романенко А.П. Советская словесная культура: Образ ратора. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000 – 212 с.
6. Селищев А.М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917 – 1926). – М.: Пламя, 1928. – 248с.
7. Серафимович А.С. Железный поток. – Пермь: Пермское книж.изд-во, 1970. – 258 с.
8. Фурманов Д.А. Чапаев. – Пермь: Пермское книж.изд-во, 1970. – 186 с.

ГАБДРЕЕВА Н.В.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ЛАКУНАРНОСТЬ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Статья посвящена проблеме лакунарности с позиций культурологии. Рассматриваются основные процессы и факторы, обуславливающие появление так называемых лакун в языке в сопоставительном аспекте.

Ключевые слова: язык, культура, лингвокультурология, лакунарность.

Как отмечает В.В. Воробьев, “лингвокультурология безусловно ставит своей центральной задачей рассмотрение языка, культуры, личности во взаимосвязи” [Воробьев 2023; 17]. Лингвокультурология по природе своей является изначально смежной со многими науками: лингвистикой, страноведением, сопоставительным языкознанием, семиотикой, переводоведением.

Проблема, о которой пойдет речь, сегодня является одной из самых обсуждаемых, поскольку цели сопоставительной лингвистики со времен создания сравнительно-исторического метода практически не изменились: на материале самых разных источников определить общие и специфические свойства языковых систем и культур. Так появились работы, связанные с изучением лакунарности с точки зрения психологии, философии и лингвистики. Известно, что каждый этнос членит окружающую действительность неодинаково, выделяет в качестве внутренней формы номинации характеристики или признаки, которые определяются функциональной значимостью.

Однако очевидно, что ограничивать анализ существующей проблемы исключительно лингвистическим не будет правильным, поскольку феноменология лакунарности связана со многими базовыми понятиями именно лингвокультурологии: фоновые знания, этнокультурная сема, лингвокультурема, культурный фон, культурные концепты, культурные коннотации и др.

Материалом для изучения являются переводы, записки путешественников, данные словарей, собственно все то, что позволяет выявить специфические данные одного языка и культуры по отношению к другому.

Лакунарность определяется многими факторами. Во-первых, изучать это явление вне времени и пространства, то есть теоретически, не представляется возможным, поскольку выявляется оно посредством сопоставления двух культур и языков, то есть векторно. Иначе говоря, если в языке А существует понятие, которое обозначается лексически, чаще всего при помощи одного слова (по терминологии Л.Л. Кутиной, однослова), а в языке Б такового нет, можно говорить о лакунарности. Предметом может быть как лексическая единица, так и грамматическая форма или категория, фоновые и коннотативные характеристики.

Наиболее явно проблема может быть описана на уровне лексикологии, поскольку связана с номинацией предметов, явлений, характеристик.

1. Так одинаковые предметы называются в разных культурах по-разному, поскольку выбор внутренней формы не совпадает и отражает культурные предпочтения. Например, в русском языке существуют разные сорта граната, которые на бытовом уровне различаются по цвету плодов: розовые и бордовые. В национальном русском языке в Узбекистане в основу положено время созревания, так розовые гранаты называются *сентябринки*, *октябринки*, а бордовые – *ноябринки*. Другой пример. В итальянском языке женская обувь без каблука носит название *ballerine* (то есть балеринки), в русском языке – *балетки*. Очевидно, что в основу выбран различный признак обозначения.

2. Слова, которые обозначают специфические для каждой культуры понятия, наиболее ярко иллюстрируют принцип лакунарности. Как правило, способ их презентации в другой системе представляет собой либо заимствования, либо гипероним (гипоним). Например, названия узбекских шелковых тканей *хан-атлас*, *икат* и *адрас* различаются по соотношению шелка и хлопка, наличию определенных цветов, технологии изготовления. Однако в русском языке обычно используется гипероним *узбекский шелк*, который сохраняет этнокультурную сему, однако деннотативные нюансы при этом нивелируются.

При элиминации лакуны в другом языке разными средствами (заимствование, описание, различные лексические субституции) наблюдается процесс деэтимологизации, поскольку словообразовательные связи в пределах одной языковой системы теряются. Так в 18 веке названия французских предметов с так называемым этнокомпонентом заменялось в русских переводах на более известные или частотные, иными словами, можно констатировать потерю этнокультурной семы: еси заменялся талером, *ragout* – щами, *cabinet* – комнатой, *cabaret* – трактиром, *chevalier* – господином, *reverence* – приседанием и т.д. Наиболее частотные глоссы и лексические соответствия в 18 и 19 вв. описаны нами в ранних работах [Габдреева 2011]). Интересным направлением является рассмотрение преимущественных для каждого периода способов заполнения лакун, от явных пропусков в более ранние периоды до поиска точных эквивалентов.

Фоновые знания, как правило теряются при переводе имен собственных. Так, например, произведения французских произведений П.О. Бомарше и Вольтера содержат так называемые имена-этикетки, которые в переводах 18 века пытались сохранить при помощи калькирования: *Грабь-Солнце*, *Сугуборукий*, *Простодушный* и др. [Габдреева 2011]. Однако в более поздних переводах сохраняются французские имена, при этом словообразовательные связи теряются, говорящие фамилии исчезают: *Дубльмен*, *секретарь суда*, *Грипсолейль*, *пастушок*, *Кандид*.

Без сомнения, явление лакунарности можно рассматривать не только на лексическом но и на грамматическом, стилистическом уровне. При этом мы должны констатировать, что при несовпадении способов номинации действительности в разных системах не существует того, чего язык не сумел бы описать.

Литература

1. Воробьев В.В., Василюк И.П., Парамонов Д.А., Шмелькова В.В. Прикладная лингвокультурология: слово и образ жизни русского народа: учебное пособие. - Изд. 2-е испр. – М.: РУДН, 2023.– 409 с.
2. Габдреева Н.В. История французской лексики в русских разновременных переводах. Изд. 2-е, испр. и доп. – М. URSS, 2011. – 304 с.

АДАПТАЦИЯ СОСЛОВНЫХ ТЕРМИНОВ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ЛЕКСИЧЕСКОГО ФОНА И ИДИОМАТИКИ ЛЕКСЕМЫ «ГРАФ»)

Статья посвящена описанию места и роли иноязычных титулов в русской лексике на примере лексемы граф. Автор анализирует изменения значений этого слова в лексикографии на протяжении трёх веков, иллюстрируя примерами из литературы и фразеологии. Особое внимание уделяется социолингвистическому аспекту использования этого титула, а именно – частотность и продуктивность данного титула в жаргоне русского языка и стилистический вариант лексемы во множественном числе (*графья*).

Ключевые слова: титулы, наименования лиц, соционимы, фразеология, лингвокультурология, концептосфера.

При изучении происхождения и функционирования наименований лиц по сословному признаку «открывается возможность рассмотреть как общие, так и специфические характеристики поведения людей, говорящих на определенном языке и соответственно разделяющих систему оценочных норм определенного общества» [Карасик 2002]. Декодирование таких символов заставляет апеллировать к знанию этических и эстетических норм, связанных с «образным освоением мира, с народными представлениями, закрепленными в национальном сознании, с типовыми историко-культурными ситуациями, обобщающими жизненный опыт народа – носителя языка» [Караулов 1999].

Такие нормы и характеристики подвержены диахроническим изменениям, которые отражают изменение ментальности народа и обусловлены историческими причинами [Шаклеин 2004].

Весьма наглядно положения В.И. Карасика и Ю.Н. Караулова и В.М. Шаклеина иллюстрируются теми метаморфозами, которые претерпела лексема *граф* в семантическом плане за весь период её существования.

Титул *граф* возник в IV в. в Римской империи и первоначально присваивался высшим сановникам: *comes sacrarum largitionum* – «главный казначей». Согласно Немецкому словарю братьев Гримм, впервые лексема *граф* встречается в IX в. в латинских рукописях в формах *grafio*, *graphio* [Grimm, Grimm 1854—1960], и, скорее всего, латинское слово *Graf* происходит из греческого глагола *graphein* («писать»).

М.Фасмер [СФ] объясняет происхождение русского слова *граф* из немецкого *graf*, восходящего к западногерманскому **g(a)rēhjon*, от которого также произошли древнефризское *grēva*, древнеисландское *greifi*, средне немецкое *grêve*.

В России графский титул введен Петром Великим, желавшим реформировать российское государство. До этого года все упоминания данного титула относились к дворянам, получившим этот титул от императора Священной Римской Империи (Ф.А. Головин, А.Д. Меншиков и др.) или к европейским дворянам: *ратуши, где бурмистры и граф и судьи за всякими росправными делы сидят* (П. Потемкин). Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru) (далее – НКРЯ).

В САР XVIII в. в дефиниции лексемы *граф* «у нас означает дворянина от государя сим титулом отличнаго» даётся прямое указание на источник возможного получения титула *графа* – личное пожалование правителя. В отличие от дворянского титула, который можно получить добившись усердной службой до определённого класса табели о рангах, *графский* титул, как правило, жаловался за исключительные успехи в своём деле. Графский титул считался одним из наиболее высоких: не любой *дворянин* или *помещик* обладал этим

титолом. Быть *графом* в России считалось почётнее, чем *бароном*, но этот титул уступал *княжескому* и, естественно, *великокняжескому* [Ключевский 1914].

Если подытожить все данные о монархической Европе и Российской Империи, можно попробовать ответить на два вопроса: что сближает и что отличает титулы *граф* в России и за границей? В России *граф* – это изначально титул высшего дворянства. Никакой должностной семантики у этого титула не существовало. *Граф* мог обладать собственной землёй, но Российская Империя, в отличие от европейских государств, не делилась на графства и на всей её территории была единая власть *самодержца*. К концу монархии титулом *графа* мог обладать не только крупный землевладелец, но любой, кого правитель считал нужным отметить.

В литературе романтизма титул *граф* выполнял определённую функцию для создания образа «исключительного» персонажа. Подобными титулами в приключенческих романах обладают и герой *граф* Монте-Кристо, и антигерой *граф* Дракула, даже в одноимённом пушкинском «блестящим и остроумным анекдоте в стихах» главный герой – *граф* Нулин.

Если проанализировать тенденции в определении лексемы *граф* в лексикографии первого десятилетия XX в. и сравнить их с дефинициями советских словарей, то можно заметить некоторые факты, подтверждающие зависимость полноты отражения значения от его актуальности в языке.

Учитывая известное отношение нового режима к дворянскому сословию, оснований о предоставлении какого-либо места старой элите в новой стране говорить не приходится. Судя по данным словарей, в течение столетия дефиниции лексемы *граф* менялись сначала ввиду актуальности, а позже ввиду ревизии социальной аксиологии после свержения советской власти.

В начале XX в. заимствование *граф* объяснялось при помощи двух дефиниций: титул *граф* в Средневековье («первоначально название должностного лица во Франкском государстве и в Англии» [СИС], «в средние века, в Западной Европе так называемые старейшины областей, производившие уголовный суд и обязанные, в случае войны, приводить отряд войска» [ЧудСИС]), и в России и современной Европе («даруемый государями дворянам за особенные государственные заслуги» [СИС], «теперь граф – титул высшего дворянства, не дающий никаких особенных прав» [ЧудСИС]).

После революции актуальность понимания значения слова *граф* в обществе исчезла: *графов* официально в СССР не было. Поэтому в СУ с пометкой «дорев.» и «загр.» объясняется довольно просто двойное значение слова *граф*: «наследственный дворянский титул, средний между князем и бароном», и «лицо, носящее этот титул». Аналогичные определения даны в МАС и СО. Историческое значение, а также указания наименования «сиятельный» уже не приводятся, хотя эти два факта были непременными атрибутами того или иного словарного определения слова *граф* до 1917 г. Также в советской лексикографии отсутствуют примеры словоупотребления слова *граф*, возможно, как неактуальные.

В новой России к старому определению слова *граф* – «дворянский титул выше баронского; лицо, носящее этот титул», прибавляются примеры «*графский* титул, *графские* земли» [СК]. В дефиниции следующего по хронологии СЕ, вышедшего через 2 года после СК, добавляется обстоятельство «в некоторых странах Западной Европы и в Российском государстве до 1917 г.» и утраченное ранее старое, историческое значение слова *граф*: «должностное лицо, наделённое судебной, административной и военной властью (в Западной Европе в эпоху раннего Средневековья)». А в словаре, выпущенном ещё через 3 года, к определению добавляется характеристика частотности словоупотребления слова *граф*: «употр. часто» [СД]. В современном мире графский титул продолжает сохраняться в большинстве стран Европы с монархической формой правления: *греческий граф* («Звезда») [НКРЯ].

В русской фразеологии лексема *граф* часто служит для создания ироничного и шуточного наименования того или иного лица, которого по какой-либо причине необходимо высмеять в поговорке. Например, *вишвыми графами* в жаргоне называют нерях, *графом Монте-Кристо* в армии-шутливо кладовщика, *граф Вертибутылкин* на лагерном жаргоне – презрительно-ироническая кличка неавторитетного, спившегося и опустившегося заключённого, а *граф Картошкин* на том же лагерном жаргоне шуточно-ироническое наименование кладовщика овощехранилища.

Устаревшее шуточно-ироническое выражение *служить у графа Ветрова* означает – быть безработным, сидеть без работы, а выражение *служить у графа Панельского* в уголовном жаргоне означает заниматься проституцией и нищенствовать [БСПП].

Также среди текстов НКРЯ была обнаружена лексема, представляющая собой просторечный, стилистически сниженный вариант множественного числа слова *граф* – *графья* (вместо *графы*). Данная лексема не обнаружена ни в одном лексикографическом источнике, несмотря на то, что она достаточно ярко реализована в художественной литературе: *не графья, пешком дойдете!* (Б. Гриценко). Возможно, данное слово появилось в языке под влиянием аналогии множественного числа от существительного, обозначающего другой высокий дворянский титул – *из-за любви-то, мне, перед которой теперь князь да графья спину гнут ...* (Н. Гейнце) [НКРЯ]. Так, по аналогии с выражениями в *графьях* (как в *князьях*), в *графья* (как в *князья*) и появился несвойственный основе на твёрдый согласный словоизменяемый формант *-(а)*, прежде встречавшийся у существительного с основой на *-j-* князь: «*графьё, князьё да бароньё*» (А. Амфитеатров) [НКРЯ].

Трудно сказать, следует ли считать данную лексему нетипичным вариантом падежно-числовой парадигмы существительного *князь*, а саму парадигму при этом – избыточной, или отнести это явление к дериватам. Единственное, что на данный момент удаётся описать – это ярко выраженную стилистическую окраску слова. Как правило, оно носит просторечный характер: *(прямо в графья попал!* (А. Кошко), а в современности зачастую обладает негативной коннотацией: *какие-то дворянские собрания с новыми графьями Сададьскими, Киркоровыми, стоны по прекрасному и далекому прошлому, по России, которую потеряли и которой вообще-то никогда не было в том смысле, который представляется Говорухину* (М.Козаков) [НКРЯ].

Так же, как и исконно русское *князь* [Галеев 2013], заимствованное *граф* за историю своего существования в языке-источнике (*князь* – в старославянском и древнерусском, *граф* – латинском и древнегерманском) претерпел семантический переход от значения «должность правителя (*князь*)/полномочного представителя (*граф*)» до значения «высокий дворянский титул».

В литературе романтизма титул *граф* выполнял определённую функцию для создания образа «исключительного» персонажа. *Барон* и *князь* часто употреблялись в литературе реализма. Лексемы *аристократ* и *феодал* использовались чаще в научных работах по истории и философии.

Литература

Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch. [Электронный ресурс] // URL: <http://woerterbuchnetz.de/DWB/>, (дата обращения: 30.09.2023).

Галеев Т.И. Функциональные особенности лексемы «князь» // Вестник Чувашского университета, №1, 2013. С. 143-147

Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002.

Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. Сб. ст. / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: Изд-во Ин-та рус. яз. РАН, 2000. С. 191–206.

Ключевский В.О. История сословий в России: курс, чит. в Моск. ун-те в 1886 г. Изд. 2-е. Т. XVI. М.: Типография П.П. Рябушинского, 1914.

Шаклеин В.М. Историческая динамика концептосферы русского языка // Гуманитарные исследования. Астрахань: Изд-во Астраханск. ун-та, 2004. N 3(II). С. 65–69.

Условные сокращения:

МАС – Малый академический словарь / под ред. А.П. Евгеньевой. Т 1–4. М.: Ин-т рус. яз. АН СССР, 1957 – 1984.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. 2003—2023. Доступен по адресу: ruscorgpora.ru (дата обращения: 30.09.2023).

САР XVIII в. – Словарь Академии Российской. СПб.: Имп. Акад. наук, 1789.

СД – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М.: Русс. яз., 1989–1991.

СЕ – Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / под ред. Т.Ф. Ефремовой М.: Рус. яз., 2000.

СИС – Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / сост. Ф.Ф. Павленков. [Б.м.]: [б.и.], 1907.

СК – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 1998.

СО – Толковый словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. Т. 1–4. М.: Азъ, 1992.

СУ – Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т Советская энциклопедия; ОГИЗ – Т. 1; Гос. изд-во иностранных и национальных словарей – Т. 2–4, 1935–1940.

ГАТИНА А.Э.

Кыргызско-Российский Славянский университет

НОРМЫ ЯЗЫКА И НОРМЫ СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье сделана попытка определить, какие нормы языка, узуса и употребления в индивидуальной речи *состоят в связке* с нормами современного коммуникативного поведения. Сквозная идея статьи заключается в том, что в воспитательных целях следует популяризировать и демонстрировать в обучении лучшие практики публичной коммуникации как образцы речи, вошедшие в норму современного коммуникативного взаимодействия в обществе.

Ключевые слова: речевые жанры, коммуникативная компетенция, нормы публичной речи, этикетное речевое поведение, усвоение языка

Известно, что все нормы языка складываются в практике речи, закрепляются в узусе и становятся обязательными в языковой структуре.

Речевые практики изменяются в динамике жизнедеятельности сообществ. Что войдет сегодня в нормы языка и нормы современной коммуникации? Во многом этот процесс стихийный, но тем не менее ситуация поддается регулированию, благодаря культивированию ценностных приоритетов, одобренных волей говорящих, и воспитанию вкуса¹.

Что культивировать и что ограничивать в учебном контенте, с учетом цифровой доступности безграничного массива разнообразных форм коммуникации в разных сферах речевого общения? Этими вопросами непременно задается педагог, приходя в аудиторию к школьникам или студентам.

К.Д. Ушинский говорил о том, что в воспитании и педагогике надо учитывать соразмерность физиологического и душевого развития ребенка и его духовного роста [Ушинский-1968].

Сегодня мы наблюдаем, как современные дети взрослеют не по годам, они участвуют в масштабных амбициозных проектах - научных, социальных и медийных творческих проектах. Активное коммуникативное поведение современной молодежи влияет на

¹ Субъективность нормы В.И. Беликов связывает с тем, что норма зависит от предпочтений кодификаторов, (в статье «Стереотипы в понимании литературной нормы»). Нам интересно отметить другой момент, связанный с формированием нормы субъектами в речевой практике общения/узусе. [Беликов-2009; 357-377]

предпочтения в социуме. Лучшие речевые и поведенческие практики, реализуемые в пространстве современной общественной коммуникации, следует **популяризировать, демонстрировать в обучении** в воспитательных целях (в качестве примера можно назвать телевизионный проект на канале ОРТ - «Голос. Дети/Уже не дети»).

В чем состоит проблема современной коммуникации? ¹

Маршалл Маклюэн очень точно охарактеризовал современный мир как «глобальную деревню» [Маклюэн-2012].

Действительно, благодаря глобальной информационной сети мы наблюдаем у молодежи эклектизм в выборе различных ценностей, отход от национально-обусловленных норм поведения и речи, широкое распространение и присвоение непривычных инокультурных образов, пришедших через интернет.

Очевидно, что вкусы современного молодого поколения и формы коммуникативно-речевого поведения молодых людей получают признание и одобрительные оценки со стороны большинства, закрепляются в узусе и рече-поведенческих тактиках². Например, в современном русском языке всем известны из речи молодежи закрепившиеся в узусе сленгизмы (чаще это оценочная лексика и лексика, обозначающая активные действия: *классный, крутой, мощно, круто, скинуть номер/сообщение, глючит (о гаджете), ок, заскринить, кринж³, тренды, мейнстрим* и проч. англицизмы и т.д.).

Однако воспитание чувств и воспитание вкуса лежит на плечах старшего поколения, которое призвано выступать поборником социально значимых традиций в коммуникации и должно демонстрировать образцы красивой речи, высокой морали и нравственных образов. К слову, трансляторы речевой культуры посредством СМИ (ТВ-журналисты и др.) тоже должны выработать в себе внутреннего цензора, который помогал бы прислушиваться к классическим ценностям, чтобы через свою публичную речь сохранять связь времен между молодым и старшим поколениями в социуме.

Воспитание у коммуникативной личности нравственных качеств (*порядочность, достоинство, сочувствие, доброта, воля и др. свойства личности*) через язык остается также и главной задачей педагога⁴ (преподавателя-языковеда, учителя русского языка и литературы).

Прививая нормы хорошей речи и нравственного поведения в коммуникации преподаватель русского языка (или учитель русского языка и литературы в школе) через

¹ Московская Л.Н. говорит о необходимости обучения мультикоммуникативной грамотности. [Московская-2014]

² «Рече-поведенческая тактика - это однородная по интенции и реализации линия поведения коммуниканта, входящая в его усилия ради достижения стратегического перлокутивного эффекта вычленяется по признаку одного-единственного смысла...представляет собой конденсированный интегральный смысл-интенцию» [Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Речеповеденческое исследование притчи Пушкина о блудной дочери// Гагина А.Э. Коммуникативный практикум-2019;149-150]

³ *От англ. to cringe «стесняться; смущаться; испытывать неловкость».*

неол., мол. *чувство стыда за чьи-либо действия*

◆ Многие пользователи соцсетей описали онлайн-конференцию банка как «кринж» — то есть странное действие, от которого не то коробит, не то возникает чувство «испанского стыда». «Сбербанк показал новый логотип, название и сервисы. Соцсети шутят» // «Русская служба BBC News», 24 сентября 2020 г.

◆ Абсолютное большинство подобных фильмов являются настолько предсказуемыми, что вместо чувства страха, они лишь вызывают чувство кринжа. С. С. Гетманец «Маргинальное чтение для элиты всех сортов»- 2020 [Google Книги]

неол., мол. *то, что вызывает это чувство*

◆ Ловите кринж месяца, если не года: «Пятёрочка» продвигает соблюдение антиковидных мер в магазинах. Евгения Евсеева, «Я в танце покажу, что такое дистанция: „Пятёрочка“ выпустила танцевальный клип о социальной дистанции в магазинах сети» // «vc.ru», 25 ноября 2020 г.

⁴ В принципе смыслом образования является развитие личности (т.е. осознание и мотивированное полагание человеком себя в мире интеллектуальной, предметной, духовной и социальной культуры) (из педагогич. антропологии) [Вербицкий-2021; 5].

слово, озвучивая ценностные приоритеты, доводит их до осознания и освоения языковой личностью, потому что слово в коммуникации выполняет воспитательную функцию. (Это классический тезис педагогики и лингвистики).

Современная коммуникативная реальность требует от говорящей личности много **новых умений для коммуникативного взаимодействия**.

В настоящее время на коммуникативную арену выдвигаются прежде всего *публичные речевые жанры*, помогающие личности широко проводить свои идеи, становиться лидером и партнером социального взаимодействия, не потеряться в социо-коммуникативном пространстве.

Публичная коммуникация в разных сферах общения (главным образом благодаря интернет-среде) — это современная реальность. Поэтому сегодня в образовательной деятельности педагогу следует развивать такие свойства личности школьника и студента, которые обеспечивали бы ему сообразное (адекватное) поведение в общении.

Соответственно, для языковеда в вузе (и в школе) проблема обучения языку осложняется и дополняется необходимостью обучения таким правилам речевого поведения, которые учитывают современные ценности общения, формируют новые компетенции для общения. На выходе, в результате уроков русского языка, учащийся должен **осознанно** владеть не только грамотной устной речью (умение правильно говорить), но и быть готовым к открытому публичному общению. Следовательно, в программе обучения русскому языку (в курсе «Русский язык») необходимо уделить место азам риторики, речевого этикета, речевым практикам в публичных жанрах (по ситуации речи). Остановиться на таких первичных речевых жанрах в разных сферах официального и неофициального общения, как: *обращение, приветствие, благодарность, комплимент, хвалебная речь, ведение диалога (ответные реплики), академическое выступление (связанное с будущей профессией), светское публичное общение* и др.

Кроме того, следует понимать, что язык современности вырастает из массового коммуникативного пространства (например, в общественно-политическом дискурсе широко практикуются *общественные дискуссии, аналитические тексты, комментарии непрофессиональной аудитории, выступления блогеров, ток-шоу, узкопрофессиональные тексты в общедоступном употреблении* и проч.). Иначе говоря, все те дискурсные практики, которые пополняют современный язык через цифровое речевое пространство. И это требует **осознанного** языкового освоения говорящей личностью (по К. Ушинскому, - **духовное** усвоение языка) [Ушинский-1968; 159].

При этом, надо понимать, что основы коммуникативной компетенции закладываются в школе. Следовательно, вузовский курс должен перекликаться с этой школьной базой.

В нашем учебном плане филологов-бакалавров есть отдельная дисциплина «Коммуникативный практикум» (в процессе изучения которого проговариваются и **осознанно** отрабатываются различные коммуникативные навыки на образцах речи).

Таким образом, вопрос о воспитательной роли языка в современной коммуникации актуализирует практическую задачу изучения *норм устного речевого поведения* (устной речи) в публичном пространстве.

Хороший пример для наблюдения и выявления современных норм языка и современного коммуникативного поведения представляет, на наш взгляд, ТВ-проект Первого канала (ОРТ) «Голос дети /Голос уже не дети».

Что мы наблюдаем в этом коммуникативном пространстве? Талантливые дети демонстрируют на публике, в состязательном шоу, свои исполнительские возможности и певческие достижения. Но они при этом не только поют на сцене, а еще и **прилюдно говорят**, общаются с педагогом, с членами жюри, с ведущим, с соперниками, с оркестром, **понимая, что их слышат** родители, зрители, друзья и т.д. Другими словами, они умело ведут себя на сцене, действуя в массовом коммуникативном пространстве. Ясно, что для **формирования таких коммуникативных компетенций с их стороны требуются усилия**

и осознанное овладение нормами этикетного поведения и нормами публичной речи. И зритель тоже воспитывает такое действо, создавая прецедент, влияет на его рече-поведенческую культуру. Речевое поведение говорящих в этом телевизионном дискурсе становится образцом для усвоения тех или иных речевых жанров публичного общения.

Мы наблюдаем в анализируемом дискурсе публичного соревновательно-творческого общения следующие речевые жанры: *хвалебная речь, комплимент, признание, характеристика, побуждение, ответное слово, благодарность, сочувствие и обращение.* Все типы высказываний в дискурсе произносят участники события — наставники и ученики из команд этих наставников.

Бесспорно, подобный культурный проект — это **вызов в новой коммуникативной реальности**, в которой нормой вежливости становится не свойственное для русской культуры **открытое публичное вербальное выражение различных эмоций и чувств** (по ситуации): *признательности, уважения, восхищения, благодарности.* Кроме того, в полной мере проявляется демократизация речи молодежи и наставников через *формы обращения* разных поколений друг к другу и через речевую *демонстрацию солидарности* взрослых и детей в общем деле. И, вместе с тем, другую часть проекта составляет вовлечение в общение массового зрителя с помощью игры-голосования и зрительских комментариев. Это действительно уникальный воспитательно-развивающий проект, где осуществляется формирование профессиональных навыков в области музыки, певческого искусства и прививаются новые навыки культуры речевого поведения в публичном пространстве.

Приведем выборочно несколько примеров из рассмотренных выпусков проекта¹.

Примеры приведены из «Полуфинал. Уже не дети, выпуск от 13 октября 2023/ Поединки. Голос. Уже не дети- от 06.10.23.

С лингвистической точки зрения привлекает внимание использование речевых жанров во вторичной функции: *наставление в форме похвалы и оценки, жанра благодарности в форме признания и комплимента.*

1) Диана - ответное слово наставнику (Д. Билан):

«Можно, пожалуйста, я воспользуюсь шансом и признаюсь вам в любви. Я вас очень люблю, Дима, правда. Как артист. Я поклонница Вашего творчества с детства. Было одно удовольствие работать с вами. Я вам благодарна, что мы нашли с вами одну музыкальную волну. Я очень надеюсь, что это не конец, и мы с вами еще встретимся обязательно. Я вас очень люблю. Спасибо вам за все!»

Такое открытое признание можно было встретить разве что только в художественной литературе. Ср. Пушкин: *Я вас люблю, - хоть я бешусь...*²

¹ ссылки: <https://www.1tv.ru/shows/golos-deti> ; <https://www.1tv.ru/shows/golos-uzhe-ne-deti/vypuski/polufinal-golos-uzhe-ne-deti> ; <https://www.1tv.ru/shows/golos-uzhe-ne-deti/vypuski/poedinki-golos-uzhe-ne-deti-vypusk-ot-06-10-2023>

² Александр Пушкин. Стихотворение Признание

Я вас люблю, — хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей:
Без вас мне скучно, — я зеваю;
При вас мне грустно, — я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю! <...>

Что касается обращений, то можно заметить, что это всегда уважительное обращение на Вы. Может использоваться форма персонифицированного обращения только по имени, или по сценическому имени, или по имени-отчеству:

1) Обращение учеников к наставнику:

Спасибо Басте, Егору Криду и т.д.! Вы, Егор! Вам, Полина! Полина Сергеевна! Вам, МакСим! Пелагея! Вам, Василий Михайлович!

2) дается характеристика участников в Слове наставника, которая включает обязательно оценку характера и поведения ученика:

большая умница, трудолюбивая, душа проекта, раскрылась, хватает материал! искупали в красивых музыкальных тембрах, выступил уверенно; она удивляет! выложился на все сто процентов; столько улыбок дал нам сегодня! и т.д.

3) часто употребляются одобрительные эпитеты:

потрясающие дети, невероятные, замечательные, уникальные, талантливые, прекраснейший; самый серьезный парень! и т.д.

Напутственные слова наставника. В них обязательно есть побуждение к действию, пожелание, прогнозирование результата, оценку голоса или пения в целом или оценку характера:

Дима Билан

Миرونу: *«Ты привносишь свою краску, которой ни в какой команде нет. Так что сегодня максимально будь собой!»*

Ренате: *«Спасибо тебе за возможность экспериментировать с тобой. Держи марку, не сбивайся с пути!»*

Диане: *«Сейчас хотелось бы больше проникновения в душу. Давай-ка ты сделаешь это круто!»*

Егор Крид

Лизе: *«Пой так же искренне, и у тебя все получится!»*

Аделии: *«Меня удивляет, как в таком юном возрасте ты настолько профессиональна. Ты покорила мое сердце, моих поклонников, поэтому желаю тебе огромнейшей удачи, как этот рояль по сравнению с тобой!»*

Марте: *«Марта! Ты можешь быть классным чартовым артистом в ближайшие несколько лет! Ты уже готовый артист! Молодец!»*

Команде: *«Помните, что вы самые-самые классные! Поэтому идите и зажгите! И давайте перед этим обнимемся!»*

Полина Гагарина

Сагыну: *«Хочу, чтобы твоя энергия захватила весь зал! Очаруй, и пусть вся страна тебя видит!»*

Своей команде: *«Друзья, сегодня у нас финал, большой праздник, который мы дарим детям! Хочу, чтобы у вас этот день запомнился именно таким эмоциональным и прекрасным! И чтобы вы эти эмоции и свет несли дальше в своей творческой жизни!»*

Баста

Команде: *«Я уверен, что сегодня у нас получится собраться, и зрители увидят ваши по-настоящему максимальные выступления! Удачи! Вперед, ребята!»*

Развернутые слова благодарности детей со сцены в открытом публичном пространстве — это также новая коммуникативная реальность. Такой жанр пришел из художественной речи ¹. Ср.:

¹ Ср. **Андрей Вознесенский. Заповедь**

Вечером, ночью, днем и с утра

благодарю, что не умер вчера.

Пулей противника сбита свеча.

Благодарю за священность обряда.

Марина Цветаева. Благодарю, о Господь...

Благодарю, о Господь,
За Океан и за Сушу,
И за прелестную плоть,
И за бессмертную душу,
И за горячую кровь,
И за холодную воду.
— Благодарю за любовь.
Благодарю за погоду. (1918 г.)

Обобщая, можем отметить, что нормы языка и современного коммуникативного поведения складываются в речевых практиках, многие из которых, как видим, формируются в речи молодежи, но которые стоит кодифицировать и использовать их в качестве образцов для осознанного освоения речевых жанров, наряду с усвоением норм коммуникативного речевого поведения при обучении языку.

Литература

1. Беликов В.И. Стереотипы в понимании литературной нормы // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре: Сборник статей. - М.: РГГУ, 2009. - С.357-377
2. Вербицкий А.А. Педагогическая технология в контекстном обучении// <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskaya-tehnologiya-v-kontekstnom-obuchenii/viewer>.
3. Воробьев В.В. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация: <http://www.csu.ru/Lingvo/part4/lingvo/cadr9.html>
4. Грищенко Я. Лингвокультурология как комплексная область научного знания// <http://oldconf.neasmo.org.ua/node/1076#:~:text>
5. Кругликова Г.Г. О работе К. Д. Ушинского «Человек как предмет воспитания» // https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3783
6. Маклюэн М. Война и мир в глобальной деревне. - М.: Астрель, 2012. - 216 с.
7. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. Пособие для студ. Высшее. Учеб, заведенный. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
8. Московская Л.Н. Педагогика мультиграмотности как обоснование лингводидактической легитимности применения цифрового контента // <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogika-multigramotnosti-kak-obosnovanie-lingvodidakticheskoy-legitimnosti-primeneniya-tsifrovogo-kontenta>
9. Ушинский К.Д. Руководство к преподаванию по родному слову //Избранные педагогические произведения. - М.: Просвещение, 1968 - С.151-215

Враг по плечу — долгожданное брата,
благодарю, что не умер вчера.
Благодарю, что не умер вчера
сад мой и домик со старой терраской,
был бы вчерашний, позавчерашний,
а поутру зацвела мушмула!
И никогда б в мою жизнь не вошла
ты, что зовешься греховною силой —
чисто, как будто грехи отпустила,
дом застелила — да это ж волжба!
<...>

Существование — будто сестра,
не совершай мы волшебных ошибок.
Жизнь — это точно любимая, ибо
благодарю, что не умер вчера.
Ибо права не вражда, а волжба.
Может быть, завтра скажут: «Пора!»
Так нацарапай с улыбкой пера:
«Благодарю, что не умер вчера».

Источники

10. *Голос*. <https://www.1tv.ru/shows/golos-deti>.

11. *Голос*. <https://www.1tv.ru/shows/golos-uzhe-ne-deti/vypuski/polufinal-golos-uzhe-ne-deti>

12. *Голос*. [https://www.1tv.ru/shows/golos-uzhe-ne-deti/vypuski/poedinki-golos-uzhe-ne-deti-vypusk-ot-06-10-](https://www.1tv.ru/shows/golos-uzhe-ne-deti/vypuski/poedinki-golos-uzhe-ne-deti-vypusk-ot-06-10-2023)

2023

ГЛАДКОВА Н.Н.

Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооруженных Сил Российской Федерации имени Маршала Советского Союза А.М. Василевского

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ИНОСТРАННОГО ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО

В статье рассматриваются ценностные основы формирования вторичной языковой личности иностранного военнослужащего, обучающегося в российском военном вузе. Автор анализирует факторы влияния на становление вторичной языковой личности при обучении русскому языку как на занятиях, так и во внеурочное время, а также причины изменения приоритетной позиции ценностных ориентаций иностранных обучающихся на основе проведения экспресс-диагностики.

Ключевые слова: языковая личность, ценность, ценностные ориентации, аксиологические основы, иностранные военнослужащие.

Стремительно меняющийся мир отражается во всех сферах деятельности человека, искажая прежние нормы морали и этики, нивелируя общечеловеческие ценности, что ведет к трансформации гуманизма, как следствие, языковой личности. События последних десятилетий обесценили воспитательную функцию образования, утвердив нарратив формирования профессионала, востребованного на рынке труда, а не всесторонне развитой личности, которой не чужды чувства национального самосознания и культурной самоидентификации. В результате возникли противоречия между государственным запросом иметь высококвалифицированного специалиста и требованиями общества к наличию высоких духовно-нравственных и ценностных основ у «толерантной» ко всем и всему происходящему в мире личности. В системе образования важную роль в становлении ценностно-ориентированной вторичной языковой личности играет иноязычное образование, в наибольшей степени отвечающее «требованиям развития нормативно-ценностных категорий в процессе обучения иностранному языку, потому как продуктивная иноязычная деятельность включает в себя два взаимосвязанных аспекта, способных реализовать аксиологическую составляющую учебно-воспитательной системы – методологию изучения иностранного языка и субъектные качества личности» [Рубцова 2009; 183].

Понятие «вторичная языковая личность» появилось в конце XX века. Связав концепцию языковой личности Ю.Н. Караулова с иноязычным образовательным процессом, И.И. Халеева сформулировала понятие «вторичная языковая личность», понимая под ним личность, способную «проникать в «дух» изучаемого языка, в «плоть» культуры того народа, с которым должна осуществляться межкультурная коммуникация» [Халеева 1995; 278]. При всём многообразии исследований, проводимых в методике преподавания русского языка как иностранного (далее РКИ), считаем необходимым уделить должное внимание формированию вторичной языковой личности иностранных военнослужащих.

Ежегодно в Российскую Федерацию приезжают обучаться иностранные военнослужащие (далее ИВС) дружественных нам стран Азии, Африки, Ближнего Востока, Латинской Америки. Обучение в военном вузе начинается с освоения русского языка и «слова» стереотипов в восприятии русской картины мира языковой личностью ИВС. В проекте Приказа Министра обороны России «О подготовке и обучении военных и военно-

технических кадров иностранных государств в воинских частях и военных образовательных организациях высшего образования Министерства обороны Российской Федерации» от 2016 года говорится о том, что военный вуз как образовательная организация осуществляет воспитательную работу с ИВС, задачами которой являются «формирование и развитие у них высоких личностных качеств, чувства уважения к Вооруженным Силам и народам Российской Федерации, их истории, традициям и обычаям; дисциплинированности и исполнительности, чувства воинского долга, офицерской (воинской) чести и достоинства». Таким образом, ИВС должен принять страну изучаемого языка на основе получаемого опыта проживания и обучения в ней; следовать собственным национальным и религиозным традициям, нравственным нормам, выражая уважительное отношение к миропорядку, ценностным основам и традициям нового общества; владеть русским языком на таком уровне, чтобы уметь реализовывать свои коммуникативные потребности в профессиональной, учебной, научной и бытовой сферах общения.

Становление вторичной языковой личности, в частности ИВС, коррелируется с трехуровневой системой языковой личности (по Ю.Н. Караулову): лексикон – тезаурус – прагматикон. Мы разделяем точку зрения И.Ф. Птицыной, подробно описывающей реализацию педагогической модели формирования вторичной языковой личности при обучении иностранному языку с учетом концепций Ю.Н. Караулова и И.И. Халеевой и выделяющей три этапа: первый – побудительно-мотивационный этап, включающий вербально-семантический уровень (лексикон) личности и Тезауруса I; второй – ориентировочно-исследовательский с тезаурусным уровнем и Тезурусом II; третий – исполнительный / реализующий, включающий прагматический уровень [Птицына 2007; 63]. Однако учебные материал и действия на каждом этапе педагогической модели ограничиваются заданиями, включающими культурный аспект народной традиции (праздники, обряды, традиции, фестивали, фольклорный компонент: пословицы, поговорки), что является недостаточным для формирования вторичной языковой личности ИВС, которое должно основываться на ценностях различного типа, выступающих в качестве мотивирующего фактора к изучению русского языка как средству межкультурной коммуникации.

С точки зрения психологии *ценность* выступает как понятие для обозначения объектов или явлений, свойств, а также абстрактных идей, воплощающих в себе общественные идеалы и выступающих как эталон должного [В.Н. Коропулина 2004; 585]. Н.Ф. Алефиренко, говоря о ценностях как об особых культурологических категориях, лежащих в основе ценностно-смыслового пространства языка, определяет следующие типы ценностей: витальные, социальные, политические, моральные, религиозные, этические [Алефиренко 2016; 9]. Кроме того, классифицируя духовные ценности на общечеловеческие, национальные, сословно-классовые, групповые, семейные, индивидуально-личностные, ученый допускает их подвижность и возможность переходить из одной категории в другую, например, «подниматься от индивидуально-личностных до общечеловеческих» [Алефиренко 2016, 11].

В.В. Воробьёв считает, что лингвокультурологическую личность следует описывать через систему ценностных ориентаций, также меняющихся в зависимости от социальных условий, которые определяют доминанту того или иного вида ценности. [Воробьёв 2008; 161]. Ценностные ориентации – «предпочтения или отвержения определенных смыслов как жизнеорганизующих начал и (не) готовность вести себя в соответствии с ними <...>, задают общую направленность интересам и устремлениям личности; иерархию индивидуальных предпочтений и образцов; целевую и мотивационную программы; уровень притязаний и престижных предпочтений; представления о должном и механизмы селекции по критериям значимости; меру готовности и решимости (через волевые компоненты) через реализацию собственного «проекта» жизни» [Грицанов 2001; 1199]

Ценностные основы формирования вторичной языковой личности иностранного военнослужащего мало изучены. Рассмотрим некоторые особенности работы с ИВС по формированию вторичной языковой личности в военном вузе. Обучая русскому языку ИВС, преподаватели кафедры русского языка выполняет некую миротворческую миссию: приобщают иностранных обучающихся к принятию системы ценностей другого народа, постигая при этом лингвокультурологические особенности языковой личности своих обучающихся. Преподаватели-русисты (кураторы) изучают информацию о стране обучающихся, их менталитете и ценностной составляющей; проводят групповые и индивидуальные беседы для решения вопросов их социальной, климатической, межличностной адаптации в новых условиях, проводят экспресс-диагностику по определению ценностных ориентаций ИВС. Так, в 2020 – 2023 годах нами была проведена экспресс-диагностика по определению иерархии ценностных ориентаций среди 50 обучающихся. Проводя опрос среди курируемых групп, мы предложили список общечеловеческих ценностей, традиционно представленных в гуманистической педагогике: *жизнь, человек, семья, красота, любовь, труд, мир, свобода, совесть, справедливость, добро, правда*. Кроме того, было предложено написать те ценности, которые составляют основу профессиональной деятельности, а также новую ценность, которую ИВС приобрели за годы обучения.

Иерархия общечеловеческих ценностей в конце подготовительного курса (2020 – 2021) распределилась по следующим местам (с 1 по 12): жизнь, семья, мир, человек, труд, свобода, любовь, справедливость, правда, совесть, добро, красота. В 2021 – 2022 учебном году изменились приоритетные позиции некоторых ценностей: жизнь, человек, семья, свобода, мир, труд, совесть, правда, справедливость, любовь, добро, красота. Ценностные ориентации в 2022 – 2023 учебном году: жизнь, мир, свобода, семья, человек, труд, справедливость, правда, добро, любовь, совесть, красота. Иерархия ценностей ИВС менялась в зависимости от этапа обучения, (не) возможности выезда домой, уровня владения русским языком, национальных особенностей обучающихся, колониального прошлого их страны, появления новых друзей, успешности в обучении по русскому языку и специальным предметам, оптимальности адаптации к новым социальным и климатическим условиям и др.

ИВС добавили ценности профессиональной деятельности: патриотизм, воинский долг, деньги (финансовое благополучие – одна из причин, по которой молодые люди выбирают профессию военного), честность, преданность, здоровье, уважение.

За первый год обучения ИВС не смогли сформулировать новую ценность. В конце второго года обучения иностранными военнослужащими были названы *дружба и братство* как ценности многонационального воинского коллектива. На третьем году обучения новыми ценностями стали понятия *интернационализм* и *уважительное отношение к исторической памяти страны*.

Появлению новых ценностных ориентаций способствуют разные обстоятельства: ИВС живут в единых условиях и по одним правилам, регламентированным общевоинским уставом, приказами начальников подразделений; учатся в многонациональных группах; проводят досуг не только с соотечественниками, но и с представителями других стран; выстраивают дружеские межличностные отношения, основанные на уважении к разным народам, их традициям, родному языку, религии; используют русский язык, понятный в равной мере почти всем обучающимся. Кроме того, жизнедеятельность иностранцев в военном вузе подчинена и работе кураторов, которые формируют вторичную языковую личность ИВС посредством проведения занятий по русскому языку (разрабатываются учебные пособия по языку специальности, речевому практикуму, грамматике, фонетике, содержащие тексты с общим и региональным лингвокультурологическим компонентом); воспитательной внеурочной работы (проводятся тематические вечера, исторические викторины, еженедельное информирование «Исторические события», беседы, просмотр фильмов, учебные экскурсии, культурные выходы и т.д.); организации научной деятельности

обучающихся (проводятся заседания научной секции ИВС, межвузовские научные конференции и семинары). В целях борьбы с фальсификацией исторических фактов и с нивелированием мирового признания о равноправном существовании любого этноса основной акцент в вузе делается на проведении военно-исторической работы. Организуются тематические мероприятия («Свобода, равенство, братство», «День толерантности», «Смоляне: история в лицах», «Подвигам жить в веках: Александр Прохоренко» и др.), призванные обогатить ИВС знаниями о военном прошлом других стран, потому как не многие интересовались историей государств своих однокурсников. Именно после подобных мероприятий происходит смена приоритетов ценностных ориентаций ИВС. Для многих из них ценностями становятся и остаются на всю жизнь само обучение в России, образование интернационального воинского братства.

Таким образом, аксиологические основы обучения и воспитания, опирающиеся на исторические знания, призваны сформировать вторичную языковую личность ИВС как воина-созидателя, способного построить межкультурный диалог на дружеских началах и защитить этот противоречивый мир от разрушений.

Литература

1. *Алефиренко Н.Ф.* Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка : учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М.: ФЛИНТА : Наука, 2016. – 288 с.
2. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология: Монография. – М.: РУДН, 2008. – 336 с.
3. *Грицанов А.А.* Всемирная энциклопедия. Философия / Гл. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.: Мысль, 2001. – С. 1312.
4. *Коропулина В.Н.* Психологический словарь. 3-е изд., доп. и пераб. / Авт.-сост. Коропулина В.Н., Смирнова М.Н. Гордеева Н.О. – Ростов н/Д: Феникс, 2004. – 640 с.
5. *Птицына И.Ф.* К вопросу о формировании вторичной языковой личности (на материале обучения японскому языку и культуре) / И.Ф. Птицына // Современные проблемы науки и образования. – Москва: Академия естествознания, 2007.– №3.– С. 59-64.
6. *Рубцова А.В.* Аксиологический подход как методологическая основа продуктивного обучения иностранному языку на переходном этапе Российского образования // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Психологопедагогические науки. – СПб., 2009. – № 83. – С. 179 – 184.
7. *Халеева И.И.* Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – М.: РАН ИРЯ, 1995. – С. 7 – 286.

ГОНЧАРОВА Н.Н.

Тульский государственный университет

ФЛИРТ ИЛИ ИРОНИЯ: ГРАФИЧЕСКАЯ И ВЕРБАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИИ

Статья рассматривает экспериментально выявленную специфику семантического соотношения вербальных и графических средств эмоционального выражения на примере смайла «подмигивающее лицо».

Ключевые слова: смайл; графическая, вербальная репрезентация; эмоция.

Популярность электронных сетей вызывает необходимость пересмотра феноменологии общения с учётом новых технологических возможностей. Онлайн-переписка – уникальный вид коммуникации. С одной стороны, она являет собой письменную, графически выраженную форму речи. С другой стороны, ей присущи все специфические особенности устных жанров разговорной речи: спонтанность, часто неподготовленность, повышенная роль фоновых знаний, ведущая к эллиптичности высказываний. При этом обнаруживаются и признаки собственно онлайн-переписки как особого жанра опосредованной коммуникации. Для выражения эмоций помимо вербальных способов применяется целый арсенал графических символов, в частности – смайлов (смайликов), представляющих собой специфическую знаковую систему, находящуюся в стадии

формирования. Как всякой неустоявшейся семантической системе, ей присуще разнотолкование отдельных знаковых единиц (смайлов), что влечёт за собой применение их в несхожих значениях, порой в прямо противоположных, употребление в разнородных контекстах. Это, безусловно, затрудняет общение и даже ведёт к коммуникативным неудачам.

Для изучения семантической наполненности отдельных, наиболее популярных графических единиц (смайлов) нами был проведён эксперимент, в котором участвовало 114 респондентов, среди них 73 % составила студенческая молодёжь, представляющая собой наиболее активную часть пользователей сети Интернет. Респондентам было предложено максимально полно словесно охарактеризовать смайл, квалифицируемый юникодом как «подмигивающее лицо» (рис. 1), посредством слов, словосочетаний, фразеологизмов и т.д.

Смайл «подмигивающее лицо»

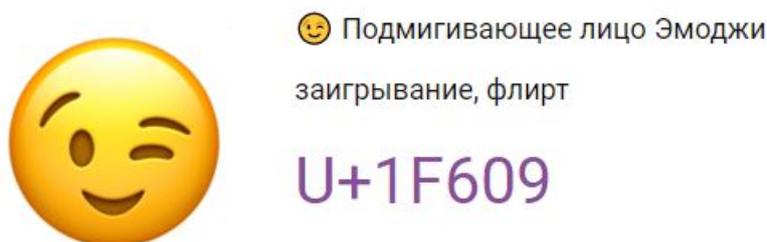

Рис. 1

«Юникод – (Unicode) универсальный стандарт кодирования символов, с помощью которого можно отобразить любой существующий язык, использующий письменность» [Словарь терминов. Сайт-Менеджер].

При характеристике данного смайла было получено 85 вариантов ответов. Респонденты применяли следующие слова и выражения: *хитрюга, на одной волне, креативненько, флирт, юмору, хитринка, ок, хорошо, договорились, намекать, подмигивать, говорить с иронией, возможно флиртовать, уверенный в себе, понимание, подмигивание, приодобрение (нередко сучковатое такое), окей, я тебя понял, будет сделано, как скажешь; ироничная шутка, игривость, шутки ради, весело, легко, безрассудно, нет ничего серьезного, одобрительный намёк, одобрение, намёк, немного оскорбительная шутка, недосказанность, позитив, поддержка, жест подмигивание, иногда смайл кокетства, класс, отлично, супер, окей, «Договорились», «Так держать», одобрение, согласие, дружеские отношения, подмигивающий, неунывающий, полный надежды, поддерживающий, подбадривающий, ободряющий, приободряющий, вселяющий надежду, не вешать нос, не бросить в трудную минуту, оказать поддержку, «всё сделаю», «рада помочь», ирония, О-ля-ля, ну-ну, Опаньки, по-мальчишески, ради смеха, шаловливо, бездумно, легкомысленно, беспечно, глуповато, просто, беззаботно, наивно, элементарно....., Ватсон! Согласен с тобой, все круто, понимание, намекать, «На одной волне», Вау, оооооо, супер, красотаааа, спасибо, я рада.*

Отметим, что респонденты преимущественно использовали неповторяющиеся слова и выражения. Это, вероятно, свидетельствует о неустоявшемся значении данной графической единицы.

Восемнадцать респондентов описали мимику, изображаемую смайлом, глаголом *подмигивать*. «Подмигивать. Мигнуть, подавая какой-л. знак» [МАС, 1999]. Кроме указанного глагола, использовались слова *подмигивание, подмигивающий* и выражение *жест подмигивания*. Всего – 21. Заметим, что эти лексические единицы описывают внешнее мимическое изображение эмоции, что совпадает с описанием смайла по юникоду:

‘подмигивающее лицо эмоджи’, однако совершенно не выражают смысловой наполненности графемы: какую именно эмоцию, состояние или интенцию выражает подмигивание и в какой ситуации уместно применить данный смайл.

Большая часть респондентов (28) видит в рассматриваемом смайле выражение иронии, шутки. Мы также будем считать данное изображение репрезентацией концепта ‘ирония, шутка’, причем его ядерной частью. «**Ирония** – тонкая, скрытая насмешка» [МАС, 1999]. «**Шутка** – забавная, остроумная весёлая проделка, выходка или острота» [Там же]. Общая сема слов *ирония* и *шутка* – ‘насмешка’, ‘острота’ в сочетании со значением скрытности.

Для обозначения **иронии, шутки** респондентами использовались слова: *ирония* (2), словосочетания с компонентом *ирония*: *говорить с иронией, ироничная шутка*; словосочетание с компонентом *шутка*: *немного оскорбительная шутка*, фразеологизмы: *шутки ради, ради смеха*, крылатое выражение: *элементарно...., Ватсон!* Данная семантическая ниша отличается большим количеством наречий, применённых для её характеристики: *по-мальчишески, шаловливо, весело, бездумно, легкомысленно, беспечно, глуповато, просто, беззаботно, наивно, легко, безрассудно*, – и междометий: *О-ля-ля, ну-ну, Опаньки!* Также использовались однокоренные слова *хитрюга, хитринка*, единичный глагол *юмору*, существительное *позитив*, субстантивированное причастие *неунывающий*, выражение *нет ничего серьезного*. Всего – 28.

Часть опрошенных (5) увидела в подмигивающем смайле обозначение **одобрения**. Это же значение нашло выражение в словосочетании *одобрительный намёк*, в эмоционально окрашенных наречиях *креативненько, отлично*, в экспрессивных существительных *класс, супер, красотаааа*, в междометиях *вау, оооооо*, в предложениях: «*Так держать!*», «*Все круто!*», «*Я рада*». Всего – 17. В Малом академическом словаре содержится толкование слова *одобрение*: «**Одобрение**. Признание хорошим, правильным; положительный отзыв, похвала» [МАС, 1999].

Согласие (2) выражено англицизмами *окей* (2), *ок*, а также словами: *хорошо, договорились*, словом *понимание* и большим количеством простых неполных предложений: «*Я тебя понял*», «*Будет сделано*», «*Как скажешь*», «*Договорились*», «*Всё сделаю*», «*Рада помочь*», «*Согласен с тобой*», «*Я тебя понял*». Всего – 16. Слово *согласие* многозначно: «**Согласие** – 1. Утвердительный ответ на что-л., позволение, разрешение. 2. Взаимная договорённость, соглашение. 3. Единомыслие, единомыслие. 4. Согласные, дружественные отношения. 5. устар. и книжн. Согласованность, соразмерность, гармония» [МАС, 1999].

Словосочетания *дружеские отношения, на одной волне* (3); существительные *поддержка; приодобрение нередко сучковатое такое* (сохранено написание респондента – прим. автора), активные причастия: *поддерживающий, подбадривающий, ободряющий, приободряющий, вселяющий надежду*, императивные устойчивые обороты с инфинитивом: *не вешать нос, не бросить в трудную минуту, оказать поддержку*, предложения: «*Всё сделаю*», «*Рада помочь*» (всего 15 единиц) – репрезентируют, на наш взгляд, концепт ‘**дружелюбие**’. «**Дружелюбие** – дружеское расположение, доброжелательное отношение» [МАС, 1999]. Примечательно, что участники опроса внесли семантику активной поддержки, помощи в толкование рассматриваемого смайла.

Девять респондентов обнаружили в подмигивании наличие намёка, выразив это значение следующим образом: *намёк* (6), *намекать, одобрительный намёк, недосказанность*. Всего – 9. «**Намёк** – слово или выражение, в котором мысль высказана неясно, не полностью и может быть понята лишь по догадке» [МАС, 1999].

Значение 'флирт' отметили в целом 4 респондента, из них: *флирт* (2), *возможно флиртовать* (1), *иногда смайл кокетства*. «**Флирт** – любовная игра, кокетство» [МАС, 1999]. Шесть респондентов увидели в рассматриваемом смайле значение *игривости* (4), *заигрывания* (2). Сопоставление такого восприятия с толкованиями данных слов, преимущественно в их переносных значениях, приведённых в Малом академическом словаре, даёт основание определить их как синонимы слов *флирт*, *флиртовать*. «**Игривость** – свойство по знач. прил. игривый» [МАС, 1999]. «**Игривый** – любящий резвиться, играть. 2. Весёлый, шуточный, легкомысленный. Игривый тон. || Двусмысленный, нескромный. Игривый жест.». «**Заигрывание** – действие по значению глагола заигрывать». «**Заигрывать** – шуточно, весело затрагивать кого-л., вызывая на ответ; кокетничать» [МАС, 1999].

В ответах респондентов отмечены также единичные значения: *полный надежды*, *уверенный в себе*.

Анализ семантической наполненности смайла «подмигивающее лицо» показал, что мы имеем дело с почти с абсолютным несовпадением значений смайла по юникоду и тех, которые придали участники опроса. По результатам эксперимента, этот графический концепт имеет следующие семантические уровни: ирония, шутка (28), подмигивание (21), одобрение (17), согласие (16), дружелюбие, поддержка (18), намёк (9), флирт, заигрывание (10). Таким образом, мы видим, что заигрывание и флирт составили малое количество, в то время как на первый план вышли ирония и шутка, подмигивание, одобрение, также значительно количество ответов, обозначивших согласие и дружелюбие.

Следовательно, можно говорить о специфически русском восприятии и транслировании невербального сигнала, выраженного графически, что ещё раз подтверждает наличие национальной специфики невербальной и графической форм общения.

Литература

1. Словарь терминов. Сайт-Менеджер.
2. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

ГУРЫЛЕВА А.В., КОРЕНЕВА А.В.

Мурманский арктический университет

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ УРОКОВ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы реализации лингвокультурологического подхода, который строится на принципе учета взаимосвязи языка и культуры. Описывается специфика работы по освоению учащимися базовых концептов русской ментальности на лингвокультурологических уроках развития речи.

Ключевые слова: лингвокультурологический подход, лингвокультурологические уроки, базовые концепты, языковая личность.

На современном этапе развития филологического образования одним из ведущих становится лингвокультурологический подход, который подразумевает взгляд на язык как на культурно-историческую среду и представляет собой «совокупность методов, позволяющих в процессе обучения русскому языку формировать языковую личность учащегося в контексте культуры» [1, с. 26]. Перед учителем ставится задача развития школьников, воспринимающих язык как общечеловеческую и национальную ценность, осознающих, что в языке закрепляется исторический опыт народа, отображаются особенности его менталитета.

Одной из эффективных форм реализации лингвокультурологического подхода является работа с концептом как ментальной единицей, которая содержит ценностный компонент и репрезентируется с помощью языковых средств. Важную роль в развитии данного методического аспекта сыграла Н.Л. Мишатина, которая разработала систему работы по освоению учащимися базовых концептов на лингвокультурологических уроках развития речи [2], [3]. Значительный вклад внесли и другие ученые, например, М.И. Шутан, который предложил модель «рассмотрения слова-концепта в связи с различными уровнями языковой системы» [4, с. 96].

Раскроем особенности лингвокультурологических уроков на примере занятия по теме «Концепт ВРЕМЯ в русской лингвокультуре» (11 класс), цель которого – развитие речемыслительной деятельности учащихся через анализ языковых средств репрезентации концепта ВРЕМЯ в русском языке.

Задачи урока: совершенствовать навыки работы со словарями и умение анализировать поэтические тексты; сформировать представление о времени в единстве его внеязыковых, общезыковых, национально-культурных и индивидуально-авторских смыслов; совершенствовать навыки устной и письменной речи.

Рассмотрение концепта ВРЕМЯ подразумевает не только работу с лексическим значением слова, но и его аксиологический анализ, включающий ассоциативное и метафорическое осмысление концепта и его функциональную значимость в текстах. На этапе создания творческой мотивации ведется работа над эпиграфом, в качестве которого выступают слова известного немецкого писателя Т. Манна «Время – драгоценный подарок, данный нам, чтобы стать умнее, лучше, зрелее и совершеннее». Школьники обсуждают смысл высказывания, соглашаются или не соглашаются с его автором, обосновывают важность времени в жизни человека. После этого сообщается тема урока и его цель – рассмотреть с разных сторон понятие «время», используя для этого в большей степени анализ поэтических текстов Арсения Тарковского, в языковой картине мира которого отразились как общенациональные, так и уникальные представления о времени.

На втором этапе занятия основным приемом работы является решение лингвокультурологических задач (ЛКЗ). Приведем ряд примеров.

Работа над словарным портретом слова.

ЛКЗ 1. В языке слово «время» имеет множество значений. Познакомьтесь с некоторыми толкованиями, которые даются в словаре С.И. Ожегова: *продолжительность чего-либо, измеряемая секундами, минутами, часами; промежуток той или иной длительности, в который совершается что-нибудь; последовательная смена часов, дней, лет; период, эпоха; пора дня, года; подходящий срок, благоприятный момент; момент, свободный от чего-нибудь.*

А сейчас прочитайте фрагменты из стихотворений Арсения Тарковского и определите, в каких значениях, употребляется в них слово «время». К остальным значениям попробуйте подобрать собственные примеры.

«В безумной юности нам чудятся устои

Времен и общества...»

«И это снилось мне, и это снится мне,

И это мне еще когда-нибудь приснится...»

«Кто я сам, если плачут и ходят окрест

На шарнирах и в дырах пространство и время...»

«Вот и лето прошло,

Словно и не бывало».

Работа над контекстуально-метафорическим значением слова.

ЛКЗ 2.

1: Объясните значение английских пословиц о времени и, если возможно, подберите русские аналоги.

Time and tide wait for no man – время и прилив никого не ждут.

There is no time like the present – нет более подходящего момента, чем сейчас. (Куй железо, пока горячо).

Happiness takes no account time – для счастливых времени не существует. (Счастливые часов не наблюдают)

2: Перед вами пословицы. Какие из них являются русскими? Объясните свой выбор.

Тише едешь – дальше будешь. Промедление смерти подобно. Мудрец делает незамедлительно то, что глупец делает в последний момент. Поспешишь – людей насмешишь.

Почему во многих русских пословицах ценится медлительность? Всегда ли медлительность означает нерациональное использование времени?

ЛКЗ 3. Объясните лексическое значение слов *предки, потомки, последователи, следоват, предшественники*. Подумайте, как их «внутренняя форма» связана с представлениями о положении человека во времени.

Работа над поэтическим портретом слова.

ЛКЗ 4. Лингвокультурологический анализ стихотворения А. Тарковского «Посредине мира»

У: Ребята, сейчас мы проанализируем известное стихотворение Арсения Тарковского «Посредине мира» и выясним особенности пространственно-временного положения лирического героя. Обратите внимание на название стихотворения. В нём положение человека в мире обозначается как срединное. Как вы думаете, что это значит?

Заслушиваются ответы учащихся.

У: Многие из вас предположили, что человек Тарковского – это центр Вселенной, который занимает главенствующее положение в природе. Давайте проверим, так ли это. Мы начнём с анализа первой строки.

У: Выделите сочетания, обозначающие пространственное положение человека. (Посредине, за мною, передо мною, между ними.)

У: Подумайте, нет ли в словах, выражающих пространственное значение, указания на время? (*Лирический герой стихотворения сообщает, что за ним – «мириады инфузорий». То есть говорит о том, что является результатом длительной эволюции, которая разворачивалась во времени. Перед ним же – «мириады звёзд». Это означает космическое измерение времени – то будущее, которое открыто человеку: он может выйти за пределы планеты и открыт навстречу звёздным мирам.*)

У: Как лирический герой взаимодействует с прошлым и будущим? В каких образах описывается это взаимодействие? (*«Между ними лёг во весь свой рост», «связующее море», «соединивший мост».*)

У: Что подчеркивается этими образами? (*Идея не разрыва между далекими друг от друга временными модусами, а их связь, сопряжение, соединение.*)

У: Особенности взаимодействия героя со временем подробнее раскрываются во второй строфе стихотворения. Перейдём к её анализу.

У: В первых двух строках выделите слова, которые обладают временным значением. (*Мезозой, времена грядущие.*)

У: Выделите в первых двух строках имена собственные. Кому принадлежат эти имена? К какой исторической эпохе относятся эти лица? (*Нестор – летописец времён Древней Руси, Иеремия – библейский пророк.*)

У: Какие метафорические сочетания образуют имена собственные и временная лексика? (*Нестор становится летописцем дочеловеческой эпохи, а библейский пророк Иеремия оказывается в отдалённом грядущем. Таким образом, поэт использует нарочитый анахронизм.*)

У: Как вы думаете, с какой целью? (*Поэт показывает, что в человеке сосуществуют прошлое, настоящее и будущее. Человек объединяет макрокосм и микрокосм, далекое прошлое и неведомое будущее.*)

У: С чем или кем сравнивает себя лирический герой в последних двух строках строфы? В чём заключается роль этих сравнений? (*Поэт сравнивает себя с Россией и нищим царём. Появляется историческая тема: он верит в будущее России, она уже там – в будущем, но одновременно сохраняет память об историческом прошлом, пусть даже трагическом. Тем самым ещё раз подчеркивается, что в человеке объединяются разные временные планы.*)

У: Проанализируем последнюю строфу стихотворения. В первых двух строках найдите противопоставление. (*Смерть – живое*)

У: Чем подчеркивается это противопоставление? (*Гипербола: «больше мертвецов о смерти знаю», «из живого самое живое».*)

У: Что это означает? (*Ещё раз подчеркивается масштабность человека.*)

У: А теперь проанализируем 3 последние строки. Какой образ появляется в данном фрагменте? (*Появляется образ мотылька – нечто маленькое, эфемерное, недолго живущее, неразумное.*)

У: Почему он смеется над лирическим героем? (*Тем самым подчеркивается, что несмотря на всю масштабность человека, открытость различным временам, он не больше*

любого другого творения. Пусть время жизни мотылька измеряется сутками, а не тысячелетиями, он также причастен к тайне мироздания.)

- Какова роль данного фрагмента в общей композиции стихотворения? (На протяжении долгого времени нагнетается идея масштабности человека, а в самом конце появляется образ мотылька, который уравнивает картину. Тем самым человек ставится в один ряд с мотыльком.)

- Действительно ли человек Тарковского – центр Вселенной? В чём же, по вашему мнению, заключается истинное величие человека? (Величие человека заключается в том, что он осознает и своё могущество, заключающееся в безграничных возможностях постижения времени, и одновременно свою причастность, включенность в единую цепь бытия, где он уравнен с мотыльком.)

На последнем этапе создается собственное речевое произведение. Школьникам дается, например, следующее задание: «Напишите лингвокультурологический этюд на тему «Моё время». При описании времени используйте известные вам метафоры, сравнения, пословицы и поговорки».

Итак, на уроке были рассмотрены и классифицированы лексические единицы с семантикой времени, метафорические сочетания, отражающие как национальные, так и уникальные, индивидуально-авторские представления о времени, проведён комплексный анализ поэтического текста для выявления ценностного компонента темпоральной картины мира автора. В результате у школьников укрепились понимание языка как общечеловеческой и национальной ценности, осознание того, что в языке отображается своеобразие культуры его носителей.

Литература

1. Дейкина А.Д., Левушкина О.Н. Роль лингвокультурологического подхода в методике преподавания русского языка как родного, как иностранного и как неродного // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: вопросы образования: языки и специальность. 2012. №4. С. 23-28.
2. Мишатина Н.Л. Лингвокультурологический подход к развитию речи учащихся 7-9-х классов: : автореферат дис. ... кандидата педагогических наук : 13.00.02. Санкт-Петербург, 2000. 22 с.
3. Мишатина Н.Л. Образ человека, в слове явленный: освоение концептов русской культуры: учебно-методическое пособие. СПб: САГА, 2005. 132 с.
4. Шутан М.И. Этапы работы с концептом на уроке русского языка // Нижегородское образование. 2017. № 3. С. 95-100.

ГУСАКОВА Т.И., ИВАНЧУК М.С., ОНЯНОВА А.Н.

*Московский государственный медико-стоматологический университет
им. Евдокимова*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКА - ПОСРЕДНИКА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

В статье рассматривается вопрос о роли и целесообразности использования языка - посредника. Подчеркивается необходимость языка-посредника на начальном этапе обучения для быстреего усвоения и лучшего понимания тонкостей всех языковых аспектов изучаемого языка.

Ключевые слова: русский как иностранный, язык-посредник, формирование фонетических навыков.

Вопрос, который достаточно активно обсуждается в методике преподавания иностранных языков и, безусловно, в методике преподавания РКИ, это вопрос о языке-посреднике или об использовании грамматико-переводного метода в обучении иностранным языкам: можно и нужно ли использовать язык-посредник или родной язык, или процесс обучения должен строиться только или в значительной мере на изучаемом языке. Лингвисты высказывают разные точки зрения по этому вопросу.

Перед тем, как перейти к анализу роли языка-посредника в процессе преподавания РКИ, необходимо обратиться к определениям этого понятия, данным ведущими учеными в области теории языка. Ведущий специалист в области теории языка и теории обучения языку В.А. Виноградов рассматривает язык-посредник как «контактный язык, язык, функционирующий как средство межнационального или межэтнического общения».

В.А. Виноградов подчёркивает, что язык посредник есть ни что иное, как абстрактная модель, включающая в себя «особый понятийный словарь и набор грамматических правил трансформации фраз одного языка во фразы другого, через посредство обобщенного (глубинного) базисного «языка» [Виноградов 2003; 2].

Словарь лингвистических терминов под редакцией Т.В. Жеребило дает следующее определение языка-посредника: «Общий язык, используемый народами, у которых разные языки» [Жеребило 2011; 3].

В кратком словаре «Языковые контакты» под редакцией исследователей В.М. Панькина и А.В. Филиппова язык-посредник определяется как «неродной язык для двух или более собеседников, который они знают в большей или меньшей степени и на котором общаются, не зная родного языка друг друга» [Панькин, Филиппов 2011; 7].

Автор монографии «Основы теории обучения на неродном для учащихся языке» А.И. Сурыгин придерживается мнения, что языком посредником следует считать «язык, используемый в процессе обучения как вспомогательное средство коммуникации, которым владеют и обучающийся на неродном языке, и преподаватель» [Сурыгин 2000; 6].

Вопрос о языке-посреднике очень актуален для нашего вуза, Московского государственного медико-стоматологического университета имени Евдокимова, имеющего давние традиции и накопившего серьёзный опыт в обучении стоматологии. Студенты многих стран мечтают получить медицинское образование в нашем университете, популярность которого растёт из года в год вместе с востребованностью специальности, получаемой ими в МГМСУ им. Евдокимова. Расширяется и география студентов, прибывающих на обучение. Если изначально, это были студенты в большей степени из Ирана, то в текущем году мы обучаем студентов из Афганистана, Вьетнама, Гватемалы, Китая.

В нашем вузе изначально ведется политика ведения образовательного процесса только на русском языке. Нельзя не учитывать тот факт, что студенты находятся в России длительное время (5–7 лет) и для полноценного обучения и социализации, погружения в культуру страны им необходимо хорошо владеть русским языком. Студентам приходится обращаться за медицинской помощью, покупать продукты и одежду, посещать театры и музеи, кафе и рестораны, заказывать на дом продукты, путешествовать по России. Гуляя по городу, посещая банки, магазины, знакомясь с русскими людьми они проявляют живой интерес к русскому языку, задают множество вопросов с просьбой разъяснить значение того или иного слова либо фразы, прочитанной или услышанной в процессе коммуникации, что не может не радовать нас, преподавателей РКИ.

Крайне сложно обойтись без языка посредника на начальном этапе обучения для объяснения студентам особенности русского алфавита, произношения, правил чтения, основ грамматики.

В методике преподавания иностранного языка языком-посредником считают язык, используемый в процессе обучения иностранному языку. Как правило, в качестве языка-посредника используются широко распространенные языки, в частности английский. Значение английского как языка международного общения, общепризнано. Сегодня это самый востребованный язык в мире, можно сказать, язык-посредник, на котором, помимо 400 миллионов носителей языка, общаются другие 700 миллионов человек, владеющие им как иностранным языком.

Трудно оспорить тот факт, что английский язык стал основным языком-посредником современного мира в ключевых областях международного сотрудничества. Иностранные студенты, приезжающие в Россию с целью получения образования, в той или иной степени владеют английским языком. Это и объясняет выбор английского языка в качестве языка-посредника при обучении студентов и слушателей подготовительных факультетов русскому языку как иностранному (РКИ). Студенты из Ирана, например, которых мы обучаем, достаточно хорошо владеют английским языком, поэтому он является огромным подспорьем в изучении русского языка, освоении его сложной грамматики, понимании его лексических особенностей.

На этапе, вводно-фонетического курса, много времени отводится формированию фонетических навыков. Именно на этом этапе целесообразно использовать язык-посредник для того, чтобы студенты понимали артикуляцию и фонетические особенности некоторых звуков, обусловленную отсутствием данных звуков в фонетической системе родного языка учащихся. Так, для студентов особую трудность представляет произношение мягких и твердых согласных звуков, которые отсутствуют в других языках. Как правило, возникают трудности с чтением и написанием букв русского алфавита ж, з, щ, ъ, ь. Часто путают русские буквы т и m как со схожими по написанию, но абсолютно разными по произношению английскими буквами р и n. С помощью языка-посредника на начальном этапе обучения преподаватель поможет избежать фонетических ошибок и объяснит учащимся правила чтения.

Развивая фонетические навыки студентов, преподаватель обращает особое внимание на обогащение словарного запаса студентов, расширяющего их коммуникативные компетенции, что и является главной целью изучения любого иностранного языка. Вводя новую лексику, преподаватель использует разнообразные доступные средства, однако необходимо помнить, что в каждом языке существуют лексические единицы, которые невозможно, либо достаточно сложно объяснить, используя картинки, предметы, жесты и т.д. К ним, как правило, относятся фразеологизмы, пословицы, поговорки, абстрактные существительные.

Не менее важен язык-посредник, по признанию преподавателей РКИ, при введении и усвоении не менее сложного грамматического материала, он позволяет не только экономить время, но и преодолевать специфические особенности русской грамматики.

Методика обучения русскому языку как иностранному при помощи языка-посредника разрабатывается для начального этапа обучения, хотя, как показывает практика, успешно применяется и на среднем и продвинутом этапах. Однако, нами замечено, что его использование более эффективно при обучении в группах однородного языкового состава. В таких группах во многом увеличивается эффективность и интенсивность обучения, что даёт возможность охватить больший объём учебного материала, сократить сроки его изучения, добиться его более точного и быстрого восприятия, осознания и более глубокого усвоения, преодолеть отрицательное влияние родного языка.

Таким образом, язык-посредник не враг, по-нашему, а активный помощник.

Использование языка-посредника наиболее целесообразно на начальном уровне, но не исключено и на среднем, а если ситуация требует, то и на среднем, и на продвинутом. Однако всегда необходимо помнить о том, чтобы русский язык на уроке РКИ превалировал по отношению к языку-посреднику в общении студентов с преподавателем. Наша точка

зрения такова: если у вас есть возможность использовать язык-посредник в процессе обучения, делайте это. Но делайте разумно, как и когда того требует ситуация. Все средства хороши, если они облегчают и ускоряют процесс освоения русского языка.

Литература

1. *Богатырко А.О., Москвина Ю.А., Баатарзоригт Б.* Значение языка-посредника в преподавании русского языка как иностранного в оценке студентов // Научное обозрение. Педагогические науки. – 2023. – № 4. – С. 5-9.

2. *Виноградов В.А.* Лингвистика и обучение языку. – М. Academia. 2003. – 370 с.

3. *Жеребило Т. В.* Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социолингвистика: Словарь-справочник. (956 словарных статей)– Назрань : Пилигрим, 2011. – 280 с.

4. *Митрофанова, О. Д.* Методика преподавания русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1990. – 267 с.

5. *Московкин, Л. В.* Русский язык как иностранный и актуальные проблемы его преподавания // Foreign Language Teaching. – 2012. – № 4 (39). – С. 353-372.

6. *Сурыгин А. И.* Основы теории обучения на неродном для учащихся языке. – СПб.: Издательство «Златоуст», 2000. – 233 с.

7. *В. М. Панькин, А. В. Филиппов* Языковые контакты : краткий словарь /. – М.: Флинта : Наука, 2011. – 156 с.

СФ – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. [Электронный ресурс] // URL: <http://vasmer.narod.ru/>, (дата обращения: 26.08.2013).

ЧудСИС – Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / сост. А.Н. Чудинов. М.: [б.и.], 1910.

ДАНИЧ О.В.

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ СИМВОЛЫ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ГРАМОТНОСТИ БЕЛОРУССКИХ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Рассматриваются лингвокультурные символы как единицы лингвокультуры, служащие материалом для формирования лингвокультурной грамотности младших школьников Республики Беларусь.

Ключевые слова: символ, лингвокультуры, лингвокультурная грамотность.

Формирование общей культуры личности в контексте любой образовательной парадигмы, принятой в обществе на определенном этапе его развития, всегда остается одним из главных целевых ориентиров системы образования.

Современная педагогическая теория и практика декларирует в качестве желаемых результатов образования формирование целого ряда компетенций: универсальных, общепрофессиональных и специальных. Предметом нашего интереса является общекультурная компетенция, входящая в число универсальных.

Видится совершенно необходимым начинать процесс целенаправленного общекультурного развития личности как можно раньше, в нашем случае, с младшего школьного возраста. Особенности познавательной и эмоционально-личностной сферы младшего школьника, при обозначении целей образования, делают более уместным употребление термина «грамотность», нежели «компетентность». В рамках данного исследования мы будем говорить о необходимости формирования культурной грамотности личности на ранних этапах ее развития, т.е. о культурной грамотности младшего школьника. Обобщенно под культурной грамотностью понимается система знаний, необходимых человеку для того, чтобы ориентироваться в современном мире. Это минимальный объем знаний, охватывающий все области человеческой деятельности: «...Культурная грамотность,

связанная с объемом информации, которой владеет человек, позволяет ему находиться в гармонии с окружающим миром» [Козырев, Черняк 2008; 15]. Поскольку основным средством вхождения в культуру является язык, мы уточняем понятие культурной грамотности и говорим о грамотности лингвокультурной. В нашем понимании лингвокультурная грамотность является формируемой средствами языка и проявляемой в коммуникативной деятельности культурной грамотностью личности.

Обязательными компонентами лингвокультурной грамотности являются общие для определенного социума фоновые культурные знания и ценностные ориентации, владение речью, языком и читательской грамотностью как эффективным средством усвоения всего вышеперечисленного. Сложная структура лингвокультурной грамотности требует соответствующего дидактического контента. Одним из таких пособий может служить учебный словарь лингвокультурной грамотности младших школьников, своего рода «гибрид» справочного издания – источника культурно маркированных знаний – и учебного, обеспечивающего процесс прочного усвоения данной информации. Реализация такой сложной функции возможна за счет многокомпонентного построения словарной статьи, которая включает толкование заголовочной единицы, реализацию ее культурного смысла в пословицах, поговорках и фразеологизмах, анализ ассоциативного поля, словообразовательного гнезда, а также выявление денотативных и коннотативных макрокомпонентов значения слова-единицы в фольклорных и авторских текстах. Каждая часть словарной статьи сопровождается практическими заданиями, предполагающими формирование предметных, метапредметных компетенций и достижение личностных результатов на материале культуросодержащих текстов.

Формируя словник словаря лингвокультурной грамотности, мы руководствовались, в первую очередь, степенью репрезентации языковыми единицами национальной культуры. В этом случае закономерным становится выбор слов-символов славянской культуры, поскольку символ – носитель культурной коннотации. Так, В.Н. Телия писала: «Установки культуры, обретая ту или иную знаковую форму, образуют... символическую вселенную, в которой человек и осуществляет свою жизнедеятельность» [Телия 1999; 18].

Анализ работ, посвященных символу как единице лингвокультуры (Ю.М. Лотмана, В.Н. Телия, В.А. Масловой, Ю.С. Степанова, Г.В. Токарева и др.), позволил выделить ряд лингвокультурных символов, усвоение содержания которых станет «кирпичиком» лингвокультурной грамотности детей младшего школьного возраста. К таким символам мы отнесли следующие: *азбука, дерево, дом, книга, колокол, колесо, мост, нить, рубашка, хлеб, человек*.

Продemonстрируем представленность лингвокультурных символов в словаре лингвокультурной грамотности на примере фрагментов словарной статьи, посвященной слову-символу *книга*.

«Книга, ж.р. (бел. кніга, ж.р.) – 1) печатное издание (в старину также рукописное) в виде переплетенных вместе листов с каким-нибудь текстом (*интересная книга, книга с картинками*); 2) сшитые в один переплет листы бумаги для каких-либо записей или с какими-либо записями (*книга отзывов, книга жалоб и предложений*).

1. Очень-очень давно человек не умел ни читать, ни писать, а как тогда передавать важные сведения другим людям? И человек придумал сначала рисовать то, о чем хотел сказать: на камнях, на деревьях или просто на земле создавались целые картины или целая серия картинок о важных событиях из жизни. Правда, похоже на современные комиксы? Потом рисовали на глиняных дощечках, на папирусе (полосках тростника), коре березы (бересте), пергаменте (выделанной коже животных). Потом разные народы придумали свои условные значки для записи информации: иероглифы, руны, буквы. Теперь можно было записывать большие тексты, вот только материал для записей был не очень: или тяжелый, как глиняные дощечки, либо хрупкий, как папирус и береста, либо очень дорогой, как пергамент.

И вот наконец появляется бумага – тонкий, прочный и довольно дешевый материал для письма. Затем листы бумаги с рукописными записями научились сшивать, а затем и быстро переносить оттиски букв на бумагу, то есть печатать. Белорусским первопечатником был просветитель Франциск Скорина, он же и основал первые белорусские типографии. С появлением бумаги и печатного станка книга становится источником знаний, доступным для всех, кто владел грамотой, т.е. умел читать и писать.

Первые же книги были рукописными, и создавались они на славянских землях в монастырях, которые были центром духовной жизни и культуры. Книга была священной, ведь в ней заключались знания, собранные многими поколениями. Поэтому и грамотные люди пользовались самым большим уважением в любом обществе. Книги передавались по наследству, включались в приданое невесты, а собрание книг (библиотека) делало его обладателя настоящим богачом.

И сегодня, несмотря на множество других источников информации, любимая книга остается нашим верным другом, к которому обращаешься за помощью и советом, с которым никогда не скучно, который обязательно поможет стать умнее, добрее, а значит, сильнее.

– Назовите 3-4 вида материала, который возможно использовать для записей. Какой из них распространен сегодня?

– Назовите утверждение, которое может быть главной мыслью этого текста.

- Человек уже давно передавал информацию при помощи комиксов.
- Бумага и печатный станок сделали книгу доступной для многих людей.
- Ценность книги – в заключенной в ней мудрости и знаниях.
- Основателем белорусского книгопечатания стал Франциск Скорина.

– Какое значение имеет книга для вас? Есть ли у вас любимая книга? Почему она для вас любимая?

2. О книге сложено много пословиц и поговорок.

Книга твой друг, без нее как без рук; книга в счастье украшает, а в несчастье утешает; книги не говорят, а правду сказывают; знание — солнце, книга — окно; недочитанная книга — не пройденный до конца путь; книга для ума — что тёплый дождик для всходов; испокон века книга растит человека; книга поможет в труде, выручит в беде; хлеб насыщает тело, а книга — ум; одна книга тысячу людей учит.

– Какое из значений слова *книга* отражено в этих пословицах и поговорках?

– Найдите три пословицы, смысл которых соотносится с содержанием последнего абзаца текста задания 1.

3. А вот как представлено понятие *книга* в образных выражениях – фразеологизмах.

Книга за семью печатями; уткнуть нос в книгу; глотать книгу за книгой; жалобная книга; красная книга; ходячая книга; книга жизни; книга книг.

– В каких фразеологизмах слово *книга* употреблено во втором значении?

– Выберите любой фразеологизм, который обозначает положительную характеристику человека, или правильное поведение, или полезный, на ваш взгляд, предмет и составьте с ним предложение.

4. Очень интересны ассоциации, которые вызывает слово *книга*.

(книга) интересная, знание, толстая, хорошая, жалоб, источник знаний, любимая, читать, бумага.

– Какие из слов-реакций отражают роль книг в жизни человека?

– А какие ассоциации вызывает у вас слово *книга*? Назовите 3-4 таких слова.

5. От слова *книга* можно образовать следующие слова:

Книга — книжка, книжечка, книжища, книжный, книжкин, книголюб, книгочей, книгоиздатель, книгопечатание, книгохранилище.

– Какую часть слова добавили к корню *книг-*, чтобы получились четыре первых два слова? А следующих два?

– Как вы думаете, части каких слов добавили, чтобы получились слова *книголюб* и *книгочей*?».

Таким образом, использование важнейших символов лингвокультуры позволит формировать лингвокультурную грамотность младших школьников, «включать» их средствами языка в русскую культуру, актуализируя национальную специфичность белорусского материала.

Литература

1. Как проверить культурную грамотность: Словник и тестовые задания / Сост. В.А. Козырев, А.Ю. Пентина, В.Д. Черняк. – СПб., 2008. – 170 с.
2. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры. – М., 1999. – С. 13–24.

ДЕНИСУЛТАНОВА В.Д.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ ПО РКИ С ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ (НА ПРИМЕРЕ ТЕМЫ «МАСЛЕНИЦА»)

Статья посвящена вопросу эффективности проведения тематических занятий на уроках РКИ с использованием лингвокультурологических компонентов. Автор отмечает актуальность лингвокультурологического подхода в обучении русскому языку на современном этапе и предлагает использовать различные методы для успешного внедрения элементов культуры в учебный процесс. В статье описывается план проведения тематического занятия на тему «Масленица» для иностранных студентов I сертификационного уровня.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвокультурологический компонент, русский язык как иностранный, тематическое занятие по РКИ

На современном этапе развития методики преподавания русского языка как иностранного отмечают связь высокой эффективности обучения с формированием лингвокультурологической и лингвострановедческой компетенций. При погружении обучающихся в языковую среду методисты и практикующие преподаватели подчеркивают важность учёта регионального компонента в процессе межкультурной коммуникации.

Использование теоретических основ лингвокультурологии и внедрение этой науки в учебный процесс привело к развитию лингвокультурологического подхода, который определен в методике РКИ как «один из наиболее эффективных подходов, нацеленных на формирование навыков и умений осуществления межкультурного общения путем изучения иностранного языка как феномена культуры» [Дигина 2009: 101]. Целью этого подхода является формирование лингвокультурной компетенции студентов, что позволяет развивать языковую идентичность и культурную осведомленность учащихся в процессе изучения русского языка.

Лингвокультурологический подход может быть использован в обучении лексике, комментированному чтению и истории России. Как отмечает Савченко Т.Д., при преподавании РКИ, лингвокультурологический компонент реализуется через выбор и чтение текстов, соответствующих культурной тематике, комментирование культурологических фактов, присутствующих в текстах, показ учебных фильмов, фрагментов передач, мультфильмов, слайдов, фотографий и т.д., а также выполнение заданий на аудиторных занятиях [Савченко 2016: 217]. Однако, помимо этих методов, существуют и другие способы вовлечения учащихся в изучение культуры изучаемого языка, такие как проведение внеаудиторных культурологических мероприятий, изучение прецедентных фраз и имен русской культуры, комментирование не только текстовых ситуаций, но и других материалов.

Культурологические мероприятия могут проводиться как вне аудитории в свободное от занятий время (экскурсии, посещение городских мероприятий и концертов), так и непосредственно на уроке в виде тематического занятия. Как правило, круг тем типичен: национальные и народные праздники, памятные даты событий российского и мирового масштаба, известные люди страны (писатели, поэты, художники, учёные и т.д.).

До начала проведения тематического занятия важную роль играет процесс подготовки преподавателем необходимых материалов. Мы предлагаем для тематического занятия на тему «Масленица» подготовить презентацию с фото- и видео элементами, в которых должны быть представлены история праздника, особенности народных игр, рецепты блинов и других видов национальных блюд, а также отражение этого праздника в культуре (литература, живопись, музыка). Хотя этот праздник берет свое начало с периода язычества, но в наше время он по-прежнему широко отмечается во многих регионах страны, особенно в Москве, потому некие общие представления о нем будут полезны и интересны обучающимся.

Следующий этап заключается в подготовке устного материала по теме презентации, где важным представляется отбор лексических единиц. Наше занятие предназначено для студентов I-го сертификационного уровня, окончивших подготовительный факультет, а потому устное сообщение уже не требует строгого ограничения по лексике. Мы неизбежно будем внедрять в речь множество новых слов и выражений, которые могут быть представлены и национальными концептами, например: «язычество», «славяне», «обряд», «плодовитость», «чучело», «злак», «урожай», «кулачные бои», «чистый понедельник» и т.д. При рассказе о названиях дней масленичной недели можно обратить внимание на морфемный состав слова. Например, вторник носил название «заигрыш», здесь мы предлагаем студентам объяснить значение слова, вспоминая о значении приставки за- (начало действия). Названия «тёщины вечера» и «золовкины посиделки» (пятница и суббота соответственно) позволяют дать комментарий об обозначениях родственных связей в русском языке.

В ходе занятия студентам будет встречаться множество новых слов и выражений, которые могут быть никак не представлены в их родной культуре. Потому целесообразным будет помимо визуального изображения подготовить или разработать ряд заданий, где можно проследить употребление новых слов в контексте. Один из вариантов заданий: предложить студентам подобрать схожие по значению слова и понятия в своих культурах, а затем сравнить все полученные данные в форме сопоставительного анализа. Помимо этого, мы предлагаем рассказать студентам о литературных и музыкальных произведениях, где отражена тема Масленицы, например, «Чистый понедельник», Финальным этапом занятия может быть проведение нескольких народных игр под народную музыку. Также предлагается провести небольшую викторину на усвоение материала занятия с обязательными поощрительными призами для всех студентов. Викторину можно провести в письменной форме в виде теста, или с использованием мультимедийных ресурсов. Например, мы предлагаем использовать приложение MyQuiz, которое позволяет в онлайн режиме транслировать вопросы и ответы, и представляет статистику и результаты викторины, а студентам для участие понадобится лишь мобильный телефон.

В заключении хотим отметить, что тематический диапазон для подобных занятий довольно широк, как и выбор различных аудиовизуальных средств для оформления и подготовки. Изучение языка неразрывно связано с изучением культуры, а потому современный преподаватель русского языка должен использовать все возможные средства чтобы разнообразить занятия и ввести в них культурный компонент, что успешно реализуется при проведении тематических уроков на различные темы.

Литература

Дигина О.Л. Влияние лингвокультурологического подхода на формирование межкультурной коммуникации в обучении иностранному языку/ О.Л. Дигина // *Lingua mobilis*. Челябинск: Издательство «Энциклопедия», 2009. — № 4 (18). — С. 99-105.

Коломейцева, Е. Б. Преподавание грамматики РКИ через призму лингвокультурологии / Е. Б. Коломейцева // *Русский язык на перекрестке эпох: традиции и инновации в русистике* : Сборник научных статей по материалам V Международной научно-практической конференции, Ереван, 29–30 октября 2021 года. Том Часть 2. – Ереван: Российско-Армянский университет, 2023. – С. 67-70.

Савченко Т.Д. Лингвокультурология в курсе преподавания РКИ студентам-иностранцам медико-биологического профиля. Университетские чтения, Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Пятигорск, 2016. – С. 216-221.

ДИВИСЕНКО О.В., МАЙ Л.И.

Военная академия связи

РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИСКУРС НА УРОКЕ РКИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

В статье рассматривается возможность формирования языковой и коммуникативной компетенций с опорой на религиозный дискурс. Приводятся примеры использования религиозной лексики на уроках РКИ у студентов с начальным уровнем владения языком.

Ключевые слова: религиозная лексика; РКИ; коммуникативная компетенция; языковая компетенция; прецедентность.

Для успешного овладения русским языком у студентов должна быть сформирована коммуникативная компетенция. Список разговорных тем для уровня В1 содержит учебную, бытовую и социокультурную сферы. В стандарте ТРКИ-2 появляется круг тем, связанных уже с общегуманистической проблематикой, для чего в словарь Второго уровня введены слова, относящиеся к сфере религии [Андрюшина 2011; 649, 650]. Лексический минимум (далее - ЛМ) В1 содержит мало слов, позволяющих проводить коммуникацию на эту тему: *Бог, верить, собор, Рождество, церковь, храм* [Лексический 2000]. Получается своеобразная методическая лакуна между уровнями В1 и В2. Основной объем религиозной лексики даётся на уровне В2 сразу без учёта принципа концентризма. Это вызвано, на наш взгляд, в том числе и этической боязнью преподавателей поднимать эти темы со студентами на более низких уровнях владения языком, тогда как "благословение" привлекать в урок РКИ языковой материал, отражающий религиозную традицию (по крайней мере, русскую), дали ещё в 1990 году основоположники лингвострановедения Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров [Верещагин, Костомаров 1990; 231, 233]. Более того, есть подтверждения того, что иностранные студенты довольно религиозны [Май, Дивисенко 2021; Хасан 2020].

Освоением характерного для верующих религиолекта занимаются в специальных религиозных учебных заведениях [Колесникова, Миллер 2017]. Однако, потребность выразить себя с помощью слов из религиозного дискурса может появиться у студентов совершенно разных специальностей. В практике любого преподавателя РКИ есть примеры, когда выход в речь происходит незапланированно. Например, при отработке навыка выражения необходимости в сложноподчиненном предложении студентам из Анголы было предложено ответить на вопрос: "Что нам нужно, чтобы утром проснуться?" Первый же ответ в группе обнаружил глубокое проникновение религиозного сознания в жизнь студента: *"... надо вечером помолиться"*. Этот вопрос оказался "спусковым механизмом" для решения коммуникативной задачи: верующий студент не мог ответить на него иначе, и ему пришлось объяснить свой неожиданный для остальных ответ.

Взгляды религиозных студентов могут быть понятны преподавателю вне зависимости от его религиозной принадлежности, т. к. он имеет представление о прецедентных для авраамических культур текстах и именах. Знакомыми для христиан и мусульман будут библейские имена, а для христиан - ещё и имена святых (*агионимы*). В ЛМ В1 среди наиболее употребительных мужских и женских имён, кроме Антона, Ивана, Анны, Марии, Елены стоило бы обратить внимание и на другие агионимы. Это полезно тем, что «различаясь графически и фонетически в различных языках, данные лексические единицы вызывают одинаковые чувства у христиан вне зависимости от родного языка, что является важным аспектом при преодолении языкового барьера» [Колесникова, Миллер 2017; 338]. Действительно, если иностранный студент расскажет о происхождении своего имени от святого или из священной истории, это положительно скажется на его коммуникативной компетенции, послужит мотивирующим примером для других студентов группы.

С помощью религиозной лексики возможно формирование и языковой компетенции. Иногда лексика для иллюстрации речевой модели в пособиях является нечастотной и/или далекой от жизни студентов. Ярким примером является несоответствие в коллокациях с глаголами движения в учебниках РКИ (А1-В1), с одной стороны, и в устном подкорпусе НКРЯ, с другой. Оказалось, что если в учебнике РКИ приводятся примеры со словами *театр*, *бассейн* и *гости*, то в корпусе часты сочетания со словом *туалет* и *церковь/храм* [Лапошина, Лебедева 2019; 363]. Поэтому в речевых моделях можно рекомендовать использовать и религиозную лексику.

В нашей практике такие слова из религиозного дискурса как *церковь* и *мечеть* заняли прочное место в плане востребованности этих реалий в жизни учащихся и методической ценности (сущ. ж.р. на -Ь). В то же время слова “церковь”, “храм”, “собор” появляются в ЛМ уровня В1 для пассивного усвоения и должны быть активизированы лишь на следующем уровне, хотя “мечеть” отсутствует даже в С1. В словарь учащихся с глаголами на -СЯ второго спряжения уже на А2 мы предлагаем добавить глаголы *молиться*, *креститься* (хотя оба глагола появляются только в ЛМ В2 и С1 соответственно).

Употребление религиозной лексики с глаголами движения в переносном значении тоже может быть позитивно воспринято иностранцами. Так, на уроке в смешанной группе из Танзании и Гвинеи-Бисау, где часть населения исповедует христианство, а часть - ислам, продуктивным для выхода в речь оказался образец: “Кассиус перешёл из *христианства* в *ислам*”. А коллокации с транзитивным глаголом движения в переносном значении (*носить*) можно было бы обогатить включением такого христианского атрибута как *крест* (это слово появляется в ЛМ В2) и наименований одежды (мусульманки носят + что).

Из всей религиозной лексики “Бог” появляется в ЛМ раньше всех - на уровне А2, “Господь” - на С1 [Лексический 2018]. В аудитории верующих студентов (христиан и/или мусульман) позитивно воспринимается «религиозное» объяснение конструкции возраста: (*Бог дал*) мне 18 лет (*жизни*). О необходимости лингвокультурологического комментария для этой конструкции говорит И.В. Родина [Родина 2015; 163]. Это объяснение будет интересно и для индифферентно настроенных к религии студентов, так как употребление этой конструкции часто вызывает сложности.

Таким образом, мы видим, что религиозно-окрашенная лексика ничем не отличается по своим способностям развивать языковое чутье иностранцев от слов другого стилистического поля [Колесникова, Миллер 2017].

Для успешного формирования коммуникативной компетенции можно затрагивать религиозные темы (толерантно и аккуратно) в лояльной к этому аудитории. В интернациональной группе рассказ о себе вполне можно дополнить указанием на свою религиозную принадлежность. Слова *атеист*, *буддист*, *католик*, *мусульманин* и

православный появляются в ЛМ на уровне В2 [Лексический 2021]. Мы считаем, что их можно ввести раньше, при изучении лексико-семантической группы наименований жителей разных стран, т.е. уже на уровне А1.

Проведенный анализ содержания разговорных тем в требованиях по РКИ для уровня В1 и ЛМ В1-С1, а также наш опыт преподавания на подготовительном факультете военного вуза позволяют предложить уже на уровнях А1-В1 включать ограниченный объем религиозной лексики в соответствующей аудитории студентов для иллюстрации таких грамматических тем, как существительные ж. р. на -Ь; глаголы на -СЯ второго спряжения; Предл. пад. места и Винит. пад. направления; глаголы движения в переносном значении.

Мы считаем важным в дальнейшем продолжить работу в следующих направлениях: а) проанализировать учебники В1-В2 на предмет наличия религиозной лексики, позволяющей студентам участвовать в коммуникации с учётом своей религиозной принадлежности; б) провести работу по отбору религиозной лексики, способной входить в различные словосочетания в заданных для каждого уровня речевых образцах; в) обосновать разграничение религиозной лексики для активного и пассивного усвоения. Это позволит развивать коммуникативную компетенцию определённой группы студентов на актуальном для них языковом материале.

Литература

1. Андрюшина Н.П. Лексические минимумы по русскому языку как иностранному: проблема отбора лексических и фразеологических единиц // Проблемы истории, филологии, культуры. - 2011. - № 3 (33). - С. 648-652.
2. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании Русского языка как иностранного. - М.: Рус. яз., 1990. - ... с.
3. Колесникова Н. В., Миллер А. С. Особенности преподавания русского языка как иностранного в рамках религиозного дискурса (из опыта преподавания на факультете иностранных студентов СПбДА) // ТРУДЫ И ПЕРЕВОДЫ. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская духовная академия, 2017. - Выпуск 1. - С. 331-341.
4. Лапошина А., Лебедева М. Корпусный подход к решению проблемы отбора лексики в обучении РКИ // Slavica Helsingiensia. – 2019. - № 52. - С. 359-368.
5. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение / под ред. Н.П. Андрюшиной. - СПб.: Златоуст, 2021. - 168 с.
6. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение / Н.П. Андрюшина и др. - М., СПб.: ЦМО МГУ, Златоуст, 2000. - 200 с.
7. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Третий сертификационный уровень. Общее владение / под ред. Н.П. Андрюшиной. - СПб.: Златоуст, 2018. - 200 с.
8. Май Л.И., Дивисенко О.В. Лингводидактический потенциал религиозности обучаемых на уроках РКИ // IV Международный конгресс преподавателей и руководителей подготовительных факультетов (отделений) вузов РФ «Довузовский этап обучения в России и мире: язык, адаптация, социум, специальность»: сборник статей. – М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2021. - С. 517-523.
9. Нахджури Б. Б. Роль православного христианства в обучении русскому языку иранских студентов // Филология и теология: актуальные вопросы междисциплинарных исследований. Коллективная монография. Материалы III Весенней всероссийской научно-практической школы-конференции с международным участием "Язык-Литература-Православие". М.: Изд-во Перервинской духовной семинарии Русской православной церкви, 2022. - С. 145-152.
10. Родина И.В. Лингвокультурологический аспект в преподавании РКИ: отражение национального менталитета в русской грамматике (материалы лекций) // Книжное дело: достижения, проблемы, перспективы — V: сборник материалов Международ. науч. конференции. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. - С. 156-172. - Дата обращения: 19.09.2023. - Режим доступа: <http://hdl.handle.net/10995/35812>.
11. Хасан Х. Ф. Предикторы совладающего поведения иностранных студентов // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. - 2020. - Т. 30. - Вып. 4. - С. 372–379. - DOI: 10.35634/2412-9550-2020-30-4-

ВАКХИЧЕСКИЙ КОД КУЛЬТУРЫ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СИТУАЦИИ ВИНОПИТИЯ В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Статья посвящена изучению проекции вакхического кода в эстетических образах художественного произведения. Ситуация винопития рассматривается как в плане содержания, так и в аспекте изменения структуры, обусловленной историческим периодом.

Ключевые слова: вакхический код, ситуация винопития, интерпретация, ментальность, национальный характер, лингвокультурология.

«Историческая эпоха, – пишет О.М. Фрейденберг, – изменяет понятия не по одному лишь содержанию, но и по структуре» [Фрейденберг 2021; 211]. Одним из ярких примеров «изменения понятия» являются описания бытовых деталей в мире художественного произведения, к числу которых относится и ситуация винопития.

Под «кодом культуры» вслед за М.Л. Ковшовой и Д.Б. Гудковым мы будем понимать «систему знаков материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов; <...> тип культурной памяти» [Ковшова, Гудков 2018; 40]. Исследуя пищевой, или гастрономический код культуры, М.Л. Ковшова рассматривает его в ряду «базовых кодов культуры» [Ковшова 2016; 232], «"пищевые" образы в художественной литературе, поэтические номинации, имеющие особый эстетический смысл, также восходят к пищевому коду культуры» [Там же; 244]. Как отмечает Ю.М. Лотман, «человек не может воспринимать алкогольное воздействие в отрыве от его психо-культурного ареала» [Лотман 2000; 117]. Вакхические образы обладают «своим» набором отличительных особенностей в репрезентации ценностей, что позволяет говорить о вакхическом коде культуры.

Интерпретация ситуации винопития в мире художественного произведения может рассматриваться как в плане содержания, так и структуры. Обратимся для начала к плану содержания, «наполненности» различными реалиями, обусловленными исторической эпохой. Далее рассмотрим некоторые аспекты, связанные с внутренней структурой ситуации.

С точки зрения влияния исторической эпохи можно отметить, что на первый план выступает наполнение текста новыми реалиями, добавляются новые значения, исчезают старые и возникает новый аксиологический ракурс, угол рассмотрения ситуации винопития. Приведем в качестве иллюстративного материала два фрагмента: первый из рассказа Н.С. Лескова «Левша» (1), второй – из романа В.О. Пелевина «Бэтман Аполло» (2):

(1) *Началось у них пари еще в Твердиземном море, и пили они до рижского Динаминде, но шли всё наравне и друг другу не уступали и до того аккуратно равнялись, что когда один, глянув в море, увидал, как из воды черт лезет, так сейчас то же самое и другому объявилось. Только полскипер видит черта рыжего, а левша говорит, будто он темен, как мурин. Левша говорит: – Перекрестись и отворотись – это черт из пучины. А англичанин спорит, что «это морской водоглаз». – Хочешь, – говорит, – я тебя в море швырну? Ты не бойся – он мне тебя сейчас назад подаст [Лесков URL].*

(2) – *Это не деревья, – сказал Озирис. – Это черти. Тут же я понял, что там не лес. Впереди стояла шеренга самых отвратительных существ, которых я когда-либо видел. Они были черными, с прозеленью, и тускло поблескивали, словно их шерстяные бока были вымазаны жиром. У них были рога примерно как у коров. Чем-то они напоминали выродившихся сельских алкоголиков, которым изменяют жены. И еще их было много. Очень много. За первой цепью стояла вторая, за второй третья — и так до полной черной непроницаемости. <...> Это граница реальности, Рама. Китайцы называют ее Великим Пределом. – А почему ее охраняют русские народные галлюцинации? – Они ее не*

охраняют. Они и есть эта граница. Мы видим ее таким образом потому, что это **наша национальная культурная кодировка**. Русские люди с древних времен **доходили до Великого Предела в алкогольных трипах** – и постепенно, за века и тысячелетия, выработали такой **шаблон восприятия**. Нам он достался по наследству... [Пелевин 2015; 391].

Первый фрагмент примечателен, во-первых, тем, что Н.С. Лесков изображает различие в видении англичанина и русского левши, которое проявляется прежде всего в цветовом восприятии: англичанин видит черта рыжего, русский – черного (сравнительный оборот *темный как мурин*, где слово *мурин* – этимологически связано со словом «мавр»). Во-вторых, первый «классифицирует» его как «морского водоглаза», второй – как *черта из пучины*. В-третьих, различаются и акциональные маркеры: по мнению русского, необходимо «перекреститься и отвернуться», англичанин же предлагает «швырнуть» русского, а тот «назад подаст».

Второй фрагмент – взгляд из современности – содержит схожее цветовое восприятие чертей «черными, с прозеленью». Помимо подробной визуальной оценки, автор оперирует как терминологией, характерной для научного дискурса («национальная культурная кодировка», «шаблон восприятия», «галлюцинации»), так и современной новой лексикой («алкогольные трипы»). Само появление слова «алкоголь» из медицинской сферы в художественном тексте характерно для произведений литературы конца XIX начала XX века. Как мы уже отмечали ранее, в ситуацию винопития в литературе XXI века включаются как медицинские, так и псевдонаучные термины: *хронический алкоголик, психология алкоголика, генетика, в гомеопатических дозах, для тонуса, похмелолог* и др. (см. подробнее [Димитриева 2018]).

Что касается внутренней «структуры», следует отметить различие в способах интерпретации и репрезентации вакхической ситуации. Так, на стыке веков XIX и XX происходит «взрыв» перцептивных оценок при характеристике объектов, следствием чего становится эстетический модус в описании ситуации винопития (по замечанию Н.Д. Арутюновой, «сублиматом сенсорной оценки является эстетическая» [Арутюнова 1988; 195]). Сравним два фрагмента:

(1) *Обед был подан обильный, кушаньям счету не было. На первую перемену поставили разные пироги, постные и рыбные. Была кулебяка с пшеном и грибами, была другая с вязигой, жирами, молоками и сибирской осетриной. Кругом их, ровно малые детки вокруг родителей, стояли блюда с разными пирогами и пряженцами. Каких тут не было!.. И кислые подовые на ореховом масле, и пряженцы с семгой, и ватрушки с грибами, и оладьи с зернистой икрой, и пироги с тельным из щуки <...> А наливки одна другой лучше: и вишневка, и ананасная, и поляниковка, и морошка, и царица всех наливок, благовонная сибирская облепиха. А какое пиво монастырское, какие меда ставленные – чудо. Таково было «учреждение» гостям в Красноярском скиту (П.И. Мельников-Печерский. В лесах) [НКРЯ];*

(2) *На разрисованных райскими цветами тарелках с чёрной широкой каймой лежала тонкими ломтиками нарезанная сёмга, маринованные угри. На тяжёлой доске кусок сыра со слезой, и в серебряной кадлушке, обложенной снегом, – икра. Меж тарелками несколько тоненьких рюмочек и три хрустальных графинчика с разноцветными водками. Все эти предметы помещались на маленьком мраморном столике, уютно присоединившемся к громадному резного дуба буфету, изрыгающему пучки стекляннного и серебряного света. Посреди комнаты – тяжёлый, как гробница, стол, накрытый белой скатертью, а на ней два прибора, салфетки, свёрнутые в виде папских тиар, и три тёмных бутылки. Зина внесла серебряное крытое блюдо, в котором что-то ворчало (М.А. Булгаков. Собачье сердце) [НКРЯ].*

В первом фрагменте изобилие передано посредством многочисленных номинаций блюд и напитков: вводится родовое понятие (например, *кулебяка, пироги*) и далее перечисляются разновидности в зависимости от содержимого (*с пшеном и грибами; с*

вязигой, жирами, молоками и сибирской осетриной). В известном отрывке из повести «Собачье сердце» также содержатся наименования многочисленных блюд и напитков, но наряду с ними включается комплекс сенсорных оценок:

– визуальные: «разрисованные яркими цветами тарелки»; «разноцветные водки», «белая скатерть», «темные бутылки», «сыр со слезой»;

– указывается материал: «серебряная кадушка», «обложенная снегом», «хрустальные рюмочки», «резного дуба», «мраморный столик»;

– физические параметры: «тяжелая доска», «тяжелый, как гробница, стол», «маленький столик» «громadный буфет», «тонкие ломтики», «тоненькие рюмочки»;

– аудиальные / звуковые: «изрыгать свет», «что-то ворчал» и др. Как видно из примеров, многие из характеристик в описании построены на контрасте: *маленький – громadный, белые – темные* и др. Еда как священнодействие подчеркивается религиозной лексикой – *гробница; папские тиары*. Весь этот ансамбль перцептивных оценок в сравнении с первым фрагментом делает автора-рассказчика непосредственным перцептором ситуации застолья, носителем представленного аксиологического «угла зрения». Первый же фрагмент можно условно назвать количественным ракурсом, нейтральным в отношении субъективных оценок, позволяющим, например, исследователям делать вывод в целом о «национальной традиции питания» (см. [Марушкина 2013]).

Таким образом, намеченные векторы исследования вакхического кода в образах художественной литературы позволяют выявить изменения, обусловленные исторической эпохой как в содержательном плане, так и в структурном.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
2. Димитриева О.А. «Поэтика пьянства» в массовой литературе (на примере иронического детектива Дарьи Донцовой) // Научный диалог. – 2018. – № 11. – С. 22–36. – DOI: 10.24224/2227-1295-2018-11-22-36.
3. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство СПб, 2000. – 704 с.
4. Ковишова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. – Изд. 3-е. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 456 с.
5. Ковишова М.Л., Гудков Д.Б. Словарь лингвокультурологических терминов. – М.: Гнозис, 2018. – 192 с.
6. Лесков Н.С. Левша [Электронный ресурс]. – URL: <http://leskov.lit-info.ru/leskov/proza/levsha/levsha-17.htm> (дата обращения 30.09.2023).
7. Марушкина Н.С. Отражение русской национальной традиции питания в диалогии Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2013. – № 3. – С. 29.
8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 30.09.2023).
9. Пелевин В.О. Бэтман Аполло: роман. – М.: Изд-во «Э», 2015. – 544 с.
10. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. – М.: Академический проект, 2021. – 781 с.

ДИН ЛИНА

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ФИТОНИМЫ ХЛЕБ, ТРАВА В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С РЕЛИГИОЗНЫМ КОМПОНЕНТОМ (ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ)

Данная статья посвящена изучению фитонимического фразеологического фонда языка, содержащего религиозный компонент; в нём отражены универсальные и этноспецифические черты языковой картины мира русской и китайской лингвокультур.

Ключевые слова: фитонимические фразеологизмы, религиозный компонент, лингвокультурология, языковая картина мира, сопоставительный анализ.

В современной научной парадигме лингвокультурология трактуется как результат взаимодействия языка и культуры. По мнению В.В. Красных, лингвокультурология – это «...дисциплина, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе. Она непосредственно связана с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» [Красных 2002; 12]. Язык представляет собой базовый компонент формирования национального мировосприятия. В.В. Воробьёв утверждает, что «погружение слов в культуру полнее проявляет их языковую и внеязыковую семантику, помогает глубже проникнуть в суть культурных ценностей, понять их национальную специфику» [Воробьёв 2008; 48].

Фразеология - важнейшая составная часть национальной картины мира, в которой специфически отражается взаимодействие человека и природы. Эта связь во всей своей полноте обнаруживается во флористических фразеологизмах с наименованиями растений, или фитонимов.

Рост и развитие растения заключает в себе огромную тайну: из семени развивается зародыш, потом появляются цветы и, наконец, созревают плоды. Этот процесс побуждает человека размышлять над жизнью растений и её связью с жизнью человека. В процессе исторического развития растение наделяется национальной ментальностью того или иного народа, обусловленной географией, средой обитания, образом жизни, уникальными обычаями, национальной психологией, и существенным фактором - религиозными верованиями. Религия является первичной основой ценностей [Суспицына 2013; 137], в этой связи большое значение приобретает изучение фитонимических фразеологизмов с религиозным компонентом. Цель исследования заключается в том, чтобы с помощью сопоставительного анализа фитонимических фразеологизмов, содержащих религиозный компонент, обнаружить универсальные и этноспецифические черты языковой картины мира в русской и китайской лингвокультурах.

Материалом исследования являются русские фразеологизмы с компонентами *хлеб* и *трава*, извлечённые методом сплошной выборки из «Энциклопедического словаря библейских фразеологизмов (2010)», автором которого является К.Н. Дубровина, и «Словаря русской фразеологии, историко-этимологический справочник», и китайские фразеологические единицы с компонентом *хлеб* и *трава*, полученные из словарей «Буддийская фразеология» и «Китайский большой словарь чэньюй: историко-этимологический справочник».

1. Хлеб

В русском и китайском языках мало фразеологизмов (в том числе на религиозную тематику) с компонентом «хлебные зерновые культуры». Образ пшеницы в сознании двух народов тесно связан, прежде всего, с жизнью, плодородием, богатством. Являясь компонентами фразеологизмов, названия пшеницы подвергались семантическим изменениям, обусловленным историческими реалиями и религиозными представлениями. В русском языке фразеологическая единица *отделять зёрна от плевел*, возникшая из Новозаветной притчи (Евангелие от Матфея), понятна и актуальна: отделять полезное от вредного, хорошее от плохого. Устойчивый оборот китайского языка *不辨菽麦* («не отличать бобы от пшеницы») имеет отрицательную окраску, обозначает необразованного, малосведущего человека, круглого невежду.

Русский фразеологизм *продать <своё первенство (первородство)> за чечевичную похлёбку* с фитонимом *чечевица* обусловлен библейской историей: Исава за чечевичную похлёбку продал своё первородство младшему брату-близнецу Иакову, то есть отдал младшему брату право старшинства, предпочёл родственным узам материальную выгоду. В современном русском языке фразеологический оборот *продать <своё первенство (первородство)> за чечевичную похлёбку* имеет значение «отдать нечто дорогое даром, совершить неравноценный обмен в ущерб себе». В китайском языке соответствие этому

значению отсутствует - коннотативный образ растения 红豆 (чечевица) используется для выражения тоски по любимому человеку в разлуке с ним.

В древнем Китае 苗(всходы), описанные в классической литературе и религиозных произведениях, в основном обозначали начальные стадии развития хлебных злаков. В китайской ментальности под непосредственным воздействием конфуцианства сформировалось устойчивое сравнение воспитания талантов с выращиванием рассады, закреплённое в таких выражениях, как 苗而不秀 (посевы растут, но не цветут и не колосятся. Обр. в знач.: как бы кто ни был умён, он неизбежно останется пустоцветом, если не будет усердно учиться); 旱苗得雨 (засушливые ростки встречаются с дождём. Обр. в знач.: добиться осуществления своих желаний; своевременная помощь в трудном положении); 揠苗助长 (при желании ускорить их рост, вытягивать руками всходы. Обр. в знач.: проявлять чрезмерное усердие, губить дело своим нетерпением).

Несмотря на имеющиеся в двух лингвокультурах различия, заметим, что в составе фразеологизмов также существуют единицы, эквивалентные по значению, например: *что посеешь, то и пожнёшь* и 种瓜得瓜 种豆得豆 (посадишь тыкву, тыкву и соберёшь, посадишь бобы - бобы соберёшь).

2. Трава

Во фразеологических единицах с компонентом *трава* в русском и китайском языках также выявлено семантическое сходство, поскольку обнаруживается общее представление об особенностях травянистых растений, а также применение их названий для обозначения ничтожного или ничтожного человека. В русском языке было найдено такое библейское выражение как *горчичное зерно* или с *горчичное зерно*, обозначающее что-либо малое и незначительное по размеру. В китайском языке имеется больше фразеологизмов с данным компонентом, в основном связанных по своему происхождению с учением Конфуция: 一草一木 (одна травинка и одно дерево; обр. в знач.: о самом малом); 视如土芥 (рассматривать как пыль и травиночку; обр. в знач.: презреть кого-л., считать кого-л. ничтожеством); 一介不取 (хоть бы травинку не брать; обр. в знач.: неподкупный, честный).

Хотя трава, по сравнению с деревом, мала и слаба, её жизненная сила велика и упорна, именно поэтому китайцы усматривают в ползучих травах трудно уничтожимые чёрные силы, 斩草除根 (скосить траву и вырвать корни. Обр. в знач.: вырвать с корнем, уничтожить решительно и бесповоротно). Фитонимы «конденсируют своеобразный комплекс культуры и психологию данного народа, неповторимый способ его креативного мышления» [Седых 2018; 158]. Во фразеологизмах с компонентом *трава* сосредоточена китайская мудрость: 一薰一莸 (одни травы ароматны, другие - зловонны. Обр. в знач.: добро и зло; злое всегда будет покрывать доброе); 拔茅连茹 (когда выдёргивают тростинку, за ней тянутся сплетённые корни. Обр. в знач.: талантливый человек ведёт за собой других талантливых людей); 风吹草偃 (когда ветер дует, трава склоняется) из книги «Беседы и суждения Янь Юаня». Конфуций изложил принцип нравственного воспитания с помощью метафоры: правитель подобен ветру, а народ – траве, мудрый правитель управляет народом правильным способом – своей добродетелью, а не насилием. Во фразеологизме 三年之艾 (трёхлетняя полынь, применялась для лечения болезней. Обр. в знач.: о запасе, запасливости. Заранее подготовиться к чему-л.) также отмечена мудрость Мэнцзы, второго после Конфуция представителя конфуцианства.

Свойства фитонимов, контексты их употребления, дополнительные иносказательные смыслы делают их важными языковыми элементами построения картины мира, на более высоком уровне отражающими духовный мир людей. Сопоставление фитонимических фразеологизмов с религиозным компонентом в русском и китайском языках обнаруживает определённые сходства и различия в русской и китайской лингвокультурах.

Литература

1. *Бирих А.К.* Словарь русской фразеологии: Ист.-этимол. справ. / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург: Фолио-пресс, 1998. – 700 с.
2. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология / В.В. Воробьев. – М. : Российский ун-т дружбы народов, 2008. – 336 с.
3. *Галкина-Федорук Е.М.* Безличные предложения в современном русском языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка. Под ред. В.В. Виноградова. – М., 2010. – С. 106 – 113.
4. *Дубровина К.Н.* Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов / К.Н. Дубровина. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 808 с.
5. *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций – М.: Гнозис, 2002. – С. 176-180.
6. *Седых А.П., Бондарева М.М.* Фитонимическая фразеология и национальный дискурс // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №5-1 (83). – С. 155 – 159.
7. *Суспицына И.Н., Силенко О.Г.* Метафора в религиозном дискурсе // Лингвокультурология. 2013. №7. – С.13-22.
8. *Туранин В.Ю.* К вопросу о феномене юридического языка // Современное право. 2010. – № 7. – С.13-22.

ДМИТРИЕВА Н.М., АВДЕЕВА А.Е.
Оренбургский государственный университет

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ «СКАЗКИ О РЫБАКЕ И РЫБКЕ» А.С. ПУШКИНА

Статья посвящена лингвокультурологическому анализу «Сказки о рыбаке и рыбке». Авторы выявляют и объясняют этические концепты, идеи, смыслы и константы культуры, отраженные в тексте сказки.

Ключевые слова: лингвокультурологический анализ, концепт, языковая личность, культура, сказка.

Национальные особенности культуры и жизни русского народа нашли свое отражение во многих литературных текстах, в том числе в сказках. Присутствуя в жизни человека в том или ином виде все время, сказка формирует первые представления о культуре, морально-этических нормах, картине мира народа.

Однако в настоящее время, как утверждает Р.Х. Хайруллина, современная языковая личность все чаще сталкивается с проблемой понимания отдельных слов, прецедентных имен или ситуаций при обращении к литературе прошлых веков [Хайруллина 2016]. Использование лингвокультурологического анализа позволит современному носителю языка лучше понять идеи, смыслы и константы культуры, отраженные в произведении.

В «Сказке о рыбаке и рыбке» заложена ключевая для русской картины мира идея о справедливости [Шмелев 2005], выражающаяся через прецедентную сказочную ситуацию (гордыня и зло всегда наказываются), вербализуются этически значимые концепты: добро, милосердие, смирение, а также антиномичные им: гордыня, зло, жестокость [Колесов 2006, Дмитриева 2017].

В начале сказки нам встречается одно из символических чисел русской культуры, которое часто используется в сказках – тридцать три: «Жил старик со своею старухой <...> / Ровно *тридцать лет и три года*» [Пушкин 1960; 338]. Считаем, что 33 символизирует в русской культуре возраст Христа, когда он принял смерть во имя искупления грехов всех людей. В народе этот возраст считается моментом, в котором у человека раскрываются все духовные силы. В этом контексте можем предположить, что именно 33-й год совместной жизни старика и старухи явился тем моментом, который показал их истинные отношения, а именно отношение жены к мужу.

Другим символическим числом является цифра «три» – именно столько раз старик закидывал в море невод. Традиционно для сказок, третий раз стал счастливым. Считаем, что данное число также отсылает нас к христианским традициям, символизируя божественное совершенство – триединую сущность Бога, святую Троицу. Простые люди считали данное число священным и счастливым, что и нашло отражение в сказках.

Также в сказке нашли отражение представления народа о том, что хороший человек должен обладать такими этическими категориями, как смирение, милосердие, доброта, а тот, кто в конце будет наказан, отрицательный персонаж, всегда наделен гордыней, корыстолюбив, жесток.

Так, концепты «Добро» и «Милосердие» встречаются в следующих строках: «Отпустил он рыбку золотую, / И сказал ей ласковое слово: «Бог с тобою, золотая рыбка! Твоего мне откупа не надо» [Пушкин 1960; 338]; «Не посмел я взять с нее выкуп» [Пушкин 1960; 339]. Старик сделал добрый поступок, проявил милосердие по отношению к рыбе, которая просила его о милости. При этом стоит указать, что старик был бескорыстен, он отказался от откупа, предложенного рыбкой, что является чертой смиренного человека.

Отметим, что рыбка, прося старика отпустить её в море, предлагала «дорогой откуп», что, на наш взгляд, говорит о том, что она не верила в бескорыстие людей, потому подкрепляла призыв к милосердию материальными благами. Также рыбка была справедлива и обладала честью: она готова была отплатить старику сторицею. Поэтому когда старик просит уже её о милосердии: «Смилуйся, государыня рыбка!» [Пушкин 1960; 340]. Она избавляет его от печали и тяжких дум, даруя в благодарность то, чего требует старуха: «Не печалься, ступай себе с богом!» [Пушкин 1960; 340]. Однако мы предполагаем, что, внешне рыбка выражала терпение в репликах, однако её истинное, внутреннее настроение, связанное со степенью корысти старухи, проявляется в состоянии моря – чем больше старуха требует, тем страшнее синее море.

Старик, в свою очередь, видит в рыбке «великое чудо». Отношение ко всему чудесному у русского народа всегда было неоднозначным: люди его побаивались, дивились ему («Удивился старик, испугался» [Пушкин 1960; 338]), но почитали («ей с поклоном старик отвечает», «государыня-рыбка» [Пушкин 1960; 339]).

Концепт «Смирение» в тексте сказки связан с поведением и характером старика: он смиренно исполняет все приказы старухи, причем делает это не из любви, а из страха: «Испугался старик, взмолился» [Пушкин 1960; 341], «Испугался! / В ноги он старухе поклонился» [Пушкин 1960; 342]. Попытавшись однажды сказать ей вразумительное слово («Что бы, баба, белены объелась? <...> Насмешишь ты целое царство» [Пушкин 1960; 341]), он получил в ответ лишь жестокость («Осердилась пуще старуха, / По щеке ударила мужа» [Пушкин 1960; 341]), что также является проявлением гордыни старухи: она не терпит правды, которая уязвляет её самолюбие. После же старик больше старухе не стал прекословить: «Не осмелился перечить, / Не дерзнул поперек слова молвить» [Пушкин 1960; 343], смиренно приняв свою участь.

Старуха же обладает такими отрицательными качествами, как злоба, жестокость, гордыня, корысть. Так, когда старик рассказ ей о предложении рыбки, она принялась бранить его: «Дурачина ты, простофиля! / Хоть бы взял ты с нее корыто, / Наши то совсем расколосось» [Пушкин 1960; 339]. И если в данном случае мы можем предположить, что старуха беспокоится о домашнем хозяйстве, то в её дальнейшем поведении проявляются гордыня и корысть, так как, чем больше старуха получает, тем больше хочет: корыто – изба – столбовая дворянка – вольная царица – владычица морская». В народе такое поведение обычно называют «неуёмной или непомерной гордыней». Также концепт «Гордость» вербализуется через слово «корысть» в вопросе старухи: «В корыте много ли *корысти*?» [Пушкин 1960; 339].

Концепт «Зло» вербализуется в тексте сказки через номинатив «жестокость», отраженный в отношении старухи к слугам: «Она *бьет* их, за *чупрун таскает*» [Пушкин 1960; 341], а также в слове «грозная»: «Здравствуй, *грозная* царица!» [Пушкин 1960; 342].

Стоит также отметить, что в русской картине мира жена должна почитать мужа, слушать его, любить и быть верной. В данной сказке же представлены противоположные отношения супругов: жена жестока к мужу, «повелевает» им, а он, в свою очередь, смиренно принимает свою судьбу. Предполагаем, что старуха в финале сказки была наказана рыбкой за гордыню не только как за корысть, но и за то, что она поставила себя выше мужа. Так, например, занимая всё более высокое положение в обществе, она давала понять старику, что он ей уже теперь точно не ровня. Будучи столбовою дворянкой, она «*на него прикрикнула, на конюшине служить послала*» [Пушкин 1960; 341]. Когда она стала царицей, то «*на него даже не взглянула, лишь с очей прогнать его велела*» [Пушкин 1960; 342]. Также старуха употребила фразу «*Не садися не в свои сани!*» [Пушкин 1960; 342], имея в виду, что старик не соответствует более её положению и не может занимать место после нее, называться её супругом.

В конце сказки, после просьбы старухи сделать её владычицей морскою, рыбка «*ничего не сказала <...> и ушла в глубокое море*» [Пушкин 1960; 343]. Не дождавшись ответа, старик вернулся домой, где его ждали землянка и старуха у разбитого корыта. Как было указано выше, в финале реализуется одна из ключевых идей русской картины мира – идея справедливости, смысл которой заключен в том, что всем воздается по его делам и нравственным качествам: добро вознаграждается, а зло наказывается. Так, рыбка отблагодарила старика за его милосердие, выполняя его просьбы, и наказала старуху за гордыню, вернув её к тому, что у неё было в начале. Предполагаем, то, что явилось наказанием для старухи, стало последним проявлением благодарности рыбки к старику: она избавила его от деспотичной царицы и вернула ему его прежнюю старуху.

Говоря о финале сказки, стоит упомянуть поговорку «Остаться у разбитого корыта», источником которой как раз и послужила «Сказка о рыбаке и рыбке». Изначально данная фраза использовалась, когда говорили о том, что всё приобретенное, нажитое было потеряно, усматривая в этом справедливое наказание за неверные поступки. Однако с течением времени морально-нравственная составляющая значения этой фразы была утрачена, и сейчас, употребляя «остаться у разбитого корыта», имеют в виду лишь то, что ожидания человека не оправдались, он не смог реализовать задуманное, и в итоге остался ни с чем или вернулся к тому, с чего начал.

В заключение отметим, что использование лингвокультурологического анализа при чтении как сказок, так и других литературных произведений будет способствовать формированию у современных носителей русского языка лингвокультурологической компетенции, проявляющейся в понимании идей, констант культуры, прецедентных имен и ситуаций, отраженных в текстах художественной литературы и транслируемых через язык в жизнь народа, а также позволит сохранить связь современных людей с наследием прошлого.

Литература

1. Зализняк А.А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
2. Дмитриева Н.М. Морально-нравственные концепты (добродетели) в этической концептосфере русской языковой картины мира. – Оренбург: ОГУ, 2017. – 196 с.
3. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. – СПб, 2006. – 624 с.
4. Пушкин А.С. Собрание сочинение в 10 томах. Том 3: Поэмы. Сказки. – М.: ГИХЛ, 1960. – 539 с.
5. Хайруллина Р.Х. Лингвокультурологический анализ художественного текста. – Уфа: Диалог, 2016. – 117 с.

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ КАК ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ

Объектом исследования данной статьи являются иноязычные вкрапления в оригинальном тексте и русском переводе китайского юмористическо-сатирического романа «Осаждённая крепость». При осуществлении перевода оригинального текста переводчиками, как правило, используются две категории приемов: симметричное преобразование, когда иностранные слова переведены с исходного языка (ИЯ) на ПЯ (русский язык). При этом они размещаются в постраничных сносках, либо в тексте перевода. Асимметричное преобразование заключается в отсутствии слова и выражения в оригинале, но при этом они появляются в ПЯ.

Ключевые слова: иноязычные вкрапления, юмористическое художественное произведение, переводческая стратегия

Иноязычные вкрапления – широко распространенное явление в лингвистике. Впервые данное понятие было введено и исследовано А. А. Леонтьевым в работе «Иноязычные вкрапления в русскую речь». Позднее Ю. Г. Листрова-Правда в своей монографическом исследовании «Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи 19 века» расширила и детализировала введенное А. А. Леонтьевым понятие иноязычных вкраплений.

1. Иноязычные вкрапление в литературном дискурсе

И. С. Николаева отмечает, что иноязычные вкрапления «являются проявлением двуязычия определенной социальной группы, риторическим приемом и способом литературного изображения или привлечения внимания» и что «пренебрежение иноязычными вкраплениями может привести к существенным потерям в правильном понимании литературного дискурса» [Николаева 2008; 2-3].

Кроме того, иноязычные вкрапления используются для создания впечатления начитанности или учености, а иногда оттенка комичности или иронии [С. И. Влахов, С. П. Флорин 1980; 263].

По мнению китайских ученых Ма Лян и Гао Цзяхуа иноязычные вкрапления являются важными лингвистическими средствами в литературном дискурсе, с помощью которых можно наиболее точно передать мысли и творческие намерения автора [Ма Лян, Гао Цзяхуа 2020; 36].

Существуют две основные причины сложности перевода иноязычных вкраплений. Во-первых, объем иноязычного вкрапления варьируется: от сокращения, отдельного слова до словосочетания, короткого предложения, нескольких предложений и даже фрагмента текста [Миронова 2015; 423-424]. Во-вторых, иноязычные вкрапления являются носителями иного языка и культуры, выполняют разные коммуникативные цели в разных ситуациях.

Как подчеркивают китайские ученые Хуан Чжунлянь и Вэнь Сумэй: «перевод «иностранный язык внутри иностранного языка» всегда будет темой универсального значения» [Хуан Чжунлянь, Вэнь Сумэй 2004; 58].

2. Типы и особенности иноязычных вкраплений в романе «Осаждённая крепость»

Цянь Чжуншу, автор романа «Осаждённая крепость», свободно владел многими иностранными языками, что повлияло на частое употребление иноязычных вкраплений в

романе, которых в романе всего 59, а именно: на английском языке – 48, на французском – 5, на немецком – 4 и на испанском – 2.

3. Результаты трансформаций в переводном тексте

Переводческие стратегии, использованные в русском переводе романа «Осаждённая крепость», мы разделили выше на две категории. Выбор различных переводческих стратегий приводит к разным уровням семантической, синтаксической и прагматической эквивалентности между оригиналом и переводным текстом.

3.1 Симметричное преобразование

1) Иностранные слова переведены с исходного языка на ПЯ (русский), при этом они размещаются в постраничных сносках.

Данная переводческая стратегия дает возможность достичь семантической, синтаксической и прагматической эквивалентности, что способствует получению максимального юмористического эффекта во время чтения оригинального текста. Рассмотрим следующий пример:

“Sure! 值不少钱呢, Plenty of dough. 并且这东西不比书画。买书画买了假的, 一文不值, 只等於 waste paper. 磁器假的, 至少还可以盛饭。我有时请外国 friends 吃饭, 就用那个康熙窑“油底蓝五彩”大盘做 salad dish, 他们都觉得古色古香, 菜的味道也有点 old—time. ” [Цянь Чжуншунь 2017; 71]

Sure! Деньги немалые. Plenty of dough! Но лучше скупать фарфор, чем картины или книги. Если обнаружится, что книга— подделка, она становится waste paper. А поддельный фарфор можно использовать как столовую посуду. Когда я приглашаю иностранных friends, я ставлю в качестве salad dish вон то блюдо времен Канси с разноцветным рисунком на синем фоне. Они находят в нем аромат древности и даже говорят, что угощение приобретает old time вкус. [Цянь Чжуншунь 1989; 72]

Комментарии в постраничных сносках: 1) Разумеется (англ.) 2) Plenty of dough! Большие деньги (англ.) 3) waste paper (комм. макулатура (англ.)). 4) friends (друзья (англ.)) 5) old time (комм. древность, древний)

Данный пример представляет собой диалог между господином Чжаном и прибывающим у него в гостях главным героем Хун Цзянем. Пропаганда европейской и американской культуры и маниакальное почтение всего иностранного нашли свое отражение в характере господина Чжана, имеющего привычку говорить на смеси китайского и английского с целью демонстрации знания иностранного языка и своего высокого статуса.

2) Иностранные слова и фразы представлены на ПЯ в тексте перевода. Например:

他见唐小姐, 大献殷勤, 她厌烦不甚理他。他撇着英国腔向曹元朗说道: “Da shit That girl is forget—me—not and touch—me—not in one, are dorse which has somehow turned into the blue flower. ” [Цянь Чжуншунь 2017; 109]

Шафером был приятель Цао Юаньлана из его литературного окружения. Он старательно, но безуспешно ухаживал за Тан. Наконец он сказал Цао по-английски:

- К черту! Оно хочет быть одновременно незабудкой и недотрогой, алой розой и голубым цветком. [Цянь Чжуншунь 1989; 138]

В данном примере иноязычное вкрапление в переводе трансформируется, что обеспечивает передачу комического эффекта оригинала, но при этом иноязычные вкрапления утрачены.

3.2 Асимметричное преобразование, когда слова и выражения отсутствуют в оригинале, но появляются в ПЯ.

Данный способ используется нечасто. Различия в культурных знаниях переводчика и автора оригинала влекут за собой определенные дополнения при переводе пословицы или сокращённых слов. Давайте рассмотрим следующий пример:

辛楣爱上馆子吃饭，动不动借小事请客，朋友有事要求他，也得在饭桌上跟他商量，仿佛他在外国学政治和外交，只记着两句，拿破仑对外交官的训令：**请客菜要好，和斯多威尔侯爵(Lord Stowell)的办事原则：请吃饭能使事务滑溜顺利。** [Цянь Чжуншу 2017; 71]

Чжао, большой любитель ресторанов, решил пригласить всех на обед, чтобы договориться о дне отъезда. Видимо, из всего курса политических наук и лекций по международному праву на Западе он твердо усвоил две вещи: наполеоновское наставление «**Tenez bonne table**» и изречение лорда Стоуэла: «**A dinner lubricates business**». [Цянь Чжуншу 1989; 156]

Комментарии в постраничных сносках: хорошенько кормите гостей. (фр.); обед помогает вершить дела. (англ.).

Русская и европейская культуры ближе друг к другу, чем китайская и русская, поэтому вкрапления находят свое отражение в переводном тексте, так как основной задачей переводчика является передача юмористического эффекта оригинала и достижение его прагматической эквивалентности в переводе.

В заключении можно сделать вывод о том, что тип иноязычных вкраплений оказывает влияние на выбор стратегии перевода. Несмотря на то, что переводчику удастся передать общий смысл исходного высказывания, комические черты персонажей или юмористический эффект текста будут ослаблены при переводе в силу культурных различий.

Литература

1. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереваемое в переводе. учебное пособие. – М., Международные отношения. – 1980. – 342 с.
2. Николаева И. С. Эмоционально-смысловые приращения непереводаемых выражений в художественной прозе // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. – 2008. – №2. – С.1-4.
3. Миронова Н. Н. Иноязычное высказывание в художественной литературе как единица перевода // Русский язык и культура в зеркале перевода: Материалы Международной научной конференции. Салоники. – 2015. – С.419-425.
4. Цянь Чжуншу Осажденная крепость / пер. с кит. В.Ф. Сорокин. – М., художественная литература. – 1989. – 370 с.
5. 马亮 高佳华 试析俄语文学语篇中的外语嵌入成分 中国俄语教学 2020. No2. 第 32-43 页 Ма Лян, Гао Цзяхуа Пробный поиск иноязычных вкраплений в русском литературном дискурсе // Преподавание русского языка в Китае. – 2020. – № 2. – С. 32-43
6. 黄忠廉 温素梅 原作中外语词句的翻译原则 解放军外国语学院学报 2004. No4. 第 58-62 页 Хуан Чжунлиань, Вэнь Сумэй Принципы перевода иностранных слов и фраз в оригинальных произведениях Журнал // Института иностранных языков НОАК. – 2004. – № 4. – С. 58-62.
7. 钱钟书 围城 [M] 北京.: 人民文学出版社. 2017. 328 页 Цянь Чжуншу. Осаждённая крепость. – Пекин., Издательство народной литературы. – 2017. – 337 с.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ СТУДЕНТА-ЛИНГВИСТА: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Статья посвящена выявлению основ межкультурной компетенции студента-лингвиста. Авторы определяют особенности лингвокультурологического подхода к процессу обучения языкам на основе анализа его методических компонентов, рассматривают предлагаемые разными учеными взаимоотношения языка и культуры. В статье раскрываются позиции современных исследователей на предмет лингвокультурологии, полиэтнического образования и полиэтничность.

Ключевые слова: лингвокультурологический подход, коммуникация, межкультурная компетенция, язык, культура, предмет обучения.

В конце XX века в лингводидактике стал использоваться новый подход к обучению иностранным языкам, который называется лингвокультурологический подход. Этот подход позволяет учитывать отражение национальной культуры в языковых единицах, что в свою очередь дает возможность создавать новые формы практических материалов для обучения языку. В лингвокультурологии, как известно, исследуются культурный фактор в языке и языковой фактор в человеке, что остается одним из актуальных направлений научных исследований в современной лингвистике.

На уровне лингвострановедческого материала наблюдается интеграция методических и информационных компонентов процесса обучения иностранному языку. Этот процесс в первую очередь затрагивает такие элементы дидактической системы, как средства, формы и содержание обучения. Такая интеграция позволяет использовать аутентичный материал как источник лингвокультурологических и лингвострановедческих сведений как обеспечивающий межпредметность изучаемого иностранного языка, при этом прослеживается взаимосвязь со многими сферами гуманитарного знания. Предмет лингвокультурологии определяется как «изучение и описание культурной семантики языковых знаков (номинативного инвентаря и текстов) в их употреблении, отображающем культурно-национальную ментальность носителей языка» [Телия, 1999; 14]. По словам В.В. Воробьева, «лингвокультурология — комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании, отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания» [Воробьев, 2006; 36].

Как известно, язык имеет кумулятивную функцию, которая позволяет отражать, выражать, сохранять и передавать традиционную и современную языковую культуру, а также всю внеязыковую реальность в содержании языковых единиц. Соответственно, язык содержит в себе культуру предыдущих поколений, определяет поведение современных людей и в значительной степени влияет на их будущее. В связи с этим лингвострановедческий подход в преподавании иностранного языка имеет две цели: обучить языку как средству коммуникации и форме выражения, а также ознакомить студента с культурой, которая передается через язык [Верещагин, Костомаров, 1980].

Взаимосвязь языка и культуры носителей языка становится основой обучения языкам. Лингводидактика оперирует понятиями социокультурная компетенция, которая формируется у школьников, и межкультурная компетенция студентов. Обучающийся, овладевая иностранным языком, начинает воспринимать и осваивать культуру носителей изучаемого языка. Сформированная межкультурная компетенция является необходимым навыком

в современном мире, где все чаще возникает необходимость взаимодействия с людьми из различных культур. Данный навык позволяет специалисту эффективно взаимодействовать с другими людьми, понимать и уважать культурные различия, развивать эмпатию и совершенствовать межкультурное взаимодействие в различных сферах жизни.

Между языком и реальным миром стоит человек, носитель языка и культуры. К. Леви-Строс рассматривает язык как 1) продукт культуры («употребляемый в обществе язык отражает общую культуру народа»), 2) часть культуры («он представляет собой один из ее элементов»), 3) условие культуры («именно с помощью языка индивид обретает культуру своей группы») [Леви-Строс, 1985; 65]. На языке строится идеальный мир в сознании человека, он видит мир так, как он выражает его словами. Люди, говорящие на разных языках, видят мир, выраженный в словах. В соответствии с этой теорией реальный мир создается благодаря языковым особенностям данной культуры. Каждый язык имеет собственный способ представлять одну и ту же реальность. Все основывается на степени переживаний, которые определяют восприятие и мышление. Если какой-то объект объясняется системой из нескольких понятий на конкретном языке, то это означает, что этот объект играет определенную роль для людей, владеющих этим языком. Чем сложнее и разнообразнее совокупность понятий для одного явления, тем оно более значимо и весомо в данной культуре. И чем явление менее значимо, тем проще языковая дифференциация для этого явления. Например, в классическом арабском языке было более 6000 слов, которые имели отношение к верблюду как домашнему животному (окрас, форма тела, пол, возраст, способ движения, функция в стаде и т.д.): *naqa* - ناقه - верблюдица, *jamal* - جمل - верблюд, *saleel* - سليل - новорожденный детеныш верблюда, *saqb* - سقب - детеныш мужского пола, *haa'il* - حائل - детеныш женского пола. В настоящее время многие из этих слов исчезли из языка, поскольку значение верблюда в современной арабской культуре значительно уменьшилось. Е.Ф. Тарасов утверждает, что главная причина непонимания в межкультурном общении не связана с языковыми различиями, а заключается в разных национальных сознаниях коммуникантов. Он считает, что диалог культур представляет собой коммуникацию образов разных культур в рамках одного сознания, а не просто общение разных сознаний. Е.Ф. Тарасов подчеркивает, что умственное представление о предмете, перенесенном из одной культуры в другую, всегда содержит элементы национально-культурной специфики, так как новые знания о чужой культуре строятся на основе уже известных знаний субъекта [Тарасов, 2016]. Понимание объектов культуры не вызывает особых трудностей для общающихся и носителей разных культур, так как они видят разные аспекты этих объектов.

С целью развития межкультурной компетенции у студентов-лингвистов применяются различные подходы и методы. В исследовании Т.А. Тереховой межкультурная компетенция рассматривается как процесс формирования новых личностных навыков и выделяются две стадии этого развития [Терехова, 2012]. Первая стадия предполагает естественное развитие представлений о межкультурном взаимодействии через повседневное общение, что приводит к формированию ценностных ориентаций, социальных установок, осознания своей этнической принадлежности и способности понимать людей из других культур. Вместе с тем возникает явление этноцентризма - восприятие других культур через призму собственных ценностей и предпочтений, где собственная культура считается эталоном [Калабекова, 2018]. Этноцентризм может сохранять уникальность и подлинность культуры, но также может выражаться в негативных и даже радикальных проявлениях, когда ценности других культур недооцениваются или принижаются. Таким образом, формируется основа межкультурной компетенции.

Вторая стадия развития межкультурной компетенции отличается целенаправленностью ее развития в рамках поликультурного образования [Терехова, 2012]. Поликультурное образование является одной из основных тенденций современной образовательной системы и подразумевает связь образования с культурным и этническим многообразием человечества,

развитие толерантности к другим культурам и ценностным системам, формирование индивидуальной культурной компетентности и развитие навыков межкультурной коммуникации [Зимняя, 2004].

В настоящее время большинство специалистов в России, занимающиеся межнациональным и межкультурным взаимодействием, считают, что поликультурное образование способствует развитию навыков межкультурного взаимодействия. Поликультурность, по словам В.И. Матиса, означает сохранение и интеграцию культурной идентичности в многонациональном обществе, что создает основу для толерантных отношений между представителями разных национальностей и развития межкультурного общения [Матис, 1999]. А.В. Хуторской утверждает, что поликультурность представляет собой разнообразие жизненных стилей, основанных на ценностях, языке, виде деятельности, установках, отношениях и характеристиках социальных групп [Хуторской, 2002].

Поликультурное образование направлено на формирование ценностей, удовлетворение интересов и потребностей на четырех уровнях: государственном, общественном, этническом и личном [Терехова, 2012]. На государственном уровне поликультурное образование помогает достичь политической и социальной стабильности, мира и согласия между народами, установить паритет между национальными, общенациональными и общечеловеческими ценностями. Поликультурное образование в России обеспечивает равный доступ к повышенному уровню общего образования на русском языке и на родном языке для представителей разных национальностей [Михеева, 2010].

Обучение иностранному языку должно быть неразрывно связано с усвоением культуры народа, его носителя. Совершенствование методической системы обучения ему непосредственно сопряжено с обязательным включением в курс национально-культурного контента. Однако, в связи с полиэтничностью России в некоторых случаях, когда изучаются традиции, обычаи и религии разных народов во время уроков, проявляется отрицательная реакция участников образовательного процесса. Данная ситуация связана с идеологическими установками как у педагога, так и у родителей, потому что возникает проблема донесения определенной религиозной и этнической точки зрения детям, основанной на сформировавшихся стереотипах о разных народах. В связи с этим важным требованием для работы в многокультурной среде должно стать развитие этнонейтральности у педагогов. Это качество позволяет вести образовательный процесс объективно и профессионально, независимо от существующих у них стереотипов о разных этносах. В полиэтничном образовании приоритет должен быть отдан педагогам, которые могут применять свой педагогический потенциал независимо от национальности и религии, как своей собственной, так и учеников [Добросердова, 2016].

Подход к иностранному языку как предмету обучения требует учета национально-культурного своеобразия языка и должен реализовываться в разрабатываемых учебных материалах, способствующих их адекватному восприятию представителями иной культуры.

Межкультурная компетенция, необходимая для будущих специалистов в области лингвистики, перевода, преподавания иностранных языков и ИТ, включает не только владение иностранными языками, но и знание собственной и других культур (истории, искусства, литературы, архитектуры, мифологии и фольклора, религии и пр.). Однако необходимо обладать не только знаниями об иноязычных культурах, но и уметь взаимодействовать с представителями этих культур. Межкультурная компетенция состоит из следующих компонентов:

Таким образом, межкультурная компетентность студента-лингвиста определяется позитивным отношением, толерантностью и доверием, знанием принципов и правил межкультурной коммуникации, умением взаимодействовать с представителями иноязычной культуры.

Литература

Воробьев В.В. Лингвокультурология. – М.: Изд-во РУДН, 2006.- 112 с.

Добросердова В.Н. Формирование полиэтнической культуры педагога как фактор повышения качества образовательного процесса в ДОО // KANT. – 2016. – №4. – С. 52-54.

Зимняя, И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании: Авторская версия. — М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 40 с.

Калабекова С. В. Этноцентризм в современных реалиях // Политика и общество. 2018. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnotsentriзм-v-sovremennyh-realiyah> (дата обращения: 19.09.2023).

Леви-Строс К. Структурная антропология – М.: Главная редакция восточной литературы, 1985.- 536 с.

Матис, В. И. Теория и практика развития национальной школы в поликультурном обществе : автореф. дис. ... д-ра пед. наук — Барнаул, 1999. – 38 с.

Михеева, Т.Б. Полиэтническая школа и проблемы многоязычия в российском образовании (на примере школ донского региона) // Ученые записки ЗабГГПУ им. Н.Г. Чернышевского. – 2010. – № 5. – С. 44-50.

Тарасов, Е. Ф. К построению теории межкультурного общения // Языковое сознание Формирование и функционирование. – М. : Ин-т языкознания РАН, 2016 – С. 22–34.

Телия В.Н. Основные постулаты лингвокультурологии // Филология и культура: Мат-лы II-й междунардн. конф. В 3 ч. Тамбов, 1999. Ч.3. С.14-15.

Терехова Т. А. Методы и средства формирования межкультурной компетентности // Психология в экономике и управлении. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-i-sredstva-formirovaniya-mezhkulturnoy-kompetentnosti> (дата обращения: 19.09.2023)

Хуторской, А. В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты / А. В. Хуторской // Интернет-журнал «Эйдос». — 2002. — URL: <http://www.eidos.ru>. (дата обращения 13.06.2023)

ДЬЯЧЕНКО Ю.А.

Курский государственный университет

КОНЦЕПТ «ДОРОГА» В ФОЛЬКЛОРНОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ ЧАСТУШЕК)

В статье на примере русских частушек раскрывается сущность концепта «дорога», специфически национальные смыслы, которые вкладываются носителями русского языка в символику данного образа.

Ключевые слова: дорога, концепт, тропа, путь, частушка.

Философское понятие «концепт», имеющее непосредственное отношение к сознанию человека, является ведущей единицей лингвокультурологии, науки, изучающей процессы и результаты взаимодействия языка и культуры. У концепта нет однозначного толкования, но, анализируя различные дефиниции этого термина, можно выделить его некоторые обязательные признаки: 1) концепт – это идеальный объект; 2) он не существует вне сознания человека; 3) тесно связан с другими концептами; 4) обладает национально-культурными особенностями; 5) «опредмечивается» различными языковыми средствами; 6) имеет многокомпонентную структуру, которую образуют различные концептуальные слои [Антология концептов 2005; 81]. Если всё это суммировать, то получится, что концепт – это

«единица коллективного знания / сознания <...>, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [Воркачев 2001; 70].

В своей статье мы предпримем попытку проанализировать концепт «дорога» в фольклорном тексте, точнее, в частушках.

«Частушка – один из самых любимых народом лирических жанров» [Дьяченко 2022; 34], потому что в этом небольшом по объёму тексте народ очень точно и ёмко давал определение различным реалиям жизни, выражал своё отношение к ним, делился своими чувствами.

Эмпирической базой нашего исследования послужили русские народные частушки, записанные на территории Курской области [Частушки 2021].

Россия – самая большая страна в мире, поэтому «пространственный концепт "дорога" представляет собой специфически русский образ» [Навразова 2017; 242].

Путём сплошной выборки нами были выделены 203 частушки, репрезентирующие лингвокультурный концепт «дорога». Его ядро составили: сама лексема *дорога* (85 словоупотреблений – далее число), её диминутивы *дорожка* (73), *дороженька* (8), *дорожечка* (2), а также слова *путь* (23), *тропа* (1) с диминутивами *тропинка* (11), *тропиночка* (5) и *тропка* (2) и лексема *стёжка* (4) с сочетанием *стёжка-дорожка* (3).

Чем же является дорога в частушках и куда она ведёт?

В словаре лексема *дорога* имеет несколько значений: '1. Полоса земли, служащая для езды и ходьбы. 2. Место, пространство для прохода, проезда. 3. Передвижение, путешествие, поездка. 4. Направление, путь следования. 5. *Перен.* Направление, область деятельности, путь развития. 6. *Перен.* Средство для достижения чего-либо' [БАС; IV; 398–401]. Лексема *дорога* в рассматриваемых текстах употребляется в первых четырёх значениях:

1. *Я иду, а на дороге*

Палочка орехова.

Друга ты не отобьёшь –

Не на ту наехала! (I, 125)

2. *Я иду, а мне навстречу*

Дорогая с дорогим.

Вижу, парочка родная –

Уступлю дорожку им! (III, 82)

3. *Скоро, скоро я уеду,*

Осталось немножко.

Паровоз, поторопись

В дальнюю дорожку.

(IV, 135)

4. *Полюбила я его,*

А он, девочки, косой.

Я иду прямой дорогой,

А он валит полосой! (I, 150)

Часто дорога в рассматриваемых текстах служит местом встречи молодого человека и девушки, местных жителей, знакомых. В то же время она может быть и местом ожидания:

На дороге меня судят

Бабы корогодом.

Все равно пойду деревней,

Не пойду горóдом.

(IV, 94)

Надоело то и дело

На дорожку выбегать.

Ветер ёлочку колышет,

А милёнка не видать.

(II, 150).

Дорога может вести (или отсутствовать) в разных направлениях: к коммунизму, на родину, к селу, на погост, в баню и т.д.:

Наша речка, наша речка

Прямо, прямо всё течёт,

И дороженька прямая

К коммунизму нас ведёт!

(II, 145)

Нет дороги до деревни,

Хлеб нельзя туда послать.

Две старушки президенту

Вновь грозятся написать.

(II, 78)

Часто в частушках дорога ведёт к любимому человеку, его дому:

*Через сад, виноград
Лежала дорожка.
А кто её протоптал?
Милый мой Алёшка!*
(I, 72)

*Мимо нашего окошка
Мил дорожку проторил.
Поздно, поздно вечерочком
Ко мне крадучись ходил.*
(I, 148)

В большинстве частушек концепт «дорога» аккумулирует в себе понятие составного компонента всей жизни человека – самого процесса движения, потому что без движения не мыслится жизнь. В частушке часто не указывается, куда ведёт дорога или откуда идёт герой, но, находясь в дороге, герой или героиня о чём-то думает, мечтает, сетует на жизнь, жалуется на кого-либо, ведёт с кем-то воображаемый диалог и т.д.:

*Я иду, иду, иду
Дорожкой протяжной.
Как тебе, милый, не стыдно –
Провожаешь каждую.*
(I, 54)

*Мои ноги подустали,
Из дороженьки пришли:
Ягодиночку искали,
Дорогую не нашли.*
(I, 165)

Дорога в частушках часто имеет характеристику. Она бывает *дальней* (9), *прямой* (4), *деревенской* (2), *колхозной* (2), *большой* (1), *гладенькой* (1), *длинной* (1), *железной* (1), *каменистой* (1), *колхозной* (1), *перерытой* (1), *протяжной* (1), *торной* (1), *узкой* (1):

*Что ж ты, милый,
ходишь редко?
У неделю один раз.
Если дальняя дорога,
Приходи, живи у нас.*
(I, 102)

*Мы счастливые идём
Колхозною дорожкой
С нашей песней боевой,
С звонкою гармошкой.*
(I, 63)

Характеристика пути в частушках не такая разнообразная. Путь может быть *верным* (2), *далёким* (2), *счастливым* (2), *железным* (1), *северным* (1), *широким* (1) и *Щигровским* (1):

*Эх, гармонь, давай ходи,
Говори, родная!
Наши верные пути –
Наша жизнь большая.*
(V, 93)

*Мы с милёночком стояли
На железном на пути,
Сорок раз поцеловались,
Он не знал, куда идти.*
(II, 33)

Тропа (точнее, тропинка) в рассматриваемых текстах бывает лишь *партизанской* и *(не)узкой*, а *стёжка* – *короткой*:

*Партизанская тропинка
Не бывает узкая.
Сколько немец не воюй,
А победа русская.*
(IV, 129)

*Шли они с рукой рука,
Весело и ладно,
Но тут стёжка коротка –
Расставаться надо.*
(VI, 4)

Концепт «дорога» в частушках может вступать в субъектно-объектные отношения. Так, дорогу (путь, тропу) могут *указать (показать)* (6), *подмести (промести, разместить)* (6), *протоптать (проторить)* (4), *занести* (снегом) (1), *посветить* (1). Сама же дорога (тропинка) может *зарастать* (5), *изгибаться* (1), *отвечать* (1) и даже *разлучить* (1):

*А приходи ко мне,
мой милый,
Я дорогу укажу.
На кудрявые берёзки
Я по ленте завяжу*
(II, 84).

*Я иду, иду, иду,
Ой-ой-ой, какая даль!
Мне дорожка отвечает:
«Не придёт, не ожидай!»*
(II, 92).

Лексемы *дорога* и *путь* в рассматриваемых текстах иногда встречаются и в составе устойчивых выражений – *всю дорогу* и *счастливого пути*. Первое выражение имеет значение

‘постоянно, всегда’ [Фёдоров 2008; 228]. Второе выражение употребляется в значении пожелания удачи, благополучия уходящему, уезжающему [Фёдоров 2008; 2549]:

*Полюбить так полюбить,
Чтобы полюбилась.
Чтобы я ему, заразе,
Всю дорогу снилася.*
(III, 152)

*Я милёнка проводила
До Щигровского пути.
Обняла, поцеловала
И – счастливого пути!*
(V, 157)

Но чаще всего сочетание *всю дорогу* употребляется в значении ‘на протяжении всего пути’, а *счастливого пути* может употребляться с иронией:

*Меня милый провожал,
Всю дорогу руку жал.
Сколько звёздочек на небе,
Столько раз поцеловал.*
(V, 139)

*Не болит моё сердечко,
От тоски не ноет грудь;
Милый в армию уходит,
Я скажу:
«Счастливый путь!»*
(IV, 31)

Как мы можем видеть, концепт «дорога» занимает важное место в языковой картине мира русского народа. Проведённый анализ позволяет сделать выводы о том, что данный концепт в частушках актуализируется в таких когнитивных признаках, которые соответствуют миропониманию простого народа. Одни из них представляют дорогу как место встречи или ожидания, другие – как направление к чему-либо желанному или, наоборот, не желанному, но чаще всего дорога является составным элементом жизни в целом, потому что без неё нет движения, а без движения – жизни.

Литература

1. Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 1. – Волгоград: Парадигма, 2005. – 352 с.
2. БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 20-ти т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. К.С. Горбачевич. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1993. – Т. 4. – 574 с.
3. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
4. Дьяченко Ю.А. Фитонимические символы в русских частушках (на материале суджанских частушек Курской области) // Лингвофольклористика. – 2022. – Выпуск 36. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та. – С. 34–40.
5. Навразова Т.Г., Довлеткиреева Л.М. Концепт «дорога» в русской языковой картине мира // Материалы ежегодной межрегиональной студенческой научно-практической конференции «Взгляд современной молодёжи на актуальные проблемы гуманитарного знания». – 2017. – Изд-во: Чеченский государственный университет имени Ахмата Абдулхамидовича Кадырова. – С. 241–245.
6. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц / А.И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.
7. Частушки – Частушки Курского края / составление, научная редакция С.П. Праведникова. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2021. – Т. 1–6 (При цитировании указаны том и страница).

ЕЛЬЦОВА Е.Н.

*Высший институт языков г. Туниса,
Университет Карфагена*

ГЕОКУЛЬТУРНЫЙ ОБРАЗ СТРАНЫ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Статья посвящена рассмотрению вопроса формирования лингвокультурологической компетенции тунисских магистрантов на материале геокультурного образа страны (Россия / Тунис). Автор рассматривает лингводидактический потенциал геоэпических текстов, используемых в качестве аутентичных материалов при обучении русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: геокультурный образ, геопоэтика, прикладная лингвокультурология, Россия, Тунис

Лингвокультурологический аспект является неотъемлемой чертой современной методики преподавания русского языка как иностранного (далее РКИ). Как один из наиболее эффективных подходов в обучении, он формирует лингвокультурологическую компетенцию, определяемую как «знание идеальным говорящим – слушающим всей системы культурных ценностей, выраженных в языке» [Воробьев 2008; с. 74–75].

Актуальным материалом для формирования лингвокультурологической компетенции являются аутентичные тексты, представляющие геокультурный образ страны. Исследователи по имагологии и культурной географии трактуют геокультурный образ страны как модель определенного географического пространства, а также как «территории или пространства, воспринимаемые и наблюдаемые через «призму» культуры, которые тесно связаны с эмоциональным, рациональным и концептуальным переживанием пространства» [Замятин 2003; 36].

Геокультурный образ России в сознании иностранных учащихся формируется в процессе изучения русского языка, чтения художественной и учебной литературы по страноведению, на основе просмотра фильмов, интернет-контентов и личного общения с носителями языка. Однако практика показывает, что зачастую культурно-географический образ России у инофонов отличается от стереотипных представлений, зафиксированных в русской лингвокультуре. Так, например, эксперимент, направленный на выявление ассоциативно-вербальных представлений о России среди тунисских учащихся продемонстрировал следующие устоявшиеся стереотипные представления: это огромная страна с холодной зимой, богатыми природными ископаемыми и культурным наследием. У тунисских учащихся размер России вызывает восхищение, а также тесно связан с устойчивым представлением о богатстве природными ресурсами и мощью страны. При этом размеры страны не связаны с поведением и мировоззрением россиян, отсюда в ответах отсутствуют лексемы, представляющие русскую концептосферу. Устойчиво стереотипное соотнесение России с Сибирью как климатическим символом. Кавказ в представлении тунисских учащихся, скорее, несет функцию религиозную, а не географическую и хозяйственную. Среди культурнозначимых доминант выделяются *Москва, Санкт-Петербург, Красная площадь, Большой театр, Эрмитаж, Кремль, матрешка*. Среди известных людей России доминируют следующие: литераторы *А. Пушкин, Ф. Достоевский, А. Чехов*; среди политиков действующий президент России *В.В. Путин*, министр иностранных дел *С. Лавров*, первый космонавт *Ю. Гагарин*. Как мы видим, среди указанных имен отсутствуют композиторы, музыканты, художники, режиссеры, ученые. Эксперимент также показал, что тунисские респонденты используют ограниченное количество лексических средств, репрезентирующих геокультурный образ России. Тем самым на продвинутом уровне преподавания РКИ, особенно в рамках курса по истории и культуре России, становится важным формирование и активизация знаний об особенностях геокультурного образа России, знакомство с ключевыми для русской истории и культуры фактами, именами и концептами.

С другой стороны, не менее важным, с нашей точки зрения, является формирование умений моделирования на русском языке геокультурного образа родной страны / региона учащихся (в нашем случае – Тунис, Северная Африка). Актуальность включения регионального компонента возрастает при преподавании дисциплин туристического и регионоведческого характера, которые представлены в учебных программах как студентов, так и магистрантов Высшего института языков г. Туниса, изучающих русский язык по специальности «Русский язык в сфере туризма и культурного наследия» и «Межкультурная коммуникация».

В создании геокультурного образа территории входят разные по сложности освоения учащимися лексико-семантические группы, имеющие коннотативное содержание, номинации рельефно-ландшафтных объектов, лексика эмоционально-оценочного указания, концепты, представляющие поведение, мироощущение человека, связанного с геокультурой страны [Ротмистрова 2013; 176-177]. Так, например, в русской лингвокультуре геокультурный образ России тесно связан не только с собственно топонимическими концептами (*Волга, Урал, Кавказ*), но и с аксиологическими: *удаль, раздолье, свобода, подвиг, тоска, душа, судьба* и др. Д.С. Лихачев отмечал: «Широкое пространство всегда владело сердцами русских. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках» [Лихачев 2006; с. 158].

В отличие от России Тунис имеет совершенно иные геокультурные характеристики. В тунисской лингвокультуре релевантными в создании образа страны являются такие культурнозначимые понятия, как *Восток, Африка, Сахара, Карфаген, ислам, дом, семья*.

Описание названных выше культурнозначимых понятий и концептов вызывает большой интерес у тунисских магистрантов и требует особого подхода на уроках РКИ. Важным этапом в моделировании геокультурного образа страны выступает работа над лингвокультурным комментированием не только слов, прецедентных выражений, но и текста в целом. Лингвокультурный комментарий как жанр герменевтического дискурса представляет собой «вторичное текстовое образование и выполняет функции разъяснения, подтверждения, уточнения и критической оценки информации, которая содержится в исходном тексте» [Карасик 2010; с. 273]. В этом отношении геопоэтика представляют богатый материал для прикладного лингвокультуроведения, что дает возможность одновременного соизучения русского языка, литературы и культуры: знакомства с историческими фактами, известными именами и константами русской культуры, приобщения к духовно-нравственным ценностям русской культуры. Осмысление своей культуры через ее отражение в русской ментальности позволяет выявить не только различия и продемонстрировать сходства, близость двух культур, но создать ситуацию диалога культур. Целью лингвокультурного комментирования является формирование умений и навыков адекватного восприятия магистрантами текстов, содержащих ключевые слова и концепты, формирующие геокультурный образ России и Туниса, систематизирование собранного материала, а также формирование умений создавать собственные связные тексты, содержащие описание и интерпретацию геокультурного образа двух стран. Магистрантам предлагаются тексты известных русских писателей, поэтов, исследователей, философов о России (В.О. Ключевского, Д.С. Лихачева, А. Пушкина, И. Бунина и др.). При формировании геокультурного образа Туниса целесообразно обращаться к текстовым материалам, отражающим российско-тунисские и шире – российско-арабские / российско-африканские контакты, что вызывает живой интерес у учащихся в получении культурологического представления о русских путешественниках, художниках, писателях, посетивших страны Северной Африки (А. Белый, И. Бунин, Н. Гумилев, В. Кандинский, К. Петров-Водкин, А. Рубцов и др.). Другой пласт культурнозначимой информации представлен в литературе и публицистике русской эмиграции, рассказывающей о становлении русскоязычной общины Туниса, о ее вкладе в развитие региона и литературно-публицистическом наследии. При этом предлагаемые тексты должны соответствовать в содержательном плане (на лексическом, грамматическом и стилистическом уровнях) требованиям Государственного образовательного стандарта по русскому языку как иностранному, а также в проблемно-тематическом аспекте мотивировать учащихся к продуктивной речевой коммуникации [Васильева, Пучкова 2021; с. 51].

В лингвокультурологическом аспекте выполняются также внутрисеместровые проектные работы и выпускные квалификационные работы магистрантов, посвященные диалогу русского мира и арабского Востока, русской и тунисской лингвокультур: *Восточные образы русской литературы; Геокультурный образ Туниса в русской литературной*

традиции; Культуроним Карфаген в художественном дискурсе; Русские путешественники в странах Северной Африки; Образ России в трудах арабо-мусульманских путешественников, писателей, историков и др.). Обязательной составной частью данных исследований является лингвокультурное комментирование аутентичных текстов, описание культурных концептов и моделирование геокультурного образа страны.

Таким образом, направленная работа с текстами, содержащими описание геокультурного образа России и Туниса будет способствовать формированию в сознании учащихся объективного геокультурного образа России и Туниса, их культурно-исторических взаимоотношений. Использование стратегии бикультуризма в формировании лингвокультурологической компетенции тунисских магистрантов, на наш взгляд, позволяет достойно представить геокультурный образ изучаемой и родной страны, сформировать уважительное отношение к традициям и особенностям мировоззрения разных народов.

Литература

1. *Васильева Т.В., Пучкова Е.В.* Лингводидактический потенциал геопоэтических текстов в обучении русскому языку как иностранному (уровень В2 – С1) // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т.6 – Вып. 1. – С. 48-54.
2. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология: монография. – М.: РУДН, 2008. – 336 с.
3. *Замятин Д.Н.* Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. – СПб., Алетейя, 2003. – 331 с.
4. *Лихачев Д.С.* Письма о добром. – СПб., 2006. – 256 с.
5. *Карасик В.И.* Языковая кристаллизация смысла. – М., Гнозис, 2010. – 351 с.
6. *Ротмистрова О.В.* Лексическая парадигма, репрезентирующая представления о географическом пространстве страны в русской языковой картине мира // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – СПб., 2010. – № 210. – С. 174-181.

ЕМЕЛЬЯНОВА Н.А.

Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МАРКЕТИНГОВОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена когнитивно-прагматическим особенностям одного из типов институционального дискурса – маркетингового дискурса, отличиям маркетингового дискурса от рекламного, а также анализу маркетинговых сообщений с точки зрения психолингвистики на основе модели поэтапного психологического воздействия AIDA на человека.

Ключевые слова: маркетинговая лингвистика, маркетинговый дискурс, stealth marketing, рекламный текст, речевое воздействие.

В начале XXI века человечество вступило в новую эру, которая была обозначена как «информационное сообщество». В новом историческом периоде развития общества лингвистическое исследование приобретает черты маркетингового исследования, которое понимается в качестве особого способа взаимодействия, через информацию связывающего маркетологов и исследователей-дистрибьютеров лингвистического знания с информационными рынками, потребителями информации, «конкурентами», со всеми элементами внешней среды маркетинга. Актуальными в жизнедеятельности общества становятся идеи и понятия маркетинговой парадигмы.

Стремление маркетингового дискурса к экспансии и освоению коммуникативного пространства в профессиональной среде в различных национально-культурных узусах приводит к необходимости одновременного решения коммерческих (продвижение и сбыт инновационных товаров и услуг) и социально значимых задач. Их успешную реализацию призвана обеспечивать жанровая система маркетингового дискурса, обладающая

объединяющим коммуникативно-прагматическим потенциалом. В качестве текстов-репрезентантов выступают коммерческие переговоры, проспекты, дескриптивные рекламные тексты и имиджевые страницы Интернет-сайтов мультинациональных компаний и транснациональных корпораций. Как тексты-репрезентанты они обладают четко структурированным коммуникативно-прагматическим планом, отражающим стандартные признаки системообразующих жанров.

Термин «маркетинговая лингвистика» был впервые предложен и обоснован Е.Г. Борисовой, которая понимает под этим «направление, объектом которого можно считать маркетинговый дискурс, включая сюда не только рекламные тексты и слоганы, но и статьи на темы продаж, устные продающие выступления, наименования и вербальные компоненты логотипов и т. п.». [Борисова, 2016: 166]

Л.Г. Антонова уточнила данный термин, добавив в формулировку предмет исследования, а также сконцентрировав внимание на междисциплинарности данного знания (прикладной лингвистики, PR-коммуникации, современного жанроведения). [Антонова, 2019: 306]

Рассматривая маркетинговую лингвистику нельзя обойти стороной такое понятие, как «маркетинговый дискурс», которое было введено в научный оборот И.А. Гусейновой раньше, чем маркетинговая лингвистика и определяется как «вербализованная форма объективации рыночного мышления и сознания, а также отрегулированный механизм становления и развития жанровой системности, способствующий поддержанию взаимоотношений между предприятиями, а также предприятиями и целевым адресатом в функциональном пространстве маркетинговой коммуникации» [Гусейнова, 2009: 364]. В маркетинговом дискурсе находит отражение стремление коммуникантов к созданию атмосферы открытости, истинности и значимости диалогических отношений, на фундаменте которых выстраиваются взаимообусловленные экономические интересы.

Маркетинговый дискурс предлагается все же рассматривать в качестве коммуникативного процесса, протекание которого возможно в виде интерактивного взаимодействия. Этот тип дискурса реализуется в коммуникативном взаимодействии не только между бизнес-субъектами (предприятиями), между производителем и покупателем (или клиентом), но и между самими покупателями – например, обсуждение цен, отзывы о товарах и услугах. Так, на основании всего вышеперечисленного вытекает вывод о двустороннем характере коммуникации в рамках маркетингового дискурса, что отличает его от рекламного дискурса, в котором коммуникационная реакция не предполагается. Другими словами, коммуникация в рекламном дискурсе носит, в основном, односторонний характер, в то время как первостепенной же задачей маркетингового дискурса является **продвижение**, что, в свою очередь, не всегда только лишь воздействие, это может быть также и информирование, установление контакта с потребителем. Для маркетингового дискурса ключевым является **концепт «инновация»** – системный продукт, в то время как в рамках рекламного дискурса осуществляется в основном воздействие на получателя, побуждение его к действию. [Гусейнова, 2009: 10]

Как отмечалось выше, в текстах маркетингового дискурса воздействие может происходить через информирование реципиента, убеждение и внушение, однако, необходимо понимать, что чаще всего в одном маркетинговом сообщении могут применяться одновременно несколько типов воздействия.

Осуществление воздействия на потребителя в маркетинге происходит поэтапно. Среди рекламистов известна формула *AIDA* – аббревиатура английских терминов *attention - interest - desire - action*. Она была предложена американским рекламистом Элмером Левисом в далеком 1896 г. Это классическая схема поэтапного действия текста рекламы на психику человека, довольно распространенная в рекламной практике.

Однако воздействие в рекламе не всегда осуществляется напрямую. Например, существует такое явление как скрытый маркетинг (или *stealth-маркетинг*). *Stealth Marketing* –

это завуалированная реклама бренда, товара, услуги. Одним из самых известных примеров скрытого маркетинга можно назвать рекламную компанию Sony Ericsson. В 2002 году Sony Ericsson стала одной из первых компаний, выпустивших сотовый телефон с периферийной цифровой камерой под названием T68i. Для более органичного маркетингового воздействия на человека компания Sony Ericsson стала одним из самых известных примеров скрытого маркетинга в истории. Используя 60 актеров в 10 крупных городах, Sony Ericsson спровоцировала вирусный эффект, о котором говорят до сих пор. Цель кампании заключалась в том, чтобы как можно больше людей рассказали о своем уникальном опыте использования нового инновационного телефона с камерой. Кампания в целом была признана успешной, и T68i стал одним из самых продаваемых телефонов года в нескольких странах.

Кроме того, распространенным приемом скрытого маркетинга является продакт-плейсмент. Продакт-плейсмент – это маркетинговый метод, при котором ссылки на конкретные бренды или продукты включаются в другое произведение, например, в фильм или телевизионную программу, с определенной рекламной целью. К примеру, в популярном телесериале «Игра престолов» в одной из сцен на столе был оставлен стакан Starbucks. Это был хорошо продуманный рекламный трюк, который привлек внимание зрителей по всему миру. Маркетологи компании Hollywood Branded, специализирующейся на PR-технологиях в киноиндустрии, подсчитали: информационный шум вокруг кадра со стаканчиком принес «Старбаксу» 2,3 млрд долларов.

Так, под воздействием такой рекламы клиент совершает покупку в полной уверенности, что это его собственная идея, а на выбор никто не повлиял.

Психологи считают, что в рекламе лучше всего использовать такие слова, как «здоровье», «стиль», «красота», «качество», «модный», «современный», «натуральный», «эксклюзивный» и подобные, для того, чтобы вызвать в сознании людей определенные образы, связанные с рекламируемым товаром или услугой. В качестве примера возьмем рекламу молочных изделий компании «Коровка из Кореновки». Производитель заявляет, что «продукция торговой марки «Коровка из Кореновки» отличается высочайшим качеством, натуральностью и особой технологией производства».

Однако, иногда случается так, что слова в маркетинговых текстах, имеющие положительную коннотацию, производят совершенно противоположный эффект. Например, название компании «Риома» может вызвать неприятные ассоциации у русскоязычного потребителя, так как в русском языке существует ряд слов, заканчивающихся на «-ома» и обозначающих названия опухолей и других патологических состояний – кома, глаукома, гематома, миома и прочие.

Так, вышеперечисленные примеры как нельзя лучше доказывают, что ассоциативные компоненты высказывания, являющиеся одним из предметов исследования психолингвистики, играют значительную роль в восприятии маркетинговых сообщений реципиентами. Ассоциации являются основой для построения любой рекламы и должны обязательно учитываться, так как могут затронуть самые затаенные участки психики современного человека. Стоит отметить и роль косвенного воздействия на потребителя с помощью приемов скрытого маркетинга, который продвигает продукт, услугу или бренд не прямой рекламой, а в ненавязчивой форме - т. е. таким образом, чтобы потребитель не подозревал о наличии рекламной компании. Более того, в психолингвистике рекламных сообщений важную роль играет также модель психологического воздействия рекламного текста на человека, согласно которой оно осуществляется поэтапно.

Литература

1. Антонова Л.Г. Актуальные вопросы жанра и стиля в концепции "маркетинговой лингвистики" // ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ: ЧЕЛОВЕК. ТЕКСТ. ДИСКУРС. - Ярославль: 2019. - С. 1-5.

2. Борисова Е.Г. Маркетинговая лингвистика: направления и перспективы [Электронный ресурс] // Верхневолжский филологический вестник. 2016. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/marketingovaya_lingvistika_napravleniya-i-perspektivy (дата обращения: 21.05.2022).
3. Гусейнова И.А. Жанровая организация маркетингового дискурса. - М.: ИПК МГЛУ "рема", 2009. - 364 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М: Гнозис, 2004. 390 с.
5. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М. : Смысл, 1997. 287 с
6. Ухова Л.В. «Продвигающий текст»: понятие, особенности, функции [Электронный ресурс] // Верхневолжский филологический вестник. 2018. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prodvigayuschiy-tekst-ponyatie-osobennosti-funktsii> (дата обращения: 22.05.2022).
7. Stealth Marketing. Explore the Strategy of Stealth Marketing. Available at URL: <https://www.marketing-schools.org/types-of-marketing/stealth-marketing/#section-0>.

ЕРГАЗЫ Н.

Российский университет дружбы народов имени П. Думумбы

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ВЕЖЛИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ С КУЛЬТУРНОЙ МОТИВАЦИЕЙ С КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Статья посвящена особенностям перевода вежливых выражений с культурной мотивацией с казахского на русский язык. Автор проводит сравнительный анализ семантики вежливости на двух языках, приведены варианты перевода, рассматривает эквиваленты вежливых слов казахского и русского языков.

Ключевые слова: вежливость, перевод, концепт, традиции, культура, лингвокультура, культурные ценности, казахский язык.

Речевое общение является неотъемлемой частью человеческой деятельности. Для того, чтобы общение проходило гладко и приятно, необходимо учитывать элемент вежливости, который играет важную роль в межличностном взаимодействии. Проблема вежливого общения всегда была актуальной и продолжает привлекать большое внимание среди исследователей. Среди зарубежных исследователей в этой области можно отметить П. Брауна, С. Левинсона, Р. Лакоффа, К. Кристи, Г. Каспера и среди отечественных И.А. Романову, Н.И. Формановскую, Л.В. Хохлову, Т.В. Ларину, А.В. Харчарек и других ученых. В своих исследованиях они анализируют различные аспекты вежливости на разных языках с учетом тендерного, когнитивного и социокультурного подходов. В данной работе мы рассмотрим понятие «вежливость» и особенности перевода вежливых выражений с казахского языка на русский язык.

Многие люди уверены, что имеют четкое представление о понятии "вежливость". Однако, дать определение этого понятия не так просто, как может показаться на первый взгляд. На самом деле, у каждого человека есть своя собственная интерпретация понятия "вежливость", поэтому каждый человек трактует по-разному. Т.В. Ларина отмечает: «Вежливость понимается как национально-специфическая коммуникативная категория, содержанием которой является система ритуализованных стратегий коммуникативного поведения (языкового и неязыкового), направленных на гармоничное, бесконфликтное общение и соблюдение общественно-принятых норм при интеракциональной коммуникации» [Ларина 2003; 17]. В ее работе отмечается, что различные страны и культуры имеют собственное восприятие вежливости, которое отражается в языке. Согласно Н. И. Формановской, в своих исследованиях отмечается следующее: «Вежливость – это абстрагированная от конкретных людей этическая категория, которая получила отражение и в языке, что, конечно, следует изучать лингвистике» [Формановская 1989; 77]. В словарях («Словарь по этике») понятие «вежливость» понимается, как «...моральное качество, характеризующее человека, для которого уважение к людям стало повседневной нормой поведения и привычным способом обращения с собеседником» [Гусейнова 2005; 46]. Учитывая все эти определения, можно прийти к выводу, что вежливость представляет собой

уважение к людям и соблюдение норм приличия, а также этикета. Она является неотъемлемой частью любого коммуникативного акта.

Обобщая результаты проведенных исследований, а также личные наблюдения, рассмотрим, какие есть особенности перевода вежливых выражений с культурной мотивацией с казахского на русский язык.

Казахский – один из языков тюркской группы, который отличается от других направлений, обладая своими характерными особенностями. Казахи всегда ценили значение слова: – БІЗ МАЛ БАҚҚАН ХАЛЫҚ ЕМЕС, СӨЗ БАҚҚАН ХАЛЫҚПЫЗ [мы не народ, следящий за стадами, мы народ, следящий за словами], они называли себя. В степи отсутствовали полиция, суды и тюрьмы. Справедливость в степи осуществляли бии — это не просто люди, знакомые с уложениями степного права, но и люди, которые обладали "лицензией" на свою деятельность, полученной от народа за их красноречие. Их решения руководствовались, прежде всего, духовным содержанием и моральной правотой. Он также отличался вежливым и точным изложением мыслей.

В казахской семье принято обращаться к отцу на вы, что, впрочем, не распространяется на детей, выросших у бабушки с бабушкой – АТАНЫҢ БАЛАЛАРЫНА. Они зачастую называют родных отца и мать не только на ты, но и просто по имени, что придает особый шарм их взаимоотношениям.

Отец обычно сдержан в выражениях, если, говоря о сыне, он говорит о нем – МЕНІҢ ЖАМАН БАЛАМ [мой плохой сын], в этих словах заключена любовь и родительская ласка. ӘКЕ БАЛАҒА СЫНШЫ [отец сыну судья (критик)], считается плохим тоном, если отец сам хвалит своего сына. Так, в «Абай жолы» Кунанбай говорит Каратаю и Божею об Абасе, приехавшем из медресе на каникулы, – Одан да, не күтсеңдер де осы жаман қарадан күтсеңдерші [если от кого-то и ждать, то ждите вот от этого смуглого замарашки] и становится ясно, что Кунанбай возлагает на сына большие надежды [Тасибекоев 2023; 22].

Перевод вежливых выражений с казахского на русский язык представляет собой интересную и непростую задачу, требующую не только знания языков, но и понимания социокультурного контекста, в котором они применяются.

Одной из основных сложностей при переводе вежливых выражений с казахского на русский язык является отсутствие точного соответствия между выражениями в обоих языках. Это связано с тем, что оба языка имеют свои уникальные конструкции и выражения, которые не всегда могут быть переведены буквально без потери смысла или без звучания искусственно. В таких случаях переводчик должен стремиться сохранить смысл или хотя бы близкое эквивалентное выражение в русском языке.

В различных культурах могут существовать разные способы выражения вежливости и уважения. Например, в казахском языке есть выражение «Айналайын», употребляется при обращении к младшим, выражая любовь и благодарность, и не имеет аналогов в других языках. Об этом даже есть произведение Олжаса Сулейменова:

Айналайын – чудесное слово,
Жаль, что русский его не поймёт.
Объяснить я готов ему снова,
Только бедно звучит перевод.
Айналайын, твоими губами,
Пусть нелепо оно звучит,
Но другими иными словами,
Ты не сможешь его заменить.
Ты Серёжу Есенина помнишь?
«Шаганэ, ты моя Шаганэ».
Айналайын – захочешь, запомнишь!
Повтори айналайын при мне. ... [Сулейменов 1977; 802].

При переводе на русский язык означает «Кружусь вокруг тебя» — подстрочный перевод, «Принимаю твои болезни» и «Любовь моя» — смысловые переводы, а также встречаются такие варианты, как: «милый (ая)», «дорогой (ая)», «хороший (ая)» и т.д. Но все это лишь бледная тень мягкого, звучного, нежного «айналайын». А ведь переводчику важно учесть контекст и использовать соответствующие формы вежливости, сохраняя смысл и уважительное отношение.

В современном казахском языке широко применяются вежливые выражения, аналогичные этикетным формулам русского языка. Например:

На казахском языке	Дословный перевод	Русский аналог
Жайлы жатып, жақсы тұрыңыз	<i>Привольно вам спать и бодро встать</i>	Спокойной ночи
Ас дәмді болсын	<i>Да будет пища вкусной</i>	Приятного аппетита
Жайлы жүріп, жақсы жет	<i>Приятно ехать, благополучно доехать</i>	Доброго пути
Игілігіңе ки	<i>Носи на счастье</i>	Поздравляю с обновкой
Сапарың сәтті болсын	<i>Да будет путешествие удачным</i>	Счастливого пути
Аман барып, сау қайтыңыз	<i>Доехать и вернуться здоровыми</i>	Счастливого съездить

Как мы видим, перевод вежливых выражений требует учета тонких нюансов и культурных особенностей. Глядя на приведенные выше примеры, мы видим, что предложения не переводятся дословно. Однако, в обоих языках эти выражения используются с особым эмоциональным тоном, выражая искреннее прощание или доброе желание уходящему человеку.

В казахском языке понятие вежливости включает в себя использование определенных фраз, жестов или даже форм обращения. Например: *бата*, *сәлем салу* и т.д. В таких случаях, переводчик должен учитывать эти нюансы и выбирать наиболее подходящие варианты, чтобы сохранить эффект вежливости и уважения. Бата – это очень развитое благопожелание, благословение казахской культуры. Бата произносится вежливыми словами, и переводится, как например девушке *сүйгеніңе сүрінбей қосыл* – выйди за любимого, а парню *дәу жігіт бол* – расти большой, *таудай бол* – стань как гора и т.д. В этот момент все присутствующие должны поднять свои ладони вверх и ладони должны быть напротив лица. *Сәлем салу* – кланяться родственникам мужа, приветствовать. Сәлем салу напрямую связано с вежливостью невесты. Невеста скрестит и опустит руки, затем, слегка преклонив колени, поклонится старшим и говорит «*Сәлем бердік!Приветствую Вас!*».

Подводя итог, рассмотрев понятие вежливости в русскоязычной и казахской лингвокультурологических традициях, мы можем утверждать, что все две культуры трактуют вежливость как уважение по отношению к другим участникам коммуникации, это универсальная характеристика данного понятия. Был проведен сравнительный анализ семантики вежливости на двух языках, с помощью лингвокультурологического подхода были выявлены и обоснованы ее универсальные и культурноспецифические характеристики. Перевод вежливых выражений является сложной задачей, требующей внимательного изучения языковых и культурных особенностей. Важно учитывать контекст, использовать подходящие формы вежливости, а также передавать соответствующую тональность и стиль. Такой грамотный подход поможет переводчикам успешно передать смысл и эффект вежливых выражений в другой язык.

Литература

1. Ларина Т.В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. - М.: Академия, 2003. – 495 с.

2. Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. М.: ЭКСМО, 1989. - 150 с.
3. Гусейнова А.А., Кон И.С. Словарь по этике. М.: Политиздат, 2005. – 430 с.
4. Тасибеков К., Ситуативный казахский. Мир казахов. Алматы: ИП «Такеева А.Б.», 2023 г. - 264 с.
5. Сулейменов О. О. Советская поэзия, т. 2. М.: Художественная литература, 1977. – 912 с.

ЕРЕМИНА Е.В.

Центр международного сотрудничества

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ КЫРГЫЗСТАНА)

Статья посвящена проблемам функционирования русского языка на постсоветском пространстве (на примере Кыргызстана). На сегодняшний день проекты, направленные на создание за рубежом образовательного русского пространства с сопутствующими этнокультурными составляющими, разработка и осуществление в их рамках необходимых мер и мероприятий, пользуются недостаточным вниманием. Совокупная консолидированная работа государственных органов власти, неправительственных и общественных организаций, фондов, образовательных организаций и локальных центров способна приблизить задачу по поддержке русского языка за пределами России, в том числе, в Кыргызстане к эффективному решению.

Ключевые слова: развитие образования, мягкая сила России, российское образование за рубежом.

В настоящее время русский язык является одним из наиболее распространенных и важных языков в мире. Русский язык является одним из важных языков на постсоветском пространстве, включая республику Кыргызстан. Однако, как и многие другие языки, он сталкивается с определенными проблемами в своем функционировании в этом регионе.

На сегодняшний день продвижение российского образования осуществляется как через представительства органов власти в стране, НКО, НПО, фонды, центры открытого образования, культурные центры, так и через экспертов и экспертные площадки.

Продвижение русского языка и российского образования в Кыргызстане и сотрудничество между странами в сфере образования осуществляется в различных формах. Так, в 2022 году было подписано соглашение по осуществлению образовательной деятельности в школе г. Бишкек, построенной ПАО «Газпром» в рамках социальной программы «Газпром – детям». В рамках международного сотрудничества в школе предполагается реализация образовательных программы двух стран.

На постоянной основе проводятся курсы повышения квалификации преподавателей русского языка как иностранного в 19 странах, в то числе, в Кыргызстане. С 2017 года Минпросвещения России реализует гуманитарный проект «Российский учитель за рубежом» (далее - проект), в рамках которого совместно с иностранными органами исполнительной власти в сфере образования обеспечивает деятельность педагогических работников в общеобразовательных организациях иностранных государств. В 2020/21 учебном году в реализации проекта приняли участие 50 российских преподавателей русского языка, литературы, физики, математики, химии, биологии и географии в общеобразовательных организациях Киргизской Республики. Только в 2019-2020 учебном году по данному проекту выехало за рубеж – 98 учителей, в 2020-2021 учебному году - 170, в 2021-2022 учебном году работает 186 учителей, а на 2022-2023 учебный год запланировано 362 учителя различных направлений. Более 76 российских педагогов – участников проекта работают более чем в 50

школах Киргизии, которые расположены в Иссык-Кульской, Джалал-Абадской, Баткенской, Чуйской и Ошской областях.

Российские учителя обеспечивают индивидуальную подготовку обучающихся к олимпиадам различного уровня и оказывают методическую поддержку иностранным учителям в вопросах преподавания русского языка как иностранного. Оператором проекта является ФГБОУ «Центр Международного сотрудничества Министерства просвещения РФ» (Интердом). С 20 по 26 декабря 2020 г. при поддержке Минпросвещения России были организованы образовательно-просветительские экспедиции Программы в Киргизии и Таджикистане, участниками просветительских онлайн-занятий стали более 1000 школьников и студентов из семи школ и одного вуза стран СНГ. Методисты Программы провели научно-методические семинары для 123 киргизских и таджикских русистов.

Сотрудничество Кыргызстана и Российской Федерации как в сфере продвижения среднего общего, так и высшего образования.

В российских вузах, включая их зарубежные филиалы, обучается более чем 8600 граждан Кыргызской Республики.

В соответствии с Планом приема иностранцев, лиц без гражданства, в том числе соотечественников, проживающих за рубежом, гражданам Кыргызской Республики выделено 432 места для обучения в организациях образования в пределах лимита, установленного Правительством Российской Федерации на 2021 год. По сравнению с 2020/21 учебным годом количество мест увеличилось на 30.

Необходимо отметить, что количество иностранных граждан, обучающихся в российских образовательных организациях высшего образования, постановлением Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2020 г. № 2150, в соответствии с которым установлены квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации квоты увеличены почти в два раза: в 2021 году 18 тыс. человек, в 2022 году - 23 тыс. человек и начиная с 2023 года - 30 тыс. человек.

Полагаем, что вышеизложенное будет способствовать развитию международного сотрудничества в сфере образования, в том числе повышению привлекательности и конкурентоспособности российского образования на рынке образовательных услуг, обеспечению экономики квалифицированными специалистами, а также укреплению «мягкой силы».

Как правило, киргизские студенты, обучающиеся в российских вузах в рамках квоты, выбирают такие направления обучения, как экономика, право, информационные системы и технологии, информационные и информационные технологии, строительство и актерское мастерство.

Российско-киргизское сотрудничество успешно развивается также в рамках сетевых университетов ШОС и СНГ.

Сетевая форма обучения является перспективной моделью продвижения образования, так как позволяет аккумулировать усилия нескольких организаций, как российских, так и зарубежных, как образовательных, так и практических для реализации образовательных программ. Такой подход к освоению образовательных программ позволяет решить следующие задачи: экономию денежных средств за счёт объединения усилий нескольких организаций над решением общей задачи; углублённое изучение обучаемыми отдельных образовательных программ, имеющих прикладное или межотраслевое (межгосударственное) значение; приобретение обучаемыми практических навыков и углублённое овладение ими будущей профессией (специальностью).

В Кыргызстане на базе вузов открыты центры образования и школы: (Салымбеков Университет - Центр развития образования Казанского федерального университета). На базе Кыргызско-Российский Славянского университета (КРСУ) имени Б.Н. Ельцина открыта средняя школа – единственное учебное заведение в Кыргызстане, где можно сдать ЕГЭ. 3 октября 2023 г. начали свою работу три Центра открытого образования и изучения русского языка в Киргизии. Они открылись в школе «Газпром Кыргызстан» в Бишкеке, средней школе имени В.И. Ленина в Баткене и Иссык-Кульском государственном университете имени К.Тыныстанова в Караколе.

Центры – это новые возможности для жителей, в первую очередь молодежи Кыргызстана, совершенствовать свои языковые, коммуникативные и социокультурные компетенции. Торжественное открытие ЦОО состоялось в рамках Международного российско-киргизского форума учителей, прошедшего 2-3 октября в Бишкеке в «Школе Газпром Кыргызстан». Сотрудничество между Россией и Кыргызстаном строиться и по направлению строительства Российской Федерацией образовательных учреждений для Республики. Такое строительство могло бы решить проблему дефицита учителей в школах и дефицит отсутствия в достаточном количестве самих школ. Помимо указанного, актуальным стало бы увеличение количества для Кыргызстана бюджетных мест в высших учебных заведениях России - на педагогические специальности, и прохождению педагогической практики лучшими выпускниками педвузов Республики в школах России. В сфере среднего общего образования аналогичные практики уже реализуются. Так, в ноябре 2022 года в Россию впервые приехали киргизские школьники в рамках реализации первой дополнительной общеобразовательной программы социально-гуманитарной направленности «Интердом – детям Кыргызстана». В течение трех месяцев 14 кыргызстанских детей с 7 по 8 классы обучались в международной школе «Интердом». Для лучшего погружения в русскоязычную коммуникативную среду и большего взаимодействия с русскими сверстниками кыргызские школьники находились в совместных учебных группах. Итоги реализации программы подвели на встрече в Посольстве Кыргызской Республики в Москве Чрезвычайный и Полномочный Посол Кыргызской Республики в Российской Федерации - Гульнара - Клара Самат.

2023 год был объявлен годом русского языка как языка межнационального общения в странах СНГ (решение от 28 октября 2022 г. Об утверждении Плана мероприятий по проведению в Содружестве Независимых Государств в 2023 году Года русского языка как языка межнационального общения). В числе мероприятий, которые активно сейчас реализуются - мероприятия просветительского, образовательного и научно-методического характера, направленные на продвижение, поддержку и укрепление позиций русского языка и образования на русском языке; серия научно-практических конференций, семинаров, круглых столов по вопросам развития современного русского литературного языка; международный круглый стол «Русский язык на пространстве СНГ: перспективы развития»; научный конгресс «Русский язык в глобальном образовательном пространстве стран СНГ»; курсы повышения квалификации для преподавателей русского языка школ и вузов, в том числе с участием специалистов из Российской Федерации и т.д.

Несмотря на насыщенную повестку совместных мероприятий, существуют некоторые проблемы русского языка, его продвижения на территории страны. Одной из проблем является фактически утрата статуса русского языка в Кыргызстане после получения страной независимости в 1991 году. В советский период русский был одним из государственных языков, используемых в официальных документах и общественной жизни. Однако, с развитием национального самосознания, русский язык стал терять свое положение и стал рассматриваться, в основном, как иностранный язык.

Это привело к тому, что использование русского языка в официальных структурах и образовании снизилось. Как результат, многие русскоязычные школы закрылись, а предложение русского языка в образовательных учреждениях сократилось. Это создает сложности для русскоговорящего населения, особенно для старшего поколения, которое не имеет достаточной поддержки в изучении и использовании русского языка.

Еще одной проблемой является влияние внешних языков, таких как английский и китайский, на русский язык. Глобализация и развитие международных связей приводят к тому, что молодое поколение все больше обращает внимание преимущественно на изучение этих языков. Это может привести к тому, что русский язык может потерять свое существование на постсоветском пространстве.

Несмотря на ограничения в результате изменений в языковой политике и росте национального самосознания, русский язык продолжает играть важную роль в общении и образовании. Разработка сбалансированной языковой политики и содействие сохранению русского языка в Кыргызстане могут способствовать решению проблем, связанных с его функционированием.

Серьезной проблемой является недостаточное количество носителей русского языка, особенно в сельских районах. С ростом популярности кыргызского языка и укреплением национальной идентичности, многие русскоязычные жители Кыргызстана уезжают за границу или переходят на кыргызский язык в общении. Это приводит к уменьшению числа говорящих на русском языке и сокращению возможностей его использования в различных областях, включая сферу образования и деловые отношения.

Также следует отметить, что русский язык, несмотря на свою официальность, не всегда доступен в региональных медиа и официальных документах. Кыргызский язык преобладает в местных СМИ и рекламных материалах, что затрудняет повсеместное использование русского языка и ограничивает доступность информации на нем.

Для решения данных проблем необходимо предпринять ряд мероприятий. Прежде всего, важно повысить внимание к изучению русского языка на государственном уровне. Образовательные учреждения должны обеспечивать качественное преподавание русского языка и развивать у студентов мотивацию к его изучению.

Кроме того, следует разработать программы и проекты, направленные на сохранение и продвижение русского языка в различных сферах жизни. Необходимо создать специальные курсовые и тренинговые программы для повышения уровня владения русским языком у молодежи. Также стоит содействовать созданию русскоязычных СМИ и расширению информационного пространства на русском языке.

В заключение, проблемы продвижения русского языка в Кыргызстане требуют комплексного подхода и совместных усилий государства, образовательных институтов и общественности. Только через активное и своевременное воздействие можно обеспечить сохранение и укрепление русского языка как значимого фактора в культуре и общественной жизни Кыргызстана.

Однако с учетом развития национального языка - кыргызского, а также возникающих многоязычных сред, необходимы дополнительные меры и формы продвижения русского языка в Кыргызстане. Такие меры могут способствовать развитию двуязычия и повышению языковой компетенции населения, облегчат доступ к информации и позволят русскому языку сохранить свою актуальность и роль в обществе.

Первая форма продвижения русского языка в Кыргызстане - включение его в образовательную систему. Русский язык должен присутствовать на всех уровнях

образования - от начальной школы до вузов. Это позволит детям и молодежи получить основы русского языка и овладеть им как вторым языком. Обязательное изучение русского языка в школах сделает его более доступным и позволит сохранить связь с культурным наследием.

Вторая форма продвижения русского языка - создание и поддержка центров и клубов русского языка и культуры. Это места, где люди могут встречаться, общаться на русском языке, изучать его и развивать свои языковые навыки. Такие центры и клубы должны предлагать различные программы и мероприятия, направленные на популяризацию и продвижение русского языка, включая литературные чтения, культурно-просветительские мероприятия и конкурсы.

Третья форма продвижения русского языка - создание и поддержка мультимедийных и интернет-ресурсов на русском языке. Это включает разработку онлайн-курсов, сайтов, форумов, блогов и других ресурсов, чтобы предоставить людям возможность изучать и практиковать русский язык в любое время и в любом месте. Электронные ресурсы могут сделать изучение русского языка более интерактивным и увлекательным.

Четвертая форма продвижения - поддержка международных обменов и сотрудничества. Русский язык должен быть активно использован в официальных и деловых контактах, а также в культурном и научном обмене с другими странами. Участие в международных проектах, конференциях и выставках будет способствовать повышению престижа русского языка и его привлекательности для молодежи.

В целом, принятие этих мер и форм продвижения русского языка в Кыргызстане позволит развить двуязычное образование, облегчить доступ к информации, укрепить культурные связи и расширить возможности для общения и сотрудничества. Это поможет сохранить русский язык как важный и актуальный элемент многоязычной среды Кыргызстана.

Литература

1. Булыгина, М. В. Учебно-познавательный клуб как модель центра открытого образования для обучения русскому языку иностранных студентов / М. В. Булыгина, Е. И. Елизова // Глобальный научный потенциал. – 2021. – № 1(118). – С. 77-80.
2. Ковтун, О. И. Анализ опыта применения Россией политики "мягкой силы" в регионе СНГ на примере сферы образования / О. И. Ковтун, Я. Р. Буркина, М. А. Иваненко // ЦИТИСЭ. – 2021. – № 4(30). – С. 541-556.
3. Матевосян, А. Т. Высшее образование как инструмент "мягкой силы" России (на примере Армении) / А. Т. Матевосян // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. – 2022. – № 2. – С. 56-68.
4. Писарева, С. А. Региональный научный центр Российской академии образования на северо-западе как пространство интеграции исследований в области образования / С. А. Писарева // Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2018. – С. 11-16.
5. *Нормрайтер как профессия* // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. №2 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/normrayter-kak-professiya-1> (дата обращения: 09.09.2023).
6. Барабанова С. Образовательное законодательство (проблемы кодификации) // Высшее образование в России. 2004. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnoe-zakonodatelstvo-problemy-kodifikatsii> (дата обращения: 13.10.2023).
7. Коокуева В.В. Финансирование образования в Российской Федерации и в зарубежных странах // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2013. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansirovanie-obrazovaniya-v-rossiyskoy-federatsii-i-v-zarubezhnyh-stranah> (дата обращения: 09.10.2023).

8. Кудилинский М. Н. Особенности правового регулирования государственного контроля в сфере образования // Журнал российского права. 2017. №12 (252). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-gosudarstvennogo-kontrolya-v-sfere-obrazovaniya> (дата обращения: 09.09.2023).

9. Моисеенко И. В. Проблемы функционирования института парламентаризма современной России // Актуальные вопросы современной науки. 2011. №17-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-funktsionirovaniya-instituta-parlamentarizma-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 09.09.2023).

10. Паришкова Т.А., Томахина М.В. Правовая основа государственного управления в сфере образования Российской Федерации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Современный колледж». 2022. №4 (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-osnova-gosudarstvennogo-upravleniya-v-sfere-obrazovaniya-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 09.09.2023).

11. Пономаренко А.А. Правотворчество органов государственной власти в условиях цифровизации: цели, задачи, принципы / Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravotvorchestvo-organov-gosudarstvennoy-vlasti-v-usloviyah-tsifrovizatsii-tseli-zadachi-i-printsipy> (дата обращения: 09.09.2023)

ЕРЕМИНА С.А.

Уральский государственный педагогический университет

ДЗЮБА Е.В.

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

УЧЕБНИК РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Статья посвящена анализу материалов учебника русского языка как родного с позиции связи языковых фактов и феноменов русской культуры. На примере учебника «Русский родной язык» рассматривается взаимосвязь языка и географии России, ее истории, литературы, искусства.

Ключевые слова: язык и культура, лингвокультурология, учебник как лингвокультурный феномен, язык и география России, язык и история России.

Введение. Взаимосвязь между национальным языком и культурой настолько глубока, что довольно часто их невозможно адекватно понять или оценить по отдельности. Неразрывная связь языка и культуры, наличие которой весьма полно отражено в классических работах [Бартминьский 2005; Верещагин, Костомаров 1990; Воробьев 2008; Тер-Минасова 2000; Толстая 2010; Толстой 1995 и мн. др.], обнаруживается в следующих фактах: 1) этноспецифическая лексика и фразеология (*Кремль, Новгород, Красная площадь, матрешка; кричать на всю Ивановскую, с красной строки, сирота казанская* и под.); 2) традиции языковой коммуникации и речевого этикета (специфика ТЫ-/ВЫ-общения в русской культуре); 3) национально специфичные жесты, сопряженные с речевыми оборотами (*Дай пять; Посмотри мне в глаза* и под.); 4) маркеры национальной, языковой, конфессиональной и иной групповой идентичности (*Христос воскрес!, Российская империя, Московское государство, русский мир* и т. д.); 5) ритуальные тексты, церемониальные высказывания (свадебные и иные ритуальные клятвы, религиозные тексты и под.); 6) языковые заимствования как свидетельства преемственности культурных традиций (грецизмы, латинизмы в русском языке) и межкультурного взаимодействия (тюркизмы, галлицизмы, англицизмы, германизмы в русском языке); 7) изменение языка под влиянием меняющейся культуры (неологизмы, лексические адаптации в русском языке) и т. п.

Язык не только средство общения, но и хранилище культурных знаний и ценностей этноса, свидетельство самобытности народа, говорящего на этом языке. Понимание взаимосвязи между языком и культурой необходимо для эффективной коммуникации, формирования языковой, коммуникативной, лингвокультурной, межкультурной компетенций, актуальных в процессе языкового образования. Поэтому современные

учебники русского языка (в первую очередь — как родного языка) создаются при учете его тесной связи с фактами русской истории, географии, культуры. Данное положение будет проиллюстрировано материалами учебника «Русский родной язык» [РРЯ 2022].

Обсуждение и материалы. Учебники русского родного языка направлены на расширение представлений учащихся том, как связаны язык и история, как материальные и духовная культура русского народа отражается в слове. Учебник культуроцентричен и содержит богатый лингвострановедческий материал.

Связь языка и географии. В учебнике сведения по географии страны представлены большей частью в рубрике «Моя Россия». Это короткие рассказы о малых городах, имеющих политическое и экономическое значение в разные периоды истории нашей страны, а сегодня являющиеся историческими памятниками, составляющими часть национальной культуры. При этом в текстах объясняется происхождение названий этих городов. Это рассказ о Кенозерье, историко-архитектурном памятнике [РРЯ 2022; 39]; городе Юрьеве-Польском, заложенным Юрием Долгоруким и являющийся форпостом Владимиро-Суздальского княжества на северо-западных границах в XII в. (имя «Польский» — от слова «ополье»; так в старину называли просторные долины, характерные для этого края) [РРЯ 2022; 68]; Тотьме, городе в Вологодской области, стоящий на реке Сухоне и получивший название в переводе «колдовская река» из-за того, что река Сухона дважды в год меняет свое направление [РРЯ 2022; 76].

География страны описывается и через историю происхождения топонимов (имен собственных городов). Такой материал представлен в рубрике «Лингвистические заметки». Отмечается, что Тверь фиксируется «в Новгородской летописи Тѣбѣдѣ (вероятна связь со значением «крепость» [РРЯ 2022; 78]). Предлагается этимология названия города Таганрог: *«Таганрог – город в Ростовской области, на побережье Азовского моря. Распространённая в топонимике основа **рог** означала в широком смысле «выступ» (оврага, суши), в этом случае – «мыс, коса»; таган (тюркское) – «железная подставка для котла», «жаровня». На мысу зажигали огонь в тагане, служивший маяком. По этому объяснению название означало «маячный мыс». Основанный Петром I в 1689 году на этом мысу город стал называться Острог (укрепление) на Таганроге, что позже упростилось в Таганрог (В. Никонов)» [РРЯ 2022; 78]. Включается текст об истории создания городов по Волге, ср.: *«Территория города Астрахани пересечена рукавами и протоками, отходящими от волжского русла на юго-восток (Болда, Кутум, Царёв, Кизань). Это обусловило обилие мостов, перекинутых через реки и ерики, что роднит город с Петербургом, как и то, что здесь бывал Пётр I в 1722 году, приложивший немало усилий к развитию Астрахани как Волго-Каспийского порта» [РРЯ 2022; 116]. Предлагается материал для упражнений, в котором освещается история города: *«1. Вышний Волочёк – город в Тверской области России. Административный центр Вышневолоцкого района, административно-территориальная единица, город областного значения. Основан в 1471 году. Получил статус города в 1770 году... (Из документа об административно-территориальном делении Тверской области). 5. В Вышнем Волочке большой интерес представляет водная система – старейший в России искусственный водный путь, начавший функционировать ещё в 1700-е годы... (Из учебника «Водоснабжение. Проектирование систем и сооружений)» [РРЯ 2022; 149].***

Связь языка и истории. Авторы учебника используют исторический материал в лингвистическом, этическом и методическом аспекте. Тексты и отдельные предложения, содержащие сведения об истории страны, направлены на осмысление лексической и грамматической системы языка. Например, в учебнике имеется фрагмент: *«В XIV в. центром Русского государства стала Москва, поэтому произносительные и многие другие нормы складывавшегося русского литературного языка формировались преимущественно на*

основе московских произносительных норм. Расположенная на стыке северных и южных областей, Москва в XVI — XVIII вв. принимала многих выходцев из южных губерний и вбирала черты южнорусского произношения, в частности аканье: в[a]да, др[a]ва, п[a]йду» [РРЯ 2022; 89]. В учебнике дается исторический материал с возможностью использовать методы, ориентированные на устную и письменную коммуникацию: «Расскажите о князе новгородском и киевском Владимире Святославиче. Почему Русской православной церковью он причислен к лику святых? (Информацию можно найти в учебниках по истории или на сайте «Большая российская энциклопедия» <https://gotourl.ru/11013>)» [РРЯ 2022; 80].

Тексты способствуют формированию лингвострановедческой компетенции и указывают на то, что иногда при изучении языка необходимо опираться на исторические данные. Это наблюдается во фрагменте: «Глубокой древностью веет от имени Херсонес: когда Владимир Святославич, князь новгородский и киевский, но дни наших былинных богатырей взял этот город осадным сидением, он был уже стар, имел незапамятно древнюю историю. Имя Херсонес, то есть «полуостров», дано этому пункту греками в глубокой древности. А вот про лежащий рядом **Севастополь** этого никак не скажешь. ... Во времена царствования Екатерины II на освобождённых от турок южных землях возникла мода давать новым поселениям греческие имена. Следуя этому приятному императрице обыкновению, именно так были названы и Симферополь (в переводе — «Пользоград»), и Ставрополь (Крестовый город), и многие другие города. Так или иначе, в Крыму появился ряд искусственных, «под Грецию», названий мест. Мода эта, начавшись в XVIII столетии, держалась очень долго. Выходит, что для решения топонимических вопросов мало знать язык. Надо ничуть не хуже знать историю: без её помощи чистое языковедение может, чего доброго, завести в тупик. (по Л. Успенскому)» [РРЯ 2022; 70]. Текст об истории появления письменности помогает объяснить выбор не латинского, а кириллического письма, ср.: «В конце 862 года к византийскому императору Михаилу прибыло посольство от Ростислава — князя Великой Моравии, государства западных славян. Первые миссионеры, проповедовавшие христианство в Моравии, распространяли это учение на латинском языке. Ростислав решил просить византийского императора прислать в Моравию проповедников, способных толковать Священное Писание на родном для моравян языке. С этой целью он и снарядил посольство в Константинополь. Император Михаил и патриарх Фотий направили в Моравию греков — учёного мужа Константина Философа (в монашестве принявшего имя Кирилл) и его старшего брата Мефодия. Родом они были из Солуни (по-гречески Солоники), где жило много славян. Азбуки, приспособленной передавать славянскую речь, тогда ещё не существовало. Но славяне, видимо, уже пытались записывать свою речь при помощи латинских и греческих букв. Настоящая азбука была создана Константином Философом в 863 году. В работе ему помогал Мефодий, хорошо владевший славянским языком. Создав славянский алфавит, братья начали переводить с греческого на славянский главные богослужебные книги, в первую очередь Евангелие. Язык этих переводов, выполненных Константином и Мефодием, а затем их учениками, теперь называют старославянским. Этот язык, впервые донёсший до славян текст Священного Писания, на столетия стал языком славянской культуры. На Русь письменность пришла в X веке (после крещения Владимиром в 988 году), но первые дошедшие до наших дней рукописные книги относятся к XI веку. Пользуясь старославянским языком, книжники приближали его к своим родным языкам — русскому, сербскому, болгарскому... (Е. Бабаева)» [РРЯ 2022; 12-13].

Связь языка и литературы. В рассматриваемом учебнике литературные произведения выступают как иллюстративный материал, подтверждающий статус русского языка как богатой развитой системы, ср.: «Русский язык достаточно богат, он обладает всеми средствами для выражения самых тонких ощущений и оттенков мысли» В. Короленко» [РРЯ 2022; 7). Фольклорные тексты являются источником изучения норм

литературного языка. Например, предлагаются стихи с орфоэпическими правилами грамотной речи: «Выполняя договоры, инженеры и шофёры, Столяры и маляры – Потрудились все на славу, Чтоб за месяцы зимы Возвести домов кварталы Для народа, для страны» [РРЯ 2022; 92]. Былины служат источником изучения суффиксов: «В славном городе во Муроме, Во селе было Карачарове, Сиднем сидел Илья Муромец, крестьянский сын, Сиднем сидел цело тридцать лет. Уходил государь его батюшка Со родителем со матушкою На работушку на крестьянскую» [РРЯ 2022; 56]. Тексты художественной литературы и устного народного творчества способствуют освоению различных пластов лексики (диалектизм, архаизм, историзм). Например, предлагается такое упражнение: «Перепишите поговорки из сборника XVII века, заменяя архаичные (устаревшие) написания современными – Îтuиàёи Fдоёи моёи пãдãáи Áíёãè à à ãñ. Ãðñёсý Ìàкèии ёдòãи ñёии. Кеиёу æããòи ãññёдёñеi;#.» [РРЯ 2022; 17]. Литературные произведения являются хранителями национальных словесных образов, ср.: «Вдруг прилетают двенадцать голубиц; ударились о сыру землю и обернулись красными девицами, все до единой красоты несказанной: ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать!» [РРЯ 2022; 54]. Тексты художественной литературы формируют национальное восприятие мира и содействуют воспитанию ценностной картины мира: «Русских слов глубокое течение Дарит силу песенной строке. Ах, какое это наслажденье Говорить на русском языке! Колосится рожь в широком поле, Облака купаются в реке. Мы с тобой о радости и боли Говорим на русском языке. Не померкнет подвиг наших дедов, Ордена горят на пиджаке. В майский день друг другу: «С Днём Победы! Говорим на русском языке. Вспоминая белые берёзы, От родного дома вдалеке, Мы, смахнув непрошеные слёзы, Говорим на русском языке. Пареньк с фамилией Гагарин Отправлялся в космос налегке. Он был первым. И из этой дали Говорил на русском языке. Гreet нас особенное слово, Это слово вечное Москва! Словно мать, беречь она готова Все на свете русские слова» [РРЯ 2022; 83-84]. Художественная литература является также источником изучения изобразительно-выразительных средств языка: «На небесном синем блюде Жёлтых туч медовый дым» С. Есенин) [РРЯ 2022; 47].

Связь языка и искусства. Тексты об истории языка, культуре и быте русского народа сопровождаются богатым иллюстративным материалом. Это картины русских художников, таких как И.Я. Билибин, А.И. Куинджи, В.М. Максимов, В.М. Васнецов. Рассказы о малых городах России сопровождаются фотографиями памятников архитектуры, имеющими культурно-историческое значение, такие как Ростовский кремль, Спасо-Прилуцкий Димитриев монастырь и т.д. Информация об исторически значимых персоналиях сопровождается фотографиями памятников, например, памятник святым равноапостольным Кириллу и Мефодию в Москве, памятник Илье Муромцу в г. Муром, памятник Кузьме Минину и Дмитрию Пожарскому.

Заключение. Учебник русского родного языка является свидетельством того, что факты географии, истории, искусства обусловлены языком; явления культуры и факты бытования народа неотделимы от языка. Более того, эти сведения становятся в учебниках не просто языковыми явлениями, это феномены, которые несут аксиологический заряд, отражают эстетические представления авторов-создателей учебника и имеют ярко выраженный исторический (идеологический) контекст. Описание топонимов, персоналий, исторических фактов и событий в учебниках является средством репрезентации прямой (эксплицитной) стратегии представления того, как следует формировать языковую личность современного школьника.

Литература

1. Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике: [пер. с пол.]; сост. и отв. ред. С.М. Толстая. — Москва : Индрик, 2005. — 527 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании рус. яз. как иностр. — Москва: МГУ, 1973. — 232 с.

3. Воробьев В.В. Лингвокультурология. – М.: Изд-во РУДН, 2008. – 340 с.
4. РРЯ — Русский родной язык. 5 класс : учеб. для образоват. организаций / О.М. Александрова и др. - 3-е изд., стер. – М.: Просвещение, 2022. — 176 с.
5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М.: Слово, 2008. — 264 с.
6. Толстая С.М. Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2010. – 368 с.
7. Толстой Н.И. Язык и культура // Н.И. Толстой. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и лингвистике. М., 1995.

ЖАНДАРОВА А.С., КОРЗИН А.С.

Российский университет дружбы народов им. П. Лумубы

ИЗМЕНЕНИЕ ТОНАЛЬНОСТИ В ПЕРЕВОДЕ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК НА МАТЕРИАЛЕ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ

В статье рассматривается возможность использования автоматизированных систем для оценки тональности текстов и отдельных предложений для обнаружения и дальнейшего изучения изменения эмоциональной окраски при переводе. В данной работе в качестве материала исследования были выбраны научно-популярные статьи, в оригинале написанные на английском языке, и их перевод на русский язык. В результате сопоставления были сделаны выводы об аспектах применимости автоматической оценки тональности для исследований в области переводоведения.

Ключевые слова: тональность, перевод, сентимент-анализ.

Введение

В настоящее время широко развивается область машинного обучения, которая решает задачи классификации, кластеризации и регрессии. Одним из наиболее распространенных методов является сентимент-анализ. Этот метод используется в образовательной деятельности, журналистике и культуре и относится к задачам классификации [Cruz et al. 2014; 5985]. Сентимент-анализ также является объектом исследования как отечественных, так и зарубежных ученых. Сентимент-анализ впервые был представлен американскими исследователями Во Pang и Lillian Lee в 2001 году, ученые предполагают, что этот метод применяется для решения проблемы классификации текстовых документов не по теме, а по тональности, например, с его помощью можно определить является ли отзыв на какой-либо продукт положительным или отрицательным [Gujjar, Kumar 2021; 1097, Pang, Lee 2002; 81]. За последние 20 лет сентимент-анализ использовался для выполнения разнообразных задач. Например, Р. В. Посевкин, И. А. Бессмертный применяли этот метод для оценки общественного мнения [Посевкин 2015; 170]. Беляков М. В. анализировал новостные сообщения МИД РФ с помощью сентимент-анализа [Беляков 2016; 117]. Р. В. Посевкин и И. А. Бессмертный предполагают, что тональность текста состоит из трех элементов: субъект тональности, объект тональности и тональная оценка. Под субъектом тональности понимается автор, под объектом — содержание текста [Посевкин 2015; стр.171]. В настоящее время актуальной остается проблема точности оценки тональности с применением модели машинного обучения [Medhat, Hassan, Korashy 2014; 1098].

Целью данной статьи является анализ изменения тональности научно-популярных текстов при переводе с английского на русский язык.

Методы

В качестве материала исследования были выбраны 10 статей (в переводе и оригинале), опубликованных на сайте ИноСми¹ в разделе «Наука» в июне-августе 2023 года.

¹ <https://inosmi.ru/science/>

Дополнительно было осуществлено сопоставление текстов на русском и английском языке для установления соответствий на уровне отдельных предложений. Это было сделано для оценки тональности не только текстов на двух языках в целом, но и предложений из них.

Для осуществления сентимент-анализа применялась библиотека TextBlob, написанная на языке программирования Python, также использовались библиотеки для автоматической обработки языка: NLTK (Natural Language Toolkit), Spacy [Gujjar, Kumar 2021; 1098]. В библиотеке NLTK применялся модуль «nltk.tokenize», этот инструмент позволяет разделять неструктурированные текстовые данные на токены; Spacy использовалась для удаления стоп-слов; библиотека Pandas применялась для работы с датафреймом. Первым этапом сентимент анализа была предварительная обработка текста: удаление стоп-слов и приведение текстовых данных к нижнему регистру [Bird, Klein, Loper 2009; стр.257]. Библиотека Textblob может обработать три типа тональности: позитивную, негативную и нейтральную. Тональность определяется при помощи polarity score, этот показатель может принимать различные значения, поэтому следует уделить особое внимание интерпретации результатов. Polarity score может принимать значения от -1 до 1, если значение больше 0, то тональность текста позитивная, если polarity score меньше 0, то тональность негативная. В случае, когда значение равно 0, текст имеет нейтральную эмоциональную окраску.

Для сентимент-анализа текстов на русском языке применялась библиотека Dostoevsky [Rogers 2018; 756]. Классификаторы этой библиотеки основаны на глубоких нейронных сетях, таких как сверточная нейронная сеть и двунаправленная рекуррентная [Gaifulina 2022; 208]. Тональность текста принимает три значения: нейтральная, позитивная и негативная, численный показатель может быть в промежутке от 0 до 1, он показывает вероятность принадлежности текста к одной из трех тональностей.

Результаты

В Таблице 1 приводятся сводные данные расчёта показателей тональности для 10 текстов с помощью описанных выше методов. Обратим внимание на тот факт, что значения показателей отличаются в связи с тем, что они рассчитываются и интерпретируются по-разному. В случае тональности русскоязычных версий статей в таблице приводятся вероятности того, что статья имеет нейтральную эмоциональную окраску. Для англоязычных текстов же были получены показатели, которые непосредственно характеризуют тональность текста.

Таблица 1. Результаты оценки тональности выбранных статей.

№	Название (оригинал)	Значение	Название (перевод)	Значение	Тональность
1	Tests begin on 3D-printed rocket engine that could power UK space launches	0,139	В Великобритании начались испытания напечатанного на 3D-принтере ракетного двигателя, который может использоваться в космических запусках	0,637	нейтральная
2	Scientists May Have Unraveled a Long-Standing Mystery About the Sun	0,125	Ученые, возможно, разгадали давнюю загадку Солнца	0,578	нейтральная
3	What's the World's Oldest Language?	0,057	Какой язык старейший в мире?	0,644	нейтральная

4	Russia and India are landing on the moon next week. Here's what you need to know	0,102	Российский и индийский аппараты совершат посадку на поверхность Луны на следующей неделе: что нужно знать	0,492	нейтральная
5	Mars is rotating more quickly, NASA mission finds	0,113	Новое открытие НАСА: Марс стал вращаться быстрее	0,578	нейтральная
6	The WHO has declared Eris a 'variant of interest'. How is it different from other Omicron variants?	0,071	ВОЗ объявила штамм "Эрида" "представляющим интерес". Чем он отличается от других вариантов "Омикрона"?	0,699	нейтральная
7	How Physical Strength Affects Mood, Behavior, and Politics	0,078	Как физическая сила сказывается на настроении, поведении и политических взглядах	0,500	нейтральная
8	Our Solar System possibly survived a supernova because of how the Sun formed	0,068	Судя по тому, как образовалось Солнце, наша Солнечная система могла пережить вспышку сверхновой	0,578	нейтральная
9	What Makes a Genius? The World's Greatest Minds Have One Thing in Common	0,169	Что делает гения гением? Величайшие умы объединяет одна общая черта	0,523	нейтральная
10	One Shot of a Kidney Protein Gave Monkeys a Brain Boost	0,147	Одна инъекция "омолаживающего белка" улучшает когнитивные способности обезьян	0,651	нейтральная

Как можно увидеть из Таблицы 1, все выбранные тексты обладают нейтральной тональностью.

Для более детального анализа был выбран текст под номером 9 «Что делает гения гением? Величайшие умы объединяет одна общая черта». Некоторые предложения, тональность которых изменилась в результате перевода, приводятся в Таблице 2, где

(-) — это отрицательная тональность,

(0) — это нейтральная тональность,

(+) — это положительная тональность.

Таблица 2. Примеры выявленного изменения тональности.

№	Предложение (оригинал)	Тональность	Предложение (перевод)	Тональность
1	Being a genius is different than merely being supersmart.	(-)	Быть гением и обладать исключительными интеллектуальными способностями — не одно и то же.	(0)

2	Albert Einstein followed a similar path.	(0)	Альберт Эйнштейн прошел аналогичный путь.	(-)
3	But to me the most interesting geniuses are those who see patterns across nature's infinite beauties.	(0)	Но, по-моему, самые интересные из них — те, которые способны различить в бесконечной красоте природы систему.	(+)

Рассмотрим первое предложение. Вероятно, на общую тональность повлияло слово *merely*, которое может означать «всего лишь» и иметь отрицательную коннотацию. В переводе же нет слов, которые бы обладали ярко выраженной эмоциональной окраской, поэтому его тональность нейтральная.

Противоположная ситуация со вторым предложением из Таблицы 2, где, возможно, слово «*аналогичный*» повлияло на результат, поскольку оно может обладать негативной коннотацией.

В случае с третьим примером, вероятно, на разницу тональностей оказало влияние словосочетание «бесконечная красота», которое явно придаёт положительную эмоциональную окраску всему предложению. В оригинале фраза *infinite beauties* могла получить оценку как скорее более нейтральная, нежели положительная, так как прилагательное *infinite* обладает количественным значением (множественный), которое могло быть интерпретировано как безоценочное.

Выводы

В результате проведенного анализа можно сделать следующие выводы: При рассмотрении материала можно предположить, что большинство текстов имеют нейтральную тональность. Это может быть обусловлено несколькими факторами. Во-первых, особенности научно-популярного стиля подразумевают замену метафор, эпитетов и образных языковых средств на термины и конкретные понятия, что уменьшает количество эмоционально окрашенной лексики. Во-вторых, библиотеки TextBlob и Dostoevsky рассчитаны на использование с текстами общей тематики, а в научно-популярных текстах может встречаться специальная терминология.

Во время анализа отдельных предложений тональность некоторых единиц различается, как это показано в Таблице 2. Различие эмоциональной окраски может быть связано с тем, что в библиотеках TextBlob и Dostoevsky используются разные классификаторы, а также в связи с недостаточной точностью библиотеки, так как она рассчитана на тексты общей тематики.

Результаты исследования проиллюстрировали эффективность использования сентимент-анализа в исследовании перевода, так как этот метод позволяет проанализировать большое количество текстов за короткий промежуток времени. Однако для повышения точности автоматического определения тональности необходима оценка эксперта, который мог бы указать на многозначные слова или словосочетания, оттенки ситуативной семантики которых повлияли на итоговые значения показателей эмоциональной окрашенности предложения и всего текста.

Литература

1. Беляков М. В. Анализ новостных сообщений сайта МИД РФ методом сентимент-анализа (статья 2) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2016. – №. 4. – С. 115–124.

2. *Посевкин Р.В., Бессмертный И.А.* Применение sentiment-анализа текстов для оценки общественного мнения // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2015. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-sentiment-analiza-tekstov-dlya-otsenki-obschestvennogo-mneniya> (дата обращения: 02.10.2023).
3. *Bird S., Klein E., Loper E.* Natural language processing with Python: analyzing text with the natural language toolkit. – O'Reilly Media, Inc., 2009– 504 pages.
4. *Cruz F. L. et al.* Building layered, multilingual sentiment lexicons at synset and lemma levels // Expert Systems with Applications. – 2014. – Т. 41. – №. 13. – С. 5984-5994.
5. *Gaifulina D. et al.* Sentiment Analysis of Social Network Posts for Detecting Potentially Destructive Impacts // International Symposium on Intelligent and Distributed Computing. – Cham: Springer International Publishing, 2022. – С. 203-212.
6. *Gujjar J. P., Kumar H. P.* Sentiment analysis: Textblob for decision making //Int. J. Sci. Res. Eng. Trends. – 2021. – Т. 7. – №. 2. – С. 1097-1099.
7. *Medhat W., Hassan A., Korashy H.* Sentiment analysis algorithms and applications: A survey // Ain Shams engineering journal. – 2014. – Т. 5. – №. 4. – С. 1093-1113.
8. *Bo Pang, Lillian Lee, and Shivakumar Vaithyanathan.* Thumbs up? Sentiment Classification using Machine Learning Techniques. // Proceedings of the 2002 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP 2002). – 2002 – pp. 79–86.
9. *Rogers, A. et al.* RuSentiment: an enriched sentiment analysis dataset for social media in Russian. // Proceedings of the 27th international conference on computational linguistics. – 2018 – pp. 755–763.

ЖУН КУНЬ

Московский педагогический государственный университет

К ВОПРОСУ ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ РУССКИХ РЕЧЕВЫХ ЭТИКЕТНЫХ ФОРМУЛ В КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье рассматриваются национальные особенности речевых этикетных формул в русской и китайской культуре, подчеркиваются черты различия в реализации коммуникативных установок двух стран.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, речевой этикет, речевые формулы;

В условиях стремительного развития транспортных и коммуникационных технологий общение между людьми стало более интенсивным. Формы общения постоянно обогащаются, а сфера их применения расширяется, в особенности это касается обменов в сфере образования между Россией и Китаем. Поскольку эти страны представляют разные культуры, в процессе межкультурного общения часто возникают коммуникативные барьеры, влияющие на плавное развитие коммуникации. Это связано с существенными различиями между двумя языками в плане этикетных рече-поведенческих тактик. Большое значение на текущем этапе развития межкультурной коммуникации приобретает изучение русских речевых формул в китайской культуре.

В современной науке под этикетными формулами воспринимаются «типичные готовые конструкции, которые регулярно употребляются при корректном общении» [Михайлова, Голомидова 1995; 108]. Несомненно, что актуальным становится вопрос об успешной межкультурной коммуникации, так как культура определяет субъективную реальность носителя языка, а не все носители одной культуры абсолютно одинаково воспринимают мир.

Китайцы издавна находились под влиянием конфуцианского учения о Середине и проявляют скромность в общении с окружающими, используя косвенные, тонкие и эвфемистические формулировки. Россия находится на границе Европы и Азии и испытывает влияние как восточной, так и западной культур, в связи с этим русский язык более прямолинеен. Однако как в русском, так и в китайском языке речевой этикет основан на речевых формулах, характер которых зависит от особенностей общения.

Несомненно, что коммуникация начинается с вежливого традиционного обращения. Выбор формул вежливого обращения определяет темп и уместность предстоящего разговора. В определённых обстановках, главным образом в официальной, правила китайского речевого этикета допускают приветствия, указывающие на должность или на профессию человека, напр., *«преподаватель/юрист/директор, здравствуйте»* (кит., 老师/律师/经理/, 您好). В китайской культуре уважаемых или незнакомых собеседников принято приветствовать по фамилии с прибавлением должности, чтобы проявить смирение и уважение к социальному статусу адресата. К примеру, *刘医生* (кит., доктор Лю), *王老师* (кит., преподаватель Ван). Если фамилия человека неизвестна, то допускается употребление только должности. Китайцы, говорящие на русском языке, базируясь на принятых в китайском языке речевых этикетных формулах и культурных контекстах, чаще обращаются к собеседнику по фамилии и должности, что создает у русскоговорящих впечатление, будто собеседник необразован.

Важно отметить, что по правилам русского речевого этикета не употребляется формула «фамилия и должность» при обращении к говорящему ни в официальном общении, ни в бытовой жизни. Обращение только по фамилии и должности звучит недостаточно уважительно. Например, в ресторане, согласно русскому речевому этикету, не принято обращаться к обслуживающему персоналу по должности: *«официант/официантка, заберите тарелку»*. Вместо этого рекомендуют установить контакт глазами и при обращении употреблять устойчивые выражения *«Будьте добры, заберите, пожалуйста»*, *«Простите, пожалуйста, не могли бы вы...»*. Не менее важно для русского речевого этикета обращение по имени или имени-отчеству, напр., *«Инна Владимировна, какое у нас домашнее задание?»*. Можно сказать, что это своего рода «маркер» русской речевой культуры, что делает речь более адресной и контактной.

После банального начала завязывается основная часть разговора. Используя способ *«明知故问»* (притворяясь незнающим, спрашивать о чем-либо), китайцы демонстрируют заботливое и дружественное отношение к собеседникам. Увидев соседку в ресторане за приемом пищи, говорят: *«Вы едите!»* (кит., 吃饭呐!). Встретив соседа, который идёт с портфелем, говорят: *«Идете на работу!»* (кит., 上班去呀!). Если знакомый спрашивает: *«Сегодня так рано ушёл с работы! Ужинал?»* (кит., 今天这么早就下班了呀! 吃晚饭了吗?), то не стоит думать, что перед вами настоящая дружба, это лишь один из способов приветствия у китайского народа.

Однако россиянам трудно понять китайскую заботу, не понимая культуру этой страны, китайское мышление. Русские не только не ценят данную заботу, но и недоумевают, считая такие приветствия бессмысленными фразами, не предназначенными для приветствия, не имеющими информационной ценности и не стимулирующими разговор. В русской аналогичной коммуникативной ситуации важным является приветствие с комплиментами или пожеланиями. Следует отметить, что комплимент как отличный способ начать беседу представляет собой немаловажный компонент речевого этикета. К примеру, пожелание *«Труд на пользу!»*, *«Сила тебе в плечи!»* или *«Весело работать!»* могут быть адресованы человеку, занимающемуся любыми видами труда; к человеку, принимающему пищу: *«Приятного аппетита!»*; тому, кто пьёт чай: *«Чай да сахар!»*, *«Чай с сахаром!»*; тому, кто только что попарился или помылся: *«С лёгким паром!»*; выписывающемуся из больницы: *«С выздоровлением!»*; школьнику или студенту перед экзаменом: *«Ни пуха ни пера!»*. Используя определённые формулы речевого этикета для выражения пожелания, русские демонстрируют степень культурности и образованности, отношение к окружающим людям и ситуациям.

Китай – страна, где действительно ценят и уважают старших. Соответственно, китайская нация стремится к долгой и здоровой жизни. В китайском фольклоре часто встречаются люди, живущие вечно. Божество долголетия Шоу-Син в мифологии изображается в виде добродушного старика с белыми как перо журавля волосами и детским румяным лицом. Следовательно, китайцы придают большое значение здоровью и заботе о здоровье. Нередко при встрече между хорошо знакомыми людьми (особенно среди старшего поколения) спрашивают: «Как здоровье?» или хвалят: «Хорошее здоровье у тебя!» и т.д. В России же принято спрашивать о здоровье только старого или больного человека. В отличие от китайской коммуникативной структуры в данной ситуации, Россия больше ориентирована на молодое поколение, чем на старшее. В философском словаре слово «старость» толкуется как «износ живого организма, в ходе которого снижаются его способности (способность существовать, думать, действовать и т. д.), и организм приближается к смерти» [Конт-Спонвиль.А. 2012; 582-584]. Если человек по китайским правилам вежливости спрашивает собеседника «Как вы себя чувствуете?» или «Как ваше здоровье?», то на вас обидятся и даже могут задать риторический вопрос: «А что? Я плохо выгляжу?» «Почему так спрашиваете?». В русской коммуникативной среде такие выражения, как «Вы очень здоровый!», «Вы так бодры!» «У вас бодрый вид!» почти не используют. Услышав такой комплимент, русские подсознательно говорят: «Тьфу-тьфу, чтобы не сглазить», чтобы слова не подорвали самое крепкое здоровье безболезненного человека. Интересно отметить, что в повседневной жизни русские стараются избегать слов, связанных с физическим состоянием окружающих людей, только во время чихания человека культурно желают «Будь здоров!» В такой ситуации молчание и равнодушие считаются невежливыми и, возможно, заставят чихнувшего человека чувствовать себя неловко и некрасиво.

Таким образом, у русского и китайского народов свой набор правил поведения и свой речевой этикет, отражающий уровень внутренней культуры двух народов. Привыкшие к употреблению речевых этикетных формул в родном языке, китайские студенты стремятся употреблять их в русском языке, что, возможно, вызывает барьеры в понимании и затрудняет общение в межкультурной коммуникации. Обучение правильному употреблению речевых этикетных формул русского языка помогает избежать прагматических ошибок, неизбежно встречающихся у китайских студентов, сделать их обучение более продуктивным.

Литература

1. Михайлова О.А., Голомидова М.В. Шаги к искусной речи. Пермь: ЗУУНЦ, 1995. 120 с.
2. Конт-Спонвиль. А. Философский словарь / пер. с фр. Е.В. Головиной; - Москва : Этерна : Палимсест, 2012. 750 с.
3. 范海虹 «俄汉语言中礼貌用语对比分析» 载自山东省农业管理干部学院学报, 2013 年, 138-142 页
4. 曹晓敏 «俄语语言礼貌用语对比分析» 载自青年文学家, 西安外国语大学, 2018 年, 170 页
5. 李英男 «俄语言语礼节中的 комплимент» 北京: 北京语言大学出版社 1998 年, 35 页

ЖЭНЬ ЧУНЬЯНЬ

Санкт-Петербургский государственный университет

К ОПИСАНИЮ ОТНОШЕНИЙ АНТОНИМОВ-КОНЦЕПТОВ В АСПЕКТЕ РКИ (НА МАТЕРИАЛЕ «СЛОВАРЯ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ»)

Статья посвящена анализу отношений антонимов-концептов в аспекте РКИ за счет формирования оппозиционных тематических групп, значимых при овладении лексикой русского языка иностранными учащимися.

Ключевые слова: антоним-концепт, антонимические отношения, оппозиционная тематическая группа, РКИ

Одним из базовых принципов методики преподавания РКИ является тот, согласно которому преподавание лексики русского языка должно быть направлено на расширение представлений иностранных учащихся о лексико-семантическом поле русского языка, формированию и развитию фоновых знаний. Достижение этой цели, по мнению исследователей, возможно в рамках когнитивного и лингвокультурного подходов, при которых изучаемые учащимися слова имеют не только определение, но и отражают более сложные ментальные явления, связанные с коллективным сознанием носителей русского языка, их лингвокультурой [Макшанцева, Королева 2019; 231]. Отсюда методика преподавания РКИ требует восприятия слова не как определения, а как концепта, под которым согласно В.В. Колесову, понимают «опорную сеть коренных понятий национальной культуры, существующую вне времени и пространства» [Колесов 2012; 5]. Рассмотрение концептов как лексических единиц в курсе РКИ становится продуктивным способом погружения в концептосферу русской ментальности [Тамонова 2019; 272]. Будучи задействованными в отношениях антонимии, концепты описывают расхождения единиц на концептуальном уровне, проявляющееся в речи, в дискурсе, при том, что в языковой системе эти единицы могут не иметь зафиксированного статуса антонимов. В результате образуются антиконцепты, которые противопоставляются концептам и являются средством их интерпретации [Куделько 2019; 149].

Наиболее продуктивное освоение антонимов-концептов достигается при условии их дифференциации на оппозиционные тематические группы. Иными словами, антонимы-концепты могут быть объединены в группы различных тематик, которые, в свою очередь, выступают важными для учащихся РКИ в плане погружения в русскоязычную картину мира. Таким образом, в настоящем исследовании отношения антонимов-концептов изучались с точки зрения тематических оппозиционных групп.

Для подбора эмпирического материала использовался «Словарь русской ментальности» [Колесов 2014]. При работе со словарем были выделены 4 оппозиционные тематические группы, содержащие в себе антонимы-концепты, присутствующие в «Словаре русской ментальности» в виде отдельных словарных статей (оба слова имеют собственные словарные статьи и признаются В.В. Колесовым как концепты).

Первая оппозиционная тематическая группа — «Социальное положение». Эта тематическая группа антонимов-концептов отражает оценку социального статуса и материального благосостояния. Внутри группы существуют антонимы, которые имеют положительную и отрицательную оценку социального положения, а также разные оттенки значения, связанные с состоянием материальных ресурсов. В качестве примеров антонимов-концептов для этой группы можно привести следующие:

- *бедность – богатство;*
- *господин – раб;*
- *достаток – нищета;*
- *зависимость – свобода;*
- *известность – неизвестность.*

Можно заметить, что среди антонимов-концептов данной группы присутствуют как те, которые указывают на прямой социальный статус («*господин – раб*»), так и те, которые через категорию материального достатка отражают потенциал социального статуса («*бедность – богатство*»). Однако материальный достаток — лишь наиболее

распространенное ядро антонимических отношений данной группы, но не обязательное, как в случае антонимов-концептов «известность – неизвестность».

В целом, данные антонимы-концепты позволяют выразить социокультурные ценности и мировоззрение в отношении богатства и бедности. Все они связаны с ментальной сферой «материальное благополучие», что делает эту оппозиционную тематическую группу важной для анализа социальной динамики и неравенства.

Вторая оппозиционная тематическая группа — «Деятельность». Группа антонимов-концептов в этой тематической группе касается оценки активности и взаимодействия человека с окружающим миром. Эмоциональная и смысловая оценка антонимов-концептов в данной группе может быть положительной или отрицательной в зависимости от контекста. Примеры антонимов-концептов:

- *безделье – труд*;
- *начало – конец*;
- *движение – покой*;
- *забыть – помнить*;
- *медлительность – торопливость*.

В рамках курса РКИ оппозиционная тематическая группа антонимов-концептов «Деятельность» может иметь и внутреннее разделение на тематические подгруппы, выделяемые по признаку эмоциональной оценки (например, можно выделить как антонимы-концепты, явно имеющие эмоциональную оценку вроде «безделье – труд», так и антонимы-концепты с нейтральной эмоциональной оценкой, такие как «начало – конец»).

Третья оппозиционная тематическая группа — «Высшие явления». Данная группа антонимов-концептов касается оценки высших явлений, таких как моральные ценности, время, существование (человека, жизни). Смысловая и эмоциональная оценка антонимов-концептов третьей группы также отличается субъективностью и на уровне коммуникативной ситуации будет зависеть от индивидуальных убеждений и культурных факторов, что позволяет выразить философские и моральные аспекты человеческой жизни:

- *благо – зло*;
- *будущее – прошлое*;
- *бытие – небытие*;
- *вечность – миг*;
- *добро – зло*.

Четвертая оппозиционная тематическая группа — «Отношения между людьми». Эта тематическая группа антонимов-концептов касается оценки межличностных отношений и эмоциональных реакций. Антонимы-концепты группы отражают разнообразные аспекты межличностных отношений. Для группы можно привести следующие примеры:

- *брань – похвала*;
- *верность – предательство*;
- *восхищение – отвращение*;
- *дружба – вражда*;
- *искренность – лицемерие*.

Для четвертой оппозиционной тематической группы на уровне курса РКИ также рекомендуется выделять тематические подгруппы. Можно выделить антонимы-концепты отношений, отражающие качество этих отношений («дружба – вражда»), указывающие на конкретные действия («брань – похвала»), характер взаимодействия («искренность – лицемерие»), эмоциональное восприятие («восхищение – отвращение»).

Таким образом, проведенный в рамках настоящего исследования анализ отношений антонимов-концептов показал, что в аспекте РКИ изучать антонимы-концепты целесообразно с помощью их дифференциации на оппозиционные тематические группы, наглядно отражающие специфику ментальности русскоязычной картины мира. Внутри каждой оппозиционной тематической группы могут выделяться подгруппы, упрощающие понимание соответствующей категории отношений.

Литература

1. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности: в двух томах. – СПб.: Златоуст, 2014. Т. 1. – 592 с.; Т. 2. – 592 с.
2. Колесов В.В., Пименова М.В. Концептология: учебное пособие. – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2012. – 247 с.
3. Куделько Т.А. Концепт, антиконцепт, художественный концепт: к вопросу о соотношении понятий // Филология в XXI веке. – 2019. – №1. – С. 148-151.
4. Макшанцева Н.В., Королева С.Б. Преподавание РКИ сквозь призму теории концепта: культура, ментальность, аспекты языка // Язык и культура. – 2019. – №47. – С. 231-244.
5. Тамонова Д.Н. Процесс обучения РКИ как способ погружения в концептосферу русской ментальности // Филологические открытия. Сборник научных статей VII Международной научно-методической конференции. Ответственный редактор Н.В. Беляева. – Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2019. – С. 272-27

ЗАХАРОВА Н.Н.

Тульский государственный университет

ОБРАЗ ТУЛЫ КАК ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА В РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Данная статья посвящена анализу формирования образной составляющей концепта Тула в русской национальной картине мира. В статье описываются компоненты концепта «Тула» как провинциального, ремесленного, оружейного города.

Ключевые слова: концепт, образ, русская национальная культура, провинциальность.

Топоним Тула, как и любой другой представитель этого класса собственных имен, является результатом вторичной номинации географического пространства и отражает коллективный образ топонимического пространства, в котором дифференцировались уникальные, значимые для людей, проживавших в этом месте, природно-ландшафтные и (или) материально-культурные черты как продукты обживания человеком природной среды. Анализ упоминаний города в Национальном корпусе русского языка показывает многофакторность и антиномичность в когнитивном образе и национальной идентификации города. Первый модус – это высказывания, в которых сознательно игнорируется индивидуальность провинциального города и указывается на рядоположенность топоса другим объектам, встроенность города в один логический ряд с полной взаимозаменяемостью членов ряда. Такие высказывания имеют одинаковую синтаксическую структуру – *А или Б*, усиливающую равнозначность объектов. Приведем примеры: И все это для того, чтобы он сошел с поезда где-нибудь в *Рязани или Туле* и в тот же вечер вернулся в златоглавую. И. Моисеев., В. Седых У нас есть свой Тифлис, Шанхай, Кабул. – С таким же успехом можно жить в *Тамбове и в Туле*... В. Токарева Своя правда. – Я, кстати, выяснила, что Поливанова выбрали в Думу *не в Туле и не в Орле*, а в городе, гораздо более близком к Петербургу, – Новгороде. М. Баконина Школа двойников [Национальный корпус русского языка]. Тула предстает как среднестатистический российский город с общим или схожим набором атрибутов, способом житья-бытья, с общей ментальностью жителей. Индивидуальность сознательно стерта. Отсутствие «лица не общего выраженья», лишение

права быть политическим, экономическим и даже культурным феноменом, более того – обреченность на отсутствие знаменательных для мира событий – определяют семантический базис города Тула как типичного провинциального города. Восприятие провинциальности в *негативном* оценочном модусе определяется характерным для нее запоздалым и неполным принятием культурных феноменов, актуальных трендов. Консервативность жизненного уклада, отсутствие оригинальности в обустройстве жизненного пространства как в вещно-эмпирическом, так и в когнитивном облике провинциального города позволяет рисовать типовую картинку городской жизни: Вообразите провинциальный город. *Воронеж, Тулу, Сестрорецк...* Утро в продовольственном магазине. На витрине – мелкий частик, завтрак туриста... Одиноко желтеет прямоугольник голландского сыра. Возле кассы очередь. С. Довлатов. Марш одиноких. – Кафе. Театральное. *А не пивная в Туле.* В.М. Шапко. Дырявенький кинематограф. – Снег, снег, черные деревушки, *все те же белые, неприветливые вокзалы – Тула, Орел, Курск.* Е.Л. Шварц. Дневник [Там же].

Ограниченность культурного пространства, «незнаменательность» бытия обозначают априори восприятие судьбы человека, связанного с городом, как рядовой, незначительной, обреченной на неуспех: ... ему было жалко несчастного, одинокого, убогого человека, инженера городского транспорта *в Туле*, женатого вторым браком на цыганке, <...> воспитанного, как и его щедрая сестра, совсем для другой жизни, но в отличие от неё так и не сумевшего найти себя в новом мире. А. Варламов. Купавна. – Поэты в Туле рождались, но всегда стремились поскорее из нее уехать. Разговоры с А. Пермяковым [Национальный корпус русского языка].

Провинциальность имеет как территориальный (удаленность от центра), так и ресурсный критерий. В своей *территориальной близости* Тула оценивается как ближайший к Москве железнодорожный узел, откуда в прошлом расходились уже дороги в глубинку: У нас с Тамарой была такая традиция – провожать Гейдара Алиевича (когда он уезжал из Москвы) до Тулы. Едем мы *до Тулы*, ведем неспешный разговор. М. Магомаев. Любовь моя – мелодия. – Если увеличить молекулу водорода до размеров горошины и поместить такую «молекулу» в Москве, то ее ближайшая «космическая соседка» окажется *в Туле*. А.И. Китайгородский, Л.Д. Ландау. Физика для всех. – Так что всё относительно в этом мире, и во всём есть свои плюсы, *Тула – не Магадан*. Форум зеков и сокамерников [Там же]. Близость к центру есть *положительная черта* в условиях необозримого географического пространства страны, поскольку расстояние затрудняет общение людей, разрывает взаимоотношения центра и периферии.

При описании Тулы указывается на свойственную провинции *недостаточность ресурсов*. Близость к столице не несет никаких преференций для города в распределении и раздаче благ, наоборот, в советское время и в паремиологии, и в жанре анекдота противоречие «пространственная близость к центру / бедность ресурсов» служило полем для построения языковой и смысловой игры: Тула в лапти обула. – Бей челом на Туле, ищи на Москве. – Живет в Туле, да ест дули. – Откуда тебя выслали? – Из Тулы, – отвечал краснощекий. – Живет в Туле, да ест пули! С. Василенко. Дурочка. – Анекдот: Можно ли доехать верхом на лошади от города-героя Новороссийска до города-героя Москвы? – Нет, потому что лошадь съедят в городе-герое Туле [Национальный корпус русского языка]. Образ Тулы остается противопоставленным двум столицам и предполагает отличные от культуры мегаполиса более «почвенные», консервативные формы культуры. Провинциальность имеет *положительный модус* оценки – близость к природе, душевность и близость отношений, размеренный ход жизни, сохранение народных традиций. Провинциальный облик города формирует близость его ландшафта к природному: Тула – городок еще лучше всех Подольсков и Серпуховых – зелёная и всё же видать, что областной центр. Н.Н. Козаков. Дневник. – Стройный, веселый городок Криволучье с 3-4-этажными домами лежит всего в получасе езды от потемневших стен древнего Тульского кремля. И.

Аграновский. Поток стали [Там же]. «Тихость» провинциального города осознается как особая ценность, наполняющая жизнь каждого туляка смыслом, позволяющая ощущать родной город «домом» бытия: «Его привычный, тихий нрав / И времени спокойное течение. / Знакомых встречное движение... / Скажу «святое» – и буду лично прав. / Здесь нет столичной суеты, / Пустого и напрасного волнения...» (стихи студента ТулГУ Артамонова П.). В некоторых художественных контекстах город выступает как мифологическое пространство, готовое укрыть человека от проблем и опасностей, как заповедное место, в котором привычное течение жизни обрывается и начинается новое, возвращающее героя к истокам жизни. Подобно родниковой воде, тихий провинциальный город омывает душу человека, становясь этапом обновления и преобразования: И махала рукой отъезжающей подруге детства, а подруга детства чувствовала, как похотывает, причмокивает и прихлюпывает, как засасывает в себя липкая трясина и некуда ей деваться, как *в Тулу! В Тулу!* <...> Да, они договорились встретиться и поговорить, когда она «вернется *из Тулы*», если, конечно, вернется, пока Рая в Москве. Вычеркивая одного за другим ненужных людей из своей жизни, которую она начнет или продолжит, «вернувшись *из Тулы*», Александра Петровна додумалась до того, что и к дочери она больше не пойдет, имеется в виду без большой нужды, ей претят эти чайники-кофейники ... Мысль показалась разумной, и Александра Петровна решила на всякий случай еще раз перебрать бумажный хлам, чтоб ненароком не выкинуть то, что могло пригодиться «*после Тулы*». Г. Щербакова. Дивны дела Твои, Господи [Национальный корпус русского языка]. Тула, несмотря на близость к столице, осмысляется как Богом забытое место, глухая провинция, в которой существуют иные порядки (нарушения бюрократизованной частной жизни), где можно укрыться, сгинуть, пропасть из поля видения власти: Уехать туда, где не знают мадемуазель Жужу, где я смогу честно заработать кусок хлеба и честно смотреть в глаза людям. – *Тула*. – Иван и сам не знал, как выскочила эта «*Тула*». Б. Васильев. Были и небыли. – Я уж подумал, как трамваем перееду на Курский вокзал, возьму билет *до Тулы*, сяду в дачный поезд и с ближайшей станции вернусь, наверняка избавленный от возможной слезки. О.В. Волков. Из воспоминаний старого тенишевца [Там же]. Л.К. Чуковская использует форму сказочного нарратива: *Жила-была в Туле* одна пианистка, вела в музыкальном училище преподавание по классу рояля. И Фрида принялась спасать эту жизнь, поколебленную, еле устоявшую, едва не оборвавшуюся в смерть. Она поехала *в Тулу*. Л.К. Чуковская. Памяти Фриды [Там же].

Образ провинциальной Тулы входит в один ряд с другими топонимами для описания «русскости», присущей как традиционному облику, так и особой соборной русской ментальности, единящей людей в одно целое семейными, родственными, дружескими связями, в противовес мегаполисам, где реализуется западный тип жизнеустройства: «...Восток представляет себе в виде родного Сивцева Вражка, *Тулы*, или 9-ой Рождественки на Песках, с атрибутами — самовара, дворника, прислуги, по-старому обставленного дома, по-старому сложившихся патриархальных отношений – всего того, что окружало прежнего обывателя. С.Я. Эфрон. Записки добровольца [Национальный корпус русского языка]. Автор оценивает восприятие русской культуры, в котором патриархальность и архаичность быта представляются особым «славянорусским» путем развития цивилизации как поверхностное, основанное только на атрибутах быта, не затрагивающее духовных основ русской культуры. Однако в этом фрагменте Тула включается в единый атрибутивный ряд русской «декоративности».

В русской культуре, начиная с конца XVIII века, вместе с укреплением российской государственности и осознанием России как ячейки европейского геополитического пространства, возникает осознание российского города как актора государственной деятельности, носителя определенных дифференциальных черт, становится важным определение Тулы как промышленного города, исторически сложившегося центра оружейного производства России и отношение туляков к специализации города как основе

существования государства и русской земли. Русские пословицы раскрывают специализацию тульских мастеров, связанную прежде всего с обработкой металла: Дай туляку кусок железа, он чудо сотворит. – Туляк как только родился, так сразу за молот ухватился. – Туляк – стальная душа. Гимном Тулы становится песня, которая связывает в сознании носителей российской культуры образ города с производством оружия: «Тула веками оружие ковала, / Стала похожа сама на ружье, / Слышится звон боевого металла / В каждом названии улиц ее». В микротопонимах Тулы зафиксированы род занятий туляков, технологические процессы и технические термины, продукция и предметы, сопутствующие производству, т.е. отражены элементы профессиональной картины оружейников. Весь этот фонд позиционирует положительный образ ремесленной Тулы.

С одной стороны, городу присущи усредненные черты, которые свойственны любому провинциальному городу как части геополитического пространства, с другой стороны, особенности исторического развития позволяют городу иметь в национальном сознании уникальные образные атрибуты: географическое положение Тулы и его «специализация», героическая история города-героя создают особенный русский дух – направленность сознания на служение отечеству.

Литература

1. *Национальный корпус русского языка*. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.ruscorpora.ru>

ЗАХИДОВА Л. С.

Новосибирский государственный университет экономики и управления

РАБОТА С ПЕРЕВОДОМ ТЕКСТОВ ТАДЖИКСКИХ АВТОРОВ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена общей характеристике работы над переводами некоторых художественных текстов таджикских авторов в аспекте диалога культур. Дружеские отношения между русским и таджикскими народами предполагают обмен культурным наследием, отражённым в литературном творчестве наших народов. Глубокое понимание мировоззрения нации без такого обмена трудно представить. Цель исследования – помощь в освоении русского языка (как языка специальности для таджикских студентов) при помощи переводов текстов с одного языка на другой, причём тексты эти должны касаться культуры двух народов, как связующих звеньев и продолжения диалога культур.

Ключевые слова: дружеские отношения, диалог культур, переводческая деятельность, литературное творчество

Сотрудничество НГУЭУ и ТНУ, заключение договора о совместной работе двух вузов предполагают глубокое проникновение в язык и культуру русского и таджикского народов, без которых невозможно серьёзное взаимодействие между университетами. Изучение языка специальности на русском студентами ТНУ даёт ключ к будущей профессии, однако существует понятие «культурный код»: набор характеристик, образов, устойчивых представлений, передающихся из поколения в поколение и понятных каждому представителю того или иного народа. Согласно исследованию аналитического центра НАФИ, когда речь зашла о ключевых составляющих культурного наследия россиян, большинство опрошенных в первую очередь назвали литературу (63%) [Имаева, 2023; 27]. Гузелия Имаева отмечает, «что в «концентрированном» виде именно литературные персонажи становятся носителями ценностей, зеркалом, в котором отражаются черты

национального характера. Меняются эпохи, исторический контекст, но сущностные характеристики, отличающие россиян от жителей других стран, сохраняются» [Имаева, 2023; 27].

Проведённый опрос среди студентов ТНУ также показал, что молодые люди знают и ценят в первую очередь родную таджикскую литературу, благодаря которой во многом строится культурный код нации. Однако молодёжь активно интересуется и русской литературой не только как кладезем мудрости, но и как источником изучения русского языка. Таким образом, студенты ТНУ и студенты других вузов Таджикистана, получающие специальность на русском языке, не только овладевают тузауром специальности, но и в большинстве случаев имеют хорошую лингвистическую подготовку, позволяющую стать носителями двух культур и дающую возможность, в случае необходимости, стать переводчиками.

Итак, изучение художественных текстов помогает не только проникнуть в загадки души того или иного народа, не только даёт возможность обрести культурологические знания, но и более глубоко понять язык, на котором написано произведение.

Исходя из этого, можно строить работу по изучению языка на основе переводов художественных текстов. Обратимся к нескольким примерам из нашей практики работы со студентами из Таджикистана по переводу стихотворного и прозаического текстов с таджикского языка на русский.

Начнём с работы над переводом одного из самых патриотичных стихотворений Лоика Шерали «Забонгумкарда».

Изучив биографию этого поэта, получившего большую любовь своего народа ещё при жизни, студенты захотели перевести на русский язык стихотворения Лоика Шерали, переводов которых либо нет совсем, либо эти переводы хочется усовершенствовать и создать свой, альтернативный, отражающий собственное понимание текста и в то же время близкий по смыслу к подлиннику. Когда-то Валерий Брюсов заметил, что переводить стихотворения с одного языка на другой невозможно, но и отказаться от перевода тоже невозможно. Перевод стихотворения «Забонгумкарда» повлёк за собой изучение национальных обычаев, традиций, отражающих самобытность таджикского народа. Студентам-таджикам это было близко с рождения, но даже они, молодое поколение, иногда открывали для себя специфику своего народа. Желание найти нужные слова для перевода заставило перебрать огромное количество слов, складываемых в нужные фразы. Также шла тщательная работа по русской грамматике, сравнение её с таджикской. Необходимо было сохранить самобытную мелодику стихотворного текста, не сбиться на собственную интерпретацию.

Сделав подстрочный перевод, студенты пришли к выводу, что смысл стихотворения близок человеку любой национальности: любовь к родному языку, к матери и отцу, к родной земле. И всё-таки этот текст написан на таджикском языке: его перевод должен отражать мировоззрение таджикского народа. К сожалению, перевода, который бы полностью удовлетворил, не получилось. Но самое главное было достигнуто: студенты получили много новых знаний в области двух языков: русского и таджикского, а также нашли точки соприкосновения двух культур:

Ты, молодость, не будь беспечной: побереги родной язык.

Храни его как хлеб, как песню, как всё, что в сердце у тебя.

Отец и мать, твой мир храня, учили жить, язык любя,

Так пусть же человек хранит всегда, везде родной язык!

При переводе стихотворного текста невольно создаётся новый, оригинальный, часто передающий только основной смысл первоисточника. Работая с переводом прозаического текста, даже хорошо знающие язык студенты часто переводят прямое значение слова или выражения, в то время как художественный текст предполагает более

глубокое понимание внутреннего содержания произведения. Художественный текст нельзя воспринимать буквально: «языком искусства является язык образов, а образы складываются в читательском восприятии тогда, когда прочтение текста выходит за пределы буквализма» [Верещагин, Костомаров, 1990; 124].

Как и поэтический перевод, прозаический лучше начать с изучения биографии автора. Для работы был выбран текст Фатеха Мухамедовича Ниязи «Не говори, что лес пустой...». В нашем распоряжении был авторизованный перевод с таджикского Льва Кандинова, к которому можно было обращаться в процессе работы. Мы тщательно проанализировали перевод Льва Кандинова, начиная с названия романа и его эпиграфа. Был получен огромный культурологический материал, вызвавший живой интерес у студентов. Подробно работа над текстом перевода нашла отражение в статье «Художественные тексты национальной направленности в аспекте обучения русскому языку как иностранному (на примере работы по роману Ф.М. Ниязи «Не говори, что лес пустой»)».

Предлагая свой вариант перевода некоторых фрагментов текста книги Фатеха Мухамедовича Ниязи «Не говори, что лес пустой...», студенты получили огромный запас лексики русского языка, улучшили грамматические знания, но главное – обращение к тексту национальной направленности вызвало дополнительную мотивацию к изучению языков.

Итак, работа над переводом художественных текстов талантливых авторов может стать хорошей основой для изучения иностранных языков в любой аудитории: это не только полезно, но и интересно.

Литература

1. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного [Текст] / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. - 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Русский язык, 1990. - 246 с.
2. *Захидова Л.С.* Актуализация мотивации к изучению русского языка через обращение к художественным текстам национального характера // Человек и язык в коммуникативном пространстве. – 2022. – № 13 (22). С. 85-89.
3. *Захидова Л.С.* Перевод художественного текста как прикладной аспект повышения лингвистической профессиональной составляющей специалиста (Лоик Шерали. Перевод с таджикского языка стихотворения «Забонгумкарда» // Актуальные проблемы русской филологии, сравнительной типологии перевода. – 2022. – С.68-72.
4. *Захидова Л.С.* Художественные тексты национальной направленности в аспекте обучения русскому языку как иностранному (на примере работы по роману Ф.М. Ниязи «Не говори, что лес пустой» // Сборник материалов II Международной научно-практической конференции «Русский мир Азии», посвящённой году русского языка в странах СНГ. – 2023. – С.114-119.
5. *Захидова Л.С.* Речевая деятельность таджикских студентов при обучении русскому речевому общению. Сборник VI Международной научно-практической конференции «Восток – Запад: теоретические и прикладные аспекты преподавания европейских и восточных языков». – 2023. – С.193-198
6. *Имаева Г.* Иван-царевич как культурный код // Литературная газета. – 2023. -- №4. – С.27.

ЗИНОВЬЕВА Е.И.

Санкт-Петербургский государственный университет

ПАРАМЕТРЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО РАССМОТРЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена рассмотрению возможных направлений лингвокультурологического исследования русских фразеологизмов XVI-XVII вв. с учетом данных смежных гуманитарных дисциплин.

Ключевые слова: историческая фразеология, лингвокультурологический аспект, идиома, устойчивое сочетание

Историческая фразеология – это активно развивающаяся в настоящее время научная дисциплина. Предметом исторической фразеологии «является изучение первичных, исходных форм и значений фразеологизмов, определение их источников по всем доступным памятникам, выявление сфер их употребления в разные эпохи существования языка, а также установление объема фразеологического состава и его системной упорядоченности в ту или иную историческую эпоху развития языка» [Лингвистический энциклопедический словарь 2002; 136].

Объектом данного исследования являются устойчивые сочетания (УС) русского языка делового и повседневного общения XVI-XVII вв. разной степени семантической спаянности, относимые к фразеологии в широком ее понимании. Источниками материала послужили «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII веков» (СОРЯ) и картотека этого словаря, а также «Словарь русского языка XI-XVII вв.». Предметом анализа является лингвокультурологическая значимость этих единиц.

Эпоха XVI-XVII вв. – значимый период в истории русского языка, это начальный период формирования национального русского языка, характеризующийся активно происходящими динамическими процессами в языковой системе на всех ее уровнях. Особенно показательны в этом отношении лексическая и фразеологическая подсистемы, быстро реагирующие на экстралингвистические факторы, отражающие исторические, социальные и бытовые реалии жизни народа, традиции, правовые нормы, систему ценностей, некоторые черты менталитета носителей языка.

Во фразеологической системе рассматриваемого периода можно выделить такие разряды УС, как идиомы (*жить прохладно (прохладом)* ‘жить в довольстве, в неге, ни в чем не нуждаясь’; *держат слово* ‘выполнять данное обещание’; *убить бобра* ‘получить выгоду, приобрести что-л. ценное’; *статное ли (де) дело* ‘возможно ли, допустимо ли’ и др.), стереотипные формулы (*вместо смерти (в смерти место) живот (дать, подать)* ‘пощадить, помиловать кого-л.’; *жить не у чего (нечем) кому* ‘описание бедственного положения челобитчика’; *держат в железах (на железех) кого* ‘насильно удерживать кого-л., заковав в кандалы’, *запись не в запись* ‘о признании документа не действующим’ и др.), составные наименования (*верчая кабала* ‘документ, выплата долга по которому обеспечивалась поручительством’; *беломестный казак* ‘представитель общины служилого казачества, обосновавшийся в Московской Руси в XVI в. и получивший «обеленные», т.е. свободные от податей, наделы земли’; *мягкая рухлядь* ‘пушнина, ценный мех пушных зверей’ и др.), предложно-падежные сочетания (*по дрова* ‘на заготовку дров’; *по зазрости* ‘с недобрыми намерениями, с неприязнью’; *за дубиною* ‘по принуждению’; *для запросу* ‘в соответствии с просьбой, прошением’ и др.), плеонастические и тавтологические сочетания (*мужняя жена, дращицы драсть, на издержку издержать, изловить ловлю* и др.), расчлененные наименования (*полая вода* = половодье, *в воду посадить* = утопить, *учинить забвенно* = забыть и др.) и фразеологизмы неопределенного статуса, которые трудно отнести к какому-либо из выделенных разрядов, занимающие между ними промежуточное положение.

Единицы всех разрядов обладают лингвокультурологическим потенциалом, но изучены они в разной степени. Самыми крупными по объему разрядами являются стереотипные формулы и составные наименования. Эти УС неоднократно привлекали внимание исследователей, анализировались с точки зрения своего лингвистического статуса, структурных особенностей, отражения языковой картины мира эпохи, как объект лексикографического описания. Так, изучению стереотипных формул посвящены работы С.С. Волкова [1974], Н.М. Любимовой [2000], Е.И. Зиновьевой [2023] и др. Составные наименования рассматривались в статьях Е.В. Генераловой [2014-а и 2014-б], М.В. Пименовой [2020]. Идиомы как целостный разряд в русском языке XVI-XVII вв. до

настоящего времени описаны не были, предпринимались лишь попытки анализа отдельных единиц и фразеологических групп [См., например, Зиновьева 2012]. Плеонастическим и тавтологическим УС посвящена работа Е.В. Генераловой [2023].

Лингвокультурологический аспект изучения фразеологизмов выбранного для исследования синхронного среза XVI-XVII вв. предполагает, на наш взгляд, следующее:

1. Установление связи УС с какой-либо «концептуализированной предметной областью» культуры (по терминологии Ю.С. Степанова).

Например, устойчивое предложно-падежное сочетание *с дыма* относится к номинациям системы налогообложения Московской Руси. Это УС обозначало пошлину, взимаемую с дома, отдельного хозяйства.

2. Рассмотрение процесса фразеологизации единицы, формирование из прямого номинативного сочетания УС с переносным (символьным) значением, обнаружение прототипов современных фразеологизмов.

Так, прототипом современного фразеологизма *биться об заклад* служит употреблявшееся в повседневной речи XVI-XVII вв. УС с прямым номинативным значением *о заклад заложиться с кем-л.*

3. Выявление УС, отражающих актуальную для рассматриваемого периода социокультурную ситуацию, и утраченных в последующие периоды существования русского языка.

Например, составное наименование *драная кабала* обозначало ‘документ, потерявший юридическую силу в связи с уплатой долга’. Утратившие силу документы разрывали.

Применительно к действиям Степана Разина употреблялись такие стереотипные формулы, как *забыть (Господа Бога и) святую соборную (и апостольскую церковь (и православную христианскую веру); забыть страх Божий и присягу свою (великого государя милость и жалованье), крестное целование; забыть Господа Бога и великого государя крестное целование* ‘перестать следовать присяге верности и преданности Богу и государю’.

4. Установление компонентов УС, служащих для обозначения актуальных для рассматриваемого времени реалий.

Например, подобную информацию содержит сохранившийся и в современном языке фразеологизм *пятое колесо в телеге* ‘о чем-л. совершенно ненужном, бесполезном’: «А кому в агентах быть, и тому надобе вездѣ знакому быти, а кому агентом быть и вездѣ не знатца, и тот в агентах столь годен, какъ пятое колесо в тельге» [Вести-Куранты 1631; 162]. В данном случае идиома служит объектом сравнения.

В ряде случаев необходимо привлечь историко-этимологические сведения для уточнения значения компонента УС и определения значения идиомы в целом. Так, идиома *истить лохом* означала ‘жадно выпить’. *Лох* – это ‘отощавший лосось после нереста в реках’.

Употреблявшиеся в качестве объектов сравнения слова-реалии свидетельствуют об актуальных кодах культуры.

5. Выявление номинативной плотности – множественности устойчивых обозначений определенных фрагментов языковой картины мира, свидетельствующих об их важности для носителей русского языка в XVI-XVII веках.

Так, например, чрезвычайно значимым являлось наличие какого-либо запаса в различных областях жизнедеятельности отдельных людей и государства в целом. Это

обозначалось различными разрядами УС. Самым общим по значению является УС (*быть*) в *запасе*. Предложно-падежные сочетания с существительным *запас* конкретизировали степень имеющегося в наличии: *с запасом* ‘с излишком, с большим количеством чего-л.’, цель создания запасов: *в (про) запас* ‘впрок, для использования в будущем; на случай, если понадобится’. Составные наименования с существительным *запас* в СОРЯ сгруппированы по принципу «открытого ряда». Например, «с определением, указывающим на область использования, применения запасов»: *столовый запас, домовые запасы*; «с определением, указывающим на состав, содержание заготовленного»: *съестной запас, харчевые запасы, хлебный запас, мясной запас, рыбный запас, соляные запасы, лесные запасы*. Особо выделяется военная сфера, для обозначения ее реалий используются такие УС, как *ратные запасы, людской запас, приступные запасы, пушечные запасы* и др. Употребительны и глагольно-именные сочетания, в том числе тавтологические: *делать запасы, запастись запасом, заготовить запасом (запасами)*. Терминологизируются такие УС, как *варовые запасы* ‘судовые снасти, обработанные варом, смолой’, *пазовой запас* ‘внутреннее оборудование помещения, закрепленное в пазах’. УС *Запасные Дары* имело значение ‘святыя дары, освященные на литургии и имеющиеся в запасе для неотложного причащения тяжелобольных и умирающих’.

Идиома *сказать на запас* ‘на всякий случай; как предупреждение на будущее’ зафиксирована в разговорнике XVII в.

Предложенные параметры лингвокультурологического исследования исторической фразеологии русского языка требуют обращения к таким смежным гуманитарным дисциплинам, как история России, история права, этнография.

Литература

Вести-Куранты 1600–1639 гг. / Изд. подг. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина; под ред. С. И. Коткова. – М., 1972. – 350 с.

Волков С.С. Лексика русских челобитных XVII века. – Ленинград, 1974. – 164 с.

Генералова Е.В. Мужняя жена и диво дивное. Из истории плеонастически сочетаний в русском языке // *Русская речь*. – 2023. – № 3. – С. 40-54.

Генералова Е.В. Отражение в исторических словарях элементов русской культуры через устойчивые сочетания XVI–XVII вв. модели «прилагательное + существительное» // *Проблемы истории, филологии, культуры*. – 2014-а. – №3. – С. 131-133.

Генералова Е.В. Составные наименования в истории языка // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*. – 2014-б. – № 3. – С. 110-121.

Зиновьева Е.И. Очерки по фразеологии обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII веков. – СПб.: Нестор-История, 2012. – 148 с.

Зиновьева Е.И. Стереотипные формулы деловых документов памятников обиходного языка Московской Руси XVI-XVII веков (систематизирующий подход) // *Научный диалог*. – 2023. – № 1. – С. 9-26.

Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М.: Большая российская энциклопедия, 2002. – 709 с.

Любимова Л.М. Устойчивые формулы нерчинских деловых памятников конца XVII – начала XVIII вв. // *Язык образования и образование языка. Материалы международной научной конференции*. – Великий Новгород, 2000. – С. 192-193.

Пименова М.В. Лексикографическое описание древнерусских устойчивых сочетаний слов (на материале глагольных оборотов) // *Вопросы лексикографии*. – 2020. № 17. – С. 178-194.

Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI – XVII вв. – Вып. 1 – 9. – Санкт-Петербург: Наука. 2004 – 2022 (продолжающее издание).

Словарь русского языка XI–XVII вв. / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – М.: ООО "ЛЕКСРУС", 1975 – 2019 (продолжающееся издание).

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЕМИОТИКИ В МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЯХ: ОТ ЗНАКА К СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация. В условиях современного информационного общества семиотика рекламы и маркетинговых коммуникаций получила новый виток развития и популярности, трансформировавшись из науки о знаках в мультидисциплинарное явление. Традиционная природа знака расширила свои возможности, перейдя в сферу позитивных социальных практик, транслируемых брендами и госорганизациями в сообщениях, ориентированных на потребителей.

Ключевые слова: семиотика, знаковые системы, маркетинг, реклама, коммуникация, бренд, лингвокультурология

Современные маркетинговые коммуникации представляют собой разноформатное и технологичное явление информационного общества, поскольку имеют обширный инструментарий, состоящий из цифровых технологий, знаков разных знаковых систем и новейших методик взаимодействия с аудиторией в секторах B2C, B2B, B2G. Одно из наиболее активно развивающихся научно-практических направлений – семиотика, инструменты которой широко применяются в маркетинговых коммуникациях. Возможности знака в профессиональной деятельности дизайнера, копирайтера, SMM-специалиста, блогера и т.д. предоставляют разнообразие подходов к решению целого ряда задач.

Знаки участвуют в разработке цифровых продуктов и не только, среди них: создание брендбука, элементов фирменного стиля, слоганов, мерча, карточек товара на маркетплейсах и сайтах, создание контента и навигации в мобильных приложениях, вербальное и графическое наполнение контента, организация и проведение проектов немедийных коммуникаций и много другое.

С помощью инструментов семиотики бренды и компании не только реализуют коммерческие стратегии, но и выстраивают социальную коммуникацию с целевой аудиторией. Так, например, семиотика участвует в создании контента, способного оказывать воздействие на общество, устанавливать и подкреплять социокультурные связи бренда и его потребителей, реализовывать положительные социальные практики, программы лояльности, проводить пиар-акции и т.д.

Как потребителю распознать и понять философию бренда с помощью семиотики? В маркетинговых коммуникациях особое место отводится природе знака, представляющей собой диаду - план выражения и план содержания. Диада знака работает следующим образом: план выражения + план содержания. План выражения может представлять собой следующие варианты: слово-маркер (имя товара/бренда), ключевая лексика бренда, tone-of-voice, логотип, маскот, инфографика, элементы корпоративного фирменного стиля и др. План содержания, подкрепленный планом выражения, транслирует через вербально-графический корпус миссию и философию бренда, интенцию его коммуникативной стратегии, формируя таким образом, ассоциативно-эмоциональную рефлексию у целевой аудитории.

В свою очередь, ассоциативно-эмоциональная рефлексия способна сформировать лояльное отношение к бренду и его продукту, укрепить позитивное взаимодействие потребителя и бренда, которое выходит за рамки коммерческого взаимодействия (продажа – покупка), расширяясь до социокультурного диалога. Такой диалог является частью маркетинговой коммуникации, с одной стороны, и культурной составляющей – с другой, поскольку предлагаемые современными брендами поведенческие модели, типа бережного

отношения к природе, экологичной коммуникации индивидов, гуманного отношения к животным, антиэйджизма и др., довольно активно подхватываются социумом и реализуются на практике. Как показывает наше исследование эти социокультурные практики популярны не только в обществе, но и в деятельности госорганов (например, Правительство Москвы¹ активно реализует проекты поддержки благотворительных фондов, приютов для животных, экологичного производства и под.).

Лингвокультурологический характер такого диалога подтвержден эмпирическим материалом, указывающим на то, что вербально-визуальный и графический корпус маркетинговой коммуникации помимо бизнес-стратегии включает культурный, социальный, национальный аспекты. Такой подход эффективен тем, что бренд не только реализует sales promotion, но и популяризирует социокультурные тренды, управляет общественным мнением, используя метод «мягкой силы» в процессе коммуникации. Таким образом создается информационно-коммуникационное двухвекторное пространство, где один вектор развития – это интернет-среда, второй – реальная действительность, а точка пересечения – социальная практика, которая способна не только вовлечь потребителя в современную поведенческую модель, но и сделать более прочной эмоциональную связку «бренд – потребитель».

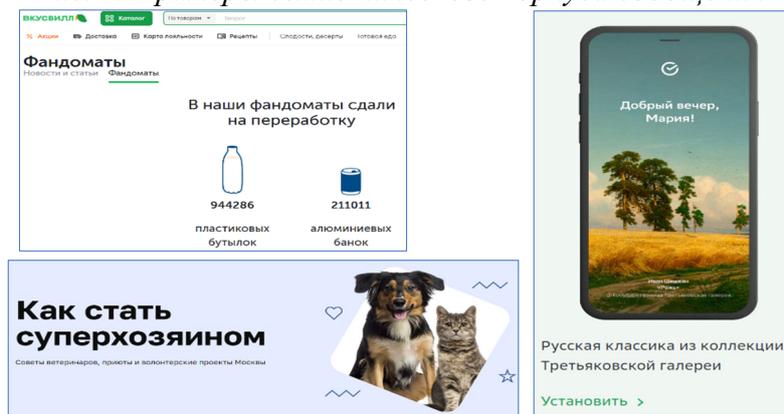
Так, например, совместная поддержка приюта для животных, совместный отказ от пластиковой посуды, совместный вклад в экологию способны сформировать устойчивый союз бренда со своей аудиторией, а также внести весомый вклад в развитие города или региона, а значит, быть частью гражданского общества.

Примеры.

1). ВкусВилл² устанавливает в своих магазинах фандоматы для утилизации пластиковых бутылок, не только заботясь об экологии, но и, одновременно, поддерживая российскую компанию³ по производству фандоматов; 2). Правительство Москвы реализует информационный проект «Как стать суперхозяином»⁴, ориентированный на владельцев домашних животных и тех, кто задумался о приобретении питомца; 3). Мобильное приложение СбербанкОнлайн⁵ разработало заставки для личного кабинета – цифровые версии картин русских художников, чьи работы находятся в экспозиции Государственной Третьяковской галереи.

Все эти примеры подтверждают социокультурную направленность брендов и компаний, ориентированную на свою целевую аудиторию и включенную в маркетинговую стратегию, которая реализуется через семиотику коммуникации. В свою очередь, семиотика коммуникации представлена словами-сигналами, изображениями-сигналами, вербальным и графическим корпусом. Способным передать основную мысль сообщения (рис.1).

Рис. 1. Примеры семиотического корпуса сообщения

¹ [Проекты Москвы / Госуслуги Москвы \(mos.ru\)](https://mos.ru)

² [С новым фандоматом! | Новости и статьи ВкусВилл: Москва и область \(vkusvill.ru\)](https://vkusvill.ru)

³ [Фандоматы от компании Инновационная Экологическая Платформа | Fandobox | ecoplatform](https://fandobox.ru)

⁴ [Как стать суперхозяином для своего питомца / Проекты / Сайт Москвы \(mos.ru\)](https://mos.ru)

⁵ [Входите в Сбербанк Онлайн с хорошим настроением \(sberbank.ru\)](https://sberbank.ru)

Лингвокультурологический аспект в примерах на рисунке представлен планом выражения и планом содержания, пересекающимися в знаке. Формулу знака представим так: знак = материальная сторона + предмет/объект + содержательная сторона. Совокупность знаков формирует сообщение с определенной интенцией, которая транслируется целевой аудитории.

Целевая аудитория «расшифровывает» сообщение с помощью кодов, которые ей известны и понятны, благодаря когнитивно-историческому опыту, а также интуитивному декодированию определенных семиотических элементов, которые в итоге складываются как пазлы в единый «рисунок».

Таким образом, маркетинговая коммуникация носит знаковый характер, способный реализовывать не только коммерческие цели, но и включать бренд/компанию в современные социокультурные тренды, формируя социальные практики гуманистической направленности.

ЗЮКИНА З.С.

Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ – ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА – ЯЗЫК

Лингвокультурология изучает отношения между языком и культурными концептами, является специфической сферой духовной жизни людей, включающей в себя знания, мораль, законы, обычаи, а также способности и умения, приобретаемые человеком как членом общества. В статье обосновывается тезис, что правовая культура как часть культуры общества, как часть лингвокультурологии не может существовать без взаимосвязи с языком.

Ключевые слова: лингвокультурология, общество, правовая культура, язык.

Культурологическое исследование правовой культуры исходит из понимания культуры как некой «конструкции» общества, включающей не только объективированную структуру, но также философию миропонимания и систему ценностей, знания, навыки, умения и систему социальных регуляторов — обычаев, традиций, религии, морали, правовых и языковых норм.

При этом правовую культуру можно рассматривать, с одной стороны, как явление, объективно сложившееся в ходе истории, а с другой стороны, как субъективное отражение этого явления в сознании индивидов. Иными словами, правовая культура имеет объективное и субъективное измерение.

«Культура служит духовным измерением всякой деятельности, в которой формируются мотивы, принципы, правила, цели и смыслы этой деятельности. То есть культура является духовным компонентом совокупного производства, обеспечивающим поддержание и изменение этого производства и общественных отношений в целом» [Зинковский 2006; 7].

В ходе своей публичной деятельности по защите права юристы регулярно пользуются устным и письменным словом в ситуациях, привлекающих особое внимание общества. Поэтому «открываются перспективы формировать не только общественное и индивидуальное правосознание, но и мировоззрение в целом, воздействовать на систему знаний, взглядов, убеждений и ценностей» [Губаева 2007; 83].

Отсутствие знаний лингвокультурологии, игнорирование отношений между языком и культурными концептами, слабое развитие профессионально необходимых языковых навыков, неумение юриста адекватно выражать мысль всегда может обернуться ущемлением прав и законных интересов граждан. Это приводит к крайне негативным последствиям,

которые могут отрицательно сказаться и на судьбе отдельного человека, и на правосознании и правовой культуре общества в целом.

Иначе говоря, вместе с комплексом специальных знаний каждый специалист-профессионал, получающий высшее образование, должен освоить определенный минимум знаний, навыков и умений по преобладающему стилю речи и языку своей специальности.

Отличительной чертой юридической практики является ее устно – письменный характер, потому что практически все проведенные действия фиксируются в определенной законом письменной форме, для того чтобы иметь юридическую силу.

Практикующие юристы обычно хорошо чувствуют, «что можно и чего нельзя» в текстах юридических документов: какие слова можно употреблять, а какие нет, каким должен быть порядок слов в том или в другом случае и т.д.

Однако часто выбор является интуитивным. Специальных пособий, в которых давались бы рекомендации стилистического характера почти нет, в основном указываются общие требования, что юридические тексты должны быть составлены логично и последовательно, точно употреблены юридические термины и т.п.

Социальная функция делового стиля очевидна. С помощью деловой речи осуществляется связь властей с населением, составляются тексты в процессе деятельности органов милиции, прокуратуры, суда.

Своеобразие социальной функции официально-делового стиля определяет его языковую специфику.

Главные черты официально-делового стиля – точность и лаконизм, использование одних и тех же языковых средств и их единообразие: стандартные обороты, своего рода клише.

Итак, официально-деловой стиль отличают следующие языковые особенности:

1. Преобладание стилистически нейтральных и книжных слов;
2. Широкое употребление профессиональной терминологии (*показания, задержание, мера пресечения*);
3. Частое использование отглагольных существительных (*возбуждение, преследование, задержание, изъятие*);
4. Распространенность клише (*произвести обыск, подвергнуть штрафу*), которые, обычно не замещаются соответствующими глаголами *обыскать, оштрафовать*;
5. Использование глаголов и оборотов со страдательным значением: *вина подсудимого подтверждается следующими доказательствами*);
6. Строгий порядок слов в предложении:
 - а) подлежащее чаще всего стоит в начале предложения и, как правило, предшествует сказуемому: *Петров продолжал отрицать свою вину...*;
 - б) определения, даже распространенные зависимыми от них словами, стоят перед определяемыми существительными: *Вызванный для дачи свидетельских показаний гражданин Сидоров в суд не явился*;
 - в) дополнения стоят после управляющего ими слова: *в целях укрепления законности, читать обвинительное заключение, вести следствие*;
 - г) вводные слова и обороты обычно находятся в начале предложения: *кроме собственных показаний обвиняемого, его вина подтверждается и другими материалами*

дела, среди которых особенно важно обратить внимание на следующие обстоятельства;

7. Количественное преобладание сложных предложений над простыми: *Анализ собранных данных, состоящих из показаний обвиняемых и свидетелей, протоколов очных ставок, вещественных доказательств, которые были приобщены к делу как в начале следствия, так и в процессе расследования, а также актов экспертиз, проведенных специалистами, которые были приглашены следствием, показывает, что преступление, инкриминируемое всем обвиняемым, которые объединились в банду, имеющую целью крупные хищения и ограбления, представляет собой цепь преступных деяний, каждое из которых должно квалифицироваться как самостоятельное преступление»;*

8. Широкое употребление причастных и деепричастных оборотов, придающих речи лаконизм и динамичность: *Дополнения к сведениям, полученные...; Снимая допросы с обвиняемых и свидетелей, следует обеспечить их своевременную явку в прокуратуру* (примеры взяты из учебного пособия [Ивакина 2003; 83-85].

Сегодня деловой стиль обслуживает все более широкие общественные потребности, поэтому языковые средства непрерывно совершенствуются, изменяются. Делопроизводство, решение сложного комплекса административных, правовых и многих других вопросов требуют основательного знания стилистических норм деловой речи и правильного их применения.

Это относится и к юристам. Как и в других видах человеческой деятельности, в деятельности юриста существенную роль играют не только специальные знания, профессиональный навык и чутье, не только четкость логического мышления, но и умение отражать отношения между языком и культурными концептами, такими как правовая культура.

«Важно осознавать, что профессиональное юридическое сообщество принадлежит к так называемой символической элите, которая обладает практически неограниченными возможностями духовного управления обществом» [Губаева 2007; 97].

Литература

1. *Галяшина Е.И.* Основы судебного речеведения. М., 2013. – 252 с.
2. *Губаева Т.В.* Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. – М.: Норма, 2007. – 160 с.
3. *Зинковский С. Б.* Право как явление культуры: автореферат диссертации кандидата юридических наук: 12.00.01. - Москва, 2006. – 21 с.
4. *Ивакина Н.Н.* Основы судебного красноречия (риторика для юристов): Учебное пособие. – М.: Юристъ, 2003. – 275 с.

ИСАКОВА М.Т.

*Ошский государственный университет,
Кыргызская Республика*

ОБОЗНАЧЕНИЕ ЭМОЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ КАК ИСТОЧНИК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Настоящая статья посвящена исследованию проблемы представления эмоций в лингвокультурном аспекте через анализ исторических романов «Роб Рой» В. Скотта и «Сломанный меч» Т. Касымбекова. Автором осуществлена попытка лингвокультурологического анализа в сопоставительном аспекте лексем, номинирующих социально-культурный компонент в кыргызской и английской языковой картине мира.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвистика, лексема, язык, эмоция, текст.

Вопросы коммуникативно-прагматического плана всегда выдвигались в современной лингвистике текста на первый план. Одной из приоритетных теоретических и практических задач современной лингвистики является изучение особенностей функционирования художественных текстов в ситуациях межкультурной коммуникации и механизмов взаимодействия между текстами и их реципиентами. Все произведения художественной литературы, включая и историческую, включают в себя не только изображение всех событий и явлений, но и эмоции, выраженные с помощью языковых средств. Ведь именно язык является частью сложной иерархии времен, культур и национальных художественных языков.

Несмотря на то, что имеется ряд работ, касающихся проблем выражения эмоций в текстах, лингвистические аспекты эмоций и эмоциональности до сих пор остаются малоизученными. Исследованием средств эмоциональной выразительности занимались О. В. Александрова, В. В. Виноградов, О. Е. Филимонова, В. И. Шаховский (выделяет несколько сложившихся приоритетных направлений в лингвистике эмоций, среди которых он называет изучение эмоциональной окраски текстов), Т. В. Адамчук (тематизация эмоций в тексте), Д. В. Маркова, Н. А. Набокова (модернистские тексты, Г. Н. Ренко, В. Н. Набокова), Г. Н. Ленко, В. Н. Карловская, Н. Н. Орлова (художественные тексты, проза), О. С. Дадкин (тексты интервью) и другие ученые. Перечисленные исследования внесли серьезный вклад в изучении эмоциональной составляющей художественного текста, однако данная тема по-прежнему остается актуальной.

Актуальность выбранной темы нашей работы также обуславливается высокой значимостью средств выражения эмоций в лингвокультурологическом аспекте, а также отсутствием исследований проблемы представления эмоций в лингвокультурном аспекте через сравнительный анализ литературных текстов в кыргызской и английской литературах. В связи с чем целью данного исследования является изучение языковых средств, обозначающих эмоции в аспекте лингвокультурологического воззрения на кыргызскую и английскую языковые картины мира, что позволяет выявить национальные стереотипы, специфические метафорические и общие представления, характерные для этих лингвокультур.

Эмоциональность – многофункциональная категория художественных текстов, отличающаяся регулярным языковым, разговорным, стилистическим и коммуникативным выражением, отражающая в репрезентативных произведениях эмоциональный статус и ценностные ориентации какой-либо культуры. С целью создания практического воздействия на получателя информации, каждый автор художественного текста апеллирует к эмоциональному восприятию сообщения и насыщает текст выразительными, стилистическими и красочными языковыми средствами. Писатель выбирает слова, которые помогают ему донести свои мысли до читателя.

Исторические жанры, как и другие литературные жанры, обладают такими специфическими чертами, как историзм, опора на реальные исторические события и исторические факты, участие реальных исторических персонажей, насыщенность повествования. События в историческом тексте реконструируются с помощью специфических художественных средств.

Рассматриваемые в данном исследовании романы «Роб Рой» и «Сломанный меч» относятся к жанру исторического романа. На наш взгляд между двумя произведениями можно провести типологические параллели. Так же, как и В. Скотт считается отцом исторического романа в мировой литературе, Т. Касымбеков является основателем исторического романа в кыргызской литературе. И В. Скотт и Т. Касымбеков описывают бурные и сложные исторические события в судьбах своей страны. Чтобы передать атмосферу описываемой эпохи, писатели используют исторические термины, названия, диалекты и архаизмы в сочетании элементов исторической правдивости с элементами вымысла. Оба автора изображают простой народ – крестьян, ремесленников, пастухов,

рыбаков, воинов. Совпадение видим и в судьбах героев романов «Роб Рой» и «Сломанный меч», которые тесно связаны с крупными историческими событиями (революциями, восстаниями, мятежами).

Роман «Роб Рой» – это широкий и сложный портрет общественных отношений в Шотландии и Англии начала XVIII века. Вообще, характерная черта исторических романов Скотта – умение в одном произведении охватить жизнь всех основных слоев шотландского (и отчасти английского) общества. История Англии и Шотландии раскрывается как процесс, как картина общественного развития, в ходе которого разрушаются старые отношения и целые классы, и формируются новые.

Действие «шотландского» романа «Роб Рой» относится к важной исторической дате — восстанию якобитов 1715 года. Вальтер Скотт описал двух героев – Фрэнка Осбалдистона, возненавидевшего бесчеловечные законы, существующие в Шотландии, и Роба Роя – настоящего шотландского Робина Гуда. В свете поставленных перед данным исследованием задач, особо стоит обратить внимание на текст романа «Роб Рой» в прагматическом аспекте с учетом всех экстралингвистических факторов его функционирования, рассматривая эффективность его воздействия на адресата.

Язык персонажей своих исторических романов Скотт стилизовал до минимума, в соответствии с языком того времени, в котором он повествовал и изображал их. Для того чтобы погрузить читателя в прошлое, Скотт считал достаточными богатые культурные и фольклорные «зарисовки». Эти обильные культурологические и этнографические «зарисовки» должны предшествовать развитию основных событий романа [Волков 2023; 11]. Согласно нормам коммуникативного дискурса, роман «Роб Рой» оказывает значительное воздействие на читателя. Такого рода эффект достигается за счет того, что автор использует различные средства языка: синонимы, антонимы, метафоры, фразеологизмы, стилистически окрашенную лексику, ласкательные выражения, бранные слова и т.п.

Особое место в романе В. Скотта «Роб Рой» занимают фразеологизмы. Чаще всего они выступают в роли эмотивной лексики. Сущность их значения тесно связана с фоновыми знаниями носителей языка, с культурой, историей и традициями народа Англии и Шотландии XVIII века. Как мы знаем, фразеологическая единица фиксирует в языке жизненный опыт народа, зафиксированный в типичной ситуации где она получает обобщенный смысл. А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский объективно отмечают, что «внутренняя форма идиом представляет собой весьма сложное образование, влияющее как на план содержания идиомы, так и на особенности ее употребления - от сочетаемости до условий функционирования в дискурсе» [Баранов 2008; 567].

Рассмотрим два отрывка:

“Francis's heart bled for her” - Сердце Френсиса обливалось кровью за нее. [Скотт 2019; 114]. Фразеологизм heart bled (досл. сердце кровоточит) – сердце кровью обливается – здесь характеризует разговорный функциональный стиль с живой экспрессией. Под данным выражением подразумевается очень сильная эмоция – острое чувство душевной боли, жалости, сострадания, беспокойство или расстройство по поводу какого-либо события.

“Diana told Francis how difficult it was sometimes for her to hide an aching heart with a smooth brow” - Диана рассказала Френсису как трудно ей иногда скрывать ноющее сердце под спокойном видом [Скотт 2019; 162].

Фразеологические единицы с компонентом «сердце» со значением «что-либо доставляет мучения (боль, мысли и т.д.) встречается почти у всех народов: рус. сердце кровью заливаётся, сердце кровью залилось, сердце болит, сердце ноет, кому-либо невыносимо тяжело от душевной боли, страха, тревоги, сердце волнуется; бел. сэрца крывёй абліваецца, сэрца баліць, ‘хто-нібуде адчувае моцны страх, жах’, сэрца хвалюецца; нем. jmdm. blutet das herz (у кого-л. кровоточит сердце) das herz tut weh, herz ist besorgt; кырг. жүрөгү канжалап кетти, жүрөк ооруйт, жүрөк эзилет кимдир бирөө коркуудан, тынчсыздануудан оор акыбалда, жүрөгү толкундап жатат; каз. жүрөктөн қан кетеді, жүрөк

канга толы, біреу қорқыныш пен үрейдің салдарынан қиын жағдайға тап болады, жүрегім ауырады, жүрегі уайымдайды и т.д.

С древних времен люди склонны использовать названия внутренних органов и частей тела для более яркого и точного описания своих психологических переживаний и поведения. Это и послужило продуктивной базой в создании фразеологического корпуса всех языков. Л.А Сайфи отмечает: «Широкие связи соматизмов с реалиями окружающего мира порождают условия для символизации функций различных частей тела, для образования сложной системы переносных значений у лексем данной группы и способствуют фразеологизации соматических словосочетаний» [Сайфи 2008; 4].

Компонент «кровь» в указанном выражении чаще всего передает состояние внезапного гнева, досады. Присутствие данного компонента во фразеологизмах показывает также теснейшую связь с такой базовой архетипической оппозицией, как «жизнь-смерть», лишение крови оказывается равнозначно лишению жизни:

В русском языке: проливать кровь, кровь кипит, плакать кровавыми слезами, кровопийца.

В английском языке: shed blood, blood boil, cry bloody tears, bloodsuckers.

В кыргызском языке: кан төгүү, каны кайнайт, кан жаш төгүп ыйлап, кан ичер.

Культурные смыслы, которые несет в себе сердце и кровь, тесно связанных между собой: символ жизненной энергии и носители сильных чувств и эмоций. Иными словами, фразеологические единицы с компонентом «сердце» и «кровь» в кыргызском и английском языках характеризуют связь между духовным и телесным, материальным и идеальным в жизни человека, эмоциональный мир человека.

Далее рассмотрим роман «Сломанный меч» («Сынган кылыч») кыргызского писателя XX-XXI веков Т. Касымбекова. Обращение в нашем исследовании к этому писателю не случайно. Как и Вальтер Скотт, Тологон Касымбеков (1931–2011) стал одним из первых писателей в кыргызской литературе, который смог подняться на совершенно новый уровень в написании исторического романа. В романе автор описал острые внутренние конфликты и кровавую борьбу за власть, раздирающие Кокандское ханство XIX века, в состав которого входили земли кыргызских кочевников. «Сломанный меч» стал своеобразным учебником этнической истории, позволяющим многое узнать о прошлом кыргызов в период распада ханства и их присоединения к Российской империи.

С мастерством художника, Т. Касымбеков расписывает пеструю, восточную и сложную жизнь ханской верхушки и место кыргызской элиты в ней, полную интриг, махинаций, тайн и откровенных убийств. Не забыта и роль духовенства и общественных лидеров. Особенно это касается жизни людей на низшем уровне общества, на плечи которых легло тяжелое бремя политических потрясений и межплеменных войн. Личные судьбы героев романа органично переплетаются с судьбой страны в целом. Изображение народного восстания, под предводительством Исхака трагически погибшего в ходе борьбы, являются наиболее удачной частью книги.

Особо следует отметить богатство языковых средств романа «Сломанный меч». Умелое использование особенностей кыргызского диалекта, особая окраска лексики, связанной с разговорным языком южной части Кыргызстана, точные языковые характеристики героев, прекрасно изображенные батальные сцены показывает реалистическое развертывание исторического процесса, где движущей силой всех перемен является народ, изменения в жизни и быте народов горных и степных районов Ферганской долины тех времен [Ибраимов 2017; 13].

Исторический роман Т. Касымбекова отличается еще от многих исторических произведений кыргызской литературы тем, что в нем показано использование автором невербальных средств для решения многочисленных творческих задач. В частности, невербальные средства описания выражают тонкие психологические состояния персонажей, их взаимоотношения, различные символические значения и многие другие моменты

художественного повествования. Здесь нельзя не отметить, что в художественном тексте автор очень часто обращает внимание читателей на манеру, на формы поведения, на невербальную составляющую героя. Анализируя невербальные формы поведения героя, мы «получаем возможность яснее понять особенности авторской позиции и смысл произведения в целом, глубже понять образ героя» [Гальперин 1981; 10].

Для иллюстрации высказанных выше мнений приведем некоторые фрагменты исторического романа «Сынган кылыч», где имеют место описания символических жестов. В частности, в контексте упомянутого романа имеют ряд символических значений такие жесты, как «тооп кылуу» (почитание, почтение), «далысын салуу» (отвернуться, повернуться спиной), «бата кылуу» (благословение, доброе напутствие), «колун бооруна алып салам берүү», «тизе бүгүп» (чтобы выразить почтение, руки сложить на груди, преклонить колени) и т. д.:

– уважение: ...Сарбаздар дуулдап алик алышып, сыпаалык үчүн колдорун бооруна таазим кылган болушуп калды (кырг.) [Касымбеков 1987; 125] – ...И они нестройно ответили ему, и каждый склонился, почтительно сложив руки на груди [Касымбеков 1987; 129].

– почет, уважение: ...Эшим леп тура калып, оң ныптасына байлана келген Темирдин кылычын чечип кош колдоп, Теңирбердинин алдына алпарып, тизе бүгүп сунду. [Касымбеков 1990; 42] – При этих словах Эшим быстро поднялся и, отвязав от своего пояса Темиров меч, взял его в обе руки и поднес Тенирберди, почтительно преклонив перед стариком колени [Касымбеков, 1987; 30].

– повиновение: -Лапбай, ханике айым... - деди колун бооруна алып босогого токтой калды (кырг.) [Касымбеков 1990; 112] – Слушаю, высокочтимая повелительница... Прижав руку к сердцу, евнух застыл у дверей [Касымбеков 1987; 100].

– проклятие, презрение, ненависть: Айланбай жерге кир! – Абил бий Мадыл тооп кылганга тырмышып жаткан этегин булкуп алды [Касымбеков 1990; 198]– Чтоб ты провалился! Абил бий отдернул свой подол от падающего к нему в ноги [Касымбеков 1987; 229].

Бир гана жолу нары карап баскан далысын көрдүм. Эмне болду экен?..” Исхактын жүрөгү шуу дей түштү. “Нары карап кеткен! Ошол жексурлук кылып кеттиби!?” – деген ой заматта кылт этти. Жүрөгү дүкүлдөп башын чайкады. Көптөн бери кайтарып жүргөн батыр башчысын чыккынчылыкка кыя албады. “Өлсө кармашып өлдү! Өлбөсө мага окшоп тирилей көрдө жатат!” – деп өзүн-өзү алаксытты. Бирок, Атакул батыр башынын үңкүйгөн далысы көзүнө кайрадан көрүнүп, көңүлүн эки ача кыла берди...

– «Только один раз я увидел его в спине. Что же случилось?..» Сердце Исхака ёкнуло. "Он ушел! Он сделал эту мерзость!?" моментально промелькнула мысль. Он покачал головой, сердце его колотилось. Никак не мог он поверить тому, что вождь-батыр, которого он долгое время охранял, мог стать предателем. «Может он погиб в бою! Если он не умрет, то воскреснет в могиле, как и я!» - стал отвлекать он себя от подозрений. Но вдруг перед ним снова появилась сутулая спина Атакул Батыра, и он растерялся.... В данном отрывке обратим внимание на фразеологическую единицу, показывающее волнение человека – жүрөгү шуу дей түштү, жүрөгү дүкүлдөп. Она является полным эквивалентом приведенной русской фразеологической единице сердце ёкнуло, сердце его колотилось. Эквивалентом можно считать и английское heart skipped a beat, his heart was pounding.

Особе место в романе при описании эмоций героев занимают зооморфные сравнения. Как известно зооморфные номинации выступают универсальными и национально-специфическими образно-символическими смыслами. Зооморфизмы выявляют межъязыковые универсалии и национально-культурную специфику зооморфных номинаций. Они предполагают сопоставление объекта речи с понятием, которое предполагает эмоциональную оценку и ассоциируется со стереотипом конкретного животного.

Приведем некоторые сравнения:

– смущение, неловкость: Уурулугу кармалган мышыктай бүрүшүп, алдыма кайра отуруп калды [Касымбеков 1990; 291]. Сжавшись, как кот, пойманный на воровстве, он снова сел передо мной [Касымбеков 1987;301].

– гнев, злость: кара жырткыч куш сымал, ыркырап турган илбирстей [Касымбеков 1990; 201] – как черная хищная птица, как рычащий тигр [Касымбеков 1987;207].

– бессилие, безысходность, разочарование: канаты сынып бийиктен түшкөн бүркүт сыяктуу; Исхак өлүм менен эрегишкендей, капаска тушкөн бүркүткө окшоп [Касымбеков 1990; 301] – как орел, падающий с высоты со сломанными крыльями; Исхак как орел в клетке, сражающийся со смертью [Касымбеков 1987;207].

– угодливость, заискивание: Насирдин гана кубанычын жаба албай, көзү эркелеген иттин көзүндөй болуп, жылмандап, шыйпаңдап фон Кауфманды жалжал карайт [Касымбеков 1990; 178] – Только Насирдин не мог скрыть своей радости, его глаза словно глаза избалованного щенка, засверкали и заискивающе смотрели на фон Кауфмана [Касымбеков 1987; 184].

В зависимости от психического состояния человека в художественных текстах часто описывается человеческий взгляд как «отражение души». С этой точки зрения, согласно цели нашего исследования, на основе отрывков можно проанализировать различные движения глаз, их семантику при обмене информацией, национальные особенности разговора в романах «Сынган кылыч» и «Роб Рой».

Например, Дуулдап тосо чыгып, жардап турган элдин түрүнө астыртан серп салып, тик көздөрү менен ар тарабын бат-бат чалып келатты. Элдин көзү анда. Кай бирөө кызыгып, кай бирөө таңыркап тиктеп ич ара шыбырашып узатып турушту. Абил-бий эл арасынан шыбырларды угуп, аларды эңкее карап түртүшүп тургандарды көрүп келатты [Касымбеков 1990; 43]. Он вышел на громкий гул толпы и, окинув всех собравшихся каменным взглядом, торопливо посмотрел по сторонам. Глаза людей были прикованы к нему. Некоторые с любопытством, некоторые изумленно смотрели на Абил-бия и перешептывались друг с другом. Абил-бий услышал шепот людей, и, посмотрев вниз, увидел, как волнуется народ [Касымбеков 1987; 52].

– досада, огорчение: Өз сөөлөтүн тутуп Кудаяр башка жакты тиктеп турду. Абдырахман негедир жылдызы жерге түшүп, жер тиктеп катып турду [Касымбеков 1990; 68]. Кудаяр промолчал и отвернулся. По какой-то причине потухла звезда и Абдырахмана, он опустил взгляд [Касымбеков 1987; 72].

Owen continued to look at Francis with eyes which tears from time to time moistened – Оуэн продолжал смотреть на Френсиса глазами, которые время от времени увлажнялись слезами, после выговора отца [Скотт 2019; 126].

– угодливость, заискивание: Насирдин гана кубанычын жаба албай, көзү эркелеген иттин көзүндөй болуп, жылмандап, шыйпаңдап фон Кауфманды жалжал карайт [Касымбеков 1990; 43]. Только Насирдин не мог скрыть своей радости, его глаза словно глаза избалованного щенка, засверкали и заискивающе смотрели на фон Кауфмана [Касымбеков 1987; 126].

– негодование, раздражение: Исхак кайрылып карап, мелтейип тиктеп, аксап басып мындай деди...[Касымбеков 1990; 89]. Исхак повернулся, пристально уставившись на него, он прихрамывая подошел и сказал...[Касымбеков 1987; 94].

– страх, ужас: With a lingering look of terror that a convicted felon throws when he is told that a cart is waiting for him, Morris stood up at Campell's words - С таким томным выражением ужаса, какое бросает осужденный преступник, когда ему сообщают, что его ждет телега, Моррис встал после слов Кэмпелла [Скотт 2019; 62]

– презрение: Miss Vernon answered Reshley's inquiring glance with determined contempt - Мисс Вернон ответила на пытливый взгляд Решли решительным презрением [Скотт 2019; 47].

Краткий анализ некоторых отрывков романа «Сынган кылыч» позволяет нам сделать следующие выводы: изображение символических жестов, взглядов, зооморфизмов наряду с другими невербальными элементами придают художественному тексту ясность, определенность и завершенность, а значит, является необходимым элементом языкового материала произведения искусства. Каждый символический жест в исследованных нами романах максимально показывает эмоциональное состояние героев, придавая реальность тому или иному художественному образу.

Проанализировав романы В. Скотта и Т. Касымбекова, мы попытались оценить коммуникативно-прагматические сферы произведений «Роб Рой» и «Сынган кылыч» в эмоциональном отношении. С помощью использования лексических средств оба автора передают колорит своей культуры, особенности эпохи, какой-либо местности или социальной группы, при этом одни и те же лексические средства могут передавать различные, иногда прямо противоположные эмоции и эмоциональные состояния героев. Несомненно, без языковых средств данные произведения были бы всего лишь изложением сухих исторических фактов и не производили бы на читателя особого эмоционального впечатления.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, в исторических романах В. Скотта и Т. Касымбекова можно выделить следующие художественные особенности: новаторство художественного языка. Оба автора отказываются от чрезмерной архаизации языка и используют язык своих современников. Подчеркивая роль народа, писатели одними из первых ввели важнейшие нововведения в романах – демократические тенденции. И данное исследование еще раз доказывает, что новаторский характер исторических романов Вальтера Скотта и Тологона Касымбекова не вызывает сомнений. Вследствие чего, можно констатировать единство взглядов кыргызского писателя XX века Т. Касымбекова и английского романиста XIX века В. Скотта.

Литература

1. Волкова А.Е. Проблема выражения эмоций в языке и художественных текстах // Молодой ученый. – 2021. – № 16 (358). – С. 129-131.
2. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск, 1989. – 184 с.
3. Баранов А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М., 2008. 656 с.
4. Сайфи Л. А. Концептуализация соматического образа человека в языке и дискурсивных практиках (на материале современного английского языка). Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Уфа, 2008. 24 с.
5. Ибраимов О. Толеген Касымбеков. Романист, не повторивший себя. –2017. <https://rus.azattyk.org/a/28213496.html>
6. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. –М., 1981. – 144 с.
7. Касымбеков Т. Сынган кылыч. – Ф., 1990. – 754с.
8. Касымбеков Т. Сломанный меч. – Ф., 1987. – 447 с
9. Скотт В. Роб Рой. – М., 2019. – 512 с.

ИСХАКОВА Э.В., СМИРНОВА В.А.

Уфимский университет науки и технологий

ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМЫ В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ДЖ. БАРНСА «ПОПУГАЙ ФЛОБЕРА»

В статье рассматриваются лингвокультураны в рамках художественного текста. В ходе сравнительно-сопоставительного анализа текста романа Дж. Барнса «Попугай Флобера» на английском и русском языках авторами статьи была предпринята попытка выявить основные способы перевода некоторых лингвокультуран в художественном тексте.

Ключевые слова: лингвокультурология, художественный текст, лингвокультурема, Барнс.

Актуальность исследования определяется необходимостью анализа способов перевода лингвокультурем, с учетом теории и практики художественного перевода. Целью исследования является выявление лингвокультурем в оригинальных текстах Джулиана Барнса и определение вариантов их перевода. Для сравнительно-сопоставительного анализа были взяты оригинальный английский текст и русскоязычный перевод романа «Попугай Флобера», выполненный А. Борисенко и В. Сонькиным.

В.Н. Телия определяет лингвокультурологию как раздел этнолингвистики, который занимается исследованием взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры, а также анализом культурно-значимых единиц языка. Согласно В. А. Масловой, лингвокультурология возникла на пересечении лингвистики и культурологии и объединила в себе результаты многих областей. К примеру, «языкознания, этнолингвистики и антропологии» [Маслова 2001;34].

Лингвокультурология – это область научных исследований, которая изучает проявления различных культур в языке и как они взаимодействуют друг с другом. Это относительно новое направление в лингвистике объединяет в себе две отдельные дисциплины: «социоллингвистику и культурологию» [Barry 2008; 27]. Большой интерес к культурологии и ее превращение в самостоятельную научную отрасль начались в конце XX века. Лингвокультурология изучает языковые единицы в контексте исторического и социального развития страны в разные периоды, тем самым помогая составить более полное представление о языке как «о сложной системе» [Зайченко 2021;76].

В контексте лингвокультурологии, особую важность представляют собой перевод и интерпретация определенных единиц с одного языка на другой, а также необходимо учитывать «экстралингвистические и этнокультурные факторы» [Дармаева 2016; 214]. В. Г. Гак подчеркивает, что способность найти подходящий эквивалент на языке перевода является ключевым аспектом в понимании «духа языка» и развитии «языкового чутья» [Гак 1967; 37].

Одним из важных основополагающих понятий в лингвокультурологии выступает такое понятие, как «лингвокультурема». Данный термин ввел в научный обиход В. В. Воробьев в своей работе «Лингвокультурология». В. В. Воробьев определяет лингвокультуру как единицу, которая включает в себя, кроме языкового значения, культурные компоненты и может рассматриваться как «диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного и предметного) содержания» [Воробьев 2008;45].

Стоит отметить, что лингвокультурный анализ строится на специфике культурного пространства и таких понятиях, как образ мира, «этноязыковая, социальная» [Воробьев, Морозкина, Фаткуллина 2016; 356] картины мира и языковое сознание. Джулиан Барнс обращается в художественном тексте «Попугай Флобера» к культурологическим компонентам Англии и Франции. Культурологические компоненты или лингвокультуремы можно обнаружить в именах собственных, географических названиях и устойчивых выражениях.

Рассмотрим следующий пример: “*Villiers de l’Isle-Adam, chronically poor yet crazily practical <...>*” [Barnes 2017;19] – «*Вилье де Лиль-Адан, хронически нищий, но меркантильный до безумия <...>*» [Барнс 2017;55]. Как видим, в примере представлен перевод имени собственного – Villiers de l’Isle-Adam. Речь идет о французском писателе и драматурге Огюсте де Вилье де Лиль-Адане, родившемся в 1838 году. Переводчик сумел

правильно передать имя собственное выделив лингвокультурный компонент Франции в контексте англоязычного текста.

Лингвокультурный компонент был выделен в переводе следующих географических названий: “Then there are the three live parrots, two at Trouville and one at Venice; plus the sick parakeet at Antibes” [Barnes 2017;29] - «Потом – три живых попугая, два в Трувиле и один в Венеции, плюс больной попугай в Антибе» [Барнс 2017;47]. Trouville с перевода на русский язык обозначает Трувиль Сюр-Мер. Это географическое название для обозначения коммуны во Франции. Antibes переводится как Антиб и также обозначает коммуну во Франции. Переводчикам удалось передать смыслонаполнение лингвокультуры.

Автор художественного текста «Попугай Флобера» выделяет единицу, подчеркивающую историческое и социальное развитие Франции в разные периоды и приводит фразеологический оборот: “First slum of Europe, one of our poets called it not long ago” [Barnes 2017;55] - Трущоба первая Европы, как назвал ее недавно один из наших поэтов [Барнс 2017;145]. Толкование данной единицы связано с историческими событиями после Второй мировой войны с бомбардировками крупных городов.

Одним из способов перевода лингвокультурем, к которому обратились переводчики, является транслитерация. К примеру: “In a village pub, far from home, I once overheard two en talking about Betty Corrinder” [Barnes 2017], что в переводе «В деревенском пабе, вдали от дома, я однажды подслушал, как двое мужчин обсуждали Бетти Корриндер» [Барнс 2017]. Безусловно, лексема “pub” является компонентом, принадлежащим «британской социальной культуре» [Холодова, Левичева 2020; 43].

Таким образом, лингвокультуры играют важную роль при переводе художественного текста. В ходе сравнительно-сопоставительного анализа оригинального текста Дж. Барнса «Попугай Флобера» и его русскоязычного перевода были выявлены некоторые способы перевода лингвокультурем, к которым можно отнести дословный перевод, транслитерацию и подбор фразеологического оборота. Важно отметить, что переводчикам удалось передать культурологические особенности, включенные в лингвокультуры, которые отражают уникальность иностранных культур.

Литература

1. Барнс Дж. Попугай Флобера: роман/ Джулиан Барнс; пер. с англ. А. Борисенко, В. Сонькина. — М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. — 320 с. — (Большой роман).
2. Воробьев В.В. Лингвокультурология. Теория и методы / В.В. Воробьев. – М.: РУДН, 2008. – 336 с.
3. Воробьев В.В., Морозкина Е.А., Фаткуллина Ф.Г. Триада язык-культура-личность как основа современной лингвокультурологии // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21. №2. С. 355–359.
4. Гак В.Г. Русский язык в зеркале французского // Русский язык за рубежом. 1967. № 3. С. 37-42.
5. Дармаева А.Д. Лингвокультурологический аспект перевода фразеологизмов с бурятского языка на русский (на материале прозы Ч. Цыдендамбаева) / Сибирский филологический журнал. 2016. № 1. С. 213 – 222.
6. Зайченко М.А. Лингвокультурологические трудности в преподавании русского языка в поликультурном пространстве стран центральной Азии на современном этапе / Русский язык и культура в фокусе современных образовательных технологий: сборник материалов I Международной научно-практической конференции. 28-30 ноября 2021 года. С. 75-79.
7. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
8. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М., 1996. – 284 с.
9. Холодова А.А., Левичева С.В. Особенности передачи англоязычных реалий средствами русского языка (на примере романа Дж. Барнса «Попугай Флобера») / Вестник МИТУ-МАСИ. № 3 / 2020. С. 42-45.
10. Barnes J. Flaubert's parrot / Julian Barnes – Vintage international. 2012. URL: https://royallib.com/book/Barnes_Julian/flauberts_parrot.html
11. Barry N.H. The role of integrated curriculum in music teacher education // Journal of Music Teacher Education. 2008. № 18 (1). Pp. 28-38.

ЛЕКСЕМА «НАДЕЖДА» В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНЧЕСТВА

Национальный менталитет выражается в языке, в частности, через ключевые слова, одно из которых надежда. Данные толковых словарей русского языка позволяют представить лексикографическое описание лексемы надежда. Проведенный психолингвистический эксперимент среди респондентов позволил выявить лексические значения, существующие в реальном употреблении.

Ключевые слова: языковая картина мира, ключевые слова, надежда, лексикографическое описание, психолингвистический эксперимент.

Поворот к антропоцентризму в языкознании с неизбежностью приводит к насущной необходимости изучения языкового выражения национального менталитета, национального характера, индивидуума. Понимая под менталитетом характерный для народа способ мировидения, обусловленный историческими, экономическими, религиозными, культурными, политическими факторами, мы не можем не обратить внимание на его языковое воплощение.

Слова, отражающие особенности менталитета нации, под которым следует понимать «национальный способ видеть мир и действовать (когнитивно и прагматически) в определенных обстоятельствах» [Колесов 1991; 106], называются ключевыми словами национального менталитета. Такие слова занимают доминирующее положение в «мыслительном пространстве» национального самосознания. «Ключевые слова русского менталитета – это лексика, выражающая опорные понятия и символы, определяющие идеи и представления традиционного русского национального мировоззрения и мирозерцания» [Сковородников 2003; 244]. К таким понятиям в русском языке, несомненно, относится слово надежда, которое играет существенную роль в русском миропонимании.

На основании тематической или предметно-понятийной принадлежности выделяются три группы ключевых слов: слова, обозначающие понятия и предметы традиционного быта; слова, обозначающие основные понятия русской государственности и общественной жизни; слова, обозначающие мир русской души и народной этики [там же]. Лексема «надежда» относится к третьей группе ключевых слов национального менталитета.

Материалом исследования послужили толковые словари русского языка, из которых извлекались словарные статьи, отражающие значение лексемы «надежда», а также результаты психолингвистического эксперимента.

Обратимся к результатам лексикографического анализа. В «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» под редакцией Н.Ю. Шведовой предлагается следующее значение: «надежда — 1. Вера, постоянная мысль о возможности осуществления в будущем чего-нибудь желаемого» [ТСРЯ 2007; 477].

В «Русском толковом словаре» под редакцией Лопатина В.В. и Лопатиной Л.Е. лексема «надежда» имеет значение ожидания, уверенности в осуществлении чего-нибудь желаемого. Также, согласно данному словарю, это понятие можно употреблять в значении «кто-то подает надежды» [РТС 2004; 357].

В «Большом толковом словаре современного русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова слово «надежда» означает желание, ожидание чего-либо радостного, приятного, соединенное с уверенностью в возможности осуществления [Ушаков 2005; 478]. Идея ожидания фиксируется также в «Новом словаре русского языка» под редакцией Т.Ф. Ефремовой: 1. Ожидание чего-либо благоприятного, в сочетании с уверенностью в его осуществлении. 2. То, на что можно надеяться, опереться, положиться; оплот [НСРЯ 2000; 925].

В «Словаре русской ментальности» под редакцией Колесова В.В., Колесовой Д.В., Харитоновой А.А. «надежда» имеет схожее понятие с вышеприведенными словарями, а

именно: терпеливое ожидание желаемого, поддерживаемое уверенностью в возможности его осуществления (в отличие от чаяния и мечты), в том числе и материального (в отличие от упования). Надежда вселяет в человека силы, является его опорой, приютом в трудных обстоятельствах. Иметь надежду – считать исполнение своего желания вероятным [СРМ 2014; 479].

«Словарь синонимов русского языка» предлагает также подобные по значению слова, такие как «чаяние» и «упование» [ССРЯ 1986; 238]. Чаение — это надежда на что-либо, важное, серьезное или очень желательное. В слове «упование» подчеркивается твердая уверенность в осуществлении чего-либо. Слова имеют устаревший характер и употребляются преимущественно в приподнятой речи.

Надежда – одно из ключевых понятий христианства. В толково-энциклопедическом словаре «Лексика современного русского православия» дается следующее определение: надежда – ожидание христианином от Бога его благодати в земной жизни и вечного спасения души в жизни загробной [ЛСРП 2016; 337]. Г.Н. Складарская дает следующее энциклопедическое толкование: Надежда является одной из главных христианских добродетелей наряду с верой и любовью [там же]. Толкование является омонимическим, словарь дает отсылку к статье «Вера, Надежда, Любовь и мать их София» [ЛСРП 2016; 115]. Существовавшая традиция называть людей в честь христианских святых сделала эти женские имена, в том числе имя Надежда, очень популярными, что нашло отражение в ответах русскоязычных респондентов в рамках психолингвистического эксперимента.

Вышеприведенные значения лексемы «надежда» в смысловом отношении соотносятся как абстрактное и конкретное, идеальное и реальное, будущее и настоящее. Надежда всегда связана с тем, что может или не может произойти, характеризует вещи подлинные, настоящие, достоверные, свидетельствуют об углубленности в традицию и устойчивости в жизни, вселяет уверенность в будущее. Так, например, Эрих Фромм утверждал: «Надежда — это психический спутник жизни и роста» [Фромм 1998; 306].

В рамках психолингвистического эксперимента, целью которого было выявление актуальных значений слова надежда, в 2022 г. было опрошено 100 студентов Уральского федерального университета, которым задавался открытый вопрос: Что такое надежда? В данном опросе участвовали представители как женского, так и мужского пола. Возраст участников составляет от 19 до 25 лет.

Анализ полученных результатов показывает, что самым популярным значением лексемы надежда является ожидание чего-либо (данное значение указали 40 респондентов). На втором месте находится женское имя *Надежда* (36 человек, преимущественно мужского пола), что говорит о его несомненной известности. На третьем месте оказалось значение вера (31 человек, преимущественно женского пола). Четвертое и пятое место в количественном отношении делят значения мечта (17) и эмоция (14).

Все указанные значения вполне коррелируют с данными толковых словарей. В то же время в значениях понятия *надежда* прослеживается дихотомия реальное – идеальное. Так, в ряду значений выделяется целая группа понятий, которые можно отнести к идеальному, абстрактному восприятию действительности: респонденты указывают *любовь; идея; мечта; благо; будущее; радость; утешение; уверенность; сила; осмысление; красота; доверие; смысл жизни; остров в тихом мире*. Ряд значений указывают на конкретные явления, реальный взгляд на действительность: *урок; знание; семья; здоровье; найти девушку своей жизни; сдать сессию; когда дома ждёт одеяло; когда кроме обеда дома никого нет; когда утром в глаза не светит свет; найти работу, которая нравится; путешествие в Африку; выйти замуж по любви; похудеть; торт*.

Обратим внимание на преимущественно положительную эмоциональную окраску понятия надежда; в то же время молодые люди фиксируют «обратную сторону медали», обращают внимание на негативные аспекты понятия надежда: *ложное приободрение; способ уйти от жестокой реальности (мысленно); одна из частей отчаяния; первый шаг на пути к разочарованию; прозрачная возможность; невозможность повлиять на что-либо;*

необоснованная вера в положительную вероятность желаемого исхода, ожидание этого исхода.

Среди ответов выделяются аллюзии на прецедентные тексты: *мой компас земной; то, что умирает последней; Dum spiro – spero (пока дышу – надеюсь); Она всегда с нами. и не лживая она тварь, а одна из богинь. Вера, Надежда и Любовь. Так что там, где Надежда, там и Любовь. Многие люди надеются на хорошую жизнь, на счастье, на любовь. Это стимул жизни нашей. Можно подумать, что у солистов группы «Дельфин» нет надежды ни на что. А что? Они не мечтали стать знаменитыми. Все мы будем надеяться на что-то пока живем! А есть другая песня – Надежда – мой компас земной... Вот так!*

Студенты отмечают, что понятие надежда – характерная черта русского национального характера. Вообще, среди ответов много развернутых, обстоятельных рассуждений, что показывает сформированность этого понятия в молодежной среде, его актуальность: *Думаю, что надежда — очень важное душевное состояние, воспринимаемое как источник силы и лучик возможного счастья. Надежда придает смысл жизни и побуждает к действию, к достижению цели, соответствующей надежде. Потерять надежду — значит перейти в состояние безнадежности. Мы живем в мире надежд, без которых невозможна сама жизнь.*

Отметим, что среди ответов преобладают абстрактные ценности, идеализированное представление о роли надежды в жизни. Суждения с критической оценкой единичны, так же, как и прагматические ценности.

Таким образом, результаты лексикографического описания коррелируют с результатами психолингвистического эксперимента. Не выявлено семантических сдвигов, появления новых значений. Отметим лишь прагматизм, конкретность в характеристике понятия, а также критичное отношение к нему некоторой группы респондентов, что, возможно, намечает пути трансформации значений лексемы надежда.

Литература

БТССР – Большой толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – М.: Альта-Принт, 2005. – 1239 с.

НСРЯ – Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Рус.яз., 2000. Т. 1: А – О. – 1209 с.

РС 2004 – Русский толковый словарь / В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. – М.: Эксмо, 2004. – 928 с.

Сковородников А.П. Ключевые слова / Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под редакцией Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 244.

СПЦР – Словарь православной церковной культуры: более 2000 слов и словосочетаний / Г.Н. Складаревская. – 2-ое изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 447 с.

СРМ – Словарь русской ментальности в 2 т. Т 1. А-О. / В.В. Колесов, Д.В. Колесова, А.А. Харитонов. – С.-Петербург: Златоуст, 2014. – 592 с.

ТСРЯ 2007 – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник 2007. – 1175 с.

Фромм Э. Революция надежды. Навстречу гуманизированной технологии / пер. Т. В. Панфиловой // Фромм Э. Психоанализ и этика. М. : Изд-во АСТ-ЛТД, 1998. – 256 с.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ УЧАЩИХСЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ГРУПП

Статья посвящена актуальным вопросам методики преподавания русского языка как иностранного в Узбекистане в условиях школьного образования.

Ключевые слова: язык, речь и речевая деятельность, метод.

Лингвистические основы методики РКИ на сегодняшний день проистекают из результатов описания русского языка как системного образования. Важнейшим их элементом являются также результаты сопоставления фактов современного русского литературного языка с фактами родного языка обучаемых. Однако подобное сопоставление должно производиться исключительно с позиций лингвометодики.

Лингвистические основы методики РКИ были определены Л.А. Новиковым как *принципы описания РКИ* [109; с. 54-55].

Заметим, что реализация первого принципа (принципа минимизации языка в учебных целях) в целом не зависит от воли конкретного преподавателя. Объем и содержание учебного языкового материала, как правило, бывает достаточно строго определен учебной программой и учебниками. Поэтому в пределах компетенции практикующего учителя находится реализация четырех остальных принципов. Таким образом, если от программы и учебника зависит минимизация и компрессия изучаемого языка, то от учителя зависит лингвистическая интерпретация уже готового, избранного учебного языкового материала.

Считаем возможным и целесообразным экстраполировать перечисленные в схеме принципы лингвистического описания РКИ на методику РКН. Это допустимо благодаря сходству двух этих процессов – преподавания русского языка иностранцам и преподавания русского языка в иноязычных группах (классах). Дело в том, что в обоих случаях необходимо возникает сопоставление двух языков родного и изучаемого, вследствие чего в сознании учащихся происходит процесс соотнесения двух различных *языковых картин мира*. Кроме того, в обоих случаях возникает такое неизбежно сопутствующее билингвизму явление, как *лингвистическая интерференция*, преодоление которой является ключевой задачей, стоящей перед любым человеком, взявшимся изучать иной язык.

При изучении иностранного (неродного) языка у учащихся возникает множество когнитивных диссонансов, обусловленных различиями, объективно существующими между национальными языковыми картинками мира, и это становится одной из сложнейших проблем современной лингводидактики. Примечательно, что именно в связи с этим в «Общевропейских компетенциях» было введено понятие *многоязычной и поликультурной компетенции*: «Многоязычная и поликультурная компетенция – это способность использовать языки как средство общения и принимать участие в межкультурной коммуникации» [Ирисхановой 2005;248]. Иное дело, что на реальных уроках русского языка в иноязычных группах эти вопросы преподаются, прежде всего, как проблематика лингвокультурологическая и лингвострановедческая. Государственным образовательным стандартом утверждено требование формировать национально-культурную и общекультурную компетенцию [5]. В основе этого требования, очевидно, находится понятие *многоязычной и поликультурной компетенции* из «Общевропейских компетенций». Поэтому, несмотря на отсутствие традиции использования на занятиях термина «языковая картина мира», само это явление продолжает оставаться существенным фактором, влияющим на качество преподавания языка. Следовательно, оно нуждается как в специальном изучении, так и в специфицированном методическом обеспечении на занятиях.

Другим таким фактором, детерминирующим лингвистические основы обучения русскому языку учащихся иноязычных групп в плане их отличия от лингвистических основ

обучения РКР, является интерференция, т.е. «взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при контактах языков, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонении от нормы и системы второго языка под влиянием родного» [Ярцева 2002;685].

Заметим, что во многих исследованиях координативный и коррелятивный типы билингвизма объединяются в один тип. Такое объединение наблюдается, например, в трудах узбекского ученого У.К. Юсупова. Именно в таком смысле связь координативного и субординативного билингвизма с интерференцией была предметно рассмотрена в его работе «Теоретические основы сопоставительной лингвистики» [Юсупов2007;125]. Вместе с тем, мы предполагаем, что в прямой зависимости от типа билингвизма должна находиться избираемая стратегия обучения языку. Однако при этом у разных членов одного и того же коллектива учащихся могут наблюдаться разные типы билингвизма. Например, для учащихся каракалпакской школы достаточно типичен (хотя и далеко не обязателен) коррелятивный билингвизм. Коррелятивный билингвизм наблюдается у тех детей, в семьях которых русский язык используется как второй родной, однако вне семьи они по преимуществу находятся в каракалпакской либо узбекской языковой среде. Одновременно с этим у другой, значительно большей, части учащихся наблюдается субординативный билингвизм. Ясно, что это влечет за собой неоднородность обучаемого контингента, т.к. в одном и том же классе могут находиться носители каракалпакско-русского билингвизма различных типов. Степень проявления и качество лингвистической интерференции у разных учащихся в таком случае также оказываются различны, и это порождает необходимость в дифференцированном подходе к учащимся, т.е. тем самым возникает насущная необходимость в развитии индивидуализированного, личностно-ориентированного подхода к обучению русскому языку.

Интересно отметить тот факт, что отечественный исследователь Ж.Ж. Жалолов помимо лингвистической интерференции рекомендует выделять также культурологическую и методическую интерференцию: «При овладении культурой носителя языка также проявляется так называемая культурологическая интерференция, преодоление которой представляет лингводидактическую важность» [Жалолов2021]. Под методической интерференцией Ж.Ж. Жалолов, очевидно, понимает влияние накопленного учащимся на предшествующих этапах образования опыта изучения родного языка, а также иностранных языков на процесс изучения неродного языка.

Устойчивость этого подхода к дифференциации языкового материала объясняется самой логикой устройства языка как системы систем. При этом базовая терминология этих разделов сохраняется в ГОСах, программах и учебниках и может активно применяться на занятиях.

Практическая фонетика и интонация как отдельный языковой аспект в обучении РКН и РКИ по сути включает в себя результаты «минимизации» (по терминологии Л.А. Новикова) таких разделов русского языкознания, как графика, орфография, фонетика, фонология, орфоэпия.

Такой языковой аспект, как практическая грамматика в системе обучения РКН и РКИ включает в себя результаты «минимизации» таких разделов русского языкознания, как морфемика, словообразование, морфология и синтаксис.

Наконец, словарная работа представляет собой аспект, в рамках которого рассматриваются общая характеристика лексического состава русского языка применительно к практике преподавания РКИ.

Обобщая изложенное, можно сказать, что методика РКН и РКИ опирается на русское языкознание как на свою естественную методологическую основу. Однако при этом лингвистические знания не используются в лингводидактике напрямую, а в значительной мере лишаются свойственной им детализации, подвергаясь рациональному упрощению и обобщению. В этом смысле лингводидактика обращена к академическому языкознанию

ровно так же, как, например, школьный курс биологии обращен к многочисленным биологическим дисциплинам, существующим на сегодняшний день.

В той же мере, что лингвистические, важны для современной методики преподавания РКН и РКИ ее психологические основы.

Литература

1. Государственный стандарт и учебная программа по русскому языку для школ общего среднего образования с узбекским и другими языками обучения (2-9 классы); родному языку для школ общего среднего образования с русским языком обучения (1-9 классы); литературе для школ общего среднего образования с русским языком обучения (1-9 классы). – Ташкент, 2017. – 251 с.
2. Жалолов Ж.Ж. Интерференция в методике обучения неродному языку // “Ўзбекистонда хорижий тиллар” илмий-методик электрон журнал №5–6/2017 (Электронный ресурс) – URL <https://journal.fledu.uz/ru/interferentsiya-v-metodike-obucheniya-nerodnomu-yazyku> (дата обращения: 05.11.2021).
3. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 685 с.
4. Методика преподавания русского языка иностранцам / Под ред. С.Г. Бархударова. – М., 1967. – 308 с.
5. Новиков Л.А. Лингвистические основы методики преподавания русского языка как иностранного // Русский язык за рубежом. – 1976. – № 2. – С. 54-58.
6. Общеευропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка. Департамент по языковой политике, Страсбург. 2001 / Перевод под общ. ред. Проф. К.М. Ирисхановой – М.: МГЛУ, 2005. – 248 с.
7. Юсупов У.К. Теоретические основы сопоставительной лингвистики. – Ташкент: Фан, 2007. – 125 с.

КАЗОРИНА А.В.

Иркутский государственный университет

МОТИВИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА *ВОЛАНД* В РОМАНЕ М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Статья посвящена анализу мотивирующих признаков концепта *Воланд* и их объективации в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Автор анализирует признаки концепта на основе материалов этимологических словарей и рассматривает их реализацию в художественном тексте М.А. Булгакова.

Ключевые слова: индивидуально-авторская картина мира, мотивирующие признаки, концепт, М.А. Булгаков, роман «Мастер и Маргарита»

Текст художественного произведения представляет собой особый мир, особенность которого – отражать точку зрения писателя, его миропонимание. Эта точка зрения представлен в системе использованных автором концептов, которые в свою очередь моделируют индивидуально-авторскую картину мира.

Ключевыми концептами в литературном произведении являются имена персонажей – онимы, которые реализуют мотивирующие признаки, понятие, художественный образ и символ [Маслова, Пименова 2023; 51].

В романе М.А. Булгакова оним *Воланд*, по мнению исследователей, является заимствованным из трагедии И.В. Гете «Фауст». Впервые это отметил И.Ф. Бэлза: «... имя это взято Булгаковым из «Вальпургиевой ночи, из возгласа Мефистофеля: *Junker Voland kommt*» [Бэлза 1978; 156]. Впоследствии ряд литературоведов (Б. Соколов, Л. Яновская, Е. Багирова и др.) обращались к вопросу источника данного онима, уточняя те авторские смыслы, которыми он наделяется в тексте романа. Исследователи утверждают, что имя *Воланд* – это имя черта, дьявола: «в нем слышны имя Вотана, и средневековые имена дьявола – Ваал, Велиал, и даже русское «дьявол»... Единственно, что сделал М.А. Булгаков, – заменил в этом имени букву «фау» (V) – на букву «дубль-ве» (W)» [Багирова].

Привлечение к исследованию материалов этимологических словарей поможет выявить мотивирующие признаки концепта, реализуемые в ониме *Воланд*, что в свою очередь даст возможность расширить и уточнить те авторские смыслы, которыми в контексте романа наделяется имя героя. Анализ этимологических словарей позволяет утверждать, что оним *Воланд*, использованный М.А. Булгаковым, реализует смыслы и значения, свойственные не только именованиям черта, но и именам языческих божеств, встречаемым в различных культурах.

Нами были рассмотрены немецкие историко-этимологические словари, в которых представлены значения онима *Воланд* и его исторические связи (см. Табл. 1).

Табл. 1. Наличие мотивирующих признаков концепта-онима «Воланд» в немецких историко-этимологических словарях

	Etymologisches Wörterbuch der deutschen sprache	Pierer's Universal-Lexikon	Universal-Lexikon	Die deutsche Rechtschreibung	Wikipédia en Français
Дьявол, черт, сатана	+	+	+	+	+
Ужасный, наводящий ужас, разрушающий, пугающий	+	-	+	-	-
Злой	-	+	-	-	-

Первый мотивирующий признак *дьявол, черт, сатана* (Teufel) актуализируются во всех рассмотренных словарях и восходит к средневерхнемецкому языку (*vālant*) и среднему нижнемецкому диалекту (*valant, volant*). В других словарях отмечается указанное устаревшее значение онима с вариантами написания *Валанд, Волант, Волланд, Валант*.

Второй мотивирующий признак, согласно сведениям «Этимологического словаря немецкого языка» и «Универсального лексикона» определяется значением «ужас», «наводящий ужас», «запугивать», «зловещий» и др. Оним относится к словарному запасу XII в. и предположительно является причастием от древнеисладского *fæla* «отпугивать», «пугать» или от *fælinn* – «пугающий», также оним может быть связан со староанглийскими *ealfelo, ælfæle* – «ужасный, зловещий, наводящий ужас». Прагерманский корень данного слова родственен славянскому глаголу *plašiti* – «ужас». «наводящий ужас», «разрушающий».

Третий мотивирующий признак упоминается только в «Универсальном лексиконе Пьера»: оним *Воланд* связан с текстами средневерхнемецких поэтов в значении «злой».

Родственные связи онима можно обнаружить в латинском глаголе *fallo* в значении «вводить в заблуждение, обманывать», «сбивать с ног, заставлять скользить, ронять», «не исполнять, не сдерживать, нарушать», «делать недействительным, отводить», «подделывать», «укрывать, оставаться незамеченным», «скрывать».

В романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» Воланда называют дьяволом и чертом только в главе 30: в подвальчике мастер и Маргарита вспоминают прошедшую ночь. Мастер задает вопрос: «Ты серьезно уверена в том, что мы вчера были у сатаны?» [Булгаков 2012; 383] Маргарита в ответ признается: «...черт знает, что такое, и черт, поверь мне, все устроит!» [Булгаков 2012; 383]. В 13 главе романа в разговоре с Иваном Бездомным мастер называет Воланда сатаной: «Вчера на Патриарших прудах вы встретились с сатаной» [Булгаков 2012; 143]. В 23-ей главе романа М.А. Булгакова, которая называется «Бал у сатаны», Никанор Иванович, сосед Маргариты, требует справку о том, где он провел ночь, текст справки диктует кот Бегемот Гелле: «Сим удостоверяю, что предьявитель сего

Николай Иванович провел упомянутую ночь на балу у сатаны» [Булгаков 2012; 304]. Начало 29 главы романа «Мастер и Маргарита» описывает Воланда как сатану: «Тень шпаги медленно и неуклонно удлинялась, подползая к черным туфлям на ногах сатаны» [Булгаков 2012; 376]. И, наконец, в последней 32 главе романа Воланд смеется сатанинским смехом в ответ на отчаянное требование Маргариты отпустить Понтия Пилата. Таким образом, в романе М.А. Булгакова по первому мотивирующему признаку преобладает номинация «сатана».

Второй мотивирующий признак имени *Воланд*, связанный со значением «страх, ужас, пугающий, зловещий», реализуется в его образе с первых страниц романа: появление героя предваряется характеристикой странностей «страшного майского вечера». Ужас заставляет Берлиоза закрыть глаза, испытывать тревогу и дрожь: «он попытался усмехнуться, но в глазах его еще прыгала тревога, и руки дрожали». Ужас перед Воландом и его синклитом иной природы – он беспричинный, в отличие от ужаса, который испытывает вагоновожатая, увидев на рельсах поскользнувшегося Берлиоза, или страха-спрута мастера, который переживает травлю критики. Степан Лиходеев, увидев свою подпись на контракте с Воландом, коченеет: «Что же это такое?!» – подумал несчастный Степа, и голова у него закружилась. Начинаются зловещие провалы в памяти?!» [Булгаков 2012; 89].

Реализация значения латинского глагола «*fallo*» (обманывать, вводить в заблуждение, путать), родственного ониму *Воланд*, находит свое воплощение в описании погони Ивана Бездомного за неизвестным иностранцем. Представление в Варьете обернулось обманом и разоблачением москвичей: дамские наряды исчезли, а деньги превратились в этикетки. Несмотря на это, обман Воланда разоблачает ложь и обман москвичей в прямом и переносном смысле: гражданки в нижнем белье после представления в Варьете, всеобщее разоблачение личной жизни Семплеярова, истинные причины приезда из Киева дяди Берлиоза. В финале романа сама природа разоблачает обман Воланда и его синклита: «Ночь густела, летела рядом, хватала скачущих за плащи и, содрвав их с плеч, разоблачала обманы» [Булгаков 2012; 398].

Третий мотивирующий признак концепта *Воланд* – «злой» реализуется через восприятие деятельности Воланда и его шайки другими персонажами романа: «Злодейская же шайка к тому же здесь решила применить излюбленный бандитский прием – уходить врассыпную» [Булгаков 2012; 55]. Со злобой реагируют москвичи на проделки свиты Воланда: Римский злобно поглядывает на афишу с предстоящим представлением, злобно оценивает поведение Лиходеева, который не явился на работу. «Зло» Воланда оборачивается благом, как это и заявлено в эпиграфе к роману: недобросовестные граждане наказаны, страдающие, любящие и талантливые вознаграждены.

Таким образом, можно говорить о бинарности мотивирующих признаков концепта *Воланд* в романе, это объясняется особенностями рассматриваемого онима, ориентированного на миф. Первый мотивирующий признак концепта *Воланд* дополняется и уточняется другими признаками, реализованными в значениях «злой», «обман», «страх». Все эти признаки, свойственные не только Воланду и его свите, но и москвичам, которые встречаются с магом. При взаимодействии с ними значения, проявляющие мотивирующие признаки, в отношении Воланда меняются на противоположные, что, в свою очередь, формирует авторское содержание рассматриваемого концепта.

Литература

1. Etymologisches Wörterbuch der deutschen sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de/d/wb-etymwb> (режим доступа: 29.09.2023)
2. Fallunt [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lingvolive.com/ru-ru/translate/la-ru/fallunt> (режим доступа: 29.09.2023)
3. Voland // Die deutsche Rechtschreibung [Электронный ресурс]. URL: <https://rechtschreibung.de.de-academic.com/125229/Voland> (режим доступа: 29.09.2023)

4. Voland // Pierer's Universal-Lexikon [Электронный ресурс]. URL: <https://pierer.de-academic.com/84754/Voland> (режим доступа: 29.09.2023)
5. Voland // Universal-Lexikon [Электронный ресурс]. URL: https://universal_lexikon.de-academic.com/133127/Voland (режим доступа: 29.09.2023)
6. Voland // Wikipédia en Français [Электронный ресурс]. URL: <https://fr-academic.com/dic.nsf/frwiki/1524796> (режим доступа: 29.09.2023)
7. Багирова Е.П. Эволюция антропонимикона в текстах разных редакций романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». [Электронный ресурс]. URL: <http://m-bulgakov.ru/publikacii/evolyuciya-antropnimikona-v-tekstah-raznih-redaksiy-romana-bulgakova-master-i-margarita> (режим доступа: 20.07.2023)
8. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита: роман. М.: АСТ: Полиграфиздат; СПб.: Астрель-СПб, 2012. 414 с.
9. Бэлза И.Ф. Генеалогия «Мастера и Маргариты» // Контекст – 1978. Литературно-теоретические исследования. М. Наука, 1978. – С. 156-266.
10. Маслова В.А., Пименова М.В. Индивидуально-авторская картина мира: концептуальный подход : учебное пособие. СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2023. 255 с.

КАРИМХОДЖАЕВ Н.Ш.

*Каракалпакский государственный университет имени Бердаха,
Республика Узбекистан*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ РУССКОГО И КАРАКАЛПАКСКОГО ЯЗЫКОВ

Статья посвящена некоторым проблемам взаимовлияния русского и каракалпакского языков. В частности, в статье отражены вопросы образования новых слов в каракалпакском языке путем калькирования русских слов и словосочетаний.

Ключевые слова: калька, калькирование, структурно-семантическое калькирование, семантическое калькирование, взаимовлияние и взаимодействие языков.

В конце XX и начале XXI века значительно расширились общественные функции русского литературного языка. Не являясь обязательным государственным языком, не вытесняя государственные национальные языки, русский язык стал для всех наций и народностей постсоветского пространства языком межнационального общения и сотрудничества. Как единое средство общения стран СНГ и ЕАЭС он на сегодняшний день обеспечивает взаимопонимание граждан различных национальностей во всех сферах производственной и общественной жизни, служит обмену экономической, политической и духовной информацией, научно-техническими и культурными достижениями, способствует взаимообогащению национальных культур и языков.

Тот факт, что 2023 год объявлен Годом русского языка и литературы в странах Содружества Независимых Государств, подчеркивает актуальность тех вопросов, которые рассматриваются в нашей статье.

Еще одной характерной стороной развития современного русского литературного языка в период XX столетия является взаимовлияние и взаимообогащение его с другими национальными языками. Вследствие этого, путем заимствования слов, терминов и словосочетаний современного русского литературного языка получило бурное развитие лексика некоторых национальных литературных языков. К ряду аналогичных национальных языков уверенно можно отнести и современный каракалпакский литературный язык.

Процесс взаимодействия и языковых контактов между русским и каракалпакским языками имеет давние исторические корни.

Вскоре после присоединения Российской империей Хивинского ханства в 1873 году основная часть Каракалпакии вошла в состав России. На территории Каракалпакии были основаны город Петро-Александровск (нынешний г. Турткуль) и Нукуская крепость (нынешняя столица республики г. Нукус), созданы административные и военные

учреждения, открыты медицинские пункты и школы. Этот процесс, естественно, был связан с переселением сюда русских. Непосредственное языковое общение сопровождалось в проникновение в речь местного русского населения каракалпакских слов.

Бесперывное пополнение словарного запаса новыми лексическими единицами является одной из закономерностей развития языка, которое непосредственно или косвенно связано с развитием общества.

Длительное историческое развитие каракалпакско-русских языковых контактов на основе социально-экономических, общественно-культурных и других связей между народами, раскрыла внутренние потенциальные возможности каракалпакского языка, привели к формированию нового, творческого типа лексического заимствования, так называемого калькирования.

Калькирование – это образование новых слов путем использования внутренних возможностей самого языка под непосредственным влиянием семантики и структуры другого языка.

В каракалпакском литературном языке заимствования слов путем калькирования начались, в основном, 20-30-х годах XX столетия и этот процесс впоследствии развивался широко. Путем калькирования образовывались новые слова на основе русских и интернациональных слов. Следовательно, образование новых слов и обогащение путем калькирования лексики каракалпакского литературного языка были под воздействием русского языка и через него других языков. В современном каракалпакском литературном языке калькирование является продуктивным методом заимствования слов и играет важную роль в развитии лексики. В начале XX века многие общественно-политические, научно-технические термины вошли в лексику каракалпакского языка методом калькирования. Тем не менее, и на сегодняшний день вопросы образования калек в современном каракалпакском языке путем заимствования русских слов и словосочетаний, их роль в развитии лексики, вопросы особенностей их употребления и классификации калек остаются актуальными проблемами в современном каракалпакском языкознании и в определенной степени ожидают своего решения. Обсуждаемые в данной статье вопросы отчасти призваны восполнить имеющиеся пробелы по этой проблематике.

В каракалпакском языкознании вопросы калькирования до сих пор не изучены на должном уровне, только в некоторых работах поверхностно рассмотрены в связи с другими проблемами. В современном каракалпакском языке первоначальные точки зрения, освещающие вопросы калькирования приводятся в работах Д.С.Насырова [Насыров 1990; 52], Е.Бердимуратова [Бердимуратов 1994; 188], Р.Есемуратовой [Есемуратова 1966; 101], К.Кошанова [Кошанов 1988; 92], А.Пирниязовой [Пирниязова 1986; 22], М.Курбанова [Курбанов 1984; 24].

В настоящее время заимствование слов из русского в каракалпакский язык более стабилизировалось. Сейчас существует в основном два источника пополнения лексики каракалпакского языка новыми понятиями:

- 1) использование внутренних ресурсов языка, которые в свою очередь включают: словообразование, калькирование;
- 2) прямое заимствование новых слов, как правило, из русского или через русский язык из других языков мира.

На проникновение русских и интернациональных слов в каракалпакский язык влияют следующие факторы: 1) отсутствие эквивалентного слова – значения в системе каракалпакского языка: *революция, танк, комбайн, аспирант, студент, автомат, грамматика* и др; 2) тенденция к замене двухчленного или многочленного наименования

одночленным: *афоризм – жуўмақланған ойды билдиретугын қанатлы сөз, корректор – қәтелерди дүзетиўши адам* и др.

Приток прямых заимствований, в основном, шел по следующим тематическим направлениям:

1) лексические элементы, относящиеся к общественно политической жизни – *партия, идеология, республика, демократия, депутат* и др;

2) терминология естественно-технических наук – *автоматика, ядро, электрон, химия, физика, математика, минерал, кибернетика, плазма* и др;

3) наименования из области промышленности, сельскохозяйственного производства – *индустрия, завод, фабрика, трактор, комбайн, цех, шахта, сеялка, бригадир* и др;

4) термины видов транспорта и связи – *самолет, вертолет, автобус, телеграф, телефон, радио, телевизор, магнитофон, студия* и др;

5) названия учреждений, учебных заведений – *комбинат, филиал, институт, университет, колледж, кафедра* и др;

6) наименование профессий – *шофер, механизатор, инженер, оператор, режиссер* и др;

7) военные термины – *танк, миномет, лейтенант, капитан, майор, гарнизон, ракета, автомат, бомба* и др;

8) названия единиц измерения, расстояния, веса – *километр, метр, брутто, гектар, куб, миллиграмм, центнер* и др;

9) спортивные термины – *бокс, волейбол, футбол, теннис, баскетбол, гроссмейстер, стадион, дзюдо* и др;

10) медицинские термины – *витамин, наркоз, операция, палата, диспансер, анальгин, бронхит, глюкоза, йод, бальзам, фельдшер* и др;

11) термины искусства – *киноактер, кинофильм, экран, кадр, балет, эстрада, миниатюра* и др;

12) термины гуманитарных наук – *проза, роман, археология, повесть, педагогика, философия, атеизм, этика, эстетика* и др.

Вопрос взаимодействия языков является совокупностью ряда социальных, психологических и лингвистических проблем. Языковые явления в своей основе определяются социальными факторами.

Как уже отметили, в результате исторического, социально-экономического и культурного взаимодействия в каракалпакский язык вошли многие слова русского языка и посредством него интернациональные слова. Это движение, в свою очередь, стало причиной развития каракалпакского языка на основе внутренних ресурсов.

В этой связи профессор Д.С. Насыров пишет: «Обогащение лексического состава из ресурсов самого каракалпакского языка, во-первых, шло путем переосмысления, расширения и обновления значений старых слов; во-вторых, путем калькирования слов и выражений русского языка; в-третьих, использованием способа словосложения, сложносокращенных слов; в-четвертых, способом аффиксации и использования служебных и вспомогательных слов» [Насыров 1971; 18].

При обращении словарному богатству всякого языка в нем можно заметить многие заимствованные слова и словоформы вследствие взаимодействия и взаимосвязи с другими

народами. Это связано с определенными потребностями. Потому что, слова в качестве наименований новых предметов, явлений, движений, обозначений, событий, возникающих в жизни народа, образуются не только за счет внутренних возможностей языка, но и за счет внешних ресурсов, т.е. при не удовлетворении внутренних возможностей языка возникает процесс заимствования слов из других языков. Поэтому всякий язык постоянно бывает в контакте с другим языком, они взаимодействуют друг с другом.

На основе вышеуказанных мнений о заимствованиях путем калькирования в современном каракалпакском языке можно сделать следующие выводы:

Кальки – это новые слова и словосочетания, образованные полным или частичным использованием словообразовательных средств родного языка, под воздействием значения и структуры иноязычных слов или словосочетаний в определенных исторических и социальных условиях межъязыковых контактов.

Процесс калькирования – наиболее сложная и высшая форма заимствования слов, при которой, с одной стороны, образуются новые лексические единицы по модели, существующей в языке, из которого происходит заимствование, с другой стороны, путем семантического развития происходит обогащение существующих в заимствующем языке слов с новыми значениями. Конечно, это явление происходит под влиянием другого языка.

Литература

1. *Баскаков Н.А.* Современное состояние терминологии в языках народов СССР // Вопросы терминологии. - М., 1961. - С. 61.
2. *Баскаков Н.А.* Вопросы развития литературных языков народов СССР. - Алма-Ата: 1964. - 235 с.
3. Взаимовлияние и взаимообогащение языков народов СССР. - М.: Наука, 1987. – 319 с.
4. *Есемуратова Р.* Октябрь хэм каракалпак лексикасы. - Нөкис: Қарақалпақстан, 1966. – 101 б.
5. *Коцанов К.М.* Русские заимствования в каракалпакском языке. – Нукус: Каракалпакстан, 1988. - 92 с.
6. *Курбанов М.* Русско-каракалпакские языковые контакты на лексическом уровне в условиях билингвизма.: Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. – Киев: 1984. – 24 с.
7. *Насыров Д.С., Коцанов К.* Проблемы двуязычия и многоязычия в Каракалпакии. – Нукус: Билим, 1990. - 52 с.
8. *Насыров Д.С.* Развитие языкознания в Каракалпакии. // Исследования по каракалпакскому языкознанию. – Нукус: Каракалпакстан, 1971. - С. 18.
9. *Палий А.К.* Калькирование как вид языкового влияния: Дисс. ... канд. фил. наук. – Кишинев: 1980. - 180 с.
10. *Пирниязова А.* Пути формирования и развитие общественно-политической лексики в современном каракалпакском литературном языке.: Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. – Ташкент: 1986. – 22 с.
11. *Шанский Н.М.* Лексические и фразеологические кальки в русском языке // Русский язык в школе, 1965. - №3. - С. 28-35.
12. *Шанский Н.М.* Лексикология современного русского языка. - М.: Просвещение, 1972. - 327 с.
13. *Шеломенцева З.С.* Взаимодействие русского и тюркских языков. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 1980. - 88 с.
14. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. - М.: Русский язык, 1987. – 750 с.
15. Русско-каракалпакский словарь. Под редакцией Н.А.Баскакова. - М.: Советская энциклопедия, 1967. – 1124 с.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ДЖ.Ф. КУПЕРА)

В статье рассматривается проблема переводческих соответствий, дается определение данному понятию. Проводится анализ переводческих соответствий в художественных произведениях американского писателя Дж.Ф. Купера согласно классификации В.Н. Комиссарова.

Ключевые слова: художественный текст, переводческие соответствия, язык, перевод, текст

Художественный текст – это тип текста, основной задачей которого является выделение поэтической или эстетической функции литературного дискурса. Отечественный ученый Ю.Б. Борев дает определение художественному тексту как «носителю концептуально нагруженной и ценностно ориентированной информации» [Борев 2022;123]. Во время чтения художественного текста, читатель становится частью творчества автора, так как информация, указанная в тексте, проходит через сознание реципиента.

Перевод художественной литературы имеет характерные отличия от других видов перевода, а также, обладает многочисленными уникальными особенностями. Помимо передачи информативной составляющей текста оригинала, данный вид перевода выполняет функции эстетического восприятия текста реципиентом: переводчик транслирует все эмоции, характер и значения в тексте, которые, по его мнению, читателю необходимо «ощутить» на ином языке.

Устойчивый интерес к «раскрытию» замысла автора в тексте оригинального произведения, а также достижение правильной передачи на ПЯ является актуальностью данной статьи. Предметом исследования выступают переводческие соответствия в романах американского писателя Джеймса Фенимора Купера. Цель исследования заключается в рассмотрении особенностей переводческих соответствий, которые появляются на страницах художественного текста автора. Задача исследования состоит в изучении понятия переводческие соответствия, а также, в исследовании единичных соответствий в аспекте перевода.

При передаче текста на ПЯ переводчик должен брать во внимание все единицы языка (особенно, такие как сравнение, метафора, игра слов, диалектизмы, ирония, идиомы и т.д.) и стремиться воплотить все в текстовой реальности для читательской аудитории, чтобы реципиент достиг «понимания смысла художественного текста» [Морозкина, Алтынгужин 2020; 158]. В результате работы переводчик получит не только эквивалентный текст на ПЯ, наполненный смысловой и структурной близостью к оригиналу, но также и эквивалентные высказывания, которые, в свою очередь, будут соотноситься с текстом оригинального произведения.

Практика перевода показывает, что определенные языковые единицы на регулярной основе воспроизводятся с ИЯ на ПЯ при помощи устоявшихся единиц. Языковая единица ПЯ, которая на регулярной основе используется для перевода единицы ИЯ, носит название переводческого соответствия [Комиссаров 1990;136].

В течение развития науки о переводе многие ученые и специалисты в области языкознания, такие как В.Н. Комиссаров, Я.И. Рецкер, В.С. Виноградов, Л.С. Бархударов и др., выдвигали и предлагали свои классификации переводческих соответствий. Отмечается, что классификации данных ученых имеют общее «ядро», но, несмотря на это, в них присутствуют много расхождений, которые отмечают спорные моменты при выборе того или иного переводческого соответствия.

Известный советский ученый в области языкознания и переводоведения Я.И. Рецкер выделяет следующую классификацию переводческих соответствий: эквиваленты, аналоги (вариативные соответствия) и адекватные замены [Рецкер 2004; 13]. В.Н. Комиссаров выдвигает свою классификацию, в которую входят следующие виды: единичные (постоянные) и множественные (вариантные), лексические, грамматические и фразеологические, одноуровневые и межуровневые, регулярные и нерегулярные (окказиональные), а также безэквивалентные (нулевые) [Комиссаров 1990; 140]. В данной статье мы будем придерживаться классификации В.Н. Комиссарова.

Согласно своей классификации В.Н. Комиссаров отмечает, что, ввиду того, что единицы переводческих соответствий могут находиться на разных уровнях, то необходимо различать одноуровневые и межуровневые соответствия. Часто переводческие соответствия достигаются между лексическими единицами одинакового уровня, например: на уровне фонем (*Signal - сигнал*), на уровне морфем (*trading-houses – торговые фактории*), на уровне слов (*wisdom-мудрость*), на уровне словосочетаний (*white clover – белый клевер*) и на уровне предложений (*he was not only American, but came from the part of Pennsylvania - он был не только американцем, но и происходил из графства штата Пенсильвания*).

Также, стоит отметить, что в своей работе «Теория перевода» В.Н. Комиссаров уделяет особое внимание единичным (постоянным) и множественным (вариативным) переводческим соответствиям. Согласно мнению ученого, под единичным соответствием необходимо понимать «наиболее устойчивый постоянный способ перевода данной единицы исходного языка» [Комиссаров 1990;139], который используется в большинстве случаев в тексте оригинала. Под категорию единичных соответствий входят термины, географические названия и имена собственные.

Отдельно необходимо уделить внимание безэквивалентным соответствиям, ввиду того, что они не имеют прямых соответствий на языке перевода. По мнению В.Н. Комиссарова данный вид лексических единиц чаще всего встречается среди слов, которые обозначают специфические понятия, неологизмы и национальные реалии и т.д. [Комиссаров 1990; 141]. Известные болгарские ученые С. Влахов и С. Флорин считали, что имена собственные входят в разряд безэквивалентной лексики, которые обладают собственными уникальными признаками и которым присущи приемы передачи текста в процессе перевода. В процессе работы с безэквивалентной лексикой переводчикам необходимо выбирать соответствующий окказиональный вариант перевода лексической единицы языка оригинала, так как в тексте перевода они выполняют в произведениях «колористическую функцию».

В данной работе мы рассмотрим некоторые виды переводческих соответствий и особенности их перевода, основываясь на произведения писателя XIX века Джеймса Фенимора Купера. Купер является одним из классиков американской литературы, перу которого принадлежат такие известные произведения как «Шпион», «Последний из Могикан», «Зверобой», «Красный Корсар» и др. Литературное наследие Джеймса Фенимора Купера по праву занимает одно из самых главных мест не только в литературе США, но также в мировой художественной литературе.

На страницах большинства своих произведений Купер изображал жизнь американского фронта, а также повествовал о своеобразии и уникальности обычаев, традиций и духовного мира индейцев Северной Америки. Далее рассмотрим примеры переводческих соответствий, которые присутствуют в художественных текстах Купера.

Согласно классификации В.Н. Комиссарова, как пример единичных соответствий, можем привести имена собственные, т.е., антропонимы, которые носили коренные жители североамериканского континента. В романе Дж. Ф. Купера встречаются следующие имена собственные индейцев: *Большой Лось (Elksfoot)*, *Быстрокрылый Голубь (Pigeonswing)*, *Большой Змей (The Great Snake)*, *Хитрая Лисица (Sly Fox)*, *Соколиный глаз (Hawk-eye)*, *Быстроногий Олень (The Nimble Deer)*, *Путер Скальп (Scalping Peter)*, *Дубовый Сук (Bough of the Oak)*, *Хорек (Weasel)*, *Воронье Перо (Crowsfeather)* и т.д. Как можно заметить,

индейские прозвища, которые использовались у племен, включали в себя объекты окружающей природы, флоры и фауны.

В жизни американских индейцев антропонимика тесно переплетается с их образом жизни, духовными ценностями и материальными предметами. Во время обряда имянаречения принимались во внимание следующие факторы: 1) принадлежность к определенному роду (род медведя, орла и т.д.); 2) на возраст и половую принадлежность; 3) социальный статус родителей; 4) на личные качества, которые преобладали у человека, а также, на его социальный статус. [https://www.booksite.ru/fulltext/russ_america/04_52.html].

Тесную связь индейцев с окружающим миром, духовным миром и миром мифов и легенд можно заметить в том аспекте, что в некоторых племенах было принято не давать имя новорожденному, а ждать определенного и судьбоносного момента в жизни, когда он сможет проявить свои способности. В этих тонкостях, которые присутствовали в обряде имянаречения, заключается глубокий философский смысл. Это в первую очередь было связано с тем, что родители боялись, что злые духи, услышав имя их ребенка, навсегда украдут его душу.

Далее разберем единичные переводческие соответствия на примерах из книг Купера. В романе «Последний из Могикан» у главного героя Натаниеля Бампо было несколько прозвищ: *Длинный карабин, Кожаный чулок, Соколиный глаз, Зверобой и Следопыт*. Прозвищем «Соколиный глаз» его наградила побежденный соперник из-за того, что у Натаниеля было безупречное зрение: «*We call him Hawk-eye for his sight never fails*» [<https://linguabooster.com/en/en/book/oak-openings-or-bee-hunter/>] – «*Мы называем его Соколиным Глазом, потому что зрение никогда не изменяет ему*» [http://az.lib.ru/k/kuper_d_f/text_0020.shtml], а также, за его меткость, благородство и честность в бою. В мифологии индейцев сокол занимает одно из почетнейших мест ввиду того, что данная птица ассоциируется у них с храбростью, наблюдательностью и благородностью. Согласно Большому толковому словарю, «сокол» - это 1) хищная птица с сильным клювом и длинными острыми крыльями, парящая при полёте; 2) мужчина, юноша, отличающийся удалью, отвагой, красотой [<http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>].

Близкого спутника и товарища Кожаного Чулка является индеец Чунгачук, чьим прозвищем было «*Большой Змей*» - «*Big Serpant*». В романе описывается, что данное прозвище он получил не за внешнее сходство с рептилией, а из-за того, что он умеет чувствовать все тонкости души человека и умеет подобраться к врагу незаметным образом, когда тот находится в полном неведении: «*...signifies big serpent, is really a snake, big or little; but that he understands the windings and turnings of human nature', and is silent, and strikes his enemies when they least expect him*» [http://az.lib.ru/k/kuper_d_f/text_0020.shtml].

В одном из эпизодов романа «Прогалины в дубровах или Охотник за пчелами» в ночное время проходит тайное собрание вождей разных племен. В ходе собрания Питер Скальп делает заявление, которое ставит под сомнение его верность общей идее кровавой мести бледнолицым. Одного из вождей зовут *Хорек (Weasel)* и после речи Питера Скальпа он начинает свой монолог следующим образом: «*...I am called the Weasel. I am an animal that creeps through small holes*» [<https://linguabooster.com/en/en/book/oak-openings-or-bee-hunter/>] - «*...недаром меня зовут Хорьком. Я то самое животное, которое пролезает в маленькие отверстия*» [https://librebook.me/progaliny_v_dubrovah_ili_ohotnik_za_pchelami/]. Вождь Хорек затем отмечает, что хорьки – это существа, которые живут своим умом и могут пролезать в любые отверстия. Тем самым, он хотел образно выразить, что замечает ту ложь, которую Питер Скальп хочет поведать всем великим вождям. В словаре Merriam-Webster дается следующее определение лексеме «*Weasel*»: 1) small slender active carnivorous mammal that are able to prey on animals larger than themselves; 2) a sneaky, untrustworthy, or insincere person [<https://www.merriam-webster.com/>]. Согласно определению можем отметить, что имя, данное вождю Хорек, никак не соотносится с определением, данным в электронном словаре.

Следующий тип переводческого соответствия, согласно В.Н. Комиссарову – это множественное (вариантное) соответствие. Данный тип соответствия характеризуется тем,

что у одной лексической единицы в языке перевода может быть несколько вариантов перевода, выбор между которыми определяется условиями контекста. В таком случае каждое вариативное соответствие только лишь отчасти способно передать смысл единицы из оригинального текста, которое является ей тождественным по значению [Комиссаров 1990: 150]. Например, английской лексеме «wood» в русском языке соответствует следующий ряд слов: *древесина, лес, дрова, роцца*. В словаре Merriam-Webster Dictionary дается следующее определение языковой единице «wood»: 1) the hard fibrous substance consisting basically of xylem; 2) wood suitable or prepared for some use; 3) a dense growth of trees; 4) something made of wood [<https://www.merriam-webster.com/>]. Таким образом, в множественном (вариативном) виде переводческого соответствия переводчикам необходимо обращать внимание и опираться на контекст.

Но порой бывает случаи, когда в тексте переводчик не может найти как единичные, так и частичные переводческим соответствиям лексическим единицам ИЯ, то в таких ситуациях используются нерегулярные соответствия или же контекстуальная замена (оказиональная), которая выступает «исключительным способом передачи единиц оригинала» [Комиссаров 1990; 152] только в данном контексте.

В одном из эпизодов романа «Прогалины в дубровах, или Охотник за пчелами» Бенджмин Боден, чтобы впечатлить своих спутников, начинает проводить безобидные «эксперименты» над пчелами. Главный герой специально помещает в прозрачный стакан насекомых, тем самым, показывая присутствующим действия пчел, которое ранее им было неизвестно. Как только одна из пчел всецело поглощается процессом поедания меда, автор утверждает, что она ни на кого больше не обращала внимания, кроме как на «неожиданно свалившегося на нее сладкого сокровища» [https://librebook.me/progaliny_v_dubrovah_ili_ohotnik_za_pchelami/] – «bestowed on this unlooked-for hoard of treasure» [<https://linguabooster.com/en/en/book/oak-openings-or-bee-hunter/>]. Существительное *hoard* имеет следующее значение, согласно Merriam-Webster Dictionary: a supply or fund stored up and often hidden away [<https://www.merriam-webster.com/>]. В словаре Cambridge Dictionary дается касательно данной лексемы определение следующего вида: a large, secret supply or collection of something [1. <https://dictionary.cambridge.org/>]. Таким образом, исходя из толкований данного слова в двух разных источниках, можно прийти к выводу, что ни одно из толкований не в силах передать лексему красочно в данном контексте. В этом случае переводчики Р.Ковалева и М. Солодовник подобрали оказиональное соответствие, которое бы эстетически передало данную языковую единицу в этом предложении. Хотя возможен перевод «hoard of treasure» как «запасы сокровищ», но переводчики решили воздействовать на эмоциональную составляющую читателя и для красочности восприятия решили придерживаться варианта «сладкое сокровище». Таким образом, может заметить, что творческая составляющая переводческой профессии играет ключевую роль при переводе произведений, особенно художественного характера.

Дж. Фенимор Купер в повествовании своих романов часто прибегает к использованию слов-реалий, которые характеризуют собой этнические общества, общности, а также их представителей. Согласно Большому толковому словарю термин «этноним» обозначает «название народа, национальности, племени» [<http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>]. Из-за увеличения интереса к изучению различных языков в XX веке начинает формироваться отдельная новая дисциплина в науке под названием этнолингвистика. Сохранение и формирование национальной и этнической культуры, а также, выражение культурных категорий в речевой деятельности – это является основным фокусом работы данной дисциплины. По мнению многих ученых, таких как И.Н. Белобородова, А.С. Герд и Г.Ф. Ковалевой, понятие «этноним» часто является тождественным лексической единице «этнос», т.е., племя, народность, нация. Согласно мнению А.С. Герда, язык является одним из ключевых характеристик и признаков этноса, так как благодаря ему отражается во многих аспектах его самосознание [Герд А.С. 2005; 30].

В начале произведения «Прогалины в дубровах, или Охотник за пчелами» автор знакомит нас с двумя представителями коренного населения североамериканского континента

«*The other red man was a young Chippewa, or O-jeb-wa*» [<https://linguabooster.com/en/en/book/oak-openings-or-bee-hunter/>] - «*Второй краснокожий был чиппева, или оджибве*» [https://librebook.me/progaliny_v_dubrovah_ili_ohotnik_za_pchelami/]. Большой интерес в нашем исследовании вызывают наименования двух племен индейцев: *чиппева* и *оджибве*. Переводчики романа Р. Ковалева и М. Солодовник дают следующий разъясняющий переводческий комментарий лексической единице «*оджибве*» - *один из наиболее многочисленных народов Северной Америки, прародина которых находилась к северу от озер Верхнего и Гурон. По языковой принадлежности относятся к алгонкинским народам.* В комментарии переводчиками не отмечается, что «*чиппева*» и «*оджибве*» - это наименования одного и того же народа. Данный народ считается «старшим братом» в союзной договоренности индейских племен, которое, также известно как «Союз трех огней», в состав которого входят такие народы как оджибве, оттава и потаватоми. Наибольшую известность народы оджибве принесли рассказы англоканадского писателя Арчибальда Стэнфелд Билэйни, по прозвищу Серая Сова (1888-1938), который, будучи лесником в провинции Онтарио, в течение семи лет жил по соседству с краснокожими. В конечном счете, его перу принадлежат такие романы как «Люди последней границы» (1931), «Саджо и её бобры» (1935), «Рассказы опустевшей хижины» (1936) и др, где он увековечил материальную и духовную культуру данного народа.

В переводоведении существуют различные классификации переводческих соответствий, и каждая из них занимает особое место в науке. В данной статье рассматривались переводческие соответствия по классификации, выдвинутой советским ученым В.Н. Комиссаровым. Согласно анализу текстов Дж.Ф. Купера, отмечается, что наибольшую сложность вызывает безэквивалентные соответствия, ввиду их отсутствия в культурной реальности ПЯ.

Стоит отметить, что переводческие соответствия не следует искать путем сопоставления единиц, которые занимают одно и то же место в системе исходного и переводящего языков – они извлекаются из контекстов равноценных с коммуникативной точки зрения ситуаций.

Таким образом, одной из ключевых проблем современного языкознания, лингвистики и переводоведения является проблема поиска перевода переводческих соответствий с ИЯ на ПЯ, как с теоретической, так и практической точки зрения. При передаче текста задача переводчика заключается в достижении максимальной схожести текста оригинала и перевода, беря во внимание такие факторы как структура, прагматика, семантика, а также, не забывая про эстетическое и смысловое наполнение текста.

Литература

1. Борев, Ю. Б. Эстетика [Текст] : учебник / Ю. Б. Борев. - М. : Высш. шк., 2002. - 511 с.
2. Герд А.С. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. – 268с. ISBN 5-288-03920-8 ББК 81.1
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. - М. : Высшая школа, 1990. - 253 с. - ISBN 5-06-001057-0.
4. Купер Дж. Ф. «Прогаины в дубровах или Охотник за пчелами»: роман/ пер. с англ. Р.М. Солодовник, М.Н. Ковалева. 1999 (URL: https://librebook.me/progaliny_v_dubrovah_ili_ohotnik_za_pchelami) (дата обращения: 12.10.2023).
5. Морозкина Е.А., Алтынгужин Т.Р., Моделирование «внутреннего-внешнего» в семиотическом художественном пространстве текста (на материале романа Д.Тартт «Щегол») // Вестник Баш. ун-та. 2020. Т. 25. №1. С.159
6. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М., 2007. С. 17.
7. Cooper J.F. The Oak Openings, or the Bee-Hunter / J.F. Cooper. (URL: <https://linguabooster.com/en/en/book/oak-openings-or-bee-hunter>) (дата обращения: 12.10.2023).
8. <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 01.10.2023).
9. <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 01.10.2023).
10. <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 01.10.2023).
11. <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>
12. <https://www.gutenberg.org/files/940/940-h/940-h.htm>
13. http://az.lib.ru/k/kuper_d_f/text_0020.shtml

14. https://www.booksite.ru/fulltext/russ_america/04_52.html

15. <https://dictionary.cambridge.org/>

КИРОВ Е.Ф.

Московский городской педагогический университет

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ В СОСТАВЕ ФИЛОЛОГОКУЛЬТУРОВЕДЕНИЯ

Статья посвящена лингвокультурологии, которая вместе с литературокультурологией составляет комплексную науку филологокультуроведения. Также рассмотрен статус лингвокультурологии сравнительно с другими гуманитарными науками.

Ключевые слова: культурология, лингвокультурология, страноведение, лингвострановедение, литература, литературокультурология, филологокультуроведение, концепт, дискурс, текст.

Начнём с непреложной истины, что язык и культура взаимосвязаны. На наш взгляд, следует привлечь в этот круг дисциплин литературоведение. Мы различаем и отделяем друг от друга сходные понятия: такие как культурология как наука широкая о любой культуре (включая музыкальную и сельскохозяйственную и т.д.), с одной стороны, и лингвокультурология как наука теоретическая (о связи языка и культуры). Такое же разделение касается и пары других сходных наук: страноведение как наука более историческая, например, о гражданской истории Англии, с одной стороны, и лингвострановедение как наука лингвометодическая, рожденная в недрах преподавания РКИ, с другой стороны [Костомаров, Верещагин 1973]. Так, лингвокультурология служит теоретическим основанием для прикладной науки лингвострановедения, как справедливо считает В.В. Воробьев [Воробьев 2008]. Культурологии для внутреннего и внешнего обмена достаточно слов языка как универсальных хранителей культурных значений в словаре (при этом слова языка выполняют служебную функцию обмена информацией в сфере материальной, музыкальной и т.д. культуры). Лингвокультурология чаще сужает объём понятия «культура» и касается только духовной культуры, которая выражена не только словами языка, но и компрессионными средствами языка и литературной поэтики: пословицами, поговорками, фольклорными произведениями, классическими художественными и религиозными текстами/дискурсами, знаковыми названиями произведений и их персонажами, например, Евгений Онегин и т.д. Так лингвокультурология становится частью более общей науки и вместе с литературокультуроведением входит в состав филологокультуроведения как полной науки. Являясь частью научного представления о духовном строе страны изучаемого языка, культурология как наука обеспечивает лингвострановедение практическим методическим материалом, т.е. сведениями, наиболее важными по культуре изучаемого языка. Изучающий не только знакомится со словами, пословицами и поговорками, но и знаковыми литературными текстами культуры: эпосом, например, «Калевалой», «Беовульфом» или «Властелином колец», фольклором, классической литературой и т.д. Дело в хорошо поставленном виде доходит до знакомства с религиозными текстами (хотя бы частично). Из этого знания складывается знание концептосферы изучаемого языка и его менталитета, а также ЯКМ, которая целиком и полностью на этой культуре и языке построена (фактически речь должна идти о филологической КМ, а не только ЯКМ, т.е. о ФКМ). В.В. Воробьев вместе с В.М. Шаклеиным развивает лингвокультурологию как научную дисциплину и школу в РУДН, исходя из лингвострановедения как методической науки, которую предложили В.Г. Костомаров и Е.Н. Верещагин в институте им А.С. Пушкина.

В.В. Воробьев так определил специфику этой науки: «Лингвокультурология – комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании, отражающая этот процесс как

целостную структуру единиц в единстве языкового и внеязыкового содержания при помощи системных методов с ориентацией на современные приоритеты и установления» [Воробьев 2008: 37]. В.В. Красных добавляет, что лингвокультурология имеет дело с национальной картиной мира и языковым сознанием: лингвокультурология – дисциплина, изучающая проявления, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе. Она непосредственно связана с изучением национальной картины общества, языкового сознания и тесно связана с этнопсихолингвистикой [Красных 2002: 12]. Это же подчеркивают и другие культурологи. В.А. Маслова пишет: «Если культурология исследует самосознание человека по отношению к природе, истории, искусству и другим сферам его социального и культурного бытия, а языкознание рассматривает мировоззрение, которое отображается и фиксируется в языке в виде ментальных моделей языковой картины мира, то лингвокультурология имеет своим предметом и язык, и культуру, находящихся в диалоге, взаимодействии» [Маслова 2001: 9].

В решении этих задач лингвокультурология особо близка литературокультуроведению. Действительно, если есть лингвокультурология, то вторую половину комплекса составляет литературокультуроведение, ибо только вместе они составляют филологокультуроведение, т.е. образуют единую науку. Если пределы лингвокультурологии заканчиваются текстом/дискурсом, то пределы литературокультуроведения только начинаются с художественного текста и его актуализированного варианта дискурса: это тексты фольклора и литературные классические тексты, пословицы, сказки, загадки, романы и т.д. В объём литературокультурологии включаются далеко не все тексты, сюда входит вся национальная классическая литература и не входит то, что называется чтивом. Некоторые литературные тексты прямо иллюстрируют пословицы как единицы лингвокультурологии и называются пословицами (А.Н. Островский). В некоторых случаях в языке просто нет пословиц (Чем меньше женщину...), и выдержки литературного произведения становятся крылатыми выражениями (А.С. Грибоедов и др.)

Филологокультуроведение (культура, отраженная в филологии) начинается с религиозных текстов/дискурсов: для христиан оно начинается с Нового Завета Библии, для иудеев – со Старого Завета Библии, для мусульман – с Корана и т.д., здесь они предстают и воспринимаются как литературные тексты/ дискурсы, что не мешает религиоведению их изучать особо как свой предмет.

Мы далеки от мысли, что в современном литературоведении нет того, что выделила лингвистика в виде особых наук. Скорее всего, в литературоведении присутствует в нерасчлененном виде и психолитературоведение, и социолитературоведение, и этнопсихолитературоведение, и литературокультуроведение и т.д., т.е. все разновидности науки, которые лингвистика выделила особо.

Предметом филологокультуроведения является (последуем в этом за В.В. Воробьевым, выделившим лингвокультурему), национально окрашенное поле филологокультурем, воплощенное в (образах – представлениях – понятиях) значений слов языка, а также и в компрессионных единицах языка, литературы и фольклора: пословицах, поговорках, идиомах, побасенках, загадках, прибаутках, сказках, песнях, эпосе, художественных текстах, религиозных текстах/дискурсах, как мы уже говорили, отражающих культуру народа в концептосфере и филологосфере, т.е. филологической картине мира ФКМ, построенной по образцу ЯКМ, но которая шире, включает в себя не только лингвокультуремы, но и литературокультуремы и филологокультуремы, которые и составляют в сумме ФКМ. Мы уверены, что в ФКМ следует различать концепт и понятие, и прежде всего, потому, что это единицы разных сфер: понятие – единица текста, а концепт – это единица дискурса, т.е. актуализированная единица, а дискурс сам представляет собой актуализированный текст. Концепт – это ситуативно актуализированная в дискурсе информационная единица знания о предмете.

1. Иногда достаточно лишь намекнуть на денотат, использовав для этого только образ (ментальное фото) объекта – и это тоже будет актуализированный концепт объекта

(например, *положи книгу на стол!* – здесь многие РП «стола» как полного понятия нейтрализованы). 2. Представление о предмете – это профанное знание о предмете, умение им лишь пользоваться, например, столом, не представляя, из чего он сделан. 3. Понятие – это полное научное знание о предмете, например, полное понятие о столе включает периферийную сему совместного вкушения пищи, что в перспективе христианской ментальности приводит к образу св. Троицы. И такая или подобная полная информация входит в концепт и понятие «стол», если концепт совпадает с понятием при своей актуализации в национальном и субъективном дискурсе.

Так, соотнесенный с информацией о предмете концепт может по объёму равняться и самому полному понятию 1, наивному представлению 2 (Ю.Д. Апресян и др.) или просто образу 3 (ментальной фотографии) предмета, т.е. актуализироваться в том или ином (одном из трех) качестве. В этом случае концепт близок к тому, что называется смыслом слова и придает ему конкретность при коммуникативной актуализации, которая означает введение денотата в актуальный контекст высказывания. Концепт, будучи объективным, обретает и субъективность в понимании диктума и модуса (Ш. Балли). В целом это триединство объекта (образ-представление-понятие) и составляет десигнат означающего и обязательно входит в значение слова в субъективной и национальной окраске (в модусе), при этом образ тесно связан с прообразом, с денотатом, т.е. самим предметом. Третья сторона значения – знак (устный или письменный), служит для обозначения предмета в речи, будучи обязательно материальным.

Все в языке объединено словом и дискурсом, которые имеют культурную коннотацию, если это культуруносное слово или дискурс, пословица или поговорка и т.д. (т.е. любая филологокультурема). Мы должны дать в итоге определение филологокультуремы (ФК). Итак, ФК – это первопонятие и/или перводискурс народа, которые понимаются всегда одинаково на протяжении веков и порождают в любую эпоху прецедентные тексты и дискурсы (А.Н. Веселовский и др. специалисты по исторической поэтике); ФК воплощаются в слове языка, ФЕ, дискурсе/тексте, фольклорных текстах, классических литературных произведениях, театральных и кинематографических постановках, произведениях интернета (сетературе, блогосфере и т.д.), сайтах и компьютерных играх и других культуруносных продуктах интернета. Каждая эпоха сохраняет старые и порождает новые филологокультуремы, которые в целом очень многолики, имеют субъективный и национальный характер и образуют менталитет нации и ФКМ в целом, но включают в себя и общечеловеческие семы и темы, т.е. входят и обогащают общечеловеческую филологокультуросферу.

Литература

1. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология. – М.: Изд-во РУДН, 2008. – 340 с.
2. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. — 208 с.
3. *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: «Гнозис», 2002. — 284 с.
4. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М., 1973. – 232 с.

КИРОКОСЬЯНЦ Г.А.

Даллас колледж

ПРЕПОДАВАНИЕ И ВЗАИМОПОНИМАНИЕ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация: В данной статье описывается возможность управления огромным потенциалом, заложенным в диверсивности межкультурных отношений при понимании механизмов мыслительных процессов в поликультурной среде.

Ключевые слова: мультилингвизм, поликультурный, лингвокультурология, культурный код, фрейм.

Мир меняется с бешеной скоростью и расширяющийся космос разнообразных культур создает неисчерпаемые возможности и является результатом позитивных социальных эволюций, приносящих обоюдное обогащение и преимущества, основанных на межличностном и межкультурном взаимоприятии и взаимоуважении. Межкультурные отношения являются одними из самых больших вызовов для современного преподавания в поликультурной и мультилингвальной аудитории, и одновременно открывают большие возможности для личного и профессионального роста. В диверсивности межкультурных отношений заложен огромный потенциал, так как она является результатом более чем суммой индивидуальных компонентов, составляющих вселенную разнообразных культур. Понимание мыслительного процесса мультилингвов при успешном использовании лингвокультурологического подхода делает преподавание успешным и взаимовыгодным. Язык и культура способствуют эффективности культурных адаптаций. Человеческий язык обслуживает многие функции социума, а также он обеспечивает средства, при помощи которых говорящие могут вкодировать дополнительные смыслы— образы, пробуждая и укрепляя адаптивные образы друг в друге. При интракультурном общении язык, жесты, и другие средства общения создают и укрепляют совместные миры образов. При помощи дискурса и дополнительных вкодированных смыслов люди создают адаптивные культуры и мировоззрения.

Поликультурные личности обладают множественными культурными мыслительными фреймами и они подключаются к каждой из них в зависимости от контекста ситуации, в которой они находятся. Под фреймом мы понимаем «особые унифицированные конструкции знания или связанные схематизации опыта» [Филлмор 1988; 54]. Момент переключения с одного культурного мыслительного фрейма на другой известен как *cultural frame switching* [Бенет-Мартинес 2002; 415]. Фактически, люди, говорящие на нескольких языках переключаются с одной культурной системы на другую, меняя языки, ибо язык— это культурная репрезентация личности. То есть, говоря на разных языках, мультилингвы переключаются с одной культурной системы фреймов (*cultural framework*) на другую. Исследования показывают, что поликультурные личности придерживаются более широкого спектра культурных ценностей, ассоциирующихся с родной культурой, чем монокультурные представители той же родной, изначальной культуры [Матцумото, Вайсман, Престон, Браун 1997; 746]. Вообще, для субординативных билингвов, чаще эмигрантов первой волны характерна кристаллизация культуры страны происхождения на том этапе, на котором остановилась ее развитие в сознании билингва, и это застывшая, закристаллизованная культура передается из поколения в поколение. Если через некоторое время сравнить иммигрантскую культуру с культурой страны происхождения, то выяснится, что иммигрантская культура, или культура данного микроэтноса будет больше соответствовать культурному стереотипу страны происхождения, чем современная культура на их исторической родине. Несмотря на то, что личности, принадлежащие к иммигрантским диаспорам, часто имеют мультикультурную идентичность, родная культура становится одной из наиболее сильных, продолжающих традицию и преемственность. Беннет-Мартинес предположила, что би- и полилингвы используют переключение кодов фрейма (*code frame switching*)— процесс, при котором поли- и билингвы переключаются с одной культурно-смысловой системой на другую, переходя с одного языка на другой и переключаясь туда и обратно [Бенет-Мартинес 2002; 415-516]. Но такое переключение культурного кода функционирует только при интегрированности в обе культуры. Мартинес полагала, что мозг билингва или полингва ориентируется, прокладывая пути между своими множественными культурными идентичностями, ориентируясь на контекстуальные сигналы. Если принять разделение языков на высоко-контекстные и низко-контекстные, важность контекстуальных сигналов тяжело переоценить. Русский язык так же, как и русская культура, относятся к высоко-контекстным. В своей речи, сознательно или несознательно, мы используем множество ссылок на произведения искусства, или исторические события, и, соответственно

, на определенные персонажи- психотипы из произведений классической русской литературы. Очень часто в средствах массовой информации мы можем встретить такие выражения как :” Это маниловщина какая- то!”, или : “чистой воды обломовщина!”. У человека, не знакомого с классической русской литературой происходит дисконект, и поэтому лингвокультурологический подход крайне важен на всех ступенях изучения русского языка и русского как иностранного приза. При общении с собеседником мы декодируем дополнительные культурные смыслы в сообщения. При полноценной беседе наш собеседник успешно декодирует наше сообщение. Этот процесс происходит при интракультурном общении, хотя недопонимание возникает и между людьми различных уровней образования или разных поколений, и дополнительный смысл, вложенный в сообщение, может и не считаться, хотя люди говорят на одном и том же языке. Интеркультурная или межкультурная коммуникация затрудняется еще и тем, что люди используют различные культурные коды.

Со временем язык микроэтноса претерпевает различные изменения и понятия нового общества вплетаются в основу родного языка или языка исторической родины, проследившая контроль над вербализацией. При постоянном переводе с родного на вновь приобретенный язык создается новый язык с привнесенными новыми значениями, образами, коннотациями, подсмыслами, жаргонами и диалектными словами членов данного микроэтноса. Состав каждого микроэтноса неоднороден. Условно называемый русский язык может быть вторым языком для граждан бывшего постсоветского пространства, то есть новая вариация включает в себя возможные слова из вторых родных языков . Учитывая наличие сленговых и диалектных слов мы уже имеем дело и не с бинарной, а может даже многокомпонентной связью между русским, вторыми “родными” языками, английским и неологизированной вариацией языка, то есть можно было бы назвать язык каждого отдельного “русского” языка микроэтноса микролектом, и он будет отличаться от той части новой страны проживания, в которой он употребляется.

Пересказывая слова собеседника, мы используем не только интралингвальный, но и кросскультурный перевод, который играет значительную роль социальной жизни любой человеческой группы. Кросскультурный или кросслингвистический перевод по словам У. Хэнкса [Hanks, 2014: 37], это— металингвистический процесс, происходящий в пространстве симметричных различий и производящий изменения в одном или обоих языках, накладывая на первичную картину мира вторичную картину вновь приобретаемого языка. То есть своеобразное отдрейфовывание и образование микролекта (языка локального микроэтноса) отдаляет традиционные смыслы и замораживает изначальный язык в определенном времени. Поэтому лингвокультурологический подход очень важен в обучении русского языка студентов из русскоязычных семей и просто людей, интересующихся русским языком и культурой. Использование лингвокультурологических словарей, знакомство с русской культурой и современным языком поможет вернуть знания языка и культуры в прежнее русло великого русского литературного языка. К сожалению, впервые предложенная как необходимая новая ветвь знания Лангакером в 1987 году “ cultural linguistics”, и тщательно выверенный и выстроенный конструкт новой науки - «теории о культурно-определяемой системе мысленных образов - культурной теории о лингвистическом значении»[Палмер 1996; 4], в монументальном труде Гэри Палмера ”По пути к теории культурной лингвистики” не получила такого развития как в европейском пространстве, или же в Австралии. Cultural linguistics получила более прикладной аспект в США и растворилась в методических пособиях для департаментов иностранных языков. Например, в методическом уложении от 2007 года язык, культуру и литературу рекомендуют преподавать как единое целое. Как реализуется данное указание? В основном, даются страноведческие объяснения и разделы на начальных этапах изучения языка, а также даются отсылки к культуре и истории страны изучаемого языка, а на уровнях интермедиат, на 3-4 году обучения предлагаются специализированные классы, такие как массовая культура, кинематограф, история или

литература изучаемого языка, часто заменяя языковые классы. В общем-то, гора родила мышь.

Литература

1. *Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М.: Прогресс. 1988. С. 52–92.

2. *Benet-Martinez V., Leu J., Lee F., & Morris M.* Negotiating biculturalism: Cultural frame-switching in biculturals with “Oppositional” vs. “Compatible” cultural identities // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2002.- №33, С.492–516.

3. *Benet-Martinez, V., & Waller, N.* The big-seven factor model of personality description: Evidence for its cross-cultural generality in a Spanish sample. // *Journal of Personality and Social Psychology*. -1995.- № 69.- С.701–718.

4. *Hanks W.* The Space of translation // *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. 2014. №4(2). -С. 19-37.

5. *Langaker Ronald W.* Foundations of Cognitive Grammar. vol.1. Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987

6. *Matsumoto D., Weissman M., Preston K., Brown, B., & Kupperbusch, C.* Context-specific measurement of individualism-collectivism on the individual level // *Psychology*. -1997. -№ 28. – С. 743–767.

7. *Palmer Gary B.* Toward a theory of cultural linguistics. Austin: University of Texas Press, 1996.-С. 3-77.

КОЛЕСНИКОВА Л.Н.

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ С МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИЕЙ И РИТОРИКОЙ

Статья посвящена рассмотрению взаимосвязи лингвокультурологии с межкультурной коммуникацией и риторикой, а также анализируется воспитательная роль гуманитарных наук в образовательной сфере. Автор определяет собственную позицию в данной проблеме.

Ключевые слова: лингвокультурология, риторика, межкультурная коммуникация, гуманитарные науки

21 век – это век расцвета гуманитарных наук, таких как: лингвокультурология, межкультурная коммуникация, риторика, культура речи, аксиология, психология, психолингвистика, социоллингвистика, этнолингвистика и др.

Гуманитарные науки изучают человека в сфере его духовно-нравственной, умственной, культурной и общественной речевой деятельности. Все эти науки взаимосвязаны, ибо они изучают «человека говорящего», «языковую личность» в различных ее проявлениях. Данные науки «ориентируются на новую систему культурных ценностей, выдвинутых новым мышлением, современной жизнью общества» (В.В. Воробьев). Важно заметить, что все зависит от систем ценностей, принятых в разных странах и обществах, а также от системы ценностных ориентаций личности, которая «состоит из следующих компонентов: 1) *когнитивного* (взгляды, мнения, убеждения, т.е. *познавательного* итога социального опыта личности); 2) *эмоционального* (степени значимости данной ценности для личности); 3) *поведенческого* (готовности личности к тому или иному виду деятельности)» [Воробьев 1997; 137]. Так, например, «русская культура определяется русской национальной личностью. Русскую национальную личность можно представить, как совокупность основных черт русской нации» [Там же].

Сегодня особенно важны и актуальны проблемы воздействия, взаимодействия, взаимопонимания и «общезития» разных людей в нашем общем Доме, на нашей планете Земля, проблемы культуры речевого общения. **Общение** и **общество** – это слова с одним корнем, родственные, взаимосвязанные понятия. Межкультурное общение зависит и от личной культуры человека и от культуры (субкультуры) какого-либо общества., представителем которого он является; от людей, которые живут и взаимодействуют,

общаются в различных коллективах и общественных сферах определенной страны и определенного государства.

В данной статье остановимся на рассмотрении взаимосвязи лингвокультурологии с межкультурной коммуникацией и риторикой, поскольку непосредственно работаем, прежде всего, в этих направлениях.

Лингвокультурология, основоположником которой является В.В. Воробьев [Воробьев 1990], выросла из *лингвострановедения*, родоначальниками которой были академик В.Г. Костомаров и Е.М. Верещагин [Верещагин, Костомаров 1990].

Лингвострановедение как автономная область лингвистических исследований сложилась в 1970-х годах с целью обеспечения научных основ презентации и активизации данных о стране и культуре изучаемого языка при помощи филологической методики преподавания.

На сегодняшний день в области лингвокультурологии активно работают выдающиеся ученые (В.В. Воробьев, В.А. Маслова, Л.Г. Саяхова и др.). *Лингвокультурология* – это *современная филологическая наука синтезирующего типа, изучающая факты взаимодействия языка, культуры и языковой личности*. Подчеркнем, что значимой составляющей лингвокультурологии является *языковая личность*, в которой и осуществляется взаимосвязь языка и культуры. Язык и культура живут в личности, сохраняя и передавая из поколения в поколение духовно-нравственные и интеллектуально-эстетические «гены» и ценности [Колесникова, 2013; 10]. Языковая личность, человек *говорящий/слушающий*, человек, который *общается*, проявляется, узнается, *семиотизируется* в общении: любое высказывание представляет собой мгновенное раскрытие характера, менталитета, культуры, всего опыта, намерений и чувств человека. Аксиомой стали классические высказывания: «*Заговори, и я скажу, кто ты*» (Сократ); «*Речь – это человек в целом. Мы слушаем не речь, а человека, который говорит*» (Квинтилиан); «*Я – то, что я говорю*» (М. Хайдеггер). Совсем не случайно возникли пословицы: «Все беды человека от языка его»; «Язык мой – враг (друг) мой».

В лингвокультурологической концепции язык рассматривается как духовное достояние народа, как феномен культуры, культурно-исторической среды, формирующей языковую личность. Языковая личность всегда маркирована по принадлежности к определенной профессии (преподаватель, бизнесмен, рабочий), по отношению к определенной культуре (субкультуре), по национальному признаку, ибо «*в душе каждого человека находится миниатюрный портрет его народа*» (Г. Фрейтаг).

Эти особенности современной языковой личности необходимо учитывать и в межкультурной коммуникации. **Межкультурная коммуникация** традиционно понимается как «общение между представителями различных культур с целью передачи, получения или обмена информацией. Межкультурная коммуникация характеризуется тем, что ее участники при прямом контакте используют специальные языковые варианты и дискурсивные стратегии, отличные от тех, которыми они пользуются при общении внутри одной и той же культуры» [Тер-Минасова, 2000; 14].

Однако заметим, что и внутри одной и той же культуры общаются люди, обладающие разным уровнем как общей, так и профессиональной, и личной культуры. В связи с этим необходимо говорить и о современном **межкультурном межличностном речевом общении**, о его ценностях и особенностях. *Культура общения – это общение культур собеседников*. Таким образом, при любом общении нужно учитывать индивидуальные, своеобразные речевые проявления своих собеседников, партнеров, друзей и т.д.

Этому же учит и риторика. *Риторика* – древнейшая наука, насчитывающая более 25 тысячелетий, в настоящее-происходящее время также получает новое дыхание. Мысли великих раторов, риторические учения и знания переживают своеобразный «бум» и активно используются нашими современниками. *Риторика* – это наука о нравственно-речевом, интеллектуальном и эстетическом воспитании личности. Риторика – это наука, изучающая путь от мысли к слову: «*Как сердцу высказать себя, Другому как понять тебя. Поймет ли*

он, чем ты живешь? Мысль, изреченная, есть ложь!»; «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить. У ней особенная стать, в Россию можно только верить» (Ф.И. Тютчев). Сегодня актуальны и такие строки: «*Давно пора, ... мать, умом Россию понимать!*» (И. Губерман). И с этим утверждением трудно не согласиться.

Современное *межкультурное речевое общение* имеет свои особенности, корнями, уходящими в античные времена. Аристотель, например, говорил, что «любая речь слагается из трех элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается; оно-то и есть конечная цель всего; (я разумею слушателя)». По мнению Аристотеля, именно *слушатель* является главным действующим лицом. Об этом писал и другой мыслитель: «определяющим критерием мастерства оратора является реакция *адресата речи*» (Ф. Прокопович). Поэтому так важно учитывать *личность* и оратора, и слушателя: их менталитет, культуру, характер, этнические и психологические особенности, их родную картину мира, их мировоззрение.

В современной ситуации межкультурного речевого общения надо обращать внимание на следующие моменты: *кто* говорит, *кому* говорит; *кто с кем* говорит, *с какой целью, о чем, где и как* говорит». Цель современного межкультурного общения - достижение общности, согласия и эффективного взаимодействия субъектов при уважении и сохранении неповторимой индивидуальности каждого из них.

Современная межкультурная коммуникация, основанная на диалоге культур, предполагает необходимые знания не только о представителях той или иной культуры, но и знания речевой культуры, этики, эстетики, психологии, лингвокультурологии, аксиологии, риторики.

В «Библии» сказано, что *только «от избытка чувств рождается слово»*. Значит, *что и как* мы говорим зависит от наших чувств, нашего характера, культуры, нравственности, ответственности, воспитанности, душевности и духовности, интеллигентности или ее отсутствия (грубости, неграмотности, невоспитанности, необразованности и т.д.).

Тот, *кто говорит, оратор* всегда в приоритете, ибо он оказывает огромное влияние на слушателей, на аудиторию. Как гласят русские пословицы, «*Речь – это в другого втечь*»; «*С кем поведешься, от того и наберешься*». Что мы отдаем, то и получаем в ответ: «*Как аукнется, так и откликнется*».

В современных условиях нашего бытия также судьбоносно изучение и формирование *гуманитарного склада ума*. Гуманитарное образование способствует развитию критического мышления, формирует ответственную гражданскую позицию, эмпатию, гуманность, ибо «*человек ощущает и мыслит именно душой*» (Аристотель). Именно *гуманитарий* как гуманный, чувственный, душевный, духовный, думающий, творческий, интеллигентный человек осознает, что существует «Другой», «Другие» люди, культуры, языковые картины мира, другой менталитет, другое мировоззрение и поведение. Гуманитарий способен с этим «Другим» осуществлять межкультурную коммуникацию, общаться, находить общий язык. Гуманитарий понимает условность любых представлений, включая, собственные. Он не просто «впитывает знания», но и совершенствует свое умение учиться, познавать себя и окружающий мир. Следовательно, именно *гуманитарные науки* способны воспитать ум и душу человека, его духовность, его способность к мирному диалогу: «*Быть, жить - значит общаться диалогически*», «*Быть, значит быть для Другого*» (М.М. Бахтин). Жизнь – это вечный диалог, это взаимодействие душевных и духовных сил, выраженных в словах, в речевых поступках, в любви, т.е. в отдаче себя. Например, истинная *мать* отдает себя детям, *преподаватель* – студентам [Колесникова 2019; 2021], *ученый* – науке, обществу.

Итак, лингвокультурология и другие гуманитарные науки взаимосвязаны и актуальны. Их своевременное изучение приведет к улучшению межкультурного общения, к взаимопониманию и взаимодействию людей на благо мира.

Литература

1. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. - 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Русский язык, 1990. - 246 с.
2. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология: (Теория и методы). - М.: РУДН, 1997. - 331 с.
3. *Воробьев В.В., Колесникова Л.Н.* Русское академическое красноречие: традиции и современность. - М., РУДН, 2020. - 236 с.
4. *Колесникова Л.Н.* Лингвокультурология. Языковая личность в аспекте диалога культур. Изд. 2-е с грифом УМО - Орел: ОГУ, 2013. 356 с.
5. *Колесникова Л.Н.* Образ современного университетского преподавателя в России. - Орел, ОГУ им. И.С. Тургенева, 2019. - 211 с.
6. *Колесникова Л.Н.* Риторическая культура современного российского преподавателя вуза. Изд.2-е, перераб. и доп. - М.: Флинта, 2021. - 292 с.
6. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. - М.: Слово / Slovo. 2000. - 146 с.

КОЛЬЦОВА Л.М., ЧИГИРЕВА Е.М.

Воронежский государственный университет

ВОРОНЕЖСКАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЭВРИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА: УРОКИ ПРОШЛОГО ДЛЯ БЛАГОПОЛУЧИЯ БУДУЩЕГО

Статья посвящена наследию педагогов-гуманистов пореформенной эпохи, заложивших основы обучения отечественной словесности. Рассматриваются методики нравственного и интеллектуального развития, принципы эвристического поиска при обучении русскому языку.

Ключевые слова: пореформенная эпоха, народное чтение, эвристическая школа, живое слово.

Изучение русского языка и приобщение детей с ранних лет к чтению и к письменной культуре является необходимым условием формирования нового поколения российских граждан, которым предстоит на высоком интеллектуальном уровне ответить на вызовы современности, обеспечить устойчивое развитие страны в ситуации усиливающейся глобальной конкуренции в экономике, политике, образовании, науке, искусстве и в других сферах.

В соответствии с Концепцией государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом (утв. Президентом РФ 3 ноября 2015 г.) русский язык является основой истории и культуры России; средством формирования позитивного образа Российской Федерации, инструментом российского влияния в мире; средством этнокультурной и языковой самоидентификации соотечественников, проживающих за рубежом и пр. Одной из важнейших задач Концепция называет «содействие изучению и преподаванию русского языка, реализации научно-исследовательских и образовательных программ в области изучения и преподавания русского языка...» [Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом 2015]. Современная геополитическая ситуация требует переосмысления образовательных методик в сфере обучения гуманитарным наукам, особенно языкового обучения, сочетания новаторства с применением исторического опыта, способного значительно усовершенствовать и облегчить процесс овладения высоким, богатым русским языком и представителями дружественных государств и народов, стремящихся к расширению и углублению всесторонних связей с Россией.

Для решения этих важных государственных задач целесообразно и благотворно обращение к опыту прошлого, к идеям и практике таких педагогов, мыслителей, общественных деятелей как Н.Ф. Бунаков, А.А. Хованский, А.В. Барсов, Н.В. Чехов, М.Ф. Де-Пуле, К.Н. Ветцель, С.В. Иванов, А.Н. Острогорский и пр., которые внесли особый, уникальный вклад в теорию и практику отечественной педагогики и методики. Воронежская педагогическая школа, основывающаяся на эвристических методиках нравственного и интеллектуального развития, принципах свободного воспитания, гуманистического подхода

к ребенку не только опередила свое время, но и приобрела вневременную ценность, поскольку базировалась на принципе всеобщего народного единения, сплочения, ориентации на знание родного языка и литературы, а также естественнонаучного знания. Именно такой подход нацелен на воспитание патриотически настроенного гражданина, искренне разделяющего стремление к гармоничному развитию своего Отечества. Универсальная система обучения словесности воронежских педагогов, ориентированная на формирование устойчивых навыков самообразования, была направлена на формирование умения извлекать уроки из природы, повседневной жизни, книг, способствующих непрерывному саморазвитию. Одним из важнейших принципов воронежской эвристической школы является принцип народности в педагогике, подразумевающий ориентацию на образование как стержень социокультурного развития общества, идею соборности - всеобщего народного единения, сплочения, ориентацию на знание родного языка, литературы, истории, географии, Закона Божьего, народных традиций, обычаев, обрядов, ремесел и пр. [Дридгер 2009; 15].

Важнейшая задача в обучении родной словесности, по словам воронежского учителя, просветителя, издателя А.А. Хованского, заключается, в первую очередь, в том, «чтобы более и более заинтересовать учащихся, для этого необходимо должно быть все передаваемо *живым и увлекательным словом*. Живое, увлекательное слово (участие) – это великая сила, овладевающая вниманием слушателей; сила,двигающая чувствами и сердцами; – это, можно сказать, – душа в педагогическом деле». Справедливо утверждение А.А. Хованского, что успех обучения зависит от личности учителя [Хованский 1889; 2-3]. В своей статье «В чем нуждается наше учебное дело по преподаванию русского языка?» А.А. Хованский также отмечал, что, несмотря на обилие учебников по русскому языку, среди них фактически нет таких, которые интересуют учащихся и возбуждают в них любовь к родному языку [Хованский 1889; 6]. Особое значение для дела образования и просвещения имела публикация в специальных номерах журнала «Филологические записки» трудов ученого-лингвиста, выдающегося педагога А.В. Барсова «Методика русского языка» и «Живое слово для изучения родного языка», позже объединенных в единое издание. Новый учебный метод, разработанный А.В. Барсовым при непосредственном редакторском участии А.А. Хованского, строился на принципах, разделяемых большинством прогрессивных педагогов пореформенной эпохи:

- *индуктивное* движение от известного к неизвестному, что, в рамках филологического образования, фактически означает движение к изучению элементов языка от текста;
- постепенное движение от отдельных элементов знания к построению логичной и стройной системы;
- установление прочных причинно-следственных связей между изученным и изучаемым;
- доминирование выделения не сюжетного, а существенного в произведении (идеи, способы описания, образные средства и пр.);
- упор на самостоятельную деятельность учащихся; преобладание педагогики сотрудничества, изменение роли учителя, становящегося не безапелляционным ментором, а помощником и пр.

По словам самого А.В. Барсова, форма обучения в «Живом слове» - *эвристическая*, все сообщается «путём наводящих вопросов; и это – самая целесообразная форма, это – путь открытий [Барсов 1890; 9].

Особенностью учебных пособий воронежских педагогов, например бунаковской «Азбуки», является то, что содержание текстов достаточно серьезное, авторы практически отказываются от сказочных, развлекательных сюжетов. Обучающие тексты приближены к суровому крестьянскому быту, они понятнее для детей, с раннего возраста принимающих деятельное участие в трудовой жизни семьи, видящих много лишений и страданий. Также они изначально приучают видеть в учении труд, а не игру. Несмотря на всю гуманность и альтруизм народных учителей, они считали необходимым последовательно укреплять в

детях представление об учении как о деле серьезном, ответственном, важном, поэтому отказывались от «легковесного» материала. Важнейшим направлением работы с детьми из народа воронежские педагоги считали формирования навыка сознательного чтения, приобретаемого в несколько этапов:

1. Чтение и объяснение научно-популярных статей о природе, отечестве и его истории;

1. Чтение и объяснение художественного материала, имеющего воздействие на нравственную сторону учеников, дополняя и иллюстрируя предшествующий этап;

2. Самостоятельное чтение, усовершенствование беглости и выразительности.

По мнению педагогов-гуманистов, в первую очередь, Н.В. Чехова, одним из главных принципов в преподавании родного языка является наглядность, рассматриваемая не как простой показ предмета, а всестороннее возбуждение умственных способностей ученика [Чехов 1904; 9].

Особенно ценны произведения и умственно-словесные упражнения, разработанные воронежскими педагогами, направленные на этическое и эстетическое развитие юного читателя, пробуждение понимания духовных и душевных переживаний человека. Сам подбор произведений должен вызывать достаточно сильные чувства у читателя, как, например, стихотворение Н.А. Некрасова «Слезы матери», отрывки рассказов В.Г. Короленко «Приемыш», Н.С. Кахованской «Какую судьбу Бог дал Черному», Д.Н. Мамина-Сибиряка «Отец Савелий», Н.С. Лескова «Дорогой гость», после прочтения которых ребенок должен уметь определить чувства персонажей, душевное настроение, свойства *любящей души*, чем может быть *прекрасна личность* человека, что может *озлобить* человека, впечатляют и подытоживающие разделы вопросы, например: «Что делает *прекрасным* человека? В чем обнаруживается *воображение*? В чем обнаруживается *совесть* человека? В чем обнаруживается *воля* человека? Что необходимо для человека, чтобы он в своей жизни был верен *долгу, добру и правде*? Какое значение имеет для человека *воспитание*? В чем человек находит *отраду и утешение*?» [Бунаков 1905; 23 – 24, 179 – 180]. За рассказом «Искра Божия» М. Горького ученику **начальной** школы следуют вопросы: «Какая потребность души, вложенная в нее Богом, сближает людей?... Как поддерживать и развивать в самом себе и в других эту потребность жалеть и утешать страдающих?... Где люди находят себе утешение и душевно покой?». К текстам предлагается написание сочинений, которые как продукт художественного творчества детей особенно высоко ценились педагогами-эвристами. Материалом для сочинений должны быть три источника: внешний мир, душа, произведения других людей [Барсов 1889; 17].

В современных социокультурных условиях особенно актуальна идея педагогов Воронежской эвристической школы о необходимости интегративного подхода к обучению и воспитанию ребенка, сочетающего историческое, языковое и литературное знание, что соответствует современной государственной политике и задачам благоустройства общественной жизни.

Литература

1. Барсов А.В. Приложение сведений из логики к чтению и писанию сочинений: (Добавление к «Методике преподавания русского языка») // Филологические записки. — 1889. — Вып. 5. — С. 1—21.
2. Барсов А. В. Два слова по поводу рецензии на Методику // Филологические записки. - 1890. – Вып. 2. С. 1 - 9.
3. Бунаков Н.Ф. Живое слово. Учебная книга для начальной школы в двух частях. Часть II. - СПб. - 1905. – 208 с.
4. Дридгер К.А. Развитие принципа народности воспитания в педагогике России второй половины XIX - начала XX вв. / Автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. пед. наук. – Оренбург. - 2009. – 24 с.
5. Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/50644> (дата обращения: 06.09.2023).
6. Хованский А.А. В чем нуждается наше учебное дело по преподаванию русского языка// Филологические записки. - 1889. - Вып. VI. - С.1-5.
7. Чехов Н.В. Наглядность обучения и наглядные пособия в начальной школе. - М. - 1904. - 90 с.

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Статья посвящена семиотическому анализу визуальных знаков как универсальных средств межкультурной коммуникации на территории кампуса многонационального университета. Проведенный среди преподавателей и студентов РУДН опрос позволил сделать выводы о том, являются ли такие знаки понятными и всегда ли могут быть правильно проинтерпретированы адресатами. Делаются выводы о необходимости более тщательного отбора изображений с целью повышения уровня эргономичности коммуникативного пространства международно ориентированного университета.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, многонациональный университет, кампус, знаки, коммуникативное пространство.

Кампус многонационального университета предоставляет большие возможности для межкультурной коммуникации между участниками образовательного процесса. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы в данном случае выступает показательным примером межкультурного и межъязыкового взаимодействия преподавателей и обучающихся. По состоянию на 2022-2023 учебный год в вузе обучаются более 33 000 студентов из 160 стран мира. В связи с этим актуальность статьи заключается в изучении способов коммуникации между представителями разных лингвокультур на территории кампуса международно ориентированного вуза. Статья написана в рамках научно-исследовательского проекта «Языковой ландшафт и дискурсивные практики кампуса интернационального вуза», реализуемого на кафедре общего и русского языкознания филологического факультета РУДН [1–3].

В данной статье объектом исследования становится семиотическое пространство кампуса РУДН, в котором визуальные знаки выступают универсальным средством межкультурной коммуникации.

К универсальным средствам коммуникации можно отнести визуальные публичные тексты в виде изображений и условных знаков, размещенных на территории кампуса. Их универсальность заключается в том, что они интуитивно знакомы и понятны носителю любой лингвокультуры.

Предметом исследования в нашей статье становятся индексальные знаки (в которых между формой и содержанием существует причинно-следственная связь) и символические знаки (между знаком и его объектом связь конвенциональная) [4]. Материалом исследования стали 644 текста объявлений, расположенных на территории кампуса, преимущественно в студенческих общежитиях. Среди них были отобраны 50 текстов, часть из которых является знаками-индексами (рис. 1), а часть – совмещает знак-индекс и знак-символ (рис. 2).

Рисунок 1

Рисунок 2

Нами был проведен опрос в Google Forms среди преподавателей и студентов РУДН, в котором приняли участие 79 респондентов из разных стран. Опрос включал 4 блока.

Первый блок – социальные данные, в котором помимо данных о поле, возрасте и родной стране респондента, был вопрос о его месте проживания. Этот вопрос является ключевым для нашего исследования, поскольку часть рассматриваемых знаков расположены в общежитиях, и, соответственно, студенты и преподаватели, проживающие на территории кампуса, ежедневно видят эти знаки.

Во втором блоке были представлены 15 изображений, являющихся знаками-индексами, среди которых респонденты должны были отметить знакомые им.

Третий и четвертый блоки опроса включали изображения, содержащие индексальные и символические знаки. Стоит отметить, что в рассматриваемых объявлениях невербальная составляющая, на наш взгляд, не всегда соответствует вербальной.

В связи с этим мы поставили перед собой цель определить, всегда ли респонденты правильно интерпретируют эти знаки. Для этого мы разъединили вербальную и невербальную части, и задали вопросы: *выберите картинку, на ваш взгляд, более подходящую к тексту* (третий блок опроса); *выберите текст, на ваш взгляд, более подходящий к этой картинке* (четвертый блок опроса).

В опросе приняли участие 79 респондентов из 15 стран (Азербайджан, Албания, Вьетнам, Египет, Казахстан, Китай, Колумбия, Мадагаскар, Молдова, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Чили, Экваториальная Гвинея) в возрасте от 17 до 44 лет. 57% опрошенных проживают в общежитиях, 43% – вне кампуса.

Результаты второго блока показали, что 100% респондентов узнают знак «*Курить запрещено*» (рис. 3).

Рисунок 3

Знаки, которые относятся к службам экстренной помощи (рис. 4) также знакомы большинству респондентов (88-96%).

Рисунок 4

Наименее знакомыми для опрашиваемых являются знаки, необходимые для лиц с особыми образовательными потребностями: знак, обозначающий платформу для инвалидной коляски, знаком 13% опрашиваемых (рис. 5), а знак для слабовидящих – 15% (рис 6). Такая тенденция может объясняться тем, что эти знаки адресованы определенному кругу людей и у большинства респондентов нет необходимости их понимать.

Рисунок 5

Рисунок 6

Третий блок, в котором нужно было соотнести текст и картинку, состоял из трех вопросов, содержащих вербальную часть объявлений: «Соблюдайте чистоту при пользовании мусоропроводом»; «Уходя из комнаты, не забудьте выключить воду»; «Уходя, отключите электроприборы». Около 90% респондентов правильно соотнесли текст с изображением. Это связано с тем, что вербальная часть объявления интерпретируется однозначно и выбор подходящего изображения не вызывает труда.

В четвертом блоке опроса респондентам предлагалось выбрать текст, наиболее подходящий к изображению. Можно было выбрать только один вариант из четырех предложенных авторами статьи, либо написать свой текст, подходящий, по их мнению, к изображению по смыслу.

Для этой части опроса были подобраны объявления, в которых, на наш взгляд, невербальная часть логически не соответствовала вербальной (рис. 7).

Рисунок 7

Так, отметим, что на рис. 9 вербальные и невербальные части не в полной мере совпадают по смыслу. В связи с этим лишь 10% опрошенных отметили правильный вариант. Большая часть респондентов (65%) отметили вариант «Берегите природу», другие предлагали свои варианты: «вода загрязнена»; «химические отходы» и др.

Самым сложным для верной интерпретации в нашем случае является объявление «Приготовили пищу – отключите электроэнергию» (рис. 8). Результаты опроса показали, что правильно удалось ответить только 14% респондентам.

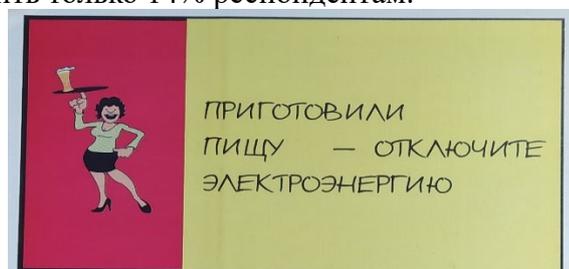

Рисунок 8

Мы можем предположить, что в данном случае изображение, по мнению адресанта, должно было выполнять аттрактивную функцию, однако оно только дезориентирует адресата, что подтверждается результатами опроса.

Таким образом, знаки являются универсальными средствами коммуникации в многонациональном университете, способствующими улучшению качества образовательного процесса и жилищно-бытовых условий на территории кампуса. Однако для эффективной

передачи информации требуется более тщательный подход к созданию и размещению знаков, заполняющих семиотическое пространство образовательной и бытовой среды кампуса международно ориентированного вуза.

Литература

1. *Кольшиева О.Н., Лоханкина И.Н., Таранова А.А.* Что значит слово «Кампус»? Взгляд студентов и преподавателей // *Язык как искусство: функциональная стилистика и поэтика: сборник статей Международной научно-практической конференции.* 14-15 апреля 2022. Москва: РУДН, 2022. С. 616–623.
2. *Повалко П.Ю., Михеева Е.С., Губанова О.И.* Университетский кампус как объект научного исследования // *Язык как искусство: функциональная семантика и поэтика: сборник статей Международной научно-практической конференции.* Москва, 14–15 апреля 2022. – Москва: РУДН, 2022. – С. 283–291.
3. *Губанова О.И., Лоханкина И.Н.* Эргономичность коммуникативного пространства интернационального кампуса: взгляд иностранных студентов // *Восточный калейдоскоп: материалы докладов и сообщений III Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых-востоковедов с международным участием.* Москва, РУДН, 6 декабря 2022 г. – Москва: РУДН, 2023. – С. 136–144.
4. *Atkin A.* "Peirce's Theory of Signs", *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Spring 2023 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2023/entries/peirce-semiotics/> (дата обращения: 10.08.2023).

КОНИЩЕВА Л.С.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОД РЕГИОНА В СОДЕРЖАНИИ ОБУЧЕНИЯ РКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье обосновываются причины интеграции лингвокультурного кода региона в содержание обучения РКИ и демонстрируются способы его включения на материале Тюменской области.

Ключевые слова: лингвокультурный код, культурный код, региональный компонент, межкультурная коммуникация

Многократно подчеркнутая исследователями взаимосвязь языка и культуры обуславливает необходимость их синхронного изучения и усвоения, поскольку так изучающий иностранный язык может познакомиться с теми концептами и имплицитными смыслами, которые носитель языка усваивает естественным образом.

Понятие лингвокультурного кода региона не синонимично разрабатываемому в методике понятию региональной лингвокультуры, поскольку последнее осмысляет региональные особенности языка на разных уровнях его системы [Сенаторова 2003; 43]. Лингвокультурный код отражает воплощение культурного кода народа в его языке. Единицей такого кода, по мнению С.В. Ивановой, является лингвокультурный знак, возникающий при взаимодействии языка и культуры [Иванова 2009; 119]. В.И. Карасик указывает на то, что единицей лингвокультурного кода является концепт, который понимается им как “квант переживаемого знания, соединяющий в себе индивидуально-личностные и культурногрупповые смыслы и включающий понятийное, образное и ценностное измерения” [Карасик 2009; 4]. Близким к пониманию концепта в нашей работе является определение, данное Ю.С. Степановым, в котором концепт трактуется как «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов 2001; 43].

Осмысление культурного кода различных пространств (например, культурного кода Санкт-Петербурга или Сибири) в настоящее время является одним из направлений междисциплинарных исследований, затрагивая интересы урбанистики, антропологии, филологии и др. Выделение лингвокультурного кода региона и включение его в содержание

обучения РКИ позволяет реализовать лингвокультурологический подход, который подразумевает “сопряжение культурного содержания языковых единиц через когнитивные структуры с национальным культурно-нравственным опытом народа” [Дьякова, Жеребцова, Холодкова 2016; 74]. Следовательно, более полно погружать изучающего язык в ценностно-смысловое поле другой социокультурной среды, адаптировать к ее реалиям [Поморцева 2010; 105].

Обращение к лингвокультурному коду региона позволяет демонстрировать учащимся неоднородное пространство русской культуры, углублять ее понимание. При этом необязательно, чтобы предлагаемый для знакомства регион являлся регионом пребывания студента. Узнавание отдаленного пространства (в нашем случае Тюмени) открывает для учащегося те стороны российских реалий, о которых он может не догадываться, учась, например, в Москве, но которые могут оказаться ему близки. Так, тюменские пейзажи, климат и символический код оказались узнаваемыми для монгольских студентов, что мотивировало их как к изучению культуры региона, так и к рассказе о родной стране. Обнаружение контрастов между родной страной–регионом, родной страной–местом обучения–регионом не менее интересно и также способно послужить предметом обсуждения на занятии.

Х.Е. Розенкова и С.В. Шустова указывают на возможность разработки общей классификации для культурных и лингвокультурных кодов, чей список в настоящий момент является открытым и включающим, по мнению исследователей, различные коды: пространственный, временной, предметный, космогонический, природно-ландшафтный, зооморфный, архитектурный, растительный, гастрономический и т.д [Розенкова, Шустова 2017; 102].

Поскольку единицей кода мы считаем концепт, то для включения лингвокультурного кода региона в содержание обучения РКИ представляется целесообразным осуществить отбор концептов, репрезентирующих особенности региона и имеющих значение для лингвокультурного пространства России. Кроме того, работа с концептами позволяет обратиться к универсальным и локальным архетипам, побуждает учащихся к проведению аналогий с реалиями родной страны, формирует представление о культурно-исторической связи российских центров и регионов, а также о связи последних с другими странами, знакомит с природно-климатическими, экономическими, социальными условиями региона.

Продемонстрируем, какие в этой связи могут быть выделены культурные коды и концепты для Тюмени и Тюменской области:

- 1) пространственный: река Тура, мост Влюбленных, сквер Сибирских кошек, Тюменская набережная, Тюменский драматический театр, Тобольск, Ямал;
- 2) природно-климатический: снежные и холодные зимы, сибирские леса, горячие источники, северное сияние;
- 3) профессионально-промышленный: нефть, газ, добыча полезных ископаемых;
- 4) архитектурный: деревянное зодчество, окна с наличниками, чум;
- 5) гастрономический: строганина, оленина, кабанятина, варенье из еловых шишек;
- 6) общекультурный: периодическая таблица химических элементов, Конёк-Горбунок (Д.И.Менделеев и П.П.Ершов родились на территории Тюменской области);
- 7) исторический: Сибирское ханство, торговля, ремесло, купцы, ярмарки;
- 8) символический: первый русский город в Сибири, нефтяная столица, герб и флаг Тюменской области;

9) антропный: ненцы, ханты, сибирские татары и т.д.

Каждый из представленных концептов не просто отображает те или иные реалии, он фиксирует культурные феномены, которые обрели свое воплощение в сознании жителей региона и людей, проживающих за его пределами. Каждый из них является компрессией смыслов, декодируя которые можно открыть целые пласты жизни региона. Например, концепт “соболь” раскрывается через знакомство с климатическими особенностями региона, его природой и ландшафтом, а также через символическую роль животного для тюменцев (соболь изображен на гербе Тюменской области). Для расшифровки концепта “купец” необходим разговор о Сибирском тракте и Транссибирской магистрали, торговых связях Тюмени с Китаем и Центральной Россией, упоминание знакомого студентам понятия “бизнесмен”.

Чтобы декодирование концепта успешно состоялось и раскрыло заложенные в нем культурные смыслы, стоит обратить внимание на формы и методы работы с ним на занятии. В основу разрабатываемых заданий должны быть положены приемы аналогии, сравнения, описания и обобщения, что способствует выстраиванию межкультурного диалога и постижению иностранными студентами культурных кодов двух или трех пространств (родной страны, места обучения и региона, предлагаемого для знакомства). Полезным будет задание для самостоятельного знакомства с содержанием некоторых концептов посредством словаря или сети Интернет. Концепты могут вводиться через учебные или аутентичные (медиа, художественные) тексты и средовоспроизводящие материалы. А поскольку лингвокультурный код является вербализованным воплощением культурного кода (архитектурного, пространственного и т.д.), то необходимым будет обращение к визуализации и непосредственному знакомству с регионом при возможности (оффлайн и онлайн уроки-экскурсии, квесты).

Примером заданий, выполняемых при постижении лингвокультурного кода Тюмени, могут являться следующие:

Задание 1. Подберите иллюстрации к словам:

деревянное зодчество, сибирская кошка, цветущие яблони, река Тура, улица Держинского, улица Республики, термальные источники.

Опишите изображения. Как вы думаете, какая Тюмень?

Задание 2. Напишите слова и словосочетания в нужный столбик:

<i>Москва</i>	<i>Тюмень</i>

Красная площадь, Сквер сибирских кошек, термальные источники, много снега, первый город в Сибири, столица России, деревянная резьба, холодная зима, улица Республики, Тверская улица, 1147 год, 1586 год, река Москва, река Тура, П.П.Ершов, А.С.Пушкин, метро, маршрутное такси.

Приведенные задания позволяют составить представления о визуальном облике города, его культурном и историческом контексте, сопоставить с Москвой либо другим городом. Выполнению данных упражнений должен предшествовать разговор о регионе, текстовая работа и работа с медиаматериалами.

Заинтересованность студентов к интеграции лингвокультурного кода региона в содержание занятий отмечена как среди студентов подготовительного факультета, так и среди участников Летних языковых школ, в связи с чем считаем необходимым и дальше разрабатывать данный подход в обучении русскому языку как иностранному.

Литература

1. Дьякова Т.А., Жеребцова Ж.И., Холодкова М.В. Методические основы формирования лингвокультурологической компетенции у иностранных студентов на этапе довузовской подготовки // Вестник ТГУ. – 2016. – №1 (5). – С. 73-78.
2. Иванова С.В. Культурный знак и культурный смысл в лингвокультурологических исследованиях // Единицы языка в когнитивно-семиотическом и лингво-культурологическом аспектах: Сборник научных статей. – 2009. – Уфа. С. 108-121.
3. Карасик В.И. Концепт как единица лингвокультурного кода // Современная теория языка. – 2009. – № 10. – С. 4-11.
4. Поморцева Н.В. Педагогическая система лингвокультурной адаптации иностранных учащихся в процессе обучения русскому языку: дис. д-ра пед. наук. М. – 2010. – 361 с.
5. Розенкова Х.Е., Шустова С.В. Лингвокультурный код: определение, проблема классификации, роль в межкультурной коммуникации // Евразийский гуманитарный журнал. – 2017. – №2. – С.101-104.
6. Сенаторова О.А. Лингвострановедческий аспект преподавания русского языка как иностранного в региональном вузе: (На материале лингвокультуры Владимирского региона): дис. канд. пед. наук, Владимир. – 2003. – 301 с.
7. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. - М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.

КОНЧАРЕВИЧ К.

Белградский государственный университет, Сербия

РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕОЛИНГВИСТИКИ

В предлагаемой работе рассматриваются этимологические и семантические связи фразеологических единиц в русском языке с агиологическим, литургическим и эортологическим преданием Православной Церкви, которые в имеющихся исследованиях и фразеографических описаниях были незамечены или недостаточно подчеркнуты. Анализируются фразеологизмы, мотивированные житийными сюжетами, почитанием христианских праздников, текстами литургических песнопений.

Ключевые слова: лингвокультурология, теолингвистика, русская фразеология, семантика и этимология фразеологических единиц, отражение агиологического и эортологического Предания в русском языке.

В настоящее время существует значительное количество работ, посвященных лингвокультурологическому анализу русской фразеологии в монолингвальной и сопоставительной, синхронной и диахронной перспективах. Внимание исследователей привлекали: (а) фразеологические единицы (ФЕ), отражающие национальную культуру комплексно, нерасчлененно, всеми своими элементами, взятыми вместе, т. е. своими идиоматическими значениями; (б) ФЕ, отражающие национальную культуру расчлененно, т. е. единицами своего состава и (в) ФЕ, отражающие национальную культуру своими прототипами. И не удивительно: ведь фразеология – это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [Телия 1996; 9].

Однако, в фразеологии немаловажную роль играют и проявления веры и духовности, и поэтому, помимо сугубо лингвокультурологического, необходимо применять и теолингвистический подход к изучению ФЕ (или фразеологических теонем, в терминологии теолингвистики) [Гадомский 2017; 165-170; Кончаревич 2015; 121-130], в которых нашли отражение священные Предание и жизнь Церкви в ее богочеловеческой Полноте – в благодатном соединении верующих со Святой Троицей посредством церковных Таинств и

подвигов стяжания добродетелей. Православие открывает богатство своей духовности, онтологию своего опыта, в догматах, богослужении, богословской мысли, орфопрактике, образующих Предание Восточной Церкви „как выражение динамики истории спасения, ведущей к Эсхатону, как проявление процесса непрерывного подвига и роста, преобразования и обновления“ [Кардамакис 1996; 19]. Не удивительно потому, что этимология и семантика некоторых ФЕ не могут быть раскрыты без учета таких богословских дисциплин, как агиология, зортология, литургика, история Церкви. Именно отсутствием подобных знаний можно объяснить некоторые недочеты в толкованиях ФЕ, связанных с православной духовностью, даже и в самых авторитетных фразеологических источниках.

Ярким примером успешной ревизии этимологии фразеологизма в свете православного Предания мы находим у Н.Д. Успенского, который прототип ФЕ *русский Бог* связывает с русскими и славянскими агиографическими источниками [Успенский 1982; 119-122], конкретно, с описанием посмертного чуда Святителя Николая Мирликийского Чудотворца, бывшего еще во времена борьбы Руси с половцами: один благочестивый киевлянин, по имени Добрык, привел однажды своего пленника-половчина к образу Святителя и предложил ему опустить его на свободу, если только он заплатит за себя выкуп. Не имея при себе ничего, он поклялся перед иконой прислать выкуп по возвращении домой. Однако, язычник решил про себя, что ничего не сделает, потому что он не верит в силу «русского Бога». Скоро по возвращении Половчина в свою землю Святитель дважды явился ему и напомнил о его обещании, а в третий раз уже грозно наказал его перед всею его дружиною. Таково древнейшее чудо покровительства Святителя Николая людям русским, нашедшее отражение не только в житиях, но и в иконографических представлениях [Вознесенский, Гусев 1998; 249-255]. Представление о Святителе Николае как о русском национальном патроне нашло отражение и в богослужебных текстах, напр.: «Благословен Господь Бог наш, яко прослави святителя во странах, чудес струи испущающа, в Мирех и латинех вся исцеляюща и в России милостивно посещающа» [Служба 1982; 342].

ФЕ *вкушать от пищи св. Антония /сидеть на пище святого Антония (книжн. 'голодать, жить впроголодь')* [Мокиенко 2005; 536] традиционно связывается с культом преп. Антония Великого, житие которого, созданное Афанасием Александрийским (IV в.), оказало решающее влияние на оформление агиографического канона [Богдановић 1980; 71]. В.М. Мокиенко и коллектив этимологию данного фразеологизма, с пометой «собственно русское выражение», связывают с упомянутым житием, ссылаясь на 11 библиографических источников; то же самое находим у Н.М. Шанского [Шанский 1987; 27-28]. Однако, как мы полагаем, исходя из собственно русского характера данной ФЕ, своей прототипической основой она может быть связана и с житием св. Антония Печерского, основателя русского анахоретского монашества, известного своими постническими подвигами, бдениями и молитвами [Кончаревић 2004; 24-25], а также духовным отцовством – старчеством; самым известным среди его учеников был преп. Феодосий Печерский, основатель и игумен знаменитой Киево-Печерской лавры, в которой просияло 118 святых [Федотов 1959; 49]. *Киево-Печерский патерик*, в котором подробно описываются его подвиги воздержания и умерщвления плоти, по своей видимости, содействовал распространению его славы в русском народе [Киево-Печерский патерик 1999; 11-16].

Пост является одной из классических форм подвижничества и главным выражением телесной аскезы в православном Предании. В традиционной русской, сербской, греческой культуре соблюдение постов являлось показателем не только конфессиональной, но и национальной принадлежности [Громыко, Буганов 2000; 171-179]. ФЕ *Святым Духом питаться*, несмотря явный эмоционально-оценочный отклон от прототипа (*ирон. шутл. 'голодать'*), по нашему мнению, связана с православной гимнографией: «Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается» (степенны, антифон 3, воскресная утренняя, глас 4) [Поповић 1980; 250]; данный антифон поется и на велицей вечерни в канун полиелейных праздников, и вследствие частого богослужебного употребления он легко мог запомниться

даже верующими без какого-либо богословского образования. Предпосылка Н.М. Шанского [Шанский 1982; 131], что этимология этой ФЕ восходит к евангельской перикопе об Иисусе Христе как о Хлебе жизни (Ин. 35-58) кажется менне убедительной, поскольку упомянутый фрагмент из Нового Завета относится к установлению Евхаристии, где Христос приносит Себя за жизнь мира.

Реинтерпретация этимологии, по нашему мнению, уместна и в случае ФЕ *явился еси!* со значеьем: '*Наконец-то пришел! Принесло тебя!* (с коннотацией недовольства)'. Авторы *Историко-этимологического словаря русской фразеологии* предлагают следующее истолкование: «Оборот собственно русский. Возник как ироническая стилизация книжных выражений с применением давно утраченного в русском языке перфекта» [Мокиенко 2005; 779] (ссылка лишь на один источник). Однако, наше истолкование этимологии данного фразеологизма имеет агиографическую и эртологическую основу: в тропарях и кондаках, представляющих собой краткую поемую форму прославления праздников, основанную на преданиях из священной истории, зафиксированных в синаксарях, четьих Минеях и житиях Святых, данную формулу мы находим в инициальной: *Явился еси днесь вселенней* (кондак праздников Крещения Господня и Богоявления), финальной: *Явился еси чудотворец изящный, предивный, милостивый* (кондак праздника переноса мощей Св. Николая Мирликийского Чудоворца), или в медиальной позиции: *В храме славы Твоя явился еси* (кондак Сретения Господня), *Явилася еси ширшая небес* (тропарь отпустительный 1-го гласа, Богородичен). Крещение Господне и Богоявление свято почитались в традиционной русской культуре, а тропарь (*Во Иордане крещающуся Тебе, Господи*) и уже упомянутый кондак были всем известны не только с литургических собраний, но и из обрядов малого и великого водосвятия, следующих за Литургией в упомянутые праздники, когда множество верующих стекалось в храмы, веря, что освященная вода принесет благодать исцеления и сохранения душ от испытаний и недугов, и православный домов от всякой беды и опасности [Громыко, Буганов 2000; 21–43]. По всей вероятности, широко известным был также кондак, поемый в праздник «вешнего Николы», который прославлялся хлебопашцами, коневодами, и особенно юношами и девушками, что связано с весенним преобразованием природы и обновлением человеческой деятельности и социальных контактов после долгой зимы [Вознесенский, Гусев 1998; 177-179].

Вера в загробную жизнь является неотъемлемой частью православного предания. Видение прохождения мытарств душами новоупокоенных, обширно описанное в популярном *Житии Св. Василия Нового*, нашло отражение и в народных духовных песнях, и в обычаях поминовения усопших в третий, девятый и сороковой день после их кончины [Громыко, Буганов 2000; 16–20], и поэтому не удивительно, что вера в загробную жизнь зафиксирована и в фразеологическом фонде русского языка. Однако, в наиболее авторитетном этимологическом словаре русской фразеологии ФЕ *хождение по мытарствам* не разграничивается от этимологии фразеологизма *хождение по мукам*: «Устар. ирон. Тяжелые жизненные испытания, следующие одно за другим. Из церковно-апокрифического верования, что в течение сорока дней после смерти человека его душа совершает хождение по мытарствам, или по мукам» [Мокиенко 2005; 458]. Однако, хождение по мукам – апокрифный мотив, связанный с не одобренной Церковью повестью о посещении мест мучений Матерью Божией и ее (тщетном) заступлении перед Христом за грешников, попавших в ад. Данный апокриф нашел отражение в ФЕ *хождение по мукам* (она приводится и в: [Шанский 1987; 151], с синонимичным значением). Хождение по мытарствам, однако, является агиографическим мотивом с литургико-эртологической рефлексией. Этот мотив мы находим и в житиях св. Антония Великого, преп. Макария Великого, св. вмч. Евстратия, свят. Нифонта, блаж. Симеона Салоса, свят. Иоанна Милостивого, Симеона Столпника, преп. Исихия, преп. Феогноста, преп. Георгия Задонского, а также в творениях Отцов и Учителей Церкви (преп. Иоанна Лествичника, Евагрия Понтийского), духовных писателей (аввы Дорофея) и в богослужениях Церкви, таких, как посмертные стихиры св. Иоана Дамаскина [Брянчанинов 1994; 82-105].

Интересна и ФЕ *Федот, да не тот*. «О том, кто на самом деле хуже того, за кого его принимают или за кого его он себя выдает» [Мокиенко 2005; 719]. Мокиенко ссылается на три источника, предлагая следующую интерпретацию ее этимологии: «В году 9 именин Федотов. Все они падают в основном на посты и страду, и лишь четвертая часть Федотов встречали свои именины в мясоеды <...>. Лучше было тому Федоту, именины которого приходились на Масленицу. Тут Федоту в дни именин есть где разгуляться!». Однако, в *Полном месяцеслове святых* мы находим 18 угодников с именем Феодот [Столић 1989; 928-929]. В дни неподвижных постов (Рождественский, Успенский) не прославляется память ни одного угодника с именем Феодот, в дни же постов подвижных (Великий, Петровский) лишь два – 19 февр. (мч. Феодот Адрианопольский) и 2 марта (свмч. Феодот Киринейски), причем оба могут праздноваться и в дни Масленицы, в зависимости от даты начала поста. Считаем, что здесь налицо языковая игра, основывающаяся на рифме (*Федот – не тот*), семантике имени (*Богом дарованный*) и контрасте ожидаемое / неожиданное, как напр. в поговорках: *Город Архангельский, а народ там дьявольский; В Луцку все не по-людску* [Даль 1894; 268, 269].

Некоторые ФЕ мотивированы проявлениями типично русских форм святости, и их интерпретация подразумевает теолингвистический подход, учет их агиографической и эрмитажической основы. Таким является ФЕ *олух царя небесного* со знач. '*глупец, тупица, простофиля*'. Мокиенко приводит 10 гипотез о ее этимологии, причем в девяти ссылается на диалектную лексику или заимствования в ее составе со знач. '*лентяй, дурак, неповоротливый человек, увалень, валях, лентяй, неряха*' и др. «Олух царя небесного, следовательно – это один из таких ленивых глупцов, который ждет небесного царя» [Мокиенко 2005; 497]. Мы склонны связать лексему *олух* с цсл. *послухъ*, что Мокиенко допускает в одной из гипотез, ссылаясь на три библиографических источника. *Послухъ* на цсл. значит '*свидетель, обличитель, доказчик*' [Дьяченко 1993; 461], „послухом в древней Руси назывался свидетель, сам не видавший дела, но слышавший о нем от других“ [Дьяченко 1993; 461]. Царем небесным в православной гимнографии называется Дух Святой [Поповић 1980; 175-179]. Основное значение данной ФЕ, следовательно – „свидетель Царя небесного“, „свидетель Духа Святого“, „свидетель Истины“. Секундарное значение указывает на осуждение такого свидетельства и деградацию самих духоносных свидетелей в массовом сознании, а это приводит нас к феномену юродства, подвига, зарождающегося в Палестине и на Востоке и достигшего расцвета в средневековой России. Юродивые разобличали аморальность, логику т. н. „здорового смысла“ и „устоев“ общества, противоположных автентичной христианской духовности и подлинной нравственности [Федотов 1959; 194-203; Ковалевский 1902; 137-155]. Юродство – безумие Христа ради (1 Кор. 3, 18); проявления этого подвига (мнимое безумие, жизнь в крайней нищете, отрицание от собственности, от социальных норм, „вызывающее“ поведение) соблазняли формальных христиан и власть имущих, отсюда и произошла трансформация значения данной ФЕ по отношению к первобытному – „послушник Царя небесного, служитель Истины“. Другой яркий пример – ФЕ *непротивление злу (насилием)* – 'книжн. Отказ от насильственного подавления зла, стремление к преодолению его покорностью, смирением' [Мокиенко 2005; 469], со следующим комментарием: «собственно русское. Отражает учение Л.Н. Толстого, связанное с движением толстовства в конце XIX – начале XX века. Восходит к Евангелию». Однако, непротивление злу насилием встречается в русской духовности еще в подвиге первых по времени канонизации русских святых – блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба, которым на Руси было посвящено 6 праздников. В каноне св. Борису читаем: „Христа ради оставив тленную славу земную, Царство земное возненавидевше и чистоту возлюбивше и несправедное убийство претерпевше, *никакоже противящиеся* заколяющему вы брату» [Федотов 1959; 28]. Г.П. Федотов, рассматривая их добровольное страдание, подчеркивает: «Подвиг непротивления есть национальный русский подвиг, подлинное религиозное открытие новокрещеного русского народа» [Федотов 1959; 29]. Поэтому мы

считаем, что данная ФЕ имеет прежде всего агиологическую и литургико-эортологическую мотивацию, а потом уже и связь с учением Л.Н. Толстого.

В данной работе мы попытались рассмотреть ФЕ, этимология и семантика которых нуждается в интердисциплинарном подходе. Данный подход, возникший на стыке лингвистики и теологии, имеет и прикладные аспекты, в первую очередь в фразеографии и в методике обучения фразеологии.

Литература

1. *Богдановић, Д.* Историја старе српске књижевности. – Београд: СКЗ, 1980. – 311 с.
2. *Брјанчанинов, И.* Слово о смрти. Прев. М. Милачић. – Београд: Богословски факултет СПЦ, 1994. – 130 с.
3. *Вознесенский, А., Гусев Ф.* Житие и чудеса Св. Николая Чудотворца, архиепископа Мирлийского и слава его в России. – СПб.: Царское дело, 1998. – 723 с.
4. *Гадомский, А. К.* Теолингвистические исследования в славянских языках. Симферополь: ООО «Форма», 2017. – 320 с.
5. *Громыко, М. М., Буганов, А. В.* О воззрениях русского народа. – М.: Паломник, 2000. – 543 с.
6. *Даль, В. И.* Пословицы русского народа. Т. I. – М.: Художественная литература, 1984. – 383 с.
7. *Дьяченко, Г.* Полный церковнославянский словарь. М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1993. – 1120 с.
8. *Кардамакис, М.* Православна духовност. Изворност човековог етоса. Прев. З. Пено. – Атос: Манастир Хиландар, 1996. – 302 с.
9. Киево-Печерский патерик, или сказания о житии и подвигах святых угодников Киево-Печерской Лавры: в переводе Е. Поселянина. – М.: Изд. им. Свят. Игнатия Ставропольского, 1999. – 384 с.
10. *Ковалевский, И.* Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской Церкви: исторический очерк и жития сих подвижников благочестия. – М.: Изд. Товарищества «Светлячок», 1996. – 287 с.
11. *Кончаревић, К.* Путевима руске монашке духовности. Антологија руског стараштва XI–XIX века. – Крагујевац: Каленић 2004. – 511 с.
12. *Кончаревић, К.* Поглед у теолингвистику. – Београд: Јасен, 2015. – 364 с.
13. *Мокиенко, В. М.* (ред.) Русская фразеология: историко-этимологический словарь. – М.: Астрель, АСТ, Люкс, 2005. – 926 с.
14. *Поповић, Ј.* Догматика Православне Цркве, т. I. – Београд: Манастир Ћелије, 1980. – 271 с.
15. Служба Месяца мая в 9-й день. Иже во Святых отца нашего Николая архиепископа, Мир Ликийских чудотворца. // Минея: май, часть 1-я. – М.: Издательство Московского Патриархата, 1982. – С. 329-354.
16. *Столић, Х.* Православни светачник. Месецослов Светих, т. II. – Крагујевац: Каленић, 1989. – 1084 с.
17. *Телия, В. Н.* Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 289 с.
18. *Успенский, Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М.: Изд. Московского ун-та, 1982. – 248 с.
19. *Федотов, Г. П.* Святые древней Руси. – Нью-Йорк: Св. Тихон Пресс, 1959. – 241 с.
20. *Шанский, Н. М.* Опыт этимологического словаря русской фразеологии. – М.: Русский язык, 1987. – 240 с.

О ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ТОПОНИМОВ

Топонимы являются важной частью культурно-философского восприятия жизни любого этноса, поскольку в них находят свое отражение общественно-исторический опыт, хранится и передается культурная информация. Топонимы играют значительную роль в формировании когнитивной базы языковой личности в процессе ее становления. В данной статье рассматриваются названия «простых сел», упоминаемые в «Уставной грамоте князя Ростислава с дополнительными статьями к ней и подтверждающей грамотой епископа Мануила».

Ключевые слова: топоним, Смоленский край, лингвокультурология, «простые села», географические названия.

Лингвистика XXI в. активно развивает лингвокультурологическое направление, в рамках которого язык рассматривается в качестве культурного кода нации, а не просто как средство коммуникации и познания. Фундаментальные основы этого подхода были заложены в работах В. Гумбольдта, А.А. Потебни и других ученых.

При всем многообразии в существующих направлениях предметом современной лингвокультурологии является изучение культурной семантики языковых знаков, которая формируется при взаимодействии двух разных кодов – языка и культуры, так как каждая языковая личность одновременно является и культурной личностью.

Топонимы требуют к себе особого внимания, так как, представляя определенный фрагмент действительности в картине мира, они в это же самое время становятся частью языковой картины и существуют по её законам, однако с трудом подвергаются внешним влияниям. Каждый регион можно представить в качестве особого топопространства, сохраняющего особенности менталитета народа и его культуры.

Топоним отличает строгая региональная принадлежность. Географическое наименование передает важную информацию экстралингвистического характера, но при этом делает эту же информацию закрытой для людей, не владеющих необходимыми фоновыми знаниями, которые сосредоточены в ономастической лексике.

С точки зрения лингвокультурологии топоним, безусловно, представляет особый интерес. Он функционирует на двух уровнях коммуникативного пространства языковой личности – на уровне языка и на уровне культуры. Топоним представляет собой специфический конгломерат лингвистического и экстралингвистического планов, где сведения о слове переплетаются со страноведческой и культурологической информацией об объекте.

Многогранность и разнообразие функций топонимов обусловили различные подходы к их изучению. Широкое распространение получили этнолингвистический подход, используемый в работах А.С. Герда, Н.И. Толстого, Е.Л. Березович, и лингвокультурологический подход, нашедший отражение прежде всего в трудах основоположников лингвострановедческой теории слова Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова и В.Д. Бондалетова.

На территории Смоленского края, сохранилось большое количество археологических, культурных и иных памятников, которые имели большое значение в древности и сохранили это значение до настоящего времени, неся на себе отпечаток глобального культурного кода. Это могут быть как материальные, так и духовные объекты.

Материалом для нашей статьи послужили названия сел, упоминаемые в «Уставной грамоте князя Ростислава с дополнительными статьями к ней и подтверждающей грамотой епископа Мануила»: *Немыкарское, Дросненское, Ясенское, Моншинское, Свирковы Луки*

(Свирколучье). В данной работе мы рассматриваем их с лингвокультурологической точки зрения.

Немыкарские земли существуют и по настоящее время: в Починковском районе есть деревни *Верхние Немыкари* и *Нижние Немыкари*, на месте последней имеется неолитическая стоянка, которая относится к III тысячелетию до н.э. Топоним *Немыкарское*, вероятно, может быть связан с глаголом *-мкнуть* (*замкнуть*, *примкнуть*, *отомкнуть*, *сомкнуть* и т.д., *-мыкать*, укр. *замкнути*, блр. *мкнуць*, др.-русс. *промькнути ся* «промчатся, распространиться, разнестись»..., польск. *tknąć* «двигать(ся), толкать, побуждать»). Родственно лит. *miūkti, miūkti, miūkti* «освобождаться, убегать, ускользать» [Фасмер 1986, т. II, 631]. «Населенный пункт мог получить свое название по характеру течения реки (Верхние и Нижние Немыкари расположены на левом берегу Днепра, где имеется пристань)» [Картавенко 2009, 106 – 107].

Название села *Дросненское* (*Дросенское*), вероятно, балтийского происхождения и может быть связано с названием реки *Дресна*. В.Н. Топоров и О.Н. Трубачев приводят лтш. *Driskne*, река, др.-прусс. *Dreszun* [Топоров, Трубачев, 1962, 185]. Название представляет собой прилагательное (от названия *Дросна* + суффикс *-ск-*).

Свирковы (*Сверковы*) *Луки*, а также *Свирколучье* (*Сверколучье*) находились во владении города Дорогобужа, вниз по Днепру. Позже на этой территории располагался известный Сверколуцкий Богородичный монастырь, «отстоявший на 30 верст от Дорогобужа, вниз по Днепру, при большой дороге, на месте, которое прозывалось «Сверковы Луки» [Смоленская область; 2003, 404]. Данный топоним по форме представляет собой модель Subst. + Adj., где вторая часть Луки – мн. ч. от слова *лука*. Лука – «изгиб реки, излучина, залив, образуемый изгибом берега; низменный берег по излучине или выступающему мысу» [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 8, с. 296]. Топооснова *лука* часто использовалась в древнерусской топонимии для названия населенных пунктов: *Лукомль*, *Лучин*, *Лука*, *Луки* и др. Определение *Свирковы* (*Сверковы*), возможно, от «сверкающий, сияющий (о воде)».

«Другое объяснение может быть связано с заимствованием слова из финно-угорских языков (ср. фин. *syvä* «глубокий» – Фасмер, 1986-1987, т.3, с.580) (ср. также название реки Свирь, вытекающей из Онежского озера и впадающей в Ладожское озеро)» [Картавенко, 2009, 107 – 108].

Село *Ясенское* могло получить свое название от речки *Ясенной*, на берегах которой было расположено. Флора края нашла отражение в названии реки *Ясенной* (яшень – дерево с перистыми листьями и тяжелой упругой древесиной). Топоним *Ясенское* представляет собой прилагательное от топоосновы *ясен-* с суффиксом *-ск-*.

Село *Мошинское* (*Мошино*, *Мошинское*), как и другие рассмотренные выше села, входило в состав княжеского домена. Название выступает в форме прилагательного, где к топооснове *моши-*, *мош-* прибавляется суффикс *-ск-*. Топоним *Мошинское* может быть связан со словами *мох* «бесцветное, пресмыкающееся растение множества родов и видов, близкое к ягелям, лишаям», *мишина*, *моховина*, *мховина*, *мошина*, *мишара*, *мишарина*, *мишава*, *мишарь*, *мишарник*, *мишище*, *моховище* «мшистое болото, кочкар-ник, поросший мхом, мох по топи, где негниющий мох нарастает сажеными пластами» [Даль 1989-1991, т. II, 352].

Таким образом, древнерусские названия «простых сел» были образованы, в основном, от славянских топографических основ, связанных с характером местности (названий деревьев, рельефа местности, обилия водоемов, иных природных ориентиров), хотя в отдельных случаях не исключена и иная, неславянская, мотивация названий.

Литература

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1989-1991. Т. I-IV.
2. Картавенко В.С. Становление русской топонимической системы: проблемы историко-лингвистического исследования. Ч. 1. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2009. 160 с.
4. Словарь русского языка XI-XVII вв. М.: Наука, 1975-2006. Вып. 1-27.

5. Смоленская область. Энциклопедия. В 2 т. Т. 2. Смоленск: СГПУ, 2003. 624 с.
6. *Топоров В.Н., Трубачев О.Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 269 с.
7. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева / 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986-1987. Т. I-IV.

КРАЙНОВА А.С.

Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКИХ ГЕТЕРОСТЕРЕОТИПАХ КАК КОМПОНЕНТЕ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Статья посвящена анализу этнических стереотипов, входящих в категорию национального характера и являющихся предметом изучения лингвокультурологии. Автор рассматривает этнические гетеростереотипы (представления русских о других народах), которые отражаются в идиоматическом фонде русского языка в виде номинаций, пословиц и поговорок. Автор обращает внимание на использование в российских СМИ гетеростереотипов с отрицательной коннотацией, что может препятствовать эффективной коммуникации и формированию толерантного (т.е. нацеленного на решение общих задач) коммуникативного поведения общающихся.

Ключевые слова: национальный характер, этнические стереотипы, гетеростереотипы, язык, лингвокультурология, межкультурная коммуникация, коммуникативное поведение, средства массовой информации

Очевидно, что язык как инструмент социального общения не может существовать вне мира его носителей, поскольку именно он отражает всё то, что окружает *homo communis* в повседневности, с одной стороны. С другой стороны, язык, являясь средством мышления, познания, позволяет формировать, например, представления о таких категориях, как менталитет, национальный характер, нормы этноса, то есть о том, что «составляет культуру в широком, этнографическом смысле этого слова» [Тер-Минасова 2004; 6].

Лингвокультурология как комплексная научная дисциплина синтезирующего типа изучает взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в их функционировании и отражает этот процесс как целостную структуру [Воробьев 1999], а лингвокультурологический подход к изучению иностранных языков и межкультурного общения представляет собой изучение языка как раз через компоненты его культуры (нормы общения, национальный характер, «картину мира» и др.).

Несомненно, для обучения межкультурной коммуникации, русскому языку как иностранному в фокусе лингвокультурологической парадигмы важным является обращение к такому компоненту культуры, как национальный характер.

Национальный характер в самом общем смысле представляет собой совокупность важнейших способов регулирования деятельности и общения, сложившихся на основе системы ценностей общества, созданного нацией [Грушевицкая, Попков, Садохин 2002]. При этом национальный характер не исчерпывается одними ценностями: обычно, когда мы говорим о каком-либо народе, нации, в нашем сознании возникают определённые стереотипы и даже предрассудки, связанные с этим народом. Под *стереотипом* понимается схематический, стандартизированный образ или представление о социальном явлении или объекте, обычно эмоционально окрашенные, и обладающие устойчивостью [Тер-Минасова 2004]; объектами для стереотипизации зачастую выступают собирательные и схематические образы профессиональных, возрастных, этнических и др. групп. Так, например, предпосылкой для формирования *этнического стереотипа* обычно становится какая-то выразительная черта внешнего вида человека (рост, телосложение, цвет кожного покрова, разрез глаз, форма губ, цвет волос и т.д.; также это может быть и какая-либо особенность в характере и поведении человека (разговорчивость / молчаливость, сдержанность /

развязность, скупость / щедрость, точность / опоздания и др.). Всё это находит непосредственное отражение в идиоматическом фонде русского языка, например: «французский поцелуй», «уйти по-английски», «китайская грамота», «русский дух», «русская рулетка», «американские горки» и т.д.

Стереотипы, как правило, имеют положительную и отрицательную коннотацию, поэтому одно и то же поведение у разных народов может оцениваться по-разному. Т.е. те признаки, которые у одного народа воспринимаются, например, как проявление ума, мудрости, у другого - могут рассматриваться как проявление хитрости («Что русскому хорошо, то немцу смерть», «Где хохол прошёл, еврею делать нечего»).

Кроме того, различаются автостереотипы – представления народа о самом себе и гетеростереотипы – представления одного народа о другом.

Гетеростереотипы представляют безусловный интерес для межкультурной коммуникации, для диалога культур, поскольку их знание и учёт могут способствовать, а незнание - препятствовать эффективной коммуникации и формированию толерантного (т.е. нацеленного на решение общих задач) коммуникативного поведения общающихся.

Существует солидное количество работ, посвящённых контрастивному изучению коммуникативного поведения разных народов (русских и финнов, русских и французов, русских и американцев, русских и китайцев и др.), подготовленных в рамках исследований, проводимых кафедрой межкультурной коммуникации РГПУ им. А.И. Герцена, Центром коммуникативных исследований Воронежского государственного университета под руководством недавно ушедшего от нас доктора филологических наук профессора Иосифа Абрамовича Стернина, в которых представлено описание межнациональных стереотипов (см., напр., сборник «Коммуникативные исследования 2005»; библиографический раздел в сб. «Русское и финское коммуникативное поведение. Выпуск 23» и др). Так, например, французы, говоря о главных чертах национального характера, выделяют у себя такие качества, как острый ум и рационализм, тяготение к ясной и точной мысли, что находит отражение в популярной французской пословице: «Тот, кто ясно мыслит, ясно излагает» [Зленко 2005]. При этом гетеростереотипы русских о французах выявляют следующие ассоциации: «гурманы», «лягушатники», «сырные фанаты», «воплощение красоты и женственности», «яркие патриоты». Как мы видим, про французские умения мыслить ясно и излагать речь точно русским ничего не известно.

При исследовании стереотипных представлений русских и финнов русские респонденты выделили у финнов такие положительные качества, как спокойствие, доброжелательность, трудолюбие, упорство; из необычных (отрицательных) качеств - медлительность, немногословие, медленный темп речи и монотонную интонацию, сдержанную мимику [Чернова 1997]. Не эти ли качества в свое время сформировали у русских номинацию с отрицательной коннотацией - «чухна» - в отношении финских соседей?

В исследовании 2023 г., посвященном этническим гетеростереотипам в картине мира русских и американских подростков [Гинзбург, Зайцева 2023], русские респонденты в категории «Особенности характера, коммуникативного поведения» выделили такие положительные качества американцев, как: интересные, образованные, гостеприимные, неисправимые оптимисты, общительные и др. При этом категория внешнего вида получила не столь радужные ассоциации, поскольку русские респонденты отметили такие внешние черты, как жирные, тучные, много едят.

Таким образом, отмечается некая антонимичность, двойственность в осознании русскими гетеростереотипов по отношению к представителям других народностей и культур, что имеет отражение в появлении лексических номинаций, а также пословиц / поговорок противоположного характера, как положительных («Француз боек, а русский стоек», «Хитрый, как 100 китайцев»), так и отрицательных («Незванный гость хуже татарина», «Пропал, как швед под Полтавой», «Русский немцу задал перцу» и др.).

Общеизвестно, что средства массовой информации, являясь «пятой властью», способны влиять на возникновение и изменение мнения слушающей / читающей аудитории, то есть отражать «язык текущего момента» и формировать «языковой вкус эпохи» (термины незабвенного Виталия Григорьевича Костомарова). К сожалению, зачастую мы встречаем в текстах СМИ номинации, возникающие под влиянием отрицательных гетеростереотипов, или же, наоборот, номинации, формирующие эти стереотипы из отрицательного восприятия кого-либо. Они могут относиться как к представителям народов дальнего зарубежья, так и ближнего, а также - к жителям субъектов РФ. В этом смысле больше всего «достаётся» народностям, живущим на территориях республик Северо-Западного федерального округа (Дагестан, Карачаево-Черкессия, Кабардино-Балкария, Чечня), поскольку довольно часто в публикациях российской прессы встречаются такие этнические номинации, как «лица кавказской национальности», «хачики», «чучмеки», «чебуреки» «чурбаны» и проч. Ещё в 2003 году в Большом жюри Союза журналистов из Центра межнационального сотрудничества поступило обращение с просьбой рассмотреть статью журналистки газеты «Аргументы и факты» Е. Бычковой [Бычкова 2003] под названием ««Почему мы не любим лиц кавказской национальности», в которой, по мнению специалистов Центра, были высказаны откровенно расистские суждения. Журналистка использовала такие выражения, как «завоеватели», «выходцы с гор», «кавказцы – это ругательство» и др.

Такие крайне непрофессиональные с точки зрения журналистики и неэтичные, с человеческой точки зрения, высказывания не могут и не будут способствовать эффективности коммуникации между русскими и представителями народов Северного Кавказа, а напротив, будут приводить к разжиганию межнациональной розни.

Думается, что для понимания особенностей русского коммуникативного поведения, русского национального характера знание стереотипов и даже предрассудков необходимо с точки зрения реализации тезиса «Предупреждён – вооружён». При этом нужно здраво оценивать и не преувеличивать возможности их активного применения в процессе межкультурного общения, а, вероятно, руководствоваться словами Ю.М. Лотмана: «Предрассудки и приметы не ложь и дикость, а обломки другой правды, восходящей к другому типу культуры».

Литература

1. Бычкова Е. Почему мы не любим «лиц кавказской национальности» // АиФ-Москва. - 2003. - Июль. - № 31. - С. 6.
2. Воробьёв В.В. О статусе лингвокультурологии // IX Межд.конгресс МАПРЯЛ. Русский язык, литература и культура на рубеже веков. Т.2. Братислава, 1999. - С.125-126.
3. Гинзбург О.В., Зайцева Е.А. Этнические стереотипы в картине мира русских и американских подростков // Общество: социология, психология, педагогика. - 2023. - № 4 (108). - С. 32-38.
4. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации. – М.: Юнити, 2002. – 352 с.
5. Зленко Л.И. Из наблюдений над французским коммуникативных поведением // Коммуникативные исследования 2005 / Научн ред. И.А.Стернин. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2004. – 242 с.
6. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 352 с.
7. Чернова О.В. Психологические аспекты роста национального самосознания русских // Этническая психология и общество. - М., 1997. - С. 126 – 131.

КРАСОЦКАЯ М.Д.

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА В УПОТРЕБЛЕНИИ ИДИОМ (НА МАТЕРИАЛЕ МУЛЬТФИЛЬМА «AS TOLD BY GINGER»)

В статье исследуется различие в употреблении идиоматических выражений двумя социальными классами персонажей из мультсериала As Told By Ginger (2000–2006). Анализируется частотность использования идиом и выражаемых ими концептов. Проводится

сопоставление полученных данных между двумя группами. Делается вывод об отражении стремлений и предпочтений персонажей.

Ключевые слова: идиоматическое выражение, лингвокультурный концепт, концептосфера, социальная дифференциация языка, языковая картина мира.

В настоящее время термин «концепт» не имеет общепринятого понятия, поскольку находится на стыке нескольких научных областей: когнитивистики, лингвокультурологии, семантики [Шулятиков 2015; 98]. В перечисленных отраслях существует большое количество работ, в которых приводятся определения концепта, однако описание его сущности остается актуальной проблемой.

Концептосфера представляет собой совокупность взглядов нации и индивидов на окружающую действительность, заложенную в концептах как минимальных единицах [Путилина, Нестерова 2014; 111]. На ее основе строится языковая картина мира – ментально-лингвальное образование, информация об окружающей действительности, отраженная в индивидуальном или коллективном сознании и переданная средствами языка [Гончарова 2012; 400]. Идиоматическое выражение, в свою очередь, является элементом языковой картины мира, поскольку в нем аккумулируются мышление, история и традиция народа.

Несмотря на единство языка, происходит его «вертикальное» членение ввиду социального расслоения общества, т. е. появляется язык «бедных» и «богатых» [Крысин 2004; 74].

Целью исследования является определение разницы в употреблении идиоматических выражений персонажами с разными социальными статусами в мультсериале *As Told by Ginger*. В рамках данной работы будут рассмотрены идиомы, употребляемые классом «богатых» и «бедных»; проведен количественный и качественный анализ отобранных выражений, сопоставлены выражаемые ими концепты.

Разделение на «бедных» и «богатых» в мультсериале несколько условно, поскольку первые относятся к среднему классу (у семей есть собственные дома, машины), однако между ними наблюдается существенный уровень неравенства (ср. возможность содержать личный вертолет у семьи Гриплингов, чего не могут позволить семьи Футли, Бишоп и Лайтфут).

С обеих сторон было отобрано по пять персонажей в возрасте от 9 до 12 лет, поскольку выбор идиоматических выражений старшего поколения будет иным, что непригодно для сопоставления с младшим в рамках проводимого исследования. Выбранных персонажей можно противопоставить друг другу: группа друзей Джинджер (протагонистка мультфильма), в которую входят Джинджер (Ginger Foutley), Доди (Dodie Bishop), Мэйси (Macie Lightfoot), Карл (Carl Foutley) и Худси (Hoodsey, Robert Joseph Bishop); группа друзей Кортни (занимает промежуточное положение между антагонисткой и второстепенным персонажем), в которую входят Кортни (Courtney Gripling), Миранда (Miranda Killgallen), Мипси (Mipsy Mipson), Фиа (Thea Mipson) и Блэйк (Blake Gripling). Таким образом, проведена условная черта между «бедными» и «богатыми» персонажами.

С количественной точки зрения, группа бедных персонажей отличается частотой употребления идиоматических выражений: 192 против 71 со стороны богатых. При этом наибольшее количество идиом прозвучало в речи Карла (68), Джинджер (51) и Кортни (30), несмотря на отведенную Карлу и Кортни роль второстепенных персонажей.

Рассмотрим идиомы с качественной точки зрения и сравним выражаемые ими концепты. В процессе анализа у группы «богатых» были выделены следующие концепты: сострадание, преступление, мысль, любовь, насмешка, внешность, навыки, месть, потеря, время, риск, безопасность, избегание, противостояние, адекватность (ментальное состояние, например, *to lose one's mind* – сходить с ума), владение, учеба, отдых, честность, храбрость, статус, контроль, попытка, долг, ответственность, самооценка, деньги, манипулирование, будущее, изменение, свобода. Чаще всего употреблялись время (7; например, *cut to the chase* – перейти к делу, употребленное три раза), избегание (6; *to give a cold shoulder* – избегать кого-то), внешность (4; *all the rage* – в тренде), потеря (4; *to sever ties* – разорвать связи), риск

(4; *to take a chance* – воспользоваться шансом), адекватность (4; *to lose one's mind* – сходить с ума), контроль (4; *call the shots* – командовать).

Так как «бедная» группа употребила значительно больше идиом, имеем следующий список концептов: важность (например, некоего события или действия), насилие, время, преступление, помощь, семья, нейтральность, раздражение, мысль, любовь, адекватность, планирование, избегание, месть, связь, потеря, польза, навык, свобода, слава, манипулирование, риск, разнообразие, учеба, противостояние, сплетни, владение, приземленность, легкость (в исполнении, например, *piece of cake* – легкотня, проще пареной репы), справедливость, смерть, предательство, место, статус, прогресс, угроза, вера, одиночество, цель, вина, предупреждение, честность, контроль, насмешка, будущее, самооценка, понимание, принятие, постоянство, разочарование, близость, изменение, тело, успех, доброта, благодарность, личные границы, внимание, неуверенность. При этом наибольшее количество идиом было отнесено к концептам раздражения (15; *to give one a break* – отстать, не вешать лапшу на уши), адекватности (13; *to be out of one's gourd* – сходить с ума), избегания (12; *to bail on* – быстро покидать кого-то), честности (8; *to come clean* – признаться), свободы (7; *to cut someone some slack* – быть снисходительным), угрозы (7; *not to stand a chance* – не иметь шанса).

Универсальными для обоих социальных классов выступили такие концепты, как преступление (2 у «богатых», 5 у «бедных»), любовь (2 и 6), мысль (1 и 3), насмешка (3 и 2), навыки (2 и 4), месть (2 и 4), потеря (4 и 6), время (7 и 5), риск (4 и 5), избегание (6 и 12), противостояние (1 и 3), адекватность (4 и 13), учеба (1 и 1), честность (2 и 8), контроль (4 и 2), самооценка (1 и 4), манипулирование (1 и 3), будущее (2 и 2), изменение (1 и 1), свобода (1 и 7). Как можно заметить, почти во всех случаях соотношение неодинаково.

Суммируем сказанное. Для высшего социального класса в мультсериале *As Told by Ginger* нехарактерно обильное употребление идиом в речи. Самыми частотными были концепты времени, избегания, внешности, потери, риска, адекватности, контроля. Выскажем соображение, что данные концепты отражают важность времени (время – деньги), нетерпимость к долгим обсуждениям не по теме (потому что на них уходит много времени и внимания), роль внешности человека (чем красивее, тем популярнее в школе), но в то же время страх риска и потери материальных благ и статуса, желание контролировать людей и ситуацию.

Напротив, средний класс в сериале обильно использовал идиомы в своей речи. Основными концептами при этом являлись раздражение, адекватность, избегание, честность, свобода, угроза. Предположим, что этот набор отражает нетерпимость к глупости и обману, избегание опасных ситуаций, попытки отстаивать свою точку зрения и территорию, желание быть свободным от предрассудков окружающих, в особенности своих сверстников.

Универсальные концепты, по нашему мнению, указывают на контраст между двумя группами, поскольку богатым не нужно беспокоиться о самооценке, любви (при существовании контроля), честности и манипулировании, когда как бедным приходится прибегать к ухищрениям, чтобы проникнуть в высшие слои и стать популярными (манипуляции, месть, противостояние).

Перспективой данного исследования считаем проведение подобного анализа между взрослыми персонажами мультсериала, гендерное и возрастное сравнение.

Литература

- Богатикова Л.И. Лингвокультурный аспект фразеологических единиц // Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна. – 2015. – №2 (46). – 4 с.
- Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2012. – №2. – С. 396–405.
- Живлакова А.Е. Теоретические подходы к социолингвистическому анализу социально-политической дифференциации языка // Вестник СГТУ. – 2010. – №1 (44). – С. 274–279.
- Крысин Л.П. Проблема социальной дифференциации языка в современной лингвистике // Социолингвистика вчера и сегодня. – 2004. – №2004. – С. 73–91.

Крюкова Г.А. Концепт. Определение объема содержания понятия // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2008. – №59. – С. 128–135.

Путилина Л.В., Нестерова Т.Г. Подходы и методы исследования концепта «богатство» в отечественной лингвистике // Вестник ОГУ. – 2014. – №11 (172). – С. 111–116.

Шулятиков И.С. Термин «Концепт» в современной лингвистике // Вестник ВятГУ. – 2015. – №12. – С. 98–102.

КРИВЕНЬКАЯ М.А.

Московский педагогический государственный университет

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ И КУЛЬТУРНЫЙ КОД НАЦИИ: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Статья раскрывает присущую художественным образам способность активизировать компоненты культурного кода в когнитивной базе представителей лингвокультурного сообщества. Лингвокогнитивный анализ диалогов приводит автора к выводу, что художественные образы играют активную роль в диалогическом дискурсе, участвуя в знаковой координации деятельности коммуникантов на уровне культурных пресуппозиций.

Ключевые слова: диалог, культурный код, художественный образ, пресуппозиция, лингвокогнитивный анализ

В философском, цивилизационном смысле культурный код нации как система уникальных культурных архетипов, образов и ценностей, формирующих коллективную идентичность, в значительной степени определяется национальной художественной литературой. Литературная классика выполняет роль источника базовых ценностных ориентиров, которые, передаваясь из поколения в поколение, формируют фоновые знания нации, общую генную память, набор коллективных стереотипов, ментальных установок, поведенческих паттернов.

Современная художественная литература продолжает традицию поиска героями своей идентичности в пространстве жизненного выбора, в том числе реагируя на запросы сегодняшнего дня, которые демонстрируют крайнее непостоянство и противоречивость приоритетного набора возможных ответов на «вечные вопросы». Страницы художественной прозы представляются действенным «местом сборки» культурного кода нации, которое демонстрирует обширное и плотное семантическое поле искомого понятия и предоставляет героям широкие возможности для сочетания эксплицитного и имплицитного в диалогах, отражающих реалии современного информационного пространства.

Если принять во внимание, что культурный код определяет набор образов, которые связаны с неким комплексом стереотипов в индивидуальном и коллективном сознании, то при вербализации подобных стереотипов в диалогическом дискурсе создается образно-категориальная соотнесенность имплицитного и эксплицитного содержания высказывания. Успешность декодирования имплицитного смысла в диалогических репликах с вербальной актуализацией художественных образов зависит от степени совпадения у коммуникантов их так называемого культурно-языкового, или семиотического, кода.

Вообще, в подобных словесных баталиях доктор Бугров бывал прямолинеен и груб. Говорил то, что думал, а думал порой вразрез с «общепринятыми культурными кодами лучшей, либеральной части общества». Эти самые «коды» он в гробу видал и любил вынести академическую дискуссию на простор дворовой драки [Рубина 2020; 62-63].

Само понятие «культурный код» по частотности употребления на страницах художественных произведений может быть охарактеризовано как устойчивое, но по смысловой наполненности – семантически размытыми, формирующимися. Смыслы высказываний с культурной семантикой в диалогах литературных героев «считываются» средствами контекстной имплицатуры. Выявление имплицитного смысла зависит от

активного привлечения фоновых знаний коммуникантов, их индивидуального и коллективного социально-культурного опыта, передающегося из поколения в поколение.

Так, приведенная реплика демонстрирует, как в индивидуальном когнитивном пространстве героя идет внутренний диалог о выборе между двумя культурным нормами – в данном случае способах решения спорных вопросов. В противопоставлении «академической дискуссии» и «дворовой драки» реализуются антонимические отношения, восходящие к архетипическим «договор/вражда» или модернистским «консенсус/конфликт». Импликатура реплики подразумевает противопоставление типичного для разных социальных слоев поведения при возникновении несогласия, а введенное автором в начало реплики устойчивое словосочетание «словесные баталии» как раз предвосхищает дальнейшее противопоставление норм, закодированных в правилах поведения разных сообществ.

У читателя данного произведения, вполне возможно, создается и некая «дополненная» художественная реальность: конструируется визитип кабинета и двора. В этом проявляется то, что Д.С. Лихачев называл «потенцией образа» [Лихачев 1999; 69]. Он даже допускал, что писатель оставляет специально некие «зазоры» для сотворчества читателя. Исходя из этого, смеем предположить, что потенциал образа восполняется, а зазор заполняется тем успешнее, чем более откликается художественный текст пресуппозициям читателя, которые формируются в том числе с опорой на коллективный культурный код.

Многообразие определений, отражающих осмысление художественного образа, сводится к тому, что эта эстетическая категория характеризует особый, присущий только искусству, способ и форму освоения и преобразования действительности. В узком смысле понятие «художественный образ» обозначает элемент, часть художественного произведения (персонаж или предмет изображения), в широком и более общем – способ бытия и воспроизведения особой, художественной, реальности.

Читатель, воспринимая, оживляет художественные образы своей эмоцией, своей памятью, своим сердцем, достраивает художественную ткань произведения искусства своим воображением: «Воспринимая художественное слово, читатель «продолжает» образ – додумывает, догадывается, фантазирует» [Запесоцкий 2007; 65]. С этой точки зрения, можно сказать, что каждый раз, когда прочитанное «дешифруется» читателем, он заново вскрывает культурный код, соотнося его со своей культурной памятью, подсознательным.

При лингвокогнитивном анализе диалогов героев художественных произведений, семантически соотнесенных с понятием культурного кода, мы исходим из того, что художественные образы при вербализации их в диалогическом дискурсе участвуют в знаковой координации деятельности коммуникантов на уровне культурных пресуппозиций [см. Сидоров 2011: 187-191]. Семантика культурного кода включает ярко выраженные этнокультурные особенности означаемого явления. В контексте когнитивистского подхода «национально-культурная семантика языка» [Попова 2003: 7-12] зачастую оказывает решающее влияние на организацию диалогического, в том числе межкультурного, дискурса.

– ... Мы вообще всех встречаем по полной программе, соответственно ихним национальным традициям. Японцев встречаем в кимоно. Индийцев – в сари... клянусь! У нас в резиденции даже консультант имеется по правильным жестам и обычаям. Страшные деньжищи получает! [Рубина 2015; 134].

В терминах психологии социального познания здесь имеют место так называемые «иллюзорные корреляции» [Андреева 2005: 112], которые в принципе характерны для обыденного сознания: «Вербальные иллюзии играют большую роль в создании социальных стереотипов, например, национальных стереотипов [...], которые формируют национальные предрассудки» [Маслова 2001: 62].

Констатация национальной идентификационной принадлежности с опорой на культурно-языковые константы особенно ярко прослеживается, когда участники «литературного» диалога вербализуют свое отношение к «своей» культурной среде через обращение к художественным образам, рожденным классическими литературными произведениями.

– Как ты не понимаешь? Ей хотелось войти в литературу в достойном виде. **Не станционной шалавой, а тургеневской девушкой.**

– Красиво. Только вряд ли она читала Тургенева.

– **А это не важно, читала или нет. Она находится в этом культурном поле...** – Ладонью перед носом изображаю чтение. – **Ты видела в мире метро, где бы столько читали?** [Водолазкин 2019; 177].

В лингвокультурологическом аспекте этот диалог служит примером актуализации у обоих коммуникантов широкого спектра имплицитных представлений того, что В.Н. Телия называла «окультуренным мировидением». В терминах когнитивистики импликация, которая подразумевает образование и понимание смысла высказывания, есть «способ использования» когнитивной среды [Кашичкин 2003; 128].

Соответственно разновидности инкультурации (интеграция, адаптация, ассимиляция) воспринимаются не только как явления, происходящие в событийно-бытовом контексте приятя/неприятя норм, обычаев, традиций, но прежде всего на уровне лингвокогнитивном, ментальном.

(1) – **Значит так. Этот Ху Цинг давно уже живет в Москве, лет двадцать точно. То есть практически ассимилировался. Ментально.**

– В смысле ментально? – **встрепенулась Настя.**

– **В смысле мозгами: виртуально ругается матом, опять же водочку уважает. То есть человек в душе практически русский, а снаружи – нет.** [Абгарян 2015; 103].

(2) – **Я ей говорю: давай совместно двигать в будущее стезю нашего ребенка! Я уже не пью, мозги у меня разморозились, стали мультикультурно объемными. А она опять: алименты!** [Рубина 2020; 40].

Итак, художественные образы как составная часть культурного кода играют активную роль в формировании когнитивной среды коммуникативного акта и диалогического дискурса в целом. Как часть фоновых знаний, они входят в когнитивную базу коммуникантов, образуя там соответствующие субъективно-логические связи. Данные связи уже на пред-стадии диалога в виде пресуппозиций корректируют его содержание, участвуют в определении когнитивного потенциала собеседника, скорости реализации интенций говорящих и т.д. В ходе диалогического дискурса вербальная актуализация фоновых социокультурных знаний приводит к активизации комплекса компонентов культурного кода в когнитивной базе и адресанта, и адресата. В силу интерактивной природы диалогического дискурса взаимодействие коммуникантов на уровне когнитивных структур в процессе взаимообмена имплицитными смыслами происходит в форме взаимной координации их речепсихической и коммуникативной деятельности, что отражается в культурной семантике диалога.

Литература

1. *Абгарян Н.* Понаехавшая. – М.: Издательство АСТ, 2015. – 220 с.
2. *Андреева Г.М.* Психология социального познания: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 303 с.
3. *Водолазкин Е.* Брисбен: роман. – М.: Издательство АСТ, 2019 – 410 с.
4. *Запесоцкий А.С.* Культурология Дмитрия Лихачева. –СПб: Наука: СПбГУП, 2007. – 523 с.
5. *Кашичкин А.В.* Имплицитность в контексте перевода: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 153 с.
6. *Лихачев Д.С.* Очерки по философии художественного творчества. – СПб.: БЛИЦ, 1999. – 191 с.
7. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: «Академия», 2001. – 208 с.
8. *Попова Т.Г.* Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты. – М.: Изд-во МГОУ «Народный учитель», 2003. – 146 с.
9. *Рубина Д.* Наполеонов обоз. Книга 3. Ангельский рожок. – М.: Эксмо, 2020. – 480 с.
10. *Рубина Д.* Русская канарейка. Голос: роман. – М.: Эксмо, 2015. – 512 с.
11. *Сидоров Е.В.* Социальная коммуникация: Учеб. пособие. – М.: Изд-во РГСУ, 2011. – 200 с.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА ИНОСТРАННЫМ СТУДЕНТАМ-ЖУРНАЛИСТАМ

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются методические возможности лингвокультурологии в контексте преподавания русского языка как иностранного студентам-журналистам. Подчеркивается важность применения данного подхода для формирования коммуникативной компетенции будущих специалистов в данной области, а также расширения их знаний о культуре.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвокультурологическая компетенция, русский язык как иностранный, студенты-журналисты.

LINGUOCULTURAL ASPECT IN TEACHING RUSSIAN LANGUAGE TO FOREIGN JOURNALIST STUDENTS

Abstract. This article examines the methodological possibilities of linguoculturology in the context of teaching Russian as a foreign language to student journalists. The importance of using this approach for developing the communicative competence of future specialists in this field, as well as expanding their knowledge about culture, is emphasized.

Key words: linguoculturology, linguocultural competence, Russian as a foreign language, student journalists.

В современном мире, где глобализация и интернациональные связи играют все более важную роль, лингвокультурология как наука, объединяющая языковой и культурологический аспекты, приобретает ключевое значение в методике преподавания русского языка как иностранного (РКИ). Использование данного подхода помогает студентам не только овладеть языковыми навыками, но и глубоко понимать культурный контекст, в котором используется этот язык, осмыслить «систему ценностей» его носителей [Воробьев 1997; 4]. Целью лингвокультурологии, по мнению Ю. Е. Прохорова, выступает развитие коммуникативной компетенции студентов, благодаря включению в учебный процесс лингвокультурем и информации о национально-культурных особенностях речевого общения [Прохоров, 1998].

Другим важным понятием в лингвокультурологии является «картина мира», представляющая собой комплекс знаний о действительности и состоящая из системы концептов [Веденина 2017; 19–21], в том числе профессиональных. Последние, соответственно, составляют профессиональную картину мира, формирование которой мыслится «главной задачей обучения в вузе» [Корж, 2016; 34].

В контексте журналистского образования лингвокультурология играет решающую роль в формировании коммуникативной и лингвокультурологической компетенций будущих иностранных специалистов, а также обеспечении понимания ими разнообразных аспектов русской культуры. Лингвокультурологическая компетенция определяется как способность понимать национальную специфику картины мира определенного народа, изучать его культуру посредством освоения языка [Телия 1993; 308].

В настоящей статье рассматривается место лингвокультурологии в методике преподавания РКИ студентам-журналистам, а также приводятся примеры. Для представителей данной профессии крайне важно на высоком уровне владеть русским языком, являющимся «культурным кодом нации» [Гусман Тирадо 2018; 380]. Кроме того, будущим специалистам необходимо хорошо ориентироваться в культурных особенностях, а также понимать специфику русскоязычных СМИ, как правило, широко использующих различные лингвокультурные единицы в своей деятельности.

В качестве лингвокультурем, позволяющих формировать картину мира журналиста в процессе изучения РКИ, целесообразно использовать единицы, связанные со значимыми для

данной профессиональной области концептами. Журналисты – это, в первую очередь, специалисты, активно работающие с *информацией, словами*, такими базовыми понятиями как *свобода, правда, этика* и т. д.

Приведем примеры подходящих лингвокультурных единиц: «*Слово – не воробей, вылетит – не поймаешь*», «*Сперва подумай, потом говори*», «*Правда дороже золота*», «*Свободный человек ничего не боится*» и т. д.

Кроме того, изучаемые лингвокультуремы могут быть представлены не только пословицами, но и различными цитатами, афоризмами, фразеологизмами, прецедентными высказываниями, некоторой эмоционально окрашенной лексикой. Это могут быть как общеупотребительные единицы, похожие на представленные ранее, так и выражения, непосредственно связанные со сферой журналистики и отражающие фрагменты профессиональной культурной среды: «*медийный шум*», «*информационный вакуум*» и т. д.

Описанные типы языковых единиц могут быть включены в различные по своим целям упражнения. Так, например, это может быть работа с лингвокультуремой при помощи введения ее в небольшой простой по содержанию текст, задание на подбор подходящих заголовков, сопоставление лингвокультурем с их толкованиями.

Студентам-журналистам продвинутой уровни можно предложить упражнения, нацеленные на самостоятельное определение семантики различных единиц, анализ заранее подобранных преподавателем аутентичных медиаматериалов на предмет определения в них различных прецедентных феноменов, представляющих лингвокультурную ценность и т.д. Также это могут быть упражнения, предполагающие создание студентами собственных текстов к предложенному заголовку, в основе которого использована поговорка, афоризм или концептуально значимая для журналистов цитата. Таким образом, лингвокультуремы могут быть широко использованы в разнообразных заданиях, целью которых является развитие всех видов речевой деятельности.

Подобные задания позволяют формировать у студентов-журналистов не только языковую, но и лингвокультурологическую компетенцию, необходимую представителям данной профессии для осмысления культурного контекста и картины мира носителей русского языка. Студенты учатся не только использовать сам язык, но и понимать, как культурные нормы и ценности влияют на журналистскую деятельность и коммуникацию в СМИ.

Кроме того, применение различных лингвокультурем в процессе обучения русскому языку может способствовать развитию критического мышления и креативности студентов.

Поводя итоги, важно подчеркнуть, что использование лингвокультурологии в преподавании РКИ для студентов-журналистов обогащает их профессиональный опыт, делает их более компетентными и грамотными в работе с различными культурными контекстами и в мировой журналистике. Эти задания способствуют формированию навыков анализа, критического мышления и творчества, что является необходимым в журналистике.

Литература

1. Вединина Л.Г. Человек в лингво-этно-культурном пространстве. – М.: Языки славянской культуры, 2017. – 217 с.
2. Воробьев В.В. Лингвокультурология. Теория и методы. – М.: РУДН, 1997. – 331 с.
3. Гусман Тирадо Р. Проблемы лингвокультурологии на страницах журнала «Русистика» // Русистика. – М., 2018. Т. 16. – №4. – С. 380–397.
4. Корж Т. Н. Формирование профессиональных концептов средствами иностранного языка // Вестник Нижегородского государственного университета. – 2016. – № 4. – С. 32–39.
5. Прохоров Ю.Е. Лингвострановедение. Культуроведение. Страноведение: теория и практика обучения русскому языку как иностранному. – М., 1998. – 108 с.
6. Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов: от мировидения к миропониманию // Славянское языкознание: докл. рос. делегации. – М., 1993. – С. 302–314.

РОССИЙСКАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЛИНГВИСТИКА НА ЗАПАДЕ И В КИТАЕ

Статья посвящена сравнительному и сопоставительному изучению теоретической и практической основ в западной школе Культурной лингвистики «Cultural Linguistics», в российской школе «Лингвокультурология» и в китайской культурной лингвистике, чтобы выявить разные понимания взаимосвязи языка и культуры и также способствовать научному обмену.

Ключевые слова: культура, язык, культурная лингвистика, лингвокультурология, сравнительный анализ, сопоставительный анализ

Введение

Взаимосвязь языка и культуры десятилетиями исследовалась в широком спектре научных сферах, и в последние годы стала наблюдаться тенденция к меж-дисциплинарному синтезу по этому вопросу, сочетающему антропологические парадигмы с парадигмами когнитивной науки и психологии. В этом контексте были созданы разные школы, посвященные данной теме исследования: западная школа Культурной Лингвистики «Cultural Linguistics»¹, российская школа Лингвокультурологии, и китайская культурная лингвистика.

Западная школа Культурная Лингвистика

Культурная Лингвистика «Cultural Linguistics, далее CL» выросла на основе интеграции когнитивной лингвистики с тремя традициями, присутствующими в лингвистической антропологии, а именно: Боасианской лингвистикой, этносемантикой и этнографией речи [Palmer 1996]. Наука определяется как междисциплинарная область исследований, изучающая взаимосвязь между языком, культурой и концептами.

Культурные концептуализации «cultural conceptualizations» являются ключевым термином в теоретической основе CL, который рассматривается по мнению Sharifian как динамическая сложная система познания, выходящая за пределы уровня индивидуального сознания [Sharifian 2011]. В рамках культурного познания входит ряд когнитивных моделей, в том числе культурную схему², культурную категорию³, культурную метафору⁴ и т.д.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что язык в CL — это «средство обмена культурными познаниями и хранения преобладающих элементов культурного познания в истории» [Sharifian 2011]. Культура в CL выступает как культурные концептуализации, которые можно исследовать при помощи ряда когнитивных моделей на основе языка и, в конечном счете, лучшее понимание более широких культурных когниций достигается.

¹ Cultural Linguistics (с заглавными инициалами) по определению Peeters [1990] – эта специальная дисциплина, а cultural linguistics (со строчными инициалами) – общий термин для различных дисциплин в рамках лингвистики с интересом к сложным отношениям между языком и культурой.

² Культурные схемы – это подкласс когнитивных схем, построенных с учетом культурных особенностей.

³ Культурные категории – это культурно обусловленные понятийные категории, которые в первую очередь отражаются в лексике человеческих языков.

⁴ Культурные метафоры рассматриваются как междометные концептуализации, основанные на культурных традициях.

Российская школа лингвокультурологии

Лингвокультурология рассматривается как комплексная научная дисциплина, отрасль языкознания, «возникшая на стыке лингвистики и культурологии» [Маслова 2001], изучающая «при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей)» [Воробьев 1997; 36-37], «проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе» и «непосредственно связана с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» [Красников 2002; 12].

Основная цель лингвокультурологии – «описание взаимодействия языка и культуры через раскрытие содержания языковых единиц, изучение их ассоциативных и деривационных связей, коннотаций, отраженных в сознании носителей языка» [Абякая 2004]. Лингвокультурологический анализ осуществляется преимущественно путем реконструкции лингвокультурного поля, определенного как «иерархическая система единиц, обладающих общим значением отражающих в себе систему соответствующих понятий культуры» [Воробьев 1994; 42]. Основными единицами исследования являются лингвокультурный концепт, лингвокультурема и др. Через реконструкцию единиц можно представить более широкую картину мира с учетом ценностных факторов.

Итак, в отличие от западной школы CL, в лингвокультурологии сформировалась философия, объединяющая лингвистическую и экстралингвистическую единицы и поле.

Китайская культурная лингвистика

Китайская культурная лингвистика «далее ККЛ» намерена выявить особенности китайского языка путем соотнесения его с китайской культурой.

Учитывая особенности китайского языка, ККЛ выступает за гуманистическую ретроспекцию традиционной китайской филологии, одновременно сочетая в своем исследовании естественные науки. В ККЛ существуют три основные школы – «культурной референции»¹, «культурной рефлексии»² и «культурной идентификации»³.

«Культурная референция» выступает за интерференцию языка и культуры и призывает к междисциплинарному анализу; «культурная рефлексия» рассматривает язык как коммуникативный инструмент и использует в своих исследованиях функциональные подходы. Изучение языка – это исследование коммуникативной деятельности человека в культурных контекстах с помощью интерпретации и сопоставительного анализа. «Культурная идентификация» устанавливает еще более тесную связь между языком и

¹ Культурная референция: язык имеет многомерную природу, а значит, его изучение должно охватывать следующие четыре аспекта: гуманитарный, биологический, информационный и физический [You 2003]. В этой школе приняты два исследовательских подхода: междисциплинарный анализ и интерпретация.

² Культурная рефлексия отстаивает функциональный подход и динамическую перспективу в своих исследованиях, считая, что ККЛ должна развиваться в тесной связи с социолингвистикой и прикладной лингвистикой. Язык здесь рассматривается как коммуникативный инструмент и отражение культуры; таким образом, изучение языка – это исследование коммуникативной деятельности человека в культурных контекстах.

В этой школе обычно используются четыре аналитических метода: 1) сопоставительный анализ; 2) метод проекции (интерпретация с учетом социального фона и культурного контекста); 3) культурно-конструктивный анализ; 4) культурно-психологический анализ «интерпретация с учетом эмоций, установок и психологического статуса говорящих» [Chen 1987].

³ Культурная идентификация – наиболее спорная школа китайской культурной лингвистики, основателем которой является Шэнь Сяолун. Шэнь утверждает, что язык отождествляет себя с культурой, а не просто отражает ее; он придерживается монистического взгляда на язык и культуру. Ее практическая схема разворачивается в три слоя: 1) культурная идентификация – изучение того, как язык отождествляется с культурой; 2) языковая интерпретация – изучение языковых явлений, отражающих специфические культурные факторы; 3) традиционная интерпретация [Shen 1990].

культурой в той мере, в какой эти два понятия полностью отождествляются друг с другом. Общие подходы содержат трактовки культурной идентификации, языкового проявления и их интерференции.

Обсуждение и выводы

Проведя систематический обзор основных представлений о взаимосвязи языка и культуры, мы пришли к выводу, что в трактовке взаимосвязи языка и культуры в различных направлениях есть как сходства, так и различия, а их разное понимание языка и культуры приводит к отличительным ориентациям исследований.

Следует отметить, что для различных взглядов на язык и культуру, будь то западный, российский или китайский, отправной точкой является общее согласие по поводу различия между языком, мышлением и культурой. Различия заключаются в специфической трактовке отношений между этими элементами.

Западная школа CL трактует язык как ключевой аспект культурного познания. Изучение языка призвано в конечном итоге понять более широкие культурные когниции, а культура в CL сводится к культурным концептуализациям, анализ которых опирается на своих средства, т.е. культурные схемы, культурные категории, культурные метафоры и т.д.

Со стороны лингвокультурологии базовым объектом исследования служат лингвокультурные единицы, объединяющие как языковые, так и экстралингвистические факторы. Через реконструкцию единиц можно представить более широкую картину мира с учетом ценностных факторов.

В ККЛ не существует единых взглядов на понимание языка: от монистического взгляда на язык и культуру до функционального; общепринятыми подходами являются интерпретация и сопоставительный анализ.

Литература

Абыякая О. В. Мифологическая лексика русского языка в лингвокультурологическом аспекте и принципы ее лексикографического описания: Дис. канд. филол. наук: 10.02.01: Санкт-Петербург, 2004 195 с. РГБ ОД, 61:04-10/769

Воробьев В. В. Лингвокультурология: (Теория и методы). М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. - 331 с

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

Маслова, В. А. Лингвокультурология: учебное пособие для вузов. М.: Академия, 2001. – 204 с.

Chen J. Brief introduction to Cultural Linguistics // Yuwendaobao. – 1987. – № 6.

Peeters B. On Linguoculturology and Cultural Linguistics // NSU Vestnik: Linguistics and Intercultural Communication. – 2019. – № 17. – С. 6-11.

Palmer G. B. Toward a theory of cultural linguistics. Austin: University of Texas Press, 1996. – 348с.

Sharifian, F. Cultural conceptualizations and language: Theoretical framework and applications. Amsterdam: John Benjamins, 2011. – 238с.

Shen X. Hanyu renwen jingshenlun (On the Humanistic Spirit of the Chinese Language) Liaoning: Liaoning Education Press, 1990. – 293 с.

You R. Introduction to Chinese Cultural Linguistics. - Shanghai.: Shanghai Lexicographical Publishing House, 2003. – 336 с.

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ КУЛЬТУРНОЙ КОННОТАЦИИ КАК ДОПОЛНЕНИЕ
К МАТЕРИАЛАМ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА РУССКОЯЗЫЧНЫМИ
СТУДЕНТАМИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ
(на примере сопоставления русского глагола "Есть" и китайского слова "吃 Чи")**

Данная статья посвящена рассмотрению семантического сопоставления слова "есть/吃 Чи" в китайском и русском языках с целью проиллюстрировать преимущества культурной коннотации лексики в качестве дополнительного учебного материала для носителей русского языка при изучении китайского языка.

Ключевые слова: лингвокультурология, язык, русский, китайский, язык и культура

Язык и культура никогда не существуют изолированно. Это в значительной степени отражено в трудах ученых-представителей лингвокультурологии, изучающих язык и культуру как предметы и их взаимосвязь параллельно, таких как В. В. Воробьев, Ю. Е. Прохоров, В. М. Шаклеин, Н. Ф. Алефиренко и др. Трудно недооценить роль лексики и заложенных в ней культурных коннотаций в процессе обучения языку, языковой коммуникации и в других областях, связанных с изучением языка.

Слова – это звуковые и семантические единицы языка. Овладение словами, особенно базовой лексикой, является необходимым условием для изучения нового иностранного языка. Диапазон словарного запаса, естественно, хорошо документирован. В частности, согласно введению к "лексическому минимуму", предусмотренному сертификационным экзаменом по русскому языку (ТРКИ), иностранным студентам, приступающим к изучению русского языка "с нуля", на этапе базового обучения необходимо приобрести, помимо основного языкового материала, в общей сложности «780 слов» [Андрюшина, Козлова 2015; 4] для совершенствования языковых навыков и работы по основным темам. На начальном этапе изучения китайского языка (HSK1-HSK2) стандартизированный квалификационный экзамен по китайскому языку (HSK) рекомендует лексический минимум в объеме 150-300 слов¹.

Глагол "Есть" и глагол "吃 Чи", выделенные для данной статьи, являются необходимыми словами для усвоения на начальном уровне изучения языков в соответствии с приведенными выше критериями тестирования. Помимо этого, в рамках теста по русскому языку на начальном уровне от начинающих изучать язык требуется освоение как значения 1 (*У меня есть брат*), так и значения 2 (*ем, ешь – едят что*) [Андрюшина, Козлова 2015; 18].

Глагол "吃 Чи" в китайском языке совпадает со вторым значением слова "Есть" в русском языке, оба обозначают поведение, связанное с приемом пищи. Для того, чтобы более подробно выяснить значение слова "Есть" в русском языке при обозначении приема пищи, мы обратились к Толковому словарю русского языка и обнаружили, что помимо его основного значения встречаются и другие лексические значения "Есть": 1. *Ржавчина ест железо*, 2. *Дым ест глаза*, 3. *С утра до вечера ест домашних*, 4. *Есть глазами кого (разг.)* [Ожегов, Шведова, 188]. Имеется также выражение, состоящее из совершенного вида глагола: *Съел?* – «злорадный вопрос потерпевшему неудачу: получил?; прост.» [Ожегов, Шведова 2006; 188]. Значения первых трех из этих выражений уже не связаны с китайским значением слова "есть", а именно, значения этих высказываний уже не образуются посредством слова "吃 Чи" в китайском языке. Четвертое выражение, злорадный вопрос, в

¹ Официальный документ по описанию экзамена
<https://www.chinesetest.cn/userfiles/file/dagang/HSK1.pdf>

китайском языке не используется, и в отличие от этого, "吃了吗 Ты съел?" в китайском языке – это своего рода дружеское приветствие, которое может заменить "你好" с точки зрения повседневного устного общения.

На самом деле, в китайском языке слово "吃 Чи" также делится на две категории по значению. По материалам «Современного словаря китайского языка» [Чи 2016; 171-173], первая категория значений "吃 Чи", помимо базового значения (лексическая единица точно такая же, как в русском языке), имеет еще некоторые переносные значения: *чем жить; всасывать, впитывать; уничтожить; выдержать что; терпеть напраслину, подвергаться критике, получить пощечину* и др. Вторая категория "吃 Чи" не меняет первоначального значения выражения, а сохраняет исходное значение слова в некоторых наиболее часто употребляемых "фиксированных словах". Следует отметить, что именно эта часть лексики вызывает затруднения у носителей русского языка при изучении китайского.

Во-первых, благодаря уникальным свойствам китайских иероглифов, каждый иероглиф имеет свое уникальное значение, за исключением морфем, которые не могут использоваться самостоятельно. У студентов возникает следующая путаница: «Я знаю каждое слово и понимаю, что оно означает, но когда они складываются вместе, почему я вообще не могу понять его значение?»

Кроме того, тексты, содержащие слово "吃 Чи"¹, относятся к тематике «Пища» в соответствии со стандартами начального уровня изучения китайского языка. Прочие морфемы в одном "слове" встречаются в других контекстах, поэтому без определенного накопления знаний студентам, не являющимся носителями языка, довольно сложно связать "吃 Чи" с другими морфемами и придумать слово, соответствующее языковой традиции, особенно если они с ней никогда не познакомились. Однако, вполне возможно, что с учетом своих фоновых знаний русского языка, учащиеся будут создавать новые предложения, не соответствующие китайской лингвистической традиции, например, 铁锈吃铁 (*Ржавчина ест (не в значении «разъедает», а именно физически ест) железо*).

Логично предположить, что это происходит по следующим причинам: 1. Языковой материал, с которым учащиеся знакомятся и который они могут полностью освоить на начальных этапах изучения языка, недостаточен для того, чтобы они могли распознавать выражения, отличные от базовых слов. 2. Влияние передачи мышления на родном языке. Это не свидетельствует о том, что мышление носителя языка не приносит пользы при изучении иностранных языков; наоборот, оно может в определенной степени облегчить изучение иностранных языков, помогая быстро понять язык. Таким образом, чтобы избежать влияния мышления на родном языке и дополнить процесс обучения свежим материалом, преподавателю необходимо избегать ситуаций, при которых учащиеся "не знают" и "создают новые слова", сравнивая и сопоставляя конкретные примеры из двух языков.

К примеру, на начальном уровне (HSK 1-2) студентам необходимо освоить следующие слова² и их значения: 吃 Чи (*есть*), 白 Бай (*белый, дневной*), 开 Кай (*открыть, включить*) 饭 Фань (*еда, рис*), 不 Бу (*не, нет*), 食 Ши (*еда, есть*), 来 Лай (*приходить, наступать*). Эти слова, в свою очередь, могут по-разному сочетаться между собой, образуя некоторые распространенные выражения: 吃白饭 Чи Бай Фань, 吃饭 Чи Фань, 吃不开 Чи Бу Кай, 吃食 Чи Ши, 吃白食 Чи Бай Ши, 吃不来 Чи Бу Лай. Эти выражения действительно часто используются в современном китайском языке и являются эффективной словарной базой для быстрого овладения аутентичным языком. Их запоминание также важно для

¹ См. текст "Стандартное учебное пособие HSK" Книги 1-2.

² Уровень слов определяется с помощью поиска по системе "Стандарт уровня владения китайским языком" : <https://hyq.zzchinese.com/play/gjzwdj>

изучения языка. Однако в таком случае лексическое значение этих выражений не может основываться на сложении лексических значений, необходимо в полной мере учитывать и соответствующие культурные значения, выражения также относятся к той лингвокультуре, о которой упоминал В. В. Воробьев [Воробьев 2006; 44]. Так, например, выражение 吃白饭 *Чи Бай Фань* не следует понимать буквально как "есть белый рис". Это слово на самом деле означает «жить за счет других, дармоедничать».

Таким образом, в заключение следует отметить, что сопоставление значений глагола "есть" в русском языке и "吃 *Чи*" в китайском языке позволяет по-новому взглянуть на преподавание и изучение языка: не следует ограничиваться рамками материала учебника, а активную роль должна играть субъективность преподавателя, соответствующим образом ориентируясь на рамки экзаменационного критерия, для максимального расширения "культурной новизны" лексики на основе когнитивной основы самой лексики, с учетом уже имеющихся знаний. Такой способ оказывается весьма полезным как с точки зрения повышения интереса студентов к обучению, так и с точки зрения укрепления аутентичности языка.

Литература

1. Андрушина Н. П., Козлова Т. В. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Общее владение. – 5-е изд. – СПб.: Златоуст, 2015. — 80 с.
2. Воробьев В. В. Лингвокультурология: монография. М.: РУДН, 2006. – 336 с.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений /российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 стр.
4. 吃 *Чи* // 现代汉语词典 (Современный словарь китайского языка)/中国社会科学院语言研究所词典编辑室编

ЛИ ФАНХУА

Московский педагогический государственный университет

ПРИЕМЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО КОММЕНТИРОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ В КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИИ (УРОВЕНЬ В1)

Статья посвящена описанию приемов лингвокультурологического комментирования, используемых в процессе обучения иностранных студентов употреблению русской лексики с национально-культурным компонентом. Автор предлагает несколько способов введения лингвокультурологических комментариев на занятиях в китайской аудитории и определяет их роль в процессе освоения студентами данных единиц.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, лексика с национально-культурным компонентом, лингвокультурологический комментарий, китайские студенты.

Обучение китайских студентов лексическому аспекту на занятиях по русскому языку как иностранному на уровнях В1 и выше сопряжено с рядом трудностей, обусловленных постепенным усложнением лексических единиц, увеличением количества отвлеченной и абстрактной лексики, полисемантов, необходимостью различения близких по значению слов. Кроме того, лексикон обучающихся активно пополняется единицами с национально-культурным компонентом, которые требуют уже более подробных комментариев. Если на предшествующих этапах обучения студентам важно было выучить ряд слов, относящихся к безэквивалентной лексике, усвоить необходимую для соответствующих ситуаций общения фоновую лексику, то на среднем и продвинутом этапах студенты должны научиться

«считывать» понятные носителю языка подтексты, порождаемые за счет наличия у слова национально-культурного компонента.

Для повышения эффективности обучения лексике с национально-культурным компонентом необходимо учитывать родной язык и родную культуру обучающихся, что поможет отобрать наиболее трудные для усвоения единицы, и прибегать к различного типа лингвокультурологическим комментариям

Среди критериев отбора лингвокультурологического материала для комментирования исследователи называют: типичность, коммуникативную и страноведческую ценность, «защищенность от стереотипа» [Мамонтов 2019; 151]. Последнее предполагает при отборе единиц и составлении для них лингвокультурологических комментариев не концентрироваться только на одной черте лингвокультуры во избежание закрепления в сознании обучающихся прочных стереотипов [там же]. На наш взгляд, одной из задач лингвокультурологического комментирования как раз и является не только недопущение формирования стереотипных представлений о культуре изучаемого языка, но и развенчание стереотипов, которые уже сложились до знакомства с ней. При этом обучающий потенциал лингвокультурологических комментариев на занятиях со студентами, имеющих уровень владения русским языком В1 и выше, преумножается, если они представляются в форме различных заданий, в том числе ориентированных на когнитивное освоение русскоязычного культурного пространства [Лазарева 2012; 102].

Отбор единиц с национально-культурным компонентом может производиться на основе анализа «отрицательного языкового материала», с одной стороны, с другой – на основе анализа результатов лингвистических исследований и специальных словарей, например, словарей лакун [Быкова 2012], которые позволяют преподавателю сконцентрироваться на возможных трудностях в усвоении слов, на первый взгляд, их не предполагающих. Например, в русском языке есть существительное *неприятность*, которое при предъявлении студентам может быть семантизировано через прилагательное *неприятный*. Между тем при наличии в китайском языке выражений типа 不愉快的事 (досл. неприятные вещи), 不愉快的消息 (досл. неприятные новости) китайский студент может не в полной мере осознавать смыслы, входящие в русское понятие *неприятность*: в китайской лингвокультуре *неприятность* (麻烦) связана прежде всего с нарушением спокойствия, с трудностями, хлопотами, причиной которых является сам человек, в русской лингвокультуре это скорее событие, обусловленное стечением обстоятельств (*случилась неприятность / постигла неприятность / возникла неприятность*) и вызывающее дискомфорт, то, что принять трудно или не хочется. Внутренняя форма русского слова, безусловно, может подсказать названные смыслы, но китайский студент скорее всего будет нуждаться в комментариях преподавателя, чтобы понять, почему в ряду синонимов к данному слову в русском языке оказываются: *горечь, досада, неудобство, обида, огорчение, скорбь, удар, едкость; укол, шпилька* [Абрамов 1999].

Рассматривая проблему обучения антропонимической лексике, которая, несомненно, содержит национально-культурный компонент, исследователи предлагают давать в комментариях сведения, «имеющие только кумулятивно-мотивационную значимость» [Люй 2001; 71], а также информацию, которая поможет иностранным студентам правильно употреблять данные единицы. Иными словами, комментарии должны решать как минимум 2 задачи: расширять фоновые знания и способствовать формированию механизмов релевантного выбора единицы в соответствии с коммуникативной ситуацией. При этом коммуникативная ситуация должна быть интерпретирована максимально приближенно к тому, как ее понимает носитель изучаемого языка. Данное утверждение может быть распространено на обучение лексике с национально-культурным компонентом во всем ее многообразии.

Лингвокультурологический комментарий, который целесообразно использовать систематически, может быть представлен на уроке в форме занимательных мини-текстов (до 120 слов), содержащих информацию из истории языка, о традициях в употреблении лексических единиц с национально-культурным компонентом. В качестве источника преподаватель может взять научно-популярные статьи, которые в случае необходимости будут им адаптированы в соответствии с уровнем владения языком обучающихся.

Предлагаемая структура лингвокультурологического комментария – мини-текста: 1) несложные для понимания контексты употребления комментируемой единицы → проблемный вопрос; 2) краткая информация из истории языка, помогающая студентам дать предположительный ответ на проблемный вопрос; 3) описание ситуации употребления единицы; 4) пример употребления единицы в описанной ситуации. При возможности, если позволяет комментируемая единица, такие тексты целесообразно сопроводить наглядным иллюстративным материалом.

Тексты, включающие лингвокультурологический комментарий, могут быть представлены в печатном варианте или в формате видеофрагмента / аудиоматериалов. Выбор формата будет зависеть, во-первых, от целей конкретного урока или его этапа, во-вторых, что не менее значимо, от характера комментируемой единицы. Например, для комментирования предметной безэквивалентной лексики, которая может быть семантизирована с помощью визуальной наглядности, выбирается формат видеофрагмента; для семантизации абстрактной лексики больше подойдет текст, который студент должен прочитать.

Помимо систематической работы с комментариями – мини-текстами, к эффективным приемам работы с лексикой, содержащей национально-культурный компонент, относятся: составление студентами собственных комментариев по предложенной преподавателем программе с использованием указанных в ней источников (словари, учебная и научно-популярная литература – в соответствии с уровнем владения языком); составление словариков с собственной системой помет, помогающих запомнить прагматически и культурно обусловленные возможности и ограничения в употреблении единиц названной группы; составление ассоциативных словариков для ряда слов с национально-культурным компонентом, структурированных на основе какого-либо признака (тематического / словообразовательного и пр.); создание собственной «коллекции» рекламных объявлений, демотиваторов, мемов, содержащих единицы с национально-культурным компонентом, сопоставление их с речевыми продуктами аналогичного типа в родном языке и др.

Если создание собственных комментариев помогает студенту лучше осмыслить, зафиксировать в сознании некие «концептуальные лексические знания» (О.А. Лазарева), то составление разного рода словариков способствует систематизации усваиваемых единиц в логике конкретного обучающегося с учетом логики лингвокультур родного, китайского, и изучаемого, русского, языков. «Коллекционирование» же наблюдений и попытка интерпретации языкового креатива, воплощенного в различных жанрах современной коммуникации помогает студентам совершенствовать коммуникативные навыки на основе более глубокого и осознанного понимания русской лингвокультуры.

Таким образом, использование на занятиях по РКИ в китайской аудитории различных приемов лингвокультурологического комментирования при организации работы над лексическими единицами, содержащими национально-культурный компонент, позволяет решить целый ряд задач и повысить эффективность развития коммуникативной компетенции обучающихся.

Литература

1. *Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: Около 5 000 синонимических рядов. Более 20 000 синонимов – 7-е изд., стереотип. – М.: Русские словари, 1999. [Электронный вариант]. URL: <https://www.slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vsin&wi=9389> (Дата обращения: 25.09.2023)
2. *Быкова Г.В.* Межкультурная коммуникация: Россия – Китай (словарь лакун) / Г. В. Быкова, Н. Л. Глазачева, Лу Чуньюэ; под науч. ред. И. А. Стернина. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2012. – 204 с.
3. *Ле Ван Ань, Мамонтов А.С.* К вопросу об организации работы над лексикой с культурным компонентом во вьетнамской аудитории при национально ориентированном обучении РКИ // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XXII Кирилло-Мефодиевские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XXII Кирилло-Мефодиевские чтения» (в рамках Международного Костомаровского форума (Москва, 26 мая 2021 года)) / гл. ред. М.Н. Русецкая [Электронное издание]. – Москва : Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2021. – С. 282–287.
4. *Лазарева О.А.* Лексическое знание в процессе обучения иностранных студентов русской лексике: структура и форма репрезентации // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. – 2012. – № 1. – С. 94–105.
5. *Люй Цуйюань.* Речевая практика китайских студентов на основе комментария к антропонимам // Русский язык за рубежом. – 2001. – Выпуск №1 (175). – С. 70–75.
6. *Мамонтов А.С.* Лингвокультурология в аспекте обучения русскому языку как средству межкультурной коммуникации // Русистика. – 2019. – Т. 17. – № 2. – С. 143–156.

ЛОПАТИНА С.С.

Новосибирский государственный медицинский университет

РАЗВИТИЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ»)

Статья посвящена развитию межкультурных компетенций студентов посредством преподавания дисциплины «Русский язык и культура речи» в Новосибирском государственном педагогическом университете. Автор анализирует понятие межкультурной компетентности студентов, предлагает пути ее формирования в рамках изучения дисциплины.

Ключевые слова: межкультурная компетенция, этническая идентичность, общечеловеческие ценности, толерантность, эффективные коммуникации.

В современном поликультурном мире актуальным является формирование и развитие межкультурной компетенции студентов как в процессе учебной деятельности, так и в будущей профессиональной деятельности.

Актуальность проблемы развития межкультурной компетентности определена законом РФ «Об образовании», «Национальной доктрине образования» до 2025 года.

В Новосибирском государственном медицинском университете обучаются студенты из разных стран: Афганистана, Ирана, Палестины, Йемена, Центральной Азии, Монголии, о. Маврикий, Египта и др.

Все группы лечебного, стоматологического, фармацевтического факультетов являются поликультурными. Каждый человек – представитель этноса, нации воспринимает любую другую культуру через призму своей культуры. Это восприятие является

результатом понимания собственной принадлежности к определенной этнической идентичности - принадлежности к определенным групповым представлениям, разделяемым этническим чувствам. Несмотря на то, что в разных культурах проявляются общечеловеческие ценности: добро, любовь, справедливость, уважение к старшим и т.п., многое становится неповторимым, уникальным. Следовательно, развитие межкультурной компетентности является одной из глав задач вуза.

Для успешного межкультурного общения студентам необходимо владеть межкультурной компетентностью – умением, способностью к межкультурной коммуникации, ведению эффективного диалога в соответствии с этическими нормами общения, сформированные чувства эмпатии и толерантности.¹

В современной науке проблемами межкультурной коммуникации занимаются исследователи лингвистики, коммуникативистики, лингвокультурологии, этнолингвистики: Э.Сепир, С.Г. Тер-Минасова, Е.М.Верещагин, и др.; Р.О. Якобсон, А.П. Садохин, Т.Н. Персикова и др.; С.А. Артановский, Г.А. Брутян, Е.И. Кукушкина и др.; Л.Б. Никольский, А.А. Шахматов, Б.А. Ларин и др.

Межкультурная компетентность в современном мире рассматривается как инструмент достижения успеха в межкультурном взаимодействии. На наш взгляд, успешное выполнение своих профессиональных задач в чужой среде, способность к конструктивному общению являются показателем владения этой компетенцией. Таким образом, межкультурная компетентность становится необходимой квалификацией для сотрудников разных областей.²

Мы будем рассматривать межкультурную компетенцию как часть коммуникативной компетенции, которая реализуется в Новосибирском государственном медицинском университете посредством преподавания дисциплины «Русский язык и культура речи».

В процессе изучения раздела «Эффективные коммуникации» считаем необходимым ввести в РПД знакомство с темой «Коммуникация в разных культурах», которая позволит студентам узнать поведенческие, ценностные, нравственные особенности разных культур.

Изучение темы предполагает формирование толерантности и эмпатии, умений быстро адаптироваться и обладать универсальными паттернами поведения для успешной интеграции и осуществления эффективного взаимодействия. В рамках темы знакомим студентов со сводом правил межкультурной коммуникации, сформулированными зарубежными исследователями. Ученые советуют уметь слушать собеседника; проявлять искреннюю заинтересованность ко всему новому; находить как можно больше информации о культуре своих партнеров; признавать собственные ошибки, находить средства и пути, чтобы общаться с зарубежными партнерами по самому широкому кругу вопросов и др.³

Кроме того, в разделе «Типы и виды общения» дисциплины «Русский язык и культура речи» необходимо говорить о толерантности как предписании взаимодействия народов, принадлежащих к разным культурам, которое основано на уважении различий в человеческих сообществах. На семинарских занятиях считаем необходимым говорить о толерантности как условии сохранения отличий, как право на отличность, непохожесть.

¹ Фрик Т.Б. Основы теории межкультурной коммуникации: учебное пособие / Т.Б. Фрик; Томский политехнический университет. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2013. – 100 с.

² Лопатина, С.С. Формирование готовности студентов направления подготовки «Международные отношения» к межкультурной коммуникации // Сибирский учитель. – 2021. - №4 (137) июнь. – С.81-84

³ Кондюрина, И. М. Пути к успешной межкультурной коммуникации / И. М. Кондюрина, П. А. Куноф. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2016. — № 7.5 (111.5). — С. 87-89. — URL: <https://moluch.ru/archive/111/28517/> (дата обращения: 25.09.2023).

Студенты делают вывод о том, что в современном мире актуальной является проблема целенаправленного воспитания толерантности:

необходимо овладеть культурой собственного народа с целью интеграции этих знаний в иные культуры; развивать представление о многообразии культур в мире и формировать положительное отношение к культурным различиям; развивать умения и навыки эффективного взаимодействия с представителями различных культур.

В процессе изучения дисциплины «Русский язык и культура речи» необходимо познакомить студентами с кросс-культурными тренингами, которые позволят сформировать навык межкультурной коммуникации.

На семинарских занятиях необходимо, на наш взгляд, изучение и обсуждение тем: «Теория культурных измерений Г. Хофстеде», «Теория «культурной грамотности» Э. Хирша, «Теория «Культурного шока» К. Оберга, «Теория Л.Самовара и Р. Портера», «Способы вербального и невербального общения в разных культурах». Вышеуказанные темы позволят студентам развивать межкультурную компетентность.

В сентябре 2023 года среди студентов 1 курса лечебного, стоматологического, фармацевтического факультетов был проведен опрос, в котором приняли участие 131 студент. По результатам обработки анкет были получены следующие результаты:

92% опрошенных считают актуальным знакомство с традициями и обычаями других культур;

86% студентов считают, что знакомство с традициями других культур способствует установлению дружеских отношений в поликультурной учебной группе;

81% опрошенных считают, что знание межкультурных различий смогут помочь в будущей профессиональной деятельности;

77% студентов считают, что формировать и воспитывать толерантность в современном обществе необходимо.

Литература

1. Кондюрина, И. М. Пути к успешной межкультурной коммуникации / И. М. Кондюрина, П. А. Куноф. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2016. — № 7.5 (111.5). — С. 87-89. — URL: <https://moluch.ru/archive/111/28517/> (дата обращения: 25.09.2023).

2. Лопатина, С.С. Формирование готовности студентов направления подготовки «Международные отношения» к межкультурной коммуникации // Сибирский учитель. – 2021. - №4 (137) июнь. – С.81-84

3. Фрик Т.Б. Основы теории межкультурной коммуникации: учебное пособие / Т.Б. Фрик; Томский политехнический университет. –Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2013. – 100 с.

ЛЭН ЦЗЯЖУЙ

ФГАОУ ВО Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы

РОССИЙСКИЕ КОНФЕТЫ В КИТАЙСКОЙ РЕКЛАМЕ

Статья "Российские конфеты в китайской рекламе" рассматривает различные подходы к привлечению китайских потребителей к российским конфетам. Автор подчеркивает важность высокого качества продукции, использования эффективности символов русской культуры в рекламе, значимость привлекательной упаковки и необходимость проведения исследования рынка для лучшего понимания предпочтений и вкусов китайских потребителей.

Ключевые слова: российские конфеты, китайская реклама, способы рекламы, качество продукции, предпочтения и вкусы потребителей.

Слово «реклама» пришло из латинского языка и значит «выкрикивать». Ученые отмечают, что этот термин, определяющий рекламную деятельность, появился еще во второй половине XVIII века [Мудров, 2012: 14].

В экономической сфере и сфере маркетинга распространены следующие определения рекламы.

С точки зрения Американской ассоциации маркетинга, реклама – это любая оплаченная, не имеющая личного характера, форма представления и продвижения идей, товаров и услуг вполне определенным способом (СМИ и др.) [Шишова, Подопригора, Акулич, 2019: 30].

М. Эйдинов определяет рекламу как форму маркетинговой коммуникации, эстетически завершенную и нацеленную на формирование потребительских стереотипов [Шишова, Подопригора, Акулич, 2019: 31].

Российские конфеты становятся все более популярными в Китае благодаря своему уникальному вкусу и изысканному внешнему виду, которые приносят свежие ощущения и вкусное наслаждение.

С ростом интереса китайских потребителей к международным продуктам российские конфеты стали популярным выбором. Они приносят уникальные впечатления вкусовых рецепторов и радость для людей, независимо от того, приобретают их для личного потребления или в качестве подарка.

Китайские потребители ценят высокое качество российских конфет, благодаря чему российские конфеты пользуются популярностью в Китае.

Вот перевод рекламы продажи российских конфет в китайском интернет-магазине на русский язык:

Добро пожаловать в наш интернет-магазин российских конфет! Мы предлагаем самые свежие и вкусные российские конфеты, чтобы вы смогли насладиться вкусами подлинной русской культуры. [俄罗斯国家馆(Электронный ресурс)]

Наши конфеты производятся одними из самых известных производителей конфет в России, и гарантируются высокое качество. Мы строго следуем стандартам безопасности пищевых продуктов, используем только качественные натуральные ингредиенты, без добавок и консервантов, чтобы вы могли наслаждаться конфетами безопасно. [俄罗斯网红零食: 紫皮糖、卢布肠、大头娃娃巧克力等(Электронный ресурс)]

У нас большой выбор конфет, включая традиционные шоколадные, фруктовые и желе конфеты. Мы также предлагаем специальные коллекции, такие как серия «Впечатление» с флагом России, а также роскошные подарочные упаковки, которые идеально подойдут в качестве подарка для родных и друзей. [俄罗斯网红零食: 紫皮糖、卢布肠、大头娃娃巧克力等(Электронный ресурс)]

На нашем сайте вы можете легко выбрать и приобрести конфеты, мы предлагаем быструю и безопасную международную доставку, чтобы вы могли быстро получить желаемые конфеты. [俄罗斯网红零食: 紫皮糖、卢布肠、大头娃娃巧克力等(Электронный ресурс)]

Новым клиентам также предоставляется скидка на первую покупку, поэтому не упустите возможность посетить наш интернет-магазин российских конфет и выбрать свои любимые виды конфет! [俄罗斯国家馆(Электронный ресурс)]

Спасибо за вашу поддержку, и мы надеемся предоставить вам вкусные российские конфеты! [俄罗斯国家馆(Электронный ресурс)]

Предпочтения китайцев в отношении российских конфет различны, но следующие несколько видов российских конфет пользуются популярностью в Китае:

1. Шоколадные конфеты: Российские шоколадные конфеты пользуются успехом у китайских потребителей благодаря своему насыщенному шоколадному вкусу и нежной текстуре. Например, шоколадные конфеты с начинкой и шоколадные плитки являются популярным выбором. [俄罗斯网红零食: 紫皮糖、卢布肠、大头娃娃巧克力等(Электронный ресурс)]

2. Мягкие конфеты: Российские мягкие конфеты также пользуются популярностью у китайцев. Эти конфеты обычно имеют богатый фруктовый вкус и мягкую текстуру, например, мармелад и мягкие конфеты с жидкой начинкой. [俄罗斯网红零食: 紫皮糖、卢布肠、大头娃娃巧克力等(Электронный ресурс)]

3. Ореховые конфеты: Российские ореховые конфеты также пользуются популярностью у китайцев. Эти конфеты обычно содержат орехи (такие как грецкие орехи, миндаль и др.), покрытые шоколадом или сахарной глазурью. [俄罗斯网红零食: 紫皮糖、卢布肠、大头娃娃巧克力等(Электронный ресурс)]

Это только некоторые из распространенных видов российских конфет, предпочтения китайцев в отношении российских конфет могут отличаться в зависимости от индивидуальных вкусовых предпочтений. В любом случае, российские конфеты предоставляют возможность китайским потребителям познакомиться с российской кулинарией и культурой.

Реклама российских конфет выполняет задачу привлечения внимания и продвижения бренда российских конфет, привлечения покупателей и формирования осведомленности о бренде. Вот несколько основных функций рекламы российских конфет:

1. Узнаваемость бренда: Реклама может помочь повысить узнаваемость бренда российских конфет. Путем демонстрации рекламы на различных каналах, таких как телевидение, журналы, интернет и социальные сети, бренд может привлечь внимание потенциальных потребителей.

2. Продвижение продукции: Реклама может показать особенности, вкус и преимущества российских конфет, чтобы передать потребителям информацию о продукции. С помощью привлекательных изображений и описаний, реклама может вызвать интерес у потребителей и стимулировать их желание купить продукцию.

3. Создание эмоциональной связи: Реклама может вызвать эмоциональный резонанс у потребителя и создать эмоциональную связь. Путем создания атмосферы тепла, счастья или воспоминаний, реклама может помочь установить эмоциональную связь между потребителем и продуктом, тем самым увеличивая вероятность покупки.

В общем, реклама российских конфет имеет цель повышения узнаваемости и осведомленности о бренде, продвижения особенностей и преимуществ продукции, формирования имиджа бренда и привлечения потребителей для продвижения продаж и развития бренда.

Литература

1. Мудров А.Н. Основы рекламы. Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Магистр: Инфра-М, 2012. 416 с.
2. Шишова Н.В., Подопригора А.С., Акулич Т.В. Теория и практика рекламы: учебное пособие. М.: Инфра-М, 2019. 299 с.
3. 俄罗斯国家馆[Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://m.tb.cn/h.56ki1p3?tk=lx1pWbjXsB5>
4. 俄罗斯网红零食：紫皮糖、卢布肠、大头娃娃巧克力等 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://mp.weixin.qq.com/s/Y262mXpTHus99JQFw8yKZA>

ЛЮ ИН

Нанкинский педагогический университет

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ВРЕМЕНИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена анализу синтаксических форм выражения времени в русском языке и исследованию уникального внутреннего образа мышления русской нации с помощью теории «пространственной метафоры».

Ключевые слова: русский язык, время, пространство, метафора, изображения.

Как одна из самых базовых когнитивных категорий, пространственная категория всегда находилась в центре внимания ученых. В данной статье на основе замечательных результатов исследований времени и пространства, проведенных предыдущими учеными, и различных исследовательских перспектив предполагается на большом корпусе языковых репрезентаций времени в русском языке подробно рассмотреть пространственные метафорические особенности выражения времени в русском языке, на основе пространственных эмпирических особенностей человеческого познания и сходства в процессе формирования концептов исследовать пространственные особенности понимания концепта времени в мышлении русского народа, а затем изучить причины возникновения этих особенностей.

I. Пространство и пространственная метафора

Пространство является основой познания человеком мира и интерпретации результатов этого познания, а одним из результатов восприятия отношений между человеком и объектами являются пространственные отношения между объектами. В процессе восприятия объективного мира и формирования пространственных когнитивных представлений люди приобретают образные схемы и конструируют абстрактные понятия путем сопоставления образных схем. Лакофф и Джонсон впервые объединили понятия «образ» и «схема», образовав «образную схему». Образные схемы - это относительно простые, повторяющиеся структуры в нашем повседневном телесном опыте, такие как контейнеры, пути, связи, динамика, равновесие, или какая-то пространственная ориентация или отношения: верх-низ, перед-зад, часть-целое, центр-край. [Лакофф & Джонсон 1980]

Одним словом, образные схемы строятся на основе пространственных структур, организационных структур, повторяющихся в повседневном телесном опыте человека, и служат в основном для анализа метафор.

Из всех видов метафор когнитивные лингвисты обычно соглашались с тем, что пространственная метафора играет важнейшую роль в формировании концептуального познания человека, поскольку большинство абстрактных понятий распознаются и выражаются на основе пространственных метафор. С помощью пространственной метафоры мы можем распознавать и понимать такие абстрактные понятия, как временные отношения, количественные отношения, социальные отношения, объем и состояние.

II. Особенности пространственной репрезентации концепта время в русском языке

Само понятие времени - это абстрактное понятие, которое трудно понять. Концепт времени в русском языке выражается в различных синтаксических формах, включая предлоги, приставки, времена и употребление глагольного вида. Далее мы анализируем конкретные языковые формы выражения концепта времени в русском языке с помощью предлогов, прилагательных и глаголов, чтобы утверждать, что понимание и выражение концепта времени имеет отличительную особенность пространственности, и объяснить причины этой особенности.

1. Предлоги

При выражении времени в русском языке время обычно сравнивается с пространственным контейнером, соответствующие события классифицируются как находящиеся внутри и вне этого контейнера, а абстрактное и непостижимое понятие времени превращается в конкретный объект, который легко воспринимается, и русские предлоги используют образную схему «перед-зад», «внутри-вне» и «далеко-близко», чтобы подчеркнуть это понятие пространственного контейнера. Например,

- (1) *В детстве* Анна тяжело и долго болела.
- (2) Вчера я решил задачу по математике *за три часа*.
- (3) Они оставались друзьями *в течение* всей жизни.

2. Прилагательные

Помимо предлогов, временные отношения могут выражать и другие слова, например, прилагательные. Если говорить о прилагательных, то они часто используются в китайском языке. Аналогично, в русском языке существуют подобные выражения, например:

- (4) Как-то незаметно из *далёкого прошлого* мы перенеслись в далёкое будущее.
- (5) *Следующая неделя* была посвящена кухне и ванной.

Это отображение пространственной структуры исходной области на область назначения с помощью таких типичных пространственных понятий, как верх-низ, перед-зад, далеко-близко, центр-край и т.д., служит основой для еще одной конструкции концептуальной системы - отображения пространственной структуры области времени.

3. Глаголы движения с приставками

Другим важным способом выражения концепта времени в русском языке является использование глаголов направленного движения и глаголов движения с приставками. «Аффиксы выводят временное значение и другие переходные значения на основе пространственного значения». [Маслов 1956; 178] Например,

- (6) Проблемы возникнут тогда, когда *придет* время регламентного ТО.
- (7) Ведь фильм интересен и в наши дни, хотя *прошло* уже несколько десятилетий со дня его выхода на экраны.

Глаголы, использованные в приведенных выше четырех примерах, состоят из направленного глагола «идти» с приставками «про-», «при-», «под-» и «в-» соответственно для образования глагола совершенного вида. Типовые пространственные понятия, часто используются в качестве основы для системного построения концепта времени.

III. Анализ причин выражения времени в русском языке

Большая часть общего восприятия времени обусловлена общностью физиологической и психологической структуры человека, а также все более многочисленными культурными обменами, а различия появляются за счет включения различий в окружающей среде и культурных особенностей национального бытия.

1. согласованность временного и пространственного восприятия

В основе концептуальной системы человека лежит тесная связь между понятием времени и понятием пространства, по мнению известного ученого Апресяна, «направление изменения смысла - от пространственного смысла к временному, а не наоборот». [Апресян 1995] Это похоже на процесс познания мира человеком: от геоцентризма к гелиоцентризму и космической бесконечности. Разделение времени суток человеком также основано на изменении пространственного положения солнца.

Уникальная географическая среда сформировала уникальный способ восприятия и перспективу российской нации. Историк Тойнби относил и Китай, и Россию к цивилизациям, не имеющим выхода к морю. [Тойнби 1991; 106] Тот факт, что море имело меньшее влияние на выживание двух народов, но реки имели большое значение в выживании и развитии двух народов, может объяснить использование рек и течений воды для выражения течения времени как в русском, так и в китайском языках, например: в течение всей жизни.

2. культурная специфика

Россия - огромная страна с разнообразным и сложным климатом, около четырех пятых населения и большинство городов которой сосредоточены в европейском регионе, а азиатский регион, хотя и обширный и бескрайний, характеризуется высокими плато и горами, скудной растительностью, тундрой и степью, не имеющими четких разграничительных линий. Именно эта нечеткость границ и создает необузданный характер русской нации, не формируя системной и всеобъемлющей когнитивной структуры, подобной ханьской. Когда русские люди выражают время, они не склонны указывать точное время, а предпочитают указывать приблизительное время, например: где-то в восемь, примерно в пять, около трёх часов и другие временные выражения. А когда русские договариваются о встрече и спрашивают, когда они придут, они часто отвечают: Сейчас приду, вместо определенного времени. Русские не упрекают никого за опоздание или неявку в назначенное время, не считают опоздание серьезным делом, и иногда, приходя в гости к русскому другу, опоздание на 15 минут является знаком уважения к хозяину.

Проведенный выше анализ позволяет сделать вывод о том, что, исходя из общечеловеческого восприятия пространства и сходства процесса формирования концептов у людей, восприятие и понимание концепта времени в русском языке хотя и основано на пространственном концепте и использовании соответствующей образной схемы для его понимания и выражения, но в силу уникальности географической среды. России и разнообразия национальных культур восприятие русских людей постоянно меняется, а взгляд на мир и мироощущение отличаются от взглядов представителей других национальностей.

Литература

- Lakoff, G. & Johnson, M.* Metaphors we live by. – С., 1980. – 3с.
Comrie, B. Tense.– С., 1985. – 7с.
Johnson, M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. – С., 1987.
Lakoff, G. & Turner, M. More than Cool Reason: A field guide to poetic metaphor. – С., 1989.
Апресян Ю.Д. Интегральные описания языка и системная лексикография. – М., 1995.
Хэ Юлин. Китайские иероглифы и культура.-П., 1999.
Тойнби А.Дж. Постигание истории. – Ш., 2019.
Чжан Кэдин. Когнитивное исследование пространственных реляционных конструкций. – П., 2016. – 9 с.
Маслов Ю.С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. – М., 2022.
Ли Цзиньсюй & Цинхуа Хуан. Общность и индивидуальность пространственных метафор // Академический форум: Ежемесячный теоретический журнал. – 2006. – № 7. – С.66-68

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
РУССКОЙ РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У СТУДЕНТОВ ИЗ КИТАЯ**

Эта статья исследует влияние лингвокультурологических текстов на речевую компетенцию китайских студентов в изучении русского языка. Исследование подтверждает их положительное воздействие и предоставляет рекомендации для преподавателей и студентов.

Ключевые слова: лингвокультурологические тексты, русская речевая компетенция, студенты из Китая, обучение русскому языку, совершенствование.

Ю.М. Лотман рассматривает культуру как разновидность языка и совокупность всех текстов на этом языке. Он особо подчеркивает, что при изучении языка важно не только овладеть грамматическими правилами, но и усваивать тексты, через которые мы учимся создавать новые способы выражения. [4:425] Фактически для пользователей языка тексты становятся чрезвычайно важными, они почти существуют до самого языка и выполняют функцию передачи коллективной памяти, а язык развивается из этих текстов. [5:424-425] Это делает тексты ключевыми в процессе приобретения языка; они не только формируют способ мышления, но и создают культурные ценности и стандарты, а также направляют интерпретацию внешнего мира и определяют способ поведения. [3:18]

С.Г. Воркачев и другие российские ученые сыграли ключевую роль в возникновении современных исследований в области языковой культуры. Это интердисциплинарное исследование охватывает несколько областей знаний и акцентирует взаимосвязь между языком, культурой, этничностью и обществом. С.Г. Воркачев подчеркивает, что приблизительно пятнадцать лет назад в России произошел значительный сдвиг в понимании роли языка, начиная считать его основой для человеческого мышления и поведения.[1:8] Языковая культура выделяется своей инновационностью, исследуя не только взаимодействие между языком и культурой, но и анализируя отношения между языком, этничностью и обществом. Это также оказывает влияние на область обучения иностранным языкам, где языковое и культурное сознание становятся ключевыми элементами для эффективного взаимодействия между носителями разных языков и культур. [2:11]

Таким образом, исследование языковой культуры стало самостоятельной научной дисциплиной, и его методы оказывают важное воздействие на область обучения иностранным языкам. Этот методологический подход, разработанный в работах Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, рассматривает языковое культурное образование как разновидность социолингвистики и акцентирует цель изучения национальной культуры и извлечение культурной информации из языковых фрагментов. Это подчеркивает важность исследования языковой культуры в образовании.

Лингвокультурологические тексты представляют собой жемчужину российской культуры, охватывая такие сферы, как литературные произведения, фильмы, музыка, искусство и многое другое. Эти тексты не только служат средством выразительности языка, но и отражают культурный контекст. Они способствуют расширению словарного запаса и улучшению навыков общения. Лингвокультурологические тексты обогащаются разнообразной лексикой и специфичными выразительными средствами, которые не только формируют языковую форму, но и передают культурные ценности.

Через изучение этих текстов студенты могут более гибко оперировать языком и разнообразить свой стиль общения. лингвокультурологические тексты предоставляют уникальную возможность для глубокого понимания российской культуры. Они содержат в

себе ценностные ориентиры, историческое наследие и отражение общественных аспектов. Анализ лингвокультурологических текстов помогает студентам лучше понимать уникальные особенности российской культуры и облегчает межкультурное общение с россиянами.

Также, изучение текстов способствует более глубокому пониманию грамматики и словарного запаса русского языка. Культурные тексты часто содержат сложные синтаксические структуры и разнообразную лексику, что позволяет студентам более полно освоить правила русской грамматики. Например: Примеры:

1. Сложность синтаксической структуры:

“Под луной, медленно поднимающейся над горизонтом, они шли по тихой улице, которую освещали лишь уличные фонари.”

Этот сложный синтаксический конструкт, содержащий множество вложенных предложений и богатую лексику, позволяет студентам более глубоко изучать синтаксис русского языка.

2. Многообразие лексики:

“В этой истории, автор исследует концепцию ‘тоски’ и ее влияние на героя.”

Слово “тоска” не просто слово, оно несет в себе специфический культурный смысл, который студенты могут осмыслить через анализ текста.

3. Русские идиомы и жаргон:

“Он всегда говорит с бабушкой по душам.”

Этот выразительный оборот “по душам” обозначает доверительное и близкое общение, и такие выражения важны для понимания культурных особенностей русского общества.

Во-вторых, метафоры, жаргон и культурные метафоры, содержащиеся в текстах, обогащают способы выражения языка. Студенты, изучая эти способы выражения, не только повышают свои навыки общения, но и лучше понимают особенности российской культуры. Например, некоторые метафоры в русском языке могут значительно отличаться от китайской культуры, и студентам необходимо понимать эти культурные особенности, лежащие в основе языковых выражений.

Итак, изучение русскоязычных культурных текстов позволяет китайским студентам улучшать свои языковые навыки и лучше понимать, и вливаться в российскую культуру. Этот всесторонний метод обучения — это не просто изучение языка, но и понимание культуры и процесс их взаимодействия. Это открывает перед студентами более широкий мир, развивает их навыки межкультурного общения и делает их более конкурентоспособными на мировой арене.

Литература

- 1 . Воркачев С. Г. Правды ищи: идея справедливости в русской лингвокультуре: моногр. Волгоград: Парадигма, 2009. – 193с.
- 2 . Воркачев С. Г. Лингвокультурная концептология: становление и перспективы // Изв. РАН. Сер. литры и языка. 2007. Т. 66, № 2. С. 13–22.
- 3 . Денисова Г. В. В мире интертекста: язык, память, перевод / Предисловие С. Гардзонио; Предисловие Ю. Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2003. – 297с.
- 4 . Лотман Ю.М. Проблема «обучения культуре» как типологическая характеристика // Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб.: Искусство- СПб., 2000. С. 425
- 5 . Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПб., 1998. – 285 с.

АРХЕТИПИЧЕСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБРАЗ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ

В статье рассматривается вопрос о роли архетипических литературных образов в диалоге культур. Особое внимание уделено архетипическому образу матери. Подчёркивается, что именно образы, обладающие чертами архетипа, создают возможность полноценного диалога автора литературного текста с неопределённо большой аудиторией.

Ключевые слова: архетип, литературный образ, межкультурная коммуникация

Архетипические образы в литературе интересны в первую очередь тем, что они отражают наиболее глубокие и древние представления об устройстве мира и жизни человека. Эти представления были в своё время зафиксированы в мифе и сказке, поэтому нередки случаи, когда в литературном произведении, созданном в конкретной культурной среде, представители иной культуры, иной нации обнаруживают знакомые чуть ли не с детства мотивы. Важно отметить, что речь при этом идёт не о заимствовании или иной форме непосредственного межкультурного контакта, а об образах коллективного бессознательного, которые являются общечеловеческими и не зависят от специфики национального культурного кода.

Опираясь на труды С.З. Агранович, мы будем рассматривать архетип как «образную модель, которая, обладая устойчивостью своей структуры, сформировавшейся на каком-то этапе культурного развития и отражающей особенности этого этапа, вместе с тем является мобильной единицей воплощения актуальных представлений. Архетипы наиболее полно реализуются в искусстве, потому что оно воссоздаёт образ человека в его целостности» [Агранович 2001; 10]. Проще говоря, архетип в литературном произведении – это не столько статичный образ с набором определённых черт, сколько динамические отношения внутри сюжета, раскрывающие тот или иной актуальный смысл. Архетипическими литературными образами мы будем, соответственно, называть те художественные образы литературного произведения, которые несут в себе черты архетипа: другими словами, архетипический образ является конкретным проявлением того или иного архетипа в художественном тексте.

В качестве примера можно привести широко распространённый в литературе и фольклоре образ матери, который можно рассматривать как межкультурную смысловую универсалию. Материнский образ многоаспектен, однако все его черты и проявления сводятся к негативной (Ужасная мать) или позитивной (Великая мать) стороне архетипа.

Нет нужды объяснять, почему образ матери, безусловно, является архетипическим. Любой человек, независимо от места и условий, в которых он родился, проходит в своём взаимодействии с матерью закономерные и предсказуемые этапы. Изначально мать представляет собой недифференцированную среду обитания («всё, что есть»), а пребывание в её утробе воспринимается как блаженное единство с миром, где нет ещё никаких противоречий, где от человеческого существа не требуется никакой борьбы с внешними условиями – вплоть до момента непосредственного рождения младенца на свет. Развиваясь внутри материнского тела, ребёнок как бы одновременно «съеден» матерью и сам «поедает её», поскольку живёт и растёт, потребляя её ресурсы. В этом заключается одна из причин, по которой в любой человеческой культуре материнский образ связан с кормлением, дающим силы (положительная сторона архетипа), или с отравлением, отнимающим здоровье и саму жизнь (отрицательное проявление архетипа). Кроме того, очевидна связь материнской фигуры с каннибализмом; здесь будет уместно вспомнить и славянскую Бабу-Ягу, и

древнеиндийскую богиню Кали, и множество литературных матерей, так или иначе «пожирающих» собственных отпрысков.

Физическое отделение от материнского тела сопровождается и болезненными ощущениями, и первым в жизни человека экзистенциальным кризисом: он в каком-то смысле переживает изгнание из рая, а мать становится для него внешним объектом. Первое время это всё ещё самый значимый объект, но чем далее, тем больше ребёнок отдаляется от него. Психологическая сепарация длится долгое время, проходит известные этапы, описанные в возрастной психологии, и в течение этого периода закономерным образом видоизменяется восприятие матери. Мать не остаётся исключительно благосклонной силой, одаривающей ресурсами; её образ начинает приобретать негативные черты: мать может карать по собственному произволу, лишать нужного (например, пищи), обрекать на страдания. В сказках такое изменение отношений изображается через популярнейший у разных народов мотив: добрая мать в силу неких обстоятельств замещается злобной и коварной мачехой, которая жаждет уничтожить падчерицу или пасынка. Так, сюжет японской народной сказки «Земляника под снегом» близок русской сказке «Двенадцать месяцев», вьетнамская сказка «Мачеха и падчерица» напоминает русскую сказку «Морозко», а китайская сказка «Злая мачеха» – сказку «Арысь-поле». Креольская сказка «Рокочито» имеет сюжетные пересечения со сказками «Крошечка-Хаврошечка» и «Василиса Прекрасная», однако в латиноамериканском варианте речь идет о мальчике, страдавшем от жестокости мачехи, но получавшем помощь и поддержку от умершей матери. Сказочная смерть, как известно, далеко не всегда представляет собой окончательное физическое исчезновение, нередко это лишь трансформационный этап, после которого герой «воскресает» в новом качестве. Примерно то же самое происходит и с образом матери: «добрая», заботливая мать в восприятии ребёнка как бы умирает, превращаясь в силу враждебную, подавляющую, угнетающую, которой необходимо противостоять, чтобы выжить. Это абсолютно нормальный психологический процесс, связанный с взрослением, обретением личностной независимости, становлением в качестве полноценного взрослого члена общества; не случайно же в сказках и природные, и магические силы приходят на помощь юным героям, которых мачеха гонит из дома будто бы на верную смерть.

Художественная литература, в особенности литература реалистическая, идёт по пути познания внутренних процессов дальше, не только обозначая их, как это обычно бывает в сказке, но и демонстрируя широкий спектр последствий, к которым приводят неверные действия и решения героя. Герой, который отказывается проходить через фазу сепарации и стремится остаться «хорошим сыном» («хорошей дочерью»), сохранив младенческую идиллию в отношениях с матерью, нередко тем самым провоцирует личностное самоуничтожение. В частности, мы можем наблюдать подобное развитие событий в романах М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы» и У. Фолкнера «Звук и ярость» – произведениях, имеющих немало общего в сюжетно-образной системе, несмотря на то, что их авторы были далеки друг от друга в пространственном и временном отношении [Ляшенко 2021; 28].

Ещё один распространённый мотив – смешение архетипических ролей, которое, как правило, оказывается губительным. Если архетипическая мать по какой-либо причине начинает подменять свою материнскую функцию иной (допустим, претендует на роль невесты/жены), это чревато малоприятными последствиями, причём и для героя, и для неё самой. В народных сказках этот мотив может оформляться как повторный брак или любовная связь матери/мачехи (например, как в русской народной сказке «Притворная болезнь» и осетинской «Сказке о мачехе и пасынке»); одно из самых известных литературных произведений, содержащих этот мотив, – шекспировский «Гамлет».

Опасное смешение ролей имеет место также, если у мачехи возникает влечение к пасынку. Так, в поэме М. Цветаевой «Царь-девица», основанной на сюжете одноимённой народной сказки, страсть мачехи к юному царевичу приводит всех главных героев к трагическому финалу. Интересна в этом смысле японская пьеса для театра кабуки «Гаппо»

(«Сэсю Гаппогацудзи»), написанная в 18 веке: молодая жена влиятельного вельможи притворяется влюблённой в пасынка, спасая таким образом от интриг и посягательств на его жизнь. Однако даже столь благие намерения не отменяют вины и последующей расплаты; погибая, молодая женщина возвращается в поведенческое русло материнского архетипа и кровью своих ран отпаивает отравленного пасынка.

Благодаря универсальности архетипических образов, к которым мы относим образы матери/отца, дочери/сына, мужа/жены (жениха/невесты), брата/сестры, а также героя/героини, литературный текст превращается в пространство для полноценного диалога автора с неопределённо большой аудиторией. Архетипы содержат модели наиболее типичных и значимых жизненных ситуаций, которые актуальны для представителей любой культуры, легко узнаваемы и способны запускать механизм сопереживания, ощущение сопричастности описываемым событиям. К.-Г. Юнг, основоположник теории архетипов, считал, что архетипы представляют собой «корни, опущенные в мир в целом» [Юнг 1994; 149], то есть именно образы, несущие в себе архетипические черты, способствуют тому, что произведение, созданное одним конкретным автором, становится достоянием многих, преодолевая межкультурные различия и превращаясь в явление культуры общечеловеческой.

Литература

- Агранович С.З. Саморукова И.В. Двойничество. – Самара: Самарский университет, 2001. – 132 с.
Ляшенко Т.М. Холодная мать как персонаж семейной саги // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. – 2021. – № 2-3. – С. 18-29.
Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. – М.: АСТ, 2022. – 352 с.

МАКАШОВА В.В.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ РУССКОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТРУДОВ Е.А. ЯМБУРГА)

Статья посвящена изучению педагогических концептуальных метафор как инструментов объективации традиционных ценностей и антиценностей русского лингвокультурологического сообщества.

Ключевые слова: глобализация, концептуальная метафора, культура, ценности, антиценности.

Сегодня весь мир вступил на путь глобализации, масштабы которой с течением времени лишь увеличиваются. Вслед за В.М. Межуевым, глобализация понимается нами как «усиливающаяся взаимозависимость национальных государств и регионов, образующих мировое сообщество, их постепенная интеграция в единую систему с общими для всех правилами и нормами экономического, политического и культурного поведения» [Межуев 2000; 103]. В основе процесса глобализации, с точки зрения Э.У. Байдарова [Байдаров 2005; 5], лежат, главным образом, *культурные стратегии и тактики* западного мира, призванные размывать исторически сложившееся культурное многообразие и ненавязчиво закреплять в сознании представителей иных лингвокультур чуждые им ценностные убеждения, идеалы и нормы. В этой связи все другое, незападное «должно исчезнуть или занять свою скромную нишу в установленной системе ценностей» [Шевченко, Тихоновскова 2018; 163]. Таким образом, глобализация, первоначально воспринимаемая как средство обогащения взаимодействующих культур, превратилась в удивительно мощный инструмент их обезличивания, уничтожения специфических культурных паттернов.

В условиях возникновения новых культурных трендов важная миссия по сохранению и распространению национально-культурных ценностей и ценностных ориентаций возложена, прежде всего, на плечи школы и, в частности, учителя, выступающего носителем и транслятором подлинных аксиологических координат, способного внедрять в умы

подростающего поколения мировоззренческое содержание традиционных культурных констант. Подчеркнем, что в русском лингвокультурологическом пространстве базовыми ценностными блоками являются *духовность, любовь к ближнему, созерцательность, бескорыстие, стремление к совершенству, миролюбие, терпение, коллективизм, творчество, труд, верность государству* [Рассади́на 2008; Барсукова 2017]. Вместе с тем учитель, не обладающий стабильной системой национально-культурных ценностей, оказывает пагубное влияние на обучающихся, внушая им антиценности, противоречащие подлинной ценностной базе русского лингвокультурологического сообщества. Фундаментальные ценности и антиценности русской культуры получают языковое воплощение в виде педагогических текстовых метафор, репрезентирующих соответствующие концептуальные метафоры. Материалом для проведенного исследования послужили концептуальные метафоры, объективированные в педагогических трудах современного педагога-новатора Е.А. Ямбурга.

1. ПЕДАГОГИКА – это СТРОЕНИЕ:

Очевидно и другое: на одном принуждении педагогическое здание не построишь, только нажимом традиции не создашь [Ямбург 2011].

В статье «Эффект последействия» Е.А. Ямбург обращается к строительной концептуальной метафоре ПЕДАГОГИКА – это СТРОЕНИЕ. Под педагогическим фундаментом автор понимает наличие у учителя таких личностных качеств, как выдержка и находчивость. Е.А. Ямбург подчеркивает, что для формирования и укрепления ключевых педагогических традиций недостаточно лишь применять административное давление, поскольку его чрезмерная эксплуатация учителем неизбежно вызывает у учащихся внутреннее отторжение к урочной и внеурочной деятельности и стремление от нее изолироваться. Впрочем, педагогической действительности свойственна стратегия принуждения: «Сначала принуждение – потом увлечение» [Ямбург 2011]. Таким образом, первое время учитель фактически заставляет обучающихся совершать определенные действия, но отнюдь не ограничивается указанным способом психологического воздействия на поведение представителей ученического коллектива, а, проявляя терпение и изобретательскую смекалку, *способствует возникновению у них творческого отношения к труду*. Автор отмечает, что многие ученики скептически отнеслись к торжественному мероприятию. По этой причине на начальных этапах Е.А. Ямбургу пришлось подчинить их необходимости регулярно репетировать танцевальные комбинации: «Пока молодые люди не войдут во вкус, репетиции вели балетмейстер в паре с грозным завучем» [Ямбург 2011]. Но уже далее он сменил педагогическую тактику: несколько ослабив контроль, Е.А. Ямбург настойчиво игнорировал ситуации детского неуспеха, придавая им позитивную и конструктивную направленность и тем самым культивируя у учащихся *коллективизм, сдержанность, самообладание и веру в собственную победу*. Как известно, педагогические методы, используемые Е.А. Ямбургом в процессе подготовки к выпускному балу, принесли блестящие результаты: выпускной вечер произвел одинаковый эффект на обучающихся, их родителей и учителей.

2. НАЦИОНАЛЬНОСТЬ – это ПЛОД:

Национальность – есть естественный плод, а не нарочитый умысел образования [Ямбург 2018; 70].

Подобно тому как плод является естественным этапом развития цветкового растения, формирование национальной идентичности представляет собой непосредственную задачу современного образовательного процесса. Она лежит в основе реализации центральной цели сферы образования – культурного просвещения подрастающих поколений. Важнейшую роль в национальном самосознании играет коллективное хранение историко-культурного опыта социума, то есть символическая реконструкция аксиологических установок прошлого. Е.А. Ямбург подчеркивает, что родовая память должна быть активной, поскольку *сохранить культурное наследие предков означает его приумножить*. Следовательно, от членов текущего культурного сообщества требуется непрерывное *совершенствование* идей

предшествующих поколений посредством *творческих усилий*. Развитие национального самоопределения уже завтрашних граждан страны возложено на плечи учителя. Он транслирует учащимся *национальные культурные традиции, духовно-нравственные идеалы, нормативно-культурные аксиомы поведения*, воспитывая из них настоящих *патриотов*, любящих свой край и свое Отечество. Однако если учителя прекратят распространять в детском коллективе национально-культурные ценности, то в скором времени будет непроизвольно запущен процесс обеднения национальной жизни.

3. КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА – это БАЛЛАСТ:

Следует признать, что великая русская классическая литература – это тот самый балласт, который следует сбросить с корабля модернизации [Ямбург 2018; 106].

В главе «Большая чистка» педагогического труда Е.А. Ямбурга «Беспощадный учитель» активизируется мысль о том, что сегодня в юношеском сознании решительно укореняется *антиценностная установка на быстрый, легкий, глянцево-блестящий успех в личной и профессиональной сфере*. В результате подрастающее поколение наивно полагает, что для достижения поставленной цели *не требуется упорно трудиться, проявлять терпение и выдержку, предаваться рефлексии*. В свою очередь, Е.А. Ямбург отмечает, что в системе образов произведений отечественной классической литературы на первом плане оказываются лишние люди, переживающие тяжелые жизненные периоды и разрешающие широкий круг экзистенциальных проблем; созерцающие и размышляющие натуры, сокрушающиеся сердцем о содеянном или об упущенном, каждую из которых «современный молодой человек может на своем наречии попросту назвать “лохом”» [Ямбург 2018; 106]. Подобное определение имеет простое объяснение: испытываемые персонажами классических художественных текстов колебания являются для обучающихся лишь сдерживающим фактором на пути к благополучию, не вручая заветного ключа к реализации настоятельных потребностей. Как следствие, не только учащиеся, но даже и *учителя* убеждены в том, что в условиях модернизации русская классика лишена актуальности: не отвечая запросам новой реальности, она неизбежно уподобляется обременяющему морское судно грузу, от которого необходимо избавиться. С точки зрения Е.А. Ямбурга, эта обновленческая идея поистине крамольна, поскольку отечественная классическая литература имеет ведущее значение «в решении всех без исключения проблем страны» [Ямбург 2018; 104].

Таким образом, содержание педагогических концептуальных метафор составляют как ценности (патриотизм, коллективизм, труд и др.), так и антиценности (нетерпение, праздность) русского лингвокультурологического сообщества. В эпоху всемирной экономической, политической и, главным образом, культурной унификации особая роль отводится учителю: он способен как привить подрастающему поколению национально-культурные ценностные ориентации, так и разрушить их.

Литература

1. *Байдаров Э.У.* Влияние глобализации на культуру и ценности человека // *Credo New*. – 2005. – №4. – С. 5.
2. *Барсукова С.А.* Базовые общекультурные ценности россиян // *Электронный журнал «Наука. Общество. Государство»*. – 2017. – Т.5. – №1(17). – С. 148-154.
3. *Межуев В.М.* Проблема современности в контексте модернизации и глобализации // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. – 2000. – №3. – С. 102-115.
4. *Рассадина Т.А.* Традиционные ценности русской культуры // *Социально-гуманитарные знания: научно-образовательное издание*. – 2008. – №1. – С. 44-58.
5. *Шевченко О.М., Тихоновская М.П.* Угрозы и риски духовной безопасности современной России // *Гуманитарий юга России*. – 2018. – Т. 7. – №1. – С. 161-169.
6. *Ямбург Е.А.* Беспощадный учитель: педагогика non-fiction. – М.: Бослен, 2018. – 464 с.
7. *Ямбург Е.А.* Эффект последействия // *Знамя*. – 2011. – №4. <https://znamlit.ru/publication.php?id=4557> (дата обращения: 03.07.2023 г.)

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ОРТОДОКСАЛЬНЫХ ЕВРЕЕВ В СОВРЕМЕННОМ ИЗРАИЛЬСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ: СМЕНА ПАРАДИГМЫ

В статье рассматривается эволюция образа ультрарелигиозных персонажей в израильском кинематографе на примере сериала «Шабабники» (2017-2022) в контексте перемен, происходящих в современном израильском обществе.

Ключевые слова: ортодоксы, харедим, Израиль, кинематограф, шабабники

Израильское общество очень неоднородно: в силу исторических причин в нем сосуществуют различные социальные, этнические и религиозные группы. Ультраортодоксальные иудеи, называемые также «харедим», селятся обособленно, ведут консервативный образ жизни. Тем не менее, жизнь религиозной общины, ешивы или отдельных семей регулярно становится основой для произведений светского кинематографа. Во-первых, любое взаимодействие представителей различных культур даёт сценаристам возможность построить сюжет на противоречиях, обыгрывая драматическую или комическую сторону сложившейся ситуации. Также закрытый мир ортодоксов вызывает интерес светской аудитории именно своей недоступностью, ведь «с улицы» попасть туда невозможно, а сходить в кино может каждый. Религиозные евреи соблюдают множество запретов и предписаний, в частности касающихся любви и брака, что позволяет вводить в сценарий необычные сюжетные линии, отличающиеся от стереотипных и «ломающие ожидания» зрителей. Кроме того, существует и умеренно-религиозная аудитория, которая только такие «целомудренные» фильмы и может смотреть.

Что касается образа ультраортодоксальной общины в кинематографе, то в зависимости от замысла авторов она изображалась либо как нечто, создающее препятствия и даже ломающее жизнь главным героям («С широко открытыми глазами», 2009; «Неортодоксальная», 2020), либо как особый мир, существование в котором требует больших усилий; с точки зрения светской аудитории запретов там больше, чем возможностей, а долг превышает радости («Ушпизин», 2004; «Штисель», 2013-21).

В последние десятилетия израильское общество меняется. На смену политике «плавильного котла», нацеленной на создание однородного гражданского общества, пришли новые тенденции, новый подход к освещению старых тем, особенно касающихся различий между социальными группами (вопросы самоидентичности, возвращение к языкам и традициям предков, гордость за свое происхождение и т.п.). Все это приводит к смене парадигмы, к возникновению новых форм в культурной жизни страны. В частности, появляются фильмы и сериалы, показывающие жизнь представителей отдельных социальных групп и их взаимодействие с окружающим миром; например, сериал об эфиопских евреях («Невсу», 2017), о выходцах из бывшего СССР («Советка», 2023). Эти сериалы рассчитаны на массового зрителя и способствуют росту взаимопонимания и терпимости внутри общества. О жизни харедим в таком «объединяющем» ключе рассказывает сериал «Шабабники» (2017-2021).

Шабабниками называют молодых людей из религиозной среды, которые регулярно отклоняются от традиций в пользу радостей внешнего мира (таких, как интернет, кафе, кино и т.д.). Главные герои сериала, ученики ортодоксальной ешивы, выглядят очень современно в своих модных черных костюмах и шляпах (в отличие от более старомодной одежды, которую носят персонажи-харедим в других фильмах); некоторые из них из богатых семей и могут себе позволить даже элементы роскоши (ездят на папином дорогом автомобиле, пьют дедушкин виски и т.д.), в их речи больше англицизмов; тогда как другие из простых семей

восточного происхождения, более низкого социального статуса, зато располагают к себе более простыми манерами, в частности – активным использованием сленговых словечек [Маккавеева 2023; с. 228, 230; Маккавеева 2022; с. 284-285]. Все они, как и светские юноши, сидят в кафе, пользуются интернетом и жарят шашлыки в парке. Они так же, как многие молодые люди, учатся (хоть и в ешиве), ищут пару (хоть и в рамках традиций) и пытаются найти свое место в мире (хоть им это и труднее, чем светским юношам). Они смешно шутят, а в те моменты, когда с экрана звучат слова, которые могут быть незнакомы большинству зрителей (религиозные термины или выражения из идиша), в субтитрах дается перевод. В целом получается, что образ шабабников (да и в целом ортодоксов) в сериале вызывает симпатию и сочувствие у зрителей. Об этом свидетельствует популярность сериала, а также полученные им награды от Израильской академии кино и телевидения.

Герои-ортодоксы ни в коем случае не высмеиваются: «Шабабники» – комедия положений, а не характеров. Обыгрываются именно ситуации, в которые они попадают, взаимодействуя то со светским обществом, то с более консервативными коллегами по ешиве. Автор идеи и режиссер сериала Э. Малка в одном из интервью говорит, что в его работах нет «плохих» персонажей, что он просто не может создать «плохого» героя, поскольку считает, что даже те, кто делает очень плохие вещи, могут делать их из лучших побуждений [Indig 2018; Электронный ресурс].

Элиран Малка родился и вырос в религиозной семье марокканского происхождения, сам учился в ешиве, поэтому многое в сериале основано на его личном опыте. В другом интервью он рассказывает, что в процессе работы над сценарием исследовал в первую очередь самого себя, пытался найти баланс между старым и новым, взглянуть на вещи с «высшей» точки зрения [“Eliran Malka”; Электронный ресурс] и отойти от распространенной практики, «при которой творец, обычно светский, разговаривает со зрителем, обычно тоже светским, через голову ультраортодоксального героя фильма или сериала» [Shavit 2018; Электронный ресурс]. На создание сериала его вдохновили также и семьи соседей, которых он в шутку называет «харедим 3.0»: это ультраортодоксы, которые не отрывались от традиции и в то же время не избегали радостей светской жизни, то есть жили как бы «между мирами». Но у этих двух миров, по мнению Малки, есть и много общего, и сам сериал скорее объединяет, чем разделяет. В этом и есть его принципиальное отличие, смена привычной парадигмы [“Eliran Malka”; Электронный ресурс]. Если раньше ультраортодоксальные персонажи в фильмах сталкивались с необходимостью выбора чего-то одного (светского или традиционного), то теперь герои пытаются совместить оба мира и исходят из предпосылки, что нет необходимости выбирать [Grossman 2018; Электронный ресурс].

Фильмы об ультраортодоксах, как правило, снимаются с соблюдением правил взаимодействия мужчин и женщин (чтобы их могли смотреть религиозные зрители). Так, например, в фильме «Ушпизин» главные герои, муж и жена (кстати, бывшие на момент съемок супругами и в реальной жизни), ни разу даже не касаются друг друга в кадре, потому что на людях этого делать нельзя. В этом смысле сериал «Шабабники» в целом соответствует предписанным ограничениям, но все же в одном из эпизодов есть сцена поцелуя; Элиран Малка рассказывает, что ему было непросто снимать эту сцену, однако он даже не пытался спрашивать разрешения у своего раввина, предвидя отрицательный ответ [Indig 2018; Электронный ресурс; Grossman 2018; Электронный ресурс]. Также он говорит, что он ожидал получить негативную реакцию на сериал от ультрарелигиозных зрителей и что был очень удивлен тому, как тепло он был принят [“Yotser...” 2018; Электронный ресурс]. Хотя были и негативные последствия: например, несколько настоящих студентов ешивы, снявшиеся в массовке, были отчислены после того, как это стало известно их руководству [Vaysberg 2018; Электронный ресурс; Perlstein 2018; Электронный ресурс].

На первый взгляд может показаться, что создание подобных сериалов и смена парадигмы в целом ведут к разрушению старого мира, традиций. Однако, на практике это не

так: традиции не меняются и вряд ли изменятся, но реалистичное изображение проблем, встающих перед молодыми людьми из среды харедим, может способствовать взаимопониманию и уменьшению пропасти между религиозной и светской частями общества.

По данным Центрального статистического бюро Израиля, в 2022 г. ультраортодоксы составляли около 13,3% от общей численности населения Израиля, и этот процент будет расти, так как в религиозной среде выше рождаемость, чем в светской. Следовательно, актуален вопрос о сосуществовании внутри одного государства, а также об интеграции желающих из среды харедим в светское общество (в большей или меньшей степени), что требует как минимум осведомленности и взаимной терпимости, чему несомненно способствует появление на экране образов ортодоксов, в равной степени привлекательных для всех социальных групп.

Литература

1. *Маккавеева Ю.А.* Социолекты, этнолекты и религиолекты в современном языке (иврите) на примере израильских фильмов и сериалов // Социальные коммуникации: векторы будущего: материалы II Всероссийской научно-практической конференции / под ред. А.В. Мучковой, С.Н. Курилова, И.В. Юдина. – М.: Издательство МЭИ, 2023. – С.226-231.
2. *Маккавеева Ю.А.* Характеристика этнолекта восточных евреев на примере современных израильских фильмов и сериалов / Ю. А. Маккавеева // Социальный инженер-2022: Сборник материалов Всероссийской научной конференции молодых исследователей с международным участием, Москва, 12–16 декабря 2022 года. Том Часть 8. – Москва: РГУ имени А.Н. Косыгина, 2022. – С. 282–286.
3. Eliran Malka. Tasritay uvamay. // Globes [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.globes.co.il/news/article.aspx?did=1001263782> (дата обращения: 21.09.2023).
4. *Grossman M.* Habamay Eliran Malka, Shemedaleg Beyn Haolam Hadatal Leshorashav Hamizrakhiim [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.inn.co.il/news/379843> (дата обращения: 24.09.2023).
5. *Grossman M.* Merim Et Hamasakh [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.inn.co.il/news/379843> (дата обращения: 26.09.2023).
6. *Indig A.* Giborei Anti [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.makorrishon.co.il/80241/אנשי-השנה-השעה/> (дата обращения: 25.09.2023).
7. *Perlstein A.* Sikheku Kenetsavim be-“Shababnikim” Vesulku Mehayashiva [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.bhol.co.il/news/893063> (дата обращения: 24.09.2023).
8. *Shavit A.* Mi-“Shababnikim” vead “Habilti rishmiim” [Электронный ресурс]. – URL: <https://e.walla.co.il/item/3177563> (дата обращения: 23.09.2023).
9. *Vaysberg M.* Akhshav Toro: Hayeshiva Hasfaradit Zarka Et Hanitsav Mishababnikim [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.bhol.co.il/news/893177> (дата обращения: 24.09.2023).
10. *Yotser ‘Shababnikim’ Khoshef Pratim Al Haone Hashniya // Khadashot Srugim* [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.srugim.co.il/237576-%D7%99%D7%95%D7%A6%D7%A8-%D7%A9%D7%91%D7%90%D7%91%D7%A0%D7%99%D7%A7%D7%99%D7%9D-%D7%97%D7%95%D7%A9%D7%A3-%D7%A4%D7%A8%D7%98%D7%99%D7%9D-%D7%A2%D7%9C-%D7%94%D7%A2%D7%95%D7%A0%D7%94-%D7%94%D7%A9>

МАКСИМЧУК Н.А.

Смоленский государственный университет

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ И ЕГО ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В СТРУКТУРЕ ОБЩЕОБЯЗАТЕЛЬНОГО ЗНАНИЯ

Статья посвящена рассмотрению роли и места имени собственного в структуре общеобязательного знания. Лингвокультурологический потенциал онима, представленный в виде ассоциативно-культурного фона, раскрывается с учётом разноуровневости лингвокультурной ценности его элементов. Делается вывод о важности разработки уровневого подхода к определению (и освоению) постоянных (ядра) и переменных компонентов ономастической составляющей общеобязательного знания.

Ключевые слова: имя собственное, общеобязательное знание, лингвокультурологический потенциал, культурное пространство, ассоциативно-культурный фон.

Актуализация проблем сохранения национально-культурной идентичности обуславливает потребность в характеристике языкового существования единого *культурного пространства* [Быстрова 2004 и др.]. Язык, реализуя своё предназначение «служить средой, сцепляющей индивидов во времени (т.е. сейчас живущих с предками и потомками) и пространстве (т.е. здесь живущих с живущими в других точках этнического пространства)», способен заполнять сознание человека, подключать его «к национальным родникам духовности» [Морковкин 1996; 57]. Анализ содержания, средств и способов организации культурно-языкового пространства в его статике и динамике является актуальной задачей лингвокультурологии, что подчёркивается соотносимостью этой задачи с общей целью лингвокультурологии, которой В.Н. Телия называла выявление «повседневной» культурно-языковой компетенции субъектов лингвокультурного сообщества [Телия 1999; 17].

На фоне общей языковой материи выделяются пласты языковых единиц, наиболее информационно нагруженных в культурном плане, т.е. являющихся носителями многообразной и многоплановой лингвокультурологической информации (лингвокультурной ценности). Овладение этой информацией и трансформация её в знание составляет один из элементов механизма подключения человека к данному культурно-языковому пространству, превращения индивида из «продукта природы» в «артефакт определённой культуры и цивилизации» [Морковкин 1997; 49].

В структуре знания как важнейшей личностнообразующей категории выделяются два неравнозначных компонента: знание индивидуальное и знание коллективное. Первое формируется на основе личного опыта и, соответственно, может широко варьироваться в зависимости как от внешних условий, так и от внутренних характеристик и предпочтений индивида. Второе является принадлежностью данного языкового объединения, поскольку в его содержании отражается общность природных, социальных, политико-административных, экономических, идеологических, бытовых, культурных и др. факторов и ценностных установок. С одной стороны, оно служит средством формирования и выделения данного социума, с другой – обеспечивает возможность полноценного социального взаимодействия всех членов социума. В полевой структуре коллективного знания выделяются ядерная и периферийная части. Ядро квалифицируется как *знание общеобязательное*, в наибольшей степени отвечающее за функцию формирования и сохранения общности культурного пространства.

В составе средств выражения общеобязательного знания важное место принадлежит ономастической лексике, которая (наряду с фразеологией – в широком смысле) входит в ряд наиболее культуроёмких языковых единиц. Более того, имена собственные, обладающие значительным лингвокультурологическим потенциалом, способны выполнять роль маркеров культурного пространства. Следовательно, задача состоит в том, чтобы определить состав ономастического ядра общеобязательного знания, установить необходимый и достаточный уровень транслируемой онимами лингвокультурной ценности, предложить способы её выявления и представления.

В последние десятилетия, отмеченные повышенной турбулентностью, во всех сферах жизни общества наблюдаются значительные изменения, которые так или иначе не могут не сказываться на составе и структуре общеобязательного знания. Эти изменения, отражающиеся в смене актуальных «культурных текстов», деактуализации недавних ономастических маркеров, могут быть следствием как указанных объективных процессов, так и сознательных (и, следовательно, в значительной степени субъективных) действий, прежде всего, в образовательной и культурной политике. В результате естественное поступательное движение и развитие структуры общеобязательного знания сменяется резкой сменой его базового состава и т.д. В практическом плане наиболее ярко это

выражается в ощущаемом увеличении межпоколенческой дистанции, нередко доходящей до полного разрыва связей между прошлым и настоящим, со всеми вытекающими последствиями (и это лишь одна сторона обсуждаемой проблемы). В этой ситуации проблема формирования общеобязательного знания как условия сохранения единого культурного пространства приобретает дополнительное значение.

Определение содержания общеобязательного ономастического знания и способов его представления включает, как минимум, два этапа и предполагает ответы на вопросы внешнего и внутреннего характера и, следовательно, решение соответствующих задач.

На первом этапе необходимо определить внешние параметры: 1. Каков общий объём (приблизительное количество единиц) ономастического ядра общеобязательного знания, необходимо-достаточный для осуществления предписываемой ему функции опорной единицы единого культурного пространства? 2. Каковы критерии (количественные и качественные) вхождения ономастической единицы в состав общеобязательного знания? 3. Каков удельный вес онимов разных разрядов в структуре общеобязательного знания? Можно ли определить их оптимальное соотношение? Каким образом?

Вопросы и задачи второго этапа касаются внутренних факторов. 1. Чем и как определяется лингвокультурологический потенциал имени собственного? 2. Каковы принципы определения уровня лингвокультурной ценности онима в целом и отдельных компонентов его ассоциативно-культурного фона? 3. Как характеризуются уровни освоения общеобязательного знания? 4. Знание каких компонентов структуры ассоциативно-культурного фона онима соответствуют каждому из уровней?

Поскольку освоение общеобязательного знания – процесс, протяжённый во времени, то ответ на последний вопрос предполагает соотнесённость уровневой структуры ассоциативно-культурного фона онима с этапом освоения общеобязательного знания – *базовым* (начальным), *продвинутым* (средним) и *высоким*. Связь между этими уровнями очевидна, но не является симметричной: для каждого уровня общеобязательного знания следует определить соответствующий ему уровень информации, связанный с конкретным статусом онимов: *номинативным, прецедентным, коннотативным*. Статус этих имён в структуре общеобязательного знания – понятие динамическое: в зависимости от этапа освоения, на котором имя рассматривается, оно может актуализировать разные уровни своей лингвокультурной ценности. Так, для *базового уровня* может быть достаточно информации об имени как *номинативной* единице: *Москва – столица России*. На *продвинутом уровне* эти знания дополняются сведениями, входящими в ассоциативно-культурный фон имени и характеризующими данные имена как прецедентные: *Москва – сердце России* и т.д. (степень полноты представления о прецедентности имени зависит от ответов на вопросы первой группы). *Высокий уровень* освоения общеобязательного знания предполагает возможность дальнейшего представления ассоциативно-культурного фона имени с более полным раскрытием не только его прецедентности, но и коннотативности (о соотношении прецедентности и коннотативности см. [Крюкова 2014]): *Москва – Кремль, Красная Площадь, Большой театр, Арбат ... «Москва! Как много в этом звуке...», Москва слезам не верит и т.д.* Этот уровень носит открытый характер, о его объёме и содержании могут дать представление словари коннотативных имён (например, занимающая две страницы словарная статья *Москва* в словаре Е.С. Отина [Отин 2006; с. 264 – 265]).

Решение перечисленных задач, связанных с определением содержания и структуры общеобязательного ономастического знания в его ядерной (относительно статичной) части, способами его освоения и использования с учётом уровневого характера лингвокультурологического потенциала имени собственного, позволит перейти к рассмотрению проблемы в динамическом аспекте, определению причин и вариантов взаимодействия между ядром и периферией и др.

Литература

1. Быстрова А.Н. Проблема культурного пространства (опыт философского анализа). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. – 240 с.
2. Крюкова И.В. Коннотоним и прецедентный оним: соотношение понятий // Ономастика Поволжья: материалы XIV Международной научной конференции (Тверь, 10 – 12 сентября 2014 г.) / Под ред. И.М. Ганжиной, В.И. Супруна. – Тверь: Изд-во Марины Батасовой; Альфа-Пресс, 2014. – С. 58–62.
3. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). – М.: Русские словари, 1997. – 415 с.
4. Отин Е.С. Избранные работы. – Донецк: Донеччина, 1997. – 470 с.
5. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 17

МАМАЕВА Т.В.

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

В статье рассматривается роль лингвокультурологического подхода в обучении русскому языку как иностранному, представляется опыт использования системы концептов на уроках РКИ в поликультурной среде.

Ключевые слова: коммуникация, русский как иностранный, лингвокультурологический подход, концепт, картина мира.

Не нуждается в доказательстве тот факт, что понятия «межкультурная коммуникация», «язык», «культура» непосредственно связаны с лингвокультурологическим аспектом в обучении русскому языку как иностранному (далее РКИ).

Эффективность обучения РКИ связана с формированием ряда ключевых компетенций, ведущими из которых являются не только коммуникативная компетенция, но и лингвострановедческая, лингвокультурологическая. Кроме того, в условиях погружения в языковую среду обучающимся всегда интересны региональные особенности, что представляется важным для процесса межкультурной коммуникации, т.к. «любой язык тесно взаимосвязан с культурой народа, где существуют конкретные рамки нормы. В свою очередь, вариативность норм определяется двуязычием, определённой языковой ситуацией, соотношением различных языковых форм и взаимодействием языковых контактов» [Захватаева, 2010; 166]. Преподавание большинства аспектов РКИ, РКН, посредством связи с национальными культурными, регионально-этническими особенностями изучаемого языка повышает мотивацию обучения, способствует увеличению межязыковых контактов, в том числе внутри разнонациональных групп студентов-иностранцев, где русский язык выступает языком-посредником.

Из опыта работы с иностранными студентами-бакалаврами (КНР, Монголия, Камерун и др.) и слушателями (Шри-Ланка, Республика Чад и др.) отмечаем, что быстрее и эффективнее усвоение учебного материала происходит в том случае, когда преподаватель выявляет и акцентирует внимание на общих ценностных зонах-концептах: «дом», «семья», «традиции», «природа», «деньги» и т.д. в родной и изучаемой культуре. Учитывая, что концепт есть базовая единица культуры, ее концентрат, что «в структуру концепта входит все то, что и делает ее фактом культуры — исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т.д.» [Степанов, 1997; 41], одобрительно оцениваемые «общие» концепты резко повышают мотивацию, положительно окрашивают культуру изучаемого языка. В сознании обучающегося «чужое» переходит в разряд «другого», реже – «своего», меняя тем самым представление о мире, концептуализация и категоризация которого зависят от субъективных факторов.

Так, например, при введении региональной сибирской лексики тематической группы «Еда»: *сузудай* – ‘блюдо из свежей рыбы’; *айран* – ‘кисломолочный напиток, разновидность кефира у тюркских, кавказских, балканских народов’; *строганина* – ‘нарезанное стружкой мясо (оленина, рыба), одно из основных блюд северной кухни’; *юкала/юкола* – ‘высушенная на солнце рыба’ и др. монгольские студенты воспринимают ее как «свою», т.к. в монгольском языке есть эти слова и/или реалии, в то время как для китайских студентов они являются новыми.

Положительному отношению к предмету, изучаемому языку способствует также внешность преподавателя (имеет азиатские черты, приводящие в восторг студентов Азиатско-Тихоокеанского региона), элементы одежды (платок в русском стиле, узор которого по аналогии с русским языком воспринимается как «сложный, но красивый»), или палантин с восточными узорами, напоминающий отдельным студентам Родину), дидактический материал, отражающий культурные реалии родного и изучаемого языка.

Знакомство с русской календарно-обрядовой куклой (Коляда, Масленица, Коза и др.) в рамках темы «праздник» или на уроках русского фольклора позволяет иностранным студентам получить знания о базовых культурных установках и традициях русского народа. Обучающиеся пробуют сами скрутить одну из кукол, знакомятся с новой лексикой, называющей материалы и действия, которые используются в процессе создания куклы, значение природных компонентов в составе игрушки. Как правило, в рамках данной темы выясняется также существование подобной культурной аналогии на родине студентов и слушателей, что гарантированно вызывает приятные эмоции, которые и в этом случае переносятся на предмет и изучаемый язык в целом, так как «удивительна схожесть, переключка кукол у разных народов. Их объединяет не только происхождение, но и общечеловеческие идеи и ценности: преемственность в родстве, семейственности и родительской опеке, в почитании предков» [Дайн, 2007; 8].

Необходимым считаем отметить и наличие отрицательного отношения, возникающего при несовпадении образа (качеств, характеристик и т.д.) известного студенту концепта в родном и изучаемом языке даже при полной эквивалентности языковой единицы. Среди наших обучающихся такую оценку мы наблюдали у камерунских студентов, которые пришли в полное разочарование от фруктов, продающихся в Красноярске и России. При знакомстве с названиями овощей и фруктов выяснилось, что представление об апельсинах, мандаринах, киви, помело, ананасах и т.д. не совпадает. Камерунские ребята заявили, что эти фрукты и некоторые овощи в России нельзя есть, поскольку их вкус и размер не соответствует этим плодам. В то же время китайские студенты не заметили большой разницы ни во вкусе, ни в размере. В процессе эмоциональной беседы удивление вызвал и факт потребления фруктов русскими в качестве десерта, в то время как в культуре камерунцев употребление фруктов считается отдельным приемом пищи.

Итак, в условиях межкультурной коммуникации концепт как совокупность разноуровневых элементов, объединённых для обозначения различных фрагментов картины мира, вызывает прямые и обратные представления, ассоциации, образы. Использование системы концептов на уроках РКИ посредством лингвокультурологического подхода меняет границы «своего» и «чужого», способствует формированию вторичной языковой личности, для которой «чужой» язык, «чужая» картина мира предстает уже как «другая». Особое внимание следует обращать на реалии, которые находят специфическое отражение в родном и изучаемом языке как «...попытку проникновения в образ мышления нации, попытку взглянуть на мир глазами носителей этой культуры, с их «точки зрения» [Корнилов, 2003; 44].

Литература

1. Дайн Г.Л., Дайн М.Б. Русская тряпичная кукла. Культура, традиции, технология. – М.: Культура и традиции, 2007. – 121с.

2. *Захватаева К. С.* Языковые контакты: базовые понятия и их стратификация // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2010. – № 126. – С. 165-170.
3. *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: ЧеРо, 2003. — 349 с. – Издание 2-е, исправленное и дополненное.
4. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования – М.: Языки русской культуры, 1997. — 824 с.

МАМОНТОВ А.С., БОГУСЛАВСКАЯ В.В., РАТНИКОВА А.Г., ГОЛУБЬ А.Р.

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

БУДНИК Е.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации*

КОНЦЕПЦИЯ НАЦИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОГО УЧЕБНОГО СЛОВАРЯ ДЛЯ ВЬЕТНАМСКИХ ГРАЖДАН: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена разработке концепции создания национально ориентированного лингвострановедческого учебного словаря для вьетнамских граждан, изучающих русский язык в условиях отсутствия языковой среды. В основе концепции лежат русско-вьетнамские сопоставления лингвокультурологического характера.

Ключевые слова: национально ориентированный лингвострановедческий учебный словарь, русский, вьетнамский, межкультурная коммуникация.

Как известно, расширение антропоцентрической исследовательской парадигмы на рубеже 20-21 веков дало импульс появлению и развитию ряда научных дисциплин когнитивного, а точнее – лингвокогнитивного толка, таких, как лингвоаксиология, дискурсология, лингвокультурология и пр., среди которых последняя занимает особое место, обладая наукоёмким как языковедческим, так и лингводидактическим потенциалом. При этом следует подчеркнуть, что она призвана сегодня решать проблемы, связанные с такой значимой и перспективной областью, какой является обучение русскому языку как иностранному или в более современных терминах – русскому языку как средству межкультурной коммуникации. Конечной целью которого является формирование так называемой «кросс-культурной компетенции» – умения корректно понимать и трактовать факты инолингвокультуры, опираясь на сформированную в соответствующем объёме систему ценностей и оценок, присущих как своей, так и чужой культуре [Азимов, Щукин 2009].

Касаясь средств подобного обучения, остановимся на таком из них, каким является лингвострановедческий учебный словарь, впервые появившийся в Советском Союзе и явившийся плодом трудов одной из научных школ Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, а именно – лексикографической школы Валерия Вениаминовича Морковкина (1940-2016), его учеников и сподвижников.

В рамках настоящей статьи мы предлагаем рассмотреть в аспекте лингвокультурологии концепцию национально ориентированного лингвострановедческого учебного словаря для вьетнамских студентов-нефилологов, изучающих русский язык в отрыве от естественной среды его функционирования, создание которого в настоящее время осуществляет в рамках соответствующего российско-вьетнамского гранта РЦНИ коллектив грантополучателей и авторов представляемого в статье исследования.

Не следует забывать тот факт, что одной из наиболее релевантных особенностей как национально ориентированного обучения в общем, так и национально ориентированной лексикографии в частности предстаёт стремление к максимально адекватной реализации диалога культур, подразумевающего создание между представителями разных

лингвокультур коммуникативного пространства, обеспечивающего возможность находить точки соприкосновения, несмотря на имеющиеся культурные различия.

Говоря об адресате нефилологического профиля, мы имеем в виду будущих специалистов – экономистов, юристов, инженеров и пр., изучающих русский язык, с помощью которого им предстоит в дальнейшем взаимодействовать с российскими специалистами в ходе совместной работы и общения: как в сугубо профессиональной, так и в бытовой сферах. В соответствии с положениями концепции будущей словарь должен быть в первую очередь словарём активного типа [Апресян 1999], целью которого должно являться не только и не столько понимание номинативной единицы в заданном контексте (семасиологический аспект), сколько его употребление говорящим в речи в соответствии с его коммуникативной интенцией (ономасиологический аспект).

Поскольку национально ориентированная лексикография опирается на сопоставление номинативных единиц, для нас приоритетным является обращение к контрастивным исследованиям в области лексикологии, а именно к рассмотрению национально-маркированных единиц изучаемого языка в сопоставительном аспекте: то есть на фоне родного языка адресата обучения. При этом имеется в виду, что именно сопоставление лексических систем как части когнитивной системы выступает в качестве основополагающего принципа контрастивной семасиологии.

Одновременно нельзя не отметить, в последнее время интерес специалистов вызывают латентные, периферийные компоненты семантики номинативной единицы – коннотативные семы, поскольку именно в области коннотации, в том числе культурной, фиксируются значительные расхождения между лингвокультурами [Чжан Хунин 2023]. Номинативные единицы сопоставляемых языков, являющиеся обозначением одного и того же объекта в двух лингвокультурах при их словарной эквивалентности могут быть связаны с их нетождественной семантикой, сигнализирующей в частности о факте наличия в слове некоего дополнительного смысла, могущего считаться «национально-культурным».

В связи с вышесказанным нельзя не остановиться ещё на одном аспекте лингвокультурологии, имеющем отношение к национально ориентированной лексикографии, а именно на феномене языкового сознания. Напомним, языковое сознание представляет собой неотъемлемую часть общественного сознания, имеющего национальный характер. Это – компонент когнитивной, ментальной структуры, он аккумулирует представления о специфике культуры, менталитета, психотипе отдельной нации, обо всём том, что способно отражаться в языке и формировать так называемый «образ мира», представляя собой некую совокупность знаний субъекта о реальном мире в виде неисчислимого множества его объектов. Надо ли говорить, что языковое сознание характеризуется национальной спецификой, отражающейся в стереотипах мышления, в содержании его образов, в ряде понятийных структур. При этом наиболее релевантными его компонентами следует считать значение и смысл, который в теории лингвокультурологии предстаёт как «культурный смысл» [Воробьёв 1997], неразрывно связанный с ценностными ориентациями любой лингвокультуры. Что, несомненно, говорит о том, что при создании концепции национально ориентированного лингвострановедческого словаря необходимо учитывать динамику языкового сознания в плане как синхронии, так и диахронии, что призвано обеспечить объективность формирования макро- и микроструктур будущего лексикографического «продукта».

Рассмотрим пример. Лингвокультурема «обед», как «организация приёма пищи», вьетнамский словарный эквивалент «*bữa tối*»: и в русской, и во вьетнамской лингвокультурах – «приём пищи обычно в середине дня» [Ожегов 1992]. Латентными семами лингвокультуремы «обед» следует считать: «состоящий из нескольких блюд», «последовательность их употребления» – закуска, первое блюдо, второе блюдо, напиток. Отсюда узуальная фраза: «Что Вы будете на закуску? А на первое?». Заметим, что одновременный приём блюд во время обеда –возможен, но это, скорее, исключение, чем правило. Вьетнамский «*bữa tối*» организован по-другому: он также состоит из нескольких

блюдов, но вместо семы «последовательность» в содержательной структуре лингвокультуры присутствует сема «одновременность» – поедание пищи характеризуется смешением блюд. Примечательно, что лингвострановедческие словари, не будучи национально ориентированными, не фиксируют эту национально-специфическую, релевантную, на наш взгляд, особенность (например, лингвострановедческий словарь «Россия»).

Подведём итоги. Сегодняшнее время характеризуется для отечественной лексикографии всё возрастающим интересом к исследованию языковых явлений, в том числе для нужд лингводидактики с позиции такой научной дисциплины, какой является лингвокультурология в её теоретическом и прикладном аспектах. В данной связи вполне объяснимо обращение к так называемому «культурному» компоненту значения, к природе фоновых знаний, исследуя своеобразие и особенности их функционирования в любой лингвокультуре. При этом нельзя не отметить, что словарь, разрабатываемый авторами данной статьи в соответствии с национально-культурными интересами пользователя, это фактически новый тип словаря. Он представляет собой не только и не столько универсальное справочное пособие, сколько пособие учебное, призванное внести свой вклад в формирование умений и навыков общения на русском языке как средстве межкультурной коммуникации и одновременно являющееся своеобразным «испытательным полигоном» конструктивных идей лингвокультурологии.

Литература

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М., 2009. – 448с.
2. Апресян Ю.Д. Принципы системной лексикографии и толковый словарь // По Мирчевска-Бошева Биляна этика. История литературы. Лингвистика: Сборник к 70-летию Вяч. Вс. Иванова. – М., 1999. – С.634-650.
3. Воробьёв В.В. Лингвокультурология. Теория и методы. – М., 1997. – 331 с.
4. Мамонтов А.С., Нефёдкина М.А. Культурный компонент семантики терминов родства в русской лингвокультуре на фоне вьетнамской лингвокультуры // Сб. статей Международной научной конференции «Инновационные подходы в изучении и преподавании русского языка в современном мире». Ханой, СРВ, 10-11 октября 2019 г. Ханой, 2019. – С. 313-324.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М., 1992. – 995с.
6. Чжан Хунин Культурная маркированность русских и китайских антропонимов: сопоставительный анализ (на материале словарных источников). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2023. – 21 с.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ (научный проект № 20-512-92001 «Разработка концепции лингвострановедческого национально ориентированного учебного словаря русского языка для вьетнамских граждан»).

МАНДРИКОВА Г.М. , ДУБРОВСКАЯ Е.М.

Новосибирский государственный технический университет

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОГРАФИИ

В статье рассматривается возможность представления лингвокультурного типажа в словарях разных типов и жанров в зависимости от целей и адресата.

Ключевые слова: лингвокультурология, словарь, лингвокультурный типаж, лексикография.

Изучение лингвокультурных типажей (ЛКТ) удачно названо В. И. Карасиком одним из исследовательских маршрутов в современной лингвокультурологии. Им же замечено, что «в настоящее время составлены антологии лингвомамонтокультурных концептов и речевых жанров, в которых воплощены сценарии поведения, но еще нет подобных работ, посвященных типажам» [Карасик 2023; 67]. Безусловно соглашаясь с автором в необходимости создания своего рода антологий ЛКТ, мы видим решение данной проблемы в

появлении такого типа лингвокультурологического словаря, содержанием которого будет описание различных ЛКТ.

Идея такого словаря уже высказывалась нами [Дубровская 2021; 395], и мы по-прежнему считаем ее весьма актуальной, поэтому слова В. И. Карасика можем считать весомым аргументом в пользу необходимости словарной интерпретации ЛКТ.

При этом возникает ряд вопросов, требующих серьезного рассмотрения: речь в первую очередь идет о том, что, в зависимости от такого важного лексикографического параметра, как адресат словаря, следует признать, что словарь лингвокультурных типажей может иметь разные лексикографические «модификации».

Мы усматриваем, как минимум, четыре его версии:

1) «Словарь лингвокультурных типажей русской национальной картины мира», предназначенный прежде всего для специалистов соответствующих областей знания;

2) учебный словарь «Русские лингвокультурные типажи», предназначенный для иностранных учащихся, изучающих русский язык как иностранный;

3) «Словарь русских лингвокультурных типажей», предназначенный для массового читателя и входящий в ряд таких популярных в народе словарей, как словари имен и фамилий, словари символов и проч.;

4) «Американские и западноевропейские лингвокультурные типажи: словарь-справочник для студентов лингвистических специальностей».

Напомним, что такой объект исследования, как ЛКТ, в свое время был предложен В. И. Карасиком, получив следующее определение: «обобщенный образ представителя определенной социальной группы в рамках конкретной культуры, узнаваемый по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации» [Карасик 2002; 310].

Обратим внимание на то, что – в зависимости от предполагаемых пользовательских запросов – отбор и количество единиц словника (его объем) и особенности лексикографической интерпретации ЛКТ как заголовочной единицы будут различными. Понятно, что каждый из предлагаемых словарей требует определенного словарного описания заголовочных единиц, в качестве которых выступают лингвокультурные типажи.

Особенно это касается учебных словарей, поскольку они могут выступать не только в качестве своего рода справочников по русской (в случае с иностранцами) или зарубежным (в случае с русскими) лингвокультурам, но и использоваться в качестве особых учебных средств, для которых в теории учебной лексикографии предусмотрен такой жанр учебного словаря, как учебное пособие словарного типа, предполагающий, разумеется, особую макроструктуру.

Тем не менее, основой любого словаря является, как известно, словарная статья, поэтому в качестве «базовой» микроструктуры словарного описания ЛКТ можно предложить следующие зоны словарной статьи:

1. Заголовочная единица (собственно ЛКТ), ее фонетическая и грамматическая характеристики.

2. Семантическая характеристика ЗЕ:

- под цифрой 1 дается обобщенное описание типажа, сформированное на основе анализа энциклопедических источников, в которых упоминается описываемый типаж, сопровождаемое иллюстрацией (из современной литературы);

- под цифрой 2 описывается наиболее часто встречающийся в реальности способ предъявления типажа, сопровождаемый иллюстрацией (из современной литературы);

- под цифрой 3 предлагаются условия употребления ЛКТ в медийном дискурсе (иллюстрации из СМИ).

3. Характеристика описываемого типажа с точки зрения формальных показателей. Данная характеристика содержит 5 зон:

1) типичность данного образа для некой ментальности (русской / зарубежной);

2) стереотипичность / индивидуальность (относительная) для носителей языка;

- 3) наличие эмоциональной окраски;
- 4) прямое значение / переносное значение / использование в качестве прецедентного феномена;
- 5) место данного типажа в различных классификациях ЛКТ [Дубровская 2021; 396].

Отсутствие в современной системе лингвокультурологии словарей ЛКТ является той проблемой, которая имеет ряд интересных лексикографических решений, учитывая, что в состав словника должны войти те ЛКТ, которые являются по сути базовыми концептами для русской / зарубежной национальных лингвокультур (ЛКТ «русский солдат», «русский писатель», «русский олигарх», «русская бабушка», «русский богатырь» и т.д. и «английский аристократ», «звезда Голливуда», «английский чудак» и др.) [Дубровская, Мандрикова 2019; 103-104].

Литература

1. Карасик В. И. Маршруты лингвокультурологии: концепты, сценарии, типажи, сюжеты / В. И. Карасик // Филологические чтения: материалы конференции, Ярославль, 28–29 апреля 2023 года – Ярославль: Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2023. – С. 61–71.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. – Волгоград: Перемена, 2002. – 331 с.
3. Дубровская Е. М. Словарь лингвокультурных типажей: к определению границ словарной статьи // Лексикография цифровой эпохи : сб. материалов междунар. симп., Томск, 24–25 сент. 2021 г. – Томск : Изд-во ТГУ, 2021. – С. 394–397.
4. Mandrikova G. M. System of russian linguocultural types: problem statement / G. M. Mandrikova, E. M. Dubrovskaya // Advances in Social Science, Education and Humanities Research – Humanities and Social Sciences: Novations, Problems, Prospects, 2019. – Vol. 333 – P. 101-105.

МИЛОВАНОВА М.С.

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

СМЫСЛ КОММУНИКАТИВНАЯ ГРАНИЦА КАК СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА

В статье рассматривается семантическое поле отрицания-«отталкивания», единицы которого репрезентируют представление о границе в ее специфической форме – форме коммуникативной границы, имеющее в языке статус семантической доминанты.

Ключевые слова: коммуникативная граница, отрицание-«отталкивание», структурно-семантическое поле, семантическая доминанта.

Универсальные представления о мире (универсальные категории мысли) по-разному градуируются и систематизируются разными языками [Кацнельсон 1972; Радбиль 2013, 2017]. Если говорить о развитой системе русского языка с точки зрения его способности к «объемному» выражению наиболее ценных для носителей языка смыслов (или когнитивных моделей), то к таким глобальным смыслам можно отнести, в частности, *отрицание* [Падучева 2013, 2017], *неопределенность* [Падучева 1996], *противительность* [Милованова 2015]: они находят специфические формы выражения не только на разных уровнях языка – лексическом и грамматическом, но и текста.

Семантика противительности входит в еще более широкое поле, условно названное нами отрицание-«отталкивание», единицы которого воплощают мысль о *коммуникативной границе* [Милованова, Чжао 2020]. Коммуникативная граница – это граница, устанавливаемая волей говорящего субъекта; граница *Я – не-Я*, актуализированная по отношению к собеседнику (*не-Я*), реальному или воображаемому.

Семантическое поле отрицания-«отталкивания», или *коммуникативная граница*, состоит из четырех микрополей, специализированно представляющих эту семантику, – *семантика субъективного отрицания*, *волевое ограничение*, *противительная семантика* и *семантика безразличия*. Объединяющим началом, инвариантным смыслом становится сема 'нет', причем, учитывая существующие два значения слова *нет* – так называемые «объективное» (экзистенциальное, бытийное) и «субъективное» (диалоговое,

коммуникативное) [Милованова, Нгуен 2019], – имеем в виду это последнее значение, то есть *субъективное*.

Отрицание-«отталкивание» – это речевое действие, пропозицию которого определяет понятие воли, в интерпретации Ю.С. Степанова представленное следующим образом: *воля* = ‘Я хочу’ [Степанов 2001; 430].

Слова, обладающие семой *нет*, обязательно включают и представление о воле (*воля* = *хочу*), но в новой интерпретации: ‘я хочу сказать, что я не хочу’ – ‘я хочу сказать *нет*’. Сема *воля* (*хочу сказать*), как и сема *нет* (= я не *хочу*), входит в семантическую структуру таких слов, как *против*, *долой*, *прочь*, *нет* («субъективное», диалоговое), *хватит! всё!* и многих других единиц семантического поля *отрицание-«отталкивание»*.

Значение «субъективного» *нет* – ‘граница, устанавливаемая волей говорящего субъекта’: один из говорящих противопоставляет свою волю и своё желание чужой воле и чужому желанию, ограничивая их, то есть передвигает границу паритетных отношений, расширяя при этом зону своих интересов.

С точки зрения характера проявления воли и установления коммуникативной границы можно охарактеризовать каждое из микрополей, образующих поле отрицания-«отталкивания», при этом ориентируемся на слово – яркий представитель каждого смысла (маркер), в котором аккумулируются признаки группы.

Семантика субъективного отрицания: маркер – «субъективное» *нет*. Реактивное проявление воли с возможностью варьировать степень экспрессии, о чем в звучащей речи свидетельствует интонация, в письменной – знаки препинания. Современный тип текста – дисплейный – породил новые способы отражения вариантов эмоционально-оценочной реакции (смайлики, стикеры, мультипликация знаков препинания и т.д.) [Милованова, Нгуен 2019; Чжао Мэйвэй 2021].

Противительная семантика: маркер – *против*. Волевое решение представлено как результат осмысления ситуации. Такое проявление воли можно было бы условно охарактеризовать как *интеллектуально-волевое*. Предикативная позиция слова укрупняет его интеллектуальное содержание: *Я против*, где *Я* – переменная величина, то есть любой носитель состояния протеста (= *лицо*).

Семантика волевого ограничения: маркер – *хватит!* Максимально решительное (категоричное) и открытое проявление воли в установлении границы¹. Говорящий устанавливает некий предел чьим-либо действиям, продолжавшимся определенное время, в течение которого он вынужден был их терпеть: ‘Я говорю *нет продолжению* чего-либо’. Семантику волевого ограничения можно интерпретировать как ‘граница / предел *терпения* говорящего субъекта’ [Милованова 2015; 104].

Семантика безразличия: маркер – *всё равно*. Мысль о безразличии граничит с представлением о *безволии*, то есть речь идет о минимальной активности субъекта в установлении границ. Если прототипический образ воли связан с действием *хватать* [Степанов 2001: 430-431], далее – с состоянием желания / хотения, то, продолжая эту линию семантического развития, *безволие* – это ‘отсутствие желания’. Характерно, что в русском языке для выражения мысли о безразличии существует безлично-предикативная структура (*мне всё равно / безразлично / по барабану* и т.д.). Закрепленность в предикативной позиции свидетельствует о важности смысла в русской языковой картине мира.

Е.В. Падучева сформулировала мысль о наличии в языках *семантических доминант*, отражающих специфику мышечувствования у представителей разных лингвокультур [Падучева 1996].

О семантике несогласия-«отталкивания» (у)становление коммуникативной границы можно говорить как о **семантической доминанте**, поскольку критерии выделения типичных

¹ Думается, что терминологическое сочетание *волевое ограничение* наиболее полно отражает существенный признак этой группы; предыдущие варианты – *модальное ограничение*, *субъективное ограничение* [Милованова 2015].

признаков соответствуют предложенным Е.В. Падучевой в отношении семантики неопределенности: хорошая разработанность по сравнению с другими языками (то есть семантика имеет множество средств выражения, детализирующих смысл и представляющих его в оттенках) и «отличается некоторой стертойостью, легковесностью» (то есть не всегда очевидна для самих носителей языка) [Падучева 1996].

Развивая мысль Е.В. Падучевой о критериях выявления доминантного смысла неопределенности, А.В. Уржа пишет о «широко распространенных явлениях «добавления» в русских переводных текстах [Уржа 2023: 461] – в русском переводе смысл неопределенности оказывается маркирован (добавлен). Таким образом, контекст перевода также может стать показателем доминантности смысла [Уржа 2023]. Применительно к изучению смысла коммуникативная граница речь идет о многочисленности русских вариантов, репрезентирующих эту мысль и востребованных в практике перевода именно в их разнообразии на фоне исходного текста. В качестве примера приведем параллельный текст на русском языке, соответствующий английскому варианту – фрагменту текста песни *The Wall* рок-группы *Pink Floyd*. Двум английским вариантам представления мысли о коммуникативной границе в русском переводе соответствуют четыре аналога, причем оказываются задействованы не только собственно отрицательные слова, как в оригинале, но и синонимичные средства, представляющие в русском языке мини-поле – семантику волевого ограничения (*хватит, довольно, к черту*):

I don't need no walls around me.

(**Не нужно** мне никаких стен вокруг.)

We don't need no education!

(**К черту** образование!)

We don't need no thought control

(**Хватит** покушаться на наши мысли!)

No dark sarcasm in the classroom

(**Довольно** едкого сарказма в классе!) (amalgama-lab.com)

Таким образом, смысл отрицание-«отталкивание», или коммуникативная граница, – аксиологически значимое структурно-семантическое поле в русской коммуникации и в русской языковой картине в целом, о чем свидетельствуют следующие факты: количество и многообразие лексических единиц, способных в оттенках выразить мысль о коммуникативной границе, что расширяет диапазон выбора при переводе иноязычного текста на русский язык; частотность – количество употреблений в речи / тексте («коммуникативная актуальность» [БУС, 3]); наконец, разнообразие микрополей в составе макрополя, детализирующих мысль о коммуникативной границе.

Литература

БУС – Большой универсальный словарь русского языка. Морковкин В.В., Богачева Г.Ф., Луцкая Н.М. / Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; под ред. В.В. Морковкина. – М.: Словари XXI века; АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016.

Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.

Милованова М.С. Семантика противительности: опыт структурно-семантического анализа. – М.: Флинта: Наука, 2015. – 348 с.

Милованова М.С., Нгуен Тхи Киеу Ви. Экспрессия русского отрицания (Русское коммуникативное поведение: взгляд со стороны). – М.: Флинта – Наука, 2019. – 160 с.

Милованова М.С., Чжао Мэйвэй. Понятие коммуникативной границы в русской национальной аксиосфере // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Филология». – 2020. – №2. – С. 32-42.

Падучева Е.В. Русское отрицательное предложение. – М.: ЯСК, 2013. – 303 с.

Падучева Е.В. Отрицательные слова // Большая российская энциклопедия 2007-2017. Электронный ресурс: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/2698835>. Дата обращения – 22.09.2023.

Падучева Е.В. Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира. 1996. Электронный ресурс: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/dominanta1_1996.pdf. Дата обращения – 22.09.2023.

Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 325 с.

Радбиль Т.Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. – М.: ЯСК, 2017. – 591 с.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Акад. проект, 2001. – 989 с.

Уржа А.В. Семантика и прагматика показателей неопределенности – сквозь призму русских переводных повествовательных текстов. // Мир науки, культуры, образования. –2023. –№1 (98). – С. 460-463.

Чжао Мэйвэй. Средства выражения семантики волевого ограничения: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2021. – 220 с.

МИФТАХОВА Р.Г.

УУНУТ, г. Уфа

РУССКИЙ ЯЗЫК В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Русский язык играет важную роль в междисциплинарных исследованиях, позволяя ученым из разных областей обмениваться знаниями и результатами исследований. В данной статье рассматривается интеллектуальный анализ текста в области гуманитарных наук, социологии, лингвистики и других дисциплин, где изучаются не только язык, культура, общество, но и информационные технологии и нейронные сети. В междисциплинарных исследованиях русский язык помогает расширить область знаний и повысить качество исследований.

Ключевые слова: *русский язык, междисциплинарная парадигма, программный анализ текста, обработка естественного языка.*

The Russian language plays an important role in interdisciplinary research, allowing scientists from different fields to share knowledge and research results. This article examines the intellectual analysis of the text in the field of humanities, sociology, linguistics and other disciplines, where not only language, culture, society, but also information technologies and neural networks are studied. In interdisciplinary research, the Russian language helps to expand the field of knowledge and improve the quality of research.

Keywords: *Russian language, interdisciplinary paradigm, program text analysis, natural language processing.*

Реформы, проводимые сегодня в сфере высшего образования, направлены на создание оптимальных условий для формирования компетентного специалиста не только в своей профессиональной сфере, но и в смежных областях знаний [1].

Обучение будущих профессионалов на основе междисциплинарной парадигмы – комплексное применение знаний, их синтез, владение методологией научной деятельности – актуальная социальная задача высшей школы [8].

Русский язык служит мостом, объединяя специалистов из разных областей для решения сложных проблем и достижения новых научных и культурных высот. Особое место занимает русский язык в переводе научных и технических текстов, что широко обсуждается в литературе по лингвистике, переводоведению и науке о коммуникации. Он является ключевым средством доступа к научной и технической информации, которая может включать как исходные исследования, так и патентную информацию и быть оригинально опубликованной на русском языке, способствуя ее мировому распространению и применению. Однако для перевода сложных технических текстов сегодня недостаточно только знание языков, необходимо развивать технологии машинного перевода, где наряду с лингвистическими стоят познания математические, статистические, а также в сфере информационных технологий и программирования.

Одним из ярких примеров междисциплинарных исследований, где необходимы знания и методы из нескольких различных дисциплин является обработка естественного языка. Она объединяет в себе элементы компьютерных наук, математики, статистики, психологии и даже философии, чтобы на их основе разрабатывать и применять методы и

технологии, которые позволяют компьютерам обучаться и выполнять задачи, такие как частеречная разметка, выявление именованных сущностей, анализ тональности текста и др. Такой интеллектуальный анализ текста применяется в машинном переводе, при классификации текстов и при выполнении других задач, и опирается на большие лингвистические ресурсы – корпуса.

Сегодня едва ли не с математической точностью можно определить динамику развития русского языка, опираясь на национальный и другие лингвистические корпуса. Такие данные могут использоваться для изучения изменений в языке с течением времени, включая эволюцию лексики, грамматики и структуры предложений. Они позволяют фиксировать малейшие изменения в лексике, синтаксисе, семантике и фонетике русского языка, выявлять общие правила и закономерности в языке. Корпусные данные русского языка помогают в создании и уточнении словарей и лексических ресурсов, включая определения слов, синонимы, антонимы и контексты использования; предоставляют исследователям материал для проведения лингвистических исследований и тестирования гипотез о языке, они углубляют наше понимание языковых явлений и позволяют улучшить прикладные языковые технологии.

Развитие корпуса русского языка - это непрерывный процесс. Сегодня ruscorpora.ru используется не только для научных лингвистических исследований, но и для обучения русскому языку школьников и студентов. Для этих целей были добавлены новые разделы с упражнениями.

Объем корпусных данных является основой качественного машинного перевода на русский язык. Корпус русского языка - это большая коллекция текстов, записей и других лингвистических данных, которая используется для лингвистических исследований, обучения и оценки различных языковых моделей и приложений. Для эффективного использования корпуса текстов необходима аннотация и разметка данных, в частности, выделение текстовых фрагментов, определение частей речи, разметка синтаксических структур, маркировка именованных сущностей и другие лингвистические анализы. Тексты, собранные для корпуса, могут содержать ошибки, повторения и другие проблемы. Поэтому происходит обработка и чистка данных, чтобы убрать несущественные элементы и обеспечить их качество. Развивающийся корпус требует системы для хранения и управления данными. Корпус должен быть доступен для лингвистов, исследователей и разработчиков через специализированный интерфейс. Корпус русского языка регулярно обновляется и расширяется, чтобы отражать изменения в языке и в областях, связанных с его использованием. Новые тексты и данные добавляются, а старые обновляются или заменяются. Развивающийся корпус русского языка используется для лингвистических исследований, обучения языку, создания и улучшения языковых моделей и приложений. Он может быть использован для анализа языковых особенностей, изучения семантики и синтаксиса, обучения машинного перевода, создания чат-ботов и многое другое. Важно подчеркнуть, что развитие корпуса русского языка - это продолжающийся процесс, и он может быть дорогостоящим и требовать участия большого количества людей и ресурсов для сбора, обработки и анализа данных. Однако это важный ресурс для изучения и развития русского языка и его применения в различных областях.

Рассмотрим в качестве примера междисциплинарного исследования с использованием корпусных данных такую важную задачу, как классификация документов. Технологии, применяемые в классификации, за считанные секунды могут проанализировать тексты в социальных медиа, обзорах товаров, новостях или комментариях и определить тональности текста, - положительная, отрицательная или нейтральная, - и помочь компаниям и организациям понять общественное мнение и отзывы. Классификация очищает электронную почту от спама, выполняет задачи индексации и категоризации и др.

С помощью обучающейся модели русскому тексту присваивается соответствующая метка или метки. Такая модель может автоматически распределить документы по заранее

заданным категориям. А для ее обучения понадобится коллекция вручную помеченных по классам документов на русском языке.

Для классификации текстов с широко используется библиотека sklearn. Так, модели наивного байесовского классификатора и метода TF-IDF имеют следующий алгоритм в Питоне:

```
- импортирование необходимых библиотек и моделей
from rfr.feature_extraction.text import TfidfVectorizer
from sklearn.naive_bayes import MultinomialNB
from sklearn.model_selection import train_test_split
- подготовка данных, представляет собой заранее подготовленные тексты и
соответствующие метки к ним
texts = [...]
labels = [...]
vectorizer = TfidfVectorizer()
X = vectorizer.fit_transform(texts)
y = labels
- разделение данных на обучающую и тестовую выборки
X_train, X_test, y_train, y_test = train_test_split(X, y, test_size=0.2, random_state=42)
- обучение модели
clf = MultinomialNB() clf.fit(X_train, y_train)
- классификация новых текстов
new_texts = [...]
X_new = vectorizer.transform(new_texts)
predicted_labels = clf.predict(X_new)
```

Мы видим, что для классификации текста лингвистические знания необходимо пополнить знаниями в программировании, нейронных сетях и др.

Еще одним ярким примером междисциплинарного исследования является вычисление вероятности n-граммы в русском тексте. Это модель широко используется в машинном переводе, в системах выявления плагиата.

$[P(w_n | w_1, w_2, \dots, w_{n-1}) = \frac{\text{count}(w_1, w_2, \dots, w_{n-1}, w_n)}{\text{count}(w_1, w_2, \dots, w_{n-1})}]$, где: $(P(w_n | w_1, w_2, \dots, w_{n-1}))$ - вероятность слова (w_n) при условии, что предшествующие слова это $(w_1, w_2, \dots, w_{n-1})$.

$(\text{count}(w_1, w_2, \dots, w_{n-1}, w_n))$ - количество раз, которое последовательность $(w_1, w_2, \dots, w_{n-1}, w_n)$ встречается в тексте.

$(\text{count}(w_1, w_2, \dots, w_{n-1}))$ - количество раз, которое последовательность $(w_1, w_2, \dots, w_{n-1})$ встречается в тексте.

Здесь лингвистические знания нужно совмещать со знаниями в области теории вероятности.

Обработка русского языка представляет собой междисциплинарную область исследований, объединяющую компьютерные науки, искусственный интеллект и лингвистику с целью анализа, понимания и генерации русского языка. Среди ключевых аспектов, делающих NLP междисциплинарной областью соединения компьютерных наук и лингвистики можно отметить то, что он сочетает в себе методы компьютерных наук, такие как алгоритмы, структуры данных, искусственный интеллект и машинное обучение, с пониманием языковой структуры и семантики. В целом, обработка интеллектуальный анализ русских текстов - это междисциплинарная область, которая объединяет знания и методы из компьютерных наук, лингвистики и статистики с целью разработки систем, способных работать, в частности, с русским языком.

Таким образом, русский язык играет важную роль в междисциплинарных исследованиях, предоставляя средство коммуникации и анализа в различных областях науки

и искусства. Он способствует обмену знаний и углублению международного научного сотрудничества.

МИХЕЕВА С.Л.

Чуваши́ский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ КАК СРЕДСТВО ПЕРЕДАЧИ СЕМАНТИКИ ЭТАЛОННОСТИ

В статье рассматриваются некоторые аспекты функционирования производных относительных прилагательных при выражении семантики эталонности. Необходимое семантическое условие реализации подобного значения – метафорическое переосмысление.

Ключевые слова: имя прилагательное, адъектив, сравнение, эталон, семантика эталонности, метафора, фрейм, норма

Сравнение явлений окружающей человека действительности между собой можно считать одним из главных способов познания мира и самопознания. Тому подтверждением могут служить выработанные в языке способы и средства передачи этой идеи – идеи сравнения. Самый очевидный – собственно сравнение, оформленное специальными маркерами (обороты – словосочетания и придаточные сравнительные – *с как, будто, словно*; форма Тв. п. в значении уподобления; предложные сочетания *подобно кому/чему, наподобие кого/чего* и т.п.). Операция сравнения лежит в основе метафорического переосмысления семантики лексических единиц. Логическая структура этой операции основывается на понятиях основания и объекта сравнения. Буквальное ее воплощение видим в так называемых устойчивых сравнениях, где объект сравнения приобретает характер образца – или эталона.

Семантика эталонности представляет собой «скрытую именную категорию русского языка» [Кобозева 2010; 32]. В названной работе на примере эталонов формы рассматриваются языковые средства репрезентации этого значения. Чувственной основой этого вида эталонов являются зрительные образы, а их воплощения в физическом мире – это тела и предметы, имеющие соответствующий облик, близкий к идеальному и соотносящийся с представлением об идеальном «представителе» той или иной формы. Таким образом складываются тематические классы так называемой «эталонной лексики» – это имена, допускающие образование деривата, «который служит узуальным способом выражения значения того или иного атрибута или параметра физических объектов и / или событий» [Кобозева 2010; 32].

Соответственно, что же понимать под «эталонными» прилагательными? Это производные от имен существительных адъективы, «имеющие значение представленности признака в такой же высокой степени, какая характерна для объектов, обозначаемых существительным, от которого образовано прилагательное, например, *хирургическая чистота, математическая / ювелирная точность, астрономические числа, ледяная вода, китайские церемонии, драконовские меры* и т.п.» [Берков 1996; 112]. Как правило, это относительные прилагательные, приобретающие в составе словосочетания дополнительный оценочный оттенок и развивающие благодаря этому метафоричность.

Семантика эталонности у прилагательного развивается в двух направлениях – от семантики производящего имени и от семантики главного слова в словосочетании.

Эталонным носителем определенных качеств является живое существо – домашнее или дикое животное, с которым человек имеет тесную связь [Беляева, Кузнецова 2006; Михеева 2022]. Восходящие к мифологическим представления о доминирующем качестве животного делают его эталонным носителем. Эти представления закрепляются в языке, как уже отмечено, в виде устойчивых сравнительных оборотов, часто имеющих универсальную основу (ср., например, в русском *голодный как волк* и *кашкър пек выçă* в чувашском – досл.

‘волк как голодный’; в русском *трусливый как заяц* и *мулчак пек хӑравӑ* в чувашском – досл. ‘заяц как трусливый’ и т.п.). Семантика компаративности трансформируется – «сворачивается», переходит в скрытую зону – в значении словосочетаний с производным от зоонима адъективом типа *волчий аппетит*, *заячья трусость*, *ослиное упрямство*, *змеиное коварство*, *лебединая верность* и т.п. Предсказуемая сочетаемость подобных прилагательных обозначающим психологическое качество человека.

Как отмечено в упомянутой работе И.М. Кобозевой, в русском языке представлены, как минимум, субкатегории семантики эталонности – это эталоны цвета, формы, скорости и звучания [Кобозева 2010; 32-33]. Соответственно в качестве носителей названных атрибутов выступают наименования физических предметов. Вместе с тем языковой материал позволяет интерпретировать в качестве эталонов названия профессий и социальных ролей человека, включая этническую принадлежность, родственные отношения, должностной статус и т.п.; названия различных природных состояний и процессов; названия областей человеческого знания и т.д.

Для того чтобы образуемое от подобных существительных прилагательное приобрело семантику эталонности, необходимым условием является метафорическое переосмысление значения адъектива, которое может проявиться в случаях нетипичной или откровенно неожиданной сочетаемости. Впоследствии частотное употребление в таких контекстах будет способствовать закреплению метафоры и в некоторых случаях ее стиранию. Сама метафора заключает в себе «информационную капсулу» – свернутый сценарий, фрейм: «Фрейм, соотносящийся с определенной вербальной структурой, обозначается как смысловой каркас стереотипной (т.е. заданной определенным набором компонентов, способным идентифицировать именно ее) ситуации или понятия. Из этого следует, что он лежит в основе когнитивной структуры другого типа, выражаемой посредством языка, – образа, представления, понятия и т.д.» [Никонова 2008; 87-88]. Поясним на примерах (здесь и далее приводятся примеры из Национального корпуса русского языка – НКРЯ): *Обернувшись на мгновенье, она снова уткнулась в свою ювелирную работу, извинившись, что еще несколько минут ей понадобится, чтобы закончить...* [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000]; *Да, Галочка знала, какое это ювелирное искусство – умело раскинуть сеть, а потом твердой рукой вытащить глупого караса и не выпускать до времени, знала, но не вполне этим искусством владела – она была самокритична.* [Марина Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015)]. Понимание словосочетаний *ювелирная работа*, *ювелирное искусство* (в значении умения выполнять какую-либо работу) опирается на представление о тонкости и тщательности, кропотливости, точности выполняемых действий и восходит к названию профессии, владение которой предполагает именно эти качества. В поговорку вошли *немецкая пунктуальность*, *русская удаль*, *итальянская эмоциональность* и т.п.: *Лишь редкие чувствовали; например, исключительной глубины и прелести человек – священник Устьинский (он жил в Новгороде, изредка приезжал в Петербург) да, может быть, Тернавцев, тогда молодой и независимый; итальянская кровь давала ему большую силу жизни: весь он был неистовый, бурный и казался очень талантливым* [З. Н. Гиппиус. Задумчивый странник (о Розанове) (1923)].

Такое же устойчивое представление вызывают сочетания *королевское достоинство*, *царский подарок* и т.п., где наименование высшего титула правителя ассоциируется с качествами высшего порядка. Показательны следующие фрагменты, в которых эксплицирован устоявшийся в массовом сознании образ, который вступает в противоречие с реальностью: <...> *Любопытно: когда мы говорим "королевская семья", нам кажется, что это люди по определению очень богатые, как в Великобритании, например. В Испании не так, они отнюдь не богаты.* <...> [Сати Спивакова. Не всё (2002)]; *Василиса, заслышав суету в коридоре, выглядывала из кухонного проема. – Гавриловна! Яичницу! Королевскую! – приказал Павел Алексеевич громким веселым голосом, и Василиса в полном недоумении пошла исполнять. Королевская была на самом деле деревенская, с жареным луком и с картошкой, и ел он ее только по воскресеньям, в будние же дни по-прежнему не*

завтракал... – И мне королевскую! – радуясь приключению, подхватила Таня. Сели и позавтракали по-воскресному, хотя был самый что ни есть понедельник [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000].

Семантика эталонности может быть выявлена и систематизирована через анализ употребления производных относительных прилагательных, развивших метафорический компонент смысла. Одна из наблюдаемых здесь закономерностей – сочетаемость адъектива с отвлеченным существительным. Важный аспект развития смыслового потенциала – проявление семантического компонента ‘отклоняющийся от нормы’ (больше / меньше): <...> *а потому дачник <...> без конца точит лопаты, тяпки и секаторы до хирургической остроты, выпрямляет, пломбирует и протезирует погнутые и поломанные в прошлом году зубья грабель <...>* [М. Б. Бару. Принцип неопределенности // «Волга», 2015] – семантическое противоречие между названием огородных инструментов и степени их заточки выражается в прилагательном *хирургический*, в данном контексте передающем представление о явной избыточности, т.е. дачник все делает ‘больше нормы’ – нормы бытовой. Возникает противоречие между семантикой эталонности – или образцовости, что в принципе должно предполагать идею нормы, и собственно нормой, представляющей собой разветвленную систему с широким охватом семантической области, предполагающей ‘нормальность’ [Михеева 2019].

Литература

- Беляева З.М., Кузнецова И.В. Изучение в чувашской аудитории русских устойчивых сравнений с компонентом-наименованием представителя фауны // Вестник факультета русского языка и литературы Университета китайской культуры. – 2006. – № 9. – С. 309-317.
- Берков В.П. Семантика сравнения и типы ее выражения // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность: коллективная монография. – Санкт-Петербург: Наука, 1996. – С. 107–129.
- Кобозева И.М. Скрытая именная категория эталонности и эталоны формы в русском языке // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2010. – Т. 69, № 6. – С. 31-39.
- Михеева С.Л. Прилагательное "нормальный" в русском языке: соотношение семантики нормы и не-нормы // Новейшая филология: итоги и перспективы исследований : сборник статей Международной научно-практической конференции, посвящённая памяти Б.И. Осипова и М.П. Одинцовой, Омск, 15–16 февраля 2019 года / Отв. ред. О.В. Золтнер. – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2019. – С. 181-184.
- Михеева С.Л. Притяжательные имена прилагательные, производные от зоонимов: качественный компонент семантики и эталон // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2022. – № 2(115). – С. 90-95. – DOI 10.37972/chgpu.2022.115.2.013.
- НКРЯ - Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] // URL: <https://ruscorpora.ru/> . (Дата обращения – 30.09.2023).
- Никонова Ж.В. Фрейм в контексте лингвистической науки // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2008. – № 4-2. – С. 86-89.

МОРОЗКИНА Е.А., ГАБДУЛЛИНА А.Р.
Уфимский университет науки и технологий

РЕДУПЛИКАЦИЯ И ПЕРЕВОД ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ В РАССКАЗАХ А.П. ЧЕХОВА

Статья посвящена исследованию проблемы перевода лингвокультурных компонентов в рассказах русского писателя конца XIX – начала XX века А.П. Чехова. Авторы анализируют понятие редупликации в художественном тексте, виды редупликаций, особенности актуализации редупликаций лингвокультурных компонентов в переводе. Предпринимается попытка доказать, что перевод редуплицированных лингвокультурных компонентов художественных текстов обуславливает передачу имплицитных смыслов, заложенных автором в оригинале.

Ключевые слова: редупликация, межъязыковая асимметрия, переводческие деформации, лингвокультурные компоненты, художественный текст, А.П. Чехов.

Проблемами исследования приема редупликации занимались многие отечественные ученые, в том числе И.Р. Гальперин, М.В. Ломоносов, Н.Т. Головкина, А.А. Реформатский, Ю.М. Лотман, А.А. Потеня, В.Г. Гак, Р.О. Якобсон. Ряд работ посвящен изучению видов редупликации, ее функций в тексте. При этом, полагаем, прием редупликации требует более детального рассмотрения с точки зрения теории и практики перевода с учетом межъязыковой асимметрии и лингвокультурной специфики языков. В данном аспекте актуальным представляется исследование особенностей актуализации в художественном переводе приема редупликации на материале рассказов А.П. Чехова и их переводов на английский язык. Редулицированные лингвокультурные компоненты встречаются в ряде художественных текстов А.П. Чехова, в том числе в таких рассказах, как «Человек в футляре», «Смерть чиновника», «Хамелеон». Для осуществления данного исследования выбран рассказ «Из записок вспыльчивого человека» (1887) и его англоязычный перевод, выполненный К. Гарнетт в 1921 году. Новизна исследования обусловлена тем, что в работе выявляются лингвокультурные компоненты, в отношении которых в структуре художественного текста писателем использован прием редупликации. Кроме того, выявляются особенности актуализации приема редупликации в англоязычном переводе рассказа «Из записок вспыльчивого человека». Соответствие текстов писателя эпохе XIX века, а также лингвокультурные различия русского и английского языков являются теми факторами, которые усложняют работу переводчика. Цель исследования – выявить редулицированные лингвокультурные компоненты в художественном тексте А.П. Чехова и определить особенности их актуализации при переводе на английский язык. Задачи исследования связаны с необходимостью определения понятия редупликации, выявления типов редупликации, включенных А.П. Чеховым в структуру рассказа «Из записок вспыльчивого человека», а также исследования специфики их актуализации в англоязычном переводе с учетом лингвокультурных различий.

Первые попытки исследования приема редупликации предпринимались учеными еще в античности, когда этот прием относили сначала к средствам риторики, а затем стилистики. Существует множество определений понятия «редупликация», представленных отечественными лингвистами. С точки зрения А.А. Реформатского редупликация предполагает «полное или частичное повторение корня, основы или целого слова без изменения звукового состава...» [Реформатский 1996; 153]. В свою очередь, В.Г. Гак воспринимает редупликацию как «наименование ранее обозначенного денотата: лица, предмета, действия, качества» [Гак 1979; 91]. И.Р. Гальперин, Н.Т. Головкина, Ю.М. Лотман для описания редупликации используют термин «повтор». И если И.Р. Гальперин описывает редупликацию как стилистический прием, то Ю.М. Лотман считает редупликацию структурной особенностью художественного дискурса. При этом повторение элементов текста формирует его структуру [Лотман 1970].

Отметим, что одним из первых явление редупликации изучал М.В. Ломоносов в работе «Краткое руководство к красноречию» (1743), где редупликация рассматривается как повтор и выделяются следующие типы повторов: 1) усугубление (синтаксическая редупликация); 2) единое наименование (семантическая редупликация); 3) восхождение (градация); 4) наклонение (морфологическая редупликация); 5) многосоюзие (синтаксическая редупликация); 6) бессоюзие (синтаксическая редупликация); 7) согласование - повторение фразеологических единств и словосочетаний [Ломоносов 1952].

Последующие подходы к классификации явления редупликации во многом строились соответственно их принадлежности языковым уровням. Так, Н.А. Шехтман, полагает, что повторение элементов текста «базируется на общем семантическом компоненте» [Шехтман 1988; 44]. Ученый выделял редупликацию на разных уровнях текста, частности, на лексическом и синтаксическом. Ф.И. Рожанский различал фонемную, слоговую,

морфемную, лексемную редупликации [Рожанский 2011]. В.П. Москвин выделял фонетические, морфемные, лексические, синтаксические повторы [Москвин 2006]. Кроме вышеперечисленных типов, некоторые ученые выделяют такой вид редупликации, как *грамматический* [Турбина, Савельева 2006; 56], предполагающий осуществление синтаксической и грамматической связности текста.

В данном исследовании за основу взята классификация, описанная С.Д. Букатниковой в диссертационном исследовании «Функционирование редупликации в художественном тексте: системный аспект». Автор диссертации предлагает различать лексическую, грамматическую (синтаксическую, морфологическую), семантическую и фонетическую редупликации.

Основное внимание в статье уделяется изучению способов воспроизведения в переводе редупликации лингвокультурных компонентов оригинального текста. В качестве лингвокультурного компонента рассматриваются лингвокультуремы, передающие особенности образа жизни социума, которые включают «лингвокультурную информацию», транслирующую, по утверждению В.В. Воробьева, «знание ... всей системы культурных ценностей, выраженных в языке» [Воробьев 2008; 74-75].

В частности, вследствие несовпадения строя языков контактирующих культур, к лингвокультурным компонентам, полагаем, целесообразно отнести грамматические особенности, позволяющие отразить когнитивно-психологическую специфику представителей данной культуры.

Самым распространенным видом повтора, с точки зрения А.А. Потебни, являются лексические повторы [Потебня 1968]. Лексическая редупликация предполагает повторяемость слова / группы слов в рамках предложения, абзаца или текста. Отмечается, что в качестве одной из функций редупликации «выступает ... эмфаза» [Морозкина 2021; 129-130]. Прием редупликации, позволяющий интенсифицировать повествование, достаточно часто используется А.П. Чеховым, известным своей техникой импрессионистского письма, с целью создать эффект всплывающих в подсознании образов, ассоциативно связанных с определенными деталями. Так, в рассказе «Из записок вспыльчивого человека» многократно упоминается такая деталь, как нос девушки, который начинает краснеть и пухнуть всякий раз, когда она чувствует прилив романтических чувств. Ближе к развязке достигается кульминация – героиня «бледна и заплакана». Автор использует следующие вариации лексем: *нос ... краснеет и пухнет; нос ее краснеет; у нее пухнет нос* (К. Гарнетт). В англоязычном переводе рассказа, осуществленном в 1921 году К. Гарнетт образован следующий лексико-семантический ряд: *nose begins to swell and turn red; her nose begins to turn red; her nose swells*. Повторение данной детали в оригинале передает повышенную эмоциональность и имплицитно отражает готовность героини расплакаться. Безусловно, эта деталь содержит иронический подтекст. Однако в целом, с точки зрения лингвокультурологии, «плач можно рассматривать как выражение ценностей, обычаев и норм, отражающих коллективную ментальность исторических эпох» [Коньрева 2003; 4]. Особенности ментальности социума, полагаем, можно проследить, в том числе, с опорой на литературные тенденции соответствующей эпохи. Так, для XIX века была характерна «слезная» драматургия, в которой сочетаются черты сентиментальной и предромантической поэтики. При этом А.Н. Пашкуров в работе «Эволюция русской «слезной» драматургии в конце XVIII – начале XIX веков» отмечает, что в качестве ключевой в таком роде произведений выступает «сюжетно-психологическая ситуация страдания героя» [Пашкуров 2010; 30]. Судя по всему, в рассказе А.П. Чехова представлена именно такая «сюжетно-психологическая ситуация», которую героиня проецирует на себя. С помощью приема редупликации А.П. Чехов выстраивает тонкую пародию, обличающую некоторые особенности поведения героинь подобного типа в лингвокультурологическую эпоху конца XIX – начала XX вв. Заметим, что К. Гарнетт переводит эти лингвокультурные компоненты, не искажая семантики слов, сохраняя лексическую редупликацию.

В тексте рассказа содержится редупликация лексем, создающих в канве повествования так называемые «цветовые пятна», характерные для импрессионистского письма Чехова. Так, в тексте неоднократно фигурирует словосочетание «разноцветные девицы». В его составе присутствует лексема «девицы», которая относится к устаревшей лексике и использована писателем в ироническом контексте. Лингвокультурный компонент лексемы «девицы» предполагает следующую семантику: «незамужняя женщина, женщина юного возраста». В переводе Гарнетт (“*young ladies of various colours*”, “*variegated young ladies*”) нивелируется принадлежность лингвистической единицы к устаревшей лексике, а также исчезает лингвокультурный семантический компонент, вследствие использования в переводе нейтральной лексемы “*ladies*”, которая, согласно онлайн-словарю Merriam-Webster, имеет значение «женщина с изысканными манерами» (“*a woman of refined and gentle manners*” [<https://www.merriam-webster.com>]). Причем, прием лексической редупликации не в полной мере передан в переводе. С целью избежать повторов К. Гарнетт прибегает к использованию в рамках текста различных формулировок словосочетания «разноцветные девицы». Таким образом, в процессе перевода происходит трансформация лексической редупликации в семантическую, что подразумевает однократный или многократный повтор лексического значения языковой единицы (в данном случае, словосочетания), которое передается близкими по семантике лингвистическими единицами, образующими синонимический ряд. Полагаем, использование одного из упомянутых вариантов перевода словосочетания на протяжении всего рассказа было бы предпочтительным, вследствие более точного соответствия такого переводческого решения семантике оригинала.

Одной из характерных особенностей русскоязычной лингвокультуры является использование уменьшительно-ласкательных форм для выражения доброжелательности, симпатии к собеседнику. При создании уменьшительно-ласкательных форм в русском языке широко используются диминутивные суффиксы. Например, в рассказе «Из записок вспыльчивого человека» встречаются многочисленные антропонимы, сформированные с помощью одного и того же суффикса –*еньк-*, призванные, по мысли автора, заместить имя девушки, не запомнившееся герою: *Наденька, или Варенька / Наденька же, или Варенька / Наденька, или Варенька (теперь я припоминаю, что ее зовут, кажется, Машенькой)*. В переводе К. Гарнетт данный фрагмент текста оформлен следующим образом: *Nadenka or Varenka / Nadenka (or Varenka) / Nadenka or Varenka (now I come to think of it, I believe I have heard her called Mashenka)*. Как видим, в представленных единицах наряду с лексической редупликацией присутствует морфологическая редупликация, которая предполагает «полное или частичное повторение основы слова, аффиксальных компонентов или компонентов сложных слов» [Реформатский 1996; 153]. Для англоязычной лингвокультуры не характерно разнообразие и многозначность диминутивных суффиксов: английский язык, принадлежащий к агглютинативному типу, зачастую не располагает эквивалентными русскоязычным аффиксами. Суффикс - *еньк* с элементами либо пренебрежительной, либо уменьшительно-ласкательной семантики утрачивает свое значение в переводе: вследствие использования переводчиком транслитерации англоязычный читатель теряет возможность распознать соответствующие смыслы. При этом фонетическая редупликация в переводе сохраняется.

Таким образом, в рамках текста могут одновременно быть представлены различные виды редупликации, которые имеют важное функциональное значение: они могут служить для придания определенного стилистического оттенка, быть основой ценностно-смысловой модели автора и нести имплицитные смыслы. Вследствие межъязыковой асимметрии, а также в связи с субъективным видением переводчика, тот или иной вид редупликации при переводе может трансформироваться в иной. Интересным представляется исследование редупликации в сравнительно-сопоставительном аспекте, поскольку, вследствие лингвокультурных различий и разницы в строе языков оригинала и перевода при актуализации в переводе редупликаций могут возникать деформации формы и смысла оригинальных элементов лингвокультурных компонентов текста.

Литература

1. Букатникова С.Д. Функционирование редупликации в художественном тексте: системный аспект: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Букатникова Светлана Дмитриевна; [Место защиты: Башкир. гос. ун-т]. - Уфа, 2017. - 20 с.
2. Воробьев В. В. Лингвокультурология: монография. М.: РУДН, 2008. - 340 с.
3. Гак В.Г. Повторная номинация на уровне предложения // Синтаксис текста. – М.: Наука, 1979. – 203 с.
4. Копырева И.В. Плач как феномен русской культуры: автореферат дис. ... кандидата культурологии: 24.00.01 / Комсомольск-на-Амуре гос. техн. ун-т. - Комсомольск-на-Амуре, 2003. - 24 с.
5. Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обою красного речия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки // Полное собрание сочинений. Т. 7: Труды по филологии 1739-1758 гг. – Москва; Ленинград: АН СССР, 1952. – С. 89-378.
6. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: Изд-во «Искусство», 1970. – 387 с.
7. Морозкина Е.А. Перевод и редупликация лексемы "bear" в текстах Дж. Барнса // Вестник Башкирск. ун-та. 2021. №1. С. 126-131.
8. Москвин В. П. О типах и функциях звуковых повторов // Русская словесность. – 2006. – № 8. – С. 63-69.
9. Паикуров А.Н. Эволюция русской «Слезной» драматургии в конце XVIII начале XIX веков // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2010. №2. – С. 22-32.
10. Потемня А.А. Из записок по русской грамматике. – М., 1968. – Т. 3. – 549 с.
11. Реформатский А.А. Введение в языковедение / А.А. Реформатский / под ред. В.А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.
12. Рожанский Ф.И. Редупликация: Опыт типологического исследования. – М.: Знак, 2011. – 256 с.
13. Турбина О.А. Принцип классификации текстовых связей / О.А. Турбина, О.А. Савельева // Вестник Южно-Уральского государственного ун-та. Серия: Лингвистика. – 2006. – № 6(61). – С. 53-59.
14. Чехов А.П. Из записок вспыльчивого человека [Электронный ресурс]. URL: <https://онлайн-читать.рф/чехов-из-записок-вспыльчивого-человека/>
15. Шехтман Н.А. Системность лексики и семантика слова: учебное пособие / Н.А. Шехтман; науч. ред. М.А. Кулинич; Куйбышев. гос. пед. ин-т. – Куйбышев: КГПИ, 1988. – 84 с.
16. Chekhov A. From the Diary of a Violent-Tempered Man [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ibiblio.org/eldritch/ac/jr/125.htm>
17. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/lady>

МОСКВИНА Ж.О.

РТУ МИРЭА, Москва

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ТРАНСФОРМАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА. ИМАГОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена исследованию трансформационных процессов языковой картины мира в условиях межкультурного общения. Автор анализирует многообразие языковых картин мира, условия их взаимодействия друг с другом и результаты таких взаимодействий. Автор указывает на открывшиеся в процессе исследования функциональные возможности в сфере преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, языковая картина мира, имагология, русский язык как иностранный.

Любой национальный язык должен выполнять определенный круг задач. В ближайшем рассмотрении стоит перечислить следующие задачи: коммуникативная, информативная, эмотивная, но в разрезе изучения трансформационных процессов языковой картины мира, стоит сосредоточиться именно на функциональных возможностях языка как системы хранения комплекса знаний и представлений того или иного народа о мире. Универсальное знание о мире, зафиксированное в лексических и фразеологических составляющих языка, представляет собой результат действия коллективного сознания. Разные виды человеческого сознания создают многообразие матриц языка: область деятельности, применения языка предопределяет создание актуальной для данной области

картины мира. Языковые картины мира могут соприкоснуться друг с другом, как научная языковая картина мира и языковая картина мира национального языка, служить основой для образования новых, как, например, языковая картина мира отдельного человека, дополняться или же быть полярными. В любом случае, утверждение о множественности картин мира внутри одного языка можно считать верным. Все многообразие систем хранения представлений человека о мире при этом подвержено трансформационным процессам, первым из которых выступает межкультурное общение.

Трансформация явления «языковая картина мира» связана с двумя векторами межкультурного коммуникативного процесса в срезе работы преподавания русского как иностранного: культурологическим и лингвистическим. Культурологический вектор взаимодействия основан на понимании и принятии преподавателем национальных различий в системе координат мировоззрения и мирооценки другой нации. В процессе межкультурного общения, в рамках работы преподавателя русского языка как иностранного важно осознавать, что условное межкультурное взаимопонимание, основанное на принципах вежливости, может стать реальным, если при подаче учебного материала будет учитываться не только необходимость дать определенный объем страноведческих и культурологических знаний, но и существование иного принципа видения мира у представителей других культур. При подборе материала для занятий следует опираться в первую очередь на принятие непохожести культур, на поиск точек межкультурного соприкосновения, уважение особого склада национального мышления. Поэтому преподаватель языка, находящийся в процессе межкультурного общения обязан обладать знаниями об особенностях национальной культуры слушателей, знать географические, исторические и ментальные особенности представителей иной культуры, уметь посмотреть на собственную картину мира глазами представителя другой нации. Но важен и обратный процесс, когда принцип преподавания языка заключается не столько в решении исключительно коммуникативных задач, сколько в предоставлении возможности обучающимся глубокого проникновения в язык и культуру русской языковой картины мира.

Привычный метод изучения языка в желании найти лишь лексические и понятийные эквиваленты сводит к нулю попытку овладеть языком глубоко. Задача преподавателя русского как иностранного стоит выше овладения слушателем лишь содержательной части языка, она касается умения понимать образ мышления нации.

В данном аспекте работы преподаватель РКИ может опираться на собственные глубинные знания принципа мышления представителей тех или иных культур, а также выстраивать занятия по русскому языку, уделяя должное внимание семантике и истории языка, постепенно знакомя слушателей с образом мышления нации и ее уникальным способом мировосприятия. Язык в таком случае перестает быть лишь постигаемой системой грамматических конструкций и лексических единиц, а становится объектом изучения в ракурсе восприятия новой для иностранца национальной картины мира.

Стоит также отметить определенную сложность в представлении языковой национальной картины мира, которая заключается в устойчивости стереотипов восприятия того или иного народа. Действительно в процессе межкультурного взаимодействия на протяжении всей истории человечества в силу сложившихся исторических коллизий в восприятии представителей чужого народа и языка будет прослеживаться наличие устойчивых стереотипов относительно той или иной нации. Имагологический аспект работы преподавателя РКИ сводится к поиску в истории взаимоотношений между странами точек соприкосновения. Несмотря на все усилия какая-то часть глубинных стереотипов останется неизменной, но поверхностное восприятие другого народа будет меняться. И именно от преподавателя языка будет зависеть степень и вектор изменений.

Таким образом, в рамках учебного процесса в аспекте межкультурных коммуникаций задачи преподавателя языка выходят далеко за рамки привычных методик преподавания, основанных на освоении лишь грамматического и лексического материала. Неотъемлемой частью процесса становится глубокое знание и принятие особенностей мировосприятия народов, представители которых изучают русский язык, а также поиск и подчеркивание схожести в исторических, культурных и когнитивных пространствах коммуницирующих в учебной аудитории людей.

Литература

Таратухина Ю.В., Цыганова Л.А., Ткаленко Д.Э. Межкультурная коммуникация в информационном обществе. - М.- ВШЭ- 2019.- 240 с

Ingrid Gogolin, Viola B. Georgi, Marianne Krueger- Potratz. Handbuch Interkulturelle Paedagogik,- Н.- 2023.- 600 с.

1 Щербаева, А. А. Лингвокультурные типажи «учитель» и «врач»: общекультурные и индивидуально-авторские характеристики : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. А. Щербаева. – Красноярск, 2010. – 14 с.

МОЩЕВА С.В.

Ивановский государственный химико-технологический университет

МАССМЕДИЙНАЯ КОММУНИКАЦИИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: СПОСОБЫ АТТРАКЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЫ)

Статья посвящена актуальным вопросам современной рекламной коммуникации, которая является одним из важнейших компонентов массовой культуры, мощным средством воздействия на аудиторию. Автор отмечает, что рекламный язык – это отражение взаимосвязанных законов функционирования современного общества.

Ключевые слова: рекламная коммуникация, коммуникативная функция, языковые особенности, манипулятивность, аттрактивность.

Рекламный дискурс, согласно исследованиям, – это наиболее активно развивающийся тип дискурса, который аккумулирует даже незначительные изменения, имеющиеся на всех языковых уровнях. Источником данных изменений выступают «психологические, биологические и социологические явления» [Моррис 1983; 63].

На основе исследования рекламного материала можно утверждать, что одной из типологических черт рекламного дискурса является направленность на имитацию, отображение изменений развития языка и общества, которые проявляются на всех уровнях языковой структуры (фонологическом, морфологическом, синтаксическом, лексико-семантическом). Данная имитация считается достаточно действенным способом приближения рекламного социума к объективно существующему.

Любой рекламный текст мы рассматриваем в качестве полиинтенциональной системы, содержащей не только коммуникативно-прагматические интересы адресанта и адресата сообщения, но и копирайтера, являющегося ретранслятором коммуникативного события, который несет ответственность за успешную смысловую интерпретацию установок продуцента.

Среди ряда функций, которые реализует рекламная коммуникация, можно выделить *информационную функцию*, т.е. обеспечение потребителей направленным потоком информации о производителе и его товаре, потребительской стоимости. Вместе с тем, очевидно, что, являясь частью системы маркетинга, реклама перешагивает узкие рамки информационной функции и берет на себя еще *функцию коммуникативную*.

На данном этапе развития СМИ наиболее актуальны вопросы, связанные со способами максимального эффекта воздействия на адресата речи, т.е. выбор и реализация

речевого акта, сочетаний речевых актов, их последовательность для актуализации намерения адресанта. Под речевым намерением мы понимаем совокупность интенций, направленных на достижение перлокутивного эффекта. Максимальный эффект воздействия достигается за счет выбора определенного коммуникативно-прагматического комплекса, направленного на интенсификацию речевого поведения и способствующего принятию реципиентом «правильного», запланированного адресантом действия. Манипуляция общественным мнением происходит через дискурс присвоения безусловных для коллективного бессознательного ценностей. Кроме того, «...имеет место (реальное или мнимое) разрушение традиционных национальных ценностей под давлением “новых” ценностей массовой потребительской культуры, в которой нормой становится сосуществование ценностей, антиценностей, псевдоценностей, имитаций (симулякров) социальных феноменов ценностного характера, своего рода инфляция ценностей» [Серебренникова 2011; 48].

Говоря о российских средствах массовой информации, прослеживаются тенденции к поиску не только своего места в мировом сообществе, но и способа выделиться среди отечественных изданий. Так, «засилие» разговорных и сленговых форм до недавнего времени были характерной особенностью медийных источников, особенно рекламного характера, направленных на детскую и молодежную аудиторию, поскольку не существовало строгих нормативных правил и требований к оформлению печатной и устно-речевой продукции СМИ [Мощева 2013; Мощева 2014]. Фразы из рекламных роликов и журналов были хорошо знакомы каждому.

Употребление ненормативной лексики, как приманка для внимания аудитории, также не являлось исключением ни в печатных СМИ, ни на медийных каналах. Однако такая «пощечина общественному вкусу» постепенно адаптировалась самим обществом.

Следует отметить, что именно в СМИ особенно ярко представлена такая часть самосознания нации, как представление о «своем» и «чужом». Если говорить о России, то исторически сложившийся дуализм в восприятии «заграничного», западного отчетливо проявляется и закрепляется как стереотипное явление в медийных текстах. В качестве примера можно привести фразу А. Ахизера о том, что Россия – это страна, «застраившая между двумя мирами, которая вышла за рамки суперцивилизации, но так и не вошла в число стран, где утвердилось открытое общество» [Ахизер 1997; 34]. Анализируя тексты СМИ, можно утверждать, что имеют место и определенные стереотипы в восприятии отечественных/неотечественных товаров и услуг:

- превосходство, лучшее качество импортного товара («Ford. А разве есть еще что-то?»); «Я предпочитаю только настоящий кофе – Nescafe»; «Maxwell House – хорош до последней капли!»; «Fructis – Гарантия лаборатории Garnier. Париж»; «Electrolux – Швеция. Сделано с умом»; «Как правильно пишется слово страхование? – По-русски от слова «страх», а по-английски «insurance» от слова «уверенность!»);

- выгода сотрудничества с западными компаниями («Норвежские морепродукты. Сделано в Норвегии, чтобы быть ближе к России»; «Немецкое качество – русские традиции»);

- западный образ жизни (комфортный, более счастливый) приходит с приобретением импортного товара («Bounty. Бывают минуты охваченные нежностью и любовью»; «Добро пожаловать в мир Wispa. Мир красоты, романтики и счастья!»).

Уже почти забыты рекламные растяжки «Покупай русское!», подкрепленные визуальным рядом – «российское авто с квадратными колесами», «кувалда и молоток в качестве современных орудий для сборки автомобиля». Формируется и укрепляется тенденция ориентировать потребителя на приобретение отечественного, т.е. качественного товара («Купи отечественное – помоги России!»; «Россия – щедрая душа!»; «Вкусно, сытно, по-нашему, по-русски»; «Русские пекари!»; «Молоко “Домик в деревне” – деревенское, свое, родное») [Мощева 2018; 67].

Итак, если давать определение сегодняшнему российскому обществу с точки зрения приоритетов и ценностей – это общество противоречий. Хотим видеть в новом поколении

патриотов, однако не доверяем собственному образованию и яростно до недавнего времени рекламировали зарубежную среднюю и высшую школу; вкладываем средства в национальную автопромышленность, покупая или мечтая купить «иномарку»; хорошо зная известные имена отечественных дизайнеров, покоривших мировые подиумы, мы с придыханием обсуждаем импортную экипировку творческой и политической элиты, завсегда модных тусовок и т. д. Ряд подобных несоответствий можно продолжать до бесконечности, так и не найдя баланса между «хотим» и «мечтаем».

Культивируемый СМИ образ современного успешного человека дополняется рядом обязательных внешних атрибутов, а именно, обладанием дорогостоящих предметов, технических новинок последнего поколения, поскольку наличие подобного ряда предметов указывает на принадлежность к определенной социальной группе. Однако наше исследование показывает, что массмедиа в своем большинстве не акцентируют внимание, особенно молодежной аудитории, на том, что обладание статусными атрибутами должно являться результатом интенсивной профессиональной деятельности. Сегодня делаются робкие попытки массмедиа скорректировать стереотипный образ «состоявшейся» личности, выстраивая ментальную цепочку – «карьера и хорошее образование», «материальный достаток – высокий профессиональный уровень – хорошее образование» и т. д.

Отметим, что экспрессивность в современных СМИ предстает как интегральный результат реализации таких свойств, как эмотивность, оценочность, интенсивность, образность. Они реализуются языковыми и неязыковыми средствами и проявляются в игре с многозначностью слов и со словообразованием, использованием стилистических тропов; релевантными могут оказаться лексические заимствования, различные коммуникативные типы предложений, фонетическое оформление слова/высказывания, а также возможности каллиграфии и графики, шрифтовая вариативность, графическая образность. Развитие письменной коммуникации, в том числе в виртуальной среде, способствовало распространению графических сокращений и различных приемов графической символики (немотивированных логограмм).

Позиционирование российского государства на международной арене в качестве социально-ориентированного общества требует и от массмедиа определенных действий для упрочения новых образов-символов.

Литература

1. Ахизер А.С. Как «открыть» закрытое общество. – М., 1997. – 40 с.
2. Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика. – 1983. – С. 63-132.
3. Мощева С.В. Интенциональность речевого поведения: система средств интенсификации. – М., 2018. – 324 с.
4. Мощева С.В. Современная русскоязычная языковая среда: (на материале рекламных имен) // Русский язык за рубежом. – 2014. – №2. – С. 62–68.
5. Мощева С.В. Дискурс массмедиа: роль и место графики и графических средств паралингвистики (на материале рекламных текстов) // Перспективы науки и образования. – 2013. – № 4. – С. 232-242.
6. Серебренникова Е.Ф. Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов. – М., 2011. – 352 с.

НЕМЫКА А.А., КУЛИКОВА Е.Ю., КИТАЕВА М.В.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «НАСТАВНИК/ УЧИТЕЛЬ»: АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью лингвокультурного моделирования сознания и коммуникативного поведения, оценки опыта школьной жизни в коллективной и индивидуальной концептосферах, а также недостаточной изученностью лингвокультурного типажа «учитель» в современной лингвистической науке.

Предмет исследования – понятийные, образные, оценочные и ассоциативные признаки лингвокультурного типажа «учитель» в различных типах дискурса.

Цель исследования – охарактеризовать лингвокультурный типаж «учитель» в публицистическом интернет-тексте, в текстах блогов и форумов Рунета, в национальном корпусе русского языка, в афоризмах и анекдотах Рунета.

В данном параграфе лингвокультурный типаж «учитель» был раскрыт наиболее полно и глубоко, поскольку здесь мы не только определяем понятийно-аксиологический инструментальный образ учителя в разных видах дискурса, но и устанавливаем, какой коннотацией обладает то или иное высказывание, в котором представлен анализируемый нами лингвокультурный типаж. Анализ эмпирического материала с этой позиции приводит к выделению перечня оценочных характеристик.

Так, мы провели ранжирование избранных контекстов на положительные, отрицательные, нейтральные и другие (не содержат оценочного мнения). Необходимо отметить, что в категорию «другое» были включены контексты, в которых авторы текстов описывают личность идеального учителя, делятся своим педагогическим опытом или устанавливают наиболее значимые педагогические задачи – нельзя однозначно растолковать оценку учителя в таких высказываниях, так как задачей таких контекстов не стоит оценивание, коннотация педагогической деятельности / личности учителя и его качеств и др.

1. **Положительная оценка** личности учителя отражается в следующих примерах (36 примеров): «Злых **преподов** не бывает. Бывают требовательные, нетерпимые к ленивым и стремящиеся хоть чему-то научить учащихся, даже вопреки нежеланию нерадивых студентов знать предмет»; «...хотя один **учитель** мне нравится) Бьет в лоб словом, но зато всегда за дело»; «Если бы вы знали, дорогие Мужчины – **учителя**, как мы вас ценим!»; «Благодаря **учителю** в мире каждый день появляется огромное количество квалифицированных работников в той или иной сфере жизнедеятельности» и др.

2. **Отрицательная оценка** образа учителя демонстрируется следующими примерами (18 примеров): «Я тоже школу не люблю. Только из за **учителей**. Мне с ними по жизни не везет) карма, видимо, у меня такая) в прошлой жизни, наверно, поиздевалась над ними); Шокирую стереотипных школьных **училок** своим американ инглиш, но есть и плюс – хоть он и американ, но я на нём свободно болтаю, в отличие от многих школьных **учителей** (no offense!); «– Ну и класс мне попался! Объясняю им теорему – не понимают. Другой раз объясняю – не понимают. Третий раз объясняю – сам понял, а они все равно не понимают»; «Софья Абрамовна, Моню надо мыть. Моня плохо пахнет». Ответная записка: «Сара Соломоновна, Моню надо учить. Моню не надо нюхать»

3. **Нейтральная оценка** содержится в таких примерах, как (59 вхождений): «Это наверно самое главное! Спорить с **учителями** вообще запрещено! А еще ходить на пары все, и если можно понять, где можно прогуливать, то только тогда, а то у нас последнее время часто к посещаемости стали придираться!»; «А когда **учителю** в наше время проводить массу внеклассных мероприятий? Если он ведёт уроки с 8 утра до 8 вечера? Суббота тоже часто рабочий день. Ночью или по воскресеньям? Когда?»;

4. **Другое** (87 вхождений): «Что за постановка вопроса.. любимый!?!? Любимый певец. Книга . Художник. Учитель.. да не люблю я их.. может нравится исполнение. Книга. Произведение.. преподавание»; «Педагогика не имеет отношения ни к полу, ни к расе, ни к чему подобному. Это, грубо говоря, наука "как учить детей" (учёный ведь учить детей не может, не умеет он этого)»; «Учитель должен: главное – любить детей и свою работу, посвящать этой работе максимум своего времени, должен вкладывать свою душу – и только тогда его работа будет оценена детьми и они смогут полностью ему доверять и сотрудничать с ним. Учитель должен иметь много идей, обладать богатой фантазией и иметь огромное терпение)»; «Не встретилось учителей, кроме бабушки.. Если кто.. А что? Да сама жизнь)».

5. Группа примеров «Другое» выступает наиболее частотной, что является немаловажным для настоящего исследования, поскольку мы видим, согласно перечню нашей картотеки, что автором текстов наиболее значимо не дать оценку, осудить или похвалить

педагога, но поучаствовать в диалоге на форуме, в блоге; отразить свои идеи об идеальной личности педагога; показать, какие задачи, по мнению пользователя, должен выполнять педагог.

Далее, видим, что нейтральная оценка доминирует над положительной и отрицательной, а положительная представлена в большем количестве примеров, нежели отрицательная – в целом, отмечается положительный учебно-педагогический опыт авторов текстов.

Видится значимым также установить ключевые основания для оценки личности педагога авторами анализируемых текстов разных видов дискурса. Так, отмечаем, что личностное отношение авторов текстов к личности учителя можно охарактеризовать в рамках следующих аспектов:

1. **Отношение к другим людям:** «С первого по пятый класс английский у нас вела женщина, которая всегда на всех кричала. Мы, дети с неокрепшим рассудком, сразу провели параллель между её кофтой с леопардовым принтом, которую она носила чуть ли не каждый день, треугольными ногтями (когтями) и бесконечным ором и прозвали её Самкой. До сих пор так называем, когда вспоминаем, хотя настоящее имя забыли»; «детей жалко, что они незащищены от маразма некоторых учителей... жаль что в пединститутах не проводят тесты на профпригодность. Ведь некоторые учителя не любят детей, как они могут их учить? И как их допускают до преподавания и воспитания наших детей?»;

2. **Отношение к собственной профессии:** «У нас в школе была учительница, которая очень хорошо относилась в своему предмету, а если точнее ответственно, она хотела полностью погрузить всех в атмосферу книги которую проходили, поэтому строила сценки с учениками в классе, или ставила свечи или ещё чего, детям очень хотелось узнать что учитель ещё придумает, но и книгу с удовольствием слушали, пока учитель читал»;

3. **Компетентность педагога:** «Шокирую стереотипных школьных училок своим американ инглиш, но есть и плюс – хоть он и американ, но я на нём свободно болтаю, в отличие от многих школьных учителей (no offence!)...»;

4. **Индивидуальные качества:** «Все зависит от личности учителя. Пока мой сын учился в начальной школе, учитель всегда видела в ребенке и положительные качества и отрицательные...»; «ну вот благодаря многим учителям мне понравились предметы, которые мне не нравились изначально... так что я за харизму в учительском деле...»;

5. **Гендерные признаки:** «Если бы вы знали, дорогие Мужчины – учителя, как мы вас ценим!»;

6. **Нельзя установить причину:** «С учителями и преподавателями мне по жизни везло»; «Мой любимый учитель сделал меня той, кем я сейчас являюсь...».

Наиболее частотна первая группа (по отношению к другим людям), однако крайне сложно провести тщательный статистический анализ, поскольку во многих текстах обнаруживаем сразу несколько оснований для оценки.

Мы обратили внимание на то, что в избранных нами контекстах не присутствует большого количества лексических единиц, которые конкретизируют те стороны лингвокультурного типажа «учитель», которые распознаются посредством перцепции, однако мы можем установить крупный перечень прилагательных и других частей речи, которые характеризуют образ учителя (мы не берем за основу негативные оценки личности учителя). Таким образом, учитель: *компетентный; опытный; требующий не только знаний, но и дисциплины; обладающий характером; вечно молодой; добрый; вежливый; тактичный; высококвалифицированный; эрудированный; грамотный; умеющий заинтересовать; ответственный; находящийся в постоянном педагогическом поиске; любящий детей и профессию; мастер своего дела; способный к обучению; поддерживающий и помогающий; ас «в человеческом и профессиональном смысле»; требовательный; справедливый; служащий образцом; призвание; любящий; харизматичный* и др.

1. В результате исследования было установлено частотное соотношение аксиологических параметров лингвокультурного типажа «учитель» в разных видах дискурса, среди которых доминирует педагогическая / дидактическая компетентность (21%); на втором по частотности месте размещается учитель как центральная фигура процесса образования (15%); на третьем – престиж профессии и диалог учителя с учащимися (по 14%); на четвертом – педагогические цели и задачи (8%); на пятом – качества и способности учителя (7%); на шестом – роль учителя в обществе и требования к современному / идеальному учителю (по 6%); на седьмом – проблема низкой оплачиваемости труда (5%); менее частотно представлен параметр – рабочая нагрузка / бюрократия (4%). В ходе исследования был также установлен перечень понятийных характеристик, а также лексем, которые раскрывают лингвокультурный типаж «учитель» в разных видах дискурса.

2. Было выявлено соотношение оценочной и неоценочной информации, наблюдаемой в разных видах дискурса. Было установлено, что группа «другое», в которой отсутствует оценочная информация, но происходит диалог об идеальной личности учителя, педагогических задачах и требованиях к современному педагогу, доминирует, что составляет 44% от всего числа примеров. На втором по частотности месте представлены группа контекстов с нейтральной оценкой (29%); на третьем – с положительной (18%); менее репрезентативны контексты, в которых отмечается отрицательная оценка (9%). В результате исследования были также выделены ключевые основания для оценки личности педагога авторами анализируемых текстов разных видов дискурса: отношение к другим людям, отношение к собственной профессии, компетентность педагога, индивидуальные качества, гендерные признаки, другое. Был определен ряд прилагательных, посредством которых описывается образ педагога в анализируемых текстах разных видов дискурса

Проведенное исследование позволило сделать следующие **выводы**:

1. Возникновению теории лингвокультурных типажей предшествовал интерес к изучению лингвокультурных концептов, к личностному аспекту языка. Этот аспект разрабатывается в течение последних десятилетий в рамках лингвоперсонологии, формирование которой предвосхитили лингвистические исследования антропоцентристской направленности, при которых идея «За каждым текстом стоит система языка» трансформировалась в исследовательскую установку «За каждым текстом стоит языковая личность».

2. Термин «лингвокультурный типаж» обладает большим рядом определений, что отражает большой интерес к исследуемому термину ученых, которые рассматривают его с точки зрения различных подходов. Отличительной особенностью термина «лингвокультурный типаж» является то, что он «акцентирует внимание на культурно-диагностической значимости типизируемой личности для понимания культуры и на изучение этой личности с позиций лингвистики» [8, с. 13]. Признаками лингвокультурного типажа являются: рекуррентность, хрестоматийность, яркость типажа, прецедентность, типичность, символичность. В качестве основных смежных понятий следует отметить «роль», «стереотип», «амплуа», «персонаж», «имидж» и «речевой портрет».

3. Лингвокультурный типаж «учитель» относится к типу социумно-прецедентных – «известных любому среднему представителю того или иного социума и входящих в коллективное когнитивное пространство» [13, с. 50] Исследованию лингвокультурного типажа «учитель» посвященный целый блок научных исканий ученых. Его рассматривают как универсальное, однако и специфическое, явление в аспекте различных, наиболее значимых характеристик (речь, внешность, сфера, досуг и др.).

4. В результате исследования был проведен анализ эмпирического материала, отобранного из текстов публицистического медиадискурса, форумов и блогов, НКРЯ, афоризмов и анекдотов Рунета (в количестве 200 единиц), в котором представлен лингвокультурный типаж «учитель». Было установлено, что среди выявленных аксиологических параметров лингвокультурного типажа доминирует педагогическая /

дидактическая компетентность (21%); на втором по частотности месте размещается учитель как центральная фигура процесса образования (15%); на третьем – престиж профессии и диалог учителя с учащимися (по 14%); на четвертом – педагогические цели и задачи (8%); на пятом – качества и способности учителя (7%); на шестом – роль учителя в обществе и требования к современному / идеальному учителю (по 6%); на седьмом – проблема низкой оплачиваемости труда (5%); менее частотно представлен параметр – рабочая нагрузка / бюрократия (4%). В ходе исследования был также установлен перечень понятийный характеристик, а также лексемы, которые раскрывают лингвокультурных типаж «учитель» в разных видах дискурса.

5. Было выявлено соотношение оценочной и неоценочной информации, наблюдаемой в разных видах дискурса: группа «другое» доминирует над всеми остальными примерами (44%); второе место занимает группа контекстов с нейтральной оценкой (29%); третье – с положительной (18%); менее репрезентативны контексты с отрицательной оценкой (9%). Были выделены ключевые основания для оценки личности педагога авторами анализируемых текстов разных видов дискурса: отношение к другим людям, отношение к собственной профессии, компетентность педагога, индивидуальные качества, гендерные признаки, другое. Был определен ряд прилагательных, посредством которых описывается образ педагога в анализируемых текстах разных видов дискурса.

Литература

1. Абрамов, Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. Около 5000 синонимических рядов / Н. Абрамов. – Москва : АСТ, 2008. – 672 с.
2. Безрукова, В. С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога) / В. С. Безрукова. – Екатеринбург : Перемена, 2000. – 937 с.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 т. / В. И. Даль. – Москва : Цитадель, 1998. – 1562 с.
4. Дмитриева, О. А. Жертвенность как доминанта лингвокультурного типажа «учитель» / О. А. Дмитриева // Филология и лингвистика. – 2018. – № 2(8). – С. 21–25.
5. Дмитриева, О. А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века: монография / О. А. Дмитриева. – Волгоград : Перемена, 2007. – 307 с.
6. Еркович, П. С. Лингвокультурные типажи «учитель» и «teacher» в русской и американской лингвокультурах / П. С. Еркович // Ученые заметки ТОГУ. – 2018. – Т. 9. – № 1. – С. 116–122.
7. Карасик, В. И. Лингвокультурный типаж: к определению понятия / В. И. Карасик / В. И. Карасик, О. А. Дмитриева // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: Сб. науч. тр. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 5–25.
8. Карасик, В. И. Языковые ключи: монография / В. И. Карасик. – Волгоград: Парадигма, 2007. 520 с.
9. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Москва : Просвещение, 1987. – 312 с.
10. Караулов, Ю. Н. Что же такое «языковая личность»? / Ю. Н. Караулов // Этническое и языковое самосознание. – 1995. – № 1. – С. 38–65.
11. Касюк, Н. С. Паспорт лингвокультурного типажа "учитель" (на материале анекдотов) / Н. С. Касюк // IV чтения, посвященные 70-летию со дня рождения профессора В.А. Карпова : Сборник научных статей : в 2 ч. Ч. 2, Минск, 19–20 марта 2010 года. – Минск, 2010. – С. 103–107.
12. Красных, В. В. «Свой» среди чужих: миф или реальность? / В. В. Красных. – Москва : Гнозис, 2003. – 415 с.
13. Красных, В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. – Москва : Гнозис, 2002. – 284 с.
14. Крысин, Л. П. Современный русский интеллигент: попытка *речевого портрета* / Л. П. Крысин // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 1. – С. 90–106.
15. Крюков, Д. В. Социолингвистические характеристики писем английской аристократии Викторианской эпохи: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Дмитрий Владимирович Крюков. – Волгоград, 2001. – 20 с.
16. Марченко, Е. П. Лингвокультурный типаж «учитель» в отечественных кинофильмах / Е. П. Марченко // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития. – 2020. – № 1. – С. 20–24.
17. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов. – Москва : ОНИКС, 2012. – 1375 с.
18. Олянич, А. В. Презентационная теория дискурса / А. В. Олянич. – Волгоград: Парадигма, 2004. – 507 с.

19. Парсамова, В. Я. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах: на материале писем Ю.М. Лотмана: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Вероника Яковлева Парсамова. – Саратов, 2004. – 24 с.
20. Попова, С. В. Речевые характеристики лингвокультурного типажа «школьная учительница» / С. В. Попова // Гуманитарные исследования. – 2011. – № 2 (38). – С. 84–90.
21. Почепцов Г. Г. Имиджелогия / Г. Г. Почепцов. – Москва : Рефл-бук: Ваклер, 2000. – 768 с.
22. Ребер, А. Большой толковый психологический словарь. Т. 2. [Пер. с англ.] / А. Ребер. – Москва: АСТ, 2000. – 980 с.
23. Савченко, Е. П. Лингвокультурный типаж «учитель/ преподаватель» в русской и английской лингвокультурах / Е. П. Савченко // Язык, история, общество : Международная научно-практическая виртуальная конференция. – Орехово-Зуево, 2018. – С. 96–102.
24. Тарасов, Е. Ф. К построению теории речевой коммуникации / Е. Ф. Тарасов. – Москва : Наука, 2001. – 312 с.
25. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – Москва : Альта-Принт, 2008. – 510 с.
26. Фарино, Е. Введение в литературоведение / Е. Фарино. – СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. – 639 с.
27. Чурбакова, П. Н. Стереотипы о лингвокультурном типаже учителя в современном педагогическом дискурсе / П. Н. Чурбакова // Слово о слове: исследования молодых ученых-филологов. – 2021. – № 1. – С. 76–80.
28. Щепаньский, Я. Элементарные понятия социологии / Пер. с польск. – Москва : Прогресс, 1969. – 237 с.

НИЗАМУТДИНОВА Г.С.

Уфимский университет науки и технологий

СИСТЕМА УПРАЖНЕНИЙ ПО ФОРМИРОВАНИЮ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

В статье рассматриваются особенности построения системы упражнений и заданий по формированию невербальной коммуникативной компетенции в рамках учебного пособия лексикографического типа.

Ключевые слова: невербальная коммуникация, учебный словарь, невербальная коммуникативная компетенция, жест

Формирование вторичной (поликультурной) языковой личности определяется как конечная цель преподавания русского языка как иностранного. Языковая личность должна владеть коммуникативно-речевой компетенцией, позволяющей ей успешно взаимодействовать в различных коммуникативных ситуациях. В структуру коммуникативно-речевой компетенции входит и способность понимать невербальное поведение говорящего. Поэтому нельзя ограничить задачи обучения РКИ только развитием умений грамотно строить высказывание. Это мнение подтверждается результатами исследований специалистов в области лингвострановедения и межкультурной коммуникации (О. С. Ахманова, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, С. Г. Тер-Минасова, В. П. Фурманова, Л. И. Харченкова и др.), а также современными публикациями первой четверти XXI века (С.А. Цыцур, Е.В. Григорьева, Н.Ю. Игнатьева, Н.В. Николаева, Е.Ю. Максименко и т.д.). Основная идея этих работ звучит так: невербальным компонентам коммуникации можно, нужно и важно обучать, так как жесты не врожденное явление, а приобретенное.

Поиск эффективного средства, который позволил бы гармонично включить знания о невербальной коммуникации в процесс изучения языка, привёл нас к мысли о создании учебного пособия лексикографического типа, сочетающего в себе признаки учебного словаря и практического пособия. Цель пособия - повышение уровня овладения коммуникативной компетенцией путем ознакомления с невербальным пластом общения, или формирование невербальной коммуникативной компетенции (далее НКК). Понятие НКК введено нами специально для задач настоящего исследования и определяется как способность и готовность языковой личности пользоваться в процессе коммуникации невербальными компонентами в соответствии с коммуникативными целями и намерениями, распознавать невербальное поведение собеседника с целью повышения эффективности межличностного и

межкультурного общения. Стоит отметить, что разрабатываемое пособие выступает как обучающий инструмент в рамках методической модели по формированию НКК.

Содержательно-композиционным центром пособия стали словарная и учебно-практическая части. В учебных целях лексикографически описаны 40 жестов, наиболее активно используемых в русскоязычной среде. Комплексная интерпретация невербальных единиц (жесты рук, головы, корпуса, глаз) включает описание физического выполнения, фотоизображение, истолкование, описание сопутствующих эмоций и речевых аналогов (звукового сопровождения), при наличии соответствующих значений - жестов-антонимов, жестов-синонимов, жестов-омонимов, а также лингвокультурологический комментарий, текстовые иллюстрации и видеоиллюстрации (фрагменты из русских кинофильмов). Для определения типов информации, необходимой для всеобъемлющего описания «соматических речений» [Верещагин 1990; 157], репрезентирующих невербальные единицы, был проведен параметрический анализ словаря жестов русского языка Г.Е. Крейдлина и лингвострановедческого словаря-справочника А. А. Акишиной.

В пособии реализуется коммуникативный подход. Основной акцент в учебно-практической части сделан на заданиях, тренирующих аудирование и говорение, т.е. на понимании иноязычной речи в ситуативном контексте.

Задания к жесту ЗАКРЫТЬ ЛИЦО РУКАМИ/РУКОЙ

1. *Что означает этот жест в вашей культуре?*

2. *Посмотрите фрагмент фильма в словарной статье. Что выражает жест в кадре?*

3. *Найдите словарную статью с жестом «склонить голову». Прочитайте эту информацию. Сравните жесты «закрыть лицо руками» и «склонить голову». Что вы можете сказать?*

4. *Посмотрите на рисунок. Это мем. Вы видели его в Интернете? Как вы его понимаете?*

5. *Представьте ситуацию, что вы обещали маме помочь, но забыли об этом, и сейчас чувствуете себя виноватым. Покажите ей, что вам очень жаль, но при этом ничего не говорите. Какие жесты вы использовали? и др.*

В каждом обучающем блоке есть грамматическое упражнение, цель которого развить языковую и лингвистическую компетенции путем анализа грамматической структуры лексико-синтаксической единицы, репрезентирующей жест.

Поставьте в правильной падеже слова из скобок. Описания каких жестов вы встретили? Объясните значения и функции этих жестов. Найдите фразеологизм и объясните его значение.

1) *Викентий Корнелиевич закрыл дверь, виновато склонил голову перед (жена).*

2) *Склонить голову перед (враг) Маринеско не мог, не умел, не хотел.*

3) *Студенты писали конспекты, склонив головы над (тетради) и др.*

Часто для выполнения лексико-грамматического упражнения необходимо проанализировать примеры из литературы, данные в словарной статье. Примеры текстовых

иллюстраций взяты из НКРЯ. Всего для целей пособия было отобрано более 150 фрагментов литературных произведений.

Найдите примеры, построенные по модели «гладить по волосам + кого? + как?». Проанализируйте их. Напишите 5 предложений, используя эту модель.

Особое внимание в учебно-практической части уделяется работе с видеоматериалами. Для просмотра видео аутентичных русских фильмов обучающиеся должны перейти по ссылкам из QR-кодов. QR-коды сегодня воспринимаются как «маркер современности учебного издания» [Акушевич 2022; 152]. Применение QR-кодов в пособии позволило его расширить, добавить интерактивных элементов, включить аутентичное видео в учебный процесс.

QR-коды входят в структуру словарной статьи и размещаются после названия фильма, сопровождаются расшифровкой звучащей речи, если на видео присутствует диалог.

ВЫДВИНУТЬ РУКУ ВПЕРЕД

Фрагмент киноповести «Друг мой, Колька!»

- Замолчи!

- Хватит! Хватит, хватит, хватит. Хватит. Хватит.

QR-коды в учебно-практической части отсылают обучающихся к фрагментам видео, на которых строятся коммуникативно-ориентированные задания. Аутентичным материалом послужили видеозаписи фрагментов отечественных фильмов, отобранные в том числе из НКРЯ. На видеозаписях представлена социокультурная реальность страны изучаемого языка, присутствует возможность в динамике наблюдать за иноязычным общением на экране и проводить анализ невербальной коммуникации в ее соотношении с вербальной.

Посмотрите эпизод фильма (37:27-37:50).

Понаблюдайте за мимикой и жестами актеров. Напишите 5-7 фраз о том, что вы поняли. Что чувствуют эти люди? Начните ваш текст со слов «Я думаю, что...».

 Посмотрите эпизод фильма (14:40-14:56). *Какие жесты вы увидели? Как выражается удивление в кадре?*

На видео вы услышали русские пословицы. Объясните, как вы их понимаете?

Терпение и труд всё перетрут.

Кончил дело - гуляй смело.

Без труда не вытащишь и рыбку из пруда.

Работа с отдельным эпизодом фильма подразумевает знакомство с текстовой расшифровкой диалога, присутствующего в отрывке, при необходимости к нему дан лексический комментарий; просмотр видео без звукового сопровождения; прогнозирование того, о чём пойдёт речь в отрывке; просмотр со звуком и самопроверку.

Для развития навыков построения устного и письменного монологического высказывания применяются визуальные стимулы: видеофрагменты фильмов и изображения

ситуаций. Во всех этих примерах обучающиеся должны увидеть не статичное изображение, а динамичное действие, происходящее здесь и сейчас.

Посмотрите на эти фотографии. Расскажите, что вы видите. Кто эти люди? Что они чувствуют? Как вы понимаете их эмоции? Напишите короткий монолог по одному из этих фотографий (5-8 фраз).

Источник: medaboutme.ru

Источник: mykaleidoscope.ru

Задания на понимание иноязычной диалогической речи предполагают прослушивание аудиотекста без визуального ряда. Это позволяет обучающимся проанализировать просодические характеристики речи – тон, темп, громкость голоса и т.п.

1. Прослушайте диалог из видеотрейлера. Вы поняли, о чём или о ком говорят герои? Как они говорят (быстро, медленно, громко, тихо...)? Можете ли вы сказать, какие жесты используют герои? Посмотрите видеотрейлер и проверьте себя.

2. Прослушайте аудиотрейлер еще раз и поставьте слова, которые вы услышали на месте пропусков.

Таким образом, данное пособие ориентировано для преподавателей РКИ, а также для иностранных обучающихся, владеющих русским языком на уровне не ниже первого сертификационного. Оно абсолютно универсально и может быть использовано не только в основном курсе РКИ, но и в процессе преподавания спецкурсов по страноведению, речевому этикету, практикума по развитию речи, аудиовизуальному курсу.

Литература

1. Акушевич, А. А. QR-коды в учебных изданиях: редакторский аспект [Электронный ресурс] / А. А. Акушевич // Труды БГТУ. – Серия 4: Принт- и медиатехнологии. – 2022. – №1 (255). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/qr-kody-v-uchebnyh-izdaniyah-redaktorskiy-aspekt> (дата обращения: 21.08.2023).
2. Верецагин, Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верецагин, В. Г. Костомаров. – М.: Рус. яз., 1990. – 246 с.
3. Зимняя, И. А. Компетенция и компетентность в контексте компетентностного подхода в образовании / И. А. Зимняя // Иностранные языки в школе. – 2012. – №6. – С. 1-10.
4. Крейдлин, Г. Е. Жесты и речь в новом лингво-семиотическом словаре / Г. Е. Крейдлин // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2021. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhesty-i-rech-v-novom-lingvo-semioticheskom-slovarе> (дата обращения: 13.05.2023).
5. Максимчук, Н. А. Лексические пособия словарного типа: элементы формы и содержания / Н. А. Максимчук // Русский язык за рубежом. 1993. – № 1. – С. 59-64.

ОВСЕПЯН С.А.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ СЧАСТЬЕ/ԵՐԶՈՒՇՈՒԹՅՈՒՆ ԵՆ ՐՍՏԿՈՄ Ի ԱՐՄՅԱՆՏԻ ՎԱԿԱԿՆԵՐՆԵՐՈՒՄ

Исходя из наших ранее сделанных исследований по русским фразеологизмам мы пришли к выводу, что для русского народа *счастье* – это благополучие, радость, везение, оно внезапное, неожиданное, может вытекать из несчастья, дороже денег, ею невозможно управлять, но можно добиться, оно у всех разное [Овсепян 2023].

В данной статье мы попробуем более углубленно исследовать семантику *счастье* в армянском языке на материале фразеологизмов, а также сопоставить с русскими фразеологизмами. Мы решили на материале армянских фразеологизмов, в том числе пословиц и поговорок, определить, как же воспринимают понятие счастье в армянском языке. В данной статье мы будем анализировать такие фразеологизмы, в которых прямо и косвенно выражается счастье. Так как в армянском языке синонимов к слову счастье достаточно много, мы будем рассматривать фразеологизмы не только со словом երջանկություն [erjankutyun] счастье, но и с его синонимами. Также очень часто в армянском языке вместо слова երջանկություն [erdjankutyun] счастье, используют բախտ [bakht], что переводится как:

1. Судьба, рок (высок.);
2. Доля, удел, участь, судьба;
3. Везение (разг.), удача, счастливое стечение обстоятельств;
4. Фортуна (книжн.);
5. Счастье. [Сукиасян 1975, 56]

Мы поделили армянские фразеологизмы на следующие группы, исходя из их значения:

1. Счастье связано с Богом

Армения является первой в мире страной, которая приняла христианство в качестве официальной религии. Не удивительно, что счастье будет связано с **Богом**. Աստուծո օրհնած [Astco orhnac] переводится, как получивший благословение от Бога. В армянском языке это означает счастливый человек.

2. Счастье сравнивают со звездами, солнцем, светом

Например, Աստղեր բազմել [astghe bacvec]; Աստղով լինել [astghov linel], то есть со звездой. Эти фразеологизмы означают быть счастливым, удачливым. Այրերի լույս գալ [ajrid luys ga] свет твоим глазам. Это выражение армяне достаточно часто используют в повседневной жизни. Արեւը սև է [areve sev e] – солнце черное, это означает несчастье. То есть для армянского народа солнце сравнивается с счастьем, а если нет солнца, то нет и счастья.

3. Счастье в наших руках

Բախտի գլխին զրգել [bakhtin glkhin qar gsel] дословно переводится, как бросить на голову судьбы камень. То есть счастье в наших руках. Если случается какое-то несчастье, то в этом виноваты мы сами. Բախտ որոնել [bakhte voronrl] – искать судьбу, счастье. Բախտը կողմը թերել [bakhte koghme terel] – сделать так, чтобы счастье повернулось на твою сторону. Բախտից փախչել [bakhtic pakhchel] – бежать от счастья, отказаться от счастья. Բախտի տերը դառնալ իր [bakhti tere darnal] – стать хозяином своей судьбы, своего счастья.

4. Счастье очень часто бывает случайным

Բախտ ունենալ дословно переводится, как иметь счастье, то есть родиться под счастливой звездой, родиться в рубашке. Բախտի դռները բացվեցին [bakhti drnere bacvecin] дословно переводится, как открылись двери судьбы, то есть (к кому-нибудь) пришло счастье. Բախտը բացվեց [bakhte bacvec], բախտը ժպտաց [bakhte jptac] – счастье улыбнулось ему, а еще так говорят, когда девушка выходит замуж.

5. На счастье нельзя надеяться

Не надейся ни на счастье свое, ни на богатство.

6. Везенье постоянно преследует человека

Мы нашли пословицы, в которых говорится о счастье, которое преследует человека при любых обстоятельствах. Например, շան բախտ ունենալ (shan bakht uenal) – иметь собачье счастье. Մեկի հազարի ժամանակն է [Meki hazari jamanakn e], то есть время удачи и везения. Однако если кому-то постоянно сопутствует удача, то кому-то наоборот, может постоянно не везти, случатся беды. Например, *несчастливого и на верблюде собака укусит. Несчастье может случиться, когда дома сидишь. От кого счастье отвернулось, у того даже лошадь в хлеву стала ослом. Полмира горюет – полмира ликует.*

7. Счастье часто сопоставляется с несчастьем

счастье и несчастье – сестра и брат;

Пока о беде не подумаешь, счастье не придет;

Не познаешь горя – не оценишь радости;

Пока горя не увидел, счастья не поймешь;

Счастье дает плохому хорошее, а хорошему – плохое;

Я от горя, а оно ко мне вдвое;

Всякая беда служит наставлением.

8. Тяжелое счастье

Тяжелое счастье... Именно так мы описали следующую группу фразеологизмов с косвенным значением *счастье* Երջանկությունի [erjankutyun]. В армянском языке существуют такие фразеологизмы, как Յսի՞ն տանեմ (cavd tanem), что можно перевести, как возьму твою боль себе. Так говорят армяне дома близким людям, незнакомому продавцу в магазине и так далее. Этот фразеологизм используют для пожелания счастья другому человеку, а также сочувствия. Еще один уникальный фразеологизм, который армяне очень любят использовать это Մեռնեմ ջանիդ (mernem janid), что можно перевести как умру за тебя. Эти фразеологизмы говорят о том, что армянин за счастье даже за малознакомого человека готов отдать свою жизнь и забрать все его горе себе.

Исходя из примеров по армянской фразеологии, мы можем сделать вывод, что для армянского народа счастье имеет большое значение. Ее сравнивают с солнцем и звездами. За счастье надо бороться, но также мы нашли фразеологизмы, где говорится, что счастье в руках всемогущего Бога. Армянский народ на протяжении своего многовекового существования понял, что не вкусив горечи и беды судьбы, сложно по-настоящему понять истинную ценность счастья.

Выводы:

В отличие от русского языка, в армянском языке достаточно часто вместо слова «счастье» используется слово «судьба», несмотря на то, что в армянском языковом сознании есть понятие того, что за счастье надо бороться. И в русском, и в армянском языках мы нашли много фразеологизмов, которые сопоставлялись несчастью. Однако в армянском языке помимо такого сопоставления есть еще группа фразеологизмов, которые мы назвали «тяжелое счастье».

Исследуя армянские фразеологизмы со значением *счастье* Երջանկությունի [erdjankutyun], мы видим, что в сознании носителей армянского языка утверждается, что счастье в руках Бога (например, Աստուծո օրհնած [Astco orhnac] получивший благословение от Бога). Человек - объект, которому даруется счастье, счастье даруется высшим существом.

В сознании носителей русского языка по данным фразеологизмов со значением счастье, в отличие от армянского, Бога мы не увидели. Счастье для носителей русского языка дается человеку само собой. Конечно, мы видим связь с судьбой. Однако, судьба не персонализирована. Счастье - это как доля.

Литература

1. *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного анализа // вопросы языкознания. М. 1995:
2. *Бахтин М.В.* Счастье как антропологическая проблема [электронный ресурс] // <http://www.portal-slovo.ru/pedagogy/38294.php?PRINT=Y>.]
3. *Горошко Е.И.* Языковое сознание: гендерная парадигма, М.-Харьков: ИД ИНЖЭК, 2003.
4. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград:
5. *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики : учебник / А.А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1997.
6. *Манакин В.Н.* Языковая картина мира в перспективах контрастивной лингвистики // Язык и культура. Вторая Международная конференция. Доклады. Киев. 1993.
7. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Academia, 2001.
8. *Мокиенко В.М.* Историческая фразеология: этнография или лингвистика? // Вопросы языкознания, No2, 1973.

9. *Овсепян С.А. Счастье в русском языковом сознании на материале фразеологизмов // Журнал «Science Time», Общество Науки и Творчества за февраль 2023 года / Под общ. ред. С.В. Кузьмина. – Казань, 2023*
10. *Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988*
11. *Потебня А.А.: Язык и народность / М.: Наука, 1988. С. 108-140., с. 17 94*
12. *Стернин И.А. Когнитивная лингвистика / И.А. Стернин, З.Д. Попова, - М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. — 314 с. — (Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия).*
13. *Стернин И.А. О национальном коммуникативном сознании [Электронный ресурс] // Лингвистический вестник. - 2002.- Вып. 4. – С. 87–94. - Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics1/sternin-02.htm> (дата обращения 25.05.2023)*
14. *Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. 1996.*
15. *Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие /С.Г. Тер-Минасова. М.: Слово, 2000.*
16. *Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия).*

Литература на армянском языке

17. *Агаян Э.Б. Толковый словарь современного армянского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nayiri.com/imagedDictionaryBrowser.jsp?dictionaryId=24&query =երզանկություն> (дата обращения: 05.02.2023).*
18. *Անտեսանի Հրաչիայ «Ժամանակակից հայոց լեզվի բացատրական բառարան» Երևանի Համալսարանի Հրատարակչություն, Երևան, 1969* Ачарян Р. Толковый словарь современного армянского языка. Ереван 1969.
19. *Բեդիրյան Պ. Ս.: Հայերեն դարձվածքների ընդարձակ բացատրական բառարան, Երևանի Պետական Համալսարանի Հրատարակչություն, Երևան, 2011:*Бедирян П.С. Развернутый толковый словарь идиом армянского языка Изд.-во Ереванский госудатвенный университет. Ереван, 2011
20. *Մախիսյան Ստեփան: Հայերեն բացատրական բառարան-Հայկական ՍՍՌ Պետական Հրատարակչություն, Երևան, 1944:*Малхасянц С. Армянский толковый словарь 1944
21. *Ստրիպցյան Աշոտ Ստրիպի և Սերգեյ Աշոտի Գալստյան: Երևանի Համալսարանի Հրատարակչություն, Երևան, 1975.* Сукиасян А.М. Толковый словарь синонимов армянского языка Изд.-во Ереванский государственный университет. Ереван, 1975.

ОЗЕРОВА Е.Г.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ЭНГРАММЫ ТЕКСТОВ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ НИУ «БЕЛГУ»

Статья посвящена лингвокультурным энграммам в текстах периодических изданий НИУ «БелГУ», благодаря которым происходит диалог с адресатом, формируется ценностно-смысловой и когнитивный характер смыслового пространства текста как комплекс образовательных, воспитательных и культурных универсалий, аккумулирующих коммуникативные, эмотивные и ценностно-смысловые топики идиостиля университетской газеты.

Ключевые слова: лингвокультурные энграммы, тексты периодических изданий, когнитивно-культурный код.

Тексты периодических изданий НИУ «БелГУ» специфичны в функционировании, интерпретации и отображении ценностно-смысловых универсалий вузовской действительности. Когнитивно-культурный код как взаимодействие вербального/невербального кругозора и репрезентация национально-культурных ценностей, функционирующих в образах и символах, сохраняет кумулятивные знания как «следы», выявляющие аксиологические регистры текстов периодических изданий вуза. Это

когнитивные и ментальные репрезентации этнокультурного сознания (энграммы), при помощи которых извлекаются и интерпретируются ценностно-смысловые феномены образовательной, воспитательной и национально-культурной деятельности, которые, актуализируясь, выявляют ценностно-смысловое содержание текстов периодических изданий НИУ «БелГУ».

Семиотические истоки памяти исследовали К. Леви-Стросс, рассматривавший межкультурное взаимодействие и многообразие; (б) Р. Барт, проанализировавший важность семиотической интерпретации; (в) Ж. Лакан, описавший теорию доминантности языка в пространстве культуры; (г) Ж. Деррида, исследовавший теоретические аспекты культурной памяти посредством лексического значения. Наиболее полно и емко особенности культурной памяти в художественном тексте через призму семиосферы описали Ю.М. Лотман, Д.С. Лихачёв, М.К. Мамардашвили, но следует отметить, что и для текстов периодических изданий данная проблема представляется значимой, поскольку лингвокультурные энграммы участвуют в формировании нравственного тезауруса студентов. «Вне таких категорий, как ценности, оценки и смысл, рассматривать проблемы лингвокультурологии невозможно. Это аксиома» [Алефиренко 2010; 99], – отмечает Н. Ф. Алефиренко.

Культурная память как имплицитная база данных этноязыкового сознания достаточно активно участвует в формировании национально-культурной специфики текстов периодических изданий НИУ «БелГУ» и раскрывается в ценностно-смысловом и образном аспектах в виде следующих энграмм:

- духовно-просветительская деятельность (*«Наполни жизнь свою смыслом!»*) – в статье рассказывается о миссии настоятеля университетского храма Архангела Гавриила);
- историческая память (*«Боль и память героических лет»*) – статья посвящена освобождению Белгорода и рассказывает о фотовыставке «Освобождение. 1943», проект реализуется при поддержке Президентского фонда культурных инициатив; *«Мужество предков – в наших сердцах!»* – в статье рассказывается об экскурсии в диораму и посещении аллеи Славы; *«Из института на войну»* – статья о двухстах выпускниках вуза, которые стали участниками Великой Отечественной войны; *«О мужестве, о подвиге, о славе...»* – статья о памятной дате Великой Отечественной войны 12 июля – дне победы советских войск в Прохоровском танковом сражении; *«Герои прошлого и настоящего»* – статья о завершении Всероссийской патриотической акции «Научный полк»);
- традиционные ценности (*«О вечных ценностях»*) – статья посвящена подвижничеству, которое, по словам губернатора Вячеслава Гладкова, приобретает новый смысл, особенно для людей, живущих в приграничных регионах; *«Помочь, нельзя отвернуться»* – статья о самоотверженной помощи беженцам и вынужденным переселенцам из Шебекино и Грайворона);
- развитие вуза как структуры высшего образования (*«Будем достойны своей великой истории»*) – статья построена на сопоставлении современных вызовов, с которыми столкнулась Белгородская область, и традиционных праздничных мероприятий, посвящённых Дню Великой Победы; *«Навигатор возможностей»* – статья о студенческих объединениях; *«Взаимопроникновение культур»* – информация о международном форуме; *«Напутствие молодым учёным»*; *«От риторики проблем к риторике амбиций»* – Приоритет 2030; *«Выгодный альянс»* – статья о партнёрстве экспериментальных лабораторий; *«Просветительский проект для креативной молодёжи»* – информация о конкурсе «Созвездие талантов»; *«Дружеские отношения – фундамент дальнейшего сближения»* – статья о российско-китайском сотрудничестве; *«Расширяя горизонты сотрудничества»* – статья о практикоориентированной подготовке студентов);
- преемственность преподавательской деятельности (*«Учитель, педагог, писатель»*) – статья посвящена ветерану педагогической деятельности и основателю университетской педагогической династии; *«Вместе в добрый путь»* – статья о работе Школы тьюторов).

Культурная память проявляется в приоритетных направлениях вуза – образовательная, научно-исследовательская, воспитательная, международная деятельность и дополнительное образование.

Следовательно, лингвокультурные энграммы отображают когнитивные и ментальные представления о жизни современного университета и создают интегративное пространство вузовской действительности, формирующее ценностно-смысловое и эмотивное восприятие.

В центре текстов периодических изданий вуза находится не только человек, но и университет как актант инновационных мероприятий, благодаря которым расширяются сферы деятельности, партнёрства и сотрудничества, вербализируемые следующими номинациями:

- эпитетами: *Шуточная борьба (В НИУ «БелГУ» прошёл Кубок Открытой университетской Лиги КВН)*;

- метафорами: *Армия молодых учёных – оплот вуза (о работе научного студенческого общества университета)*;

- фразеологизмами: *Быть на коне* (статья информирует о победе в региональных соревнованиях 4 участниц Конно-спортивной школы НИУ «БелГУ»).

- прецедентами: *Что? Где? Когда?* (информация о приёме и сроках подачи документов для поступления).

Лингвокультурные энграммы в текстах периодических изданий НИУ «БелГУ» детерминированы закономерностями лингвокультуры и отображают действительность во взаимодействии языковых средств: «Превращение жизни в текст – не объяснение, а внесение событий в коллективную (в данном случае – национальную) память» [Лотман 2000; 398].

Благодаря языковым знакам в текстах периодических изданий фиксируется значимая для студентов, сотрудников и преподавателей информация, которая, благодаря воздействующей функции, запечатлевает в языковом сознании адресата то, что представляет культурную, образовательную и воспитательную ценность.

Таким образом, функционирование лингвокультурных энграмм

- 1) обусловлено потребностью в постоянном диалоге с адресатом,
- 2) формирует когнитивный характер ценностей,
- 3) способствует генерированию образовательных, воспитательных и культурных топиков, которые аккумулируют коммуникативные, эмотивные и ценностно-смысловые универсалии в текстах периодических изданий НИУ «БелГУ», благодаря чему порождается смысловая и стилистическая специфика идиостиля университетской газеты.

Следовательно, лингвокультурные энграммы не только участвуют в создании смыслов, ценностей и оценок, но и порождают их в текстах периодических изданий НИУ «БелГУ».

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
2. Лотман Ю.М. Семиясфера / Ю.М. Лотман. – С.-Петербург: Искусство – СПб, 2000. – 704 с.
3. Озерова Е.Г. Этнокультурные энграммы поэтической прозы / Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований. – 2010, № 2 (34). – С. 86-91.
4. Озерова Е.Г. Текст и дискурс: учеб. пособие для магистрантов / Н.Ф. Алефиренко, М.А. Голованёва, Е.Г. Озерова, И.И. Чумак-Жунь. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 232 с.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В КЛАССАХ С КАЗАХСКИМ ЯЗЫКОМ ОБУЧЕНИЯ

(Анализ лингвокультурологических единиц на примере вывесок)

Данная статья посвящена исследованию лингвокультурологического аспекта на уроках русского языка в классах с казахским языком обучения. Ее актуальность заключается в необходимости определения методов и подходов, позволяющих эффективно внедрять лингвокультурологический анализ для обогащения учебного процесса и формирования межкультурной компетенции учащихся.

Ключевые слова: лингвокультурология, вывески,

В современном мире язык играет ключевую роль в общении и взаимодействии между людьми. Он не только служит средством передачи информации, но также отражает культурные аспекты и особенности народов, использующих данный язык. В этом контексте важно не только освоить языковые навыки, но и иметь понимание языковых и культурных нюансов, чтобы успешно общаться с представителями других культурных сообществ, «взаимодействие языка и культуры, языковые отношения, их культурную обусловленность и воздействие на формирование и сохранение культурных норм и ценностей» [Зиновьева, Юрков 2009; 12]

Однако в многонациональных странах, таких как Казахстан, возникает особая необходимость в изучении русского языка как второго языка обучения. Вместе с тем, школьники, изучающие русский язык как иностранный, сталкиваются с вызовами, связанными не только с пониманием и использованием языковых структур, но и с пониманием культурной среды, отраженной в языке. «Изучение мира носителей языка помогает понять особенности речеупотребления, дополнительные смысловые нагрузки, политические, культурные, исторические и тому подобные коннотации единиц языка и речи. Все тонкости и глубина проблем межъязыковой и межкультурной коммуникации становятся особенно наглядными при сопоставлении иностранных языков с родными и чужой культуры со своей родной» [Тер-Минасова 2004; 9]

Именно здесь становится актуальным внедрение лингвокультурологического подхода на уроках русского языка в классах с казахским языком обучения. К примеру, исследование вывесок, плакатов и афиш, которые формируют "городской текст", позволит изучить взаимосвязь языковой среды города с социокультурной ситуацией, понять ценности и менталитет горожан, а также особенности их мировосприятия в конкретный период времени. «В зависимости от аспектов и объема мира действительности, отображаемого языковой картиной, различаются глобальная картина мира, универсум (мир в полноте и целостности) и локальная картина мира (мир в одной из его составляющих, фрагмент мира). На данном этапе формирования и создания концепции антропологической лингвистики наблюдается тщательная разработка специфики языкового отображения в первую очередь различных локальных картин мира» [Зиновьева 2003; 4–8]

Задачами лингвокультурологического анализа являются:

- 1) умение извлекать из текста сведения о культуре страны;
- 2) умение интерпретировать полученные сведения;
- 3) умение сравнивать ценностные картины мира разных культур.

Методы лингвокультурологического анализа:

- 1) метод филологического анализа, прием жанровой интерпретации языковых средств и прием интерпретации идейного содержания текста;
- 2) метод концептуального анализа, реконструкция картины мира говорящего;
- 3) сопоставительный метод. [Д. В. Ворошкевич 2016; 5]

Приведу примеры заданий, предлагаемых учащимся.

1. Исследование лингвистических особенностей вывесок. Сбор материала: вывески магазинов, кафе или других учреждений, написанные на русском языке. Подобрать фотографии, видеоматериалы. Вопросы: какие слова чаще всего используются, какие особенности они имеют (например, ударение, падежные окончания и т. д.), и как они отличаются от казахского языка.

2. Семантический анализ вывесок: предлагаем учащимся выбрать несколько вывесок и проанализировать смысловую нагрузку их содержания. Обсуждаем с ними, каким образом изображения, цвета, шрифты и слоганы на вывесках отражают культурные особенности или ценности русской культуры.

3. Культурное сравнение вывесок: просим учащихся сравнить вывески магазинов или компаний, которые имеют схожий характер деятельности как в России, так и в Казахстане. Проанализировать, каким образом вывески отличаются друг от друга, и объяснить, как различия связаны с особенностями культуры каждой страны.

4. Использование иностранных элементов в вывесках: необходимо обратить внимание на вывески, где используются иностранные слова или выражения на русском языке. Вопрос: почему, по вашему мнению, в некоторых вывесках используются иностранные элементы? Помогаем учащимся анализировать влияние глобализации на использование языка в вывесках.

5. Развитие мультимодальной грамотности: предлагаем учащимся создать собственную вывеску на русском языке для условного магазина или кафе. Помогаем учесть не только языковые аспекты, но и графические и дизайнерские элементы, которые передают культурные и лингвистические значения. Обсуждаем, каким образом учащиеся могут придать особый смысл и стиль своей вывеске.

Приведу примеры вывесок, проанализированных учащимися. Безэквивалентная лексика (салон красоты «*Сырганым*», детский сад «*Шанырак*», супермаркет «*Кызылорда*» каз.), лакуны (кафе корейской кухни «*Тондэун*» - «великие восточные ворота»), метафоричность (магазин «*Взлетка*», «*Радуга*», «*Чудо-товар*»), мифологемы («*Мерген*», «*Сатурн*», «*Галатhea*»), архетип «правитель» («*Шах*», «*Хан Шатыр*»), эталоны («*Максимум*», «*Минимум*», «*Лидер*», «*Сказка*»), символы («*Яблоко*» - символ города Алматы, «*Байконур*» - символ космонавтики; «*Мечта*» - символ желания, стремления, веры; «*Эврика*» - символ неожиданно найденного решения и удачи;), стереотип ("Сейф" - стереотип надежности "хранить как в сейфе", "Золото" - стереотип богатства, "Гарант" - стереотип "гарантирующий надежность"; "Доктор плюс" - символ медицины, здоровья, человека, который поможет одолеть болезнь), «*Измурд*» - ювелирный магазин).

Эти задания позволяют учащимся классов с казахским языком обучения получить практический опыт лингвокультурологического анализа вывесок, развить свою межкультурную компетенцию и глубже понять русскую языковую и культурную среду.

Анализ текста вывески - один из приемов работы, применяемый нами при обучении русскому языку, - помогает учащимся не только выявлять специфические особенности языка, но и способствует более эффективному освоению языка, улучшению межкультурной коммуникации и формированию толерантного отношения к культурным различиям.

Литература

1. *Е. И. Зиновьевой и Е. Е. Юркова* Учебное пособие «Лингвокультурология: теория и практика» (СПб., 2009)
2. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. — М., 2005. — 1038 с.
3. *Зиновьева Е. И.* Лингвострановедение и лингвокультурология: к определению понятий // Русский язык как иностранный в лингвострановедческом и лингвокультурологическом аспектах. Научно-методические материалы. — СПб., 2003. — С. 4–8.
4. *Вежбицкая А.* Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. — М: Языки славянской культуры, 2001.
5. *Игошина О.А.* Лингвокультурологический анализ фольклорного текста / автореф. дисс. ... канд. пед. наук. — Санкт-Петербург, 2003

6. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М.: «Академия», 2010.
7. Тер-Минасова С. Т. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Изд-во МГУ, 2004
8. Д. В. Ворошкевич Пособие по лингвокультурологическому анализу текста. – М.: Изд-во МПГУ, 2016.

ПАВИЛЬЧ А.А.

Белорусский государственный экономический университет

ИНТЕГРАЦИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА КОМПАРАТИВИСТИКИ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Статья посвящена анализу проблемных направлений и содержания сравнительных исследований на пограничье лингвистики и культурологии. Автором обоснованы потенциальные возможности компаративного подхода в лингвокультурологических интегративных поисках, определена специфика предметных областей компаративных исследований, выявлены особенности адаптации понятийно-категориального аппарата компаративистики в лингвокультурологии.

Ключевые слова: лингвокультурология, культурология, этнолингвистика, компаративистика, сравнительные исследования, культурное разнообразие.

Возникновение сравнительного языкознания открыло новое видение пространства культуры в многообразии и тесном единстве его лингвокультурных проявлений. На протяжении XX в. область лингвистики значительно расширилась и уже не ограничивается проблемами сравнительно-исторического языкознания, которое определило развивавшуюся с начала XIX в. классическую модель компаративистики во многих сферах знания [Павильч 2011; 144]. Концептуальные положения В. фон Гумбольдта и Э. Сепира положили начало обоснованию дисциплинарного статуса современной лингвокультурологии, научному объяснению многосторонней значимости компаративных исследований интегративного характера и установлению взаимосвязей лингвистического, культурологического и антропологического знания. Ведущим методологическим основанием гуманитарных исследований конца XIX – начала XX в. стало непосредственное эмпирическое восприятие культурного разнообразия, в компаративной интерпретации которого синтезировались диахронический и синхронический аспекты сравнительного анализа. К. Леви-Строс, называя антропологию «семиотической наукой», имел в виду прежде всего ее неразрывную связь с фактическим материалом и исследовательскими возможностями лингвистики. Именно поэтому важнейшим условием методологической организации компаративных исследований в антропологии он считал языковые знания, которые, по его определению, «позволяют проникнуть в систему логических категорий и нравственных ценностей» [Леви-Строс 2001; 386].

Социокультурные и собственно научные тенденции в современном обществе обусловили определенные изменения в содержании компаративных исследований в разных отраслях лингвистики. Подобные тенденции в современной гуманитарной науке связывались с лингвистическим поворотом, обусловившим оформление новой исследовательской парадигмы социокультурных реалий, которая предполагает ориентированность исследования на анализ языка как фундаментальной основы культуры. Несмотря на расширение методологических возможностей компаративистики, современные исследования по степени эмпирического обеспечения сравнительного анализа социокультурных реалий значительно уступают компаративным поискам в классической гуманитарной науке [Павильч 2017; 38]. По определению К.О. Апеля, отличительной чертой современных компаративных исследований в культурологии, культурной антропологии, этнологии, лингвистике и социологии является преобладание «объективного описания и категориального анализа», которые вытесняют и заменяют «основанную на непосредственном чувствовании интерпретацию документов и прочих проявлений жизни чужих культур» [Апель 2001; 91].

К.О. Апель рассматривал методологический опыт лингвистической науки в качестве потенциальной основы для разработки новых концептуальных подходов к исследованию разных типов человековедческих дискурсов. Современная компаративная историография убедительно свидетельствует, что на фоне других гуманитарных наук, отличающихся недостаточностью эмпирического обеспечения сравнительных исследований, лингвистическая компаративистика явно опережает все другие отрасли и остается популярной практико-ориентированной научной сферой.

Интегративный характер многих научных областей затрудняет содержательное размежевание их проблемных направлений. Возникает необходимость определения соответствующих уровней анализа разных дисциплин. В современных лингвистических исследованиях вопрос дифференциации предметных полей лингвокультурологии и этнолингвистики по типам исследуемых дискурсов и аспектам их изучения до сих пор остается открытым. Исследовательская сфера этнолингвистики связывается преимущественно с изучением языковых ресурсов как способа отражения реалий традиционной культуры и разных аспектов народного творчества. Отдельные исследователи в объект этнолингвистики включают «все стороны языка как в его устной форме (фольклор, диалект, городская речь, наречие), так и все многообразие письменных текстов» [Герд 1995; 5]. Специфику этнолингвистики современные авторы видят в поиске в языковом материале «исторических фактов того или иного этноса», в то время как задачи лингвокультурологии соотносятся с «исследованием и исторических, и современных языковых фактов» [Маслова 2001; 11]. Преобладающий характер этнолингвистических исследований позволяет обобщенно определить их предмет как вербальную репрезентацию этнокультурного дискурса.

Также по-разному определяя предметное поле лингвокультурологии, исследователи среди ее основных задач выделяют: изучение проекции культурной среды в единицах языка и дискурсивной практике; выяснение роли социокультурного и природного окружения в оформлении и функционировании языковых единиц; выявление фактов взаимодействия языка и культуры, способов и форм отражения культурных смыслов в содержании лексических ресурсов .и др.

Изучение разных теоретических моделей лингвокультурологии как исследовательского проекта позволяет обнаружить разные подходы, касающиеся ее дисциплинарного статуса в системе гуманитарного знания, определения предметного поля, научных задач и проблемных направлений. Связывая непосредственные задачи лингвокультурологии с изучением «живых коммуникативных процессов в их синхронной связи с этническим менталитетом», предмет ее исследования современные авторы отождествляют с «археологией культуры», сосредоточенной на «лингвистических раскопках культурно-исторических слоев» [Алефиренко 2010; 19]. Нельзя не заметить, что такое слишком метафоричное определение предметной сферы лингвокультурологии, обращенной к историко-культурной реконструкции языкового материала, не только сужает исследовательскую сферу, но и в чем-то противоречит сформулированным задачам, акцентирующим внимание на анализе современной лингвокультурной реальности.

В современной научной и учебно-методической литературе не представлены убедительные обоснования в разграничении декларируемых направлений компаративных исследований, имплицитно развивающихся в рамках междисциплинарных отраслей. Прежде всего это касается статуса сравнительной и сопоставительной лингвокультурологии. В связи с дифференциацией сравнения и сопоставления в контексте лингвокультурологических исследований следует обратить внимание на их корреляцию, особенности использования и различия в обозначении соответствующих направлений. Сравнительную лингвокультурологию определяют как отрасль, «исследующую лингвокультурные проявления разных, но взаимосвязанных этносов» [Маслова 2001; 29]. На первый взгляд,

данная формулировка воспринимается как вполне логичная, но в ней не хватает культурологической ясности в том, какой характер взаимосвязи этносов имеется в виду (географическая близость, этническое соседство, исторические связи, генетическое родство?). О сущности сопоставительной лингвокультурологии в предлагаемых определениях можно только догадываться, поскольку констатирован всего только факт начинающей свое развитие отрасли, представленной, по определению автора, «лишь несколькими работами» [Маслова 2001; 29]. Таким образом, если освещение содержания и проблем сравнительной лингвокультурологии видится относительно убедительным, то сущность проблемных полей сопоставительной лингвокультурологии автором совсем не раскрыта. Остается предполагать, что в первом случае объектом сравнения являются языковые единицы, относящиеся к лингвокультурной общности народов, связанных языковым родством, а в другом – принадлежащим к генетически разным лингвосистемам.

Таким образом, сфера применения компаративного подхода в смежных с лингвистикой и культурологией междисциплинарных отраслях представлена следующими основными исследовательскими направлениями: языковая личность и культурная среда; языковые картины мира; историко-культурные и социальные проекции в языке; этнокультурное сознание и язык; этнонациональная коннотация языковых единиц и речевой деятельности; символическая репрезентация культурной среды средствами языка; этнические стереотипы и динамика их функционирования в лингвокультурном пространстве; интерактивные явления в языке и речевой коммуникации; концепты культуры и языковая семантика; интегративные исследования в области дискурсивной семантики. Анализ содержания разных версий теоретической репрезентации лингвокультурологии позволяет выявить факторы, препятствующие целостной концептуализации междисциплинарных направлений компаративных исследований: разобщенность разных научных и терминологических традиций; формальное использование и несогласованность понятийно-категориального аппарата компаративистики; претензия отдельных авторских концепций на абсолютность собственных определений предметных областей и задач компаративных исследований.

Литература

1. *Алефиренко Н.Ф.* Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта; Наука, 2010. – 288 с.
2. *Апель К.О.* Трансформация философии / К.О. Апель; пер. с нем. В. Куренной [и др.]. – М.: Логос, 2001. – 344 с.
3. *Герд А.С.* Введение в этнолингвистику: учеб. пособие / А.С. Герд. – СПб.: СПбГУ, 1995. – 284 с.
4. *Леви-Строс К.* Структурная антропология / К. Леви-Строс; под ред. В. В. Иванова; пер. с фр. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
5. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: учеб. пособие / В.А. Маслова. – М.: Издат. центр «Академия», 2001. – 208 с.
6. *Павильч А.А.* Компаративные исследования культурного разнообразия: методологический опыт и коммуникативная проекция / А.А. Павильч. – Минск: МГЛУ, 2017. – 168 с.
7. *Павильч А.А.* Становление и трансформация статуса культурологической компаративистики / А.А. Павильч. – Минск: МГЛУ, 2011. – 260 с.

ПИМЕНОВА М. В.

Международный гуманитарный университет им.
П.П. Семенова – Тянь-Шанского, г. Санкт-Петербург

РОДИЧЕВА А. А.

Российский государственный гидрометеорологический университет,
г. Санкт-Петербург

ПЕРВОПРИЗНАКИ МАКРОКОНЦЕПТА *МИР* В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В статье описываются первичные – мотивирующие признаки макроконцепта *мир*. Актуальность исследования состоит в обращении к теме макроконцептов русской лингвокультуры, входящих в класс символических, мало описанных в современной лингвистике. Материалом исследования стали 12 этимологических и историко-этимологических словарей русского и славянских языков. Анализ словарей позволил обнаружить 42 мотивирующих признака макроконцепта *мир*, из них пять являются символическими ('божество/ Митра', 'Вселенная', 'космос', 'свет', 'солнце'), что позволяет отнести исследуемый макроконцепт к разряду символических.

Ключевые слова: макроконцепт; мотивирующие признаки; структура макроконцепта; лингвокультурология; концептология.

Введение. В современной лингвистике намечается тенденция исследования значимых макроконцептов лингвокультуры. Одним из них является макроконцепт *мир*. В 2011 году в лингвистику был введен термин *символический концепт*. Существуют «концепты, в мотивирующих признаках репрезентантов которых уже заложен символ. Т.е. символ в структурах таких концептов – не заключительный этап их развития, а исходная точка» [Пименова 2011; 68]. Первопризнак концепта уже соотносится с определенным символом, относящимся к забытому или сохранившемуся мифу культуры. «Под *символическим* понимается *концепт*, мотивирующие признаки которого восходят к известному или утраченному мифу» [Там же]. Исследование символических концептов и макроконцептов – очередной этап развития когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

Методы и материал исследования. В статье использован комплекс методов исследования: дескриптивный, интерпретативный, сравнительно-исторический, концептуальный. Материалом исследования стали 12 этимологических и историко-этимологических словарей русского и славянских языков.

Литературный обзор. Несмотря на то, что концепт *мир* представляет интерес для ученых из различных областей социально-гуманитарного знания: философии, культурологии, лингвистики, этнологии, истории, политологии и др. (В. А. Никонов, Н. А. Нарочницкая, А. В. Павловская, В. А. Тишков, В. И. Фатющенко, П. Г. Щедровицкий и др.), необходимо отметить недостаточную концептуальную проработанность термина в современной научной литературе. Можно выделить следующие уровни исследования данного концепта: историко-культурный, социально-философский, коммуникативный.

В своих исследованиях В. А. Никонов демонстрирует необходимость учета всего множества моделей развития мира, национальную, региональную, историческую, религиозную и иную специфику каждой его страны. По мнению ученого, центр мирового развития смещается «из зоны развитых экономик в ареал развивающихся» [Никонов 2015; 873], при этом он отмечает разнообразие путей развития, при котором у каждой из стран-цивилизаций свое уникальное место в мире, свои «культурные матрицы, взгляды на развитие и обеспечение безопасности» [Там же; 878].

К особой группе исследований относят работы, посвященные образу мира в целом и образу национальному. Несмотря на то, что исследования по русскому миру весьма разнообразны, он рассматривается, в основном, как историко-культурный, социально-

философский или политический концепт. Исследователи указывают на сложность изучаемого явления, о чем свидетельствуют различия в интерпретациях и мнениях [Кривопусков 2016; 116].

Отмечая значимость политизированных поворотов последнего времени, академик В. А. Тишков говорит о *русском мире* как о явлении, «... у которого давняя история, но которое сегодня обрело другие конфигурации и смыслы, став как частью культуры новых сетевых сообществ, так и частью государственной политики и межгосударственных отношений» [Тишков 2008; 18].

В своей статье «Русский мир. Философские рамки понимания проблемы» В.Д. Попков рассматривает современные подходы к пониманию социально-философских основ концепции *русского мира*, аккумулирующих в себе, с одной стороны, социально-философские и социологические теории, берущие свои корни в западноевропейской философской традиции, а с другой, выдвигает положение о том, что в основе концепта *русского мира* может лежать религиозная идея, православная этика взаимодействий, формирующая особую реальность вокруг носителей идеи *русского мира* на уровне их повседневных практик и определяющая их образ мыслей [Попков 2021; 27-37].

В современном дискурсе, понятие “русский мир” часто употребляют как замену привычному понятию “русская идея”, что, по мнению исследователя М. Ю. Нероновой, не вполне правомерно как с исторической, так и с философской точки зрения. Эти понятия очень близки между собой, но они не синонимы, они скорее имеют соотношение как «внешнее» и «внутреннее», хотя это тоже не точное соответствие. Русская идея - это результат большой философской работы, в котором отражены наиболее значимые духовные ценности отечественной культуры [Никонов 2010; Неронова 2019]. На современном этапе исследователи рассматривают возможности практического воплощения духовных смыслов русской идеи через реализацию христианской политики, связанной с сохранением национальной идентичности [Неронова 2019; Кочеров, Париллов 2022 и др.].

В социально-философском контексте, в своем исследовании Н.В. Теплых затрагивает такие социокультурные тенденции развития российского общества от истоков и до наших дней, как сохранение ценностных доминант «русскости», а именно: коллективизм, душевность, религиозность и традиционность социального бытия человека [Теплых 2012, 2021].

В своих работах Н. А. Козловцева анализирует образ русского мира, характеризуя при этом его социально-культурную структуру как состоящую из «стержневого» образа России и «поддерживающих» образов русского зарубежья, определяя принципы их интеграции и взаимодействия в рамках образа русского мира. По мнению Н. А. Козловцевой, ключевые элементы образа русского мира в произведениях художественной культуры во многом однообразны и традиционны. Исследователь выделяет следующие концепты как наиболее общие: православие, духовность, мифологию, простор, ключевые географические точки (Москва, Санкт-Петербург, Сибирь и др.), дорогу, силу воли, долготерпение, душевные страдания, радушие, трудолюбие, патриотизм, веселье, добродушие. Среди негативных стереотипных представлений данного образа, транслируемого произведениями российского и зарубежного искусства Н. А. Козловцева отмечает: лень, пьянство, медведей, холода, жестокость, агрессивность [Козловцева 2018].

С начала 90-х годов XX в. одной из центральных проблем лингвокультурологических исследований становится изучение этнокультурной специфики языкового сознания. Центральным объектом исследования становится образ мира, который существует в сознании носителей данной культуры и рассматривается как основополагающий компонент культуры этноса, универсальный механизм адаптации этноса к окружающему миру [Арутюнова 1999; Уфимцева 2000].

Макроконцепт *мир* практически не исследован в русской лингвокультуре. По теме концептуализации мира отмечено лишь несколько исследовательских работ. Приведем результаты некоторых из них. Так, в диссертации О. М. Лунцовой *мир* рассматривается как

составляющая концептуального комплекса, состоящего из трех концептов - *дружба, мир и вражда*, рассматриваемых в их системных отношениях - в виде градуальной оппозиции [Лунцова 2007].

И. Б. Фоменко в своей исследовательской работе обращается к сопоставлению этнокультурного профиля концепта *мир*, выявляя культурно-семантические компоненты данного концепта на материале устойчивых выражений русского и китайского языков [Фоменко 2021]. Автор отмечает славянское происхождение слова и датирует его появление в русском языке XI в. Проанализировав лексему *мир* в толковых словарях В. И. Даля, В. В. Лопатина, С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова и др., исследователь выделяет следующие основные значения: 1) дружеские отношения, отсутствие разногласий; 2) тишина, покой, спокойствие; 3) Вселенная в ее совокупности; система мироздания, как целое; 4) отдельная часть мироздания, Вселенной; планета (книжн., поэт.); 5) отдельная сфера жизни; 6) земной шар вместе со всем существующим на нем; 7) светская жизнь в противоп. монастырской жизни, церкви (устар.) [Фоменко 2021].

Описывая результаты проведенного исследования концептов английской языковой картины мира *peace* и *world*, С. С. Сулова, Ю. В. Зайцева, отмечают, что концепт *мир* является универсальной категорией, обладающей, однако, в каждой этнической культуре национальным своеобразием как в понятийном, так и в других составляющих концепта [Сулова, Зайцева 2016]. Исследователи представляют все значения как систему взаимообусловленных лексико-семантических вариантов, отмечая при этом, что весь синонимический ряд репрезентантов концепта *peace* (*amity, friendship, harmony, concord; tranquility, repose, quiescence; armistice, cease-fire, truce, pacification; neutrality*) с доминантой *pacification* (со значениями 'отсутствие войны' и 'покой') имеет только положительные коннотации. В случае с концептом *world* синонимический ряд достаточно широкий, охватывающий понятия космоса, Вселенной, космических тел и явлений (*creation, nature, universe; earth, globe, wide world; cosmos; macocosm, megacosm; microcosm; sphere, hemisphere; heavens, sky, firmament; celestial space, outer space, interstellar space; the void; heavenly bodies, stars, nebulae; galaxy, Milky Way, solar system; constellation, planet, planetoid, satellite, comet, meteor; sun, moon*). Любопытным является тот факт, что, как отмечают исследователи, антонимический ряд данной лексики не представлен.

Как показывает анализ исследовательских работ, касающихся изучения концептуализации мира, данная тема является недостаточно проработанной и мало описанной в современной лингвистике.

Результаты и обсуждения. Слово *мир* имеет славянское происхождение [Семёнов; интернет-ресурс], формы *mier* [Свиридова 2014; 207] и *mirъ* являются общеславянскими [Крылов 2005; 234; Семёнов; интернет-ресурс; Фасмер; 626].

В связи с тем, что в славянских языках русскому слову *мир* отмечены соответствия (бел. *мір*, болг. *мир(ѣт)* «мир, спокойствие, свет», словац. *meir*, словен. *mír* «мир, покой», польск. *mię* «спокойствие», сербохорв. *mirъ* «мир, покой, тишина», укр. *мир* «весь мир, народ, спокойствие, согласие», в.-луж., н.-луж. *měr* и чеш. *mír* «мир, покой, спокойствие, согласие»), как и в балтийских языках (лат. *miērs* «мир», «покой», «тишина», *atmietet* «смягчать», лит. *mieras* «мир, тишина»), Н. М. Шанский указывает на его славяно-балтийскую природу [Шанский; интернет-ресурс]. В отдельных диалектах сохранились некоторые утраченные значения слова *мир*: диал. *мир* «плата за невесту (свадебный обычай)» [ЭССЯ, т. XIX; стлб. 55].

В других языках так же существуют похожие слова: албан. *mirë* «хороший», латин. *meitis* «нежный, мягкий», *mītis* «кроткий, спокойный»; др.-инд. *mitrās* «друг», *mitra-* «дружественный, союзный», *mayas* «радость, удовольствие», др.-иран. *Miθra* «дружественный, союзный»: имя одного божества (*āditya*); др.-перс. *Miθra* «имя одного божества», н.-перс. *mīhr* «солнце, любовь» [Преображенский; 539], индо-иранское *Mumpra* «божество света и добра» [Цыганенко 1989; 235], др.-ирл. *mīn* «вежливый, милый, ровный» [Черных; 534].

Основой возникновения слова *мир* одни этимологи называют общеиндоевропейский корень **mei-* со значением «кроткий», «милый», «дружественный» [Преображенский; 539; Семёнов; интернет-ресурс; Успенский; интернет-ресурс; Цыганенко 1989; 235; Шапошников; 521; Шанский; интернет-ресурс], другие – индоевропейский глагол **mei-* «связывать» [Шапошников; 521]. В русском языке встречается с X – XI вв. [Свиридова 2014; 207], XI в. [Семёнов; интернет-ресурс]. Н.В. Горяев отмечает, что первоначально *миръ* «рах» и *миръ* «mundus» не различались [Горяев 1896; 210].

Таблица 1. Мотивирующие признаки концепта *мир*

№ №	Перечень мотивирующих признаков	Горяев Н.В.	Крылова Г. А.	Преображенский А.К.	Свиридова М.Н.	Семёнов А.В.	Успенский Л.В.	Цыганенко Г.П.	Фасмер М.	Черных П.Я.	Шанский Н.М.	Шапошников А.К.	ЭССЯ
1.	‘без разногласий’	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
2.	‘божество/ Митра’	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-
3.	‘вежливый’	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-
4.	‘Вселенная’	-	-	+	-	-	+	+	+	-	-	-	+
5.	‘всеобщий’	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
6.	‘добро’	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
7.	‘договор’	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
8.	‘друг’	+	-	+	-	-	-	+	+	-	-	-	+
9.	‘дружба’	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	+	+
10.	‘дружественный’	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-
11.	‘космос’	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-	-	-
12.	‘кроткий’	-	-	+	-	+	-	+	-	+	-	-	-
13.	‘любовь’	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-
14.	‘милый’	+	-	+	-	+	+	+	-	+	+	+	-
15.	‘мягкий’	-	-	+	-	+	-	+	-	+	-	-	-
16.	‘народ’	-	-	+	-	-	-	+	+	-	-	-	+
17.	‘не война’	+	-	+	+	+	-	-	+	+	-	-	-
18.	‘не вражда’	-	-	-	-	+	-	+	+	+	-	-	-
19.	‘не ссора’	-	-	-	-	+	-	+	-	+	-	-	-
20.	‘нежный’	-	-	-	-	+	-	+	-	+	-	-	-
21.	‘община’	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	+
22.	‘плата (за невесту: свадебный обычай)’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
23.	‘покой’	+	-	+	-	+	+	-	+	+	-	-	+
24.	‘полюбовный’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+
25.	‘радость’	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
26.	‘располагающий к себе’	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
27.	‘ровный’	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-
28.	‘свет’	-	-	+	-	-	-	+	+	-	-	-	+

29.	‘связывать’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-
30.	‘сельский’	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	+
31.	‘смягчать’	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
32.	‘согласие’	-	-	+	-	+	-	+	+	+	-	+	+
33.	‘соглашение’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-
34.	‘содружество’	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
35.	‘солнце’	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
36.	‘сообщество’	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-
37.	‘союз’	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+
38.	‘спокойствие’	-	-	+	-	-	+	+	+	+	-	-	+
39.	‘тишина’	-	+	-	-	-	+	-	-	+	+	-	-
40.	‘удовольствие’	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
41.	‘хороший’	-	-	-	-	+	-	+	+	+	-	-	-
42.	‘человечество/ люди’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+

Заключение. Выделенные мотивирующие признаки макроконцепта *мир* можно представить в виде 8 блоков: 1. Вселенная (‘Вселенная’, ‘космос’, ‘свет’, ‘солнце’); 2. Люди (‘друг’, ‘народ’, ‘община’, ‘человечество/ люди’); 3. Качества характера (‘вежливый’, ‘дружественный’, ‘кроткий’, ‘милый’, ‘мягкий’, ‘нежный’, ‘располагающий к себе’, ‘ровный’); 4. Лад (‘без разногласий’, ‘не война’, ‘не вражда’, ‘не ссора’, ‘покой’, ‘согласие’, ‘спокойствие’, ‘тишина’); 5. Социальные устои (‘всеобщий’, ‘договор’, ‘дружба’, ‘плата (за невесту: свадебный обычай)’, ‘полюбовный’, ‘связывать’, ‘сельский’, ‘смягчать’, ‘соглашение’, ‘содружество’, ‘сообщество’, ‘союз’); 6. Божество (‘божество/ Митра’); 7. Эмоции (‘любовь’, ‘радость’, ‘удовольствие’); 8. Оценка (‘добро’, ‘хороший’).

Среди 42 мотивирующих признаков макроконцепта *мир* 5 являются символическими (‘божество/ Митра’, ‘Вселенная’, ‘космос’, ‘свет’, ‘солнце’). Этот факт позволяет отнести исследуемый макроконцепт к разряду символических.

Список словарей

1. Горяев Н.В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. – Тифлис: Тип. Канцелярии главнонач. гражд. ч. на Кавказе, 1896. – 558 с. – С. 210.
2. Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка. – СПб.: ООО «Полиграфуслуги», 2005. – 428 с. – С. 234.
3. Преображенский А.К. Этимологический словарь русского языка. – М.: Типография Г. Лиснера, Д. Совко, 1910-1911. – Т. I. – 716 с. – С. 538-539.
4. Свиридова М.Н. Этимологический словарь современного русского языка. – М.: Аделант, 2014. – 511 с. – С. 207.
5. Семёнов А.В. Этимологический онлайн-словарь русского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/semyonov/m/мир> (дата обращения: 04.10.2023).
6. Успенский Л.В. Этимологический словарь школьника. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/uspensky/m/мир> (дата обращения: 04.10.2023).
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс, 1987. –Т. II. – 672 с. – С. 626.
8. Шанский Н.М. Этимологический онлайн-словарь русского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/shansky/m/мир> (дата обращения: 04.10.2023).
9. Шапошников А.К. Этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. – М.: Флинта, наука, 2010. – Т. I. – 576 с. – С. 521.
10. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд., перераб. и доп. – К.: Рад. шк., 1989. – 511 с. – С. 235.
11. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1999. – Т. I. – С. 534.
12. Этимологический словарь славянских языков / Под общ. ред. О.Н. Трубачева. – М. – Вып. XIX. – Стлб. 55-57 (ЭССЯ).

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека Текст. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Ефимец М.А. Русский мир как концепт и культурно-историческая реальность: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Мария Александровна Ефимец. – Краснодар, 2022. – 28 с.
3. Козловцева Н.А. Образ Русского мира в актуальном социокультурном пространстве // Вестник культуры и искусств. – 2018. – № 1 (53). – С. 58-67.
4. Лунцова О.М. Градиент-концепт «дружба-мир-вражда» в русской и английской лингвокультурах: на материале лексики и фразеологии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Ольга Михайловна Лунцова. – Магнитогорск, 2007. – 260 с.
5. Козловцева Н.А. Образ Русского мира в актуальном социокультурном пространстве // Вестник культуры и искусств. – 2018. – № 1 (53). – С. 58–67.
6. Кочеров С.Н., Париков О.В. Философия русской идеи. – М.: Издательский Дом «Русская Философия», 2022. – 300 с.
7. Кривоусов В.В. Концепт «Русский мир»: принципы и возможности методологических подходов // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2016. – Вып. 1 (174). – С. 111–119.
8. Нарочницкая Н.А. Русский мир. – СПб.: Алетейа, 2007. – 303 с.
9. Неронова М.Ю. Развитие русской идеи и русский мир // Философские науки. – 2019. – № 3 (32). – С. 213–224.
10. Никонов В.А. Русский мир: смыслы и ценности // Смыслы и ценности Русского мира: сб. ст. и материалов круглых столов / Под ред. В. А. Никонова. – М.: Фонд «Русский мир, 2010. – 112 с. – С. 70–111.
11. Никонов В.А. Современный мир и его истоки. – М.: МГУ, 2015. – 880 с.
12. Пименова М.В. Символические концепты как часть концептуальной системы (на примере концепта творчество) // Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения. – М.: ИЯ РАН, 2011. – С. 65–83. (Серия «Концептуальные исследования». – Вып. 15).
13. Попков В.Д. Русский мир. Философские рамки понимания проблемы // Вопросы философии. – 2021. – № 7. – С. 27–37.
14. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников [и др.]. – М.: Наука, 1988. – С. 8-69.
15. Суслова С.С., Зайцева Ю.В. Концепт мир в английской языковой картине мира // Вестник Вятского государственного университета. – 2016. – № 2. С. 58-62.
16. Теплых Н.В. Русский мир и система национальных ценностей в социальной философии России // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2021. – Т. 21. – № 2. – С. 169-176.
17. Теплых Н.В. Русский мир как традиционная основа духовной культуры социума // Социально-политические науки. – 2012. – № 2. – С. 147–151.
18. Тишков В.А. Русский мир: история и география // Русский мир в меняющемся мире / Под ред. Г.А. Комарова. – М.: ИЭА РАН, 2008. – 401с. – С. 13–34.
19. Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира: сб. науч. статей. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. – С. 207-219.
20. Фоменко И.Б. Концепт мир в русской и китайской языковых картинах мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Том 14. – Вып. 8. – С. 2614-2621.
21. Шевченко В.Н. О роли России в разрешении цивилизационного конфликта «Запад остальной мир» // Личность. Культура. Общество. – 2003. – Т.V. – Вып. 3/4 (17-18). – С. 75-86.

ПОКРУЧИНА М.Ю.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ КОДИРОВАНИЕ

Статья посвящена исследованию особенностей лингвокультурного кодирования художественного текста, механизмов смыслопорождения и смыслового развёртывания на примере произведений В.Н. Крупина, которые выявляют специфику национально-культурных универсалий автора.

Ключевые слова: художественный текст, лингвокультурное кодирование, смыслопорождение, смысловое развёртывание, национально-культурная специфика,

Рассуждая о художественном тексте в русле современной лингвокультурологии, мы понимаем его как продукт, детерминированный культурой, одновременно являющийся составной частью последней. Лингвокогнитивный феномен отражения культуры посредством языка в художественном тексте наблюдается особенно наглядно, так как он не

только демонстрирует культурные универсалии, но и передаёт дух эпохи, в которой создаётся, национальное сознание, ментальность. Рассуждая о когнитивной природе текста, Н.Ф. Алефиренко определяет его как продукт лингвокреативного мышления писателя [Алефиренко 2012; 49], что позволяет с уверенностью говорить о репрезентации индивидуально-авторского восприятия культуры и мира в художественном тексте. Однако интерпретация текста в большей степени связана с читателем, его культурной и когнитивной базой, в соответствии с которой восприятие текста разными людьми может отличаться. Если процесс создания художественного текста можно определить как культурное кодирование, то процесс его «прочтения», восприятия читателем является декодированием, которое зависит от понимания на основе когнитивных и вербально-ассоциативных механизмов культурных феноменов и имплицитных смыслов, вложенных в него создателем.

Любой художественный текст имплицитно содержит мысли и образы, воспроизводимые в сознании его автора, который, как поясняет Н.С. Болотнова, «моделирует художественный мир произведения, опираясь на свой культурный тезаурус, социальный и языковой опыт в соответствии с имеющимися идеалами» [Болотнова 2009; 320]. Таким образом, смыслопорождение текста осуществляется на основе тех интенций, смыслов, культурных и ментальных ценностей, которые изначально вложены в него автором.

Механизмы смыслопорождения и смыслового развёртывания текста с позиций лингвокультурологии можно представить как кодовый переход, включающий такие элементы, как кодирование смысла и декодирование текста. По мнению В.М. Савицкого, код «является формой существования смысла» [Савицкий 2020; 180], соответственно смыслопорождение можно представить как процесс формирования смысла на основе ментального кода и этноязыковых факторов в тексте при помощи различных лингвистических единиц: а) морфемных особенностей, влияющих на стилистическое своеобразие текста, б) лексических средств, обладающих широким спектром выразительности, в) изобразительно-выразительных средств, придающих художественному тексту не только образность, но и ментальную обусловленность (когнитивная метафора).

Использование морфемных единиц как средств смыслопорождения текста и лингвокультурного кодирования не является частотным, тем не менее, в отдельных случаях морфемные особенности влияют на стилистическое своеобразие текста и формируют ценностно-смысловое пространство. В рассказе В.Н. Крупина «Тихий воз будет на горе» читаем: «*Вот привезли мне дрова, свалили. ...и скинули такой чурбанище, такой пнище, что земля вздрогнула, когда это чудовище поселилось у меня на дворе*» [Крупин 2021; 188]. При описании пня автор употребляет лексемы с суффиксом -ищ- для придания увеличительно-грозного оттенка. В сочетании с ними используемые в продолжение текста синонимы разнообразных пластов – нейтральной лексики (*пень*), книжной (*монолит*), диалектной (*комель*) – отражают не только стилистическое своеобразие, но и формируют ценностно-смысловое и образное пространство художественного текста.

Превалирующее значение в лингвокультурном кодировании приобретает лексема, что связано с универсальностью её семантического потенциала и многообразием сочетаемости. Слово выступает в виде стилистического репрезентанта образа, становится смыслообразующей единицей текста и служит средством выражения этнокультурной специфики. Так, в рассказе «Лазарева суббота» лексемы *лампада, свечи, покаяние, исповедь, причастие, Бог, смерть, монахи, молитвенники, иконы, молитвы, любовь, батюшка, часовня, душа, милость, благодать, небеса, грехи, спасение, крест, трапеза* репрезентируют духовность и являются маркерами русской православной веры, отражая этнокультурные и индивидуально-авторские смыслы.

Лексема *русский*, имеющая высокую частотность употребления в художественных текстах В.Н. Крупина, в зависимости от контекста приобретает различные смысловые оттенки: отражает русский мир и русского человека, используется как лексический репрезентант особого сочетания духовных и ментальных признаков. Так, в рассказе В.Н. Крупина «Полковник-паломник» главный герой на вопрос о крещении гордо отвечает: «*Ну,*

как иначе, я же русский полковник!» [Крупин 2020; 449]. Понятие русскости находится в неразделимом конгломерате с понятием православной веры.

В названии рассказа «Консьержка или дежурная» автор использует синонимичные лексемы, однако в ходе смыслового развёртывания текста читатель обнаруживает их разность, связанную с национально-культурной спецификой. Разница в происхождении слов (французского и русского) в тексте репрезентируется как обуславливающая ментальные различия и формирующая разные коннотации: «...нигде не встретишь фразы: *Консьержка была явно с тяжкого похмелья*? А её русская сестра, дежурная по подъезду, бывала» [Крупин 2021; 472].

В качестве лексических средств выразительности способны выступать также паремии и идиомы. В художественных текстах В.Н. Крупина указанные единицы не просто воспроизводятся как выражение мысли, осуществляется их полное семантическое развёртывание, происходит семантическая трансформация, приобретение новых коннотативных и когнитивных значений. Так, в рассказе «Было дело под Полтавой» идиома *как швед под Полтавой* становится основой смыслопорождения художественного текста, трансформируясь в тексте и в ходе смыслового развёртывания выступая в качестве когнитивной метафоры, механизма, позволяющего «думать об одной содержательной области посредством понятий о другой области, уже освоенной человеком» [Алефиренко 2013; 30]. В процессе смысловой модификации формируется вторичный образ, отражающий авторские интенции и этнокультурное сознание: «...хозяева незалежной, незаможней, самостийной, щирою Украйны присвоили его (праздник победы) полностью себе. Да ещё поделились со шведами, которых тут тогда побили, а сейчас они были тут дуже желанными. Сегодняшня Украина присвоила себе не только территории Российской империи, но и её прошлое. Героическая битва, которая спасла Россию, сейчас от России была насильственно отторгнута. Теперь получалось, что она не в России произошла, а за границей» [Крупин 2020; 379]. В ходе смыслового развёртывания текста происходит процесс контаминации: а) восприятия Полтавской битвы как главного свершения Петра и русского народа, которое актуализируется в авторских интенциях, и б) иного восприятия этого же прошлого «хозяевами Украины», которые осуществляют подмену исторических реалий, разграничивая русский и украинский народы. Ключевой смысл когнитивной метафоры репрезентируется в высказывании «*И вот – граница меж нами, какая дикость!*». Таким образом, идиоматическое выражение приобретает новый метафорический смысл – *и опять гибнем как шведы под Полтавой* – речь идёт о разрушении единства славянских народов.

Таким образом, исследуя художественный текст как результат лингвокультурного кодирования, можно проследить его взаимосвязь с культурой и выявить когнитивную обусловленность смыслопорождения художественного текста, который отражает культуру и систему национальную ценностей.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Текст и дискурс. – М., 2012. – 232 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Когнитивная метафора и фраземосемиозис // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами. – Белгород, 2013. – С. 29-32.
3. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 520 с.
4. Крупин В.Н. Живая вода: повести, рассказы. – М.: Вече. – 2020. – 512 с. – (Проза русского Севера).
5. Крупин В.Н. На земле под небесами: повести, рассказы. – М.: Вече, 2021. – 560 с.
6. Савицкий В.М. Кодирование смысла и декодирование текста художественного произведения // Культурные коды мировой литературы: сборник статей IV Всероссийской научно-практической конференции. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – С. 180-191.

**ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ ДОРОГА
В АСПЕКТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ**

Данная статья посвящена анализу русских фразеологизмов с компонентом *дорога* и их лингвокультурологическим особенностям. На основе анализа значений фразеологизмов, представлена их классификация на тематические группы. Автор подчёркивает важность фразеологизмов с компонентом *дорога* для русской лингвокультуры, так как данные фразеологические единицы обладают высоким образным потенциалом и страноведческой ценностью.

Ключевые слова: дорога, путь, фразеологизм, лингвокультурология, тематическая группа.

«Мифологема пути» незримо присутствует в нашем коллективном национальном сознании. Значимость лексемы *дорога* в русском лингвокультурном сознании обусловила её вхождение в состав многих фразеологизмов. В статье представлен анализ значений фразеологизмов с компонентом *дорога* и синонимичными компонентами *путь*, *коля*, *прямая*, *стезя* с опорой на фразеологические словари и национальный корпус русского языка. Помимо прямого, ядерного значения лексем *дорога*, *путь*, *стезя*, *коля*, особенно интересно метафорическое осмысление данных лексем, а именно те регулярно возникающие приращенные значения, которые являются знаковыми для русской языковой картины мира.

Лексические единицы *дорога* и *путь* совпадают почти во всех своих значениях. Однако «лексема *дорога* имеет конкретное (предметное) значение, а *путь* – более общий и отвлечённый характер» [Словарь синонимов русского языка 1971; 299]. Несмотря на очевидную схожесть значений данных лексем для современного человека, исторически они имеют разный подтекст. Как отмечает О. А. Черепанова «в славянской культурной традиции символика *пути* связана с христианско-религиозным взглядом на мир, символика *дороги* – с языческим мировоззрением и мироощущением» [Черепанова 1999; 31].

Материалом для анализа послужили 123 фразеологизма с компонентом *дорога* и синонимичными лексемами *путь*, *коля*, *стезя* из «Фразеологического словаря русского литературного языка» Федорова А. И., «Большого фразеологического словаря русского языка» под редакцией В.Н. Телия и национального корпуса русского языка. Анализ значений фразеологизмов позволил разделить их на 6 тематических групп («отправление в *дорогу*», «начало *пути*», «поиск и обретение *пути*», «в *пути*», «возвращение», «другое») и установить, как различные понятия, отражающие разные сферы нашей жизни, соотносятся с понятием *дорога*.

Как известно, с дорогой в русском сознании связано множество примет и суеверий. Отправлению в дорогу зачастую предшествовали долгие сборы и ритуалы. Перед дорогой можно было выпить рюмку водки – на посошок. «Возникновение этого выражения связано со старинным обычаем ставить рюмку с вином или водкой на посох (посошок) уходящего в *дорогу*: если рюмка не проливалась и её удавалось выпить, считалось, что *дорога* будет хорошей» [БЛС 2007; 175]. Так, фразеологизм «на *дорогу*» имеет значение «перед отправлением в *путь*»; как правило, употребляется в сочетании с глаголами «присесть», «выпить» и др.; «доброго *пути*» говорят, желая удачи, благополучия уходящему, уезжающему.

Фразеологизм «проводить в последний *путь*» имеет метафорическое значение – «участвовать в похоронах». Как уже было отмечено, особое место в русской языковой картине мира занимают фразеологизмы, выражающие христианское понимание жизни-*пути* как способа достижения главной цели христианина – спасения, идею следования и подражания Христу, прошедшему *путь* страдания. Если *путь* – сама жизнь, то смерть

является переходом в мир иной; то есть земное путешествие переходит в потустороннее. *Дорога* соотносится не только с жизненным *путём* человека, но и *дорогой* души в загробный мир.

Тематическую группу «начало пути» можно проиллюстрировать следующими примерами: «вступать на *путь*», «вставать на *дорожку*», и др. Продвижение вперёд по этому *пути* ассоциируется с развитием, прогрессом и оценивается положительно, а попытка движения назад – с регрессом, отступлением, отказом от будущего, что оценивается негативно.

Образ *дороги* используется русскоязычным сознанием для выражения поиска и обретения *пути* в прямом и переносном значениях, и находит отражение в таких фразеологизмах, как «*грудью пролагать себе дорогу*», «*пробивать лбом себе дорогу*» и др. В языке постоянно отражаются ситуации, в которых движение по *дороге* жизни сопряжено с большими затруднениями, с преодолением различных трудностей. Человека на всем *пути* жизни преследуют ситуации, когда его вынуждают отступать от своего *пути*. *Дорога* жизни конечна, но и после смерти человеческая душа отправляется в *путь*.

Тематическая группа «в пути» основана на противопоставлении «истина – ложь», и содержит антонимические пары: «идти прямым *путём*»/«идти по ложному *пути*», «обращаться на *путь* истинный»/«совратиться с *пути* истинного» и др. Функционирование метафоры «жизнь» – «*дорога, путь*» во фразеологизмах позволяет представить то, как носитель (русского) языка видит жизнь. Жизненный *путь* – это прямая *дорога*, только движение по прямой является правильным, но такое случается редко.

Проанализировав фразеологические единицы, можно отметить, что, как правило, компонент *дорога* и синонимичные лексемы *путь, колея, стезя* осмысливаются русским сознанием метафорически. «*Путь* или *Дорога* символизируют также жизнь человека или даже всего человечества в ее развитии» [Миллер 114; 2004]. Образ *дороги* переносится на саму жизнь: начало *пути* соответствует началу жизни, протяженность *пути* – собственно жизни, смерть же мыслится как переход в иной мир, достичь которого можно, преодолев определенный длинный и нелегкий *путь*. Проиллюстрировать эту метафору помогут такие выражения, как «пройти *путь*», «*Дорога* жизни», «*жизненный путь*», «проводить в последний *путь*», и др.

Стоит отметить, что изучение иностранного языка возможно только в контексте культурного фона изучаемого языка. Безусловно, обучение иностранных студентов русскому языку невозможно без знания его идиоматической специфики, которая отражает особенности образного восприятия русских. Анализ фразеологизмов показал важность лексемы *дорога* для русской лингвокультуры в его обширной образной составляющей. Фразеологизмы с компонентом *дорога* являются неиссякаемым материалом в процессе обучения русскому языку как иностранному, так как они обладают высокой страноведческой ценностью, обогащают речь инофона, приближая её к речи носителя русского языка.

Литература

1. Миллер Л.В. Лингвокогнитивные механизмы формирования художественной картины мира (на материале русской литературы). – СПб., 2004. – 300 с.
 2. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. // Гл. ред. А.П. Евгеньева. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2003. – 681 с.
 3. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М.: АСТ, 2008. – 880 с.
- Черепанова О. А. Путь и дорога в русской ментальности и древних текстах // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции. – 1999. – №7. – С. 29

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ АРХАНГЕЛЬСКОГО РЕГИОЛЕКТА

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-10074, <https://rscf.ru/project/23-28-10074/>»

Статья посвящена описанию особого типа интерферентного взаимодействия, при котором иноязычные собственные имена, освоенные русской культурой, обладающие определенным ипликационалом, порождают локально обусловленные интерференты и тем самым участвуют в процессе формирования регионального своеобразия русской речи.

Ключевые слова: региолект, коннотативный оним, внутренняя интерференция.

Лексическое своеобразие конкретному региолекту наряду с апеллятивной лексикой придает неофициальная микротопонимия – совокупность имен собственных, служащих названиями микрорайонов, улиц, площадей, парков, зданий, магазинов, кафе, памятников и т.д. В онимном пространстве любого города таких наименований множество. Это весьма интересный в плане генезиса, «номинативной техники» и семантической структуры пласт разговорно-экспрессивных и даже нейтральных номинаций.

Помимо городских микротопонимов, регионально отмечены также неофициальные названия населенных пунктов – ойконимы (кроме единичных общеизвестных: *Питер, Нижний, Владик*) и топонимические перифразы типа *Маленький Париж, Северный Париж* ‘о Северодвинске’ (исключая распространенные наподобие *Северная Пальмира, Город на Неве* и др.).

Своеобразие русской неофициальной онимии, помимо языковой специфики, заключается в ее составе. Так, в ней широко используются иноязычные топонимы, но не любые, а только те, которые наделены в русской культуре определенным ипликационалом, благодаря чему они способны актуализировать фоновые знания, имплицировать разнообразную информацию.

Таковыми культурными знаками, мотивирующими неофициальные топонимы, например, в архангельском региолекте, являются следующие имена: *Бастилия, Пентагон, Сайгон* – *сев[еродвинское]* ‘общежитие’; *Лас-Вегас* – *сев.* ‘развлекательная часть города, средоточие баров, ночных клубов’; *Гарлем, Чикаго* – *сев.* ‘криминальная часть города’; *Шанхай* – *арх[ангельское]*, *сев.* ‘окраина города; районы частной деревянной застройки’; *Голливуд* – *арх.* ‘район Соломбала’; *Мексика* – *арх.* ‘район Маймакса’; *Япония* – *арх.* ‘район села Боброво, расположенный недалеко от города’; *Манхэттен* – *сев.* ‘остров Ягры; отдаленный микрорайон города’; *Тайвань* – *арх.* ‘остров Бревенник в черте города’; *Китайская стена* – *сев.* ‘многоподъездный жилой дом’; *Маракана* – *сев.* ‘дворовый стадион’, от *Маракана* – знаменитый футбольный стадион в Бразилии’. (Впрочем, вторичный топоним *Маракана* не является специфически российским – стадион «Райко Митич» в Белграде также неофициально именуют «Маракана».) Здесь важно отметить, что некоторые перечисленные микротопонимы уже вышли из употребления; вообще, это очень текучая часть лексики города.

Что касается неофициальной ойконимии, то наиболее популярными иноязычными топонимами-прототипами, по сведениям М.В. Ахметовой, являются *Рио-де-Жанейро, Париж* и *Чикаго* [Ахметова 2015; 35]. Эти «престижные» имена нагружены культурными коннотациями, они имплицировать различные смыслы. Так, *Чикаго* как прототип криминогенного города выступает в качестве интерферентной основы для неофициального ойконима *Чикаго* – так называют целый ряд населенных пунктов России: Кирово-Чепецк, Чайковский Пермского края, Черногорск, Читы, Чкаловск [Ахметова 2015; 202; 418; 427; 430;

431]. Интерферентами топонима *Чикаго* являются и такие неофициальные названия, как *Вычикаго* ‘поселок Вычегодский Архангельской области’, *Чикагинск* ‘Челябинск’, и под. [Там же; 117; 423].

Топоним *Париж* обладает более богатым ипликационалом, чем *Чикаго*; в частности у него выявляется метафорическое значение ‘какой-либо населенный пункт или какая-то его часть, где имеются признаки культуры, цивилизации, благоустроенности, много увеселительных заведений и т.д.’ [Отин 2006; 291].

В советское время *Маленьким Парижем* называли Северодвинск [Попов 2020; 125]. Причем эта номинация появилась по двум разным причинам: 1) это чистый, ухоженный город; 2) это город развлечений, ресторанов, доступных женщин. Очевидно, что в основе подобных представлений – амбивалентные коннотаты исходного культурного знака *Париж*. Положительные коннотации топонимического перифраза *Маленький Париж* обусловлены чистотой, ухоженностью и интеллигентностью, которые раньше и в самом деле были фирменным знаком Северодвинска. Отрицательные коннотации этого названия эксплицируются в воспоминаниях о городе моряков-подводников, чьи лодки длительное время находились на военных заводах Северодвинска на ремонте или модернизации. (Поэтому город еще называют столицей подводников.) Для них Северодвинск, помимо службы, был местом увеселения и развлечения – в ресторанах, кафе-барах, на танцплощадках, в обществе доступных женщин. Не случайно существует еще одно топонимическое клише Северодвинска – *Северный Париж* (с такой же мотивировкой, как *Маленький Париж*).

Отметим, что название *Маленький Париж* носят и другие города: на юге России – Краснодар; в Румынии – Бухарест, в Германии – Лейпциг и Дюссельдорф. Так же как *Северным Парижем* именуют еще и норвежский город Тромсё из-за множества находящихся в нем ресторанов, баров, ночных клубов и кафе.

Рассматриваемые имена собственные типа *Бастилия, Лас-Вегас, Париж, Пентагон, Шанхай* Е.С. Отин, как известно, называет коннотативными, или коннотонимами [Отин 2006]. Подобные единицы, составляющие заметную долю в неофициальной онимии, образуются путем трансонимизации, то есть посредством перехода имен собственных из одного разряда в другой. Такие номинации возникают с помощью метафорического переноса и получают мотивировку за счет культурных, политических (*Сайгон, Бейрут, Чили* и т.п.), географических и иных коннотаций, приписываемых иноязычным прототипам: *Бухенвальд* ‘немецко-фашистский концентрационный лагерь в Восточной Германии’ + {‘голодный, очень худой’}: ‘студенческая столовая с невкусной, некалорийной пищей’; *Гарлем* ‘бедный негритянский квартал Нью-Йорка’ + {‘криминальный, опасный’}: ‘криминальный район города’; *Шанхай* ‘многонаселенный город на востоке Китая’ + {‘тесный, скученный, бедный’}: ‘окраина города; районы с плотно стоящими частными домами’.

Семантический способ образования коннотонимов обуславливает специфику их семантической структуры, в которой выделяются концептуальные и конкретно-референтные значения. Последние закрепляются в регионально отмеченных неофициальных топонимах.

Эту специфику можно прояснить следующим образом: концептуальное, или понятийное, значение коннотонима отражает совокупность общих существенных признаков денотативно схожих в разных городах объектов, называемых одним именем. Референтное же значение коннотонима отражает только характерные признаки конкретной реалии, поэтому для жителя того или иного населенного пункта оно в целом всегда будет иметь локальную, региональную маркированность. Кстати говоря, если в микрорегиолектных словарях, представляющих топонимикон конкретного города, референтные значения микропонимов еще фиксируются, то их концептуальные значения, как правило, либо вообще не отмечены, либо за них выдаются те же контекстуальные значения. Из-за этого создается иллюзия множества названий там, где выступает одно наименование, как мы полагаем, с широким значением (широкозначность необходимо отделять от омонимии и полисемии). Поэтому

наряду с региональной семантикой микротопонимов важно выявлять и фиксировать их общезыковое, концептуальное содержание.

Многие коннотонимы появляются в городской речи в результате языковой игры, которая нередко осложняется иронией, пародией, шаржированием, но чаще всего эти элементы означивания городского пространства служат средством выражения фамильярности, что является показателем освоения, «одомашнивания» городской среды. Не случайно в омском «Словаре современного русского города» большая часть микротопонимов сопровождается пометой «фам.», а пометы «шутл.», «ирон.», «пренебр.» встречаются гораздо реже. С другой стороны, неофициальные микротопонимы часто создаются с расчетом на осмеяние объекта, понижение его статуса. В этом смысле они продолжают традиции карнавализации «низовой» городской культуры, расширяя ее экспрессивный словарный фонд новыми средствами.

Микротопонимы являются неотъемлемой частью языкового быта города, представляют его неофициальный, экспрессивный топонимикон, создают своеобразный речевой колорит в лексике города. Сферой применения микротопонимов является неформальное общение людей разных возрастов и профессий, соответственно, используются эти единицы в разных регистрах разговорно-обиходной речи. Статус ряда неофициальных онимов за счет устойчивой традиции употребления и использования в стилистически нейтральных контекстах в языке СМИ оказывается не ниже разговорно-литературного. Кроме устной городской стихии, неофициальные онимы широко используются сегодня в разговорно-письменной форме языка – в интернет-коммуникации: в местных социальных медиа, блогах, чатах, комментариях в пабликах.

Таким образом, один из путей регионализации русской речи – это «заимствование, а вернее, включение языковых явлений в региональную речь, которое осуществляется обычно на интерферентной базе» [Теркулов 2021; 215].

Примером такого интерферентного взаимодействия, которое проходит на «внутреннем, межидиомном уровне» [Там же; 215], могут послужить коннотонимы иноязычного происхождения, способные в процессе семантических изменений породить регионально отмеченные интерференты.

Литература

Ахметова М.В. От А-Аты до Ярска: словарь неофициальных названий населенных пунктов. – М.: ФОРУМ, 2015. – 496 с.

Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. – М.: ООО «А Темп», 2006. – 440 с.

Попов Р.В. Как это будет по-северодвински?: словарь местной лексики Северодвинска. – 2-е изд. – Северодвинск, 2020. – 287 с.

Теркулов В.И. Интерферентные явления в донецком региолекте // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2021. – № 3. – С. 209-223.

РАДБИЛЬ Т.Б.

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

КВАНТИТАТИВНЫЙ АНАЛИЗ КОРПУСНЫХ ДАННЫХ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В работе представлены результаты квантитативного анализа контекстов употребления событийного глагола «свершиться», извлеченных из газетного корпуса в составе Национального корпуса русского языка. Рассматриваются явления наведенной позитивной и негативной оценочности глагола в медиадискурсе русскоязычного интернета.

Ключевые слова: квантитативный анализ, корпусные данные, имплицитная оценочность, медиадискурс интернета, глагол «свершиться»

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00368, <https://rscf.ru/project/23-28-00368/>

В работе представлены новые результаты продолжающегося исследовательского проекта по количественному анализу контекстуальной оценочности русских слов и выражений по корпусным данным. Материалом для анализа являются расширенные контексты, извлеченные из газетных корпусов в составе Национального корпуса русского языка. Теоретической базой работы являются принципы лингвокультурологического описания концептов русской культуры на когнитивно-дискурсивной основе [Радбиль 2019 и 2020]. Для современного аксиологического подхода в лингвокультурологии вообще характерна установка на разнообразие путей и способов языкового воплощения оценки в дискурсах разного типа, которая была заложена еще в работах Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1999]. Речь идет о том, что языковая оценка не обязательно выражена в лексеме эксплицитно, входя в ее семантику как компонент толкования, или в качестве обязательного семантического следствия. Оценка может быть наведенной в словоупотреблении посредством его словесного окружения, так называемых коллокатов, иначе говоря, оценка может быть имплицитной [Радбиль 2011]. При этом, по нашему глубокому убеждению, именно имплицитная оценка входит в обязательный фонд представлений носителей языка о мире, т.е. в их картину мира, в силу неосознаваемого и тем самым — облигаторного для них характера своего функционирования [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005; Радбиль 2017].

Сказанное выше позволило сформулировать цель предпринятого проекта — количественный дискурс-анализ так называемых событийных глаголов по корпусным данным. Это глаголы *произойти* — *случиться* — *возникнуть* — *появиться* — *совершиться* — *свершиться* — *состояться* — *осуществиться* — *исполниться* — *сбыться*

Условно их можно разделить на две смысловые группы: на одном полюсе глаголы, в которых описываются события, происходящие во внешнем мире или с человеком безотносительно к его возможным ожиданиям: базовый глагол здесь — *произойти*; на другом полюсе глаголы, в которых происходящее так или иначе соотносится с ожиданиями субъекта, т.е. в семантику которых включен «человеческий фактор»: базовый глагол — *осуществиться*.

В наших предыдущих исследованиях количественному лингвокультурологическому анализу на основе корпусных данных подвергались контексты употреблений слов, принадлежащих к первой группе: *произойти* и *случиться*, а также глагол второй группы *сбыться*. Наши наблюдения показали для слов *произойти* и *случиться* — около 60 % контекстов негативной оценочности. Это позволило верифицировать определенный «дрейф» в употреблении этих глаголов в сторону наведенной отрицательной оценки. С другой стороны, анализ глагола *сбыться* выявил 54 % контекстов позитивной оценочности на фоне всего 12,5 % негативно-оценочных употреблений, что дет основания утверждать о преимущественно позитивной оценочности, наведенной в дискурсе.

В настоящей работе анализу подвергается слово *свершиться*, так же, как и *сбыться*, принадлежащее ко второй семантической группе глаголов, в которых то, что происходит, соотносено с планом ожиданий субъекта. Исходная гипотеза состоит в том, что этот глагол также должен продемонстрировать определенный крен в сторону выражения оценочности положительного знака (свершается, как и сбывается, как правило, что-то благоприятное, что-то хорошее, прежде всего во втором и третьем значении, тогда как происходит или случается обычно что-то плохое).

На предварительном этапе был проведен анализ словарных толкований. Основные русские словари выделяют для этого глагола следующие значения: (1) 'произойти'; (2) 'осуществиться, исполниться'; (3) 'стать реальным, сбыться' [БАС 1962]. В словаре В.И. Даля акцентируется интересующий нас в плане нашего исследования смысл преосуществления чего-либо: 'быть свершаему; сдѣлаться, статья, исполниться' [Даль

1999]. Также словари отмечают принадлежность глагола к высокому стилю, что отличает его от синонимичного глагола *совершиться*.

Далее, согласно разработанной нами процедуре исследования, мы провели количественный анализ корпусных данных. На этом этапе мы ограничились только глагольными формами, которые выражают представление об уже свершившихся событиях или предположение о том, что они обязательно свершатся. Таким образом, мы рассмотрели только лексемы совершенного вида, разбитые на три класса: (1) глаголы прошедшего времени (*свершилось, свершился, свершилась, свершились*), (2) глаголы простого будущего времени (*свершится, свершатся*). (3) инфинитивы совершенного вида (*свершиться*). Для каждого из классов была произведена сплошная выборка по первым ста вхождениям в корпус, затем выявленные контексты подвергались интерпретации с точки зрения наличия или отсутствия в них оценки (всего, таким образом, получилось 300 примеров). Проще говоря, мы оценивали, **свершилось** или **свершится ли**, с точки зрения говорящего, что-то хорошее или что-то плохое.

Ниже мы продемонстрируем примеры нашей «разметки», ведь выявление наличия или отсутствия имплицитной ценностно значимой информации требует известной сноровки. Начнем с примеров наведенной позитивной оценочности. В предельно простом случае позитивная оценка имплицитно выражается заполнением валентности на актанта словом с позитивной семантикой (*свершились мечты, подвиги, свершилась справедливость, свершилось добро, чудо, великое событие*, а также *свершилось правосудие, возмездие* как событие, позитивно оцениваемое говорящим): *А если все сложится, то свершится наша большая мечта* [НКРЯ, 2011.11.23]; *Но всем этим подвигам не суждено свершиться: Дэвида тянут назад его родные* [НКРЯ, 2004.10.08]; *Значит, правосудие должно свершиться* [НКРЯ, 2002.01.30].

В ряде контекстов позитивная оценочность наводится не значением непосредственного актанта при глаголе *свершиться*, а последующей контекстуальной расшифровкой содержания актанта, самого по себе имеющего нейтральное значение (*подъем, результат, событие*): *Поднять его, а подъем таки свершился, уже героический труд* [НКРЯ, 2019.10.28]; *Вот видите, сегодня результат неплохой, очень этому рад, наконец-то это свершилось», — сказал Плющенко* [НКРЯ, 2017.01.24].

Часто позитивная оценочность наводится в содержании последующего или предыдущего высказывания, восполняющего анафорическое местоимение *это* в роли субъекта при глаголе *свершиться*: *«Теперь это свершилось: спустя 137 лет у храма Святого Семейства есть необходимая лицензия на строительство», — отмечается в релизе* [НКРЯ, 2019.06.08].

Также позитивная оценка может наводиться из расширенного контекста в целом, посредством наличия ключевых слов — маркеров позитивной оценочности или какого-либо фрагмента контекста, содержащего благоприятно оцениваемую информацию: *Триумф науки: зонд OSIRIS-REx взял образцы с астероида Бенну* *Космический зонд OSIRIS-REx взял образцы грунта с астероида Бенну. Событие, к которому учёные готовились много лет, свершилось в ночь на 21 октября 2020 года (по московскому времени)* [НКРЯ, 2020.10.21].

В ряде случаев позитивная оценочность наводится посредством лингвопрагматического механизма инференции — информации, которую адресат сообщения должен, по замыслу его автора, самостоятельно логически вывести по умолчанию из того, что сказано, опираясь на контекст, ситуацию общения, культурный фон, энциклопедические знания о мире [Болдырев 2014]: *Свершилось! «Спартак» впервые с 2012 года победил в Лиге чемпионов, да еще как* [НКРЯ, 2017.10.18] — наводится инференция ‘свершилось что-то благоприятное’.

Аналогично размечается наведенная негативная оценочность. Прежде всего это случаи заполнения валентности на актанта словом, имеющим эксплицитную негативную оценку в своем толковании или негативно-оценочную коннотацию: ... *Не дадим свершиться злу!* [НКРЯ, 2001.02.24]; *Акт вандализма чуть было не свершился 1 мая* [НКРЯ, 2018.05.02]; *Именно зоозащитники помешали свершиться страшному* [НКРЯ, 2019.08.27]

Также в нашей разметке имеются и внеоценочные, нейтральные по отношению к оценочности контексты. Это связано с семантикой слов — актантов ситуации, обозначенной глаголом *свершиться*, которым нельзя приписать ни положительно-оценочных, ни отрицательно-оценочных смыслов или коннотаций (*факт, явление, план, перемена, переезд* и пр.): *Наша система — можно с этим соглашаться, можно не соглашаться, но это факт, который свершился — оказалась гибкой и мобилизационной* [НКРЯ, 2020.06.28].

На завершающем этапе исследования осуществляется количественный анализ размеченных данных. Анализ осуществляется отдельно по трем группам, а потом дается сводный анализ. Сводный количественный анализ по всем трем группам на 300 вхождений дает следующие результаты, которые для удобства восприятия сведены в *Табл. 1*.

Таблица 1

Сводный количественный анализ контекстов с имплицитной оценочностью по трем группам примеров

Тип оценочности	Частотность, в %
Контексты с позитивной оценочностью	56,3
Нейтральные контексты	30,0
Контексты с негативной оценочностью	13,7

Таким образом, мы видим преобладание примеров с позитивной оценочностью почти в два раза на примерами с оценочностью нейтральной и более чем в четыре раза — над примерами с оценочностью позитивной. На наш взгляд, показатель 56,3 % — значимое свидетельство наличия существенного «дрейфа» семантической ауры русского *свершиться* в направлении развития позитивно-оценочного потенциала.

Любопытно сопоставить результаты количественного анализа имплицитной оценочности глагола *свершиться* с данными по проанализированному нами ранее глаголу *сбыться*. Для наглядности сопоставительный анализ представлен в *Табл. 2*.

Таблица 2

Сопоставительный количественный анализ контекстов с имплицитной оценочностью для глаголов *свершиться* и *сбыться*

Тип оценочности	<i>Свершиться</i>	<i>Сбыться</i>
Контексты с позитивной оценочностью	56,3	54
Нейтральные контексты	30,0	33,5
Контексты с негативной оценочностью	13,7	12,5

Мы видим примерно аналогичные результаты, что позволяет сделать вывод о концептуальном и культурном сходстве в ценностной рецепции этих двух событийных глаголов в русской языковой картине мира, в пространстве русской культуры.

По завершении корпусного анализа мы попытаемся дать качественную интерпретацию полученных количественных данных в сопоставлении, например, с глаголами *произойти* или *случиться*. Мы располагаем уже некоторыми надежными количественными данными для того, чтобы обосновать возможный ответ на вопрос: почему люди чаще говорят о том, что происходит или случается что-то плохое, а свершается или сбывается что-то хорошее?

Это, на наш взгляд, связано с тем, что в семантику глаголов *свершиться* или *сбыться*, за счет компонента 'стать, сделаться реальным', имплицитно входит обязательное представление о соотношении объективно происходящих событий с некими планами, ожиданиями субъекта, т.е. со сферой надежд и мечтаний. А человеку свойственно надеяться на лучшее, мечтать о чем-то благоприятном, даже если это и не осуществляется. Предпочтение благоприятных ожиданий, предчувствий, предположений над неблагоприятными в проспективной сфере человеческого существования и является, на наш взгляд, причиной доминирования наведенной позитивной оценочности для глаголов *свершиться* или *сбыться*.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. — 896 с.
2. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. — Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. — 235 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. — М.: Рипол-Классик, 1999. — Т. IV. — 712 с.
4. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 544 с.
5. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. — URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 22.12.2022).
6. Радбиль Т.Б. «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчисления // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2011. — №. 6. — Ч. 2. — С. 569–573.
7. Радбиль Т.Б. Культурная апроприация заимствований в свете теории языковой концептуализации мира // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. — 2017. — Т. 13. — С. 107–115.
8. Радбиль Т. Б. Вера как основа мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. — М.: Гнозис, 2019. — С. 23–35.
9. Радбиль Т. Б. "Самоизоляция" как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // Коммуникативные исследования. — 2020. — Т. 7. — № 4. — С. 759–774.
10. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. (БАС). — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. — Т. 13. — 1962. — 767 с.

РАФИКОВА Р.И.

Уфимский университет науки и технологий

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ, БАШКИРСКИХ И КИТАЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С НАИМЕНОВАНИЯМИ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Статья посвящена изучению семантических особенностей фразеологических единиц с наименованиями природных явлений в английском, башкирском и китайском языках. Отмечено, что фразеологизмы с наименованиями природных явлений способны отражать самые разнообразные явления и отношения окружающего мира. В ходе исследования было выявлено, что лишь некоторая часть фразеологизмов имеет аналоги в других сопоставляемых языках, другая часть фразеологизмов присуща только для определенного языка.

Ключевые слова: фразеологизм, компонент, природные явления, английский язык, башкирский язык, китайский язык

Фразеологизмы, как и слова или предложения, служат для номинации объектов, явлений, действий, качества или состояний, для характеристики различных ситуаций. В зависимости от их смысла и сферы употребления устойчивые сочетания можно разделить по семантическим группам.

Анализ фразеологических единиц с наименованиями природных компонентов позволил нам выделить следующие группы:

1. Фразеологизмы, связанные с отражением физического или эмоционального состояния человека или животного.

Для выражения прекрасного состояния человека используется фразеологизм *feel right as rain*. Можно предположить, что логика данного выражения состоит в том, что дождь обычно падает по прямой линии. С компонентом «rain» (дождь) существует и фразеологизм, который значит сознательную порчу чьего-либо настроения или планов из вредности: *rain on somebody's parade* – специально испортить настроение, подпортить планы. Англичане очень любят парады и массовые гуляния, а дождь во время праздничного события может испортить шоу или шествие. Можно предположить, что фразеологизм *rain on smb's parade* (портить настроение, испортить парад) произошло как результат негативного отношения людей к дождю во время празднества. Фразеологическая единица *take the wind out of someone's sails* означает “лишить кого-то уверенности”. Обратимся к этимологии единицы: раньше если один корабль ловил ветер в паруса, то другому кораблю, находящемуся неподалеку, было труднее поймать попутный ветер.

Если человек испытывает чувство нервозности или тревожности, можно применить фразеологизм *someone is a bit windy*. Когда же кто-то раздражает, взвинчивает кого-то, допустимо использование фразеологизма *wind someone up*. Фразеологизм *welcome as snow in harvest* (букв. такой же желанный, как снег во время уборки урожая) значит, что кому-либо не рады; когда что-то происходит в неподходящий момент. Выражение *still before the storm* (штиль перед бурей, период спокойствия перед периодом большой активности) возникло в результате наблюдения моряков, что перед сильной бурей на море всегда наблюдается полный штиль, т.е. *still before the storm* – период затишья перед тем, как произойдет нечто бурное. Физическое состояние человека выражает фразеологизм *be lightning fast* – быть очень быстрым, молниеносным или фразеологизм *like greased lightning* – очень быстро, стремительно.

В башкирском языке человека, способного ходить или бегать очень быстро, описывает выражение *ел аяк*. Фразеологизм *ел етмәс* чаще встречается в башкирском фольклоре. Данное выражение употребляется по отношению к быстрой лошади. Башкирская лошадь отличается не только необычайной выносливостью и крепким телосложением, но и своей резвостью и быстротой. Фразеологизм *йәшен тизлеге менән* также обозначает быстроту (букв. со скоростью молнии).

Рассмотрим фразеологизм башкирского языка *акылыңды ел алһын* (букв. пусть твой ум унесет ветер). Если у человека плохая память, то ему могут сказать *акылыңды ел алһын*. Таким образом собеседник демонстрирует недовольство по отношению к плохой памяти говорящего. Данное выражение тесно связано с фольклором башкир. В башкирских песнях ветер помогает развеять печаль, доставляет вести разлученным влюбленным или же соперничает лирическому герою.

В китайском языке воин может описываться фразеологизмом 风林火山 (*fēng lín huǒ shān*), обозначающий «быстрый, как ветер; спокойный, как лес; свирепый, как огонь; неподвижный, как гора».

Дождь в Китае ассоциируется как с печалью, так и с радостью. Эмоциональное состояние человека выражает фразеологизм 云愁雨怨 – (букв. облако тоскует, дождь жалуется) – печальное настроение при разлуке. Эта связь усматривается также во фразеологизме 泪如雨下 (*lèirúyǔxià*) – (букв. слезы полились из глаз, как дождь) – рыдать в три ручья. Состояние ярости можно описать фразеологизмом 大发雷霆 (*dàfā léitíng*) – метать громы и молнии; впадать в ярость.

2. Фразеологизмы, выражающие характер и внешность человека.

Английское выражение *to weather a storm* означает испытать и выдержать трудную, но временную плохую ситуацию (так же, как и проходящий шторм). Многословного, нудного или скучного человека могут назвать *a long-winded person*. Молодую симпатичную

девушку, которая катается или только учится кататься на лыжах или сноуборде, могут назвать *a snow bunny*.

Сочетание же *pure as the driven snow* «чистый как первый снег» характеризует людей чистых и целомудренных. С древних времен в Британии белый цвет означал невинность и вечность. Белый цвет широко использовался в религии. Одежда друидов, позже священников, всегда белого цвета, что означает умиротворенность и чистоту.

В башкирском языке выражение *täuge ak karzai* значит (букв. как первый снег) «чистый, невинный». У башкир белый цвет был цветом праздника, неспроста праздничные юрты были именно белого цвета. Данный цвет связан с дневным светом и материнским молоком, молочные продукты у башкир были коллективным достоянием, занимали место общеродовой святыни.

В башкирской культуре ветер символизирует не только друга человека в тяжелые моменты жизни, но и отрицательные черты характера (хвастливость, легкомыслие, бездумность и т.д.). В башкирском языке в разговорной речи для выражения хвастливости человека используют фразеологизм *ел култык*. Обидчивого человека называют *ел теймәс ерәнә*. Человека, принимающего необдуманные решения, называют *ел як*. Выражение *башында ел уйнай кемдең* означает, что у кого-то в голове ветер бродит (о легкомысленном человеке). Фразеологизм *койрокто ел ыңғайына бороу* (букв. повернуть хвост по направлению ветра) означает держать нос по ветру. Об умелом, ловком человеке, который способен быстро найти выход из любой ситуации, могут сказать *кар өстөндә қазан қайнатыр*.

В китайском языке целый ряд фразеологизмов с компонентом «风 (fēng) (ветер)» означает талант, стойкость и благородство человека: 运斤成风 (yùnjīn-chéngfēng) – взмахом топора породить ветер (когда говорится о выдающихся способностях или умении мастерски делать что-то); 疾风劲草 (jí fēng jìng cǎo) – (букв. при сильном ветре [познаётся] стойкая трава) – настоящая стойкость проявляется в трудное время; испытание бедой – лучшая проверка; проявить стойкость, выстоять; стойкость; 风度翩翩 (fēng dù piān piān) – быть незаурядным и вести себя непринужденно. 翩翩 (piān) – непринужденный или свободный (о манерах); 风流倜傥 (fēngliú-tītǎng) – талантливый и непринужденный; 高风亮节 (gāofēng-liàngjié) – благородство и душевная чистота; 乘风破浪 (chéngfēng pòlàng) – (букв. пользуясь попутным ветром, рассекают волны) – смело двигаться вперед и достигать своих целей.

Благородство и ученость человека выражает и компонент «雪(xuě) (снег)»: 冰魂雪魄 (bīng hún xuě pò) – (букв. ледяная душа, снежная душа) – чистый и благородный. Данный компонент часто отражает стремление человека к учебе, выражает знание или незнание: 映雪读书 (yìng xuě dú shū) – (букв. [изучать книги] при свете, отраженном от снега) – о неудержимом стремлении бедняка к учёбе даже во время, когда не на что купить свечу; 冰雪聪明 (bīngxuě-cōngmíng) – очень умный человек; 粤犬吠雪 (yuèquǎnfèixuě) – (букв. собаки в Гуандуне лают на снег. В Гуандуне собаки лают на снег, потому что это редкое зрелище в этом субтропическом регионе) – кто мало знает, тот много удивляется; невежественный человек поднимает шум из-за того, что ему одному кажется странным.

Для описания вспыльчивого человека употребляется фразеологизм 烈火轰雷 (lièhuǒ hōng léi) – (букв. сильное пламя и раскаты грома) – вспыльчивый, темпераментный, страшный, грозный человек.

3. Фразеологизмы, связанные с характеристикой деятельности и образа жизни человека.

Образ фразеологизма *be snowed under work* (быть заваленным работой) связан с мягкими зимами в Англии, во время которых столбик термометра редко опускается ниже нуля, и нечасто идет снег. Снег для англичан нечастое явление и потому заметное и запоминающееся.

Метод мозгового штурма, при котором происходит коллективный поиск решений для различных задач, называют *brain-storm*. Данный метод используется в сферах, которые связаны с анализом информации, требующих изобретение новых продуктов и создания креативных идей. Фразеологизм *do a snow job* описывает ситуацию, когда кто-то пытается продемонстрировать знание престижной терминологии, чтобы выглядеть профессионалом в какой-нибудь сфере, в не в действительности им не являться.

Идиома *sell snow to the Eskimos* употребляется, когда продавец ловко продает что-то, что уже есть у клиента.

Выражение *see which way the wind is blowing* (букв. видеть в какую сторону ветер дует' (что будет дальше, разворот событий в будущем)) – ориентироваться в ситуации.

В башкирском языке существует выражение *елдең кайзан иҫкәнен белеу* (букв. знать, откуда ветер дует (причину, первоисточник)) значит ориентироваться в ситуации, в жизни.

Целый ряд башкирских фразеологизмов описывают, людей несерьезно относящихся к жизни и труду. Так, фразеологизм *елгә еленләп <бозга бызаулау>* значит прожить жизнь в пустых мечтах. Устойчивое сочетание *ел ягына кабык куйып [йәшәү]* (букв. жить, укрывшись от ветра древесной корой) означает жить беспечной жизнью, безответственно относиться к работе. Выражение *ел йотоу* (букв. глотать ветер) означает *болтаться без дела*. Следующее выражение *ел кыуыу* значит тратить время впустую. Трату сил на мелкие бытовые проблемы выражают с помощью фразеологизма *кул эле*. Весьма специфичным в башкирском языке является фразеологизм *мал эле кагылган*. Речь идет о человеке, уделяющем большое внимание скотоводству.

В китайском языке целый ряд фразеологизмов, выражающих жизнь в тяжелых условиях: 沐雨栉风(*mùyǔ-zhìfēng*) – (букв. мыть голову дождем и причесываться ветром) – жить в тяжёлых условиях; 经风雨，见世面 (*jīng fēngyǔ, jiàn shìmiàn*) – (букв. ветер и дождь (т.е. бури) испытать, на мир посмотреть) – испытать бури, пройти школу жизни; закалиться (побывать) в трудностях; идти по жизни навстречу бурям; 餐风宿雨(*cān fēng sù yǔ*) – (букв. питаться ветром и иметь ночлег (ночевать) на дожде) – о бедной или бродячей жизни; выносить тяготы пути.

По результату проведенной работы можно сделать вывод о том, что фразеологизмы с наименованиями природных явлений способны отражать самые разнообразные явления и отношения окружающего мира. При этом можно отметить антропоцентрическую направленность семантики проанализированных фразеологизмов английского, башкирского и китайского языков.

Фразеологический фонд английского, башкирского и китайского языков весьма велик. Исследовав фразеологизмы в разноструктурных языках, мы убедились, что лишь некоторая часть фразеологизмов имеет аналоги в двух других сопоставляемых языках. Другая часть фразеологизмов присуща только для одного языка, и это объясняется особенностями менталитета, быта, географического положения и исторического развития определенной страны.

Литература

1. Ураксин З.Ф. Башкорт теленең фразеологик һүзлеге. Яңыртылған, 2-се басма. – Өфө: Китап, 2006. – 344 с.
2. Федуленкова Т.Н. Фразеологическая единица как носитель и источник социокультурной информации // Культура и текст. Выпуск II. Лингвистика: Материалы Международ. науч. конф. Ч. I. – Барнаул, 1997. – С.145 – 147.
3. Шепелева Е.В. Особенности перевода фразеологизмов // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. – 2009. – № 11 (15). – С. 68 – 72.
4. Smith L.P. Words and Idioms Studies in the English Language. – Glasgow: Te, University Press, 1925. – 425 p.
5. 徐国庆. 现代汉语词汇系统论. 北京: 北京大学出版社, 1999. 125 页.

КОНЦЕПТОСФЕРА КОЛИЧЕСТВА В РУССКОМ И БАШКИРСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена характеристике концептосферы количества в разноструктурных языках. Описывается концептосфера количества в русской и башкирской лингвокультурах в сравнительно-сопоставительном аспекте, рассматриваются способы оформления категории количества различными средствами языка в языках сравнения с позиций когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: концептосфера, лингвокультура, концепт, картина мира, множество, количество.

Когнитивное направление, активно развивающееся в современной лингвистике, открывает перед учёными новые возможности исследования ментальных единиц – концептов, входящих в концептосферу национальной культуры.

Концепты, репрезентированные лексикой количества, в русской и башкирской концептосфере характеризуются яркими этническими особенностями, что позволяет рассмотреть универсальный концепт в призме национальных культур.

Впервые понятие «концепт» в отечественной лингвистике было упомянуто в статье С.А. Аскольдова (псевдоним С.А. Алексеева) «Слово и концепт», опубликованной в журнале «Русская речь» в 1928 г. «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода... Он может быть заместителем некоторых сторон предмета или реальных действий... Он может быть заместителем разного рода хотя бы и весьма точных, но чисто мыслительных функций. Таковы, например, математические концепты», – отмечает ученый [Аскольдов 1997; 269].

Однако «...понятие концепта, не успевшее получить соответствующего осмысления, на длительное время исчезает из отечественного лингвистического лексикона. Можно также предположить, что этот термин...не смог выдержать конкуренции, что объясняется, вероятно, и иноязычным происхождением первого, и отсутствием должного научного толкования» [Красавский 2008; 33].

В 80-е годы термин концепт начинает фигурировать в переводах трудов английских авторов (Т.А. Ван Дейка, Дж. Лакоффа, Ч. Филлмора, А. Вежбицкой и др.), а в российской лингвистической литературе с начала 90-х гг.

В настоящее время термин «концепт» утвердился в качестве основополагающего понятия в когнитивной лингвистике как наиболее употребительный.

Классифицированные по своим носителям, концепты образуют индивидуальные, макрогрупповые, микрогрупповые, национальные, цивилизационные, общечеловеческие концептосферы.

Само понятие «концептосфера» является одним из центральных понятий когнитивной лингвистики.

Д.С. Лихачев справедливо считает, что «концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство (оно имеет непосредственное отношение к языку и, следовательно, к национальной концептосфере), она соотносима со всем историческим опытом нации и религией особенно» [Лихачев 1993; 5].

З.Д. Попова и И.А. Стернин считают источником формирования концептов познавательную деятельность людей. «Концептосфера – область мыслительных образов, представляющих собой структурированное знание людей» [Попова, Стернин 2003; 19], «упорядоченная совокупность концептов народа, информационная база мышления» [Попова, Стернин 2007; 2010; 36].

Вся совокупность значений, передаваемых языковыми знаками определенного языка, образует семантическое пространство данного языка, которое необходимо разграничивать с концептосферой.

Сопоставление семантических пространств разных языков позволяет увидеть общечеловеческие универсалии в языковой картине мира, и в то же время позволяет выявить специфическое, национальное, а затем и групповое, и индивидуальное в наборе концептов и их структуризации.

В статье описываются способы языкового оформления категории количества и концептуальные блоки в башкирском и русском языках. Концепт количества является одним из основных концептов в башкирской и русской языковых картинах мира и репрезентируется через разные лексические группы единиц.

Рассмотрим концептуальные блоки, объединенные в концептосферу количества.

1. Количество – это точность, определенность. Разными языковыми и речевыми средствами количество представляется как определенное (*ике – два, утыз өс – тридцать три и т. д.*). Например: *Икене икегә кабатлагас, дүрт була. Дважды два четыре. Өстәлдә бер алма ята. На столе лежит одно яблоко.*

2. Количество – это неопределенность, неточность. Неопределенное представляется языковыми средствами, как *күп – много, аз – мало, озон – длинный, озак – долгий, несколько – бер нисә и т.д.* Например: *күп эш эшләнде – много работы сделано.* В башкирском языке, кроме языковых средств, неопределенность передает также окончание множественного числа: *-лар/-ләр* и его фонетические варианты: *Коштар кайтты. Птицы прилетели.* При этом на уровне языковой системы с помощью фразеологизмов обозначается чаще всего – неопределенное количество (*вагон и маленькая тележка – 'очень много', с три короба – 'очень много', с гулькин нос – 'чрезвычайно мало'* и т. п. на башк.: *бер ус – Всего горстка.*

3. Количество – это дискретное множество.

Дискретное множество (или совокупность объектов) – упорядоченное или неупорядоченное множество объектов. Лучше всего понять смысл дискретности можно через ее **противопоставление непрерывности**. Например: *время течет непрерывно с 7 утра до 7 вечера.*

4. Количество – приближительность.

В русском языке приближительное количество обозначается исключительно на речевом уровне, синтаксически, т. е. при помощи переменных сочетаний слов (*порядка двадцати, около десятка, примерно тридцать* и т. д.), а в башкирском языке обозначается как синтаксически, так и грамматически. Например: *Егермеләп кеше сыкты или Егермегә якын кеше сыкты. – Вышли где-то двадцать человек.*

5. Количество – это длительность, протяженность. Например: *Йылдар уззы. Годы пролетели. Көнө буйы йыр һуза. Целый день песню поет.*

6. Количество – это жидкая или сыпучая субстанция.

Субстанция – вода (водные пространства) льющаяся. Например: *Күп һыузар акты – много воды утекло* (значение: "Много времени прошло; произошло немало перемен с каких-либо пор"). *Күп һыузар акты, йәйзәр-кыштар алмашты, әммә бурһыктар менән һағызактар ғына түгел, кырмыскалар һәм хатта өкө лә бер-береһен гел яклашып йәшәйзәр, ти.* (Г. Ситдикова). «Много воды утекло с тех пор, много людей умерло, много родилось, много выросло и состарилось, еще более родилось и умерло мыслей» (Л. Толстой).

7. Количество – это обобщенность, собирательность.

Например: *Еләк бешкән сак еткәс, мәтрүшкә йыйыу мизгеле тыуа* (Р. Камал). *Как поспеют ягоды, наступает пора собирать душицу.*

8. Количество – это родо-видовая отнесенность. Например: *Сага – древнеисландское прозаическое повествование (БСЭ). Шәжәрә (гәрәпсә – агас) – ырыу-кәбилә тарихына бәйле вакигалар, нәсел-нәсәптәң таралыуы, ата-бабалар исемлеге теркәлгән кулъязма комарткы* (С. Галин).

9. Количество – это однократность/ многократность. Например: *Ул агаһын этәп ебәрзе. Он оттолкнул брата. Балалар кайтты. Дети приехали. Улар кайтып йөрөйзәр. Они часто приезжают.*

10. Количество – это расчлененность/ нерасчлененность. Например: *Аласык һалырга ағас алыу. Купить дерево для постройки летнего домика.*

11. Количество – это явления природы как собирательный объект.

Например: *Быйыл бәшмәктен күплеге, күктәге йондоз кеүек. В этом году столько грибов, как звезд на небе. Йырактан урман күренә. Издалека виднеется лес.*

12. Количество – это материальная ценность.

Например: *Уларзын аксаһы донъя. У них куча денег. Өс тингә эшләп тә йөрәмәйем. Заплатил сущие копейки.*

13. Количество – дистрибутивность.

Например: *И загадочны, и бедны, спят они, открывши рот (Н. Заболоцкий). На дорогу дали по пятьсот рублей. Гары, кызыл алмалар тулышып, бал тамызып ултыралар (Р. Камал).*

14. Количество – гиперболичность. (гиперболическое значение (крайне преувеличенный): *муйынындагы мәрийәндәре кып-кызыл; распивать чай.*

Анализ концептосферы количества в языках разных народов, как видим, показывает их сходство, что обеспечивает возможность переводов с одного языка на другой. Однако практика переводческой деятельности показала, что в образе мышления разных народов существуют отличия не только в составе концептов, но и в способах объединения их признаков друг с другом.

Национальная концептосфера складывается из совокупности индивидуальных, групповых, классовых, национальных и универсальных концептов, то есть концептов, имеющих общечеловеческую ценность. Именно наличие общих, универсальных концептов обеспечивает возможность взаимопонимания между народами. В то же время каждая нация имеет собственную шкалу мировоззрения, собственную шкалу ценностей. Каждая культура формирует свои стереотипы сознания и поведения, опирающиеся на собственное видение мира.

Литература

1. *Аскольдов С.А.* Концепт и слово. – М., 1997. – С. 267 – 279.
2. *Красавский Н.А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. – М., 2008. – 374 с.
3. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Известия АН СССР. – Серия литературы и языка. – 1993. – Т. 52. – Вып. 1. – №1. – С. 3 – 9.
4. *Попова З.Д., Стернин И.А.* «Слабые места» публикаций по когнитивной лингвистике (к проблеме унификации и стабилизации лингвокогнитивной терминологии) // Язык. Этнос. Картина мира. – Вып. 1. – Кемерово, 2003. – С. 16 – 23.
5. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. – М., 2007. – 314 с.
6. *Рудакова А.В.* Когнитология и когнитивная лингвистика. – Воронеж, 2004. – 80 с.

РЕДЬКИНА О.Ю., СЕЛЮТИН А.А., ОКОЛЕЛОВ Н.А.

Челябинский государственный университет

САМЫЙ УЗНАВАЕМЫЙ И ЦИТИРУЕМЫЙ... : ЦЕННОСТИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОПРОСОВ)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20238, <https://rscf.ru/project/22-28-20238/>

В статье приводятся результаты опросов, проведенных в 2023 г. среди школьников и студентов для выявления инвариантной и вариативной составляющей ценностей русской культуры, закрепленных в их языковом сознании.

Ключевые слова: лингвокультура, языковое сознание, ценности русской культуры.

Наше исследование нацелено на описание лингвокультурного образа гражданина России, в том числе системы культурных и исторических ценностей, общих для всех носителей русской лингвокультуры независимо от возраста, пола и иных социальных характеристик.

На наш взгляд, оптимальным способом получения информации такого рода является опрос. Респондентами стали 4812 человек в возрасте 16-22 лет: школьники старшего звена и студенты, получающие среднее профессиональное образование. Цель опроса – выявить перечень прецедентных феноменов русской культуры, представляющих, по мнению молодежи, особую ценность.

Опрос предваряла пояснительная записка, в которой акцент делался на не просто «объявленную ценность» феномена русской культуры, закрепленную в сознании респондентов в школе на уроках литературы, музыки, МХК и пр., а на цитируемость, узнаваемость, знакомство с ним каждого носителя русской культуры: «Это работает как пароль-отзыв: если вы, будучи за границей, туманным утром высунетесь в окно и крикнете: "Ёжиииик!", то практически у любого носителя русской культуры, находящегося в пределах слышимости, возникнет желание крикнуть в ответ: "Лошаааадка!". Пример специфический: в мультфильме "Ёжик в тумане" такого диалога нет. Но то, что он четко зафиксирован в нашем сознании, говорит о его знаковости для русской культуры. Мы ищем именно такие "пароли": факты русской культуры, которые являются знаковыми для её носителей и разошлись на образы, цитаты и мемы».

Опросник включал следующие вопросы: 1) Какие русские фильмы, на ваш взгляд, являются самым цитируемыми и узнаваемыми? 2) Какие русские мультфильмы, на ваш взгляд, являются самыми цитируемыми и узнаваемыми? 3) Какие русские песни, кроме гимна, знают и могут при случае напеть все носители русской культуры? 4) Какие русские литературные произведения являются самыми узнаваемыми и цитируемыми в русской культуре? 5) Какие русские произведения изобразительного искусства знают все носители русской культуры? Промежуточные результаты опроса (вопросы 1-2) представлены в статье [Редькина, Селютин 2023; 108-113], в целом они соотносятся с итоговыми результатами, поэтому в настоящей статье остановимся на ответах, полученных на 3-5 вопросы.

Ответы на вопрос: «*Какие русские песни, кроме гимна, знают и могут при случае напеть все носители русской культуры?*» – включают как названия песен, так и имена исполнителей. Наиболее упоминаемые песни: «Катюша» 1476, «Калинка» 326, «Я русский» 208, «Группа крови» 167, «День Победы» 159, «Вперед, Россия!» 142, «Кукушка» (без упоминания исполнителя) 105, в исполнении В. Цоя – 16, П. Гагариной – 7, «Конь» 70, «Белые розы» 59, «В лесу родилась ёлочка» 56, «Во поле берёзка стояла» 52, «Смуглянка» 48. Таким образом, большинство респондентов упоминает патриотические песни и песни о войне; меньшее количество голосов отдано народным песням (или считающимся таковыми: песни «Калинка» и «Конь» ошибочно относят к народным), композициям рок- и поп-музыки. Наиболее упоминаемые исполнители: О. Газманов 165, В. Цой или «Кино» 107, Shaman 78, «Король и шут» или «КиШ» 48, «Руки вверх» 46, Ю. Шатунов или «Ласковый май» 18; народные – 69. Таким образом, ответы на вопрос демонстрируют две тенденции: отражение актуальной социально-политической повестки, с одной стороны, и явный интерес респондентов к поп- и рок-музыке 1980-2000-х годов – с другой.

Ответы на вопрос: *Какие русские литературные произведения являются самыми узнаваемыми и цитируемыми в русской культуре?* – оказались достаточно предсказуемыми: «Война и мир» 1670, «Преступление и наказание» 743, «Евгений Онегин» 536, «Мастер и Маргарита» 264, «Мертвые души» 255, «Капитанская дочка» 235 (из них 11 – «Капитанская дочка»), «Горе от ума» 226, «Обломов» 149, «Муму» 124, «Отцы и дети» 115, «Бородино» 108. Все перечисленные тексты входят в школьную программу. Помимо собственно названий произведений респонденты указывали персонажей (в т.ч. Балконский, Чатский или

Чадский, София, Светригаев и др.), запомнившиеся сцены и образы (Андрей Болконский и дуб в 2 ответах, письмо Татьяны Онегину в 5 ответах), цитаты («Счастливые часов не наблюдают», «Тварь ли я дрожащая или право имею»), авторов. Многочисленные ошибки в написании имен персонажей, названий произведений, фактические ошибки (например: «известными образами из произведения являются главный герой Владимир Дубровский и его противник Кирсанов») свидетельствуют о слабом знакомстве с текстами произведений, неумении воспринимать большие объемы текстовой информации [Мосунова 2015; 69] и попытках написать ожидаемые, «желательные» ответы, что подтвердилось и в устных беседах с некоторыми респондентами после проведения опросов. Кроме того, респондентам могли подсказывать ответы, и пишущих подвели незнание названий и имен и фонетический слух. В пользу этого предположения говорят ошибки, связанные с неадекватным грамматическим членением: «В ополы береза стояла», «Счастливых чисел не наблюдаю» и т.п.

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляют ответы на пятый вопрос: *Какие русские произведения изобразительного искусства знают все носители русской культуры?* Бесспорным лидером среди произведений живописи является картина «Утро в сосновом лесу» И. Шишкина, далее наиболее упоминаемые в порядке убывания: «Девочка с персиками» В. Серова, «Богатыри» В. Васнецова, «Чёрный супрематический квадрат» К. Малевича, «Девятый вал» И. Айвазовского. В названиях картин, закреплённом в языковом сознании, также видна вариативность: утро в сосновом лесу 360, утро в сосновом бору 197, три медведя 151, мишки в лесу 138, мишки в сосновом бору 61, медведи в сосновом бору 20, сосновый бор 19, медведи в лесу 17, утро в лесу 13, мишки в сосновом лесу 10, в сосновом бору 7, три мишки 3, мишки в бору 3 и пр.; девочка с персиками 273, девочка и персики 26, девушка с персиками 10 и пр.; три богатыря 445, богатыри 158, богатыри на распутье 1, 33 богатыря Пушкин 1; чёрный квадрат 257, квадрат 114.

Помимо произведений живописи респонденты упоминали архитектурные сооружения, памятники и скульптуры, плакаты. Самыми упоминаемыми архитектурными сооружениями стали Кремль 140, из них 36 – Московский Кремль; Эрмитаж 31 и Зимний дворец 22; собор Покрова Богородицы, что на рву (собор Василия Блаженного) в вариациях: собор Василия Блаженного 25, храм Василия Блаженного 18, собор имени Василия Блаженного 1, собор Покрова Пресвятой Богородицы на рву 1; мавзолей Ленина 11. Существенное количество ответов включает упоминания храмов (32) и соборов (56), в том числе храмов и соборов Московского Кремля, Санкт-Петербурга, городов Золотого кольца.

Среди скульптур и памятников чаще всего называли скульптуру «Родина-мать зовёт!» в вариациях: Родина-мать зовёт 198, Родина-мать 136, мать Родина 2, Родина зовёт 1; памятники В. Ленину 91; Памятник Петру I («Медный всадник») 75; «Рабочий и колхозница» 28; «Тыл – фронту»: тыл – фронту 18, тыл фронт 6, тыл и фронт 1, тыл фронта 1, некоторые респонденты отметили принадлежность памятника триптиху, посвящённому Великой Отечественной войне.

В числе плакатов названы «Родина-мать зовёт!» 33, «Ты записался добровольцем?» 4, «Нет!» 3. Плакаты упомянули 66 респондентов, и большая их часть указала не на конкретные плакаты, а на время или цель их создания. Так, были упомянуты плакаты СССР 7, пропагандистские плакаты 2, агитационные плакаты СССР 1 и агитационные плакаты 1917-1922 годов, плакаты времен Великой Отечественной войны 1, плакат на 1 Мая; один респондент упомянул плакаты Маяковского и один – «Окна сатиры РОСТА».

В ходе анализа результатов опроса мы выявили следующие особенности системы культурных ценностей респондентов:

1) тяготение к ретро-эстетике, проявляющееся в интересе к массовой культуре советского времени и 90-х годов XX века, а именно фильмам и мультфильмам 60-80-х и 90-х годов (подробно об этом см. статью [Редькина, Селютин 2023; 108-113]), поп- и рок-музыке 80-90-х годов и начала нулевых; очевидно, признание культурной ценности советской эпохи;

2) готовность воспринимать взаимосвязь фактов культуры и истории, проявляющаяся в том числе в акцентировании внимания на памятниках, посвященных Великой Отечественной войне;

3) сформированность устойчивых ассоциативных связей между произведениями вербального и визуального искусства (в терминологии И.В. Кондакова – литературоцентризм [Кондаков 2017; 8]) и, как следствие, вариативность наименований последних;

4) стереотипное представление о ценности текстов классической русской литературы.

Литература

1. Кондаков И.В. Русский литературоцентризм // Литература в системе культуры. к семидесятилетию профессора И. В. Кондакова : сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. – М., 2017. – С. 8-13.

2. Мосунова Л.А. К вопросу о понимании текстов классической литературы // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 6. С. 69-76.

3. Редькина О.Ю., Селютин А.А. Текстцентричность русской культуры и ее отражение в языковом сознании молодежи // Вестник Челябинского государственного университета. – 2023. – № 5 (475). – С. 108-113.

РОСТОВЦЕВА С.А.

Челябинский государственный университет

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА

Статья посвящена особенностям моделирования лингвокультурного типажа профессионального деятеля. Разработана трехуровневая модель, включающая исследование профессиональной самоидентичности, бытового сознания и модельной личности. Рассмотрены особенности самоидентификации профессионального деятеля «врач-хирург» на материале интервью со специалистами.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, моделирование, лингвокультурология, профессиональный деятель, самоидентификация, врач-хирург.

Теория лингвокультурных типажей возникла в рамках антропоцентрического подхода в начале 2000-х годов. В настоящее время лингвокультурологический анализ представляется одним из наиболее востребованных направлений современной лингвистики [Шерина 2012; 30]. В рамках исследования лингвокультурных типажей появилось огромное количество работ как теоретической, так и практической направленности; были разработаны различные подходы: лингвокультурологический, социолингвистический, прагматический, лингвокогнитивный, лингвоперсонологический. В рамках лингвокультурологического подхода, основанного на изучении взаимоотношений языка с культурой, этносом и народным менталитетом [Телия 1996; 216; Маслова 2001;28], лингвокультурный типаж представляет собой «узнаваемые образы представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества [Карасик 2009; 179]. В основе моделирования типажа находятся понятийная, ценностная и образная составляющие [Карасик 2007; 88], дополненные социокультурной справкой, которая включает внешние атрибуты, среду обитания, материальное положение, досуг, происхождение, возраст, описание речевых особенностей и сферы деятельности [Дмитриева 2007; 4].

Большое количество работ, посвященных моделированию лингвокультурных типажей, позволяет осуществить их классификацию и систематизацию. Так, исследователи предлагают разделить типаж на 9 тематических групп, включающих профессию, хобби, склад ума, стереотип, неявный прецедент, прототип, территориально ориентированный типаж, исторический персонаж, концепт [Дубровская 2017; 10], что в свою очередь ведет к

необходимости осуществлять моделирование с учетом специфических особенностей каждой группы.

Полагаем, что в качестве алгоритма моделирования типажа профессионального деятеля может быть предложен трехуровневый подход, в основании которого исследование профессиональной самоидентичности, центральная часть представлена бытовым сознанием, и на самой вершине находится модельная личность. Первый и третий уровни можно определить как образующие – т.е. являющиеся источником формирования представления о типаже (при этом на третий уровень имеет двустороннюю направленность, представляя материал для моделирования типажа, он и сам использует уже сложившееся представление).

Профессия является важной составляющей социальных характеристик, под которыми понимают «многообразные связи и отношения человека, возникающие в процессе его экономической, политической, социальной, культурной жизни» [Шерина 2012; 30]. Важным представляется взаимодействие не конкретных личностей, а конкретных социальных ролей [там же]. При моделировании лингвокультурного типажа исследование профессиональной самоидентификации играет важнейшую роль.

Цель настоящей работы – рассмотреть особенности профессиональной самоидентификации на примере профессионального-деятеля «врач-хирург». Для достижения поставленной цели необходимо выявить ценностные характеристики лингвокультурного типажа, представленного на уровне профессиональной самоидентичности. Материалом исследования послужили интервью врачей-хирургов, отобранные методом сплошной выборки из Интернет-источников: «Медиа Сфера», «Медвестник», «Аргументы и факты», «Наука и жизнь», «NGS55 Омск онлайн», «NGS24 Красноярск онлайн», «RG.ru» и др. Всего было отобрано и проанализировано 31 интервью (совокупно 370 000 печатных знаков), где интервьюируемыми выступали врачи-хирурги (всего 29 респондентов), которые высказывались о ценностных составляющих своей профессиональной деятельности.

В результате исследования были сформированы 3 тематические группы качеств, значимых для врача-хирурга, и составляющих основу ценностной характеристик лингвокультурного типажа «врач-хирург»: профессиональные (включая когнитивные, как важную составляющую профессиональной деятельности), морально-этические, волевые/психологические.

Прежде всего стоит отметить, что для хирургов свойственно некоторая степень дистанцированности от других врачей и выделение хирургии в обособленную область медицинских профессий. Так, 17,24% респондентов указывают на особый характер профессиональной деятельности и специалистов ее осуществляющих (*«Хирурги – публика специфическая, особый вид деятельности отражается на порядке принятия ими решений» М.И. Давыдов; «это удивительная профессия, в которую приходят особенные люди» А.Ю. Разумовский*).

Главным профессиональным качеством названо сочетание мануальных навыков и ментального процесса, представленное аллегорическим «голова и руки» («руки» фигурируют у 20,68% интервьюируемых, из них сочетание «руки и голова» отмечают 6,89%: *«У хирурга два главных инструмента, с которыми он работает — его голова и его руки» И.З. Вайсбейн*). Образ рук является характерным для отображения представления о хирурге, транслируя типовой, устоявшейся в культуре образ. Подобная отсылка имеет этимологическое обоснование, когда «хирургия» семантизировалась как «рукочиние, рукодействие» [Даль 1903; 1184]. Примечательно, что в рамках профессиональной самоидентификации образ «руки» скорее относится к понятийной составляющей, в сочетании с «головой» представляя *modus operandi* современного врача-хирурга.

Чрезвычайно важным для врача-хирурга представляется самосовершенствование – 34,48% указывают на необходимость постоянного развития («Совет мой — учиться, учиться и учиться» М.И. Давыдов; «Учиться нужно постоянно. Если ты прекращаешь учиться, то ты останавливаешься» А.Ю. Разумовский). Для самого врача-хирурга – это процесс, который не прекращается в течение всей жизни в профессии.

В группе морально-этических качеств доминирующим является полная самоотдача специальности, зачастую требующая определенной жертвы со стороны «врача-хирурга». Представление о жертвенности встречается у 20,68% респондентов и затрагивает: время, семью, финансы, репутацию, досуг («И я жертвовал всегда своим временем» Н.В. Стрижаков; «Я думаю, это дело святое. Врач должен быть патриотом, бессребреником» Б.В. Петровский; «Задача врача – биться за жизнь больного, а не думать о своей репутации» М.И. Давыдов). Примечательно, что в профессиональном сознании представление о работе связано с идеей подвижничества как ухода от мира, покаяния и очищения трудом [Неронова 2010] в его более глубоком осмыслении, нежели в бытовом сознании, где профессиональный труд включает аскезу в упрощенном понимании как отказ от материального вознаграждения.

Волевые качества составляют важную часть ценностной составляющей как с точки зрения бытового, так и профессионального сознания. Специалисты наиболее часто указывают на «решительность» как необходимое качество («Решительность – одно из самых важнейших качеств, необходимых хирургу» Н.В. Стрижаков; «Хирург» по характеру решителен, способен на поступок» А.В. Шумило), что можно объяснить нацеленностью на максимально качественное выполнение оперативного вмешательства.

Представление о хирургической деятельности в профессиональном сознании ассоциировано с высокой степенью психоэмоционального напряжения как со стороны специалиста, так и со стороны пациента. Среди специалистов невозможно выделить какую-либо доминирующую характеристику, однако все названные психологические качества указывают на стремление успешного проведения операционного процесса: «В такие моменты важно не поддаваться эмоциям и делать свое дело» А.Ю. Разумовский; «Хладнокровие – это тоже важная черта» В.И. Харитонкин. Таким образом, исследование профессиональной самоидентичности представляется информативным для моделирования лингвокультурного типажа профессионального деятеля.

Литература

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – URL: <https://www.prlib.ru/item/457657> (дата обращения: 08.04.2023).
2. Дмитриева О. А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века: автореферат дисс. ... д. филол. н. Волгоград, 2007. – 40 с.
3. Дубровская Е.М. Лингвокультурный типаж «человек богемы»: динамический аспект: дис. ... кан. Филол. наук. // Новосибирск, 2017. – 230 с. – URL: https://files.omsu.ru/about/structure/science/ont/dissovet/dm-212-179-02/folder3/Дубровская_диссертация_2017.pdf (дата обращения: 05.06.2023).
4. Карасик В. И. Лингвокультурный типаж / Язык. Текст. Дискурс. – 2007. – № 5. – С. 86-89.
5. Карасик В. И. Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
6. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208с.
7. Неронова М. Ю. Православное аскетическое подвижничество как реализация теологически осмысленной «Духовной технологии» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2010. – №4.
8. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. – С.94-97, 216-135.

РОЗЫСКНОЙ ДИСКУРС VS РОЗЫСКНАЯ ДИСКУРСИВНАЯ КАРТИНА МИРА

Статья посвящена рассмотрению понятия *розыскной дискурс* в динамическом аспекте, изучению особенностей его семиологического включения в модель *розыскной дискурсивной картины мира* в конце XVIII – начале XIX вв. Определены основные конструирующие черты розыскного дискурса: коммуникативно-прагматический императивный аспект, чёткое распределение полномочий между всеми участниками розыскного процесса, преемственность традиций модульного создания розыскных бумаг на разных территориях российского государства в конце XVIII – начале XIX вв. и т.д.

Ключевые слова: дискурс, розыскной дискурс, картина мира, розыскная дискурсивная картина мира, XVIII век, XIX век.

Понятие «*розыскного дискурса*» рассматривается в контексте пенитенциарной картины мира российского государства конца XVIII – начала XIX вв. как системная когнитивно-коммуникативная реализация типовых задач при проведении оперативно-розыскных мероприятий в указанный исторический период времени. Последние мы изучаем комплексно, вербализуя продукты этой деятельности как объекты розыскной дискурсивной картины мира, детально погружаясь в реконструируемую среду, постепенно преодолевая возможный семантико-когнитивный барьер (сложно идентифицировать личность человека по составленным словесным портретам) между всеми участниками розыскного дискурса.

Типовыми задачами в рамках дискурсивного подхода к описанию розыскного материала считаем шаблонные дискурсивные события, частотные для розыскного дискурса конца XVIII – начала XIX вв., ситуативно ориентированные в контекст социально-политического устройства российского государства:

- дискурсивное событие «информирование о пропаже»,
- дискурсивное событие «запрос информации»,
- дискурсивное событие «ответ на розыскное задание».

Все приведённые семантико-когнитивные и коммуникативно-прагматические элементы розыскного дискурса являются повторяющимися на территории всего российского государства, поскольку были необходимы для решения внутренних пенитенциарных задач конца XVIII – начала XIX вв., отражали специфику обычаев, норм и традиций в рамках одной национальной государственно-правовой системы. В роли доминантной текстосферы выступает *розыскной документ*, всегда создаваемый с учётом определённых моделей и понятий.

Безусловно, все дискурсивные события («информирование о пропаже», «запрос информации», «ответ на розыскное задание») в структуре розыскного дискурса конца XVIII – начала XIX вв. в пространственно-временной протяжённости существовали одновременно: так, дискурсивное событие «информирование о пропаже» связано с дискурсивным событием «запрос информации» линейным способом; дискурсивное событие «ответ на розыскное задание», в свою очередь, антонимично дискурсивному событию «запрос информации». Системное описание данных дискурсивных событий позволяет сформировать достаточно информативное представление о структуре розыскного дискурса в конце XVIII – начале XIX вв., а значит, подтвердить или опровергнуть гипотезу, сформулированную для настоящего исследования: розыскной дискурс, являясь многомерной единицей дискурсивной картины мира, описывает часть пенитенциарного пространства российского государства с позиций объективности и верифицируемости, сохраняет императивную модальность, содержит некоторые частнооценочные значения.

Конечно, детальное рассмотрение дискурсивных событий («информирования о пропаже», «запроса информации», «ответа на розыскное задание») в структуре розыскного

дискурса конца XVIII – начала XIX вв. предполагает сосредоточение на идентифицирующих характеристиках каждого из них. Такой комплексный подход и помогает репрезентировать модель розыскного дискурса, вписанную в контекст определённой дискурсивной картины мира.

Рассуждения о природе розыскного дискурса невозможно без интерпретации основных черт, формирующих структуру розыскного дискурса конца XVIII – начала XIX вв., иллюстрирующей розыскную дискурсивную картину мира:

- коммуникативно-прагматический императивный аспект (идея ‘я отправляю розыскную информацию далее – прошу принять их к сведению и запустить розыскной процесс’, реализованная в дискурсивном событии «информирование о пропаже»; идея ‘я отправляю розыскную информацию далее – прошу предоставить обратную связь’, реализованная в дискурсивном событии «запрос информации»; идея ‘у меня есть сведения о розыскной ситуации – я предоставляю обратную связь, примите к сведению’, реализованная в дискурсивном событии «ответ на розыскное задание»);

- чёткое распределение полномочий между возможным инициатором трансляции розыскной информации, адресантом и адресатом/-ами при сохранении контроля в компетенции делегирующего и получателя;

- пенитенциарная среда формирования и развития розыскного дискурса, который обладает отражательной способностью, сохраняя в пространно-временном континууме сведения о принципах организации оперативно-розыскной деятельности;

- преэминентность традиций модульного создания розыскных бумаг на разных территориях российского государства в конце XVIII – начале XIX вв., формульных и структурно-содержательных особенностей (алгоритмов) выражения волеизъявления;

- социальная значимость и императивность (категоричность, безусловность) установленных правил фиксации в рамках отдельного документа розыскной информации;

- должностная субординация при реализации розыскной коммуникации;

- общее «ядро» понятийно-терминологической системы (лексико-тематическая группа «розыск», так или иначе репрезентированная в каждом типе текстов.

Таким образом, «розыскной дискурс» исследуется нами как особый коммуникативный элемент правовой реальности (розыскной дискурсивной картины мира), встроенный в качестве исторической нормосистемы, связанной синхронно или асинхронно с внеязыковой реальностью и состоящей из типовых дискурсивных событий. Последние всегда реализуются через систему оперативно-розыскных мероприятий в указанный исторический период времени. Процессы правообразования и правоформирования, правового регулирования и правового развития конституируются в многомерной проекции:

- *горизонтальной* (так проявляется зависимость сюжета от времени при моделировании розыскной ситуации от общемодалальной системы типов текстов),

- *вертикальной* (так в определённый момент времени, эксплицируется строго заданный набор языковых средств, единый для всех жанров розыскного дискурса).

Далее обратимся к теории З. И. Резановой [Резанова 2011; Картины русского мира 2011], которая определила ход настоящего исследования, сформировав методологическую базу интерпретации понятия «дискурсивная картина мира», эксплицировала многомерный подход к анализу указанной когнитивной системы. Ключевым оказывается понятие коммуникативной деятельности между всеми субъектами пенитенциарной политике в области экспликации ситуации розыска. Каждый участник розыскной коммуникации понимает, что от его действий зависит поиск человека, его успешное завершение).

Таким образом, мы постепенно переходим от описания языкового моделирования, обусловленного спецификой розыскного дискурса конца XVIII – начала XIX вв., от описания дискурсивной картины мира как системы, направляющей вектор интерпретаций человеком мира пенитенциарных отношений к исследованию условий формирования розыскной дискурсивной картины мира в совокупности с внеязыковыми факторами (что способствовало появлению и активному развитию жанров розыскного дискурса в указанный

исторический период времени), детерминирующими их появление и функционирование. А именно – социокультурным контекстом (тяжёлые природно-географические условия, длительная продолжительность этапирования, отсутствие мест для ночлега и отдыха, необходимость устройства помещений для приготовления и приёма пищи, сложность организации питания и т.д.) и психологическими установками коммуникантов (тяга к перемене мест пребывания, нежелание пребывать в местах заключения).

Таким образом, дискурсивный анализ призван смоделировать дискурс (в нашем исследовании розыскной) как «реальное речевое взаимодействие, предполагает учёт активной позиции адресата/-ов, проявляющейся в том числе и вприятии или отрицании формируемой картины мира» [там же: 85].

Литература

1. Резанова З.И. Языковая и дискурсивная картина мира – аспекты соотношений // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2011. – Вып. № 3. – С. 184–194.
2. Картины русского мира: современный медиадискурс / З. И. Резанова, Л. И. Ермоленкина, Е. А. Костяшина и др.; Ред. З. И. Резанова. – Томск: ИД СК-С, 2011. – 288 с.

САМИГУЛИНА Ф.Г.

Южный федеральный университет

ДИНАМИКА ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ И СОВРЕМЕННЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В статье рассматриваются языковые средства актуализации гендера в русской лингвокультуре. Анализируются современные окказиональные феминитивы, приводятся варианты их словообразования, исследуется гендергэп как средство выражения гендера в языке и демонстрируется специфика его употребления в речевой коммуникации в рамках русской лингвокультуры.

Ключевые слова: лингвокультура, гендерная идентичность, феминитив, маскулятив, гендергэп.

Существование различных гендерных моделей в разных лингвокультурах и сопряженной с ними гендерной стереотипизации, а также способы и средства репрезентации гендера в языке и речевой практике продолжают оставаться дискуссионными и анализируются специалистами разных научных областей. В настоящее время эта тема достаточно активно исследуется и в русле прикладной лингвистики, поскольку в современном обществе, особенно западном, появилась потребность в том, чтобы обратить внимание на проблемы различных меньшинств, в том числе женщин, трансгендеров (людей, чей биологический пол не совпадает с репрезентируемым ими гендером) и небинарных персон (людей, чья гендерная идентичность выходит за рамки дихотомии «мужчина – женщина»), в связи с чем стало важно их дифференцировать в речевом общении. В отечественной лингвистике данный вопрос также находит свое отражение в исследовании как уже имеющих в русском языке средств выражения гендерной принадлежности в речи носителей современного русского языка, так и новых, достаточно активно создаваемых в последнее время в рамках интернет-коммуникации. Помимо этого, актуальность изучения языковых способов реализации гендера обусловлена необходимостью определения места говорящего в современной гендерной системе в контексте разных лингвокультур. Целью работы – выявление и характеристика языковых средств реализации гендера, используемых в коммуникативном процессе. В качестве предмета исследования рассматриваются употребляемые в сетевом общении современные окказиональные феминитивы и гендергэпы для репрезентации гендера говорящего в русской лингвокультуре. Для достижения

поставленной цели были проанализированы дискурсивные практики либеральных, радикальных, интерсекциональных феминисток, трансгендеров и квиров и выделены причины употребления ими устоявшихся феминитивов и образования новых, а также мотивация и особенности использования гендергэпов в сетевой коммуникации. В качестве языкового материала для изучения и анализа послужила лексика, взятая из интернет-общения в социальных сетях (Вконтакте, Телеграм, Твиттер и т. д.) методом сплошной выборки. Отмеченная нами проблематика представляет значительный интерес для многих современных лингвистов, но при этом реже разрабатывается в социо- и психолингвистическом аспектах [Беркутова 2019; Буренкова 2020; Знаменская 2010; Кулинская 2021 и др.]. Часть ученых занимается изучением вопроса использования в современном обществе феминитивов и гендергэпов, причем последние исследованы в гораздо меньшей степени на материале русского языка. Тем самым, анализ научной литературы показывает, что проблема функционирования окказиональных феминитивов и гендергэпов в коммуникативном процессе в рамках русской лингвокультуры не является до конца изученной, поскольку далеко не во всех исследованиях можно встретить комплексный подход при разработке данного вопроса, учитывающий как лингвистический, так и социолингвистический анализ выделенного явления, демонстрирующий тем самым тесную взаимосвязь появления в коммуникативной практике различных нововведений для обозначения гендерной принадлежности с радикальными преобразованиями, происходящими в характере стратификации социумов разного типа.

Как известно, феминитивы – это слова женского рода, являющиеся альтернативными или парными аналогичным существительным мужского рода и обозначающие профессию или род занятий [Федотова 2016; 67]. Активное использование современных феминитивов было последовательно внедрено (в первую очередь в англо- и немецкоязычных лингвокультурах) представительницами феминистического движения, одной из целей которого являлось преодоление гендерного неравенства, выражающегося в доминировании мужчин в общественной жизни и отражающегося в языковой системе, путем построения гендерно-нейтрального языка, в котором мужчины и женщины были бы представлены в равной степени. Таким образом, чтобы подчеркнуть пол того или иного деятеля предлагалось использовать феминитивы как уже существующие в литературном языке, так и неологизмы. Следует заметить, что на данном этапе наблюдается раскол в указанном общественном движении, поскольку часть его представителей (так называемых либеральных феминисток) отказывается от употребления окказиональных феминитивов, не соглашаясь применять по отношению к себе и другим женщинам такие слова, как *лауреатка*, *авторка*, *редакторка*, *космонавтка* и т.п. Более того, они ставили под сомнение необходимость выделения женщин среди всех деятелей, при этом используя в качестве аргумента тезис о том, что пол не оказывает влияния на профессиональные качества. Напротив, радикальные и интерсекциональные феминистки придерживаются другого мнения, считая, что среди всех людей, чьи профессии обозначены маскулятивами (названиями человека по роду деятельности в мужском роде), становится невозможным отличить женщину от мужчины, так как не всегда фамилия содержит показатели мужского или женского рода, в связи с чем в социуме возможно формирование представления о более объемном вкладе мужчин в развитие разных сфер деятельности, что в свою очередь будет способствовать укреплению гендерных стереотипов [Неронов 2021; Буренкова 2020]. При создании окказиональных феминитивов могут быть использованы следующие способы словообразования: суффиксальный (в большей степени), супплетивизм и изменение склонения маскулятива (в меньшей степени). Перечислим суффиксы, часто применяемые при образовании новых форм слова и способствующие выражению гендерной принадлежности [Беркутова 2019; 13–17]. Формант *-к(а)* является самым распространенным, так как он чаще других используется в словообразовании феминитивов в целом и считается не имеющим негативных коннотаций. При образовании окказиональных феминитивов наблюдается опора на словообразовательные модели польского языка, в котором существует

гораздо больше феминитивов, и все они были созданы с помощью данного суффикса. Формант *-и(а)*, отношение к которому менее однозначно, обладает известной коннотацией ‘жена деятеля’, тем самым женщина не воспринимается как самостоятельная личность («**Авторша** это жена автора как генеральша жена генерала и вообще это патриархальный токсично-маскулинный угнетающий феминитив ничо не знаю»). В связи с этим возникает слово *блогерка* на фоне устоявшегося варианта *блогерша*. Заимствованные форманты *-ис(а)* и *-есс(а)* гораздо менее продуктивны, но также достаточно активно используются в словообразовании («*авторесса рок-оперы «Орфей»*, *поэтесса и композитриса*») ввиду того, что часть окказиональных феминитивов может не всегда позитивно восприниматься на слух. Суффикс *-ин* чаще всего добавляется ко всей основе маскулятива (*филологиня, психологиня*). Данный формант не является одобряемым среди групп людей, не разделяющих феминистические взгляды, наряду с предыдущими суффиксами *-ис(а)* и *-есс(а)*. Форманты *щиц(а)/-чиц(а)/-ниц(а)*, имеющие пары, которые образуют соответствующие маскулятивы (*-щик/-чик/-ник*), являются частью основ устоявшихся феминитивов (*натурщица, заводчица, основательница*). Феминитивы, образованные супплетивным способом, – большая редкость, они используются в исключительных случаях, когда возникает необходимость создания феминитива, например, к слову *человек*. В таком случае возможны варианты – *человекиня* и *людия*, причем последний сформирован на основе украинского слова *людина*. Приведем примеры использования указанных вариантов лексем: «*Как **человекиня** которая ходит на психотерапию хочу сказать что я тоже раньше всегда старалась всем доказать свои взгляды...*»; «*И вообще, **людия** положила свою дикцию на алтарь борьбы с клятым патриархатом*». Достаточно редким является способ изменения склонения, предлагаемый в качестве аналога. В этом случае у маскулятива искусственно меняется род, из первого склонения слово переходит во второе «*Я тоже очень надеюсь, **ребенка** вообще очень талантливая, умная и милая...*». В качестве альтернативного способа экспликации гендерной принадлежности в языке предлагается новая словообразовательная модель – гендергэп (от англ. *gender gap, gender gap* – ‘гендерный пробел’), не относящийся к феминитивам, поскольку содержит в себе два слова – мужского рода и женского. По сути, гендергэпом называлось нижнее подчеркивание, отделяющее от основы лексемы ту часть слова, которая содержит в себе признаки грамматического рода (*ютубер_ша*) [Гузаерова, Косова 2017; 13]. Затем название собственно нижнего подчеркивания прошло процесс метонимизации, в результате которого появилось дополнительное значение этого слова. Теперь гендергэпами обозначаются формы слов, которые включают в себя маскулятив и суффикс и окончание феминитива, которые пишутся через нижнее подчеркивание или «звездочку», например: *актер, актриса – актр_иса / актр*иса; читатель, читатель_ница / читатель*ница*. Подобные новообразования в настоящее время популярны в Европе в дискурсивной практике носителей немецкого языка, в частности в университетской среде [Буренкова 2020]. Впервые данная форма была употреблена в статье Штеффена Китти Херманна в 2003 году, после чего получила распространение в европейских и американских феминистских кругах [Кулинская 2021]. Гендергэпы предпочитают использовать представители интерсекционального феминизма, который отличается тем, что защищает не только биологических, но и транс-женщин (от англ. *trans woman*), а также квилов (людей, способных свободно выбирать свою гендерную идентичность и отрицающих наличие только двух гендеров: мужского и женского) [На перепутье 2014; 300], таким образом, употребление двух вариантов слова в одном является, по их мнению, более гендерно нейтральным: «*Использование **штриха** означает не только упоминание двух полов <...>, но и всех других возможных гендерных идентичностей...*». В гендергэпах могут встречаться основы как устоявшихся феминитивов (*писатель_ница*), так и окказиональных (*автор_ка*). Также стоит упомянуть, что гендергэпы используются и в косвенных падежах, например: «*Художника_цу колумбо инофд затравил по выдуманым причинам за арты*». Несмотря на кажущуюся гендерную нейтральность, использование гендергэпа может задеть представительниц радикального феминизма, которые не признают транс-сообщество, то есть

не допускают существование небинарных персон, что демонстрирует следующий пример, взятый из сетевой коммуникации: «а гендергэп в обращении к **человеке**, которая четко дала понять в каком роде к ней обращаться, чтобы давать оным себе по е**лу за тупость?». Об окказиональных феминитивах ведется множество споров, однако гендергэпы тоже сложно назвать устоявшимися в языке формами, поскольку в их написании предлагаются разные варианты, в частности через слэш: «Оказывается, в словах типа **автор_ка** называет гендергэп и еще включает небинарных а **автор/ка** не включает...». Как считают представители меньшинств, «написание окончаний через нижнее подчеркивание (гендергэп) более инклюзивное, чем через слэш, так как оно подразумевает сразу множество возможных опций, а слэш – «либо одно, либо другое». Подобная дифференциация оказывается полезной на практике, например, автор высказывания «Поздравляем всех наших **подписчи_ц** лесбиянок!!» ставит цель поздравить не только лесбиянок, относящихся к биологическим женщинам, но и транс-женщин или небинарных персон.

Подводя итоги, отметим тот факт, что настоящее время представленные языковые средства находятся на этапе становления и являются важным предметом исследования в социолингвистике. При этом применение в интернет-пространстве гендергэпов с целью актуализации гендерной идентичности в современной русской лингвокультуре в большей степени характерно для письменной коммуникации.

Литература

- Беркутова В.В. Феминативы в русском языке: лингвистический аспект // Филологический аспект. 2019. – №1(45). – С.7-26.
- Буренкова С.В. Неологизмы немецкого языка: тематика, лингвистические особенности, перевод // Вестник ОмПГУ. – 2020. – №1(26). – С.59-63.
- Гузаерова Р.Р., Косова В.А. Специфика феминитивов в современном русском медиа-пространстве // Филология и культура. – 2017. – №4. – С.11-15.
- Знаменская Т.А. История становления гендерной теории в контексте социолингвистических концепций XX в. // Филология, языкознание, дидактика: теория и методика исследований. – Екатеринбург, 2010. – С.74-84.
- Кулинская А.В. Влияние гендерной принадлежности на речь // StudNet [Электронный ресурс]. – 2021. – № 4. На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований: сборник статей / ред.-сост. А.А. Кондаков. – СПб, 2014. – 466 с.
- Неронов А.В., Неронова М.Ю. Понятия «гендер» в идеологии феминизма: философский анализ // Современные исследования социальных проблем. – 2021. – №3. – С.131-154.
- Федотова Т.В., Кулик И.В. Парадигматика и прагматика феминитивов в русском и английском языках // ЕСУ. – 2016. – №7. – С. 67-69.

САМСИТОВА Л.Х.

Институт стратегических исследований ГБНУ
«Академия наук Республики Башкортостан»

БЕЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Статья посвящена комплексному исследованию безэквивалентной лексики башкирского языка, национальная специфика которой заключается в самом лексическом, предметно-понятийном значении слова. Безэквивалентность рассматривается на уровне реалий и понятийной концептуализации мира. Отмечено, что безэквивалентную лексику можно считать на 100 % национально-специфичной, так как реалии и понятия свойственны только данной культуре.

Ключевые слова: лингвокультурология, лексика с национально-культурным компонентом значения, безэквивалентная лексика башкирского языка, реалии, понятия.

Данная статья посвящена рассмотрению и изучению безэквивалентной лексики башкирского языка как одной из ключевых единиц лингвокультурологии. Согласно В.В.

Воробьеву, «лингвокультурология – комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления» [Воробьев 1997; 36].

Важнейшей задачей лингвокультурологии и ее характерной отличительной особенностью является системное представление культуры народа в его языке [Саяхова 2010; 74].

По мнению В.А. Масловой, предметом исследования в лингвокультурологии должны стать: слова и выражения, служащие предметом описания в лингвострановедении (безэквивалентные языковые единицы, лакуны), мифологизированные языковые единицы (архетипы и мифологемы, обряды и поверья, ритуалы и обычаи, закрепленные в языке), паремиологический фонд языка, фразеологический фонд языка, эталоны, стереотипы, символы, метафоры и образы, стилистический уклад разных языков, речевое поведение, речевой этикет [Маслова 2004; 37 – 47].

Одним из базовых понятий лингвокультурологии является безэквивалентная лексика, обозначающая специфические реалии и понятия национальной культуры. Под безэквивалентной лексикой понимают лексические единицы, не имеющие словарных эквивалентов в одном из сопоставляемых языков. Безэквивалентная лексика выявляется на уровне реалий и понятий.

Существует двойное понимание реалии: 1) реалия – это «предмет, понятие, явление, характерное для истории, культуры, быта, уклада того или иного народа, страны и не встречающееся у других народов»; 2) реалия – это «слово, обозначающее такой предмет, понятие, явление; также словосочетание (обычно фразеологизм, поговорка, пословица, присловье), включающее такие слова» [Краткая литературная энциклопедия, т. 6, 1971; 227].

С.И. Влахов и С.П. Флорин определяют реалии как «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу на «общих основаниях», требуя особого подхода» [Влахов, Флорин 1980; 47]. Например, *хоровод, частушка, русская (пляска), балалайка, палехская миниатюра; гармонь; калач, квас, пирог, каша* и др. Эту группу слов можно считать на 100 % национально-специфичной, так как реалии и их названия свойственны только данной культуре. Например, *скоморох, петрушка, щи, рассольник* в русском языке, *курай, кумыз, бишбармак, бауырһаҡ* в башкирском языке. Требуют особого внимания слова, не совпадающие в языках по объему значения. Например, отсутствие в русском языке специальных слов, передающих понятия «старший брат» и «младшая сестра», и, наоборот, отсутствие в башкирском языке слов-понятий «брат», «сестра» безотносительно к возрасту.

Слова, обозначающие реалии, принадлежат к безэквивалентной лексике, выявляемой в процессе перевода; они не переводятся на другие языки, и поэтому переводчикам, как правило, приходится прибегать к пространным описаниям или предлагать собственные неологизмы типа *каләпуш (каляпуш)* – женский головной убор с высоким верхом и опущенными до плеч полями, разукрашенный позументом, подвесками.

Как мы уже отметили, безэквивалентная лексика выделяется и на понятийном уровне, когда имеет место различие в категоризации мира тем или иным языком, то есть несовпадение понятийных центров (слов), отображающих один и тот же участок действительности. Например: *һөйөнсө (суенче)* – 1. Примерно соответствующее: радость! (произносится, когда сообщается о радостном известии, за которое обычно полагается вознаграждение). 2. Вознаграждение за радостное известие. Например: *Стайка мальчиков бросилась вверх по улице с криком:*

– *Нужно взять суенче у дедушки Галляма* (М. Гафури. Ступени жизни. С. 307).

Эта группа культурно окрашенной лексики самостоятельного значения не имеет, сближаясь, с одной стороны, с реалиями (по признаку полного отсутствия эквивалента – кроме родового понятия), с другой – с фоновыми единицами (по признаку специфики социально-культурной роли тождественного явления у разных народов). Болгарские исследователи реалий С.И. Влахов и С.П. Флорин не различают эти две разновидности культурно окрашенной лексики, считая возможным объединить их под общим наименованием «реалий» [Аверьянова 1981; 3].

Реалии и понятия, выявленные на материале художественной литературы, сгруппированы по следующим тематическим группам:

1. Административно-территориальные деления: *түбә (тюба)* – 1. Род в структуре родоплеменной организации башкир; *ырыу (ырыу)* I – 1. Род, потомство; *катай ырыуы* род катая.

2. Этнографические родо-племенные отношения: *ай (ай)* – племя в составе айлинской группы башкир, *мең (мин)* – племя в составе демской группы башкир, *шәжәрә (шежере)* – родословная, родословие; генеалогическое дерево и т.д.

3. Религиозная лексика: *Алла (аллах)* – имя Бога в исламе. Происходит от арабского слова «илах» (божество) и определенного члена «аль» и от арамейского «алаха»; *азан (азан)* – призыв с мечетей в известные часы дня к молитве и т.д.

4. Названия лиц: *бей (бий)* – 1. *Ист.*: титул мелких феодалов. 2. *Уст.*: вежливое обращение к мужчине; *истәк (истяк)* – название башкир в дореволюционное время, данное им казахами, киргизами и др.

5. Обряды, праздники: *карга буткаһы, каргатуй (карга буткахы, каргатуй)* – весенний женский праздник на горных склонах с ритуальными играми и чаепитием; *хабантуй (сабантуй)* – национальный весенний праздник (букв. праздник плуга). Проводится после окончания весеннего сева, перед косовицей; *әмә (омә)* – 1. Коллективная помощь (обычно в сельской местности); *каз әмәһе* коллективная помощь женщин и девушек по ошипыванию зарезанных гусей (сопровождаемая угощением и играми) и т.д.

6. Предметы домашнего обихода: *көбә (кобә)* – 1. Сосуд из полого ствола дерева высотой около метра, предназначенный для приготовления кумыса; *тәпән (тепен)* – 1. Плоская посуда из полого ствола дерева (для масла, меда); *хаба (хаба)* – кожаный сосуд с узким горлышком, сделанный обычно из лошадиной шкуры, для хранения и перевозки кумыса и др. жидкостей и т.д.

7. Национальная одежда, украшения: *кашмау (кашмау)* – женский головной убор, украшенный кораллами и серебряными монетами; *кушьяулык (кушьяулык)* – платок-покрывало (большой красочный платок, которым накрывались замужние молодые или средних лет женщины); *түбәтәй (тюбетейка)* – круглая или островерхая шапочка с вышитыми или ткаными узорами, *сарык (сарык)* – старинная обувь с кожаной головкой и суконным голенищем, украшенным узорной вышивкой и т.д.

8. Башкирские национальные блюда: *бишбармак (бишбармак)* – башкирское национальное кушанье из мелко накрошенного мяса и квадратно нарезанной лапши, приправленное крепким бульоном, луком и перцем; *казы (казы)* – 1. Сало конское, покрывающее брюшину и ребра. 2. Домашняя колбаса, приготовленная из цельной полосы конского сала; *кымыз (кумыс)* – питательный и лечебный напиток из перебродившего кобыльего (реже верблюжьего) молока; *корот (курут)* – высушенный твердый сыр (творог), приготовленный из острого кислого молока кипячением и выцеживанием и т.д.

9. Народное творчество: *әйтеш (айтыш)* – состязание-диалог сээнов в искусстве поэтической импровизации; *иртәк (иртяк)* – разновидность башкирского эпоса семейно-бытовой и исторической тематики, бытует в стихотворно-прозаической форме и т.д.

10. Музыкальные инструменты: *кумыз (кубыз)* – губной щипковый инструмент, относящийся к классу идиофонов; *дәмбәрзәк (дүмбурзак)* – музыкальный инструмент типа большого

барабана, относящийся к классу мембранофонов. Цилиндрическая деревянная бочка диаметром около 400 мм., высотой около 700 мм. Снизу натянута мембрана, к середине которой прикреплен пучок конских волос. При натягивании и опускании волоса издаются низкие, глухие звуки и др.

11. Военная лексика: *барымта (барымта)* – *уст.* набег на соседние племена с целью угона скота, похищения женщин и грабежа имущества; *карымта (карымта)* – норма обычного права тюркских народов, разрешающая кровную месть в случае убийства отца, брата или сына. Восходит к первобытно-общинному строю. У башкир карымта нашла отражение в древних эпических сказаниях “Акбузат” и “Кусяк-бий” [Башкортостан. Краткая энциклопедия. С. 330]; *азерна или азерна ян, азерна йәйә (азерна)* – *ист.* лук особо крепкого изготовления с использованием волчьей жилы, рога и т.д.

12. Мифологическая лексика: *толпар (тулпар)* – *миф.* крылатый конь; *юха (юха)* – *миф.* 1. Чудовище, змея, принимающая человеческий облик и похищающая девушек. 2. Лицемер, притворщик и т.д.

13. Домашние животные: *башмак (башмак) I* – телка, родившаяся весной, до годовалого возраста; *тыу харык (тыу сарык)* – пропустивший очередной окот овца; *ылак, бултерек (ылак, бультерек)* – козленок, родившийся летом и.д.

14. Названия объектов физической географии, в том числе и метеорологии, явления природы: *бакай* – *устар.* речной проток, речная протока; *рашкы* – мокрый снег с дождем; *урт* – степной или лесной пожар, *эңер* – вечерние сумерки; *ләйсән* – первый весенний дождь и др.

15. Названия месяцев: *мөхәррәм (мухаррам)* – название первого месяца мусульманского лунного года; *рамазан (рамазан)* – название девятого месяца мусульманского лунного года; *зөлхизә (зульхиджа)* – название двенадцатого месяца мусульманского лунного года и т.д.

16. Чин, титул человека, родственные отношения: *афак* – *устар.* очень высокий, наивысочайший; *уңгар* – *уст.* вооруженная стража хана; *уртак II* – форма обращения между посаженным отцом и матерью невесты и ее родителями; *тәксир* – *уст.* почтительное обращение к кому-либо; *һыйзаши* – гость (по отношению друг к другу); *коза* – *козагыйлык* 1) отношение родства между сватами; 2) *перен.* кумовство, семейственность и т.д.

17. Объем, величина, расстояние, промежуток времени: *кара IV (кара')* – единица измерения основы при тканье, около 6 метров; *мәзе* – промежуток времени (от заката солнца до наступления ночи); *тетем* – объем шерсти (которую можно растеребить за один раз); *тына* – промежуток времени от одной передышки до другой (при работе и т.п.); *урт* – полость между зубами и щекой; *эйем (ук эйеме)* – расстояние полета стрелы (от места пуска до места падения) и др.

18. Движение, труд человека: *агаклау* – *уст.* уведомлять кого о чем, сообщать кому что; *кузалау* – *уст.* украшать свинцовыми узорами (женские сапожки); *салымлау (тж. аяклау II)* – мотать, сматывать пряжу или нитки в моток определенной длины (например, в длину от ладони до локтя или от носка до колена); *урмакляу* – ползать на четвереньках (о ребенке); *уртлау* – набрать в рот жидкость и т.д.

19. Характер, состояние, внутренний мир человека: *ажарланыу* – 1) проявлять мужество, отвагу, бесстрашие; *ирк* – *уст.* внутренний мир человека; *йытыка* – *разг. шутл.* жеманница (о девочке, пытающейся походить на взрослую женщину); *кеселек* – уважительное отношение, почтение (к старшим по возрасту, должности) т.д.

20. Плата за пользование имуществом, используемая на благотворительные цели: *гәрнис* – плата (за пользование сепаратором, мельницей и т.п., обычно в виде обрабатываемого продукта); *вакыф* – *уст.* имущество, завещанное на благотворительные цели; *имәлтә* – имущество. скот, собранные родовой общиной или деревней для оказания помощи пострадавшему или нуждающемуся и т.д.

21. Завещания, воспоминания: *аманат* – 1) то, что доверено хранить как святыню; *васыятнамә* – завещание (письменное); *тәксир* – *уст. книжн.* воспоминания (письменные и устные) и т.д.

22. Эмоциональная лексика, речевые высказывания: *эпсен-төпсөн* – шуточные слова прибаутки, говорящиеся при ушибах детей для успокоения их боли; *төклө аягың менән!* – чтобы принесла счастье в дом! (добрые пожелания невесте, входящей в дом жениха во время свадьбы); *башы тишек* (т.ж. *һалам менән ябылған, түбәһе тишек, тишек түбәле*) – разг., шутол. понимает, знает язык (говорится о человеке другой национальности, знающем язык беседующих); *төпәй* – межд. употребляется при предупреждении ребенка в возможном падении; *илаһым* – межд. выражает удивление, восхищение, негодование, радость; *иншалла* – если будет угодно аллаху, если бог даст и т.д.

Фронтальный просмотр художественных произведений, научной и научно-популярной литературы о Башкортостане, отражающей историю, быт, обычаи, самосознание и духовность народа, показал, что в текстах на русском языке систематически употребляются слова из башкирского языка. Одни из них тюркизмы. Например: *Көрһән* – арабск. кур`ан, букв. чтение. Например: *Он был грамотный и хорошо знал коран* (С. Злобин. Салават Юлаев. С. 8); *шагбан* – название восьмого месяца мусульманского лунного года. Например: *Если злато-серебро и хлеб, испрошенный им долг, придут не позже месяца шагбан, эмир уже в будущем году сможет отправить за реку Итиль шесть-семь туменов* (А. Хакимов. Кожаная шкатулка. С. 293). Вторая группа слов свойственна только башкирскому языку. Например: *курай* – башкирский духовой музыкальный инструмент типа открытой продольной флейты. Например: *Файзулла, один из моих соучеников, мастерски играл на курае* (М. Гафури. На золотых приисках поэта. С. 128); *акман-токман* – поздний весенний буран с мокрым снегом. Например:

*Еще зима акман-токман пророчит,
Морозец злых позиций не сдает,
Но первый день весны на грани ночи
Уже свою мелодию ведет.* (А. Филиппов. Былое в памяти воскресло).

Итак, мы рассмотрели безэквивалентную лексику, без знания которой невозможно понять реалии и специфические слова-понятия других народов. Именно через безэквивалентную лексику мы постигаем культуру, обычаи, традиции народов. Определен состав и проведена классификация безэквивалентной лексики башкирского языка, а также систематизированы слова-понятия, отражающие специфику языковой картины мира башкирского народа. Все эти данные могут быть положены в основу дальнейших исследований по проблематике данной работы.

Литература

1. Аверьянова И.Е. К определению понятия национально-окрашенной лексики // Языковая норма и вариативность: Сб. научн. тз. – Днепропетровск, 1981. – С. 3 – 8.
2. Башкортостан. Краткая энциклопедия / Гл. ред. Р.З. Шакуров / Ред. кол. З.Г. Ураксин (пред.) и др. – Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 1996. – 670 с.
3. Башкортса-русса һүзлек / Яу. ред. З.Г. Ураксин / Төз. И.М. Агишев һ.б. – М.:Дигора, Русск. яз., 1996. – 884 с.
4. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереваемое в переводе. - Изд.4-е. – М.: «Р. Валент», 2009. – 360 с.
5. Воробьев В.В. Лингвокультурология. Теория и методы. – М., 1997. – 331 с.
6. Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А.А.Сурков, т.6. – М., 1971. – 1040 с.
7. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений, 2-е изд., стереотип. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 208 с.
8. Самситова Л.Х. Безэквивалентная лексика башкирского языка. – Уфа: Башк. энцикл., 2018. – 164 с.
9. Саяхова Л.Г. Методология и методическая система формирования лингвокультурологической компетенции тюркоязычных учащихся на уроках русского языка: Монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – 294 с.

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ МАНИФЕСТАЦИИ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ И АНГЛОСАКСОНСКИХ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Данная статья посвящена описанию языковой репрезентации семейных ценностей в восточнославянских и англосаксонских лингвокультурах. Исследование проводилось на примере категории «состав семьи» с целью определения доминантных признаков, которые, отражаясь в соответствующих лингвокультурах, обладают как универсальными чертами, так и национально-культурными отличиями.

Ключевые слова: семейные ценности, восточнославянские лингвокультуры, категория, открытость, нуклеарность.

Изучение языковой манифестации семейных ценностей в восточнославянских и англосаксонских лингвокультурах приобретает особенную актуальность на фоне глобализации современного мира. В условиях динамично меняющегося коммуникативного пространства, с появлением «новомодных» образцов семейного уклада происходит переосмысление, своеобразная «перезагрузка» интерпретации традиционных семейных ценностей в различных лингвокультурах. В этой связи особый интерес представляют исследования категорий в структуре семейных ценностей, в частности, категории «состав семьи», отражающей различные взгляды к восприятию традиционного семейного уклада в восточнославянских и англосаксонских лингвокультурах.

Важным шагом для понимания и определения состава семьи является этимологический анализ лексемы «семья». О.Н. Трубачев говорит о древности и спорадической представленности в славянских языках названий семьи в древнерусском и старославянском языках: «ст.-слав. сѣминь ‘авдрѣлодов мансіріум’ сѣмиѧ collect. ‘авдрѣлода мансірія’, др.-русс. сѣмиѧ ‘челядь, домочадцы, рабы’, ‘семья, семейство’, сѣминь ‘работник, слуга, домочадец’» [Трубачев, 2008; с. 222]. Домочадцами в современном толковании называют людей, постоянно живущих на правах членов семьи: «устар. Члены семьи; люди, живущие в доме на правах членов семьи; домашние» [БТСРЯ, 2000; с. 274]; *домочадство* – «домочадцы, слуги доморожденные, рабы» [ПЦСС, 2009; с. 150]. В этимологическом словаре М.Ю. Фасмера отмечено, что древнерусское сѣмиѧ означало «челядь, домочадцы, семья; муж, жена» [Фасмер, т. 3; с. 600].

Согласно этимологическим словарям английского языка [EDEL; The Cambridge Dictionary; The Longman Dictionary], впервые упоминание слова *family* (от лат. *familia* – “family servants, domestics, members of a household” (домашние слуги, домочадцы) было зафиксировано в XV веке и употреблялось для обозначения слуг и их хозяев. Современное значение *those connected by blood* (кровные родственники) появилось в начале XVIII в.

Употребление этой лексемы в качестве прилагательного со значением *those connected by blood* (кровный, семейный) было засвидетельствовано в 1807 г. Появление идиоматического выражения *in a family way* (беременная) зафиксировано в 1796 г. Словосочетание *family circle* (семейный круг) появилось в 1809 г.; *family man* (семейный человек; преданный жене и детям) – в 1856 г. Актуальное в наши дни словосочетание *family values* (семейные ценности) впервые засвидетельствовано в XX веке. Из этого следует, что развитие лексемы *family* шло как по пути расширения, так и сужения своего значения [Сергиенко, 2019; 52].

Сопоставительный этимологический анализ лексем – *семья* в древнерусском и старославянском языках и *family* в английском языке позволил установить, что изначально их значения объединяла универсальная категория «совместно проживающая общность кровных и/или некровных родственников» (рус. устар. Члены семьи; люди, живущие в доме на правах членов семьи; домашние) [БТСРЯ, 2000; с. 274]; *домочадство* – «домочадцы,

слуги доморожденные, рабы» [ПЩСС, 2009; с. 150]; англ. от лат. *familia* – “family servants, domestics, members of a household” (домашние слуги, домочадцы). Сопоставление данных этимологических словарей указывает на объективацию универсальности семантического признака ОТКРЫТОСТЬ (большой, расширенный состав семьи), как указания на включение всех проживающих вместе людей в состав членов семьи.

Идиоматика русского и украинского языков широко представлена употреблением разветвленной сети номинаций родства (*муж, жена, чоловік, дружина* и др.) и свойства в русском и украинском языках (*мачеха, зять, невестка, золовка, невістка, сват, сваха, свекруха* и др.) [Сергиенко, 2018; 134]. Это свидетельствует об объективации семантического признака ОТКРЫТОСТЬ в восточнославянских лингвокультурах на уровне образной (фразеологической) картины мира.

Во фразеологическом фонде британского и американского вариантов английского языка доминирует семантический признак НУКЛЕАРНОСТЬ, поскольку во фразеологических единицах используются почти исключительно термины первого старшего и первого младшего поколений (ср.: *father; mother; son; daughter*), тогда как второе старшее и младшее поколение (*grandmother, grandchildren*) в отличие от русской и украинской идиоматики, представлены единично или не зафиксированы вовсе.

По результатам психолингвистического эксперимента (ПЛЭ) в языковом сознании русских, украинцев, британцев и американцев категория «состав семьи» представлена семантическим признаком НУКЛЕАРНОСТЬ (диапазон ответов от 79 до 93 % по исследуемым лингвокультурам), что свидетельствует об универсальности восприятия семьи носителями исследуемых лингвокультур. Вместе с тем, представители русские и украинцы понимают семью и в другом значении, подразумевающем состав семьи как совокупность всех родственников, включающих дальних и некровных, проживающих и не проживающих вместе (54,04 и 53,7 % соответственно). Среди англоязычных респондентов такого мнения придерживается каждый десятый (12,5 % в британской лингвокультуре и 11,49 % в американской).

По данным лексикографии, фразеологии и ПЛЭ в восточнославянских лингвокультурах наблюдаются два семантических признака – НУКЛЕАРНОСТЬ и ОТКРЫТОСТЬ. В англосаксонских лингвокультурах такой тенденции не наблюдается и во всех исследуемых картинах мира сохраняется семантический признак НУКЛЕАРНОСТЬ.

Объективация полученных данных была проверена с помощью статистического анализа, согласно которому были составлены таблицы сопряженности наблюдаемых и теоретических (ожидаемых) значений психолингвистического эксперимента по выделенным доминантным в исследуемых лингвокультурах (Табл. 1, 2).

Таблица 1. Наблюдаемые (фактические) значения психолингвистического эксперимента

Категория СОСТАВ СЕМЬИ	Распределение по лингвокультурам, %			
	Рус.	Укр.	Брит.	Амер.
НУКЛЕАРНОСТЬ	9,93	10,65	47,62	51,15
ОТКРЫТОСТЬ	54,04	53,70	12,50	11,49

Таблица 2. Теоретические (ожидаемые) значения психолингвистического эксперимента

Категория СОСТАВ СЕМЬИ	Распределение по лингвокультурам			
	Рус.	Укр.	Брит.	Амер.
НУКЛЕАРНОСТЬ	30,48	30,95	29,05	29,52
ОТКРЫТОСТЬ	33,52	34,05	31,95	32,48

Для проведения дальнейшей процедуры было определено значение χ^2 (χ^2 104,250), указывающее, что между выделенными семантическими признаками категории «состав семьи» и типом лингвокультуры существует значимая связь. Далее была использована методика расчета стандартизированных остатков (SR), согласно которой значение в каждой ячейке таблицы не ниже +1,64 свидетельствует о наличии статистической связи между выделенным семантическим признаком и определенным типом лингвокультуры, значения в зоне ниже –1,64 указывают на отсутствие такой связи. Полученные значения представлены в Табл. 3.

Таблица 3. Стандартизированные остатки наблюдаемых значений психолингвистического эксперимента

Категория СОСТАВ СЕМЬИ	Распределение по лингвокультурам			
	Рус.	Укр.	Брит.	Амер.
НУКЛЕАРНОСТЬ	-3,71	-3,59	+3,52	+3,96
ОТКРЫТОСТЬ	+3,54	+3,42	-3,35	-3,77

Полученные значения стандартизированных остатков (SR) дают основания утверждать, что категория «состав семьи» эксплицируется в британской и американской лингвокультурах с преобладанием семантического признака НУКЛЕАРНОСТЬ и семантического признака ОТКРЫТОСТЬ – в русской и украинской лингвокультурах.

Таким образом, несмотря на то, что «наиболее распространенным типом современной семьи в России, на Украине, в Великобритании и США является так называемая нуклеарная семья, состоящая, как правило, из родителей и детей (не состоящих в браке)» [Сергиенко, 2018; с. 33], результаты проведенного комплексного исследования показали, что в восточнославянских лингвокультурах сохраняется приверженность традиционным ценностям, включающим понимание семьи как совокупности всех родственников, проживающих и не проживающих вместе. В англосаксонских лингвокультурах превалирует восприятие нуклеарности семьи, как узкого состава, включающего только близких родственников.

Литература

- БТСРЯ*: Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед. ; сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
- ПЦСС*: Полный церковно-славянский словарь. – М.: Отчий дом, 2009. – 1120 с. (репринтное воспроизведение издания 1900 г.).
- Сергиенко Н.А.* Формирование субсферы семья в русской и украинской лингвокультурах // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 2 (55). – С. 132–139.
- Сергиенко Н.А.* Лингвокогнитивные категориальные блоки в структуре лингвоментальной субсферы семья в русской, украинской, британской и американской лингвокультурах // Филологические науки в МГИМО. – 2018. – № 3 (15). – С. 32–39.
- Сергиенко Н.А.* Становление лингвоментальной субсферы семья в британской и американской лингвокультурах / Н.А. Сергиенко, Д.В. Грамма // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2019. – № 3. – С. 49–57.
- Трубачев О.Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. – Т. 3. – 800 с.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Прогресс, 1987. – Т. 3 Муза–Сят. – 832 с.
- EDEL*: The Etymological Dictionary of the English Language [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.etymonline.com> (дата обращения: 15.08.2023).
- The Cambridge Dictionary* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 10.08.2023).
- The Longman Dictionary* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 10.8.2023).

#МЫ_УШЛИ_ИЗ_ЗООПАРКА: ХЕШТЕГ КАК НОВЫЙ ВИД ФРАЗЕОЛОГИЗМА В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА И МЕДИАДИСКУРСЕ

Статья посвящена анализу функций хештега на примере телеграм-канала «Зоопарк из слоновой кости». Авторы анализируют значения хештега, а также особенности его лингвистического употребления в указанном телеграм-канале, рассматривают структурные и семантические особенности хештега.

Ключевые слова: хештег, медиадискурс, ирония, телеграмм-канал, прагматическая роль.

Медиадискурс – это стихийно-развивающийся вид коммуникации, который характеризуется, прежде всего, направленностью на читателя. «Разница между устным и письменным сферами коммуникация в медиадискурсе стала размыта» [Velikova, 2021; 31]. В. В. Красных указывает, что дискурс может быть выражен через лингвистические средства и при помощи лингвокогнитивных аспектов, которые связаны «с языковым сознанием, обуславливает выбор языковых средств, влияет на порождение (и восприятие) текстов, проявляясь в контексте и пресуппозиции (дискурс как процесс)» [Красных, 2003; 114].

Быстрое развитие медиадискурса влечет за собой появление новых видов и типов медиа, которые завоевывают внимание аудитории. Телеграм-каналы (тг-каналы) становятся альтернативой новостным сайтам, поскольку представляют информацию быстро, основываясь на официальных источниках, инсайдерской информации, представляют мнение экспертов, дают возможность оставить комментарий, развернуть дискуссии, при этом сохраняя высокую степень конфиденциальности. Изучение специфики функционирования ТГ-каналов помогает выявить принципы организации информационных сообщений, а лингвокультурный анализ средств позволяет привлечь внимание потенциальных подписчиков.

Глобализация, мультикультурализм, технический прогресс влияет на организацию и формы представления медийных каналов. «В связи с этим актуализируется необходимость изучения языковых особенностей медиатекстов, распространяемых на новых цифровых платформах» [Градюшко, 2022; 98].

Социальные сети – это не только информативные каналы, но и развлекательные. Основным критерием успешности работы канала является количество подписчиков, которые читают и реагируют на новые новостные сообщения. Основная задача создателя канала – это привлечь внимание, поэтому авторы используют набор языковых средств, чтобы заинтересовать читателей и сделать содержание не просто информативным, развлекательным, но и понятным для своей целевой аудитории. Это одна из причин, почему языковые нормы не всегда соблюдаются.

Появление и «широкое распространение спонтанной устной речи в СМИ является характерным явлением для медийного дискурса» [Соколова, Воробьев, 2015; 74].

Презентацию сообщения в телеграм-каналах невозможно представить без хештегов. Роли и классификация хештегов подробно изучается в последнее время [Щуриной, 2015; Ларионова, 2021, Селеменова, 2023, и др.].

Хештег – это, прежде всего, знак, символическая комбинация, состоящая из символа решётки (#) и последующего слова с нижним подчеркиванием (_). Для подробного изучения и анализа прагматических особенностей хештегов ТГ-каналов был выбран канал «Зоопарк из слоновой кости», на момент написания исследования подписчиков было 12,5 тысяч. Основная задача канала – «Руководство по выживанию в науке, полезные советы

начинающим, новости из научной жизни и просто «околонаучный треп». Выбор канала обусловлен, во-первых, предоставлением информации о событиях в сфере науки, во-вторых, особым способом представления информации, а именно сочетание иронии, юмора и фактов.

Все хештеги относятся к определенной рубрике, чтобы читатель смог ориентироваться в информационных потоках и найти необходимое сообщение. Следует отметить, что у каждого сообщения есть свой хештег, который определяет тему сообщения. Тема может состоять из одного, двух и трех хештегов, тем самым обозначая и конкретизируя информацию. При этом первый хештег задает тему рубрики, второй добавляет информацию, а третий, если необходимо, конкретизирует сообщение. Например, «#дорогая_редакция» – сообщение от подписчиков или других каналов, «#историческое#обозревая_происходящее» – сообщение с экскурсом в историю; «#обозревая_происходящее#зоопарк_одобряет#дорогая_редакция» – актуальная информация о достижениях в сфере науки со ссылкой на официальный источник. Проведя количественный анализа за период с 01 июня 2023 по 01 июля 2023, можно увидеть, что 82 случая употребления одного хештега, 32 – двух и только 2 случая использования трех хештегов.

Хештег можно сравнить с фразеологизмом, который «в полной мере осуществляет возможность человека выразить свое отношение к происходящему в мире» [Ковшова, 2009; 5]. Обратимся к видам хештегов, которые присутствуют в рубриках. Проведя анализ по каждой рубрике канала, можно сказать следующее, что хештеги присутствуют в начале сообщения как:

1. Сращения, «#возвращаясь_к_прочитанному»,
2. Выражения «#мы_ушли_из_зоопарка»,
3. Единства «#их_нравы», «асы-пиара», «#и_тебя_научат»
4. Сочетания «#дорогая_редакция», «#дружеский_пиар».

Также следует выделить

Субстантивные – #партнерский пост, #конференции, #фейспалм;

Глагольные – «#и_тебя_научат», # зоопарк_одобряет;

Адвербальные #обозревая_происходящее;

Междометные #ну_хоть_что_то_хорошее.

Главная особенность названий – это неожиданный эффект, который они вызывают, а именно иронический подтекст, который они несут. «Поскольку в языке не существует четко закрепленных средств выражения иронического смысла – словарное пространство иронии неограниченно [Карасик, 2007; 435].

Например, сочетание «Крамольные мысли». «Крамола – (устар.). Заговор, мятеж, а также (перен.) о чём-н. противозаконном, запрещённом (словарь С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой). Крамольная мысль – мысль-протест, бунтарская мысль. Учитывая научную направленность канала, здесь следует ожидать неожиданно смелых мыслей, которые противоречат языковым нормам и принципам, собственные мысли и комментарии автора о происходящих событиях, которые могут отличаться от мнения официальных источников. Причина появления новых сочетаний Мокиенко В.М. объясняет «востребованностью Слова в новых социальных условиях. Слово стало действенным, и потому оно уже необходимо...» [Мокиенко, 2012; 59].

«Дружеский пиар» – сочетание, которое предлагает информацию о других каналах. «Пиар – это процесс коммуникации между организацией или индивидуальным лицом и их аудиторией с целью создания, поддержки и укрепления имиджа, общественного мнения или стимулирования продаж». Прилагательное «дружеский» указывает на единую тематическую направленность и одобрение автором – администратором канала – другого телеграм-канала.

«Их нравы» – употребление во множественном числе означает, «Обычай, общераспространенные привычки, уклад общественной жизни. «Нравы нашей старины». Такое сочетание предлагает информацию из зарубежных источников. Местоимение «их» иронически подчеркивает отчужденность между «наше» и «ваше».

«Пост по регламенту» – «пост»: от англ. «сообщение», которое подразумевает следование языковым нормам в сочетании с существительным «регламент» иронически подчеркивает, что данное сообщение будет следовать всем правилам.

Хэштег «Мы ушли из зоопарка». Данная тема содержит юмористический подтекст, автор приводит карикатуры, шутки, смешные видео, мемы. Прошедшее время глагола «уходить» свидетельствует о том, что автор возможно предлагает альтернативное мнение, подвергает критике рассматриваемый факт.

Фейспалм – Faceralm – популярное онлайн-выражение в виде жеста: "лицо, закрытое одной рукой", которое является проявлением разочарования, стыда, уныния, раздражения или смущения. Иностранное слово полностью отражает сообщение, о котором пишет автор.

«Плюшки молодым ученым», плюшка на молодежном сленге означает «приятный бонус, вознаграждение». Такое сочетание говорит с юмором о том, что этот пост пригодится молодым ученым.

Еще один хэштег «#по_писькам_читателей», словари относят это слово «писька» к арго, употребление сниженной лексики выполняет особую прагматическую функцию, создает юмористический эффект, в виду созвучности со словом «письма», тем самым воздействуя на массового адресата.

Таким образом, хэштег может считаться новым видом графического фразеологизма, так как он:

- поддается классификации фразеологизмов и выполняет схожие функции в языке тг-канала и других социальных медиа,
- выступает в роли слов и служит для обозначения рубрик, сообщений,
- при употреблении не меняется грамматическое значение,
- не меняется расположение компонентов,
- выполняет те же функции в языке (экспрессивность, образность, емкость),
- сохраняет свое значение (за каждым хэштегом закреплена тема сообщения),
- обладает авторской субъективной модальностью.

Н.Ф. Алефиренко подчеркивает, что «...устойчивые образные сочетания слов с обобщенно-целостным значением [фразеологизмы]» должны изучаться «в их современном состоянии и историческом развитии» [Алефиренко, 2004; 251]. Тогда, считая хэштеги графическими фразеологизмами, необходимо изучать их в языке здесь и сейчас.

Литература

- Velikova S.* The pragmatics of news actor labelling in media discourse: A case study. Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. – V.7 (4). – 31-43. – 2021.
- Алефиренко, Н. Ф.* Теория языка. Вводный курс. - М., 2004. - 368 с.
- Градюшко А.А.* Языковая специфика новостных медиатекстов в телеграм-каналах // Весті БДПУ. Серія 1.
- Карасик В.И.* Языковые ключи. В. : Парадигма, 2007. – 520 с
- Ковшова М.Л.* Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект): автореф. дисс...д-ра филол. наук. – М., 2009. – 49 с.
- Красных В. В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации: - М. : ИТДГК «Гнозис», 2001. – 270 с
- Ларионова М.В., Демкина А.В.* Хэштег как лингвокогнитивная единица испанского политического дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2021. – 12. (3). – С. 774—788.
- Мокиенко В. М.* Жизнь русской фразеологии в современной речи // СибСкрипт. 2012. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhizn-russkoy-frazeologii-v-sovremennoy-rechi> (дата обращения: 09.08.2023).
- Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. — 4-е изд., доп. — М., 2013.
- Селеменова О.А.* Хэштегирование в рекламных текстах международных гляцевых журналов // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2023. – №. 9(3). – С. 4-25.
- Соколова Н. В., Воробьев В. В.* Категория интенсивности в современном медийном дискурсе // Полилингвильность и транскультурные практики. 2015. №1.
- Щурина Ю.В.* Коммуникативно-игровой потенциал хэштегов // Вестн. Череповец. гос. ун-та. – 2015. – № 8 (69). – С. 100-104.

ДИНАМИКА СТЕРЕОТИПНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОДИНОЧЕСТВЕ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

В статье представлен анализ различных типов ассоциатов, полученных в результате проведенного свободного ассоциативного цепочечного эксперимента на слово-стимул «одиночество» в сопоставлении с данными ассоциативных словарей.

Ключевые слова: ассоциация, ассоциативный эксперимент, ассоциативный словарь, стереотипное представление, одиночество

При исследовании языкового сознания важную роль играет ассоциация как феномен человеческого восприятия мира. Ассоциации могут быть выражены языковыми единицами, связанными по формальным или логико-семантическим признакам. Методика ассоциативного эксперимента основана на предъявлении слов-стимулов и записи вербальных реакций испытуемых.

В русском языковом сознании выделяются различные фрагменты, включая вербализованное стереотипное представление об одиночестве, которое понимается как «устойчивая в национальном языковом сознании «мыслительная картинка» [Зиновьева, Абыякая 2014; 136]. Цель исследования заключается в рассмотрении динамических процессов и тенденций в стереотипных представлениях об одиночестве с 80-х годов XX века по настоящее время путем сопоставления результатов проведенного нами ассоциативного эксперимента (АЭ) с данными ассоциативных словарей русского языка (АС).

При анализе данных АС принимаем во внимание разные временные периоды проведения ассоциативных экспериментов: «Русский ассоциативный словарь» (РАС) [РАС 2002; 400] – с 1988 по 1990 годы, «Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС» [ЕВРАС 2014; 144] и «Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток)» (СИБАС) [СИБАС 2014; 277-278] – с 2008 по 2013 годы. В эти три словаря соответственно включено всего 100, 520 и 486 ассоциатов.

Совокупность ассоциатов в АС можно рассматривать как ассоциативно-вербальное поле человека (АВП). Ядерная зона АВП «одиночество» в ЕВРАС и СИБАС качественно почти совпадает, но различается количественно, при этом наиболее частотными в обоих словарях являются два ассоциата: *скука* и *грусть*. В языковом сознании носителей русского языка в позднесоветский период преобладают негативно-оценочные эмоциональные наречия как реакции.

Данные по зафиксированным в ЕВРАС и СИБАС ассоциатам пересекаются соответственно на 60,3% и 61,4% в зонах ядерной и ближней периферии АВП «одиночество». С учетом того, что словари ЕВРАС и СИБАС носят региональный характер, можно сделать вывод, что стереотипные представления об одиночестве не зависят от региона проживания информантов.

В проведенном нами АЭ приняли участие 115 респондентов-носителей русского языка. Испытуемым предлагалось за 10 минут назвать как можно больше слов, словосочетаний, пословиц/поговорок, строк из песен и/или стихов, названий персонажей и/или названий художественных произведений, кинофильмов и т.п., которые ассоциируются с понятием «одиночество». В результате было получено 513 реакций. На основе классификации типов ассоциаций А.П. Клименко [Клименко 1980: 10-11], заметим, что общая тенденция количественного изменения типов ассоциаций по АЭ не сильно отличается

от данных АС. Доминирующее место занимают тематические ассоциаты в АЭ, как и в АС, отсутствуют фонетические и грамматические ассоциаты.

В данных АЭ представлено фольклорно-поэтическое прилагательное *один-одинёхонек* как словообразовательный ассоциат на стимул, и в данных АС приведено числительное *один* и его грамматические формы – *одна* и *одно*, можно предположить, что ассоциативный потенциал стимула «одиночество» заключается в производных от него словах разных частей речи.

При анализе парадигматических ассоциаций можно заметить, что в ходе АЭ были приведены ассоциаты, семантически сходные или частично совпадающие по значению со словом-стимулом (напр.: *удинение, изоляция*), в то время как в данных АС помимо этого вида ассоциатов представлены ассоциаты, противоположные по значению со словом-стимулом (напр.: *единение, единство*). Что касается синтагматических ассоциатов, то следует подчеркнуть наличие притяжательного местоимения *мое* в качестве частотного ассоциата в данных АС для выделения принадлежности состояния одиночества. Это также реализуется грамматическим средством «имя существительное в форме единственного или множественного числа в родительном падеже» (напр.: *людей, любви, мыслей*), что отсутствует в данных АЭ, где зафиксированы возвратные глаголы, выражающие подавленное эмоциональное состояние (напр.: *страшиться, бояться*), тогда как в данных АС представлены переходные глаголы (напр.: *вынести, переносить*), и половина из них оценочно нейтральна. Можно отметить, что с течением времени респонденты более склонны выражать свои негативные эмоции. Синтаксические ассоциаты в основном реализуются путем составления законченных предложений из стимулов и реакций. Стимул «одиночество» в данных АЭ выступает в качестве подлежащего в предложении (напр.: *О. остро ощущается в старости; О.– хорошая штука, но нужно уметь им пользоваться*), а в данных АС используется в качестве и подлежащего (напр.: *О. – самая плохая вещь на свете*), и дополнения (напр.: *Не люблю о.; Не знаю о.*), что позволяет предположить, что представления о субъективном переживании одиночества встречаются реже.

Тематические ассоциаты составляют значительную часть реакций в АЭ, что позволяет использовать для анализа классификацию по тематическим группам (далее – ТГ). По данным АЭ и АС была проведена тематизация и выделены 16 и 15 ТГ соответственно, 15 из которых совпадают. Ассоциаты, обозначающие локус одиночества в пространстве, отсутствуют в языковом сознании наших респондентов. Доля большинства ТГ увеличилась, особенно это касается наименований животных и объектов ландшафта и физико-психических характеристик, что свидетельствует о тенденции к конкретизации ассоциативного потенциала одиночества в сознании респондентов. Ассоциаты, характеризующие эмоциональное переживание одиночества, относительно стабильны, что указывает на постоянство одиночества как аффективного состояния. Кроме того, в АЭ начали встречаться ассоциаты с культурными коннотациями. Изменения в остальных ТГ незначительны.

Количество типов прецедентных ассоциатов отличается в АС и АЭ: в АС зафиксированы 6 прецедентных имен и 1 прецедентная ситуация, в то время как в данных АЭ представлены 7 прецедентных имен (например: Карамзин, Герасим), 81 прецедентное высказывание (например: *Один в поле не воин; Просто встретились два одиночества*), 1 прецедентная ситуация (например: *Наполеон на острове Святой Елены*) и 59 прецедентных текстов (например: «Одиночество в сети» (роман), «Одиноким предоставляется общежитие» (фильм)). Следует отметить, что увеличение количества ассоциатов такого типа может быть обусловлена видом проведенного нами АЭ – цепочечным, при котором испытуемый не ограничен в количестве реакций и имеет возможность написать в анкете одну или несколько цитат.

На основе проведенного анализа, полагаем, что ассоциативный потенциал слова «одиночество» при сопоставлении данных АС и АЭ демонстрирует такие взаимоотношения различных типов ассоциатов, как пересечение, расхождение и лакуарность. В целом ассоциативно-вербальное поле «одиночество», смоделированное по данным нашего АЭ, имеет сходство с полями, зафиксированными в указанных АС.

Таким образом, сопоставительный анализ данных АС и АЭ позволяет сделать следующие выводы о динамике стереотипных представлений об одиночестве и наличии следующих тенденций:

1. Динамика стереотипных представлений об исследуемом стимуле незначительна, что позволяет предположить, что одиночество воспринимается как устойчивое, постоянно существующее эмоциональное состояние, на которое не сильно влияют социальное развитие и региональные различия. Неизменными остаются неактуальность фонетических ассоциатов для стимула «одиночество», незначительность словообразовательных и грамматических ассоциатов.

2. Наблюдаются тенденции: а) к неуклонному увеличению доли (на 23,45%) реакций тематического типа с большей конкретизацией и к доминированию данного типа ассоциатов в русском языковом сознании; б) к значительному увеличению прецедентных ассоциатов в связи с расширением когнитивной базы носителей русского языка, а также условиями проведения АЭ.

Литература

ЕВРАС – Русский региональный ассоциативный словарь – тезаурус ЕВРАС. В 2 т. От стимула к реакции. – М.: Московская междунар. акад., 2014. – 280 с.

Зиновьева Е.И., Абыяка О.В. Стереотипные представления о мерзнувшем человеке в русской языковой картине мира (на фоне китайского языка) // XLII Международная филологическая конференция, Санкт-Петербург, 11-16 марта 2013 г.: Избранные труды / Отв. ред. С.И. Богданов, Ю.В. Меньшикова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. – С. 135–143.

РАС – Русский ассоциативный словарь. Т. 1. – М.: АСТ: Астрель, 2002. – 781 с.

Клименко А.П. Проблема лексической системности в психолингвистическом освещении: Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. Мн., 1980. – 41 с.

СИБАС – Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток). Т. 1. – М.: Московский институт лингвистики, 2014. – 537 с.

СИРОТА Е.В., ПАРАХОНЬКО Л.В.

Бельцкий государственный университет им. «Алеку Руссо»

ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА-ГЕШТАЛЬТА «ФУТЛЯР» В ДИСКУРСЕ А.П. ЧЕХОВА

Исследуется доминантный гештальт-концепт «футляр» как способ концептуализации мира А.П. Чехова; выстраивается гештальт-концепт на основе психологического и семантического гештальтов. Такое описание открывает перспективу для структурирования мегаконцепта.

Ключевые слова: гештальт-концепт, футляр, когнитивная лингвистика, антропоцентрическая парадигма.

Согласно когнитивной лингвистике, природа знакового определяется сущностью незнакового (различных аффективных образований), в связи с чем знаковость реализуется в

процессах интертекстуальности; знаковость увеличивается. Об этом говорит и гештальт – сложная ментальная структура, упорядочивающая разнообразие отдельных феноменов в человеческом сознании; целостный образ, содержащий как чувственные, так и рациональные элементы, и аспекты явления, которые носят динамический и статический характер. Следовательно, гештальт может состоять из фреймов и сценариев.

Гештальт-концепт представляет собой конструкты ментально-эмоционального плана, которые могут ассоциироваться с определенным типом поведения и ситуациями. Если рассматривать феномен в более широком аспекте, то становится важным обратить внимание на то, что гештальт-концепт является собой некую психическую систему и может быть рассмотрен в качестве структуры, имеющей гносеологический и социальный смысл, а прежде всего – ролевую либо целевую направленность, наделенную автономией. Данная автономия проявляется в интенциональности и обсессивности (побуждениях при отсутствии их осуществления). [Фомина, Жуйкова, 2017; 41] Примерами гештальтов служат абстрактные концепты: очередь, игра, деньги, любовь, судьба и др. [Стернин, Быкова, 1998; 58].

Получается, что гештальт напрямую связан с психологией, т.к. имеет определенные морфо-физические основы и нейрофизиологические механизмы функционирования. Данная схематизация образа информации свидетельствует о том, что пять полюсов перцепции и интерпретации лексического посыла задают порядок его сбора и переработки: 1) тело, подвижность, динамика (физический полюс); 2) сердце, чувства (эмоциональный); 3) голова – знак креативности мышления (рациональный); 4) отношения с другими, культура (социальный); 5) человек в своем окружении – поиск смысла, этика (духовный) [Масколье, 2017; 104].

Так, психологический и семантический гештальты базируются на ассоциативности, тяготеют по своему значению к некоторым характеристикам стимула и группируются вокруг частотных реакций-концептов. Следовательно, типовые свойства референта описывают имя поля – стимул [Караулов, 2015; 16]. В связи с этим **целью** работы является рассмотрение объективации концепта-гештальта «футляра» в дискурсе А.П. Чехова, а именно на материале рассказа «Человек в футляре», что, в свою очередь, определяет **актуальность** исследования, т.к. данный аспект проблемы недостаточно освещен. Необходимо также подчеркнуть, что в нашей работе мы изучаем структурирование не только семантического гештальта, но и психологического.

Прежде всего важно отметить, что в рассказе «Человек в футляре» пространство существует как диада «учитель гимназии Буркин, рассказчик и учитель греческого языка Беликов, герой рассказа Буркина». Данные компоненты бинарности являются собой тело топоса; функционируют на двух противоположных уровнях повествования, что создает рамочную композицию произведения. Рассказчик и его герой – пара языковых единиц, обладающих семантикой оппозиционности, о чем свидетельствует их «противостояние» гносеологического опыта жизни: его метафоризация в виде природы, служащей неким футляром, оболочкой, внутри которой люди ведут существование (деревенский пейзаж), – и более бытийный, «телесный» футляр (провинциальный городок). Для большей наглядности представим модель повествования текста в тексте (Рис. 1). [Дарко, 2023; 3].

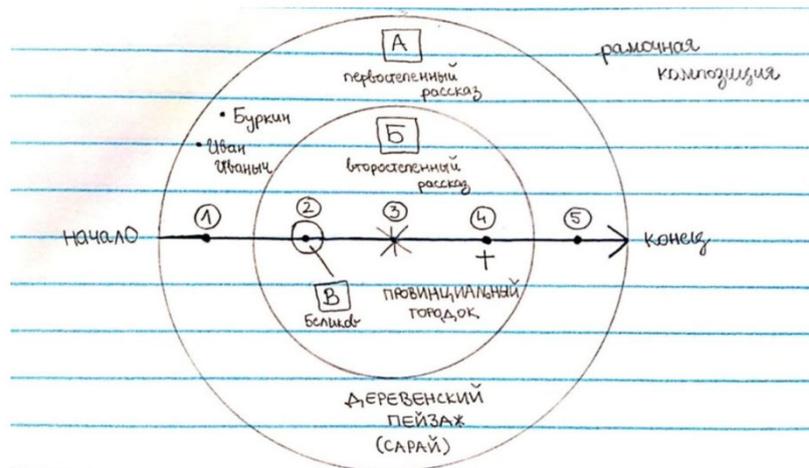

Рис.1. Рамочная композиция

Таким образом, воссоздается гештальт-концепт «футляра» как компонент цикличности жизни, ее сконцентрированных и персонализированных страхов окружающих реалий: «...Но прошло не больше недели, и жизнь потекла по-прежнему, такая же суровая, утомительная, бестолковая, жизнь, не запрещенная циркулярно, но и не разрешенная вполне; не стало лучше» [Чехов, 1977; 53].

«А то, что мы проводим всю жизнь среди бездельников, сутяг, глупых, праздных женщин, говорим и слушаем разный вздор – разве это не футляр?») [Чехов, 1977; 54]. Футляр – это не только защита, чехол, но и то, что сковывает, душит. Отсюда транспонирование «физического» футляра (его атрибуты: калоши, зонтик в чехле, теплое пальто на вате в хорошую погоду, часы в чехле из серой замши и т.д.) на имманентный–антропос (духовный первочеловек, божественное существо) [Аверинцев, 1962]., т.е. человек разложим на триаду – тело – душа – дух. Получается, сфера знаковости «заточает» незнаковость, отсюда и проблемы экзистенции, описанные в рассказе.

Проанализировав архисемы футляра, построим семантический гештальт. При этом важно отметить, что моделирование гештальт-структуры концепта «футляр» следует рассматривать на базе сочетаемости ассоциаций слов-репрезентантов концепта и синтагматических потенций рассказа. Итак, **ядро** гештальт-концепта «футляр» составляет психологический гештальт, 5 его лучей:

1) физический полюс: «...выходил в калошах и с зонтиком и непременно в теплом пальто на вате. И зонтик у него был в чехле, и часы в чехле, и когда вынимал перочинный нож, то и нож у него был в чехольчике; и лицо, казалось, тоже было в чехле... Он носил темные очки, фуфайку, уши закладывал ватой... ...наблюдалось постоянное стремление окружить себя оболочкой, создать себе, так сказать, футляр, который защитил бы от внешних влияний» [Чехов, 1977; 43]. Здесь эмплазируется страх Беликова перед жизнью, желание спрятаться от нее. Страх – это завуалированное стремление к смерти, боязнь жизни. С этим связано и постоянное желание героя вернуться в материнскую утробу, где было спокойно и безопасно [Островских, 2004, 260]. Некой аллегорией упомянутого положения является образ воды. Именно поэтому в любую погоду он носит калоши и зонтик.

2) Сердце (чувства): «Людей, одиноких по натуре, которые, как рак-отшельник или улитка, стараются уйти в свою скорлупу, на этом свете не мало» [Чехов, 1977; 42]. «Своими темными очками на бледном, маленьком лице, – знаете, маленьком лице, как у хорька, – он давил нас всех [Чехов, 1977; 44].

3) Голова (рацио): «И мысль свою Беликов также старался запрятать в футляр» [Чехов, 1977; 43].

4) Социальный аспект: «Действительность раздражала его, пугала, держала в постоянной тревоге..., и древние языки, которые он преподавал, были для него, в сущности, те же калоши и зонтик, куда он прятался от действительной жизни» [Чехов, 1977; 43]. В данном отрывке также опредмечивается влечение Беликова к смерти, т.к. он преподавал мёртвый язык (греческий).

«Мы, учителя, боялись его. И даже директор боялся...» [Чехов, 1977; 44].

5) Духовный, метафизический полюс (идеи): «Для него были ясны только циркуляры и газетные статьи, в которых запрещалось что-нибудь» [Чехов, 1977; 43]. «Всякого рода нарушения, уклонения, отступления от правил приводили его в уныние, хотя, ...как бы чего не вышло» [Чехов, 1977; 44].

Ближняя периферия:

1) дом: «И дома та же история: халат, колпак, ставни, задвижки, целый ряд всяких запрещений, ограничений, и – ах, как бы чего не вышло! «Спальня у Беликова была маленькая, точно ящик, кровать была с пологом. Ложась спать, он укрывался с головой...» [Чехов, 1977; 45]. «...Теперь, когда он лежал в гробу, выражение у него было кроткое, приятное, даже веселое, точно он был рад, что наконец его положили в футляр, из которого он уже никогда не выйдет. Да, он достиг своего идеала!» [Чехов, 1977; 52].

2) женитьба: «Даже наоборот, решение жениться подействовало на него как-то болезненно, он похудел, побледнел и, казалось, еще глубже ушел в свой футляр» [Чехов, 1977; 48].

3) социум: «В любовных делах, а особенно в женитьбе, внушение играет большую роль. ...голова у него закружилась, и он решил, что ему в самом деле нужно жениться» [Чехов, 1977; 47-48].

Дальняя периферия (Рис. 2):

1) антропос (тело и дух): «А то, что мы проводим всю жизнь среди бездельников, сутяг, глупых, праздных женщин, говорим и слушаем разный вздор – разве это не футляр?» [Чехов, 1977; 54].

2) природа как воплощение всего живого: «... в этом своем покое, укрывшись в ночных тенях от трудов, забот и горя, она кротка, печальна, прекрасна, (аллюзия на футляр, ведь главным значением данной лексической единицы является предохранение от чего-либо) [Чехов, 1977; 53]. «А разве то, что мы живем в городе в духоте, в тесноте, пишем ненужные бумаги, играем в винт – разве это не футляр?» [Чехов, 1977; 53]. Необходимо отметить, что «противоборство» органического и неорганического мира порождает двойственность в аксиологии. Отсюда и извечный конфликт противоречий.

Рис. 2. Цепочечный характер ассоциаций

Таким образом, гештальт-концепт «футляр» представляет собой многокомпонентную структуру, обладающую личностно-значимой семантикой (семантически-качественными характеристиками (чувства, смысл, ...)), а также фоном – семантически-количественно-физическими свойствами (экстралингвистические сведения, особенности характера, манера общения и т.д.). Как результат, содержательные наполнители гештальт-концепта представляется возможным сравнить с архетипами, согласно теории Юнга, т.е. с универсальными врожденными психическими структурами. Репрезентантом является

Беликов, ведущий к рефлектирующей способности суждения: возможности самодвижения – новое понятие, мотивированное предыдущим, отрицается следующим (отражать отражение). «Рефлексия должна соотнести рассудок с разумом, чтобы представить природу, «как если бы» она имела цели, объективно их не имея, и таким образом целостно осмыслить духовное бытие человека как субъекта свободы в природном мире» [Кант, 1994; 140]. В этом и заключается проблема философского толка в рассказе А.П. Чехова «Человек в футляре».

Литература

1. *Аверинцев С.С.* Антропос // Энциклопедия мифологии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_myphology/1586/%D0%90%D0%9D%D0%A2%D0%A0%D0%9E%D0%9F%D0%9E%D0%A1
2. *Дарко В.* Жанр в «Футляре»: пространственные трансформации в рассказе Чехова «Человек в футляре». // *Analysis & Interpretation.* – 2023. – 15 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dlf.uzh.ch/sites/slavicumpress/2023/09/17/zhanr-v-futlyare-prostranstvennye-transformatsii-v-rasskaze-chekhova-chelovek-v-futlyare-darko-vasil/>
3. *Кант И.* Критика способности суждения. – М.: Искусство, 1994. – 369 с.
4. *Караулов Ю.Н.* Ассоциативный анализ: новый подход к интерпретации художественного текста // Вопросы психолингвистики. – М.: Институт языкознания РАН, 2015. – Выпуск № 3 (25). – С. 14-35.
5. *Масколье Г.* Гештальт-терапия: вчера, сегодня, завтра. Быть собой. – М.: Боргес, 2010. – 134 с.
6. *Островских И.Н.* Рассказ П.А. Чехова «Человек в футляре»: мотив смерти как возвращение к пренатальному состоянию // Культура и текст. – Барнаул: АГПУ, 2004. – С. 260-265.
7. *Стернин И.А., Быкова Г.В.* Концепты и лакуны // Языковое сознание: формирование и функционирование: сб. статей / под ред. Н.В. Уфимцевой. – М.: Наука, 1998. – С. 55-67.
8. *Фомина З.Е., Жуйкова О.В.* Метафоры света и огня как вербальные репрезентанты концептов «Дух», «Язык», «Мысль» в философии В. фон Гумбольдта // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – Воронеж: ВГТУ, 2017. – Выпуск № 2(34). – С.40-55.
9. *Чехов А.П.* Человек в футляре // Чехов А. П. Т. 10. [Рассказы, повести], 1898—1903. — М.: Наука, 1977. — С. 42—54

СИРОТКИНА Т.А.

Сургутский государственный педагогический университет

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АКЦЕНТЫ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК НЕРОДНОГО

В статье рассматривается актуальность лингвокультурологического подхода в преподавании русского языка как неродного. Анализируются методы и формы работы, приводятся различные типы заданий, которые можно предложить детям-инофонам при изучении культурно-языкового пространства региона.

Ключевые слова: лингвокультурология, русский язык, обучающиеся-инофоны, культурно-языковое пространство региона.

В настоящее время актуальным является лингвокультурологический подход к преподаванию русского языка как иностранного. Специалисты считают его одним «из наиболее эффективных подходов, нацеленных на формирование и совершенствование навыков и умений осуществления межкультурного общения путем изучения иностранного языка как феномена культуры» [Дигина 2009: 100].

Рассмотрим актуальность данного подхода в преподавании русского языка как неродного на примере курса для детей-инофонов ХМАО-Югры «Мой край, моя Югра».

Один из важных аспектов знакомства с региональной культурой – изучение творчества югорских поэтов и писателей. Уже на первом занятии курса, которое носит название «Мы живем в Югре», мы предлагаем школьникам прочитать стихотворение Леонида Гайкевича «Зимний сон» и ответить на вопросы: «Какой образ югорской зимы рисует поэт? Почему он называет Югру матерью?». На этом же занятии предполагается

работа и с прозаическим текстом – рассказом Маргариты Сладковой «Сургут-на-Оби». Помимо работы по содержанию текста, учитель проводит работу по топонимии, также являющейся составной частью культуры региона: «Прочитайте топонимы: Ростов-на-Дону, Славянск-на-Кубани, Сургут-на-Оби. Какие из них являются официальными, а какой – авторским неологизмом?».

Второе занятие, «Давно это было», знакомит обучающихся с историческим контекстом региона. Так, например, одно из заданий посвящено жизни в нашем крае политических ссыльных: «Знаете ли вы, кто такие политические ссыльные? Как вы думаете, почему в XIX веке в России ссылали в основном в Сибирь? Прочитайте отрывок из воспоминаний Дмитрия Дмитриевича Левина, политического ссыльного, о Сургуте конца XIX века. Ответьте на вопрос: чему был удивлен Д.Д. Левин, приехав в Сургут?». На этом занятии школьники работают не только с региональными текстами, но и со словарями, с музейными экспонатами: «В лингвокраеведческом словаре (<https://крайродной.дети/хмао-югра/доп-материалы/словарь/>) найдите понятия, отражающие исторические события Югры, информацию о сохранившихся в музеях предметах старины. Расскажите об одном событии или об одном предмете своим одноклассникам».

На третьем занятии школьники читают тексты, посвященные коренным народам Югры – ханты и манси. В конце занятия им предлагается принять участие в дискуссии на следующую тему: «Существует мнение, что традиционный уклад жизни малых народов безнадежно устарел; не надо его возвращать, а лучше переселить людей в города и приобщить к благам цивилизации. Согласны ли вы с этим мнением? Свою позицию обоснуйте».

Четвертое занятие посвящено югорской литературе. Обучающиеся анализируют прозаический текст Е.Д. Айпина, стихи поэтов Сергея Ильиных, Юрия Вэллы, Натальи Луценко, Ювана Шесталова, Никона Сочихина, Леонида Гайкевича, Владимира Квашнина.

На пятом занятии школьники узнают о городах Югры: читают тексты об истории становления столицы региона города Ханты-Мансийска, культурно-выставочном центре «Усть-Балык» в Нефтеюганске, няганском театре юного зрителя, когалымском океанариуме, рассматривают местные памятники («Капля жизни» в Мегионе, «Дворнику» в Нижневартовске и другие).

Шестое занятие посвящено городу Сургуту, в котором проживают (кто больше, кто меньше) обучающиеся-инофоны. Они рассматривают герб города, анализируют тексты, рассказывающие о погоде, населении, достопримечательностях крупнейшего города Югры, составляют кластер «Народы Сургута», знакомятся со стихотворениями местных поэтов, посвященных Сургуту.

Завершает курс тема «Возвращение к истокам», при изучении которой школьники знакомятся с работой местных музеев. Это историко-культурный центр «Старый Сургут», Сургутский краеведческий музей, Дом купца Клепикова, Сургутский исторический парк «Россия – моя история», музей «Дом Салманова», «Центр патриотического наследия», Музей природы и человека в деревне Русскинская.

Таким образом, лингвокультурологический подход в преподавании русского языка как неродного позволяет погрузить обучающихся в культурно-языковое пространство региона, познакомить их с его историей, традициями проживающих в нем народов. Все это пробуждает интерес к русскому языку, делает процесс его изучения более активным и интересным.

Литература

1. Дигина О.Л. Влияние лингвокультурологического подхода на формирование межкультурной коммуникации в обучении иностранному языку // *Lingua mobilis*. - № 4 (18). – 2009. – С. 97 – 105.

ПЕРЕВОД КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА В СЕМАНТИКЕ ГЛАГОЛОВ, ВХОДЯЩИХ В СОСТАВ КОНСТРУКЦИИ FOR-TO-INFINITIVE

В данной статье рассматриваются случаи межъязыковой асимметрии при переводе инфинитивного комплекса с предлогом *for* с английского языка на русский, а также способы преодоления межъязыковой асимметрии посредством переводческих трансформаций. Материалом для исследования послужил роман Т. Драйзера «Сестра Керри» (1900 г.) и его перевод на русский язык, выполненный М. Волосовым в 1951 году. Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что в большинстве случаев простые английские предложения с инфинитивным комплексом *For-to-Infinitive* не трансформируются из простых предложений в сложные при переводе, в остальных случаях происходит синтаксическая замена простой предикативной конструкции сложноподчинённым предложением и почти никогда сложносочинённым. Научная новизна определяется тем, что в работе выявляются лингвокультурные компоненты картины мира Т.Драйзера на примере семантики глаголов, входящих в состав конструкции *For-to-Infinitive*.

Ключевые слова: межъязыковая асимметрия, трансформации, *For-to-Infinitive*, художественный концепт, *American dream*, Т. Драйзер.

Межъязыковая асимметрия прослеживается на различных языковых уровнях (лексическом, грамматическом и прагматическом) и характеризуется отсутствием «однозначных соответствий между элементами двух языков» [Гарбовский 2007; 369]. Конструкция *For-to-Infinitive* является примером грамматической асимметрии и в русском языке отсутствует. Инфинитив, как неопределённая форма глагола, не образует конструкций или комплексов в русском языке и в предложении, чаще всего, выполняет функцию обстоятельства цели или реже определения [Фирсов 2003; 15].

На уровне грамматики межъязыковая асимметрия выражается в отсутствии некоторых морфологических форм и грамматических категорий в одном языке при их наличии в другом или в различии грамматических значений одних и тех же морфологических форм [Лекомцева, Королева 2018; 101]. Как правило, при переводе традиционные способы перевода неприемлемы, поскольку ведут к нарушению языковых и речевых норм принимающего языка и образованию аномальных структур в языке перевода. Грамматические трансформации необходимы, чтобы избежать появления в тексте перевода искусственных для русского языка структур предложений.

Рассмотрим подробнее примеры употребления инфинитивной конструкции с предлогом *for* и способов ее перевода на русский язык на примере романа Т. Драйзера «Сестра Керри» (1900 г.) и его перевода, выполненного М. Волосовым в 1951 году. Примеры из романа были отобраны при помощи бесплатной, мультиплатформенной программы *AntConc*, предназначенной для лингвостатистического анализа текста и разработанной профессором Лоуренсом Антони (Laurence Anthony). Для поиска предложений с инфинитивным оборотом мы воспользовались функцией *Concordance* и в качестве искомого элемента задали в поиск формулу «*for * to*» (звёздочкой заменяется варьируемая часть слова). Инструмент выдал список всех употреблений заданного языкового выражения в контексте (рис.1), и, таким образом, во всем романе было обнаружено всего 26 примеров употребления конструкции *For-to-Infinitive*.

Однако программе свойственно ошибаться, поэтому все примеры были также просмотрены и обработаны вручную для исключения неверных вариантов и искажения результатов исследования. Как мы видим, в некоторых случаях Antconc принимает за инфинитивные конструкции то, что ими не является. Приведем примеры:

...because of her fascination **for him, to** come over and speak with her.

В данном случае мы видим, что программа не распознает знаки препинания, не видит начало одного предложения и конец другого.

...anyone who would come **for it to** the side door of his restaurant.

В данном предложении инфинитивная конструкция также отсутствует, однако Antconc находит все, что попадает под формулу «for * to».

Таким образом, из 26 примеров 4 примера оказались неверными и погрешность программы составила 14,8 %.

Анализируя примеры с оборотом For-to-Infinitive, прежде всего стоит отметить, что он может быть как в активном, так и в пассивном залоге. Как видно из примеров, пассивный залог в случае инфинитивных комплексов встречается крайне редко. Во всем романе было обнаружено только два предложения в пассивном залоге, что составляет 7% от общего количества. Однако при переводе пассивный залог оригинала не сохраняется ни в одном из примеров, а инфинитивная конструкция заменяется кратким прилагательным в одном случае и существительным во втором.

В предложении инфинитивные комплексы с предлогом «for» могут использоваться во всех пяти функциях: сказуемого (29%), определения (29%), сложного дополнения (18%), подлежащего (12%) и обстоятельства (12%).

При переводе инфинитивной конструкции For-to-Infinitive на русский язык в большинстве случаев (59%) английское простое предложение не требует синтаксических трансформаций и сохраняет свою конструкцию, в остальных же случаях (41%) происходит замена типа предложения на сложноподчинённое для достижения адекватности перевода. Синтаксическая замена предложения на сложносочинённое наблюдается только в одном примере. Помимо замены типа предложения при переводе инфинитивного оборота на русский язык также наблюдаются такие трансформации, как замена формы слова, добавление и опущение.

В процессе исследования было также замечено, что на уровне лексических единиц, входящих в состав инфинитивного комплекса For-to-Infinitive, можно проследить лингвокультурные параметры языковой картины мира и их отражение в художественном тексте.

Одним из таких параметров выступает концепт «American dream», который является ключевым в романе. Как известно, Америка времен Драйзера находилась на переломе эпох и общественного сознания, что не могло не найти отражение и в самом языке. Неповторимая картина мира Драйзера, а также общественно-исторический опыт американского общества передаются при помощи языковых средств.

Прежде всего нами были исследованы словарные определения и выделены следующие значения лексемы *dream* [MWLD]:

1. Сон, сновидение, ночные грезы
2. Фантазия, выдумка, вымысел, греза, вымышленный мир
3. Состояние задумчивости, мечтательности
4. Приятное видение, приятный мысленный образ, желанный продукт воображения
5. Некто или нечто желанное, совершенное, очаровательное, идеальное
6. Неосуществимое желание, неосуществимая пустая надежда
7. Цель, объект желаний, стремлений, надежд

В самом романе концепт «dream» представлен в нескольких смыслах, основными из которых являются «надежда на лучшее будущее», «ожидания лучшего». На уровне лексических единиц концепт реализуется в романе при помощи следующих наиболее частотных типов глаголов, которые встречаются в инфинитивном обороте:

1. Глаголы физического восприятия (look, see, feel):
*Avery Hall was too far away **for him to look** back and sharply remember.*

2. Глаголы ментальной деятельности (know, realize, see):
*It was not **for Carrie to know** the thing in it which appealed to her.*

3. Глаголы эмоционального состояния (hope):
*It seemed as if it was all closed to her, that the struggle was too fierce **for her to hope** to do anything at all.*

Таким образом, нами были проанализированы трансформации, возникающие при переводе инфинитивной конструкции с предлогом for с английского языка на русский. В ходе исследования мы пришли к выводу, что в большинстве случаев (59%) английское простое предложение сохраняет свою конструкцию. В некоторых случаях наблюдаются такие трансформации, как замена формы слова, добавление и опущение. Было также выяснено, что концепт «американской мечты» является ядерным концептом романа Т.

Драйзера и одним из приемов его актуализации является инфинитивная конструкция For-to-Infinitive.

Литература

1. Гарбовский Н. К. Теория перевода. – М.: Изд-во Московского университета, 2007. – 544 с.
2. Драйзер Т. Сестра Керри. – М.: Эксмо, 2021. – 512 с.
3. Лекомцева И. А., Куралева Т. В. Межъязыковая асимметрия в переводе // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7. № 1 (22). – С. 101-104.
4. Фирсов О.А. Перевод с английского языка на русский и его комментарии. – М.: Компания Спутник, 2003. – 198 с.
5. Dreiser. Th. Sister Carrie. – Dr Капо, 2016. – 384 pp.

СОКОЛОВА А.П.

Санкт-Петербургский государственный университет

«УНИКАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье рассматриваются особенности функционирования, сочетаемости и оценки прилагательного «уникальный» по отношению к человеку в современном русском языке, формулируется стереотипное представление об уникальном человеке в русской языковой картине мира.

Ключевые слова: уникальный; прилагательное; языковая картина мира; стереотипное представление; анкетирование

Характеризуя мир вокруг себя, человек отмечает различные отклонения от своего представления о типичном и уникальном. В русском языковом сознании присутствует стереотипное представление об уникальном человеке, при всей универсальности данного понятия оно имеет специфику вербализации в каждом национальном языке и требует комментария в иностранной аудитории. Целью работы является выявление особенностей употребления и сочетаемости прилагательного *уникальный* для определения стереотипного представления об уникальном человеке.

Исследование проводилось в несколько последовательных этапов: на первом этапе рассматривалась этимология слова, в которой заложен этимон, по терминологии В.В. Колесова, «зародыш смысла»; на втором этапе были проанализированы словарные дефиниции прилагательного для определения понятия; на третьем этапе были проанализированы рефлексивные высказывания пользователей интернета, а также был проведен когнитивный тест и ассоциативный эксперимент с носителями русского языка для выявления не отраженных в словарях семантических признаков или для подтверждения имеющихся признаков; на четвертом этапе был проведен анализ контекстов «Национального корпуса русского языка» (далее – НКРЯ) для выявления синтагматических характеристик, сфер использования, оценочности прилагательного; на заключительном этапе был сформулирован вывод о стереотипном представлении об уникальном субъекте на основе обобщения релевантных признаков.

Прилагательное *уникальный* происходит от нем. *unikal*, восх. к лат. *unicum*, где *unicum* ‘единственное в своем роде, необыкновенное’ происходит от *unis* ‘один’ (Толковый словарь русского языка 2011; 1029). Таким образом, уникальный – ‘единственный, другого такого не существует’.

На основе данных нескольких лексикографических источников (Ефремова 2000; Ожегов, Шведова 2006; Словарь русского языка 1999) нами предложено сводное определение слова *уникальный*: ‘единственный в своем роде, неповторимый, редкий’.

Следует отметить, что носители языка рефлексиируют о том, какими качествами должен обладать уникальный человек, о чем свидетельствуют темы интернет-статей и форумов: «Уникальный ребёнок: кто это и как воспитать?» [https://dzen.ru/a/Xd0_RVgdDE4R9WRN]; «На ваш взгляд, уникальный человек – это какой? В чем должна проявляться его уникальность?» [<https://otvet.mail.ru/question/29195838>]; «Уникальный мужчина... это как?» [<https://otvet.mail.ru/question/223780099>]; «Парень мой бывший сказал, что я уникальная девушка. Как это понять!???» [<https://sprashivalka.com/tqa/q/28717102>]. Среди наиболее частотных ответов: «каждый человек – неповторимая личность»; «человек, имеющий очень редкие талант или свойства»; «не такой, как все»; «уникальные люди – неповторимые, несравненные, единственные в своем роде» [<https://otvet.mail.ru/question/29195838>]. При этом многие интернет-пользователи отмечают двойственность характеристики: с одной стороны, уникальный – тот, кто отличается от всех остальных, с другой стороны, каждый человек уникален. В связи с этим уникальность тесно связана с понятием индивидуальности: это «особенности характера и психического склада, отличающие одного индивидуума от другого» (Ожегов, Шведова 2006: 246). Также отмечается субъективность номинации: «Для каждого из нас уникальность заключается в человеке, который оценивает»; «уникальная женщина – это любимая женщина...» [<https://otvet.mail.ru/question/27100646>]. Мнения интернет-пользователей об оценке уникального человека разнятся: «Если кто-то воспринимает вас "уникальным" это не плохо. Но не надо из этого делать некий "культ самости", постарайтесь глубже понять свои возможности» [<https://otvet.mail.ru/question/29195838>]; «я бы не стала так сразу за комплимент это принимать)))» [<https://sprashivalka.com/tqa/q/28717102>]; «некоторые люди используют это как комплимент. я обычно говорю подобное насчёт человека, когда не готов его точно причислить к категории дураков или злодеев, но считаю человеком странноватым и весьма неудобным, если не сказать хуже» [там же].

Рассмотрим результаты анкетирования, проведенного среди 92 носителей русского языка разного пола, возраста и образования. В анкету входили когнитивный тест, предполагающий определение понятия (субъективные дефиниции), и ассоциативный эксперимент. Кроме того, был задан вопрос, хотели бы информанты быть уникальными, а также вопрос об оценке прилагательного. Испытуемые назвали основные, по их мнению, признаки уникального человека: обладание редкими способностями и умениями (43%); отсутствие похожего, неповторимость (42%); талант (7%); редкость (4%); симпатия воспринимающего субъекта (4%) (ответы типа «он уникальный, потому что лучше других; молодец» и т.п.). В результате ассоциативного эксперимента было получено 217 ассоциатов. Наиболее частотными ответами оказались ближайшие синонимы прилагательного: единственный (28), неповторимый (25), особенный (24), необычный (12), исключительный (8), редкий (7). Среди ответов также можно выделить тематические группы: 1) творчество (*талант, гений, мастер, творение* и др.); 2) природные явления (*снежинка, звезда, морская галька, алмаз*); 3) культурные объекты (*музей, картина, экспонат, памятник*). На вопрос о том, хотели бы испытуемые быть уникальными, носители языка ответили неоднозначно: было получено 33 утвердительных ответа, при этом люди отмечали, что хотели бы нравиться другим, быть интересными, выделяться и привлекать внимание, иметь талант или неповторимые способности, особенно в сферах работы и хобби. Кроме того, носители языка отметили, что уникальный человек имеет яркую индивидуальность, обладает не одной особенной чертой, а совокупностью ценных качеств, уникальность является высшей стадией развития личности. 25 человек дали отрицательный ответ, объясняя это тем, что они не имеют таких амбиций, не хотят привлекать внимание, а также быть в одиночестве, так как уникальность пугает других. 20 человек ответили, что все люди уникальны, в том числе они. На вопрос об оценке слова 52% испытуемых выбрали положительную оценку, 48% – двойственную, отрицательная оценка отсутствует. Исходя из результатов анкетирования, оценка качества амбивалентна, однако преобладает положительная оценка.

Перейдем к анализу контекстов НКРЯ. Сочетаемость возможностей прилагательного можно систематизировать, выделив группы слов, с которыми оно употребляется наиболее часто: с существительными, называющими:

1) лиц (*человек, личность, коллектив*):

а) по профессии (*уникальный дирижер, ансамбль виолончелистов, уникальная балерина*);

б) по возрасту (*уникальная старушка, уникальный малыш*);

в) по полу (*уникальный мужчина, уникальная женщина*);

г) членов семьи (*уникальный отец, сын, муж*);

д) известные личности (*Цой, Эльдар Рязанов*);

е) вымышленные персонажи (*Дед Мороз, Снегурочка*).

Ситуация самоопределения встречается крайне редко, человек может отметить свою уникальность как профессионала: «Без стыда и совести позволю заявить, что я — уникальный доктор, потому что только в моем кабинете можно закрыть сразу несколько интимных вопросов по здоровью» (<https://tinyurl.com/mpd9m25z>), но чаще самоопределение встречается контекстах с иронией: «Не забываем, что я уникальная женщина, ага?» (<https://tinyurl.com/yc7bxw5>).

2) части тела (*уникальные пальцы, уникальный череп*);

3) качества и свойства (*уникальный талант, характер, уникальная память, сила*);

4) подходы, техники, способы реализации деятельности (*уникальная дрессура, школа кинематографии*).

Оценка не присуща самому прилагательному, она зависит от его сочетаемости и формируется существительными, при этом может быть положительной (*уникальная красавица*) или отрицательной (*уникальная стерва*). В контекстах с оценочными существительными прилагательное *уникальный* может развивать значение, не зафиксированное в словарях, но характерное для многих синонимов (напр., *необыкновенный, исключительный*) ‘большой по степени проявления признака; чрезвычайный’: «Поздравляю, вы *уникальный дурак* даже по твиттерским меркам» [<http://tinyurl.com/yc683adb>]; «*Уникальная дура*, которой кажется, будто она ничего не помнит. Ещё большая дура, чем её сестра – Кодачи» [<https://ficbook.net/readfic/7142606/18202594>].

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сделать вывод о наличии стереотипного представления об уникальном человеке у носителей русского языка: такой человек отличается от других, обладает редкими или единственными в своем роде способностями или свойствами, часто уникальный человек – творческая личность, он талантлив или даже гениален. В связи с этим прилагательное часто используется с наименованиями лиц по профессии, а также с именами известных личностей. Уникальным может быть человек любого пола и возраста, самоопределение встречается редко, так как связывается с хвастовством и заносчивостью, чаще встречается в ироничных контекстах. Представление носителей языка об уникальности содержит противоречие: с одной стороны, уникальный человек выделяется среди других, представляющих собой «серую массу», с другой стороны, уникален каждый человек. Данная характеристика субъективна, семантическое наполнение прилагательного зависит от индивидуального опыта говорящего и проявляется в широком контексте.

Литература

1. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный: в 2 т. Электронный ресурс. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 20.08.2023).
2. *НКРЯ* – Национальный корпус русского языка. Электронный ресурс. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.08.2023).
3. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – 4 изд. – М.: А ТЕМП, 2006. – 944 с.
4. *Словарь русского языка: в 4 т.* Электронный ресурс. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 20.08.2023).

СОКОЛОВА Л.А.

Государственное общеобразовательное бюджетное учреждение «Морская школа»

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ЛЕКСЕМЫ *ДОЖДЬ* В ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА ПОЭТА-СИМВОЛИСТА К.Д. БАЛЬМОНТА

Статья посвящена исследованию особенностей словоупотребления лексемы *дождь* в поэтических текстах К.Д. Бальмонта с целью определения у указанного слова новых значений в результате сочетаемости в контексте с другими словами; сделаны выводы о значимости художественного концепта для индивидуально-авторской картины мира поэта, об уникальности языковой личности К.Д. Бальмонта.

Ключевые слова: лексема, лексическая сочетаемость, художественный концепт, индивидуально-авторская картина мира, языковая личность, семантико-языковое пространство, метафоризация.

Исследование индивидуально-авторского способа восприятия и интерпретации мира является актуальным направлением в развитии лингвистической науки, раскрывающим особенности словесно-образного воспроизведения окружающего мира в рамках текстового пространства. В лингвокультурологии активно разрабатывается проблема феномена языковой личности, поставленной в центр многих научных исследований, потому что с ее помощью оказывается возможным исследовать самые разные стороны языка, в первую очередь, личностное семантико-языковое пространство и индивидуальную концептосферу.

Возникнув в работах академика В. В. Виноградова [Виноградов, 1980; 91], термин *языковая личность* получил теоретическое осмысление в исследованиях Ю. Н. Караулова. Ученый представляет языковую личность в виде трехуровневой функциональной модели (семантикон, тезаурус, прагматикон). *Языковой личностью* Ю. Н. Караулов называет «личность, выраженную в языке (текстах) и через язык, ... реконструированную в основных своих чертах на базе языковых средств» [Караулов, 2010; 38].

Теория языковой личности получила дальнейшую разработку в исследованиях многих современных лингвистов, что позволяет говорить об актуальности данной проблемы в современной лингвокультурологии.

Одним из источников изучения языковой личности является художественный текст, в котором автор проявляет себя по-разному, но всегда через слово. Создателю произведения, как и вообще человеку, присущи какие-то поведенческие, мыслительные, языковые нюансы словоупотребления, свойственные только ему, на основании чего можно говорить о создании индивидуально-авторской картины мира, об уникальности мышления автора.

Языковая личность К. Д. Бальмонта – это всегда личность творческая, самобытная, живописующая звук и цвет, нацеленная на постижение гармонии мира и его многообразия, на поиски красоты и на самопознание лирического героя. Эти качества поэта реализовались в его художественном творчестве через такую когнитивную единицу, как *художественный концепт*. Исследование словоупотреблений лексемы *дождь* в поэтических текстах поэта-символиста подтверждает сказанное.

В мировой культуре дождь имеет важное значение, так как является символом плодородия, источником жизни, древний человек усматривал в нем животворящий источник, способствующий обновлению природы и связанный с милостью Божьей: ... (Бог) *Низвергнув с высоты безмерности дождей, / Он птицам повелел нести их в ширь полей...* [Т. 2, с. 316]. Связь с высшими силами реализует окказиональное выражение меры дождя, как Божьей щедрости. Дождь символизирует божественное благословение, нисхождение небесного блаженства и очищения, у К. Бальмонта дождь соединяет индийскую и славянскую

мифологию: ... (Рудра) *Радуга над Морем, / Змеи молний, ток дождей...* [Бальмонт, Т. 2; 187]; (Перун) *Бог зиждательных дождей, / Влаги и огня...* [Бальмонт, Т. 2; 314]. Таким образом, дождь – это не только вода, падающая с неба, это символ жизни, все Боги неба способствуют оплодотворению Землю дождем, олицетворяющим и духовное открытие.

Дождь – атмосферное явление физической картины мира: ... *с неба дождь осенний льется...* [Бальмонт, Т. 1; 53]. Стертые метафоры реализуют значение действия дождя от его начала до прекращения: ... *И если ветер злится, / И если дождь идет...* [Бальмонт, Т. 1; 94]; *Дождь струится беспощадный. Ветер бьет в окно...* [Бальмонт, Т. 1; 88]; ... *И дождь прекратился...* [Бальмонт, Т. 2; 199]. В физической картине мира последствия дождя отражаются на растительности и на ландшафте: ... *дождь... / Взрастил в садах цветы... / Как много в мир ты нам послал цветов...* [Бальмонт, Т. 1; 409]; ... *дождь сечет траву...* [Бальмонт, Т. 3; 66]. ... *Мечтой уношусь я к местам забытым, / К холмам одиноким, дождями размытым...* [Бальмонт, Т. 1; 155].

Таким образом, в поэтическом мире К. Бальмонта лексема *дождь* реализует значения, которые присущи явлению в физическом мире.

Дождь как явление, создающее звук, реализуется в грамматических конструкциях с семей «звук» от шороха: ... *Ты видал ли дождь осенний, ты слышал ли, как шуришь?...* [Бальмонт, Т. 3; 370] до музыкального звука: *Я слушал дождь. Он перепевом звучным / Стучал во тьме о крышу и балкон...* [Бальмонт, 1969; 427]; *Ты среди шума громов и напева дождей / Возникаешь неверностью молний...* [Бальмонт, Т. 1; 320]; в авторской метафоре дождь звучит в конкретном музыкальном произведении с определенным характером: ... *А дождь стучал – и в музыке ненастья / Слагал на крыше мерный менуэт.* [Бальмонт, 1969; 427]. Важно отметить, что ни у одного метеорологического элемента нет подобной семантики: дождь – композитор, создающий музыкальное произведение определенного жанра.

Использование лексемы *дождь* в растительной метафоре: ... *Из воздушной влаги облачные горы, / Стебли из дождя, что вниз, не вверх растут...* [Бальмонт, Т. 2; 435]; способствует созданию поэтического образа дождя как связующего Небо и Землю элемента. Ландшафтная метафора: ... *Песчинки дождя золотого, который излилс однажды...* [Бальмонт, Т. 3; 489] реализует значение сходства капель дождя с мелкими частицами. В немногочисленных метафорах дождь определен как образ одушевленный, музыкально звучащий, позитивно настроенный. В картине мира автора дождь – элемент растительного и ландшафтного мира; в авторских метаморфозах дождь – это и маленькая песчинка, и длинный прочный стебель.

В индивидуально-авторском микрокосме явление дождя становится сложным, многогранным, содержательным по семантике, выразительные средства и грамматические конструкции с «участием» лексемы *дождь* способствуют созданию в поэзии символического образа. В строках: ... *Постиг, что в Небе мощное есть Море, / Что дождь, и гром, и молния есть россыпь, / Но в россыпях не истошится Вечность...* [Бальмонт, Т. 4; 71] дождь становится частью космогонической картины, реализуясь в лексеме со значением множественности *россыпь*.

В строках ... *Веселый дождь, источник нежных снов...* [Бальмонт, Т. 1; 409] дождь становится отправным моментом в мир грез. Строки *Я слушал дождь. Он перепевом звучным / Стучал во тьме о крышу и балкон, / И был всю ночь он духом неотлучным / С моей душой, не уходившей в сон...* [Бальмонт, 1969; 427] определяют у дождя роль собеседника из эфирного мира, который находится рядом с лирическим героем.

Отрицательные коннотации появляются у дождя в строках: ... *Дождем обильным рухнули мечты...* [Бальмонт, Т. 2; 325], невозможность осуществления желаемого, внезапность и категоричность этого сопоставима с явлением обильного дождя. Дождь в своей множественности становится образом тонкого мира, имеющим разные оценочные коннотации.

Сложные сравнительные метафоры определяют соотношенность дождя с природными элементами, в одном случае – с небом: ... *ты слышал ли темной / ночью, как струится дождь небес?* [Бальмонт, Т. 3; 370], в другом случае – со звездами: ... *О, нет, тогда, когда впервые, / Как капли жаркого дождя, / Струились звезды, нисходя / На доли Неба голубые.....* [Бальмонт, Т. 6; 426], в третьем случае – с грозой: ... (Гроза) *Закрутилась, дикая, пожаром, / Завертелась огненным дождем...* [Бальмонт, Т. 4; 426]. В развернутых метафорических конструкциях с дождем сравнивается предмет свадебного ритуала, символизирующий богатство и достаток: ... *И млеет влюбленная. / И млеет влюбленный, венчанные в счастье идя, / «Я – ты», говорит, «ты же – я», «Небо – я, ты – / земля благовонная». / И сыплются зерна на них, как весенняя пляска дождя.* [Бальмонт, Т. 6; с.259]. Весна – начало жизни природы, символически она – начало семейной жизни. В физическом мире дождь весенний в действиях имеет сходство с пляской, он более динамичен, чем осенью, когда дождь воспринимается совершенно иначе – монотонный, тоскливый, тяжелый.

Автор переплетает в поэтических строках разные образы, дождь становится символом ухода человеческих чувств (любви): ... *Но, сердце, дальше! / Пой! / ... И вдруг вернись к бесстрастию, как светлый дождь / в реку...* [Бальмонт, Т. 1; 259].

Образ дождя как праздника реализуют строки: ... *дождь... / Ты праздник в жизни всех, кто дышит.* [Бальмонт, Т. 1; 409], дождь – сложный образ, имеющий в основном позитивную семантику, связанную с обновлением, очищением, плодородием, свежестью – радостью мира.

Дождь как элемент священного обряда присутствует в строках: ... *И в песчаные пространства, / Дождь которых не кропил, / Для зеленого убранства / Мутной влаги ссудит Нил...* [Бальмонт, 1969; 381], поддерживается идея о дожде как о щедрости Божьей, в данный момент отсутствующей.

Религиозную тему продолжают строки со звукописью: ... *Ой, Дух! Ой, Дух! Царь Бог! Царь Бог! / Твой зов нежней, чем пух! / В меня, как дождь, чтоб ум не сох! / Царь Бог! Царь Бог! / Царь Дух!* [Бальмонт, Т. 3; 68], призыв дождя символизирует оплодотворение, обновление ума человека; *Богомольцы... / Из воздушного храма уносят далеко / Золотую возможность дождей...* [Бальмонт, Т. 1; 317] – дождь как ценность, в православии богомольцы совершают крестный ход с целью призвать дождь на землю, молясь о возможности появления дождя.

Таким образом, лексема *дождь* в поэтических текстах К.Д. Бальмонта в результате сочетаемости в контексте с другими словами получает семантическое расширение, становится значимым элементом авторского микрокосма, позволяет говорить об уникальности языковой личности К.Д. Бальмонта.

Литература

1. Бальмонт К.Д. Стихотворения. – Л.: Советский писатель, 1969. – 710 с.
2. Бальмонт К. Д. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1-5. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010.
3. Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: ЛКИ, 2010. – 264 с.

ИДЕОЛОГЕМА РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ В КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ И ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНАХ МИРА СОЦИУМА (КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

В работе рассматриваются семантико-когнитивные особенности идеологемы *русская национальная идея* в концептуальной и языковой картине мира социума на материале контекстов основного и газетного корпусов Национального корпуса русского языка. Проанализирован план выражения и план содержания идеологемы.

Ключевые слова: идеологема, концептуальная и языковая картины мира, план выражения, инвариант / вариант, план содержания, коммуникативное значение.

В переломные эпохи развития общества происходит, как известно, переосмысление, конкретизация идеологических понятий. «Уточнение смыслового содержания слов, обозначающих важные, ключевые понятия социологии, политики, этики, философии, происходит чаще всего в ходе полемики, политической борьбы. Такими уточнениями, разъяснениями терминов политического, философского, мировоззренческого характера, публицистических номинаций, за которыми стояли важные понятия, определившие принципиальные позиции, кредо политических партий, группировок, того или иного деятеля, сопровождается развитие русской общественной мысли нового времени» [Бельчиков 2001; 19].

Национально-культурные и идеологические смыслы, материализованные в знаке, становятся лингвокультурами [ПІ 2022; 232-260], идеологемами, мифологемами, символами и др. В ряде случаев идеологические и культурные смыслы в знаке реализуются одновременно [Петрова 2015].

Ключевыми идеологическими понятиями XX века и современности являются *русская идея* [Стародубец, Белугина, Колегова 2023] и *русская национальная идея*.

Рассмотрим последнее на материале контекстов, выбранных из Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

В ходе анализа плана выражения и плана содержания идеологемы *русская национальная идея* в основном и газетном корпусах определены инварианты репрезентации по каждому корпусу и тематические области. Охарактеризуем формальные и смысловые составляющие идеологемы.

На момент проведения исследования в основном корпусе НКРЯ – 42 текста, 63 примера.

План выражения представлен с учетом выделенных в ходе анализа трех тематических областей следующим инвариантом: Русская национальная идея / русская «национальная идея» / русская национальная идея / «русская национальная идея».

Проанализируем составляющие смыслового поля идеологемы *русская национальная идея* с применением методики фреймной репрезентации знаний.

Статистика частотности употребления идеологемы *русская национальная идея* по тематической области следующая: русская национальная идея – 94 %, «русская национальная идея» – 2 %, русская «национальная идея» – 2 %, Русская национальная идея – 2 %. Фиксируем, что в основном корпусе варианты первый, второй и четвертый представлены единичными контекстами (по 2 % соответственно), их коммуникативные значения коррелируют со значением базового варианта *русская национальная идея*, и потому будут сформулированы в пределах изоморфной тематической области.

Тематическая область «Идеологическая и аксиологическая доминанта русской языковой и концептуальной картин мира».

Коммуникативные значения области:

1. Миф о героизме русского народа, его самопожертвовании, святом Христовом воинстве:

России, русскому народу был нужен этот миф: о собственном героизме, снова о самопожертвовании, о святом воинстве... Это и есть – русская национальная идея. Если б чеченцев не было, их стоило бы выдумать [Герман Садулаев Шалинский рейд (2009) // «Знамя», 2010] [№ 5 в НКРЯ].

2. Русская национальная идея = русская идея во втором коммуникативном значении [Стародубец, Белугина, Колегова 2023; 359]:

<...> Русская национальная идея сначала базировалась на православных, а в советский период уже на марксистских представлениях об основных принципах организации человеческого бытия... [Первый среди равных (2004) // «Жизнь национальностей», 16.06.2004] [№ 9 в НКРЯ].

Вариант **русская «национальная идея».**

Коммуникативное значение: реформирование Отечества «снизу», начиная с «малого»:

<...> Ещё одно приложение посвящено теме русской «национальной идеи» и такому реформированию нашего несчастного отечества, которое шло бы «снизу», начиная с «малого». Тоже, конечно, утопия, но какая характерная! [Ольга Балла Книжный магазин // «Знание – сила», 1999] [№ 23 в НКРЯ].

3. Интернационализм, стремление жить с другими народами в мире:

<...> Русская национальная идея очень проста – это интернационализм, стремление жить с другими народами в мире. Больше ничего [Мир Кавказу (2000) // «Жизнь национальностей», 24.03.2000] [№ 20 в НКРЯ].

4. Идеологические черты фашизма, национализма:

<...> Подобно тому, как в России их отцы в молодости увлекались марксизмом, некоторой части русской молодежи стали близки идеи фашизма. <...> Часть эмигрантской молодежи видела в фашизме силу, способ утвердить русскую национальную идею и была готова за эту идею идти на подвиг [А.Б. Арсентьев. У излуины Дуная (1999)] [№ 22 в НКРЯ].

Вариант **«русская национальная идея».**

Коммуникативное значение: идеологическая линия, сосредоточенная на антиамериканизме и антисемитизме.

<...> Возникает подпольная организация ВСХСОН – Всероссийский социально-христианский союз освобождения народа, выходит журнал «Вече». <...> Как и все диссиденты, члены ВСХСОН и авторы «Веча» проникнуты ненавистью к коммунизму, с другой стороны, они исповедуют антизападные взгляды. <...> в партийных кругах намечается возрождение «русской национальной идеи», замешенной на антиамериканизме и антисемитизме [Константин Азадовский. «Судьбы его печальней нет в России» // «Звезда». 2002] [№ 15 в НКРЯ].

5. Идеология русской эмиграции зарубежья первой половины XX века, ориентированная на восстановление дореволюционной России и на борьбу с большевизмом:

<...> Русская национальная армия, собравшись под русское национальное знамя, делала русское национальное дело. Национальный съезд во имя победы русской национальной идеи звал для борьбы с большевиками и для восстановления России всю зарубежную русскую эмиграцию, в которой сохранились в непрерывности и неоскверненной чистоте обломки начал русской государственности [Е.К. Миллер. Доклад об армии от 11.09.1924 (1924)] [№ 35 в НКРЯ].

Вариант **«русская национальная идея».**

Коммуникативное значение: идеология «Младоросской Партии», относящейся к советской националистической оппозиции:

<...> В целях точного определения задач Младоросской Партии мы утверждаем, что она создана для борьбы за Русскую национальную идею в пределах советской действительности, что она призвана противостоять партии, сегодня еще господствующей в этой действительности [А.Л. Казем-Бек. Из речи на конференции I и II района М.П. во Франции «Младоросская Партия» (1936)] [№ 32 в НКРЯ].

Семантическими компонентами тематической области являются: *христианство, православие; марксизм; формула «православие – самодержавие – народность»; стремление жить с другими народами в мире; русская национальная армия; русское национальное знамя; русское национальное дело; нестяжательство* (В. В. Розанов).

Идеологически-оценочный план содержания в данной тематической области фиксируется смысловым полем посредством лексических экспликативов – мелиоративных и пейоративных.

– безоценочные экспликативы: *русская История / история; русский народ; многонациональное Российское государство; русская Революция / революция; русский вопрос; русская нация;*

– мелиоративные экспликативы: *Русская идея / русская идея; вера отцов; монархия; патриотизм; русские религиозные философы; диссидентство; Андрей Тарковский; Василий Шукшин; Владимир Солоухин; «деревенщики» – Василий Белов, Борис Можжаев, Федор Абрамов, Владимир Тендряков; свет; октябрь 17-го года; устремленность к всеобщей справедливости; социальная справедливость; «предметное индивидуализированное неравенство неравных людей»* (И. А. Ильин);

– пейоративные экспликативы: *идеи фашизма, национализм («бесцельная травля малых народностей* (Г. П. Федотов (1929))); «перевод населения с водки на виски» (И. В. Мальцев).

Тематическая область «Ироническое представление об особенностях русского мирозерцания и русской культуры».

Продуктивен вариант *русская национальная идея* (100 %).

Коммуникативные значение области:

водка (1), роспуск представительного и законодательного собрания Российской Федерации («разогнать Думу!») (2), антисемитизм («бей жидов, спасай Россию!») (3).

– *Нужна русская национальная идея!*

– *Это ты про водку? Да, сейчас неплохо бы – безыдейно сидим!*

– *Русская национальная идея – разогнать Думу! – Да сколько можно?!*

– *А тут один генерал уже давно высказал русскую идею: бей жидов, спасай Россию! – лучшей национальной идеи не придумаешь* [С. Осипов. Страсти по Фоме. Книга третья. Книга Перемен (1998)] [№ 25 в НКРЯ].

В газетном корпусе НКРЯ на момент проведения исследования – 47 текстов, 57 примеров.

План выражения представлен с учетом выделенных в ходе анализа двух тематических областей инвариантом *русская национальная идея / «русская национальная идея».*

Статистика частотности употребления идеологемы *русская национальная идея* по тематической области следующая: *русская национальная идея* – 98 %, «*русская национальная идея*» – 2 %.

Тематическая область «Идеологическая и аксиологическая доминанта русской языковой и концептуальной картин мира».

Коммуникативные значения области:

1. Русская национальная культура, русское национальное наследие:

<...> В массах крепнет убеждение, сформулированное в 90-е годы искусствоведом Львом Мочаловым: «**Русская национальная идея** есть русская национальная культура» [Д. Быков Памятка вербовщику // Известия. 2009.05] [№ 7 в НКРЯ]; *Сегодня в России никак не могут найти национальную идею. Наверное, не там ищут. Зайдите в Библиотеку им. В. И. Ленина, посмотрите на корешки книг на полках, в Третьяковку, в Консерваторию – вот где русская национальная идея* [Пианист должен говорить с Богом // Аргументы и факты. 2002.05] [№ 34 в НКРЯ].

2. Справедливость:

<...> *Справедливость – вот ключевая основа основ русской национальной идеи и того послания миру, с которым в его сознании связывается слово «Россия».* [Д. Егоров Форум-2020, «Глобальный мир: амбиции суверенной России» // Известия. 2008.04] [№ 8 в НКРЯ].

3. Идея суверенитета:

Идея суверенитета может претендовать на роль искомой русской национальной идеи [Анастасия Матвеева. Европу зовут помериться духовностью // РБК Daily. 2006.07] [№ 11 в НКРЯ].

4. Действенная национально-патриотическая борьба со «всеобщим одичанием» и богоотступничеством:

Русская национальная идея – в отечественной литературе почти десяти веков – от автора «Слова о законе и благодати» митрополита Иллариона, выходца из русского Крыма начала XI века, до трагически ушедшего на рубеже XXI века исторического романиста Дмитрия Балашиова. <...> *Не состоит ли русская национальная идея именно в том, чтобы противостоять с Божьей помощью такому губительному умножению (*богоотступничества – пояснение наше: С. Н.)?* <...> **Русская национальная идея невозможна без обращения к вере отцов – к Пресвятому Православию** [«Идиот» – это вам не Саня Белый // Комсомольская правда. 2003.06] [№ 28 в НКРЯ].

5. «Обеспечение экономического роста» (по мнению Президента РФ В. В. Путина):

<...> *“Знаете, Владимир Владимирович, мы сегодня говорили о русской национальной идее. Как вы считаете, в чем она должна заключаться?” Путин думал секунд сорок. Потом сказал, что наша главная задача – обеспечение экономического роста* [Евгения Иванкова. Сочинение на заданную тему // Труд-7. 2003.07] [№ 27 в НКРЯ].

6. Способность русских неординарно мыслить, двигаться, прогрессировать в крайне трудных условиях бытия:

<...> *Пожалуй, эта совокупность положений «уметь двигаться со спутанными ногами и прыгать из положения сидя» может претендовать на выражение русской национальной идеи и уж точно на философию русской истории (аллегорическое русское народного танца «Барыня» – пояснение наше: С.Н.)* [Тверк дном // Известия. 2015.04] [№ 4 в НКРЯ].

Тематическая область «Ироническое представление об особенностях русского мирозерцания и русской культуры».

Продуктивен вариант русская национальная идея.

Коммуникативные значения области:

1. «Абсолютная монархия при абсолютной анархии» (Ю. Шевчук):

<...> *Под конец монолога Юрий Шевчук сделал следующее заявление: “Я вывел формулу русской национальной идеи. Абсолютная монархия при абсолютной анархии”. И засмеялся в аккуратно подстриженную бороду* [Понаехали там // Коммерсант. 2005.08] [№ 18 в НКРЯ].

2. Роскошь:

<...> А ключевыми событиями РЭФа (Русского Экономического Форума – пояснение наше: С. Н.) обещают быть выступление главы «Роснефти» Сергея Богданчикова и рассмотрение роскоши как **русской национальной идеи** главой «Русского стандарта» Рустамом Тарико [В Лондоне обсудят идеологию нефти и бутиков // Коммерсант. 2006.04] [№ 14 в НКРЯ].

3. «Быть россиянином – значит ругаться по-русски!»:

Афоризм “В России матом не ругаются, на нем разговаривают” принадлежит Осипу Манделштаму. <...> не пора ли ввести в обиход новый, на самом деле народный лозунг “Быть россиянином – значит ругаться по-русски!”. Ну чем не **русская национальная идея!** [Язык с хреном // Аргументы и факты. 2004.02] [№ 22 в НКРЯ].

4. Продуктивное противостояние русского футбола европейскому посредством финансовой поддержки Романа Абрамовича:

<...> Во вторник вечером в Лиге чемпионов лондонский Chelsea разгромил римский Lazio на его поле со счетом 4:0. Заинтересованным свидетелем итальянского национального позора и торжества **русской национальной идеи** был специальный корреспондент Андрей Колесников [Римские цифры русскими буквами // Коммерсант. 2003.11] [№ 23 в НКРЯ];

<...> **Русская национальная идея** восторжествовала в тот момент, когда английская команда Chelsea под руководством Романа Абрамовича начала побеждать. Вместе с ней вот уже несколько месяцев выигрываем и все мы – россияне с характером [Роман Абрамович и русская национальная идея // Коммерсант. 2003.12] [№ 23 в НКРЯ].

Семантическими компонентами тематической области являются: Пресвятое Православие / православие (= вера отцов); национальное самосознание; русская национальная культура; отечественная история; «Россия Вечная» Юрия Мамлеева; русская «Барыня»; русский кафтан; русский кушак; «Русский проект»; «Русский марш»; идея суверенитета; «БОГ, ТРУД, НАЦИЯ» (И. Глазунов).

Идеологически-оценочный план содержания в данной тематической области фиксируется смысловым полем посредством лексических экспликаторов – мелиоративных и пейоративных.

– безоценочные экспликаторы: *недостигнутое, непостигнутое, национальное самосознание;*

– мелиоративные экспликаторы: *Библиотека им. В. И. Ленина; Третьяковская галерея (= Третьяковка), Консерватория; «уголок среди всеобщего одичания» (М. Дунаев); патриотизм.*

– пейоративный экспликатор: *фальстарт.*

Таким образом, идеологема **русская национальная идея** в основном корпусе НКРЯ, представленная инвариантом *Русская национальная идея / русская «национальная идея» / русская национальная идея / «русская национальная идея»*, репрезентирует смысловое поле с двумя тематическими областями и пятью коммуникативными значениями, в **газетном корпусе НКРЯ** – двумя тематическими областями, идентичными тем, которые имеют место в основном корпусе. В пределах первой тематической области выделено шесть коммуникативных значений, в пределах второй – четыре коммуникативных значения.

Идеологическая оценочность составного наименования *русская национальная идея* в основном и газетном корпусах реализуется посредством различных языковых средств микро- и макроконтекста, которые становятся маркерами положительного либо отрицательного вектора идеологема как языкового знака.

Литература

1. *Бельчиков Ю.А.* Русский литературный язык: стилистика, лексика, история. – Москва, 2001. – 317 с.
2. *НКРЯ* – Национальный корпус русского языка. – URL: Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 02.05.2023).
3. *Петрова О.О.* Культурно-идеологические созначения в семантике слова (на материале основных толковых словарей русского языка XIX - начала XXI века) : монография. – Калуга : КГУ им. К. Э. Циолковского, 2017. – 226 с.
4. *ПЛ* – Прикладная лингвокультурология: слово и образ жизни русского народа : учебное пособие / В. В. Воробьев, И. П. Василюк, Д. А. Парамонов, В. В. Шмелькова. – Москва : РУДН, 2022. – 409 с.
5. *Стародубец С.Н., Белугина О.В., Колегова О.Ю.* Идеологема «русская идея» в русской концептуальной и языковой картинах мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. № 2. С. 347-364.
6. *Захватаева К. С.* Языковые контакты: базовые понятия и их стратификация // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2010. – № 126. – С. 165-170.
7. *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: ЧеРо, 2003. — 349 с. – Издание 2-е, исправленное и дополненное.
8. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования – М.: Языки русской культуры, 1997. — 824 с.

СУНЬ СЮЙНА

Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ

Статья посвящена вопросам локализации лингвокультурологии как научной дисциплины иностранного языка в Китае в условиях новых вызовов XXI века.

Ключевые слова: лингвокультурология, локализация, китайская специфика, перспективы, новые вызовы XXI века.

Проблема изучения русского языка в тесном единстве с культурой получила свое теоретическое обоснование в ряде научных исследований, и прежде всего в трудах Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова и В.В. Воробьева. Данная актуальная проблема в Китае прошла два этапа развития: от лингвострановедения (1985 - 2000 гг.) [Ван Янчжэн 2011; 27] к лингвокультурологии (2001 г. -) [Сюй Гаоюй 2001; 19].

Если речь идет о научной дисциплине лингвокультурология в Китае, то следует отметить что, это "лингвокультурология русского языка в Китае" или "российская лингвокультурология в Китае", а совсем не наука "китайская культурная лингвистика (cultural linguistics)" [Чжао Айго 2007; 28], которая рассматривается как неизбежная тема и даже нередко путается при исследовании лингвокультурологии русского языка.

Понятие лингвокультурологии в Китае определяется, в первую очередь, как новейшее развитие и продолжение научной дисциплины лингвострановедение. Современный огромный научный интерес к лингвокультурологии в Китае начался с лингвострановедения.

Следовательно, введение лингвокультурологии в Китай является целесообразным и исторически неизбежным. Успех лингвострановедения в Китае обеспечивает благодатную почву для распространения лингвокультурологии, что одновременно обуславливает главное направление лингвокультурологического исследования в Китае — социолингвокультурологическое, ориентирующееся на описание системы культурных ценностей различных областей культурной жизни русского народа.

В разные эпохи есть различные вопросы и научная миссия. В контексте новой эпохи, определенном формировании сообщества единой судьбы человечества, содействием

глобальному управлению, продвижением строительства инициативы “Один пояс, один путь”, выдвигаются новые требования к миссии китайских гуманитарных и социальных наук, а также «создаются беспрецедентные возможности для научной дисциплины лингвокультурология» [У Гохуа 2021; 4].

Главной перспективой лингвокультурологии в Китае считается локализация, т.е. ориентация на актуальные потребности государственной стратегии и решение проблем современного Китая [Пэн Вэньчжао 2020; У Гохуа 2021].

Перспективные направления локализации лингвокультурологии с китайской спецификой в современных условиях новых вызовов реализуются:

1) На стыке лингвокультурологии, страноведения и регионоведения. В рамках лингвокультурологии, страноведения и регионоведения прилагается ряд потенциальных исследований, таких как исследование лингвокультурного фона инициативы “Один пояс, один путь” и Евразийского союза, исследование лингвокультурной политики стран, расположенных вдоль экономического пояса “Шелковый путь” и т.д.

2) В сочетании с политологией, политической лингвистикой. В новых исторических условиях в связи с реальными потребностями государственной политической стратегии выдвинуты новые темы лингвокультурологических исследований на пересечении лингвистики и политологии, в том числе анализ лингвокультурных концептов в политическом дискурсе В.В. Путина, описание портрета политика В.В. Путина как языковой личности, исследование культурных генов китайских политических лидеров. Данные исследования позволяют обсудить вопросы языка, культуры и личности не просто с помощью политического дискурса, но и в плане государственной стратегии, что обладает большой ценностью в китайско-русском гуманитарном обмене.

3) В аспекте служения распространению китайской культуры. В настоящее время распространение китайской культуры стало одной из важнейших стратегий государственного развития и целей создания дисциплин иностранного языка. В круге русского языка в Китае тоже появились новые тенденции изучения, которые не наблюдались раньше. Перевод китайской культуры на иностранный (русский) язык и (российское) китаеведение как новые тенденции новой эры неизбежно стали новыми направлениями и миссией изучения русского языка.

По-нашему мнению, распространение китайской культуры как новая тема новой эры также создает беспрецедентные возможности для локализации лингвокультурологии русского языка с китайской спецификой, его реализация представляется возможной на основе лингвокультурологии русского языка, китайской культурной лингвистики и переводоведения.

Таким образом, в процессе формирования сообщества единой судьбы человечества лингвокультурология со своим уникальным дисциплинарным преимуществом имеет большую научную и эпохальную ценность.

Локализация с китайской спецификой позволяет больше подтвердить объяснительную силу лингвокультурологии с междисциплинарным характером и повысить ее жизнеспособность в Китае.

Литература

1. Ван Янчжэн. От лингвострановедения к лингвокультурологии // Вестник университета иностранных языков НОАК. – 2011. – № 2. – С.27.

2. Сюй Гаоюй. Новейшее развитие исследования по языку и культуре: о теории лингвокультурологии В.В. Воробьева // РУССКИЙ ЯЗЫК В КИТАЕ. – 2001. – № 3. – С.19.

3. Чжао Айго. От лингвострановедения к лингвокультурологии // РУССКИЙ ЯЗЫК В КИТАЕ. – 2007. – № 3. – С.28.

4.У Гоха. Лингвокультурологическое исследование: традиции и новации // ИЗУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ. – 2021. – № 6. – С.4.

5.Пэн Вэньчжао. Исследование русского языка и культуры нашей страны в новом веке: проблема и тенденция // Иностранные языки и их обучение. – 2020. – № 1. – С.42-50.

СУРОВЦЕВА Е.В.

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,
Православный Свято-Тихоновский университет имени Феофана Затворника*

СОВРЕМЕННЫЕ РУССКИЕ ЖИТИЯ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ «ЖИТИЙ НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКИХ XX ВЕКА МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ»)

В корпусе «Житий новомучеников и исповедников Российских XX века Московской Епархии» выделяются религиозная лексика и советизмы, присутствуют лексемы с корнями - *свят-/-святц-* и *-грех-/-греш-*.

Ключевые слова: лингвокультурология, житие, современная русская литература, междисциплинарные исследования, корпусная лингвистика.

Одним из динамично развивающихся жанров современной русской литературы является житие, переживающее в настоящий момент второй взлёт. Развитие этот жанра на современной этапе связан с нашей трагической историей – в основном пишутся жития новомучеников и исповедников, пострадавших за веру в годы советской власти. Изучение материала уже начали богословы [Митров, 2004; Полетаев, 2007], культурологи [Лоевская, 2005], литературоведы [Макаренко, 2010; Макаренко, 2011; Санько, 2018; и др.]. Приступили к изучению материала и лингвисты [Иванова, 2004]. Хотелось бы обратить внимание на необходимость изучения житий методами корпусной лингвистики – на наш взгляд, перспективно создание корпусов современной агиографии. В настоящий момент мы работаем над созданием корпуса «Житий новомучеников и исповедников Российских XX века Московской Епархии», в который входит 341 текст (примерно 390 000 словоупотреблений) [Суровцева, 2018]. Кроме того, современные жития являются бесценным материалом для лингвокультурологов.

С точки зрения лингвокультурологии интересны, на наш взгляд, два выделяемых нами в корпусе лексико-семантических поля – религиозная лексика и советизмы.

Религиозная лексика обозначает богословские понятия Православия, реалии церковной жизни, названия православных праздников, прецедентных имён из Священного Писания, богослужебных текстов, обрядов, богослужебной утвари и многое другое. Изучение именно этого пласта материала крайне важна, т.к. на православном учении основана наша культура. Данное поле насчитывает примерно 30 000 словоупотреблений (чуть больше 1200 лексем). В число пяти самых частотных лексем входят слова (в квадратных скобках мы указываем количество словоупотреблений): *отец* (в значении «обращение к священнику») [3036], *священник* [2384], *церковь* [2152], *храм* [1678], *духовный* [881].

К числу советизмов, т.е. слов, обозначающих реалии русской жизни советского периода, относятся примерно 5000 словоупотреблений (примерно 200 лексем). Самые частотные из них – *контрреволюционный* [907], *НКВД* [676], *антисоветский* [652], *тройка* [370], *ОГПУ* [325]. Работа по выделению полей невозможна без работы с многозначностью. Так, слово *отец* всего в корпусе упомянуто 3270 раз, из них – при названии лиц духовного звания и при обращении к нему 3036 раз (эти словоупотребления отнесены нами к церковной лексике) и 234 раза при обозначении родственных связей. Слово *тройка* 369 раз

употребляется в значении ‘судебный орган’ (в этом значении слово включено нами в советизмы) и 1 раз в сочетании «тройка лошадей».

В нашем корпусе мы также видим примеры пересечения лексико-семантических групп. Например, *ВЦУ* включено нами в религиозную лексику, советизмы и ещё одно выделяемое нами поле – аббревиатуры. Целый ряд слов вошёл как в религиозную лексику, так и в советизмы, а также в группу слов с дефисным написанием (*антихрист-коммунист*, *безбожник-большевик*, *коммунист-безбожник* и пр. – в основном подобные слова относятся к низкочастотной лексике).

В житиях нашло своё отражение важное для нашей страны понятие святости и греха. Мы отобрали все лексемы с корнями *-свят-/-свящ-* и *-грех-/-греш-*. Лексемы с корнем *-свят-/-свящ-* составили список из 71 единицы (в общей сложности 4193 словоупотребления). Пять самых частотных слов с данным корнем: *священник* [2384], *священномученик* [507], *святой* [396] / *святый* [3], *святитель* [162], *священный* [74]. Лексемы с корнями *-грех-/-греш-* составили список из 11 единиц (в общей сложности 141 словоупотребление). К числу пяти самых частотных слов вошли: *грех* [94], *грешный* [24], *прегрешение* [4] / *прегрешенье* [1], *греховный* [4], *грешник* [3]. Бросается в глаза, что лексемы с корнем *-грех-/-греш-* встречаются в корпусе реже, чем лексемы с корнем *-свят-/-свящ-*. Таким образом, на наш взгляд, можно говорить о том, что жанр жития «нацелен» прежде всего на формирование идеала, на разговор о возвышенных сторонах человеческой души, и греховность является менее значимым предметом для размышления. Нам говорится прежде всего не «не грехи», что абсолютно верно, но «будь свят» (известно, что согласно православному вероучению все верующие призваны к святости). Интересный факт: в анализируемых нами житиях речь идёт не только о личной греховности конкретного человека, но и о грехах народных, о коллективной ответственности за происходящее. Так, в целом ряде случаев произошедшая Октябрьская революция 1917 года оценивается как наказание за грехи всего нашего народа – и эта оценка принадлежит не нам, а современникам тех событий. Например, преподобномученица Вера (Морозова) (день памяти – 26 февраля по новому стилю) утверждала: «Вообще жить стало народу тяжело, в магазинах ничего нет, кругом стоит дороговизна. Но это все так и должно быть по Божьему Писанию. Бог нам послал такую власть за грехи, совершенные народом».

Таким образом, мы видим, что в современных мученических житиях нашли своё отражение как сложные моменты русской истории, так и важнейшие понятия русской культуры.

Литература

1. Иванова Т.А. Лексические особенности жизнеописаний новопрославленных святых Русской Православной Церкви. Дисс. ... кандидата филол. наук: 10.02.01. М., 2004. 201 с.
2. Лоевская М.М. Русская агиография в культурно-историческом контексте переходных эпох. Дис. ... доктора культурологии. М., 2005. 366 с.
3. Макаренко Е.К. Агиография XX века. Проблема жанра и методов его исследования // Святоотеческие традиции в русской литературе / Отв. ред. В.В.Соломонова, С.А.Демченков. Омск: Вариант-Омск, 2010. С. 155 – 164.
4. Макаренко Е.К. Агиография XX века. Проблема жанра и методов его исследования // Сибирский филологический журнал. 2011. № 1. С. 95 – 102.
5. Митров О. Опыт написания житий новомучеников и исповедников Российских // РОФ «Память мучеников и исповедников РПЦ» «Труды. Выпуск 1. Новомученики XX века». М.: ООО «Издательство “Булат”», 2004. С. 24 – 30.
6. Полетаев Л., священник. Современная агиография и русская житийная традиция. Дисс. ... канд. богословия. СПб., 2007.
7. Санько А.Э. Жития святых: особенности редакционно-издательской подготовки // Кирилло-Методиевская традиция в культуре России. Шестнадцатый Славянский научный сбор «Урал. Православие. Культура» / Сост. О.В.Терехова. Челябинск: ЧГИК, 2018. С. 231 – 235.
8. Суровцева Е.В. Корпус житий новомучеников и исповедников (на материале «Житий новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии»): Состав и подготовка текстов,

СУХОВА А.В.

Ивановский государственный университет

«СПЕРВА АЗ ДА БУКИ...»: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АЗБУКИ

В статье рассмотрены условия, необходимые для формирования умения вести диалог культур; представлены возможности для расширения пространства инкультурации, которые обеспечивает работа с иллюстрированной азбукой на занятиях русским языком как иностранным и как неродным.

Ключевые слова: азбука, инкультурация, образование лингвокультурология, лингводидактика, инофон.

Рассматривая иноязычную культуру как содержание иноязычного образования, Е.И. Пассов настаивал на необходимости воспринимать ее и как средство достижения основной цели образования – «интегративного умения индивидуальности как человека духовного вести диалог культур» [Пассов 2010; 49]. В рамках этой парадигмы изучающий культуру средствами языка человек (который изначально сам является субъектом культуры и постоянно развивается «в результате деятельности по «распредмечиванию» и «опредмечиванию» (М.С. Каган) актуальных смыслов культуры») лишь расширяет пространство инкультурации, осваивает новые способы движения к интериоризации феноменов как своей, так и иных культур [Янтуш 2014; 174]. Невероятно важным в создании условий для присвоения «неорганической» культуры становится не столько формирование «свода» знаний по «страноведению», сколько «целостная трансляция онтологических компонентов /.../ культуры: этики, эстетики, философии и религии – не только на специальных занятиях, но всеми организационными формами образовательного процесса» [Кыштымова 2015; 21].

Одним из примеров «факта культуры», который являет собою образец дидактического инструмента, обладающего особой ценностью, и «готовит к диалогу культур по всем аспектам» (то есть позволяет обрести опыт восприятия, осознания места в культуре, сопоставления с фактами родной культуры, анализа его ценности, включения в систему своих знаний и «действия соответственно новым знаниям» [Пассов 2010; 44]), может стать Азбука. Именно с освоения ее в первом значении слова («Совокупность букв какой-л. письменности, расположенных в установленном порядке; алфавит» [Словарь русского языка]) начинается знакомство изучающего иностранный язык инофона с единицами языка и способами их представления в письменной речи. Причиной нашего пристального внимания к азбуке стал вопрос коллеги о том, каким словом проиллюстрирована буква «В» в алфавите на страницах одного из школьных учебников русского языка для иностранных учеников. Слово «вот» не могло не обратить на себя внимание. Конечно, его востребованность на начальном этапе изучения языка не вызывает сомнения, но что же тогда обусловило недоумение. Вероятно, отношение к азбуке только как к «книжке для начального обучения грамоте» [Словарь русского языка] также не исчерпывает представления носителя языка о значении vs ценности тех «азов» («исходная и отправная точка любого дела или начинания» [Колесов 2014; 22]), которые предьявляет ученику и алфавит, и букварь.

Анализ способов презентации алфавита в учебных пособиях по русскому языку как иностранному для взрослых позволяет констатировать:

- не всегда точное соответствие приводимого авторами звукового «аналога» (например, из английского языка) для звука, обозначаемого русской буквой, (щ - Russia);
- выбор слов-иллюстраций (на фоне соответствий Б – Байкал, В – Волга, странными кажутся А – Невада, Й – Троя и т.п. [Русский язык – мой друг 2011; 11]);

- часто в качестве иллюстраций букв авторы приводят слова из разных тематических групп (что тоже не упрощает запоминание).

Если же обратиться к учебникам и сайтам, которые призваны познакомить с алфавитом изучающих русский язык детей-инофонов, то вопросов будет возникать тоже немало. И первый из них связан с тем, сколь часто создатели учебных материалов (изображая рядом с буквой «Т» – телефон и записную книжку, а рядом с буквой «Х» – тарелку с хлопьями или халвой) нарушают прекрасно сформулированные автором иллюстрированной Азбуки Владимиром Конашевичем идеи о том, каким должен быть рисунок в детской книге: «Всякий предмет должен изображаться так, чтобы все его части были видны ясно»; «Картинка должна быть построена так, чтобы взгляд ребенка направлялся на самое главное и потом шел по тем направлениям, куда развивается действие» [Конашевич 1967; 196].

Не менее важно и то, что некоторые изображения не только сбивают с толку (например, рядом с буквой «Щ» изображена рыба, в которой необходимо угадать щуку), но часто становятся «ложными друзьями» осваивающего культуру иностранца (не будет ли, если слово «щука» написано рядом с иллюстрацией, любая рыба так называться). В силу литературоцентричности русской культуры поиск необычного «представителя» буквы часто приводит иллюстраторов к прецедентным феноменам, среди которых встречаются, например, Буратино (простак, кукла, обретающая золотой ключик), который может быть воспринят инофоном как Пиноккио (лжец, кукла, становящаяся человеком).

Что же можно предложить педагогу, который организует освоение русской культуры в процессе знакомства с алфавитом? Замечательный путь обозначен М.Ю. Ханковой, которая создала в «Русской азбуке в рисунках» для каждой буквы «большой уютный дом», в котором «строится своя история» [Ханкова 2017; 2]. Предложенный автором мир буквы отражает и разные коды культуры («вокруг – своя погода и время года, птицы, звери, травы, уклад и быт» [Ханкова 2017; 2]), и прецедентные феномены («где-то трудится Марья-искусница, а где-то можно увидеть и самого Илью-Мурмца!» [Ханкова 2017; 2]).

Дом буквы не оставит равнодушным. С одной стороны, в нём весьма узнаваемы изображенные реалии русского мира, а «эстетический аспект» позволяет инофону «по достоинству оценивать факты чужой культуры» [Пассов 2010; 46]. Художник подробен: в доме буквы «Ё» представлен лёд (столь важная для русской культуры «характеристика хотя и живых, но бездушных тел» [Колесов 2014; 402]) на реке; есть в нём прорубь; к ней хозяйка идёт по воде; в проруби хозяин рыбу ловит (есть возможность вспомнить и про Емелю, и про щуку). Есть колючие ёжик (который «может употребляться для характеристики человека, его внешности, мыслей, чувств» [Красных 2016; 429] и действий, вызванных чувствами и ощущениями: «Ёжиться – «нахохливаться» /.../ от холода, испуга, чего-либо отталкивающего, вызывающего отвращение /.../ как бы отгораживаясь от окружающего мира» [Красных 2016; 431]), ёрш (актуализирующий, по мнению Н.М. Шанского, прилагательное «ершистый» и глагол «ершиться» [Шанский] (а также «см. Соболевский, РФВ 65, 415; Бернекер 1, 454» [Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера])) и ёлочки.

С другой стороны, постепенно на страницах такой Азбуки изучающий средствами языка русскую культуру инофон может отразить самостоятельно найденные в разных источниках реалии и дополнить уже организованный тезаурус языковой картины русского мира своими находками и наблюдениями. Так, например, в доме буквы «Б» есть белочки, брусника и боярышник, бусы и береста, болото, брёвна, балалайка. Есть и «белые», которые можно заменить / дополнить словом «боровики» (именно их нужно будет вспомнить в доме буквы «Ё», когда речь пойдет о том, что хранится в кадках «под гнётом»). Но ответы на вопросы «Что едим на Масленицу?» (блины), «С чем пьем чай?» (баранки, бублики), «Какое дерево часто упоминают в стихотворениях о России?» (береза), «Что на русских просторах колышется на ветру?» (былинка) точно позволят понять, как много еще в этой букве русского.

Предложенный М.Ю. Ханковой образ Русской азбуки может быть творчески переосмыслен. Удивительно интересным и полезным для участников образовательного процесса станет Азбука родного языка инофона, отражающая его камертонную культуру и обеспечивающая как утверждение ее самобытности (особенно необходимое для детей, попадающих в «сложную жизненную ситуацию» миграции, когда отказаться от родного языка так просто), так и признание ее значимости не только для носителя, но и для всех участников основанного на диалоге образовательного процесса. Азбуки своей и осваиваемой культур должны осмысляться не столько как видимый и значимый «продукт проекта», сколько как воплощение опыта инкультурации и как прекрасная иллюстрация того, что обучение грамоте – начальный и важный этап в овладении всем многообразием знаний: «Сперва аз да буки, а там и науки».

Литература

1. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т 1. А – О. – С-Петербург, 2014. – 592 с.
2. Конашевич В. О рисунке для детской книги // Конашевич В. О себе и своем деле. – М., 1967. – С. 193 – 197.
3. Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры; Основы психолингвокультурологии. – М., 2016. – 496 с.
4. Кыштымова И.М. Инкультурация как основа организации образовательного пространства // Казанский педагогический журнал. – 2015. – №6. – С. 20 – 23.
5. Пассов Е.И. Урок иностранного языка. – М., 2010. – 640 с.
6. Русский язык – мой друг. Базовый уровень: учебник русского языка для студентов-иностранцев / Под ред. Т.В. Шустиковой и В.А. Кулаковой. – М., 2011. – 851 с.
7. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1999. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/01/ma102708.htm?cmd=0&istext=1>
8. Ханкова М.Ю. Русская азбука в рисунках Марины Ханковой. – М., 2017. – 72 с.
9. Шанский Н.М. Этимологический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/e/ершиться>
10. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/e/ершиться>

ТАРИВЕРДИЕВА Н. Р.

Университет АДА, Баку, Азербайджан

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ НА УРОКАХ РКИ СО СТУДЕНТАМИ, ПОЛУЧИВШИМИ НАЧАЛЬНОЕ ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

«Культурные ценности не изнашиваются, не стареют, а постоянно умножают духовное богатство общества»

Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров

Статья посвящена тому, что имея своим предметом обучение языку как иностранному, мы прежде всего говорим об ознакомлении с культурой этого языка посредством использования текстов художественной литературы, поэтических неадаптированных текстов.

Ключевые слова: художественная литература, поэтический текст, культурология, межкультурная коммуникация.

Говоря в данной статье о проведении уроков в группах студентов, изучающих русский как иностранный, прежде всего нужно упомянуть, что данные группы состоят из инофонов, возможно неплохо говорящих на русском языке, но родным языком которых он не является.

Принимая во внимание тот факт, что первоначальное обучение многими студентами получено на азербайджанском языке, не отрицается возможность их осведомленности о поэтах, писателях русской литературы, о которых пойдет речь в дальнейшем. Однако тот факт, что студент слышал имя поэта или писателя не означает, что он знаком с его творчеством.

Заметим, что речь идет отнюдь не об уроках литературы. Мы говорим о преподавании русского как иностранного на примерах произведений художественной литературы, произведений классиков.

Обучение студентов в последние два года в высшей школе АДА проходит на английском языке. Таким образом можно говорить об изучении ими русского языка как иностранного. Речь в данной статье идет об уровнях В 2- С 1 и выше.

Работа студентов в такого рода группе имеет две стороны медали: с одной стороны, подразумевается владение студентом языком в какой-то мере, а с другой, открывается широкое поле деятельности (как впрочем и на любом другом уровне), так как помимо обучения студентов языку встает вопрос об ознакомлении их с культурой, которую несет этот язык. Ибо как можно научить человека говорить на языке, не освещая литературу данного языка, не говоря о его поэзии, о романах, написанных на этом языке, фольклоре, сказках, песнях и т.д.

Язык и его культура- понятия неотделимые друг от друга. Поэтому, на наш взгляд, каждый урок, вне зависимости от того, чему он посвящен, может и должен содержать культурологическую справку, образуя своеобразный «мостик» в мир изучаемого языка.

Как известно, чтение- один из способов изучения языка.

Заметим, что под «чтением» в данной работе подразумевается не только чтение текста студентом, но и чтение какого-то художественного произведения (чаще всего поэтического неадаптированного текста) самим преподавателем.

Как замечает Н. В. Кулибина, «Поэтический текст, благодаря своему небольшому объему (и связанному с ним ограниченному набору возможных трудностей) исключительно удобен для занятия» [Кулибина;130]

Конечно, это справедливо не для всех поэтических произведений, так как существует целый ряд факторов, которые нужно учитывать при выборе материала, с которым работает преподаватель. Но использование поэтических произведений нужно.

Дело в том, что при первом ознакомлении с поэтическим текстом, при условии, что около восьмидесяти процентов текста воспринимается студентом на слух без каких-либо трудностей, у него складывается «картинка», начинает работать воображение, возникают ассоциации, формируется чувство вкуса и чувство прекрасного. И у преподавателя появляется надежда, что стоит только направить мысль студента в нужное русло, как возникают и сопереживания, и споры, и суждения и, самое главное- момент выхода в речь .

Сделать это представляется возможным посредством использования текста классической русской литературы.

Художественные тексты, одним из основных элементов которых является лингвострановедческая справка, по справедливому замечанию Е. М . Верещагина и В.Г Костомарова «...формируют образное мышление, влияют на чувства, формируют вкус, следовательно, наряду с передачей «деловой информации» оказывают воздействие на эмоции человека и его образно- художественную память». [Верещагин, Костомаров 1990; с 25]

И в продолжение этой мысли, «Главное, чем объясняется принцип обучения русскому языку иностранцев на высокого уровня произведениях художественной литературы, заключается в их познавательном, эстетическом, эмоциональном, воспитательном воздействии.» [Подколзина; 111]

Приведенные выше цитаты говорят о целесообразности использования художественных текстов и именно текстов «высокого уровня».

Начиная говорить о какой-то теме, преподаватель предваряет ее чтением литературного отрывка, небольшим стихотворением, что создает нужное настроение, побуждает студента вслушаться в текст, уловить мелодику стихотворения (если это стихотворение), узнать о том, кому принадлежат эти строки, получить совсем небольшую историческую справку о том времени, когда было написано это произведение.

Это необходимо: ведь читая Пушкина или Есенина, мы обращаемся к разным временным отрезкам истории. Конечно, не всегда, но часто сам текст стихотворения заставляет преподавателя предварить его чтение вопросом о том, знает ли студент о каком времени идет речь. Студент должен понимать и помнить о том, что происходило в политической и культурной жизни страны, что побудило поэта или писателя говорить об этом в своем произведении и т.д.

Нередко чтение того или иного стихотворения может сопровождаться музыкальным оформлением.

Примером тому может служить оформление урока по русскому как иностранному, когда подача материала, прочтение стихотворения А. С. Пушкина «Я вас любил», сопровождается вальсом Г.В. Свиридова к повести Пушкина «Метель».

Рассказывая о великом поэте, читая его стихотворение, преподаватель дает возможность студентам послушать прекрасную музыку, проникнуться духом времени, в котором было написано это стихотворение, послушать русскую классическую музыку.

На наш взгляд, преподаватель, развивая сразу несколько навыков, как то: слушание, понимание, умение визуализировать картинку, заставляет студента не просто прослушивать материал, а понимать и сопереживать. А значит, затрагивает эмоции студента.

Таким образом, как в калейдоскопе, из многих красивых, однако поначалу разрозненных деталей, складывается прекрасная картинка, что вызывает у студента желание лучше узнать эпоху, о которой идет речь, самостоятельно прочесть то или иное произведение русской классики той эпохи или найти какую-то информацию об этом в Интернете, что может дать ему возможность расширить словарный запас, лучше ознакомиться с культурой России.

Все это может являться фактом межкультурной коммуникации и в то же время тут присутствует воспитательный аспект, без которого не может обходиться урок языка.

Ведь одной из важнейших задач преподавателя языка и литературы, и преподавателя вообще, является воспитание студента. От того, насколько более серьезно мы подходим к этому, зависит конечный результат.

Студенту мало изучить времена глагола или научиться использовать сложные предложения. Надо вынести из урока что-то, что «зацепит», «заставит вспомнить», побудит поступить или не поступить, как тот или иной литературный герой, дать свою оценку событию как описанному в произведении, так и событиям, происходящим в реальной жизни, и поступать в соответствии с этим.

И, конечно, обсуждая какой-то текст или рассматривая грамматическую его особенность, выполняя задания, суметь вынести это в речь.

Вот один из примеров урока в школе АДА, когда темой, обсуждаемой на уроке, была тема «Возраст счастья».

Сам текст, который предлагался студентам, был небольшим.

На слайде (см. ниже) дан текст из учебника. Это предварялось прочтением преподавателем стихотворения С. Есенина «Заметался пожар голубой».

Прекрасным примером может стать беседа о стихотворении М. Ю Лермонтова «Валерик». В произведении речь идет о любви и войне, о том, что важно и нет, о бое на Кавказе, участником которого является сам автор. После жестокой схватки он, наблюдая за теми, кто остался в живых, выражает свою мысль следующим образом:

«...А там вдали грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы — и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?»

Зачем? единственный вопрос, порождающий рассуждения и множество ответов, которые можно свести к выводу: мы хотим мира. И неважно, кто перед нами: чеченец, русский, француз, американец или якут. Ответ один.

В завершение нужно отметить и повторить, что преподавание языка как иностранного отнюдь не заключает преподавателя в рамки изучения только его грамматики. Наряду с ее изучением мы охватываем широкий культурный пласт, состоящий из языка, его особенностей, истории страны изучаемого языка, его культуры и, конечно, его части -- литературы, ибо именно посредством литературы, на примере литературного произведения появляется возможность осветить все это.

Чего мы добиваемся? Воспитания чувства доброты, открытости, любви к Родине, дружбе между народами, расширения мировоззрения студента.

«Изучение культуры другой страны разрушает коммуникативные барьеры, позволяет толерантно относиться к инакомыслию, верованиям и поведению ее представителей, а также лучше и легче познавать особенности языка носителя.» [Белозерова, Локтионова, 2013. – № 1]

Литература

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. - М.: Русский язык, 1990, -251с.

Шукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного.-М.: Высшая школа,2003, - 325 с.

Белозерова А.В., Локтионова Н. М. Лингвокультурология как лингвистическая дисциплина // Современные проблемы науки и образования. 2013. – № 1

Подколзина Т.В. Лингвокультурологическая ценность литературного произведения на уроке РКИ // Наука и Школа № 2'2019

Дружинина В.В. Поэтический текст С.А. Есенина на уроках РКИ: лингводидактический аспект // Проблемы современной школы. ISSN 1029-3388

Кулибина Н.В. Зачем, что и как читать на уроке.-С.П.: Златоуст, 2015. -224 с.

ТАСКАЕВА А.В.

*Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского,
Челябинский государственный университет*

ПИТИНА С.А.

Челябинский государственный университет

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛИЗМОВ ЧЕБАРКУЛЬСКОГО РАЙОНА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассмотрены особенности уникального языкового ландшафта Чебаркульского района Челябинской области, который представлен регионализмами трех типов: локальными коммеморативами-антропотонимами, заимствованиями и лексическими единицами, обозначающими местные реалии.

Ключевые слова: регионализм, коммеморатив, заимствование, реалия

Изучение территориально маркированной лексики представляет особый интерес для лингвистических исследований, так как дает представление об особенностях языковой среды того или иного региона, обнаруживает следы прошлых межъязыковых контактов, своеобразии географического положения и исторического развития региона.

В нашем исследовании мы рассмотрим особенности регионализмов Чебаркульского района Челябинской области. Как отмечает М.Л. Ковшова, «жизнь каждого народа протекает в только ему присущей природной и историко-культурной (материальной и духовной) реальности» [Ковшова 2016; 90], что в полной мере можно отнести как к жизни мультикультурного региона, так и его отдельного района. Чебаркуль расположен на Южном Урале, на восточном склоне Ильменского хребта, на берегу одноимённого озера. Название города и озера башкирского происхождения и означает «красивое» или «пёстрое озеро». Чебаркуль основан в 1736 г. как военная крепость на границе Российской империи, которая защищала юго-восточные границы России и была транзитным пунктом по доставке продовольствия казачьим войскам на Южном Урале, позднее стала крупной казачьей станцией. Общая численность жителей на 2022 г. составляла 44,7 тысячи человек.

В качестве методов исследования мы использовали методы лексико-семантического анализа языкового материала, элементы лингвокультурологического анализа, прием сплошной выборки,

Для обозначения регионально маркированных языковых единиц используются термины регионализм, локализм, диалектизм, провинциализм. В нашем исследовании мы будем использовать термин «регионализм», который Н.Н. Соколянская определяет следующим образом: регионализмы – это «слова и выражения, обозначающие реалии (природные и социальные) определенной местности и функционирующие более и менее регулярно в литературных текстах (устных и письменных) с номинативно-терминологической и стилистической функцией [Соколянская 1998; 5]. С точки зрения происхождения среди регионализмов можно выделить группы: «1) диалектизмы этнографического характера; 2) заимствования; 3) относительные регионализмы» [там же]. В нашем исследовании мы используем эту классификацию при ранжировании обнаруженных регионализмов.

К первой группе согласно приведенной классификации мы относим местные наименования, которые составляют большой пласт местной лексики. Как отмечает Ю.А. Резвухина, «среди регионализмов могут встречаться и региональные жаргонизмы, и региональные просторечные явления, так же, как и вполне нейтральные местные наименования» [Резвухина 2015; 86]. По нашему мнению, к числу регионализмов следует относить официальные микротопонимы, в которых отражается история развития местности. Более того, регионализмы могут быть представлены неофициальными топонимами, микротопонимами и урбанонимами, которые функционируют в разговорной речи наряду с

официальными названиями, а также «топонимическими перифразами» [Морозов 2022] как особым типом устойчивых сочетаний, что-либо вторично называющих.

Особый интерес для исследования представляют уникальные локальные коммеморативы-антропонимы – коммеморативные названия памятных объектов, посвященные отдельным выдающимся личностям, поскольку «в их значениях реализована как идеологическая, так и региональная составляющая, позволяющая проследить важные этапы истории Южного Урала, героизированные в именах создававших ее людей» [Таскаева 2022; 150].

В поисках регионализмов первой группы, мы проанализировали названия топонимических объектов Чебаркульского района, представленные в указателе «Топонимика Чебаркульского района Челябинской области» (56 топонимов, относящихся к ойконимам, оронимам и гидронимам) [URL: <https://toponimika.ru>] и выявили, что уникальные локальные коммеморативы-антропонимы (27 наименований) составляют 48,2 % от всех топонимов, большинство из которых получили свои названия от фамилии первопоселенца. Краевед Э.Х. Рахимов в книге «Чебаркуль. История и современность» приводит такую историческую справку об этом процессе: «После постройки Чебаркульской крепости в 1736 г. население ее постепенно стало увеличиваться. Посевные площади многих жителей оказались на большом расстоянии от их жилья, что повлияло на дальнейшее переселение жителей ближе к своей земле. Они стали строить на своих землях заимки. По архивным данным известно, что таких заимок у нас были десятки. Заимка получила свое название от хозяина этой заимки. Например, у чебаркульского казака Мельникова земля находилась на расстоянии 25 км южнее Чебаркуля. Ездить каждый раз на работу на свою землю отнимало много времени, и он построил себе заимку. Заимку эту так и называли «Мельниковская». Если местность, выбранная под заимку, была удачная (наличие воды, леса и т.п.), то у этой заимки селились и другие казаки, так образовывалась деревня, которая сохранила свое название – Мельниково» [URL: Рахимов 2013].

Самую многочисленную группу чебаркульских топонимов составляют названия сел и деревень от личных фамилий, как правило, первопоселенцев. Перечислим некоторые из коммеморативов-антропонимов Чебаркульского района: название деревни *Барановка*, старинного поселения XVIII в., происходит от имени первопоселенца Баранова; деревни *Большаково* (середина XVIII в.) – от фамилии первопоселенцев Большаковых; села *Варламово* – от имени первопоселенца Варлаама Красильникова; деревни *Запывалово*, основанной в XVIII в. как хутор, – по фамилии первопоселенца казака Запывалова; деревни *Косачево* – от фамилии первопоселенцев Косачевых; деревни *Малково*, основанной в XVIII в. как выселок из Чебаркульской крепости, – по фамилии основателя Малкова; деревня *Мельниково*, возникшей в 1795 г., получила название от фамилии первопоселенца Мельникова; деревня *Мохиревка* – от фамилии первопоселенцев Мохиревых; старожильческое поселение Чебаркульского района *Непряхино* – по фамилии первопоселенца Непряхина; деревня *Попово*, основанная в 1763 г., получила название по фамилии первопоселенца Попова; село *Пустозерово* – от фамилии казака первопоселенца – Пустозерова; село *Травники*, старожильческое поселение, основанное в 1768 г. – от фамилии казака первопоселенца Травникова; деревня *Устиново* – по фамилии крестьян Устиновых; село *Филимоново*, возникшее в 1774 г., – по имени первопоселенца Филимона Федоровича Фокина; деревня *Шабунино*, основанная в 1763 г. – по фамилии первопоселенца Шабунина; деревня *Шахматово* названа в честь первопоселенца Шахматова.

Кроме того, к коммеморативам-антропонимам можно отнести и названия, образованные от башкирских, татарских и тюркских личных имен. Свои названия такие топонимы получили не от первопоселенцев и основателей, а по распространенным на территориях личным именам. Большинство таких топонимов восходят к мужским башкирским именам. Так, к примеру, название железнодорожной станции *Бишкиль* происходит от башкирского личного имени *Бишкильды* (*биш* – пять и *кильде* – пришел, родился пятым); озеро *Кокуй* – от башкирского мужского имени *Кукай*, *Кукей* или от

башкирского *кук* – синий с уменьшительным суффиксом *-ай* или *-ей*; озеро *Кушат-Куль* – от *Кушат*; (*куш* – парный, имя давалось при рождении двойни, *-ат* – имяобразующий суффикс и *куль* – озеро); озеро *Куяныш*, поселения *Куянбай* и *Куянбаево* – от *Куянбай* (от башкирского *куян* – заяц, *-ыш* – имяобразующий суффикс и *бай* – богач, господин). Смешанное русско-башкирское название озера и поселков *Большой Суну-Куль* и *Малый Суну-Куль* происходит от башкирского мужского имени с вариантами *Суну*, *Суна*, *Суны*, *Сыну*, *Санакул*, *Сынакол* – поздний, последний. От татарского и башкирского мужского имени *Мысяш*, *Мусаш* или *Мусяш* (рубить дерево) образован гидроним и название железнодорожной станции *Мисяш*. Имеются и топонимы тюркского происхождения: деревня *Темир* – от тюркского имени *Темир*, *Тимер* – железный, деревня и речка *Камбулат* – от *Камбулат* – завоеватель.

Вторую группу регионализмов Чебаркульского района (30,3 %) составляют названия топонимических объектов башкирского происхождения (17 топонимов). Приведем некоторые башкирские наименования и их перевод с башкирского языка: гора *Ак-Таиш* – место, где белый камень; деревня *Алтын-Таиш*, вблизи которой в XIX в. добывалось золото, – золотой камень, озеро *Еланчик* – змеиное озеро; гора *Зур-Тау* – большая гора; озеро и одноименная деревня *Кугалы* – заболоченное озеро, две деревни *Караси* (смешанные русско-башкирские названия *Верхние Караси* и *Нижние Караси* не связаны по происхождению с пресноводной рыбой) – от башкирского *карасу* – река с чистой, прозрачной водой, речка, берущая начало из источника или от мужского имени *Карас*, *Карасу*; озеро *Кисегач* встречается в уточняющих русско-башкирских гидронимах *Большой Кисегач* и *Малый Кисегач* – крутое, обрывистое озеро; гора *Олы-Тау* – большая гора, озеро *Сугурмак* – озерцо, западина; озеро и город *Чебаркуль* – красивое или пестрое озеро; озеро и гора *Табан-Куль* – карасье озеро; озеро *Терен-Куль* – глубокое озеро; озеро *Шарлы-Куль* – болотистое озеро и многие другие примеры.

Анализ названий топонимических объектов Чебаркульского района показал, что русские, появившиеся на территории в XVIII в., сохранили уже сложившуюся топонимику и давали новые наименования лишь некоторым селениям, малым рекам, озерам, уточняли существующие названия.

Третью группу регионализмов, согласно классификации Н.Н. Соколянской, составляют «относительные регионализмы», которые «называют явления географии, флоры и фауны <...> известны специалистам, включены в специальные словари, но не являются актуальными для жителей других регионов и в силу этого малоупотребительны» [Соколянская 1998; 5-6].

Подчеркивая одно из главных свойств регионализма – направленность на реалию определенной местности – к таким регионализмам мы отнесли с добавлением возможной этимологии некоторые наименования еды и напитков, а также лексические единицы, относящиеся к сфере лесничества и сельскохозяйственной деятельности, используемые жителями Чебаркульского района, которые были собраны участниками областного конкурса «Родное слово», студентами Чебаркульского профессионального техникума А.С. Табачковой, Е.А. Белоноговой, руководитель О.А. Зуева). Приведем несколько примеров.

Акушка (возможно от *пратюркского *ак – белый) – название десерта, который готовят в местных кулинарных центрах. Он представляет собой сладкий торт из сливочного масла и ягод растений, произрастающих в Чебаркульском районе.

Балта (от пратюркского *baltu – топор) – название инструмента, который используется для чистки и обработки древесины. Его часто используют местные деревообрабатывающие предприятия.

Беклиш (башкирское и татарское бәләш) – печеный пирог из пресного теста с разной начинкой. Обычно *беклиши* подаются в виде закрытых или открытых пирогов, и это очень популярное блюдо на местных ярмарках или праздниках. В традиционной татарской кухне принято наименование «*зур бәлиш*», встречается и вариант «*баллиш*».

Бирья (ср. с башкирским *бюрсу* – волчья вода) – название напитка, который готовится по традиционным рецептам местных жителей. Он представляет собой кислый черный чай и служит основным лакомством на местных праздниках.

Жмудь (из *жмуть* от *жму*, *жать* в значении «притеснитель» [URL: Этимологический словарь русского языка], ср. с *жмуть*, *жмучь* – *жать* в Толковом словаре В. И. Даля [Даль, т.1; 527-528, 546]) – термин, обозначающий пораженные леса, где в результате размножения жука-короеда происходит массовое вымирание деревьев.

Кипяк (полная форма *кипяток*) – описывает воду, которая находится на грани кипения, служит для приготовления пищи или подогрева помещения в деревенских домах.

Лушпаны (ср. с *лушпина*, *луца*, *луска*, *лускать* – снимать кожуру, облупливать в Толковом словаре В. И. Даля [Даль, т.2; 274-275]) – обозначает твердые остатки картофеля, которые остаются после его очищения, обычно служат для подкормки домашних животных.

Урюк (возможно, от башкирского *урек* – долина, ложбина) – небольшой ручеек, текущий через горы.

Приведенные примеры отражают особенный уклад жизни и быта жителей, обусловленный не только особенностями исторического развития территории и производственной деятельности, но и особым типом климата, растительным и животным миром Чебаркульского района, поликультурным населением.

Таким образом, особенности языкового ландшафта Чебаркульского района Челябинской области репрезентированы регионализмами трех типов: локальными коммеморативами-антропонимами; заимствованиями; лексическими единицами, обозначающими местные реалии.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Челябинской области № 22-18-20022, <https://rscf.ru/project/22-18-20022/>.

Литература

1. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. А-З. М.: Русский язык, 1978. – 699 с. Т. 2. И-О. М.: Русский язык, 1979. – 779 с.
2. *Ковшова М.Л.* Культурно-национальная специфика фразеологизмов и вопросы экспликации их культурных смыслов // Вопросы психолингвистики. – 2016. – №4 (30). – С. 90-102.
3. *Морозов М.А., Якименко Н.Е.* Словарь топонимических перифраз. Названия российских городов (на материале современной публицистики). – СПб.: Алетей, 2022. – 186 с.
4. *Рахимов Э.Х.* Чебаркуль. История и современность. – Чебаркуль, 2013. – URL: <https://chebarkul-biblio.chel.muzkult.ru/chebarkul>.
5. *Резвухина Ю.А.* Регионализм: к определению понятия // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2015. – № 6 (2). – С. 84-90.
6. *Соколянская Н.Н.* Региональная лексика в литературе о Крайнем Северо-Востоке Сибири XVIII – начала XX веков: автореф. дисс. ... к. филол. н. – М.: МПГУ, 1998. – 18 с.
7. *Таскаева А.В.* Реализация героической парадигмы в национальной языковой картине мира: дисс. ... д. филол. н. – Челябинск, 2021. – 428 с.
8. Топонимика Чебаркульского района Челябинской области (электронный ресурс). – URL: <https://toponimika.ru>.
9. Этимологический словарь русского языка (электронный ресурс). – URL: <https://vasmer.slovaonline.com>.

ТЕПЛЫХ Р.Р.

Уфимский университет науки и технологий

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КАК ОДИН ИЗ ПРИЁМОВ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВОГО МАТЕРИАЛА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ

В данной статье будут проанализированы синтаксические трансформации, применяемые переводчиком при переводе экономического текста, посвященному инновациям в сфере менеджмента в связи с кризисом COVID-19.

Ключевые слова: синтаксические трансформации, экономический текст. замена, сложное предложение, простое предложение.

31 ноября 2019 г. Муниципальная комиссия здравоохранения Уханя передала информацию о вспышке новой вирусной инфекции - ковид. 31 января был диагностирован первый зараженный ковид в РФ, и с тех пор ковид у всех на «слуху», это наша новая реалья. «Ковид никуда не уйдет от нас, он теперь останется навсегда», - констатировала врач-эпидемиолог И.В. Миронова. – «Поэтому надо менять свой образ жизни, привыкать жить по новым правилам».

Эта очередная «перестройка» должна затрагивать и инновации в сфере менеджмента, развитие теории и практики управления компанией. Авторы Nicolescu Ovidiu и Nicolescu Ciprian предлагают два инновационных управленческих механизма, способных помочь компаниям и заинтересованным сторонам успешно противостоять вызовам цифровой трансформации и кризису COVID-19 и повысить функциональность и производительность организации.

Итак, в качестве исследуемого материала послужила книга «Stakeholder management and social responsibility: concepts, approaches and tools in the Covid context», Nicolescu O. & C., 2022 и ее перевод на русский язык.

«В своей классификации переводческих трансформаций Л.С. Бархударов выделяет группу грамматических трансформаций, которые, в свою очередь, включают в себя синтаксические, а именно: замена простого предложения сложным, замена сложного предложения простым, замена подчинения сочинением, замена сочинения подчинением, замена союзного типа связи бессоюзным, замена бессоюзного типа связи союзным» [Бархударов 1975; 110].

В данной статье предложения, представляющие наибольший интерес для анализа, сгруппированы в соответствии с выбранными типами синтаксических трансформаций.

Замена простого предложения сложным

«Many states – EU states being a very good example – have allocated huge amounts of money as grants and subvention credits»[Nicolescu 2022; 123].

Многие государства – и государства ЕС являются очень хорошим примером – выделяют огромные суммы денег в качестве грантов и дотационных кредитов.

Грамматическая конструкции Absolute Participial Construction, с одной стороны, отвечает требованию научного изложения — обобщенно-абстрактный характер и, с другой стороны, предлагает более экономичный вариант организации текста в английском языке. Однако этот оборот не имеет соответствия в русском языке, поэтому в переводе применяется синтаксическая трансформация. Так, исходное предложение, содержащее оборот Absolute Participial Construction, перевели придаточным предложением «государства ЕС являются очень хорошим примером», вводимое союзом «и».

«This starts with compensating them fairly and providing important benefits. It also includes supporting them through training and education».

Это начинается со справедливого вознаграждения и предоставления важных льгот и включает в себя поддержку сотрудников посредством обучения и тренингов.

Сложная синтаксическая структура оригинала, в состав которой входят два простых предложения, заменяется всего лишь одним простым предложением с однородными глагольными сказуемыми. Данный приём нацелен на то, чтобы сократить текст и значительно облегчить его восприятие.

Замена сложного предложения простым

Следующий пример представляет интерес с точки зрения трансформации замены сложного предложения простым с однородными сказуемыми:

«They are shaped by human purposes, and they do not exist interdependently of human minds and actions».

Они формируются под влиянием человеческих целей и не существуют независимо от человеческих умов и действий.

«Frequently, the survival of companies that are mostly affected by the COVID-19 pandemic is not possible without implications for stakeholders».

Зачастую выживание компаний, наиболее пострадавших от пандемии COVID-19, невозможно без последствий для заинтересованных сторон.

Здесь мы видим, как при переводе сложноподчиненное предложение с определительным придаточным «that are mostly affected by the COVID-19 pandemic» было преобразовано в одно простое с причастным оборотом «наиболее пострадавших от пандемии COVID-19».

Замена сочинения подчинением

«We have competing networks of stakeholders, and one competing network is in competition with others».

Мы имеем конкурирующие сети заинтересованных сторон, где одна конкурирующая сеть конкурирует с другими.

Так, сложносочиненное предложение, части которого связаны с помощью соединительного союза «and», было преобразовано в сложноподчиненное предложение с придаточным обстоятельство места «одна конкурирующая сеть конкурирует с другими», связанного с главным предложением местоименным наречием «где»

Замена подчинения сочинением

«As a consequence, in many companies, new managerial elements have been developed based on participation, flexibility, collaboration, which may solve this problem only partially and not sufficiently».

Как следствие, во многих компаниях были разработаны многие управленческие элементы, основанные на участии, гибкости, сотрудничестве, но эти факторы могут решить эту проблему лишь частично и недостаточно.

Так, сложноподчиненное предложение с определительным придаточным «which may solve this problem only partially and not sufficiently» было преобразовано в сложносочиненное, части которого связаны между собой с помощью противительного союза «но».

«Since American companies are leading the way in meeting or exceeding customer expectations, we will further their tradition».

Американские компании лидируют в удовлетворении или превышении ожиданий клиентов, и мы будем продолжать их традиции.

Сложноподчиненное предложение с обстоятельственным придаточным причины было преобразовано в сложносочиненное.

Замена союзного типа связи бессоюзным

Следующий пример представляет собой еще один наглядный случай грамотного сочетания приемов замены союзной связи бессоюзной и замены подчинения сочинением, которые гармонично дополняют друг друга.

«Companies need to add a lens to strategy setting, one that considers what we call total societal impact, which is the total benefit to society».

Компаниям необходимо добавить линзу к определению стратегии, она учитывает то, что мы называем общим воздействием на общество.

Замена бессоюзного типа связи союзным

Во всех случаях замена бессоюзного типа связи союзным направлено на гармонизацию структуры текста и служит прагматическим целям. Без этой синтаксической трансформации можно обойтись, но это сделает наш экономический текст более трудночитаемым

«Modern companies based on knowledge are quadro-dimensional trying to achieve concomitantly four types of objectives».

Современные компании, которые основаны на знаниях – эти четырехмерные компании, пытающиеся достичь одновременно 4 типа целей.

На основе сопоставительного анализа предложений (60 единиц) текста «Stakeholder management and social responsibility: concepts, approaches and tools in the Covid context» на исходном и переводящем языках можем сделать вывод, что наиболее часто встречающимися из данных примеров являются такие синтаксические трансформации, как замена простого предложения сложным или объединение (25 единицы), замена сложного предложения простым или членение (16 единиц), замена подчинения сочинением (7 единиц), замена союзного типа связи бессоюзным (5 единиц); остальные виды синтаксических трансформаций встречались реже: замена сочинения подчинением (3 единицы), замена бессоюзного типа связи союзным (4 единицы).

Исследование показало, что при переводе экономического текста применение синтаксических трансформаций необходимо для достижения адекватного перевода.

Литература

1. Бархударов, Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода / Л.С. Бархударов. – М.: Междунар. отношения, 1975. – 336 с.
2. Ovidiu Nicolescu, Ciprian Nicolescu. Stakeholder management and social responsibility: concepts, approaches and tools in the Covid context. Routledge, 2022, p. 397.

ТОКАРЕВ Г.В.

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

О СЛОВАРЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье объясняется причина создания словаря региональной идентичности. Рассматривается макроструктура данного словаря.

Ключевые слова: словарь, язык, культура, идентичность.

Исследование «Симболярий региональной идентичности» выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 22-28- 20342 и Правительства Тульской области (соглашение № 6 от 19 апреля 2022 г.).

В XXI веке наивное сознание и повседневность, ранее не представлявшие для науки значительного интереса, открывают для исследователей уникальные аспекты для изучения. Н.А. Калёнова предлагает понимать под повседневностью: «...привычное для носителя культуры течение жизни, характеризующееся повторяемостью событий, цикличностью временной и пространственной организации жизненного континуума» [Калёнова, 2020, 97]. Безусловно, в прошлом обыденность была объектом описания. Однако эта тенденция не сформировала особой отрасли знания, исследование осуществлялось преимущественно в ретроспективе. Изучение обыденности, по нашему мнению, носило эпизодический характер. К подобным изысканиям мы относим труды А.Н. Афанасьева, А.А. Потевни, Ю.М. Лотмана, Н.И. Толстого и его единомышленников. Более того, региональная повседневность, по нашим сведениям, не имеет опытов систематического описания. Предлагаемый словарь представляет собой попытку фиксации и систематического описания наивного восприятия действительности туляком, живущим в первой трети XXI века. Данное исследование нужно отличать от исторических, культурологических, лингвистических, лингвокраеведческих описаний, которым присуща фактологическая точность, применяемые в данных науках метаязык и методы описания. Наш словарь отличает цель – отразить значимые для туляка представления, нашедшие своё отражение в естественном языке, зафиксировать их объём и содержание, которые генерированы коллективным наивным сознанием и сохранены в памяти культурного сообщества. Наивное сознание отличается от научного приблизительностью, неполнотой в описании объекта, приверженностью к наблюдениям, чувственному опыту. Основная коммуникативная сфера передачи наивного знания – неформальное общение. Поэтому в словаре читатель не найдёт, например, полного списка,

например, тульских предприятий, их официальных названий и точной информации о них. В книге зафиксированы те названия, которые используются в неформальном общении и те сведения, которые актуальны для туляка, живущего в настоящее время. Наивные знания получают формы лингвокультурных сюжетов и передаются в виде небольших лингвокультурных легенд. Цель исследования определяет состав и объём словаря: прецедентные знаковые феномены, актуальные для данной парадигмы культуры. Так, это могут быть имена известных деятелей культуры, но не всех, кто родился или был как-либо связан с данной локацией, а лишь тех, чьё имя стало актуальным для презентации региона, его идентификации, узнавания.

Для чего нужен такой словарь? Систематизированные материалы запечатляют невидимое, ускользающее, преходящее, но важное – то, что есть в данный момент времени, что знает, помнит лингвокультурная общность – наивные представления об окружающей действительности. Смеем предположить, что предложенные обобщения будут обретать всё большую ценность с течением времени, поскольку в словаре зафиксированы знания, передаваемые неформальной коммуникацией, которая не сохраняется на каких-либо носителях.

Источником исследования стали преимущественно интервью жителей локации, материалы интернет-форумов, популярные издания. Главными методами были опрос и описание. Собранный лингвистический материал был классифицирован в лингвокультурологическом аспекте. Единицы идентифицированы как ключевые знаки культуры, символы, эталоны, обереги, бренды, эмблемы. Кратко дадим определение каждому виду лингвокультурного знака.

Ключевой знак культуры – значимое для лингвокультурной общности наименование, характеризующееся прецедентным характером и выражающее представления о действительности.

Символ – лингвокультурный знак, выражающий какую-либо идею и моделирующий поведение человека.

Эталон – лингвокультурный знак, выражающий стереотипные представления о свойствах и качествах человека.

Оберег – лингвокультурный знак, используемый для защиты от негативного влияния внешнего мира.

Бренд – лингвокультурный знак, используемый для самопрезентации данной культуры.

Эмблема – лингвокультурный знак, используемый для этикетирования данной культуры.

Обращаем внимание на то, что все приведённые термины используются в ином, лингвокультурном смысле, и по сути представляют факт функциональной омонимии (например, бренд в нашем понимании следует отличать от трактовки бренда, принятой в маркетинге).

Словарь имеет идеографический характер: материал в нём представлен в нескольких тематических полях: «Защита Отечества», «Промыслы и производства», «Жизнеустройство», что уже отражает ценности региональной культуры и особенности самоидентификации. В рамках понятийного поля – выделенной ценности – материал либо изложен в алфавитном порядке, либо вновь представляет вторую ступень понятийной идентификации, отражающую лингвокультурную историю. Например, тематическое поле «Защита Отечества» представлено группами «Куликовская битва», «Великая Отечественная война», «Тульское оружие и оборонительные сооружения». Информация о значимых персоналиях приведена в двух полях. В поле «Защита Отечества» она не выделена в отдельную группу. В поле «Промыслы и производства» представлена в отдельной группе. Каждая словарная статья представляет собой лингвокультурный сюжет.

Словарная статья имеет следующую структуру:

вокабула – слово в начальной форме, для словосочетаний приводится грамматически господствующий компонент или первый компонент; идентификация единицы как лингвокультурного знака; указание значения или представлений, на которые указывает данный знак; перечисление актуальных представлений, связанных с данным знаком (то, что хранит коллективная культурная память); информация о развитии данного знака (семиотизации пространства вокруг него).

Полагаем, что предлагаемый словарь может быть интересен как специалистам, изучающим проблемы наивного сознания, повседневности, культурной идентичности, так широкому кругу читателей.

Несомненно, что словарь вызовет интерес к феноменам повседневности и идентичности и его опыт будет учтён при составлении аналогичных словарей.

Литература

Калёнова Н.А. Лингвокреативный потенциал фразеологии повседневности // Известия Волгоградского педагогического университета. 2020. № 7 (150). – С. 97-105.

ТУМОВ В.В.

Тольяттинский государственный университет

КОНЦЕПТ «ПРАВО» КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

При помощи когнитивной графики намечается потенциал формирования вещных коннотаций абстрактных сущностей, которые призвана объяснить юридическая наука. Выход за рамки диалектического единства и борьбы субъективной свободы и закона предпринят с помощью аллегории. Геометрически на плоскости искомый образ в виде линии разграничивает дозволенное и недозволенное в поведении субъекта. Этот образ исключает энантиосемию, при которой противоположные значения, затрудняют понимание сигнификата.

Ключевые слова: антропологическая парадигма, субъект, свобода, закон, аллегория, энантиосемиа, правопонимание.

В лингвистике поворот к антропологическому подходу был сделан в последние десятилетия XX в. В этой области знания антропологическая (антропоцентрическая, когнитивно-концептуальная) парадигма призвана решить проблему взаимодействия человека, языка и культуры. (Кузнецов 2012; 4). В это же время антропологический подход (принцип методологического индивидуализма) взят на вооружение новой институциональной экономической теорией, утвердившей центральную роль индивида в принятии решений об использовании ограниченных ресурсов (Институциональная экономика... 2017; 14; Аузан 2014; 8). И среди современных философов права не новость, что повествование о жизни и судьбе субъекта права и есть научное описание правовой реальности. Именно этот персонаж находится в центре правовой картины мира (Пермяков 2015; 19).

Цель юридической теории в союзе с лингвокультурологией намечает поиск значения слова *право* как наиболее обобщенного понятия, которое прояснит своим значением, как минимум, направление и возможные пределы юридической науки. Может ли такое значение быть универсальным для понимания в различных юрисдикциях и быть приемлемым для описательных стратегий международного права и сравнительного правоведения? Видимо, это зависит от степени обобщения искомого понятия, конкретизации его субъекта и возможности с сохранением стандартов научности принять во внимание пространственно-временную «текучесть» содержания права, подмеченную Пермяковым (Пермяков 2015; 24-25).

В антропологической парадигме неизбежен разговор о метафизике права с участием субъекта. Только ограничение свободы делает сознательного человека субъектом. Но какие есть основания такого понимания субъекта? Этимологические. Благодаря колоссальному труду, который проделал И.Х. Дворецкий, мы можем проследить достаточно последовательные контекстуальные значения этого слова у ряда носителей латинского языка периода его расцвета в рамках древнеримской цивилизации. Если принять, что номинатив «subjectum» произведен от адъектива «subjectus», то получим следующую картину. Контекстуальное значение прилагательного «subjectus» у Марка Туллия Цицерона и Гая Юлия Цезаря – «подчинённый», «покорённый», «подвластный»; у Тита Ливия – «подверженный», «отданный во власть»; у Плиния Старшего – «подданный»; у Луция Юния Модерата Колумеллы – «подчиненный». Публий Корнелий Тацит использует это прилагательное в значениях «лежащий внизу» и «простирающийся у ног» (Дворецкий 2000; 734). Перенос любого из этих значений на словосочетание *субъект права* подчиняет субъекта праву, а не право субъекту. Этимологически субъект права предстает сознательным человеком, свобода которого ограничена правом.

При антропологическом подходе понимание права лежит в направлении оценки поведения субъекта. Данное суждение тривиально для культур со значительной разницей традиций. Первая книга Дигест Юстиниана открывается фрагментом Домиция Ульпиана. В нем через различие дозволенного и недозволенного, наряду с другими суждениями, классик древнеримской юриспруденции раскрывает стремление к истинной философии (Ульпиан. Дигесты. I. I. 1. 1). Интересно, что и описание шариата содержит классификацию деяний человека на дозволенные (халал) и запретные (харам) (Родионов 2004; 105).

В обществе с публичной властью свобода носителя сознания логически ограничена запретом (законом). При этом текст закона и его цель могут не совпадать. Логическая цель закона - в регулирующем ограничении свободы, создающем субъекта права. Текст закона, провозглашающий свободу, в меньшей мере способствует достижению правовой определенности, чем порождению иллюзии правопонимания. Сформулированная в законе возможность поведения подкупает обывателя устранением сомнения в этой возможности. Но наготове интеллектуальная ловушка. Воспринимаемый текст нормативного акта почти никогда не охватывает логическую норму. Остающиеся за кадром адресат, гипотеза, санкция или цель логической нормы могут нейтрализовать её диспозицию. При попытке реализации правила, вывод наблюдателя о возможности поведения только на основе формулировки диспозиции в нормативном тексте может оказаться ошибочным. Субъективно правомерное поведение оказывается объективно противоправным.

В русской культуре языкознания у всех омоформ лексемы *право* наблюдается тенденция к положительной коннотации. А в номинативном значении ее с удовольствием включили в свой лексикон и либералы (Левонтина, Шмелев 2019; 15-24), и этатисты (Семенов 2022; 12). Вот только радикализм альтернативных значений абстрактных субстантивов приводит к неприемлемой синтагматике.

Уместно вспомнить, что омонимия сначала в арсенале софистов и скептиков, а затем в антиномической (диалектической) логике Гегеля стала иллюстрацией возможностей мышления, запечатлённых в языке (Гегель 2019; 179). На примере немецкого языка Гегель представил её как конгломерат смыслов, которые сконцентрированы в одном слове и выдаются за понятие. Так, вместо константы, в поле зрения которой всегда находится один и тот же объект (данотат), обнаруживается, что термин обозначает разные объекты (референты). В нужный момент актуализируется подходящее случаю значение слова. Прав Владимир Ильич Жилин: это удобно для интеллектуальных аферистов (Жилин, 2017; 101-102).

Возможности омонимии распростерлись до обозначения не просто несовпадающих, но и противоположных смыслов. Факт выражения одним словом или морфемой антонимических значений давно знаком исследователям языка. Путь, который проходит образование смыслов при энантиосемии, может начинаться со слова, имевшего весьма общее

и расплывчатое значение. Из этого слова в языке диахронически могут развиваться два его противоположных значения, каждое из которых представит фрагмент неопределенного смысла (Мельчук 2012; 148). Абстрактность и статус ценности существительного *право* в русскоязычном дискурсе вполне может рассматриваться как предпосылка образования его противоположных смыслов. Этимологическая эволюция этого слова должна быть представлена перераспределением в структуре семантических полей и сдвигами его нейтральных и экспрессивных лексических значений.

Пример нейтрального номинативного лексического значения связан с этимологической гипотезой Вячеслава Всеволодовича Иванова и Владимира Николаевича Топорова. Экстраполируя свой научный подход к этимологии, они представили на Международном съезде славистов в сентябре 1978 года совместный доклад «О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов)» (Иванов, Топоров 1978). Советские лингвисты заключили, что древний корневой элемент *pra-, связан с индоевропейским *per-/*rog- как указанием на *границу, предел, эталон*. Здесь же авторы ссылаются на Л.Р. Пальмера, который продолжает ряд значений указанием на *судьбу и долю*. Такая цепочка рассуждения подводит авторов к выводу о возможности понимания древними славянами права как *опоры*. А выход за обозначаемый корнем *per- предел – есть нарушение права и есть *преступление*.

Приведенная гипотеза порождает непопулярное в лексикологии значение права в форме субстантива. В корпусе толковых словарей русского языка возможность такого понимания права не значится. При этом такое понимание позволяет аллегорически встроить право в ассоциативно-семантическое поле с участием свободы и закона как самостоятельный парадигматический класс. Для этого воспользуемся потенциалом когнитивной графики. Она «открывает новые перспективы в изучении абстрактных сущностей, позволяя выявить способы визуализации обыденных и научных абстрактных понятий и зрительно, а не ментально воспринять различия между близкими, но не тождественными сущностями» (Чернейко 2015; 117). Верификация права в реальном образе онтологического ряда была ещё идеей И.А. Ильина в его произведении «Понятия права и силы» и получила статус блестящей догадки в трудах современных философов права (Пермяков 2015; 18-19).

Сознание способно не только породить идею права, но и воплотить его в геометрическое изображение - горизонтальную линию (право) между «можно» (свобода) и «нельзя» (закон). При таком понимании права, нарушение границы дозволенного и недозволенного в социальных отношениях по воле субъекта приводит к соскальзыванию в область противоправного (к правонарушению). Установлением права-границы обеспечивается минимум нравственности каждого субъекта в современном обществе, организованном с помощью публичной власти. На более высоких уровнях находятся любовь, милость, прощение. Это уровни самоограничения. Здесь человек добровольно несет обязанность, на которую публичная власть принудительно не претендует.

Такой образ права закономерно порождает вопрос о факторах расположения и динамики соответствующей границы в рамках антропологической схемы конкретного субъекта в момент места и времени. При этом динамика онтологии права, то есть динамика границы между свободой субъекта и законом во времени и пространстве, ставит вопрос о ее причинах. Ответ следует искать в окружающей картине мира, описывающей потребности человека и нравственные возможности их удовлетворения в общественных отношениях.

Антропологический ракурс понимания права перемещает фокус внимания исследователя с типов правопонимания и их структур (публичное и частное, естественное и позитивное, субъективное и объективное) на источники права. Для правовой определенности значим не перечень идей о том, как можно определить право и разделить его по родам, видам и т.д. с использованием адъективов. Цель юридической науки – построение системы фиксации предела свободы субъекта в процессе пространственно-временной и социально-экономической динамики.

Литература

- Аузан А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 160 с.
- Гегель Г.В.Ф. Наука логики / Перевод с немецкого Б.Г. Столпнера. – М.: АСТ, 2019. – 896 с.
- Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. – М.: Рус. яз., 2000. – 846 с.
- Дигесты Юстиниана / Перевод с латинского; Отв. ред. Л.Л. Кофанов. – М.: Статут, 2002. – 584 с.
- Жилин В.И. Диалектический закон отрицания отрицания: «снятие» по Гегелю // Гуманитарный вектор. – 2017. – Т. 12. - № 1. – С. 100-105.
- Иванов В.В., Топоров В.Н. О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов) // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов (Загреб-Любляна, сентябрь 1978 г.). – М.: Наука, 1978. – С. 221-240.
- Институциональная экономика: Новая институциональная экономическая теория / Под общ. ред. А.А. Аузана. – Москва: Проспект, 2017. – 448 с.
- Кузнецов А.М. Лингвистическое толкование правового смысла «преступления» и «наказания»: Юридическая теория и бытовые стереотипы: Аналитический обзор / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – 76 с.
- Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Либеральный лексикон. – СПб.: Нестор-История, 2019. – 184 с.
- Мельчук И.А. Язык: от смысла к тексту. – М.: Языки славянской культуры, 2012. – 176 с.
- Пермяков Ю.Е. Российская теория права: вызовы времени и ответы истории // Lex russica. – 2015. - № 10 (Том CVII). – С. 14-31.
- Родионов М.А. Ислам классический. – СПб.: Азбука-классика, Петербургское Востоковедение, 2004. – 224 с.
- Семёнов В.Е. Философские основания права // Философия и право: монография / В.М. Артёмов, М.Ш. Гунибский, Ч.Б. Далецкий и др. – М.: Проспект, 2022. – С. 10-63.
- Чернейко Л.О. Полиморфный языковой знак как психолингвистический феномен // Вопросы психолингвистики. – 2015. - № 25. – С. 106-119.

УСТЮЖАНИНА Д. И.

Уральский федеральный университет

«ЛИХИЕ 90-Е»: ТЕКСТОВАЯ КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ В РАССКАЗЕ АННЫ МАТВЕЕВОЙ «ЖЕМЫМО»

Статья посвящена текстовому воплощению категории времени в тексте рассказа Анны Матвеевой «Жемымо». Используется методика категориально-текстового анализа, описываются способы экспликации субъективного времени, благодаря которым воссоздается эпоха 90-х гг. прошлого века.

Ключевые слова: текстовое время, темпоральность, малая проза, художественный стиль, Анна Матвеева, «Жемымо».

Текст является отражением коммуникативного акта, в котором, наряду с категориями темы, композиции, тональности и др. [Матвеева 1990], выделяется категория времени, являющаяся предметом анализа в настоящей работе. Цель исследования – описание способов экспликации категории времени в текстах малой прозы. Материалом исследования послужил текст рассказа Анны Матвеевой «Жемымо», впервые опубликованный в 2014 году.

Феномен *темпоральности* рассматривается исследователями разных областей гуманитарного знания: философии, литературоведения и лингвистики [Бахтин 1975, Гальперин 1981, Хайдеггер 2003, Чернухина 1984]. В лингвистике текста под темпоральностью понимается текстовая категория, которая означает соотношение текста с временной осью [Матвеева 2003; 354]. Выделяется *объективное* текстовое время, отражающее реальную действительность и имеющее взаимосвязь с историческими событиями, и *субъективное*, приобретающее существенные изменения в сознании личности. Одной из разновидностей субъективного времени является время *художественное*, в котором детально прорисовывается психологический образ эпохи [Матвеева 2003; 354].

Для определения сигналов темпоральности текста необходимо классифицировать лексические единицы, с помощью которых осуществляется проявление данной категории в тексте. Выделяются конкретные номинации, такие как *час, минута, месяц, зимой* и т. д;

относительные: *после окончания университета, иногда, два года спустя* и пр. Также косвенными маркерами времени служат предметы быта, указывающие на определенную эпоху, исторические события и реалии, имена известных исторических личностей и даты [Чернухина 1983].

Обратимся к результатам исследования. Заглавие книги «Девять девяностых» состоит из двух лексем: количественного и порядкового числительных, где *девять* указывает на количество рассказов в сборнике, а *девяностых* – прямая отсылка к эпохе, связывающей рассказы, составляющие сборник.

Девяностые – ключевое время в становлении нового российского государства, зарождение нового поколения. В аннотации мы сталкиваемся с двумя антонимичными характеристиками данного десятилетия: для некоторых героев они стали *трудными, беспутными, дурными*, для других же «*волшебными*» [Матвеева 2023].

Направим фокус внимания на текст рассказа «Жемымо». Он является первым рассказом в сборнике, что определяет его сильную позицию.

Заголовки также характеризуются сильной позицией в тексте, являясь некой квинтэссенцией, когда в сжатом состоянии содержится основной смысл произведения [Григорьев 1979]. В нашем случае это несуществующее слово, которое, как выясняется при прочтении рассказа, является «слуховой обманкой» [Матвеева 2023; 11], неправильно услышанной строчкой «*Как же мы молоды были тогда*» из романа «Белой акации гроздь душистые».

Текст романа является основным лейтмотивом рассказа. Мы обнаруживаем два временных пласта, противопоставленных друг другу: прошлое «там – тогда» (*молоды были тогда*), настоящее «здесь – сейчас» (*годы промчались, напоминают сегодня*). Главным сигналом плана прошлого служит краткая форма прилагательного *молоды*, реализуемая в контексте с глаголом прошедшего времени *были* и наречием времени *тогда*. Повзрослевший лирический герой оглядывается назад и вспоминает свои молодые годы. Также в тексте прослеживается ассоциативный ряд со словом *молодость*: цветущая весна (*акация гроздь, весенними ливнями*), наивность (*наивными были*), чистота (*чистота этих веток*), невозвратимость (*гроздь душистые невозвратимы*). Думается, что и для главного героя рассказа «Жемымо» молодость – это набор вышеупомянутых качеств. Следовательно, какими бы *трудными* и *дурными* не были девяностые, для него это все равно *наивные* и *чистые* годы.

Экспликация девяностых в тексте происходит посредством прямых и косвенных номинаций. Что касается прямых, то ядром здесь выступает существительное *время* или его форма множественного числа *времена*, которое чередуется с существительным множественного числа *годы*. Данные лексемы обычно реализуются в тексте в сочетании с указательным местоимением дальнего указания *те* или с местоимением-прилагательным *иной*.

Также мы обнаруживаем словосочетание *время перемен*, выступающее контекстным синонимом по отношению к порядковому числительному *девяностые*. За ним следует форма прошедшего времени глагола «падать»: *время перемен упало*. Любопытен метафоричный контекст, в который помещено вышеупомянутое фразовое единство: *так же внезапно, как ранняя звезда в песне Аллы Пугачевой* [Матвеева 2023; 12]. Здесь мы находим очередную отсылку к песенной композиции, популярной в 90-е, что также является косвенной номинацией текстового времени. Если декодировать данную метафору, то можно увидеть, что девяностые наступили резко и внезапно (*упали*), но *ранняя звезда* олицетворяет скорый рассвет. Иными словами, эпоха 90-х выступает как время темное, которое, как известно, всегда перед рассветом.

Среди конкретных номинаций мы находим существительные, обозначающие времена года, месяцы, время суток: *осенью, вечер, июль*; относительные прилагательные *сентябрьского*; наречия времени: *однажды, всегда, вдруг* и т. д.

Косвенные номинации времени в тексте можно разделить на несколько тематических групп. Выделяются предметы быта: «девятка» цвета мокрый асфальт, магнитофон Романтик-306, «опель-кадетт», и, как отмечает сам автор: символ той эпохи – калаши [Матвеева 2023; 28].

Наименования одежды: варенки, шапочки-«пидорки», кожаная куртка, норковая шапка, темно-зеленые шароваристые штаны, белые «саламандры», белые носки, турецкий свитер.

Продукты питания: марсы, сникерсы, баунти; напитки: водка «Стопка», «Амаретто ди Саронно».

События: в авиакатастрофе, той самой, где пилот дал сыну подержаться за штурвал [Матвеева 2023; 22].

Атмосфера девяностых создается через употребление жаргонной лексики, использовавшейся в 90-е: «ломал» деньги, кенты (парень), басыки (окурки), чинарики (то же, что и басыки), чирик (купюра), «чиканэ» (сумасшедший), ответка.

Таким образом, текстовая категория времени, отражающая эпоху 90-х в тексте, реализуется посредством конкретных и косвенных номинаций. Для данного текста характерно практически полное отсутствие конкретных номинаций, выраженных порядковыми и количественными числительными. Что касается косвенных номинаций, то именно они образуют основной каркас текстового времени и создают образ 90-х.

Литература

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – 502 с.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: 2007. – 144 с.
3. Григорьев В. П. Поэтика слова. М.: Наука, 1979. – 343 с.
4. Матвеева А.А. Девять девяностых : [рассказы]. – М.: 2023. – 379 [5] с.
5. Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. – Свердловск, 1990. – 172 с.
6. Матвеева Т.В. Учебный словарь. Русский язык. Культура речи. Стилистика. Риторика : [Более 900 понятий и терминов]. – М.: 2003. – 431 с.
7. Чернухина И.Я. Очерк стилистики художественного прозаического текста. Воронеж, 1983. – 207 с.
8. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков, 2003. – 503 с.

ФАМ Т.Т.Н.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

КОНЦЕПТ «ЖЕНЩИНА» ВО ВЬЕТНАМСКИХ ПАРЕМИЯХ

Аннотация. В статье рассматриваются паремиологические единицы вьетнамской культуры, вербализующие концепт «женщина», которые классифицированы на основе трех микроконцептов с выделением положительных и отрицательных коннотаций. В образном представлении концепта «женщина» обозначаются как положительные (красивая фигура, домовитость, заботливость, трудолюбие, преданность мужу, любовь к детям), так и отрицательные (непривлекательная внешность, болтливость, ревность, непостоянство и легкомысленность) характеристики.

Ключевые слова: концепт «женщина», паремия, вьетнамский язык, положительные и отрицательные характеристики.

Лингвокультурные концепты являются значимым элементом языковой картины мира народа, что позволяет выделить их этнокультурную специфику. В настоящее время концепт понимается как мыслительная конструкция, передающая образную и поведенческую природу явлений [Карасик 2004; Слышкин 2004].

Одним из ключевых понятий языковой картины мира является концепт «женщина». Согласно словарным дефинициям этот концепт имеет обширную и разнообразную структуру, которая эволюционировала со временем, приобретая новые значения и

отбрасывая устаревшие под воздействием постоянно изменяющихся исторических контекстов.

Концепт «женщина» состоит из трех микроконцептов: «внутренний человек», представленный моральными и интеллектуальными качествами; «внешний человек», включающий внешний вид и биологические характеристики; и «социальный человек», включающий социальную роль и семейное положение. На основе этих трех микроконцептов мы попытаемся создать образное представление концепта «женщина», зафиксированное во вьетнамских паремиологических единицах.

Концепт «женщина» неразрывно связан с понятием «гендер». В российской лингвистике гендер понимается как институционализированный и ритуализированный социокультурный конструкт [Кирилина 2002]. При этом разграничиваются понятия пола и гендера: термин «пол» принято использовать по отношению к биологическим особенностям индивида, а «гендер» – при обсуждении социальных, психологических и культурных черт, норм, стереотипов, считающихся в определенном социуме типичными для мужчин и женщин [Страусов <http://>].

Во вьетнамской лингвистике пословицы и поговорки изучаются в разных аспектах [До Хыу Чау 1981; Нгуен Дык Зан 1986; Нгуен Ван Мень 1987; Хоанг Ван Ханг 2004 и др.]. При изучении вьетнамского паремиологического фонда нами были отмечены следующие национально-специфические подгруппы, положительно характеризующие женщину.

1. Женщина обладает внешней привлекательностью

Чтобы описать женщину с красивой, чарующей и соблазнительной внешностью, предыдущие поколения придумывали такие выражения, как: *Da trắng tóc dài* Длинные волосы с белой кожей, *Sắc nước hương trời* Цвет воды и аромат неба, *Má đào màu liễu* Розовые щеки с ивовыми бровями, *Mặt hoa da phấn* Лицо-цветок с припудренной кожей, *Thắt đáy lưng ong* Осиная талия, *Má phấn môi son* Румянец с помадой, *Tóc mây mây nguyệt* Волосы, как облака и брови, как месяц.

2. Положительная характеристика женской домовитости, заботливости, таланта и трудолюбия

Для описания этих характерных особенностей вьетнамской женщины народ создал такие паремиологические единицы, как: *Vắng trẻ quanh nhà, vắng đàn bà quanh bếp* Без детей и дом пуст, без женщины кухня пуста; *Nhà khó cậy vợ hiền, nước loạn nhờ tướng giỏi* Если в семье беда, надейся на хорошую жену, если в стране неспокойно, надейся на хорошего генерала; *Vắng đàn ông quanh nhà, vắng đàn bà quanh bếp* Без мужчин дом становится пустым, без женщин кухня – опустошенной; *Gái ngoan làm quan cho chồng* Хорошие женщины помогают своим мужьям стать мандаринами (=чиновниками, министрами).

3. Положительная характеристика женской преданности и привязанности к мужу

Верность считается одним из положительных качеств женщины, что отражено в следующих паремиологических единицах: *Chồng ta áo rách ta thương, chồng người áo gấm xông hương mặc người* Я люблю своего мужа и в порванной рубашке и не обращаю внимания на другого мужчину, пусть он в парчовых халатах и с благовониями; *Đi đâu cho thiếp đi cùng, đói no thiếp chịu, lạnh lùng thiếp sam* Позвольте мне пойти с вами, я могу терпеть голод и холод – фраза означает серьезность жены, которая хочет всегда следовать за своим мужем; *Thuyền theo lái, gái theo chồng* Лодка следует за лодочником, девушка следует за мужем.

4. Положительная характеристика, выражающая любовь женщины к своим детям и важную роль женщины в воспитании детей

Дискуссии об отношениях между родителями и детьми в основном сосредоточены на динамике отношений матери и ребенка. Большинство паремий подчеркивают ключевую роль, которую мать играет в воспитании своих детей, восхваляют любовь и жертвенность матери ради своих детей: *Mẹ ngoan đi con dại, mẹ ngoan lại con khôn* Если мать отводит взгляд, ребенок глуп, если мать оглядывается, ребенок мудр; *Có mẹ ở nhà mới có cá mà ăn* Только когда мама дома, ребенок может есть рыбу; *Chỗ ướt mẹ nằm, ráo xê con lại* Мать

ложится на мокрое место, а ребенка кладет на сухое. Избалованность детей и неудачи также обусловлены главным образом ролью матери, ролью женщины: Con hư tại mẹ, cháu hư tại bà Ребенок избалован матерью, внук избалован бабушкой.

Кроме паремиологических единиц, проявляющих положительные характеристики вьетнамской женщины, существует значительное количество паремий, которые описывают ее непривлекательные черты и отрицательные свойства.

1. Отрицательная характеристика женской внешности

Фраза *Cả vú to hông cho không chằng màng* *Женщина с большой грудью и бедрами не нужна, даже если будут отдавать бесплатно* относится к старой концепции, согласно которой толстая женщина некрасива; *Đàn bà vú lép, to hông, Đít teo, bụng ỏng, cho không chằng cầu* *Женщина с тощей грудью, впалым животом, тощим задом и большими бедрами никому не нужна.*

2. Отрицательная характеристика женского недомыслия

Женщин считают опрометчивыми, мелочными, поверхностными, легкомысленными, доверчивыми; в то время как мужчины считаются глубокомысленными и вдумчивыми: *Đàn ông nông nổi giêng khơi, Đàn bà sâu sắc như soi đặng trầu* *Мужчины поверхностны, как колодец, женщины глубокомысленны, как горшок с бетелем* (ирон.); *Đàn bà sạn lòng như đĩa* *Женщина поверхностна как тарелка.*

3. Отрицательная характеристика женской болтливости

Женщины считаются разговорчивыми и болтливыми: *Và bà bốn chuyện* *Три бабы, четыре истории; Năm bà ba chuyện* *Пять баб, три истории; Bưng đờc miệng chính, miệng vò, Nào ai bưng đờc miệng o, miệng dì* *Возможно зачехлить край кувшина или край жбана, но невозможно закрыть рот тетки и свояченицы; Đàn bà yếu chân mềm tay, làm ăn chẳng đờc lại hay nỏ mồm* *Женщина со слабыми ногами и мягкими руками не занимается никакими делами, а только многословно и громко спорит.*

4. Отрицательная характеристика женской ревности

В народных песнях, пословицах и поговорках бытует мнение, что ревность присуща каждой женщине: *Thứ nhất đau đẻ, thứ nhì ngứa ghê đòn ghen* *Первое – родовые боли, второе – изнывать от ревности; Vôì nào là vôì chẳng nòng, Gái nào là gái có chồng chẳng ghen* *Какая известь не является терпкой? Какая замужняя женщина не ревнует?; Nhường cơm nhường áo không ai nhường chồng* *Можно одолжить рис и одолжить рубашку, но никто не будет одалживать мужа.*

5. Описание женского непостоянства и легкомысленности

Chồng chết chưa héo cỏ đã bỏ đi lấy chồng *Муж умер, трава не засохла, а жена уже вышла замуж; Ngồi buồn vuốt bụng thở dài, nhớ chồng thì ít nhớ trai thì nhiều* *Сидит грустно, поглаживает живот и вздыхает, немного скучает по мужу, и очень скучает по другому мужчине* – фраза критикует женщин, изменяющих своим мужьям.

Исследование показало, что в концепте вьетнамской женщины вербализируются физические и личностные качества женщины и обозначаются как положительные (красивая фигура, домовитость, заботливость, талантливость, трудолюбие, преданность, привязанность к мужу, любовь к детям), так и отрицательные (непривлекательная внешность, недомыслие, болтливость, ревность, непостоянство и легкомысленность) характеристики.

Литература

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс // Науч.-исслед. лаб. "Аксиол. лингвистика". – М.: ГНОЗИС, 2004. – 389 с.
2. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М., - 1999. - 189 с.
3. Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как системное образование // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. - № 1. - С. 29-34.
4. Страусов В.Н. Проблемы становления лингвистической гендерологии [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://docs.google.com/> (дата обращения 03.10.23)

5. *Đồ Hữu Châu*, Từ vựng – ngữ nghĩa tiếng Việt, Nhà xuất bản Giáo dục (Tái bản lần 2), 1999. [До Хью Чау, Лексика – семантика вьетнамского языка, Издательство Образование (Переиздание 2-го раза), 1999].
6. *Nguyễn Đức Dân*, «Ngữ nghĩa thành ngữ và tục ngữ - sự vận dụng», Ngôn ngữ (3), 1986. [Нгуен Дык Зан, «Семантика поговорок и пословиц – применение», Язык (3), 1986].
7. *Nguyễn Văn Mênh*, “Vài suy nghĩ góp phần xác định khái niệm thành ngữ tiếng Việt”, Ngôn ngữ, số 3, 1987, tr. 12-18. (Нгуен Ван Мень, «Некоторые мысли, способствующие определению понятия вьетнамских поговорок». Язык. - № 3. 1987. - С. 12–18).
8. *Hoàng Văn Hành*, Thành ngữ học tiếng Việt, Nhà xuất bản Khoa học xã hội, Hà Nội, 2004 [Хоанг Ван Хань, Поговорки вьетнамского языка, Издательство Гуманитарные науки. Ханой. 2004].

ФАНЬ ЮАНЫЮАНЬ

Московский педагогический государственный университет

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ОМОНИМИИ

Данная статья посвящена вопросу о формировании межкультурной компетенции у китайских студентов при обучении грамматической омонимии, особое внимание уделяется методами и приемами в процессе обучения.

Ключевые слова: грамматическая омонимия, межкультурная компетенция, языковая культура, сопоставление, китайские студенты

Грамматические омонимы (омоформы) – это разные слова, совпадающие в отдельных грамматических формах. Как и лексические омонимы, они совпадают по произношению и написанию, но обладают различным лексическим значением. Однако грамматические омонимы, в отличие от лексических, являются словами разных частей речи. Например: мой¹ (местоимение) ключ – мой² (от глагола «мыть») руки.

Грамматическая омонимия является распространенным явлением в разных языках, в том числе в русском и китайском, и изучается разными лингвистами. В.В. Виноградов отмечал, что грамматическая омонимия является одним из основных источников сложностей и неоднозначностей в языке. Он обращал внимание на контекст, в котором употребляются омонимичные формы, а также на семантический контекст и контекст предложения. В.В. Виноградов подчеркивал важность синтаксического и семантического контекстов для правильного толкования и использования омонимичных форм [2].

На занятиях при обучении грамматической омонимии необходимо проводить сопоставление русской и китайской омонимии. Это может стимулировать интерес китайских студентов к изучению русской омонимии и способствовать формированию межкультурной компетенции у китайских студентов.

Межкультурная компетенция является одним из ключевых аспектов современного образования. Э.Г. Азимов и А.Н. Щукин в «Современном словаре методических терминов и понятий» указывают на то, что межкультурная компетенция – это способность человека существовать в поликультурном обществе, достигать успешного понимания представителей других культур и представителей своей культуры [1, с. 160]. С учетом глобализации способность взаимодействовать и понимать другие культуры становится все более важной. Одним из аспектов межкультурной компетенции является языковая культура и понимание межъязыковых различий. Межкультурная компетенция представляет собой набор знаний, умений и навыков, необходимых для эффективной коммуникации в межкультурной среде. Она включает в себя понимание и актуализацию культурно-языковых аспектов различных стран и народов. Формирование межкультурной компетенции при обучении языку позволяет студентам не только овладеть языковыми навыками, но и развить навыки эффективного общения в различных культурных контекстах.

В рамках межкультурной компетенции при изучении грамматической омонимии китайским студентам необходимо понять, как определенная форма выражения может быть использована в различных грамматических конструкциях и какое значение она приобретает в каждой из них. Это требует не только знания грамматических правил и высокого языкового уровня, но и понимания культурных и лингвистических особенностей различных языков.

Для формирования межкультурной компетенции при обучении грамматической омонимии китайским студентам можно пользоваться самыми разными методами.

а. Культурные и лингвистические примеры. Особое внимание следует обратить на примеры, которые демонстрируют использование явлений омонимии в русском и в китайском языках, например, в рекламе, в наименовании чего-либо, в загадке, в скороговорке, в фольклоре и при описании обычая. Это помогает лучше усвоить изучаемый иностранный язык и стать полноценным участником в межкультурной коммуникации. Использование таких примеров позволяет не только расширить словарный запас китайских студентов, помочь им точнее понимать русский язык и переводить, но и использовать практические методы обучения, которые позволяют им взглянуть на суть явления и изучить его в процессе обучения.

б. Практические упражнения. Обучение грамматической омонимии должно быть интерактивным и практическим. Китайским студентам могут предлагаться различные упражнения, которые помогут им использовать полученные знания в реальных ситуациях и развить навыки межкультурной коммуникации. Приведем примеры упражнений:

1. Назовите рекламные слоганы в русском и китайском языках, в которых существуют омонимы, и определите их значения.

2. Отгадайте загадки.

Есть она у чемодана

И у школьницы любой,

Есть у двери ресторана

И у чашки голубой.

Кто с него снимает кожу,

Будет в три ручья реветь,

Без него стрела не сможет

До мишени долететь.

3. Составьте диалоги с омонимами.

Таким образом, формирование межкультурной компетенции у китайских студентов при обучении грамматической омонимии является важным аспектом современного образования. Овладение этими навыками поможет студентам не только достичь лучших результатов в изучении языка, но и стать более успешными в коммуникации в международной среде. Использование компаративного анализа, культурных и лингвистических примеров, а также практических упражнений в учебном процессе способствует эффективному формированию межкультурной компетенции у студентов.

Литература

1. Азимов, Э.Г., Щукин, А.Н. Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. 2-е изд., стереотип. – М.: Русский язык. Курсы, 2019. – С. 160.

2. Виноградов, В.В. О грамматической омонимии в современном русском языке / В.В. Виноградов. // Русский язык в школе. – 1940. – № 1. – С. 1–11.

ФИЛАТОВ М.А. , РЕДЬКИНА О.Ю.

Челябинский государственный университет

ФАКТЫ МАССОВОЙ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОПРОСОВ)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20238, <https://rscf.ru/project/22-28-20238/>

В статье анализируются результаты опросов, проведенных среди школьников и студентов, выявляется перечень фактов массовой российской культуры, представляющих, по мнению респондентов, ценность для носителей русской культуры.

Ключевые слова: лингвокультура, языковое сознание, ценности русской культуры, массовая культура.

В целях выявления наиболее ценных для русской культуры прецедентных феноменов мы провели опрос среди школьников старшего звена и студентов, получающих среднее профессиональное и высшее образование; всего было опрошено 4812 человек в возрасте 16-22 лет. Респондентам было предложено назвать самые цитируемые и узнаваемые русские фильмы, мультфильмы, тексты художественной литературы, произведения изобразительного искусства.

Анализ ответов подтвердил предположение авторов исследования о том, что представление о родной культуре у носителей языка формируется двумя путями: условно говоря, официальным и неофициальным. Первый, официальный, предполагает знакомство с фактами языка, культуры и истории в их взаимосвязи в ходе изучения дисциплин социально-гуманитарного цикла в школе и иных учебных заведениях. Он не предполагает свободы выбора и возможности учесть личные предпочтения, а кроме того, как правило, дает готовую оценку фактов. Так формируется «парадный портрет» русской культуры. Второй, неофициальный, напротив, относительно свободен: носители культуры могут ориентироваться на личные предпочтения, часто получают представление о фактах культуры хаотично, вне интертекстуальных и контекстуальных связей, из-за чего их знания несистемны, и часть смыслов, в том числе смеховой информации, ими не считается.

Представления о родной культуре молодежи, отраженные в ответах, могут быть четко поделены на две части. Первая – «парадный портрет» – представлена в перечнях наиболее узнаваемых и цитируемых текстов и произведений изобразительного искусства, которые знают все носители русской культуры. Вторая, соответственно, представляет собой «неофициальный портрет», который складывается из ответов на вопросы о самых цитируемых и узнаваемых русских фильмах и мультфильмах.

В формулировке вопросов изначально заложено условие: предлагаемый респондентами факт культуры должен быть хорошо знаком всем носителям русского языка и культуры, его знание должно объединять представителей одной национальности и быть сигналом национальной и социокультурной общности собеседников (см. подробнее: [Редькина, Селютин 2023; 108-113]). То есть гипотеза может быть сформулирована так:

массовая культура играет важнейшую роль в формировании лингвокультуры, а знание ее феноменов становится средством национальной и социокультурной самоидентификации.

Подтверждение этой идеи находим у И.В. Кондакова: «Каждая разновидность массовой культуры в той или иной степени сохраняет свою этнонациональную и цивилизационную идентичность, что обеспечивает ее массовую узнаваемость и востребованность всем населением страны» [Кондаков 2017; 517]. В статье И.В. Кондакова речь идет о художественной литературе, однако эти выводы могут быть применены и к другим формам вербального и невербального искусства.

Итак, обратимся к результатам опросов.

«Парадный портрет» русской культуры в его литературной части представлен перечнем художественных произведений, преимущественно изучаемых в школе, и фамилий авторов, а также фольклорных и литературных произведений детской литературы. Нужно отметить, что творчество авторов наиболее упоминаемых произведений относится к XIX веку (здесь и далее в порядке убывания: «Война и мир», «Преступление и наказание», «Евгений Онегин», «Мертвые души», «Капитанская дочка», «Горе от ума», «Обломов», «Отцы и дети», «Бородино» и др.); меньше представлено творчество авторов рубежа веков и начала XX века («Мастер и Маргарита», «Гранатовый браслет», «Вишневый сад», «Собачье сердце», «Двенадцать» и др.), советской эпохи, в том числе произведений о войне («Тихий Дон», «Судьба человека», «Уроки французского» и др.); XVIII век представлен двумя произведениями: «Бедная Лиза» и «Недоросль», а XXI век – только упоминанием Э. Лимонова. В числе произведений детской литературы названы фольклорные сказки «Колобок», «Три медведя», а также литературные тексты: сказки А.С. Пушкина и пролог к поэме «Руслан и Людмила», «Золотой ключик, или Приключения Буратино» (в ответах – *Буратино*), «Крокодил Гена и его друзья» (в ответах – *Чебурашка*), «Дядя Степа», «Денискины рассказы» и др.

Среди живописных полотен названы «Утро в сосновом лесу» (в ответах название вариативно), «Девочка с персиками», «Богатыри», «Чёрный супрематический квадрат» (в ответах – *черный квадрат*), «Девятый вал», «Грачи прилетели», «Бурлаки на волге», «Аленушка», «Опять двойка», «Демон сидящий», «Троица», «Последний день Помпеи», «Царевна-лебедь», «Боярыня Морозова», «Апофеоз войны», «Поединок Пересвета с Челубеем на Куликовом поле» (в ответах – *Куликово поле*; возможно, имеется в виду «Утро на Куликовом поле»), «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года» (в ответах – *Иван Грозный убивает своего сына, Иван Грозный и сын его Иван*) и др. Большая часть упомянутых респондентами живописных полотен служит иллюстрациями к учебным материалам по литературе и истории, поэтому их мы тоже отнесли к официальной версии русской культуры.

Собственно, здесь возникает вопрос: как расценивать эти феномены русской культуры: как часть элитарной культуры или как часть массовой? В самом факте их включения в школьную программу содержится внутреннее противоречие: они подаются как принадлежащие к элитарной культуре, однако познакомиться с ними должен каждый, что подразумевает массовость. Зачастую это знакомство становится поверхностным, поскольку, в частности, тексты воспринимаются адресатом как сложные для прочтения [Михайлова 2011; 46], и он оказывается не способен осмыслить художественный текст во всей полноте его смыслов [Мосунова 2015; 69]. Именно по этой причине И.В. Кондаков считает, что «...классические тексты, будучи включены в учебные школьные программы, почти автоматически превращаются в тексты массовой культуры с соответствующим “понижением” своего ценностно-смыслового потенциала» [Кондаков 2017; 520].

Теперь обратимся к неофициальному портрету, который представлен перечнем фильмов, мультфильмов, теле- и мультсериалов и чья принадлежность к массовой культуре не вызывает сомнений: «Общими (метаисторическими) функциями массовой культуры во все культурные эпохи остаются одни и те же: общеинтересность содержания, доступность (клишированность, формульность) изложения, динамизм тематического развития,

универсальность и простота жанров, увлекательность восприятия массовым реципиентом, установка на развлечение и психологическую разрядку потребителей как самоцель» [Кондаков 2017; 517].

В перечне фильмов, в который респонденты включили и телесериалы, лидирующие позиции занимают фильмы и сериалы, снятые в 90-е и нулевые годы или рассказывающие об этом времени: фильмы А. Балабанова «Брат», «Брат 2», «Жмурки»; «Бумер», сериал «Бригада». Далее в порядке убывания фильма Л. Гайдая «Бриллиантовая рука», «Иван Васильевич меняет профессию», «Операция Ы и другие приключения Шурика», «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика», «Самогонщики»; фильмы Э. Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром!», «Служебный роман», «Жестокий романс»; фильмы В. Меньшова «Любовь и голуби», «Москва слезам не верит». Названия в ответах вариативны и, как правило, усечены: *операция Ы*, *кавказская пленница*, *Шурик*, *ирония судьбы*, *с легким паром* и т.п. Существенную часть ответов составляют упоминания фильмов и сериалов о войне: советские «А зори здесь тихие», «Летят журавли», «В бой идут одни старики», «Офицеры», «Семнадцать мгновений весны», «Судьба человека», российские «Т-34», «28 панфиловцев» и др. Кроме того, респонденты упоминали биографические фильмы: «Легенда № 17», «Великая», «Андрей Рублев» и др., спортивные драмы: «Лед», «Движение вверх» и пр.

В число наиболее узнаваемых и цитируемых мультфильмов респонденты включили мультфильмы, снятые по мотивам повестей Э. Успенского «Крокодил Гена и его друзья» и «Дядя Федор, пес и кот», по мотивам сказки А. Милна «Винни-Пух и все-все-все», по трилогии о Малыше и Карлсоне А. Линдгрена. Кроме того, часто упоминаются мультсериалы «Ну, погоди!», «Смешарики» «Маша и медведь», «Лунтик», «Фиксики», «Приключения кота Леопольда» и цикл мультфильмов о трех богатырях. Названия также вариативны и усечены, как правило, респонденты называли либо локации (*Простоквашино*), либо персонажи (*Чебурашка*, *богатыри*, *Карлсон* и т.п.).

Таким образом, ответы респондентов преимущественно адекватны: предложенные прецедентные феномены в большинстве своем действительно узнаваемы, цитируемы или обладают соответствующим потенциалом. Наиболее часто упоминаемые факты русской культуры можно отнести к «классике» – в литературе, живописи, кино и мультипликации, в то время как «модные» явления встречаются в ответах значительно реже. Так, в перечнях фильмов и мультфильмов лидирующие позиции совокупно занимают картины, снятые в 60-80-х годах, в которых независимо от жанровой принадлежности главную роль играет именно вербальная составляющая, позволяющая их цитировать. При этом очевиден процесс массовизации элитарной культуры, отмеченный И.В. Кондаковым [Кондаков 2017; 82]: тексты изначально элитарной культуры в процессе своей популяризации утрачивают часть смыслов, заложенных в них автором, более того – это же происходит с течением времени с фактами массовой культуры.

Литература

1. Кондаков И.В. Взаимодействие индивидуальной и массовой культуры в историческом процессе // Вестник культуры и искусств. – 2017. – № 4 (52). – С. 81-89.
2. Кондаков И.В. Массовая культура: опыт теории относительности // Обсерватория культуры. – 2017. – № 5. – С. 516-523.
3. Михайлова М.В. Классика versus... // Вестник самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. – 2011. – № 1 (9). – С. 38-51.
4. Мосунова Л.А. К вопросу о понимании текстов классической литературы // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2015. – № 6. – С. 69-76.
5. Редькина О.Ю., Селютин А.А. Текстцентричность русской культуры и ее отражение в языковом сознании молодежи // Вестник Челябинского государственного университета. – 2023. – № 5 (475). – С. 108-113.

МЕТАФОРА В ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМЫ «БУЛКА»)

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению роли метафоры в лингвокультуре. В рамках лингвокультурологического подхода метафора рассматривается как языковое средство, в котором хранится культурологическая информация. В качестве лексемы, анализируемой на предмет наличия метафорических значений, была выбрана лексема «булка» по следующим причинам: возможность наличия культурной информации в лексемах, принадлежащих лексико-семантической группе «Еда и напитки», так как объекты, номинируемые ими, выполняют важную роль в обыденной жизни человека, являются частью многих ритуалов; зафиксированность в словарях лишь одного значения лексемы «булка». Отбор материала исследования проводился с помощью Национального корпуса русского языка с использованием встроенных инструментов (автоматический поиск, n-грамм). Исследование проводилось с использованием следующих методов: описательный метод, дефиниционный анализ, метафорическое моделирование, лингвокультурологический анализ. В выявленных в результате анализа контекстов метафорах были определены следующие компоненты: вспомогательный субъект (в нашем случае – лексема «булка»), основной субъект, *tertium comparationis* (признак сравнения), аспект сравнения и метафорические конкретизаторы. В качестве основных субъектов выступают как конкретные предметы и объекты (хлебобулочные изделия, части тела человека (ягодицы, лицо, грудь), сам человек, предметы), так и социальные явления, абстрактные понятия. Если в первом случае аспектом сравнения являются некоторые физические свойства вспомогательного субъекта (форма, тактильные ощущения, внешний вид), то при вспомогательном субъекте «социальные явления» и «абстрактные понятия» аспект сравнения – это функциональные свойства и субъектно-психологические признаки. Также были отмечены сочетания, в рамках которых осуществлялся метафорический перенос: шевелить булками, раздвигать булки, расслабить булки, булка с маслом, белая булка, пресная булка, сдобная булка, булка раздора. Результаты данного исследования могут быть использованы в том числе и при изучении русского языка с целью формирования межкультурной компетенции.

Abstract. This article is devoted to the role of metaphor in linguistic culture. Within the framework of the linguoculturological approach, a metaphor is considered a language tool in which cultural information is stored. As a lexeme analyzed for the presence of metaphorical meanings, the lexeme "bun" was chosen for the following reasons: the possibility of the presence of cultural information in lexemes belonging to the lexical-semantic group "Food and drinks", since the objects nominated by them performs an important role in everyday human life, is part of many rituals; fixation in dictionaries of only one meaning of the lexeme "bun". The selection of research material was carried out using the National Corpus of the Russian Language using built-in tools (automatic search, n-grams). The study was conducted using the following methods: descriptive method, definitional analysis, metaphorical modeling, and linguistic and cultural analysis. In the metaphors identified as a result of the analysis of contexts, the following components were identified: an auxiliary subject (in our case, the lexeme "bun"), the main subject, *tertium comparationis* (a sign of comparison), the aspect of comparison and metaphorical concretizers. The main subjects are both specific objects and objects (baked goods, parts of the human body (buttocks, face, chest), the person himself, objects), as well as social phenomena, and abstract concepts. In the first case, the aspect of comparison is some physical properties of the auxiliary subject (shape, tactile sensations, appearance), while with the auxiliary subject "social phenomena" and "abstract concepts", the aspect of comparison is functional properties and subject-psychological features. Also, combinations were noted in which a metaphorical transfer

was carried out: move the buns, push the buns apart, relax the buns, a bun with butter, the white bun, the unleavened bun, sweet bun, the bun of contention. The results of this study can be used, among other things, in the study of the Russian language in order to form intercultural competence.

Ключевые слова: лингвокультурология, еда и напитки, Национальный корпус русского языка, метафорический анализ, межкультурная компетенция.

Keywords: linguoculturology, food, and drink, Russian National Corpus, metaphorical analysis, intercultural competence.

В лингвокультурологии язык рассматривается сквозь призму триады «язык – человек – культура», а взаимосвязь языка и культуры анализируется на лексическом уровне на материале культурно маркированной лексики. В центре внимания лингвокультурологии находятся способы и средства отображения в семантике языка объектов культуры. В лингвокультурологических исследованиях для анализа культурной информации, зафиксированной в языковых единицах, используют различные понятия: концепт, метафора, лингвокультурема.

Говоря о роли метафоры с точки зрения лингвокультурологического подхода, ученые отмечают ее способность концептуализировать действительность с учетом национально-специфических черт (Юрков, 2001), соотносить явления и объекты с характерными для лингвокультурного общества стереотипами, эталонами и мифологемами (Кондратьева, 2014), выступать в «качестве способа представления лингвокультурной ситуации (Стоянова, 2013), соизмерять сравниваемые объекты и явления «в соответствии с собственно человеческим масштабом знаний и представлений, а вместе с тем — и с системой национально-культурных ценностей и стереотипов» (Телия, 1998). Таким образом, на основе метафор может проводиться изучение и анализ репрезентации культурных ценностей в языке.

В качестве языкового материала, который может содержать культурную информацию и обладать культурными смыслами, могут выступать номинации еды и напитков. Номинации еды и напитков служат для обозначения культурно специфичной области материальной культуры – питание, того, без чего немислимо само существование человека. Использование еды и напитков в различных сферах жизни – повседневная жизнь, праздники, обряды, ритуалы – увеличивает вероятность того, что номинации еды и напитков служат не только для объективации фактов материальной культуры, но и несут в себе пласт культурной информации, являются отражением культуры. Предпочтения в еде и напитках того или иного народа были сформированы под влиянием различных факторов: климат, религия, географическое положение. Данные факторы, несомненно, оказали влияние на особенности питания каждого народа. Поэтому номинации еды и напитков одновременно являются и фактами культуры. Также в сознании каждого представителя той или иной культуры с конкретными образами еды и напитков тесно связан ряд визуальных, вкусовых, тактильных ощущений, что позволяет предположить соотнесение образов еды и напитков с различными сферами действительности: физиологической, психологической, ментальной, их метафоричность, возможность использования в качестве средства экспликации символических, культурологических и ценностных значений и представлений.

Также обращаясь к сфере еды и напитков в лингвокультурологическом аспекте, исследователи отмечают метафоризацию данных номинаций: «учитывая важность гастрономического кода в рамках национальной лингвокультуры, нельзя не отметить широкую сферу метафоризации разных видов пищи и напитков» (Дормидонтова, 2011); «материалом исследования послужили имена существительные двух славянских языков – русского и чешского, обозначающие древние названия пищи славян и развившие символические значения на основе метафорической модели» (Маркова, 2017); «лексические единицы фиксируют впечатления от восприятия внешности человека на основе уподобления физическим характеристикам предметов и процессов, составляющих концептуальную сферу «Еда» (Капелюшник, 2011).

В нашей работе будет предпринята попытка выявить метафорические значения слова «булка». Выбор данной номинации объясняется ее принадлежностью к лексико-семантической группе «Еда и напитки», а именно – «Крупяные и хлебобулочные изделия». Выбор именно данной группы лексем объясняется тем, что, во-первых, данные блюда относятся к традиционным блюдам русской кухни, во-вторых, данные блюда являются частью многих обрядов и ритуалов, в том числе, религиозных. Также важным является то, что Ю.С. Степанов в своей книге «Константы. Словарь русской культуры» (Степанов, 1997) к константам – «устойчивым концептам культуры» (Степанов, 1997) – относит только один пищевой продукт – хлеб. Поэтому считаем возможным рассмотреть номинацию, принадлежащую к той же группе, что и «хлеб». Также данная лексема интересна тем, что в толковых словарях зафиксировано только одно ее значение: «хлебец из белой пшеничной муки» (Ушаков, 2013); «хлебец из пшеничной муки, а также вообще пшеничный хлеб» (Ожегов, 1999).

Отбор материала, пригодного для исследования, мы будем осуществлять с помощью Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), так как НКРЯ предоставляет доступ к большому собранию текстов различных жанров, охватывающих временной период с XVIII по XXI век. Также корпус снабжен функцией автоматического поиска, что позволяет отобрать контексты, пригодные для дальнейшего анализа, а также инструментом n-грамм, с помощью которого можно выявить устойчивые сочетания с целевой лексемой.

Поиск осуществлялся в основном модуле НКРЯ. Результат поиска – 1484 текста, 3164 вхождения. Далее нами проводился анализ контекстов на предмет использования в них лексемы «булка» в метафорическом значении. Нами будут использованы следующие методы: описательный метод, дефиниционный анализ, метафорическое моделирование, лингвокультурологический анализ.

Опираясь на работы В.П. Москвина (Москвин, 1997) и Е.Е. Юркова (Юрков, 2001), мы будем выделять следующие компоненты метафоры: вспомогательный субъект (в нашем случае – лексема «булка»), основной субъект (своеобразная «цель» метафоры), *tertium comparationis* (признак сравнения), аспект сравнения и метафорические конкретизаторы, которые, по мнению Е.Е. Юркова, «придают метафоре тот ценностный, художественно-смысловой и лингвокультурный смысл, ради которых и совершается сам акт метафоризации» (Юрков, 2001). Таким образом, результаты анализа контекстов будут представлены ниже в следующем виде: основной субъект, *tertium comparationis*, аспект сравнения, метафорические конкретизаторы, также будут приведены примеры контекстов, в которых были использованы данные метафоры, и дано количество вхождений. В качестве вспомогательного субъекта в каждом случае выступает лексема «булка». Если метафорический перенос происходит в рамках словосочетания, то после основного субъекта в скобках будет приведено данное словосочетание. Результаты анализа перечислены в порядке убывания.

1. Хлебобулочное изделие – соразмерность – внешний вид – продолговатой или округлой формы, по весу и размеру сходный со стандартной булкой (35 вхождений):

Купил в автолавке булку черного хлеба, консервы " Бобы со свиной " и мармелад к чаю [Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)];

2. Часть тела - шевелить булками («торопиться, двигаться»),

3. Предмет – округлый, мягкий – внешний вид, тактильные свойства – пышность, мягкость :

На землю и деревья легли ковры и булки из снега. [Сергей Бурлаченко. Сорвиголова // «Дальний Восток», 2019];

4. Социальное явление (булка с маслом) – доступный не для всех, дорогой – материальный достаток – достойный заработок, сытая жизнь (6 вхождений):

На булки с густым слоем масла я зарабатывал тогда ремеслом «практикующего юриста», то есть частного детектива [Валериан Скворцов. Каникулы вне закона (2001)];

5. Человек (новичок в игре в бильярд) – свежесть – временные свойства – новый, свежий, неопытный (5 вхождений):

В бильярдном мире существует четыре основные классификации игроков. Первые — это «булки» (лохи). Простые перцы, которые после тяжелого дня в угольной каменоломне приходят расслабиться и под пиво популять в бельдик [Олег Чебенева. Бильярд: стань отцом (2003) // «Хулиган», 15.12.2003];

6. Социальное явление (белая булка) – высокая цена – достаток, финансовое благополучие – сытная, спокойная жизнь (4 вхождения):

Сейчас нам нужнее всего черный хлеб, но ведь боретесь-то вы не за черный хлеб, а за то, чтобы каждый имел белую булку. [Б. А. Лавренив. Комендант Пушкин (1936)];

7. Предмет – округлый – форма – что-то крупное, выделяющееся, выступающее (3 вхождения):

Они крупно выступали на голове, словно две булки [В. А. Мезенцев. Чудеса: Популярная энциклопедия. Том 1. Книга 2 (1991)];

8. Лицо / предмет (пресная булка) – обычный – субъективная оценка – неинтересный, невыразительный, скучный (3 вхождения):

Средний юноша. Мордашка как пресная булка. Крупные губы грустят, как сосиска [Сергей Шаргунов. Ура! (2003)];

9. Абстрактное понятие (булка с маслом) – желанный, сытный – причина использования — корыстный, не соответствующий истинному предназначению, потребительское отношение (2 вхождения):

Мы были согласны, что они делятся на три группы: те, которые интересуются только наукой и ничем больше, — к ним мы относили Юшманова, Крачковского, Франк-Каменецкого и Борисова; те, которые интересуются наукой по-настоящему, но не упускают из виду и жизненных интересов, — сюда мы (не совсем справедливо) относили Рифтина и, с некоторыми колебаниями, Винникова, Мавродина, и те, которые пользуются наукой как булкой с маслом, — сюда мы относили Башинджагяна и все марровское окружение, а также большинство преподавателей по общественным наукам и истории [И. М. Дьяконов. Книга воспоминаний. Глава восьмая (1933-1935) (1995)];

Таким образом, несмотря на то, что в толковых словарях зафиксировано использование лексемы «булка» лишь в значении еды, в контекстах были отмечены случаи использования метафорических переносов, в основе которых лежат стереотипы и ассоциации, присущие представителям определенной лингвокультуры. При метафорическом переносе в качестве основных субъектов выступают как конкретные предметы и объекты, сам человек, так и социальные явления, абстрактные понятия. Если в первом случае аспектом сравнения являются некоторые физические свойства вспомогательного субъекта (форма, тактильные ощущения, внешний вид), то при вспомогательном субъекте «социальные явления» и «абстрактные понятия» аспект сравнения – это функциональные свойства и субъектно-психологические признаки. Также были отмечены сочетания, в рамках которых осуществлялся метафорический перенос: *булка с маслом, белая булка, пресная булка, сдобная булка.*

Понимание метафор, способность их декодировать является также компонентом коммуникативной компетенции, необходимым навыком при межкультурной коммуникации. Поэтому знакомство с метафорой в рамках изучения русского языка как иностранного позволяет учащимся обогатить словарный запас, оказывает влияние на культуру речи, предупреждает нарушение норм, облегчает процесс вхождения в культуру путем объяснения смыслов и ассоциаций, ценностных коннотаций.

Литература

Дормидонтова О.А. Гастрономическая метафора как средство концептуализации мира: на материале русского и французского языков: автореферат дис. ... канд. филологич. наук. Тамбов, 2011.

Капелюшник Е.В. Человек сквозь призму кода культуры // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 345. С. 11–14.

Кондратьева О.Н. Метафора как лингвокультурный феномен // Лингвокультурология. 2014. Вып. 8. С. 104–106.

Маркова Е.М. Кулинарный код культуры во вторичных номинациях русского и чешского языков: лингвистический и методический аспекты // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранный языки и методика их преподавания. 2017. Т. 15. № 2. С. 152–174.

Москвин В.П. Русская метафора. Семантическая, структурная, функциональная классификация: Учеб. пособие к спецкурсу по стилистике. Волгоград: Перемена, 1997.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/>.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1999.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языка русской культуры», 1997.

Стоянова Е.В. Метафора сквозь призму лингвокультурной ситуации. Шумен: Университетское издательство «Епископ Константин Преславски», 2013.

Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1998.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2013.

Юрков Е.Е. Метафора в аспекте лингвокультурологии: автореф дис. ... д-ра филологич. наук. СПб, 2001.

Dormidontova O. A. (2011). *Gastronomic metaphor as a means of conceptualizing the world: in Russian and French* (Publication No. 00500516) [PhD dissertation, Tambov State University named after G.R. Derzhavin]. Man and Science. <https://cheloveknauka.com/gastronomicheskaya-metaphora-kak-sredstvo-kontseptualizatsii-mira>.

Kapelyushnik E. V. (2011). Chelovek skvoz' prizmu koda kul'tury. *Tomsk State University Journal*, 345, 11–14.

Kondrat'eva O. N. (2014). A metaphor as a linguocultural phenomenon. *Linguoculturology*, 8, 104–106.

Markova E. M. (2017). Culinary culture code in the secondary naming of the Russian and Czech languages: linguistic and methodological aspects. *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzhy Narodov*, 2, 152–174.

Moskvin V.P. (1997). *Russian metaphor. Semantic, structural, functional classification: Training manual for the special course on stylistics*. Peremena.

Russian National Corpus. <https://ruscorpora.ru/>.

Ozhegov S. I. (1999). *Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80 000 vocabulary and idiomatic phrases*. Azbukovnik.

Stepanov Yu. S. (1997). *Constants. Dictionary of Russian Culture. Research Experience*. School of the language of Russian culture.

Stoyanova E. V. (2013). *Metaphor through a prism of the lingua-cultural situation*. University press «Bishop Konstantin Preslavski».

Teliya V. N. (1998). Metaphor as a Semantic Production Model and its Expressive Evaluation Function. In V. G. Gak, V. N. Teliya, & E. M. Vol'f (Eds.), *Metaphor in language and text*. (pp. 26–52). Science.

Ushakov D. N. (2013). *Explanatory dictionary of modern Russian language*. Adelan't.

Yurkov E. E. (2001). *Metaphor in linguocultural aspects* (Publication No. 005046380) [Doctoral dissertation, Saint-Petersburg State University]. Man and Science. <https://cheloveknauka.com/metaphora-v-aspekte-lingvokulturologii>.

ХАМИДОВА Г.Ю.

Бухарский областной региональный центр обучения педагогов новым методикам

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Лингвокультурологический подход к изучению языка предоставляет огромные возможности для познания двух явлений – языка и культуры. Лингвокультурология позволяет узнать новое не только о языке, но и о человеке, как главном «пользователе» языка, и о культуре, как «части картины мира, закреплённой в языке».

Ключевые слова: лингвокультурологический переворот, проблемы, взаимосвязи, взаимодействия, язык, культура, актуальные, востребованные.

Язык и культура тесно взаимосвязаны: культура в значительной степени передается через язык, культурные модели, в свою очередь отражаются в языке

В начале XXI в. в языкознании наблюдается лингвокультурологический переворот, когда проблемы взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры стали самыми актуальными и востребованными.

Язык и культура тесно взаимосвязаны: культура в значительной степени передается через язык, культурные модели, в свою очередь отражаются в языке. Культура динамична, способна к саморазвитию и самообновлению, постоянному порождению новых форм и способов удовлетворения интересов и потребностей людей, которые адаптируют культуру к меняющимся условиям бытия, поэтому важно научиться тому, как усваивать культуру и приспосабливаться к этим изменениям, чем выучить факты и правила, действующие на данный момент.

Обучение русскому языку немыслимо без приобщения ученика к культуре народа. Именно поэтому в современной школе утверждается лингвокультурологический подход к обучению, при котором человек рассматривается как носитель национальной психологии, национального характера, национального самосознания.

Естественно, Язык неразрывно связан с культурой и является её орудием, отражает все культурные ценности данного языка, а процесс усвоения чужого языка означает вхождение в новую культуру. Происходит постоянное обновление за счет взаимосвязи с другими языками и культурами. Языковой контакт формирует более глубокое языковое мышление.

Действительно, культура – уникальная форма выражения людей различных национальностей и связывает звенья между людьми. Национальные культуры в некоторых сферах различны и при взаимодействии есть проблемы. Ценность культурных различий состоит в том, что они ведут к обогащению человеческого интеллекта и поведения, к уважению культурных традиций. В современном мире человеку, который заинтересован в межкультурной коммуникации и в ее эффективности, может помочь представление о культурном многообразии мира, которое отражает отличительные и характерные признаки той или иной культуры.

Ценность национальной культуры, закрепленной в языковых формах, определяется тем, насколько значим и востребован культурно-языковой багаж, сохраненный в исторической памяти народного духа благодаря функционированию слова – сосуда хранения духовного опыта на пути познания истины.

Культура облагораживает человека, оказывает положительное влияние на общество в целом, но она может воздействовать и отрицательно, подчиняя человека разного рода сильным воздействиям, как, например, массовая культура.

Каждый новый носитель языка формирует свое видение мира не на основе самостоятельной переработки своих мыслей и переживаний, а в рамках закрепленного в понятиях языка опыта его языковых предков, который зафиксирован в мифах; усваивая этот опыт, мы лишь пытаемся его применить и слегка усовершенствовать.

Следовательно, язык не просто называет то, что есть в культуре, не просто выражает и формирует ее, но и сам развивается в культуре. Лингвокультурологический подход позволяет определить взаимозависимость между тенденциями развития национальной культуры и национального языка. Решение примыкающих к ним смежных проблем продвигают теорию лингвистической концептуализации, что в свою очередь повышает объяснительную силу филологического знания.

Таким образом, под лингвокультурологическим обучением учащихся понимается овладение ими основами народной культуры, умение анализировать тексты, содержащие лингвокультурологические аспекты, усвоение ценностной лексики. Язык как компонент культуры неразрывно связан с сознанием и жизнедеятельностью общества, является важнейшим средством человеческого общения. Понимание культуры поможет учащимся глубже понять самих себя, войти в культуру своего народа, быть компетентным в языке, ритуалах и ценностях. Язык – основной носитель культуры, и словарный запас учеников может служить показателем повышения их культурности.

Обучение русскому языку как неродному или иностранному часто носит прикладной характер: язык нужен, чтобы учиться, вести переговоры, переводить специальные тексты. Своеобразие русской национальной культуры, значительные отличия ее от родной для учащихся национальных школ культуры создают определенные трудности для обучающихся. Обучение русскому языку как неродному в условиях отдаленного доступа к естественной языковой среде должно опираться на познание культурологических особенностей изучаемого языка. Современный период развития методики русского языка как неродного характеризуется особым интересом к диалогу языков и культур. В ней диалог культур провозглашается как один из важнейших компонентов лингвокультурологического подхода к обучению учащихся, для которых русский язык является неродным. Лингвокультурологический подход к изучению языка предоставляет огромные возможности для познания двух явлений – языка и культуры. Лингвокультурология позволяет узнать новое не только о языке, но и о человеке, как главном «пользователе» языка, и о культуре, как «части картины мира, закреплённой в языке».

Коммуникативная компетенция подразумевает умение пользоваться всеми видами речевой деятельности: чтением, аудированием, говорением (монолог, диалог), письмом. Поэтому в качестве приоритетной цели выступает коммуникативная компетенция. В то же время иностранный язык – это только средство, с помощью которого можно приобретать и демонстрировать свой общекультурный уровень, свою способность мыслить, творить, оценивать чужую мысль, чужое творчество.

Таким образом, основными целями являются:

- -формирование способности интерпретировать проявления культурных смыслов;
- формирование навыков и умений, необходимых для успешного общения на межкультурном уровне;
 - воспитание языковой личности, которая способна к межкультурному взаимодействию. Формируемая лингвокультурологическая компетенция опорой на аутентичный аудио- и видеоматериал предполагает способность учащихся осуществлять коммуникацию, которая основана на:
 - на знании лексических единиц с этнической культурной семантикой;
 - на знании специфических вариантов поведения, характерных для культуры страны изучаемого языка;
 - на умении использовать знания, необходимые для установления взаимодействия с представителями другой лингвокультурной общности. Формирование лингвокультурологической компетенции учащихся начинается с изучения отдельных языковых фактов и заканчивается анализом лингвокультурологических явлений: образов, стереотипов и т.д. Исходя из этого лингвокультурологическая компетенция представлена в виде системы знаков, раскрывающих культурные реалии страны изучаемого языка. В структуру лингвокультурологической компетенции входит следующее:
 - совокупность знаний страны изучаемого языка (история, нормы);
 - совокупность знаний о национальной культуре страны изучаемого языка;
 - понимание знако-символической информации, заключенной в аутентичном тексте.
 - К числу базовых методов и приемов, которые необходимы для формирования лингвокультурологической компетенции учащихся на основе аутентичного аудио- и видеоматериала на занятиях по русскому языку, можно отнести: метод проектов, комментирование, зрительно-ассоциативный прием и т.д.

Формы работы с лингвокультурологическим материалом Интенсивное и эффективное вхождение учеников в русскоязычное пространство позволяет осуществлять междисциплинарный подход в обучении РКИ.

Комплексный подход в обучении РКИ позволяет ученикам получить широкие представления о составляющих элементах «русской души», знания о памятниках русской

народной культуры, почувствовать сопричастность к национальному русскому коммуникативному поведению, осознать себя как часть межкультурного диалога.

Таким образом, для успешного формирования лингвокультурологической компетенции необходимо понимать сходства и различия между культурой родной страны и страны изучаемого языка. Большое количество информации учащиеся могут получить из аутентичного аудио- и видеоматериала: диалогов, документальных и художественных фильмов. Однако в процессе восприятия иноязычной речи встречаются проблемы, связанные с непониманием культурных фактов. Сформированная лингвокультурологическая компетенция позволит учащимся преодолеть языковой и культурный барьеры.

Литература

1. Каган М. С. Философия культуры. - СПб., 1996. - С. 19-20.
2. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства. - СПб., 1994.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Academia, 2001. – 205 с.
4. Тарасов Е.Ф. Язык и культура: Методологические проблемы// Язык – Культура – Этнос. - М., 1994. - С. 105-114.

ХАРИТОНОВА А.В.

Уральский федеральный университет

ЕКАТЕРИНБУРГУ 300 ЛЕТ: АКСИОЛОГИЯ ИМЕНИ

Статья посвящена анализу ассоциаций, эмоциональных и социальных оценок, связанных с именем города как ценностно культурным ориентиром. Анализ показывает изменение восприятия топонима коллективным языковым сознанием в зависимости от социально-политической ситуации в обществе.

Ключевые слова: топоним, переименование, аксиологический компонент, Екатеринбург, Свердловск.

Имя города (топоним), «как и любое имя собственное, представляет собой специфический конгломерат лингвистического и экстралингвистического планов, сведения о слове переплетаются со страноведческой и культурологической информацией об объекте» [Фаткуллина 2015; эл. ресурс]. Название города представляет собой культурный знак, который связан с категориями самосознания и рефлексии.

Зависимость имени собственного от культурного контекста эпохи особенно заметна в переломные периоды развития общества, которые характеризуются сменой мировоззренческих установок и ценностных парадигм. Естественной реакцией языкового сознания, пропускающего через себя перемены, становится переосмысление и переоценка отдельных номинаций, вплоть до потребности их изменить.

В 2023 году исполняется 300 лет со дня основания города Екатеринбурга. Топоним *Екатеринбург*, представляющий собой название-посвящение императрице Екатерине I, несколько раз оказывался под угрозой переименования. Вопрос о смене имени города впервые возник в 1914 году, под влиянием общих антинемецких настроений. В 1924 году, в период ономастического переворота, последовавшего за Октябрьской революцией, было принято решение переименовать Екатеринбург в *Свердловск*. В 1991 году городу возвратили его историческое название *Екатеринбург*.

Имя города стало единицей, обладающей присущей ей аксиологией. Аксиологический компонент имени города мыслится как культурогенная сущность, которая требует своей интерпретации. Прямым следствием ценностного характера анализируемого топонима является «переживаемость» – он не только мыслится, но и эмоционально переживается [Литовкина 2008; 7].

Цель статьи – выявление различных ассоциаций, эмоциональных и социальных

оценок, связанных с именем города как ценностно культурным ориентиром.

Материалом исследования послужили высказывания уральцев по вопросу переименования города, публикуемые в виде отдельных заметок на страницах газет «Зауральский край» и «Уральский рабочий».

После начала Первой мировой войны в 1914 г. пермский губернатор выступил с предложением о переименовании Екатеринбурга, *чтобы город имел историческое, русское имя* (Зауральский край, 09.11.1914). Война с Германией активизировала в языковом сознании ценностное отношение к русскому языку, поэтому немецкоязычный компонент –*бург* в составе названия города требовалось заменить. В ходе коллективного ономастического творчества были предложены следующие варианты топонимов: *Екатериногорск, Екатерино-Уральск, Екатерининск, Екатериноград-на-Исети, Екатерино-Исетск*.

Помимо названий, сохраняющих имя императрицы, предлагалось рассмотреть топоним *Урал* в качестве имени города. Такой выбор названия мотивировался представлениями об особом статусе Екатеринбурга: *Единственно возможным для Екатеринбурга именем является Урал. Нельзя отставить Екатеринбург от Урала, равно как отставить Урал от Екатеринбурга. <...> Екатеринбург – будущая «столица» всего Приуралья, это – центральный нерв, это – мозг края. Уже теперь целый ряд учреждений в городе именуется «уральскими»* (Зауральский край, 09.11.1914). Несмотря на длительные обсуждения, городская дума приняла решение сохранить топоним *Екатеринбург*, «не дерзая посягнуть на название, данное императором Петром Великим» [Попов 1998; 59].

Волна переименований, захлестнувшая послереволюционную Россию, напротив, характеризовалась категорическим отказом от всего, что связано с монархией. Поэтому в 1924 году на страницах уральской прессы вновь развернулась общественная дискуссия о том, как называться Екатеринбургу: *Имя Екатеринбург – это олицетворение царизма, царского покровительства над городами* (Уральский рабочий, 19.09.1924).

Ситуация революции, социально-политического переворота актуализировала в языковом сознании внутреннюю форму топонима-посвящения: Екатеринбург – город Екатерины I. Личность императрицы в новых реалиях оценивалась резко негативно, как недостойная закрепления в названии города: *С какой стати славному городу, столице рабочего Урала носить имя пьяной и развратной бабы – жены царя Петра I* (Уральский рабочий, 02.04.1924); *Масса городов уже сбросили с себя старые названия, а столь заслуженная в делах революции столица Урала все еще носит имя царицы-развратницы* (Уральский рабочий, 18.09.1924). К рассмотрению предлагались варианты названий, имеющие сильные идеологические и эмоциональные приращения: *Красноуральск, Красный Урал, Ленинбург, Местиград, Реванибург*. Последние варианты мотивированы представлениями номинаторов о революции как о возмездии: *В этом городе рабочий класс отомстил последнему тирану-царю* (Уральский рабочий, 01.04.1924).

Большинство горожан высказывалось в поддержку топонима *Свердловск*, в основу которого легла фамилия большевика Я.М. Свердлова. Судьба Свердлова была частично связана с Уралом, а его роль в делах революции оценивалась достаточно высоко: *Екатеринбург можно назвать именем вождя, неутомимого железного работника революции товарища Свердлова* (Уральский рабочий, 16.05.1924); *Питер получил от революции новое имя – имя Ленина. Екатеринбург получит имя ближайшего ученика и соратника Ленина – имя Свердлова* (Уральский рабочий, 16.10.1924).

Таким образом, изменение имени города приобретало ритуальное значение обновления общества, утверждения новой идеологии и заслуг ее носителей: *Разве мы для того устраивали мозолистыми руками радио, водопровод, телефон, электростанцию, чтобы это всё числилось за Екатеринбургом, а не за Свердловском* (Уральский рабочий, 10.09.1924). 14 октября 1924 года было принято решение переименовать город Екатеринбург в *Свердловск*.

Выбор идеологически маркированного названия-посвящения привел к повторению номинативного сценария. Крах тоталитарной системы, слом коммунистического режима в

начале 1990-х г. сделал имя Я.М. Свердлова непривлекательным. Вновь встал вопрос о переименовании города, на этот раз предстояло решить: оставить советский топоним *Свердловск* или вернуть исконное название *Екатеринбург*.

В период перемен особую ценность приобретает историческая память. Возвращение номинации *Екатеринбург* расценивалось горожанами как восстановление исторической справедливости, исправление ошибки прошлого: *Если мы говорим о возрождении России, о возвращении к историческим корням, то мы должны это сделать. Ход истории был нарушен в 1917 году* (Уральский рабочий, 06.09.1991); *Уж коли мы заговорили нынче о возрождении, об очищении от идеологического угара, то надо отказаться от старых символов и идолов* (Уральский рабочий, 17.09.1991). При этом для многих горожан, родившихся и выросших в Свердловске, топоним *Свердловск* также стал историческим, аксиологически значимым: *Давайте не будем спорить, какое из двух названий «роднее» и сохраним оба. Пусть у нашего города будет двойное имя: Екатеринбург-Свердловск* (Уральский рабочий, 07.09.1991).

23 сентября 1991 года Свердловску было возвращено его прежнее, дореволюционное название *Екатеринбург*.

Возвращение «царского» имени коррелировало с социальной политикой, проводимой на рубеже веков городской властью [Екатеринбург...2002]. Разработанный Проект стратегического развития поддерживал статус Екатеринбурга как центра Урала. В нем главное внимание было обращено на проблему въездного туризма. Выделенные в Проекте неповторимые черты Екатеринбурга поддерживали, с одной стороны, идею центра, столичности города, с другой стороны, специфику феномена уральскости.

Таким образом, диахронная многослойность топонима, в основе которой лежала смена мировоззренческих представлений, новые наращения смысла названия-посвящения, направленного на возвышение того или иного типа личности, послужили активизации метаязыковой деятельности городского сообщества. Вербализация в региональных СМИ высказываний-рефлексивов, генерирующих новые ценностные и культурные смыслы, является уникальным материалом, требующим лингвокультурологической интерпретации.

Литература

1. *Екатеринбург – Екатеринбург: от завода-крепости к евразийской столице* : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 23–24 мая 2002 года. – Екатеринбург, 2002. – 256 с.
2. *Литовкина А. М.* Концепт «Сибирь» и его эволюция в русской языковой картине мира : от «Сибирских летописей» до публицистики В. Г. Распутина : дис. ... канд. филол. наук / А. М. Литовкина. – Иркутск, 2008. – 204 с.
3. *Попов Н. Н.* О переименовании Екатеринбурга, его улиц и площадей // Известия Уральского государственного университета. – 1998. – № 9. – С. 59-64.
4. *Фаткуллина Ф. Г.* Топонимы как компонент языковой картины мира // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1. –URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18126> (дата обращения 03.10.2023).

ХЕМАТЗАДЕХ ФОРУЗАН

Казанский федеральный университет

КУЛЬТУРНОЕ И ЯЗЫКОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПЕРСИДСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Статья посвящена исследованию культурных и языковых контактов Ирана и России. Автор анализирует заимствования, вошедшие в оба языка в процессе языкового контакта. Также в данной статье с обзором культурной деятельности рассмотрена их роль в развитии отношений. Результаты этого исследования могут помочь исследователям, изучающим культуру и язык обеих стран.

Ключевые слова: лексика, заимствование, русский язык, персидский язык, культурно-языковые контакты.

Язык является первым средством выражения, с помощью которого человек выражает то, что у него на уме. Поэтому можно сказать, что язык является официальным выразителем культуры. Язык и культура находятся во взаимной связи друг с другом. С одной стороны, язык является основным инструментом культуры и условием существования культуры, с другой стороны, он является частью культуры и продуктом культуры. «Культура живёт и развивается в языковой оболочке» [Маслова 2007; 63]. Культура активно используется при преподавании языка иностранцам, желающим его выучить. Это показывает уровень интеграции культуры и языка; Потому что эти две категории связаны и неразделимы. Кроме того, культура любого народа помогает развивать и обогащать язык этого народа, вводя в него множество новых слов. Персидский и русский языки, несмотря на их различия и специализированные особенности, имеют много общего, что, безусловно, может стать важным фактором сближения и расширения отношений между двумя странами. Русский язык входит в группу славянских языков, которые вместе с персидским языком принадлежат к большой группе индоевропейских языков. Точное время начала языковых контактов между персидским и русским языками неизвестно. И.И. Огиенко пишет: «влияние иранских языков на наш язык одно из древнейших. Шло оно сперва при посредстве скифов и сарматов, живущих в южнорусской степной полосе, с которыми славяне столкнулись весьма рано, иранцы были их юго-восточными соседями» [Огиенко 2010; 27]. Древнейшими заимствованиями иранских слов он считает слова, *соха*, *чаша*, *богатырь*, *кургань*, *чертогь*, *рысь*, *алмаз*, *нефть* и др [там же]. Языковая сходства может указывать на различные факторы, такие как родство, общий статус средств к существованию, прямое заимствование или через другой язык. Чтобы проверить общность двух языков, следует принимать во внимание различные факторы. Например, при торговых сделках многие персидские слова вошли в русский язык, поскольку две страны находились по соседству друг с другом, и, естественно, обширная торговля привела к расширению употребления персидских слов в русском языке и русизмы в персидском языке. Большинство персизмов относятся к коммерческой сфере, что обусловлено обширными торговыми отношениями между двумя странами на протяжении всей истории. Они часто относятся к области продуктов питания (*кунжут*, *хурма*, *фисташка*, *баклажан*, *инжир*, *кавьяр*), одежды (*кафтан*, *балахон*, *чоха*, *гула*, *шаль*) и предметов домашнего обихода (*пиала*, *килим*, *стакан*, *таз*, *чемодан*).

Древнейшие русизмы, вошедшие в персидский язык, являются слова *сумма*, *князь* и *капитан* [Садеги 2005; 12-13]. Войны между Ираном и Россией в XIX и XVII веках и создание в Иране русского батальона для военной подготовки привели к тому, что в персидский язык вошли такие военные слова, как *солдат*, *батальон*, *казак*, *отряд*, *ординарец*, *рота*, *пароход*, *полковник*, *погон* и т.д.

В переговорах между Ираном и Россией о прекращении войны всегда были переводчики, которые либо свободно говорили по-русски, либо по-персидски язык. Особенно среди грузин, армян, дагестанцев и азербайджанцев, имевших отношения и с русскими, и с иранцами, были билингвы люди, и, может быть, через этих людей русские слова и особенно военные слова вошли в персидский язык [Там же]. Также многие люди были отправлены в Россию для изучения различных техник и с возвращением этих людей и началом их работы в Иране русские слова из каждой промышленности также вошли в персидский язык. Например, в области типографии в персидский язык вошли такие слова, как *щипцы*, *шпон*, *квадрат*, *клише*, *гравюра*, *верстатка*, *рамка*, *литография*, *пункт* и т.д. Заимствование слов таких, как *капот*, *карбюратор*, *руль*, *тормоз*, которые относятся к автомобильной сфере. Слова, относящиеся к области музыки, например, *балалайка*, *фортепиано*, *музыкант*, *барабан* и другие области. Также между русскими и персидскими пословицами много общего.

Первые признаки интереса россиян к познанию иранской культуры относятся к XV в.; когда россиянин Афанасий Никитин написал путевую заметку об обычаях иранского народа. Но изучение персидского языка в России и культурные отношения началось в начале XVIII века. В это время началось знакомство с персидской литературой и их перевод на русский язык. С 1732 года серьезно началось преподавание персидского языка в Министерстве иностранных дел России. В конце нынешнего века были созданы первые русские университеты, а в 1804 и 1805 годах преподавание персидского языка для русскоязычных началось в университетах Москвы, Казани и Харькова, а через несколько лет, в 1816 году, в университете Санкт-Петербург.

В первом десятилетии XIX в. продолжают переводы прозаических произведений Саади, в разных журналах, в том числе «Журнале для пользы и удовольствия», выходит «Нассур и Молук» (Персидская повесть)», а в журнале «Цветник» в 1810 г. публикуются первые прозаические переводы од Джамии и Хафиза [Алексеев 2007; 12].

Великие писатели и поэты России были знакомы с персидской литературой. Например, в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина приводятся слова Саади; Л. Н. Толстой включил в свой сборник «Круг чтения» много изречений из «Гулистана» Саади, известны также «Персидские мотивы» Сергея Есенина. Российский читатель хорошо знаком со многими классиками персидской поэзии, такими как Рудаки, Фирдоуси, Хайям, Саади, Хафез, Джаллаладин Руми, Джамии и др. Существует огромное количество переводов этих авторов на русский язык [Карими Мотаххар 2008].

Общество Ирана начало знакомиться с российской культурой только в середине XIX в. В этом столетии многие произведения были переведены с русского на персидский язык, например, социальные рассказы Толстого, Максима Горького и некоторые рассказы Пушкина. Первая переведенная книга с русского языка на персидский была «Горе от ума» Грибоедова.

Интерес к произведениям русских авторов возрос до такой степени, что некоторые книги, такие как «Преступление и наказание» Ф. И. Достоевского переводилось пять раз, «Анна Каренина» Л. Н. Толстого переводились на персидский язык до 20 раз [там же].

В середине XX в. в Тегеране было создано Советское общество дружбы, которое стало одним из центров культурной жизни в Иране. В этом обществе проводилось множество курсов по обучению русскому языку. Там показывали советские фильмы, некоторые из них были переведены на персидский язык, и в городах, далеких от столицы. Также в Иран приезжали и давали концерты музыкальные коллективы из разных республик СССР [Ноибыхуш 2022; 132].

После исламской революции в Иране культурные связи ограничилась. Потому что советское руководство было обеспокоено возможностью проникновения исламистских идей в пограничные с Ираном республики СССР. С распадом СССР Иран стал выстраивать отношения с Россией. «Возвращаясь к культурной политике Ирана 90-х гг., можно с уверенностью сказать, что его лидеры ведут интенсивные поиски путей модернизации своего общества и места страны в регионе, опираясь на истоки национальной культуры, ее позитивные традиции и укорененность в культурной памяти соседних народов. Данная стратегия Ирана, безусловно, влияет и на его отношения с Россией. Среди руководителей ИРИ есть уважение к российским интересам в регионе и интерес к торгово-промышленным связям. Для Ирана с его признанием приоритетности культуры в процессе трансформации общества притягательность России в немалой степени определяется еще и уважением к русской культуре, науке и техническому потенциалу страны» [Кляшторина 2003; 84].

В 1997 году культурное представительство появилось в посольстве Ирана в Москве. Благодаря усилиям этого центра в разных городах России были проведены многочисленные выставки, кинопоказы, концерты иранской национальной музыки.

В настоящее время русский язык преподается в 11 университетах Ирана. Это свидетельствует о большом интересе иранских студентов к изучению русской культуры и языка.

Несмотря на наличие культурной общности между двумя странами, развитие культурных связей сталкивается с препятствиями, основной причиной которых являются политические вопросы. Национальный интерес является важным фактором, оказывающим существенное влияние на развитие отношений между двумя странами. В настоящее время одинаковые стратегические интересы двух стран в Центральной Азии привела к расширению экономических и политических отношений, а высокий уровень политических отношений может также способствовать расширению культурных связей.

Литература

Алексеев П. Ислам в русской литературе: рождение гипертекста литература. // МНКО. – 2007. – № 2. – 2007. – С. 68-71.

Карими Мотаххар Дж. Литературные связи Ирана и России // Отношения Ирана и России: сборник статей / под ред. М. Санаи, Дж. Карами. Тегеран: Ирас, 2008. (На перс. яз.).

Кляшторина В.Б. Иранская концепция диалога культур: научный и политический аспект // Иран: диалог цивилизаций: материалы конференции, Москва, апрель 2001 г. / отв. ред Н. М. Мемедова, Мехди Санаи. М. : Изд-во Муравей, 2003. – С. 82-85.

Маслова В.А. Лингвокультурология. – М., 2007. – 208 с.

Ноубахуш Х.И. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ИРАНОМ И РОССИЕЙ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2022. №2 (847). – С. 130-134.

Огиенко И.И. Иноземные элементы в русском языке: История проникновения заимствованных слов в русский язык. Изд. 2-е. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010. – 136 с.

Садеги А.А. Русские слова в персидском языке и их история // Тегеран: Журнал лингвистики – 2005. №2 . – С. 4-33. (На перс. яз.)

ХУДЯКОВА (МАКАРОВА) Е.В.

Пензенский государственный университет

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ МОТИВА ПРЕДЧУВСТВИЯ УТРАТЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ О ДОМЕ И СЕМЬЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

В статье мотив предчувствия утраты представлен как ведущий в выборе лингвостилистических средств в произведениях о доме и семье русских писателей первой половины XX века. Мотив предчувствия утраты определяется как многократно повторяющийся динамический повествовательный компонент художественного произведения, который, преломляясь через авторское мировосприятие, характеризует отдельный фрагмент языковой картины мира соответствующей эпохи.

Ключевые слова: мотив, языковая картина мира, лингвостилистические средства.

Языковое отражение такого ключевого понятия лингвокультуры как *дом* на стыке двух исторических эпох – дореволюционной и революционной – социально обусловлено и представлено в русской литературе первых десятилетий XX века как совокупность мотивов.

В литературном тексте исследователь сталкивается «с разнообразием и множественностью связей, проходящих через различные точки произведения, по разным направлениям и на основе различных признаков, что в конечном счёте каждый выделяемый

элемент предстаёт соотнесённым, тем или иным образом, с каждым другим элементом <...> поистине органического художественного целого» [Гаспаров 1994; 251].

Мотив представляет собой многократно повторяющийся в тексте динамический повествовательный компонент художественного произведения, который, преломляясь через авторское мировосприятие, описывает отдельный фрагмент языковой картины мира.

Проблема изучения мотивов в художественной литературе широко представлена в исследованиях отечественных и зарубежных авторов, таких как В.Я. Пропп, Б.И. Ярхо, В.Б. Шкловский, Б.В. Томашевский, А.Л. Бем, А.Н. Веселовский, Б.М. Гаспаров, А.К. Жолковский, Ю.М. Лотман, Ю.С. Степанов, В.С. Елистратов, А.И. Белецкий, Е.М. Мелетинский, Б.Н. Путилов, И.В. Силантьев, В.И. Тюпа, В.Е. Хализев, А. Дандес, С. Томпсон, Я. ван дер Энг.

В художественной литературе мотив неотделим от системы авторских ценностей и особенностей мироощущения. Вместе с тем, мотив отражает определённый значимый аспект духовной культуры нации и человечества в целом, находится в тесной взаимосвязи с языковой картиной мира, во многом формируя её.

Основные характеристики мотива в литературе:

- Динамичность;
- Неделимость;
- Семантическая насыщенность;
- Ситуативность (контекстуальность);
- Схематичность;
- Повторяемость.

Мотив реализуется на уровне слова, словосочетания, предложения (в этом случае представляет собой тема-рематическое единство), эпизода сюжета, целого произведения, всего творчества автора, культурного кода нации, языковой картины мира.

Мотив предчувствия утраты объединяет знаковые художественные произведения, отражающие резкие социально-политические изменения первых десятилетий XX века в России («Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака, «Белая гвардия» М.А. Булгакова, «Тёмные аллеи» И.А. Бунина, «Вечер у Клэр» Г. Газданова).

В романе «Вечер у Клэр» Г. Газданова мотив предчувствия утраты поддерживается наречием с семантикой ожидания «вот-вот», словосочетанием со значением грядущих серьёзных лично значимых перемен «новая эпоха моей жизни», предопределённости «смутное сознание её нарастающей неизбежности», «этого не миновать»: «Это стремление к перемене и тяга из дому совпали со временем, которое предшествовало новой эпохе моей жизни. Она всё вот-вот должна была наступить: смутное сознание её нарастающей неизбежности всегда существовало во мне, но раздроблялось в массу мелочей: я как будто стоял на берегу реки, готовый броситься в воду, но всё же не решался, зная, однако, что этого не миновать: пройдёт ещё немного времени – и я погружусь в воду и поплыву, подталкиваемый её ровным и сильным течением» [Газданов 1992; 64]. Будущее в этом фрагменте метафорически отождествляется с рекой, войти в которую означает принять неизбежное и поддаться её течению, будучи уже не в силах ни изменить что-то, ни повернуть назад. Эта метафора «жизнь – река» отсылает нас, с одной стороны, к античному фразеологизму «перейти Рубикон» в значении принять решение, исход которого будет неизбежен, с другой же стороны – к восточной философии и идеи созерцания реки жизни, невозмутимого принятия её потока, позволяя случиться тому, что суждено.

Более зловеще мотив предчувствия утраты звучит в рассказе «Таня» И.А. Бунина и выражен всего в двух предложениях: «Это было в феврале страшного семнадцатого года. Он был тогда в деревне в последний раз в жизни» [Бунин 2019; 100] и выражается оценочным прилагательным с отрицательной и тревожной коннотацией «страшный» и словосочетанием со значением фатальности «в последний раз в жизни».

В романе М.А. Булгакова «Белая гвардия» мотив предчувствия утраты выражается посредством олицетворения предметов домашнего обихода: самовара: «... Николка из кухни

тащит самовар, и тот поет зловеще и плюётся» [Булгаков 2018; 15], часов: «Черные часы забили, затикали, пошли ходуном» [Булгаков 2018; 24-25]. Человеческие эмоции отождествляются с природными феноменами. Метафора «по всей квартире сухим ветром пронеслась тревога» отражает стихийность чувств героев, показывает, что эмоции, вызванные тревожным ожиданием, неподконтрольны им так же, как и порывы ветра.

Через всё повествование проходит мотив предчувствия утраты в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго». Первый эпизод связан со смертью матери: «Ночью Юру разбудил стук в окно. Тёмная келья была сверхъестественно озарена белым порхающим светом» [Пастернак 2017; 10]. Мотив предчувствия утраты сопряжён со словосочетаниями «стук в окно», «белый порхающий свет». Эпитет «сверхъестественный» оттеняет мистический характер ситуации. «Появление освещённого круга света, выхваченного из тьмы, происходит в моменты драматического схождения контрапунктных линий действия – «скрещения судеб» [Гаспаров 1994; 264]. Пятно света, окружённое тьмой и отбрасывающее неясные тени на границе света и тьмы – центральный символ, посредством которого мотив предчувствия утраты в романе «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака реализуется во множестве различных эпизодов.

Мотив предчувствия утраты сопряжен также и со зловещей символикой приближающихся судьбоносных событий: «Как-то зимой Александр Александрович подарил Анне Ивановне старинный гардероб. Он купил его по случаю. Гардероб черного дерева был огромных размеров <...> Анна Ивановна не любила гардероба. Видом и размерами он походил на катафалк или царскую усыпальницу. Он внушал ей суеверный ужас. Она дала гардеробу прозвище «Аскольдовой могилы». Под этим названием Анна Ивановна разумела Олега коня, вещь, приносящую смерть своему хозяину» [Пастернак 2017; 82]. В изображении уюта дореволюционного домашнего очага явно прослеживается мотив предчувствия утраты привычного и дорогого сердцу, мотив смертельной опасности. Это мотив выражен словосочетанием «суеверный ужас», повторением определений с негативной оценочностью (зловещий, чёрный), лексических единиц семантического поля «смерть» (катафалк, усыпальница, могила). Один выход данного эпизода в будущее – болезнь и смерть Анны Ивановны. Другой обнаруживается очень скоро: умирая, Анна Ивановна завещает Живаго жениться на Тоне, и таким образом в эпизоде с гардеробом «вступает» одна из событийных линий, ведущих к женитьбе героя [Гаспаров 1994; 253]. Ещё одна, гораздо более далёкая связь обнаруживается, если мы обратим внимание на то, какие действующие лица участвуют в рассматриваемой сцене: «Собирать гардероб пришёл дворник Маркел. Он привёл с собой шестилетнюю дочь Маринку. Маринке дали палочку ячменного сахара. Маринка засопела носом и, облизывая леденец и заслунявленные пальчики, насупленно смотрела на отцовскую работу» [Пастернак 2017; 82]. Марина – последняя жена Живаго, и в эпизоде с гардеробом происходит первое «скрещение» её судьбы и судьбы героя романа. Многократное повторение имени «Марина» без замены на соответствующее личное местоимение в рассматриваемом коротком эпизоде указывает на значимость этой фигуры в жизни Живаго. Таким образом, эпизод с гардеробом предвосхищает и смерть приёмной матери, и женитьбу главного героя.

Проведённый мотивный анализ эпизодов, связанных с лингвокультуремой *дом* в художественных произведениях («Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака, «Белая гвардия» М.А. Булгакова, «Тёмные аллеи» И.А. Бунина, «Вечер у Клэр» Г. Газданова) позволил сформулировать следующие выводы:

В русских художественных произведениях первых десятилетий XX века лингвокультурема *дом* представлена как комплекс мотивов, ведущим из которых можно считать мотив предчувствия утраты.

К языковым средствам реализации мотива в текстах художественной литературы того времени относятся:

- Лексемы с общей семантикой «предчувствие» как нейтральные (*вот-вот, последний, новая эпоха жизни, нарастающая неизбежность, смутное осознание, этого не миновать*), так и негативно окрашенные (*тревога, страшный, зловещий, суеверный ужас*)
- Лексические единицы ассоциативного ряда «смерть»: *катафалк, усыпальница, могила*; цветосимвол «чёрный».
- Лексемы с общей семантикой «непогода»: *надвигающаяся гроза, снежная буря, грозовые тучи*.
- Лексические сочетания, объединённые символикой «свет во тьме»: *порхающий, сверхъестественный, магический свет, неясные тени на границе света и тьмы, освещённый лампой круг*.

В произведениях русских писателей первой половины XX века мотив предчувствия утраты является ведущим в выборе лингвостилистических средств в текстах о доме и семье.

Мотив предчувствия утраты представляет собой многократно повторяющийся динамический повествовательный компонент художественного произведения, который, преломляясь через авторское мировосприятие, характеризует отдельный фрагмент языковой картины мира соответствующей эпохи.

Литература

1. Булгаков М.А. Белая гвардия. – М.: Эксмо, 2018. – 480 с.
2. Бунин И.А. Тёмные аллеи. – М.: Изд-во АСТ, 2019. – 352 с.
3. Газданов Г.И. Вечер у Клэр // С того берега: писатели русского зарубежья о России. Произведения 20–30 гг. Книга 2. – М.: Водолей, 1992. – 427 с.
4. Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы: Очерки рус. лит. XX в. / Б. М. Гаспаров. – М.: Наука: Изд. фирма "Вост. лит.", 1994. – 303 с.
5. Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. – М.: Изд-во «Э», 2017. – 624 с.

ХУРАМШИНА А.Р.

МАОУ Школа № 51 г. Уфа

КОМПЛИМЕНТЫ В БАШКИРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

На наш взгляд, целесообразным является рассмотреть степень изученности комплиментов в тюркских языках. Данной теме посвящены исследования следующих ученых: А.А. Абдуллин, Л.Т. Гиззатуллина, М.Б. Гимбатова, О.В. Егорова, М.В. Зайнуллин, Р.Р. Замалетдинов, Э.Ф. Ишбердин, А.В. Кузнецов, А.А. Муминовой, В.Д. Надорожная, Г.Ш. Оразгалиева, В.Ш. Псянчин, Л.Х. Самситова, С.Б. Сарбашева, Л.Г. Саяхова, А.Ю. Сынбулатова, З.А. Хабибуллина, Р.Х. Хайруллина, Л.А. Хисамова, О. Чарыярова, М.П. Чочкина, А.С. Шаалы, З.Ф. Шайхисламова и др.

В башкирской языковой культуре, благодаря географическому положению, а также культурным, торгово-экономическим контактам, нашли отражение как восточные, так и западные черты. До сих пор в башкирском языкознании отсутствует комплексное исследование единиц речевого этикета. Изучение лексического богатства и генетического пласта этикетных выражений является необходимым на сегодняшний день, т.к. в них находят отражение историко-социальные условия народа, развитие его национальной культуры. Однако, исследователи башкирского языка неоднократно обращаются к этой теме. Заслуживает внимания высказывание профессора Л.Х. Самситовой: «Лингвокультурологическое направление, в основе которого лежит идея взаимосвязанного изучения языка и культуры, является одним из перспективных направлений модернизации школьного курса башкирского языка как государственного и родного и других родных языков и методики их преподавания. Языковое образование нацелено на приобщение учащихся к национальной культуре через обучение родному языку, который играет важнейшую роль не только в формировании сознания растущего человека, но и его вживания в культуру. Обучение языку через культуру сегодня представляется составной

частью предмета «башкирский язык», цель преподавания которого научить школьников пользоваться башкирским языком как средством общения, средством познания мира и себя в этом мире. Качественно изменилось и продолжает меняться преподавание башкирского языка в образовательной школе (наряду с другими учебными предметами гуманитарного цикла): расширяются содержательные рамки предмета, претерпевают изменения организационные и методические основы урока, приоритетными становятся задачи развития и воспитания духовно-нравственной личности, уважающей культуру и историю своей страны» [Самситова, 2010: 4].

Проникновение в сознание учащегося культуры происходит в процессе диалога, для того чтобы коммуникативная ситуация явилась удачной для адресанта, необходимо использовать речевые акты воздействия как сочувствие, одобрение, комплимент и др. В пособии для изучающих башкирский язык Л.Г. Саяховой, представлены комплименты для каждодневного употребления в коммуникации, например как сделать кому-либо комплимент [Саяхова, 2010: 100].

Изучая башкирскую культуру нельзя оставить без внимания работы академика М.В. Зайнуллина, по мнению ученого, показателем успешного развития башкирского языкознания в последние годы является издание многочисленных словарей, среди которых особое значение имеют «Башкирско-русский словарь», «Толковый словарь башкирского языка», «Русскобашкирский словарь», увидели свет также двуязычные фразеологические, терминологические и другие словари [Зайнуллин, 2009: 1171].

Впервые в истории башкирской лингводидактики В.Ш. Псянчиным были написаны учебные пособия «Основы риторики. Для 10-11 классов» (2001), «Основы культуры речи» (2004), «Башкирское художественное слово: от слова к выразительной речи» (2008).

Речевой этикет башкирского языка напрямую связан с историческим развитием литературного башкирского языка, более подробно с этой точки зрения раскрывает ученый И.Г. Галаяудинов в работе «История башкирского литературного языка (XIX – начало XX века)», в которой установлено соотношение литературного языка, народно-разговорного языка и языка фольклора, раскрыт процесс развития литературного языка [Галаяудинов, 1992: 7].

Хотелось бы обратить внимание на работу А.Ю. Сынбулатовой «Башкирский речевой этикет: семантика и средства выражения». В данной работе автор исследовала формулы башкирского речевого этикета, представляющие собой специфическую область лингвистической прагматики. Ученый сообщает, что выражения, употребляемые при этикетном общении, являются устойчивыми речевыми реакциями в ситуациях взаимоотношений людей. Их коммуникативной целью является установление, поддержание и прерывание контакта между людьми в соответствии с традициями и нормами, принятыми в обществе [Сынбулатова, 2011: 5].

Речевой этикет в башкирском языке изучен в разноплановом формате, например, работа Р.Р. Баязитовой «Традиционный этикет в башкирской семье». Исследование посвящено традиционному семейному этикету башкир, вносит огромный вклад в познание их культурных ценностей. Знание традиционной культуры поведения необходимо для гармоничного сосуществования людей разных социальных групп и национальностей, членов семьи и родственного коллектива, различающихся по возрасту и полу. Поскольку этикетные правила могут быть различными как в малых социальных группах, так и нациях, культурах, эта проблема актуальна для Российского государства, сплотившего множество культур, конфессий, этносов [Баязитова, 2006: 3].

Изучение эмотивной лексики отражено в исследованиях З.Ф. Шайхисламовой. Например, в работе «Эмоциональная коммуникация в социокультурном проявлении (на примере башкирского языка)» рассматривается эмоциональная коммуникация в социокультурном аспекте на примере башкирского языка. Анализируются вопросы коммуникативной эмоциональности мужчины и женщины внутри одного языкового общества [Шайхисламова, 2012: 1623].

Г.Х. Бухарова рассматривает речевой контекст в башкирском эпосе «Урал-батыр», например, в исследовании «Роль языкового, речевого и социокультурного контекста в реализации жанра эпического кубайра» предпринята попытка выявить концепт текста эпоса «Урал-батыр», обусловивший его структурно-семантическую и семиотическую организацию. Обращается внимание на функциональный аспект связи эпического текста кубайр с внетекстовой реальностью, т.е. прагматике, учитывается невербальный (социальный, культурный) контекст высказывания (текста), рассматривается связь текста с законом архаичного общества – с обрядом и ритуалом и, исходя из социокультурного контекста высказывания, выдвигается гипотеза о происхождении термина кубайр [Бухарова, 2008: 37 – 55].

На наш взгляд, важно обратить внимание и на формообразование и словоизменение в башкирском языке, над которой более подробно работала ученый Г.Р. Абдуллина в исследовании «Формообразование и словоизменение в башкирском языке (функционально-семантический аспект)», в которой автор рассматривает грамматические категории двух видов: формообразующие и словоизменяющие, изучает добавочные оттенки лексического значения, которые образуются в рамках одной и той же части речи посредством формообразующих средств [Абдуллина, 2009: 6].

Р.Х. Хайруллина в исследовании «Лингвистика межкультурных коммуникаций» представляет собой исследование проблем отражения культуры, менталитета и психологии народа в языке и способов декодирования национально-культурной специфики языкового мировидения в процессе общения в условиях полиэтничного социума, раскрываются важнейшие понятия межкультурной коммуникации, межъязыкового взаимодействия, пути формирования языкового сознания народа и языковой картины мира под влиянием его культурно-исторического развития и другие аспекты языковой коммуникации в поликультурном обществе. [Хайруллина, 2005: 138].

З.А. Хабибуллина в работе «Специфика межличностной коммуникации башкир в разговорном дискурсе» исследует стратегию и тактику коммуникативного поведения башкир [Хабибуллина, 2012: 119 – 121].

В отечественном языкознании наиболее ярко рассмотрен ряд вопросов с точки зрения исторического развития речевых жанров, изучены и проанализированы лексический корпус башкирского языка.

Таким образом, в отечественной лингвистике речевые жанры изучены в наименьшей степени, огромное внимание уделено классификации и их общему описанию, однако, надо отметить, что в башкирской лингвистике отсутствуют работы, посвященные описанию комплиментов.

Литература

- Баязитова, Р.Р. Традиционный этикет в башкирской семье [Текст] / Р.Р. Баязитова: дисс. канд. филол. наук. – Уфа, БашГУ, 2006. – 251 с.
- Бухарова, Г.Х. Башкирский народный эпос «Урал-батыр»: когнитивно-дискурсивный и концептуальный анализ [Текст] / Г.Х. Бухарова: автореф. дисс. докт. наук. – Уфа, 2009. – 53 с.
- Насипов, И.С. Финно-угорские заимствования в татарском языке: синопсис и таксономия [Текст] / И.С. Насипов: автореф. дисс. канд. филол. наук. – Казань, 2010. – 43 с.
- Самситова, Л.Х. Культурные концепты в башкирской языковой картине мира [Текст] / Л.Х. Самситова: дисс. доктора филол. наук. – Уфа, 2015. – 578 с.
- Хайруллина, Р.Х. Картина мира во фразеологии (тематикоидеографическая систематика и образно-мотивационные основы русских и башкирских фразеологизмов) [Текст] / Р.Х. Хайруллина: дисс. докт. филол. наук. – М., 1997. – 536 с.
- Хабибуллина, З.А. Лексика современного башкирского языка в сравнении с языком древнетюркских письменных памятников [Текст] / З.А. Хабибуллина: автореферат дис. канд. филол. наук: Башк. гос. ун-т. – Уфа, 2004. – 24 с.

**ПОСТРОЕНИЕ МОДЕЛИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ
КАК ИНОСТРАННОМУ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
МЕЖДУ РОССИЕЙ И КИТАЕМ**

Аннотация: В связи с нарастающей необходимостью межкультурной коммуникации между Китаем и Россией в различных областях, в вузах должна быть предусмотрена возможность подготовки квалифицированных кадров, способных адаптироваться к текущей ситуации. Так, должны быть актуализированы требования к уровню подготовки преподавателей русского языка как иностранного. Создание модели обучения русскому языку и постоянное ее совершенствование является единственным эффективным способом развития коммуникативной компетенции у изучающих русский язык, что имеет практическое значение для межкультурного обмена между Китаем и Россией.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, преподавание русского языка как иностранного, методика преподавания, китайский учащиеся, русский язык как иностранный.

В условиях усиливающегося сотрудничества между Россией и Китаем в таких областях как экономика, политика и культура, данные сферы испытывают постоянное влияние двух стран. Так, межкультурная коммуникация в данных сферах способствовала возникновению необходимости выдвижения определенных требований к такой коммуникации в современном обществе. Только в случае укрепления чувства идентичности в контексте духовных и материальных ценностей между двумя странами могут быть обеспечены благоприятные условия для развития и исследования политической, экономической и культурной деятельности. В современном обществе основным инструментом межкультурной коммуникации является язык. Преодолев языковой барьер, можно успешно осуществлять межкультурный обмен между двумя странами.

1. Роль языка в межкультурной коммуникации

“Язык - ключ к тому, чтобы открыть дверь в мир”. Следовательно, первая задача межкультурной коммуникации - посредством изучения иностранного языка обеспечить понимание культурных ценностей, традиций и особенностей менталитета разных народов, а также политической среды разных стран.

Язык и культура тесно взаимосвязаны. Изучение межкультурной коммуникации позволяет лучше понять мысли и поведение людей в различных культурных контекстах, а также осознать язык как средство мышления в рамках определенной культуры. Язык как часть культуры народа играет жизненно важную роль в межкультурной коммуникации. Не подлежит сомнению, что человеку, знающему различные аспекты общественной и культурной сферы страны, особенности ее исторического развития и географического положения, процесс овладения языком будет даваться относительно легко, чем тому, кто не обладает этими знаниями. Таким образом, изучение языка должно быть тесно связано с изучением культуры страны.

2. Требования к специалистам в области преподавания русского языка в контексте межкультурной коммуникации

С развитием научно-технического прогресса возникает необходимость контактов на международном уровне, что не представляется возможным без межкультурной коммуникации. В современном обществе межкультурная коммуникация имеет устойчивую тенденцию. Так называемые “культурные обмены” и “международные обмены” стали основными формами межкультурной коммуникации. Одними из посредников межкультурной коммуникации между Китаем и Россией являются преподаватели русского языка как иностранного. Перед ними стоит задача развить коммуникативную компетенцию

не только через преподавание языковых аспектов, но также через изучение страноведческого и культурологического материала. Так, овладение русским языком подразумевает приобщение к русской картине мира посредством изучения социокультурного содержания.

Понимание особенностей культуры другой страны является основной предпосылкой для успешной межкультурной коммуникации. Чем выше уровень вовлеченности участника в процессе межкультурной коммуникации, тем выше его способность к налаживанию диалога и тем легче ему избежать трудностей лингвокультурологического характера.

Поэтому приобретает особую важность вопрос о том, насколько эффективно могут наладить процесс коммуникации носители языка и лица, не являющиеся носителями языка в условиях наличия различий в культурном происхождении. Следовательно, специалистам в области преподавания русского языка, а также обучающимся необходимо понимать лингвокультурологические реалии разных стран, изучать особенности различных сфер жизни страны, поведенческие стереотипы. В процессе общения участникам следует также сопоставлять различия в культурной принадлежности двух сторон, принимать во внимание устоявшиеся в той или иной культуре модели поведения.

3. Межкультурная коммуникация при обучении русскому языку как иностранному

(1) Преподавателю русского языка как иностранного следует использовать различные методы и подходы в обучении с целью развития у обучающихся межкультурной коммуникативной компетентности. На занятиях следует поощрять обучающихся к различным коммуникативным ситуациям, которые могут воплощаться в форме игр и сценок, основанных на материале учебников. Благодаря эффективному использованию таких форм обучения, обучающиеся смогут понять, что нужно говорить в той или иной ситуации, усвоить поведенческие стереотипы и речевые модели.

(2) Использование мультимедийных учебных ресурсов сети Интернет для обогащения и оптимизации учебного процесса широко используется в современном обучении. Например, преподаватели русского языка как иностранного могут поощрять обучающихся смотреть российские фильмы, слушать русские песни, подкасты и т.д. Такие учебные ресурсы расширяют возможности обучения в классе и играют незаменимую роль в развитии навыков межкультурной коммуникации обучающихся средней школы.

(3) Предоставляется целесообразным организовывать и проводить различные мероприятия в контексте межкультурной коммуникации. Так, можно создать благоприятную атмосферу для изучения русского языка и способствовать возникновению интереса к культуре страны изучаемого языка. В качестве примера может служить создание русскоязычных клубов, проведение традиционных русских фестивалей и культурных мероприятий и т.д.

(4) Следует отметить, что действующий механизм оценки владения русским языком в Китае нуждается в совершенствовании. Традиционный подход к оценке уровня владения обучающимися речевыми навыками русского языка основан на унифицированном методе оценивания, что предполагает проведение тестовых работ. Так, в основном проверяются базовые языковые навыки учащихся, что не включает оценку уровня владения межкультурной коммуникативной компетентностью. Поэтому китайским преподавателям русского языка следует под руководством реформы преподавания включить в сферу оценки межкультурную осведомленность учащихся и навыки межкультурной коммуникации.

Литература

1. Болдова Т.А. Возможности использования трехмерных моделей сценариев в преподавании иностранного языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2017. – №4 – С.775.

2. Мартынова Н.А. Межкультурная коммуникация как особый вид общения // ОНВ. – 2007. – №2 – С.54.

3. Колесникова В.В., Муллинова О.А., Муллинова Т.А. Преподавание русского языка как иностранного в контексте межкультурной коммуникации // Теория и практика общественного развития. – 2013. – №4.

ЧЖАН СЮЕХАНЬ

Нанкинский педагогический университет

СРАВНЕНИЕ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПОРЯДКОВ СЛОВ ПО ПРИНЦИПУ ИКОНИЧНОСТИ

Сопоставительный анализ порядков слов русского и китайского языка с точки зрения иконичности и понимание общих черт и различий между ними может еще более обогатить изучение этих последовательностей.

Ключевые слова: порядок слов, русско-китайское сопоставление, иконичность

1. Введение

Для изучающих русский язык порядок слов в русском языке относится к числу тех трудностей, которые являются относительно свободными, сложными и вариативными и трудно поддаются планомерному усвоению. Исходя из базовой природы русского языка как флективного, синтаксические отношения между словами в предложении строго выражаются не фиксированным порядком расположения слов, а словообразовательными вариациями. Таким образом, в русском языке положение составляющих предложения может меняться в зависимости от цели коммуникации, что определяет одну из главных особенностей русского порядка слов - нефиксированность. Однако бесчисленные исследования также доказали, что свобода русского порядка слов относительна и что эта свобода не означает произвольности. В русском порядке слов существуют определенные закономерности, т.е. характерное или привычное расположение отдельных членов предложения. Кроме того, русский порядок слов переплетается с проблемами синтаксиса предложений, проблемами реально-смысловых срезов предложений и смысловой морфологической отнесенности слов: на уровне синтаксической структуры порядок различает внутренние составляющие предложения, а на уровне реально-смысловых срезов предложения - подлежащее и сказуемое в высказывании. В отличие от русского языка, порядок слов в китайском языке более фиксирован. В китайском языке, как в изолированном, отсутствуют морфологические изменения слов, поэтому порядок слов особенно важен для выражения смысла. Изменение порядка слов в предложении может соответствовать правилам грамматики, но с точки зрения смысла оно может сильно отличаться от первоначального замысла говорящего. Сопоставительное исследование русско-китайского порядка слов помогает глубже понять особенности этих двух языков и способствует практическому использованию языка русскими учащимися в Китае или китайскими учащимися в России.

2. Сравнительный анализ иконичности порядка слов в русском и китайском языках

2.1 Иконичность последовательности

Иконичность последовательности означает, что порядок членов предложения соответствует последовательности событий, выраженных в предложении, или порядку восприятия человека; при этом позиция начала предложения легче всего привлекает внимание человека, легче всего понимается и воспринимается. Ван Инь [1999;5] определяет это как «порядок мыслей и порядок языковых единиц схожи».

2.1.1 Явная иконичность последовательности : хронологический порядок

Во - первых, когда человеческое познание отражает объективный материальный мир, первое место в отношениях между двумя событиями занимает последовательность времени. Линейное расположение языка как описания объективного мира по времени отражает весь процесс возникновения и развития событий в соответствии с когнитивным порядком человека, что также соответствует второму принципу лингвистических символов, предложенному Соссюром[2019;111], - линейности. Гивон называет это явление «принципом линейного порядка», определяя его как то, что в тесно связанном дискурсе порядок предложений, как правило, соответствует порядку событий, которые происходят в описываемых ими событиях. В русской и китайской языковой последовательности это явление широко отражено.

(1) А. Она вышла замуж и родила ребёнка. 她结了婚, 生了孩子。 В. Она родила ребёнка и вышла замуж . 她生了孩子, 结了婚。

(2) А. Антон купил кусок торта и пошёл в супермаркет. 安东买了一块蛋糕, 去了超市。 В. Антон пошёл в супермаркет и купил кусок торта . 安东去了超市, 买了一块蛋糕。

В примере 1-А мы узнаем, что «она» является рождением после брака, а 1-В означает, что «она» незамужняя первая рождает, а затем женится; В примере 2 - А торт Антон покупает не в супермаркете, а в 2-В торт Антон покупает в супермаркете. Эта информация отражается в хронологическом порядке предложений. В приведенных выше примерах мы также видим, что предложения, расположенные в хронологическом порядке, подобно сходным образом, как только они переворачивают последовательность, их обозначение оказывается иным, как и в русском китайском языке.

2.1.2 Имплицитная иконичность последовательности: логический порядок, порядок категорий

Многочисленный жизненный опыт говорит нам о том, что в объективном мире существует множество категорий и логик, имеющих последовательное значение определенных процессов и циклов. Например, круглый год, следуя чередованию весны, лета, осени и зимы; Один аспирант, в соответствии с порядком роста учеников начальной школы, учащихся средней школы, студентов колледжа до аспирантов[Бай Сюй 2016;53]; События развиваются в соответствии с логическим порядком первопричин и последствий. Эти логика и порядок категорий являются неявными принципами последовательности и подобия, которые также отражены в русско - китайском порядке:

(3) начальные и средние школы 中小学

(4) малые, средние и крупные предприятия 大中小企业

2.2 Иконичность расстояния

По мнению Шен Цзятана[1993;6], иконичность расстояния означает, что « когнитивная или концептуальная близость к сущности, языковая форма которой также близка во времени и пространстве, то есть расстояние между понятиями и расстояние между языковыми компонентами», то есть существует дистанционная связь между различными элементами предложения, расстояние и близость которых зависят от когнитивного опыта человека. В предложении это выражается в том, что чем ближе отношение между двумя элементами познания, тем ближе расположение в предложении, потому что познание людей склоняется к обработке близких вещей вместе.

(5) В довершение всего горничная внесла шумевший медный самовар. 此外, 女清洁工还搬来一个吱吱响的铜茶炊。

В предложении «медный» означает материал центрального слова «самовар», это более существенная характеристика, которая концептуально ближе к центральному слову и,

следовательно, ближе к центральному слову в предложении.

Кроме того, при склеивании динамических когнитивных категорий, то есть многослойных обстоятельств, порядок расположения в русском китайском языке отличается. Когнитивный порядок динамических вещей, как правило, следует порядку « времени - пространства - характеров», однако, под влиянием национального образа мышления и пространственно - временных когнитивных различий, различия в динамическом познании русско - китайских народов проявляются в том, что образ мышления русской нации привык исходить из личности, начиная с малого и заканчивая малым; А ханьская нация привыкла следовать принципу « сначала целое, потом часть».

(6) Я изучила русский язык на русском факультете педагогического университета. 我曾在师范大学俄语系学习俄语。

Как видно, русское выражение, как правило, является небольшим местом спереди, большим - сзади, а по - китайски наоборот.

Линейные характеристики языка определяют необходимость изучения последовательности. Порядок изложения определяется выражением смысла, которое проистекает из познания. Свобода русского порядка относительна, а порядок и изменения его относительных законов тесно связаны с познанием говорящего. Изучение порядка слов не только помогает нам точно понять глубокие смыслы и тонкие эмоциональные различия, которые выражаются в разных последовательностях в изучении русского и китайского языка, но и помогает правильно выражать себя и понимать намерения других людей во взаимодействии с русскими, уменьшая рассеивание информации. В этой статье, основанной на принципах подобия в когнитивной лингвистике, изучаются законы последовательности русского языка как с точки зрения последовательности подобий, так и с точки зрения сходства расстояний. Взаимосвязь между формами и структурами языка, с одной стороны, и понятиями человеческого познания и мышления, с другой стороны, была продемонстрирована конкретными примерами лингвистических библиотек, с другой стороны, подчеркивая различия в последовательности выражения, которые проявляются в когнитивных привычках разных народов. Дальнейшее углубленное изучение русского и китайского языка имеет большое значение для изучения когнитивных моделей русской и китайской нации, но для этого пока еще недостаточно.

Литература

1. Бай Сюй Аналогическое исследование множественных последовательностей определений русского языка//Изучение русского языка, 2016– №4– С.51–56.
2. Крылова О.А., Хавронина С.А. Порядок слов в русском языке. -М:Русский язык. 1986.
3. Чжоу Лиин, исследование последовательности современных китайских языков,- Шанхай: Шанхайское лингвистическое издательство, 2009.
4. Шэнь Цзясюань, Проблема синтаксической иконичности. Преподавание и изучение иностранных языков, 1993– №1– С. 2-8.

ЧЖУ Ш.

Уфимский университет науки и технологий

ПЕРЕВОД КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В РОМАНЕ БА ЦЗИНЯ «СЕМЬЯ»

Культурно-маркированная лексика отражает культуру страны и народа. Переводчику трудно найти точные эквиваленты, чтобы передать культурные различия в языке перевода. Как точнее воспроизвести смыслы культурных реалий, заложенных в оригинале читателям

переводного языка, всегда остается предметом дискуссий. В данной статье с опорой на классификацию культурно-маркированной лексики Ю. Найды исследуется вопрос перевода культурно-маркированной лексики в оригинале романа Ба Цзиня «Семья» (1933) и в его русскоязычном переводе, выполненном в 1956 г. В. Петровым.

Ключевые слова: культурно-маркированная лексика; русскоязычный перевод; Ба Цзинь; «Семья»

Культурно-маркированная лексика включает слова, фразы, идиомы, используемые для выражения уникальных явлений в культуре. Эта лексика отражает то, что за долгую историю каждая этническая группа постепенно накапливает как уникальный способ восприятия бытия, отличный от других этнических групп.

Роман «Семья» (1933) известного китайского писателя Ба Цзиня обладает богатым идеологическим и культурным контекстом. Перевод культурно-маркированной лексики с китайскими этнокультурными особенностями в романе «Семья» остается серьезной проблемой в переводческой практике. Исследование культурно-маркированной лексики в оригинале и русскоязычном переводе романа «Семья», осуществленном В. Петровым в 1956 г. в аспекте сравнительно-сопоставительной лингвистики, практически, не проводилось, что определяет актуальность данной работы.

Язык является неотъемлемой частью культуры и её проводником. Традиционная культура народа, его этика, эстетика и социальные институты влияют на формирование особенностей речевого поведения [Морозкина, Чжу 2023; 233]. В 1970-х годах культурные факторы были включены в сферу исследований лингвистов и, одновременно, культурные исследования стали предметом общей лингвистики и переводоведения. Сьюзан Басснетт считает, что перевод – это коммуникация между культурами, и эквивалентность перевода должна не только реализовывать эквивалентность языковых форм, но и стремиться к эквивалентности культурных функций между оригинальным и переводным текстом. Таким образом, перевод – это не только работа чисто лингвистического преобразования, но и отражение культурного смысла языка. В связи с различиями в географической среде, политике, религиозных верованиях, традиционных обычаях, образе жизни и ценностной ориентации между Китаем и Россией в художественном тексте появляется большое количество культурно-маркированной лексики. Такая лексика содержит яркий колорит национальной культуры и способна наиболее полно отразить ярко выраженную самобытную культурную индивидуальность языка.

В России учёные в своих статьях часто называют культурно-маркированную лексику историческими реалиями. По мнению А. В. Фёдорова, национально-специфические реалии – это слова оригинала, которые «обозначают чисто местное явление, которому нет соответствия в быту и понятиях другого народа» [Фёдоров 1983; 135]. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров относят к культурно-маркированной лексике слова, «служащие для выражения понятий, отсутствующих в иной культуре и в ином языке, слова, относящиеся к частным культурным элементам, то есть к культурным элементам, характерным только для культуры А и отсутствующим в культуре Б, а также слова, не имеющие перевода на другой язык, одним словом, не имеющие эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат» [Верещагин, Костомаров 1973; 233]. Таким образом, культурно-маркированная лексика специфична для одного языка или культуры, и в другом языке или культуре трудно найти её эквиваленты, обозначающие те же понятия или вызывающие те же ассоциативные смыслы. Тем не менее, важно перевести эти слова как можно точнее и эффективнее.

В данной работе, в соответствии с классификацией Ю. Найды, мы разделяем культурно-маркированную лексику на пять категорий: социальную, экологическую, материальную, религиозную и лингвистическую [Nida 1945; 194]. В данной статье анализируется лингвистическая культурно-маркированная лексика и способы её перевода с китайского языка на русский язык.

Под лингвокультурной маркированной лексикой понимаются специфические слова или выражения, сформировавшиеся в языке под воздействием таких факторов, как культура и грамматическая структура. К примеру, поговорки, идиомы, недоговорки, каламбуры, а также некоторые устойчивые выражения в различных диалектах, и особенные языковые знаки и выражения – прецеденты дяньгу [Морозкина, Воробьев, Чжао 2018; 1144]. В Романе Ба Цзиня «Семья» (1933) содержится много культурно-маркированных лексем, что вынуждает переводчика прибегать к разнообразным приемам при переводе лексических структур оригинала [Морозкина, Сафина 2021; 825].

Обращаясь к вопросу перевода идиом, в частности, парных надписей, отметим, что они весьма репрезентативны в китайском языке и культуре и наделены множеством культурных коннотаций, благодаря чему способны в полной мере отразить красоту и форму китайского языка. При переводе парных надписей или идиом, переводчик старается сохранить формальную красоту оригинального текста. Например, переводя парные надписи «**国恩家庆, 人寿年年**» [巴金 1933; 30] как «**Государству - великодушия, семье - счастья. Людям - долголетия, году – обилия**» [Ба 1956; 2], переводчик сохранил структуру «существительное + существительное», которая учитывает особенности русской грамматики, но теряет специфические смыслы, отражающие особенности китайской культуры, согласно которой парные надписи должны иметь равное количество слов, эквивалентные лексические свойства, соразмерную структуру, соответствующий ритм, гармонию фонетического тона, а также особые риторические схемы в парах.

Идиома «**万马奔腾, 怒潮狂涌**» [巴金 1933; 200] была переведена как «**топот десятков тысяч мчавшихся коней или бешеный рев волн**» [Ба 1956; 147], хотя при этом субъектно-предикатная структура оригинального текста трансформировалась в структуру «определение+определяемое слово», но сохранился формальный контрапункт. Во фразе «**бешеный рев волн**» сохранена скрытая метафора оригинального текста “怒潮”.

В отличие от письменной речи, такие лингвистические формы, как идиомы и парные надписи, пословицы и поговорки, в основном, взяты из жизни. Они яркие и интересные, остроумные и сленговые, наполненные жизненной философией и трудовой мудростью простых людей. Можно сказать, что пословицы и поговорки – это не только неотъемлемая часть народной культуры, но и окно для понимания психологии представителей китайского общества определённого исторического периода.

Пословицы и поговорки часто встречаются в диалогах персонажей. По сравнению с идиомами, в этих шуточных изречениях больше внимания уделяется выражению смысла, поэтому переводчик использовал метод дословного перевода. Например: «**江山易改本性难移**» [巴金 1933; 32] переводится как «**горы легче переделать, чем характер**» [Ба 1956; 42]; «**有志者, 事竟成**» [巴金 1933; 47] переводится как «**тот, кто имеет волю, своего добьется**» [Ба 1956; 52], что представляется вполне допустимым и соответствует смыслонаполнению китайской фразы.

Для местной культуры характерны диалекты и народный сленг, эти диалектные слова, зачастую, не имеют фиксированной формы, как, к примеру, пословицы и поговорки, поэтому перевод этих слов и фраз ещё более сложен.

Ба Цзинь жил в южнокитайском городе Чэнду, поэтому во многих фрагментах романа встречается чэндуский диалект. К примеру, во фразе «**一连武装的兵居然连几个徒手的丘八也捉不到, 哪个舅子才相信! 这明明是预先安排好了的**» [巴金 1933; 101] / «**Какой дурак**» поверит в то, что рота вооруженных солдат не в состоянии схватить нескольких безоружных хулиганов? Ясно, все подстроили заранее» [Ба 1956; 84]. “丘八” – уничижительный жаргон для обозначения солдата бандита в феодальном обществе, на русский язык переводится как «хулиган». Эта лексема в словаре С. И. Ожегова описана, как: «Тот, кто нарушает общественный порядок, кто занимается хулиганством» и не несет в себе значения «солдат». Переводчик нашел слово, которое подходит к характеристике некоторых представителей русского общества, которые творят бесчинства. Однако, с другой стороны, такой перевод не

полостью передаёт эмоциональную окраску лексемы оригинала. “哪个舅子” – сленговое слово на диалекте Чэнду, которое трудно перевести. В русском переводе переводчик использовал восклицание «какой дурак», чтобы сохранить стилистический оттенок и подчеркнуть гневные эмоции, что позволяет читателю лучше понять смысл данной фразы.

Таким образом, при переводе различных региональных диалектов и народного сленга переводчик использовал метод так называемого косвенного перевода. С одной стороны, подобная культурная информация действительно трудно поддается переводу, а с другой стороны, при переводе также надо учитывать степень восприимчивости русскоязычных читателей. В этом случае может потребоваться переводческая обработка художественного текста с тем, чтобы не произошла утрата культурных смыслов.

Культурно – маркированная лексика несёт в себе уникальную и сложную лингвокультурную информацию того или иного народа, а большие различия между культурами увеличивают трудности перевода. Перевод культурно-маркированной лексики очень важен для передачи особенностей культуры языка оригинала. В. Петров уделяет большое внимание формальной красоте китайского языка, одновременно, старается передать скрытые смыслы культурно-маркированной лексики. При этом в некоторых случаях смыслы культурно-маркированной лексики в русскоязычном переводе оказываются изменены, либо вовсе опущены, чего, безусловно, следует избегать при переводе художественных текстов.

Литература

1. *Ба Цзинь*. Семья: Роман / Пер. с китайск., [предисл. и примеч. В. Петрова]. – Москва: Гослитиздат, 1956. – 407 с.
2. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М. Издательство МГУ, 1973. – 233 с.
3. *Морозкина Е. А., Воробьев В.В., Чжао П.* Перевод прецедентов “Дяньгу” в поэзии Ли Бо // Вестник БашГУ, 2018. – Т. 23. – С. 1144 – 1148.
4. *Морозкина Е.А., Сафина З.М.* Фрактальная модель анализа оригинала и перевода художественного текста. // Вестник Башкирского университета. – 2021. – Т. 26. № 3. – С. 822 – 827.
5. *Морозкина Е.А., Чжу Шуан.* Термины родства в переводе романа И.С.Тургенева «Отцы и дети» на китайский язык // Теоретические и практические проблемы развития современной гуманитарной науки: материалы IX Международной научно-практической конференции, посвященной юбилею д-ра филол. наук, профессора, Заслуженного работника образования РБ, Почетного работника ВПО РФ, действительного члена РАЕН Фаткуллиной Флюзы Габдуллиновны (г. Уфа, 28 апреля 2023 г.). В 2-х томах. Том 1/ отв. ред. И.Г.Кульсарина. – Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. – С. 232 – 241.
6. *Фёдоров А.В.* Введение в теорию перевода. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1983. – 335 с.
7. *Nida E.A.* Linguistics and Ethnology in Translation-Problems // Translation-Problems. WORD, 1(2). – 1945. – С. 194 – 208.
8. *巴金《家》*, 人民文学出版社, 北京, 1933. – 398 页

ШАБАЛИНА В. Я.

*Вятский государственный университет;
Институт развития образования Республики Татарстан*

ЗАИМСТВОВАНИЯ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ: ОПРАВДААННЫЕ И ИЗБЫТОЧНЫЕ

Аннотация. Проблема заимствований в сфере образования рассматривается с позиций редакционного опыта Института развития образования Республики Татарстан в рамках профессиональной деятельности. Приводятся примеры заимствований из методических материалов, отражающих как в целом вопросы общего образования, так и узкоспециальные (предметные) вопросы.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровизация образования, заимствования, англицизмы, ученые-методисты

На всех этапах существования и развития языка происходил процесс лексического заимствования, и XXI век не является исключением. Напротив, в связи с глобализацией всех процессов, заимствования стали более массовыми и происходят в ускоренном режиме. Этому способствуют также ослабление государственной редакционной политики, в том числе в публичной коммуникации, стремление к выбору новых форм выражения мыслей (переживаемая очередная – четвертая, промышленная – революция вновь требует «бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. с парохода современности»), а также «закат» языковой и нормативной культуры владения русским языком.

Здесь хотелось бы привести слова В. И. Даля, которые, на наш взгляд, очень точно характеризуют сегодняшнюю ситуацию: «Испещрение речи иноземными словами вошло у нас в поголовный обычай, а многие даже щеголяют этим, почитая русское слово до времени каким-то неизбежным худом, каким-то затоптанным половиком, рогожей, которую надо успеть усыпать цветами иной почвы, чтобы порядочному человеку можно было пройтись».

Сегодня в процесс включения заимствований в русский язык вносит существенный вклад английский язык, обладающий статусом основного средства интернет-коммуникации и отражающий бурное развитие интернет-технологий. Эта тенденция ощутима и в сфере образования.

Цифровая трансформация образовательной среды и цифровизация образования в целом «притянули» в сферу образования целый поток англицизмов, обусловленный применением новых (инновационных) технологий. И если *квест*, *кейс-стади*, *геймификация*, *интеллект-карты* (*ментальные карты*), *hard и soft skills*, *коучинг*, *менторинг*, *синквейн*, *ангрейд* и т. п. уже не режут слух (в том числе благодаря их употреблению не только в профессиональной педагогической среде), то *трендвотчинг*¹ *хьютагогика*², возможно, потребуют обращения к словарю.

Особую группу заимствований представляют аббревиатуры:

ADDIE-модель – модель разработки учебных программ, учебных курсов, которая включает: A (analysis) – анализ; D (design) – проектирование, дизайн; D (development) – разработку; I (implement) – внедрение, проведение; E (evaluate) – оценку;

KPI (ключевые показатели эффективности) – это числовые показатели деятельности, которые помогают измерить степень достижения целей или оптимальности процесса, а именно результативность и эффективность;

VR/AR-обучение – использование в качестве технических средств обучения технологию виртуальной реальности и технологию дополненной реальности;

SMART– методология для определения целей и постановки задач (Specific – конкретная; Measurable – измеримая; Achievable – достижимая; Relevant – значимая; Time bound – ограниченная во времени);

STEM-технология – новый подход в образовании, когда все отрасли естественно-научного и технического знания (Science – наука, Technology – технология, Engineering – инженерия, Mathematics – математика) объединены и ребёнок получает эти знания не из учебника, а через решение творческих задач. Интересно, что данная аббревиатура может трансформироваться, дополняться в случае включения новых элементов. Так получился STEAM-подход (буква A обозначает Art – искусство), STEAM в свою очередь превратился в STREAM – когда добавили R – Research (исследования) или Robotics (робототехника).

В сфере **дополнительного профессионального педагогического образования** (повышения квалификации и переподготовки кадров) ситуация с использованием заимствований усугубляется, на наш взгляд, двумя моментами.

¹ Трендвотчинг (*trendwatching*) – отслеживание трендов; обзор, выявление и предсказывание запросов клиентов в долгосрочной перспективе.

² Хьютагогика (эвтагогика) (англ. *heutagogy*) – термин был введен в научный оборот Стюартом Хассе и Крисом Кеньоном в 2000 году. Хьютагогика позиционируется авторами как новый подход к организации обучения взрослых, как учение о самообразовании, то есть учение о том, как самостоятельно учиться в XXI веке.

Во-первых, желание некоторых ученых-методистов показать, что они находятся на самом переднем крае педагогической науки, приводит к неоправданному использованию «новомодных» терминов: *диссеминация* опыта (вместо *распространения*), *модератор и спикер* вместо *ведущий и выступающий*, *комьюнити* вместо *сообщества*, *сторителлинг* вместо *рассказывание историй*, *хоумскулеры* вместо *школьники на домашнем обучении* (хотя последний пример отвечает потребности в экономии речевых усилий).

Второй момент, как нам кажется, связан с недостаточной языковой квалификацией самих специалистов, осуществляющих повышение квалификации педагогов. В этом случае заимствованные слова призваны произвести на адресата «эффект мнимой учености»: *брейншторминг* звучит внушительнее привычного *мозгового штурма*, *тайм-менеджмент* – солиднее *контроля времени*, *фасилитатор* – «благодарнее» *посредника или консультанта*, *эдьютейнмент* гораздо загадочнее привычного *игрового обучения*, а перечисление форм проведения мероприятий: *митап*, *питчинг*, *хакатон*, *печа-куча*, *форсайт-сессия*, *плейбэк-театр* и т. п. – и вовсе призвано вызвать у простого сельского учителя благоговейное уважение.

Приведенные примеры относятся к общей сфере образования. Однако следует отметить и употребление заимствований в узкоспециальных областях, например, при создании методических материалов для учителей истории и обществознания. Предлагаем рассмотреть в сравнении исходный текст ученых-методистов и текст отредактированный¹

Исходный текст	Отредактированный вариант
Отсюда возникает <i>имплицитная</i> характеристика сущности советского социалистического государства, где экономический базис фактически полностью <i>агрегатируется</i> с политической системой.	Отсюда возникает <i>неявная</i> характеристика сущности советского социалистического государства, где экономический базис фактически полностью <i>срачивается</i> с политической системой.
...наличие её (Конституции – В.Ш), несомненно, укрепляет государственный строй, весь государственный аппарат, <i>фундирует</i> его отдельные части ...	...наличие её (Конституции – В.Ш), несомненно, укрепляет государственный строй, весь государственный аппарат, <i>скрепляет</i> его отдельные части ...
...вознаграждением за труд <i>постулировалось</i> именно достижение желанного идеала – социальной справедливости...	...вознаграждением за труд <i>определялось</i> именно достижение желанного идеала – социальной справедливости...
...традиционные духовно-нравственные уклады не были <i>элиминированы</i> , а <i>трансформировались</i> в соответствии с запросами времени и сознательно <i>реципировались</i> в новую социалистическую советскую систему норм и ценностей.	...традиционные духовно-нравственные уклады не были <i>исключены</i> , а <i>видоизменились</i> в соответствии с запросами времени и сознательно <i>включались</i> в новую социалистическую советскую систему норм и ценностей
... <i>сублимация</i> его (национального вопроса – В.Ш.) сущности в форму <i>метанациональных</i> идеологем, послужила одним из главных <i>триггеров</i> ... последующего распада СССР	... <i>трансформация</i> его (национального вопроса – В.Ш.) сущности в форму <i>наднациональных</i> идеологем, послужила одной из главных <i>причин</i> ... последующего распада СССР.

¹ Трансформация российской государственности в XX веке: от империи к федерации (К 100-летию СССР). Учебно-методическое пособие. Казань, 2022. – 110 с.

Как мы видим, хотя по смыслу все выделенные слова понятны, после редактирования текст стал читаться легче.

Отдельно следует отметить заимствования, употребляемые школьными библиотекарями. Поскольку дети читают меньше и все неохотнее, библиотекарям приходится заниматься пропагандой книги (как говорили раньше), или *мерчендайзингом* (как говорят сейчас), используя различные современные формы привлечения внимания к книге: *буктрейлер, лейбл, шелфтокер, воблер* (вот удивятся рыбаки!), *хангер, джумби, айстоппер* и др.

Способы приобщения к чтению также весьма разнообразны: *буккроссинг, бук-слэм, флешбук, слэм* и т. д. Такое нагромождение заимствованных слов в «храме книги» не может не удручать...

В то же время нельзя не отметить, что в истории развития языка не обошлось без заимствований. Причем в некоторые периоды они массово проникали в русский язык, безусловно обогащая его. То же самое происходит сейчас с англицизмами. Однако не любое заимствование может быть оправданным, и, на наш взгляд, сегодня употребление заимствованных слов уместно в следующих случаях:

- если в русском языке отсутствует точный эквивалент слова. Например, *вебинар* отличается от *семинара* способом проведения (само слово *вебинар* произошло от фразы *web-based seminar* – семинар, который проводят в интернете);
- слово является термином, исключая многозначность и имеющим собственную дефиницию (определение) (например, часто используемые учителями *блог* или *мультимедиа*¹);
- оправдано стилистически и жанрово (см. табл. выше);
- способствует соблюдению условий краткости и точности изложения (*буккроссинг*, например).

Не претендуя на полный перечень случаев уместного использования заимствований в сфере образования, отметим, что попытки кодификации образовательной (методической, дидактической) терминологии уже предпринимаются, проводится лексикографическая работа. В то же время поправки, внесенные в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации», призванные усилить нормативность использования современного русского языка во всех сферах, на деле вызывают немало вопросов, связанных с его применением на практике.

Литература

Словарь терминов и понятий цифровой дидактики / Рос. гос. проф.-пед. ун-т; авт.-сост.: Ломовцева Н. В., Заречнева К. М., Ушакова О. В., Ярина С. Ю., – Екатеринбург: РГППУ: Ажур, 2021. – 84 с.

ШВЕЦОВА О.А.

Воронежский государственный университет

ЛЕКСЕМА «СЕМЬЯ» И РУССКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ

Статья посвящена анализу роли слова «семья» в русской культуре. В ней рассматриваются базовые характеристики этого понятия; говорится о значимости слова для формирования русской ментальности.

Ключевые слова: лексема «семья», ментальность, ключевое слово, концепт.

¹ Словарь терминов и понятий цифровой дидактики / Рос. гос. проф.-пед. ун-т; авт.-сост.: Ломовцева Н. В., Заречнева К. М., Ушакова О. В., Ярина С. Ю., – Екатеринбург: РГППУ: Ажур, 2021. – 84 с.

Благополучная, крепкая семья с детьми - это и есть будущее России.

В.В. Путин

А.Д. Шмелёв, рассуждая о том, можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка, говорит о том, что в этом случае «речь должна идти о каких-то представлениях о мире, свойственных носителям русского языка и русской культуры и воспринимаемых ими как нечто самоочевидное. Эти представления находят отражение в семантике языковых единиц, так что, овладевая языком и, в частности, значением слов, носитель языка одновременно сживается с этими представлениями, а будучи свойственными (или хотя бы привычными) всем носителям языка, они оказываются определяющими для ряда особенностей культуры, пользующейся этим языком» [Шмелев 2005; 14-15].

Одним из таких ключевых слов для русской культуры является слово «семья». Современный русский язык отражает отношение к семье через постоянное изменение понимания роли семьи в обществе, а следовательно, и передачу этой роли посредством вербального общения.

К сожалению, на протяжении XX века в мире девальвировались семейные ценности. Продолжают они обесцениваться и в XXI веке. Критика традиционных представлений о семье как о «ячейке общества» строится на наблюдении, согласно которому человек предпочитает говорить не о том, что такое семья, а о том, что значит «быть семьей», как организовывать свою совместную жизнь с теми, о ком мы заботимся. В англоязычной культуре появился даже термин *family making*, который максимально адекватно может быть переведен на русский язык предложенными Д. Кутузовой неологизмами «семьеделание» или даже «семьение» (по аналогии с «роением» и «гнездованием», а также ср. у Даля «семьитися») [Занегина 2011; 25].

Такой подход сильно размывает понятие «семья», способствует исчезновению понятия преемственности поколений. А ведь *семья* является ядром *своего*, а *свой* – *чужой* – это базовая архетипическая оппозиция для многих культур. Это не только общечеловеческое, но и общебиологическое противопоставление: оно известно всему животному и растительному миру.

По мнению Н.Н. Занегиной, происходящие общественные изменения, связанные с трансформацией наших представлений о том, как может выглядеть семья, не могли не отразиться в языке.

Концепт «семья», утверждает исследователь, «есть не застывшая, а активно развивающаяся целостность, в самой себе заключающая потенциал для дальнейшего содержательного расширения и способная продуцировать новые производные единицы (в XX веке это, например, «семейственность» в значении «отношения на службе, основанные на предоставлении льгот и поблажек родственникам, друзьям и близким», в конце XX — начале XXI века это сочетания «шведская семья», «однополая семья», «семья Ельцина»)» [Занегина 2011; 4-5].

Интересными представляются нам выводы, сделанные в третьей главе исследования и касающиеся описания концепта «семья» в восприятии носителей современного русского языка. Семья — это группа близких или дальних родственников (включая свойственников и приемных детей/родителей), ощущающих себя единым целым, связанных тесными эмоциональными отношениями, живущих или не живущих вместе, ведущих общее или раздельное хозяйство, иногда включающая в себя формально чужих людей, если они воспринимаются как очень близкие, душевно родные, а также (редко) домашних животных [Занегина 2011; 20-21].

Вопрос о том, являются ли муж и жена родственниками (формально муж и жена — свойственники, т. к. их отношения основаны на браке, но вместе с тем они оказываются общими кровными родственниками для своих детей), решается большинством респондентов в пользу родства, т. к. они связаны «душевной близостью», «духовным родством»,

«ежедневным тесным общением», у них «общее духовное и материальное», «одна жизнь», они становятся «похожи друг на друга» [Занегина 2011; 23].

О семье как ключевом понятии культуры говорится и в «Антологии концептов» [Антология 2006; 28-39]. По мнению Н.Н. Рухленко, изучение языка семейных родословных обусловлено, не только историческими и политическими преобразованиями в России, но лингвистическими причинами, и прежде всего – необходимостью исследования «языкового позитива», т.е. совокупности жанров и форм речи, которые настраивают субъекта на наиболее достойное языковое поведение. А письменные повествования, посвященные истории собственного рода, как раз и отличаются высокой креативностью, т.к. создаются всегда с чувством ответственности за каждое слово, с максимальным приложением творческих усилий со стороны их авторов [Антология 2006; 34].

Описание ключевого концепта «семья» на материале семейных родословных, считают авторы «Антологии концептов», важно и для исследования языковой личности, поскольку «именно семья формирует относительно устойчивую смысловую вертикаль личности в её повседневном бытии. Помимо этого кризисная демографическая ситуация в стране также налагает определенную ответственность на исследователей языка по выявлению конституирующих признаков основополагающего концепта СЕМЬЯ в языковом сознании говорящих» [Антология 2006; 35].

В.В. Путин, выступая на Евразийском женском форуме, проходившем Санкт-Петербурге в 2021 году, отметил, что традиционные ценности в России представляют собой важнейшую нравственную опору и залог успешного развития государства. «Для нашей страны, для всего российского общества дороги, крайне значимы традиционные семейные ценности. <...> Безусловно, при абсолютной необходимости обеспечения свобод каждого человека, в том числе свободы самоидентификации, тем не менее, всё-таки я убежден, что традиционные семейные ценности — это важнейшая нравственная опора и залог успешного развития и в настоящем, и в будущем», — сказал президент [5].

В «Словаре русской ментальности», где представлены интроспективные характеристики русского слова, идущие от обобщённо русской рефлексии о *коренном* слове литературного русского слова, лексема «семья» определяется следующим образом: «родственная **связь** по **свойству** или **общность** по **имени предка** (фамилия) – в отличие от кровного **рода** и близости дружбы.

По исходному смыслу семья – то, что находится в «общем стане», прежде всего в одном **жилище**, и в древнерусском понимании, объединялось понятием «**дом**» (*домашний очаг, домочадцы*), а затем как общее противопоставление **чужому** и чуждому (**гость**; «вся семья вместе, так и душа на месте»). Это **близость**, в которой многое прощается («семья не без уroda»), в которую могут прийти и дальние («чуж-чужанин, а стал семьянин» о зятё). В XVI-XVII вв. сложилось собственно русское представление о семье: метонимическим переносом значений в слове прошли путь от понимания семьи как 'жена и дети' (*бессемейный* 'без жены и детей') – 'все заодно', т.е. 'единомышленники' (*семейственность*). Социальное понятие семьи как единства двух родителей с их детьми не является собственно русским, это семантическая калька с западноевропейских языков, произведённая в XIX в.» [Колесов 2014; 232].

Как видим, ключевыми характеристиками понятия «семья» являются общность (по имени предка, жилищу, близость духовная и душевная).

Интересен для понимания роли семьи в формировании русской ментальности и иллюстративный материал к данной лексеме. Обратимся для анализа базовых составляющих этого понятия к некоторым примерам, не теряющим свою значимость и актуальность и по сей день, когда европейская культура, навязывая миру так называемые «европейские ценности», предполагает исчезновение и даже сознательное разрушение института традиционной семьи: *Любовь к семье не внушается отвлечёнными теориями с кафедры: она растёт и крепнет только привычкой к семейному быту... Семья и община отстояли Россию: теперь Россия отстоит ли семью и общину?* (Хомяков); *От века даны твердыни и*

устой жизни: семья, живым, личным отношением связывающая наше настоящее с прошедшим и будущим; отечество, расширяющее и наполняющее нашу душу содержанием души народной с её славными преданиями и упованиями; наконец, Церковь, окончательно избавляющая нас от всякой тесноты, связывая и личную, и национальную жизнь с тем, что вечно и безусловно... (Вл. Соловьёв); Из всех человеческих отношений семейство – самое древнее и самое великое. Основные законы его – верность, любовь, общие труды, воспитание детей – служат самыми прочными основами всякого человеческого блага. Прежде всего непоколебимости семейных начал нужно приписать изумительную живучесть добра, способность его сохраниться во времена величайшего развращения нравов (Куприн) [Колесов 2014; 233].

Из этих примеров видно, что понятия семьи, Родины и Церкви для русского человека существуют в неразрывной связи, они всегда были, есть и будут основополагающими, жизненно значимыми. Семья – это краеугольный камень для существования и спасения России, мира, а значит, и собственной души.

Литература

1. Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Т. 4. – Волгоград: Парадигма, 2006. – 357 с.
2. Занегина Н.Н. Концепт «семья» в русском литературном языке и принципы его описания. Автореф. дис. канд. филолог. н. – М., 2011. – 27 с.
3. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. 2. П-Я. – С.-Петербург. – Златоуст, 2014. – 592 с.
4. Шмелев А.Д. Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка? // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб.ст. – М., 2005. – С. 17-24.
5. <https://ria.ru/20211014/semya-1754533465.html> (дата обращения 7.07.2023).

ШЕРСТОБИТОВА И.А.

Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРАГМАТИКИ

Статья посвящена проблеме семиотических характеристик лингвистической прагматики в межкультурной коммуникации. На основе семантического подхода к лингвистической прагматике прагматические значения языковых элементов рассматриваются на основе семантики как средства познания своей и чужой культуры в её предметной, деятельностной и ментальной форме.

Ключевые слова: лингвистическая прагматика, семиотика, межкультурная коммуникация.

Межкультурное общение характеризуется тем, что в него вступают «носители разных национальных сознаний», возникает диалог культур [Тарасов 1996: 22]. Невозможно предвидеть все ситуации коммуникации с представителями разных культур, но можно выработать коммуникативные доминанты, а значит, сформировать национальный стиль вербальной коммуникации. Здесь важно сказать о лингвистической прагматике как области семантики, в которой отсылка к говорящему и слушающему играет ключевую роль.

Лингвистической прагматике учёные дают разные определения. Н.Д. Арутюнова считает, что это теория интерпретации речевых произведений, появляющихся в разных коммуникативных ситуациях [Арутюнова 1985: 22], а Ю.С. Степанов понимает прагматику как дискурс, соотнесенный с творящим текст человеком [Степанов 1989: 374]. В нашей

статье мы будем говорить о лингвистической прагматике, неразрывно связанной с лексикой и семантикой.

Если обратиться к словарю О.С. Ахмановой, то фоновые знания определяются ею как общая информация, которая известна и понятна всем [Абдурахманова 2015: 8]. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров в книге «Язык и культура» фоновые знания определяют как «общие для участников коммуникативного акта знания», дискурсивные формулы, предметные значения [Верещагин 2005: 9]. Следовательно, это те понятия и значения (концепты как единицы коллективного сознания, которые имеют место быть во всех языках и культурах), которые коммуниканты поймут без дополнительных разъяснений, и это обеспечит им взаимопонимание [Шерстобитова 2017: 10]. Одним из таких концептов может быть слово «мама», которое, по мнению антрополога Джорджа Питера Мердока, в 1072 языках звучит почти одинаково. В рассказе Ю.Я. Яковлева «Тяжёлая кровь» слово «мать» стало тем фоновым знанием, которое позволило врагам (коменданту Мейеру и матери приговорённого к расстрелу мальчика) найти точки сближения: «Я поверила, что он сочувствует мне, ищет выхода. И чтобы он самостоятельно не пришел к отрицательному решению, я заговорила:

– Ваша мать жива?

– Моя матушка? – Он слегка посветлел. – Моя матушка?

По-немецки это звучало «мейнмуттерхен»» [Яковлев 1991: 120].

Но наряду с фоновыми знаниями важно рассмотреть влияние прагматических значений языковых элементов на формирование мышления и способ познания мира в его деятельностной форме. Согласно гипотезе лингвистической относительности Э. Сепира-Б. Уорфа, структура языка определяет мышление и способ познания реальности, то есть люди, говорящие на разных языках, по-разному воспринимают мир и по-разному мыслят. Пример А.С. Пушкина очень показателен. Известно, что в первой половине XIX в. двуязычие являлось «синонимом культурности», «нормой для русского культурного человека» [Томашевский 1960: 62]. Известно также, что для Пушкина (как и для иных представителей образованного дворянства) французский был «вторым родным языком», образцом делового стиля [Паперно 1975: 115]. По этому поводу сам поэт писал: «Дай бог ему (то есть русскому языку) когда-нибудь образоваться наподобие французского (ясного, точного языка прозы – то есть языка мыслей)» [Григоренко 1974: 48]. Но все же Пушкин был очень строг к формам механического перенесения иноязычных грамматических форм на русскую почву, хотя и ассимилировал французскую лексику и грамматику. Галлицизм в предложении «Приятна мне твоя прощальная краса» соседствует со словом «краса», которое не переводится на французский язык. Это доказывает мысль о том, что в произведениях Пушкина существует два языка: исконно русский, который требует оригинальности высказываний, и французский – язык убеждения и традиций. Соединение этих черт в одном языке и сформировало язык Пушкина – язык точных метафор, широты смыслов и мыслей. Л.В. Щерба писал, что в основу русского литературного языка составляют, конечно, исконно русские элементы, но к ним добавляются книжные церковнославянские слова, диалектные элементы, иностранная терминология, «совершенно незаметное для невооруженного глаза французское влияние»» [Гак 1999: 2]. Иное дело – не литературное творчество: «...мысль самого Пушкина в непосредственном, «предлитературном» выражении сплошь и рядом оформлялась двуязычно: одновременно и по-французски, и по-русски» [Маймина 1981: 58]. В. В. Виноградов отмечал, что Пушкин предпочитал использовать французский язык тогда, когда «требовалась быстрая, беглая, но богатая смысловыми ассоциациями запись для себя...» [Виноградов 1935: 239]

Наиболее наглядно семиотический характер лингвистической прагматики представлен в лексике. В словаре языка А.С. Пушкина слово «душа» использовано 774 раза. В значении «внутренний психический мир человека» слово «душа» употреблено 510 раз. Именно в таком значении слово «душа» употреблено в стихотворении «К*** (Я помню чудное мгновенье...»). В значении же «нематериальное начало в человеке, продолжающее

жить после его смерти» оно употреблено всего 44 раза. 510 и 44 – разница впечатляющая [Виноградов 1956: 54]. Семиотический концепт «Душа» становится единицей картины мира русского человека.

Сопоставим этот архетип с отражением мифопоэтического сознания предков в поэзии Д.Н. Кугультинова, калмыцкого поэта. Персонифицированный образ степи-земли в калмыцкой поэзии часто ассоциируется с душой («Когда среди степи одинок//... //Душа моя вмещает вечность [Кугультинов 1988: 199]. Архетипы «души» двух великих поэтов отражают духовный мир народа, понимание прекрасного, ментальность.

Семантический подход к лингвистической прагматике позволил рассмотреть прагматические значения языковых элементов на основе семантики как средство познания своей и чужой культуры в её предметной, деятельностной и ментальной форме [Уфимцева 2003: 102-110].

Литература

1. Абдурахманова Н.Г. Гипотеза «Лингвистической относительности» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук/ Н.Г. Абдурахманова. – 2015. – № 9-2. – С. 8-15.
2. Арутюнова Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики [Текст] / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике / общ. ред. Е. В. Падучевой. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – С. 21–38.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы / под ред. и с послесловием академика Ю. С. Степанова /Е.М. Верещагин. – М.: Индрик, 2005. – 1040 с.
4. Виноградов В. В. Язык Пушкина/ В.В. Виноградов. – М.; Л., 1935. – С. 239.
5. Гак В.Г. Пушкинская проза и ее французский перевод // Вестник Московского Университета. Серия 19 Лингвистика и культурная коммуникация / В.Г. Гак. – 1999 – № 2 – С.79-89. – С. 2.
6. Кугультинов Д.Н. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы / Д. Н. Кугультинов. - М.: Худож. лит., 1988. - 447 с.
7. Маймина Е.Е. Стилистические функции французского языка в переписке Пушкина и в его поэзии//Проблемы современного пушкиноведения: Межвузовский сборник научных трудов ЛГПИ им. А. Н. Герцена/ Е.Е. Маймина. Л., 1981.
8. Паперно И.А. О двуязычной переписке пушкинской эпохи // Ученые записки Тартуского государственного университета/ Паперно И.А. Тарту, 1975. – Вып. 358.
9. Пушкин А.С. в воспоминаниях современников/Под общей редакцией В. В. Григоренко, С.А. Макашина и др. – Москва, 1974 – Т.1. – С.44.
10. Словарь языка А. С. Пушкина: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т языкозн.; отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1956. - Т. 1. - 806 с.
11. Степанов, Ю.С. Язык и Метод. К современной философии языка/Ю.С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1989. – 784 с. - С. 374.
12. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания / Под ред. Н.В. Уфимцевой / Е.Ф. Тарасов. М.: Институт языкознания РАН, 1996. – С.7-22. – С.9-10.
13. Томашевский Б. В. Пушкин и Франция / Б.В. Томашевский. –Л., 1960. –С. 62.
14. Уфимцева Н.В. Языковое сознание как отражение этнокультурной реальности // Вопросы психолингвистики / гл. ред. А. А. Леонтьев/ Н.В. Уфимцева. – 2003. – № 1. – С. 102-110.
15. Шерстобитова И.А. Концепты как средство раскрытия интеграционного содержания образования. Монография / И.А. Шерстобитова. - Издательство Ламберт, 2017. – 79 с.
16. Яковлев Ю.Я. «Повести и рассказы»/ Ю.Я. Яковлев. – М. Детская литература, 1991.- 125 с.

ШЛЯХОВ В.И., АГАФОНОВА К.Е.

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЭВФЕМИЗАЦИИ И ДИСФЕМИЗАЦИИ ТЕКСТОВ

Лингвокогнитивные исследования показали, что значительная часть информации в речевом общении передается имплицитно. В статье рассматриваются когнитивные структуры в языковом сознании. Для того чтобы раскрыть скрытые смыслы (метасмысл) в

текстах, используются приёмы комментирования. Скрытые смыслы обнаруживаются, в частности, в таких фигурах непрямо́й коммуникации, как эвфемизмы и дисфемизмы. В статье представлены примеры эвфемизации и дисфемизации в устной и письменной речи.

Ключевые слова: лингвокогнитивистика, глубинные структуры, метасмысл, эвфемизм, дисфемизм

В современном языкознании особое внимание обращено на глубинные когнитивные структуры, языковые программы, хранящиеся в языковом сознании и подсознании. Если в языкознании до наступления эры когнитивистики изучались поверхностные структуры языка, его грамматический строй, лексический состав, то в настоящее время наука погружается в недостаточно изученный мир бытования мыслей в голове человека и прямые и непря́мые способы их трансляции средствами языка. Эти когнитивные процессы скрыты для непосредственного изучения: нельзя увидеть с помощью приборов превращение нейронных импульсов в слова. Продукты мыслительной деятельности можно наблюдать, изучая письменные и устные тексты, а о дословесной жизни мыслей можно судить, рассматривая поверхностные и глубинные слои текстов, в том числе фигуры непрямо́й коммуникации. К ним относятся метафоры, ирония, намёки, уклонения, эвфемизмы и дисфемизмы, умолчание, мемы и др. Перед лингвокогнитивистикой поставлена сверхсложная проблема, суть которой состоит в том, чтобы понять, каким образом люди осознают письменные и устные тексты, в которых, примерно, 40 % информации не выражено буквально, а подразумевается. Предполагается, что в языковом сознании и подсознании заложены когнитивные умения людей, предназначенные для опознания и понимания скрытых средств выражения метасмысла. Средствами проникновения или «окнами» в языковое подсознание являются фигуры непрямо́й коммуникации, вернее, изучение их главной функции – предавать мысли и чувства человека не прямо, а косвенными путями.

Без осознания метасмысла, то есть скрытых смыслов в словесных произведениях, нельзя полностью понимать устные и письменные тексты. В рамках теории метасмысла произошло открытие ещё одной категории текста. Эту категорию допустимо назвать категорией имплицитности текста. Изучение этой категории позволяет увидеть работу языкового подсознания, человек способен интуитивно понимать метасмысл, эту дополнительную информацию, таящуюся в глубинных структурах текста. Ниже будет показано, как фигуры непрямо́й коммуникации, содержащие метасмысл, «овеществляют» мысли, обслуживая категорию имплицитности.

Итак, современная когнитивная лингвистика изучает, в частности, метасмысл, всё то, что не высказывается прямо, а подразумевается в устных и письменных текстах. В круг интересов в этой науке также входит проблема понимания и применения скрытых средств речевого воздействия на знания, поведение и чувства участников речевого взаимодействия. По словам известного психолингвиста Е.Ф. Тарасова, когнитивная психолингвистика стремится преодолеть лингвистический редуционизм, который ограничивает объект исследования только речевыми текстами, изолированными от условий их производства, восприятия и от общения в человеческой деятельности, в которой и ради целей которой они были созданы¹.

Важную роль в процессах осознания метасмысла играют претекст-программы, функция которых состоит в том, чтобы упорядочивать и подготавливать отдельные мысли и эмоции человека для их воплощения в понятные тексты для других людей². Давно известно, что наши мысли и эмоции можно передавать словами и сложно, и просто. Претекст-программа овеществляет, материализует мысли и чувства людей средствами языка. В эту

¹ Тарасов Е.Ф. Проблемы теории речевого общения // Вопросы психолингвистики. 2009. № 10. – С. 20.

² Тарасов Е.Ф. Принцип системности при анализе речевых процессов // Вопросы психолингвистики №2(48) 2021, С.171–178.

программу также входят схемы словесного воздействия на знания, поведение и эмоции людей.

В претекстовых программах также, по всей вероятности, находится набор когнитивных действий, наполняющих тексты фигурами непрямо́й коммуникации, то есть метафорами, иронией, намёками, уклонениями, эвфемизмами и дисфемизмами, умолчаниями и т.п. В этой статье будут показаны метафоры в роли дисфемизации или эвфемизации текстов. Этот подход позволяет исследовать фигуры непрямо́й коммуникации во взаимодействии друг с другом.

Итак, когда речь идёт о когнитивных способностях человека, имеется в виду не только умения человека изучать окружающий мир, используя язык, но также думать о социальных отношениях и природном мире, не видя их здесь и сейчас. Словесные названия предметов и природных явлений, социальных событий, жизненных коллизий позволяют человеку не только рассуждать об этих предметах и событиях, но и создавать вторую реальность, вымышленные литературные миры. Человек умеет применять язык не только для трансляции опыта, знаний, мыслей и чувств другим людям, но и создавать, например, в литературных произведениях вторую реальность, сотканную из языковых средств.

Люди в профессиональной деятельности и в повседневности, применяя приёмы интерпретации, стараются осознать интенции и эмоциональный настрой коммуникантов, то есть всё то, что не находит вербального выражения в словах собеседника и что должен понять адресат – участник речевого общения, если он хочет понять смысл сказанного. К базовой практике интерпретации метасмысла относится комментирование, то есть выявление информации, находящейся в имплицитном состоянии. Скрытые смыслы становятся понятными, если человек задумывается о происходящих речевых событиях, о коммуникативных ролях говорящих, об их целях в речевом общении. В комментировании могут использоваться несколько приёмов (когнитивных и психолингвистических действий): сценарно-фреймовый анализ, который направлен на выявление параметров ситуации общения, роли говорящих, их целей в общении, выбор ими той или иной речевой тактики и т. п., парафразирование как передача содержания текстов «своими словами», «выпрямление» скрытого смысла, а также упрощение, функцией которого является сокращение второстепенных элементов метасмысла, концентрирование внимания на базовой идее высказывания и др. В этой статье будут показаны приёмы выявления метасмысла в текстах, где основную роль играют эвфемизмы и дисфемизмы в речевом общении.

Главная функция эвфемизации текста состоит в том, чтобы понизить нежелательный уровень воздействия слов на участников речевого взаимодействия. Дисфемизация речи призвана вызывать негативные эмоции у собеседника. Эвфемизации и дисфемизации подвергаются такие понятия (концепты) как истина-правда, счастье-горе, жизнь-смерть, храбрость-страх, молодость-старость, здоровье-болезни, богатство-бедность, удача-незевение, внешний вид человека, его ум и многое другое.

Между эвфемизмами и дисфемизмами существуют значительные различия. Если генезис эвфемизмов восходит к табу и этикетным правилам, то подобных ограничений не существует в практике применения дисфемизмов в речи. Правила этикета, вежливости, обслуживающие «мягкую» стратегию доминирования и не допускающие прямых выпадов против собеседника, не соблюдаются при использовании дисфемизмов.

Понятие «старость» передаётся в речевом общении эвфемизмами *в возрасте, быть в летах, годах* др., также участвуют в процессах эвфемизации метафоры *серебряный/золотой возраст, осень жизни*. В этом случае целью использования эвфемизмов является смягчение эмотивности слов. Понятие «старость» может подвергаться дисфемизации, например, *дряхлый старик, старый пень, песок сытется* и др. Дисфемизацию понятия *молодость* можно увидеть в поговорке *молодо-зелено*. В русском обществе принято считать молодые годы жизни людей временем становления, созревания характера и умственных способностей

человека. Если о молодёжи говорят «молодо-зелено», то имеется в виду молодой, неопытный человек. В этой идиоме используется «ботаническая» метафора: зелёные фрукты несъедобны.

Как мы видим в приведенных примерах, эвфемия и дисфемия могут быть выражены метафорами, и в этом проявляется комбинированность средств выражения для достижения речевой цели. Например, слова *старый пень* являются не только дисфемизмом, но также и природной «древесной» метафорой, а в идиоме *звезда экрана* обнаруживается астрономическая метафора.

Анализ эвфемистических и дисфемистических оборотов речи обнаруживает, что эвфемизмы и дисфемизмы часто сопровождаются другими средствами речевого воздействия для усиления влияния слов на эмоции и поведение адресата. Они, в частности, передаются такими непрямыми фигурами речи, как ирония и метафоры.

Отметим, что метафора служит важным средством осознания внешнего мира и психологии человека, и она нередко лежит в основе эвфемизмов или дисфемизмов. Главной особенностью метафорического мышления является способность человека придавать новые значения словам первичной номинации.

Словарный состав синонимического ряда при дисфемизации намного богаче по сравнению с рядом при эвфемизации. Глупый человек – это *балбес, балда, бестолочь, глупец, болван, бревно, кретин, тугодум, человек полоумный, слабоумный, пустоголовый, безмозглый, тупой, глуп как пробка; если тупой, то это надолго; дуракам закон не писан, если писан, то не читан...; пьяница проспится, а дурак никогда; услужливый дурак опаснее врага; дурака учить – решетом воду носить*. О речи глупого человека скажут, что это *ахинея, чушь, вздор, галиматья, белиберда, нелепица, несуразица, бред собачий* и т.п. В этом ряду дисфемизмов можно обнаружить «древесные» метафоры *бревно, пробка*, а метасмысл в словах *тупизна, тупой* является не чем иным, как метафорой, в смысловой структуре которой находятся представления о хороших «острых» и плохо заточенных инструментах. Например, острый нож, топор, острая бритва, сабля, острое шило, копьё и т.п. Им соответствуют такие метафоры, как остроумие, острооты, острое зрение.

Выше шла речь о применении метафор в процессе эвфемизации и дисфемизации текстов. Приведём пример использования дисфемизма, в глубинных структурах которого лежит зооморфная метафора.

Обстоятельства общения. В книге «Золотой теленок» авторы И. Ильф и Е. Петров рассказывают о старых маклерах, которые собираются на Приморском бульваре и обсуждают политические события. Их время прошло, наступили другие времена в Советской России.

«Почти все они были в белых пикейных жилетах и в соломенных шляпах канотье...И уже, конечно, все были в пожелтевших крахмальных воротничках, откуда поднимались волосатые куриные шеи. Здесь, у столовой.. собирались обломки довоенного коммерческого Черноморска: маклеры, оставшиеся без своих контор, комиссионеры, увядшие по случаю отсутствия комиссий, хлебные агенты, выжившие из ума бухгалтеры и другая шушера...»¹

Комментарий. Дисфемизация текста достигается следующими приёмами, во-первых, говорится о том, что время маклеров прошло, наступили другие времена, это видно по их одежде: они носят вышедшие из моды шляпы, пикейные жилеты, заношенные пожелтевшие воротнички. Это «обломки» города Черноморска, выжившие из ума маклеры и другая шушера. В толковом словаре Ожегова дисфемизм «шушера» означает, что это ничтожный, незначительный или общественно вредный человек. Наконец, зооморфная метафора завершает дисфемистическую картину: у этих стариков «волосатые куриные шеи».

Приведём пример использования зооморфной метафоры для эвфемизации текста.

¹ Ильф Ильф, Евгений Петров. Золотой теленок. Азбука, 2014. – 416 с.

Обстоятельства общения. В «Театральном романе» М. Булгакова идёт разговор работников театра о финдиректоре театра Гаврииле Степановиче, который обладает необыкновенными способностями снижать авторам пьес суммы гонораров.

«– И ведь какой тихий и всё о душе говорит!

– Заблуждение, бред, чепуха...

– Орёл, кондор. Он на скале сидит, видит на сорок километров кругом. И лишь появится птичка, шевельнётся, он взвизгивает и вдруг камнем падает вниз! Жалобный крик, хрипение... и вот уж он взвился в поднебесье, и жертва у него!»¹

Комментарий. Эвфемизация текста достигается использованием зооморфной метафоры. Финансовый директор сравнивается с орлом. В русском языковом сознании слово «орёл» вызывает следующие ассоциации *гордый, крылья, небо, полёт, горы, высота, гордый, свобода, высь, флаг, держава* и др.

Заключение.

В статье были показаны приемы дисфемизации и эвфемизации текстов. В частности, зооморфная метафора может выполнять эти функции. Нетрудно предположить, что в претекстовой программе языкового сознания содержатся когнитивные действия использования в устных и письменных текстах таких фигур непрямого общения такие, как ирония, намёки, уклонения, умолчания, предназначенные для реализации функций дисфемизации или эвфемизации устных и письменных текстов.

Литература

1. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: Изд-во ЛКИ, 2017. 256 с.
2. *Тарасов Е.Ф.* Принцип системности при анализе речевых процессов // Вопросы психолингвистики №2(48) 2021, С.171–178
3. *Тарасов Е.Ф.* Проблемы теории речевого общения // Вопросы психолингвистики. 2009. № 10. – С. 20.
4. *Шляхов В.И., Агафонова К.Е.* От метафоры до фейков: словесное воздействие на эмоции, знания и поведение людей. М.: Изд-во «Перо», 2023. – 166 с.

ЭРНИСОВА А.Э.

*Кыргызско-Российский Славянский университет
имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина*

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ КАК КЛЮЧЕВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ЭТНОСА

Статья посвящена лингвокультурологическому анализу прецедентных феноменов русского и кыргызского языков как ключевой составляющей языковой картины мира кыргызов. Прецедентный феномен как явление национальной культуры содержит высокий заряд этнокультурной семантики. Рассмотрение прецедентных феноменов русского и кыргызского языков позволяет выявить особенности их функционирования в русскоязычном дискурсе Кыргызстана.

Ключевые слова: прецедентные феномены, прецедентное имя, прецедентная ситуация, прецедентное высказывание, прецедентный текст, языковая картина мира

¹ Булгаков М. А. Театральный роман: Романы. Пьесы. – М.: Изд-во Эксмо. 2006. С. 322.

В процессе межкультурной коммуникации предполагается вовлечение в процесс представителей двух или нескольких лингвокультур, являющиеся носителями различных ментальностей, культур, норм социального и речевого поведения. В сознании индивида формируются определенные концепты, совокупность которых предопределяет национально-культурные особенности этноса и его языковой картины мира. Владение языком только как знаковой системой недостаточно для успешной коммуникации между представителями разных культур.

Помимо лексики и грамматики, говорящий и слушающий должны обладать комплексом знаний различного характера. К ним Е. С. Кубрякова [2004, 74] относит 1) языковые знания; 2) неязыковые, т.е. знания об окружающем мире, в котором пребывает этнос; 3) знания принципов речевого общения и иллокутивных сил речевых актов. Последние две категории знаний могут быть получены при описании языка в контексте представляемой им культуры, одной из важных частей которой являются прецедентные феномены.

Прецедентные феномены (далее – ПФ) как факты культуры народа – одно из основных явлений современной лингвистики и когнитивистики. Под прецедентными феноменами, вслед за В. В. Красных, нами понимаются такие феномены, которые известны и значимы в познавательном и эмоциональном отношении как для отдельно взятой языковой личности, так и для всего национального языкового коллектива.

ПФ — это явления культуры народа, отраженные в языковых формах. ПФ в отличие от других языковых символов характеризуются высокой степенью национальной «насыщенности» и привязки к этнической ментальности. Будучи включенными в структуру дискурса, ПФ несут в себе высокий заряд исторической и этнокультурной семантики и придают процессу коммуникации национально-культурный колорит. Они занимают важное место в арсенале средств интертекстуальности (Р. Барт, М. М. Бахтин, В. И. Карасик, Ю. Кристева). В ПФ заключены национально-культурные коды, общие для данного этнического сообщества.

Следует отметить, что многолетние историко-культурные контакты кыргызского и русского народов не прошли бесследно для кыргызов, благодаря чему в языковом сознании многих из них укоренились прецедентные феномены русского языка, которые активно используются в дискурсе наряду с феноменами родной культуры.

Языковое сознание владеющего одним языком индивида, сопоставляется с определёнными единицами смыслового значения одного языка. Если же индивид владеет двумя языками, то языковое сознание мы называем билингвальным. Типы билингвизма охарактеризовал Л.В. Щерба, выделяя чистое и смешанное двуязычие [Щерба, 1974, с. 314]. В научном аппарате когнитивной лингвистики в языковом сознании представителей чистого билингвизма присутствуют две автономные понятийные сферы, которые не пересекаются, и соотносятся каждая со своей языковой системой.

По этому вопросу М.Дж. Тагаев пишет: «В Кыргызстане к этой группе можно отнести большинство кыргызов, окончивших русские школы и обучающихся в них. Как правило, у носителей чистого двуязычия концептосферы языкового сознания не равнозначны и не конгруэнтны. В той связи, что представители чистого двуязычия получают образование на русском языке, вплетены в русскоязычную культурную среду, а русский язык является основным средством общения, концептосфера, объективируемая языковыми формами русского языка, намного обширнее и богаче, чем концептосфера этнического языка.

Другой тип языкового сознания представляют носители смешанного двуязычия. К ним можно отнести, например, кыргызов, которые воспитывались в условиях природной культурно-языковой среды, получили образование на родном языке. Концептосфера русского языка для них вторична; она накладывается на языковое сознание, сформировавшееся в смыслах и категориях родного языка» [Тагаев, 2015, с.96]. Принимая во внимание, что русский язык активно используется в сферах жизнедеятельности индивида, он становится значимым, а владение русским языком – необходимостью. Выбор языка в

построении дискурса определяется бессознательным стремлением билингва к комфортной коммуникации.

В данной статье мы предлагаем результаты экспериментального изучения прецедентных феноменов в русском и кыргызском языках. Цель настоящего эксперимента: изучить функционирование прецедентных феноменов в языковом сознании билингвов. Результаты эксперимента были получены путем анкетирования и интервью на русском и кыргызском языках. Исследование проведено с учетом следующих критериев: 1) возраста; 2) языка обучения (русская или кыргызская школа)

В анкетировании и интервью принимали участие около 500 респондентов от 16 лет и старше мужского и женского пола. Респондентам были предложены 4 формы анкет с прецедентными феноменами русского и кыргызского языков.

В ответах респонденты указали, если речь идет о большом празднике, тое, то вспоминают русские фразеологизмы *Пир на весь мир, пир горой* и прецедентную ситуацию *Поминки по Кокетею (Көкөтөйдүн ашы): Наши соседи сделали большой той, словно поминки по Кокетею (Биздин кошуналар чоң той беришти. Жөн эле Көкөтөйдүн ашы болуп кетти).*

Образ красивой, мудрой, разумной девушки выражается через прецедентное имя в русском языке – *Василиса Прекрасная, Василиса Премудрая* и в кыргызском языке – *Акылкарачач, Олончач, Айчурек, Каныкей.*

Когнитивная схема, отражающая женское начало, покровительницу рожениц и детей, выражается в использовании кыргызами прецедентного имени *Умай эне*. Так в ответах респонденты в высказывании *Балаң оорубай сакайып кетсин. Умай эненин батасы тийсин (Пусть сын быстрее выздоравливает. Да хранит его Умай эне)* употребили это имя.

Когнитивные признаки *Колобка* позволили респондентам без труда вспомнить прецедентный текст о нем: *Маленький, толстый, хитрый и ловкий, он найдет выход из любого положения. От бабушки ушел, от дедушки ушел... Вот уж действительно Колобок.* Кыргызы при заполнении анкеты, вспоминая Колобка, написали: *Ал кыздын бети Көмөч нандай эле бар* (реч.). Образ *Колобка* из русских народных сказок сопоставим с образом *Көмөч нан* в кыргызской лингвокультуре.

Из ответов респондентов можно отметить: за годы суверенного развития Кыргызстана в сознании молодого поколения произошел определенный культурный сдвиг, заключающийся в том, что появляются новые, нехрестоматийные прецедентные имена: *Богатый* – как *Стив Джобс, Абрамович, О. Бабанов, Илон Маск* *сильный* – как *Человек-паук, Халк, Шрек*, *умный* – как *Марк Цукерберг*, *страшный* – как *Кинг-Конг*, *добрый* – как *Винни-пух*.

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Прецедентные феномены русского языка занимают значительное место в сознании кыргызов-билингвов от 35 лет и старше, которые учились, жили и сформировались в личностном плане в советскую эпоху. Они достаточно свободно оперируют ими в речевом дискурсе на русском и кыргызском языках. Зачастую такие концепты включаются в дискурс как в формах русского языка, так и кыргызского, получая при этом своеобразную репрезентацию. Таким образом, прецедентные феномены русского языка составляют часть билингвального языкового сознания кыргызов, которое сформировалось благодаря учебникам русского языка и литературы для кыргызских школ и контенту русскоязычного телевидения и радиовещания.

Прецедентные феномены русского языка могут включаться в речь билингвов как кальки. Например: прецедентное высказывание *Цыплят по осени считают* в кыргызской речи функционирует так: *Жөжөлөрдү күзүндө санайт*. Отмечается, прецедентные феномены русского языка не всегда функционируют только в русскоязычном дискурсе, они могут использоваться и в кыргызской речи. Например: *Маселени чечпей, ар ким өзү жака тарткандай, баягы Крылов айткандай*. Говорящий применяет данный концепт или сценарий, представленный в басне Крылова «Лебедь, щука и рак» справедливо полагая, что

адресаты хорошо знакомы с басней и могут понять, о чем идет речь без какого-либо объяснения.

2. Билингвы, получившие образование и воспитание в эпоху суверенного развития Кыргызской Республики, в меньшей степени знакомы с прецедентными феноменами русской культуры по той причине, что русский язык утрачивает свои позиции в регионах страны; в частности, меньше становится читающей молодежи на русском языке, ныне молодое поколение отдает предпочтение интернету; изменилась содержательная часть контента телевидения, приоритетными ценностями западной культуры; в результате новые прецедентные феномены.

3. Состав прецедентных феноменов меняется в зависимости от трансформации общественных взаимосвязей, социальных условий, отношения к моральным ценностям общества. Сегодня, с возросшей популярностью телевидения и интернета, прецедентными становятся герои мультипликационных фильмов, имена политиков и общественных деятелей.

4. Прецедентные феномены кыргызского языка широко используются политиками на русском языке как эффективное средство воздействия на свой электорат, где основными слушателями являются билингвы. В этом случае прецедентные феномены создают в сознании языковой личности яркие национально-культурные образы, которые играют ключевую роль в построении политического дискурса, усиливая эффект эмоционального воздействия. Используя прецедентные феномены в речи, политики подчеркивают свою близость к народу, причастность к его жизни. Широкое использование прецедентных феноменов в СМИ облегчает процесс коммуникации, они становятся своеобразными кодовыми словами, благодаря которым достигается взаимопонимание и единство нации.

5. Прецедентные феномены, обладая этнокультурным содержанием и образностью, служат маркерами национально-культурной идентичности индивидов, средством создания между ними интертекстуальных связей.

6. Кыргызские прецедентные феномены при включении в русскоязычный дискурс создают синергетический эффект в языковом сознании билингвов, в результате которого многократно усиливается функция языкового воздействия

Литература

1. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. - М.: Яз. слав. культуры, 2004. - 555 с.
2. Тагаев М.Дж. Диалог языков и культур (на материале функционирования и взаимодействия культурно-языковых пространств киргизского и русского языков). - Бишкек: Изд-во КРСУ, 2015. - С.99
3. Эрнисова А. Э. Прецедентные феномены в билингвальном языковом сознании [Текст] / А.Э.Эрнисова// Научное периодическое издание "IN SITU". – Москва: РИЦ ЕФИР, 2016. – С.43-46
4. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. - М.: Наука, Ленинградское отделение, 1974. - С.314

ЯН СЮЕ

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОЛА И ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

Статья посвящена различиям в языке и речи, связанным с репрезентацией пола и гендера. Рассматриваются такие аспекты, связанные с половой и гендерной идентичностью, как формирование стереотипов, использование гендерно-нейтрального языка, гендерная репрезентация в паремическом фонде языка.

Ключевые слова: гендер, паремия, манспрейнинг, русский язык, китайский язык.

REPRESENTATION OF SEX AND GENDER DIFFERENCES IN LANGUAGE AND SPEECH

This study is devoted to the representation of gender and gender differences in language and speech. The article provides examples of research conducted in this area, emphasizes the importance of continuing research in this area, draws attention to the need to understand the role of language in the formation of gender identity and social relations in general.

Keywords: gender identity, paroemia manspraying, paroemia, Chinese language, Russian language

Язык и речь являются важнейшими средствами коммуникации в обществе, отражающими не только культурные и социальные нормы, но и пол, и гендерные различия [Йесперсен 1958]. В работе рассматривается различие в репрезентации ряда аспектов пола и гендера двух языках — русском и китайском.

Одним из первых примеров исследования репрезентации пола и гендерных различий в языке и речи является работа Робин Лакофф «Язык и место женщины», (1975), в которой автор анализирует репрезентацию женщин в языке и утверждает, что язык служит инструментом поддержания дискриминации полов; выделены языковые характеристики, ограничивающие женщин в их возможностях выражения собственных мыслей и идей [Лэйкофф 1975; 45]. Р. Лакофф проанализировала также различия в мужских и женских устных высказываниях, выделив такие их признаки: прямолинейная речь у мужчин, эвфемистичность у женщин. Д. Холмс в работе «Гендерная речь на работе: создание социальной идентичности через рабочий дискурс (2007) исследует, как гендер влияет на способы общения и взаимодействия в рабочей среде, утверждая, что рабочий дискурс является важным механизмом создания идентичности и поддержания гендерных стереотипов [Холмс 2013; 131].

Оле Йесперсен в работе «Язык: его природа, развитие и происхождение» рассматривает влияние пола на развитие языка и на исторические процессы его формирования [Йесперсен 1958; 318].

Дэбора Спендер в работе «Язык, созданный человеком» (1980), анализирует языковые конструкции, которые создают и поддерживают гендерные стереотипы и неравенство между полами и утверждает, что наш социальный мир описывается языком, предвзято относящимся к женщинам (цит.: по [Мартин 2011; 56]).

Язык когда-то возник и как-то закрепил в себе гендерные различия (деление на женский и мужской род, личные местоимения единственного числа, типы склонения, числительные и т.д.). Эта первичная фиксация действительно говорит о гендере, но язык мог зафиксировать что-то как относящееся к нему без объективных предпосылок. Выбор грамматического рода для животных и предметов мог носить случайный характер, не зависеть от реальных гендерных признаков. В процессе эволюции, подвергаясь культурным наслоениям, язык не только стал фиксировать гендерные различия, но и участвовать в их конструировании. Важным является понимание гендера как непрерывного процесса продуцирования обществом различий в мужских и женских ролях, ментальных и эмоциональных характеристиках, наконец, речевом поведении. При этом гендерные роли и нормы не имеют универсального содержания и значительно варьируются в разных обществах, находясь, в том числе, и под влиянием языка. Важно отметить, что исполнение

мужчинами и женщинами гендерных ролей предполагает использование тех языковых средств, которые они воспринимают как предназначенные их гендерной группе. Мужчины и женщины осуществляют отбор языковых средств в соответствии с «правилами пола». Именно поэтому, несмотря на временной контекст, манера речи или манера одеваться ассоциируется с одним или другим полом (хотя, конечно, эти манеры могут быть не приняты какой-либо группой или индивидами). В этом смысле можно говорить о бинарной оппозиции, ассоциируемая с маскулинностью и фемининностью.

Гендер в языке, в свою очередь, отражает социальные и культурные стереотипы о ролях мужчин и женщин в обществе. Гендерные различия могут проявляться в речи через выбор слов, тон голоса, интонацию и другие элементы коммуникации. Например, женщины часто используют более эмоционально окрашенные средства языка, в то время как мужчины склонны использовать более прямолинейные и аналитические формы. Кроме того, исследования показывают, что мужчины могут употреблять более агрессивные и доминантные речевые стратегии, в то время как женщины — кооперативные и дипломатические. Одним из примеров репрезентации гендерных различий в речи является явление мужского / женского языка. Это термин, который описывает особенности речи мужчин, такие как использование более агрессивных и доминантных формулировок, употребление большего количества грубых слов и фраз, а также использование шуток и иронии в речи.

Иногда мужской язык связывают с попыткой утвердить свой статус и доминирование над другими. С другой стороны, женский язык может быть описан как более эмоциональный, мягкий и восприимчивый. Женщины часто используют больше модальных частиц, вопросительных интонаций и других элементов речи, которые выражают их уважение и интерес к собеседнику. Однако использование таких характеристик может также привести к стереотипному представлению о женщинах как о слабых и непринципиальных. Также существуют различия в использовании конкретных слов и выражений в зависимости от пола говорящего. Например, в некоторых исследованиях было выявлено, что женщины чаще используют слова, связанные с эмоциями и социальными отношениями, таких лексико-семантических групп, как как чувство, друг и семья, в то время как мужчины чаще используют слова, связанные с властью и доминированием, таких групп, как власть, достижение и соперничество. Эти различия в использовании языка могут отражать социальные и культурные стереотипы о ролях мужчин и женщин в обществе.

Одним из интересных примеров репрезентации гендерных различий в языке и речи является феномен «манспрейнинга» — явления, когда мужчины предполагают, что они знают больше, чем женщины, и поэтому начинают объяснять им очевидные вещи. Этот термин стал популярным в социальных сетях и СМИ в связи с протестами против гендерного насилия и дискриминации [Мартин 2011; 420]. В речи могут использоваться гендерно-нейтральные выражения, которые не относятся к мужскому или женскому полу и могут быть полезны для предотвращения дискриминации на основе пола. Но некоторые гендерно-нейтральные лексические единицы — слова человек, люди или родитель могут использоваться для номинации традиционной гендерно-маркированной лексики, например: родитель 1 — этот термин может обозначать и отца, и мать, это снижает негативный потенциал гендерного неравенства, но лишает слово указания на то, отец это или мать.

Русский язык лексически выражает идею пола как в отдельных словах, так и в пословицах, которые часто маркируют различие между полом в противопоставлениях. Можно отметить примеры, в которых противопоставление представлено дважды: Жена да

муж — змея да уж (жена противопоставлена мужу, змея (существительное женского рода) противопоставлена в грамматическом поле ужу (существительное мужского рода), Курица не быть петухом, а бабе мужиком уж (баба противопоставлена мужику, курица (существительное женского рода) противопоставлена в грамматическом поле петуху (существительное мужского рода), с которым образуется биологическая пара).

Пословицы китайского языка также могут строиться с противопоставлением: 男人做事总是先做后说, 女人做事总是先说后做 ‘мужчины всегда делают что-то, прежде чем сказать, женщины всегда делают что-то, прежде чем сказать’.

Также китайские пословицы частотно выражают идею гендерного неравенства, например: 养男不养女, 养女要受苦 ‘родители должны воспитывать мальчиков, а не девочек, родители воспитывающие девочек, страдают’, 男人心肠易测女人诡橘难防 ‘мысли мужчин легко угадать, но мысли женщин странны, и их трудно угадать’.

В заключении нужно подчеркнуть, что репрезентация пола и гендерных различий в языке и речи является широко обсуждаемой темой в лингвистике и социолингвистике. Актуальным является аспект, посвященный изучению языка как активного средства его конструирования и репродукции гендерных стереотипов и неравенства. Важно практиковать гендерно-нейтральную коммуникацию, которая направлена на уменьшение дискриминации на основе гендерной принадлежности, и продолжать исследования роли языка в формировании гендерной идентичности и социальных отношений в целом.

Литература

1. Йеспersen О. Язык: его природа, развитие и происхождение. — М.: Советский писатель, 1958. — 542 с.
2. Лэйкофф Р. Язык и место женщины // Язык в обществе. — 1975. — Т. 2, № 1. — С. 45–80.
3. Мартин Ж.Н., Накаяма Т.К. Межкультурная коммуникация в контекстах. — М.: Академический проект, 2011. — 752 с.
4. Спендер Д. Язык, созданный мужчинами. — М.: Наука, 1995. — 256 с.
5. Холмс Дж. Гендерные различия в речи на работе. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2013.

ЯН ЧЖИБИН

Уральский федеральный университет

ПАНДЕМИЯ КОРОНАВИРУСА В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТУР (НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ)

Статья посвящена сопоставительному анализу креативных вербальных и визуальных приемов коронавирусной социальной рекламы на русском и китайском языках. Анализ показывает динамику развития креативного начала российской социальной рекламы, национальную специфику манифестации вербальных средств рекламы Китая и России. Лингвокультуры двух стран по-разному используют визуальный код социальной рекламы.

Ключевые слова: пандемия коронавируса, социальная реклама, языковые средства выразительности, визуальный код, культура, Китай, Россия.

Благодарности: исследование выполнено при поддержке государственного комитета по стипендиям КНР (грант № 202110100033).

Пандемия COVID-19, продолжавшаяся три года, привела к взрывному росту

социальной рекламы во всех странах. Социальная реклама как форма коммуникации, использующая свой инструментарий для привлечения внимания к значимым общественным проблемам и моральным ценностям, не прошла мимо главных задач коронавирусного времени – популяризации идеи ответственного отношения к здоровью и безопасности человека, формирования новых поведенческих норм в условиях распространения опасной болезни. Цель доклада – показать общие и национально-ориентированные черты креативности коронавирусного рекламного текста в России и Китае.

Известно, что рекламный текст имеет поликодовый характер, представляя собой лингвосемиотический гибрид, состоящий из вербальных средств и визуального образа.

На начальной стадии пандемии в первой половине 2020 г. для российской социальной рекламы была характерна нулевая креативность. Для рекламных текстов этого периода были типичны простые гигиенические предписания, не отягощенные визуальным рядом: *Носите маску; Мойте руки с мылом; Оставайтесь дома; Держите дистанцию; Не трогайте лицо грязными руками*, оформленные с помощью прямых форм побудительных конструкций – глаголами повелительного наклонения с восклицательной интонацией. Большинство рекламных текстов в России характеризовалось слабой креолизацией, которая составляла 70% социальной рекламы [Соколова, Жучкова 2021; 61].

Для социальной рекламы Китая типичной является опора на образное восприятие адресатом подаваемой информации, обусловленное ментальными чертами китайского мировидения. Китайская реклама, посвященная коронавирусу, сразу начала оперировать целостными образами предметов и явлений. Она содержала сильно креолизованные тексты. Визуальный компонент рекламы в Китае опирается на элементы национальной традиционной культуры: мифологические образы, репрезентативные символы города Уханя, китайское вертикальное письмо. Часто фоновая рамка плакатов оформлялась в виде цзяньчжи – вырезанного из папиросной бумаги рисунка. Кроме того, в рекламе мог использоваться круг с делением на символы Инь (темный) и Ян (светлый), который типичен для боевых искусств, особенно в *Тайцзицюань*. Исследования показывают, что в Китае *цигун* (Цигун) и *Тайцзицюань* предлагаются для профилактики и лечения COVID-19, а также для восстановления организма после болезни. На протяжении многих лет миллионы людей практикуют эти комплексы, главной задачей которых является возвращение *ци* (истинного ци), что в терминах западной медицины соответствует понятию иммунитета [Комиссаров 2022; 155].

При этом в вербальной части китайской рекламы побуждение к действию выражается с помощью разных лексических средств: побудительных глаголов (например, 请: просить): *请保持一米距离!* (**Прошу** соблюдать дистанцию в один метр!); отрицательных частиц (不, 不要: не): *口罩不愿意戴, 病毒把你爱* (**Не** хочешь носить маску, и вирус полюбит тебя); фразовых конечных частиц (吧, 啊 и 啦): *快快行动起来吧!* (**Давай** побыстрее начинать действовать!), которые по смыслу равны формам повелительного наклонения русских глаголов [Ян Чжибин 2023; 88].

Интересен визуальный ряд китайской социальной рекламы, использующий образ летучей мыши: вместо привычного всему миру «портрета» коронавируса в виде сферы с отростками, похожими на корону, в Китае вирус изображен как стая летучих мышей, поскольку распространенной версией возникновения новой болезни являлась информация о том, что источником нового вирусного заболевания стали летучие мыши, употребляемые в пищу в южных регионах Китая. На плакатах летучая мышь уподоблялась медицинской маске или пораженным вирусом легким человека, тень от летучей мыши представлялась в виде черепа человека и др.

При дальнейшем развитии креативного начала российской социальной рекламы приемы речевого воздействия усложняются: от простых императивных призывов реклама перешла к использованию прецедентных имен и к текстам классической литературы, шло тиражирование приема надевания маски на известных лиц и литературных героев.

Например, в наружной рекламе г. Ставрополя появилась в трансформированном виде прецедентная фраза Родиона Раскольникова из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: *Тварь ли я дрожащая или антитела имею*. В России популярным приемом становится использование формы советского плаката, при этом при сохранении визуального образа слоган менялся на актуальную для пандемии тему.

Для китайской рекламы типичны приемы «языковой игры, связанной с омонимией и трансформацией фразеологизмов» [Вепова, Ян Чжибин 2023; 114]. Например, языковая игра в Китае представляет собой игру омонимов на основе двух китайских иероглифов с одинаковым произношением, но разным написанием и значением (*战役 zhànyì: битва* → *战役 zhànyì: бороться с эпидемией*).

Фразеологизмы являются важным средством выразительности китайского социального плаката о коронавирусе. В рекламных текстах, пропагандирующих идею единения перед лицом новой угрозы, используются фразеологизмы, которые получают переносное употребление в тексте. Так, фразеологизм *同舟共济* означает *плыть в одной лодке*. В коронавирусном дискурсе он получает переносное значение: *сплотиться перед опасностью, сообща преодолевать несчастье, считать беду общей*. В социальном плакате вербальную метафору усиливает визуальный ряд: в рекламе изображена лодка в бушующем море под парусом в виде медицинской маски. Таким образом, вербальные и визуальные средства комплексно передают смысл: теперь мы все в одной лодке и должны вместе преодолевать трудности [Ян Чжибин 2023; 66–71].

Перед лицом эпидемиологической опасности особенно ярко в китайской рекламе активизируется метафора войны, строится концептуальное представление «профилактика и контроль за эпидемией — это война»: *这场战役我们唯一的敌人是新型冠状病毒 (Наш единственный враг в этой битве – коронавирус нового типа); 口罩—防护之盾 (Маска — защитный щит); 军民合力, 打赢战役 (Армия и народ объединяют усилия, побеждая в битве); 坚决打赢肺炎疫情防控阻击战 (Решительно победим в бою и задержим противника путем профилактики и контроля за эпидемией)*.

В пандемийный период развилось еще одно направление социальной рекламы о коронавирусе как в Китае, так и в России – это использование шоковой рекламы с яркой эмоционально-воздействующей функцией. От просветительской пропаганды стандартных правил гигиенического поведения в период пандемии реклама перешла к агрессивным слоганам, включающим в структуру высказывания лексему *смерть*. В 2021–22 гг. мы встречаем в наружной российской рекламе, призывающей к вакцинации, тексты следующего содержания: *Сколько должно умереть, чтобы ты привился? Вакцинируйтесь!* (наружная реклама в Ставропольском крае); *Смерть от ковида не лечится. Вакцинируйтесь!* (наружная реклама в Москве)

«В массмедиа широко обсуждался проект шоковой антиковидной рекламы г. Благовещенска, выпущенной в октябре 2020 г., в создание которой заложена модель движения адресата к негативно оцениваемому образу будущего. ...Смерть получает свои локусные визуальные характеристики» [Вепова 2022; 47–48]. Например, в нижней части рекламы *Не нравится носить маску? Твоим близким понравится кутья* расположена шокирующая фотография поминальной еды.

Шоковая реклама присутствует и в Китае: *今年上门, 明年上坟 (В этом году ходишь в гости – в будущем году посетят твое кладбище); 今天沾一口野味, 明天去地府相会 (Сегодня есть по одному кусочку мяса диких животных – завтра встретимся в подземном мире)*. Китайская реклама опирается на лексемы *кладбище, подземный мир* и др., входящие в одно тематическое поле смерти.

Итак, во время пандемии социальная реклама обеих стран сыграла большую роль в привитии новых поведенческих привычек, воспитании гигиенической сознательности, в укреплении идеи единства нации перед лицом общей опасности. Для этих задач была использована совокупность вербальных и визуальных средств, которые в пространстве

социального плаката тесно взаимодействовали, поддерживая и усиливая друг друга. Вербальный код представлен широким спектром тематической лексики, национально-специфическими грамматическими и синтаксическими языковыми единицами, приемами речевой выразительности, отражающими креативные возможности каждого языка. При всей общности ценностных установок социальной рекламы китайская и русская лингвокультуры по-разному отозвались на актуальные проблемы современности.

Литература

1. *Вепрева И. Т.* Национальная специфика социальной рекламы о коронавирусе в России и Китае // *Quaestio Rossica*. – 2022. – Т. 10. – № 1. – С. 35–52.
2. *Вепрева И. Т., Ян Чжибин.* Аксиосфера социального рекламного плаката о коронавирусе в России и Китае // *Научный диалог*. – 2023. – Т. 12, – № 2. – С. 102–123.
3. *Комиссаров С. А.* Конфуций против ковида (некоторые аспекты китайского опыта борьбы с пандемией) // *Идеи и идеалы*. – 2022. – Т. 14, – № 1-1. – С. 149–162.
4. *Соколова А. Ю., Жучкова Л. Д.* Социальная реклама COVID-19: лингвистические аспекты // *Тверской медицинский журнал*. – 2021. – № 1. – С. 57–64.
6. *Ян Чжибин.* Особенности использования фразеологизмов в китайской социальной рекламе о коронавирусе // *Молодые голоса : Сборник трудов молодых ученых / Под редакцией И. В. Шалиной. Выпуск 11.* – Екатеринбург : Издательский Дом «Ажур», 2023. – С. 66–71.
7. *Ян Чжибин.* Языковые средства выражения побуждения в русской и китайской социальной рекламе о коронавирусе // *Русский язык и лингвокультура в сопоставительном аспекте: тезисы докладов.* – Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2023. – С. 87–89.

НАШИ АВТОРЫ

АБДУАЗИЗОВА Дурдона Абдузухуровна - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры узбекского и иностранных языков, Таможенный институт Таможенного комитета Республики Узбекистан. *E-mail: jemchujina1970@mail.ru*

АВДЕЕВА Альбина Евгеньевна – магистр, Оренбургский государственный университет. *E-mail: dmitrieva1977@yandex.ru*

АГАФОНОВА Кристина Андреевна – кандидат педагогических наук, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы. *E-mail: agafonovake@yandex.ru*

АЛЕКСЮК Юлия Владимировна, студент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва, Россия). *E-mail: julia.aleksuk@yandex.ru*

АЛИСТРАТОВА Флюра Илгизовна - кандидат биологических наук, руководитель подготовительного отделения для иностранных граждан, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет. *E-mail: alistraatova@yandex.ru*

АЯРИ Эмна, магистр, Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы. *E-mail: Ayariemna653@gmail.com*

БАХМАН Болук Нахджири - аспирант, Тегеранский университет. *E-mail: bbolouk@gmail.com*

БЕДАНОКОВА Зулейхан Кимовна - зав. кафедрой русского языка, доктор филологических наук, доцент, Адыгейский государственный университет. *E-mail: bedan23@mail.ru*

БЕЗРУКОВА Ксения Сергеевна - аспирант, ассистент кафедры русского языка №5 Института русского языка, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. *E-mail: ksenya.bezrukova.97@mail.ru*

БЕКАСОВА Елена Николаевна - профессор кафедры русского языка и МПРЯ, доктор филологических наук, доцент, Оренбургский государственный педагогический университет. *E-mail: bekasova@mail.ru*

БЕКЕЗИНА Татьяна Анатольевна - старший методист, преподаватель РКИ ООО Центр «Златоуст». *E-mail: tatiana0312@yandex.ru*

БЕРЗЕГОВА Людмила Юрьевна - декан ФПО ВМШ, зав. кафедрой языковой коммуникации, кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный медико-стоматологический университет им. А. И. Евдокимова. *E-mail: berzegova56@mail.ru*

БЕХ Екатерина Федоровна - кандидат филологических наук, доцент, Белгородский государственный научный исследовательский университет. *E-mail: bekh@bsu.edu.ru*

БИРЮКОВА Екатерина Артемовна - педагог дополнительного образования, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. *E-mail: biryukova_ea@pfur.ru*

БОГАЧАНОВА Татьяна Дмитриевна - кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет. *E-mail: tdbogachanova@mail.ru*

БОГУСЛАВСКАЯ Вера Васильевна - доктор филологических наук доцент, профессор Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, кафедра русской словесности и межкультурной коммуникации. *E-mail: boguslavskaya@gmail.com*

БОЖЕНКОВА Наталья Александровна - доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина. *E-mail: natalyach@mail.ru*

БОРЧЕНКО Виктория Сергеевна - старший преподаватель, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. *E-mail: tdbogachanova@mail.ru*

БРАЖНИК Лена Мирзаяновна - кандидат филологических наук доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного и межкультурной коммуникации, Набережночелнинский государственный педагогический университет. *E-mail: l-brazhnik@bk.ru*

БУДМАН Юлия Дмитриевна - доцент кафедры филологии и лингвокультурологии, кандидат филологических наук, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина. *E-mail: budman-yud@rguk.ru*

БУДНИК Екатерина Александровна - кандидат педагогических наук, доцент кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций- Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. *E-mail: budnik-ea@ranepa.ru*

БУРДИНА Александра Сергеевна - аспирант, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. *E-mail: sashaburdina@mail.ru*

БУРЦЕВА Ирина Юрьевна - старший преподаватель, кафедра русского языка (как иностранного) Института международного образования РТУ МИРЭА. *E-mail: burceva@mirea.ru*

ВАЙРАХ Юлия Викторовна - зав. кафедрой рекламы и журналистики, кандидат филологических наук, доцент, Иркутский национальный исследовательский технический университет. *E-mail: vayrakh@yandex.ru*

ВАН Жань - аспирант, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. *E-mail: wranran@yandex.com*

ВАН Пэнфэй - аспирант, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. *E-mail: 523876190@qq.com*

ВАН Ши – аспирант, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. *E-mail: shiw461@gmail.com*

ВЕПРЕВА Ирина Трофимовна - доктор филологических наук, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. *E-mail: Irina_vepreva@mail.ru*

ВЕРЕТЕННИКОВА Анна Евгеньевна - кандидат педагогических наук, доцент, Омская академия МВД России. *E-mail: newannver@gmail.com*

ВИНОГРАДОВА Екатерина Вадимовна – соискатель, Тюменский государственный университет. *E-mail: vinogradova.katrin@gmail.com*

ВЛАДИМИРОВА Татьяна Евгеньевна - старший педагог ДО, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. *E-mail: yusvlad@rambler.ru*

ВОРКАЧЕВ Сергей Григорьевич - доктор филологических наук, профессор, Кубанский государственный технологический университет. *E-mail: vorkachevsergei@yandex.ru*

ВОРОБЬЕВ Владимир Васильевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и лингвокультурологии института русского языка Российского университета дружбы народов имени П. Лумумбы. *E-mail: vorobyev-vv@rudn.ru*

ВЫХОДЦЕВА Ирина Сергеевна – кандидат филологических наук,, доцент, Вавиловский университет. *E-mail: amoskvin81@mail.ru*

ГАБДРЕЕВА Наталия Викторовна - доктор филологических наук, профессор, Казанский федеральный университет. *E-mail: n.gabdreeva@mail.ru*

ГАБДУЛЛИНА Аккош Раффасовна - ассистент кафедры лингводидактики и переводоведения, ФГБОУ ВО "Уфимский университет науки и технологий". *E-mail: Ackosch@yandex.ru*

ГАЛЕЕВ Тимур Ильдарович - доцент, кандидат филологических наук, Казанский федеральный (Приволжский) университет. *E-mail: tigaleev@kpfu.ru*

ГАТИНА Альмира Эмуровна - кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка гуманитарного факультета Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина. *E-mail: rlk@krsu.edu.kg*

ГЛАДКОВА Наталья Николаевна - старший преподаватель, Военная академия войсковой противоздушной обороны Вооруженных Сил Российской Федерации имени Маршала Советского Союза А.М. Василевского. *E-mail: Gladoldboy@yandex.ru*

ГОЛУБЬ Алёна Руслановна - директор департамента научной деятельности, кандидат филологических наук, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. *E-mail: degtyarjova@yandex.ru*

ГОНЧАРОВА Наталия Николаевна- кандидат филологических наук, доцент, Тульский государственный университет. *E-mail: nn_goncharova@bk.ru*

ГУРЫЛЕВА Алина Владимировна – магистр, ассистент кафедры филологии, межкультурной коммуникации и журналистики, Мурманский арктический университет. *E-mail: korenevaanast@mail.ru*

ГУСАКОВА Тамара Ивановна – преподаватель, Московский государственный медико-стоматологический университет им. Евдокимова.

ДАНИЧ Оксана Владимировна- кандидат филологических наук, доцент, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова. *E-mail: ODANICH@MAIL.RU*

ДЕНИСУЛТАНОВА Влада Денисовна- ассистент, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. *E-mail: denisultanova_vd@pfur.ru*

ДЕХНИЧ Ольга Витальевна- кандидат филологических наук, доцент, Белгородский государственный научный исследовательский университет. *E-mail: ovdekhnich@mail.ru*

ДЗЮБА Елена Вячеславовна - доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. *E-mail: elenacz@mail.ru*

ДИВИСЕНКО Ольга Владимировна – преподаватель, Военная академия связи. *E-mail: olga.tupahina@gmail.com*

ДИМИТРИЕВА Ольга Альбертовна- кандидат филологических наук, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева. *E-mail: lolgaal_79@mail.ru*

ДИН Лина - аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. *E-mail: 1042215065@pfur.ru*

ДМИТРИЕВА Наталья Михайловна – доктор филологических наук, доцент, Оренбургский государственный университет. *E-mail: dmitrieva1977@yandex.ru*

ДУАНЬ Сяоли - аспирант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. *E-mail: xiaolid1224@mail.ru*

ДУБРОВСКАЯ Елена Михайловна - кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский государственный технический университет. *E-mail: schitat.do.sta@gmail.com*

ДУШЕНКО Аксинья Андреевна – магистр, Донской государственный технический университет

ДЬЯЧЕНКО Юлия Александровна- кандидат филологических наук, доцент, Курский государственный университет. *E-mail: julytsch@yandex.ru*

ЕЛЬЦОВА Елена Николаевна - кандидат филологических наук, доцент, Высший институт языков г. Туниса, Университет Карфагена. *E-mail: elcova-elena@mail.ru*

ЕМЕЛЬЯНОВА Надежда Александровна - кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, лингводидактики и перевода, и.о. декана ФИЯ, Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева. *E-mail: espere402@gmail.com*

ЕРЕМИНА Екатерина Владимировна – советник руководителя, методист, Центр международного сотрудничества. *E-mail: gress.katya@yandex.ru*

ЕРЕМИНА Светлана Александровна - кандидат филологических наук, доцент, Уральский государственный педагогический университет. *E-mail: swegle@yandex.ru*

ЕРГАЗЫ Назерке - аспирант филологического факультета, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. *E-mail: naz_erke9898@inbox.ru*

ЖАЛМУРЗИНА Зарина – магистрант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. *E-mail: 1032229821@pfur.ru*

ЖАНДАРОВА Анна Сергеевна - педагог дополнительного образования кафедры иностранных языков инженерной академии, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. *E-mail: annazhandarova@mail.ru*

ЖУН Кунь – аспирант, Московский педагогический государственный университет. *E-mail: rkrongkun@163.co*

ЖЭНЬ Чуньянь – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет *E-mail: yanyanh3@yandex.ru*

ЗАХАРОВА Надежда Николаевна - кандидат филологических наук, доцент, Тульский государственный университет. *E-mail: Nadine1967@mail.ru*

ЗАХИДОВА Лариса Сергеевна - кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский государственный университет экономики и управления (НГУЭУ). *E-mail: lz@ngs.ru*

ЗИНОВЬЕВА Елена Иннокентьевна- доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет. *E-mail: e.i.zinovieva@spbu.ru*

ЗОТОВА Анна Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского. *E-mail: annazot@bk.ru*

ЗЮКИНА Зульфира Салиховна- кандидат педагогических наук, доцент, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. *E-mail: zyuкина_zs@pfur.ru*

ИВАНЧУК Мария Сергеевна – старший преподаватель, кандидат биологических наук, доцент, Московский государственный медико-стоматологический университет им. Евдокимова. *E-mail: mariyasi@mail.ru*

ИСАКОВА Миргул Топчубаевна- заместитель декана по учебной работе, Ошский государственный университет, Факультет мировых языков и культур. *E-mail: mika2013rose@gmail.com*

ИСХАКОВА Элина Венеровна - старший преподаватель, Уфимский университет науки и технологий. *E-mail: ishakova.eli@yandex.ru*

ИЦКОВИЧ Татьяна Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. *E-mail: taniz0702@mail.ru*

КАБУЛОВ Саулат Толыбаевич - и.о.доцента кафедры русского языка и литературы, Каракалпакский государственный университет, Узбекистан. *E-mail: saulat.kabulov.84@mail.ru*

КАЗОРИНА Анна Владимировна- кандидат филологических наук, доцент, Иркутский государственный университет. *E-mail: Anna-kazorina@mail.ru*

КАРАСИК Владимир Ильич - доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. *E-mail: vkarasik@yandex.ru*

КАРИМХОДЖАЕВ Ниетбай Шарипович - кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка и литературы, Каракалпакский государственный университет имени Бердаха. *E-mail: karimходjaev-nietbay@mail.ru*

КАШАПОВА Галия Сагитовна - аспирант, ассистент кафедры лингводидактики и переводоведения Высшей школы зарубежной филологии, лингвистики и перевода Института гуманитарных и социальных наук *E-mail: portoGALLIA@rambler.ru*

КИРОВ Евгений Флорентович - доктор филологических наук, профессор, Московский городской педагогический университет. *E-mail: evg-kirov@yandex.ru*

КИРОКОСЬЯНЦ Гаянэ Акоповна – аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, преподаватель Даллас колледж. *E-mail: paulgayane@gmail.com*

КИТАЕВА Майя Валерьевна - старший педагог ДО кафедры русского языка и лингвокультурологии, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. *E-mail: kitaeva-mv@rudn.ru*

КОЛЕСНИКОВА Людмила Николаевна - доктор филологических наук, доцент, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева. *E-mail: kolesnikova7@mail.ru*

КОЛМАГОРОВА Камила -магистрант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. *E-mail: 1032229840@pfur.ru*

КОЛЫШЕВА Ольга Николаевна -старший преподаватель, кандидат филологических наук Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. *E-mail: Kolysheva-on@rudn.ru*

КОЛЬЦОВА Людмила Михайловна - доктор наук, профессор Воронежский государственный университет. *E-mail: vorrusist@yandex.ru*

КОНИЩЕВА Любовь Сергеевна- педагог дополнительного образования, Институт русского языка, кафедра русского языка № 3. Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы. *E-mail:* konishcheva_ls@pfur.ru

КОНЧАРЕВИЧ Ксения - ординарный профессор, доктор филологических наук, филологический факультет БГУ, Белград, Сербия. *E-mail:* kkoncar@mts.rs

КОРЕНЕВА Анастасия Вячеславовна - доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры филологии, межкультурной коммуникации и журналистики, Мурманский арктический университет. *E-mail:* korenevaanast@mail.ru

КОРЗИН Андрей Сергеевич – аспирант Института русского языка, ассистент кафедры иностранных языков инженерной академии, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. *E-mail* 1142230029@rudn.ru

КОРОЛЁВА Ольга Алексеевна - аспирант, Смоленский государственный университет. *E-mail:* olgakoroleva171188@yandex.ru

КРАЙНОВА Алла Сергеевна- кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка, Военно-медицинская академия имени С.М.Кирова. *E-mail:* krajnova_alla@mail.ru

КРАСОЦКАЯ Милана Денисовна- педагог дополнительного образования, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. *E-mail:* Milana19971@yandex.ru

КРИВЕНЬКАЯ Марина Александровна - кандидат филологических наук, доцент, Московский педагогический государственный университет. *E-mail:* marina1008@mail.ru

КУЛИКОВА Екатерина Юрьевна- кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и лингвокультурологии, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. *E-mail:* kulikova-ekyu@rudn.ru

ЛЕПКОВА Алина Сергеевна- аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. *E-mail:* 1042210131@rudn.ru

ЛИ Аньци - аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». *E-mail:* a.li@hse.ru

ЛИ Сюэ - соискатель, ассистент кафедры иностранных языков инженерной академии, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. *E-mail:* li-sue@rudn.ru

ЛИ Фанхуа - аспирант, Московский педагогический государственный университет. *E-mail:* mk_1601@mail.ru

ЛОПАТИНА Светлана Сергеевна - кандидат педагогических наук, доцент, Новосибирский государственный медицинский университет. *E-mail:* sveta-05.04@mail.ru

ЛЭН Цзяжуй – аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. *E-mail:*1042957966@qq.com

ЛЮ Ин – Нанкинский педагогический университет. *E-mail:* 1760439264@qq.com

ЛЮ Сянюй – аспирант, Казанский федеральный (Приволжский) университет. *E-mail:* lxuy12345@163.com

ЛЮБЕЗНОВА Наталья Владимировна - кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранные языки и культура речи», Вавиловский университет
E-mail: lubeznovanat@mail.ru

ЛЯШЕНКО Татьяна Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии – МВА имени К.И. Скрябина. *E-mail: po-russki@list.ru*

МАЙ Любовь Игоревна – старший преподаватель, Военная академия связи. *E-mail: olga.tupahina@gmail.com*

МАКАРОВА Ирина Ивановна - доцент кафедры языковой коммуникации, Московский государственный медико-стоматологический университет им. А. И. Евдокимова. *E-mail: irma1712@yandex.ru*

МАКАШОВА Виктория Вячеславовна - старший педагог дополнительного образования кафедры русского языка и лингвокультурологии Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. *E-mail: Viktoria_m27@mail.ru*

МАККАБЕЕВА Юлия Александровна – магистр, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». *E-mail: x010203@yandex.ru*

МАКСИМЧУК Нина Алексеевна - доктор филологических наук, профессор, Смоленский государственный университет. *E-mail: nmaximchuk@yandex.ru*

МАЛЫШЕВА Владислава Сергеевна - – магистрант, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина. *E-mail: vladaaaaa@bk.ru*

МАМАЕВА Татьяна Владимировна - декан филологического факультета, доцент кафедры общего языкознания, кандидат филологических наук, доцент, КГПУ им. В.П. Астафьева. *E-mail: mamaevatv@yandex.ru*

МАМОНТОВ Александр Степанович - доктор филологических наук профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, кафедра русской словесности и межкультурной коммуникации. *E-mail: as-mamontov2@yandex.ru*

МАНДРИКОВА Галина Михайловна - заведующий кафедрой филологии факультета гуманитарного образования, доктор филологических наук, доцент, Новосибирский государственный технический университет. *E-mail: mandricova@mail.ru*

МАРКЕЛОВА Татьяна Викторовна - доктор филологических наук, профессор, первый проректор, Автономная некоммерческая организация «Институт современного искусства». *E-mail: tvmarkelova@mail.ru*

МАСЛОВА Валентина Авраамовна - доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры дошкольного и начального образования Витебского государственного университета им. П.М. Машерова, профессор кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Международного университета «МИТСО», член Президиума ВАК РБ (Республика Беларусь). *E-mail: mvavit@tut.by*

МИЛОВАНОВА Мария Станиславовна - профессор кафедры общего и русского языкознания, доктор филологических наук, доцент, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. *E-mail: MSMilovanova@pushkin.institute*

МИФТАХОВА Рамиля Габдулхаевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры лингводидактики и переводоведения ВШЗФЛ и П УУНиТ. *E-mail:* miftahovar@yandex.ru

МИХЕЕВА Светлана Львовна- доцент кафедры профессиональной психологии, социальной педагогики и начального образования, кандидат филологических наук, доцент, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева. *E-mail:* mikhsveta@rambler.ru

МИХЕЕВА Татьяна Борисовна – доктор педагогических наук, профессор кафедры «Интегративная и цифровая лингвистика» факультета «Прикладная лингвистика», Донской государственный технический университет. *E-mail:* mitata.m@yandex.ru

МОРОЗКИНА Евгения Александровна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой лингводидактики и переводоведения, ФГБОУ ВО "Уфимский университет науки и технологий". *E-mail:* morozkinaea@mail.ru

МОСКВИНА Жанна Олеговна- преподаватель, кандидат филологических наук, МИРЭА-Российский технологический университет. *E-mail:* moskvina.j@mail.ru

МОЩЕВА Светлана Васильевна - профессор, и.о. зав. кафедрой иностранных языков и лингвистики, доктор филологических наук, доцент, Ивановский государственный химико-технологический университет, кафедра иностранных языков и лингвистики. *E-mail:* moshevasv@mail.ru

НЕМЫКА Анна Анатольевна - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка как иностранного, Кубанский государственный университет. *E-mail:* annemyka@yandex.ru

НЕТЁСИНА Марина Сергеевна - доцент кафедры языковой коммуникации, кандидат педагогических наук., доцент, Московский государственный медико-стоматологический университет им. А. И. Евдокимова. *E-mail:* netesinam@mail.ru

НИЗАМУТДИНОВА Гульназ Саматовна - педагог дополнительного образования, Уфимский университет науки и технологий. *E-mail:* gul2886@yandex.ru

ОВСЕПЯН Сирануш Андраниковна- аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. *E-mail:* siran.hovsepyan.97@mail.ru

ОЗЕРОВА Елена Григорьевна - профессор кафедры русского языка и русской литературы, доктор филологических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет. *E-mail:* ozerova@bsu.edu.ru

ОКОЛЕЛОВ Никита Александрович – студент, Челябинский государственный университет. *E-mail:* okolelovnikita01@gmail.com

ОМАРОВА Жанар Булатбековна- учитель русского языка и литературы, Назарбаев интеллектуальная школа химико-биологического направления г. Кызылорды. *E-mail:* Omarova_z@kzlnis.edu.kz

ОНЯНОВА Анастасия Николаевна – заместитель руководителя Центра довузовской подготовки, Московский государственный медико-стоматологический университет им. Евдокимова.

ПАВИЛЬЧ Александр Александрович- доктор культурологии, профессор, профессор кафедры философии, Белорусский государственный экономический университет. *E-mail:* pavilch.alexander@yandex.by

ПАРАХОНЬКО Людмила Вячеславовна, кандидат филологических наук. ассистент, Бельцкий государственный университет имени Алеку Руссо (г. Бельцы, Молдова). *E-mail:* parakhonko91@mail.ru

ПЕТРУШИНА Мария Владимировна - кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций. Автономная некоммерческая организация «Институт современного искусства». *E-mail:* mpetrushina@mail.ru

ПИМЕНОВА Марина Владимировна - доктор филологических наук, профессор, МГУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского. *E-mail:* mvpimenova@yandex.ru

ПИТИНА Светлана Анатольевна - профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, доктор филологических наук, Челябинский государственный университет. *E-mail:* sap.pitina@rambler.ru

ПОКРУЧИНА Майя Юрьевна- старший преподаватель, кандидат филологических наук, Белгородский государственный университет. *E-mail:* Pokru4ina@list.ru

ПОПКОВА Елена Андреевна - преподаватель, Военно-медицинская академия им. С. М. Кирова. *E-mail:* len.femme@yandex.ru

ПОПОВ Роман Васильевич - кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературы и русского языка, Гуманитарный институт Северодвинского филиала САФУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* r.porov@narfu.ru

РАДБИЛЬ Тимур Беньюминович- доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Институт филологии и журналистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. *E-mail:* timur@radbil.ru

РАТНИКОВА Альбертина Германовна- педагог кафедры русского языка как иностранного, кандидат педагогических наук, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина *E-mail:* porijoki@nextmail.ru

РАФИКОВА Рушана Ильшатовна - аспирант кафедры английского языка и межкультурных коммуникаций УУНиТ, учитель английского языка в БРГИ №1 им. Рами Гарипова. *E-mail:* rahimova-ef@mail.ru

РАХИМОВА Эльвира Фидаиловна - кандидат филологических наук, доцент, преподаватель, Уфимский торгово-экономический колледж. *E-mail:* rahimova-ef@mail.ru

РЕДЬКИНА Ольга Юрьевна - доцент кафедры русского языка и литературы, Челябинский государственный университет. *E-mail:* blind11@ya.ru

РОДИЧЕВА Анна Анатольевна - кандидат филологических наук, доцент Российский государственный гидрометеорологический университет, г. Санкт-Петербург. *E-mail:* annarodicheva@mail.ru

РОСТОВЦЕВА Светлана Андреевна - Старший преподаватель кафедры восточных и романо-германских языков, Челябинский государственный университет. *E-mail:* rostovs79@mail.ru

РУССУ Ксения Ринатовна- кандидат филологических наук, доцент Высшей школы гуманитарных наук, Югорский государственный университет. *E-mail:* vaganova1988@mail.ru

САДЫКОВА Сымбат Зарылкановна – доктор филологических наук, начальник научно-организационной деятельности и подготовки научных кадров при Президиуме Национальной академии наук Кыргызской Республики (НАН КР), профессор кафедры немецкого языка Института иностранных языков и компьютерной лингвистики Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева, руководитель Австрийской библиотеки в Кыргызстане (Бишкек, Кыргызская республика). *E-mail:* symbat_s@mail.ru

САМИГУЛИНА Фанира Габдуллоевна- кандидат филологических наук, доцент, Южный федеральный университет, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации. *E-mail:* fanira@mail.ru

САМСИТОВА Луиза Хамзиновна- главный научный сотрудник, доктор филологических наук, доцент Институт стратегических исследований ГБНУ «Академия наук Республики Башкортостан». *E-mail:* luiza_sam@mail.ru

СЕЛЮТИН Андрей Анатольевич- заведующий кафедрой теоретического и прикладного языкознания, кандидат филологических наук, доцент, Челябинский государственный университет. *E-mail:* blind11@ya.ru

СЁМКЕ Татьяна Ивановна, руководитель Smart Russian Language School (Москва, Россия). *E-mail:* tanyasemke.rb@gmail.com

СЕРГИЕНКО Наталья Анатольевна- доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков, Сургутский государственный университет. *E-mail:* sergienko_na@surgu.ru

СЕРЕДИНА Екатерина Викторовна- кандидат филологических наук, доцент, Белгородский государственный научный исследовательский университет. *E-mail:* seredina@bsu.edu.ru

СИНЬ ЛУМИН - аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет. *E-mail:* felixchung19122@hotmail.com

СИРОТА Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры славистики, Бельцкий государственный университет имени Алеку Руссо (г. Бельцы, Молдова) *E-mail:* sirotaelena@mail.ru

СИРОТКИНА Татьяна Александровна- доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры филологического образования и журналистики, Сургутский государственный педагогический университет. *E-mail:* sirotkina71@mail.ru

СМАКОВА Алсу Ленаровна- ассистент, аспирант, Уфимский университет науки и технологий. *E-mail:* smakova-alsu1997@yandex.ru

СМИРНОВА Валерия Андреевна – аспирант, Уфимский университет науки и технологий. *E-mail:* ishakova.eli@yandex.ru

СОКОЛОВА Анастасия Петровна - аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет. *E-mail:* nastyasokoloff@gmail.com

СОКОЛОВА Людмила Алексеевна - кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы, ГБОУ “Морская школа”. *E-mail:* lightdream22@yandex.ru

СТАРОДУБЕЦ Светлана Николаевна - профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, доктор филологических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского. *E-mail:* starodubets.madam@yandex.ru

СУНЬ СЮЙНА – аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. *E-mail:* 1161799398@qq.com

СУРОВЦЕВА Екатерина Владимировна -старший научный сотрудник, кандидат филологических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет имени Феофана Затворника. *E-mail:* surovceva-ekaterina@yandex.ru

СУХОВА Алёна Владимировна - кандидат филологических наук, доцент, Ивановский государственный университет. *E-mail:* suhova-av@yandex.ru

ТАРИВЕРДИЕВА Нателла Рамизовна - School of Education, advisor, administrator, преподаватель РКИ в школе АДА, Университет АДА. *E-mail:* ntarverdiyeva@ada.edu.az

ТАСКАЕВА Анна Вячеславовна - заведующий кафедрой иностранных языков, профессор кафедры восточных и романо-германских языков, Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского. *E-mail:* taskaeva_anna@bk.ru

ТЕПЛЫХ Регина Римовна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра лингводидактики и переводоведения, Уфимский университете науки и технологий, *E-mail:* reginateplykh@yandex.ru

ТОКАРЕВ Григорий Валериевич- заведующий кафедрой, доктор филологических наук, профессор, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого. *E-mail:*grig72@mail.ru

ТУМОВ Виктор Викторович- кандидат юридических наук, доцент, Поволжская академия образования и искусств имени Святителя Алексия, митрополита Московского. *E-mail:* iurisdiction@mail.ru

УСТЮЖАНИНА Дарья Ивановна - аспирант Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. *E-mail:* t_s_belle@mail.ru

ФАМ Тхи Тует Ньонг – аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. *E-mail:* nhungptt2609@gmail.com

ФАНЬ Юаньюань - аспирант, Московский педагогический государственный университет, *E-mail:* yuanyuan1130@mail.ru

ФИЛАТОВ Михаил Александрович - старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного, Челябинский государственный университет. *E-mail:* ariston_88@mail.ru

ФЛЯНТИКОВА Елена Викторовна – старший преподаватель кафедры русского и белорусского языков, Гродненский государственный медицинский университет, Гродно, Беларусь. *E-mail: alena-flint@mail.ru*

ХАЙРУЛЛИНА Райса Ханифовна - доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы. *E-mail: rajhan@mail.ru*

ХАМИДОВА Гулнора Юлдашбаевна, старший преподаватель, Бухарский областной региональный центр обучения педагогов новым методикам (Узбекистан).

ХАРИТОНОВА Анастасия Владимировна - ассистент кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. *E-mail: ave.anastasiaa@yandex.ru*

ХЕМАТЗАДЕХ Форузан - аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет. *E-mail: hemmatzadehf@yahoo.com*

ХУДЯКОВА (МАКАРОВА) Елена Витальевна - старший преподаватель, Пензенский государственный университет. *E-mail: makelvita@yandex.ru*

ХУРАМШИНА Азалия Рафкатовна - кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы, МАОУ Школа № 51 г.Уфа. *E-mail: kafedra_bmp@mail.ru*

ЦЗЯН Юаньюань - аспирант, Московский педагогический государственный университет. *E-mail: sofya.candy2017@yandex.ru*

ЧИГИРЕВА Елена Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, Воронежский государственный университет. *E-mail: Tchigireva89@yandex.ru*

ЧЖАН Сюехань – аспирант, Нанкинский педагогический университет. *E-mail: sophia_1226@126.com*

ЧЖУ Шуан - ассистент, Уфимский университет науки и технологий. *E-mail: tchzhushuang@yandex.ru*

ШАБАЛИНА Вера Яковлевна - научный сотрудник, редактор, аспирант, Вятский государственный университет, Институт развития образования Республики Татарстан. *E-mail: sh_ver@mail.ru*

ШАЛИНА Ирина Владимировна - доктор филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. *E-mail: irina_shalina@mail.ru*

ШВЕЦОВА Ольга Анатольевна- кандидат филологических наук, Воронежский государственный университет. *E-mail: see76@mail.ru*

ШЕРСТОБИТОВА Ирина Анатольевна - заведующий кафедрой филологического образования, кандидат педагогических наук, доцент, Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования. *E-mail: Irina-sherstobitova@yandex.ru*

ШЛЯХОВ Владимир Иванович - доктор педагогических наук, профессор. Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы. *E-mail: shlyakhovv@mail.ru*

ЭРНИСОВА Айгерим Эрнисовна - кандидат филологических наук, зав. центром русского языка Института русского языка Кыргызско-Российского Славянского университета (ИРЯ КРСУ) им. А.О. Орусбаева. *E-mail:* aigerim_ernisova@mail.ru

ЯН Сюе – аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. *E-mail:* yangxue19960826@gmail.com

ЯН Чжибин – аспирант, Уральский федеральный университет. *E-mail:* yangzhibing@mail.ru

Научное издание

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Издание подготовлено в авторской редакции

Технический редактор *Н.А. Ясько*
Дизайн обложки *М.В. Рогова*

Подписано в печать 18.03.2024 г. Формат 60×84/8. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 59,29. Тираж 100 экз. Заказ 424.

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3.
Тел.: 8 (495) 955-08-74. E-mail: publishing@rudn.ru